

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

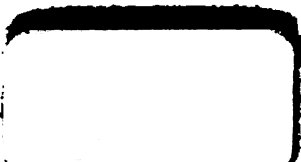
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

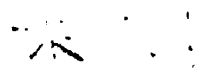

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 07855747 1

СОВРЕМЕНИКЪ

7/140

СОВРЕМЕНИКЪ

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ■ (СЪ 1859 ГОДА) ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА

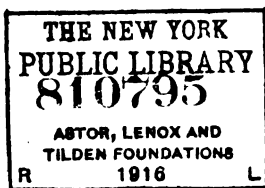
В. ПЛАВОВЪ ■ П. НЕКРАСОВЪ

— 91 —
ТОМЪ LXXXI
— —

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ ВАРЛА ВУЛЬФА

—
1862.
—

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ , чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, января 2 дня 1862 года.

Ценсоръ : *Ф. Еленевъ.*

КОЗЬМА ЗАХАРЬИЧЪ МИНИНЪ, СУХОРУКЪ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

(1611—1612).

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ, СЪ ЭПИЛОГОМЪ, ВЪ СТИХАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

А. Н. ОСТРОВСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

=

1862.

«Современникъ» 1862 г., № 1.

КОЗЬМА ЗАХАРЬИЧЪ МИНИНЪ, СУХОРУКЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

(25 АВГУСТА 1611 ГОДА).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

КОЗЬМА ЗАХАРЬИЧЪ МИНИНЪ, СУХОРУКЪ. Земскій староста Нижняго посада.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ БИРДИНЪ. Стряпчій, присланный въ Нижній Ляпуновымъ для совѣту.

ВАСИЛІЙ СЕМЕНОВЪ. Дьякъ, старый человекъ.

АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ПОСПѢЛОВЪ. Боярскій сынъ.

ПЕТРЪ АКСЕНОВЪ. Старикъ, богатый торговый человекъ.

БАИМЪ КОЛЗАКОВЪ. Стрѣлецкій сотникъ.

РОМАНЪ ПАХОМОВЪ. Боярскій сынъ, }

РОДИОНЪ МОСЪВЪ, Посадскій, } гонимы изъ Москвы.

ВАСИЛІЙ ЛЫТКИНЪ (лѣтъ 80) }

ПАВЕЛЪ ТЕМКИНЪ (лѣтъ 38) } Торговые люди.

СЕМЕНЪ ГУБАНИНЪ (около 20) }

ГРИША. Юродивый мальчикъ.

ПАВЛИКЪ (писчикъ) писарь Биркина.

МАРФА БОРИСОВНА. Богатая вдова.

Всякіе люди нижегородскіе обоего пола.

(Часть Нижняго посада, близъ Кремля: направо и налево деревянныя лавки, на заднемъ планѣ деревянный Гостинный дворъ, за нимъ видна гора и стѣны Кремля; налево въ заднемъ углу, на пригоркѣ, башня и ворота въ Кремль. Направо продолженіе Нижняго посада. Вдоль лавокъ деревянныя мостки съ навѣсомъ для пѣшеходовъ, у растворовъ скамьи и раздвижныя стулья).

АКТИВЪ I.

Въ Гостиномъ дворѣ торговцы въ лавкахъ и у лавокъ; проходитъ народъ, нѣкоторые останавливаются и покупаютъ разныя вещи. Слышны голоса: «здѣсь рукавицы, шапки, кушаки! Гляди зипунъ! Изъ рѣшмы съ оторочкой.» Петръ Аксеновъ сидитъ на скамьѣ у своей лавки (крайней справа). Василій Лыткинъ входитъ, отпираетъ крайнюю лавку съ противоположной стороны; заставляетъ ее скамьей и подходитъ къ Аксенову.

АКСЕНОВЪ.

Здорово-ль, кумъ?

ЛЫТКИНЪ.

Здорово, Петръ Аксенычъ.

Тебя какъ милуетъ Господь?

АКСЕНОВЪ.

Спасибо!

Живемъ-таки. Что Господа гнѣвить!

Откуда, Вася?

ЛЫТКИНЪ.

Съ низу, изъ Казани;

Да позамѣшкался въ дорогѣ малость.

Домашніе здоровы-ль?

АКСЕНОВЪ.

Всѣ здоровы.

ЛЫТКИНЪ.

Не слышно ль изъ Москвы какихъ вѣстей?

АКСЕНОВЪ.

Хорошаго немного.

ЛЫТКИНЪ.

Да ужь гдѣ намъ!

Не до хорошаго теперь, Аксенычъ!

Поменьше бы худаго, такъ и ладно.

АКСЕНОВЪ.

Толкуютъ много. Можетъ что и есть.

Новѣе, только хуже ужь наврядъ ли.

ЛЫТКИНЪ.

А что?

АКСЕНОВЪ.

Да яко бы, грѣхъ нашихъ ради,

Святаго патріарха Ермогена

Съ его вселенскаго престола свергли
И въ тѣсномъ заточеніи томятъ.

(Тихо).

Толкують, что Михайло Салтыковъ
Ножемъ на патріарха замахнулся,
И проклятъ имъ отъ нынѣ и довѣка.
Собака!

ЛЫТКИНЪ.

Он! Ужли? Ахъ, грѣхъ какой!

АКСЕНОВЪ.

Какъ терпѣть Праведный Господь злодѣямъ!

ЛЫТКИНЪ.

Бѣда намъ, Петръ Аксенычъ, всѣмъ бѣда!
Вотъ до чего дожить намъ привелось!
Я вотъ боюсь, у насъ—то все ли тихо?

АКСЕНОВЪ.

Здѣсь тишь да гладь, да Божья благодать.
Какъ за стѣной живемъ за воеводой
Алябьевымъ. Дай Богъ ему здоровья!
Да и въ народѣ смуты не слышать;
Мордва да Черемиса задуршла,
Да присмирѣла.

ЛЫТКИНЪ.

Что Кузьма Захарычъ?

АКСЕНОВЪ.

Душой болѣзнуешь, скорбить. Самъ знаешь,
Не радуешь ничто. О земскомъ дѣлѣ
Печалится одинъ за всѣхъ.

ЛЫТКИНЪ.

Здоровъ ли?

АКСЕНОВЪ.

Богъ милуетъ. Кузьма Захарычъ дорогъ
Нижегородцамъ. За его здоровье
Всѣ молимся. Онъ твердо, неослабно
За вѣру православную стоитъ;
По площадямъ да по базарамъ ходитъ;
Разумными рѣчами утверждаетъ
Въ народѣ крѣпость!

ЛЫТКИНЪ.

Что и говорить!

Развѣтъ!

АКСЕНОВЪ.

Диво это, братъ Василій,
 Какъ умудрилъ его Господь рѣчами!
 Насъ стариковъ къ себѣ собираетъ на домъ,
 Да и бесѣдуемъ до поздней ночи;
 Ты, какъ дуракъ, сидишь, разиня ротъ,
 Вотъ такъ тебя слеза и прошибаетъ,
 Все слушалъ бы, кажись, и не ушелъ бы.
 Вотъ какова его бесѣда!

ЛЫТКИНЪ.

Что же

Онъ говорить такое?

АКСЕНОВЪ.

Эхъ, братъ Вася,
 Зачѣмъ тебѣ чужое дѣло знать!
 Чай своего довольно!

ЛЫТКИНЪ.

Не чужіе

Ни ты, ни онъ; свои, чуть не родные.

АКСЕНОВЪ.

Свои-то мы свои, да вотъ что, другъ:
 Ужь очень это дѣло-то велико,
 А у тебя языкъ не кстати дологъ.
 А, вѣришь ли, такъ душу и мутить,
 Когда святое дѣло осрамляютъ
 Рѣчами праздными. Зѣло противно!
 Какъ если песъ какой нечистымъ рыломъ
 Нанюхаетъ на трапезѣ хлѣбъ-соль,
 Такъ все одно и это.

ЛЫТКИНЪ.

Я, Аксеновичъ,

Вотъ видитъ Богъ, ни слова!

АКСЕНОВЪ.

Не божись!

Ну, слушай: да языкъ-то за зубами
 Подерживай! Затѣи-то велики.
 А что дастъ Богъ, увидитъ. Самъ ты знаешь,
 Что вѣра гибнетъ, что дугатель-врагъ
 Насъ одождетъ, что православнымъ тѣсно,
 Что стонъ и плачъ сиротъ и горькая слеза,

Какъ дымный столбъ, на небеса восходить.
 Вотъ, глушій человекъ, мы и толкуемъ,
 Что легче смерть отъ острія меча,
 Чѣмъ видѣть, какъ ругаются святыней.
 Вотъ и толкуемъ, какъ бы ополчиться,
 Да либо помереть ужъ, либо Русь
 Отъ иноземцевъ и воровъ очистить,
 Отъ всякой погани.

ЛЫТКИНЪ.

Аксенычъ, страшно!

Въ раззоръ насъ разорятъ и животипки
 Пограбятъ всѣ; куда съ дѣтьми дѣваться!
 Не трогаютъ, такъ и сидѣть бы смирно.
 Куда ужъ лѣзть!

АКСЕНОВЪ.

Да ты крещенъ, аль нѣтъ?

Аль животы тебѣ дороже вѣры?
 А братія? А слезныя писанья
 Изъ-подъ Москвы? И это ничего!
 Пусть умираютъ, намъ тепло да сыто!

ЛЫТКИНЪ.

Не обижай! Я отъ міру не прочь.
 Ужъ коли всѣ, и я.

АКСЕНОВЪ.

Смотри, Василій!

Рцы слово твердо и назадъ не пятася.

(Подходятъ Темкинъ и Губанинъ).

ДВЕНАДЦАТЫЙ ДѢЙСТВІЕ.

Тѣ же, Темкинъ и Губанинъ.

ТЕМКИНЪ (Губанину).

А, живая душа! Воротился? За барышами ѣздилъ, съ тата-
 рами торговалъ?

ГУБАНИНЪ.

Какъ ему не торговать!

ТЕМКИНЪ.

Хорошо ли съѣздилъ? Чай мошну-то туго наколотилъ?

ЛЫТКИНЪ.

Да, наколотилъ, какъ же! Ты спроси, своим-то цѣлы ли. На-
 жилъ добра! На харчи не хватало.

ГУБАНИНЪ.

И какъ это тебѣ только не стыдно людей морочить! Вѣстимо, даромъ не поѣдешь! Что мы тебя ограбимъ, что ли?

ЛЫТКИНЪ.

Не къ тому, другъ, что ограбишь. Гдѣ ограбить! А вотъ, право тебѣ, какъ передъ Истиннымъ....

ТЕМКИНЪ.

А я вотъ что скажу: доведись мнѣ, я бы тебя ограбилъ.

ЛЫТКИНЪ.

Что ты, что ты! Въ своемъ ли ты разумѣ?

ТЕМКИНЪ.

Да ужь ограбилъ бы: вѣрно говорю. За то за самое, что денегъ у тебя больше всѣхъ, а ты все сиротой притворяешься.

ЛЫТКИНЪ.

Нечего въ чужой кошнѣ считать, ты считай въ своей!

ГУБАНИНЪ (увидавъ Пospьлова, который выходитъ изъ Кремля.)

Вонъ Алексѣй Михайловичъ идетъ.

ТЕМКИНЪ.

Вотъ душа человѣкъ. Нужды нѣтъ, что изъ боярскихъ дѣтей, а много проще вашего брата будетъ.

АКТИВЪ Ш.

Тѣ же и Пospьловъ.

АКСЕНОВЪ.

! Куда гулять позволишь, Алексѣй Михайловичъ?

ПОСПЬЛОВЪ.

Пришелъ тебя провѣдать.

АКСЕНОВЪ.

Спасибо! Ты отколь?

ПОСПЬЛОВЪ.

Я изъ собора.

Вѣстей несу; да только не взыщите.

Не много радости. Романъ Пахомычъ

Да Родіонъ Мосѣичъ прибѣжали

Изъ-подъ Москвы, отписки привезли.

АКСЕНОВЪ.

Ты видѣлъ ихъ?

ПОСПЬЛОВЪ.

Нѣтъ, не видалъ; Кузьма

Захарьичъ сказывалъ. Къ нему и стали.
Сряжаются на воеводскій дворъ
Нестъ грамоту отъ патріарха.

АКСЕНОВЪ.

Чудо

Великое творится. Божьи люди
Между враговъ безтрепетно проходятъ
Къ святому патріарху и разносятъ
По всей землѣ его благословенья
И грамоты.

Ну, Алексѣй Михайлычъ,

Ужъ худо ль, хорошо ли, — не томи,
Разсказывай, какія слышалъ вѣсти.

ПОСПѢЛОВЪ.

Прокопъ Петровичъ Ляпуновъ убитъ
Казаками.

АКСЕНОВЪ.

Да что же за напасти

Такія!

ГУБАНИНЪ.

Вотъ бѣда-то, вотъ поруха
Для дѣла земскаго!

АКСЕНОВЪ.

Кабы не ты
Разсказывалъ, ми въ жизнь бы не повѣрилъ.

ЛЫТКИНЪ.

Теперь такое время, Петръ Аксенычъ, —
Хорошему не вѣрь, а что дурное
Услышишь, это, братъ, ужъ вѣрно правда.

ТЕМКИНЪ.

Такъ подошло, хоть не живи на свѣтѣ!

АКСЕНОВЪ.

Бѣдамъ конца не видно. Знать Господь
Намъ прегрѣшеній нашихъ не отпуститъ
И до конца насъ хочетъ погубить.

ПОСПѢЛОВЪ.

Да, Петръ Аксенычъ, времена плохія!
Москва разорена, въ народѣ шатость
Да рознь, за что стоять не знаютъ;
Цалуютъ крестъ невѣдомо кому!

АКСЕНОВЪ.

Еретикамъ, латинцамъ, да ворамаъ, —
Кому лопало.

ПОСПЪЛОВЪ.

Новгородъ великій

Изъ Швеціи царевича зоветъ;

А сынъ Жигмонтовъ, Владиславъ царевичъ,

Въ Москву идетъ; во Псковѣ новый воръ,

Такой, что и сказать-то не пригоже;

Маринкинъ сынъ, Ивашко, тоже царь.

АКСЕНОВЪ.

А что же рать, что подъ Москвою въ сборѣ?

Что воеводы?

ПОСПЪЛОВЪ.

Розно разошлись —

Которые домой, другіе грабить.

Что воры не успѣли, то они

У православныхъ христіанъ растащатъ.

АКСЕНОВЪ.

Ужели жь совсѣмъ оставили Москву?

ПОСПЪЛОВЪ.

Остались подъ Москвой два воеводы:

Князь Трубецкой, да атаманъ Заруцкій.

АКСЕНОВЪ.

А что жь они?

ПОСПЪЛОВЪ.

Они-то? Цаловали

Псковскому вѣдомому вору крестъ.

Всѣ пошатнулись.

АКСЕНОВЪ.

Наше мѣсто свято!

(Вбѣгаетъ Юродивый)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Юродивый.

АКСЕНОВЪ.

Откуда, Гриша?

ЮРОДИВЫЙ.

Ась?

АКСЕНОВЪ.

Откуда моль?

ЮРОДИВЫЙ.

Въ монастырѣ обѣденку стоялъ,
И панихиду пѣли, поминали....

АКСЕНОВЪ.

Кого?

ЮРОДИВЫЙ.

Раба Прокофья.

АКСЕНОВЪ.

Упокой,

Господь, въ святыхъ твоихъ селеньяхъ душу
Раба Прокофья!

ВСЪ.

Упокой, Господь!

ЮРОДИВЫЙ.

Онъ, говорятъ, былъ добрый. Я поплакалъ
И помянулъ. Подайте на дорогу!

ПОСПѢЛОВЪ.

Прими!

(Подаетъ и уходитъ въ лавку съ Аксеновымъ)

ЛЫТКИНЪ.

Аль ты куда собрался, Гриша?

ЮРОДИВЫЙ.

Далеко. Длинная дорога; встанетъ —
Такъ до неба достанетъ. Все песками
Съсучими, да темными лѣсами
Дремучими.

ЛЫТКИНЪ.

Куда жъ дорога, Гриша?

ЮРОДИВЫЙ.

Къ честнымъ обителямъ.

ЛЫТКИНЪ.

Одинъ пойдемъ?

ЮРОДИВЫЙ.

Нѣтъ, много, много.

ЛЫТКИНЪ.

Что онъ говоритъ?

Сулить дорогу, а куда? Известно,
Одна дорога; значитъ, всё помремъ;
И, надо полагать, что это вскорѣ.

ГУБАНИНЪ.

Нѣтъ, надо быть, что о другой дорогѣ
Онъ говоритъ.

ТЕМНИНЪ.

Его не разберешь;

Убогой онъ у насъ и малоумный.

ЮРОДИВЫЙ (со слезами).

Нѣтъ, вотъ что: храмы тамъ безъ богомольцевъ,
Безъ пѣнія. Подайте на дорогу!(Бѣжитъ по сценѣ. Всѣ расходятся по лавкамъ. Вхо-
дятъ Биркинъ и Семеновъ).

ДВАНІЕ V.

СЕМЕНОВЪ и БИРКИНЪ.

СЕМЕНОВЪ.

Ну, вотъ, Иванъ Ивановичъ, твоего
Отца и благодѣтеля не стало.
Всѣмъ горе, а тебѣ, чай, вдвое.

БИРКИНЪ.

Что жь!

Всѣ подъ Богомъ. Слезами не поможешь!
Всѣхъ мертвыхъ не оплачешь!

СЕМЕНОВЪ.

Это такъ;

А все-таки тебѣ онъ благодѣтель,
Понеже въ люди вывелъ, далъ дорогу.

БИРКИНЪ.

Самъ виноватъ, гордыня обуяла,
Да и къ тому жь съ казаками не ладилъ.

СЕМЕНОВЪ.

И по писанію, блаженъ тотъ мужъ,
Кто къ несчастивымъ на совѣтъ не ходитъ;
Съ ворами какъ же ладить! Не бери
Грѣха на совѣсть! Лихомъ поминать
Не слѣдъ тебѣ такого воеводу.
Его жь убили, онъ же виноватъ!
Не говори! Грѣшишь, Иванъ Ивановичъ!

БИРКИНЪ.

Кого жь винить? Бояръ?

СЕМЕНОВЪ (со вздохомъ).

И не бояръ.

Намъ осуждать бояръ не подобаетъ, —

Мы молоды съ тобой и худородны.
 А виноватъ во всемъ злохитрый врагъ,
 Злокозненный діаволъ, ненавистникъ
 Спасенья нашего. Онъ искони
 Враждуетъ, искони злоумышляетъ
 Расхитить божье стадо и украсть
 И погубить въ конецъ. Его-то дѣйствомъ
 Междоусобіе и рознь межъ нами,
 Вражда и ложь и дьявольская прелесть.
 И въ прелести смятесе вся земля.

БИРКИНЪ (оглядываясь).

А въ Нижнемъ шатости не замѣчаешь?

СЕМЕНОВЪ.

Нѣтъ, Богъ хранить пока.

БИРКИНЪ.

А знаешь что?

Вѣдь Нижний ключъ всей Волги; за него бы
 Король Жигмонтъ или Владиславъ царевичъ
 Намъ дорогую цѣну заплатили,
 Кабы привести къ присягѣ. Воеводой
 Быть можно. А тебя въ Москву, въ дьяки,
 Въ любой приказъ.

СЕМЕНОВЪ.

Ты шутишь, аль смѣешься?

БИРКИНЪ.

Какъ хочешь понимаешь!

СЕМЕНОВЪ.

Какъ понимать!

Измѣнникомъ я не быть и не буду,
 И съ дьяволомъ быть въ долѣ не хочу;
 Зане отступникамъ страшна кончина!
 Идутъ въ адъ, и во святыхъ церквахъ
 Поминовенья о такихъ не будетъ,
 И приношенья неприятны Богу,
 И будетъ имъ мученье безъ конца.

БИРКИНЪ.

Я пошутилъ съ тобой.

СЕМЕНОВЪ.

Иванъ Ивановичъ,

Шути съ кѣмъ помоложе. Этихъ шутокъ
 Я не люблю, онѣ подвохомъ пакнутъ.

БИРКИНЪ.

Ну, не сердись! не любишь, такъ не стану
Шутить съ тобой; намъ ссориться не слѣдъ:
Не ладно въ Нижнемъ.

СЕМЕНОВЪ.

Полно, что пугаешь,
Иванъ Ивановичъ; какъ тебѣ не грѣхъ!

БИРКИНЪ.

И знаешь, кто у насъ заводитъ смуту?

СЕМЕНОВЪ.

Кому же заводить?

БИРКИНЪ.

Кузьма Захарьевъ.

СЕМЕНОВЪ.

Не вѣрю, быть не можетъ.

БИРКИНЪ.

Погоди,

Дай срокъ, увидишь самъ. Всегда толпою
За нимъ народъ валитъ, все шепчутъ что-то
И по ночамъ собираются къ нему.

СЕМЕНОВЪ.

Нѣтъ.

БИРКИНЪ.

Ты не спорь со мной; развѣдай лучше!

СЕМЕНОВЪ.

Да нѣтъ же, говорю.

БИРКИНЪ.

Не ошибись!

СЕМЕНОВЪ.

Не ошибусь я въ этомъ человѣкѣ.
Кузьму я знаю вдоль и поперекъ:
Онъ боекъ на языкъ, упрямъ и дерзокъ,
Въ дѣла мѣшается, за всѣхъ заступникъ;
А все таки души онъ не продастъ;
Сгрубить—сгрубить, а смуты не затѣетъ.

БИРКИНЪ.

Отъ грубости до мятежа далеко ль!

Я не люблю, кто бойко говоритъ.

СЕМЕНОВЪ.

Да у меня вѣдь горломъ не возьмешь!

Я не ему чета, молчать заставляю.

БИРКИНЪ.

На то мы власти, чтобы насъ боялись,

Мы черный людъ, какъ стадо, бережемъ,
Какъ стадо, долженъ онъ повиноваться.

СЕМЕНОВЪ.

Я при царѣ Иванѣ началъ службу,
Въ дьякахъ состарѣлся и посядѣлъ.
Ужь мы съ Кузьмой не первый годъ воюемъ;
Ты слово, а онъ десять, да зубъ за зубъ.

БИРКИНЪ.

Наскочить на меня, такъ будетъ помнить.

СЕМЕНОВЪ.

Ну, и тебя таки честить изрядно,
И за глаза все Тушинымъ корить,
А тушинцамъ у насъ почету мало;
На Волгѣ ихъ не любятъ.

БИРКИНЪ.

Не бѣда!

Насильно милъ не будешь! Ужь народецъ
У васъ на Волгѣ! Нечего сказать!
Новгородскимъ духомъ такъ и пахнетъ.
Не кстати говорливы! Вотъ ты здѣшній,
Не тушинскій; а тоже говорятъ,
Что ты берешь посулы, что съ живаго
И съ мертваго дерешь, не разбираешь.

СЕМЕНОВЪ.

Да кто же говоритъ?

БИРКИНЪ.

А все Кузьма.

СЕМЕНОВЪ.

Не вѣрь, Иванъ Ивановичъ! Все напрасно;
Посуловъ не беру. Онъ злымъ поклопомъ
Меня обноситъ. Да ты самъ ли слышалъ?

БИРКИНЪ.

Самъ слышалъ.

СЕМЕНОВЪ.

Не снесу такой обиды,

Пойду челомъ ударю воеводѣ.

БИРКИНЪ.

Я говорю тебѣ, что онъ мятежникъ;—
Съ народомъ шепчетъ, а властью ругаетъ;
Небось, безъ умыслу? Да кто жь повѣритъ!

СЕМЕНОВЪ.

Его теперь и знать я не хочу.

Ругателя. Не вымолвлю ни слова,
Хоть вѣшайте.

БИРКИНЪ.

А ты пока молчи,
Умѣй скрывать обиду; дожидайся
Поры, да времени. Онъ не уйдетъ
Отъ нашихъ рукъ, запомни это слово.
Я сторожа къ нему приставилъ, знаешь,
Павлушку; онъ хотъ зайца сослѣдить;
Волкъ травленный, отъ петли увернулся.
Онъ изъ дьячковъ изъ бѣглыхъ, былъ въ подьячихъ,
Проворовался въ чемъ-то; присудили
Его повѣсить, онъ и задалъ тягу.
Теперь веревки, какъ огня боится.

СЕМЕНОВЪ.

Да можетъ быть, и не своей виной
Въ бѣду попался?

БИРКИНЪ.

Мнѣ какое дѣло!
Хотъ висѣльникъ, да только бы служилъ.
Ну, и писать гораздъ, мнѣ-то и нужно.
Да мы еще съ тобою потолкуемъ.
Куда пойдешь отсюда?

СЕМЕНОВЪ.

На Оку,

Стерлядокъ искупить недорогихъ бы.

БИРКИНЪ.

Такъ вмѣстѣ и поидемъ! И я туда же.

(Уходятъ. Изъ Кремля выходитъ Мининъ, за нимъ
нѣсколько посадскихъ).

ЯВЛЕНИЕ VI.

Тѣ же и Мининъ.

ГОЛОСА:

Кузьма Захарычъ идетъ! Кузьма Захарычъ идетъ!

(Аксеновъ, Поспѣловъ, Лыткинъ и нѣсколько торговцевъ выходятъ изъ лавокъ).

МИНИНЪ (Лыткину).

А, милый человекъ! Какъ поживаешь?

ЛЫТНИНЪ.

Нешто!—таки живемъ; а все тоска,
Кузьма Захарьичъ. Вѣршь ли ты, руки
Отъ дѣла отъмаются, и хлѣбъ
На умъ нейдетъ.

МИНИНЪ.

Да, годы испытанья

Наслалъ Господь.

ЛЫТКИНЪ.

Все боязно, Кузьма
Захарьевичъ. Не знаю, что и дѣлать,
Да какъ и быть!

МИНИНЪ.

Надѣяться на Бога
Да денежку на чернѣй день пасти!

АКСЕНОВЪ.

Скажи намъ чтонибудь, Кузьма Захарьичъ!

МИНИНЪ.

Дурныя вѣсти изъ Москвы.

АКСЕНОВЪ.

Мы знаемъ.

МИНИНЪ.

Мнѣ Богъ гостей послалъ. Романъ Пахомычъ
Да Родіонъ Мосѣвичъ, по старинной
Любви и дружбѣ, стали у меня.
Разказами всю душу истерзали.
Въ Москвѣ не ладно; надо такъ сказать,
Что хуже не бываетъ. Владиславу
Одни послѣдствуютъ, другіе вовсе
Передались Жигмонту. Хоть и мало
Такихъ отступниковъ, да страхомъ сильны.
И тѣ, которые за Патриарха,
Стоять не ядственно, бѣды болтятся.
А на него—то наша вся надежда,
Онъ наше утверждение и столпъ,
Онъ твердый, алмазъ въ шатаньи общемъ,
Онъ Златоустъ второй, громить безстрашно
Предателей! Отъ нашей стороны
Онъ ждетъ спасенья русскому народу,
И чинъ семейный умоляетъ насъ
Стоять за вѣру крѣпко, неподвижно.
Пахомову не разъ онъ говорилъ:

«Спасенье русское придетъ отъ Волги.
 «Хорошій, говоритъ, и чистый край!
 «Снеси ты имъ мое благословенье!»
 Не обезсудьте, что сказалъ вамъ мало!
 У самого-то въ головѣ не ладно;
 Прокопъ Петровичъ изъ ума нейдетъ.
 Пойдемъ-ка потолкуемъ, Петръ Аксенычъ!

(Кланяется на всѣ стороны; всѣ расходятся по лавкамъ. Мининъ и Аксеновъ входятъ на мостки и садятся на скамью подлѣ лавки Аксенова. Поспѣловъ стоитъ у лавки. Съ Нижняго посада выходятъ Колзаковъ и трое стрѣльцовъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ, КОЛЗАКОВЪ И СТРЕЛЬЦЫ.

КОЛЗАКОВЪ и СТРЕЛЬЦЫ (поютъ).

Намъ на Волгѣ жить,
 Все ворами слыть;
 На Яикъ идти,
 Переходъ великъ;
 Подъ Казань идти,
 Грозенъ царь стоять.

КОЛЗАКОВЪ (увидя Минина).

А! Богъ тебя люби, Кузьма Захарычъ!

МИНИНЪ.

Ступай своей дорогой!

КОЛЗАКОВЪ.

Азь есмь бражникъ!

МИНИНЪ.

Я вижу.

КОЛЗАКОВЪ.

Видишь, а не осуждай!

Я старый человекъ.

МИНИНЪ.

Тебѣ же хуже!

КОЛЗАКОВЪ.

Нельзя не пить; такое время! Вотъ что!

Ты думаешь, я съ радости; я съ горя.

Разстройство! Не возьмешь ничѣмъ! А помнишь,

Какъ помоложе былъ, такъ дѣло дѣлалъ;

Царю Ивану царства покоряли.

А что теперь! Ходили съ воеводой,
И бились тоже, крови не жалѣли;
А съ чѣмъ пришли? Въ глаза—то людямъ стыдно
Глядѣть. Какой я воинъ, братецъ! Срамъ!
И что мы за люди! Прощенья просимъ!
(Отходить съ стрѣльцами на другую сторону.)

СТРѢЛЬЦЫ (поютъ).

Намъ нати ль, не нати ль
На Иртышъ на рѣку,
На Иртышъ на рѣку,
Подъ Тоболь-городокъ.

(Скрываются. Выходитъ Марѳа Борисовна, за ней двѣ женщины одѣляютъ деньгами нищихъ. Мининъ идетъ къ ней навстрѣчу.)

ВЫШЕ УН.

Тъ же и Марѳа Борисовна.

МАРѢ БОРИСОВНА.

А я тебя ищу, Кузьма Захарьичъ!
Ты у обѣдни былъ?

МИНИНЪ.

Привелъ Господь.

Пока есть силы, каждый день бываю,
Не пропускаю.

МАРѢ БОРИСОВНА.

Панихиду слушалъ?

МИНИНЪ.

Я панихиду самъ и заказалъ.

МАРѢ БОРИСОВНА.

Ужь ты прости меня! Сама не знаю,
Что говорю. Ужь кто же, какъ не ты!
Вотъ горе—то на насъ, Кузьма Захарьичъ!

(Плачетъ.)

Вѣдь я не знала.

МИНИНЪ.

Ночью вѣсть пришла.

МАРѢ БОРИСОВНА.

Какъ услыхала въ церквѣ, обмерла;
Стою, себя не помню; позабыла,
Что помянуть—то надо. Прихожу
Домой къ себѣ, сижу да разливаюсь;

Какъ будто только мнѣ и дѣла; точно
 Я не хозяйка въ домѣ. Да ужь послѣ
 Хватилась. Разогнала всѣхъ людей
 По бѣднымъ, одѣлить хотъ понемногу,
 Да звать обѣдать. Приказала стряпкамъ
 Для нищей братіи обѣдъ готовить.
 Зайди, Кузьма Захарычъ, да зови,
 Кого увидишь; вмѣстѣ помянули бѣ,
 Чѣмъ Богъ послалъ.

МИНИНЪ.

Благодарю за ласку.

А ужь не знаю, какъ тебѣ сказать!
 Есть дѣло земское: отъ патриарха
 Гонцы сегодня прибѣжали ночью;
 Такъ надо бы на воеводскій дворъ
 Идти. Чай, позовутъ.

МАРѢА БОРИСОВНА.

Такъ ты попозже!

Ужь очень скучно; хотъ поговорить бы;
 А то изныло сердце.

МИНИНЪ.

Все отъ думы,

Дѣла не радуютъ. Я и пришелъ бы,
 Да у меня у самого—то гости:
 Изъ Решмы мужичокъ, изъ Балахны,
 Да изъ Москвы. Гостей таки довольно.

МАРѢА БОРИСОВНА.

Покорно просимъ и съ гостями!

МИНИНЪ.

Ладно!

МАРѢА БОРИСОВНА.

Я очень рада буду, буду ждать.
 Пока прощай!

МИНИНЪ.

Прощенья просимъ, МарѢа

Борисовна! Благодарю за память!

(МарѢа Борисовна уходитъ. Аксеновъ и Поспѣловъ
 выходятъ къ Минину. Навликъ пробирается въ лавку
 къ Лыткину.)

ПОСПѢЛОВЪ.

Объ чемъ это, Кузьма Захарычъ, МарѢа
 Борисовна съ тобою говорила?

МИНИНЪ.

Къ себѣ звала.

ПОСПѢЛОВЪ.

Пойдешь?

МИНИНЪ.

Нельзя вѣйти.

Ее грѣшно обидѣть! Приходите
И вы!

АКСЕНОВЪ.

Святая женщина. Не много
Такихъ на бѣломъ свѣтѣ наберется.
Вся жизнь ея есть Господу хвала.
Во младости цвѣтущей овдовѣла,
И съ той поры, что день, то новый подвигъ.
Спроси сиротъ, спроси убогихъ, нищихъ,
Чьей милостью и сыты и одѣты,
Чья ласка краситъ горькіе ихъ дни!
Да еще плачетъ, что не всѣмъ доходитъ
Ея копейка.

ПОСПѢЛОВЪ.

Кто жъ ее не знаетъ!

АКСЕНОВЪ.

На вольномъ свѣтѣ много дѣтъ я маюсъ;
А, что грѣшить, не приводилось видѣтъ
Такого дива. Баба молодая,
Живетъ въ міру, безъ мужа, безъ опоры,
Безъ старшихъ; а черницѣ не уступитъ
Смирениемъ, пощеньемъ и молитвой.
И весела всегда; печальнымъ видомъ
Мірскихъ людей обидѣтъ на желаетъ.
Другой ханжа, такъ всѣмъ нарочно кажетъ
Свой тощій обликъ, я—де вотъ пощусь.
Вотъ иногда сберутся наши бабы, —
Ну, праздничное дѣло; ужъ извѣстно,
Не всѣ-то трезвы, — къ ней-то и пристануть:
«Да вышей съ нами!» — Рада бѣ, говорить,
«Да я вчера, признаться, согрѣшила:
«Съ подругой все сидѣла, да тянула
«Я медъ, такой-то сладкій показался,
«Не утерпѣла. Нынче же просите!»
Она, чтобъ не обидѣтъ ихъ, а тѣ
Смѣются съ дуру, весело имъ, виднись;

Ихъ полку прибыло. А ей до меду ль!
 Какой тутъ медь! И мяса—то не ѣсть.
 Гляди, всю ночь молилась со слезами,
 Во власяницѣ, въ теремѣ своемъ,
 Съ безсчетомъ поклонами земными.
 А утромъ весела, на пиръ идетъ.
 Онѣ смѣются, а она, голубка,
 И рада, что ее не очень хвалятъ.
 Сама не пьетъ, а любить угостить:
 Я бражничалъ у ней таки довольно.
 Ступайте, братцы! Что жь, коли зоветь,
 Уважить надо.

МИНИНЪ.

Мы пойдемъ. А ты?

АКСЕНОВЪ.

Недужится, ужь старъ. Былъ помоложе,
 Такъ по гостямъ ходилъ; теперь и дома
 Такъ только впору. Можетъ и приду,
 Коль удосужусь, да не разнедужусь.

(Уходитъ въ лавку.)

ПОСПѢЛОВЪ.

Кузьма Захарычъ! я къ тебѣ съ поклономъ, —
 Замѣсто батюшки роднаго будь!
 Мнѣ жизнь не въ жизнь: съ утра до поздней ночи
 И съ вечера до утренней зари
 Все объ одномъ я думаю—гадаю,
 Одно мнѣ сна—покою не даетъ.
 Ты наведи меня на умъ—на разумъ,
 Прямую путь—дорогу покажи!

МИНИНЪ.

О чемъ тоскуешь?

ПОСПѢЛОВЪ.

Какъ бы это молвить!

Такое дѣло, — и сказать—то стыдно,
 И утаить—то грѣхъ передъ тобой.
 Иль бѣсъ мутить, иль ужь судьба такая,
 Такой предѣлъ на долю вышелъ. Марѳа
 Борисовна все изъ ума нейдетъ.
 Повѣришь ли, все я, объ ней жалѣю.
 Мнѣ жаль ее, что сиротой живетъ,
 Одна, какъ перстъ, никто не приласкаетъ,

Печаль—заботу не съ кѣмъ подѣлить.
 Ну, кто ее, сиротку, приголубить
 И, по—родному, крѣпко обойметъ?
 Она о бѣдныхъ плачетъ, слезы прячетъ,
 А я объ ней. Гляжу, да все боюсь,
 Чтобъ на нее и вѣтеръ не повѣялъ,
 Осенній дождь не канулъ на лицо,
 Чтобъ не озябла, ногъ не замочила.

МИНИНЪ.

Такъ любятъ да жалѣютъ только женъ;
 А то грѣшно. Ты ей самой сказалъ ли?

ПОСПѢЛОВЪ.

Не разъ не два мы съ нею говорили,
 Отказомъ не обидѣла меня.
 Не общается, да и прочь не гонить.

МИНИНЪ.

Такое ль время, Алексѣй Михайлычъ!

ПОСПѢЛОВЪ.

Да что мнѣ время! Жить и умирать
 Ужъ лучше вмѣстѣ. Годы подошли,
 Кузьма Захарычъ, мнѣ нужна хозяйка.
 Ей двадцать лѣтъ, и мнѣ ужъ скоро тридцать;
 Она богата, да и я не бѣденъ;
 Мы ровни по годамъ и по всему.
 Поговори ты ей! Заставь меня
 Навѣчно Богу за тебя молиться!
 Честна вдова, а мужняя жена
 Еще честнѣй въ дому благочестивомъ.

МИНИНЪ.

Придется къ слову, я поговорю.

(Уходитъ въ лавку Алексева. Павликъ и Лыткинъ выходятъ изъ лавки; къ нимъ постепенно подходятъ изъ другихъ лавокъ и проходящіе.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Павликъ и Лыткинъ.

ПАВЛИКЪ.

Охъ дѣла, дѣла! Какъ сажа бѣла!

ЛЫТКИНЪ.

Такъ ты вѣрно знаешь, что королевичъ скоро будетъ въ Москвѣ?

ПАВЛИКЪ.

Кабы не вѣрно, я бы, другъ любезный, и не говорилъ. Намъ ли съ Иванъ Ивановичемъ не знать! Мы люди чиновные, грамотные; а вы что! Чернеть!

ЛЫТКИНЪ.

Что жь потомъ съ нами будетъ, какъ королевичъ придетъ въ Москву?

ПАВЛИКЪ.

А то и будетъ, что спросить: «Кто мнѣ слуги вѣрные?» Ему скажутъ, а онъ будетъ ихъ жаловать. «А кто, спросить, намъ супротивники?» Скажутъ на насъ, ну и пошлетъ королевичъ рать-силу великую, безъ числа, и не оставятъ камня на камнѣ.

ОДИНЪ ИЗЪ ТОЛПЫ.

Вяземскій подходилъ, да много ли взялъ!

ПАВЛИКЪ.

Что ты знаешь! Съ огненнымъ боемъ придутъ, какъ тутъ устоять!

ЛЫТКИНЪ.

Раззоръ, братцы.

ПАВЛИКЪ.

Все можетъ быть, все можетъ быть. Такъ не лучше ли намъ заблаговременно...

(Увидавъ Минина, который съ Поспѣловымъ вышелъ изъ лавки, говорить что-то шепотомъ.)

МИНИНЪ.

Постой! что за народъ? О чемъ толкуеть?

Того и жди, что смута заведется.

Изъ воровскихъ полковъ съ подсылкомъ много

Народу набѣгаетъ; не усмотришь,

Проѣзжій городъ. А, да это нашъ,

Изъ Биркинскихъ людей, Павлушко, писчикъ.

Негодный человѣчишко, за нимъ

Глядѣть, да и глядѣть! Что за охота

Держать такую дрянь, не знаю, право!

Послушаемъ-ко, что онъ тамъ толкуеть.

(Подходятъ къ толпѣ.)

ГОЛОСЪ ИЗЪ ТОЛПЫ.

Ну, что жь ты замолчалъ? — Что языкъ-то прикусилъ?

ПАВЛИКЪ.

Я живу съ краю, ничего не знаю, мое дѣло сторона.

(Убѣгаетъ.)

МИНИНЪ.

Что онъ молодъ?

ГОЛОСА ИЗЪ ТОЛПЫ.

Да много говорилъ. —

Про королевича. — Да разореньемъ
Все намъ грозить.

ЛЫТКИНЪ.

Такия страсти

Наговорилъ, не знаешь, что и дѣлать.

МИНИНЪ.

Какъ только вамъ не грѣхъ ворипекъ слушать,
Бездѣльныхъ, шлющихся! Развѣсьте уши,
Имъ на руку, они тому и рады.
Ихъ много изрыгнулъ на Русь святую
Огнедыхательный діаволь, поядатель
Душъ человѣческихъ, злохитрый эмѣй.

ГОЛОСА ИЗЪ ТОЛПЫ.

Да кто жь ему повѣрить! — Зря болгаеть! —
Учи насъ, вразумляй, Кузьма Захарьчъ!

МИНИНЪ.

Одно вы помните и зарубите,
Что мы клялись креста не цаловать
Ни Владиславу, ни кому другому
Изъ иноземцевъ, — ждать, кого на царство
Пошлетъ Господь и выберетъ земля.
Намъ государь — великій патріархъ,
Другаго нѣтъ у насъ. Что скажетъ — свято.

НАРОДЪ.

Что намъ прикажетъ, то и будемъ дѣлать.

МИНИНЪ.

Сегодня отъ него пришли гонцы.
Мы грамоту прочтемъ и вамъ объявимъ
Его приказъ и земское рѣшенье.

(Вѣгзаетъ нѣсколько человекъ.)

ОДИНЪ ИЗЪ НИХЪ.

Отписки изъ Москвы! Гонцы съ вѣстями!

ГОЛОСА ИЗЪ ЛАВОКЪ.

Куда идуть?

ОДИНЪ ИЗЪ ВНОВЬ ПРИШЕДШИХЪ.

На воеводскій дворъ.

ДРУГОЙ.

Письмо отъ патріарха Ермогена.

(Площадь наполняется. Входятъ Романъ Мохомовъ и
Родіонъ Москвитъ.)

ЯВЛЕНІЕ X.

Романъ Пахомовъ и Родіонъ Мосъевъ.

РОДИОНЪ МОСЪЕВЪ.

Честнымъ Нижегородцамъ изъ Москвы,
Отъ разоренныхъ и плѣнныхъ братій
Поклонъ мы правимъ низкій, до земли.

(Кланяется, всѣ кланяются).

РОМАНЪ ПАХОМОВЪ.

Честному духовенству, воеводамъ
И всѣмъ, и старшимъ и младшимъ людямъ
Благословеніе отъ патріарха.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

дѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

БИРКИНЪ.—СЕМЕНОВЪ.—МИНИНЪ.—АКСЕНОВЪ.—ТЕМКИНЪ.
ГУБАНИНЪ.—НАРОДЪ.

Мѣсто въ Кремль близъ воеводскаго дома.

ЯВЛЕНІЕ I.

Темкинъ и Губанинъ и нѣсколько народа стоятъ возлѣ дома. Аксеновъ выходитъ изъ дома.

ТЕМКИНЪ.

Что, Петръ Аксенычъ, объ чемъ читали?

АКСЕНОВЪ.

Великій господинъ нашъ патріархъ пишетъ, чтобы паньина Маринкина сына, Ивашку, на царство намъ отнюдь не хотѣть, и чтобы были мы въ любви и въ соединеніи и промышляли бы, какъ души свои положить за вѣру. Да и на словахъ про тоже приказывалъ Роману Пахомычу да Родіону Мосъичу.

ТЕМКИНЪ.

Что жъ вы такъ долго?

АКСЕНОВЪ.

Много разговору было. Кузьма на одномъ стоялъ, что грѣхъ

намъ, сложа руки, сидѣть; а надо, какъ ни-на-есть, промышлять на супостата.

ТЕМКИНЪ.

Что жъ воеводы?

АЕСКНОВЪ.

Не давали ему путемъ слова вымолвить. А пуще Биркинъ да Семеновъ,—оборвали, обругали. А за что? Диви бы онъ о своемъ дѣлѣ радѣлъ! Вотъ какова злоба-то въ человѣцѣхъ!

ТЕМКИНЪ.

Доведись мнѣ, я бы съ ними поговорилъ. Я бы ихъ отчиталъ; такъ бы и вцѣпился.

ГУБАНИНЪ.

Какъ имъ не грѣхъ! Какъ это они Бога-то не боятся! Ахъ страмъ какой! Какъ это у людей стыда нѣтъ въ глазахъ!

(Выходятъ изъ дому: Биркинъ Семеновъ и Мининъ.)

АКТИВЪ II.

Тѣ же, Биркинъ, Семеновъ и Мининъ.

СЕМЕНОВЪ.

Наслушались мы вдоволь разговору
Сегодня. Сытъ ли ты, Иванъ Ивановичъ?

БИРКИНЪ.

По горло сытъ. Отъ вашихъ разговоровъ
Завяли уши.

СЕМЕНОВЪ.

Ну, Кузьма Захарьевъ,

Спасибо за науку! Угостилъ
Насъ дураковъ разумными рѣчами;
Такъ и сидѣли всѣ, развѣся уши,
Да слушали.

БИРКИНЪ.

Ну, какъ его не слушать

Онъ всѣхъ умнѣй! Ишь, краснобай какой!

МИНИНЪ.

Не помню я, что говорилъ; быть можетъ,
Кого обидѣлъ словомъ. Не вините;
Не самъ я говорилъ, кровь говорила.

СЕМЕНОВЪ.

Обидѣть не обидѣлъ, грѣхъ сказать;
А наставлялъ довольно, не уложивъ
Въ большой мѣшокъ.

БИРКИНЪ.

Да кто же виновать?

Мы сами дали волю, такъ и слушай!

А онъ и радъ.

МИНИНЪ.

Да кто же запретить

Мнѣ говорить?

СЕМЕНОВЪ.

Да всякій, кто постарше.

МИНИНЪ.

За вѣру православную стою,

Не за дурное что. Молчать нельзя мнѣ.

СЕМЕНОВЪ.

Вѣдь ты еще не воевода! Скажутъ,

Чтобъ говорилъ, — такъ говори, что хочешь;

А скажутъ: замолчи! Такъ замолчишь.

МИНИНЪ.

Не замолчу. На то мнѣ данъ языкъ,

Чтобъ говорить. И говорить я буду

По улицамъ, на площади, въ избѣ,

И пробуждать, какъ колоколъ воскресный,

Уснувшія сердца. Вы подождите,

Я зазвоню не такъ. Не хочешь слушать,

Я не неволю: не любо — не слушай;

А замолчать меня заставить трудно.

Я не свои вамъ рѣчи говорилъ;

Великій господинъ нашъ, патриархъ,

Того же просить. Пусть насъ Богъ разсудитъ,

Кто правъ, кто виноватъ. Вы не хотѣли

Повѣрить мнѣ; смотрите, не пришлось бы

Вамъ каяться.

СЕМЕНОВЪ.

Тебѣ повѣрить? Ишь ты,

Чего ты захотѣлъ! Ты будь доволенъ,

Что слушали, молчать не заставляли.

БИРКИНЪ.

Да изъ избы не выгнали тебя.

Уходятъ, и за ними всѣ, исключая Минина и Аксенова.)

АДЛЕИ ПІ.

МИНИНЪ И АКСЕНОВЪ.

МИНИНЪ.

Знать, имъ не жаль ни крови христіанской,
 Ни душъ своихъ. Какая имъ корысть!
 Самимъ тепло, а братію меньшую
 Пусть врагъ сѣчетъ и рубить, да и души
 Насильнымъ крестнымъ цалованьемъ губить.
 Просилъ я ихъ со многими слезами,
 Какую ни—на—есть, придумать помощь, —
 И слышать не хотятъ. Не ихъ, вишь, дѣло.
 Такъ чье же?

АКСЕНОВЪ.

Не надѣйтесь на князи!

(Уходитъ.)

МИНИНЪ.

И въ правду. Намъ теперь одна надежда
 На Бога. Помощи откуда ждать!
 Кто на Руси за правду ополчится?
 Кто чистъ предъ Богомъ? Только чистый можетъ
 Святыхъ дѣла честно совершить.
 Народъ страдаетъ, кровь отщепеня просить,
 На небо вопиеть. А кто подыметъ,
 Кто поведетъ народъ? Онъ безъ вожда,
 Какъ стадо робкое, разсѣявъ розно.
 Вожда, печальмика о насъ, убилъ
 Измѣной адской. Гдѣ искать другаго!
 Нѣтъ помощи земной, попросимъ чуда;
 И сотворитъ Господь по нашей вѣрѣ.
 Молиться надо! Въ старину бывало,
 Что въ годы тяжкіе народныхъ бѣдствій
 Богъ воздвигалъ вождей и изъ народа.
 Не за шомъ грѣхи, а за нужіе
 Онъ переносилъ тягостную кару.
 Избитъ, ограбленъ! Нычте сыны съ семьей,
 А завтра окіяли сукою карку,
 Носаждишоръ, кто берегли ребятамъ,
 Сегодня дома, завтра въ дѣсь бѣги,

Бросай добро, лишь о душѣ заботься,
 Да изъ кустовъ подглядывай, что звѣрь,
 Какъ жгутъ и грабятъ, потомъ нажитое.
 Поймаютъ, — силой приведутъ къ присягѣ,
 Кривить душой, крестъ вору паловать.
 Да и не счесть всѣхъ дьявольскихъ насилій,
 И мукъ переносныхъ не исчислить!
 И все безропотно и терпѣливо
 Народъ несетъ, какъ будто ждетъ чего.
 Возможно ль, чтобъ попустилъ погибнуть
 Такому царству праведный Господь!
 Вонъ огоньки зажглись по берегамъ.
 Бурлаки, трудъ тяжелый забывая,
 Убогую себѣ готовятъ пищу.
 Вонъ пѣсню затянули. Нѣтъ, не радость
 Сложила эту пѣсню, а неволя,
 Неволя тяжкая и трудъ безмѣрный,
 Разгромъ войны, пожары деревень,
 Житье безъ кровли, ночи безъ ночлега.
 О, пойте! Громче пойте! Соберите
 Всѣ слезы съ матушки широкой Руси,
 Новгородскія, псковскія слезы,
 Съ Оки и съ Клязьмы, съ Дона и съ Москвы,
 Отъ Волхова и до широкой Камы.
 Пусть всѣ онѣ въ одну сольются пѣснюю,
 И рвутъ мнѣ сердце, душу жгутъ огнемъ,
 И слабый духъ на подвигъ утверждаютъ.
 О, Господи! Благослови меня!
 Я чувствую невѣдомыя силы,
 Готовъ одинъ поднять всю Русь на плечи,
 Готовъ орломъ летѣть на супостата,
 Забрать подъ крылья угнетенныхъ братій
 И грудь въ бой кровавый и послѣдній.
 Чась близокъ! Смерть владѣямъ! Трениците!
 Изъ дальняго Кремля грозитъ вамъ Мининъ.
 А если Богъ отступитъ отъ меня
 И за гордыню покаратъ захочетъ;
 Успѣха гордымъ замысламъ не дастъ,
 Чтобъ я не мнилъ, что я его избранникъ, —
 Тогда я къ вамъ приду, бурлаки-братья,

И съ вами запою по Волгѣ пѣсно,
 Печальную и длинную затянемъ.
 И зашумятъ ракишонъ кусты,
 По берегамъ песчанымъ нагибаясь;
 И позабудетъ бросить сѣтъ рыбакъ,
 И въ тихомъ плесѣ на челнѣ заплачетъ;
 И дѣвка съ ведрами на коромыслѣ,
 Идя домой извиистой тропинкой,
 Оглянется съ горы и станетъ слушать,
 И, рукавами слезы утирая,
 Широкия измочить рукава;
 Бурлаки запоютъ ее подъ лямкой
 И Балахонцы за своей работой
 Надъ новою расшивой съ топорами.
 И понесется пѣсня, и прольется
 Изъ вѣка въ вѣкъ, пока стоитъ земля.
 О, Господи! Грѣшуя я; малъ я духомъ,
 Смѣлъ усумниться въ благости твоей!
 Нѣтъ, прочь сомнѣнья! Перстъ твой вижу ясно.
 Со всѣхъ сторонъ мнѣ шепчутъ голоса:
 «Возстань за Русь, на то есть воля Божья!»

(Уходитъ.)

СЦЕНА II.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

МАРФА БОРИСОВНА.—ДОМНА, старуха.—МИНИНЪ.—АКСЕНОВЪ.—
 ПОСПѢЛОВЪ.—ИВАНЪ КУВШИННИКОВЪ, сотникъ изъ Балахны.—
 ГРИГОРІЙ ЛАШПА, крестьянинъ изъ Решмы—предводители восста-
 нія на Волгѣ.—ЮРОДИВЫЙ.—ДѢВУШКИ.

(Просторная бревенчатая свѣтлица. Въ правой стѣнѣ два маленькихъ окна; на лѣвой сторонѣ перегородка съ рѣшетчатымъ росписнымъ верхомъ; въ концѣ перегородки узенькая дверь; за дверью рѣзной и росписной столбъ, въ которомъ утверждёнъ верхній брусъ перегородки; прямо за столбомъ и до самого угла изразцовая печь; въ задней стѣнѣ выходная дверь; по задней и по правой стѣнѣ лавки; съ правой стороны, большой дубовой столъ; у перегородки небольшая приставная скамья; у задней стѣны нѣсколько пальцевъ. Лавки, полки, косяки съ рѣзьбой).

ЯЗЫКИ I.

Входят: Домна, юродивый и дѣвушки, и потомъ Марѳа Борисовна.

ДОМНА.

Ну, дѣвушки, примайтесь за работу!

(Дѣвушки садятся за пильцы).

А ты, убогонькій, у насъ ночуешь!

Что по дворамъ проситься, на ночь глядя!

Пойдешь къ заутрени, и насъ разбудишь.

(Юродивый садится къ печкѣ. Марѳа Борисовна выходитъ въ задумчивости изъ-за перегородки и садится на скамью съ лѣвой стороны. Домна садится у ногъ ея на низенькой скамейкѣ.)

А ты бы намъ сказала что нибудь.

Ишь память—то какая золотая!

А у меня такъ словно рѣшето;

Что ни услышу, тутъ же и забуду.

Ты давеча не досказала утромъ

Намъ про царевича, какъ открывали;

Вотъ, благо время, доскажи теперь!

МАРѢ БОРИСОВНА.

Да, дѣвушки, произволеньемъ Божьимъ,

И въ наше время чудо совершилось.

И говорятъ, все цѣло: ожерелье

Жемчужное, шириночка въ рукѣ

Тафляная, вся золотомъ расшита

И серебромъ, кафтанчикъ на хребтахъ

На бѣлицыихъ и сапожкѣ; все цѣло....

Да горсть орѣшковъ; какъ его убили,

Въ рукахъ держалъ орѣхи; обагрились

Орѣшки кровью; такъ и положили

Съ нимъ вмѣстѣ. Вотъ какое чудо было!

Перенесли изъ Углича въ Москву,

Тамъ и стоитъ, и многихъ исцѣляетъ.

(Молчаніе.)

ДОМНА.

Замолкли. Тихій ангелъ пролетѣлъ.

МАРѢ БОРИСОВНА.

Чѣмъ молча—то сидѣть, такъ лучше спойте

Намъ «О пустынь» стихъ душеполезный,
Любимый мой.

ДОМНА.

Благое дѣло — славить
На всякій день и часъ Господне имя,
Да и работа, говорятъ, спорится
За пѣніемъ благочестивымъ. Пойте!

ДѢВУШКИ (поютъ).

Пустыня прекрасная!
Меня многогрѣшную,
Какъ чадо свое, прими,
Любимая мать моя,
Въ пристанище тихое,
Въ безмолвныя нѣдра свои!
Чертоги высокія
И ризы богатая
Меня отъ грѣховъ не спасутъ.
Богатства и почести
Всѣ тлѣнны и суетны,
Не станутъ со мною на судъ.
Луга твои тихіе,
Цвѣты испещренные,
И красенъ и дивенъ твой садъ!
Деревья кудрявыя,
И листье зеленое
Въ пустынь безъ вѣтра шумять.
(Останавливаются. Всѣ прислушиваются).

ДОМНА.

Стучится нѣкто.

МАРФА БОРИСОВНА.

Отопри, поди!

(Дѣвушки собираютъ работу. Домна уходитъ, и скоро
возвращается).

ДОМНА.

Гостей веду. Идетъ Кузьма Захарьичъ.

МАРФА БОРИСОВНА.

Одинъ, или ведетъ когонибудь?

ДОМНА.

Какіе-то незнаемые люди.

МАРФА БОРИСОВНА.

Подите, дѣвушки!

(Дѣвушки уходятъ. Входятъ: Мининъ, Кувшинниковъ
и Ланша).

ДЪЯНІИ П.

МАРФА БОРИСОВНА, ДОМНА, МИНИНЪ, КУВШИННИКОВЪ, ЛАПША И
ЮРОДИВЫЙ.

МАРФА БОРИСОВНА.
Покорно просимъ.

(Домвѣ).

А ты поди да принеси медку!

(Домна уходитъ).

МИНИНЪ.
Съ гостями; ужь не осуди!

МАРФА БОРИСОВНА.

И, что ты!

МИНИНЪ.
Иванъ Кувшинниковъ, изъ Балахны,
Начальный челоуѣкъ; а это Гриша
Лапша, изъ Решмы, тоже воевода.
Взялъ мужичковъ, кой-чѣмъ вооружились,
Да съ Богомъ и пошли на супостата.
И Богъ помогъ, себя не осрамили.

МАРФА БОРИСОВНА.
Ну, вотъ спасибо за такихъ гостей!
Прошу садиться!

КУВШИННИКОВЪ.

Ты, Кузьма Захарычъ,

Садись впередъ.

МИНИНЪ.

Вы гости, я здѣсь свой.

КУВШИННИКОВЪ.

Лапша, садись!

ЛАПША.

Нѣтъ, мнѣ не подобаетъ.

Садись, я за тобой.

(Садятся.)

МИНИНЪ.

Ну, вотъ и ладно.

(Садятся.)

А! Да и Гриша здѣсь!

МАРФА БОРИСОВНА.

Ступай-ко въ кухню,
Да и ложись на печку; тамъ теплѣе.

КУРОДАВЫЙ.

Прощайте!

(Уходитъ.)

МИНИНЪ.

Божій человекъ. Лѣтъ съ восемь
 Тому, къ намъ въ городъ онъ еще ребенкомъ
 Пришелъ и сѣлъ на пацери церковной.
 Откуда, кто такой, — никто не знаетъ.
 Должно быть сирота бедомный. Мало
 И говорить, и только церковь любить.
 Ъсть, что дадутъ, спать, гдѣ укажутъ. Разумъ
 Не хитрый у него, а богомоленъ:
 Пристанетъ къ богомольцамъ да и бродитъ
 По всѣмъ обителямъ. Въ Москву ходилъ,
 И въ Кіевъ, и къ Ростовскимъ чудотворцамъ.
 Прослышалъ онъ про разоренье наше,
 И слабый умъ въ немъ больше помутился;
 Еще онъ тише сталъ, еще святѣе,
 И все собирается куда-то, денегъ
 Все на дорогу просить. И за мной
 Онъ слѣдомъ ходить и въ глаза мнѣ смотреть,
 Какъ будто онъ прочесть въ нихъ хочетъ что-то,
 Иль ждетъ чего. А спросишь, такъ молчить.
 Не разговорчивъ онъ; вотъ развѣ вспомнить
 Про красоту обителей святыхъ,
 Тогда разговорится и представитъ,
 Какъ въ очю, и красоту лѣсовъ,
 И горъ и рѣкъ широкихъ. Все бы слушалъ!
 И умный не расскажетъ такъ, какъ онъ.

(Домна приноситъ медъ въ жбанѣ и стопку на оловянной тарелкѣ. Марѣа Борисовна беретъ стопку. Домна наливаетъ.)

МАРѢА БОРИСОВНА (поднося Кувшинникову).

Медку пожалуйте, честные гости!

КУВШИННИКОВЪ.

У насъ такъ все съ хозяйки начинаютъ.

МАРѢА БОРИСОВНА.

Нѣтъ, батюшко, угодъ! Пьеза довольно.

КУВШИННИКОВЪ.

Неводитъ не могу, я не указникъ

Въ чужомъ дому.

(Кланяется, пьетъ, и хочетъ поставить стопку).

СОВРЕМЕННОСТЬ.

МАРФА БОРИСОВНА.

Ужь просимъ обо всей!

(Кувшинниковъ допиваетъ. Домна налиываетъ, Марфа Борисовна подноситъ Лашпѣ).

Григорій.... Какъ по отчеству не знаю....

ЛАПША.

Петровичъ былъ.

МАРФА БОРИСОВНА.

Покоривѣйше прошу!

ЛАПША.

Ужь мнѣ-то пить ли?

МИНИНЪ.

Пей!

ЛАПША.

Оно, какъ будто,

Не складно мужику-то?

МИНИНЪ.

Не осудимъ.

ЛАПША (беретъ и кланяется).

Желаю здравствовать на многи лѣта!

(Пьетъ. Домна налиываетъ).

МАРФА БОРИСОВНА (подноситъ Минину).

Кузьма Захарычъ!

МИНИНЪ (отпивъ немного, ставитъ столу).

Больше не просите!

МАРФА БОРИСОВНА.

Ну, какъ угодно.

(Входятъ Аксеновъ и Поспѣловъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Аксеновъ и Поспѣловъ.

МИНИНЪ.

Вотъ и наши идуть.

АКСЕНОВЪ.

Здорова ли ты здѣсь?

МАРФА БОРИСОВНА.

Кажись, здорова.

(Подноситъ мнѣ меду и, молча, приглашаетъ садиться).

ПОСПѢЛОВЪ (Аксенову).

Тебѣ впередъ.

АКСЕНОВЪ.

Не мѣстомъ, человѣкомъ.

(Садятся. Марѳа Борисовна подвигаетъ скамѣйку и садится. Молчаніе).

МАРѢ БОРИСОВНА.

Послужать бы теперь, Кузьма Захарьичъ,
Твоихъ рѣчей. Сладка твоя бесѣда.

МИНИНЪ.

Да рѣчь—то у меня одна все, Марѳа
Борисовна.

МАРѢ БОРИСОВНА.

Ее-то намъ и нужно.

МИНИНЪ.

Ну, такъ начнемъ! Москва разорена?

АКСЕНОВЪ.

Разорена.

МИНИНЪ.

Такъ ей и оставаться?

КУВШИННИКОВЪ.

Какъ можно!

ЛАПША.

Что ты!

МАРѢ БОРИСОВНА.

Сохрани Господь!

МИНИНЪ.

Москва намъ корень; прочимъ городамъ?

АКСЕНОВЪ.

Извѣстно, корень. Что и говорить!

МИНИНЪ.

А если кормимъ основанье крѣпко,
Тогда стоитъ и древо неподвижно;
А корени не будутъ, — прилѣпиться
Къ чему?

ЛАПША.

Ну, что ужъ!

МАРѢ БОРИСОВНА.

Господи помилуй!

МИНИНЪ.

Москва кормилица, Москва намъ мать!

КУВШИННИКОВЪ.

Кормилица и мать.

ЛАПША.

Родная мать.

МИНИНЪ.

А развѣ дѣти могутъ мать покинуть
Въ бѣдѣ и горѣ?

ПОСПѢЛОВЪ.

Мы не покидали.

Ты самъ ходилъ съ Алябьевымъ по Волгѣ
И по Окѣ, и воры васъ боялись.
Мы съ Рѣпнинымъ ходили и къ Москвѣ,
Да воротились, отъ того, что ладу
Богъ не далъ воеводамъ. Грѣхъ на нихъ!
Имъ отвѣчать, а мы не виноваты.
Мы головы свои несли и души
За вѣру православную сложить, —
Господь не принялъ.

АКСЕНОВЪ.

Не было стратиговъ.

МИНИНЪ.

Тогда Пожарскій съ Ляпуновымъ были
Вожди искусные. Спроси, о комъ
Народъ молебны пѣлъ? О Ляпуновѣ
Да о Пожарскомъ князѣ. Знать, молитвамъ
Не внялъ Господь за прегрѣшенья наши.

АКСЕНОВЪ.

Пожарскій раненъ, Ляпуновъ убитъ.

МИНИНЪ.

Осиротѣла Русь! Ни воеводы,
Печальника о насъ сиротахъ бѣдныхъ,
Ни патріарха, ни царя: Какъ стадо
Безъ пастыря; мы бродимъ, злому волку —
Губителю добыча.

ПОСПѢЛОВЪ.

Бить волковъ!

КУВИШНИКОВЪ.

Извѣстно, бить! Ужъ будетъ, потерпѣли!

ЛАВНА!

Мы теоры и косы отточили,
Которые объ нихъ же притупили.

ПОСПѢЛОВЪ:

Душа кипитъ, давно простору просить
И руки чешутся.

МАРѢА БОРИСОВНА.

За чѣмъ же дѣло

Откладывать? Благословясь, да съ Богомъ,
Не мѣшкая!

АКСЕНОВЪ.

Отложишь пошеволѣ.

Что скоро, то не споро, говорятъ.

МИНИНЪ.

Друзья, повѣрьте мнѣ, такія рѣчи
И слушать весело, и слезы льются
Отъ радости; а все таки Аксенычъ
Намъ правду молвилъ. Не такое дѣло,
Чтобъ торопиться.

АКСЕНОВЪ.

Надо разсудить,

Да поразмыслить.

ПОСПѢЛОВЪ.

Думать ваше дѣло.

МИНИНЪ.

Что есть у насъ? Ни войска, ни казны,
Ни воеводы. Прежде нужны деньги;
Сберемъ казну, и люди соберутся,
Стрѣльцы, казаки. Велякаго народу
По свѣту бѣлому довольно бродить
Безъ дѣла и безъ хлѣба; рады будутъ
Трудомъ себѣ копейку заработать.
Не все же грабить! Хоть не всѣ, а помнить,
Что есть Богъ на небѣ, что Онъ судья
Всѣхъ дѣлъ и тайныхъ помышленій нашихъ.
А воеводу міромъ изберемъ.

АКСЕНОВЪ.

Кого излюбимъ, тотъ у насъ и будетъ.

МИНИНЪ.

Казна всего нужнѣе.

АКСЕНОВЪ.

Вѣрно слово.

МИНИНЪ.

Гдѣ взять казны?

ПОСПѢЛОВЪ.

Собрать, Кузьма Захарьичъ.

МИНИНЪ.

Да много ли сберешь! На разговоры
Всѣ тороваты, а носись до дѣла,
Такъ и попрячутся. Не то что денегъ,
И глѣзъ, что посулили, не найдешь.

ПОСПѢЛОВЪ.

А ты не обижай, Кузьма Захарычъ!

АКСЕНОВЪ.

Не обижаетъ, дѣло говорить.

МАРФА БОРИСОВНА.

Вотъ все, что есть, возьмите, коли нужно.

МИНИНЪ.

Душа святая! О тебѣ нѣтъ рѣчи!

Твои достатки и тебя мы знаемъ.

Ты все отдашь, и я отдамъ и онъ, —

Все будетъ мало. Съ чѣмъ тутъ приниматься!

И только что обидимъ мы безъ пользы

Самихъ себя, а дѣлу не поможемъ.

МАРФА БОРИСОВНА.

Хоть и не много соберемъ, все помощь.

МИНИНЪ.

Какая жь помощь?

МАРФА БОРИСОВНА.

Мы къ Москвѣ пошлемъ.

МИНИНЪ.

Кому? Заруцкому да Трубецкому?

Возьмутъ, да и спасибо намъ не скажутъ.

Нѣтъ, надо погодить собирать казну.

Я говорилъ сегодня воеводамъ,

Просилъ ихъ порадытъ о земскомъ дѣлѣ,

Да не хотѣли слушать. Дьякъ Семеновъ

Да Биркинъ чуть не выгнали меня.

Какъ на врага какого ополчились,

Обидѣли меня и обругали.

Не вѣдаю, за что напасть такая!

Когда ужь власти не хотѣли слушать,

Кто насъ послушаетъ! Въ бѣдахъ и въ горѣ

Сердца окаменѣли. О себѣ

Печется каждый, ближнихъ забывая.

МАРФА БОРИСОВНА.

Такъ что же дѣлать намъ, Кузьма Захарычъ?

МИНИНЪ.

Самихъ себя сначала приготовить

Должны мы; помыслы нестомъ очистить,

Говѣнемъ волю утвердить на подвигъ

И скорому помощнику молиться;

Онъ дастъ намъ разумъ, дастъ намъ силу слова,

Сухимъ очамъ пошлетъ источникъ слезъ;
Тогда пойдемъ будить уснувшихъ братій
И божьимъ словомъ зажигае сердца.

(Встаетъ и всѣ за нимъ).

АКСЕНОВЪ,

На проповѣдь выходить, какъ на битву
Во всеоружіи. Не всѣмъ подлѣ силу
Высокая апостольская доля!

МИНИНЪ.

Молись да жди, пока Господь сподобитъ
Тебя такую вѣру ощутить
Въ душѣ твоей, что ты не усомнишься
Съ горами рѣчь вести и приказать
Горамъ сползти съ широкихъ основаній.
И двинуться къ тебѣ, и будешь вѣрить,
Что двинутся; тогда покинь свой домъ,
Себя забудь и дѣлъ своихъ не дѣлай!
На улицу, на площадь, на базары,
Гдѣ есть народъ, туда и ты иди!
Тогда пошлемъ по дальнимъ городамъ;
А по окольнымъ разойдемся сами,
И нашихъ устъ смиренные глаголы
Польются въ души, и сердца въ народѣ
Затеплятся, какъ свѣчи предъ иконой.
Давайте руки! Кто за Божье дѣло?

всѣ.

Мы всѣ идемъ!

МАРГА БОРИСОВНА.

Благослови васъ Богъ!

МИНИНЪ.

Мы будемъ знаменья просить у Бога,
Когда начать. Онъ самъ покажетъ время.
Тогда собирать казну на помощь ратнымъ!
Сбирать людей на выручку Москвы!
И пусть тогда, кто носитъ крестъ на тѣлѣ,
Приноситъ въ сборъ всѣ животы свои,
Душа твоя нужна, — отдай и душу!

АКСЕНОВЪ.

Подмолимся! Благословенно буди
Господомъ наша жизнь и до конца!
Прощай, хохлюшка.

СОВРЕМЕННОСТЬ.

МАРФА БОРИСОВНА.

Прощенья просимъ.

КУВШИННИКОВЪ.

За угощенье!

МАРФА БОРИСОВНА.

Ну, ужъ не взыщите!

Чѣмъ Богъ послалъ.

ЛАПША.

За ласковое слово.

МАРФА БОРИСОВНА.

На-предки не забудьте!

МИНИНЪ.

Ваши гости!

(Уходить, кромѣ Поспѣлова).

ДВЕНЬ IV.

МАРФА БОРИСОВНА, ПОСПѢЛОВЪ, ДОМНА и ПОТОМЪ ДѢВУШКИ.

МАРФА БОРИСОВНА.

Покличь—ко дѣвокъ, Домнушка, сюда.

Да и сама приди!

ДОМНА.

Какъ разъ, я духомъ.

(Уходить. Молчаніе).

МАРФА БОРИСОВНА.

Ты, Алексѣй Михайлычъ, на дорожку

Медку не хочешь ли?

ПОСПѢЛОВЪ.

Пожалуй, выпью.

Да не объ медѣ рѣчь! Мнѣ слаще меда

Твой разговоръ.

МАРФА БОРИСОВНА.

Какой проказникъ! Право!

(Подносить медъ, Поспѣловъ пьетъ).

ПОСПѢЛОВЪ.

Повѣрь, не до проказъ. Меня ты знаешь;
 Съ покойникомъ твоимъ мы дружно жили,
 Росли мы вмѣстѣ, вмѣстѣ воевали;
 Одна душа у насъ, одинъ обычай.

(Молчаніе).

Родныхъ, что было, примерли давно;
 Я круглымъ сиротой остался, Марфа

Борисовна. Сладка ли живишь такая!
Ты мнѣ роднѣе всѣхъ. Чѣмъ я не люблю,
Скажи?

МАРФА БОРИСОВНА.

И, что ты! что ты! Богъ съ тобой!
Съ чего ты взялъ? Нѣтъ, ты не обижай!
Кто говоритъ тебѣ, что ты не люблю мнѣ!
(Входятъ: Дюма и дѣвушки, молча, садятся за работу).
ПОСПѢЛОВЪ.

Ну, любовь, такъ ладно. Вотъ спасибо, Марфа
Борисовна! Сказалъ бы я словечко
Еще тебѣ; боюсь—не прогнѣвить бы.

МАРФА БОРИСОВНА.

Какъ не грѣшно тебѣ! Да чѣмъ же можешь
Ты прогнѣвить меня!

ПОСПѢЛОВЪ

Своей любовью.

МАРФА БОРИСОВНА.

Ахъ!... Нѣтъ.... я право.... Что тебѣ смотрѣть
На гнѣвъ мой! Что же, развѣ что дурное
Ты говоришь мнѣ! Ты не виновать,
Что съ добрымъ сердцемъ ты на свѣтъ родился.
Какая же въ любви обида! Мнѣ
Тебя благодарить за это надо.

ПОСПѢЛОВЪ.

Давно ужъ я собираюсь съ духомъ, Марфа
Борисовна, хочу тебѣ сказать:
Будь мнѣ женою; съ честными вѣнцами
На головахъ и съ радостью на лицахъ,
По соболямъ, войдемъ въ мой домъ просторный
Жить-поживать и въ холеньѣ и въ нѣгѣ,
И за любовь до гробовой доски
Дѣлить и радость пополамъ и горе.
Другой бы я сказалъ, не побоялся,—
А предъ тобой, какъ точно передъ грознымъ
Царемъ стою, жду милости, иль казни;
Боюсь, что словомъ, ровно какъ злодѣю,
Ты снимешь голову съ могучихъ плечъ.

МАРФА БОРИСОВНА.

Нѣтъ, ты меня не бойся.... Пожалѣй
Ты слабость жемскую! Медовой рѣчью

Вдовѣ мірскаго счастья не сули!
 Ты не муди мой тихій сонъ мечтою,
 И вдовьихъ слезъ моихъ не отнимай!
 Послушай, мой желанный! Я по правдѣ
 Скажу тебѣ: ты любовь мнѣ, я другаго
 Хозяина себѣ и не желаю.
 Ты, Алексѣй Михайлычъ, мужъ такой,
 Какого не найдешь.... Да только вотъ что:
 То не здоровится, то дѣла много
 По дому, знаешь. Какъ-то все не время....
 Повѣришь ли, съ ногъ сбилась отъ заботы.
 Мы лучше ужъ немного подождемъ.
 Ты не печалься, Алексѣй Михайлычъ!
 Еще вѣдь наше время не ушло. (Молчаніе).
 Я, можетъ, и не такъ что разсудила,
 Ты не взъщи! Таковъ нашъ бабій разумъ.
 Тебя мнѣ жаль, вотъ видитъ Богъ что жаль.
 Да что же дѣлать, неудобно время.

ПОСПѢЛОВЪ.

Голубушка! Зачѣмъ себя ты губишь!
 Въ твоей порѣ, тебѣ бы только ласку!
 Отъ ласки женскіей полъ еще цвѣтнѣй!
 Что сохнуть-то тебѣ одной, какъ въ кельѣ,
 И день и ночь съ ворчливою старухой
 Все объ одномъ и томъ же толковать!
 Тебя бы цаловать, да миловать,
 Да крѣпко къ сердцу прижимать!

МАРФА БОРИСОВНА.

Ну, булетъ!

Мы послѣ какъ нибудь поговоримъ.
 Не до того мнѣ, Алексѣй Михайлычъ!
 Такъ голова съ чего-то разболѣлась,
 Ужъ и не знаю. Лучше не тревожь
 Меня теперь! Найдемъ такое время
 Свободное.

ПОСПѢЛОВЪ.

Изволь, моя родная!

Ждалъ долго, можно подождать еще.
 Прощенья просимъ!

МАРФА БОРИСОВНА.

И меня прости.

Господь съ тобой!

ПОСПѢЛОВЪ.

Богъ дастъ, коль живы будемъ,

Увидимся.

МАРФА БОРИСОВНА.

Ну, какъ не увидаться!

(Поспѣловъ уходитъ).

АВНШЪ V.

Тѣ же, безъ Поспѣлова.

МАРФА БОРИСОВНА.

Какія рѣчи! Господи помилуй!
 Не слушать бы! А какъ же ихъ не слушать!
 Въ міру живешь, съ людьми; по мірски
 И надо жить, — все видѣть и все слышать.
 Куда бѣжать отъ суеты мірской!
 Какъ отъ соблазна чистой уберечься!
 Зіяетъ бездна, каждый часъ шумитъ
 Житейское волнуемое море.
 Ушла бы я, на крыльяхъ улетѣла
 Въ святую келью, въ тихій уголокъ;
 И въ трепетномъ сіяніи лампы,
 Въ благоуханной тишинѣ святыни
 Земное небо, рай свой, увидала:
 Боюсь внести въ святую тишину
 Горячую, бунтующую юность.
 О юность, юность, скоро ль ты пройдешь!
 Мнѣ съ міромъ легче, чѣмъ съ тобой бороться.
 Куда нейду, соблазнъ за мною слѣдомъ;
 Напрасно я фатой широкой крою
 И блескъ очей, и бѣлое лицо:
 Подуетъ вѣтеръ, такъ ли распахнется,
 И мигомъ грѣхъ въ чужой душѣ посѣнешь.
 И видишь юношу, стоитъ онъ нѣмъ,
 Другаго взгляду ловить, самъ готовить
 Въ своемъ умѣ лукавые привѣты.
 Вотъ по слѣдамъ идетъ и шепчетъ въ уши,

Завѣшенные жемчугомъ, и жемчугъ
 Не охраняетъ; весь соблазнъ, весь ядъ
 Мнѣ прямо въ сердце, въ кровь мою проходитъ,
 И слабій умъ все болѣе слабѣетъ,
 И сладокъ грѣхъ является тебѣ;
 И слушаешь, боишься оглянуться,
 Какъ точно двое за тобою идутъ:
 Одинъ лицо привѣтливое кажетъ
 И ненаглядную красу, и юность,
 И, молча, улыбается. Другой же
 Темнѣе ночи, и глаза, какъ угли,
 Горять во лбу, и длинный хвостъ тащится.
 Идетъ и шепчетъ лъстивымъ языкомъ
 Соблазнъ и грѣхъ. О, Господи, помилуй!
 О юность, юность, молодое время!
 Куда бѣжать мнѣ! Господи, помилуй!
 (Закрываетъ лицо руками).

ДОМНА.

Вы видите, сгрустнулась, поминаетъ
 Объ юности. Вы спойте ей про юность!

ДѢВУШКИ (поютъ).

Юность, моя юность — молодое время!
 Юность возбудися, — въ себѣ ощутился!
 Юность возбудилась, въ себѣ ощутилась,
 Въ разумъ приходила, слезно говорила:
 Кто добра не ищетъ, кто худа желаетъ!
 Я была бы рада, — сила моя мала!
 Сижу на конѣ я, и тотъ необузданъ,
 Смирить коня нечѣмъ, — крѣпкихъ возжей нѣту.
 Вижу я погибель, страхомъ вся объята,
 Не знаю, какъ быти, чѣмъ коня смирить!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

(ОКТАБРЬ 1611 Г.)

СЦЕНА I.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛІЦА:

**БИРКИНЪ. — СЕМЕНОВЪ. — МИНИНЪ. — ПОСПѢЛОВЪ. — АКСЕ-
НОВЪ. — ТЕМКИНЪ. — ГУБАНИНЪ. — ЛЫТКИНЪ. — НЕФЕДЪ —
сынъ Минина. — ПАВЛИКЪ. — МАРФА БОРИСОВНА и ТАТЬЯНА
ЮРЬЕВНА — жена Минина.**

(Всѣіе люди Нижняго-Новгорода).

(Небольшая площадь въ Кремлѣ, недалеко отъ собора. Къ концу, въ
седьмомъ явленіи, начинается смеркаться).**ЯВЛЕНІЕ I.**

Выходятъ: Лыткинъ и Павликъ.

ЛЫТКИНЪ.

Да что ты ужь очень печалишься?

ПАВЛИКЪ.

Будешь печалиться! развѣ ты нашего Ивана Иваныча не
знаешь! Взглянеть только, и то морозъ по кожѣ подираетъ.
А вѣдь я въ какую бѣду-то влѣзъ. О, горе мнѣ грѣшнику! Языкъ
мой — врагъ мой!

ЛЫТКИНЪ.

Въ чемъ же ты провинился?

ПАВЛИКЪ.

Въ чемъ? Велико мое окаянство! Страшно и вымолвить! По-
сылалъ онъ меня къ одному благопріятелю своему съ письмомъ;
куда посылалъ, ужь это не твоего ума дѣло; проѣздивъ я безо-
дна двѣ недѣли и вернулся вчера утромъ. Только хмѣленъ былъ
очень, домой-то идти побоялся. Встрѣлся я съ пріятелемъ, съ
стрѣльцомъ; тутъ еще подошли человекъ съ пятокъ, тоже стрѣль-

цы; зашли мы во царевъ кабакъ, купили винца, пошелъ у насъ шумъ, разговоры. Вотъ я, съ пьяныхъ—то глазъ, и проболтнись. Придетъ, говорю, королевичъ на царство, Ивана Иваныча сдѣлаетъ воеводой въ Нижнемъ, а меня дякомъ; потому, говорю, что мы ему слуги вѣрные. Откуда ни возьмись Мининъ, хватъ меня за воротъ, я въ ноги; валялся, валялся я въ ногахъ—то, отпустилъ, только не велѣлъ навстрѣчу попадаться. Вотъ какое дѣло—то! Ну, какъ онъ скажетъ Ивану Иванычу, либо ужъ сказалъ! что тогда! Повѣсить не повѣсить, а кнута отвѣдаешь. Ужъ это лучше и къ бабушкѣ не ходи! Никакъ онъ идетъ! Ой, схоронимся.

(Уходятъ. Выходитъ Биркинъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

БИРКИНЪ (одинъ).

Здѣсь въ Нижнемъ что—то зрѣеть. По всему замѣтно, что народъ затѣялъ нѣчто. Все замолчало, какъ постомъ великимъ; на всемъ какое—то говѣнье видно; блѣднѣютъ лица, а глаза сіяютъ. Но что же можетъ сдѣлать этотъ людъ? Пойти къ Москвѣ нестройною аравой и умирать, иль разбѣгаться розно, отъ польскихъ латниковъ. Пускай идутъ, попробуютъ; а намъ просторнѣй будетъ. Не знаю, что мнѣ дѣлать! Не найдешь товарищей; никто не хочетъ слушать. Съ Семеновымъ пріятели большіе, — А какъ до дѣла — затыкаетъ уши. Онъ старъ да глупъ, упрямъ да безтолковъ, съ нимъ пива не сваряшь. Нѣтъ, здѣсь не тяга! Махнуть въ Казань: тамъ есть благопріятель. Тому не въ первый, — онъ вертѣлъ хвостомъ еще при Шуйскомъ. Человѣкъ онъ сильный, живетъ себѣ не тужить, только брюхо раститъ да гладитъ бороду свою. Да что жъ онъ держитъ моего холопа, Павлушку! (Павликъ входитъ). Вотъ онъ! Какъ же ты посмѣлъ,

Не показавшись, по городу шляться?
 Все пьянствуешь, анаеема! Смотри!
 Кнута попробуешь! Когда прѣхалъ?
 ПАВЛИКЪ.

Сегодня утромъ.

БИРКИНЪ.

Что жь ты не явился?

Объ двухъ ты, что ли, головахъ, бездѣльникъ!
 Ну, мы сочтемся дома. Говори,
 Что видѣлъ и что слышалъ.

ПАВЛИКЪ.

Есть письмо.

(Достаеъ письмо).

БИРКИНЪ.

Давай сюда! Проворнѣй! (Береть и читаетъ) А
 словами

Приказывалъ, аль нѣтъ? Въ письмѣ не пишеть
 Всего, — и дѣльно: писано перомъ,
 Не вырубишь и топоромъ. Онъ пишеть:
 «А про мое здоровье Павелъ скажетъ».
 Ну, сказывай!

ПАВЛИКЪ.

Богъ милуетъ, здоровъ,

И кланяться велѣлъ тебѣ, и молвилъ,
 Что онъ своимъ умомъ живетъ, что въ мутной
 Водѣ онъ ловить рыбу въ-тихомолку,
 И что своя рубашка къ тѣлу ближе,
 Что смѣлымъ Богъ владѣеть. Вотъ и все.
 Какой приказъ твой, государь, мнѣ будетъ?

БИРКИНЪ.

Ступай, теперъ въ народъ потолкайся!

И, что услышишь, приходи сказать!

(Павликъ уходитъ. Выходитъ Семеновъ. Народъ проходитъ).

ДВЕНАДЦАТЫЙ ДѢЙСТВІЕ.

БИРКИНЪ И СЕМЕНОВЪ.

БИРКИНЪ.

Что тяжело воздыхаешь?

СЕМЕНОВЪ.

О грѣхахъ.

Къ землѣ гнетутъ и тянутъ, словно ноша.
 Что жъ у вечерни-то, Иванъ Ивановичъ,
 Ты не былъ? Аль проспалъ?

БИРКИНЪ.

И то проспалъ.

Легъ послѣ хлѣба-соли малымъ дѣломъ
 Соснуть, да и проспалъ. Хожу, гуляю,
 Пусть вѣтромъ пообдуетъ послѣ сна.

СЕМЕНОВЪ.

Гуляй, гуляй! Вы люди молодые, —
 Еще замолите; а намъ такъ жутко
 Приходить, старикамъ. Не нынче — завтра
 Богъ по душу пошлетъ; тогда ужъ поздно
 Грѣхи замаливать; ступай къ отвѣту!
 Судья предстанетъ, свитокъ развернуть,
 Что злые мурины (*) всю жизнь строчили
 На всякомъ мѣстѣ и во всякій часъ.
 Что сдѣлалъ худо, черный мурынъ пишетъ;
 Помыслилъ, — не пропуститъ и того.
 Чего, чего въ томъ свиткѣ не найдется!
 А добрыхъ дѣлъ вотъ списочекъ, такой
 Коротенькій, представить со слезами
 Хранитель-ангелъ и отыдетъ прочь.

БИРКИНЪ.

Ты что-то рано умирать задумалъ!
 А выдетъ, что и насъ переживешь.

СЕМЕНОВЪ.

«Не вѣсте, сказано, ни дня, ни часа.»

БИРКИНЪ.

Да что ты приунылъ, какъ посмотрю я?
 И всѣ вы. точно мухи въ сентябрѣ,
 Чуть бродите.

СЕМЕНОВЪ.

Да что жъ тебѣ за диво!

Не радуешь ничто — и приуныли.
 Тебѣ что весело?

БИРКИНЪ.

Унынье — грѣхъ!

(*) То же, что «нечистой».

СЕМЕНОВЪ.

Да и плясать, когда другіе плачутъ,
Не спасенье!

БИРКИНЪ.

Вѣдь это человѣкомъ:

Одинъ слезливъ, другому обухомъ
Слезы не вышибешь. Пойдемъ! Есть дѣло
Мнѣ до тебя. Поъемъ да потолкуемъ.

СЕМЕНОВЪ.

Что жь, праздничное дѣло, я не прочь.

БИРКИНЪ.

У насъ такъ праздникъ каждый день, Василій
Семеновичъ. Гдѣ бражникъ, тамъ и праздникъ.

(Уходить. Выходятъ Марѳа Борисовна и Пospѣловъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Марѳа Борисовна и Пospѣловъ.

МАРѢ БОРИСОВНА.

Давненько не видались.

ПОСПѢЛОВЪ.

Шесть недѣль.

МАРѢ БОРИСОВНА.

Какъ время—то идетъ!

ПОСПѢЛОВЪ.

А что?

МАРѢ БОРИСОВНА.

Да скоро.

ПОСПѢЛОВЪ.

Не больно—то! Мнѣ эти шесть недѣль

Не за годъ, не солгу, а за полгода

Никакъ не меньше показались.

МАРѢ БОРИСОВНА.

Что такъ?

ПОСПѢЛОВЪ.

Да развѣ ты не знаешь?

МАРѢ БОРИСОВНА.

Ахъ, голубчикъ!

Я думала, что ты ужъ и забылъ!

ПОСПѢЛОВЪ.

А ты бѣ и рада?

СОВРЕМЕННОИЪ.

МАРФА БОРИСОВНА.

Да не то, что рада,

А все не время, некогда подумать.

ПОСПѢЛОВЪ.

Объ чемъ тутъ думать, голову ломать!

МАРФА БОРИСОВНА.

Кто жь за меня подумаетъ?

ПОСПѢЛОВЪ.

Все я же,

И за себя, и за тебя.

МАРФА БОРИСОВНА.

Какой ты

Догадливый! Спасибо, что избавилъ

Меня отъ тяжелой думы, отъ заботы!

Позволь спросить, по твоему—то какъ же

Выходить?

ПОСПѢЛОВЪ.

Помолясь, да по рукамъ.

Сиротскимъ дѣломъ ходимъ на могилку

Родителямъ почившимъ поклониться,

А тамъ, какъ водится, честнымъ пиркомъ

Да и за свадебку.

МАРФА БОРИСОВНА.

Не долго думалъ,

А хорошо сказалъ.

ПОСПѢЛОВЪ.

А не что худо?

МАРФА БОРИСОВНА.

Ты лучше знаешь.

ПОСПѢЛОВЪ.

Значить, такъ и быть,

По моему?

МАРФА БОРИСОВНА.

Да ну ужь ладно, ладно.

ПОСПѢЛОВЪ.

Утѣшила меня ты. Точно камень

Лежалъ на сердцѣ, отлегло теперь.

А то, бывало, сердце, ровно голубь,

Такъ и колотится безъ перемолку.

МАРФА БОРИСОВНА.

Ты помолчи пока, мой другъ сердечный!

ПОСПѢЛОВЪ.

Зачѣмъ молчать? Кого же мы боимся!

МАРФА БОРИСОВНА.

Что прежде времени молву пускать!
Не къ спѣху дѣло, погодимъ немного.

ПОСПѢЛОВЪ.

Чего еще? Ты развяжи меня!

МАРФА БОРИСОВНА.

Ну, что на улицѣ за разговоры!
Не мало дней у Бога; потолкуемъ
И послѣ, безъ помѣхи, на досугѣ.
Ступай себѣ! Вонъ, видишь, изъ собора
Татьяна Юрьевна выходитъ. Плачетъ
Объ мужѣ, бѣдная. Прощай, голубчикъ!
Пойду я къ ней, разговорю немного.

(Поспѣловъ уходитъ. Выходитъ Татьяна Юрьевна и двѣ женщины.)

ЯВЛЕНІЕ V.

Марфа Борисовна, Татьяна Юрьевна и двѣ женщины.

1-я ЖЕНЩИНА.

Повѣрь, что съ глазу, больше ни съ чего.

2-я ЖЕНЩИНА.

А то испортилъ кто нибудь. По вѣтру
Болезнь пуцаютъ злые люди часто.

(Обѣ проходить.)

МАРФА БОРИСОВНА.

Татьяна Юрьевна, оставь кручину!
Напраснымъ страхомъ сердца не томи!
Пройдетъ невзгодье, мирно Богъ устроитъ,
И миромъ оградить святую Русь,
Тогда Кузьма Захарьичъ перестанетъ
Печалиться, здоровъ и веселъ будетъ.
Не плачь, грѣха на душу не бери!

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Какъ мнѣ не плакать! Ты бы поглядѣла,
Что случилось съ нимъ. Какъ ярый воскъ, онъ таетъ,
Отъ сна, отъ пищи, отъ всего отсталъ
И буйную головушку повѣсилъ.
И все молчить. Вотъ иногда и спросишь:
«О чемъ ты, милъ-сердечный другъ, тоскуешь?»
Не скажетъ, нѣтъ, не скажетъ, промолчить,

Махнетъ рукой: а иногда заплачетъ,
Такъ и уйдетъ. Посмотришь вслѣдъ ему.
Да и зальешься горючими слезами.

МАРФА БОРИСОВНА.

Молись, Татьяна Юрьевна, молись!
Да меньше плачь! Господь ему поможетъ.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Да что же онъ молчить-то! Я жена,
А не чужая.

МАРФА БОРИСОВНА.

Что же будетъ проку

Тебѣ сказать-то! Посуди сама:
Коротокъ женскій умъ, отъ насъ совѣту
Не ждать имъ; ну, а праздно толковать
О дѣлѣ важномъ — тоже не годится!

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Головушка кручинная моя!

(Качаетъ головой и задумывается.)

Ты видѣла, стояль онъ у вечерни.
На что похожъ! Вѣдь краше въ гробъ кладутъ.
Глаза горять, лицо, какъ саванъ бѣлый,
Засохшія не шевелятся губы;
Какъ вкопанный, онъ не сводилъ съ иконы
Очей; крестомъ сложенные персты
До яснаго чела не подымались;
И только слезы, какъ ручьи весною,
Бѣжали по щекамъ, по бородѣ,
И капали. Убогонькой Гришутка
Сталъ рядомъ съ нимъ, какъ листъ дрожить и плачетъ,
То на него, то на икону взглянетъ.
Къ добру ли это? Говорять, за кѣмъ
Убогій ходить, тотъ на бѣломъ свѣтѣ
Ужъ не жилецъ. А Гриша, какъ нарочно,
Не отстаеъ ни шагу отъ него.

МАРФА БОРИСОВНА.

И, полно ты! Кого убогій любить,
Тотъ человѣкъ угоденъ, значитъ, Богу.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Кто Господу угоденъ, тѣхъ Господь
Къ себѣ беретъ.

МАРФА БОРИСОВНА.

Отчаянье грѣхъ смертныи!

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

О! взгляни ты въ грудь, что тамъ творится!
Тогда и осуждай!

(Молчаніе.)

Сегодня ночью

На малый часъ онъ не уснулъ, и только
Въ соборный ранній благовѣстъ забылся;
Какъ звоны отошли, онъ вдругъ проснулся,
Вскочилъ съ постели, разбудилъ весь домъ,
Велѣлъ зажечь всѣ свѣчи, всѣ лампы,
И до свѣту молился со слезами.
И мы молились, «Чудо! чудо Божье!»
Онъ все твердилъ, а не сказалъ, какое.

МАРФА БОРИСОВНА.

На васъ нисходитъ благодать Господня,
Вашъ домъ онъ избралъ для чудесъ своихъ.
Ты радуйся, не плачь! Молебны пойте!
Изъ всѣхъ церквей иконы поднимите!
И крестнымъ ходомъ городъ весь пойдетъ
Съ хвалебнымъ пѣніемъ и со свѣчами
На мѣсто свято.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Проводи меня!

МАРФА БОРИСОВНА.

А гдѣ же мужъ?

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Въ соборѣ съ протопопомъ

Остановился, говорятъ о чемъ-то.

МАРФА БОРИСОВНА.

Пойдемъ, Татьяна Юрьевна, пойдемъ!

(Уходятъ. Выходятъ: Аксеновъ, Темкинъ, Губанинъ,
Лыткинъ и разные торговые и посадскіе
люди).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Аксеновъ, Темкинъ, Губанинъ, Лыткинъ, народъ.

АКСЕНОВЪ.

Ну, такъ какъ же ребятушки, а? Ну вотъ теперь насъ мно-
го сошлось, давайте, поговоримъ толкомъ!

ЛЫТКИНЪ.

И то надо толкомъ. А то что это! Господи, Боже мой! Тотъ говорить: «давай денегъ!» Другой говорить: «давай денегъ!» А для чего, никто толкомъ не скажетъ.

ТЕМКИНЪ.

Тебѣ только все разговаривать, ласы точить; а дѣла-то дѣлать, видно, ты не любишь! Мало еще, что ли, разговору-то было! Сорокъ дней со днемъ сходимся да толкуемъ.

ГУБАНИНЪ.

Ужь и не говори! Срамъ! То есть, кажется, не глядѣлъ бы людямъ въ глаза отъ стыда, особливо Кузьмѣ Захарычу. Онъ о земскомъ дѣлѣ печалится, а мы... Ахъ, стыдобушка!

АКСЕНОВЪ.

Значить, ребята, какъ въ послѣдній разъ говорили, такъ и быть: третью деньгу.

ГОЛОСА.

Третью деньгу.—Что жъ, мы не прочь!—Такъ тому и быть! — Что сказано, то свято!

ГУБАНИНЪ.

Всѣ, дѣдушка, согласны, всѣ. (Къ народу). Не стыдите, братцы! (Аксенову). Дѣдушка! Спорщиковъ нѣтъ.

АКСЕНОВЪ.

Постой ты, погоди! Отъ трехъ денегъ — деньгу; отъ рубля — десять алтынъ, отъ трехъ рублей — рубль.

ГОЛОСА.

Ладно! Ладно! (Разговоръ въ толпѣ:) Съ десяти рублей выходитъ — три рубля, да десять алтынъ. — А отъ сорока? Долго ль честь! — Съ пятидесяти рублей, — пятнадцать, рублей. — Не пятнадцать, а шестнадцать рублей, двадцать два алтына. — Ишь ты счетчикъ! Да ужь ладно, ладно!

ЛЫТКИНЪ.

Стойте! Какъ же это! Значить, все одно, что семейный, что одинокій?

ГУБАНИНЪ.

Какъ тебѣ не грѣхъ ротъ-то развѣвать! Ужли одинъ противъ всѣхъ пойдешь?

АКСЕНОВЪ.

Тебѣ что за дѣло до одинокихъ! Одинокій-то, можетъ, все отдастъ, да и самъ своей головой мойдетъ.

ТЕМКИНЪ.

Ахъ ты, жила! Прости Господи!

ЛЫТКИНЪ.

Да что жила! Кому жь своего не жаль!

ГУБАНИНЪ.

На земское-то дѣло? Экой срамъ! Ну ужь....

АКСЕНОВЪ.

Стало быть и дѣлу конецъ. Отслужить молебень, да и соби-
рать.

ГУБАНИНЪ.

У насъ въ рукавичномъ ряду ужь и деньги готовы.

ГОЛОСА.

Въ желѣзномъ хотять собирать. — Толкуютъ и въ хлебномъ.

— И въ горшечномъ. — И въ мясномъ. — И рыбаки.

ЛЫТКИНЪ.

А какъ же теперь товаръ?

ТЕМКИНЪ.

Прикинемъ.

ГОЛОСА.

Извѣстно, прикинемъ, что чего стоитъ. — Долго ль прики-
нуть. — Въ цѣну поставимъ.

ЛЫТКИНЪ.

А кто придѣлывать будетъ?

ТЕМКИНЪ.

Все мы же.

ГОЛОСА.

Промежь себя выберемъ. — Всякій въ своемъ ряду. — Свой
судъ короче.

ЛЫТКИНЪ.

Да какъ же я повѣрю чужому челоуѣку свое добро цѣнить!

АКСЕНОВЪ.

Мы не безъ креста ходимъ.

ТЕМКИНЪ.

Самому тебѣ не счесть, какъ мы сочтемъ.

ГОЛОСЪ ИЗЪ ТОЛПЫ.

Мы торговые люди, другъ у дружки каждую деньгу насквозь
видимъ.

ЛЫТКИНЪ.

Что жь такое! Лучше ложись, да умирай!

ТЕМКИНЪ.

Ну и умирай! Ну, умирай!

АКСЕНОВЪ.

Ты для себя для одного, что ли, жить хочешь! Такъ ступай въ
лѣсъ да и живи себѣ. Съ людьми живешь, такъ и слушай, что

міръ говоритъ. Больше міру не будешь! Міръ никто не судить, одинъ Богъ. Велитъ міръ, такъ и все отнимутъ.

ТЕМКИНЪ.

Да и отнимемъ, силой отнимемъ.

ЛЫТКИНЪ.

Да вѣдь это разоръ!

ТЕМКИНЪ.

Ну, да что на него смотрѣтъ, Петръ Аксенычъ! Какъ сказано, такъ и будетъ. На томъ всѣ и станемъ.

ГОЛОСА.

Всѣ. — Всѣ.

ТЕМКИНЪ.

Есть тутъ кто нибудь изъ нѣмцевъ?

НѢМЕЦЪ.

Я.

ТЕМКИНЪ.

Ты согласенъ?

НѢМЕЦЪ.

Да!

ТЕМКИНЪ.

Вотъ видишь ты, Василій! Ну скажи ты мнѣ теперь, есть въ тебѣ душа, али нѣтъ?

ГУБАНИНЪ.

Брось ты его!

ТЕМКИНЪ.

Зрѣтъ не могу такихъ людей; вся душа во мнѣ поворачивается.

ГОЛОСА.

Кузьма Захарычъ идетъ! — Кузьма Захарычъ.

(Входятъ Мининъ. Всѣ кланяются).

ДВАННЪ VII.

Тѣ же и Мининъ.

АКСЕНОВЪ.

Что ты не веселъ, голову повѣсилъ?
Аль что не ладно? Али прихворнулъ?
Какія вѣсти есть?

МИНИНЪ.

Вѣстей довольно.

АКСЕНОВЪ.

Что пишутъ?

МИНИНЪ.

Все одно и тоже, точно
 Какъ сговорились. Всѣ хотятъ быть съ нами
 Въ любви, въ совѣтѣ и въ соединеннѣи,
 На разорителей хрестыянскоѣ вѣры
 Единомышленно идти готовы.
 Теперь летѣтъ бы къ матушкѣ Москвѣ!
 Подняться нечѣмъ, спутала нужда,
 Узломъ орлиныя связала крылья.
 Видна добыча, а тяжелыхъ крыльевъ
 Не отдерешь, и бейся о земь грудью
 И алую точи по каплѣ кровь!

АКСЕНОВЪ.

Мы положили третью деньгу брать
 Отъ денегъ, отъ товару тоже.

МИНИНЪ.

Мало.

АКСЕНОВЪ.

И тѣ съ трудомъ, а больше не сберешь.

МИНИНЪ.

Я знаю.

АКСЕНОВЪ.

Тяжело однимъ. Помогутъ
 Другіе города.

МИНИНЪ.

Плохая помощь!

Всѣ обнищали. Рады бы помочь,
 Да нечѣмъ.

АКСЕНОВЪ.

Такъ и быть. На нѣтъ — суда нѣтъ.
 Что есть, съ тѣмъ и пойдемъ. Найдемъ подмогу,
 Стрѣльцовъ бродячихъ да казаковъ конныхъ.

МИНИНЪ.

Ждать нечего, пойдемте умирать
 За Русь святую! Сходимъ къ воеводѣ,
 Челомъ ударимъ, чтобы велѣ къ Москвѣ;
 А не пойдетъ, такъ выберемъ другаго.
 Мнѣ ждать нельзя. Мнѣ Богъ велѣлъ идти.
 Смотрите на меня! Теперь не свой я,
 А Божій. Не пойдетъ никто, одинъ

Пойду. На перепутьяхъ буду кликать
Товарищей. Въ себѣ неволенъ я.
Послушайте! (Всѣ оступаютъ его) Сегодня поздней
ночью,

Ужь къ утру близко, сномъ я позабылся,
Да и не помню хорошенько, спалъ я
Или не спалъ. Вдругъ вижу: образница
Вся облилася свѣтомъ; въ изголовьи
Передъ иконами явился мужъ
Въ одеждѣ схимника, весь въ херувимахъ,
Благословляющую поднялъ руку
И рекъ: «Кузьма! Иди спасать Москву!
«Буди уснувшихъ!» Я вскочилъ отъ ложа,
Видѣнья дивнаго какъ не бывало;
Соборный благовѣстъ волной несется,
Ночная темь колышется отъ звона,
Оконницы чуть слышно дребезжать,
Лампадки, догорая, чуть трепещутъ
Неяснымъ блескомъ, и святые лики
То озарялися, то померкали,
И только разливалось по покоямъ
Благоуханье.

АКСЕНОВЪ.

Слава въ вышнихъ Богу!
Но кто же старецъ? Разсмотрѣлъ ли ты?
Угодниковъ ты подлинники знаешь.

(Входитъ Нефедъ).

ЯМИНЪ VIII.

Тѣ же и Нефедъ.

НЕФЕДЪ.

Гдѣ батюшко?

МИНИНЪ.

Что надо? Что случилось?

НЕФЕДЪ.

Гонцы отъ Троицы живоначальной,
Отъ Сергія угодника пришли.

МИНИНЪ.

Отъ Сергія угодняка? И старецъ,
Явившійся мнѣ грѣшному, былъ Сергіи.

ГОЛОСА.

Перстъ Божій! — Божья воля! — Чудеса!
Еще отъ насъ Господь не отступился.

НЕФЕДЬ.

У нихъ письмо отца архимандрита
И келаря.

МИНИНЪ.

На воеводскій дворъ
Ступай, Аксенычъ, прямо къ воеводѣ!
Оповѣсти его! А вы собирайте
Дворянъ, дѣтей боярскихъ, и головъ,
И сотниковъ стрѣльцкихъ и казацкихъ,
И земскихъ старостъ, и гостей, и всякихъ
Людей служилыхъ къ воеводѣ въ домъ.
Не соберутся, такъ въ набать ударимъ.
А ты, Нефедь, домой! Веди гонцовъ!
Какъ есть съ дороги, такъ пускай и идутъ.
Теперь въ послѣдній разъ, друзья, пойду я
Боярамъ, воеводамъ поклониться.
Молитесь Богу, чтобъ смягчилъ онъ сердце
Властителей, смирилъ гордыню ихъ,
Чтобы помогъ мнѣ двинуть кроткимъ словомъ
На дѣло Божье сильныхъ на землѣ.

ГОЛОСА.

Господь поможетъ. — Онъ тебѣ поможетъ. —
Молитесь будемъ! Господа умолимъ.

(Всѣ уходятъ).

СЦЕНА II.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ВОЕВОДА, АНДРЕЙ СЕМЕНОВИЧЪ АЛЯБЬЕВЪ. — БИРКИНЪ. — СЕМЕНОВЪ. — МИНИНЪ. — АКСЕНОВЪ. — ПОСПѢЛОВЪ. — КОЛЗАКОВЪ. — РОМАНЪ ПАХОМОВЪ.

Дворяне, дѣти боярскіе, головы, старосты, богатые посадскіе люди. Большая, богатая изба въ воеводскомъ домѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Въ избу входятъ постепенно разныя лица, все болѣе пожилыя и зажиточныя, потомъ Аксеновъ. Вновь пришедшіе кланяются молча съ тѣми, которые пришли прежде. Говорятъ вполголоса.

ГОЛОСА.

Зачѣмъ насъ собирають? Аль бѣда какая? — Нѣтъ, грамоту изъ Сергіева монастыря привезли. — Вѣрно не легко, коли грамоты пишутъ? — Какая легость! Видимая смерть! Наша рать разошлась, а къ врагу на подмогу сила подходить. — Что же въ грамотѣ пишутъ? — Подожди малость, все узнаемъ. (Аксеновъ входитъ). Кто привезъ грамоту?

АКСЕНОВЪ.

Романъ Пахомычъ. Кому же больше!

ОДИНЪ ГОЛОСЪ.

Эка, голова!

АКСЕНОВЪ.

Самъ великій господинъ патриархъ называетъ ихъ, его да Родіона Мосъича, безстрашными людьми. Такъ и пишетъ: «а пришите мнѣ тѣхъ безстрашныхъ людей!»

ОДИНЪ ИЗЪ ТОЛПЫ.

Говорятъ, Пахомовъ отъ всякой напасти заговоренъ.

АКСЕНОВЪ.

Толкуй тутъ! Извѣстно, Божьимъ произволеніемъ. Къ патриарху ходитъ, благословеніе принимаетъ; а ты: «заговоренъ!» Нѣчто такіе заговоренные—то бывають!

ДРУГОЙ ИЗЪ ТОЛПЫ.

Заговоренный-то который — и креста не носитъ; а не то, что къ благословенію идти.

АКСЕНОВЪ.

Да еще къ кому! Къ самому патриарху!

(Входитъ: Мининъ, Поспѣловъ и Романъ Пахомовъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Мининъ, Поспѣловъ и Романъ Пахомовъ.

ГОЛОСА.

Романъ Пахомычъ, здравствуй! — Здравствуй! — Какъ тебя Богъ милуетъ? — Здорово ли доѣхалъ? — Чай усталъ?

РОМАНЪ ПАХОМОВЪ.

Немногожко есть. Послѣднія двѣ ночи не почевалъ, все ѣхалъ.

АКСЕНОВЪ.

Гдѣ ѣхалъ?

РОМАНЪ ПАХОМОВЪ.

Отъ Троицы на Суздаль, оттуда на Балахну.

АКСЕНОВЪ.

Чиста дорога?

РОМАНЪ ПАХОМОВЪ.

Ничего, Богъ миловалъ.

ГОЛОСА.

Что въ Москвѣ? — Что въ Москвѣ, Романъ Пахомычъ?

РОМАНЪ ПАХОМОВЪ.

Плохо.

ГОЛОСА.

А что? — Что такое?

РОМАНЪ ПАХОМОВЪ.

Пожжено, разорено, хлѣба мало.

ГОЛОСЪ.

Ужли и хлѣба мало?

РОМАНЪ ПАХОМОВЪ.

Мало. Я стоялъ у одного посадскаго, у Яузскихъ воротъ, — бѣдствуетъ.

ГОЛОСА.

Ахъ, сердечные! — Эка бѣда! — Эка причина!

АКСЕНОВЪ.

Скажи ты мнѣ на милость, пуще мнѣ всего: къ патриарху ходи нѣтъ?

РОМАНЪ ПАХОМОВЪ.

Теперь нѣтъ, крѣпко держуть.

Т. IXXXI. Отд. I.

8

АКСЕНОВЪ.

И все воръ Андроновъ?

РОМАНЪ ПАХОМОВЪ.

Всѣ хороши.

ГОЛОСА.

А что Трубецкой? — Что Зарупкій съ войскомъ?

РОМАНЪ ПАХОМОВЪ.

Какое это войско! Воръ на ворѣ! Содомъ!

(Входятъ: Воевода, Биркинъ, Семеновъ, Колзаконъ и нѣсколько народу).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Алябьевъ, Биркинъ, Семеновъ, Колзаконъ и другіе. Воевода садится за столъ; нѣкоторые садятся; нѣкоторые стоятъ. Романъ Пахомовъ подаетъ грамоту воеводѣ.

ВОЕВОДА.

Здорово ли доѣхалъ?

РОМАНЪ ПАХОМОВЪ.

Ничего.

ВОЕВОДА.

Ну, молодецъ же ты, Романъ Пахомовъ!

Хвала и честь тебѣ! Чай отдохнуть

Съ дороги—то захочешь?

РОМАНЪ ПАХОМОВЪ.

Да когда ужъ!

Велѣли къ вамъ заѣхать, да въ Казань.

Ужъ отдохну, вернувшись изъ Казани.

(Отходитъ).

ВОЕВОДА.

Всѣ собрались?

ГОЛОСА.

Всѣ.

ВОЕВОДА (отдаетъ грамоту Семенову).

Читай, Василій!

СЕМЕНОВЪ.

Сначала тутъ, какъ водится, всѣ власти

Казанскія и весь народъ помянуть:

Татары, черемиса, вотяки

И прочіе. (Читаетъ) « Не разъ мы вамъ писали

О нашей гибели и разореньи;

И снова молимъ васъ: не позабудьте,

Что вы родились въ православной вѣрѣ,
 Святымъ крещеніемъ знаменовались.
 Сего—то ради положите подвигъ
 Страданья вашего за вашихъ братій!
 Молите всѣмъ народомъ христіанскимъ
 Людей служилыхъ быть въ соединеннѣ,
 И за одно стоять противъ враговъ
 И всѣхъ предателей хрестыанской вѣры.
 Вы сами видите, что всѣмъ близка
 Отъ тѣхъ враговъ коначная погибель.
 Въ которыхъ городѣхъ они владѣли,
 Какое разоренье учинили!
 Гдѣ Божьи образы и гдѣ святыня?
 Не все ли разорили до конца
 И обругали наглымъ поруганьемъ!
 Гдѣ множество безчисленное въ градѣхъ?
 Не всѣ ли люто горькими смертями
 Скончались! Гдѣ въ селахъ наши чада,
 Работные? Не всѣ ли пострадали
 И въ плѣнъ разведены! Не пощадили
 И престарѣвшихъ возрастомъ. Сѣдинъ
 Не устрашили старцевъ многолѣтнихъ
 И душъ незлобивыхъ младенцевъ. Всѣ
 Испили чашу праведнаго гнѣва.
 Попомните и смилуйтесь надъ нами,
 Надъ общей гибелью, чтобъ васъ самихъ
 Та лютая погибель не постигла!
 Не мѣшкая, идите въ сходъ къ Москвѣ!
 Вы сами знаете, всему есть время,
 Безъ времени бездѣльно начинанье
 И суетно. А если есть межъ васъ
 Какое недовольство, отложите!
 Соединитесь всѣ, забывъ обиды,
 И положите подвигъ пострадать
 Для избавленія православной вѣры!
 Незакосненно сотворите дѣло,
 Казною и людьми помогите!
 Чтобъ скудостью и гладнымъ утѣсненьемъ
 Боярамъ, воеводамъ и всѣмъ людямъ
 Порухи никакой не учинилось.

О томъ васъ молимъ много со слезами,
И отъ всего народа бьемъ челомъ!»

ВОЕВОДА.

Вели списать ты списокъ слово въ слово,
А грамоту отдай свезти въ Казань.

МИНИНЪ.

А что отвѣтимъ?

СЕМЕНОВЪ.

Знаютъ воеводы

Про то, а наше дѣло будетъ — слушать.

МИНИНЪ.

Послушаемъ.

ВОЕВОДА.

Мы рады бы идти,

Да насъ походы разорили вовсе.

Давно ль ходилъ князь Александръ Андреечъ,

И я ходилъ; безъ дѣла не сидѣли!

Казны да войска просятъ. Гдѣ жъ намъ взять?

АКСЕНОВЪ.

Поищемъ, такъ найдемъ.

СЕМЕНОВЪ.

А гдѣ найдешь ты?

АКСЕНОВЪ.

Промежь себя найдемъ; сберемъ, что можемъ.

СЕМЕНОВЪ.

Да много ль денегъ?

МИНИНЪ.

Сколько ни на есть!

Ужь это наше дѣло.

ВОЕВОДА.

Доброй воли

Я не снимаю съ васъ. Сбирайте съ Богомъ!

СЕМЕНОВЪ.

Ну, можетъ быть, кой-что и соберете;

Что жъ дѣлать будете?

АКСЕНОВЪ.

Тебя не спросимъ.

МИНИНЪ.

Найдемъ людей служилыхъ да стрѣльцовъ,

Да и пошлемъ къ Москвѣ.

СЕМЕНОВЪ.

Безъ воеводы?

МИНИНЪ.

Какъ прежь-того водилъ Андрей Семенычъ,

Такъ и теперь ему челомъ ударимъ.

ВОЕВОДА.

Я не пойду, усталъ.

МИНИНЪ.

Андрей Семенычъ!

Ты вздумай, если нашимъ нерадѣньемъ
 Московскому крещеному народу
 Конечная погибель учинится,
 Изсякнетъ корень христіанской вѣры,
 И благолѣпіе церковей Господнихъ
 Въ Московскомъ государствѣ упразднится, —
 Какой отвѣтъ дадимъ мы въ оный день,
 Въ день страшнаго суда?

ВОЕВОДА.

А кто порукой,

Что наше войско врагъ не одолѣетъ,
 Что врозь оно не разбѣжится, прежде
 Чѣмъ мы Москву передъ собой увидимъ.
 Не хуже насъ ходили воеводы!
 Со всѣхъ концовъ безчисленное войско
 Шло подъ Москву громовой черной тучей.
 Рязанцы шли съ Прокопомъ Лапуновымъ,
 Изъ Муромъ съ окольнічимъ Масальскимъ,
 Изъ Суздаля съ Андреемъ Просовецкимъ,
 Изъ городовъ поморскихъ шелъ Нащекинъ,
 Съ Романова, съ татарами-мурзами
 И съ русскими шли Пронскій да Козловскій,
 Съ Коломны и съ Зарайска князь Пожарскій,
 Петръ Мансуровъ велъ Галицкихъ людей,
 Изъ Костромы пошли съ Волконскимъ княземъ,
 Изъ Нижняго князь Александръ Андреичъ.
 Да не далъ Богъ; всѣ розно разошлись.
 Такъ какъ же хочешь ты, чтобъ съ горстью войска
 Я шелъ къ Москвѣ! Миѣ съ Господомъ не спорить!

МИНИНЪ.

Мы все на Бога. Сами виноваты,
 А говоримъ: «Богъ не далъ». Да за что
 Ему и дать-то намъ! Такое дѣло
 Великое какъ дѣлалось, самъ знаешь.
 Когда-то соберутся да пойдутъ,
 Какъ точно черезъ пень колоду валить.

А соберутся, — споры да раздоры :
 Да не о томъ, кто первый помереть
 За Русь святую хочеть; — разбирають,
 Кто старшій, набольшій, кто чиномъ больше,
 Кто стольникъ, видишь ты, а кто бояринъ.
 Другой бояринъ-то, гляди, въ Калугѣ
 Боярство-то отъ вора получилъ.
 Поспорять, покричать, доидеть до драки;
 До смертнаго убивства доходило!
 Потомъ и разойдутся насъ же грабить,
 Врагу на радость, царству на погибель.
 Да ты не осердись, Андрей Семенычъ!

ВОЕВОДА.

За что сердиться! Правду говоришь.

МИНИНЪ.

А тамъ и говорятъ, что не далъ Богъ.
 Что за корысть великимъ воеводамъ
 За насъ, за маленькихъ людей, сражаться,
 За дѣло земское стоять до смерти!
 Имъ хочется пожить да погулять!
 Имъ хорошо вездѣ. Съ царемъ повздорилъ,
 Такъ въ Тушино, — тамъ чинъ дадутъ боярскій;
 Повздорилъ тамъ, опять къ царю съ повинной: .
 Царь милостивъ, простить; а то такъ въ Польшу.
 Да и цалуютъ крестъ, кому попало,
 Не разбирая; на году разъ пять
 Господне имя всуе призывають.
 И всѣ они, прости меня Господь,
 Для временныя сладости забыли
 О мукѣ вѣчной. Имъ ли насъ спасать!
 Такими ли руками Русь очистить,
 И въ ней Господне царство обновить!

ГОЛОСА

Что правда, — правда; что грѣха таить!

ВОЕВОДА.

Кому жь стоять теперь за Русь святую,
 Кузьма Захарьевъ?

МИНИНЪ.

Гѣмъ, кто больше тернить,
 Кто передъ Богомъ не кривилъ душой.
 Когда народъ за Русь святую встанеть,

И дасть Господь побѣду надъ врагомъ.
 Намъ дороги родныя пепелища,
 Мы ихъ не промѣняемъ ни на что.
 Намъ вѣра православная да церковь
 Дороже всѣхъ сокровищъ на землѣ.
 Мы волею креста не цаловали
 Губителямъ. А гдѣ и огрѣшились,
 Съ веревкою на шеѣ присягали,
 Да и не знаютъ, какъ и замолить.
 Вотъ Кинешша, и Лухъ, и Болохна,
 И Юрьевоцъ омылися въ крови,
 Свою вину сторицей искупили.
 Самъ разсуди: по деревнямъ, по селамъ,
 Что терпять! Врагъ внезапно набѣгаетъ,
 Дома разграбить, да сожжетъ и церковь,
 Что обыденкой сложена всѣмъ міромъ
 За избавленіе Божіе отъ мора,
 Иль отъ другой напасти. Что тогда?
 Куда податься? Лучше умереть
 Въ честномъ бою, всѣмъ разомъ, съ глазу на глазъ
 Съ врагомъ, — чѣмъ гибнуть всѣмъ по одиночкѣ,
 Въ плетняхъ да въ рощахъ звѣремъ укрываясь.

ВОЕВОДА.

За умноженіе грѣховъ Господь
 Насъ наказалъ. Мы знаемъ всѣ и терпимъ.
 Такъ не грѣшию ли противъ Божьей воли
 Намъ возставать? Не лучше ли смириться?
 Подумай! Тяжело бороться съ Богомъ!

МИНИНЪ.

Господь не вѣкъ враждуетъ противъ насъ
 И грѣшнику погибели не хочетъ.
 Придетъ пора, молитвой и слезами
 Святителей и праведныхъ людей
 Разящій гнѣвъ Господень утолитъ
 И намъ смиреннымъ снидетъ благодать.
 Господь смиряетъ и Господь возноситъ,
 Введетъ въ бѣду и изведетъ изъ бѣды.
 Врагъ одолѣлъ, творя его велѣнье,
 Смирились мы, и намъ Господь пошлетъ
 Побѣду на врага и одолѣнье!

ВОЕВОДА.

Мнѣ слѣду нѣтъ идти, пускай другіе.

МИНИНЪ.

Ты не пойдешь, мы безъ тебя поидемъ.
 Позволь мнѣ завтра кликнуть кличь къ народу:
 Что соберемъ, съ тѣмъ и поидемъ къ Москвѣ.
 По деньгамъ глядя, принайдемъ казаковъ.

БИРКИНЪ.

Не знаю, что Андрей Семенычъ скажетъ,
 А я бѣ тебѣ и думать не позволилъ
 Сбивать казаковъ своевольныхъ въ городъ.
 Въ Казани ихъ пуцаютъ понемногу,
 Такъ человекъ десятка два не больше,
 Бояся смуты. Да и хорошо.
 Въ тебя не влѣзешь. Говорятъ, чужая
 Душа потемки. Можетъ, ты затѣялъ
 Какую смуту, аль измѣну вчать!
 Твой замыселъ лукавъ, Кузьма! Ты хочешь
 Опутать краснымъ словомъ черный людъ
 И властвовать.

МИНИНЪ.

Постой, Иванъ Иванычъ!

Чего не знаешь, ты бѣ не говорилъ.
 Я вотъ и знаю, да молчу. Ты лучше
 Смотрѣлъ бы на себя, а не корилъ
 Поклепомъ злымъ людей, себя честнѣе.
 Тебя съ собой я не зову къ Москвѣ;
 Тебѣ и въ Тушинѣ тепло бывало.
 Живи себѣ, да бражничай здѣсь въ Нижнемъ!
 Я не мѣшаю, не мѣшай и ты!
 Я про тебя скажу такое слово,
 Что ты языкъ прикусишь.

СЕМЕНОВЪ.

При тебѣ,

Андрей Семеновичъ, такія рѣчи
 Онъ говоритъ. Возможно ли терпѣть!

МИНИНЪ (показывая на Биркина).

Ты видишь, терпитъ.

ВОЕВОДА.

Замолчи, Кузьма!

МИНИНЪ.

Я замолчу, да ужь и онъ не скажетъ
Ни слова больше, головой отвѣчу.

СЕМЕНОВЪ.

Такъ я скажу. Я замыселъ твой вижу.
Не смуту, нѣтъ, ты смуты не затѣешь,
Ты отъ казны попользоваться хочешь,
Чужой копейкой поживиться, вотъ что!
Вы всѣ барышники!

МИНИНЪ.

Очнись, Василій

Семеновичъ! Ты старый человѣкъ!
По дурусти ты это говоришь,
Или по злобѣ на меня, — не знаю.
Нѣтъ, я души своей не продавалъ
И не продамъ. Душа дороже денегъ,
Мы знаемъ твердо, ты не позабылъ ли?
Мы тѣмъ живемъ, что Богъ въ торгу пошлетъ;
Къ поборамъ, да къ посуламъ не привыкли;
Добро чужое честно бережемъ,
А истеряемъ, такъ своимъ заплатимъ.
Ты будь покоенъ, я и не возьмуся
Ни собирать, ни соблюдать казну.
Мы старикамъ дадимъ на сбережене,
Ужь только не тебѣ, ты не взыщи!
Вотъ, Петръ Аксенычъ, человѣкъ бывалый!
Найдутся и другіе послужить
Для дѣла земскаго.

АКСЕНОВЪ.

Богъ дастъ, послужимъ.

Не въ тягость служба, коли дѣло Божье,
Да земское.

ВОЕВОДА.

А много ли собрать
Мекаете? Вамъ это дѣло ближе,
Виднѣе.

МИНИНЪ.

Прикажи намъ кликнуть кличъ,
Тогда увидимъ.

СЕМЕНОВЪ.

Много не сберете.

АКСЕНОВЪ.

Что Богъ пошлетъ, и тѣмъ довольны будемъ.
Такъ прикажи, Андрей Семенычъ, кликнуть!
ВОЕВОДА.

Всѣ просите?

ГОЛОСА.

Всѣ, всѣ, Андрей Семенычъ!
ВОЕВОДА.

Ну, кличте, съ Богомъ!

СЕМЕНОВЪ (Минину).

Соберешь алтынъ

За гордость за свою.

МИНИНЪ.

Не ошибись!

АКСЕНОВЪ.

Благодаримъ тебя, Андрей Семенычъ,
Что ты позволилъ намъ къ народу кликнуть
И собирать казну на Божье дѣло!
За что бы, кажется, благодарить!
Свои мы деньги соберемъ, положимъ
Свои труды; да вѣдь другой, пожалуй,
И помѣшалъ бы намъ, а ты велишь.
Такъ ужъ тебѣ спасибо и за это!

МИНИНЪ.

Князья и воеводы и бояре
И всѣ честные люди, посудите
Своимъ умомъ и разумомъ великимъ
Мою простую рѣчь! Не обезсудьте.
Что я, помимо старшихъ, затѣваю
Такое дѣло! Не своя гордыня
Ведетъ меня. Гордыня — вражье дѣло;
А я слуга, я рабъ велѣній Божьихъ.
Сегодня ночью преподобный Сергій
Мнѣ грѣшному явился и велѣлъ онъ
Будить народъ и поспѣшать къ Москвѣ.
Когда я близкимъ сталъ про это чудо
Разсказывать, въ тотъ самый часъ гонцы
Явились съ грамотой архимандрита.
И мнится мнѣ, что самъ угодникъ Сергій
Ее прислалъ. Бояре, воеводы!
Я чудо Божье утаить не смѣлъ
И вамъ повѣдалъ все, какъ передъ Богомъ.

И слушать и не слушать ваша воля;
 А мнѣ одно: служить я буду Богу.
 Я рабъ, пославшаго творю велѣнья,
 Пока исполнится завѣтъ Господень,
 Пока кремлевскія увижу стѣны.

ГОЛОСА.

Иди, иди къ Москвѣ, Кузьма Захарьичъ!
 Тебя Господь поддержитъ, укрѣпитъ....

ВОЕВОДА.

И мы по силѣ—по мочи поможемъ.

ГОЛОСА.

Поможемъ всѣ тебѣ!—Поможемъ всѣ!

ВОЕВОДА.

А грамоту снесите къ протопопу,
 Чтобъ завтра за обѣдней прочитайъ.
 Велите въ колоколъ большой ударить.
 Чтобы народу собралось побольше.

СЕМЕНОВЪ.

А гдѣ свинцу да пороху возьмете?
 Безъ огненнаго бою какъ соваться!

МИНИНЪ.

Займемъ въ Казани, тамъ въ остатѣ много.

СЕМЕНОВЪ.

А не сберешь ты войска, что тогда?

МИНИНЪ.

Одинъ пойду.

СЕМЕНОВЪ.

Одинъ не ратникъ въ полѣ.

ПОСПѢЛОВЪ.

Ты не одинъ пойдешь, и мы пойдѣмъ.

Посадскіе, торговые помогутъ
 Вамъ деньгами, а мы всѣ головами.

ДЪТИ БОЯРСКІЕ.

Мы всѣ идемъ съ тобой, Кузьма Захарьичъ!

ПОСПѢЛОВЪ.

Никто меня здѣсь въ Нижнемъ не удержитъ!

Служилые, воинскіе мы люди,
 Мы по приказу шли и умирали,

Велятъ — иди и голову клади;

Теперь безъ зова я иду, охотой!

Ужъ умирать, такъ за святое дѣло!

КОЛЗАКОВЪ.

Тебя Господь своимъ сподобилъ чудомъ;

Иди же смѣло въ бой, избранникъ Божій!
 И насъ возьми! Авось вернется время,
 Когда царямъ мы царства покоряли,
 Въ незнаемыя страны заходили,
 Край видѣли земли, передъ глазами
 Земля морскимъ отокомъ завершалась
 И выль сердито море окіянь.
 Довольно бражничать! Теперь есть дѣло —
 Точить оружіе, въ походъ собираться!

ВОЕВОДА.

И съ Богомъ! Только жаль, что васъ не много.

МИНИНЪ.

Да развѣ врагъ насъ одолѣлъ числомъ? —
 Онъ одолѣлъ насъ Божьимъ попущеньемъ.
 Не силой силенъ врагъ, а Божьимъ гнѣвомъ,
 Да нашей слабостью, да нашими грѣхами.

АКСЕНОВЪ.

Не войска нужно намъ, а благодати.

МИНИНЪ.

Великъ Господь, Владыко херувимскій!
 Прибѣжище и сила наша въ немъ!
 Его рука дала врагамъ побѣду,
 Его рука притупитъ ихъ мечи.

АКСЕНОВЪ.

Давидъ и малъ, да сильнаго свергаетъ.

ПОСПѢЛОВЪ.

Не много храбрыхъ вывелъ Гедеонъ.

МИНИНЪ.

Самсонъ все войско костью побиваетъ.

АКСЕНОВЪ.

Отъ гласа трубъ валится Ерихонъ.

КОЛЗАКОВЪ.

Съ большой ордой побить врага не диво.

МИНИНЪ.

Во мнозѣ Богъ! И въ малѣ Богъ!

АКСЕНОВЪ.

Аминь!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛІЦА:

ВОЕВОДА АЛЯБЬЕЪ. — БИРКИНЪ. — СЕМЕНОВЪ. — ПОСПѢЛОВЪ.
 КОЛЗАКОВЪ. — МИНИНЪ. — АКСЕНОВЪ. — ТЕМКИНЪ. — ГУБАНИНЪ.
 — ЛЫТКИНЪ. — НЕФЕДЪ МИНИНЪ. — ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА. —
 МАРФА БОРИСОВНА. Всякіе люди Нижняго Новгорода, обоего пола.
 Слѣпые.

(Площадь въ Кремлѣ недалеко отъ собора. Начинаеть рассвѣтатъ).

ЯВЛЕНІЕ I.

Часть народа толпится на паперти у собора, между ними Губанинъ
 Вбѣгаетъ Лыткинъ.

ЛЫТКИНЪ.

Ахъ, отцы мои, вотъ страсти-то! (Увидавъ Губанина).

Сѣма! Сѣма! Родимый ты мой, что за напасть такая?

ГУБАНИНЪ.

Какая напасть?

ЛЫТКИНЪ.

Да какъ же, Сѣма! Зачѣмъ въ большой колоколъ-то били?
 Слышу я, зачали въ колоколъ бить, народъ бросился въ городъ,
 такъ и обмеръ. Ну, думаю, всполохъ отъ воровскихъ людей.

ГУБАНИНЪ.

Какой всполохъ? Что ты!

ЛЫТКИНЪ.

Такъ зачѣмъ же въ большой-то? Нонѣ праздника нѣту.

ГУБАНИНЪ.

Зачѣмъ и въ большой, чтобъ больше народу набралось. Гра-
 моту изъ Сергіева монастыря читать будутъ.

ЛЫТКИНЪ.

Ишь ты! А вѣдь мнѣ сдуру-то втемяшилось, что всполохъ.
 Велѣлъ домашнимъ всю рухлядь, что есть, волочь въ городъ на
 слѣхъ. Тутъ у воротъ подъ горой и складываютъ.

ГУБАНИНЪ.

Кто о душѣ, а ты все о рухляди. Какъ тебѣ не стыдно?

ЛЫТКИНЪ.

Молодъ еще ты учить-то! Я ужь страсти-то видывалъ. Какъ тогда князь Вяземскій подходилъ, натерпѣлись тоже не мало. Оно точно, Богъ сохранилъ, а добра-то что распало.

ГУБАНИНЪ.

На Москвѣ больше нашего распало.

ЛЫТКИНЪ.

Такое опредѣленіе. Значить, терпи! Ну, а намъ, пока Богъ милуетъ, свое добро беречь надо. Отошла обѣдня-то?

ВЪ НАРОДЪ.

Грамоту читають.—Грамоту читають.

ГУБАНИНЪ.

Ужъ какъ хочется послушать! Кажись, ничего бы не пожалѣлъ.

ЛЫТКИНЪ.

Ужъ и я бы послушалъ. Протѣснимся какъ нибудь. Посторонитесь, почтенные!

(Проходятъ. Народъ мало по малу протѣсняется въ соборъ. У паперти открывается кучка слѣпыхъ, которые были скрыты народомъ).

СЛѢПЫЕ (запѣвають).

Живалъ себѣ славенъ на вольномъ свѣту,
 Пивалъ, ѣдалъ сладко, носилъ хорошо,
 Золотыя одежды богатъ надѣвалъ,
 Про милость про Божью богатъ не давалъ,
 Про нищую братью богатъ забывалъ,
 А былъ у богатаго убогій братецъ:
 Восползеть убогій къ богатому на дворъ,
 Закричитъ убогій громкимъ голосомъ.

(Заря занимается. Народъ выходитъ изъ собора. Всѣ утираютъ слезы. Слышны голоса: «Подайте слѣпому, убогому! Сотворите святую милостыню!» Мальчики уводятъ слѣпыхъ на паперть).

ДВѢНН П.

ПРОХОДЯТЬ ДЪВОН.

1-я.

Экой плачь! Эко рыданіе во всемъ соборѣ!

2-я.

Да и было отчего. Все тебѣ, какъ на ладонкѣ, видно, какъ

Москва гибнетъ, какъ вѣру православную попираютъ. Какъ же тутъ не заплакать! Что мы, каменные, что ли!

(Проходить).

СТАРШЕЕ И ЖЕНЩИНА.

СТАРИКЪ.

Гибнетъ, говоритъ, все наше государство! гибнетъ вѣра православная! Легко сказать—гибнетъ вѣра православная! Какое это слово! Скажи ты мнѣ, каково слышать!

ЖЕНЩИНА.

Тяжко—то оно слышать, тяжело, а хорошо, кабы почаще намъ эти слова напоминать! А то живемъ тутъ, бѣды большой надъ собой не видимъ, никакой муки не терпимъ; этакъ, не то что своихъ ближнихъ, и Бога—то забудешь.

(Проходить).

ПРОХОДЯТЬ ЧЕТВЕРО.

1-я.

Мы за вѣру православную должны до смерти стоять! Слышите, до смерти!

2-я.

А кто же прочь? Да хоть сейчасъ умирать!

3-я.

Потому, коли ты за вѣру пострадалъ, небесное царствіе наследуешь.

4-я.

Безпремѣнно.

(Проходить).

ДВѢ ЖЕНЩИНЫ.

1-я.

Ни въ жизнь столько слезъ не видала! Ни на однихъ похоронахъ того не бываетъ.

2-я.

Ужъ и не говори! Такъ рѣкой и разливались. Ангелы-то съ небеси, чай, смотрять да радуются.

(Проходить. Выходятъ народъ и становится стѣнами, образуя улицы для выходящихъ изъ собора. Выходятъ: Воевода, Биркинъ и Семеновъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Воевода, Биркинъ, Семеновъ.

ВОЕВОДА (утиралъ слезы).

Вы видѣли, какъ плакалъ весь народъ,

Вы слышали тяжелья рыданья!
 Какія слезы! Боже! Правъ Кузьма:
 Съ такимъ народомъ можно дѣло дѣлать
 Великое. Онъ кротокъ, какъ дитя,
 Онъ плачетъ. Но, взгляните, эти слезы —
 Не хныканье старухъ и стариковъ;
 Въ нихъ сила страшная; омывшись ими,
 Онъ чистъ и твердъ, какъ камень самоцвѣтный;
 Онъ сбросилъ тяжесть помысловъ житейскихъ,
 И суеты, и будничныхъ заботъ,
 И вышелъ непороченъ: хотъ на битву
 Веди его, хотъ въ монастырь честной,
 Хотъ на небо.

СЕМЕНОВЪ (со слезами).

Великую ты правду,

Андрей Семенычъ, говоришь. Я старъ,
 Замастерѣлъ въ грѣхахъ; а Божье слово,
 Въ часъ утренней молитвы, возвышаетъ
 Мнѣ душу грѣшную, и рвутся цѣпи,
 Къ землѣ гнетущія; хочю подняться,
 Какъ утопающій, ищю спасенья;
 Цвѣтущій берегъ райскій вижу ясно;
 И плыть готовъ и силу обрѣтаю.

ВОЕВОДА.

Страдалъ народъ; теперь конецъ страданью,
 Замѣтно по всему. И страшно будетъ
 Отмщеніе за пролитую кровь.

БИРКИНЪ.

Потерпите и еще.

ВОЕВОДА

Вотъ ты увидишь,

Что этотъ день начало избавленья
 Отъ всѣхъ напастей, обстоющихъ насъ.
 Народъ проснулся. Даромъ такъ не плачутъ.
 Повѣрь ты мнѣ: заря освобожденья
 Здѣсь въ Нижнемъ занялась на всю Россію.
 Взойдетъ и солнце.

СЕМЕНОВЪ.

Кабы намъ твоими

Устами медъ пить.

ВОЗВОДА.

Дастъ ли Богъ дождь?

А дождемъ, увидимъ. Эко чудо!
Все изъ ума нейдетъ. Какія слезы!
Всѣ плакали, отъ мала до велика.

(Уходятъ. Входятъ: Аксеновъ, Поспѣловъ, Тенкинъ, Губанинъ, Лыткинъ и нѣсколько народа).

ДѢЙСТВІЕ IV.

Виркинъ, Семеновъ, Аксеновъ, Поспѣловъ, Тенкинъ, Губанинъ, Лыткинъ и народъ.

ПОСПѢЛОВЪ.

Выходящій отъ обѣдни, помолясь
Съ усердіемъ и до сыта поплакавъ,
И такъ тебѣ легко на сердцѣ станетъ;
И подъ ногами твѣ земли не чуешь,
И ногъ не слышишь; и заря-то ярче
Горитъ на небѣ; точно сладкій медъ,
Пьешь воздухъ утренній. Также дико!
Какая лёгость для души молитва!
Взялся бы съ мѣста, да и полетѣлъ!
А день придетъ — забота за заботой
Навалится, опять отяжелѣешь.

АКСЕНОВЪ.

Вѣстимо, утромъ человекъ помягче,
Пока не заболтался въ суетѣ;
И разумъ крѣпче, да и воля тверже,
И особливо помолясь усердно.
Сейчасъ наказывалъ Кузьма Захарьичъ
Сказать народу, чтобъ не расходился.
Пожалуй, послѣ всѣхъ и не сберешь,
Да и сердца-то огрубѣтъ успѣють.
Теперь въ соборѣ заказалъ молебень
Онъ Ангелу Хранителю Космѣ —
Безсребреннику. Вы поговорите
Съ народомъ-то, пока молебень кончатъ.

(Тенкинъ и Губанинъ отходятъ къ народу, — одинъ въ одну сторону, другой въ другую).

ТЕМКИНЪ.

Почтенные! Маленько подождите:
Кузьма Захарычъ хочетъ говорить.

ГУВАНИНЪ.

Коли не въ трудъ, повремените малость:
Кузьма Захарычъ приказалъ просить.
(Мининъ выходитъ изъ собора).

АВАНЪ У.

Тѣ же, и Мининъ.

МИНИНЪ (съ лобнаго мѣста)

Друзья и братья! Русь святая гибнетъ!
Друзья и братья! Православной вѣрѣ,
Въ которой мы родились и крестились,
Конечная погибель предстоитъ.
Святители, молитвенники наши,
О помощи взываютъ, молятъ слезно.
Вы слышали ихъ слезное прошенье!
Поможешь, братья, родниѣ святой!
Что жь! Разгнѣ въ насъ сердца окаменѣли?
Не всѣ ль мы дѣти матери одной?
Не всѣ ль мы братья отъ одной купели?

ГОЛОСА.

Мы всѣ, Кузьма Захарычъ, всѣ хотимъ
Помочь Москвѣ и вѣрѣ православной.

МИНИНЪ.

И аще, братья, похотимъ помочь,
Не пожалѣемъ нашихъ достояній!
Не пощадимъ казны и животовъ!
Мы продадимъ дворы свои и дома!
А будетъ мало: женъ, дѣтей заложимъ!

ГОЛОСА.

Заложимъ женъ! Дѣтей своихъ заложимъ!

МИНИНЪ.

Что мѣшкать даромъ, время насъ не ждетъ!
Нѣтъ дѣла ратнаго безъ воеводы:
Изыщемъ, братія, честнаго мужа,
Которому то дѣло за обычай,
Вести изъ Москвѣ и земскимъ дѣломъ править.
Кто воеводой будетъ?

ГОЛОСА.

Князь Димитрій
 Михайловичъ Пожарскій! — Князь Пожарскій!
 Другаго намъ не надо!

МИНИНЪ.

Воля Божья!

Пожарскаго избрали мы всѣмъ міромъ,
 Ему и править нами. Гласъ народа —
 Гласъ Божій. Выберныхъ людей пошлемъ
 Просить и кланяться, чтобъ шелъ къ намъ на спѣхъ.
 Теперь, друзья, несите, кто что можетъ,
 На дѣло земское, на помощь ратнымъ.
 Я, Господи благослови начало,
 Свои, коньшья и трудовья,
 Всѣ, до послѣдняго рубля, кладу.

Нѣсколько голосовъ.

И мы, и мы всѣ за тобой готовы
 Отдать свою копейку трудовую!

ДРУГІЕ ГОЛОСА.

Что деньги! Деньги дѣло наживное;
 Какъ живы будемъ, наживемъ опять.

МИНИНЪ.

Да изъ собора я послалъ Нефеда,
 Чтобъ изъ дому несли, что подороже:
 Жены Татьяны поднизи и серьги,
 Весь жемчугъ, перстни, ферязи цвѣтныя,
 Камку и бархатъ, соболь и лисицу;
 Да взяли бъ у святыхъ иконъ займы,
 На время только, ризы золотыя.
 Пошлетъ Господь, оправимъ ихъ опять.

ГОЛОСА.

Все отдадимъ! — Теперь не до нарядовъ!
 Въ нарядахъ суета мірская ходить!

(Начинаются приношенія).

МИНИНЪ.

Ты, Петръ Аксенычъ, стань, блюди казну!
 Ты, дѣдушко, не знаю, какъ назвать-то,
 Постой у денегъ! Принимайте вмѣстѣ!

(Аксеновъ и старикъ входятъ на лобное мѣсто и при-
 нимають приношенія. Мининъ сходитъ).

БИРКИНЪ.

Нѣтъ, въ Нижнемъ принялись за дѣло крѣпко.

Здѣсь дѣлать нечего; а по добру
Да по здорову лучше убираться.

СЕМЕНОВЪ (подходить къ Минину).

Обидѣлъ я тебя, Кузьма Захарычъ,
Прости меня!

МИНИНЪ.

Господь тебя проститъ.

СЕМЕНОВЪ.

Я шивель, смущаемъ дьявольскимъ пролащеньемъ,
Что грубый ты и гордый человекъ,
Что ради славы суетной ты ищешь
Владычества надъ равными тебѣ
И временной корысти. Провѣщаетъ
Господь мнѣ очи нынѣ. Зрю въ тебѣ
Поборника по вѣрѣ православной,
Ясносіятельной и непопраной,
И кланяюсь тебѣ, прости меня!
Я старъ, душѣ моей приспѣло время
Сводить расчетъ дѣлъ правыхъ и неправыхъ.
И такъ грѣховъ довольно на душѣ;
Ты отпусти мнѣ этотъ грѣхъ послѣдній,
Все легче будетъ хоть однимъ грѣхомъ.

МИНИНЪ.

Не у меня, у Господа прощенья
Проси! А я обидь твоихъ не помню.

СЕМЕНОВЪ.

Ну, и спаси тебя Господь за это!
Не откажите малый вкладъ принять
Отъ многогрѣшнаго раба Василья.

(Отходитъ съ Мининимъ. Народъ болѣе и болѣе гѣ-
снитса у лобнаго мѣста. Начинаютъ приносить даже
вени, что и продолжается до конца дѣйствія).

ГУБАНИНЪ (Темкину).

Найди домой, принести свое хоботье!
Оставлю чашку щей да хлѣба на-день,
Съ меня и будетъ.

ТЕМКИНЪ.

Погоди, усидеть!

Мы первые пошли на это дѣло,
Не спятимся. Что, Лыткинъ замолчалъ?

ГУБАНИНЪ.

Ты знаешь, Лыткина имѣнье близко?

Онъ въ городъ перенесъ, боясь исполоху;
 Какъ давеча къ обѣдн зазвонили
 Въ большое било, онъ и испугался.

ТЕМКИНЪ.

Ну, ладно жь! Погоди, Василий Лыткинъ! (Лыткину).
 Ай Вася! Вотъ хвалю! Такъ, братъ, и надо!

ЛЫТКИНЪ.

А что?

ТЕМКИНЪ.

Да какъ же! Ты свои пожитки
 Всѣ приволокъ. Чего небудь да стоить.

ЛЫТКИНЪ.

Да нешто я про васъ?

ТЕМКИНЪ.

А про кого же?

ЛЫТКИНЪ.

Я для сохранности принесъ.

ТЕМКИНЪ.

Ну, полно

Шутить-то съ нами!

ЛЫТКИНЪ.

Да какія шутки!

А вотъ возьму, да и пошлю домой.

ТЕМКИНЪ.

Покойниковъ съ погосту въ домъ не носятъ.

ЛЫТКИНЪ.

Такъ что же вы хотите?

ТЕМКИНЪ.

Вотъ покличемъ

Мы молодцовъ, перетаскаютъ мигомъ.

А изъ мірской казны не отдадутъ.

ГУБАНИНЪ.

Да и просить-то стыдно.

ЛЫТКИНЪ.

Что жь вы, грабить

Меня хотите?

ТЕМКИНЪ.

Какъ же быть съ тобой?

Неволя заставляетъ, самъ доводишь!

ГУБАНИНЪ.

Ты скупостью своей и часъ позаринь!

Паршивая овца все стадо жортитъ.

ЛЫТКИНЪ.

Ужь вы меня пустите!

ТЕМКИНЪ.

Нѣтъ, уйдемъ!

ЛЫТКИНЪ.

Не погубите!

ТЕМКИНЪ.

Вотъ что братъ, Василій!

Дай деньгами! Пожитковъ мы не тронемъ.

ГУБАНИНЪ.

Вѣдь деньги всѣ съ тобой. Боюсь всполаху,
Всѣ до кошельки изъ дому унесъ.

ЛЫТКИНЪ.

А много ль?

ТЕМКИНЪ.

Всѣ отдай!

ГУБАНИНЪ.

Ну, половину!

ЛЫТКИНЪ.

Ой, много!

ТЕМКИНЪ.

А заспоришь, хуже будетъ.

ГУБАНИНЪ.

Ну, третью деньгу дай!

ТЕМКИНЪ.

Съ лихой собаки

Хоть шерсти клочъ.

ГУБАНИНЪ.

Какъ на міру рѣшили!

ТЕМКИНЪ.

Развязывай кошель—то, сосчитаемъ!

(Всѣ трое садятся на землю и считаютъ деньги).

Три доли ровно, видишь. Двѣ тебѣ,

Сбирай въ кошель, завязывай потуже!

А третью часть съешь въ шапку, да и съ Богомъ!

Пойдемъ всѣ вмѣстѣ, отдадимъ съ поклономъ.

(Подходятъ къ Аксену).

Примай—ко, Петръ Аксенычъ!

(Лыткинъ подаетъ шапку).

АКСЕНОВЪ (высыпаетъ деньги и возвращаетъ шапку).

Вотъ спасибо!

Не ожидалъ я отъ тебя, Василій.

ЛЫТКИНЪ.

Я на мірскую нужду не жалѣю.

(Отходитъ).

Ужъ только знаешь грудь да подошвы,
Какъ мнѣ легко. Убраться скорѣе!

(Уходитъ. Входятъ Колзаковъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ ЖЕ И КОЛЗАКОВЪ.

КОЛЗАКОВЪ (Машину).

А я что дамъ? До нитки домотался!
А надо бы беречь на черный день.
И у меня добра довольно было,
Да сплыло все. Теперь людямъ завидно.
Не то завидно, милый человекъ,
Что хорошо живутъ, да чисто ходятъ;
А то завидно, что добро несутъ,
А мнѣ вотъ нечего. И одежонка
Вся тутъ. Да! Погоди! Тѣльничъ на шеѣ,
Серебряный, большой. Ну, слава Богу!
Нашлось таки, что Господу отдать.

(Снимаетъ.)

Возьми! Возьми! Пускай хоть разъ-то въ жизни
Пойдетъ на дѣло и моя копейка.

(Входитъ Татьяна Юрьевна и Нефедъ. За ними несутъ сундуки и ящики.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ, ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА И НЕФЕДЪ.

НЕФЕДЪ.

Какъ, батюшко, изволилъ приказать,
Такъ точно мы, по твоему приказу,
И сдѣлали — все принесли сюда.

МИНИНЪ.

Вонъ, видишь, Петръ Аксенычъ собираетъ!
Кладите въ кучу, послѣ разберутъ.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Вотъ, государь ты мой, Кузьма Захарычъ,
Ты прикажешь женѣ твоей, Татьянѣ,
Прислать тебѣ жемчугъ и ожерелья,

И съ нагошскими чертешки; и всю
 Забаву нашу, бабю. Я не знаю,
 На что тебѣ! Я все въ ларецъ поклала,
 Не думавши, взяла и принесла.
 Ты дума крѣпкая, Кузьма Захарычъ,
 Ты слово твердое, такъ что намъ думать.
 мининъ.

Сама Петру Аксенычу отдай!

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Все, государь, исполню, что прикажешь.

(Отдаетъ. Входитъ Марѳа Борисовна; за ней несутъ сундуки и ларцы.)

ДѢЙСТВІЕ VIII.

ТѢ ЖЕ И МАРФА БОРИСОВНА.

МАРФА БОРИСОВНА.

Богатое наслѣдство мнѣ осталось
 Отъ мужа моего и господина.
 Отцы и дѣды прежде накопили,
 А онъ, своимъ умомъ и счастьемъ, много
 Къ отцовскому наслѣдію прибавилъ,
 И умеръ въ раннихъ лѣтахъ; не судилъ
 Ему Господь плоды трудовъ увидѣть,
 Покрасоваться нажитымъ добромъ.
 Благословенья не было отъ Бога
 Мнѣ на дѣтей, — однимъ—одна осталась
 Хозяйкою несчетнаго добра,
 Добра чужаго, — я съ собою мало
 Въ домъ принесла. Искала я родныхъ;
 Родни его ни близкой не осталось,
 Ни дальней. Вздумала я — догадалась
 Раздать казну за упокой души,
 И весело мнѣ стало, что заботу
 Такую дорогую Богъ послалъ.
 И вотъ, благословясь, я раздавала
 По храмамъ Божиимъ на пошнѣ души,
 И нищей братьѣ по рукамъ, въ раздачу,
 Убогимъ и слѣпымъ и прокаженнымъ,
 Сиротамъ и въ убогіе дома;

Колодникамъ и въ тюрьмахъ заключеннымъ,
 Въ обители и въ Кіевъ и въ Ростовъ,
 Въ Москву и Угличъ, въ Суздаль и Владиміръ,
 На Бѣло-озеро, и въ Галичъ, и въ Поморье,
 И въ Грецію, и на святую Гору,
 И не могла раздать. Все прибавлялось, —
 То долгъ несутъ, то жертвому съ угодій.
 И, не ввуди вамъ Богъ такого дѣла,
 Ни въ жизнь бы мнѣ не расчитаться съ долгомъ.
 Тутъ много тысячъ! Съшите, не считайте!
 На добрыя дѣла, на обиходъ
 Еще немного у меня осталось.
 Коли нужда вамъ будетъ, такъ возьмете.
 А мнѣ на что! Съ меня и такъ довольно —
 Однихъ угодій хватить на прожитокъ.
 (Отходить къ сторонѣ.)

ПОСПѢЛОВЪ.

Ты мнѣ теперь еще дороже стала,
 Жена моя любезная!

МАРФА БОРИСОВНА.

Ахъ, что ты!

Я не жена еще!

ПОСПѢЛОВЪ.

Не все ль равно!

Не рано — поздно, будешь же женою.
 Да долго ль ждать-то? Скоро постъ начнется:
 Сама ты знаешь, свадьбы не вѣчаютъ.

МАРФА БОРИСОВНА.

Какой ты скорый! Развѣ мало дѣла?
 Все не управлюся.

ПОСПѢЛОВЪ.

Вотъ вы какія!

Вамъ только мучить человѣка! Знаю
 Я вашъ обычай. Что же за порядокъ!
 Тутъ постъ, а тамъ къ Москвѣ пора идти;
 Намъ и пожить-то виѣстѣ не удастся.

МАРФА БОРИСОВНА.

Ахъ, милый мой, такъ ты къ Москвѣ пойдешь?

ПОСПѢЛОВЪ.

Еще бы не пойти! Саме себому.

МАРФА БОРИСОВНА.

Ахъ мой сердечный! Экой ты хорошій!
Богъ дастъ, вернешься!

ПОСПѢЛОВЪ.

Какъ же, дожидайся!

Скорѣ голову свою положишь.

МАРФА БОРИСОВНА.

А голову положишь, нечто худо!
Что мученикъ, что на войнѣ убитый,
Вѣдь все равно. Куда ты угодишь,
Пойми! Намъ не бывать тамъ, гдѣ ты будешь.

ПОСПѢЛОВЪ.

Да я не прочь и голову сложить,
А все-таки, пока живешь здѣсь въ Нижнемъ,
Женись бы.

МАРФА БОРИСОВНА.

Объ дѣлѣ меньше будешь

Женатый думать. Вотъ что, другъ любезный!
Ты знаешь ли: женатый о женѣ,
А холостой о Богѣ.

ПОСПѢЛОВЪ.

Наше дѣло,

А не твое. Про то мы сами знаемъ.
Ты обѣщала, такъ назадъ не пятясь!

МАРФА БОРИСОВНА.

Зачѣмъ мнѣ пятиться! Какая стать!
Ну, чѣмъ ты не женихъ? Собою красавецъ,
И развеселый, и такой удалый!
Другихъ такихъ не сыщешь. Изъ-подъ ручки
На жениховъ такихъ невѣсты смотреть.

ПОСПѢЛОВЪ.

Да, только смотреть.

МАРФА БОРИСОВНА.

А тебѣ все мало.

ПОСПѢЛОВЪ.

Все шутки у тебя. Мнѣ не до шутокъ!
Тебѣ забава, — мнѣ кручина злая.
Я, точно подкошенная трава,
Безъ вѣтра-вихоря, безъ солнца вяну.
Ложись да умирай!

МАРФА БОРИСОВНА.

Дай Богъ пожить!

Повеселиться, да дѣтей поначить!

Ты не кручинься! Богъ дастъ, будемъ живы,
Еще успѣемъ и напилловаться
И надоѣсть другъ другу.

ПОСПѢЛОВЪ.

Богъ съ тобой!

Хотѣлъ браниться, что не держишь слова, —
Языкъ не слушаетъ. Махнуть рукой
Приходится, да ждать себѣ рѣшенья.
Хоть милуй, хоть казни меня — я твой!
И приказать и отказать вольна ты;
Прикажешь — ладно; нѣтъ — такъ Богъ накажетъ.
(Отходитъ.)

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Ты не зайдешь ли къ намъ отсюда, Марѳа
Борисовна, на пирожокъ?

МАРѢА БОРИСОВНА.

Не знаю,

Какъ и сказать тебѣ! Не обмануть бы!
Вотъ видишь ты: мое желанье было —
Снести казну, избавиться заботы,
Да въ монастырь, на тихое житье,
Пройти отсюда прямо, ужь домой
Не заходить; да послѣ разсудила,
Что надо будетъ Богу послужить
Еще въ міру пока. Сберется войско,
Постои да кормы имъ нужны будутъ;
Домъ у меня большой, народу много
Поставить можно. Надо приглядѣть
Да присмотрѣть самой. Свой глазъ все лучше:
Заглазно — безпокойно.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Ну, еще бы!

МАРѢА БОРИСОВНА.

Вотъ, разсудивши такъ-то, я отсюда
И думала пробраться въ Воскресенскій,
Себѣ хотѣлось келью присмотрѣть.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Вотъ ужь не думала. Да что ты, Марѳа
Борисовна! Ушамъ своимъ не вѣрю.
Такая ты веселая, все шутишь,
Смѣешься съ нами, парней молодыхъ
Не обѣгаешь....

МАРФА БОРИСОВНА.

Что же ихъ бояться?

Подумаютъ, горда. Грѣха-то больше!
 А пусть болтаютъ да смѣются вдоволь,
 Отъ дхнихъ словъ меня вѣдь не убудеть:
 Побалагуримъ да и разойдемся.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Да какъ же это? Алексѣй Михайлычъ
 Мнѣ сказывалъ, что онъ тебя засватагъ,
 И ты не прочь, и, будто, по рукамъ
 Ударили. Онъ ждетъ и не дождется.

МАРФА БОРИСОВНА.

Не говори ему, пускай онъ ждетъ.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Обманывать грѣшно!

МАРФА БОРИСОВНА.

Да что же дѣлать!

Ты разсуди сама: идти мнѣ замужъ
 Ужъ не приходится: я обѣщала
 Вдовой остаться, Божьей сиротой.
 А Алексѣй Михайлычъ ласковъ очень,
 Меня онъ любитъ; откажи ему —
 Разсердишь. Кротокъ онъ теперь и смиренъ;
 Пожалуй, въ гнѣвъ его введешь и въ злобу,
 И будетъ только грѣхъ одинъ. Ужъ лучше
 Хоть обману, да въ мирѣ проживемъ.
 Пусть думаетъ, что я его невѣста.
 Теперь къ Москвѣ собираться скоро будетъ.
 Дорога дальняя — меня забудетъ.
 Не до любви, — тамъ горе ждетъ его,
 А я молиться буду за него.

(Уходятъ. Народу все больше прибываетъ на площадь.)

ОДИНЪ ИЗЪ ТОЛПЫ.

Вотъ шесть алтынъ, двѣ деньги!

ДРУГОЙ.

Зипунишко!

(Подаютъ. Къ лобному мѣсту подходятъ толпами.)

ГОЛОСА.

Вотъ наши деньги изъ кваснаго ряду! —
 Изъ рукавичнаго! — Отъ ярославцевъ! —
 Костромичи собрали — принимайте!
 Стрѣльцы Колзакова Банма сотни.

ПОСРЯДЪ.

Вотъ праздникъ, такъ ужъ праздникъ! Ну, веселье!

ДИВЕНКА.

И я смотрю; дуна во мнѣ ростеть.
 Не ливо ли благословенне Божье!
 Теперь у насъ и войско, и казна,
 И полководецъ. Недалеко время,
 Когда, вооружась и окрылатѣвъ,
 Какъ непоборные орлы, помчимся
 И грянемъ на враговъ. Пусть лютый врагъ,
 Какъ левъ, зяеть, бѣсомъ вооружаемъ;
 Не страшень намъ злохитрый ковъ его!
 За насъ молитвы цѣлаго народа,
 Дѣтей и женъ и старцевъ многолѣтнихъ,
 И пѣнье иноковъ и клиръ церковный,
 Елей лампадъ, куреніе кадиль!
 За насъ угодуши и чудотворны,
 И легионы грозныхъ силъ небесныхъ,
 Полкъ ангеловъ и Божья благодать!

(Всѣгаеть юродивый.)

ДѢЙСТВІЕ III.

Тѣ же и юродивый.

ГОЛОСА.

Бѣжить убогий! — Гриша! — Пропустите!

ЮРОДИВЫЙ (на лобномъ мѣстѣ).

Вотъ денежки! Копеечки! Возьмите!

Ихъ много, много!

(Высыпаетъ деньги.)

ГОЛОСА.

Вотъ онъ собиралъ

Все на дорогу-то! — Выходить, правда. —

Ужъ эти деньги, братцы, всѣхъ дороже.

ЮРОДИВЫЙ.

Темно! темно! Не вижу ничего!

Гдѣ люди? Гдѣ земля? Все внизъ уходитъ.

Повыше бы подняться! Выше! Выше!

(Его поднимають.)

Я вижу, вижу!...

ГОЛОСА.

Что ты видишь, Греша?

Всѣмъ сказывай! — Всѣмъ говори, что видишь!

ЮРОДИМЫЙ.

Обители, соборы, много храмовъ,
 Стѣна высокая, дворцы, палаты,
 Кругомъ стѣны посады протянулись,
 Далеко въ поле слободы легли,
 Все по горамъ сады, на церквахъ главы
 Все золотыя. Вотъ, одна всѣхъ выше
 На солнышкѣ играетъ голова,
 Рѣка, какъ лента, вьется.... Кремль!... Москва!...

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

МИНИНЪ. — ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА. — НЕФЕДЬ. — АКСЕНОВЪ. —
 ПОСПѢЛОВЪ — СЕМЕНОВЪ. — ПЛОЩАДНОЙ ПОДЪЯЧІЙ. — ВЫ-
 БОРНЫЕ. НАРОДЪ.

(Горница въ домѣ Минина. Налѣво дверь въ другой покой, прямо въ сѣни).

ЯВЛЕНІЕ I.

Татьяна Юрьевна сидитъ у стола, пригорюнься; Нефедь стоитъ у
 притолки. Входитъ Аксеновъ.

АКСЕНОВЪ.

Миръ дому и живущимъ въ немъ! Здорово ль
 Вы здѣсь живете?

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Чьи ивбудь молитвы
 Доходятъ къ Богу; живы и здоровы!

АКСЕНОВЪ (садясь).

Такъ что жь вы приуныли, осовѣли?

НЕФЕДЬ.

Да батюшко....

АКСЕНОВЪ

Ну, что ны?

НЕФЕДЪ.

Тоскуеть очень.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

И не глядитъ на свѣтъ, сидитъ горюеть.

АКСЕНОВЪ.

Что за бѣда такая! Отчего бы?

НЕФЕДЪ.

Кто жь знаетъ!

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Нечто скажетъ!

АКСЕНОВЪ.

Вы бь спросили!

НЕФЕДЪ.

Не свѣемъ.

АКСЕНОВЪ.

Ну, тамъ я поговорю.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Поговори-ко, Петръ Аксанычъ, тогдакъ!

Авось уймется.

НЕФЕДЪ.

Батюшко идетъ.

(Татьяна Юрьевна и Нефедъ уходятъ въ среднюю дверь; Мининъ выходитъ изъ боковой).

ВЪИДИ П.

Аксеновъ и Мининъ.

АКСЕНОВЪ.

Здорово, другъ, Кузьма Захарычъ!

МИНИНЪ.

Здравствуй!

(Садится на лавку и молча смотритъ въ окно).

АКСЕНОВЪ.

Опомнись! Что ты! Какъ тебѣ не грѣхъ!

МИНИНЪ.

Тоска меня загрызла; изсосала

Мнѣ сердце, какъ змѣя.

АКСЕНОВЪ.

О чемъ скорбишь?

Ты мнѣ скажи, на сердцѣ легче будетъ.

МИНИНЪ.

Ты не поможешь. Горько мнѣ до смерти!
Скорбь лютая! Душа захолонула,
Упало сердце ретивое, кровь
По жиламъ холодѣть!

АКСЕНОВЪ.

Ты въ умѣ ли?

Не ты бы говорилъ, не я бы слушалъ!
Какое время, вспомни, грѣховодникъ!
Какое дѣло на плечахъ твоихъ!
Будь твердъ, какъ камень! Суетному горю
И малодушеству не предавайся!
Грѣхомъ унынїя грѣшишь предъ Богомъ!
Противна Богу суетная скорбь.

МИНИНЪ.

Нѣтъ суеты во мнѣ. Корень напрасно.
Земныя страсти надо мной невластны.
Разсыпся домъ и погребѣ семью,
Возьмись пожаръ и разнеси по вѣтру
Все нажитое, до послѣдней нитки, —
Я буду твердъ; хвалить и славить Бога
Не перестану; проронить слезу
Сочту грѣхомъ. Я нагъ на свѣтѣ родился
И нагъ въ могилу лягу. Страшно молвить!
Аксенычъ, страшно молвить! Наше дѣло,
Великое, святое начинанье,
Какъ сельскій цвѣтъ въ сурое вѣто, вянетъ.
Выводимъ стѣну, крышу крыть хотимъ,
А храма не крытая валится.
Вотъ отчего лицо мое мертвѣетъ
И земнымъ холодомъ ведетъ по тѣлу
И дыбомъ подбираетъ волоса.
Народъ волна — прихлынетъ и отхлынетъ.
Давно ль тотъ день, когда бѣжалъ толпами
Народъ на площадь, отдавалъ копейки
Послѣднїя и мѣдные кресты? —
А что теперь! Хоть плачь, хоть распинайся —
И денежки не вымолишь; забыли,
Что жемчугъ, дѣтей, жемчугъ заложить.
Всѣ вришь ты. Только бѣдники

И веселы; а тѣ, что побогаче,
 Какъ гуча черная, всѣ почернѣли.
 Разстаться жаль съ добромъ. Они не видятъ,
 Что дьяволъ ихъ тенетами опуталъ,
 И въ бездну тащить золотымъ арканомъ.
 А много ль мы собрали, Петръ Аксенычъ?
 Съ чѣмъ начинать? Подумай, посуди!
 А развѣ ты не видишь тайной злобы
 Ко мнѣ? Не всѣ, я не хочу грѣшнить,
 А есть такіе, — разорвать бы рады
 Меня на части. Точно о себѣ
 Радѣю я, а не о земскомъ дѣлѣ.
 Да ты послушай, что еще скажу!
 Послали выборныхъ, просить велѣли
 На воеводство князя. Князь Дмитрій
 Михайловичъ ихъ спросить: кто блюсти
 И ратнымъ раздавать казну приставленъ?—
 Меня не назовутъ, гляди, другого
 Кого нибудь. Все прахомъ и пойдетъ!

АКСЕНОВЪ.

Не гордость ли, Кузьма?

МИНИНЪ.

Нѣтъ, Петръ Аксенычъ!

Да развѣ гордость, не жалѣя силы,
 И день, и ночь, не покладая рукъ,
 Безъ устали, безъ отдыха работать!
 Одинъ для всѣхъ слуга я поминутный;
 Да и впередъ вамъ послужить хочу.
 Вѣдь я не почести прошу, а службы.
 Горячее-то время подойдетъ,
 Тутъ только поспѣвай, вѣдь съ ногъ собьешься;
 И не доѣвши вскочишь изъ обѣда,
 И ночи не доспишь, да не придется
 И лба себѣ перекрестить порядкомъ.
 Вотъ я чего хочу. Пускай другіе
 За дѣло примутся, тогда увидишь,
 Что заварится! Брань, да перекоры,
 Бездѣльные, пустые разговоры;
 Казны собрать алтына не сдумѣютъ;
 А что собрали, разтрясутъ, развѣютъ.

А дѣлу-то поруха! Намъ безчестье!
И передъ Богомъ грѣхъ незамолимый!

АКСЕНОВЪ.

Не дай Богъ слышать, а не то что видѣть
Грѣха такого!

МИНИНЪ.

Чай тебѣ случалось

Видать не разъ, какъ тонетъ человѣкъ;
А, можетъ, самъ тонулъ?

АКСЕНОВЪ.

Всего бывало.

МИНИНЪ.

Перекрестясь, да съ берега крутаго
Ты бросишься, на силу то падѣясь;
Плывешь такъ весело; на подорогѣ
Вдругъ страшно станеть; ищешь ты глазами,
Гдѣ ближе берегъ. Смотришь ты впередъ,
Тамъ столько же, какъ съ берега казалась
И вся рѣка; назадъ, — тамъ вдвое шире.
Кричать нѣтъ пользы, берега пустыя,
Отвѣта не дадутъ; а кто услышитъ,
Такъ скоро ль добѣжитъ, да сыщеть лодку!
Вдругъ смертная тоска одолѣваетъ;
Глазами водишь: мать сыра земля
Цвѣтетъ попрежнему, проходитъ стадо
Вдали, чуть видно; пролетѣли чайки
Съ зловѣщимъ крикомъ; облачко нашло
На солнышко, и плѣсо зарябилось
И потемнѣлъ тальникъ по берегамъ;
И сотворивъ молитву, тонешь, бѣдный,
Безъ помощи. Вотъ такъ и я тону.
Да не одинъ я, всѣ мы, всѣ мы тонемъ.

(Задумывается).

АКСЕНОВЪ.

Ты былъ у князя?

МИНИНЪ.

Одному тебѣ

Покаюсь, былъ.

АКСЕНОВЪ.

На чемъ же порѣшили?

МИНИНЪ.

Князь добрый человѣкъ. Меня окъ слушалъ

Привѣтливо и долго; обласкалъ
 И самъ спрашивалъ про все по ряду:
 «Да что? Да какъ? Да правду ль говоришь?
 Самъ понимаешь, княжеское дѣло.
 «Скажи-ка, говорю, ты мнѣ, князь Дмитрій
 «Михайловичъ, кто больше сработаетъ —
 «Голодный, али сытый? Подневольный,
 «Али за деньги нанятой? Скажи-ка,
 «Не оттого ли нашимъ воеводамъ
 «И дѣло ратное не удавалось,
 «Что только силу ратную считали,
 «А про кормы, да про казну забыли?
 «Безъ корму, да безъ денегъ, что за ратникъ!
 «Ни силы нѣтъ, ни духу! Ты возьми
 «Отъ человѣка до скота, — все тоже!
 «Вѣдь сытый конь побольше и свезетъ,
 «И въ гору вытянетъ; на чахломя много ль
 «Наѣздишь? Самого тянуть придется».
 Да такъ вотъ все ему, какъ на ладони,
 И выложилъ. Подумалъ князь, подумалъ,
 И говоритъ: «ты правъ, Кузьма Захарьевъ!
 «Съ такой аравой въ дальнюю дорогу
 «Мнѣ безъ тебя сражаться, что безъ рукъ.
 «Давай ужъ вмѣстѣ Господу послужимъ!»
 Поцаловались. Съ тѣмъ и отпустилъ.

АКСЕНОВЪ.

Такъ ты чего жъ боишься, маловѣрный?
 МИНИНЪ.

Да развѣ князь не можетъ передумать!
 Наскажутъ на меня, а онъ повѣритъ:
 Ты знаешь самъ, какъ я богатымъ солонгъ!
 А ихъ-то и послали съ челобитьемъ.
 Душа изъ гѣла рвется, полетѣлъ бы
 Однимъ глазкомъ взглянуть, что тамъ творится.

АКСЕНОВЪ.

А вотъ пріѣдетъ Алексѣй Михайлычъ —
 Расскажетъ все. Сегодня надо ждать.

(Поспѣловъ входитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Поспѣловъ.

АКСЕНОВЪ.

А онъ и тутъ. Легокъ же на поминѣ.
Здорово ль съѣздили?

ПОСПѢЛОВЪ.

Благополучно.

Дорога гладкая, морозецъ легкій!
По первопутью, ровно какъ по маслу,
Шутя доѣхали. Да и назаль
Вернулись по добру да по здорову.

МИНИНЪ.

Садись! Въ ногахъ нѣтъ правды! Говори!
Душа не терпитъ, сердце не на мѣстѣ.

АКСЕНОВЪ.

Все сказывай, какъ было, по порядку!

ПОСПѢЛОВЪ.

Вотъ, перво-на-перво, мы духовенство
Пустили въ горницу, а тамъ, честь честью,
Вошли и мы; кто старше, впереди.
Всѣ помолились, низко поклонились.
Князь подошелъ къ благословенью, отдалъ
Намъ всѣмъ поклонъ и началъ говорить,
Что радъ гостямъ, и что желаетъ слышать,
Какую нужду до него имѣютъ.
Тутъ всѣ заговорили. Дьякъ Василій
Большую рѣчь держалъ хитро и складно
И приводилъ слова святыхъ писаній.
Князь слезно плакалъ. Видно, что по сердцу
Ему пришелъ нашъ земскій приговоръ.
«Ступайте въ Нижній, говорятъ, скажите,
«Что я за вѣру пострадать готовъ
«До самой смерти. Только подобаетъ
«Между собою изъ людей посадскихъ
«Вамъ выбрать мужа, чтобы вмѣстѣ быть
«Намъ у великаго такого дѣла,
«Казну собирать и ратныхъ одѣлять

«И всё дѣла намъ дѣлать заедино».

И стали наши князю говорить:

«Не знаемъ мы такого человѣка!»

МИНИНЪ.

Они не знаютъ! Слышишь, Петръ Аксеновичъ?

Меня отъ службы земской оттирають,

Иду въ холопы къ нимъ — не принимаютъ.

АКСЕНОВЪ.

Постой! Возьми терпѣнье! Дай дослушать!

ПОСПѢЛОВЪ.

А князь имъ говоритъ: «у васъ Кузьма

«Захарьевъ, Сухорукъ, то дѣло знаетъ;

«Онъ человѣкъ бывалый и служилый,

«Ему такое дѣло за обычай!

«Его просите! Буде согласится,

«И я, не мѣшка, собираться буду».

Насъ накормили, брагой напоили,

И съ миромъ отпустили. Вотъ и все.

АКСЕНОВЪ.

Гдѣ жъ выборные?

ПОСПѢЛОВЪ.

Всѣхъ оповѣщаютъ

На площади. И копится народъ,

И сходится со всѣхъ сторонъ толпами;

Хотятъ всѣмъ міромъ двинуться къ тебѣ

Просить и кланяться, Кузьма Захарьичъ.

МИНИНЪ.

Они придутъ. О Господи, дай силы!

Дай твердости! Окамени мнѣ сердце!

О! загради мой слухъ! Да не смущаюсь

Коварными и лъстивыми словами!

Печатью огражденья запечатай

Уста мои! Да не отдамся весь

Въ чужую волю скорыми рѣчами!

Они придутъ! (Рѣшительно) Ну, что жъ! Пускай!

Мы примемъ.

АКСЕНОВЪ.

Крѣпись, Кузьма!

МИНИНЪ.

Да будетъ воля Божья!

(Входитъ Неведь).

НЕФЕДЬ.

Къ намъ гости, батюшко!

МИНИНЪ.

Встрѣчай съ поклономъ!

Широко распахните ворота!

Всѣ двери отворите и зовите!

ПОСПѢЛОВЪ.

Теперь я лишнее бревно въ избѣ.

(Уходить въ боковую дверь. Входятъ: Семеновъ, выборыные и народъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

МИНИНЪ, АКСЕНОВЪ, СЕМЕНОВЪ И ВЫБОРНЫЕ.

СЕМЕНОВЪ.

Кузьма Захарычъ! вѣдомо тебѣ,
 Что мы всѣмъ міромъ посылали къ князю
 Дмитрію Михайловичу въ Пурехъ
 Нижегородцевъ, выборыныхъ людей
 Изъ всѣхъ чиновъ, съ великимъ челобитьемъ.
 Да будетъ вѣдомо тебѣ, что Стольникъ
 Князь Дмитрій наше челобитье принялъ,
 И приказалъ сказать всему народу
 Нижегородскому свое рѣшенье:
 Что ради вѣры пострадать готовъ
 И собирается къ намъ въ Нижній на спѣхъ.
 У сбора же казны и у раздачи
 На жалованье ратнымъ людямъ денегъ
 Князь приказалъ приставить челоуѣка
 Бывалаго, изъ лучшихъ изъ посадскихъ.
 Да будетъ вѣдомо, Кузьма Захарычъ,
 Что мы, поговоривъ между собою,
 Съ посадскими и всякими людьми,
 Приговорили кланяться тебѣ
 И звать къ мірскому дѣлу неотступно.

ОДИНЪ ИЗЪ ВЫБОРНЫХЪ.

Ужъ не въ первой тебѣ, Кузьма Захарычъ,
 За дѣло земское руками браться.
 Мы много милостью твоей довольны.

И въ этомъ разѣ ты насъ не покинь.

(Всѣ кланяются).

ДРУГОЙ ВЫБОРНЫЙ.

Кузьма Захарьичъ! мы къ тебѣ съ поклономъ,

Съ великимъ челобитьемъ прибѣгаемъ.

Ты нашей просьбы не оставь! Всѣмъ міромъ

Тебя мы просимъ: послужи ты намъ!

(Всѣ кланяются).

ГОЛОСА.

Кузьма Захарьичъ, послужи!—Кому же,

Опричь тебя и некому у насъ!—

Всѣ просимъ: послужи, Кузьма Захарьичъ!

(Кланяются.—Татьяна Юрьевна, Нефедъ и Поспѣловъ
смотрять изъ боковой двери).

МИНИНЪ.

Благодарю, что вспомнили меня,

И низко кланяюсь. За честь спасибо!

(Кланяется).

Есть поумнѣйи меня и побогаче,

Да и постарше, прежде тѣхъ просите!

ГОЛОСА.

Намъ никого не надо.—Не хотимъ

Другаго!—Ты намъ любь.—Тебя мы просимъ!

МИНИНЪ.

Не бѣгалъ я отъ службы никогда,

Для дѣла земскаго бросалъ заботы

Свои домашнія, семью, торговлю,

Радѣлъ, чтобъ застоять да не обидѣть

Молодшихъ братій....

ГОЛОСА.

Мы тобой довольны,

Кузьма Захарьичъ, ты объ насъ радѣлъ.

МИНИНЪ.

Вотъ и недавно подняли мы дѣло,

И малое начало положили

Великому. Жалѣлъ ли я себя?

И деньги и добро принесъ я первый.

По моему—то, всѣмъ такъ подобаеть;

А, можетъ, кто жалѣеть. Какъ тутъ быть!

Какъ тутъ орудовать! Одинъ и душу

Радъ заложить; другому жаль копейку.

Стань принуждать, его обидишь кровно.

И только грѣхъ, да брань, да урекание!
Послужишь Богу, такъ людей обидишь!
Людымъ служить, такъ Богу согрѣшить!
Кому служить—то: людымъ или правдѣ?

ГОЛОСА.

Ты правдѣ послужи, Кузьма Захарычъ!

МИНИНЪ.

Служилъ бы правдѣ, силы не хватаетъ,
Послѣднюю на службѣ истерялъ.
Работалъ много, наработалъ мало!
Хлопотъ по горло, дѣла на алтынъ!
Любовью начали, свели на ссору!
Хотѣли волей собирать подмогу,
Теперь хоть силой отымай, такъ въ пору.
Что жь, мнѣ стоять съ ножемъ у горла, что ли?
Что было силы, послужилъ пароду.
Ужъ не взыщите, утрудился больно.

(Кланяется).

ЗАДНИЕ (переднимъ).

Просите! Кланяйтесь! Что такъ стоите!

ПЕРЕДНИЕ (кланяются).

Кузьма Захарычъ! пожалѣй ты насъ
Мы безъ тебя — безъ рукъ. Все дѣло прахомъ
Разсыплется.—Не совладать другому,
Напортить только. Гдѣ другому слѣвать!

МИНИНЪ.

И не просите лучше, не могу.

ВЫБОРНЫЙ.

Кузьма Захарычъ, можетъ, ты серчаешь
На насъ за что? Такъ гнѣва не держи!
Вину и виноватаго повѣдай!
Въ чемъ проступились, въ томъ и повинимся.

МИНИНЪ.

Другому кланяйтесь, я не слуга вамъ!
Послѣднее вамъ слово говорю.

(Садится къ столу и закрываетъ лицо руками).

ГОЛОСА.

Татьяна Юрьевна, ты, Петръ Аксеньгъ,
Покланяйтесь да попросите съ нами!

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА (съ поклономъ).

Не наше дѣло, батюшки; не смѣемъ.

АКСЕНОВЪ.

Не все жь ему плясать по вашей дудкѣ!
 Не въ часъ пришли, такъ лучше воротиться,
 Да съизнова придти, да поклониться.

(Всѣ кланяются).

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Прощенья просимъ!

ГОЛОСА.

Съ Богомъ оставайтесь!

(Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Мининъ, Аксеновъ, Пѣсъяловъ и Нефедъ смотрять въ окно, Татьяна Юрьевна у боковой двери.

МИНИНЪ.

Ушли! Ну, слава Богу! легче стало!
 Душа моя открыта передъ Богомъ,
 Я радъ служить, радъ душу положить!
 Я къ дѣлу земскому рожденъ. Я выросъ
 На площади, между народныхъ сходовъ.
 Я рано плакалъ о народномъ горѣ,
 И, не по лѣтамъ, тяжесть земской службы.
 Я на плечахъ носилъ своей охотой.
 Соблазну власти я не поддавался;
 И, какъ насѣдка бережетъ цыплятъ,
 Такъ я берегъ отъ властныхъ и богатыхъ
 Молодшую, обидимую братью.
 Теперь зовутъ меня, а я нейду;
 И не пойду служить, пока весь Нижній
 Въ моихъ рукахъ не будетъ поголовно
 Со всѣмъ народомъ и со всѣмъ добромъ.

НЕФЕДЪ.

Вернулись, батюшко.

МИНИНЪ.

Заприте двери!

Заткните окна!

АКСЕНОВЪ.

Что ты! Богъ съ тобой!

Пусти меня, я расскажу имъ толкомъ,
 Чтобъ написали земскій приговоръ.

(Идетъ къ двери, дверь растворяется. Видна толпа).

ГОЛОСА.

Кузьма Захарычъ, мы опять къ тебѣ.

МИНИНЪ.

Сказаль, что не пойду, — чего жь хотите!

Я и въ другой разъ то же говорю,

Придете въ третій, въ третій то же будетъ.

(Аксеновъ уходитъ и затворяетъ дверь).

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ ЖЕ ВЕЗЪ АКСЕНОВА.

ПОСПѢЛОВЪ (у окна).

Идутъ, нейдутъ, едва переступаютъ,

Какъ словно что забыли. Межь собою

Все шепчуть что-то, плачуть. Погляди!

Вотъ какъ ты дорогъ имъ, Кузьма Захарычъ!

МИНИНЪ.

Что жь, плачуть! Я и самъ заплачу съ ними;

Да дѣлу-то какая польза будетъ!

Довольно слезъ, теперь нужна намъ твердость!

Чѣмъ плакать, написали бъ приговоръ.

А и напишуть, я сейчасъ же къ князю

Пошлю его. Нефедъ, сѣдай коней!

И самъ собирайся наскоро въ дорогу!

Ты, Алексѣй Михайлычъ, съ нимъ поѣдешь.

Везите, пуще глазу берегите,

И прямо къ князю въ руки передайте!

А дома-то держать боюсь, отымуть,

Назадъ возьмутъ, коль въ чемъ не угодишь.

НЕФЕДЪ.

Я мигомъ, батюшко!

(Уходитъ).

ПОСПѢЛОВЪ.

Да не напрасно ль

Ты опасешься, Кузьма Захарычъ?

МИНИНЪ.

Да развѣ ты не видишь, какъ мнѣ горько

Хитрить съ народомъ, кабалить его?

Кабы не Божье дѣло, приговора

Я не просилъ бы. Я въ огонь и въ воду

По волѣ земской брошусь безъ оглядки.

И головой начальнымъ, и слугою
 Готовъ служить по первому ихъ слову.
 Мириться, ссориться не привыкать—стать,
 И поругаемся и помиримся,
 Другъ на другъ обиды не считаемъ.
 Брань не страшна, на вороту не виснетъ.
 То наше дѣло, дѣло поправное.
 А это дѣло Божье, за оплошку
 За каждую отвѣтишь передъ Богомъ.
 Привель Господь начать благое дѣло
 И надо честно совершить его.
 Я не свое хотѣнье исполняю,
 А волю, заповѣданную свѣше.
 Мнѣ больше далъ Господь и больше спросить.
 (Входятъ: Аксеновъ, подъячій, выборные, народъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, Аксеновъ, Подъячій, и выборные.

ОДИНЪ ИЗЪ ВЫБОРНЫХЪ.

Вели писать, а мы впередъ согласны
 На всякій твой приказъ, Кузьма Захарьичъ.

МИНИНЪ (подъячему).

Садись, пиши! (Подъячій садится). Всѣхъ помани въ
 началѣ!

Дворянъ, дѣтей боярскихъ и головъ,
 Всѣхъ по порядку напиши, какъ знаешь.

(Помолчавъ).

Пиши, что выбрали меня всѣмъ міромъ
 У сбора денегъ ратнымъ людямъ быти.

(Помолчавъ).

Пиши! И быти намъ Кузьмѣ послушнымъ
 И не противиться ему ни въ чемъ!

На жалованье ратнымъ людямъ деньги
 Имать у насъ у всѣхъ безпрекословно!

А не достанетъ денегъ, животы;

А животовъ не станеть, женъ съ дѣтми

Имать у насъ и отдавать въ закладъ.

(Помолчавъ)

Готово?

ПОДЪЯЧІЙ.

Написалъ.

МИНИНЪ (народу).

Ну, ладно ль будетъ?

ГОЛОСА.

Пусть будетъ такъ! Прикладывайте руки!

(Прикладываютъ руки).

МИНИНЪ.

Не премину радѣть о земскомъ дѣлѣ,

А за любовь за вашу бюю челомъ.

(Кланяется).

Теперь у Господа молить я буду,

Чтобъ даровалъ мнѣ силу мышцъ и мудрость

Змѣнную и кротость голубину.

(Нефедъ входитъ).

ОДИНЪ ИЗЪ ВЫБОРНЫХЪ.

Готово. Принимай, Кузьма Захарычъ!

(Подаетъ приговоръ).

МИНИНЪ (передаетъ Нефеду и Поспѣлову;
они уходятъ).

О Господи! Благодарю тебя!

(Падаеть на колѣни).

АКСЕНОВЪ.

Давно стоитъ земля, а не бывало

Такого дѣла на святой Руси.

И небывалую ты служишь службу.

Прими жь такое званіе отъ насъ,

Какого дѣды наши не слыхали

И внуки не услышать, и зовись

Ты выборнымъ всей Русскою Землею!

ГОЛОСА.

Ты выборный отъ всей земли великой!

Э П И Л О Г Ъ.

(ВЫХОДЪ ОПОЛЧЕНИЯ ИЗЪ НИЖНЯГО НОВГОРОДА).

(1612 Г., МАРТЪ).

дѣйствующія лица:

КНЯЗЬ ДМИТРІЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ПОЖАРСКІЙ, — воевода. — МИНИНЪ, выборный отъ всей земли русской. — АКСЕНОВЪ. — ПОСПѢЛОВЪ. — МАРФА БОРИСОВНА. — ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА. — ЛАПША. — ЮРОДИВОЙ. — Весь народъ нижегородскій и многихъ другихъ городовъ. — Войско.

Часть Нижняго посада та же, что въ первомъ дѣйствіи.

ЯВЛЕНІЕ I.

Посадскіе; впереди Аксеновъ, за нимъ двое держатъ хлѣбъ-соль. Подлѣ нихъ Лапша. Толпы народа. Нѣкоторые проходятъ въ Кремль и изъ Кремля.

ГОЛОСА.

Напутственный молебень поютъ. — Отпѣли, ратныхъ людей благословляютъ да кропятъ. — Ишь ты наши нижнепосадскіе хотятъ съ хлѣбомъ-солью проводить. — Ужь это какъ и водится. На нижнемъ посадѣ все и дѣло-то началось, съ Гостиннаго двора пошло. Здѣсь кашу-то заварили, а гляди, что вышло.

АКСЕНОВЪ (Лапшѣ).

Честъ честью, мы проводимъ съ хлѣбомъ съ солью
И добраго пути имъ пожелаемъ.

ЛАПША.

Я слышала, что по нашей сторонѣ,
Нагорнымъ берегомъ пойдутъ по Волгѣ,

На Болохну, на Юрьевецъ, на Решму.

АКСЕНОВЪ.

Ну да, на Ярославль прямой дорогой.
И любо, братецъ, будетъ посмотрѣть!
Какъ есть, — рѣка полетѣя. Ваши села
И города, что мелкіе ручьи,
Воды прикопать, — взбухнетъ, пополнѣетъ,
И вдругъ широкимъ половодьемъ хлынетъ
На супостатовъ вѣры православной,
Снесетъ и смоетъ ихъ съ лица земли.

ЛАПША.

Я съ Решемскими тоже потянуся.
Хоть кучка малая, а все помога.
Хлопотъ-то вамъ куда чай много было
Собрать такую силу?

АКСЕНОВЪ.

Ну, нельзя же!

Вотъ перво-на-перво пришли Смольяне,
Потомъ изъ Доргобужа да изъ Вязьмы.
Бродили бѣдные; вездѣ ихъ гнали;
Какъ дома-то у нихъ пораззорили,
И въ Ярополчъ и въ Арзамасъ сѣдѣли;
Вотъ къ намъ пришли и съ нами заедино
Хотятъ идти отмстить за кровь свою.
Потомъ Коломенцы пришли, Рязанцы,
За ними ополченье изъ Украйны,
Казакѣ и стрѣльцы, что при Васильѣ
Въ Москвѣ сидѣли. И своихъ довольно.
Охотой шли, никакъ ни остановишь!
И чудо, братъ, откуда что бралось!
Такъ и плыветъ, такъ и плыветъ богатство;
Со всѣхъ сторонъ казна, лишь принимай!
Кузьма кормы и жалованье ратнымъ
Самъ раздавалъ. И, Божьей благодатью,
Такъ и спорилось все въ его рукахъ.
Другіе нищѣ пришли, босые,
Безъ одежки; посмотри теперя!
Разбогатѣли, раскормились живо,
Всѣ молодцами смотрятъ, — загляднѣе!
Повѣришь ли, коня сегодня купить;

Дня черезъ три его и не узнаешь;
 Хозяинъ не узнаеть, хоть божись;
 Такъ раздобрѣеть. Смотримъ да дивимся.
 Ужь истинно, что Богъ избралъ Кузьму!
 Умень и счастливъ, да при всемъ при этомъ
 Благословенъ Божье помогаетъ.

ГОЛОСЪ ИЗЪ ТОЛПЫ.

Никакъ коней ведутъ воеводамъ.

ДРУГОЙ ГОЛОСЪ.

Здѣсь не сядутъ, пѣши пойдутъ.

(Изъ воротъ выходятъ Марѳа Борисовна, за ней бѣ-
 жить Поспѣловъ. Остававливаются поодаль отъ на-
 рода, у лавки Лыткина).

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ, МАРѢА БОРИСОВНА, ПОСПѢЛОВЪ.

МАРѢА БОРИСОВНА.

Москву увидишь, Алексѣи Михайлычъ,
 И отъ меня ей земно поклонись!
 Дай Богъ счастливо! Отправляйся съ Богомъ!
 Объ насъ не забывай!

ПОСПѢЛОВЪ.

О чемъ же помнить!

Мнѣ больше не о комъ, какъ о тебѣ!
 Припомню все, какъ я тебя увидѣлъ,
 Какъ любилъ, — спозналъ тоску-злодѣйку!
 Какъ за тобой по улицамъ широкимъ,
 По мелкимъ переулочкамъ ходилъ,
 Чтобъ только въ очи заглянуть украдкой!
 Припомню, какъ сидѣли, говорили!
 Какъ въ липовомъ покойчикѣ твоемъ
 Свѣтло и чисто, какъ въ раю небесномъ.
 Припомню, какъ сулила, общала
 Любить меня и быть моею женой,
 Какъ только время даромъ протянула,
 Какъ провела меня — и обманула!
 Припомню все! Суди тебя Господь!

МАРѢА БОРИСОВНА.

Вернешься ты, и вся твоя невзгода

Пройдетъ, какъ сонъ. И не о чемъ жалѣть!
 Настанетъ время тишины и мира
 И мы съ тобой любовно заживемъ.

ПОСПѢЛОВЪ.

Какъ знать, что будетъ! Лучше и не думать!
 Прощай! Увидимся ль на этомъ свѣтѣ?
 А не придется, свидимся на томъ.

(Цалуются).

МАРФА БОРИСОВНА.

Прощай, мой милый! Зла на мнѣ не помни!
 Я, не женою, матерью родной
 Хотѣла бъ проводить тебя въ дорогу
 Святымъ напутствіемъ, благословеніемъ.
 Поди ко мнѣ, тебя я поцалую
 Въ послѣдній разъ. Храни тебя Господь!

(Цалуются. Поспѣловъ убѣгаетъ. Подходить Татьяна Юрьевна).

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ И ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Кузьма Захарычъ только до Оки,
 До переправы, воеводъ проводитъ,
 Потомъ домой зайдетъ, проститься съ нами.
 У насъ и столъ накрытъ. Зайди и ты!

МАРФА БОРИСОВНА.

Ужъ я простилась. Только бы взглянуть
 Теперъ на Божьихъ воиновъ. Изъ дома
 Сегодня вышла я въ послѣдній разъ.
 Вотъ постою съ народомъ и глазами
 Своими посмотрю, какъ избавленье
 Пойдетъ на Русь святую; прошепчу
 Молитву, да и въ келью, прочь отъ міра.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

Я стану заходить къ тебѣ. Безъ мужа
 Вѣдь скучно будетъ, стану навѣщать.

(Уходятъ).

ГОЛОСА.

Идутъ. — Воеводы идутъ!

(Выходятъ: князь Пожарскій, Мининъ и за ними войско)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, Пожарскій и Мининъ.

АКСЕНОВЪ.

Нижегородцы Нижняго посада
Тебя, нашъ воевода, князь Димитрій
Михайловичъ, и съ выборнымъ съ Кузьмою
Захарьичемъ, въ дорогу съ хлѣбомъ съ солью
Желаемъ проводить.

(Подаетъ хлѣбъ-соль).

ПОЖАРСКІЙ.

Спасибо вамъ!

АКСЕНОВЪ.

Челомъ вамъ бьемъ, не брезгайте, примите!

(Пожарскій принимаетъ хлѣбъ-соль и передаетъ Минину. Мининъ передаетъ войску).

ПОЖАРСКІЙ.

Нижегородцы! Мы за васъ идемъ
Съ врагами биться, жизни не жалѣя;
А вы всецѣдраго молитѣ Бога,
Чтобы Московское намъ государство
Въ соединеннѣи видѣть, какъ и прежде,
Какъ при великихъ государяхъ было;
Кровопротилте бѣ въ людяхъ перестало;
А видѣть бы покой и тишину,
Какъ и доселѣ было въ государствѣ.

МИНИНЪ.

Друзья нижегородцы! Ваше войско
Пошло къ Москвѣ! Его вы снарядили
И проводили. Буде Богъ пошлетъ,
И нашимъ подвигомъ мы Русь избавимъ, —
Великую отъ Бога примемъ милость
За избавленье христіанскихъ душъ;
И во вся роды, въ будущіе вѣки,
Къ навѣчной похвалѣ намъ учинится,
На славу намъ и на поминъ душъ нашихъ.

ПОЖАРСКІЙ.

Пойдемъ-те съ Богомъ! (Войско трогается).

Т. LXXXXI. Отд. I.

НАРОДЪ.

Прощайте, Божьи войны! — Помогите вамъ Господь! — Вы за насъ страдальцы; а мы за васъ богомольцы!

(Выбѣгаетъ юродивый вооруженный).

ЮРОДИВЫЙ (кланяясь на всѣ стороны).

Прощайте! Прощайте!

(Трубы, колокольный звонъ, войско, отрядъ за отрядомъ, изъ Кремля проходитъ черезъ сцену).

А. ОСТРОВСКИЙ.

Москва, 9 декабря 1861 г.

РЕФОРМАЦІЯ И СЛѢДУЮЩІЕ ЗА НЕЮ ПУБЛИЦИСТЫ.

I.

ИСТЯЧЕСКІЯ СТРЕМЛЕНІЯ ВРЕМЕНИ. — СИМПТОМЫ РЕФОРМАЦІИ ДО ЛЮТЕРА. — РЕФОРМАЦІЯ ВЪ ГЕРМАНИИ. — ЛЮТЕРЪ. — АНАБАПТИСТЫ И КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА. — ЮРИДИЧЕСКІЯ ТЕОРИИ ЛЮТКРАНСКОЙ ШКОЛЫ.

Макиавелли и Т. Моръ были яркими проблесками реализма въ исторіи политической мысли XVI вѣка. Но ихъ простой, откровенный пріемъ въ научномъ дѣлѣ былъ не подѣ силу обществу, выросшему въ школѣ схоластическаго лицемѣрія, прикрывавшаго тайную распущенность и общее презрѣніе къ чужому праву. Одного объявили нравственнымъ циникомъ, другаго сумасшедшимъ; — это было въ порядкѣ вещей. Общество, чтобы двигаться, требовало другихъ учителей, прямо слушаться истины оно не могло; какъ бы она ни была скромна, она должна была явиться завернутою въ старыя формы преданія, чтобы дѣйствовать.

Нужно ли спрашивать поэтому, что это было за движеніе идеализма, которому предстояло теперь играть такую яркую роль, затмѣвая повидимому всѣ реальныя интересы жизни; чѣмъ объяснить направленіе реформаціи въ виду начала того реализма въ наукѣ, который мы видѣли выше; какое значеніе приписать этому каноническому спору, поднявшемуся теперь на всю Европу? Реакція это противъ уназда вѣрованій среди послѣднихъ ошибокъ римской церкви, или движеніе той части общества, среди которой еще сильно было преданіе? Ясно, что ни то, ни другое, что для насъ реформація будетъ про-

долженіемъ тѣхъ же реальныхъ симптомовъ, такимъ же свидѣтельствомъ окончательнаго упадка схоластики.

Нѣсколько общихъ соображеній покажутъ намъ ближайшій смыслъ такого воззрѣнія.

Исторія сознанія, какъ и исторія политическая, есть исторія противорѣчій. Эти противорѣчія, обрушаясь на долю извѣстной части общества, отражаясь ущербомъ въ матеріальномъ положеніи извѣстныхъ слоевъ, неизбѣжно закладываютъ здѣсь тѣмъ самымъ начало реакціи, которая можетъ долго молчать, лишенная средствъ выразиться, но которая не замедлитъ сказаться при первой возможности.

Средневѣковая жизнь, собравъ въ своемъ устройствѣ множество такихъ ошибокъ, должна была вмѣстѣ съ тѣмъ развить и начало протеста въ тѣхъ классахъ, на счетъ коихъ развился и устроился средневѣковый порядокъ. Пока этотъ порядокъ держался на трехъ условіяхъ: на матеріальной силѣ и тѣсной связи свѣтскихъ феодаловъ и феодаловъ церкви, — словомъ, всѣхъ лицъ отъ него выигрывавшихъ, на разсединенности подавленныхъ слоевъ и наконецъ на авторитетѣ сознанія, которое оправдывало этотъ порядокъ, не какъ произвольный капризъ господствовавшихъ, а какъ законъ, обязательный для черни и феодаловъ, установленный свыше черезъ римскую церковь.

Всѣ эти условія въ свое время вязались тѣсно между собой. Но феодалный союзъ къ XVI вѣку значительно ослабѣлъ, со дна общества выросло среднее состояніе, вслѣдъ за нимъ подымался и другой слой, въ самыхъ подавленныхъ частяхъ давно начинало чувствоваться броженіе, отиѣтившее себя памятнымъ кровопролитіемъ, которая уже имѣла свою доктрину, отличную отъ римской.

Опытъ уже показывалъ, что не авторитетъ идей творить и охранять тѣ или другія явленія, а совершенно наоборотъ: тамъ гдѣ станетъ возможнымъ какое либо явленіе, вслѣдъ за нимъ готово сейчасъ же согнуться сознаніе и дать все, что нужно для его оправданія.

Свѣтское право XVI вѣка имѣло еще много причинъ оффиціально держаться схоластики. Королевская власть, наприимѣръ во Франціи, выдѣляясь изъ-подъ вліянія папъ и феодаловъ, и становясь въ союзъ съ среднимъ сословіемъ, могла поощрять труды легистовъ, но только въ извѣстныхъ отношеніяхъ. Были предѣлы, за которыми эта власть не хотѣла стать чисто свѣтскою. Правда, также, что только въ такомъ вышнемъ видѣ могли поддерживаться теперь слѣды схоластики и въ политическихъ воззрѣніяхъ общества. Но это не спасло, конечно, старыхъ идей отъ разложенія. Въ суммѣ дѣло должно было придти къ одному и тому же, и общество, выражая протестъ свой въ событіяхъ, къ которымъ мы приступаемъ, должно было выразить вмѣстѣ съ тѣмъ и все равнодушіе свое въ политическихъ вопросахъ

къ схоластическимъ началамъ, сдѣлавъ изъ нихъ послушное орудіе вѣхъ партій и интересовъ. Этимъ было сазано то же самое, что говорили реалисты, только на другомъ языкѣ.

Въ этомъ отношеніи почва, на которую вступила реформація, была подготовлена для нея какъ нельзя лучше общей наукой, которая роняла шагъ за шагомъ мистицизмъ.

Возстановленіе древности, какъ оно явилось въ *туманизмъ*, не было реставраціей древней культуры въ ея эллинской или римской чистотѣ. На днѣ его лежало такое же стремленіе разгадать или найти гдѣ нибудь спрятанную, или готовую мудрость, какъ формулу безусловнаго или конечныхъ причинъ. Чисто восточная черта сказывалась въ такомъ влеченіи. Мысль хотѣла вторгнуться въ тайны природы и неба, а не искать истины медленнымъ и скромнымъ трудомъ. Любопытная жажда міроваго секрета уничтожала возможность серьезной работы. Вѣсто того, чтобы искать въ собственныхъ рукахъ средствъ къ успѣху, сознаніе искало гдѣ нибудь зарытаго клада и тратило на эти поиски свое время.

Отсюда его недовольство классицизмомъ. Платонъ — просто Платонъ — его удовлетворить не можетъ, ему болѣе по сердцу мистическая восточная передѣлка Платона и неоплатоника. Аристотель также: его эмпиризмъ слишкомъ простъ, онъ даетъ мало мечтательной перспективы.

Непреодолимое чувство влечетъ *сознаніе* къ туманному, сказочному, дающему болѣе простора фантастической жадѣ. Эта жажда бросаетъ мысль за недовольствомъ европейской древностію къ родственному востоку, гдѣ она открываетъ книги кабалы, герметическія книги и египетскую магію. Съ фокуснической изнанкой древнихъ религіозныхъ толковъ, мысль сама становится шарлатанскою. Пикъ де Мирандола, самый цѣльный представитель этого мистицизма, тратитъ огромныя деньги на покупку у раввиновъ еврейской мудрости, тратитъ жизнь на отысканіе міровой тайны, изъ владѣтельнаго князя становится ученымъ авантюристомъ, объявляетъ свои 900 тезисовъ и, ударившись во всѣ стороны мистицизма, теряется передъ страхомъ папскаго отлученія и какъ блудный сынъ возвращается къ схоластикѣ. Онъ приноситъ повинную нагѣ, продаетъ свое княжество, вырученныя деньги раздаетъ церкви и умираетъ монахомъ.

Ученикъ его, Рейхлинъ, разноситъ книги кабалы по Европѣ. Агриппа Нидергеймскій живетъ шутомъ при различныхъ дворахъ. Теофрастъ Парацельсъ сводитъ медицину на алхимию.

Подъ вліяніемъ мистицизма вся природа оживаетъ, наполненная всидищими силами. Управление этими силами становится общей жадой; мистическій материализмъ сдѣлываетъ идеализмъ схоластикъ,

жизнь переполняется колдунами, фокусниками и астрологами. Заклинание, магия и алхимия становятся содержанием науки и общим въведениемъ, пока весь этотъ мистическій материализмъ не разрѣшится въ пантеизмъ Джордано Бруно. Католическая инквизиція сожжетъ и Бруно и Ванини, и все-таки не измѣнитъ этого направленія. Средневѣковой идеализмъ, перешедши въ свой антитезисъ, въ мистическій материализмъ, будетъ работать еще два вѣка.

Время реформаціи примыкаетъ къ самому разгару волхвованій. Въ то время, когда писали Макиавелли и Томасъ Моръ, Рейхлинъ разсказывалъ въ Германіи *раввинскую мудрость* и велъ изящные споры съ грубыми монахами. Колдуны и фокусники шли за нимъ слѣдомъ, и на ряду съ реалистами, въ политической наукѣ, общее знаніе переполнялось также мистицизмомъ. Но что это былъ за мистицизмъ? Старыя идеи становились доходной статьёй. Среди такихъ выгодъ, какія свѣтская наука извлекала теперь изъ мистицизма, она не имѣла прямого расчета стать сколько нибудь реальною. Не говоря уже о кострахъ инквизиціи, прямой интересъ заставлялъ ее выворачивать на другую сторону схоластику, — и только. Шарлатанская мудрость, заклинанія и алхимія становились теперь источникомъ доходовъ, и потому находили такое большое число адептовъ какъ между проповѣдниками, такъ и между учеными. Вся выгода эксплуатаціи этого поля, давно понятая римскимъ дворомъ, теперь достигла общаго пониманія и потому породила массу алхимиковъ и массу реформаторовъ. Къ этому присоединялась слабость римскаго двора, которая очищала имъ дорогу и дѣлала для нихъ успѣхъ менѣе рискованнымъ. Появленіе реформаторовъ объясняется, такимъ образомъ, съ одной стороны чисто экономическими условіями.

Такимъ же экономическимъ образомъ объясняется, съ другой, ихъ успѣхъ. Если прямой матеріальный расчетъ заставлялъ всѣхъ спекуляторовъ мысли придумывать что либо особое отъ римскаго ученія, такой же расчетъ заставлялъ ихъ отыскивать положительные мотивы разлада отдѣльныхъ слоевъ общества и сообразно этому строить свои ученія. Средневѣковое общество подготовило достаточное число недовольныхъ — церковью, феодалами и т. д., прикрывая свой порядокъ римскимъ авторитетомъ. Примѣнялась къ этимъ частнымъ сословнымъ неудовольствіямъ и варьируя сообразно съ ними свое ученіе, реформаторы подрывали обязательность тѣхъ или другихъ невыгодныхъ условій въ самомъ источникѣ ихъ — въ авторитетѣ, одинаково обязательномъ для всѣхъ. Народъ находилъ въ нихъ опору своему матеріальному протесту, и бросался поэтому на всякую ересь, какъ на средство спасенія. Мистикомъ онъ былъ настолько, насколько требовало этого его безвыходное положеніе.

Два интереса ввязались теперь прямымъ образомъ въ реформацію: одинъ сектаторскій, другой народный, — и оба были экономическими. Съ одной стороны было выгодно строить секты, выгоднѣе чѣмъ оставаться мелкими людьми римскаго чиновничья или портными и сапожниками; съ другой — было также выгодно приставать къ сектамъ, которыя освобождали отъ каноническихъ или, тутъ же, и свѣтскихъ тягостей. Реформація представляла собой, такимъ образомъ, двѣ стороны. Съ внѣшней она являлась представительницею средневѣковаго направленія. Съ другой, внутренней стороны, она была отголоскомъ политическихъ, реальныхъ мотивовъ, и въ этомъ отношеніи она не противорѣчила реальному отрицательному направленію, какое занялъ XVI вѣкъ въ трудахъ Макиавелли и Томаса Мора. Посмотримъ теперь, въ какой степени такой взглядъ на реформацію оправдывается фактами.

Съ самыхъ давнихъ своихъ признаковъ реформаціонное движеніе было то болѣе простонародное, то болѣе умѣренное. Но всегда и съ первыми зачатками его связывались болѣе или менѣе сильныя протестаціи противъ отдѣльныхъ политическихъ условий, уже испытанныхъ до XVI вѣка и Англіей и Франціей.

Сказываясь уже съ XI вѣка, религіозное движеніе имѣло видъ протеста, направленного преимущественно противъ злоупотребленій церкви и католическаго духовенства. Относительно свѣтской власти оно тогда еще не было радикально, по крайней мѣрѣ на это нѣтъ положительныхъ доказательствъ. Оно вооружалось съ одной стороны противъ догматовъ, съ другой — противъ разныхъ имущественныхъ прерогативъ церковныхъ властей, и въ этомъ отношеніи находило пошатнутую опору со стороны всѣхъ сословій.

Целагіанизмъ въ Англіи и альбигойцы на югѣ Франціи, кажется, лишены были тѣхъ крайнихъ политическихъ притязаній, которыя были общи послѣдующимъ сектамъ. Къ альбигойцамъ принадлежала значительная часть всего южнаго населенія, и въ томъ числѣ достаточное число дворянъ и зажиточныхъ горожанъ средняго сословія. Что касается мнѣнія, распространеннаго объ этихъ сектахъ католическими писателями, представлявшими ихъ врагами всякаго порядка, то насчетъ альбигойцевъ есть свидѣтельства очень драгоцѣнныя, какъ, напримѣръ, слова св. Бернарда, который проповѣдывалъ противъ нихъ въ 1147 году, и при этомъ выражался, какъ не могъ бы выразиться о поклонникахъ Рима: «ихъ нравы безчужденны», говорилъ онъ, «они никого не угнетаютъ, и никому не причиняютъ обиды; ихъ лица истощены постомъ, они не ѣдятъ своего хлѣба, какъ тунелады, а добываютъ его въ потѣ лица». На ряду съ такими словами становится слишкомъ понятно то, что пи-

салось о нихъ такими людьми, какъ Боссюэ, напримеръ: leur piété n'était qu'apparente. Regardez le fond: c'est l'orgueil, c'est la haine contre le clergé, c'est l'aigreur contre l'église. C'est par là qu'ils ont avalé tout le venin d'une abominable hérésie.

Но строгость и чистота жизни альбигойцевъ не предупредила гоненій противъ нихъ; но кровопролитія не потушили раскола, а только разжигали его проявленія. Католическое духовенство своими насильственными мѣрами дѣлало все, чтобы только плодить ересь. Изъ Франціи альбигойцы, какъ бываетъ послѣ всѣхъ крутыхъ пораженій еретиковъ, разсѣялись по Европѣ и все-таки не исчезли и во Франціи, гдѣ они послѣ слились съ кальвинистами.

Въ началѣ XIV вѣка тотъ же протестъ альбигойцевъ сказался въ Германіи проповѣдью англичанина Лоллара, у котораго было, по слухамъ, до 80,000 учениковъ. Схваченный въ Кельнѣ инквизиціей, онъ былъ сожженъ въ 1322 г. Его приверженцы нашли опять убѣжище частію въ Англіи, частію въ Богеміи. Два года спустя, родился въ Англіи Джонъ Вайклефъ, проповѣдь котораго была уже рѣшительнѣе по своимъ послѣдствіямъ; по крайней мѣрѣ самъ Вайклефъ требовалъ обращенія церковныхъ имуществъ на общественную пользу для облегченія налоговъ, тяготившихъ бѣдные классы, и установленія англійской независимой церкви, уничтоженія церковнаго суда и вообще всякаго права духовенства на свѣтскія должности (о догматахъ мы не говоримъ). Требования его имѣли большое сходство съ Лютеровскими, и онъ также имѣлъ поддержку въ аристократіи. Но одновременно съ нимъ сказалась проповѣдь болѣе радикальная. Былъ ли сколько нибудь Вайклефъ ея виновникомъ, — неизвѣстно. Пока происходило въ концѣ XIV вѣка въ Англіи это послѣднее волненіе, настоящими проповѣдниками котораго были Ватъ Тайлеръ и Балъ, Вайклефъ оставался совершенно спокоенъ, и послѣ трагическаго конца его не былъ призванъ къ отвѣту; впрочемъ, это вопросъ второстепенный. Достаточно того, что возстаніе низшихъ классовъ, вспыхнувшее теперь при прямомъ участіи Тайлера, Бала и Джека Строу, требовало уже общаго уничтоженія феодальныхъ правъ и крѣпостной зависимости, совершенной свободы внутренней торговли и т. д.

Оно-то оставило знаменитую пѣсню:

«When Adam delved and Eva span,
«Who was then the gentleman?»

Движеніе было потушено обманомъ; инсургентамъ обѣщали исполнить всѣ ихъ требованія, кончая амнистіей; но когда они сложили оружіе, дѣло приняло другой оборотъ. Ватъ Тайлеръ былъ убитъ предательски; висѣлица совершила судъ надъ усмиреной страной.

Въ XV вѣкѣ продолженіе подобнаго же религіознаго протеста произошло въ дѣлѣ Гуса и нашло одинаковую поддержку въ низшихъ классахъ и въ аристократіи. Чехъ Гусъ и Іеронимъ Пражскій были также сожжены, но также оставили сильную пропаганду.

Религіозныя движенія къ XVI вѣку представляли такимъ образомъ, на ряду съ болѣе умѣренными ученіями, и стремленія отмѣченныя сильнѣйшѣ характеромъ. Всѣ они были народны, находили болѣшую часть своихъ приверженцевъ въ простомъ классѣ; но одни думали опираться прямо на интересы подавленныхъ слоевъ общества, и потому со стороны политической отличались демократическими тенденціями; другіе искали опоры въ другихъ слояхъ, и потому были осторожнѣе и консервативнѣе. Съ тѣми же двумя оттѣнками выступила и реформація въ XVI вѣкѣ. Только два эти мотива сказались теперь еще рѣзче и опредѣлительнѣе: одинъ у анабаптистовъ, другой у Лютера. Среди жизни, основанной на конкуренціи, слѣдовательно на аристократическомъ принципѣ, можно предугадывать, какому изъ двухъ мотивовъ должна была болѣе благоприятствовать судьба; но тѣмъ не менѣе въ Германіи сказались теперь ясно двѣ реформаціи, одна болѣе народная, другая аристократическая. Это было какъ бы повтореніе того, что произошло въ Англіи въ концѣ XIV вѣка. Такъ много сходства между Вайклемомъ и Лютеромъ, между Тайлеромъ и Оомой Мюнцеромъ, между крестьянской войной тамъ и здѣсь.

Въ то время когда Рейхлинъ, вмѣстѣ съ своими друзьями и приверженцами, спорилъ въ Германіи противъ монаховъ о необходимости классическаго слога и языка, въ Эрфуртѣ обращалъ на себя вниманіе своими проповѣдями монахъ августинскаго ордена Мартинъ Лютеръ. Въ 1508 году онъ былъ призванъ профессоромъ теологіи въ виттенбергскій университетъ, основанный только въ 1502 году. Онъ не принималъ никакого особеннаго участія въ спорахъ Рейхлина, изучалъ Библию и думалъ пока объ одномъ, чтобы проповѣдь его была какъ можно болѣе вѣрна смыслу Писанія. Чуждый одинаково и схоластикѣ и гуманизму, онъ не объявлялъ пока открытой войны никакой партіи; но католическая церковь и обстоятельства приготовили ему, какъ извѣстно, другую роль. Римскій дворъ, оправдывая для себя свѣтскія права и условія, какъ мы сказали, долженъ былъ слѣдовать волей или неволей всюду, куда они ни повели бы жизнь. Грубый ригоризмъ, въ которомъ была закована мысль среднихъ вѣковъ, смѣнился гуманизмомъ, и Италия первая сдѣлалась его средоточіемъ. Папство сдалось на прихоть глаза и слуха, на изощренный сенсуализмъ, на мягкость форигъ. Римскій дворъ разорался въ лицѣ Медичисовъ на живопись и постройки, на открытіе древностей,

роскошь и блескъ; Римъ сдѣлался пріютомъ художниковъ, городомъ шумныхъ праздниковъ, и проматывался. Постройка церкви св. Петра истощила въ конецъ его казну. Ему нужны были деньги, нашлись и средства. Папа Левъ X отдалъ на откупъ продажу индульгенцій, и монахъ Тецель поѣхалъ по Германіи. Здѣсь курфирстъ Альбертъ Майнцкій долженъ былъ содѣйствовать успѣху. Тецель не замедлил прибыть къ Виттенбергу и недалеко отсюда, въ виду Лютера, расколожилъ свою лавочку.

Лютеръ протестовалъ, прибывъ 95 тезисовъ въ виттенбергскомъ соборѣ. Тецель отвѣчалъ съ своей стороны тѣмъ же. Папскій легатъ, присланный унять споръ, разжегъ дѣло, и приготовилъ необходимость разрыва.

Но отъ этого перваго явнаго шага противъ католицизма до 1555 года, года религіознаго мира, установленнаго въ Аугсбургѣ, — ученіе Лютера осталось вѣрно тѣмъ границамъ, въ которыхъ Лютеръ начиналъ свою первую проповѣдь, границамъ чисто каноническимъ. Событія, происшедшія въ этотъ періодъ, только рѣзче обрисовали его замкнутость въ этихъ предѣлахъ. Протестъ Лютера направлялся исключительно противъ канонической части схоластики, противъ тѣхъ частныхъ положеній самаго культа, которыя были установлены римскимъ дворомъ.

Трогать свѣтскаго порядка онъ не хотѣлъ, и имѣлъ на то свои причины. Въ этомъ порядкѣ онъ видѣлъ необходимую опору для своей борьбы съ папой, и въ этой войнѣ выбралъ вѣрно своего союзника въ аристократическомъ элементѣ.

Оттого дѣятельность Лютера по отношенію къ свѣтскому праву бѣдна и осторожна. Онъ обращался къ общественному образованію, но только для того, чтобъ исторгнуть его изъ католическихъ понятій. Философіи онъ не терпѣлъ.

Отъ прямаго рѣшенія въ свѣтскихъ вопросахъ онъ отказывался, и при этомъ ясно обнаруживается его расчетъ и намѣренная уклончивость. «Кто хочетъ быть умнѣе въ свѣтскихъ вещахъ, тотъ долженъ читать языческія книги. Въ нихъ очень богато и хорошо изложено все въ примѣрахъ, поученіяхъ, образахъ и картинахъ, въ которыхъ объяснены и всѣ права цесарей.»

Итакъ прямо Лютеръ ничего не хотѣлъ дѣлать для права и ничего не сдѣлалъ самъ; онъ отказывался отъ вывода, который долженъ былъ слѣдовать изъ лютеранства по этимъ вопросамъ. Онъ хотѣлъ сокрушенія папы и не шелъ дальше, потому юридическаго вывода мы должны искать у другихъ.

Если Лютеръ былъ дипломатъ и практикъ по характеру, и ступалъ во всемъ, что выходило изъ его тѣсной канонической

рамки, только вынужденнымъ требованіямъ, то подъ рукою у него стоялъ человекъ, болѣе наивнаго права. Этотъ маленькій, невзрачный человекъ, поразившій Лютера при первомъ появленіи своемъ, непредставительностію своей фигуры, былъ теоретикъ, доктринеръ и педагогъ по характеру. Онъ много хлопоталъ объ изгнаніи схоластики изъ образованія и о замѣнѣ ея классицизмомъ, какъ ученикъ и воспитанникъ Рейклина. Меланхтонъ первый выразилъ настоящее отношеніе лютеранства къ вопросамъ свѣтскаго порядка, и это отношеніе явилось у него, какъ должно было и ожидать, повтореніемъ прежней смѣси аристотелевой философіи и мистицизма, которое мы уже видѣли въ схоластикѣ, развѣ только очистившись отъ частныхъ выводовъ своихъ въ пользу римскаго двора.

По отношенію къ праву, Меланхтонъ прямо указывалъ на этику Аристотеля, хвалилъ ее за то, что въ ней признается человѣческая природа за источникъ нравственнаго закона. Но, признавая науку, онъ хотѣлъ, чтобы она служила вспомогательнымъ средствомъ лютеранскаго толка. Все, что въ немъ есть рѣшительнаго, касается только каноническаго права. Последнее дѣйствительно стерто въ прахъ, непогрѣшимость и свѣтскія права папы, которыя защищала схоластика, растоптаны; во всемъ другомъ схоластическая основа права возобновлена почти безъ измѣненій.

Таковъ былъ протестъ противъ схоластики, отвѣчавшій одной части общества, феодальной или аристократической. Мы сейчасъ встрѣтимся съ другимъ, выраженнымъ тѣми классами, интересы которыхъ требовали другихъ выводовъ.

Протестъ анабаптистовъ былъ болѣе рѣшительнѣе уже и въ догматической части. Прозванные вообще перекрещенцами, потому что они отрицали крещеніе дѣтей и требовали вторичнаго крещенія, — они и здѣсь шли далѣе Лютера, а въ политическомъ отношеніи касались крайнихъ результатовъ. Шторхъ, ученикъ Лютера, и Карльштатъ хотѣли собрать въ одну общину всѣхъ истинно вѣрующихъ и возрожденныхъ новымъ крещеніемъ.

Въ то время, когда Лютеръ жилъ въ Вартбургѣ, Карльштатъ въ Виттенбергѣ отвергъ обѣдню, проповѣдывалъ уничтоженіе духовенства, образовъ и обрядовъ, и бѣгалъ по улицамъ, обращаясь къ самымъ темнымъ людямъ, прося у нихъ объясненія разныхъ темныхъ мѣстъ писанія.

Лютеръ испугался проповѣди Карльштата и не усидѣлъ въ Вартбургѣ. Онъ явился въ Виттенбергѣ, громилъ анабаптистовъ цѣлую недѣлю ежедневными проповѣдями, и успѣлъ, какъ говорятъ, отклонить здѣсь сердца отъ увлеченія новыми сектаторами.

Съ вѣдшей стороны новая проповѣдь была также схоластична.

Но подъ мистическимъ покровомъ здѣсь ясно сказываются другія тенденціи, вовсе не схоластическія.

Тенденціи эти, какъ мы сейчасъ увидимъ, получили болѣе широкій исходъ. Одинъ изъ учениковъ Шгорха, Оома Мюнцеръ, придалъ понятіямъ анабаптистовъ болѣе практической оборотъ, рассчитывая найти опору не въ тѣсной сектѣ, которая должна была запирается отъ свѣта, а въ подавленныхъ слояхъ гражданскаго общества.

Уже не разъ крестьянское населеніе пробовало въ разныхъ частяхъ Европы подыматься противъ феодальныхъ условій. Французская Жакри должна была быть еще жива въ памяти. Въ девятностыхъ годахъ XV вѣка, крестьяне произвели возстаніе въ Нидерландахъ, и здѣсь имъ удалось достигъ лучшаго положенія. Очередь доходила до Германіи. Въ началѣ XVI столѣтія вспыхивали уже отдѣльныя возстанія въ Швабіи. Въ Австріи также начинались безпокойства; въ Венгріи народъ явно вооружался противъ дворянства и духовенства. Въ этихъ первыхъ, хотя отдѣльныхъ и подавленныхъ, возстаніяхъ сказывались не совсѣмъ успокоительные симптомы. Реформація давала общее напряженіе настроенію умовъ. Къ такому-то настроенію рабочаго класса, измученнаго въ конецъ постоянно возростающими налогами, примкнули теперь перекрещенскіе проповѣдники. Оома Мюнцеръ ходилъ съ товарищами по Южной Германіи и повѣщалъ о низложеніи, какъ свѣтской такъ и духовной власти. Отсюда эти рѣчи проникли до Шварцвальда и Боденскаго озера, въ мѣста сосѣднія Швейцаріи, утвердившей собственными средствами свою независимость, и въ 1525 году начались быстрыя, рѣшительныя возстанія въ разныхъ мѣстахъ, одно за другимъ, которыя вскорѣ покрыли Швабію, Эльзасъ, Франконію, Гарцъ, Турингію. Народъ формулировалъ свои понятія о реформаціи въ двѣнадцати параграфахъ, и они-то служатъ памятникомъ его протеста противъ феодальной жизни; вотъ эти пункты:

- 1) Право выбирать своихъ пасторовъ между свободными проповѣдниками.
- 2) Уменьшеніе десятинъ и назначеніе ихъ на содержаніе учителей и вспомошествованіе бѣднымъ.
- 3) Уничтоженіе крѣпостнаго права, такъ какъ кровь Христа одинаково искупила всѣхъ.
- 4) Право охоты и рыбной ловли, какъ слѣдствіе власти, данной человѣку Богомъ надъ всею землею.
- 5) Право пользованія лѣсами.
- 6) Уменьшеніе повинностей.
- 7) Право владѣть и арендовать чужія земли по свободнымъ условіямъ.

8) Уменьшеніе податей.

9) Право суда.

10) Возвращеніе общихъ пастбищъ, отобранныхъ дворянствомъ.

11) Уничтоженіе дани, платимой владѣльцу вдовой и сиротами, послѣ смерти отца семейства.

12-й пунктъ требовалъ, чтобы настоящія притязанія крестьянъ были обсуждены на основаніи *Писанія*. Они отказывались отъ всего, что бы оказалось несогласнымъ съ послѣднимъ.

Съ такими-то положеніями народъ обходилъ теперь страну и вооруженной рукой требовалъ ихъ признанія, разрушалъ монастыри и замки, грабилъ и казилъ феодаловъ, которые не соглашались признать его домогательства. Возстаніе росло быстро и успѣвало съ каждымъ шагомъ. Оуму Мюнцера въ Турингіи провозглашали пророкомъ. Лютеръ сначала держалъ себя довольно умѣренно. Онъ выговаривалъ даже аристокраціи за ея притѣсненія и звѣрство и призывалъ народъ къ миру. Но слова, на которыхъ крестьяне опирали свое движеніе, были отчетливы и просты. «Пусть докажутъ намъ», говорили они: «что одинъ или нѣсколько изъ здѣсь написанныхъ пунктовъ несогласны съ Писаніемъ, и мы готовы отъ нихъ отступить. И если бы теперь даже были признаны пункты, которые оказались бы послѣ неправильны, то они должны быть мертвы съ того часа, когда это будетъ доказано, и потерять всякую силу.»

Лютеръ видѣлъ, куда должно вести начало его дѣла, послѣдовательно проведенное до послѣднихъ результатовъ. Испуганный не столько вышнимъ движеніемъ крестьянъ, сколько успѣхами анабаптистовъ, возраставшими съ силой этого движенія, — онъ написалъ извѣстное посланіе, въ которомъ проклялъ народъ.

Возстаніе было умирено.

За прекращеніемъ войны послѣдовали казни. Цвѣтущія страны были опустошены и залиты крестьянской кровью. Въ одномъ Эльзасѣ низложено 17,000 крестьянскихъ головъ. Оума Мюнцеръ также казненъ. Положеніе крестьянъ вездѣ сведено на прежнія тѣготы.

Въ крестьянской войнѣ была побѣждена рѣшительная партія реформаціи. Анабаптисты, ея проповѣдники, частію нашли здѣсь смерть, частію были разсѣяны.

Реальныя стремленія мистцизма должны были потерять всякій расчетъ на прочную опору и общее политическое значеніе, и эта часть реформаціи сведена снова на тѣсныя границы сектаторской проповѣди.

Разсѣянные послѣ крестьянской войны, перекрещенцы въ 1533 г. еще разъ, соединившись къ Вестфаліи, попытали счастье политической дѣятельности вооруженной силой въ Мюнстерѣ. Здѣсь еще разъ

проповѣдь анабаптистовъ приняла рѣшительные размѣры, подъ вліяніемъ прибывшаго сюда изъ Нидерландовъ (гдѣ болѣе всего, между многочисленнымъ ремесленнымъ классомъ, утвердилось ученіе перекрещенцевъ), пророка Іоанна Матисена, булочника изъ Лейдена. Съ своимъ товарищемъ Іоанномъ Бокольдомъ, портнымъ изъ того же города (прозваннымъ послѣ Іоанномъ Лейденскимъ), они низложили городскія власти, изгнали жителей, противившихся ихъ ученію, и учредили общину.

Матисенъ былъ скоро убитъ; Іоаннъ Лейденскій сталъ во главѣ новой республики, прибавилъ общеніе женъ къ принятому уже общенію имущества, назвалъ царемъ новаго Израиля и поставилъ тронъ Давида на городской площади. Но все это кончилось довольно печально. Новое царство Израиля было разрушено послѣ упорной обороны, и Іоаннъ Лейденскій схваченъ. Этимъ исходомъ кончились политическія притязанія анабаптистовъ. Разсѣянные здѣсь еще разъ, они устроились небольшими обществами, частью въ Богеміи, частью въ сѣверной Германіи и Нидерландахъ, гдѣ сохранились до сихъ поръ. Они попрежнему отвергаютъ крещеніе дѣтей, установленіе духовенства, приѣмъ въ военную службу и виѣшательство въ гражданскія отношенія, и ведутъ простую, тихую жизнь арендаторовъ и земледѣльцевъ.

Лютеръ и его реформація побѣдили. Но эта побѣда не была простымъ сектаторскимъ дѣломъ: на ней былъ водруженъ навсегда для германской науки путь идеализма. Практическія требованія жизни, выраженныя въ событіяхъ, о которыхъ мы только-что говорили, должны были отступить передъ лютеранствомъ. Движеніе анабаптистовъ, послѣдовательное съ одной стороны, было столь же непослѣдовательно съ другой: они не знали того оружія, за которое брались; не знали, что оно о двухъ остряхъ, изъ которыхъ одно направлено за него, другое противъ него. Они не знали этого свойства всякаго идеализма, представляющаго неизсякаемый источникъ противорѣчій. Это, напротивъ, очень хорошо видѣло лютеранство, и вотъ отчего оно побѣдило.

Лютеру нужно было разорвать опасную послѣдовательность въ народномъ духѣ, разбить въ немъ на два міра мысль и дѣло. Только на этомъ условіи Лютеръ могъ соблюсти права аристократіи противъ результатовъ анабаптизма, и только соблюдая эти права, онъ могъ удержаться самъ. И вотъ раздвоеніе, которымъ Германія обязана Лютеру, было порѣшено въ борьбѣ двухъ реформацій, и въ побѣдѣ послѣдней изъ нихъ. Католицизмъ былъ все-таки реальнѣе: онъ утверждалъ отношеніе внутренняго міра убѣжденій къ виѣшнему порядку хотя грубымъ уловомъ, но все-таки не отрицалъ этой связи.

Лютеранская реформація, не рѣшаясь утвердить этой связи на болѣе совершенныхъ началахъ, предпочла разорвать ее вовсе.

«Церковь не должна стоять одной ногой въ храмѣ, другой въ куринѣ», говорила она, заключая вѣру въ храмъ и предоставляя положительную жизнь вѣдаться по-своему. Эта реформація убивала социальный мотивъ религіи и отношеніе духовнаго сознанія къ жизни. Народъ понималъ свои исповѣданія иначе — матеріально; реформація хотѣла уничтожить въ немъ это понятіе. Римская схоластика хотѣла видѣть въ догматизмѣ и вѣншиемъ порядкѣ двѣ посылки одного и того же силлогизма; реформація Лютера — два отдѣльные термина, вѣжущіеся развѣ только своимъ противорѣчіемъ. Оно было очень хорошо для поддержанія рыцарства противъ народа, но и только.

Еслибъ Германія представляла единое цѣлое, національную централизацию съ національной властью, то, какова бы ни была эта власть, къ ней бы могъ примкнуть Лютеръ и реформація могла бы имѣть другой исходъ. Она не была бы такъ отвлеченна. Лютеръ не имѣлъ бы тогда причинъ на столько держаться курфирстовъ и грундтерговъ, и громъ его проповѣди обратился бы можетъ быть противъ владѣльцевъ. Съ такой опорой, Лютеръ, идя наперекоръ политическимъ правамъ владѣльцевъ, могъ связать свое дѣло, хоть въ какой нибудь степени, съ практическими интересами гражданскаго общества, и сдѣлать изъ своего ученія орудіе очищенія самой жизни. Но обстоятельства сложились иначе, другія вышли и послѣдствія.

Въ ученіи Лютера свѣтскій порядокъ предоставлялся самъ себѣ. Сознаніе касалось одной чистой теологіи, которая, отказываясь отъ свѣта, опредѣляла однако нравственный законъ. Такимъ образомъ, съ одной стороны, въ нравственномъ ученіи полагалось начало естественному праву; съ другой, свѣтскій порядокъ совершенно отдѣлялся отъ него. Мыслителямъ лютеранской школы предстояло толковать о естественномъ правѣ, о законѣ, написанномъ въ сердцахъ, не трогая никогда того, что происходило въ дѣйствительной жизни. Такая нравственная философія должна была сама собой остаться нулемъ для практической дѣятельности; сознаніе въ духѣ такой науки должно было быть осуждено на вѣчный платонизмъ и идеологию, лишенную живаго прикосновенія къ дѣламъ грѣшнаго порядка, вѣчную философію естественнаго права, а не философію практической жизни. Особенность эта не замедлила сказаться въ первыхъ системахъ права, выпшедшихъ на лютеранской почвѣ. Мы знаемъ уже отчасти то направленіе, въ которомъ толковались вопросы свѣтскаго порядка и права, съ лютеранской точки Меланхтона. Къ этому направленію примкнули, какъ вѣдьзя тѣснѣе, и первые философы права въ Германіи.

Съ одной стороны, у Ольдендорпа и Мейснера встрѣчается са-

мое робкое повтореніе тѣхъ же меланхтоновскихъ взглядовъ, та же схоластика и тотъ же фатализмъ. Правда, начало религіозной замкнутости, утверждаемое Лютеромъ, предоставляло науку какъ бы собственнымъ средствамъ, отказываясь отъ свѣтскихъ вопросовъ. Лютеранство вызывало здѣсь, какъ бы иновеолъ, философскую основу. Слово философіи, конечно, было скоро произнесено, форма наконецъ измѣнилась; но содержаніе осталось то же.

Право осталось пустой, отвлеченной формулой дуализма. Затѣмъ нужно было, однако, опредѣлить содержаніе этого врожденнаго закона, выразить его какъ положительный законъ, и здѣсь-то оказалась пронасть, черезъ которую не въ состояніи былъ перешагнуть никогда идеализмъ, не смотря ни на какія гигантскія усилія. Передъ нимъ стоялъ окружающій порядокъ, котораго онъ никогда не могъ ни объяснить, ни примирить съ собою, несмотря на всѣ свои старанія, выразившіяся только рядомъ натяжекъ и эквилибрическихъ опытовъ діалектики, потраченныхъ на философское оправданіе и отысканіе вѣчнаго закона въ тѣхъ формахъ, чрезъ которыя проходила положительная жизнь. Рядъ такихъ попытокъ назначается передъ нами теперь лютеранской школой XVI вѣка.

«Юристы могутъ въ одну минуту насчитать 600 законовъ», писалъ Ольдендорпъ: «но не имѣютъ никакого понятія о природѣ вещей и спорятъ поэтому о томъ, что само по себѣ ясно. Они не знаютъ вовсе, чего требуетъ время. Самое главное, что касается управленія государства и истолкованія закона, — объ этомъ они не учатъ вовсе или учатъ очень ложно. Все это происходитъ оттого, что они не выводятъ права изъ философіи». Ольдендорпъ хотѣлъ дополнить этотъ недостатокъ и дать философское основаніе праву. Но если мы взглянемся затѣмъ въ это основаніе, то мы увидимъ, что вся предыдущая тирада не болѣе, какъ краснорѣчивое вступленіе. Та философская основа, которую предлагаетъ Ольдендорпъ, существуетъ уже очень давно, и онъ повторяетъ только то, что уже говорилось и схоластикой и Меланхтономъ.

Ольдендорпъ посвятилъ свою книгу двумъ лицамъ разомъ: Карлу V и Фердинанду. При такихъ условіяхъ отказаться и въ ученіи о власти отъ схоластической основы Ольдендорпъ не рѣшился. Онъ дѣйствительно повторяетъ ее цѣликомъ,

Оригинальнѣе Ольдендорпа Геминиз (1513—1600).

Нравственный законъ, написанный въ природѣ человѣка, долженъ быть по его мнѣнію опредѣленъ и развитъ изъ нея философскимъ путемъ и въ результатѣ выложенъ каталогъ законныхъ нормъ и добродѣтелей. Отъ Ольдендорпа Геминизъ отличается строгостію; законныя нормы не суть виѣшнія сентенціи, — а нормы при-

роды; нарушеніе или нарушаетъ эту природу, и потому прежде всего должна быть познана она. По примѣру Рейклина, Гемингъ признаетъ три степени познанія, чувство, умъ и разумъ. Въ отношеніи предметовъ познанія Гемингъ различаетъ двѣ способности, мыслящую и дѣятельную. Мыслящая познаетъ вещи; дѣятельная—справедливое употребленіе вещей; въ основаніи первой лежатъ принципы мышленія, въ основаніи второй—принципы дѣятельности. Принципами онъ называетъ ихъ потому, что они не требуютъ никакихъ доказательствъ. Собственно это отвлеченныя категоріи и формы мыслей: единичности, добра, причины, отрицанія, правды, и т. д.; изъ нихъ—то должна быть выведена и опредѣлена какъ природа вещей, такъ и нравная дѣятельности.

Цѣлью и средоточіемъ всего юридическаго познанія и опредѣленія поставленъ человекъ.

Цѣль практической жизни тройная: 1) *экономическая*: содержаніе дома, взаимная любовь родителей и дѣтей и должное почтеніе; 2) *политическая*: общественное спокойствіе, справедливость и порядокъ. Порядокъ невозможенъ безъ подчиненія, и вотъ основаніе власти по Гемингу, отличное отъ основанія схоластики и Ольденборпа. Но повелѣющіе не должны предписывать ничего противнаго естественному закону, и подчиненные не обязаны повиноваться имъ въ подобномъ случаѣ. Наконецъ 3) цѣль жизни — *духовная*: познаніе, боязнь и любовь Бога.

Лучшее состояніе жизни есть благосостояніе, которое однако невозможно безъ религіи, разума и добродѣтели.

Гемингъ умеръ въ 1600 году. Изъ писателей, которые продолжали это направленіе до Гроція, слѣдовало бы упомянуть о Винклерѣ; но Винклеръ принадлежитъ уже XVII вѣку по времени своей дѣятельности, хотя и у него естественное право еще не отрѣшается совершенно отъ схоластическихъ понятій; онъ только развиваетъ мысли Геминга немного далѣе. На другихъ писателяхъ этого направленія останавливаться было бы излишне. У Винклера мы возьмемъ нѣсколько словъ, которыя укажутъ намъ на разорванность и шаткость нравственныхъ убѣжденій, оставленную XVI вѣкомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣчать на стоящее положеніе лютеранскихъ идеалистовъ въ ряду политическихъ и общественныхъ мыслителей времени.

«Многіе не только отрицаютъ (принять Винклера) происхожденіе естественнаго права изъ вѣчной справедливости, но сомнѣваются даже, чтобъ это естественное право могло существовать. Вмѣсто того, они обоготворяютъ добродѣтели, требуютъ для положительнаго права естественныхъ причинъ и осмѣиваютъ послѣднее, если не находятъ такихъ причинъ. Нѣкоторые принимаютъ законы за чи-

его произвольныя выдумны, встарѣльн, изоронившіяся мнѣнія. Есть люди, которые хотятъ уничтожить всякую власть, и хотя называютъ себя христіанами, но утверждаютъ, что они не нуждаются въ законахъ, ибо они слѣдуютъ сердцу; другіе, опять, не умѣютъ отличить естественнаго отъ положительнаго и не понимаютъ, какія послѣдствія вытекаютъ отсюда для государства и церкви». — Въ этихъ словахъ можно найти явный намекъ на все разнообразіе мнѣній, выраженныхъ въ XVI вѣкѣ, съ которыми мы встрѣтились уже отчасти; но въ нихъ также опредѣляется и отношеніе, въ которомъ находились всѣ писатели лютеранскаго идеализма, въ томъ числѣ Виттельеръ, къ этимъ критическимъ теоріямъ. Это отношеніе реакціонное. Среди потрясеннаго общественнаго порядка, поколебленныхъ вѣрованій, вѣи выросли на первыхъ порахъ послѣ побѣды лютеранской реформации надъ радикальными стремленіями, и продолжали дѣло Лютера противъ анабаптистовъ и всѣхъ крайнихъ толковъ, которыми были тревожимы умы и убѣжденія. Они не были безпристрастными судьями, а такими же людьми партіи, какъ Меланхтонъ, Штөрхъ, Мальвинъ или Ноксъ. Успокоить совѣсть, давъ ей объясненіе жизни по лютеранскимъ началамъ, — вотъ ихъ настоящая цѣль. Они всѣ лютеране и всѣ нѣмцы; между этими такъ-названными первыми философиями права, нѣтъ людей другихъ націй, — они составляютъ явный продуктъ мѣстныхъ интересовъ и ограниченнаго условій. Реформа Лютера была реакціей идеализма, убитаго ошибками римской церкви. Мы видѣли, какъ мало было слѣдовъ его у политическихъ писателей начала XVI вѣка; откуда же могла ваяться теперь эта связь съ схоластикой послѣ Макиавелли, Кампанеллы Мора? Ясно, что она не принадлежала свободному развитію политической мысли, а была вызвана своими частными и чисто германскими причинами. Лютеръ водружалъ знамя идеализма въ Германіи; Меланхтонъ, Ольдендорфъ, Гемингъ и другіе совершали ту же реакцію въ наукѣ среди нѣмецкой земли.

Словомъ, они прежде всего идеологи, и чисто лютеранскіе политики. Мы были бы безразсудны, если бы хотѣли опредѣлять по ихъ трудамъ общее развитіе политической мысли. А вѣдь такъ дѣлалъ собственно наука до сихъ поръ. Теперь можетъ-быть можно, что эта наука нѣмецкихъ книжекъ, рассказывая свою исторію исключительно по Гомингамъ и Ольдендорпамъ, смотрѣла на свѣтъ однимъ глазомъ, и что этотъ глазъ былъ именно лѣвый.

II.

КАЛЬВИНЪ И ЕГО УЧЕНІЕ. — СВѢТСКІИ ПИСАТЕЛИ ВРЕМЕНЬ КАЛЬВИНА. — ИМИШЕЛЬ
 ЖУРНАЛЬ И LA-ВОСТЕ. — КАЛЬВИНИЗМЪ ВЪ АНГЛІИ: НОВСЪ, БУКАНАШЪ. — ПУ-
 БЛИЦИСТЫ ШКОЛЫ КАЛЬВИНА ВО ФРАНЦІИ И ПУБЛИЦИСТЫ ЛЮТЕ.

Другой характеръ имѣла реформація Кальвина, и другое было ея вліяніе на политическую литературу.

Здѣсь мы прямо чувствуемъ себя на почвѣ реализма, и это должно казаться довольно странно. Ученіе, которое являлось все-таки во имя идеальныхъ началъ, искаженныхъ католицизмомъ, является болѣе матеріальнымъ съ политической стороны, чѣмъ самый католицизмъ. Для этого нужно было, чтобы оно было пропитано тѣмъ крайнимъ фатализмомъ, которымъ дышитъ проповѣдь Кальвина. Связь кальвинизма съ реальнымъ міромъ, общая всякому идеализму, — будетъ ли онъ схоластическій, римскій, лютеранскій или философскій, — это фатализмъ. Разница только въ границахъ и характерѣ самаго предопредѣленія.

Если Лютеръ избѣгалъ вообще въ своемъ ученіи свѣтскихъ вопросовъ, и становился на сторону схоластическаго фатализма только въпужденный настоятельными требованіями насущныхъ событій; если въ результатѣ онъ искалъ отторженности сознанія отъ свѣтскихъ вопросовъ и дѣлъ, — то у Кальвина въ самой теоріи открыто выдержана католическая связь церкви и свѣта; вліяніе каноническаго начала на гражданскія отношенія даже оставляетъ за собой далеко папскую церковь. Никогда еще, кажется, и нигдѣ на христіанской почвѣ не раздавалось проповѣди, гдѣ бы начало предопредѣленія было доведено до такихъ крайнихъ границъ. Дальше Кальвина въ этомъ отношеніи идти было трудно, если не совершенно невозможно. Это ученіе совершенно безжалостно: ни малѣйшаго состраданія въ немъ не проглянетъ для человѣка, въ какомъ бы задавленномъ положеніи оно его ни встрѣтило. Люди всѣ убиты одинаковымъ презрѣніемъ; земля для всѣхъ одинаковое мѣсто проклятія, противъ котораго никто не имѣетъ права протеста. И чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе и рѣзче распространялъ Кальвинъ въ своемъ ученіи эту проповѣдь. Риторизмъ и регламентація гражданской жизни церковью грозили замкнуть жизнь въ формы невѣдомыя до сихъ поръ, утвердить риторизмъ мечемъ и силой. А между тѣмъ нигдѣ власть, которой давалась такая крайняя опора, не подвергалась такимъ рѣшительнымъ ударамъ въ теоріи и внѣшнихъ событіяхъ, какъ у писате-

лей и дѣятелей, вышедшихъ изъ школы Кальвина. Странное на первый взглядъ противорѣчіе. Вглядимся ближе, и мы увидимъ, что на ряду съ началами фатализма положены совершенно другія, дѣлающія изъ кальвинизма одинаково школу деспотизма и свободы. Крайнія противорѣчія искусно сведены здѣсь въ одно ученіе наружнаго смиренія, и поставлены орудіемъ одного только сектиторскаго успѣха. Свѣтскій фатализмъ служилъ опорной ступенью только самому успѣху религіознаго толка, оправдывая которую онъ ставилъ выше всего фанатизмъ и его права, открывая ему одинаково всѣ пути для своего успѣха.

Это была главная и единственная цѣль женевского реформатора; это же была главная цѣль Лютера. Но если Лютеръ называлъ свое ученіе ученіемъ мира, то Кальвинъ открыто взывалъ къ мечу и кровопролитію, требовалъ фанатическихъ средствъ, со всѣми ихъ послѣдствіями.

Политическій успѣхъ проповѣди—вотъ къ чему одинаково стремились и Кальвинъ и Лютеръ, каждый по своему, каждый опираясь на различныя политическія силы и потому различныя средства; оба хитрили и были политиками. Лютеръ не имѣлъ передъ собою централизованной власти, на которую могъ бы опереться; онъ примкнулъ къ аристократіи. Кальвинъ видѣлъ передъ собою такую власть; онъ началъ съ того, что возложилъ на нее свои надежды. Но онъ былъ остороженъ; вмѣстѣ съ тѣмъ для него было ясно одно только, что для успѣха проповѣди нужна будетъ и власть, въ какомъ бы видѣ она ни представилась, и отрицаніе власти, и что кальвинизмъ долженъ взяться одинаково равнодушно за все, чтобы утвердить свой политическій успѣхъ. Въ этомъ отношеніи вѣрнѣйшимъ дѣломъ было—положить въ самомъ ученіи средства полнаго оправданія всякой власти, и вмѣстѣ низверженія ея. Оттого кальвинизмъ могъ бросать свободно одну опору и браться за другую, утверждать теократическое начало централизаціи и ниспровергать его, какъ только оно измѣняло его интересамъ. Вотъ мотивы, которые мы встрѣтимъ у Кальвина и которыми объяснится характеръ политическихъ писателей, выросшихъ на почвѣ послѣдующаго движенія кальвинизма во Франціи и Англіи.

Ученіе Кальвина представляетъ кругъ, въ которомъ все признано, все оправдано и вмѣстѣ съ тѣмъ все уничтожено. Всѣ противорѣчія могутъ быть выстроены въ минуту, и находить свою опору въ словахъ самого учителя, и между тѣмъ всѣ они будутъ фиктивны; реальнымъ останется одно,—это интересъ секты, въ жертву которому принесены всѣ средства. Это тотъ же макиавеллизмъ, только направленный не къ благосостоянію людей, а къ благосостоянію кальвинизма.

Здѣсь то же ниспроверженіе нравственнаго дуализма, которое ста-

взять въ вину Макиавелли, но только являющееся въ видѣ католическаго предопредѣленія, оправдывающаго однаково всё средства ради интересовъ секты.

Время не имѣло нравственной опоры, реформаторы не имѣли одинаково принциповъ и брались за все, какъ могли лучше. Лютеръ отвернулся отъ свѣта и не хотѣлъ его видѣть, чтобы не столкнуться съ противорѣчїями свѣтскаго порядка тому, о чемъ онъ училъ. Кальвинъ предпочелъ открыто изложить всю нравственную сторону ученія, знамя котораго онъ несъ, чтобы дать дорогу политической его сторонѣ. Юридическіе писатели, примкнувшіе къ Лютеру, остались нравственными идеалистами; писатели школы Кальвина стали политиками, принимающими тѣ тенденціи, какія находились подъ рукою.

Самъ Кальвинъ защищалъ власть, еще разсчитывая на Франциска I. Кальвинисты будутъ громить ту же власть, оставшись вѣрны, какъ нельзя лучше, духу своего реформатора.

Мы не беремъ рѣшить, принадлежала ли собственно кальвинскому инициатива тѣхъ мыслей, которыя были высказаны его болѣе возданными адептами въ области права и политики. Съ одной стороны они были отчасти уже ранѣе выражены свѣтскими писателями, и потому за нихъ брались одинаково всё боевыя партїи — и гугеноты и Лига; съ другой, общее радикальное направленіе, которое сказалось теперь во французской и англійской литературѣ, было однаково вызвано крайностію политическаго порядка вещей.

Прежде нежели говорить о писателяхъ, принадлежащихъ прямо школѣ Кальвина, мы остановимся на чисто свѣтскихъ писателяхъ, имъ предшествовавшихъ въ смутное время реформациі.

Усильхъ реальной мысли въ области права до реформациі, если мы припомнимъ, былъ вызванъ соприкосновеніемъ чисто практическихъ мыслителей съ плодами порядка, господствовавшаго надъ общественной жизнью Европы за всё средніе вѣка. Мы видѣли, что противоудія этимъ послѣдствїямъ средневѣковаго порядка большая часть умовъ искала, съ одной стороны, въ національной централизациі (писатели французскаго tiers-état и Макиавелли); съ другой, въ общественныхъ отношенїяхъ (Томасъ Моръ). Двѣ стороны нравственнаго вопроса были однаково затронуты: сторона социальная и политическая. Мы встрѣтимся отчасти съ обвини во второй половинѣ столѣтїя. Но первая изъ нихъ ступенька вѣла за послѣднюю; настоящее несе общественной науки въ XVI вѣкѣ принадлежитъ политикамъ.

Мы видѣли на французской почвѣ направленіе, заведенное предшественниками средневѣковыхъ легистовъ, воспитывавшее въ политикѣ французскую монополїю средняго сословія. Это направленіе мы встрѣ-

тимъ прежде всего, и теперь, но рядомъ съ нимъ, мы увидимъ политиковъ другого строя; къ некоторымъ одинаково примкнутъ и кальвинисты и Лига.

У Мишеля Лопиталья мы встрѣчась съ тѣми же тенденціями, какія видѣли уже у Филиппа де-Комина. Но вся жизнь этого человека будетъ уже какъ бы свидѣтельствомъ безнадежности старой системы въ виду обстоятельствъ. У Лопиталья его мы видимъ то же опредѣленіе назначенія свѣтской власти, ту же защиту системы представительства, какъ ограниченія этой власти, то же практическое стремленіе въ наукѣ и мысляхъ. Лопиталь—кампьеръ; онъ также, какъ всѣ реалисты, съ которыми мы встрѣчались до сихъ поръ, всю жизнь дѣйствуетъ и борется,—борется въ тяжелую эпоху взрыва мистическихъ тенденцій, которыя возмущаютъ весь строй жизни, опутываютъ отношенія, деморализуютъ дворъ, и ставятъ сектаторскій интересъ, на мѣсто стремленія къ благосостоянію. Въ борьбѣ съ такими невзгодами истощается его дѣятельность. Напрасно онъ хочетъ умѣрять волненіе, убѣждая въ вѣротерпимости; напрасно ищетъ реформъ, согласныхъ съ буржуазной свободой, какъ онъ ее понимаетъ. Онъ не предупредитъ ничего, — отъ его убѣжденій отвернется одинаково и централизація и буржуазія. Варооломеевская ночь сотретъ лучшія головы Франціи и самъ Лопиталь умретъ, измученный напрасной борьбой и тяжелой скорбью.

Среди всей этой борьбы Лопиталь—представитель терпимости. Въ рѣчи, которою онъ открывалъ собраніе штатовъ въ Орлеанѣ, 1560 года, онъ говорилъ: «ножь можетъ мало противъ духа. Мягкія жѣры лучше жестокихъ. Отбросимъ эти дьявольскія слова партій лютеранъ, гугенотовъ, папистовъ; оставимъ названіе христіанъ.»

Въ этихъ словахъ онъ ясно остается вѣренъ своему свѣтскому дѣлу и нуждѣ всякихъ постороннихъ стремленій, которыя водную совѣсти. Политическія понятія его остаются трезвы отъ всякаго мѣлкія реформаціи.

«Некоторые сомнѣваются (продолжаетъ онъ) въ томъ, полезно ли королямъ собирать штаты, говоря, что король этимъ уменьшаетъ свою власть, что совѣтуясь съ мнѣніями своихъ подданныхъ, онъ самими обязывается съ ними, а отсюда происходитъ презрѣніе и уничиженіе королевскаго величества. Такое мнѣніе мнѣ кажется неосновательно: во-первыхъ, я утверждаю, что нѣтъ востунка достоинствъ короля, какъ давать аудіенцію своимъ подданнымъ и отдавать правду каждому. Короли были избраны первоначально для того, чтобы творить судъ; что же касается сближенія короля съ народомъ, то оно никогда не вредило королямъ Франціи; ибо нигдѣ нѣтъ такого повиновенія подданнымъ, какъ у насъ. Сослѣдимъ правителей слушать на колѣняхъ и съ он-

крытыми глазами: не больше ли они находятъ политическія? Можно опускать глаза передъ величіемъ властителейъ, какъ дѣлалось когда-то передъ персидскими царями; но будетъ ли онъ отъ этого болѣе любимъ подданными?»

Такое же было убѣжденіе Филиппа де-Комина; — это общій взглядъ средняго сословія, и въ этомъ отношеніи Лопиталь не исключиваетъ ничего новаго. Въ частныхъ вопросахъ онъ ведетъ дѣло Комина и средняго сословія, поддерживая послѣднее въ его реформахъ. Периодическое собраніе штатовъ, защита крестьянъ отъ налоговъ и произвола дворянства, протестъ противъ мысли о правѣ собственности короны на всѣ имѣнія подданныхъ и противъ злоупотребленій духовенства, ограниченіе имущественныхъ правъ этого сословія и отобраніе его имѣній въ казну, уничтоженіе продажности должностей и ихъ соединенія въ однихъ рукахъ, уничтоженіе частновладельческаго суда и судебныхъ привилегій, единство законодательства, — вотъ мотивы, къ которымъ стремятся требованія средняго сословія и за которыя стоитъ также Лопиталь.

Безпорядочность суда обращаетъ его особенное вниманіе, и онъ пишетъ трактаты о преобразованіи юстиціи. Въ практической части его онъ вооружается преимущественно противъ размноженія тѣмъ и судебныхъ чиновниковъ, и указываетъ необходимость уничтоженія продажности должностей, какъ единственную надежную мѣру противъ такого зла.

Но тутъ же Лопиталь пробуетъ стать философомъ, привнеситъ слово естественнаго права, доказываетъ, что оно должно быть одно какъ для дикихъ Америки, такъ и для христіанъ Европы; что разность положительныхъ законовъ происходитъ отъ особенныхъ условий времени и мѣста; что всѣми уставами должна руководить одна и та же разумность.

«Всякая сила имѣетъ смыслъ только тогда, когда она служитъ орудіемъ разумной дѣли.

«Не можетъ быть двухъ нравственныхъ законовъ: одного частнаго, другаго публичнаго. Частная нравственность должна служить основаніемъ и политикѣ».

Все это болѣе интересно, какъ набожное желаніе, какъ вѣрованіе, чѣмъ какъ основаніе нравственной теоріи. Оно интересно въ устахъ Лопитали, какъ архаична дѣльной практической природы, не отразившей сомнѣній и скептицизма, которыми кажутся болѣе или менѣе переполнены все чуждыя тому времени. Среди общаго либеральнаго соотношенія умовъ, отрицанія нравственнаго дуализма въ теоріи у Монтескье; въ практикѣ у Кальетта, на практикѣ во всей политической жизни, и тайнаго совѣнія въ невозможности примирить его съ

живию у Локера, — одинъ Локонталь равнодушенъ къ догматамъ, охраняетъ въ сердцѣ прямоту вѣры въ нравственную сторону общаго ученія, которая проглядываетъ во всей его системѣ. Онъ одинъ, кажется, между всѣми имѣетъ убѣжденіе. Это его особенность. Вообще Локонталь служитъ вѣрнымъ свидѣтелемъ того направленія, которое мы видѣли въ политическихъ понятіяхъ Франціи въ началѣ столѣтія. Но понятіе формальной свободы, заложенное въ основаніе всей исторической роли средняго сословія, далеко не ограничивалось тѣми требованіями, за которыя стоило пока *tiers-état* и его писатели. Оно давало болѣе простора смѣлости мысли, разъ получившей толчокъ. Если не отъ людей, политическія убѣжденія которыхъ должны были опредѣляться ихъ политической ролью, то нужно было ждать болѣе вѣрнаго развитія того же начала отъ писателей, которые, не вглядываясь такъ близко въ насущныя препятствія, требовали болѣе рѣзкой послѣдовательности въ томъ же направленіи. Нужно было ждать только обстоятельствъ, которыя бы къ ней вызвали.

Въ этомъ отношеніи трудно себѣ представить чтонибудь болѣе возбуждающее для литературы, съ которой мы должны встрѣтиться, чѣмъ тотъ порядокъ, который начинается въ исторіи Франціи съ появленіемъ на сцену Катерины Медичи, съ казнями противъ гугенотовъ и борьбой партій, которая дается до конца столѣтія. Власть, въ которой видѣли гарантію народной свободы и которую поддерживали всѣми мѣрами политическіе мыслители, указанные нами выше, романа себя теперь все болѣе и болѣе и наконецъ въ Варолюмеевскую ночь сносила цвѣтъ французскаго общества. Въ борьбѣ съ такимъ поворотомъ дѣлъ Локонталь истончился: старая теорія его не смогла ничего противъ ряда такихъ царствованій, какія начинаются Генрикомъ II, противъ дѣйствій честолюбивой итальянки и Гизовъ.

Интриги и звѣрство двора, гоненіе гугенотовъ и новельныя казни, среди которыхъ Франція должна была пить стыдъ, пить воду; по выраженію одного историка, — вотъ что видать теперь воъ кругомъ себя. Подъ вліяніемъ такихъ возмущающихъ условій, обрушившихся на народы, 16-тилѣтній ювона Ла-Ботти начинаетъ рядъ писателей другаго направленія.

Книга Ла-Ботти *Discours de la servitude volontaire* — написана въ 1549 году, хотя и вышла въ печати позже. До этого года она ходила въ рукописи и имѣла огромный успѣхъ; протестантскими принята ея съ восторгомъ. Интересна она собственно потому, что служила началомъ цѣлому ряду твореній, написанныхъ въ единичномъ съ ней духѣ; но архаго въ ней въ сущности мало. Все, что Ла-Ботти говоритъ о рессетцѣ людей, — очень краснорѣчиво; но гдѣ онъ вводитъ въ политичку и судить о практическомъ примѣненіи своихъ идей, тамъ она

становится бѣдѣю. «Если есть что нибудь ясное, въ чемъ нельзя сомнѣваться, говоритъ онъ, — то конечно то, что природа создала насъ всѣхъ по одной и той же формѣ, чтобы мы считали другъ-друга товарищами или даже братьями, и если распредѣля свои блага, она не одинаково надѣляла всѣхъ красотой, умомъ или силой, то конечно для того, чтобы заставить ихъ нуждаться и помогать другъ-другу по братской привязанности. Потому, если эта добрая мать дала намъ общую землю для жительства и создала насъ изъ одного вещества, чтобы мы могли какъ бы узнавать себя другъ-въ-другъ; если она дала намъ даръ слова для того, чтобы сблизить насъ еще болѣе чрезъ взаимную передачу мыслей; если она всѣми силами старалась укрѣпить нашу связь; если она показала во всемъ желаніе не столько нашего однообразія, сколько нашего единства, то нѣтъ сомнѣній, что мы всѣ одинаково свободны, будучи всѣ товарищами, и не можетъ войти ни въ чью голову, что природа насъ создала для взаимнаго рабства, создавъ насъ всѣхъ для взаимнаго товарищества».

Въ видахъ такого равенства, Ла-бюэти разсматриваетъ всѣ формы правленій, и для осуществленія своихъ понятій находитъ достаточнымъ слѣдующее: *Il n'est point besoin que le pays se mette en peine de faire rien pour soi, mais qu'il ne se mette pas en peine de faire rien contre soi, и т. д.*

Теорія эта можетъ быть довольно остроумна. Но насколько примѣненіе ея возможно въ самой жизни, объ этомъ можетъ судить самъ читатель.

Ла-бюэти, писавшій эти строки, умеръ 14-ть лѣтъ спустя, въ болѣе спокойныхъ чувствахъ, совѣтникомъ парламента въ Бордо. По словамъ Монтеня, не было гражданина, болѣе склоннаго къ общественному спокойствію и болѣе нерасположеннаго къ безпокойствамъ, которыя наполняли его время. Но за книгой Ла-бюэти слѣдовалъ рядъ памфлетовъ, зависимость которыхъ отъ обстоятельствъ времени еще болѣе ясна. Кардиналъ де-Лоренъ и Катерина Медичи, эти двѣ передовыя личности тогдашней французской политики, характеръ которыхъ слишкомъ извѣстенъ, чтобы надъ ними здѣсь останавливаться, — были явными цѣлями, противъ которыхъ направлялся протестъ радикаловъ. Противъ первого была написана *Le Turpin*, книга, полная кровявой ненависти къ кардиналу; противъ второй—*Discours merveilleux de la vie, actions et deportemens de la reine Catherine de Medicis*; противъ всего дома Медичевъ—*Les tragiques*, Агриппы д'Обинья, рядъ сатиръ, которыя могутъ быть названы проклятіемъ послѣднихъ Валуа; *Avantures du baron de Foeneeste*, наконецъ мемуары Монлюка и Кюаде. Все это болѣе интересно для насъ не самою направленною, чѣмъ по внутреннему достоинству; останавливаться надъ сатирическими этого рода мы не считаемъ

теснѣмъ здѣсь нужнымъ; намъ хотѣлось узнать только начало сочиненій въ подобномъ духѣ на свѣтлой почвѣ и связь ихъ съ положеніемъ вещей.

Самъ протестантизмъ во Франціи сначала былъ очень пасивенъ не только до Кальвина, но и послѣ начала его проповѣди. Это было движеніе мирное и чисто народное, какъ извѣстно, принадлежавшее болѣе всего книгопечатанію; секта установилась только съ Кальвиномъ; раньше, работники читали Библию, объясняли ее другъ-другу, пѣли псалмы по праздничнымъ днямъ и въ свободные часы. Занятіе это, во историческимъ извѣстіямъ, быстро замѣнило пьянство и грубыя игры. Таково было первое послѣдствіе начинавшейся реформации. Нужно было католическое духовенство, начинавшее терять кредитъ въ народѣ и стойкость своихъ политическихъ и имущественныхъ правъ у престола, чтобы разжечь такое явленіе въ кровавую драму. Самый дворъ смотрѣлъ сначала на реформацию довольно равнодушно; но нужно было здѣсь оказаться партіямъ, которыя сдѣлали изъ религіи вопросъ своего политическаго успѣха. Несмотря на это, протестанты сорокъ лѣтъ средѣ позволяли себя жечь и закапывать живьемъ въ землю; — ихъ стойкость была чисто пассивная. Самъ Кальвинъ, разсылая изъ Женевы учениковъ, пока не проповѣдывалъ другой. Былъ силлогизмъ, съ которымъ сначала никакъ не могли справиться протестанты: «если вы христіане, вы должны безпрекословно повиноваться, терпѣть и гибнуть». И Кальвинъ также отпускаетъ голову и говорить: «да, будемъ сопротивляться духомъ, спасемъ душу и брошимъ тѣло.» Послѣ былъ самъ осмѣривѣлъ и кончилъ казнью Серве.

Нужно было Ноксу восемь лѣтъ провести на галерахъ и потеть съ рубцами плетей и оковъ слушать и принять проповѣдь Кальвина, чтобы понять, много ли можно сдѣлать съ такимъ оружіемъ, и чтобы разомъ истолковать кальвинизмъ, — иначе разбивъ роковую дилемму.

«Если вы отдаете себя тиранамъ, отдадите развѣ вы также раба, женщину, вѣсть слабыхъ, которые въ этихъ жестокихъ попыткахъ могутъ отречься отъ вѣры? Вы отдаете миръ палачамъ, которые будутъ продолжать убійство до послѣдняго христіанина, пока вѣрующіе и вѣровашіе исчезнутъ совсѣмъ съ лица земли. Развѣ это послѣдняя побѣда, которую должна одержать религія? Развѣ цѣль; законный конецъ христіанства — искорененіе самаго христіанства?»
Извѣстенъ разговоръ Нокса съ Маріей Стюартъ, который разсказываетъ Минье.

Королева, утвердивъ право протестанства, не смотря на все свое отвращеніе къ нему, — хотѣла видѣть Нокса. Она упрекала его въ томъ, что будучи народъ противъ власти и убѣждала быть свископикомъ въ

тъ тѣмъ, которые не раздѣляютъ его религіозныхъ вѣрованій. «Если отвергать идолопоклонство», отвѣчалъ Ноксъ, «и склонять народъ къ почитанію Бога согласно писанію, значитъ возбуждать подданныхъ противъ царей, — я не могу быть оправданъ, потому что я это дѣлалъ. Но если невѣжаніе Бога и его настоящаго служенія ведетъ всѣхъ добрыхъ подданныхъ къ повиновенію властителямъ отъ добраго сердца, — кто можетъ меня упрекнуть?» Онъ продолжалъ, захрапя, что будетъ жить довольный подъ властію королевы, пока не будетъ проливаться кровь святыхъ, но утверждая, что въ дѣлахъ вѣры подданные обязаны повиноваться заповѣдямъ Создателя. «Если бъ всѣ люди времянъ апостоловъ», прибавилъ онъ, «были принуждены слѣдовать вѣрованіямъ императоровъ, — что стало бы съ христіанствомъ?» — «Но эти люди не сопротивлялись», отвѣчала Марія: «не сопротивлялись вооруженной рукой?» — «Это потому», возразилъ Ноксъ: «что Богъ не далъ имъ на то ни средствъ, ни возможности». Понятно, въ какомъ духѣ долженъ былъ кончиться разговоръ, начатый Ноксомъ.

Подъ вліяніемъ протестантской пропаганды мы встрѣчаемъ на великобританской почвѣ сочиненія, гдѣ политическія убѣжденія реформационнаго времени высказываются еще яснѣе, чѣмъ у Нокса. Подъ 1557 г. мы встрѣчаемъ трактатъ о политической власти Ивана Пойнета, епископа винчестерскаго при Эдуардѣ VI. Къ тому же времени относится другое сочиненіе, *De jure regni apud Scotos*, Георга Буканана.

Букананъ идетъ дальше Пойнета, даетъ понятіямъ кальвинистовъ диалектическую опору, и вмѣстѣ съ тѣмъ кладетъ начало теоріи, которая считается обыкновенно продуктомъ идеалистовъ XVII вѣка, но которая принадлежитъ протестантскому реализму кальвинистовъ.

Между королемъ и народомъ въ Англіи существуетъ взаимный договоръ, утверждаетъ Букананъ; первый, кто нарушаетъ этотъ договоръ и вступаетъ противно принятымъ обязательствамъ, разрушаетъ его.

Во Франціи протестанты начинаютъ свою радикальную проповѣдь въ политикѣ вслѣдъ за Варроломеевской ночью. Мы назовемъ здѣсь только два самыя замѣчательныя явленія въ этомъ родѣ: *Franco-Gallia* — Готмана, и *Vindiciae contra Tyrannos* — Лангё. (Hubert Languet).

Готманъ останавливается надъ тѣми же политическими вопросами, съ которыми мы встрѣчались у всѣхъ французскихъ политиковъ, отъ Коминя до Ла-Боззи и у англійскихъ протестантовъ. Онъ хочетъ исторически доказать избирательное начало власти князей въ древней Германіи, и на этомъ основаніи установить права народа по отношенію къ нимъ.

Верховная власть въ послѣдней инстанціи принадлежала ad universitatem civium vel nobilium. На этомъ послѣднемъ словѣ сосредоточиваются всѣ политическія мечты Готмана. Онъ въ восторгѣ отъ Англіи, и аристократическое конституціонное правленіе составляетъ его идеаль въ политикѣ. Ограничивая власть князей, онъ утверждаетъ, что между послѣдними и народомъ нуженъ элементъ умиротворяющій; этотъ элементъ и составляетъ аристократія. О среднемъ сословіи онъ относится неблагоклонно, называя его узурпаторомъ власти.

Всю эту аристократическую избирательную теорію можно было бы принять за систему, независимую отъ частныхъ цѣлей, имѣющую въ виду одну только истину вопроса, которымъ она занята. Обманъ и разочарованіе. Готманъ лишь на столько держится выраженныхъ началъ аристократическихъ, на сколько и всякихъ другихъ, если они могутъ быть полезны кальвинизму. Franco-Gallia была написана противъ наслѣдственныхъ правъ Генриха III. Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда наслѣдникомъ будетъ Генрихъ IV, Готманъ пишетъ: *Le droit du neveu sur l'oncle*, гдѣ доказываетъ всѣ выгоды наслѣдственности трона.

Книга Лангэ мало отличается отъ «Франко-Галліи». Здѣсь то же аристократическое начало, какъ и тамъ, направленное въ ущербъ верховной власти, и только ученіе о послѣдней доведено до болѣе кальвинистскихъ результатовъ. То же аристократическое начало, умиротворяющее власть князей, поддерживаютъ и другіе памфлеты, принадлежащіе къ этой серіи: *Du droit des magistrats sur leur sujets* и *Discours politiques des divers puissances établies de Dieu au monde*. Принципъ монархической власти при этомъ признается. Послѣднее сочиненіе говоритъ, напримеръ, прямо, «что власть, составленная изъ короля и лучшихъ или достаточныхъ, полезна, а всякая другая—вредна». Нужно только, чтобы король не вредилъ кальвинизму, и вотъ почему только направлено противъ него весь споръ. Но на чемъ основанъ на самомъ дѣлѣ отпоръ монархическому началу? Французскіе кальвинисты ищутъ кругомъ, и видятъ три дѣятельные элемента въ политическомъ стрѣѣ современной Франціи: союзъ средняго сословія и короля съ одной стороны, и съ другой — подавленную этимъ союзомъ аристократію. Народъ удаленъ отъ политическаго дѣла,—его роль пассивная. Вотъ почему, ратуя противъ короля, французскіе кальвинисты холодно смотрятъ и на буржуазію. Они видятъ одинъ общественный элементъ, который подавленъ одинаково съ ними, — аристократическій; рассчитываютъ, что личныя выгоды могутъ заставить этотъ элементъ соединиться съ дѣломъ протестантизма для дружнаго спора съ королевской властью, — вотъ почему они льстятъ аристократіи и проно-

вѣдуютъ ея власть въ теоріи, и почему пишутъ громоздкіе памфлеты противъ королей, напримеръ: *Les apophthegmes et discours notables, recueillis de divers auteurs*, и *La France Turque*, гдѣ правительство Валуа сравнивается съ турецкимъ.

Съ тѣмъ же рѣшительнымъ характеромъ является радикальное направленіе и у публицистовъ Лиги, напр. Буние: *De justa Henrici tertii abdicacione*, и Гильома де-Розъ: *De justa reipublicae christianae in reges impios auctoritate*. Лучшіе памфлеты этого разряда повторяли тѣ же политическіе уроки кальвинистовъ, направляя ихъ въ пользу католической партіи, и формулируя самыя теоріи, примѣнялись къ началамъ папской власти, — но это различіе не важно.

Что же мы должны сказать теперь вообще о реформации нѣмецкой и реформации кальвинистовъ, и о политической литературѣ, вызванной ею?

Создала ли она свое ученіе въ политикѣ?

Не трудно видѣть, что она не пришла ни къ какому результату, ни къ какому политическому строю убѣжденій и, напротивъ, выразила положительное ихъ отсутствіе. вмѣсто одного ученія, она дала нѣсколько ученій, именно столько, сколько было отдѣльных общественныхъ партій. Въ политикѣ она оправдывала все, и все опровергала, отъ политической централизаціи до общенія женъ. Ея мистическое знамя, мѣняясь на каждомъ шагѣ, являлось только какъ будто для прикрытія тѣхъ или другихъ реальныхъ интересовъ, тѣхъ или другихъ политическихъ мотивовъ, которые указывали реальнымъ. Все оказалось шатко среди реформаціонной борьбы и выразилось только общае отсутствіе убѣжденій, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ настоящую силу, колеблющую всѣ теоріи и вѣрованія, въ тѣхъ матеріальныхъ подавленныхъ интересахъ, которые искали себѣ выхода. Было бы странно искать, при такихъ условіяхъ, въ томъ или другомъ томѣ, у того или другаго писателя, вѣру въ безусловную истину своей теоріи. Можно найти справедливый протестъ, по праву вооружающееся чувство, но не твердые, положительные принципы. Самая полная картина макиавеллизма разыгрывалась здѣсь на самомъ дѣлѣ, и среди нея всякій думалъ отвоевать себѣ, или своей партіи, у стараго порядка лучшее положеніе, и вотъ въ какихъ видахъ приставалъ къ той или другой теоріи.

Это отсутствіе убѣжденій въ политикѣ, вынесенное обществомъ изъ реформациі, было, какъ мы видѣли, въ Германіи прямо засвидѣтельствовано Винклеромъ; подобныя же прямыя свидѣтельства мы не замедлимъ встрѣтить и во Франціи. За такимъ идеоферентизмомъ скрывается для насъ весь реальный профилъ этой шумной борьбы, которая прикрывалась на первый взглядъ совершенно отвле-

ченными началами. Если Макиавелли опровергалъ схоластическое право, а Т. Моръ указывалъ настоящія условія общественной гармоніи, то реформація повторила на практикѣ, собственно говоря, то же равнодушіе къ старому, пытаясь пойти на практикѣ даже далѣе Т. Мора, въ лицѣ анабаптистовъ; а какимиъ знаменемъ она при этомъ прикрывалась, — это для нашего предмета, конечно, все равно.

III.

ПОСЛѢДНІЕ СВИДѢТЕЛИ ОБЩАГО РАВНОЖЕТІЯ ВОДИТИЧЕСКИХЪ УВѢЖДЕНІЙ. — МАКИАВЕЛЛИ И БОТЕРО. — ЖАНЪ ВОДЕТЬ И МОТЕНЬ. — ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Теперь всё были правы: Тома Аквинать и Иоаннъ Лейденскій, папа, кальвинисты, Лига и анабаптисты, нѣмецкіе крестьяне и Лютеръ, — всё было доказано, бѣлое и черное, и все опровергнуто. Что же должно было остаться на днѣ убѣжденій? Цѣльная натура Лопитали съ грустью чувствовала деморализацію. «*Quand cette neige sera fondue, il n'y aura plus que de la boue*», говорилъ онъ, указывая на свою сѣдую бороду. «*Pour obtenir quelque honneur dans ce siècle, il faut machiavelliser*», — съ такой же грустью писалъ Пакье. Оставался дѣйствительно одинъ реализмъ Макиавелли: имъ занимается, объ немъ пишутъ и опираются отъ него, — лучшее доказательство, что ему слѣдуютъ на самомъ дѣлѣ, если бы приведенныя слова Пакье не дѣлали излишнимъ всякое доказательство. Итальянецъ Ботеро (1589) даже пробуетъ разрабатывать его мысли, оправдываетъ Варфоломеевскую ночь и высказываетъ, между прочимъ, гораздо ранѣе Мальгуса, что возрастаніе населенія имѣетъ свои границы въ матеріальныхъ условіяхъ жизни, которыя дѣлаютъ невозможнымъ воспитаніе и прокормленіе излишняго числа дѣтей. Впрочемъ, Ботеро далеко не Макиавелли. Самоохраненіе, какъ единственная цѣль правительства, — вотъ весь смыслъ его книги, смыслъ гораздо болѣе тѣсный и односторонній. Макиавелли все-таки остается у него непомятымъ, хотя онъ и слѣдуетъ ему. Онъ близокъ болѣе къ вышнему характеру теории своего учителя и потому оправдываетъ такую мѣру, которая врядъ ли встрѣтила бы сочувствіе Макиавелли уже потому, что она явно не достигла своей цѣли. Для насъ онъ интересенъ только, какъ свидѣтель извѣстнаго разлада въ нравственныхъ понятіяхъ.

Но Ботеро имѣетъ мало подражателей. Убѣжденія какъ будто боятся идти до конца, въ которыхъ могли бы найти болѣе твердую основу. Для нихъ легче, съ одной стороны, простое сомнѣніе, съ другой — страхъ разстаться съ старыми формами, и страхъ

этотъ вызываетъ новыя усилія сковать разлагающагося, въ противность реализму Макиавелли и радикальности протестантскихъ писателей.

Представителями этого консервативнаго направленія были: Фроэнго, Паке и Боденъ. Мы остановимся на послѣднемъ изъ нихъ, потому что, ратуя одинаково противъ протестантовъ и Макиавелли, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ полнѣе выражаетъ характеръ этого послѣдняго усилія удержать понятія при историческихъ формахъ. Боденъ самъ ясно высказываетъ въ своемъ предисловіи причины, которыя побуждаютъ его писать и тутъ же объявляетъ двойную войну реализму Макиавелли и протестантскимъ радикаламъ, будучи самъ кальвинистомъ. «Nous avons pour exemple un Machiavel qui a eu la vogue entre les courtiers des tyrans, et lequel Paul Jove ayant mis au rang des hommes signalés, l'appelle néanmoins ignorant des bonnes lettres. Quant au savoir je crois que ceux qui sont accoutumés de discourir doctement, peser sagement, et résoudre subtilement les hautes affaires d'Etat s'accorderont qu'il n'a jamais sondé le gué de la science politique, qui ne git pas en ruses tyranniques qu'il a cherchées par tous les coins d'Italie.»

Таковъ его отзывъ о Макиавелли. Боденъ хочетъ доказать такимъ образомъ не только безнравственность макиавелизма, но и практическую ложность его политики: «Le livre du Prince ou Machiavel rehausse jusqu'au ciel et met pour un parangon de tous les rois le plus deloyal fils de piétre qui fut oncques, lequel néanmoins, avec toutes ses finesses, fut honteusement précipité de la roche haute et glissante ou il s'étoit niché, et enfin exposé comme un belltre à la merci et risée de ses ennemis, comme il est arrivé depuis aux autres princes qui ont suivi sa piste et ont pratiqué les belle règles de Machiavel, lequel a mis pour deux fondemens des Republicques l'impiété et l'injustice.»

Въ противность этому Боденъ хочетъ доказать, что настоящая политика должна быть основана на правилахъ строгой морали и справедливости. Рядомъ съ макиавелизмомъ онъ указываетъ тутъ же другой разрядъ политиковъ, противныхъ и враждебныхъ Макиавелли: «d'autres contraires et droits ennemis de ceux-ci qui.... sous le voile de la liberté populaire font rebelles les sujets contre leur princes naturels, ouvrant la porte à une licencieuse anarchie qui est pire que la plus forte tyrannie du monde. Voilà deux sortes d'hommes, qui par écrits et moyens contraires conspirent à la ruine des republicques; non pas tant par malice que par ignorance des affaires d'Etat, et que je me suis efforcé d'éclaircir en cette oeuvre.»

Таковъ планъ и задача книги Бодена: «la République», вышедшей при самомъ началѣ Литги, въ 1577 году.

Посмотримъ теперь, насколько Боденъ выполняетъ свою задачу

Переходя къ содержанію «Республики» (*Res publica*, государство), мы найдемъ здѣсь не столько прямое опроверженіе извѣстныхъ системъ, какое обѣщаетъ по видимому Боденъ, сколько защиту его собственнаго плана. Со стороны содержанія, *Республика* его не болѣе какъ апологія *мѣщанской монархіи легиствоэ*. Отстоять юридическое *status quo* выработанной въ XVI вѣкѣ централизаціи, ограниченной неприкосновенностью частной собственности и слѣдовательно волей штатовъ относительно размѣра налоговъ, отстоять эту данную политическую форму, усиливъ пожалуй ригоризмъ отношеній въ частномъ быту для ея большей прочности, — вотъ собственно куда должна прийти вся полемика Бодена. Планъ системы данъ заранѣе; нужно только подыскивать доказательства. Весь трудъ представляется діалектическимъ уравниемъ на историческую тему. Эту тему нужно защитить во что бы то ни стало, нужно дать ей опору въ умахъ, пораженныхъ оскорбленіями, которыя терпятъ идеалъ *tiers-état*. Изъ такой предиславленности плана и смѣси разнородныхъ доказательствъ выходятъ, дѣйствительно, у Бодена шаткость всей системы.

Боденъ выводитъ политическую власть въ государствѣ или республикѣ, какъ онъ его называетъ, чисто отвлеченной юридической выкладкой. Онъ начинаетъ съ того, что отдѣляетъ верховную власть отъ правительства, дѣлая изъ первой отвлеченное тѣло, или предметъ совершенно независимый отъ лицъ, составляющихъ правленіе. *Il est besoin de former la definition de souveraineté par ce qu'il n'y a ni jurisconsulte ni philosophe politique qui l'ait définie, j'açoit que c'est le point principal et le plus necessaire d'être entendu au traité de la république.*

Верховная власть отдѣляется у Бодена даже отъ власти монархической неограниченной тѣмъ, что эта власть сама по себѣ безсрочна, тогда какъ простая монархическая, абсолютная власть можетъ быть временная, данная на опредѣленное время «*Or la souveraineté n'est limitée ni en puissance ni en charge ni à certain temps... le peuple ne se desaisait point de la souveraineté quand il établit un ou plusieurs lieutenants avec puissance absolue à certain temps limité: ceux-ci demeurent comptables aux peuples; ce qui n'est pas au prince souverain, qui n'est tenu rendre compte qu'à Dieu.*»

Для власти, которую Боденъ называетъ *souveraineté*, на языкѣ положительныхъ наукъ даже нѣтъ названія. Мы по крайней мѣрѣ не можемъ представить себѣ никакой народной власти, которая не была бы опредѣлена временемъ и пространствомъ, и потому считаемъ возможнымъ говорить въ настоящемъ случаѣ о всякой власти только какъ о фактѣ очень опредѣленномъ и точномъ.

Это очень хорошо знаетъ самъ Боденъ, и потому отвлеченіе, которое онъ здѣсь дѣлаетъ, есть не болѣе какъ логическая уловка.

Въ сущности, онъ переноситъ формы частнаго порядка, формы даренія, договора, завѣщанія и такъ далѣе къ государственнѣмъ вопросамъ. Но частный порядокъ былъ такимъ же политическимъ продуктомъ, и требовалъ доказательства; во-вторыхъ, формы его были приемымы справедливыми только при извѣстныхъ условіяхъ; не все могло быть предметомъ собственности, дара или договора; власть на вещи допускалась только надъ извѣстными условіями, власть же на лица была еще болѣе ограничена. Договоръ или дареніе считались справедливыми не потому, что они были дареніемъ или договоромъ, а потому что съ этимъ связывалась обстановка и условія, которыя дѣлали ихъ дозволенными. Отсюда примѣненіе этихъ формъ къ отвлеченномъ видѣ къ объясненію новыхъ отношеній, было явнымъ софизмомъ, логической уловкой, и несмотря на то, на эту уловку сблизилъ всѣ, такъ-называемыя, системы договора, процвѣтавшія въ XVII и XVIII вѣкахъ. Послѣ того, какъ политика была такъ явно отдѣлена отъ права у Макиавелли, переносить сюда какія либо отвлеченія было, кажется, непростительнымъ грѣхомъ неточности, а между тѣмъ два съ половиною вѣка политическіе мыслители повторили одинъ за другимъ одну и ту же ошибку. Всякая отдѣльная сфера бытія имѣетъ свои особыя формы; дѣлать изъ нихъ отвлеченія, значить стирать ихъ, сводить въ одно или переносить формы одной сферы въ другую. Нѣтъ ничего легче, конечно, какъ доказывать такимъ путемъ; нѣмецкая наука это поняла очень хорошо, и наконецъ увидѣла въ государствѣ животь и ноги, и въ смертной казни безусловное добро, въ правѣ — законы красоты, и все что хотите.

Вся политика такимъ образомъ могла быть сравнена съ частнымъ правомъ, но дѣло въ томъ, что такимъ образомъ также легко было доказать законность наслѣдственныхъ личныхъ обязательствъ, которыя однако считались незаконными при всѣхъ условіяхъ договора, даже въ сферѣ частнаго права; это ясно показывало, насколько формы частнаго права въ отвлеченномъ видѣ могли служить безусловными доказательствами.

Политика Бодена клонится къ той же цѣли, какъ и діалектика его, къ защитѣ интересовъ tiers-état. Разсматривая различныя формы правленія, онъ отдаетъ преимущество централизаціи, опирающейся на среднее сословіе. Но тутъ же, для самаго автора, эта форма оказывается не столь надежною, какъ можно было думать сначала, и Боденъ видимо готовъ склониться на всѣ мѣры, чтобы поддержать ея стойкость. Оно впрочемъ очень естественно: Боденъ писалъ въ то время, когда монархическая власть во Франціи, въ лицѣ послѣднихъ Валуа, дѣлала все, что могла, чтобы подорвать свою настоящую силу, и когда, съ другой, она подвергалась явнымъ потрясеніямъ со стороны

реформаторовъ. Потасенный центръ, въ которомъ Боденъ ищетъ устроить залогъ крѣпости монархическаго начала — это семья. Семья для него составляетъ центральный нервъ политической жизни; изъ нея, какъ изъ начальной ячейки, возрождаетъ онъ всѣ политическія отношенія и къ ней-то направлены естественно его политическіе виды. Иначе трудно объяснить, почему отстаивая частную собственность противъ королевской власти, вооружаясь противъ рабства, онъ обрушаетъ на эту часть общественной жизни весь ригоризмъ. Право жизни и смерти для родителей надъ дѣтьми и патриархальная дисциплина въ самомъ крайнемъ видѣ, — вотъ главный рычагъ, которымъ Боденъ думаетъ поддерживать политическія условія, которыхъ является защитникомъ.

«Какъ бы ни были разнообразны законы, говоритъ онъ, не было никогда ни закона, ни обычая, который бы избавлялъ жену отъ послушанія и почтенія мужу; и какъ говоритъ Эврипидъ, нѣтъ ничего болѣе необходимаго для сохраненія государствъ, какъ подчиненіе женъ мужьямъ... Поэтому законъ Божій и священное писаніе, давшее вещамъ нима вѣрное ихъ природѣ и свойству, называетъ мужа господиномъ» и т. д.

Власть отца семейства Боденъ характеризуетъ такъ: «le père est la vraie image du grand Dieu souverain, père universel de toutes choses.» Надъ современнымъ ему упадкомъ такой власти Боденъ плачетъ и постоянно утверждаетъ, что отецъ долженъ имѣть надъ дѣтьми право жизни и смерти: «je dis donc qu'il est bien expédient que les princes et législateurs remettent sur les anciennes lois touchant la puissance des pères sur les enfants et qu'ils se règlent selon la loi de Dieu».

«Возразятъ, продолжаетъ онъ, что встрѣчались такіе отцы, которые употребляли свою власть во зло. Такъ; я утверждаю однако, что никогда мудрый законодатель не откажется принять хорошаго закона ради тѣхъ рѣдкихъ ошибокъ, къ которымъ онъ можетъ вести. И гдѣ же тотъ законъ, справедливый и естественный, который былъ совершенно изъятъ отъ такихъ ошибокъ? Тотъ, кто захотѣлъ бы отвергать законы на этомъ основаніи, уничтожилъ бы ихъ всѣ до одного.»

Само собою разумѣется, послѣ этого, что дѣти не имѣютъ никакого права на наслѣдство, и что произволъ завѣщателя есть естественное основаніе наслѣдственнаго права, которое признаетъ Боденъ.

Семейство служитъ ступенью политическому строю; этотъ строй слабѣтъ; — чтобы укрѣпить его, нужно ввести какъ можно болѣе дисциплины въ семью. Не трудно видѣть, что по устроеннымъ такимъ образомъ ступенямъ, европейская жизнь должна была неминуемо, по теоріи Бодена, спуститься къ вѣатскому строю. Отношенія семейныя, имущественныя, сословныя и государственныя, словомъ вся совокупность такъ-называемыхъ юридическихъ отноше-

ній есть только рядъ политическихъ формъ, вытекающихъ изъ признаннаго начала экономической борьбы отдѣльныхъ интересовъ. Самыя простѣйшія изъ нихъ обуславливаютъ, безъ всякаго сомнѣнія, характеръ болѣе сложныхъ, и извѣстныя формы въ кровныхъ и имущественныхъ связяхъ отъзываются своими особенностями и въ государственномъ строѣ. Но по этому самому семья, какъ чертила ее Боденъ, не могла удовлетворить его сокровеннымъ требованіямъ. Она не могла ужиться съ представительной французской монархіей XVI вѣка, съ признаннымъ началомъ неприкосновенности частной собственности, и разъ принятая въ этой формѣ закономъ и правами, должна была пересоздать монархію легистовъ въ кашалькъ. Боденъ не видѣлъ настоящаго источника ослабленія королевства и настоящихъ средствъ противоборства. Въмѣсто обновленія распадающагося, онъ хотѣлъ только сковать его, и потому, вся политическая система его являлась химерическимъ, болѣзненнымъ усиленіемъ, которое не могло ни достигъ своей цѣли, ни быть даже принято практикой.

Явленіе, противъ котораго ратовалъ Боденъ, было между тѣмъ настоятельно, а самая задача, которая имъ ставилась, очень интересна и поучительна. Политическія ошибки, которыми это явленіе было вызвано и при которыхъ королевская Франція продолжала вести свою внутреннюю политику, имѣли столь явственное вліяніе на ея позднѣйшую судьбу, что надъ ними стоитъ остановиться.

Монархія была неизбѣжной формой, въ которую должно было перейти средневѣковое общество. Феодалное общество, выросшее на аристократическомъ произволѣ, крайне поглотившемъ всѣ человѣческіе интересы въ имущественномъ правѣ бароновъ, спаслось черезъ монархію. Монархическая власть низложила имущественное право феодаловъ, исторгла цѣлый рядъ отношеній административныхъ, судебныхъ и общественныхъ изъ рукъ аристократіи; она выдвинула цѣлый классъ средняго сословія изъ его подавленнаго состоянія, и этимъ окрѣпла. Прямая политика ея чертилась по своему началу очень явственно.

Кромѣ средняго, передъ ней было еще два сословія, которые прямо ждали ея вліянія, — духовенство и сельское населеніе: одно подавленное, другое слишкомъ крѣпкое еще феодалными остатками. Продолжая свое дѣло униженія феодализма, она могла только послѣ средняго класса обратиться къ нуждамъ сельскаго населенія, и улучшая его положеніе, нанести послѣдній уронъ свѣтскимъ правамъ духовенства и феодаламу, и вмѣстѣ съ тѣмъ приобрести новую, необходную опору въ низшихъ классахъ. Дать земли нашему классу на счетъ феодаловъ, значило бы не только уронить феодализмъ, а положить въ

то же время въ общественной средѣ вѣрный ослоть противъ развитіи новаго феодализма въ лицѣ грядущей буржуазіи.

Въ политической жизни усматривается одно неотвратимое стремленіе, коренной законъ тяготѣнія, которымъ движется исторія. Гдѣ первоначальное историческое броженіе создало прайвее различіе положеній, тамъ неизбежно воспринималъ свое дѣйствіе законъ обратнаго дѣйствія; только уступая постепенно этому закону, высшія сословія поддерживали свое значеніе: Въ Англіи дворянство удержало свое значеніе только потому, что первое отозвалось на такіа требованія и измѣнилось изъ феодаловъ въ аристократію, и въ этомъ не слѣдуетъ видѣть ни доблести самоотверженія, ни безкорыстнаго движенія, а только прямой политической смыслъ, вѣрно помытый интересъ самосохраненія. Во Франціи это условіе одинаково вѣбито было и дворянствомъ и властью. Дворянство пало, а королевская власть выдвинула на его мѣсто только буржуазію, и тѣмъ ограничилась. До XVI вѣка власть эта была послѣдовательна, во тутъ она начала показывать, что не сознаетъ своего настоящаго значенія.

Отсюда и ложное положеніе ея во время Бодена. Съ одной стороны напоръ демократическихъ интересовъ, въ которыхъ она не видитъ своей настоящей силы; съ другой — придворное вліяніе феодализма, разложеніе котораго остановлено ею же самою на полдорогѣ. Съ одной стороны кальвинизмъ, съ другой — Лига.

Понятно ли теперъ, чѣмъ обусловливалась настоящая сила для королевской власти среди вопросовъ XVI столѣтія, и какое направленіе должна была принять ся политика, чтобы избавить монархію легистовъ и парижскій дворъ отъ всѣхъ невзгодъ временъ кальвинизма, Лиги и потомъ Версальскаго періода и ряда революцій.

Но сама власть не понимала своего положенія; вмѣсто уравненія, она основала новое неравенство и тѣмъ опредѣлила свой будущій характеръ какъ нельзя рѣшительнѣе. Съ одной стороны, напоръ подавленныхъ интересовъ долженъ былъ постоянно подрывать ея основанія, и она нѣсколько разъ падала отъ этого напора; съ другой — положенное на днѣ общества противорѣчіе, вызывало ее снова на политическую сцену, какъ прямой политической результатъ всякаго аристократическаго порядка.

Впрочемъ, сама школа легистовъ, въ своихъ воздѣйствіи представителѣхъ XVI вѣка, видимо не понимала того политическаго духа, который оживлялъ ся первыи начала и первыи усилѣи. Вмѣсто того, чтобы раскрыть самый узелъ вопроса и указать дамынѣе плодотворное развитіе политической теоріи, подъ которою вырѣлся весь историческій строй французской жизни къ XVI вѣку, Боденъ явился узникомъ консерваторомъ, испуганнымъ защитникомъ ослабѣвающаго, и съ по-

лицейскими средствами и семейной инквизиціей въ рукахъ, являлся собственно врагомъ той монархіи, которую думалъ спасать.

Въ ряду мыслителей конца XVI вѣка, среди деморализаціи и шаткости политическихъ началъ, онъ можетъ быть названъ стоическимъ реакціонеромъ.

Но стоицизмъ его не могъ найти сочувствія въ общемъ строю убѣжденій и удовлетворитъ понятіямъ общества. Бодень интересенъ былъ для насъ, только какъ новый ясный свидѣтель патологическаго состоянія умовъ его времени. Удовлетворитъ такому состоянію гораздо ближе могло то направленіе, съ которымъ мы встрѣчаемся у Монтеня.

Скептицизмъ Монтеня не есть сомнѣніе пробуждающагося сознанія, какъ нѣкоторые хотѣли думать; это скептицизмъ извѣстной драматичности и разочорованія. Скептицизмъ этотъ не начало мышленія, какъ у Декарта напримѣръ, а напротивъ, конецъ, результатъ умственной борьбы, ему предшествовавшей. За нимъ нѣтъ дороги впередъ для мысли; она объявлена несостоятельною и безнадежною, послѣ чего можетъ видѣть мѣсто одно безпрекословное повиновеніе всему данному, что мы и встрѣчаемъ у Монтеня. Весь скептический матеріалъ у него выработался не собственной мыслью, а временемъ; послыки для него подготовлены тѣмъ, что онъ видитъ кругомъ; къ нимъ онъ прибавляетъ только свои скептическія заключенія. На его глазахъ прошла вся картина реформаторской діалектики, онъ видѣлъ все ея ничтожество, и потому мы можемъ приблизительно догадываться, какое значеніе онъ долженъ приписывать вообще діалектикѣ и словопреніямъ.

«Наши споры», пишетъ онъ, «должны бы были быть запрещены, какъ другія словесныя преступленія. Какихъ только пороковъ они не зараждаютъ и не усиливаютъ, будучи всегда слѣдствіемъ вражды? Мы начинаемъ вражду съ мыслей, и кончаемъ людьми. Мы учимся спорить для того только, чтобы противорѣчить; всѣ спорятъ, всѣ противорѣчатъ, и отсюда выходитъ, что спорить—*значитъ умчлостать истину*». Возвращаясь нѣсколько разъ къ этому вопросу, Монтень высказываетъ убѣжденіе, что личныя страсти, прихвѣшиваясь постоянно въ наши сужденія, дѣлаютъ невозможнымъ добросовѣстный выводъ.

Если Монтень видитъ присутствіе личныхъ интересовъ въ нашихъ мысляхъ, то еще яснѣе они кажутся ему въ нашихъ дѣлахъ. Общество для него — это борьба интересовъ. «Le profit de l'un est dommage de l'autre.... Le marchand ne fait bien ses affaires qu'à la debauche de la jeunesse; le laboureur à la cherté des bleds; l'architecte à la ruine des maisons, les officiers de la justice aux procez et querelles des hommes; l'honneur même et pratique des ministres de la religion se tire

de notre mort et de nos vices; nul medecin ne prend plaisir à la santé de ses amis mêmes, dit l'ancien comique grec; ni soldat à la paix de sa ville; ainsi du reste. Et qui pis est que chacun se sonde, il trouvera que nos souhaits interieurs pour la plupart naissent et se nourrissent au depend d'autrui.»

Отъ такихъ понятій, для мысли смѣлой и энергичной остается одинъ шагъ къ реализму. Но въ томъ и дѣло, что у Монтеня не достаетъ силы на этотъ послѣдній шагъ, что онъ сомнѣвается даже въ успѣхъ какого либо мышленія, и кончаетъ проповѣдью совершеннаго квіэтизма. Положительная часть мыслей Монтеня не заключаетъ въ себѣ ничего замѣчательнаго; но за то полна остроумія, проникательности другая сторона его Essais, высказывающая много вѣрнаго относительно людской природы, много пракческаго и реального. Но Монтень не политикъ и не юристъ; мы упомянули о немъ, какъ о лишнемъ свидѣлѣ, подтверждающемъ нашъ взглядъ на эпоху.

Монтень — послѣднее отраженіе въ литературѣ общаго состоянія умовъ среди разложенія старыхъ вѣрованій, и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдній фазисъ этого разложенія. Далѣе его скептицизма искать нечего; здѣсь была приложена послѣдняя печать къ характеру понятій XVI вѣка: Политическая мысль оставалась теперь не только безъ вѣры въ старыя начала — безъ вѣры въ саму себя. Передъ ней лежалъ сокрушенный міръ, и въ перегорѣвшихъ остаткахъ его она не видѣла теперь ничего, кромѣ собственнаго ничтожества.

Къ чему вели такія условія, какими послѣдствіями должны они были отражаться въ жизни? Отрицая себя, сознание естественно представляло сумму общественной и политической дѣятельности чистому реализму. Боясь договориться на словахъ и въ печати до этого реализма, общество договаривалось до него самымъ дѣломъ, и Макиавелли, дурно понятый, какъ наставникъ личныхъ интересовъ каждаго, царилъ теперь болѣе, чѣмъ когда либо. Въ глубинѣ сердець всѣ являлись его вѣрными приверженцами въ то время, какъ отворачивались отъ него официально, такъ что самый прямодушный изъ писателей долженъ былъ сказать поневолю: «qu'il faut machiaveliser pour obtenir quelque honneur dans ce siècle.»

В. ЖУКОВСКИЙ.

ПУСТАЯ ЖИЗНЬ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Было часа два ночи.

Въ одномъ изъ лучшихъ петербургскихъ ресторановъ, въ отдельной, роскошно убранной комнатѣ, ужинало общество, состоявшее изъ четырехъ офицеровъ, одного статскаго, двухъ камелій и одной пожилой дамы, сомнительнаго вида.

Комната была ярко освѣщена большими канделябрами. На столѣ: блюда, фрукты, множество бутылокъ, дамскіе платки, браслеты, папирсы.

Камеліи были разряжены въ шелкъ и кружева. Глазки и щоки ихъ горѣли....

Всѣ пили, кричали и хохотали.

Одинъ изъ офицеровъ былъ совсѣмъ готовъ: онъ дремалъ на диванѣ, возлѣ м-ле Люси, одной изъ камелій. Изрѣдка, онъ просыпался, что-то барыняла, выпивалъ залпомъ бокаль шампанскаго, и снова дремалъ....

На видъ ему можно было дать лѣтъ двадцать пять. Онъ былъ недурень собою: голубые глаза, прямой носъ, мягкіе каштановые волосы, вѣснаго блѣднаго, продолговатое лицо его выражало доброту.

— Посмотрите, господа, сказалъ статскій господинъ небольшого роста, — Берницынъ—то крѣпко выпилъ.... Онъ совсѣмъ спитъ.

— Берницынъ! Ты спишь? а? Да отвѣчай же! говорили товарищи, толкая его.

Онъ очнулся и блуждающими глазами смотрѣлъ во всѣ стороны.

— А?... Что?.. Я не сплю.... бормоталъ онъ. Но видъ его былъ такъ комиченъ, что товарищи расхохотались.

— Посмотри на него, Люси, сказала одна изъ камелій. *Quelle drôle de figure!* И обѣ они залились тонкимъ смѣхомъ.

Берницынъ разсердился.

— Что вы хохочете, какъ дуры? сказалъ онъ раздраженнымъ голосомъ.

— Онъ все еще въ бреду, сказалъ маленькій статскій.

— Кто въ бреду?.. Кто это говоритъ?

— Смотрите, онъ еще сердится, продолжалъ статскій.

— А! это ты, любезный другъ! Человѣкъ! закричалъ Берницынъ, и сталъ звонить изо всей силы.

— Выведи этого господина! сказалъ онъ вошедшему слугѣ,—слышишь?

Слуга смотрѣлъ въ недоумѣнн. Статскій господинъ усиливался смѣяться.

— Чего жъ ты стоишь? Болванъ! закричалъ Берницынъ. — Возьми! и онъ швырнулъ ему пятирублевую бумажку.—Ну, выводи!

Слуга робко подошелъ къ статскому и взялъ его за руку.

— Пожалуйте-съ! сказалъ онъ вѣжливо.

— Берницынъ, ты съ ума сошелъ! сказалъ Рябининъ, одинъ изъ офицеровъ.

— Выводи! — говорятъ тебѣ! кричалъ Берницынъ. И слуга, держа статскаго господина за руку, повторялъ: «пожалуйте-съ!»

— Оставь, оставь, дуракъ! говорилъ статскій, отбиваясь.

— Выводи! кричалъ Берницынъ.

— Ты право съ ума сошелъ, Берницынъ! вѣшивался опять Рябининъ.—Пошелъ вонъ! крикнулъ онъ ласково, второпая, вида его заступничество, улизнуть.

— Вамъ какое дѣло? обратился Берницынъ къ Рябинину.

— Да что съ тобою, Берницынъ? И Рябининъ засмѣялся.

— Не ваше дѣло вѣшиваться, милостивый государь! про-

должалъ Берницынъ, разгорячившись.—Что вы, за одно, что ли, съ этимъ негодяемъ? (Онъ показалъ на статскаго). Онъ вѣрно помогаетъ вамъ, я вѣдь очень хорошо видѣлъ, какъ вы цаловали Люси. Оно очень удобно на чужой счетъ....

Рябининъ вспыхнулъ.

— Берницынъ, ты сегодня глупости говоришь! Я бы просилъ тебя замолчать....

— Перестаньте, перестаньте, господа, изъ-за чего вы споритесь? Помилуйте! вмѣшались другіе офицеры.

— Это неправда, это неправда, кричала Люси.—Когда вы видѣли, что онъ цаловалъ меня?

— Молчать, продажная тварь! И Берницынъ въ дребезги разбилъ стаканъ съ шампанскимъ, которое разлилось на платье Люси.

— Мое платье испорчено! визжала она.—Онъ сумасшедшій!

— Ну, и проси у Рябинина другое. Онъ очень щедръ, ты увидишь....

— Если такъ, то я заставлю васъ молчать! сказалъ Рябининъ, вставая съ мѣста.

— Меня? Молчать? Мы увидимъ это! кричалъ Берницынъ, подходя къ Рябинину.

Товарищи стали разнимать ихъ. Берницынъ шумѣлъ и ругался. Его насилу успокоили обѣщаніемъ устроить дуэль завтра утромъ.—Между тѣмъ, камелии съ пожилою дамою исчезли. Рябининъ тоже. Берницына насилу увезли домой. Въ комнатѣ остался одинъ статскій.

— Вишь, вишь, какой горячій! Что это съ нимъ сегодня? говорилъ онъ, наливая себѣ бокалъ шампанскаго и пряча въ карманъ двѣ груши.

Въ дверяхъ встрѣтился ему тотъ слуга, которому было приказано вывести его.

— Какъ же это ты, братъ, такъ дѣлаешь? Нехорошо! сказалъ статскій, качая головою.

— Помилуйте-съ! Мое дѣло — сторона. Иванъ Александровичъ приказываютъ....

— То-то и есть—Иванъ Александровичъ! Горячъ больно!.. И статскій господинъ вышелъ.

II.

Через нѣсколько дней послѣ этой ссоры, у подѣзда одного дома, на Литейной, остановилась карета. Изъ нея вышла молодая дѣвушка, въ дорожномъ салонѣ, въ капорѣ. Потомъ вышла другая женщина, лѣтъ сорока пяти съ узломъ въ рукахъ. Начали переносить чемоданы, подушки, картонки.

Едва только пріѣзжая взошла въ переднюю, какъ тотчасъ раздались поцалуи и привѣтствія.

— Маманъ! маманъ! Ольга пріѣхала! Маман, да идите же скорѣе! Наконецъ-то! наконецъ ты пріѣхала! И снова поцалуи.

— Ты, все попрежнему, Маша, такая добрая! А я-то какъ торопилась!... Это все папа виноватъ: онъ все не хотѣлъ меня отпускать, говорила Ольга, обнимая свою подругу.

— Вѣдь мы два года не видались, Ольга. Ухъ! сколько времени!...

— Два года, да.... И все почти въ деревнѣ....

— А! провинціалка! Постой же, мы тебя образуемъ.... Мы будемъ всюду ѣздить: въ театръ, въ оперу, на балъ. Маманъ, кажется, завтра даютъ «Гугенотовъ»?

— Да все равно, Маша. Ну, расскажи про себя, что ты дѣлаешь? какъ живешь?...

И началась оживленная бесѣда между подругами. Онѣ были совершенно счастливы. Дружба ихъ тянулась съ давнихъ поръ, съ института. Онѣ спали рядомъ; онѣ приготовляли уроки вмѣстѣ; онѣ вмѣстѣ смѣялись надъ старымъ учителемъ математики, вмѣстѣ обожали молодого учителя словесности, мечтали о лунѣ, о темной ночи, о пѣньи соловья.... Онѣ вмѣстѣ читали исписанную тетрадку, которая была почти у всѣхъ институтокъ и которая переходила отъ поколѣнія къ поколѣнію. Между прочимъ въ ней было написано: «Уланъ—танцоръ. Кавалергардъ—нѣженъ, свѣтскій. Конногвардеецъ—задумчивъ, но постояненъ. Драгунъ—отвага въ жизни, но вѣтренность. Кирасиръ—скрытность души, любить блондинокъ. Студентъ—гордый мечтатель, въ любви опасенъ. Гимназистъ — дамскій угодникъ, любить юнцоты.» Но всѣхъ опредѣленій не перечтешь; каждый полкъ имѣлъ непременно какое нибудь отличіе. А почему о гимназистѣ сдѣланъ былъ такой презрительный отзывъ, это неизвѣстно....

Подруги проплакали цѣлую ночь наканунѣ разставанія.

Маша оставалась въ Петербургѣ; Ольга уѣхала въ деревню къ отцу и матери. Тогда между ними началась дѣятельная корреспонденція, въ которой Маша описывала театры, вечера, балы, знакомыхъ, и одного молодого человѣка подъ таинственнымъ названіемъ Л. съ тремя звѣздочками. Каждое письмо оканчивалось поклономъ ея родителямъ и убѣдительною просьбою пріѣхать въ Петербургъ, погостить. Ольга, въ письмахъ своихъ, принимала живое участіе во всѣхъ развлеченияхъ подруги, просила поклониться господину съ тремя звѣздочками, описывала свою скромную деревенскую жизнь и каждый разъ давала обѣщаніе пріѣхать къ ней, во что бы—то ни стало.

Теперь вы можете представить себѣ, сколько радости было при этомъ свиданіи, сколько воспоминаній, сколько смѣху и поцалуевъ.

Среди этой оживленной бесѣды, вдругъ раздался звонъ колокольчика и вслѣдъ затѣмъ вошелъ намъ знакомый — Берницынъ.

— Здравствуйте, маманъ! сказалъ онъ, цалуя руку матери. — Здравствуй, Маша!

Его представили Ольгѣ. Онъ съ важностію поклонился ей.

— Гдѣ жъ ты это все былъ, Jean? спросила мать: — мы ужъ два дня тебя не видали.

Берницынъ сказалъ, что все мѣшала служба.... Онъ спросилъ Ольгу, устала ли она съ дороги; потомъ закурилъ папироску, сѣлъ на диванъ и часто смотрѣлъ на часы.

— А знаете, маманъ, я купилъ новаго рысака. Бѣжитъ шибче вѣтра.... Увѣряю васъ. Князь Бѣльскій хотѣлъ отбить, не удалось. Я заплатилъ около тысячи.... И Берницынъ взглянулъ на Ольгу, желая знать, какой эффектъ произведетъ его покупка. Но, къ сожалѣнію, она не обратила на это ни малѣйшаго вниманія; она какъ будто и не слышала.

Не прошло и получаса, какъ Берницынъ всталъ съ мѣста.

— Куда ты такъ спѣшишь? спросила мать; съ видомъ упрека.

— Мнѣ ужъ пора на вечеръ. Завтра вы въ оперѣ? Даютъ «Гугеноты».

Онъ простился и вышелъ медленными шагами, переваливаясь съ ноги на ногу.

III.

Считаю нужнымъ познакомить немного читателя со всѣми лицами, которыхъ онъ встрѣтилъ.

Отецъ Берницына былъ человѣкъ богатый. По смерти его, сынъ получилъ въ наслѣдство большое имѣніе, и, вышедши изъ пажескаго корпуса, сдѣлался совершенно независимъ. Мать и сестра его владѣли другимъ имѣніемъ.

Подруга Маши, Ольга Александровна Лидина, окончивъ воспитаніе въ институтѣ, поѣхала въ деревню, гдѣ провела почти два года, потому что они рѣдко ѣздили въ губернской городъ. У Ольги были крупныя черты лица, большіе синіе глаза, темно-каштановые волосы. Вотъ все, что я скажу о наружности Ольги; но могу васъ увѣрить, читатель, что если бы вы встрѣтили ее, вы бы непременно сказали: «какое симпатичное лицо!» Могу васъ увѣрить еще, что услышавши разъ ея голосъ, вы бы не могли его забыть: голосъ этотъ ласкалъ слухъ, въ немъ было что-то доброе, искреннее.... Есть на свѣтѣ такіе голоса.

Но вернемся къ Берницыну. Онъ занималъ роскошно убранныю квартиру, въ бель-этажѣ. Въ первой комнатѣ стоялъ пианино, предназначенный для милыхъ гостей обоюга пола, ибо извѣстно было, что самъ Иванъ Александровичъ не занимался музыкальнымъ искусствомъ. Служба мѣшала.... Въ кабинетѣ былъ коверъ, красивая репсовая мебель и письменный столъ, на которомъ хотя и не замѣтно было особой письменности, за то стояло множество хорошенькихъ бездѣлушекъ, для сигаръ, для спичекъ, пеплу, множество разныхъ фигурокъ, и, на всякій случай, кальянь. Былъ въ кабинетѣ красивый шкапъ съ книгами, въ сафьяныхъ переплетахъ, которыя съ давнихъ поръ покоились сномъ праведныхъ. На стѣнахъ висѣли гравюры, изображающія всѣ предѣсти прекрасной половины рода человѣческаго. Въ спальнѣ, надъ кроватью, какъ и слѣдуетъ у порядочнаго человѣка, висѣли ружья, кинжалы, пистолеты.

Но виновать.... я совсѣмъ позабылъ о главномъ украшеніи квартиры, о хозяинѣ, который, въ стеганномъ, богатомъ дала-тѣ, ужъ нѣсколько времени сидитъ въ большомъ креслѣ, куритъ папиросу и играетъ съ благородною собакою, по имени Нарциссомъ.

Но въ то время, какъ Нарциссъ, по ограниченности своихъ мыслительныхъ способностей, подымалъ лѣвую лану, вмѣсто правой, какъ приказывалъ ему Берницынъ, человекъ доложилъ о приходѣ господина Тернауова.

Господинъ этотъ оказался тѣмъ злосчастливымъ, котораго Берницынъ приказывалъ вывести вонъ.

— Здравствуйте, Тернауовъ, что новаго?

— Ничего, Иванъ Александровичъ, дѣла идутъ недурно....

— Что, развѣ достали?—Сколько процентовъ?

— Не дорого, всего двадцать.

Берницынъ поморщился.

— Гдѣ жъ деньги? спросилъ онъ съ живостью.

Тернауовъ счелъ три тысячи и вручилъ ихъ Берницыну.

— Плохо, батюшка, плохо! говорилъ онъ, получивъ деньги. —Чортъ ихъ тамъ знаетъ, что они изъ деревни не присылаютъ! И чего смотреть этотъ олухъ, управляющій! И на долго ли это опять? Изъ этихъ денегъ я долженъ сегодня же отдать половину: нельзя, занявъ при свидѣтеляхъ на срокъ. Все—таки благодарю васъ.... Ну, что дѣлаетъ Люси? Были вы у нея?

— Былъ—то, былъ.... Все сердится. Говоритъ, что князь Бѣльскій предлагаетъ ей пятьсотъ рублей въ мѣсяць.

— Ну, что жъ она? Согласилась?

— Нѣтъ.

— Отчего?

— Она просила шестьсотъ.

— А! это дѣло другое! Надо ѣхать къ ней. Человѣкъ! пусть запрягаютъ Вихря!

— Слушаю—съ.

Берницынъ сталъ одѣваться, а Тернауовъ потребовалъ воды и краснаго вина. Вода, впрочемъ, спрошена была изъ скромности: онъ къ ней не притронулся. Затѣмъ онъ взялъ со стола нѣсколько сигаръ, папирось, и положилъ ихъ въ свой портъ—сигаръ.

— Ну, прощайте! сказалъ Берницынъ, взявши фуражку.

— Я бы хотѣлъ попросить васъ, Иванъ Александровичъ....

— Знаю. Сколько вамъ?

Тернауовъ замаялся.

— Ну, вотъ вамъ пятьдесятъ рублей.

— Благодарю васъ, Иванъ Александровичъ. Я вамъ скоро возвращу....

Но Берницыну не въ первый разъ приходилось слышать это обѣщаніе; онъ хорошо зналъ, какъ Тернауовъ возвращаетъ.

— Сегодня вечеромъ у Рябинина.... Будете, Иванъ Александровичъ?

— Буду, прощайте.

— Ступай! сказалъ Берницынъ толстому краснощекому кучеру съ огромною черною бородою, садясь въ изящную эгоистку.

— Въ Михайловскую?

— Да.

Эгоистка покатила. Вихрь понесся, дѣйствительно, шибче вѣтра. Ничего бы не было удивительнаго, если бы Берницынъ раздавилъ когонибудь. Но стоитъ ли объ этомъ думать! Ему доставляло огромное наслажденіе производить эффектъ, привлекать взоры проѣзжающихъ и скромныхъ пѣшеходовъ. Онъ самодовольно наклонялся, то вправо, то влѣво, дѣлая видъ, что серьезно наблюдаетъ за бѣгомъ лошади. У Англійскаго магазина дрожки остановились. Берницынъ купилъ дорогую брошку и снова покотился по торцовой Невскаго. Онъ встрѣтилъ своихъ; съ ними была Ольга. Онъ граціозно раскланялся. «Теперь—то она замѣтитъ», подумалъ онъ. Наконецъ онъ остановился въ Михайловской. Люси приняла его холодно. Она сказала, что никакъ не ожидала, чтобы онъ могъ такъ забытья, что вѣдь онъ знаетъ ее не одинъ и не два дня, а между тѣмъ онъ думаетъ, что она готова вѣшаться всякому на шею. Но теперь она считаетъ себя свободною, тѣмъ болѣе, что ей дѣлаютъ предложеніе, о которомъ, можетъ быть, онъ слышалъ.... но что она не окончательно рѣшилась, потому что ей отчего—то грустно....

На все это Берницынъ отвѣчалъ, что нечего обижаться пустиками и сталъ прикалывать ей брошку. Люси улыбнулась и.... ссора была забыта.

— Вы думаете, что меня деньги ваши удерживаютъ? говорила лукавая французенка: — вы ошибаетесь! Если бы я смотрѣла на деньги, я бы давно стала принимать князя Бѣльскаго. Да что мнѣ въ деньгахъ? Мнѣ надо только необходимое.... Дѣтъ, вы мнѣ нравитесь.... *parce que vous êtes si gentil, vraiment!*... И она подала его въ лобъ. Люси еще долго увѣряла его въ своихъ неизмѣнныхъ чувствахъ и въ своемъ высококомъ безкорыстіи. Берницынъ наконецъ всталъ.

— Прощай, Люси, говорилъ онъ, цалуя ее.

— Прощай. Смотри же: я буду ждать тебя, Жан. Ты не обманешь?

— Нѣтъ, нѣтъ; я непременно буду. Прощай!

— Прощай! Ахъ, да! я хотѣла тебѣ сказать....

— Что такое?

— Нѣтъ, это бездѣлица.... Видишь, мнѣ надоѣдаютъ съ этимъ счетомъ....

— Сколько? спросилъ серьезно Берницынъ.

— Пустяки; всего двѣсти рублей.... Я бы не стала тебя беспокоить, если бы они не надоѣдали такъ....

Берницынъ заплатилъ. Они простились. Не прошло и часу, какъ въ квартирѣ Люси раздался звонокъ. Она выбѣжала въ переднюю.

— Ah! Cher prince! Очень рада! Отчего же вы вчера не пришли? И она повела князя Бѣльскаго въ свою гостиную.

А Берницынъ, между тѣмъ, гулялъ по Невскому съ Рябининымъ и другимъ товарищемъ. Всѣ трое шли рядомъ, подъ руку, такъ что идущіе навстрѣчу должны были сворачивать всторону. Всѣ трое громко говорили по-французски. Всѣ трое громко смѣялись; а шпаги ихъ небрежно волочились и стучали по тротуару. И было нѣчто отвратительное въ этой походкѣ доблестныхъ воиновъ.... Рысакъ Берницына красиво выступалъ въ ночительномъ разстояніи. И Берницынъ былъ доволенъ, что выступалъ за нимъ рысакъ.... И товарищи его были довольны, что стучали ихъ шпаги....

Около шести часовъ всѣ они отправились обѣдать въ изящный ресторанъ. Тутъ они разсуждали о возвышенныхъ предметахъ — о лошадяхъ, камелияхъ, о манежной ѣздѣ, о новомъ портномъ....

— Пора въ оперу, сказалъ наконецъ Рябининъ.

— Рано еще, отвѣчалъ Берницынъ: — я не люблю прѣзжать къ началу.

И черезъ полчаса онъ взомель въ Большой театръ, во время представленія. Сѣвши во второй рядъ кресель, онъ сталъ тотчасъ лорнировать ложки. Люси сидѣла въ бенеуарѣ со своею старою компаньонкою. На ней было голубое шелковое платье съ открытою шеею, браслеты, новая брошка, дорогой вѣеръ.

Во время антракта, нѣсколько лорнетовъ обратились на нее.

— Quelle jolie personne! говорилъ одинъ.

— Vous ne savez pas, qui est cela? говорилъ другой.

— Mais, qui: c'est Lucie.

— Quelle toilette!

Берницынъ слышалъ эти замѣчанія и улыбался; онъ отправился къ ея ложѣ, то есть вызвалъ ее, по обыкновенію, къ двери.

Берницынъ слушалъ разсѣянно «Гугенотовъ». Для него прошли незамѣтными всѣ грандіозные хоры, всѣ страстные мелодіи гениальнаго композитора.

Наши подруги были также въ театрѣ. «Она недурна», недумалъ Берницынъ, смотря на Ольгу. Она была одѣта просто; на шеѣ кораллы; густые волосы съ боковъ немного приподняты.

— Тамберликъ сегодня не въ голосѣ, сказалъ Берницынъ съ видомъ знатока. Замѣчаніе это онъ слышалъ мимолетомъ въ партерѣ.

— Я имѣлъ удовольствіе видѣть васъ сегодня, Ольга Александровна.

— Да... Кажется, вы очень любите кататься?

Ему стало совѣстно отъ этихъ простыхъ словъ.

— О, нѣтъ, отвѣчалъ онъ:— я ѣздилъ по дѣлу.... До свиданія, шатая.

— Развѣ ты не пріѣдешь къ намъ чай пить?

— Нѣтъ, сегодня никакъ нельзя.

И онъ поѣхалъ къ Рябиницу. Тутъ были всѣ его товарищи. Они сидѣли за карточнымъ столомъ. Безпрестанно слышались восклицанія: «уголъ! на-пе! на-перенѣ!» и т. д. Тернауомъ тоже игралъ. Онъ дѣлалъ жалкую, чуть не плачущую, фигуру, когда проигрывалъ; онъ не могъ скрывать своей радости, когда выигрывалъ. Берницыну сначала повезло; потомъ счастье переизмѣнилось. Желая непременно отыграться, онъ проигралъ въ этотъ вечеръ четыреста рублей. Потомъ, замѣтно повеселѣвъ отъ вина, онъ поѣхалъ къ своей неизмѣнной Люси.

IV.

Мы войдемъ теперь въ изящный дамскій будуаръ, съ красивыми, дорогими обоями, съ мебелью розоваго дерева, обитого мокетомъ, съ большими зеркалами, съ роскошными кивисеками, со множествомъ дорогихъ бездѣлушекъ и наконецъ.... съ хорошенькою женщиною, которая полулежала въ креслѣ, держа въ рукахъ.... не французскій романъ, какъ вы предполагаете, чи-

татель, а нѣсколько бумажекъ, которыя навыважются счетами. Это самое обстоятельство, повидимому, придавало серьезное выраженіе ея хорошему личику; даже брови ея по временамъ морщились.

Наталья Константиновна Гродова была вдова. Если угодно, ее можно назвать вдовушкою, хорошенькою вдовушкою. Мы съ вами понимаемъ, читатель, что значуть эти два слова: сколько въ нихъ значенія, сколько надеждъ, сколько таинственности!... Я говорю: мы понимаемъ съ вами, что значить хорошенькая вдовушка, и потому мы улыбаемся....

Наталья Константиновна было лѣтъ двадцать восемь. Она не то, чтобы была красавица, — нѣтъ, этого нельзя сказать; но она была больше, чѣмъ красавица.... Представьте себѣ матовую бѣлизну лица, живые, будто влажные, глазки, немного вздернутый носикъ, свѣтлые, очаровательнаго цвѣта, волосы, бѣлѣйшіе зубы, пухленькую шейку, граціозный бюстъ; потомъ присоедините къ этимъ физическимъ качествамъ живой умъ, любезность, свѣтскость, — и вы согласитесь со мною, что она была больше, чѣмъ красавица, что она была то, что называется *пикантная* женщина. Какъ бы это объяснить? Напримѣръ, если вы пристально смотрите на нее, если вы видите, какъ она улыбается, какъ живо говоритъ (это вы уже слышите), какъ мило повертывается, какъ на личикѣ ея выражается лукавство, потаенная мысль, — если вы будете пристально смотрѣть на все это, то вамъ придетъ вдругъ сильное желаніе поцаловать ее. Вы, положимъ, и не поцалуете ее, но будете все-таки смотрѣть на нее. Вы почувствуете нѣкоторое раздраженіе и наконецъ досаду, такъ-что, когда вы останетесь наединѣ, вы скажете про себя: «чортъ возьми, какая женщина!» А вспомнивъ опять ея улыбку и роскошный станъ, вы крѣпко укусите себѣ нижнюю губу. Вотъ что значить пикантная женщина! О, повѣрьте мнѣ, пикантныя женщины очень опасны, особенно для людей слабыкъ, —напримѣръ, для насъ съ вами....

Наталья Константиновна овдовѣла года два тому назадъ. Средства ея было достаточно, чтобы жить скромно и прилично. Но этихъ средствъ никакъ недоставало на изящный будуаръ, на зеркала, на фаянзъ, въ которомъ она каталась, на богатый турецкій неньюаръ, въ которомъ она теперь сидѣла, на богатые туалеты и на многое другое.

Вотъ почему хорошенькая вдовушка проживала больше, чѣмъ

получала, вот почему личико ея сдѣлалось серьезнымъ при чтеніи счетовъ, и вотъ почему, наконецъ, поспѣшно спрятавъ счеты, она обратилась съ очаровательною улыбкою къ вошедшему:

— Vous voilà enfin, m-g Берницынъ! Наконецъ-то!

И она протянула ему свою маленькую ручку, которую тотъ поцаловалъ.

И потомъ между ними начался разговоръ, — не на грубомъ русскомъ языкѣ, которымъ, какъ было уже замѣчено, не говорятъ порядочные люди, — а на благородномъ французскомъ нарѣчій. Мы не будемъ приводить этого разговора; онъ не имѣетъ для насъ особеннаго интереса. Скажемъ только, во-первыхъ, что Берницынъ, понявъ тонкій намекъ хорошенькой Натальи Константиновны, предложилъ сопровождать ее во французскій театръ; а во-вторыхъ, что они долго говорили о балѣ, который на дняхъ давался у ихъ общихъ знакомыхъ.

— А ваши будутъ? спросила она.

— Будутъ. Вы увидите новую дѣвицу.

— Кто жь это?

— Подруга моей сестры, m-lle Лидина.

— А-а!... вѣрно, красавица. Ну, признайтесь, m-g Берницынъ, вы влюблены?

— Я въ дѣвочекъ не влюбляюсь, отвѣчалъ онъ съ презрительною улыбкою, и посмотрѣлъ на маленькую ножку, которая высунулась изъ-подъ вышитой юбки. Ножка, какъ будто имѣла глаза, тотчасъ спряталась.

Здѣсь надо сказать, что m-me Гроздева, хотя встрѣчалась довольно часто съ семействомъ Берницына, но къ нимъ не бѣдила. Мать Берницына не чувствовала особой симпатіи къ хорошенькой вдовушкѣ; отношенія между ними довольно холодныя. Причина этихъ отношеній уяснится изъ дальнѣйшаго разсказа.

Нужнымъ считаю сказать еще, что когда Берницынъ всталъ, то Наталья Константиновна спросила его, куда онъ такъ торопится. На это онъ отвѣчалъ, что онъ очень радъ, если не беспокоитъ своимъ присутствіемъ, и глаза его засвѣтились и выразительно посмотрѣли на вдовушку. Когда же наконецъ пришла пора проститься и когда очарованный Берницынъ протянулъ ей руку, то Наталья Константиновна сказала, что она не дастъ ему руки, потому что онъ не стоитъ; а вмѣстѣ съ этимъ, протянувъ ему свои два пальчика, она такъ восхитительно-паутовски улыб-

нулась, что Берницынъ, вышедши на улицу, все еще мечталъ о прелестной вдовушкѣ и о ея улыбкѣ.

А она тоже мечтала.... Задумчивая, на божь склоненная головка ея была чѣмъ-то сильно занята.... А потомъ она снова достала счеты и начала писать какія-то цифры. Послѣ написала три слова карандашемъ и мило улыбнулась. Слова эти были написаны нарочно самымъ неразборчивымъ почеркомъ. Я, однако, разобралъ ихъ и понималъ, отчего появилась улыбка. Она написала: «Наталья Константиновна Берницына».

V.

— Нѣтъ, какъ хочешь, Ольга, ты должна надѣть розовое платье, говорила Маша, которая была сильно озабочена приготовленіемъ къ балу.

— Ты думаешь? спросила Ольга, совсѣмъ спокойно. — Пожалуй, я надѣну розовое.

Тогда Маша начала доказывать все превосходство розоваго цвѣта. Ольга слушала равнодушно, какъ будто думала о чемъ-то другомъ. Рѣшено было, что она поѣдетъ въ розовомъ. Маша такъ сильно хлопотала объ этомъ платьѣ, что можно было подумать, что дѣло касается чего нибудь очень важнаго... хоть раздѣленія Турецкой имперіи, напримѣръ.

Мы на балѣ. Ярко освѣщенные комнаты, богатые дамскіе туалеты, полныя ожиданія лица молоденькихъ дѣвицъ, кавалеры въ бѣлыхъ галстукахъ, савонники въ парикахъ и звѣздахъ, громъ оркестра, говоръ, толкотня, искусственныя улыбки, открытыя плечи, верхающія ножки, соблазнительно показывающія часть чулковъ, лакеи въ бѣлыхъ жилетахъ и многое другое...

Такая толкотня, что мы съ вами, читатель, насилу находимъ себѣ мѣсто. Пойдемте жь искать знакомыхъ. А-а! Весьма приятно встрѣтиться! Вотъ онъ, милый господинъ Тернауовъ! Какъ онъ попалъ сюда, неизвѣстно. Извѣстно только, что у него было необыкновенное умѣнье втираться всюду. Онъ помѣстился у карточного стола и внимательно слѣдитъ за ералашемъ; затѣмъ, онъ отправляется въ бильярдную. Тернауовъ не пропускаетъ ни одного подноса, онъ ужъ успѣлъ выпить двѣ огромныхъ чашки чаю, онъ успѣлъ ужъ подойти два раза къ буфету. По всей вѣроятности, онъ ухитрится два раза поужинать.

Вотъ и Берницынъ. Надо отдать ему справедливость; смотрите, какъ онъ ловко и непринужденно ташцуетъ!

А вотъ и наши знакомыя подруги. Но что жъ это значить? Не можетъ быть! Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, Ольга не въ розовомъ, а въ бѣломъ платьѣ! Обстоятельство это сильно меня интересуеетъ. Я подхожу къ ней и спрашиваю. Вотъ, что я узнаю отъ нея: когда уже рѣшено было, что она поѣдетъ въ розовомъ, когда уже всѣ сомнѣнія исчезли, вдругъ Маша объявляетъ, что она *долго и серьезно* думала, и наконецъ убѣдилась, что бѣлый цвѣтъ лучше. Когда же Ольга начала смѣяться, то Маша начала приводить такіе убѣдительные доводы, что Ольга, для которой цвѣтъ платья не составлялъ жизненнаго вопроса, согласилась. Надо отдать справедливость вкусу Маши: Ольгѣ, въ самомъ дѣлѣ, очень идетъ и бѣлое платье и вѣнокъ на головѣ. Ее занимаетъ этотъ шумъ и веселье, но она смотритъ спокойно; въ большихъ глазахъ ея выражается честность и доброта. Маша одѣта въ голубомъ. Глаза ея живо перебѣгаютъ; на лицѣ удовольствіе, нетерпѣніе; наконецъ къ ней подходитъ давно жданный Л. съ тремя звѣздочками и они мчатся въ «вихрѣ вальса».

А вотъ и пикантная вдовушка. Какъ хорошо это лиловое платье, обшитое чернымъ кружевомъ! И какъ хорошо это личико, какъ свѣтятся эти глазки, и какъ бѣлы эти плечи, открытыя спереди до того предестнаго углубленія, которое вы не разъ замѣчали, читатель, и за которымъ начинается обѣтованная земля... На нее обращено множество взоровъ; она совершенно въ своей сферѣ.

Заиграли ритурнель къ третьей кадрили. Пары становятся на мѣста. Ольга ждетъ своего кавалера: она аганжирована съ начала вечера Берницынымъ. Но онъ неидетъ; она замѣчаетъ его на другомъ концѣ залы. Онъ что-то объясняетъ м-ше Гродзевой.

— Понимаете, м-г Берницынъ, говорила Наталья Константиновна: — я рассчитывала ташцовать *именно* съ вами эту кадрили...

— Но что же мнѣ дѣлать, Наталья Константиновна? Я аганжировалъ м-ше Лидину...

Начинается первая фигура, но къ удивленію Ольги, Берницынъ не подходитъ къ ней.

Вотъ онъ нерѣшительно подаетъ руку Натальѣ Константиновнѣ, и они начинаютъ танцовать.

Ольга видитъ это; щеки ея покрываются румянцемъ...

VI.

Берницынъ спитъ, но предъ нимъ носится образъ очаровательной вдовушки. Предъ нимъ носятся эти огненные глазки, этотъ гибкій станъ, эта милая улыбка, отъ которой ему какъ-то неловко. Онъ все еще видитъ, какъ онъ несется съ нею въ мазуркѣ, какъ, обхвативъ ее талию, онъ кружится съ нею на одномъ мѣстѣ.

Сердце его бьется отъ восторга, онъ не помнитъ себя, онъ схватываетъ ее руку и жадно цалуется ея... Тутъ онъ проснулся и сдѣлалъ гримасу. Она исчезла... Онъ наскоро одѣлся и принялся пить чай. Но мысли его все-таки заняты вдовушкою. Онъ вспоминаетъ вчерашній балъ; онъ вспоминаетъ ея слова. Она говорила что-то загадочно, что она заставляетъ себя веселиться противъ воли, что ее вовсе не занимаетъ этотъ балъ, что она скучаетъ. А когда онъ спросилъ «отчего?»—она такъ пристально посмотрѣла на него и улыбнулась. И въ ея взглядѣ было что-то странное... Берницынъ задумался...

— Письмо, Иванъ Александровичъ, сказалъ вошедшій въ это время слуга.

Берницынъ распечаталъ, и брови его нахмурились.

Письмо было отъ Люси. Она напоминала ему объ обѣщанныхъ пятистахъ рублѣхъ. Она не стала бы его беспокоить, если бы ей не была необходимость. Она надѣется, что онъ поспѣшитъ прислать ей деньги. Въ концѣ было прибавлено, что князь Бѣльскій опять предлагаетъ ей деньги, но что она, разумѣется, отказалась.

Кто-то позвонилъ. Берницынъ обрадовался. Вошелъ Тернау-мовъ.

— Ну, ну, живо спросилъ Берницынъ: — достали?

— Не даетъ, впрочемъ проговорилъ Тернау-мовъ.

— Какъ не даетъ? Да вы сказали ему, что я даю двадцать, тридцать, если хочетъ....

— Сказалъ.

— Что жъ онъ?

— Не даетъ.

— Да отчего?

— Нѣтъ, говорить, у самого теперь: послѣ будутъ.

— Да нельзя мнѣ *послѣ*! Понимаете? говорилъ горячо Берницынъ. Мнѣ *теперь* падо, чѣтайте.

И швырнувъ ему записку Люси, онъ безпокойно сталъ ходить по комнатѣ.

Тернаумовъ прочиталъ, не сказалъ ни слова, налилъ себѣ стаканъ чаю и закурилъ сигару. Берницынъ вдругъ пересталъ ходить, остановился противъ Тернаумова, и посмотрѣлъ на него съ видомъ глубочайшаго презрѣнія.... Тотъ не смутился и сталъ рѣзать хлѣбъ. Берницынъ опять заходилъ по комнатѣ, но что-то его занимало. Онъ какъ будто успокоился. Онъ сѣлъ противъ Тернаумова; молчаніе продолжалось; Тернаумову дѣлалось неловко.

— Я, пожалуй, опять схожу къ нему, сказалъ онъ наконецъ.

— Да, сходите.... разсѣянно отвѣчалъ Берницынъ.

— Только не дасть теперь, навѣрно не дасть.

— Гм!... гм!... Человѣкъ! Дрожки! крикнулъ вдругъ Берницынъ.

Тернаумовъ посмотрѣлъ на него вопросительно; Берницынъ не обратилъ на это вниманія.

«Непріятное объясненіе», подумалъ Берницынъ, входя въ переднюю и вспоминая вчерашнюю кадрили; онъ чувствовалъ, что ему больше всего достанется отъ Маши, а тутъ, какъ нарочно, все дѣло зависитъ отъ Маши....

— Здравствуйте, маманъ! Маша, здравствуй!

Ольги въ эту минуту не было: онъ обрадовался. Берницынъ отвѣчаетъ разсѣянно; онъ ждетъ объясненія. Но Авдотья Николаевна (мать Берницына) не говоритъ ни слова; Маша тоже. «Да они и не знаютъ ничего», подумалъ онъ. Но въ это время вошла Ольга. «Начинается», подумалъ онъ, и лицо его приняло строгое выраженіе, какъ это дѣлается, когда мы чувствуемъ, что неправы. Но къ большому его удивленію, Ольга поклонилась ему ласково, и какъ будто ничего не было, вмѣшалась въ общій разговоръ. Берницынъ посмотрѣлъ на Ольгу; глаза ихъ встрѣтились; ему стало неловко....

Но скажите, пожалуйста, отчего Берницынъ такъ любезенъ съ сестрою? Обыкновенно, любезность его ограничивалась нѣсколькими незначущими фразами, — и только. Но въ этотъ день

съ нимъ сдѣлалось что-то необыкновенное: онъ шутилъ съ нею, распространялъ о балѣ, о туалетахъ, разсказывалъ про своихъ знакомыхъ, словомъ сдѣлался самымъ нѣжнымъ братомъ. Маша только удивлялась, смотря на него. Загадка скоро разъяснилась. Когда Авдотья Николаевна вышла, Берницыйъ отвелъ сестру въ сторону и шопотомъ началъ ей что-то говорить. Но съ первыхъ же словъ, Маша закачала отрицательно головою.

— Помилуй, Жан, какъ это можно? А если маманъ узнаеть?...

— Ты только сама ей не говори, отвѣчалъ Берницыйъ:—она! не узнаеть. Я возвращу тебѣ непременно черезъ два дня.

— Да нельзя этого сдѣлать, Жан. А если онъ пропадетъ какъ нибудь?...

— Послунай, Маша, даю тебѣ мое честное слово, что я возвращу тебѣ черезъ два дня. Неужели ты не хочешь помочь мнѣ? Я говорю тебѣ, что мнѣ необходимо, что дѣло касается моей чести.... Но, я прошу тебя, Маша,—ну, пожалуйста!.. И Берницыйъ сталъ упрашивать ее съ такимъ умоляющимъ видомъ, что Маша не въ состоянн была ему отказать.

Она пошла въ свою комнату, осторожно вынула свой лучшій браслетъ съ брилльантами и потихоньку отдала его брату. Онъ успѣшилъ уѣхать.

Маша сообщила это Ольгѣ: она раскаявалась, она боялась, что узнаеть мать, что браслетъ можетъ пропасть и спрашивала, чтѣ ей дѣлать? Ольга была очень удивлена этимъ извѣстиемъ; она довольно знала Ивана Александровича, но не предполагала, что-бы онъ рѣшился на подобное дѣло.

— Теперь ужь дѣлать нечего, Маша, сказала она.

— Но послунай, Ольга, если бы ты была на моемъ мѣстѣ, ты бы дала?

— Не знаю....

— Да вѣдь онъ очень просилъ; онъ говорилъ, что это дѣло чести, что если я не дамъ ему, то онъ осрамится передъ знакомыми.... Еслибы ты видѣла, какъ онъ просилъ!

— Ну такъ я бы дала, сказала рѣшительно Ольга.

Нѣтъ надобности распространяться о томъ, что дорогой браслетъ былъ заложень, и часть денегъ пошла въ руни жадной каменн.

Между тѣмъ два дня прошли. Берницыйъ не возвращалъ браслета. Маша тревожилась; Берницыйъ божился, что вернуть

непрерывно. Дѣло было тѣмъ и кончилось, если бы Машѣ не надо было ѣхать и если бы вообще маменьки не любили такъ наряжать своихъ дочекъ.... А это именно случилось въ то время, когда Берницынъ былъ у матери. Ольга и Маша вышли со всѣмъ одѣтыя. Мать начала осматривать туалетъ Маши.

— Да зачѣмъ ты одѣла этотъ браслетъ? Сегодня большой вечеръ. Одѣнь лучше тотъ съ брильянтами.

Берницынъ сталъ кусать губу. Маша сконфузилась.

— Нѣтъ, маманъ, отвѣчала она: — я этотъ одѣну сегодня... Право, этотъ лучше....

— Ну, хорошо, принеси тотъ: мы посмотримъ, продолжала Авдотья Николаевна.

Берницынъ сидѣлъ, какъ на иголкахъ.

— Да я, право, не знаю.... Тотъ лучше, маманъ....

Авдотья Николаевна замѣтила ея смущеніе.

— Да гдѣ жъ тотъ браслетъ, Маша? спросила она съ безпокойствомъ.

— Да этотъ лучше, маманъ....

— Да гдѣ жъ тотъ браслетъ? повторила мать.

— Я не знаю....

— Какъ не знаешь?

— Право, я не знаю.... Я.... потеряла....

— Потеряла? Когда?

— Вотъ видите, маманъ, — и взглянувъ на брата, Маша готова была сказать правду.

Берницынъ, весь красный, тревожно смотрѣлъ на сестру.

— Да вы не безпокойтесь, Авдотья Николаевна, сказала спокойно Ольга: — она вчера перебирала золотыя вещи и, вѣрно, положила куда нибудь, а теперь сама не помнитъ.

— Да, маманъ, сказала не твердо Маша: — я куда-то его положила.... Только я не могу вспомнить....

— Браслетъ не можетъ пропасть, продолжала Ольга: — я отвѣчаю вамъ, что онъ найдется завтра.

— Карета подана, сказалъ лакей, одѣтый въ ливрею.

Но Авдотья Николаевна все продолжала спрашивать, куда дѣвался браслетъ; только спокойствіе и твердый тонъ Ольги убѣдили ее, что браслетъ найдется. Онъ, наконецъ, поѣхали на вечеръ. Сходя съ лѣстницы, Ольга вопросительно взглянула на Берницына; онъ кивнулъ ей головою.

На другой день, въ восемь часовъ утра, Берницынъ поѣхалъ

къ Тершаумову, стамталъ его съ постели, и оба они поѣхали къ какому-то господину; тутъ былъ долгій и горячій разговоръ. Но въ тотъ же день браслетъ былъ возвращенъ.

VII.

Прошелъ мѣсяць съ прїѣзда Ольги. Она пользовалась любовью и уваженіемъ Авдотьи Николаевны, которая любила ее за рассудительность, за спокойствіе. Ольга пользовалась ею полною довѣренностію; Авдотья Николаевна говорила съ нею часто о дочери, о сынѣ, о своихъ дѣлахъ, и съ большимъ вниманіемъ выслушивала ея замѣчанія.

Маша любила ее искренно. Несмотря на одинаковый восемнадцатилѣтній возрастъ, Ольга имѣла видъ старшей сестры. Ольга прїѣхала къ своей подругѣ на два мѣсяца. Но Маша и слышать этого не хотѣла; она требовала, чтобы Ольга оставалась цѣлую зиму. Ольга увѣряла, что это невозможно. Начались просьбы, увѣщанія. Авдотья Николаевна обратилась съ письменною просьбою къ родителямъ Ольги. Получивъ это письмо, они долго между собою совѣтовались. Старикъ Лидинъ крѣпко задумался.... Ему тяжело было жить безъ Ольги; онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ ея возвращенія, а тутъ вдругъ не видать ее цѣлую зиму. «Но, думалъ онъ, она молода; ей надо же веселиться; ее такъ такъ любить...» и, сирѣпя сердце, онъ отправилъ свое согласіе и просилъ дочь не беспокоиться, только какъ можно чаще писать ему. Рѣшено было, что Ольга останется до мая мѣсяца; тогда за нею прїѣдетъ отецъ. Но если у читателя хватить терпѣнія дочитать эти страницы, онъ увидитъ, что этого вовсе не случилось....

Я скажалъ, что Ольга пользовалась полною довѣренностію къ семейству Берницыныхъ. Она не разъ выслушивала жалобы матери и сестры на Берницына. Она теперь хорошо знала, что за человекъ Иванъ Александровичъ, и, разумѣется, не могла ему сочувствовать. Ее прежде всего обижало то, что онъ не цѣнитъ ни матери, ни сестры. Потомъ ея свѣтлой натурѣ не понятны были ни эта ложь, ни хвастовство, ни эта пустота. Ей непонятно было, какъ человекъ можетъ жить исключительно катаньемъ по Невскому, да кутежемъ. Она не могла не замѣ-

тять, что, какъ только разговоръ принималъ серьезное направленіе, Берницынъ или некстати улыбался, или молчалъ....

Несмотря на все это, Ольга не слишкомъ строго осуждала его. Она понимала, какое неотразимое вліяніе имѣли на него товарищи. Кромѣ того, ей казалось, что въ немъ есть хорошія качества, но они погружены въ какое — то оцѣпененіе. Доброе сердце ея жалѣло его: она замѣчала, какъ ему часто тяжело бываетъ покрывать свои чрезмѣрные, не по состоянію, расходы. Она не разъ замѣчала на лицѣ его выраженіе какой-то усталости и празднои скуки....

Со времени исторіи съ браслетомъ, Берницынъ сдѣлался откровеннѣе и разговорчивѣе съ Ольгою. Онъ хорошо чувствовалъ, что она не одобряетъ его жизни. Она и не скрывала этого. Но осужденіе ея было такъ мягко и снисходительно, что вмѣсто того, чтобы сердиться, онъ почувствовалъ къ ней невольное уваженіе. Онъ вспомнилъ, между прочимъ, какъ онъ обидѣлъ ее на балѣ; и онъ подумалъ, что другая, на ея мѣстѣ, поступила бы иначе....

Берницынъ изрѣдка оставался по вечерамъ у матери. Ольга и Маша иногда играли въ четыре руки. Берницынъ внимательно слушалъ ихъ игру, находилъ, что этотъ пассажъ онѣ играютъ слишкомъ скоро.... Тогда подруги подсмѣивались надъ его музыкальными способностями; но онъ, видно, въ самомъ дѣлѣ внимательно слушалъ, потому что онъ доказывалъ имъ убѣдительно и просилъ ихъ сыграть еще разъ. Тогда случалось, что Маша продолжала надъ нимъ трунить, а Ольга съ нѣкоторымъ любопытствомъ смотрѣла на Берницына и соглашалась, что, дѣйствительно, такой-то пассажъ выходитъ лучше, если его играть типе. — Авдотья Николаевна сидѣла въ отдаленіи за книгою или за работою. — Когда Ольга и Маша вышивали вмѣстѣ подушку къ именинамъ матери, Берницынъ иногда присоединялся къ нимъ, болталъ и смѣялся. Когда надо было разматывать гарусъ, Берницынъ тотчасъ предлагалъ свои услуги. Но я не знаю, отчего именно случалось, что въ это время гарусъ разматывала не Маша, а Ольга. Любезность Берницына доходила иногда до того, что онъ предлагалъ имъ читать новыя журналы. По временамъ и чтецъ и слушательницы дѣлали замѣчанія.

— Что это вы за книгу читаете, Ольга Александровна? спросилъ разъ Берницынъ.

Она показала ему заглавіе.

— Это интересно? спросилъ онъ.

— Для меня интересно....

— А для меня?

— А для васъ, можетъ быть, и скучно.

— Отчего вы такъ думаете?

— Вкусы разные....

— Вы мнѣ дайте, пожалуйста, эту книгу, когда вы прочитаете.

— Непременно.

— Я какъ-то мало читаю. Все некогда.... сказалъ онъ совершенно серьёзно.

— А-а?... И она посмотрѣла на него такъ же серьёзно; но чуть-чуть замѣтная улыбка измѣнила ей.

— Вамъ смѣшно это?

— О нѣтъ, нѣтъ!... И опять улыбка.

— Отчего же вы смѣетесь?

— Да какъ же вы говорите, что вамъ некогда? Надо бы другою предлогъ....

— Ну вотъ, вы не вѣрите. Какъ хотите....

Берницыну случалось по вечерамъ говорить съ матерью о своихъ дѣлахъ. Онъ жаловался на свое имѣнье, на управляющаго, говорилъ, что ему не высылаютъ денегъ, что онъ стѣсненъ, потому что нельзя же служить кое-какъ, что наконецъ и положеніе его требуетъ извѣстной обстановки... Мать горячо любила сына; она доказывала ему, что онъ получаетъ слишкомъ довольно, совѣтовала, для его же пользы, умѣрить свои расходы и прекратить долги, о которыхъ до нея доходили слухи. На это Берницынъ вновь возражалъ, что нельзя же ему, что его положеніе....

Разъ Берницынъ собирался ѣхать на какой-то холостой вечеръ, съ дамами и шампанскимъ. Передъ этимъ онъ заѣхалъ на Литейную. Посидѣвъ полчаса, онъ объявилъ, что собирается на вечеръ. Въ это время Ольга попросила его поддержать гарусъ; онъ согласился. Она стала спрашивать его, какой это вечеръ, кто тамъ будетъ? Онъ отвѣчалъ на все это, что тамъ будетъ весело.

— Вы опять будете пить тамъ? спросила вдругъ Маша.

— Съ чего ты взяла это?

— Знаешь, Ольга? они всегда напиваются тамъ пьяные.

Онъ засмѣялся.

— Не понимаю этого удовольствія, сказала Ольга. — Да вы совсѣмъ криво держите! Вотъ такъ! Теперь хорошо.

Между тѣмъ подали чай. Потомъ подруги стали играть вмѣстѣ на фортепьяно. Берницынъ слушалъ. Когда онѣ кончили, Маша вдругъ заиграла одинъ изъ предестныхъ вальсовъ Штрауса. Берницынъ пригласилъ Ольгу провальсировать. Онъ сдѣлалъ, но крайней мѣрѣ, четыре тура.

— Довольно, довольно! говорила она. Но Берницынъ продолжалъ вальсировать съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ. Когда они кончили, оба раскраснѣлись. Ольга отмахивалась платкомъ. Онъ отошелъ всторону и смотрѣлъ на Ольгу; румянецъ придавалъ ея благородному лицу жизнь и красоту.... Взглядъ Берницына въ первый разъ выразилъ больше, чѣмъ онъ хотѣлъ.... Онъ посмотрѣлъ на часы: двѣнадцать! Уже? Какъ скоро сегодня прошло время! Какъ это онъ позабылъ холостой вечеръ?

Но такіе вечера Берницынъ проводилъ рѣдко. У него была другая жизнь, другая сфера, которая тянула его всѣми силами. Онъ исчезалъ на три, четыре дня; или забѣжитъ на минуточку, торопится, говоритъ, что служба, дѣла... и убѣгаетъ. И пойдуť продажныя женщины да пьянство, катанье да карты, шикъ и пустота.... И вся жизнь поглощена.... И нѣтъ другаго интереса....

VIII.

Не трудно угадать, что, чѣмъ чаще ѣздилъ Берницынъ къ мадамъ Гроздовой, тѣмъ больше влюблялся онъ въ пикантное личико милой вдовушки. Была еще причина, по которой ему нравилось бывать у ней: здѣсь онъ, не стѣсняясь, могъ рассказывать о всѣхъ приключеніяхъ своей холостой жизни. Вдовушка хохотала и, шутя, грозила ему пальцемъ. Но пикантная Наталья Константиновна была себѣ на умѣ: она сдѣлала планъ генеральнаго сраженія, которое должно было окончиться пораженіемъ и плѣномъ непріятеля. А за этимъ, непріятелю не оставалось, по ея расчету, ничего другаго дѣлать, какъ предложить ей свое сердце и капиталъ, то есть капиталъ смерти, а потомъ, пожалуй, и сердце.

Непріятель не подозрѣвалъ сътей, ему разставленныхъ. Она

хороша, мила, она съ нимъ особенно любезна: чего жь больше? Онъ рассчитывалъ на ея молодость, на ея живой характеръ и на свою наружность. Больше никакихъ мыслей у него не было: онъ волочился за нею и только. Да и какъ не волочиться, когда она такъ оборонительно хороша, когда у ней на губѣхъ родимое пятнышко, когда ея бѣлыя, маленькія ручки, такъ и тянутъ къ поцалуямъ?...

Если бы намъ позволено было взойти въ квартиру Натальи Константиновны, мы бы увидѣли, какъ она мило склонила головку свою на правую руку, при чемъ, благодаря ея широкимъ рукавамъ, мы бы увидѣли заманчивое пространство отъ кисти и почти до локтя. Лицо ея задумчиво. Противъ нея сидитъ Берницынъ. Онъ спрашиваетъ, отчего она такъ грустна? Она смотритъ на него и съ грустною улыбкою говоритъ:

— Вы не знаете, отчего?..

И мало по малу зашелъ разговоръ о любви.... Наталья Константиновна задумчивымъ голосомъ говорила, что пылкіе молодые люди не понимаютъ этого святаго чувства, что любовь не шутка, не минутное удовольствіе, что это дѣло серьезное, дѣло всей жизни. Иначе она любви не понимаетъ....

— Такъ какъ же вы думаете, monsieur Берницынъ?

— Разумѣется, я съ вами вполне согласенъ, Наталья Константиновна. Это дѣло всей жизни....

«Къ чему это она про любовь вдругъ заговорила?» подумалъ Берницынъ.

— Ну, что дѣлаютъ ваши? спросила она.

— Благодарю, все по старому.

— А подруга? Какъ ее?...

— М-ше Лидина?

— Да.

— Ничего.... Попрежнему....

— Знаете, она очень похожа на деревенскую барышню. Не правда ли?

— Можетъ быть. Она добрая дѣвушка.

— Вы защищаете ее?

— Нисколько.

Неизвѣстно отчего, но вдовушка, съ кѣмъ бы ни говорила, не пропускала случая, чтобы не сдѣлать какого нибудь колкаго замѣчанія насчетъ Ольги.

Между тѣмъ визиты Берницына къ Натальѣ Константиновнѣ

становились чаще и чаще. Случалось, что они проводили цѣлые вечера вдвоемъ. Они играли въ никетъ, болтали, смѣялись; она гадала на картахъ; вечеръ проходилъ незамѣтно. Берницынъ, разумѣется, не пропускалъ случая, чтобы поцаловать ручку ея. Случаи эти представлялись довольно часто. Во-первыхъ, когда онъ приходилъ; во-вторыхъ, когда онъ уходилъ; въ-третьихъ, когда онъ благодарилъ ее за то, что она гадала ему; въ-четвертыхъ, когда она подавала ему пепельницу; въ-пятыхъ.... Но всѣхъ случаевъ не перечесть. Наталья Константиновна улыбалась, а иногда замѣчала ему, что онъ ужь слишкомъ любезенъ... Тѣмъ не менѣе благодарности Берницына на слѣдующій разъ возобновлялись.

Въ одинъ изъ такихъ визитовъ, Берницынъ засталъ Наталью Константиновну въ будуарѣ. На ней почему-то была роскошная блуза, которая удивительно-какъ шла къ ея прекрасно сложенному стану. Были сумерки.... На колѣняхъ ея лежала книга. Берницынъ сѣлъ подлѣ нея на диванѣ. Но онъ сидѣлъ что-то безпокойно и вѣло поддерживалъ разговоръ. Давно ужь извѣстно, что сумерки и блуза — опасная вещь.... А тутъ, какъ нарочно, онъ видѣлъ ея восхитительную улыбку и это пятнышко, и маленькую ножку, и туфлю, и часть шелкового чулка.... Все это его дразнило; глаза горѣли, на лицѣ румянецъ.... Онъ молчалъ.

— Ну, что вы задумались? Ну, скажите мнѣ!

И она вдругъ встала прямо передъ нимъ и улыбнулась. Но какъ улыбнулась!...

— Вы не отвѣчаете, м-г Берницынъ?

— Нѣтъ, ничего... говорилъ онъ, и въ эту минуту нога его столкнулась съ ножкою его собесѣдницы.

— Какія, вы добрыя, право, Наталья Константиновна!... И между тѣмъ онъ цаловалъ ея руку.

— Mais, qu'avez vous donc aujourd'hui? спросила она.

— Ничего, ничего, Наталья Константиновна... И, взявъ ее за обѣ руки, онъ жадно цаловалъ ихъ.

— Ну, перестаньте, довольно... говорила она; но рукъ своихъ не отнимала.

— Вы такъ хороши, Наталья Константиновна, вы такой ангель...

И рука его коснулась ея талии. Она чуть-чуть сопротивлялась.

— Natalie!... вы такъ прекрасны!... шепталъ онъ, и обнявши ее, онъ поцаловалъ ее въ щеку.

— Перестаньте!... Что вы дѣлаете?... тихо говорила она.

— Natalie! Я люблю тебя... я люблю тебя...

И онъ страстно прильнулъ къ ея горячимъ губамъ, и сжималъ ее крѣико въ своихъ объятіяхъ.

— Natalie! Ты ангель!... шепталъ онъ ей.

Но тутъ-то и началась заранѣе обдуманная засада. Она вдругъ сдѣлала усиліе и вырвалась изъ его объятій.

— Вы забываетесь, м-г Берницынъ! строго сказала она.

Онъ молчалъ и смотрѣлъ, какъ безумный. Онъ не понималъ ее...

Она поправляла свою растрепанную прическу и блузу. Минутное молчаніе...

— Я вамъ прощаю... сказала наконецъ она:—потому что вы молоды. Но прошу васъ помнить, что съ порядочною женщиной такъ не поступаютъ!...

Онъ молчалъ. Въ эту минуту онъ почувствовалъ къ ней отвращеніе.

Она заглянула свѣчи и позвонила. Принесли чай. Она пригласила Берницына сѣсть. Онъ машинально повиновался.

— Вотъ видите, м-г Берницынъ, заговорила она мягкимъ голосомъ: — никогда не надо слишкомъ увлекаться...

Онъ только посмотрѣлъ на нее.

— Но дѣлать нечего... Надо забыть это... Не правда ли?

Берницынъ натянуто улыбнулся.

— Ну, помиримтесь!...

Она протянула ему руку, которую онъ тихо поцаловалъ.

— Я, можетъ быть, сама виновата, сказала она черезъ нѣсколько минутъ, стараясь принять разстроенный видъ:—я была съ вами слишкомъ любезна... Вы употребили это во зло! Но я наказана теперь... я обижена... вы приняли меня за одну изъ этихъ женщинъ... Богъ съ вами, м-г Берницынъ!

Она поднесла платокъ къ глазамъ. Платокъ былъ сухъ.

— Наталья Константиновна! сказалъ Берницынъ, полагавшій, что платокъ былъ мокръ:—вы знаете, что я уважаю васъ...

— Я знаю, я знаю... продолжала она. — Я буду съ вами откровенна. Наше знакомство тянется давно... Вы могли, кажется замѣтить, м-г Берницынъ, что васъ я принимала иначе, чѣмъ другихъ... Вы думаете, я не знаю всѣхъ оскорбительныхъ слу-

ховъ? Вы думаете, я не знаю, какія дѣлаются предположенія и намеки? Но я всёю пожертвовала, потому что когда чувствуешь... тогда все равно! Вашъ, можетъ быть, это покажется страннымъ, м-г Берницынъ: вы видите меня всегда веселою... Но вы не знаете, сколько бессонныхъ ночей провела я! сколько слезъ!... Вы веселитесь, вы живете, вамъ все равно... Что для васъ эти слезы? *Теперь* я вижу, какъ я ошибалась! Повѣрьте мнѣ, м-г Берницынъ, нелегко такъ разочароваться!...

Она снова поднесла платокъ къ глазамъ, и снова Берницынъ подумалъ, что она плачетъ. Онъ не зналъ, что ему дѣлать. Ему стало жаль ее. Съ другой стороны, самолюбіе его торжествовало, ему дѣлали открытую декларацію... Онъ просилъ Наталью Константиновну не тревожиться, говорилъ, что не надо портить слезами такихъ хорошенькихъ глазокъ, увѣрялъ въ своей любви, въ своемъ уваженіи (Какая наивность! какъ будто она искала его уваженія?). Но рѣчь его какъ-то не клеилась; онъ посиѣшилъ уѣхать.

Съ этихъ поръ отношенія ихъ, на нѣкоторое время, приняли холодно-вѣжливый характеръ. Это, впрочемъ, не мѣшало Берницыну ѣздить къ Натальѣ Константиновнѣ, вспоминать о жгучихъ поцалуняхъ, любоваться ея ножкою и шелковымъ чулкомъ. Съ другой стороны, пикантная вдовушка, послѣ нѣ котораго отдыха, съ новою энергіею принялась рыть траншеи, чтобы уже окончательно побѣдить упорнаго непріятеля.

IX.

А Берницынъ, между тѣмъ, предавался со всёю пылостью молодости разгулу петербургской холостой жизни.

Но прежде, чѣмъ рассказывать дальнѣйшія похождения Берницына, необходимо замѣтить здѣсь, что отношенія его съ Ольгою приняли какой-то странный характеръ. Онъ, видимо, старался быть съ нею любезнымъ, старался шутить; но шутки его часто отличались плоскостью, часто цинизмомъ. Ольга краснѣла и старалась избѣгать этихъ шутокъ. На первый разъ онъ внушалъ ей чувство сожалѣнія... Берницынъ же полагалъ, что трудно съ нимъ сравниться въ свѣтскости и въ остроуміи... Но теперь намъ некогда останавливаться на отношеніяхъ его къ Ольгѣ.

Берницынъ въ это время ухаживалъ за одною танцовщицею, слѣдственно... слѣдственно, ему надобны были деньги. Безко-рыстная Люси порядкомъ его общипывала. А тутъ совсѣмъ не-кстати и хозяинъ ресторана напомнилъ ему, что теперь такое время... что нельзя ли будетъ получить часть долга. Берницынъ писалъ грозныя письма въ деревню, ругалъ управляющаго, но денегъ все-таки оттуда не получалъ. Берницынъ до того приста-валъ къ матери, что успѣлъ выманить у нея небольшую сумму. Она, разумѣется, тотчасъ была истрачена. А тутъ надо денегъ, непременно надо! Безъ этого танцовщица не принимаетъ и не улыбается; и Люси тоже все пристаегъ: дай, да дай! Берницынъ ѣздилъ, искалъ, посылалъ Тернауова: все напрасно! А все зави-ситъ отъ одного маленькаго человѣчка. Такъ вотъ поди жь ты съ нимъ! Зарядилъ одно, да и только: «ждите, говорить, послѣ будутъ!» Берницынъ выходилъ изъ себя.

— Да послушайте, въ самомъ дѣлѣ, Тернауовъ; вы скажи-те этому канальѣ, что нельзя мнѣ ждать. Вотъ самого бы, бес-тїю, послать къ Люси: онъ узналъ бы, какъ тутъ ждуть!... Пра-во, этакого мерзавца я еще не встрѣчалъ!

Но все было напрасно. Берницынъ впалъ въ желчное настро-еніе духа....

— Чортъ знаетъ, что за тоска! сказалъ онъ разъ Рябинину.

— Ну, глупости! Стоитъ тутъ думать! Поѣдемъ въ маска-радъ.

— Пожалуй, поѣдемъ. Мнѣ все равно.

— Маскарадъ былъ во всемъ разгарѣ. Оркестръ гремѣлъ. Нѣсколько масокъ и полупьяныхъ кавалеровъ танцовали кад-рилъ, съ претензіею на канканъ. Толпа шныряла взадъ и впе-редъ. Берницынъ встрѣтилъ своего полковаго командира, ма-ленькаго, сѣденькаго генерала. Онъ шелъ подъ руку съ двумя масками. Его превосходительство не пропускали ни одного мас-карада. Они были большой любитель. Какъ-же-съ!... Къ Бер-ницыну подошла какая-то маска, но послѣ первыхъ словъ, она повела его въ залу, гдѣ ужинаютъ. Онъ прогналъ эту про-жорливую маску. Потомъ подошла другая, въ атласномъ, голу-бомъ домино. Она начала говорить сперва какимъ-то страннымъ голосомъ, но не выдержала роли и размѣялась; онъ узналъ свою Люси. Берницынъ отыскивалъ танцовщицу; онъ узналъ ее, послѣ многихъ поисковъ. Но она ходила подъ руку съ какимъ-то тол-стымъ господиномъ и прошла мимо его.... Берницынъ пошатал-

ся еще нѣсколько времени, но ему была тоска: онъ хотѣлъ уѣхать.

— Ты сегодня скучаешь, Берницынъ? проговорилъ вдругъ женскій голосъ, и вмѣстѣ съ этимъ его взяли подъ руку.

— Ты отгадала, сказала онъ: — я собрался уѣхать.

— А я знаю, отчего ты скучаешь.

— Будто?

— Оттого, что тебѣ денегъ надо.

— Ты очень ошибаешься... Это бы небольшая бѣда была...

— А тебѣ изъ деревни не прислали еще денегъ? спросила маска.

— Да про какія деньги ты говоришь?

— Ну, вотъ, ты скрываешь. Напрасно: я хорошо знаю твои дѣла.

— Не думаю.

— Ну скажи, пожалуйста, развѣ Тернауновъ не могъ достать? Берницынъ увидѣлъ, что скрывать нечего.

— А зачѣмъ тебѣ это знать? спросилъ онъ.

— Мнѣ нужно.

— Ты хочешь одолжить мнѣ? сказалъ онъ, шутя.

— Пожалуй... И она засмѣялась.

— Послушай, Берницынъ, а тебѣ все-таки не слѣдуетъ скучать.

— Отчего это?

— Оттого, что тебя любятъ....

— Кто?

— Это секретъ. Но повторяю, что она влюблена въ тебя. Она давно тебя знаетъ....

— Но кто жъ она?— Брюнетка, блондинка, большаго роста, дама, дѣвица?

— Ты слишкомъ любопытенъ.

— Ты называешь это любопытствомъ?

— Да... Ну, прощай, Берницынъ! Мнѣ пора. Помни же, что тебя любятъ!

— Да кто?—О комъ ты говоришь?

— Ты это узнаешь, если не будешь теперь идти за мною.

Прощай.

Она ускользнула въ толпу. Берницынъ долго ломалъ себѣ голову, но не могъ отгадать, кто скрывался подъ маскою. Ея короткій разговоръ сильно заинтересовалъ его.

Между тѣмъ маска отыскала Тернаунова, шепнула ему что-то на ухо, потомъ подошла къ другой маскѣ и обѣ онѣ уѣхали.

На другой день Берницынъ получилъ записку, слѣдующаго содержанія:

«Пріѣзжай сегодня въ оперу; въ бенуарѣ, съ правой стороны, въ нятомъ номерѣ, ты увидишь двухъ дамъ. Смотри на ту, которая будетъ сидѣть ближе къ сценѣ.

Маска.»

Берницынъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ вечера. Только-что онъ вошелъ въ театръ, лорнетъ его обратился къ пятому номеру бенуара. Никого нѣтъ. Что за мистификація! Но, спустя нѣкоторое время, ложа отворилась и вошли двѣ дамы. Берницынъ посмотрѣлъ.... и опустил лорнетъ отъ удивленія! Одна изъ нихъ была женщина лѣтъ тридцати, недурна собою, съ бойкими глазами, съ рѣшительнымъ лицомъ: это была маска. Она была одѣта просто; усѣвшись, она тотчасъ стала внимательно смотрѣть на сцену. Другая.... та, которая сидѣла ближе къ сценѣ, та, которая была влюблена въ Берницына.... другая была старуха, лѣтъ пятидесяти съ лишкомъ, чрезвычайно толстая, съ расплывшимся лицомъ, съ сѣдымъ парикомъ. На ней были: богатое платье и мантилья. Она тотчасъ устремила свой лорнетъ на Берницына и долго не отымала его.

Берницынъ понялъ, въ чемъ дѣло.... Къ чести его, надо сказать, что онъ покраснѣлъ.

На другой день утромъ, снова записка:

«Если ты имѣешь надобность въ деньгахъ, то можешь получить заимообразно двѣ тысячи, на какой угодно срокъ.... Тебя «будутъ ждать завтра, въ двѣнадцать часовъ, въ Моховой, въ домѣ Егорова, номеръ квартиры 8-й.

Маска.»

Прочтя эту записку, Берницынъ впалъ въ раздумье. Первая мысль его была, что это гадость, что онъ не обезчеститъ себя до того, чтобы идти на содержаніе къ уродливой старухѣ. Потомъ, явились другія мысли.... «Она, повидимому, очень богата; ему сразу предлагаютъ двѣ тысячи.... Хорошо, она богата.... А стыдъ, огласка!... Съ другой стороны, можно повести дѣло такъ, что самъ чортъ не узнаетъ! Можно взять всѣ предосторожности.... Можно ѣздить туда въ статскомъ платьѣ.... Да и потомъ, развѣ А*** не на содержаніи у графини Б***? а развѣ В*** не на содержаніи у купчихи Г***? Однако, ничего;

«никто имъ въ глаза этого не говоритъ.... Они приняты вездѣ въ обществѣ.... Всѣ имъ очень рады.... А какъ житье за то «А...! Какіе экипажи, какія лошади! Какъ же быть-то?... Гм!... «Чортъ возьми! Главное, что мнѣ денегъ надо! Иначе съ танцовщицею ничего не сдѣлаешь; да и Люси, пожалуй, носъ подыметъ. А тутъ еще счетъ плати въ ресторани! Что жъ тутъ дѣлать? Развѣ съѣздить туда завтра?... Попробовать на время!... «Тамъ можно будетъ бросить....»

Неизвѣстно, чѣмъ бы все это кончилось, если бы въ тотъ же день Берницыну не несчастливо случилось наконецъ получить отъ этой бестіи, маленькаго человѣчка, давно обѣщанныхъ денегъ. Ощупавъ въ рукахъ деньги, онъ вдругъ повеселѣлъ, оживился и забылъ на время маскарадное предложеніе.

«Теперь все пойдетъ на ладъ», подумалъ онъ, и съ радостію поскакалъ къ Люси.

Вскорѣ послѣ того, у Берницына составился карточный вечеръ. Онъ выигралъ; это придало ему хорошее расположеніе духа. Въ этотъ вечеръ было выпито великое множество бутылокъ, послѣ чего гости стали разѣзжаться. Остались только двое азартныхъ игроковъ: Рябининъ и князь Зыбкинъ. Хозяинъ держалъ имъ банкъ. Они играли до четырехъ часовъ ночи.

— Пойдемте гулять, господа! Мнѣ спать не хочется, сказалъ Берницынъ, нетвердо стоявшій на ногахъ.

— Что за гулянье! Я ѣсть хочу. Пойдемте ужинать! говорилъ князь Зыбкинъ.

— Пойдемте!

И всѣ трое вышли на улицу; народу было не много; кое-гдѣ гасли фонари, кое-гдѣ спали ночные извозчики, кое-гдѣ караульные вели между собою назидательную бесѣду о покушкѣ овчанинаго тулупа и о починкѣ старыхъ сапоговъ.

— Эй! извозчикъ! крикнулъ Рябининъ.

— Куда ѣхать?

— На Пески, гривенникъ! И всѣ трое громко засмѣялись. Берницынъ началъ пѣть: онъ выпилъ много въ этотъ вечеръ, онъ былъ въ лихорадочномъ состояніи.

— Позвольте, господа, сказалъ онъ:— видите вы этого господина?

— Ну?

— Надо его напугать.

Всѣ засмѣялись. Между тѣмъ господинъ приближался: это

былъ мужчина лѣтъ сорока, на немъ было пальто съ сѣдымъ бобровымъ воротникомъ.

Берницынъ вдругъ загородилъ ему дорогу; раздался громкій хохотъ.

— Что вамъ надо? спросилъ господинъ сердито.

— Какъ что надо? отвѣчалъ Берницынъ. — По какому праву, вы такъ поздно ходите, милостивый государь? Вы нарушаете порядокъ.... Вы согласитесь, что вы не имѣете права такъ поздно ходить....

Бобровый воротникъ увидѣлъ, что компанія пьяна. Онъ не сказалъ ни слова и хотѣлъ идти дальше.

— Нѣтъ, этакъ нельзя! началъ снова Берницынъ, загораживая ему дорогу, среди хохота товарищей. — Вы согласитесь напередъ, что вы не имѣете права такъ поздно ходить! А-а-а! Такъ вы не соглашаетесь? Господа! берите его подъ руку! И всѣ трое, подхвативъ его подъ руки, повели въ обратную сторону, съ громкимъ смѣхомъ. Берницынъ все упрашивалъ его согласиться, что онъ не имѣетъ права такъ поздно ходить....

Господинъ съ бобровымъ воротникомъ былъ взбѣшенъ, но сдерживался и, не говоря ни слова, повиновался. У фонаря онъ вдругъ остановился.

— А! сказалъ онъ, вглядываясь въ лицо Берницына: — вы меня не знаете, но я имѣлъ удовольствіе встрѣчать васъ. Вы, господинъ Берницынъ!

— Чортъ возьми! отвѣчалъ онъ, и всѣ трое поспѣшили удалиться отъ него, со смѣхомъ и криками.

Наконецъ они дошли до ресторана, который помѣщался въ нижнемъ этажѣ.

— Что-жь это такое, господа? Темно, заперто! сказалъ князь Зыбкинъ.

— Да постой, надо постучать, говорилъ Берницынъ. — И онъ принялся колотить въ двери, но двери не отворялись.

— Помилуйте, я ѣсть хочу! кричалъ князь Зыбкинъ.

— Не съ голоду же намъ помирать! кричалъ Рябининый.

— Эй, вы, черти! Отворяйте! оралъ Берницынъ, и снова застучалъ въ дверь. Отвѣта не было.

— Ахъ, подлецы какіе! Ахъ, каналы! Постойте жъ, я вамъ покажу! И Берницынъ, схвативъ свою шпагу, изъ всего размаха треснулъ ею въ окно. Оно зазвенѣло и разбилось въ дребезги. Показался огонь, выбѣжали люди. Началась сумятица и крикъ:

собралась толпа. Берницынъ кричалъ громче всѣхъ и требовалъ, чтобъ ихъ выпустили. Но скоро явилась полиція. Шумъ затихъ.

Х.

Авдотья Николаевна начинала беспокоиться. Она уже нѣсколько дней не видала сына; противъ обыкновенія, онъ пересталъ даже забѣгать на минутку и говорить, что ему мѣшаетъ служба. Она не могла понять, что случилось; наконецъ она узнала, что Берницынъ, Зыбкинъ и Рябининъ посажены на три дня подъ арестъ.

Этого обстоятельства, можетъ быть, и не случилось бы, потому что вмѣстѣ съ Берницынымъ былъ князь Зыбкинъ. А князь Зыбкинъ былъ племянникъ князя Цыпкина, который занималъ очень важное мѣсто.... Этого даже навѣрно бы не случилось, если бы наши пьяные молодые люди пристали къ какому нибудь обыкновенному человѣку. Напротивъ, жалоба обыкновеннаго человѣка кончилась бы насмѣшками со стороны офицеровъ. Что значить обыкновенный человѣкъ? Трынъ-трава! и больше ничего.... Но, на бѣду нашихъ героевъ, статскій господинъ, котораго они вели подъ-руку, оказался тоже однимъ изъ петербургскихъ тузовъ. Тузь, повидимому, не очень любилъ ночныя прогулки подъ-руку. Къ тому же онъ узналъ исторію о битомъ окнѣ, а также и то, что, хозяинъ ресторана, получивъ хорошій купшъ, не изъявлялъ никакой претензіи на своихъ постоянныхъ гостей. Тогда-то тузь поѣхалъ къ полковому командиру съ жалобою. Его превосходительство, любитель маскарадовъ, качалъ головою, сталъ бранить своихъ офицеровъ, но просилъ замять дѣло, потому что не хорошо, пойдетъ огласка.... да къ тому же тутъ замѣшанъ князь Зыбкинъ.... а онъ любимецъ князя Цыпкина.... выйдутъ непріятности, скандалъ одинъ.... Но тузь твердо объявилъ, что, въ такомъ случаѣ, его превосходительство можетъ дѣлать что ему угодно, но что онъ, въ свою очередь, найдетъ дорогу и дальше. Какъ видите, онъ сдержалъ свое слово.

«Только этого недоставало», сказала Авдотья Николаевна. Съ нѣкоторыхъ поръ, поведеніе сына сильно ее печалило. Она узнала о его постоянныхъ оргіяхъ, на которыхъ онъ былъ предсѣдателемъ; узнала, что онъ недавно занялъ значительную сум-

ну денегъ, которая, вмѣстѣ съ прежними займами, составляла большой долгъ. Онъ выжималъ изъ имѣнія своего послѣднія деньги; слѣдствіемъ этого было обѣдненіе хозяйства и крестьянъ. Какая же предстоитъ ему будущность, если такъ будетъ продолжаться? думала она. А вдобавокъ къ этому, она понимала тайныя намѣренія госпожи Гроздовой, и знала, что единственное побужденіе ея было — корысть. Слабый характеръ ея сына, кокетство Гроздовой дѣлали возможнымъ этотъ бракъ, который былъ бы для матери несчастіемъ. Но что всего тяжелѣе ей было перенести—это холодность и неблагодарность сына. Она, которая такъ горячо любила его, которая только и думала о его счастьи, она видитъ въ немъ только обидную вѣжливость... Онъ скрытенъ, онъ избѣгаетъ ея вопросовъ, или, вмѣсто отвѣтовъ, жметъ, не краснѣя. А между тѣмъ, она слишкомъ снисходительна: пусть онъ веселится, пусть проводитъ время, какъ ему угодно.... Она только хочетъ, чтобъ онъ не дѣлалъ ни долговъ выше состоянія, ни другихъ вещей, которыя мараютъ его честь.... чтобы онъ не совершенно предавался пустой, неразумной жизни. Но больше всего она хочетъ его откровенности, его ласки, его любви.... И вотъ ей награда за всѣ ея заботы, за попеченія, за горячую любовь! И кто бы думалъ, чтобы этотъ милый мальчикъ, съ розовымъ лицомъ, съ этими добрыми глазами, кто бы думалъ, что онъ такъ измѣнится!

Такъ говорила она, смотря на портретъ сына, который висѣлъ у ней въ спальнѣ.

Бѣдной женщинѣ нелегко было... слезы невольно проступали.

Маша молчала, но лицо ея показывало досаду и раздраженіе. Ольга, разумѣется, раздѣляла эти чувства; чѣмъ больше узнавала она испорченную натуру Берницына, тѣмъ становился онъ ей антипатичнѣе. Не смотря на то, она старалась утѣшить Авдотью Николаевну: она, неувѣреннымъ голосомъ, говорила ей, что это молодость, что это пройдетъ, что онъ оцѣнитъ, наконецъ, свою мать. Но Авдотью Николаевну въ этотъ вечеръ утѣшить было трудно: она проплакала цѣлый вечеръ и на другое утро, разстроенная и слабая, не вставала съ постели.

Ольга и Маша сидѣли за работою, когда явился Берницынъ, съ размашистою походкою, съ улыбающимся лицомъ.

— Здравствуйте, Ольга Александровна! Ну что подѣлываешь, Маша?

Но Маша чуть ему отвѣтила.

— Какъ глупо, Боже мой, какъ глупо, продолжалъ Берницынъ: — представьте себѣ, этотъ господинъ разсердился.... Ну, посудите сами, имѣеть ли онъ право такъ поздно ходить? — Онъ засмѣлся. — Ну, я васъ самихъ спрашиваю? А потомъ, развѣ намъ съ голоду помирать? Скажите сами. Я и постучалъ въ окно, немножко сильно.... Онъ опять засмѣлся.

По всему было видно, что подвиги свои и арестъ онъ считалъ удальствомъ и хвастался этимъ.

— А гдѣ-жь маманъ? спросилъ онъ.

Маша молчала.

— Она въ спальнѣ, сказала ему Ольга.

Берницынъ пошелъ въ комнату матери, спросилъ о здоровьи, и съ новымъ удальствомъ разсказалъ ей свои ночныя похождения, разсказалъ, какъ было весело подъ арестомъ, какъ они тамъ ѣли и пили, что хотѣли, и т. д. Мать смотрѣла на него, слушала и молчала. Онъ замѣтилъ это.

— Что съ маманъ? спросилъ онъ, простившись съ нею и вышедши въ другую комнату.

Но Маша продолжала дуться и не отвѣчала.

— Она вчера много плакала, сказала Ольга.

— Плакала? Отчего?

— Не знаю... Она говорила о васъ, о какихъ-то долгахъ, о т-ше Гроздевой...

Берницынъ наморщился.

— Она такъ любить васъ, продолжала Ольга тихо:—вы бы пожалѣли ее....

Онъ смотрѣлъ въ окно.

— А вы такъ рѣдко говорите съ нею....

— Нельзя же мнѣ бросить службу! сказалъ Берницынъ съ важностью:

— Полноте! какъ будто не знаютъ вашей службы?

— Но, помилуйте, у меня большой кругъ знакомыхъ....

— Да, конечно....

— Наконецъ, не могу же я здѣсь вѣчно сидѣть! говорилъ онъ, оживляясь:—неужели я долженъ отказаться отъ всѣхъ развлеченій?

— Разумѣется.... Только, какъ вамъ не надоѣстъ все одно и то же? Впрочемъ, это не мое дѣло. Я хотѣла сказать вамъ только объ Авдотѣ Николаевнѣ....

Берницынъ стучалъ нетерпѣливо ногою.

— Да я не знаю, право, кто это наговорилъ ей о долгахъ? сказалъ онъ съ досадою. — Вы скажите, что это пустяки....

Онъ сталъ ходить по комнатѣ, видимо желая прекратить этотъ разговоръ. Онъ сталъ говорить съ Машей; но она отвѣчала ему сухо и коротко.

Онъ понялъ, что она сердится за мать.

— Вы попросите маманъ успокоиться, Ольга Александровна, сказалъ Берницынъ и затѣмъ уѣхалъ.

XI.

— Посмотри, Рябининъ, говорилъ Берницынъ, указывая на ложу, гдѣ была Ольга: — не правда ли, она очень мила? А?

— Да.... недурна.... Что жь, вотъ тебѣ и невѣста!

— Ну это, братъ, шутишь!

— Отчего? Что, отецъ ея богатъ?

— Совсѣмъ нѣтъ.

Рябининъ значительно промычалъ.

— А, право, она очень мила, продолжалъ Берницынъ: — посмотри, какіе глаза! И оба они направили на нее свои лорнеты.

Я уже сказалъ, что Ольгѣ не нравилась особенная любезность Берницына. Она сперва не обращала на нее особаго вниманія; зная его вѣтренный характеръ, она надѣялась, что это скоро пройдетъ. Но время шло.... Берницынъ не перемѣнялся....

Я не берусь объяснять, какимъ образомъ Ольга могла заинтересовать Берницына, что общаго было между веселымъ, безпечнымъ офицеромъ, который проводилъ дни и ночи въ удовольствіяхъ, и между умною, скромною дѣвушкой, которая провела два года, большею частію, въ деревнѣ? Если бы мнѣ сказали, что Берницыну нравится свѣтская, бойкая дѣвушка, красавица, кокетка, да вдобавокъ ко всему богатая, то въ этомъ не было бы ничего удивительнаго. Но что его могла интересовать Ольга, вовсе не красавица, не свѣтская барышня, да вдобавокъ ко всему не богатая,—этого я понять не могу.... Впрочемъ, не разъ уже было сказано, что ни одинъ ученый механикъ не разберетъ этой сложной и запутанной машины, которая называется человѣкомъ. Итакъ, мнѣ остается только подтвердить тотъ фактъ, что Ольга нравилась Берницыну.

Это было замѣтно по его взглядамъ, потому что онъ искалъ

безпрестанно случаетъ говорить съ нею; онъ старался быть любезнымъ, старался шутить съ нею....

Но любезность и ухаживанье его производили совсѣмъ другое дѣйствіе на Ольгу. Его любезность казалась ей приторною; его шутки—грубы и, часто, неприличны. Онъ часто, безъ намѣренія, оскорблялъ ея достоинство. Она начинала тревожиться.... А между тѣмъ Берницынъ не могъ оторваться отъ своей сферы, и онъ дошелъ до того, что сдѣлалъ ее свидѣтельницею своей жалкой жизни....

Это было въ театрѣ. Ольга замѣтила Берницына, который находился въ обществѣ какой-то дамы, красивой наружности, и двухъ товарищей. Дама была та самая танцовщица, за которою онъ давно ухаживалъ. Онъ добился наконецъ ея улыбки.... но это стало ему не дешево. Берницынъ показался Ольгѣ необыкновенно развязень. Когда же онъ взошелъ къ нимъ въ ложу, то его блуждающіе глаза, прерывистая рѣчь и смѣхъ убѣдили ее, что онъ былъ не въ нормальномъ положеніи.... Онъ и самъ замѣтилъ неловкость своего положенія, и поспѣшилъ откланяться. Но онъ произвелъ на Ольгу тяжелое впечатлѣніе; съ этихъ поръ онъ показался ей противень....

Онъ понялъ, что упалъ въ ея глазахъ, и нѣсколько дней послѣ этого онъ избѣгалъ ея. Но скоро въ немъ проснулись гордость и самолюбіе, которыя были въ немъ развиты преимущественно, на счетъ другихъ душевныхъ качествъ. Тогда онъ больше прежняго сталъ за нею ухаживать. И больше прежняго она стала отъ него удаляться. Одно маленькое происшествіе окончательно раздѣлило ихъ; виновницею его была Наталья Константиновна Гроздева.

Она увидѣла, съ нѣкоторыхъ поръ, что побѣдить непріятеля совсѣмъ не такъ легко, какъ она думала. Онъ продолжалъ къ ней ѣздить, продолжалъ цаловать ея руки и любоваться ея ножкою. Но всѣ намеки вдовушки относительно серьезной любви онъ какъ будто не понималъ. Въ сущности, онъ очень хорошо зналъ, къ чему клонятся эти намеки, но ему надо было притвориться для того, чтобы имѣть право волочиться за нею. Наталья Константиновна, съ досады, кусала свои розовыя губки и слѣдила за Берницынымъ. Она уже давно замѣтила, что онъ не совсѣмъ равнодушенъ къ Ольгѣ. Ревность овладѣла ею. Скоро представился случай, гдѣ эта ревность, или, вѣрнѣе сказать, досада выказалась вполне.

Танцую на одномъ балѣ съ Берницынымъ, пикантная вдовушка, съ свойственнымъ ей кокетствомъ, дразнила его Ольгою. Берницынъ смѣялся и отпѣкивался. Но она хорошо замѣтила, что лицо его было полно оживленія, когда онъ танцевалъ съ Ольгою, что, не танцую больше ни съ кѣмъ, онъ стоялъ около Ольги и не спускалъ съ нея глазъ.

Когда Берницынъ попросилъ Ольгу на мазурку, она солгала, что уже ангажирована, только для того, чтобы отдѣлаться отъ него. Ей было тяжело и непріятно; открытое, безцеремонное поведеніе Берницына оскорбляло ее; она ждала съ нетерпѣніемъ конца бала. Но ей предстояла новая обида. За ужиномъ ей пришлось сидѣть противъ Берницына и Гроздевой; что касается до перваго, то, разумѣется, онъ не случайно сѣлъ противъ Ольги. Наталья Константиновна повременамъ шепталась съ Берницынымъ и бросала выразительныя взгляды на Ольгу, которая мучительно ожидала конца этого сосѣдства.

— М-ше Лидина! Ваше здоровье! сказала пикантная вдовушка съ очаровательною улыбкою, и подняла бокаль. — За здоровье того, кто любитъ кого! продолжала она болѣе громкимъ голосомъ, и посмотрѣла иронически сперва на Ольгу, потомъ на Берницына.

Ольга вспыхнула, и опустила глаза. Берницынъ некстати за-смѣялся; сосѣди выразительно переглянулись....

Ольга скрыла эту обиду отъ Авдотьи Николаевны и Маши. Но она поняла, что дѣло зашло слишкомъ далеко....

Съ этихъ поръ она совершенно перемѣнила свои отношенія къ Берницыну. Она старалась, по возможности, не говорить съ нимъ. Ни его любезность, ни шутки не могли заставить ее перемѣниться. Болѣе всего она избѣгала оставаться съ нимъ вдвоемъ. Но положеніе ея стало непріятно и затруднительно. Она не хотѣла ссорить Берницына съ матерью и сестрою; поэтому она старалась скрывать его преслѣдованія.

Но чѣмъ холоднѣе была Ольга, тѣмъ нетерпѣливѣе становился Берницынъ. Его бѣсила эта холодность. При видѣ Ольги, имъ овладѣвало раздраженіе.... Причина этого отчасти заключалась и въ томъ, что Берницынъ былъ избалованъ дамскою любезностію; на него всегда смотрѣли, какъ на завиднаго жениха. А тутъ вдругъ эта дѣвочка, недавно пріѣхавшая изъ деревни, не обращаетъ на него вниманія! Мало того, еще сердится! Эти мысли все болѣе и болѣе раздражали его самолюбіе; онъ сталъ неостановительно преслѣдовать Ольгу....

Онъ сталъ часто ѣздить на Литейную. Ольга, услышавъ его голосъ, не выходила изъ своей комнаты. Но Берницынъ, съ несвойственнымъ ему терпѣніемъ, выжидалъ ее по часамъ. Случалось, что онъ являлся нѣсколько разъ въ день. Противъ обыкновенія, онъ сталъ часто обѣдать у матери, зная, что Ольга должна будетъ выйти.

Когда Ольга гуляла съ Авдотьей Николаевною и Машею, Берницынъ непремѣнно присоединялся къ нимъ и, волоча свою длинную шпагу по Дворцовой набережной, значительно перемигивался съ товарищами. Ольга съ трудомъ удерживала гнѣвъ свой....

Берницынъ вдругъ сталъ увѣрять свою мать, что изъ ложи лучше слышно пѣніе. На этомъ основаніи, когда Ольга ѣздила въ оперу, онъ помѣщался около нея.

Онъ зналъ, что ей непріятно съ нимъ танцовать. Тѣмъ не менѣе, пользуясь тѣмъ, что Ольга не хотѣла высказаться открыто, онъ танцевалъ съ нею, хотя ему не давали другаго отвѣта, какъ *да или нѣтъ*.

Словомъ, Берницынъ преслѣдовалъ Ольгу всегда и вездѣ, гдѣ только была малѣйшая возможность.

Разумѣется, такое поведеніе не могло скрыться, наконецъ, ни отъ Авдотьи Николаевны, ни отъ Маши. Но едва онъ начинали говорить ей объ этомъ, Ольга смѣялась, говорила, что это шутка, старалась казаться хладнокровною.

На самомъ же дѣлѣ Ольга была глубоко обижена наглѣмъ ухаживаньемъ Берницына....

Если бы Берницынъ остановился на время, если бы онъ опомнился, онъ не могъ бы не увидѣть, что своимъ поведеніемъ онъ болѣе и болѣе отдаляетъ Ольгу. Но развѣ ему было время? Катанье по Невскому да шампанское, Люси, маскарады, танцовщица, театры, пикантная вдовушка.... Да гдѣ жь тутъ время думать и опомниться?... Онъ жилъ, очертя голову.... Только, среди всей этой жизни, его не переставала раздражать нѣмая холодность Ольги. Раздраженіе его дошло до крайнихъ предѣловъ....

XII.

Онъ сталъ преслѣдовать Ольгу съ новою энергіею. Онъ отбросилъ всякую скромность, и ни предъ кѣмъ больше не сталъ скрывать своихъ отношеній.... Ольга испугалась.... Она уже хо-

тѣда все рассказать Авдотѣ Николаевнѣ; но случай остано-
вилъ ее.

Разъ Берницынъ засталъ Ольгу одну въ комнатѣ.

— Наконецъ-то вы однѣ, Ольга Александровна! сказалъ онъ.

Она посмотрѣла на него. Глаза его горѣли, онъ едва держался на ногахъ.

— Что вамъ угодно? спросила Ольга, и встала съ мѣста, чтобы уйти.

Но онъ сталъ въ дверяхъ.

— За что такая гордость, Ольга Александровна? бормоталъ онъ.

— Пустите меня!

И она снова сдѣлала шагъ впередъ.

— Нѣтъ, вы должны выслушать меня, Ольга Александровна! Я люблю васъ!...

— Пустите! повторила она дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

Но въ это мгновеніе Берницынъ схватилъ ея руку и поцаловалъ.

Ольга выбѣжала. Лицо ея горѣло, какъ въ огнѣ. Глаза были полны слезъ.

— Что съ тобою, Ольга? Что съ тобою? спросила Маша.

— Ничего.... ничего.... отвѣчала Ольга, глотая слезы: — поди туда, тамъ братъ твой....

— Маманъ! маманъ! кричала Маша. — Что это съ Жаномъ? Посмотрите!

Авдотья Николаевна съ ужасомъ увидѣла своего сына, который шатался и бормоталъ несвязныя слова.

— Jean! Jean! Какъ тебѣ не стыдно! Боже мой, какой позоръ!

— Что такое? Что?... Я люблю.... Я правду говорю.... сказалъ отрывисто Берницынъ, и вслѣдъ затѣмъ уѣхалъ.

XIII.

Ольга рѣшилась испытать послѣднее средство. Авдотья Николаевна упрашивала ее сказать, отчего она плачетъ, что сдѣлалъ ея сынъ? Тогда Ольга, прося ее не тревожиться, сказала, что желаетъ говорить съ нимъ. Авдотья Николаевна написала ему записку. Берницынъ, выспавшись, понялъ, что онъ надѣлалъ. Онъ обрадовался, что Ольга даетъ ему такой удобный случай извиниться.

Онъ пріѣхалъ на другой день утромъ. Онъ засталъ Ольгу опять одну. Онъ замѣтилъ, какъ она быстро спрятала платокъ свой въ карманъ....

— Я пріѣхалъ извиниться предъ вами, Ольга Александровна, сказалъ Берницынъ.

— Я прощаю вамъ вчерашній вашъ поѣупокъ, м-г Берницынъ. Вчера вы....

Она не договорила.

— Я пріѣхалъ извиниться, повторилъ онъ.

— Я и не объ этомъ хотѣла говорить съ вами, сказала Ольга совершенно тихимъ голосомъ: — я хотѣла спросить васъ, за что вы меня оскорбляете три мѣсяца сряду?

— Но мнѣ кажется, Ольга Александровна, что ваше обращеніе со мною....

— Кто жь виноватъ въ этомъ? Развѣ я въ первое время такъ обращалась съ вами?

— Но я говорю не про первое время, Ольга Александровна...

— Да что жь мнѣ было дѣлать, когда вы стали такъ странно вести себя? Я думала, что вы остановитесь.... Развѣ мнѣ самой было пріятно это?

— Но согласитесь, Ольга Александровна, что я былъ тоже обиженъ....

— Мнѣ жаль, если я васъ обидѣла.... Только, мнѣ кажется, вы немного позабыли, что было.... Вспомните, м-г Берницынъ, ваши шутки. Когда онѣ заходили очень далеко, я не отвѣчала вамъ. Тогда вы сердились и продолжали еще болѣе....

— Разумѣется, ваше молчаніе обижало меня, прервалъ ее Берницынъ.

— Потомъ, вспомните все ваше поведеніе, продолжала Ольга: — вы до того преслѣдовали меня всюду, что на меня стали указывать пальцами. Неужели вамъ это можетъ доставлять удовольствіе?

— Но, Ольга Александровна....

— И что за цѣль ваша, м-г Берницынъ? Я не понимаю. Вѣдь вы сами знаете, что насильно нравиться нельзя.... Я все думала, что вы опомнитесь. Я до сихъ поръ ни слова не сказала вамъ. Но вы не перестаете.... Еще не такъ давно, м-те Грозлева позволила себѣ говорить мнѣ дерзости. А вы смѣялись, м-г Берницынъ.... И когда подумаешь, за что все это? Что сдѣлала я вамъ худаго? Развѣ я мѣшала вамъ въ чемъ нибудь? Нѣтъ! Вы, кажется, жили очень весело.... А вы мѣшали мнѣ жить....

Она замолчала. Берницынъ не возражалъ.

— Теперь я прошу васъ, м-г Берницынъ, оставьте меня. Я знаю, что вы сдѣлаете это. Если же нѣтъ, то мнѣ придется разстаться съ Машей; я уѣду въ деревню.

Ольга встала; но Берницынъ не подымался.

— Мнѣ больше нечего сказать вамъ. До свиданія!

Она ушла. Но Берницынъ, наклонивъ голову къ землѣ, все оставался на томъ же мѣстѣ. Онъ просидѣлъ два часа неподвижно, никого не видя, ничего не слыша.

— Пора обѣдать, Jean, сказала ему мать.

Онъ очнулся.

— Нѣтъ, мнѣ надо ѣхать! отвѣчалъ онъ.

Пріѣхавъ домой, онъ долго ходилъ по комнатѣ въ какомъ-то нервическомъ, безпокойномъ состояніи. Начинало темнѣть. Слуга хотѣлъ зажечь свѣчи; онъ не велѣлъ. Онъ легъ на постель и пролежалъ до поздняго вечера. Когда онъ всталъ, глаза его были красны... Онъ, съ особенною поспѣшностью, сталъ одѣваться, помадиться, душиться. Потомъ поѣхалъ за Люси, за товарищами, и повезъ ихъ ужинать. Онъ пилъ съ какою-то жадностію. Онъ шутилъ, пѣлъ пѣсни, чуть не танцевалъ... Кто-то спросилъ его, отчего онъ такъ веселъ? Въ отвѣтъ на это, онъ залпомъ выпилъ стаканъ шампанскаго, прижалъ къ своей груди Люси и сталъ бѣшено цаловать ее.

На другое утро явился Тернауомъ.

— Чтѣ это вы, Иванъ Александровичъ, какъ будто нездоровы?

— Нѣтъ, ничего... голова болитъ... Ну, что скажете?

— Сказать—то есть что...

— Напримѣръ?

— Да хоть бы, напримѣръ, то, что вы престранный человекъ!

— Это отчего?

— Да оттого, что вамъ идутъ въ руки деньги, а вы не берете ихъ. А потомъ посылаете меня: «надо, непременно надо, какіе угодно проценты!» То-то вотъ и есть!

— Да вы про что говорите? спросилъ съ удивленіемъ Берницынъ.

— А развѣ вы забыли записку, которую получили? Васъ все ждали. Впрочемъ, если вамъ угодно, и теперь не поздно...

— А! понимаю... протяжно сказалъ Берницынъ, и задумался.

— Послушайте, Тернауомъ, сказалъ онъ спокойно, послѣ

минутнаго молчанія: — вы меня большимъ подлецомъ считаете?

Тернаумовъ пялилъ на него глаза.

— Что это вы говорите, право, Иванъ Александровичъ?

— Я говорю, что иначе вы бы не предлагали мнѣ идти на содержаніе.

— Да нѣтъ... я, вѣдь, только такъ сказалъ...

— А что, вы много получили за это дѣло? спросилъ его спокойно Берницынъ.

— Я не знаю, право, что это вы говорите, Иванъ Александровичъ! отвѣчалъ Тернаумовъ... Но онъ, замѣтно было, растерялся. Онъ въ первый разъ не узнавалъ Берницына...

XIV.

Казалось, Ольга и Берницынъ помирились и забыли прошлое. По крайней мѣрѣ онъ обращался съ нею просто, вѣжливо, какъ будто ничего не бывало.... Разговоръ его касался погоды, театра, мелочей.... Ольга повеселѣла. Авдотья Николаевна успокоилась. Маша стала съ нимъ привѣтлива по прежнему. Всѣ были довольны и веселы. Одному Берницыну было не весело.... Но онъ всѣми силами скрывалъ это.

Теперь не Ольга, а Берницынъ избѣгалъ оставаться съ нею вдвоемъ. А когда это случалось, Берницынъ какъ-то конфузился, старался непременно что нибудь сказать, какъ будто больше всего боялся молчанія.

Теперь онъ сталъ по цѣлымъ часамъ оставаться дома, чего прежде не бывало.... Неподвижно сидитъ на стулѣ и думаетъ, все думаетъ.... И до того онъ углубится, что не замѣчаетъ, какъ проходить мимо его слуга и поглядываетъ на него съ безпокойствомъ.... Потомъ вдругъ вскочитъ, начнетъ быстро шагать по комнатѣ, какія-то слова говорить.... А глаза мокрые.... И если бы вы видѣли въ это время Берницына, вы бы пожалѣли его! Онъ любилъ, любилъ искренно.... Образъ Ольги постоянно носился предъ его глазами; онъ не оставлялъ его ни на минуту, онъ не давалъ ему покоя.

«Все въ ней такъ хорошо, думалъ онъ, все такъ гармонично! Какая благородная красота! какіе большіе глаза! И сколько доброты въ ней!... И какъ умна!... И какая простота!... И какой мелодическій голосъ!... И какая поступь!... И какая непостижимая прелесть во взглядѣ!»

«Господи, что за ангелъ!» громко говорилъ Берницынъ, ходя

по комнатѣ. И ему мучительно хочется видѣть ее, хочется говорить съ нею! А мѣтъ ея! Нельзя ее видѣть!... Что жь это, въ самомъ дѣлѣ, за мука?... Вотъ такъ бы и побѣжалъ сейчасъ, такъ бы и бросился предъ нею на колѣни, и зарыдалъ бы, и рассказалъ бы ей всю свою жизнь, и молилъ бы ея прощенія, и обѣщаль бы все, все, что она хочетъ, только пусть она сжалится надъ нимъ, пусть полюбитъ его!...

И Берницынъ, весь изнуренный, падалъ на диванъ и, въ первый разъ въ своей жизни, онъ узналъ, что значать страданія и горькія слезы....

Не можетъ онъ забыть ни этого лица, ни этого голоса.... А между тѣмъ, она не только не любитъ его, — она презираетъ его... И онъ вполне заслужилъ это презрѣніе. Онъ сознается въ этомъ и чувствуетъ къ себѣ глубокую ненависть. Онъ вспомнилъ свои слова: «я въ дѣвочекъ не влюбляюсь!» и какъ-то больно улыбнулся.... Теперь онъ понялъ, какъ безумно велъ себя! Теперь онъ узналъ, какая сила заключается въ этихъ большихъ глазахъ, какими блаженствомъ наполняетъ душу эта прямая, непорочная натура! — Но что жь ему дѣлать? Что жь дѣлать *теперь*, когда онъ не можетъ ни о чемъ думать, ни о чемъ говорить, ничего дѣлать, когда онъ не можетъ жить безъ нея?... А она его презираетъ!...

Тогда Берницынъ боялся оставаться одинъ; онъ бѣжалъ изъ дому, бѣжалъ отъ этого образа, чтобы какънибудь только забыть его! Онъ заглушалъ его въ кругу товарищей, въ винѣ, картахъ, въ женщинахъ, въ необузданномъ разгулѣ....

Но товарищи замѣчали, что съ нимъ дѣлается что-то странное. То онъ пьетъ и хочочетъ, то вдругъ задумается, усиленно греетъ лобъ рукою, какъ будто хочетъ выжать какую-то мысль... и видно, что его что-то мучить.

Надъ нимъ подсмѣивались; онъ молчалъ. Только разъ, когда одинъ изъ нихъ сказалъ, что не стоитъ тосковать по всякой дѣвчонкѣ, Берницынъ весь покраснѣлъ, вскочилъ съ мѣста, и, схватившись за шпагу: —

— Замолчи! или ты будешь раскаяваться! закричалъ онъ, но тотчасъ опомнился.

— Извини, пожалуйста, сказалъ онъ тихо. — Только я прошу тебя, не говори такъ о ней.... хоть при мнѣ не говори!

Итакъ шель день за днемъ. Порою онъ терялъ силы, чувствовалъ, что больше не можетъ вынести.... А завтра опять онъ

ее увидитъ, опять надо притворяться, скрывать отъ нея, отъ матери и сестры... и опять тоска и мученье, и опять вино да женщины....

Эта жизнь истощила Берницына. Въ двѣ недѣли онъ пострадалъ; на лицѣ не было ни капли крови.

Въ одно утро онъ проснулся и почувствовалъ, что встать не можетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, то жаръ, то холодъ. Приѣхалъ докторъ; онъ объявилъ, что у Берницына лихорадка, что организмъ сильно разстроены, что болѣзнь можетъ принять серьезное направленіе....

XV.

Узнавъ о болѣзни сына, Авдотья Николаевна тотчасъ поѣхала навѣстить его. Она была сильно встревожена его болѣзненнымъ, до крайности изнеможеннымъ видомъ и его отчаянною тоскою.

На другой день она взяла съ собою Машу. Улыбка больного доказывала, что онъ былъ радъ посѣщенію сестры. Когда онъ вернулся домой, Ольга долго спрашивала о больномъ. Ей казалось, что она виновата....

Однажды самой Авдотьи Николаевны не совсѣмъ вдорозилось. Маша попросила отпустить ее съ Ольгою: пока она будетъ у брата, Ольга подождетъ въ каретѣ. Онѣ поѣхали. Но подъѣзжая къ дому Берницына, Машѣ вдругъ пришла странная мысль. Она сказала, что Ольгѣ будетъ скучно сидѣть въ каретѣ, и просила ее тоже зайти къ брату, въ другую комнату, такъ что ее никто не увидитъ.

— Тѣмъ болѣе, говорила Маша, что теперь вечеръ. Докторъ ужь сегодня не приѣдетъ, а больше никого не можетъ быть. Пойдемъ! Ну, что ты будешь дѣлать въ каретѣ? Ты, по крайней мѣрѣ, увидишь, какъ онъ живетъ....

Ольга отговаривалась, что неприлично, что могутъ узнать.... Но почему—то отговорки ея были не очень убѣдительны. Маша все доказывала ей, что никто не узнаетъ, что, наконецъ, вѣдь онъ боленъ... Ольга подумала, и согласилась.

Онѣ осторожно вошли. Маша пошла въ спальню; Ольга осталась въ другой комнатѣ. Она сѣла на стулъ и стала осматривать комнату. Мертвая тишина.... изрѣдка только она слышитъ слова Маши. Прошло нѣсколько минутъ.... Ольгѣ дѣлалось какъ-то

положило.... «Что жь это Маша неидетъ?» подумала она, но въ ту же минуту услышала шорохъ платья. Она оглянулась, предъ нею стояла Наталья Константиновна Гроздева. Это была послѣдняя, рѣшительная атака пикантной вдовушки! Увидѣвъ Ольгу, она остановилась, какъ вкопанная, на мѣстѣ. Ольга покраснѣла и встала со стула.

— *Вы здѣсь?* спросила Гроздева съ ироническою улыбкою.

— Я здѣсь съ сестрою м-г Берницына, отвѣчала Ольга твердо.

Едва только были сказаны эти слова, какъ больной вздрогнулъ, приподнялся на постели и сталъ прислушиваться.

— Но гдѣ жь сестра? спрашивала со злостью Наталья Константиновна.

— Она тутъ, въ этой комнатѣ, отвѣчала Ольга: — она придетъ сейчасъ....

— Ольга, Ольга! это ея голосъ!... Послышалось изъ другой комнаты, и больной заметался на постели.

Испуганная Маша выбѣжала изъ спальни, столкнулась съ Гроздевой, вскрикнула, и, схвативъ за руку Ольгу, бросилась бѣжать. Разумѣется, все скрыто было отъ матери.

Вдовушка вошла въ спальню. Больной лежалъ съ закрытыми глазами неподвижно. Она стала у изголовья и съ сожалѣніемъ смотрѣла на блѣдное, исхудалое лицо Берницына. Вдругъ онъ открылъ глаза, приподнялся и, схвативъ обѣ руки Натальи Константиновны, началъ страстно цаловать ихъ, произнося имя «Ольги».

— Что съ вами? Опомнитесь! сказала удивленная вдовушка.

Берницынъ въ одно мгновенье выпустилъ ея руки и пристально посмотрѣлъ ей въ лицо.

— Это вы? сказалъ онъ: —извините. И голова его снова опустилась на подушку.

Пикантная вдовушка постояла еще нѣсколько минутъ, потомъ вышла медленными шагами. Въ глазахъ блестѣла слезинка. На этотъ разъ она не притворялась: сраженіе было проиграно, окончательно проиграно!...

Болезнь принимала опасный характеръ. Больной метался, стоналъ и въ бреду просилъ Ольгу не уходить отъ него. Докторъ привезъ съ собою другаго доктора; оба они поговорили но-ла-

тыни, и оба покачали головами. Авдотья Николаевна плакала: Маша тоже. Ольга молилась....

Но молодая натура, наконецъ, побѣдила болѣзнь. Черезъ двѣ недѣли Берницынъ сталъ поправляться. Выздоровленіе пошло быстро. Но докторъ запретилъ ему выѣзжать. Тѣмъ не менѣе, Берницынъ, при первой возможности, одѣлся, закутался, сѣлъ въ карету и поѣхалъ на Литейную.

Онъ всѣхъ перепугалъ тамъ. Начались восклицанія и упреки. Его умоляли тотчасъ же ѣхать обратно и лечь въ постель. Но Берницынъ совралъ, что у него только-что былъ докторъ и позволилъ ему выѣхать въ каретѣ.

Онъ попросилъ мать не беспокоиться, поцаловалъ сестру, и убѣждалъ Ольгу подтвердить, что онъ совершенно здоровъ. Въ самомъ же дѣлѣ, онъ былъ еще очень слабъ: это доказывали и его блѣдность, и едва замѣтная улыбка, какая бываетъ у больныхъ. Ольга была въ этотъ вечеръ неразговорчива... По временамъ, она вглядывалась въ Берницына и что-то думала. Его лицо измѣнилось: оно приняло спокойное выраженіе. Глаза смотрѣли кротко, задумчиво.

XVI.

Берницынъ выздоровѣлъ совершенно. Но какая пережѣна! Мать не понимаетъ, что за чудо свершилось съ ея сыномъ? Она нашла въ немъ прежнюю, давнишнюю любовь. Маша полюбила его, какъ друга и брата. Ольга смотритъ на него и себѣ не вѣритъ. Какъ! это тотъ самый Берницынъ, который такъ недавно, въ пьяномъ видѣ, схватилъ ее за руку, изъ-за котораго она перенесла столько обидъ! Да что жъ это значитъ? Ужъ не притворился ли онъ?

«Маша, послушай Маша! Да что съ нимъ сдѣлалось?» Но Маша сама удивлена этимъ неожиданнымъ, поразительнымъ измѣненіемъ. Ольга пожимаетъ плечами. «Но кто жъ произвелъ въ немъ эту пережѣну?» спрашиваетъ она сама себя.... И не находитъ отвѣта.

Товарищи не могутъ узнать его. Гдѣ эта безпечность, гдѣ бѣшеная веселость? Все исчезло. Его не видно ни на пикникахъ, ни на кутежахъ, ни на карточныхъ вечерахъ. Но съ товарищами онъ попрежнему хорошъ; онъ распрашиваетъ объ ихъ похожденияхъ, и только улыбается... Къ нему пристають, его тамутъ

почти насильно, но онъ отговаривается то тѣмъ, то другимъ. Иногда его уговаривали вспомнить прежнее время; Берницынъ соглашался; но, очутившись среди веселой молодежи, среди говора, смѣха и шума, онъ чувствовалъ себя какъ-то не въ своей тарелкѣ.... Все казалось ему страннымъ; онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на все окружающее, онъ почувствовалъ, что связь разорвана.... Тогда товарищи махнули на него рукою, какъ на человѣка погибшаго...

Не меньше удивленъ былъ и Тернауовъ. Но съ нимъ Берницынъ покончилъ скоро: онъ далъ ему денегъ, поблагодарилъ его, но дверь для него перестала открываться. Тогда Тернауовъ съ новымъ усердіемъ сталъ искать человѣка, который бы согласился принять двѣ тысячи рублей — на извѣстныхъ условіяхъ. Онъ нашелъ его скоро между товарищами Берницына....

Высоко-безкорыстная *mademoiselle* Люси неожиданно получила конвертъ съ деньгами. Но самъ Берницынъ къ ней больше не являлся. Она утѣшилась княземъ Бѣльскимъ, у котораго вытаскиваетъ деньги всѣми путями, говоря, что ей надо только одно необходимое, и утѣряя въ то же время, что она отказывается отъ предложеній графа Норкова.

Берницынъ прекратилъ свои визиты къ пикантной вдовушкѣ, которая, съ тѣхъ поръ, стала насмѣхаться надъ Берницынымъ и сидѣничать насчетъ Ольги.

Кучеръ Берницына съ удивленіемъ замѣчаетъ, что баринъ не погоняетъ его впередъ, какъ прежде, а, напротивъ, удерживаетъ, когда онъ гонитъ слишкомъ шибко.

— Да что это стало у насъ съ баринкомъ, Алексѣй Петровичъ? говорить кучеръ. — Прежде, бывало, рыскаетъ повсюду день деньской, а нынче только и знаетъ, что на Литейную, да домой.

— Оно и то странно! отвѣчаетъ Алексѣй Петровичъ, слуга Берницына. — Не знаю, что такое съ нимъ сдѣлалось? Книжки, какія были въ шкапу, взялъ всѣ повытаскалъ, накупилъ новыхъ, разбросалъ по столу—безпорядокъ одинъ!... Сидитъ, это, все дома, читаетъ, пишетъ что-то.... И сталъ онъ, братецъ ты мой, на Васильевскій островъ ѣздить. Есть, значить, тамъ мѣсто такое.... Народу много соберется; и прійдетъ это чиновникъ, сядетъ на столъ какой-то, зачнетъ громко говорить.... Всѣ, это, слушаютъ; тишина такая.... А какъ кончитъ онъ, всѣ въ ладоши захолаютъ, шумъ такой! Да какъ, блинъ, прозывается-то оно?...

— Да вы, это, должно быть, про Неверсететъ говорите? спросилъ самодовольно кучеръ.

— Неверсететъ, неверсететъ, подхватилъ Алексѣй Петровичъ.

Но не одинъ Алексѣй Петровичъ не понималъ своего барина. Управляющій имѣньемъ Берницына, получивъ отъ него письмо, съ саркастическою улыбкою посмотрѣлъ на конвертъ. «Что, небойсь, опять денегъ?» сказалъ онъ про себя. «Да, жди! Откуда ихъ возьмешь!» Но онъ совсѣмъ сталъ въ тупикъ, когда, въсто требованія денегъ, Берницынъ требовалъ дѣйствительнаго отчета, чтобъ писать, видишь, ему и объ озимыхъ, и объ яровыхъ, и объ ригѣ новой, и объ овинѣ старомъ, и пришлетъ онъ имъ молотильную машину, и плугъ такой особенный; и какъ, говорить, мнѣ можно будетъ, такъ и самъ прїѣду въ деревню. — Последнее обстоятельство уже вовсе не понравилось управляющему....

XVII.

Новыя занятія не могли, однако, избавить Берницына отъ грусти. Онъ такъ тосковалъ, что Авдотья Николаевна не разъ просила его веселиться попрежнему, находила, что онъ падаетъ въ крайности, что бѣгать отъ свѣта не годится. Все это была совершенная правда; но въ то же время она очень хорошо знала, что не свѣтъ и не удовольствія могутъ развлечь ея сына.... А едва только она или Маша заговаривали съ нимъ объ Ольгѣ, Берницынъ сердился, говорилъ, что у нихъ странныя мысли и просилъ оставить этотъ разговоръ...

А между тѣмъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ съ выздоровленія Берницына. Онъ видѣлъ каждый день Ольгу. Но во все это время онъ не сказалъ ни одного слова, ни одного намека о томъ, о чемъ такъ хотѣлось говорить. Напротивъ, онъ былъ съ нею холоденъ, онъ избѣгалъ откровенныхъ разговоровъ, онъ обращался съ нею такъ, какъ будто бы она была вдвое старше его.... Но стояло Ольгѣ похвалить какую нибудь книгу или пьесу—на другой день и книга и ноты являлись. Когда она хотѣла благодарить его, онъ изъявлялъ нетерпѣнне и тотчасъ старался перемѣнить разговоръ. Иногда, совершенно безъ всякаго намѣренія, она похвалитъ какую нибудь комедію, и какъ бы ни было трудно, но ложа являлась именно въ тотъ день, когда давали эту комедію. Кончилось тѣмъ, что Ольга боялась выразить какое нибудь

желаніе при Берницынѣхъ. Но это оказалось напраснымъ. Онъ вдругъ выказалъ дипломатическія способности: съ необыкновенною ловкостью дотыгивался отъ сестры, отъ матери, угадывалъ по глазамъ Ольги, по тону ея голоса, и такимъ образомъ всегда предупреждалъ ея желанія.

Вотъ наши подруги опять за работою. Берницынъ сидитъ у окна, молчитъ и куритъ папиросу. Зашла рѣчь о картинахъ. Ольга любила живопись и сама рисовала. Маша рассказывала ей, что у одного извѣстнаго любителя есть богатое собраніе рѣдкихъ картинъ.

— Я бы хотѣла посмотреть ихъ, сказала Ольга.

— Но туда трудно попасть, отвѣчала Маша: — надо имѣть особое позволеніе.

Въ эту минуту Берницынъ оглянулся. Ольга спохватилась.

— Впрочемъ, нѣтъ, не стоитъ, сказала она тотчасъ равнодушно. — Послѣ эрмитажа, навѣрно, тамъ нечего смотрѣть....

— Отчего же? сказала Маша: — все-таки стоитъ.

— Нѣтъ, я бы не поѣхала.... повторила Ольга. Но Берницынъ попрежнему молчитъ и смотритъ въ окно.

Прошла недѣля. Ольга совсѣмъ позабыла этотъ разговоръ.

— Я привезъ вамъ позволеніе, Ольга Александровна, сказалъ разъ Берницынъ.

— Какое позволеніе?

— Осмотрѣть картины. И онъ вызвался сопровождать ее и Машу.

Разъ, возвращаясь съ прогулки, подруги застали Берницына въ комнатѣ Маши. Онъ сидѣлъ, опершись рукою на столъ; предъ нимъ лежалъ альбомъ портретовъ, принадлежавшій Машѣ. Онъ до того засмотрѣлся на портретъ Ольги, что не замѣтилъ, какъ онъ вошелъ. Онъ быстро закрылъ альбомъ и слегка покраснѣлъ. Ольга поняла въ чемъ дѣло, и тотчасъ стала ему рассказывать о какой-то знакомой, которую онъ только-что встрѣтили....

На другой же день Берницынъ вновь принялъ свою роль. И вновь глубокое уваженіе, наружная холодность, тайныя страданія, и ни одного слова, ни одного намека... Это была нѣмая, но страстная любовь.

XVIII.

Между тѣмъ страсть до того овладѣла всѣмъ существомъ

Берницына, что сдерживать ее больше не хватало силы. Неодо было на что нибудь рѣшиться....

А Ольга давно простила ему прошедшее.... Напротивъ, она находила удовольствіе быть вмѣстѣ съ нимъ; она обижалась его скрытностью. Она жаловалась Машѣ, что ей скучно въ Петербургѣ, говорила, что ей пора ѣхать въ деревню.... Иногда она какъ будто хотѣла сказать что-то Берницыну, но смотрѣла на него.... и не рѣшалась.

Разъ, поздно вечеромъ, Ольга услышала изъ спальни Авдотьи Николаевны сдержанныя рыданья. Это былъ голосъ Берницына. Ольга хотѣла пройти мимо, но, противъ воли, остановилась у двери и стала подслушивать....

Берницынъ признавался, что онъ не въ состояніи больше вести такую жизнь; онъ жаловался на безвыходную грусть, на отчаяніе.... Ольга не могла слышать всѣхъ словъ; голосъ Берницына дрожалъ и обрывался. Она только слышала, какъ онъ умолялъ свою мать не говорить никому, рѣшительно никому. ....

Ольга задрожала отъ волненія. Она хотѣла отворить дверь и прямо ему сказать все.... но, услышавъ шаги его, она быстро побѣжала прочь, бросилась на шею Машѣ и стала судорожно целовать ее.....

— Ольга! Ольга! Да что такое? спрашивала ее Мама сквозь слезы.

— Ничего.... ничего.... отвѣчала она задыхающимся голосомъ: — только сердце.... такъ больно.... бьется.... больно....

На другой день Берницынъ не явился. Это вообще былъ тяжелый день для всѣхъ. Авдотья Николаевна смотрѣла какъ-то странно на Ольгу; Ольга краснѣла; Авдотья Николаевна нѣсколько разъ какъ будто собиралась сказать ей что-то.... Но рѣшимости не хватало и слова ея замирали. Берницынъ цѣлый день не выходилъ изъ дому. Ночью, сонъ его былъ тревоженъ. Мысли не давали ему покоя. Но къ утру онъ заснулъ. Онъ всталъ съ видомъ рѣшительнымъ. Только, по временамъ, холодная дрожь пробѣгала по тѣлу.

Онъ поѣхалъ на Литейную и прямо спросилъ Ольгу—можетъ ли онъ говорить съ нею.

Они остались вдвоемъ. Оба молчали. Ольга безсознательно смотрѣла на открытыя страницы книги. Берницынъ кусалъ губу. Молчаніе тяготило ихъ обоихъ.

— Какъ трудно бываетъ говорить иногда.... сказалъ наконецъ онъ съ улыбкою.

Ольга молчала. Глаза ея точно прикованы были къ страницамъ, въ которыхъ она ничего не понимала, ничего не видѣла.

— Впрочемъ, то, что я хочу сказать вамъ, Ольга Александровна, не такъ ужъ мудрено.... говорилъ Берницынъ медленно и стараясь быть спокойнымъ. — Во-первыхъ, я долженъ просить у васъ прощенія.... вы знаете за что? За многое.... Но мнѣ почему-то кажется, что ваше доброе сердце позабыло прежнее.... Потому, позвольте поблагодарить васъ....

— За что? тихо спросила Ольга, и подняла голову.

— Только за то, что вы сдѣлали изъ меня человѣка, отвѣчалъ Берницынъ, слегка улыбувшись. — Только за то, что вы спасли меня отъ гибели.... потому что какъ иначе назвать такую жизнь, въ которой человѣкъ хоронитъ умъ и чувство?... Вы, можете быть, сами не подозрѣвали, что вы сдѣлали; но я повторю вамъ, Ольга Александровна, что я обязанъ вамъ, единственно вамъ. А между тѣмъ странно.... Если бы я васъ не встрѣтилъ, моя жизнь потекла бы спокойно: я бы влюблялся, позабывалъ, снова влюблялся.... По крайней мѣрѣ.... по крайней мѣрѣ нѣтъ страданій. А вѣдь, чѣмъ больше чувствуешь, тѣмъ больше понимаешь.... (Берницынъ остановился).... тѣмъ тяжеле не быть увѣреннымъ, — наконецъ проговорилъ онъ.

Онъ замолчалъ; но Ольга не отрывала глазъ своихъ отъ книги.

— Я боюсь спросить вашего отвѣта, Ольга Александровна....

Она не отвѣчала. Но Берницынъ видѣлъ, что лицо ея все болѣе и болѣе разгоралось, а страницы были смочены ея слезами.

— Я знаю, что не стою васъ, Ольга, сказалъ тогда горячо Берницынъ. — Въ самомъ дѣлѣ, кто поручится вамъ, что я опять не вернусь къ прежней жизни? И можете ли вы вѣрить человѣку, который такъ недавно понималъ и оцѣнилъ васъ? Вотъ что меня до сихъ поръ мучило.... Вы имѣете полное право сомнѣваться въ моей любви. А я не хочу этого сомнѣнія! (Берницынъ покраснѣлъ). Мнѣ остается одно средство: я рѣшился на время уѣхать...

— Уѣхать? спросила Ольга, и глаза ея глядѣли на него тревожно.

— Для того, чтобы вы не сомнѣвались, Ольга, для того, чтобы вы были совершенно свободны въ вашемъ отвѣтѣ. А когда я

возвращусь, то каковъ бы ни былъ вашъ отвѣтъ, мнѣ легче будетъ перенести его, чѣмъ ваше сомнѣніе....

— Да, Боже мой, развѣ я сомнѣваюсь? спросила Ольга, больше не сдерживая своихъ слезъ. — Я вѣрю вамъ! Пожимаете? Я вѣрю вамъ! И она протянула обѣ руки Берницыну . . . . .

. . . . .

XIX.

Мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ.

Берницынъ и Ольга, послѣ свадьбы, поѣхали въ деревню, къ родителямъ Ольги. Когда Берницынъ увидѣлъ, какъ отецъ целовалъ руки своей Ольги, когда онъ увидѣлъ открытое и доброе лицо матери, онъ понялъ, какъ образовался характеръ Ольги.... Берницынъ вышелъ въ отставку, сдѣлался дѣльнымъ хозяиномъ и сталъ служить по выборамъ.

Мама вышла замужъ за своего танцовщика Л. съ тремя звѣздочками. Но теперь звѣздочки можно откинуть и сказать, что она стала называться мадамъ Лунина.

Года черезъ два, послѣ всего описаннаго, Берницынъ гулялъ съ женою въ Петербургѣ.

— Смотри, сказала съ улыбкою Ольга мужу: — вотъ идетъ твоя прежняя любовь!...

И Берницынъ увидѣлъ пикантную вдовушку, которая шла подъ руку съ маленькимъ старичкомъ. Съ другой стороны шла недурной наружности молодой человекъ. Она сильно съ нимъ любезничала.... Старичокъ, богатый и титулованный, былъ мужъ ея.

А затѣмъ.... затѣмъ, читатель, позвольте мнѣ окончить этотъ рассказъ, какъ кончали добрые люди въ старину. Берницыны были счастливы, долго жили, и любили дѣтей своихъ....

ЛЕВЪ УТИНЪ.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

ССЫЛЬНО-КАТОРЖНАГО (*).

III.

ДОРОГА.

Наконецъ назначенъ былъ день отправленія партіи. Я укладывалъ въ свой чемоданчикъ вымытое моею пріятельницею Василисой бѣлье. Вдругъ меня окружила цѣлая толпа моихъ несчастныхъ товарищей. Въ первую минуту я подумалъ, что ихъ привлекло любопытство посмотрѣть мои вещи—и, грѣшный человѣкъ, я поторопился захватить въ чемоданъ красныя канаусовыя рубашки, какъ самый соблазнительный предметъ изъ моего гардероба. Но каково было мое удивленіе, когда я узналъ, что толпа эта было общество, выбравшее меня старостою.—Да что вы, братцы! какой я староста, сказалъ я въ смущеніи: — я ничего не разумѣю, порядковъ вашихъ никакихъ не знаю; выберите кого нибудь изъ бывалыхъ. — «Чего тутъ не знать!» возразило нѣсколько голосовъ: — «мы ужъ на томъ порѣшили.»—«Такъ ужъ, вѣрно, и будетъ», прибавилъ Косой Омуль. Миѣ не дали долго раздумывать, потому что позвали уже для исполненія новой моей обязанности, для принятія тулуповъ.

«Что такое староста?» спросите вы.—Это посредникъ между арестантами и начальствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ лицо ответственное за

(*) Первые двѣ главы напечатаны въ «Современникѣ» 1861 года, № 9.

всѣ происшествія, случающіяся въ тюрьмѣ или на походѣ. Обязанность трудная, потому что надобно угождать обѣимъ сторонамъ.

Меня заставили сосчитать тулупы. Перебрасывая ихъ, я съ удивленіемъ замѣтилъ, что большая часть изъ нихъ годилась развѣ на 12-тилѣтнихъ ребятъ, и осмѣлился доложить, что вотъ эти тулупы будутъ маловаты. — «Не твое дѣло!» прочамкалъ старикъ-смотритель. Ребята, которые были со мной, лукаво улыгнулись, какъ бы давая знать, что это дѣло обыкновенное, что такъ всегда бываетъ. «У кого похуже, тотъ и возьметъ побольше», прошипѣлъ опять смотритель въ видѣ оправданія.

Вскорѣ я убѣдился, что раздача тулуповъ была сдѣлана только для того, чтобы выписать ихъ въ расходъ и тѣмъ заключить статью прихода въ карманахъ подрядчика и тюремнаго начальства, потому что большая часть пересыльныхъ имѣла еще очень хорошіе тулупы. Разумѣется, розданныя вещи, за исключеніемъ сколько нибудь годныхъ, были тотчасъ же проиграны или проданы арестантами, и послѣ разныхъ мытарствъ, вѣроятно, вернулись въ тюремный цейгаузъ вмѣсто новыхъ.

На другой день, рано утромъ, мы вышли изъ острога; за городомъ партія остановилась, чтобы обождать подводы съ экипажемъ арестантовъ, которыя нѣсколько замѣшались. «Старосту послать!» закричалъ партіонный. «Старосту послать!» повторило нѣсколько голосовъ, и я поспѣшилъ явиться предъ его благородіемъ. — «Ты откуда?» спросилъ онъ меня, послѣ минуты молчанія. — Съ Кавказа. — «Изъ какихъ?» продолжалъ онъ, видимо избѣгая личнаго мѣстоименія. — Изъ поручковъ — скаго полка. — «Извините!» проговорилъ онъ съ замѣтнымъ смущеніемъ и отвернулся. Таково было мое первое впечатлѣніе на походѣ.

Равномѣрное бряцанье оковъ, мертвенность природы, покрытой снѣжнымъ саваномъ, воспоминаніе о лучшемъ времени, безконечная траги-комедія, въ которой мнѣ суждено быть актеромъ, — все это настроило душу мою на очень грустный ладъ. Я шелъ почти машинально. Мысль вертѣлась около самоубійства: въ самомъ дѣлѣ, не лучше ли покончить съ жизнью, чѣмъ влачить ее такимъ образомъ? Но голосъ совѣсти говорилъ: «къ чему же тогда была твоя глупая выходка противъ полковника, когда ты не въ силахъ выносить страданіе? Неужели любовь къ человечеству требуетъ самопожертвованія только на одну минуту, а не на цѣлую жизнь?»

Между тѣмъ партія подошла къ деревнѣ и я былъ выведенъ изъ своей грустной думы не менѣе грустною пѣсней моихъ товарищей:

«Отцы наши милосердые,
Не забудьте насъ несчастныхъ!»

Изъ домовъ стали выносить подаваніе: кто калачики, кто булки, а изрѣдка и пятакъ. Мплостыня подавалась съ тѣмъ поклономъ, которымъ всегда сопровождаетъ ее русскій простолюдинъ. Въ этомъ выразительномъ поклонѣ просвѣчивается не только человѣколюбіе, но еще и деликатность чувства: человѣкъ, полагающій благостыню, благодаритъ за принятіе ея. Я слышалъ, что за границей этого сочувствія народа къ такъ - называемымъ отверженцамъ общества нигдѣ не замѣчается, и даже самые преступники, по крайней мѣрѣ насосо, ожидая встрѣтить одно только презрѣніе къ себѣ, никогда не обращаются къ народу. Но у насъ этого нѣтъ: чѣмъ дальше углубляется въ Сибирь сысьлный преступникъ, тѣмъ болѣе убѣждается онъ, что связь его съ обществомъ не разрушена фактически, — что онъ въ глазахъ народа не столько преступникъ, сколько несчастный, и это не мало поддерживаетъ въ немъ нравственную силу. Слова: «каторжанъ», «варнакъ», «чоллонъ» употребляются въ видѣ брани между сибирскими простолюдинами честнаго сословія, но почти никогда, даже въ гнѣвѣ, не бросаютъ они этихъ названій въ лицо сысьльному.

Отчего же происходитъ, что въ странахъ цивилизованныхъ такъ мало состраданія къ падшимъ братьямъ? Да еще и думаетъ ли тамъ большинство, что ихъ можно назвать братьями? На это отвѣтъ конечно не трудно найти у европейскихъ мыслителей. Но отчего же у насъ народъ не имѣетъ этого взгляда? Миѣ кажется, что кромѣ болѣшей мягкости, общей всѣмъ славянскимъ племенамъ, существуетъ и ближайшая причина: произволь и насліе играли такую важную роль въ судьбѣ нашихъ простолюдиновъ, что имъ приходится всегда на умъ, при видѣ арестантовъ, что не вынче, такъ завтра и они можетъ быть надѣнутъ кандалы и ихъ поведутъ за коновоемъ — не за преступленіе, а по одному подозрѣнію. Не даромъ же сложилась у насъ пословица: «отъ тюрьмы никто не отказывайся!» Понятіе о законности такъ мало развито у нашихъ простолюдиновъ, что въ Сибири (гдѣ еще не было крѣпостнаго права) мужикъ, а въ особенности баба не поймутъ выраженія: *нарушилъ законъ*; или, пожалуй, и поймутъ, но для нихъ это будетъ значить: нарушилъ брачный союзъ, разлучилъ мужа съ женой. Простолюдинъ такъ увѣренъ въ произволь и самовластіи начальства, что отказъ чиновника въ какойнибудь просьбѣ, по причинѣ незаконности, для него непонятенъ: «ваше высокоблагородіе», или «ваше почтеніе, — вамъ все можно», отвѣтитъ онъ, и подумаетъ, что о законѣ говорятъ такъ, *подъ видомъ благочестія*, а въ самомъ дѣлѣ чиновникъ или хочетъ сорвать чтонибудь съ просителя, или просто не хочетъ сдѣлать; но никакъ не допустить

того, что законъ можетъ служить преградой тому, кто облеченъ властью.

Но вотъ мы достигли этапа. Только-что насъ загнали туда и заперли, какъ появился бабы съ разными яствами: тутъ были гороховая похлебка, пельмени, вареный картофель, мясо, и пр. Запахъ печенаго лука пріятно раздражалъ органъ вкуса; у арестантовъ, что называется, текли слюнки; по торговля не допускалась: шли переговоры. Черезъ пять минутъ однако собрано было по грошу, сумма вручена старшему (унтеръ-офицеру) и двери нашей временной тюрьмы растворились. Все было раскуплено мигомъ и по дорогой цѣнѣ. «Бѣдные мы!» подумалъ я: «насъ не перестаютъ стричь, какъ барановъ, и мужья, и жены.»

Нескончаемо длинно потянулся путь нашъ черезъ Сибирь, уставленный, черезъ нѣсколько десятковъ верстъ, желтыми домами съ желѣзными рѣшетками въ окнахъ и дворами, окруженными высокими частоколомъ. Не знаю, какое впечатлѣніе производитъ большая сибирская дорога на того, кто быстро несется по ней; но на пѣшехода однообразіе ея наводитъ совершенное уныніе. Задастся степь, и тянется сотни верстъ; смѣняютъ ее лѣсъ, и тоже нѣсколько дней передъ глазами вашими однѣ сосны; вотъ горы—авось онѣ измѣнятъ ландшафтъ,—ни чуть не бывало: и онѣ расплзлись однообразно, однѣ, какъ другія. Рѣки, озера,—все широко, длинно, монотонно, а главное — не оживлено присутствіемъ человѣка, который всегда разнообразитъ ландшафтъ произведеніями своей дѣятельности. И тянулся этотъ скорбный путь нескончаемо долго — почти годъ!

Всѣ городскіе остроги, на пути нашемъ, послѣ тобольскаго, не представляли ничего особенно новаго и замѣчательнаго. Человѣкъ, прошедшій день-другой съ партією арестантовъ, можетъ быть, и вынесъ бы много впечатлѣній; но въ продолженіе слишкомъ трехъсотъ дней вниманіе такъ утомляется, что все кажется совершенно обыкновеннымъ. Конечно, и тутъ безпрестанно разыгрываются драмы и въ нихъ та же любовь и ревность, возвышенные и постыдные порывы души, — тѣ же страсти, какъ и въ свѣтѣ, но только форма неизящна, какъ вся окружающая арестанта обстановка.

Разъ на дворѣ одного этапа, я былъ свидѣтелемъ слѣдующей сцены: «Любила бы тебя такъ турецкая сабля!» вскрикнула маленькая бабенка рослому арестанту, упрекавшему ее въротню въ невѣрности. «Стану я заниматься съ кислой амуницией, (*) съ крупю

(*) Такъ называютъ арестанты солдатъ. *Крупю* — потому, что солдаты получаютъ въ провіантъ ячную крупу, которой арестанты лишены; значитъ — несчастная — объясняетъ взглядъ арестантовъ на положеніе своихъ сторожей, котораго, по ихъ мнѣнію, не далеко ушло отъ ихъ собственнаго.

несчастной!» — «Да чего! мнѣ дѣвки сказывали, какъ ефрейторъ—то тебя малъ.» — «Это Катяна тебѣ сказывала? — безстыжіе ея глаза! — У самой—то хвостъ весь замазанъ, — постыдилась бы хоть своего парнишку! И тотъ наединѣ говоритъ: мамка! что у меня татки—то все другіе: Иванъ былъ, Семенъ... и пошелъ, пострѣленокъ, пересчитывать, — со смѣху всѣ померли. — Да вѣтъ, мы дуры! любимъ, сохнемъ по васъ, а вы чего! — насмѣтаетесь, наругаетесь только надъ вашей сестрой. — Вонъ Таня—то присохла къ безпутному Сашкѣ: во вѣки, говорить ей, буду жить съ тобою проводить; а тутъ, въ Томскѣ, нашелъ дурака, обмѣнялся именемъ и пошелъ на поселеніе. Выходить надо—она хватъ, гдѣ Саша? — а Саша то и слѣдъ простылъ, да и полушалонокъ—то у ней унесъ; — теперь въ больницѣ лежитъ безъ памяти! Всѣ вы сначала только улецаете—и повѣришь; —чего мастера, безъ мыла влѣзете, — а свяжись только съ вашимъ братомъ, такъ вамъ Катяна больше нравится! — Что она, прости Господи! саранная, что ли? — Нечего меня ефрейтеромъ—то корить: чистое къ поганому не пристанетъ, а ты вотъ скажи, безстыжіе твои глаза, ты—то за что Катянкѣ полтину далъ? Вишь, богачъ какой съскалсал! — Подлецъ ты вѣдакой!»

Несмотря на легкость, съ которою арестанты обоого пола могли вступать въ связь между собою, не должно однако заключать, что развратъ совершенно царствовалъ въ партіяхъ: Катяни всегда составляли исключеніе; напротивъ того, дорогою почти всегда устанавливались постоянныя связи, закрѣплявшіяся часто законнымъ бракомъ. И въ мѣстахъ ссылки, начальники по большей части не разлучали шаръ, соединенныхъ этимъ естественнымъ бракомъ, потому что знали по опыту, что ничто такъ не удерживаетъ арестанта отъ побѣга, какъ семья. Строгіе блюстители нравственности могутъ быть осудить тѣхъ, кто снисходительно смотрѣлъ на эти связи; но не надобно забывать, что законъ дозволялъ ссыльно-каторжныи вступать въ бракъ только по прошествіи долгаго времени, которое для сосланныхъ безъ срока простиралось до одиннадцати лѣтъ. «Всѣ мы люди, всѣ человѣки», говаривалъ одинъ заводскій управитель, когда кто нибудь касался этого предмета. И въ самомъ дѣлѣ, уничтожить полового стремленія нельзя, а наказывать за него ссыльныхъ было бы безчеловѣчно: въ физической любви эти несчастные находятъ единственное наслажденіе, замѣняющее пагубныя наклонности къ вину и къ картамъ; эта любовь служитъ даже, очень часто, началомъ и душевной связи, возвышающей ихъ нравственно, особливо съ рожденіемъ дѣтей. Всякое же преслѣдованіе полового стремленія поведетъ только къ сильнѣйшему разврату.

Препровожденіе арестантовъ въ послѣднее время обратило на

себя вниманіе нашей литературы, и вопросъ этотъ разобранъ довольно подробно, а потому повторять то же самое, только въ другой формѣ, мы считаемъ излишнимъ. Но хотя въ разныхъ журнальныхъ статьяхъ и высказано много справедливыхъ, дѣльныхъ и гуманныхъ мыслей объ этомъ предметѣ; но мы полагаемъ, что при существующей пенитенціарной системѣ, отъ измѣненія только одного порядка препровожденія арестантовъ, ожидать какихъ либо важныхъ результатовъ, по крайней мѣрѣ въ нравственномъ отношеніи, — нельзя. Мнѣніе же наше вообще объ этомъ предметѣ мы выскажемъ въ концѣ этихъ замѣтокъ; а теперь заявимъ еще одинъ фактъ, относящійся до обращенія съ арестантами во время дороги.

Въ жаркій лѣтній день, между Верхнеудинскимъ и Нерчинскомъ (тогда еще не существовало Забайкальской области и города Читы); истомленная партія приближалась къ одному этапу; неподалеку отъ него разстлалось озеро, которое манило къ себѣ своею свѣжестью. У арестантовъ явилось непреодолимое желаніе выкупаться; это было, пожалуй, не только желаніемъ, но настоящею потребностью въ гигиеническомъ отношеніи. Арестанты, дошедши до мѣста, обратились прямо къ партіонному офицеру и упрасивали его позволить имъ выкупаться, хотя поочередно. Въ голосѣ арестантовъ было столько искренности и столько довѣрія, что развѣ самый отъявленный нѣмецкій формалистъ могъ бы отказать имъ въ этомъ. Арестанты, высказавъ съ теплымъ чувствомъ свое желаніе, не ошиблись въ партіонномъ: это былъ высокій осанистый старикъ съ такимъ добродушнымъ лицомъ, которое рѣдко можно встрѣтить у офицеровъ, выслужившихся изъ солдатъ; онъ былъ капитанъ, но ему не давали роты за снисходительность или, вѣрнѣе, за человечность, которую онъ оказывалъ къ нижнимъ чинамъ и которую величали слабостью. Вотъ что онъ отвѣтилъ арестантамъ: «Братцы! солдатушки устали также, какъ и вы: по десятку пускать васъ подъ конвоемъ — долго будетъ; въ кандалахъ васъ пустить въ воду — я боюсь; такъ вотъ что я придумалъ: мнѣ васъ жалко, ребяташки, а васъ раскую всѣхъ и ступайте выкупаться безъ конвола. — Вы побережете мою сѣдую голову: я знаю, вы воротитесь домой всѣ!» — «Отцы наши!» вскричали въ одинъ голосъ арестанты: «слово даемъ, что не введемъ тебя въ отвѣтъ.» — «Ну, ступайте-жь, да кто у васъ хорошо плаваетъ, смотри за другими, чтобъ, Боже сохрани, не потонулъ кто.» Ну, и разумѣется, черезъ два часа всѣ до одного чловѣка были на мѣстѣ. И не задумался потомъ мой старикъ довести арестантовъ раскованными до предпоследняго этапа, къ нерчинскимъ заводамъ: никто не бѣжалъ, ни одной шалости, ни одного происшествія не было дорогой. Черезъ три недѣли проходила другая партія;

офицеръ былъ строгъ и ни на волосъ не отступалъ отъ инструкціи: вѣсудрено, онъ былъ молодъ, и въ первый разъ велъ партію. — Что же вышло?—На борщовскомъ хребтѣ, составляющемъ водораздѣлъ Шилки и Газимура, у него бѣжало шесть человѣкъ, и кромѣ того, всякій почти день строгому офицеру приходилось съѣзъ то солдата, то арестантовъ—то за пьянство, то за буйство.

IV.

НЕРЧИНСКІЕ ЗАВОДЫ.

Когда партія ваша перевалила чрезъ Яблоновый хребетъ, я съ вѣтерпѣніемъ спрашивалъ у бывалыхъ: далеко ли до Нерчинска? Тамъ, думалъ я, будетъ конецъ нашего нечальнаго странствованія. Но каково было мое удивленіе, когда вступивъ въ городъ и пройдя мимо старыхъ каменныхъ зданій съ чрезвычайно крутыми крышами (гдѣ помѣщаются присутственныя мѣста), мы очутились опять на степѣ. Тутъ только узналъ я, что Нерчинскъ вовсе не мѣсто ссылки, а просто окружной (уѣздный) городъ и центръ небольшой торговли лемашаго за Камнемъ (т. е. Яблоновымъ хребтомъ) края. До *нерчинскаго же завода*, въ которомъ сосредоточено управленіе горными заводами, оставалось—увъ!—ходу еще двѣ недѣли.

Томительно бываетъ ожиданіе конца всякаго дѣла; желаніе же мое покричить поскорѣе это ужасное странствованіе было просто болѣзненнымъ. Наконецъ, прошли эти двѣ недѣли; и вотъ, въ одинъ прекрасный день, дорога, шедшая у подошвы хребта, круто повернула направо, и мы завидѣли невзрачныя домики: «вотъ и Нерчинской!» сказалъ кто-то.

Нерчинскій заводъ — своего рода городъ съ 4 тысячами населенія—раскинутъ на склонахъ двухъ горъ и по узкой долинѣ, по которой бѣжитъ маленькая рѣчка Алтача (золотое дно). По другую сторону рѣчки тянется высокоя, голая гора, украшенная, по сибирскому обыкновенію, на самой вершинѣ крестомъ, и потому называемая Крестовкой. Въ этой-то горѣ впервые была открыта серебряная руда (*).

Мы пришли въ Нерчинскій заводъ послѣ вечерни; насъ переключили, осмотрѣли и отвели въ тюрьму. На другой день меня позвали въ присутствіе горнаго правленія, гдѣ находились: горный началь-

(*) Для желающихъ познакомиться съ краткою исторіею нерчинскихъ заводовъ, мы дѣлаемъ особое прибавленіе.

никъ, его помощникъ, три совѣтника и докторъ. Начальникъ спросилъ мою фамилію, гдѣ я служилъ, и не имѣю ли я какой денежной квитанціи? (хотя это все ему было извѣстно изъ моего статейнаго свѣдѣнія, лежавшаго передъ нимъ, и изъ отношенія тобольскаго приказа о ссыльныхъ). На послѣдній вопросъ я отвѣчалъ, что у меня есть квитанція на 100 руб., отобранныхъ у меня въ Тобольскѣ.— «Дайте ее мнѣ», сказалъ начальникъ. Я подалъ ему квитанцію, и въ свою очередь спросилъ: долженъ я лишиться этихъ денегъ?— «Нѣтъ», отвѣчалъ онъ съ улыбкою: «лишесвіе правъ такъ далеко не простирается; деньги эти будутъ отосланы въ шилкивскій заводъ, куда мы васъ назначили, и вы будете получать ихъ по мѣрѣ надобности, по частямъ, отъ управляющаго округомъ.»— «Знаете ли вы иностранные языки?» присовокупилъ начальникъ; и на мой утвердительный отвѣтъ, онъ предложилъ мнѣ написать что нибудь по русски, по французски и по нѣмецки въ особой книгѣ, гдѣ находились между прочимъ автографы всѣхъ политическихъ преступниковъ. Начальникъ объявилъ мнѣ, что у меня будетъ очень хорошій управлющій, и пожелалъ мнѣ заслужить его расположеніе. «Тамъ и здоровье ваше поправится (при осмотрѣ у меня оказался скорбутъ). Шилка самое здоровое мѣсто», прибавилъ онъ, въ видѣ утѣшенія.

Выйдя изъ горнаго правленія, я замѣтилъ, что подъ горою находился гостинный дворъ, а площадь передъ нимъ была уставлена возами съ жизненными припасами.— «Вишь, навозъ какой сегодня на базарѣ», сказалъ мой конвойный: «надо бы масла посмотреть, хозяйка масленку (*) хочетъ стряпать.»— «Что же, за чѣмъ дѣло стало, пройдемъ мимо базара, отвѣтилъ я; онъ охотно согласился. Базаръ былъ полонъ; масла, сазановъ, крупы, муки пшеничной, изобихоженной (т. е. изъ промытой и отолченной пшеницы), разнаго рода дичи: рябчиковъ, тетеревей, глухарей, куропатокъ, козулины было въ изобиліи, и не дорого. — Неужели все это раскупятъ? спросилъ я. «Мало у насъ въ заводѣ народа-то! господа, купцы почтенныя, да и мы грѣшныя купимъ». Возвратясь чрезъ нѣсколько лѣтъ въ Нерчинскій заводъ, я уже не видалъ такого базара; муку, крупу, масло, еще можно было найти на немъ, и то по дорогой цѣнѣ, а о дичи и помню не было; такъ неблагопріятно подѣйствовало на мѣстные рынки преобразование заводскихъ крестьянъ въ козаки.

Мы воротились въ тюрьму, находившуюся на другой сторонѣ Алтачи, у подошвы Крестовки, другимъ путемъ: по переулку, идущему за лучшими домошъ въ заводѣ, купцовъ К., при чемъ мой кон-

(*) Разныя хлѣбныя печеня на маслѣ, которыя составляютъ непренемаемую принадлежность угощенія во время масленицы.

война́й превознесла́ богатство, силу и вліяніе этой фами́ли въ бы-
лое время. Во время сенаторской ревизіи и послѣ, начальство Восточ-
ной Сибири считало ихъ корнемъ злоупотребленій, обнаружившихся
въ нерчинскихъ заводахъ, и потому старалось отыскать благовид-
ный предлогъ для преслѣдованія ихъ; въ числѣ такихъ выбрана
контрабанда, которою занимались почти всѣ пограничные жители
Нерчинскаго края; но несмотря на всѣ ухищренія, поймать этихъ
кундовъ съ подличнымъ — не удалось, потому что имъ помогало по-
чти все народонаселеніе. Однакожь начальство успѣло разорить ихъ
особеннымъ филантропическимъ пріемомъ, именно: оно запретило
крестьянамъ и пограничнымъ козакамъ платить имъ долги свыше
5 руб. ассигнаціями, а имъ всѣ были должны въ томъ краѣ; вслѣд-
ствіе такой мѣры они потеряли слишкомъ миллионъ рублей, и дѣй-
ствительно разорились. Но улучшилось ли отъ этого положеніе нер-
чинскихъ заводовъ и заводскихъ крестьянъ, обращенныхъ вскорѣ
послѣ того въ козаки? Уничтожились ли злоупотребленія на заво-
дахъ? — Не только нѣтъ, но ухудшеніе пошло *screscendo*.

Вскорѣ, по возвращеніи моемъ въ тюрьму, туда пріѣхалъ горный
начальникъ, вызвалъ разныхъ мастеровыхъ изъ нашей партіи, часть
ихъ оставилъ въ Нерчинскомъ заводѣ, а всѣхъ остальныхъ назна-
чилъ въ шилкинскій округъ на карійскіе золотые промыслы, кото-
рые тогда только-что начинали развиваться.

На другой день мы отправились къ мѣсту нашего назначенія.
Путь былъ недалогъ: верстѣ 160 или 180; говорю такъ неопредѣ-
ленно потому, что версты по этой дорогѣ какъ-то необыкновенно
длины, кажется, семисотъ-саженныя; вообще про измѣреніе этой
дороги говорилось: «мѣрила старуха клюкой, да и махнула рукою!»

Чтобы не возвращаться нѣсколько разъ къ географическому опи-
санію нерчинскихъ заводовъ, мы замѣтимъ теперь, что всѣ за-
воды и рудники лежатъ между рѣками Шилкою и Аргунью, въ рус-
ской Дауріи. Эти двѣ рѣки: Шилка, начиная отъ города Нерчинска,
а Аргунь, отъ вступленія въ русскіе предѣлы, текутъ почти на-
равно параллельно на сѣверо-востокъ, въ разстояніи верстѣ 250 другъ
отъ друга, и только къ концу своего теченія сливаются дуги и сли-
ваются въ новую рѣку — Амуръ. Главный водораздѣльный хре-
бетъ, идущій ближе къ Шилкѣ, упирается въ самую стрѣлку, а упо-
лошвы восточнаго склона его бѣжитъ рѣчка Газимуръ, которая
долго сохраняетъ параллельное направленіе съ Шилкою; но наконецъ,
поворачиваетъ направо, т. е. на юго-востокъ, и вливается въ Ар-
гунь. Кромѣ этого главнаго водораздѣльнаго хребта гнется еще нѣ-
сколько второстепенныхъ, образующихъ узкія долины: Урова, Се-
ребрянки, Зерентуа и нѣсколькихъ Борзей, притоковъ Аргуни. Да-

лѣе, на западъ, идетъ степь вплоть до хребтовъ, образующихъ долины Онона и Ингоды, изъ соединенія которыхъ образовалась Шилка. Всѣ эти горы, равно какъ и Становой хребетъ, который тянется по лѣвому берегу Шилки и продолжается до Охотскаго моря—металлоносны, а въ долинахъ и падахъ, какъ впоследствии оказалось,—есть золото. Въ описываемое время, на лѣвомъ берегу Шилки, былъ шилкинскій заводъ съ богатымъ когда-то Екатерининскимъ рудникомъ въ 4 верстахъ; а далѣе, въ 30 верстахъ на востокъ, по рѣчкѣ Карѣ, впадающей въ Черную (притокъ Шилки)—золотыя россыпи. На верховьяхъ Газимура былъ Газимурскій заводъ, а ниже Александровскій, окруженный на разстояніи 50 верстъ нѣсколькими рудниками, изъ коихъ самыми замѣчательными были: Акатуй, Алгачи и Клячка (послѣдняя самое южное и западное мѣсто въ нерчинскихъ заводахъ, откуда и начинается степь). Далѣе, внизъ по Газимуру, былъ еще Култушинскій рудникъ. Наконецъ, между Александровскимъ и Нерчинскимъ заводомъ, были Кутумарскій и Дучарскій заводы и множество рудниковъ въ окрестностяхъ Нерчинскаго завода: Ивановскій, Трехъ-святительскій, Зерентуйскій, Михайловскій и другіе. Нерчинскій же заводъ находился въ 12 верстахъ отъ Аргуни, составляющей границу съ китайскими владѣніями. Всѣ рудники занимались только извлеченіемъ серебрястыхъ и преимущественно серебрясто-свинцовыхъ рудъ, а заводы—выплавкою свинца и серебра; на другіе же металлы, какъ, напримѣръ, на цинкъ, сурьму, мышьякъ, не обращалось вниманія. Только впоследствии въ падахъ (узкихъ долинахъ) нерчинскихъ горъ найдены были золотыя россыпи; изъ нихъ самую большую и богатою, кромѣ Карійской, оказалась Шахтминская, находящаяся въ 40 верстахъ къ сѣверу отъ Александровскаго завода. Теперь обратимся къ нашему разсказу.

До Култуминскаго рудника дорога шла жильными мѣстами и не представляла никакихъ особенныхъ трудностей. Но здѣсь намъ сдѣлала дневку, потому что предстоялъ тяжелый переходъ чрезъ высокій хребетъ, верстъ въ 70, если не болѣе. Кулума въ это время была бѣдное селеніе, тянувшееся по лѣвому возвышенному берегу Газимура. Проходя по улицѣ, я замѣтилъ одинъ домъ, гораздо больше другихъ и лучше построенный, и узналъ, что здѣсь живутъ политическіе преступники изъ поляковъ. Многіе изъ нихъ, сосланные на краткіе сроки, вышли тогда уже на поселеніе и занимались мелкою торговлею, подрядами и хозяйствомъ. Здѣсь также находилась часть библиотеки ихъ, отдѣленная изъ большаго (Нерчинскаго) завода. Предлогомъ къ знакомству съ ними послужила просьба одолжить мнѣ какую нибудь книгу для пречтенія. Узнавъ мою исторію, они въпросили меня къ себѣ и угостили чаемъ. По большей части это были

люди, принадлежавшіе къ небогатой шляхтѣ или къ среднему сосло-
нію. Всѣ они были очень набожными католиками и мало сблизались
съ русскими, исключая тѣхъ, которые занимались подрядами; тѣмъ
по необходимости нужно было входить въ близкія отношенія и съ
начальствомъ и съ народомъ, и въ этомъ они являлись очень ловки-
ми: многіе изъ нихъ пользовались и добрымъ расположеніемъ
начальства, и кредитомъ у народа, только въ послѣднее время по
подрядамъ они нѣсколько зарисковались. Надобно отдать имъ пол-
ную справедливость: въ это тяжелое для нихъ время, они заботи-
лись не только о своихъ матеріальныхъ интересахъ, но и объ ум-
ственномъ своемъ развитіи, и многіе изъ нихъ усѣли образоваться
себя очень серьезно.

Черезъ день мы оставили Култуму. Дорога шла сначала узкою
долиною, но потомъ стала подыматься на густо поросшіи лѣсомъ
хребтъ, и чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ становился онъ круче
и каменистѣе. Подъемъ тянулся верстъ 30; на вершинѣ хребта оди-
ноко стояли почтовая станція и полуэтажъ. Дорога до этого *поле-
виннаго станка* была такъ ужасна, что я не хотѣлъ вѣрить, чтобъ
завтрашняя половина ея была еще страшнѣе; но на завтра я соб-
ственнымъ опытомъ убѣдился въ этомъ: я почти на каждомъ шагѣ
спотыкался или проваливался въ ямы, занесенныя снѣгомъ. — Неужели,
спросилъ я одного оборотеня: нельзя было проложить дороги
черезъ хребтъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, или по крайней мѣрѣ
устроить ее получше? — Какъ тутъ устроить: страна гиблая, народу
мало; да вешнимъ временемъ ее такъ размоетъ, что почтай три года
надобно чинить. А провести въ другомъ мѣстѣ почти нельзя; на Бо-
ны бы вывести, такъ почти и гору совсѣмъ миновать можно бы,
только верстъ на пять гать настлать бы надо; да не сподручно было
земскому управителю, что дорогу эту проводилъ: одно, что ка-
питалу (капитала) больше потребовалось на эту дорогу, а другое,
что крестьяне, значить, предъ управителемъ провинились: мало,
значить, заплатили, такъ онъ тутъ ихъ и промаялъ; другіе врутъ,
что у него тутъ верстахъ въ десяти сударушка жила, — да вѣтъ, куда
оу старой крысы! заключилъ онъ съ усмѣшкой. — Ну, а какъ же
начальство здѣсь проѣзжаетъ? — Эхъ-ма! начальство! — да его на ру-
кахъ вынесутъ отовсюду, да и дорогу-то тогда мзладать маленько;
а вотъ, почва-то какъ подить, такъ этому подивись: другой разъ му-
жичковъ сбьить, да самъ и звать въ колокольцы».

— Какъ ни долго тянулись тридцать верстъ (вѣроятно, семисотъ-
саженныя), но все-таки, наконецъ, мы спустились, и предъ нами от-
крылась въ этомъ мѣстѣ долина Цилиан. — Что это, заводъ? спросилъ
я, указывая вершино-конецъ развѣя стороны селеніе. — Нѣтъ, это

Лопшанова, а до завода отъ нея верстъ пять будетъ». — Значить, мы черезъ часъ и въ заводѣ будемъ? — «Что больно-приятно! дозавоудуще дашно (далеко), верстъ десять». И дѣйствительно, мы только черезъ три часа остановились у заводской конторы.

Шилкинскій заводъ, или просто Шилка, тянулся по лѣвому берегу рѣки версты на двѣ. Это былъ въ то время самый населенный центръ на бездорожномъ побережьи Шилки, тянувшемся на разстояніи почти 400 верстъ. Въ заводѣ насчитывалось до 3-хъ тысячъ жителей; три, четыре кунда жили и торговали тамъ постоянно, да столько же прѣвѣжало временно. Ихъ привлекали туда начинавшіе развиваться Карійскіе золотые промыслы; а такъ какъ торговать на пріискахъ запрещается въ предупрежденіе соблазна, который всегда возбуждаетъ желтій, блестящій порошокъ, то они и выбрали для своей торговли Шилку, какъ ближайшее и удобнѣйшее мѣсто, куда по временамъ прѣвѣжали покупатели съ пріисковъ и изъ окрестныхъ селеній. Конечно, торговля воровскимъ золотомъ отъ этого несколько не страдала, тѣмъ болѣе, что не кушцы ею и занимались: они и безъ того хорошо наживались, бравши рубль на рубль барыня; да и золото развѣ провозилось черезъ Шилку, а не оставалось въ ней какъ въ складочномъ мѣстѣ. Не одинъ разъ пытались словить перекупщиковъ золота въ Шилкѣ, но это никогда не удавалось: пошедего развѣ какой нибудь дуракъ съ золотникомъ или съ долами, и пройдетъ сквозь строй; а фунты и пуды прорываются чрезъ всякую наушину, потому, вѣроятно, что удѣльный вѣсъ металла въ такихъ массахъ чувствительнѣе. Во время сенаторской ревизіи пріѣхалъ даже къ жидкамъ, которые взялись быть агентами — провокаторами въ этомъ дѣлѣ; но фiasco было полное: эти агенты, не могши найти покупателей, вздумали подложить золото одному изъ польскихъ изгнанниковъ, на котораго они были за что-то злы; но строгое слѣдствіе обнаружило не только подлогъ, но даже и то, что золото было не съ Карійскихъ пріисковъ, гдѣ оно очень высокой пробы, а съ какихъ-то частныхъ промысловъ, чуть ли не изъ Западной Сибири.

Послѣ осмотра нашей партіи, мужчинъ отвели въ небольшой острогъ, который находился подлѣ конторы, а женокъ и меня — на гауптвахту, стоявшую напротивъ, на той же площадкѣ. Добрый управляющій, спросивъ меня, рѣшилъ, что я переночую сутки, другія, на гауптвахтѣ, а потомъ онъ позволитъ мнѣ жить на квартирѣ, въ той увѣренности, что я не употреблю свою свободу во зло. Разумѣется, мнѣ оставалось только поблагодарить его, что я и сдѣлалъ.

Гауптвахта, въ которую меня привели, раздѣлялась на двѣ половины, между которыми была небольшая намерка, отгороженная отъ

обшей. Въ одной половинѣ была караульня, наполненная не только караульными, но и нанятыми конвойными; въ нее ввели женовъ, — въ другой содержались два политическіе преступника; мнѣ предложили наморку, но холоды въ ней заставили предпочесть темную кордегардію, хотя и вренсполненную людьми. Черезъ нѣсколько минутъ однако я получилъ приглашеніе отъ моихъ сосѣдей (табельскихъ значкомцевъ) перейти къ нимъ, и провелъ время моего заточенія, конечно, гораздо пріятнѣе, чѣмъ въ душной кордегардіи, между свадскими въ новаму женками и солдатами.

Во время чая, одинъ изъ конвойныхъ принесъ изъ тюрьмы мнѣ нѣкую новыиъ козлевамъ записку на латинскомъ языкѣ отъ одного Д*, который съ нами былъ препровожденъ изъ Куатумы. Тутъ я вспомнилъ, что польскіе изгнанники просили меня предупредить, чтобы этого господина опасались въ Шилкѣ, какъ измѣнничаго недурдержимую страсть къ доносамъ. Д* принадлежалъ къ извѣстной въ западныхъ губерніяхъ и въ Малороссіи фамилии; за что онъ былъ сосланъ — неизвѣстно; вся фигура его носила печать отверженія; голова всегда опущенная на грудь; взглядъ нѣжалообья, набѣгавшій встрѣчи съ глазами другаго человека, выраженіе какого-то ожесточенія на мертвенномъ лицѣ, худощавое тѣло, къ которому какъ-то неловко пригнѣжены были руки, и какія-то деревянныя ноги, — все это нѣсколько отталкивало отъ него самаго сострадательнаго человека. Дать ему нѣсколько гривенъ — значило подвергнуться доносу въ педупѣ, какъ это уже случилось прежде, а потому ему была отказана, а записка уничтожена. Кстати замѣчу, что съ этимъ несчастнымъ Д* товарищи его по тюрьмѣ сыграли презлую шутку, за которую онъ поплатился своими боками. На гауптвахтѣ содержалась молодая женщина, которая была беременна; разъ какъ-то на время, пока у ней что-то поправляли въ каморкѣ, ее посадили въ особое отдѣленіе тюрьмы. Арестанты этимъ воспользовались и увѣрили Д*, что Машка родила, задушила ребенка и бросила его въ уголъ на чердакѣ. Караульные солдаты были тоже въ заговорѣ и нарочно предложили Д* идти закрыть трубу во время сумерекъ. Д* обредовался случаемъ, полѣзъ на чердакъ, и дѣйствительно нашелъ на чердакѣ маленькій трупъ, у котораго ощущалъ даже голову; мѣшкать было ему нельзя, потому что снизу его торопилъ часовой. Объяснить караульному о своей находкѣ онъ конечно не захотѣлъ, потому что, по мнѣнію его, это уменьшило бы важность его заслуги, да къ тому же своимъ доносомъ онъ рассчитывалъ сдѣлать вредъ не только Машкѣ, но и караульнымъ солдатамъ. Вотъ вечеромъ, какъ только сажающіе собрались съ контору, Д* просится къ управляющему, которому нѣкогда открылъ очень важный секретъ. Дряказаро

было его привести, и когда важный секретъ былъ открытъ, управляющій поручилъ полиціи-мейстеру во всеобщее удостовѣриться. Машка, разумѣется, оказалась попрежнему беременна; изъ чердакъ нашли ободраннаго, *пропавшаго* (т. е. издохшаго) ягненка; а подстрекатели Д* на него же показали, что онъ самъ все выдумалъ, а они ему ничего не говорили.

Прежде нежели мы будемъ продолжать нашъ рассказъ, мы попытаемъ не лишнимъ познакомить вообще съ положеніемъ ссыльно-каторжныхъ на нерчинскихъ заводахъ. Въ этомъ отношеніи de facto, а не de jure они раздѣлялись на три главныя категоріи: къ первой принадлежали политическіе преступники, ко второй—сосланные изъ дворянъ и изъ получившихъ нѣкоторое образованіе, къ третьей изъ простолюдиновъ.

Съ лицами первой категоріи на нерчинскихъ заводахъ обращались по большей части хорошо: ихъ не посылали почти никогда на работу, и если только не было особаго предписанія — не держали въ тюрьмахъ. Начальники были съ ними свѣжливы, привѣтливы. Бывали случаи и комическіе: одинъ изъ политическихъ преступниковъ N былъ отпущенъ во время пасхи погулять по заводу, когда обыкновенно заводская молодежь играетъ на улицахъ. Проходя мимо играющей группы, N остановился предъ самую аристократическую, гдѣ участвовали дѣвицы изъ семействъ чиновниковъ, унтеръ-штаб-мейстеровъ, и торгующихъ и былъ приглашенъ дѣвицами поиграть съ ними въ веревочку. Игра эта состоитъ въ томъ, что всѣ держатся руками за веревку, а одинъ или одна изъ играющихъ, находясь въ срединѣ круга, должны ловить: мужчину—женщину, а женщина—мужчину; разумѣется, составляющіе кругъ тотчасъ же оставляютъ съ той стороны веревку, куда устремляется ловецъ, но если ему удастся поймать, то пойманный падаетъ пойманную и потому она замѣняетъ его мѣсто въ кругѣ. N былъ очень скоро пойманъ дочерью одного изъ мелкихъ чиновниковъ, которая была *предметомъ* самого управителя; подалуй, которымъ она подарила N, былъ очень звученъ и продолжителенъ; послѣ того она нѣсколько разъ подаловалась ему, чтобы имѣть случай опять подаловаться; въ разлуку (горѣлки) она старалась быть съ нимъ неразлучно и вообще живо кокетничала съ нимъ. Когда игры кокетливой и всѣ стали расходиться по домашь, N предложилъ прекрасному *предмету* свою руку, которую она охотно приняла; въ дорогую молодая особа, въ неопытному удивленію N, обратилась къ нему съ слѣдующею рѣчью: «Знаете ли, что теперь про васъ будутъ говорить?—Что вы ждете съ нами?» — Это отчего? спросилъ озадаченный *статъ* N. — «Мы идемъ съ вами подъ ручку». — Ахъ Воже мой! извините, я не

зналъ, что у насъ это не приваго, что это неартилично; у насъ, напротивъ, это считается вѣжливостію.... «Знаю», прервала она, «въ городѣ Нерчинскѣ и въ большомъ заводѣ коронія дамы такъ съ кавалерами прогуливаются». N хотѣлъ отнять свою руку, — но она прижала ее къ себѣ и сказала: «ничего, не беспокойтесь, а на это не обращаю никакого вниманія.» Разставившись съ кометливой дѣвушкой у самого крыльца ея дома, N побрелъ на гауптвахту; лицо провожавшаго его солдата было полно сдержаннаго смѣха и онъ кидалъ на N самые плутовскіе взгляды; наконецъ онъ не выдержалъ и сказалъ полусерьезно: «ну, смотри Николанчъ!... Какъ-то мы раздѣляемся съ управителемъ?» — А что? — «Да вотъ увидите.... десятникамъ-то приказано было смотрѣть за Панкратьевной... Сашка Топорковъ такъ слѣдомъ и шелъ, когда вы съ ней подъ ручку-то прогуливались.» На другой день Панкратьевна, пользуясь отсутствіемъ своего обожателя, вѣскольکو разъ прошла мимо гауптвахты и умильно раскланывалась съ N. Предсказаніе солдатика исполнилось: какъ только возвратился управитель, ему тотчасъ было донесено о поведеніи Панкратьевны, и при вечернемъ рапортѣ онъ отдалъ приказаніе: преступниковъ не выпускать гулять послѣ 5-го часа, т. е. именно въ то время, когда заводскій beau monde начинаетъ гулять. Чтобы уничтожить это запрещеніе, товарищъ N-а воспользовался слабостію управителя выказывать предъ подчиненными свои познанія во французскомъ языкѣ, а потому при первомъ посѣщеніи жиъ гауптвахты обратился къ нему съ слѣдующею фразою: *Veillez bien, monsieur, nous permettre de prendre un peu d'air dans la soirée, au moins jusqu' à l'appell* — «Fort bien, fort bien, messieurs, борметалъ наполовину не познашій управитель. — Вотъ видите ли, обратился N къ караульному сержантору, — господинъ управитель дозволяетъ намъ прогуливаться до повѣстки. — «Да, да!» преговорилъ тотъ въ смущеніи, — «до вори можно гулять». Такимъ образомъ запрещеніе было снято, и съ тѣхъ поръ N не подавалъ болѣе повода къ ревности; да вскорѣ впрочемъ прекрасную Панкратьевну и ревновать перестали.

Вообще можно замѣтить при этомъ, что политическіе преступники не только не могли отказаться отъ своихъ убѣжденій въ нерчинскихъ заводахъ, но должны были еще болѣе утвердиться въ томъ, что *statu quo*, который величали порядкомъ, былъ настоящій безпорядокъ: произволъ, отступленіе отъ закона, иногда даже невозможнаго къ приѣмленію, неспособность бюрократической обрядности, особенно въ такомъ промышленномъ дѣлѣ, каково горнозаводское, разнито рода лихоимство и взяточничество, личности между начальниками и подчиненными и т. п. — представлялись тамъ на

каждомъ шагѣ. И нельзя сказать, что большинство служащихъ тамъ были дурные люди; напротивъ, такихъ можно было пересчитать по пальцамъ; но такова была система, что все выходило дурно, все свидѣтельствовало о безпрестанномъ разладѣ между дѣломъ и словомъ, между бумажнымъ идеаломъ и горькою дѣйствительностью. И если что измѣнилось въ этихъ, по большей части молодыхъ людяхъ, такъ это взглядъ на средства къ исправленію зла: видя его во всей наготѣ, анализируя его умомъ, охлажденнымъ и опытомъ и зрѣлостью возраста, они должны были приходиться къ тому заключенію, что только путемъ серьезнаго изученія государственныхъ вопросовъ и совершенно законнымъ стремленіемъ къ послѣдовательнымъ реформамъ, при помощи служебной или открытой общественной дѣятельности, можно дойти до хорошихъ результатовъ, а именно: до развитія въ горячо-любимомъ ими отечествѣ гражданской ответственности, безъ которой и самыя благія учрежденія не могутъ исправить зла.

Ссылно-каторжные второй категоріи, т. е. бывшіе дворяне, далеко не все пользовались благорасположеніемъ начальства, да признаться, по большей части, его и не заслуживали. Тѣ изъ нихъ, которые были сосланы хотя и за важныя преступленія, но не кидавшія темнаго пятна на честь человѣка, по большей части не употреблялись въ работу и занимались обученіемъ дѣтей, если только были хотя сколько нибудь образованы; менѣе же образованные занимались какимъ нибудь ремесломъ и тѣмъ онискивали себя пропитанію; но остальные, настоящіе мерзавцы, изъ дворянъ и другихъ привилегированныхъ сословій, дѣлались еще большими мерзавцами въ ссылкѣ; неориентированные по своему воспитанію ни къ какому труду, они старались отвыкнуть отъ работы всеми способами; старались обыкновенно попасть въ слуги или посыльные при канцеляріяхъ и полиціи, и тамъ отличались своимъ подлымъ угодиничествомъ; ищя, напротивъ, вращаясь только въ средѣ престоковъ, они или подстрекали ихъ къ разнымъ мерзостямъ, или обирали ихъ при помощи картъ, юлы и т. п. Они обыкновенно были или очень жалки, или ваушали полное къ себѣ презрѣніе.

Наконецъ, ссылные изъ простонародныхъ несли на себѣ всю тяжесть наказанія, т. е. работали изъ-подъ плети; апрочемъ, до развитія золотыхъ промысловъ или, вѣрнѣе до успешныхъ нарядовъ на волю, работа была нетрудна и, какъ правду говорятъ: и въ Тобольскѣ Косой Омуть, была много легче швей: баранья. Тамъ не менѣе, локіе и сибиряки изъ сосланныхъ всегда ищутъ средства и отъ нея отдѣлаться; если сберегутъ деньги, умѣли употреблять ихъ, производительно. Конечно, откупались все

гда у надзирателей было невозможно, но можно было сдѣлаться урочникомъ, т. е. вѣзаться вывезти въ годъ определенное количество руды, угля, дровъ и т. п., что они при помощи наемныхъ людей и лошадей выполняли очень скоро; такимъ образомъ все остальное время могли употребить или на хозяйство, или на мелкіе, но прибыльные промыслы, какъ напримѣръ, на розничную продажу омулей и кирпичнаго чая, главной нищи не только сибирскихъ урочниковъ, но и сосланныхъ изъ Россіи. Они вымѣнивали на эти предметы по деревнямъ хлѣбъ, масло, крупу и т. п., и потомъ съ выгодною продавали ихъ въ заводахъ. На пограничныхъ же караулахъ они покупали и вымѣнивали выгодно чай, а иногда пушнину, преимущественно бѣлму; а такъ какъ у нихъ такимъ образомъ скоро сколачивались небольшие капиталы, то они бывали и банкирами, и просто добροхотными дателями *почтеными* и даже благородныхъ, которые къ нимъ не брезгали жаловать иногда на пироги и на чай.

Законъ же раздѣлялъ всѣхъ сосланныхъ-каторжныхъ на слѣдующіе разряды: 1) на сосланныхъ безъ порока (что считалось на 20 лѣтъ); 2) на время отъ 20 до 15 лѣтъ; 3) отъ 15 до 12 лѣтъ; 4) отъ 8 до 6 лѣтъ, и 5) на меньшее время. Ссылные перваго разряда должны были оставаться въ отрядѣ испытуемыхъ, т. е. въ тюрьмѣ и оковахъ — восемь лѣтъ, втораго разряда — четыре, третьяго разряда — два, и послѣдняго — полгода. По прошествіи этого времени, они должны были поступать въ отряды исправляющихся — высшихъ разрядовъ на три, а низшихъ на одинъ годъ, и жить въ особой исправительной казармѣ. Съ перечисленіемъ въ этотъ отрядъ, съ нихъ должны были быть сняты оковы, и каждые десять мѣсяцевъ считаться за годъ. Наконецъ, по прошествіи этого времени имъ дозволялось вступать въ бракъ, жить на квартирахъ у заводскихъ служителей, или строить себѣ дома. Росписаніе дней и часовъ работы такое, что могло вселить дѣйствительный ужасъ: въ лѣтніе дни работа едва ли не должна была продолжаться часовъ шестнадцать, и притомъ сосланные перваго разряда должны были употребляться въ самую тяжелую работу; а когда предвидѣлся случай механическихъ усовершенствованій, облегчающихъ работу, тогда начальству предписывалось изымать другую тяжелую работу, или отсылать ихъ въ другое мѣсто. Все положеніе о сосланныхъ отличается снотосію, неслабодовѣтельностью и строгостью, не лишенною, впрочемъ, и нѣкоторой гуманности. *Справедливость*, казалась, руководила въ раздѣленіи сосланныхъ на разряды, а *человѣколюбіе* дѣлало ихъ положеніе не совершенно безнадежнымъ. *Правосудіе* удовлетворялось наказаніемъ вѣселою тяжелой работы за оскорбленіе, сдѣланное преступникомъ гражданскому обществу въ личности и имуществахъ

его членовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы давало первымъ средства загладить его полезнымъ трудомъ. Благоразуміе же требовало долгаго времени для убѣжденія въ дѣйствительномъ исправленіи преступника, и страшной угрозы и кары за малѣйшее нарушение постановленій тѣмъ, кто ихъ одинъ разъ уже посягалъ нарушить. Однимъ словомъ, положеніе это вѣроятно казалось составителямъ его безупречнымъ.

Къ несчастію, эти многоученые, умные, справедливые и добросовѣстные спеціалисты не знали ни механики, ни физиологій, ни русскаго чловѣка, ни средствъ нерчинскихъ заводовъ.

Если бы они знали механику и физиологію, то не подумали бы назначить людямъ шестнадцатичасовой работы въ сутки, потому что максимумъ ея, при хорошей и обильной пищѣ, равняется десяти часамъ. Конечно, можно держать людей на работѣ и долѣ этого времени, но они оттого болѣе не наработають, а только приобретутъ къ ней совершенное отвращеніе. Наконецъ, если плеть и даже чувство долга могутъ заставить этихъ людей употребить въ продолженіе нѣкотораго времени чрезмѣрные усилія, то работающіе должны оттого непременно надорваться и сдѣлаться совершенно неспособными уже ни къ какой работѣ, что и дѣйствительно безпрестанно встрѣчается въ нерчинскимъ заводахъ.

День для ссыльно-каторжнаго начинался обыкновенно *раскомандировкой* на *солновсходь*; она производилась команднымъ надзирателемъ (по большей части изъ урядниковъ), который или получалъ приказаніе насчетъ работъ отъ пристава или самого управителя, или, если особыхъ намѣненій въ нихъ не было, то назначалъ людей по требованіямъ цеховыхъ надзирателей. Работа продолжалась до полудня и оканчивалась по звуку колокола (къ которому очень хорошо привыкъ и рабочій скотъ). Черезъ два часа колоколъ опять созывалъ на работу и давалъ знать объ окончаніи ея на *солно-закатѣ*. Если рабочему нужно было безотлагательно въ какой нибудь день исполнить свою работу, то по большей части ему дѣлали снисхожденіе, иногда даромъ, иногда за нѣсколько копѣекъ, за чашку водки. Во время страды (т. е. пощва, сѣнокоса, жатвы) давались обыкновенно льготные дни, въ которые казенная работа почти останавливалась. Все это было очень благоразумно и обусловлено необходимостью, потому что не только ссыльные, но и рабочіе чистаго сословія получали 57½ копѣекъ въ мѣсяцъ жалованья, да два пуда муки; а у нихъ еще были и семейства, — надобно же было какъ нибудь заработать себѣ на лопахъ (одежду), на пищу, на дрова и шр. Впоследствии времени, съ развитіемъ золотыхъ промысловъ, жалованье работающимъ на нихъ возвышено до 2 рублей, прощѣ того же

чали отпускать рабочимъ мясо и провiантъ на семейство; но съ уничтоженiемъ льготныхъ дней лѣтомъ и скученiемъ людей на золотые промыслы, хозяйства вообще всѣхъ рабочихъ значительно растроялись и бѣдность замѣнила прежнее довольство.

V

ШИЛКИНСКІЙ ЗАВОДЪ.

Шилкинскій заводъ въ описываемое время не былъ еще починнымъ пунктомъ сплава на Амуръ и мѣстомъ отправленiя экспедицій къ берегамъ Восточнаго Океана; тамъ не строили еще ни пароходовъ, ни баржей, и не царствовала еще тамъ кипучая дѣятельность. Заводъ доставлялъ руды оскудѣвшаго Екатерининскаго рудника, а заводской конторѣ были подчинены карійскіе золотые промыслы. Рабочихъ было не много; въ тюрьмѣ же содержалось человѣкъ семь, восемь и то по большей части подсудимыхъ; но несмотря на это, народонаселеніе Шилки было значительно; оно состояло преимущественно изъ семействъ отставныхъ горныхъ служителей, изъ пропитанныхъ (т. е. сосланныхъ безъ срока, которые увелены отъ работъ), а также изъ служащихъ при конторѣ и на заводѣ и урочниковъ, которые временно отбывали свой урокъ на золотыхъ промыслахъ или въ заводѣ.

Съ дозволенiя управляющаго, на другой день послѣ прибытія моего въ Шилку я навѣлъ горницу въ домѣ одного изъ отставныхъ горныхъ служителей, неподалеку отъ конторы. Меня брало раздумье, какъ буду я жить; зная недостаточность моихъ родныхъ, я не могъ и не хотѣлъ рассчитывать на ихъ помощь; да и притомъ, какъ дать имъ знать, гдѣ я нахожусь, когда сыльно-каторжнымъ запрещено писать, хотя и не запрещено получать письма, посылки и деньги, разумѣется, чрезъ руки начальства. Но «голенькій: охъ! за голенькимъ Богъ!» говоритъ русская пословица; такъ и я не остался безъ работы и хлѣба. Разъ пригласилъ я къ себѣ хозяина и хозяйку на чай; завязался у насъ разговоръ сначала о Россіи, а потомъ мало по малу перешелъ и къ иностраннымъ землямъ, которые интересовали моего хозяина; послѣ каждаго государства, которое я называлъ, я долженъ былъ удовлетворить его вопросамъ: «а дальше какая земля лежитъ? правда ли, что есть семьдесятъ разныхъ языковъ?» и т. п. Наконецъ дошла очередь и до того: правда ли, что земля вертится, а не солнце ходитъ? Я спросилъ клубокъ нитокъ и, при помощи свѣчки, объяснилъ нагляднымъ образомъ главныя осно-

ванія математической географіи. «То-то вы все книжки читаете», замѣтила хозяйка, удивленная моею ученостію: «а вамъ, людямъ темнымъ, гдѣ это знать.» На другой день, когда слава о моей учености вѣроятно распространилась между сосѣдами, хозяйка пришла мнѣ сказать, что Нестерычъ пришелъ и хочетъ меня просить учить своихъ дѣтей. «Милости просимъ», отвѣчалъ я, растворяя дверь. — Ко мнѣ вошелъ сѣдой, но еще очень бодрый старикъ. Художникъ не задумался бы ни на минуту принять его за модель Сократа, — такъ поразительно было сходство головы Нестерыча съ головою греческаго мудреца; только нѣкоторое безпокойство въ его живыхъ, умныхъ карихъ глазахъ показывало, что онъ не сынъ свободной классической Греціи.

Нестерычъ былъ типъ умнаго русскаго простолюдина съ огромнымъ практическимъ тактомъ. Помня мудрое реченіе, что «сухая ложка ротъ дереть», онъ явился и ко мнѣ не съ пустыми руками, а съ цѣлымъ подносомъ калачиковъ (крекелей), шанегъ (ватрушекъ) и тарочекъ (пирожковъ съ брусникою), которыя обыкновенно подаются къ чаю въ домахъ зажиточныхъ жителей Забайкалья. «На новоселье!» сказалъ онъ, ставя на столъ прекрасную страшно своей хозяйки. «Благодарю покорно», отвѣчалъ я: «нарасно безпокоились; милости просимъ садиться!» Онъ сѣлъ. — «Мнѣ хозяйка говорила», продолжалъ я: «что вы хотите, чтобы вашъ сынъ у меня учился?» Онъ всталъ и низко поклонился мнѣ, примолвивъ: «слуга завсегда вамъ буду». — Извольте; а сколько вашему сыну лѣтъ? — «Егорушкѣ-то седьмой годокъ пошелъ.» — Ну, рановато маленько, возразилъ я. — Въ глазахъ старика выразилось сильное безпокойство. «Ничего, батюшка, поучите; лучше, какъ съизмаальства приучится.» — Какъ хотите, отвѣчалъ я. Затѣмъ мало по малу мы разговорились, и я узналъ его исторію. Онъ былъ уроженецъ Новгородской губерніи, изъ казенныхъ крестьянъ; по оговору въ какомъ-то дѣлѣ его посадили въ острогъ и присудили на поселеніе. Онъ бѣжалъ и скитался въ олонекскихъ лѣсахъ; но услыжавъ скорѣ послѣ того, что вышелъ манифестъ (*), по которому позволено было всемъ русскимъ бѣглецамъ въ Швеціи возвратиться безнаказанно въ Россію, онъ отправился окольными путями въ Торнео, и оттуда явился къ пограничному комиссару. По манифесту эти выходцы должны были записаться въ рижскіе мѣщане. На пути въ Ригу онъ сошелся съ востовскими бѣглецами, которые бѣжали отъ преслѣдованія за свои разбои и подружился съ ними. Взявъ билеты изъ Риги, они пошли зарабатывать себѣ хлѣбъ въ Петербургъ, а Нестерычъ

(*) Вѣроятно въ 1810 году.

оттуда хотѣлъ прѣбраться къ своимъ для свиданья. Но въ Петербургѣ товарищи его узнали, что богатый купецъ съ 400,000 рублей поѣдетъ въ Москву, и рѣшились его ограбить. Нестерыча тоже стали склонять къ этому; онъ долго не соглашался; но наконецъ взялъ слово, чтобы купца не убивали, а только отобрали бы отъ него деньги. Товарищи согласились. Сказано и сдѣлано: неподалеку отъ Новгорода, они его остановили, погрозили кнотенемъ, отобрали денежки и съ ними возвратились въ Петербургъ. Этотъ грабежъ надѣлалъ много шума въ свое время и дошелъ до свѣдѣнй государя. Приказано было непременно отыскать разбойниковъ. Полиція долго искала; но наконецъ, по примѣтамъ, успѣла захватить одного изъ нихъ въ харчевнѣ. Не знаю почему, но онъ былъ посаженъ на сенатскую гауптвахту. Товарищи, понимая всю опасность своего положенія, хотѣли тотчасъ же бѣжать; но Нестерычъ объявилъ, что прежде надобно выручить товарища. Для этого онъ одѣлся въ хорошее купеческое платье и пошелъ мимо гауптвахты; арестантъ выпущенъ былъ погрѣться на солнышкѣ, и сменивъ, что Нестерычу нужно что нибудь сообщить, завопилъ жалобнымъ голосомъ: «господишь купецъ! подайте Христа-ради несчастному арестанту!» Нестерычъ остановился, посмотрѣлъ нѣсколько сурово на него, а потомъ обратился къ утеръ-офицеру, тутъ стоявшему, съ вопросомъ: «господинъ кавалеръ, можно подать милостыню?» Утеръ-офицеръ позволилъ. Развертывая бумажникъ и вынимая пятирублевую ассигнацію, Нестерычъ успѣлъ шепнуть: «послѣ вечеренъ поѣду, не зѣвай.... крѣпко затану....» Все случилось по сказанному, какъ по писанному: Нестерычъ на лхой тройкѣ, въ ямщицкой одеждѣ, съ пѣснею несется въ Галерную, а арестантъ въ одно мгновеніе вскакиваетъ въ телегу и исчезаетъ изъ глазъ удивленнаго караула. Разумѣется, товарищи, нимало не медля, сѣли, подъ видомъ купцовъ, на лодку, которую купили заранѣе, и потянулись въ Тихвинъ на богомолье. Пока разсмысли по дорогамъ, да искали то въ той, то въ другой сторонѣ, особливо по московскому тракту, слѣдъ ихъ уже простылъ. Разумѣется, что Тихвинъ былъ только предлогомъ, а въ самомъ дѣлѣ они хотѣли закупить товаровъ, или намѣвать серебра и золота въ приволжскихъ городахъ, добраться до Астрахани, а оттуда махнуть въ Персію. До Астрахани они добрались благополучно, закупили, что было нужно, и хотѣли вечеромъ пуститься дальше. У Нестерыча сердце такъ и ёжало; онъ уговаривалъ своихъ товарищей нигуда не отлучаться; но одинъ изъ нихъ успѣлъ уже завести себя зашубушку въ Астрахани и не утерпѣлъ, чтобы не проститься съ ней, а потому ушелъ, обѣщая черезъ часъ воротиться; но вмѣсто того воротился поздно и подъ хмѣль-

комъ; пока бранили этого ловеласа, нахлынула вдругъ полиція и всѣхъ арестовала. Дѣло, разумѣется, раскрылось; 100 ударовъ кнутомъ и ссылка навѣчно въ каторгу были наградою Нестерычу за старое новгородское поволие и молодечество. Но умный и въ каторгѣ не пропадетъ. Изъ обильнаго подавнiя въ Москвѣ и по дорожѣ онъ сберегъ небольшую сумму денегъ (что было довольно легко ему, потому что во всю жизнь свою онъ не бралъ въ ротъ ни капли вина), и при помощи синенькихъ успѣлъ войти въ милость сначала у мелкаго начальства, а потомъ и болѣе крупнаго. Смѣтливый, оборотливый, хозяйственный, онъ успѣлъ въ самое скорое время сколотить себѣ нѣсколько тысячекъ мелкою торговлею въ Шилкѣ, гдѣ тогда еще не было купцовъ.

Никто лучше его не умѣлъ во время угодить ближайшему начальнику; прѣзвѣлъ ли къ нему гость или высшій начальникъ, Нестерычъ являлся съ свѣжей рыбой, или съ икрой, или съ какимъ нибудь запасцемъ, который былъ именно дорогъ въ эту минуту. Надобно ли было послать подарокъ въ большой заводъ, хотѣ бы самому горному начальнику, Нестерычъ всегда уполномочивался своимъ начальствомъ и всегда умѣлъ онъ исполнить это важное порученіе кстати и во время. Однимъ словомъ, это былъ золотой человѣкъ для русскаго чиновника. И любилъ же онъ посмѣяться надъ ними: бывало, если бѣдный унтеръ-инштмейстеръ или писецъ конторы напьется на его счетъ или не отдаетъ денегъ за товары или долга, взятаго займы, то онъ съ особеннымъ сарказмомъ скажетъ: «эхъ, ваше почтеніе! вы хуже нашего брата, варнака!» и такъ и попустится долгомъ. Но главное негодованіе возбуждало въ немъ новзяточничество, которое, казалось ему, было уже неотъемлемымъ свойствомъ приказнаго: «они думаютъ только, какъ бы притѣснить бѣдность! все какъ бы убить!» — и при этомъ онъ начиналъ рассказывать, что и отецъ-то такого-то, и дѣдушка, и всѣ были такіе же. «Злодѣйскій родъ», прибавлялъ онъ. Вообще этотъ человѣкъ отличался, несмотря на совершенный недостатокъ образованія (онъ даже былъ неграмотенъ), высокими практическимъ умомъ и своего рода гуманностью; но насмѣшка не сходила почти съ его губъ, потому что ему казалось, что всякаго человѣка можно купить.

Немудрено, что я заговорился съ Нестерычемъ и только при прощаньи спросилъ о цѣнѣ за уроки; эта цѣна была ужасно мала — 2 рубля въ мѣсяцъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сталъ просить взять еще его племянника за ту же цѣну, и за старшаго сына, который былъ тогда еще въ большомъ заводѣ, предлагалъ — три рубля. Я согласился. — Черезъ недѣлю у меня была уже школа изъ 8-ти, а потомъ 10-ти мальчиковъ, и я получалъ отъ 17 до 25 руб. въ мѣсяцъ, что

при казенномъ провіантѣ, т. е. при 2 пудахъ муки въ мѣсяцъ, было достаточно, чтобы жить безбѣдно.

Школа моя была составлена изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ: въ ней были и дѣти чиновниковъ, и почтенныхъ, и простыхъ рабочихъ, и ссыльно каторжныхъ; но такъ какъ я съ ними обращался совершенно одинаково, то это различіе было незамѣтно. Главные хлопоты у меня были съ родителями, которыхъ требованія были очень различны, смотря по степени ихъ образованія: одни были недовольны тѣмъ, что дѣти занимаются только 4 часа въ день, т. е. 2 часа по утру и 2 часа послѣ обѣда; другіе тѣмъ, что я мало задаю уроковъ; третьи тѣмъ, что зачѣмъ, дескать, Егорушка учить дѣленіе, а мой сынъ вычитаніе и т. п. Несмотря на все мое стараніе, я никакъ не могъ растолковать, что 7-лѣтніе и 8-лѣтніе мальчики не могутъ долго заниматься, что это и вредно и бесполезно, и что проходить дальше я долженъ только тогда, когда ребенокъ достаточно развился, чтобы могъ понимать то, о чемъ я буду ему говорить; но все это было напрасно; и чтобы заставить меня обратить особенное вниманіе на своего ребенка, каждый старался другъ передъ другомъ угощать меня и посылать мнѣ гостинцы, разумѣется, изъ съѣстныхъ припасовъ. Я пробовалъ отказываться и отъ того и отъ другаго; но отказъ уже служилъ новодомъ къ совершеннымъ попрекамъ, особливо если родители принадлежали къ низшему классу. Я поневолѣ долженъ былъ часто бывать въ домахъ моихъ учениковъ; а при торжественныхъ случаяхъ, какъ то: крестинахъ, именинахъ и пр., былъ непремѣннымъ и почетнымъ гостемъ. Съ другой стороны, чтобы удовлетворить нѣсколько желанію родителей, я сталъ задерживать дѣтей ихъ нѣсколько долѣе въ классахъ, занимая ихъ между уроками—гимнастикой, что доставляло большое удовольствіе моимъ ученикамъ, и началъ заставлять ихъ учить наизусть рассказы изъ священной исторіи и нѣкоторыя басни Крылова, доступныя пониманію и дѣтей и родителей. Такимъ образомъ дѣло уладилось.

Нельзя не замѣтить, что стараніе дать своимъ дѣтямъ воспитаніе было почти всеобщимъ во всѣхъ разнообразныхъ слояхъ населенія нерчинскихъ заводовъ; всѣ почти сознавали, что «знаніе есть сила», и видѣли это даже на *практикѣ*: нѣкоторые изъ чиновниковъ были внуками простыхъ рабочихъ или даже ссыльно-каторжныхъ. Отцы ихъ, вслѣдствіе своей грамотности, успѣвали выдти въ унтеръ-шхтмейстеры или штейгеры, а потомъ въ свою очередь, имѣя болѣе возможности лучше приготовить своихъ дѣтей, посылали ихъ для окончателнаго образованія въ Петербургъ: въ горную школу при Технологическомъ институтѣ, въ Коммерческое пробирное и межевое училища, въ гимназіи и потомъ въ универ-

ситеть; откуда они уже возвращались или кондукторами, или чиновниками, или медиками. Поэтому не только казенныя школы по заводамъ, имѣвшія курсъ приходскихъ училищъ, но и горное училище, курсъ котораго былъ гораздо обширнѣе уѣзднаго училища, а по нѣкоторымъ предметамъ — даже и гимназій, были всегда наполнены учениками; но было множество дѣтей, которыя учились у домашнихъ учителей, по большей части изъ ссыльныхъ, если послѣдніе хоть мало-мальски были порядочные люди. Жажда просвѣщенія, впрочемъ, замѣтна была и въ самыхъ мальчикахъ. Никогда не забуду я, какъ ко мнѣ подошли два лучшіе ученика изъ заводской школы: оба они были сыновья заводскихъ крестьянъ, и оба по четырнадцатому году. «Поучите насъ», просили они меня. Старшій сынъ зажиточнаго крестьянина предложилъ за себя плату одинъ рубль изъ двухъ, которые ему посылалъ отецъ на пряники ежемѣсячно, а младшій сказалъ: «я сирота, мнѣ платить нечѣмъ: а я вамъ дослѣю (наловлю, достану, сдѣлаю) жулановъ (*), мургусуновъ (пискарей), раковъ, буду набирать лѣтомъ шпіоновъ (шампильоновъ), льготъ — или куда пошлете, мигомъ сбѣгаю.»

Разумѣется, я съ радостью согласился. — Чему же вы хотите учиться? спросилъ я вслѣдъ затѣмъ. «Да вотъ, ариметики — вторую часть, геометріи, планы какъ снимаютъ; грамматикѣ, какъ бумаги писать; законы подыскивать; какъ книжки читать хорошія; ну, да сами знаете чему». — «А по-французскому и по-нѣмецкому тоже можно?» спросилъ сирота. — Можно, все можно, если захочешь, отвѣчалъ я. — «Да ужъ мы захотимъ», отвѣчали бойко мои молодцы. И дѣйствительно, они глотали, что называется, науку; и хотя имъ пришлось поучиться у меня только мѣсяцевъ восемь, но успѣхи были поразительны. Лѣтъ пять тому назадъ, я встрѣтилъ одного изъ нихъ въ Сремѣнскѣ; онъ былъ уже старшимъ бригаднымъ писаремъ, и по отзыву всѣхъ — самымъ добросовѣстнымъ и самымъ способнымъ; а другой, несмотря на свои молодые годы, занималъ по выборамъ постъ судьи въ козачьемъ войскѣ, и имъ всѣ не могли довольно нахвалиться. Когда этотъ молодой человекъ меня увидалъ, то радость и чувство благодарности, которыми прониклось все существо его, были такъ велики, что тронули меня до глубины души, и я понималъ тогда, кажется, вполне чувство матери къ своему дѣтищу.

Однако успѣхи моей маленькой школы возбуждали зависть въ двухъ другихъ учителяхъ, и они чѣтъ было не надѣлали мнѣ вреда. Одинъ былъ отставной унтеръ-шпихтмейстеръ, мужикъ умный, какъ

(*) Пташки изъ породы воробьиныхъ, изъ рода *emberica*, очень вкусныя въ паштетѣ и жареныя въ сметанѣ.

относился о немъ Нестерычъ, да только вѣчно пьяный, — педагогическія занятія котораго не могли не пострадать отъ моего совмѣстительства; другой былъ старикъ лѣтъ семидесяти, изъ дворянъ, славный за слишкомъ вѣжную любовь къ своимъ дочерямъ. Первый угрожалъ доносомъ, что я долженъ содержаться въ тюрьмѣ и употребляться въ работы, а между тѣмъ учу дѣтей; но его остановили въ этомъ намѣреніи прежніе товарищи по службѣ, унтеръ-шникъ-мастеры, отцы моихъ учениковъ. Второй же направился въ другую сторону — именно къ священнику, человѣку хотя получившему образованіе, но очень самолюбивому (всѣ они теперь покойники), и началъ нашептывать ему, что я, должно быть тайный іезуитъ, потому что не ограничиваюсь обученіемъ дѣтей по катехизису, но еще и заставляю ихъ читать священное писаніе и толкую его. — Встрѣтившись вечеромъ со священникомъ у одного изъ торгующихъ въ Шилкѣ, я былъ удивленъ его надутымъ видомъ и зловѣщею улыбкою при моемъ приходѣ. Угостившись нѣсколькими рюмками водки, онъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ: «я вамъ запрещаю учить дѣтей.... Миѣ сдѣлали доносъ, что вы тайный іезуитъ». — Я іезуитъ?! воскликнулъ я, вѣ себя отъ удивленія:—кто вамъ это донесъ, и на какомъ основаніи вы можете считать меня поборникомъ католицизма? — Тутъ онъ изложилъ миѣ вышеприведенные доводы. — Позвольте, батюшка! возразилъ я ему:—доносчикъ не понимаетъ самъ, что онъ говоритъ: онъ хочетъ сдѣлать миѣ вредъ, — это понятно; но какъ же вы, который такъ хорошо знаете и богословіе, и исторію церкви, могли дать его словамъ какую либо вѣру; на основаніи его словъ, меня скорѣе можно было заподозрить въ протестантизмъ, потому что именно католическое духовенство и въ особенности іезуиты — вооружаются противъ чтенія мірянами Библии, а протеставты, напротивъ, даютъ ее читать всѣмъ; но ни то, ни другое обвиненіе ко миѣ нейдетъ; я приучалъ дѣтей читать по-славянски, и объяснялъ имъ текстъ по-русски, и вотъ что именно: вагроную проповѣдь.—«Ну, ну», промычалъ мой грозный судья: «это хорошо; да я и самъ думалъ, что это вздоръ». Тѣмъ дѣло и кончилось.

Вотъ наступила весна; около Юрьева дня Шилка тронулась; я думалъ, что увижу ее въ разливѣ, но обманулся: забайкальскія рѣки никогда не несутъ полной воды весною, а послѣ лѣтняго солнцестоянія, когда идутъ дожди, которые размываютъ часть снѣга и льды на высокихъ гольцахъ, откуда берутъ начало свее притоки большихъ рѣкъ. Съ весной, я какъ будто ожилъ; послѣ классовъ я обыкновенно бродилъ по горамъ, любовался живописными окрестностями и вдыхалъ ароматическій воздухъ распускавшагося лѣса; переплывалъ въ бату на другую сторону, гдѣ миѣ особенно понравился берегъ

противъ Екатерининскаго рудника, который казался совершенно садомъ, потому что весь покрытъ былъ черемухой и дикою сибирскою яблоней, въ полномъ цвѣту. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ съ торгующими, мы переправились оттуда прямо на рудникъ, и поднавшись по крутой горѣ — очутились въ небольшомъ селеніи. Спутники мои зашли къ одному изъ служащихъ для отдыха; разумѣется, насъ сейчасъ начали просить (угощать) водочкой, а потомъ часомъ; къ этому обыкновенію, пить водку передъ чаемъ, я не могъ никогда привыкнуть, а тогда и подавно, и потому настойчиво отказывался. — «Что же дѣлать, рому у насъ вѣтъ», говорилъ обиженнымъ голосомъ хозяинъ. — «Не прогибайте, что простымъ просимъ», прибавляла хозяйка, такъ что я былъ сконфуженъ; благо что заступились мои спутники, увѣряя, что я вовсе не употребляю напитковъ. Это хозяева приняли въ резонъ. Чтобы показать, что я вовсе не пренебрегаю гостеприимствомъ хозяина, я разговорился съ нимъ о жизни на рудникѣ, о его хозяйствѣ и проч. Между прочимъ онъ сказалъ, что въ затрудненіи вышней годъ, какъ изладить снасти (рыболовные снаряды). «У меня ихъ 25, и рыбакъ хорошій есть, да денежокъ маловато, чтобы ихъ исправить», прибавилъ онъ. «Вотъ найти бы себѣ хорошаго половинщика: не хотите ли вы — рублей тридцать пять (на ассигнаціи) надо на первый случай, красенькій билетикъ.» — Хорошо, я подумаю. — «Дайте отвѣтъ послѣ завтра», замѣтилъ онъ: «Богъ дастъ, добудемъ калужку икрную пудовъ въ 25, да осетриковъ, — въ большой выгодѣ будемъ». По возвращеніи въ Шилку, я отправился къ Нестеричу за совѣтомъ. — «Эхъ!» сказала мнѣ старикъ, «не вяжитесь!» Черезъ день я отправился на рудникъ, чтобы прогуляться, да кстати и отказаться отъ предложенія. Но проходя къ знакомому домику, я почувствовалъ, что сверху въ меня кинули комочкомъ земли; я поднял голову вверхъ и увидѣлъ миловидное лицо шестнадцатилѣтней дѣвочки, свояченицы хозяина, которая весело раскрыла свои перламутровые зубки. — А кто бросается землею? сказалъ я строго-шутливымъ голосомъ. — «А я», отвѣчала звонкій голосъ: «вотъ вы и оглянулись, къ намъ бы шли работать въ огородъ». — Да, много съ вами наработаешь! А что вашъ братецъ, Василій Степановичъ, дома? спросилъ я, — «Нѣтъ, онъ еще на пашнѣ». — Ну, какъ же къ вамъ пробраться въ огородъ? — «Пользайтесь прямо». — Ну, хорошо, я поработаю, сказалъ я, переѣзая чрезъ изгородь: — только чуръ, если кто станетъ мнѣ мѣшать, того накажу. «А какъ вы накажете?» спросила воструха. — А поцалую. — Разумѣется, такое наказаніе само и послужило поводомъ къ безпрестанному нарушенію; и хотя всякій разъ, послѣ брошеннаго комка земли, виновница и сваливала вину на вторую работницу, но отъ наказанія не

увертывалась. Но вотъ показала сама хозяйка, съ лукошкомъ картофеля; шалунья присмирѣла, и работа закипѣла у ней въ рукахъ. — «А вотъ, навънка (такъ почти всегда называли старшихъ сестеръ), посмотри, какого работника наняла!» сказала она подошедшей сестрѣ. — «То-то, чай, много наработалъ»... съ улыбкой отвѣчала хозяйка, отдавая мнѣ поклонъ. — А что, Василій Степановичъ пришелъ? — «Только что воротился съ поля, — милости просимъ въ горницу. А вы, дѣвочки-матушки, яблочки-то (картофель), которыя побольше, разрѣжьте пополамъ!» И окончивъ такимъ образомъ свои распоряженія, она меня повела по дорожкѣ къ дому. Грѣшный человекъ, приглянулась мнѣ дѣвочка, и чтобы имѣть предлогъ посѣщать рудникъ, я рѣшился сдѣлаться половинщикомъ Василя Степановича, и внести ему кровныхъ 10 рублей серебромъ, въ томъ предположеніи, что наживу, если не 10 на рубль, какъ говорилъ мой найщикъ, то хотя рубль на рубль. Но я жестоко обманулся во всѣхъ моихъ надеждахъ. — Рѣзвушка уѣхала къ матери, вдовѣ дьякона, верстѣ за 100; а Василій Степановичъ только разъ прислалъ мнѣ 1½ пуда калужины, которую я продалъ за 9 рублей ассигнаціями, да фунтовъ 7 икры, которую я самъ полакомился. Потому же, я не только ничего болѣе не видалъ, но и принужденъ былъ заплатить еще десять рублей жалованья рыбаку, ибо мой половинщикъ увѣрялъ меня, что всѣ денежныя расходы должны падать на меня, а его дѣло было только давать харчи рыбаку и работнику. Послѣ со стороны я узналъ, что хотя уловъ у насъ и дѣйствительно былъ не такъ удаченъ, какъ у другихъ, поймавшихъ 15-пудовыхъ калуженъ, но что и самъ Василій Степановичъ, не считая нужнымъ дѣлить пополамъ мелкихъ осетриковъ, продавалъ свой уловъ тутъ же, на мѣстѣ, другимъ сосѣднимъ промышленникамъ. Такъ я и наказанъ былъ за мое волокитство и довѣренность къ людямъ честнаго сословія.

Совсѣмъ другое испыталъ я въ сношеніяхъ съ ссыльно-каторжными. Я часто бывалъ ихъ банкиромъ: давалъ въ долгъ по рублю, по полтиннѣ, и сначала полагалъ, что даю безъ отдачи; но къ удивленію моему, всегда получалъ занятую сумму, или она честно выплачивалась работою. Тѣ, которые имѣли случай видѣть близко поселенцевъ по Западной и Восточной Сибири, не могутъ, разумѣется, похвалить ихъ честность, но въ этомъ и нѣтъ ничего удивительнаго: на поселеніе ссылаютъ воровъ, мошенниковъ или плутовъ, которые, пользуясь несовершенствомъ нашего судопроизводства, умѣютъ ускользнуть отъ каторжной работы. — Въ Нерчинскихъ же заводахъ преступники посерьѣзнѣе: многіе изъ нихъ совершили свои преступленія въ пылу страсти; простылъ этотъ пылъ, они снова сдѣлались людьми честными и добрыми. Доказательствомъ

этого можетъ служить весьма малое количество преступленій (кромя побѣговъ) на Нерчинскихъ заводахъ, не отъ строгости присмотра, какъ это можно было бы подумать, но именно оттого, что сосланные перешли тотъ періодъ, въ которомъ сильна наклонность къ преступленіямъ. Одинъ только обманулъ меня, — это сторожъ при гауптвахтѣ, Раздуванъ, который также дѣлалъ закупки съѣстныхъ матеріаловъ для политическихъ преступниковъ, содержавшихся на гауптвахтѣ. Онъ являлся ко мнѣ не разъ за евангеліемъ, потому что любилъ, какъ увѣрялъ, читать божественное. Глядѣлъ онъ истымъ кантонистомъ, какимъ и былъ прежде. — За что ты сосланъ? спросилъ я его однажды. — «Да блинны пекъ», отвѣчалъ онъ съ усмѣшкой. — Какъ блинны пекъ? — «Банку, значить, свою имѣлъ — царемъ хотѣлъ быть!» — «Тѣбу ты пропасть! что это ты городишь?» — «Билетики дѣлалъ», объяснилъ онъ мнѣ наконецъ. Вотъ этотъ негодяй и выпросилъ у меня три рубля на новую лопатку (одежду), увѣряя, что къ первому числу, какъ получить отъ политическихъ преступниковъ, со мной честно раздѣляется; но на другой день онъ бѣжалъ, и къ довершенію, какъ послѣ обнаружилось, онъ забралъ въ казнѣ на счетъ политическихъ преступниковъ на нѣсколько рублей холста и получилъ весь провіантъ имъ слѣдовавшій, да кромѣ того ходилъ по окрестнымъ деревнямъ и тамъ собиралъ подаваніе для нихъ курицами, яйцами, творогомъ, молокомъ и проч.

Кстати о заводскихъ казенныхъ магазинахъ. Въ нихъ можно было найти почти всѣ главныя потребности, и довольно дешево; но туда рѣдко кто обращался изъ рабочихъ, если были только деньги; потому что обыкновеніе комиссара было отпускать непременно въ долгъ, къ которому всегда дѣлалась приписочка. Непонятно, что такъ долго не обращалось вниманіе начальства на эту часть. Я помню, что на первыхъ порахъ, желая купить блага сахара (*) въ лавкѣ, я былъ пораженъ его цѣною, 70 коп. за фунтъ. «Возмите въ казенномъ магазинѣ», сказалъ мнѣ купецъ: «тамъ, кажется, по шотинѣ». И дѣйствительно, я обратился къ комиссару; когда гонима была ввѣшена, я хотѣлъ было заплатить 10 или 12 рублей, но комиссаръ остановилъ меня: «денегъ не нужно, мы лучше записемъ и у васъ будутъ вычитать изъ жалованья». — «А изъ какого жалованья?» спросилъ я съ удивленіемъ. — «Да изъ 57½ коп. въ мѣсяцъ», отвѣчалъ онъ съ улыбкою. И дѣйствительно, лѣтъ семь у меня вычитали, кажется, за этотъ сахаръ. Можете представить; сколько немилосердно было напрасно денегъ съ бѣдныхъ рабочихъ, да сколько про-

(*) Въ общемъ употребленіи на заводахъ былъ китайскій леденецъ.

пало ихъ за бѣжавшими. Вообще безпорядокъ по этой, равно и по другимъ частямъ былъ страшный.

Разъ дѣломъ, когда заводъ былъ почти пустъ, — всѣ отправились на сѣнокосы или на рыбную ловлю, — я зашелъ къ моимъ знакомымъ на гауптвахту, чтобы пригласить вмѣстѣ прогуляться; но я засталъ только одного изъ нихъ, и на мое предложеніе, онъ отвѣчалъ съ улыбкою: «нельзя, батюшка! — я стерегу и гауптвахту и тюрьму! Въ караулѣ оставался только одинъ Бѣлыхъ, къ нему прибѣжали ребятишки и сказали, что калужка попалась въ снасть и утащила ее за собою; вотъ онъ и заперъ тюрьму, да и побѣжалъ, отдавъ мнѣ ключъ, и просилъ Христомъ Богомъ подождать до тѣхъ поръ, пока не придетъ Дѣвкинъ, или самъ не воротится». Мы посмѣялись отъ души надъ комическимъ положеніемъ арестанта, да еще политическаго преступника, которому пришлось самому содержать караулъ; но когда мы вышли на платформу, то взоры наши невольно попали на погребъ, саженихъ въ 100 отъ кардегардіи вырытый въ скалѣ, гдѣ хранилась казна. «Это что за маленькій часовой?» воскликнули мы въ голосъ. «Ба! да это Степанида, жена Бѣлыхъ, въ солдатской фуражкѣ, въ шинели и съ ружьемъ; братъ стоялъ на часахъ, вѣрно и его помощь понадобилась, и вотъ часовымъ Степанида. Надо идти дозоромъ. Ты какъ попала на часы?» спрашивали мы ее. — «Надобно же мужу помочь; сама не осилю, Богъ калужку далъ», сказала она очень серьезно. — «А если управитель пойдетъ?» — «Не пойдетъ; теперь все начальство спитъ послѣ обѣда; ну, да важность какая и пошелъ бы — не замѣтитъ: отхвачу тоже на краулъ», — и слова свои привела въ дѣло. — «Молодецъ!» сказалъ импровизированный начальникъ караула. — «Рады стараться!» отвѣчала баба. — «Да это сцена вочинце, чѣмъ въ «Капитанской дочкѣ», заключилъ я.

Несмотря на эту патріархальность и (разумѣтся) на совершенную безопасность отъ нѣкоторой свободы, которою пользовались мои знакомцы, нашелся — такъ одинъ подлець, изъ чиновниковъ-самородковъ (т. е. не получившихъ воспитаніе въ Россіи, а выслужившихся изъ унтеръ-дехтмейстеровъ), который донесъ начальству о томъ, что ихъ содержатъ не строго. Поводомъ тому была злость на одного слѣдователя, пріѣзжавшаго изъ Иркутска и посѣтившаго заключенныхъ: чтобы отомстить ему, онъ лучшаго не могъ придумать, какъ сдѣлать докладъ на несчастныхъ, конечно ни чѣмъ не виновныхъ въ сорѣ его съ слѣдователемъ. — Результатомъ доноса была, разумѣется, строжайшій выговоръ и подтвержденіе содержать преступниковъ въ совершенномъ заключеніи. На бѣду же ихъ и удравляющій цереміялся, и мѣсто его занялъ на время старичокъ, хотя и очень добрый, но слабый и страдный трусъ. Мѣсяцевъ вр-

семь имъ пришлось посидѣть чуть не подъ замкомъ, и всякій выходъ ихъ былъ оплаченъ двугривеннымъ въ пользу унтеръ-офицера, представлявшаго собою военную власть въ Шилиѣ. Правда, при посѣщеніи главнаго начальника, когда продѣлки его вышли наружу, ему досталось порядкомъ; но отъ этого было не легче нашимъ страдальцамъ.

Около Петрова дня, съ Нестерычемъ и купцами, я плавалъ въ Горбицу, бывшую тогда пограничнымъ пунктомъ, куда къ этому времени выходили китайскіе чиновники для повѣрки границъ. Трехдневное пребываніе ихъ тамъ обыкновенно сопровождалось ярмаркою; они мѣняли свой паекъ, т. е. рисъ и чай, а также табакъ, дабу (бумажную матерію), полушелковицу и т. п., на мерлушку, а въ особенности на стеклянныя банки, которыя тогда именно для нихъ и дѣлали въ шилкинскомъ стеклянномъ заводѣ; разумѣется, оборотъ этой ярмарки простирался много-много на тысячу рублей; однако пріѣзжалъ всякій разъ таможенный чиновникъ изъ Кяхты для собиранія пошлины, которой конечно недоставало даже на прогоны. Обыкновенно, сотенный начальникъ Горбицы, величавшейся то же крѣпостью, обмѣнивался съ гусайдю (майоръ) визитами; они спрашивали другъ-друга о благополучіи государства, говорили очень сладко о сохраненіи дружбы, дѣлали другъ-другу подарки и взаимно угощались. Я попалъ тоже на угощеніе къ гусайдѣ. Надобно замѣтить, что еще прежде, во время мѣны, я уже заслужилъ особенное его вниманіе; видя, что я ничего почти не вымѣниваю (потому что Нестерычъ былъ моимъ комиссіонеромъ) и между тѣмъ не ношу мундира, онъ заключилъ, что я ученый, и вѣроятно не здѣшній. — Сближеніе же съ нимъ произошло по такому случаю: онъ вымѣнялъ у откупнаго повѣреннаго карманные часы, но обращаться съ ними не умѣлъ, а у продавца спросить постыдился: вотъ и звалъ онъ меня на свою лодку, и переводчика отослалъ даже, досталъ мнѣ компасъ, ну и дай попытаться, гдѣ полдень на часахъ; разумѣется, это объяснить было не трудно; но труднѣе было растолковать ему, что этотъ часъ можетъ означать и полдень и полночь; наконецъ, и это удалось мнѣ. Однако, ему все хотѣлось попробовать завести часы въ другую сторону, и только угроза, что они переломаются, и тогда надобно плюнуть на нихъ и бросить въ рѣку, — остановила его. За это онъ подарилъ мнѣ немного жинъ-шени и красную дабу, а я его отдалъ плисомъ. Послѣ, угощая у себя въ палаткѣ разными сушеными фруктами, конфетами, чаемъ и подогрѣтою аракою изъ крошечныхъ фарфоровыхъ чашечекъ, онъ объявилъ сомнѣніе, что я олога, т. е. русскій, а назвалъ меня виѣсть съ бывшими тутъ полкомъ сіамскими людьми, что значило: люди изъ дальнихъ странъ. Другой

разъ, сомнѣніе въ моей національности тоже не лестно было для моего патріотизма. При переѣздѣ изъ одного завода въ другой, на одной станціи меня спросила жена станціоннаго смотрителя: «вы вѣрно изъ поляковъ?» На мой отрицательный отвѣтъ, она возразила сомнѣніемъ: «Нѣтъ, не притворяйтесь, я вижу и по рѣчи вашей, и по образованію, что вы не русскій, а полякъ.»— Впрочемъ, можетъ быть, она понимала, какъ и большая часть жителей Забайкалья, подъ этими именемъ вообще политическаго преступника.

Я уже нѣсколько разъ упоминалъ о торгующихъ въ Шилѣ; скажу теперь нѣсколько словъ о нихъ. Это были по большей части купеческіе прикащики, торговавшіе на своемъ отчетѣ; обороты ихъ были незначительны—тысячъ шесть, семь, много десять.—Понятно, что при такомъ маломъ капиталѣ имъ невозможно было не брать значительныхъ процентовъ; они проживали сами отъ 1000 до 2000 р. въ годъ, следовательно 30%, 40% набабки на товары были почти необходимыми условіемъ ихъ существованія. Привыкнувъ видѣть русскіихъ купчиковъ добраго стараго времени съ самыми непримично-галантерейными манерами, я былъ пріятно удивленъ, увидѣвъ въ нихъ, какъ и вообще въ сибирскихъ купцахъ, людей хотя и не съ изящными европейскими манерами, но по крайней мѣрѣ примичными, — людей очень неглупыхъ, любознательныхъ и съ тактомъ, съ которыми можно было разсуждать обо всемъ. Я выписывалъ вмѣстѣ съ ними «Отечественныя Записки», «Библіотеку для Чтенія» и «Санкт-петербургскія Вѣдомости». Иногда занимались они музыкой и пѣніемъ, и хотя инструментомъ была гитара, а пѣснями — романсы, бывшіе въ модѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, но все же это обличало въ нихъ чувство изящнаго.

Въ числѣ обывателей Шилии, былъ еще одинъ очень замѣчательный старичокъ, лѣтъ 80-ти, отставной прапорщикъ, сорокъ лѣтъ прослужившій въ этомъ чинѣ въ горномъ батальонѣ. Несмотря на свои преклонные года, онъ былъ очень бодръ, любознателенъ, остроуменъ, и назывался бостоннымъ старостомъ, потому что очень любилъ эту игру. Онъ всегда былъ радъ гостю, только не въ субботу, когда обыкновенно идетъ мытье половъ и даже стѣнъ, баня и прочая чистка. Много онъ видѣлъ на своемъ вѣку, и любилъ подшучивать и разсказывать про старое время. Зимомъ частенько играли мы съ нимъ въ бостонъ, и онъ иногда по-старому объявлялъ: «шладельдіа, шведскандзисъ и проч., вмѣсто 6, 8 и проч.

Во время святонъ, случалось мнѣ бывать у многихъ въ разныхъ слокъ обществу; но вездѣ было почти одинаково: восьмерка (тащень въ рѣдъ-русской кадрили), двѣ парочки (тоже одна изъ тащень въ прошломъ столѣтія), потомъ святочныя пѣснии и игры:

Подушечка, подушечка!
 Бѣла — пуховая!
 Дѣвчоночка, дѣвчоночка!
 Моя молодая!
 Скажи, дѣвчоночка,
 Скажи, кого любишь?

или: «Съ вьюномъ я хожу», «Ужь ты вѣчникъ мой вѣночекъ» и т. п. И всѣ онѣ сопровождались подаулами; вечеринки оканчивались угощениями и закусками, въ числѣ которыхъ, въ домахъ побогаче, подавался непременно пудингъ; откуда пришелъ этотъ англійскій вкусъ — неизвѣстно; дѣло другое, шпители съ множествомъ воротничковъ, обшитыхъ желтою тесьмою, — это занесено было саксонскими горными людьми, потомки которыхъ хотя уже совершенно обрусѣли, но еще сохранили свои фамилии.

Такъ прожилъ я тихо, мирно въ Шилкѣ почти три года; но подъ конецъ стало въ ней скверно: поступила она совершенно подъ вѣдѣніе управляющаго карійскими промыслами (человѣка, какъ всѣ его считали, жестокаго); работы на заводѣ прекратились, и теперь лазаретъ ея, вмѣстѣ съ Усть-Карою, въ 15 верстахъ ниже по Шилкѣ, сдѣлался складами больныхъ и слабыхъ, въ особенности страдавшихъ скорбутомъ отъ дурной пищи, тяжелыхъ, именно каторжныхъ работъ, доселѣ неизвѣстныхъ въ Пермскихъ заводахъ, и пожалуй отъ неблагопріятной мѣстности въ Котловинѣ. Работы шли круглый годъ. Зимой оттавляли почву огнемъ и потомъ вскрывали турфы, то есть несодержащія золота пласты; а съ ранней весны до поздней осени шло добываніе песковъ и промывка; послѣдняя работа, при сильныхъ холодахъ, какіе случались въ апрѣлѣ, сентябрѣ и октябрѣ, для рабочихъ, безъ обуви, была шельносна;—но 100 пудовъ все-таки не вымывалось. Начальника промысловъ, какъ я уже говорилъ, считали за человѣка жестокаго, но это было не совсемъ справедливо: въ немъ было много хорошихъ качествъ, но непомерное самолюбіе его губило и давило въ немъ всѣ человѣчскія чувства. И казалось этому человѣку, что его напрасно обвиняютъ въ жестокости. Казалось ему, что онъ далеко не исполняетъ строгости закона, котораго онъ впрочемъ не любилъ, говоря, что «законы писаны для дураковъ и мошенниковъ, а у честнаго человѣка законъ—адѣлъ, въ сердцѣ». Чтобы лучше охарактеризовать это непомерное самолюбіе, я расскажу одинъ случай.... Былъ на Карѣ малецъ, которому работы котъ и не мало было на Карѣ, но онъ отлучался иногда въ Шилку. Възъ на обратномъ пути онъ былъ пойманъ съ виномъ, которое онъ хотѣлъ тайно провезти въ Кару; а это считалось великимъ преступленіемъ. Възъ привезли его къ управляющему; Зналъ, что его выско-

благородіе спуску не дастъ, да и исполнители наказанія, которые вѣроятно проходили неразъ черезъ его руки, постараются отплатить ему за старья увѣчья, онъ весь затрясся. Видя его страхъ, управляющій спросилъ: ты чего такъ дрожишь? — «Васъ боюсь, ваше высокоблагородіе!» — А ты очень меня боишься? сказалъ начальникъ болѣе мягкимъ голосомъ. — «Очень!» — А какъ очень? — «Больше Бога!» съ полною искренностью отвѣчалъ палачъ. Управляющій улыбнулся. — «Ну смотри же, чтобы этого не было въ другой разъ, стушай!» и оставилъ его безъ наказанія. Многие считали этого человѣка именно кровожаднымъ, но я повторяю — это неправда; если онъ и былъ иногда жестокъ, то потому, что видѣлъ въ этомъ средство заставить всѣхъ трепетать вокругъ себя, что льстило его самолюбію, и вторыхъ потому, что онъ былъ воспитанъ въ ложныхъ принципахъ и держался безсознательно ложной системы, которая предполагаетъ, что страхъ спасителенъ, и что онъ есть основа твердаго правительства.

Какъ всѣ самолюбивые люди, онъ очень интересовался знать, что о немъ говорятъ, а потому старался окружать себя людьми преданными, по просту — шпіонами. Одинъ изъ нихъ, объѣздячикъ, (назовемъ его Пашкой Тузовымъ), не только клеветалъ ему на всѣхъ, кто его самого не уважилъ, но даже открыто въ Шилкѣ хвастался своимъ вліяніемъ и разыгрывалъ роль настоящаго опричника. Беретъ, напримѣръ, товаръ изъ лавки, и когда купецъ требуетъ платы, онъ отвѣчаетъ: «да вы развѣ не знаете, — я Павелъ Ивановичъ Тузовъ: что захочу, то и сдѣлаю съ вами!» Къ несчастію, эти тишынъ и начальника и клеветы, повторяются нерѣдко: я видѣлъ на своемъ вѣку совершенно те же изданіе обонхъ типовъ на велевовой бумагѣ, и съ золотымъ обрѣзомъ, — разница только, что ценозачетное-то куда какъ больше вреда дѣлаетъ.

При такомъ положеніи дѣлъ, оставаться въ Шилкѣ было не ходка, тѣмъ болѣе, что и знакомыхъ моихъ удалили изъ Шилки въ Алатуй подъ тѣмъ предлогомъ, что работъ болѣе нѣтъ на заводѣ, а въ сущности потому, что они не могли воздержаться отъ осужденія, да пожалуй голосъ ихъ могъ дойти и повлиять. Подумавъ немного, при удобномъ случаѣ я и самъ перепросился въ Александровскій округъ, гдѣ былъ у меня знакомый кавкавказскій товарищъ, съ которымъ я еще не видался.

КРАТКІЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ СВѣДѢНІЯ О ПЕРЧИНСКИХЪ ЗАВОДАХЪ.

Первая выплавка на перчинскихъ заводахъ серебра, въ количествѣ $1\frac{1}{4}$ фунтъ, относится къ 1704 году; но собственно первое дѣло

началось нѣсколько ранѣе. Головинъ, бывшій въ концѣ XVII столѣтія въ нерчинскомъ острогѣ по дѣламъ правительства, получилъ отъ тунгусовъ, заселявшихъ тогда приаргунскій край, нѣсколько образцовъ серебряно-свинцовыхъ рудъ и представилъ ихъ въ Москву. Послѣ испытанія этихъ рудъ въ Венгріи, правительство убѣдилось въ значительномъ богатствѣ ихъ серебромъ, и потому пригласило рудознавца изъ грековъ, Левандіано, который немедленно приступилъ къ открытой работѣ по чудскимъ копямъ, названнымъ култукскими, и находящимся въ Крестовой горѣ, по лѣвому берегу рѣчки Алтаци, впадающей черезъ Серебрянку въ Аргунь.

При основаніи заводы не имѣли особеннаго начальника, но состояли въ вѣдѣніи нерчинскаго воеводы Петра Мусина-Пушкина, въ управленіе котораго добыча серебра была очень неравномѣрна: такъ, напримѣръ, въ 1717 году выплавлено было 15 пуд. 17 фунт., въ 1719 г. 5 п. 6 ф., а въ 1720 только 4 пуда.

Въ 1721 году заводы перешли въ зависимость кабинетъ-курьера Илья Голеннищева-Кутузова, который въ два года довелъ добычу до 10 пудовъ; но при его преемникѣ, комиссарѣ Бурцовѣ, добыча серебра опять упала, такъ что въ послѣдній 1731 годъ его управленія получено было только 35 фунтовъ. Затѣмъ начальники быстро смѣняются: между ними есть и комиссары, и поручики, и ассессоры, а иногда и гиттонъ-фервальтеры и бергмейстеры. Впрочемъ, добыча начинаетъ возрастать, такъ что при коллежскомъ совѣтникѣ Клеопинѣ въ 1759 году получено уже было 173 пуда 37 фунтовъ серебра.

Въ это время появляется въ Нерчинскихъ заводахъ частный человекъ, купецъ Сибиряковъ, который ищетъ руду и устраиваетъ свои заводы. Въ 1760 году изъ рудъ его выплавлено было 33 пуда серебра. Въ два послѣдующіе года добыча казеннаго серебра упала до 91 пуда, но за то у Сибирякова она достигла до 95 пудовъ.

Въ 1763 году начинается новая эпоха для Нерчинскихъ заводовъ: они достигаютъ своего апогея и никогда уже послѣ не возвращаются къ такому цвѣтущему состоянію. Этимъ обязаны они были вродѣ благоразумному управленію генералъ-майора Суворова, облеченнаго очень обширною властью. Въ первый же годъ своего управленія онъ доводитъ выплавку серебра до 323 пудовъ; изъ нихъ 135 принадлежали однако Сибирякову. Главная тайна его успѣха состояла въ томъ, что каждый изъ его подчиненныхъ, всякій работникъ былъ увѣренъ въ его справедливости, и зналъ, что усердіе и честность будутъ оцѣнены надлежащимъ образомъ и награждены немедленно; этимъ онъ достигъ благороднаго соревнованія между своими подчиненными, и въ 12 лѣтъ его управленія, открытія новыхъ рудныхъ

и истороженіи слѣдуютъ непрерывно одинъ за другимъ, такъ-что однихъ капитальныхъ рудниковъ, до сихъ поръ еще не совершенно оскудѣвшихъ, можно насчитать одиннадцать. Вслѣдствіе такой дѣятельности, къ концу управленія Суворова, Нерчинскіе заводы доставили въ 1744 году 629½ пудовъ, въ томъ числѣ казеннаго серебра было 414 пудовъ.

Къ этому времени, и вѣроятно вслѣдствіе представленія Суворова, надобно отнести указъ императрицы Екатерины, которымъ она освободила всѣхъ жителей Нерчинскаго края навсегда отъ всякихъ податей и отъ рекрутской повинности и даровала многія льготы, во вниманіе къ отдаленности края и недостаточности средствъ къ безбѣдному существованію. Кто бы могъ подумать, что этотъ указъ именно и положилъ основаніе одному изъ самыхъ тяжелыхъ видовъ обязательной службы, которая рѣшительно ничѣмъ не отличалась отъ каторги,—именно, что дѣти горныхъ работниковъ и ссыльно-каторжныхъ должны со всѣмъ своимъ поколѣніемъ едѣлаться всегдашними работниками на заводахъ. Вотъ откуда взялось послѣ въ законъ это правило. Указъ, послѣ исчисленія всѣхъ льготъ и изъятія отъ всѣхъ повинностей, дѣлаетъ оговорку, что только *въ случаѣ крайней надобности* для горныхъ заводовъ, можно брать въ заводскіе работники нерчинскихъ крестьянъ или дѣтей ссыльныхъ. Это изъятіе обратили въ общее правило и потому дѣлали ежегодные наборы въ работники, а дѣтей ссыльныхъ заставляли уже работать или служить съ 12-лѣтняго возраста.

Благоразумное управленіе Суворова вдругъ смѣнилось самымъ сумасброднымъ — статскаго совѣтника Нарышкина. Въ два года добыча серебра упала на цѣлую треть, такъ-что въ 1776 г. всего выплавлено было только 406 пудовъ. Всѣмъ извѣстны продѣлки этого полусумасшедшаго барина, облеченнаго почти безконтрольною властію; вотъ одна изъ нихъ. Когда Нарышкинъ разбросалъ собравшемуся въ нерчинскомъ заводѣ народу всѣ казенныя деньги, то онъ потребовалъ денегъ отъ Сибирякова; получивъ отказъ, онъ окружилъ домъ его военною силою, поставилъ пушки и объявилъ, что разгромить все, если не будетъ исполнено его требованіе, и Сибиряковъ долженъ былъ на серебряномъ блюдѣ вынести деньги Нарышкину. Конечно, послѣ такого разгрома, Сибирякову трудно было вести свое дѣло, и въ 1783 году, при генералъ-майорѣ Бекельманѣ, хотя и выплавлено было около 508 пудовъ, но сибиряковскаго серебра было въ томъ числѣ только 5 пудовъ; а въ 1792 году, при начальникѣ Барботъ де-Марни, Сибиряковъ уже вовсе не работалъ, а серебра получалось только 263 пуда.

Въ 1800 году оберъ-бергмейстеръ Черницынъ составилъ много

проектѣ о капиталныхъ и полезныхъ работахъ, и добыча въ продолженіе 20 лѣтъ возвышалась, и въ послѣдніе годы этого періода отъ 191 пуда доходила до 300 пудовъ. Въ 1801 году наследники Сибирикава пытались-было приняться за оставленное дѣло, но ничтожная добыча серебра, доходившая до 7 пудовъ, заставила ихъ уступить свое право казвѣ, или, вѣрнѣе, кабинету его величества, что окончательно было сдѣлано въ 1816 году.

Берггауптманъ Бурнашевъ, поступившій въ начальники въ 1821 году, нашелъ, что рудники были сильно опустошены; всѣ главные цѣлики были или выработаны, или вынимались; во многихъ рудникахъ достигли почвенныхъ водъ, и оставалось только, по недостатку механическихъ пособій, закрыть ихъ. Чтобы упрочить рудничное дѣло, сколько было возможно, Бурнашевъ отиѣнилъ выемочныя работы, и въ то же время, уменьшивъ размѣры выплавки серебра до 200 пудовъ, приступилъ къ развѣдкѣ мѣсторожденій, внутренней и поверхностной. Съ другой стороны, онъ обратилъ вниманіе на разстроенное предъ тѣмъ хозяйство заводовъ: наполнилъ, безъ особенныхъ ассигнованій, магазины хлѣбомъ, желѣзомъ, инструментами и т. п.; улучшилъ домашній бытъ рабочихъ, распространилъ между ними хлѣбопашество и огородничество, развелъ картофель, бывшій до того врѣмени рѣдкостью. Повидимому, онъ разсчитывалъ, и весьма основательно, на будущее, но не окончивъ начатаго, былъ смѣненъ.

О. ЛЬВОВЪ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА НЕИЗВѢСТНАГО.

«*Май*... Въ деревню, въ деревню! Пора вздохнуть на просторѣ. Я рассчитывалъ прожить въ деревнѣ сколько возможно, снявъ квартиру у какого нибудь крестьянина. Въѣхавши въ одно село, я попросилъ ямщика остановиться у первой хаты. Ко мнѣ вышелъ мужикъ; я поклонился ему и спросилъ:

— Не могу ли я у васъ нанять квартиру?

— Не знаю, родной: у насъ есть холодная изба, да понравится ли вамъ? Вы чьи?

— Я изъ Петербурга. Я не занимаю никакой должности. Мнѣ хотѣлось пожить въ деревнѣ.

Мужикъ пригласилъ меня въ избу, наполненную кадучками, пенькою и разнымъ тряпьемъ.

— Мнѣ нравится эта комната, сказалъ я: — позвольте мнѣ ее занять.

Бабы начали выбирать изъ избы рухлядь. Со мной былъ самоваръ, который вскорѣ шумѣлъ на столѣ.

— Не угодно ли вамъ чаю, Егоръ Трофимычъ? спросилъ я.

— Если ваша милость не побрезгаетъ.... отвѣчалъ мужикъ.

— Сдѣлайте одолженіе.... Каковъ у васъ нынче хлѣбъ?

— Да умолотомъ плохъ.... вотъ гречиска попрѣла и овесъ тоже не добрѣ....

— А другіе хлѣба? тоже плохи?

— Плохи-съ.... вотъ тоже съ чего-то скотина началадохнуть, печально сказалъ мужикъ.

— Давно ли?

— Да вотъ передъ Миколой она почала... знамо, кормочку

ей нѣту.... А то вонъ у меня недавно лошадь пала.... Сыночекъ померъ....

На другой день я познакомился съ семействомъ хозяина. Изба была набита поросятами и ползающими дѣтьми.

Къ вечеру я собралъ въ деревнѣ до десяти мальчиковъ и открылъ въ своей квартирѣ школу.

Познакомился съ N... N привѣтствовалъ меня разговоромъ о томъ, какъ они были на охотѣ и какимъ образомъ застрѣли зайца....

Недавно былъ въ одной крестьянской избѣ: толковали о работѣ, пряли, ссорились; по полу бродили цыплята. Все семейство упрекало другъ-друга, кто сколько поѣлъ хлѣба; одна больная баба стонала на полатахъ; парень говорилъ своей матери старухѣ, что нѣтъ денегъ на подушное, что сарай развалился; старуха говорила, что хлѣбъ на исходѣ. И это вѣроятно идетъ каждый день!...

Июль.... Въ нашихъ окрестностяхъ живетъ слѣдующая барыня. Домъ ея съ заглохшимъ садомъ, покосившимися столбами на подѣздахъ и разбитыми рамами.

Барыня ходитъ въ кацавейкѣ. У ней есть дочь лѣтъ двадцати пяти, не красивая собою; она ничего не читаетъ, больше сидитъ въ дѣвичей — играетъ въ носы и вслушивается, не звенитъ ли колокольчикъ на улицѣ?

Въ кабинетѣ барыни груды холстовъ, намычекъ, картофелю. Здѣсь барыня ведетъ разныя смѣты по имѣнію или штопаетъ чулки и поглядываетъ, не идетъ ли на ея огородъ чья нибудь корова. Замѣтки свои она не бережетъ, и мнѣ разъ пришлось прочитать изъ нихъ слѣдующее:

«.... За 18.. годъ. Августъ, сентябрь.

«Ермолай Антоновъ: восемь человекъ семьи, одна корова (пятого августа отелилась); десять куръ, два пѣтуха (одинъ изъ нихъ похожъ на индюшку). Ржи восемь копенъ, гречиху поѣлъ осенью; хохлатая курица непокойна — летаетъ на мои огурцы; корова бываетъ въ моемъ коноплянникѣ....»

Однажды я разговорился съ дочерью барыни:

— Читаете ли вы? спросилъ я.

— Нѣтъ-съ, у насъ книгъ нѣтъ....

— Любите ли вы природу?...

Она молчала. Молчаніе продолжалось долго. Наконецъ она принесла свой альбомъ и сказала:

— Вы вѣроятно скоро уѣдете, напишите мнѣ что нибудь — на память.

Я взялъ альбомъ, исписанный разными руками и пока обдумывалъ, что написать, моимъ глазамъ представились слѣдующія замѣтки:

«Капитанъ Пряниковъ. Жаль руку въ саду, уѣхалъ на Кавказъ.... Жду....»

«Поручикъ Кошкинъ. Обѣдалъ два раза.... усы длинные.... Измѣнилъ!..»

«Припорщикъ Онеговъ. Много цѣтъ.... подастъ надежды....»

«Поручикъ Июлкинъ. Нѣтъ надежды....»

Въ проливные дожди въ разбитыя окна барскаго дома гудеть вѣтеръ. Барышня кутается въ ватное пальто; барыня перебираетъ шнурки и тоже зѣваетъ. Но иногда, несмотря на дождь; барыня отправляется куда нибудь на таратайку и привозитъ цѣлый возъ моркови, рѣпы, и все въ домѣ оживаетъ.

Иногда несколько горничныхъ вбѣгаютъ къ барынь и причать:

— Барыня! офицеръ ѣдетъ!

— Офицеръ ѣдетъ! вскорѣ раздается по всему дому.

— N-скаго полка.... второй дивизіи — прапорщикъ Метелкинъ, говоритъ офицеръ.

— Вы вѣроятно съ нами откушаете? спрашиваетъ барыня.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчаетъ офицеръ, — и всѣ садятся за столъ.

— Ваша деревня очень живописна, говоритъ офицеръ, проглатывая кусокъ.

— Да съ....

Раздается звонъ колокольчика и черезъ минуту является другой, запыленный офицеръ.

— Втораго N-скаго пѣхотнаго батальона — прапорщикъ Мочалкинъ!

— Не угодно ли вамъ съ нами откушать?

Мочалкинъ садится за столъ и проворно набрасываетъ на столъ салфетку.

— Вы должно быть изъ Петербурга? спрашиваетъ хозяйка.

— Нѣтъ, изъ Москвы, сухо говоритъ офицеръ, осушая рюмку водки.

— Не взыщите! говоритъ хозяйка.

Всѣ поднимаются.

Новый гость подходитъ къ углу и начинаетъ подвязывать саблю.

— Какъ, вы уже отправляетесь? спрашиваетъ дочь барыни.

— Поспѣшаю догонять товарищей.

Вскорѣ звенитъ колокольчикъ.

— Вы не танцуете? спрашиваетъ барышня оставшагося офицера.

— Нѣтъ, я сейчасъ уѣзжаю....

— По крайней мѣрѣ, просить грустнымъ тономъ барышня: — напишите мнѣ что нибудь въ альбомѣ.

Она приноситъ альбомъ и офицеръ пишетъ:

«Для любви одной природа
Насъ на свѣтъ произвела.»

Онъ подвязываетъ саблю и тоже уѣзжаетъ....

Нигуда не ѣзжу; ученики всѣ читаютъ. Нерѣдко слышу въ семействѣ хозяина толки о сбруяхъ, снастяхъ, о хлѣбѣ....

Сегодня былъ у меня становой по поводу моей школы.

— Вы не имѣете права основывать школу, говорилъ онъ: — покажите мнѣ предписаніе.

— Но вѣдь учить же грамотѣ сельскіе дѣтчики?

— Да, сказалъ становой: — но эти учителя кромѣ псалтыря ничего не смыслятъ.... Вы упускаете изъ виду наши высшія соображенія....

Пришлось помочь одному семейству, гдѣ вопіяло зло изъ-за рубля. Помощь вѣроятно была такъ кстати, что ко мнѣ пришелъ съдой старикъ и упалъ въ ноги.... Я видѣлъ предъ собой съдую голову, плачущее, старое лицо!...

Былъ въ полѣ; пахалъ мужикъ.... вились кое-гдѣ вероты.... все было грустно, одиноко вблизи стоялъ дремучій лѣсъ, какая-то тихая жалость отъ пѣсней шумѣвшихъ деревьевъ. О чемъ говоришь ты, прекрасный лѣсъ? или плачешь ты? Но онъ все шумитъ, никому ничего не говоря; — героев ли ты какихъ оплакиваешь, или всю нашу родную сторону? Вечеръ.... темно... вдали слышится чья-то горемычная пѣсня.

Въ нашихъ окрестностяхъ живутъ слѣдующія три сестры дѣвицы.

Утро. Дѣвицы въ бѣлыхъ пеньюарахъ сидятъ и зѣваютъ: одна держитъ романъ и посматриваетъ на себя въ зеркальце; другая смотритъ въ окно; а третья лежитъ на диванѣ, подложивъ руки подъ голову. Лакей съ угрюмымъ лицомъ стоитъ у двери и говорить:

— Къ чаю пожалуйте.

— Не отправиться ли намъ сегодня за клубничкой? дѣшво говоритъ одна.

Другая декламируетъ:

И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ....

— Куда же дѣвался поручикъ Астафьевъ? спрашиваетъ третья.

Лакей отвѣчаетъ:

— Астафьевъ на Кавказъ давно уѣхали.

— Отъ кого ты слышалъ?

— Это вѣрно, сударыня.... Къ чаю пожалуйте!..

Длится молчаніе. — Горничная приноситъ газеты.

— Вѣчная скука!... пишутъ о хлѣбныхъ ввозахъ... о тор-
фѣ.... Одна закуриваетъ папироску и говоритъ, пуская дымъ:

— Кто меня враждебной властью изъ ничтожества воз-
звалъ?... Тихо шуршатъ листы по комнатѣ....

— Къ чаю пожалуйте! нетерпѣливо говоритъ лакей.

Послѣ чаю дѣвицы всѣ въ саду. Одна сидитъ на скамейкѣ, потягивается и говоритъ какъ бы про себя:

— Ахъ, теперь Богъ-знаетъ куда уѣхала бы.... въ Ита-
лію.... въ Швейцарію. Отчего это къ намъ никто не ѣдетъ? Она задумывается и поетъ: «Спи, ангелъ мой, спи, Богъ съ тобой.»

Другая идетъ по аллеѣ, щелкая листьями. Появляется мать.

— Матав! вы читали le Nord?

— Особеннаго ничего.... говоритъ мать, и уходитъ.

— Кушать пожалуйте! говоритъ лакей.

— Итакъ онъ не воротится, тихо разсуждаетъ третья, гуляя по дорожкѣ. — Отчего грозы такъ давно нѣтъ? хочется грозы. Антонъ! пришли мнѣ стакавъ воды. (Она садится). Какая тишина!...

— Кушать подано! повторяетъ лакей.

— Какая это у тебя книга, ma chère?

— Все Маркизь....

По саду щебещать птицы, повсюду райская тишина....

— Что жъ это никто не ѣдетъ? повторяетъ одна.

— Барыня гнѣваться изволятъ, замѣчаетъ лакей.

Завтракъ идетъ такъ: дѣвицы не садятся за столъ; они про-
должаютъ гулять по комнатамъ, нрѣдка подходя къ столу и съ какииъ-то пренебреженіемъ дотрогиваясь вилкой до маленькаго ку-
сочка, который потомъ несъѣденнымъ лежитъ гдѣ нибудь на окнѣ.

Послѣ завтрака дѣвицы въ платьяхъ находятся въ своей

комнатѣ: — кто надъ кроватью, кто надъ стуломъ читаетъ. Одна сидитъ въ креслахъ, положивъ ноги на ближайшій стулъ.

Упорное молчаніе, только на улицѣ реветъ корова.

— Кушать пожалуйста! говоритъ лакей.

Всѣ молчатъ. Лакей пожимаетъ плечами.

— Дай мнѣ карандашъ.... тихо говоритъ одна; другая молча даетъ....

— Барышни! кушать подано! повторяетъ лакей.

— Вотъ седьмую страницу перевертываю и сама не знаю, что я прочитала, говоритъ третья съ глубокимъ вздохомъ.

— Ахъ, какая скука!... у меня ужасно болитъ голова.... Она закрываетъ глаза.

— Оттого, другъ мой, что ты нагнувшись читаешь.

— О чемъ это люди пишутъ, хлопчуть? Не пойму никакъ....

— Кушать пожалуйста!

— Je vous assure, ни прогрессамъ этимъ, ни новизнамъ, при всей добротѣ души моей, ей Богу, не сочувствую.... tout ça m'est bien egal!...

— Помилуй, mon amie, кто жъ этого не понимаетъ? Да возможно ли въ нашемъ положеніи это сочувствіе? Что для меня такое — грамотность вводится? Негровъ хотятъ освободить? дороги, каналъ какой нибудь проводятъ?

— Я, говоритъ другая, держа передъ собою книгу:—въ отношеніи ко всѣмъ этимъ вещамъ глуха, слѣпа и нѣма.

Продолжаетъ читать. — Настаетъ молчаніе. Одна говоритъ, качая ногой:

— Что такъ жадно глядишь на дорогу....

— Кушать подано!

— Кажется, громъ гремитъ, съ радостью говорятъ всѣ. — Антонъ! громъ гремитъ?

— Точно такъ: туча здоровая валитъ оттудова...

Двѣ подходятъ къ окну; сверкаетъ молнія.

— Барышни! кричить вбѣжавшая горничная:—какой-то молодой человѣкъ прѣхалъ.

— Кто? откуда?

— Изъ Петербурга.... Всѣ несутся въ залъ.

Молодой человѣкъ раскланивается; начинаются толки о прогрессѣ, о Петербургѣ и пр....

Июль.... Все по старому.... средства мои истощаются.... Опять быль становой. Вездѣ неурядица; всѣ досаждаютъ на

жизнь, провалиться хотять... Чего-то ждуть, будто въ дорогу собираются.... Каждый день бѣдность; и сознание, что не чѣмъ помочь.... Кругомъ все глухо.... молчить непробудно....

На дняхъ видѣлъ слѣдующую деревенскую сцену: у нашего крыльца стояли двѣ телеги съ огромными клѣтками, въ которыхъ сидѣли куры, индѣйки и гуси; вокругъ клѣтокъ были прикрѣплены деревянные желоба съ зернами; птицы кричали и пѣли. Въ избѣ моего хозяина сидѣлъ мѣщанинъ и спрашивалъ, не продается ли что? Кто показывалъ старую рубаху, кто ловилъ подъ кечкой куръ. Въ избу вошелъ мужикъ и сказалъ, что онъ продаетъ двухъ цыплятъ.

— Позднѣе? спросилъ мѣщанинъ.

— Да, молодые.

— А гдѣ они у тебя содержались?

— Иногда на дворѣ, иногда въ избѣ, сказалъ мужикъ.

— Когда ты говоришь въ избѣ, гляди сюда: какая же имъ должна быть цѣна? вѣдь все это издохнуть должно, поколѣтъ?

Мужикъ былъ озадаченъ; хотѣлъ что-то говорить но не могъ.

— А вотъ зипунъ не купишь ли?... спросилъ онъ, раскрывая полы своей одежды.

— Ну, не знаю! Это товаръ-то плѣвый!...

Вошла въ ветхомъ армякѣ старушка и сказала, обратившись къ курятнику:

— Не купишь ли, родной, у меня гусыню избеную?...

— Опять избеную! сказалъ курятникъ.

— Только, начала старуха, — я тебѣ что хочу сказать: есть у ней порокъ: разъ Ванюша, мой сыночекъ, рубилъ что-то въ избѣ, а эта гусыня и подвернись.... Онъ ее!

Старуха посмотрѣла на курятника.

— Голову, что ли, отрубилъ?

— Сохрани Богъ! сказала старуха: — только два персточка отсѣкъ....

— Ну, это дурацкая гусыня!... воскликнулъ курятникъ и вышелъ на улицу, гдѣ встрѣтилъ большую толпу бабъ и мужиковъ; кто держалъ пеньку, холстину, кто цыплятъ и утокъ, кто даже привелъ теленка.

— Телятъ я не покупаю: а что этотъ стоитъ?

— Что ужъ дашь.... говорили ему.

— Маловатъ больно.... Ну, его!...

— Ты, что жъ дашь, значить? Намъ вотъ на подушное....

— Трехрублевый, пожалуй....

— Помилосердствуй, Ермилъ Андронычъ! Этому телку ужъ годъ...

— Что тамъ! пустой теленокъ! сказалъ курятникъ.— Ты послушай меня, ты знаешь, по чемъ нонѣ скотина?

— По чемъ?

— Поди спроси на базарѣ! Ну, вы что?

— Пенька, онучи.... заговорили голоса....

— Ермилъ Андронычъ! у меня есть свинья.

— Небойсь, дорога? спросилъ мѣщанинъ.— Ты понимаешь человѣка благороднаго? Вотъ какъ отъ души сейчасъ помереть: неужели ты думаешь, что я нуждаюсь въ свиньѣ? Что я такое? Наше ремесло куры! Ладно! веди свинью...

— Ермилъ Андронычъ! не хочешь ли, у меня кобыла есть?

— Постой, сказалъ курятникъ:— ты сообрази: что я, цыганъ что ли? Неужели, промышляя курами, я долженъ нацѣплять къ своему возу цѣлый табунъ лошадей?

Вскорѣ завизжали свиньи и поросята, и курятникъ купилъ все. Сѣвши на возъ, онъ сказалъ:

— Такъ-то, братцы!

А нѣкоторые изъ мужиковъ говорили между собой:

— Что жъ, куда жъ податься-то!..

Я уѣзжаю.... Прощай, деревня!... Лежи больной.... вся надежда на твой организмъ....

— Прощайте, добрые люди! сказалъ я хозяину и его семьѣ.

— Что жеты, родимый, — уѣзжаешь отъ насъ? заговорила семья.

— Да; живите себѣ....

— Вѣрно служба тебя требуетъ?

— Нѣтъ, у меня службы нѣтъ.... Я буду безъ дѣла...

Я стоялъ у притоки и хотѣлъ что-то сказать, но только выговорилъ:

— Прощайте, братцы!

— Прощай, кормилецъ!

Дорогой пошелъ дождь; я едва доѣхалъ до станціи.

Я сидѣлъ у окна и смотрѣлъ вдаль.

На горѣ стояла мокнувшая деревенька, словно заливавшаяся слезами....

— Прощай, родимая!...»

И. УСИНСКІЙ.

УТОНЛЕННИКЪ.

СЦЕНА ИЗЪ НАРОДНАГО БЫТА.

(Посылается Екатерина Николаевна Васильева).

«Рыболовъ ли вѣтъ волнами,
Или хлѣбный молодецъ,
Или ограбленный ворами
Недогаданный купецъ».

ПУШКИНЪ.

Открытый плацъ на берегу рѣки. На рѣкѣ паромъ. Занимается заря.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛІЦА:

ПОТАПЪ
КУЗЬМА
МАТВѢЙ } работники на перевозѣ.
ДЕМКА
НИКИТКА, племянникъ Потана, 7 лѣтъ мальчикъ.

Кузьма. Какъ книжка-то прозывается?

Матвѣй. «Черный гробъ или Кровавая вѣзда».

Потанъ. Книжка занятая. Въ старину, говорятъ, въ нашей

сторонѣ тоже разбойникъ жилъ. Знаешь Булаткинъ лѣсокъ.... тамъ просѣлка-то....

Кузьма. Какъ не знать.

Потапъ. Тутъ онъ и жилъ. И грабилъ какъ.... страсть! Пробѣду не было. Дѣдушка покойникъ рассказывалъ,—онъ еще махонькой въ тѣ поры былъ;—бывало, говоритъ, соберетъ махонькихъ ребятшекъ къ себѣ въ лѣсъ, и ничего, не трогаешь, не то, чтобы, къ примѣру, билъ, али что,—ничего. Холи, говоритъ, ребята, завсегда.

Матвѣй. Ребятъ онъ не трогаешь. Парнишку махонькаго за что? Хоть бы вотъ Микитку? Его за виски, коли онъ забалуется; вотъ его сейчасъ. (*Беретъ Никитку слегка за волосы*) Что, чертенюкъ?

Никитка (*смѣется*) Больно!

Матвѣй. А тебѣ не больно хочется? (*Никитка смѣется*) Постой, я тебя произведу. Богъ дастъ, подростешь, — рѣпу воровать обучу. Ишь ты, верченый!

Кузьма. А ты, Микитка, скажи; я и безъ тебя воровать-то умѣю.

Никитка (*смѣется*). Я и безъ тебя воровать-то умѣю.

Матвѣй. Умѣешь?! Ахъ, ты, паршивый! Такъ ты умѣешь.... (*Тянется къ нему; Никитка, съ звонкимъ смѣхомъ, прячется за Потапа*).

Кузьма. Микитка, скажи: жену молю свою собственную на чаю пропили.

Никитка. Жену на чаю пропили.

Кузьма. Свою собственную.

Никитка. Свою собственную.

Матвѣй. Убью! За ноги, да такъ въ рѣку и брошу, и матеря не скажу.

Никитка. Не смѣешь!

Потапъ. Полно, дурашка! Ложись такъ-то. (*Никитка ложится на армякъ*).

Матвѣй (*одъеваетъ его*). Гдѣ такой воръ парень родился, въ какомъ полку онъ служить будетъ, на какой народъ воевать пойдетъ....

Потапъ. Разъ дѣдушка съ ребятами пришелъ къ нему....

Кузьма. Къ разбойнику-то?

Потапъ. Да.... въ лѣсъ-то. А онъ и говоритъ: скажи, говорить, старостѣ, чтобы безирешиво въ Сызрань дашъ на по-

клонъ приходилъ, а то, говорить, краснаго пѣтуха къ вамъ пу-
щу. Староста заартачился, а онъ ночью село съ обѣихъ концовъ
и зажегъ. Все тогда погорѣло! Церква была у насъ большая—и
церква сгорѣла. Вотъ гдѣ теперь крестъ—то стоитъ, тутъ церква
была. Въ тѣ норы, какъ она погорѣла, крестъ на самомъ на
этомъ мѣстѣ поставили, чтобы во вѣки вѣковъ стоялъ.... Что-
бы, значить, чувствовать.

Кузьма. Чтобы мы это понимали....

Потапъ. Да, извѣстно. Какъ, значить, тутъ церква была и
вотъ теперича, наприимѣръ, крестъ. — И это, дѣдушка сказывалъ,
какъ эта самая церква загорѣлась, сейчасъ до самаго неба
огненный столбъ всталъ.... верстъ за пятьдесятъ его было вид-
но. И стоялъ этотъ столбъ....

Демка (*выходитъ*). Словно бы по берегу кричить кто-то.

Матвѣй. Ну, пушай кричить.

Демка. Можетъ, гонеть кто.

Кузьма. Мелко, не утонеть.

Потапъ. Коли ежели около дубу кто сорвался — утонеть;
тамъ глубоко.

Демка. Лодку нешто отвязать....

Матвѣй. Что те коробить!...

Демка. Да мнѣ все одно; я такъ сказалъ. (*Садится*).

Матвѣй. Кто теперь на рѣку пойдетъ, кому нужно!

Демка. Я, братцы, снова тонулъ.

Матвѣй. Пьяный?

Демка. Выпимши.

Матвѣй. Выпимши не хорошо: долго на водѣ провалян-
даться; а пьяный — любехонько; ровно бы ключикъ, такъ и
опустившись да садясь на доньшко пузырьки пуцать.

Демка (*вздраживаетъ*). Страсть!

Потапъ. Рѣка никого не помируетъ.

Кузьма. Что говоритъ!

Потапъ. А меня разъ въ Волгѣ сомъ за ногу ухватилъ. (*Всклещаетъ*).

Матвѣй. Вотъ на чорта-то наскочилъ.

Потапъ. Сейчасъ надохнуть! (*Демка вздраживаетъ*).

Матвѣй. Да что ты трясешься-то? Аль съ фальшивымъ пач-
портномъ по бѣлу свѣту гуляешь?

Демка. Да такъ, братецъ мой, какъ вадумаю это я какъ
было уронить-то, такъ видно лихоманка прохватываетъ.

Кузьма. Да гдѣ жь ты это?

Демка. Въ прокшинскомъ бочагѣ.

Матвѣй. Экъ тебя лѣвнѣй—то куда занесъ.

Демка. Были мы у кума на менинахъ, въ Прокшинѣ. Ну, вѣдѣстно, напились. И такъ я этого хмѣлю въ свою голову засыпалъ, себя не помню. Кума прибилъ (*всѣ смеются*), теткѣ Степанидѣ шаль изорвалъ.... Просто, сейчасъ умереть, лютей волка сдѣлался. И съ чего бы, кажись, окромя настойки, ничего не пили. Кумъ—то: что ты, говоритъ, мою хлѣбъ—соль ѣшь, а самъ.... да какъ хлѣсь меня въ ухо, хлѣсь въ другое!... И такъ мнѣ пьяному—то это обидно показалось, кажись бы такъ вотъ зубами весь потрохъ изъ его выворотилъ! Вышибъ окно, выскочилъ на улицу, да бѣжать. Дѣло—то въ самое въ Воздвиженье было. Ночь темная, дождикъ такъ и хлещетъ. Выскочилъ—то я въ одной рубахѣ, да и бѣгу ровно очумѣлый, и не знаю куда бѣгу, больно ужъ злость—то меня одолѣла. А собаки со всего—то Прокшина за мной.... Батюшки мои! просто на части рвутъ.

Кузьма. Вотъ оказія—то!

Демка. Бѣжалъ, бѣжалъ.... разъ! Сорвался въ оврагъ, да колесомъ вертѣлся, вертѣлся.... бутлыхъ!...

Потапъ. Въ самый этотъ бочагъ?

Демка. Да.

Кузьма. Ну, чудо!

Демка. Помню маленько: рукой это по водѣ—то бью, а голоసు ужъ этого во мнѣ нѣтъ. Ровно бы оцувствовался, да и думаю: тону. Какъ вздумалъ я это, такъ ко дну и пошелъ.

Потапъ. Значить, испужался.

Демка. Мырнулъ опять на верхъ—то, ударилъ рукой—то, должно, пльить хотѣлъ, — въ руку мнѣ ровно бы что—то попало. Весь хмѣль соскочилъ! Кустъ тутъ былъ; пруть отъ его мнѣ въ руку—то и попалъ; за кустъ—то я и уцѣпился. Тутъ ужъ въ разумъ пришелъ. Вижу, братецъ: ночь темная, хонь глазъ выколи, вѣтеръ такъ и воетъ. Висѣлъ, висѣлъ на кусту—то, — слышу, собаки залаяли и огонечекъ показался. И закричалъ же я, братцы, огонечекъ—то увидавши!... Давай теперича тысячу рублевъ, такъ не крикнешь. Два года опосля глотка болѣла. Слышу, и тамъ кричатъ.... Народъ прибѣжалъ съ фонарями.

Матвѣй. Какъ же нашли—то?

Демка. По собакамъ, собаки означили. Жена за мной выскочила, а за ей и гости которые побѣжали. Вытащили меня,

привели къ куму, опять я этой настойки выпилъ три стаканчика, согрѣлся.... (Прислушивается.) Взаправду, кричатъ.... (Выбѣгаетъ изъ шалаша и снова возвращается.) Выходи всѣ! (Всѣ выходятъ.) Слышь! (Всѣ смотрятъ другъ на друга вопросительно; съ противоположнаго берега слышится злой стонъ.)

Матвѣй. Далече!...

Потапъ. Окрикни.

Матвѣй. Держись!... Держи-ись! (Слова слышится стонъ.)

Демка. Тонетъ, братцы.

Потапъ. Постой. (Прислушивается.) Да! чья-то душа Богу понадобилась. Отвязывай лодку.

Матвѣй. Эка наша рѣка блажная! Сколько она за гѣто народу переглодаетъ. (Берутъ весла, отвязываютъ лодку; Матвѣй съ Демкой садятся.)

Потапъ. Садись живо. Матюха, отчаливай. Права держи.... На голосъ ступай. Ахъ ты, Господи!... (Лодка быстро отвязывается.)

Кузьма. Гдѣ найти! Долго больно держался-то. Демка-то еще когда сказывалъ, что кричить.

Потапъ. Поди жь ты!

Кузьма. Слава Богу, что ночь-то свѣтлая. Ишь ты заря-то... Бѣлый день.... Да вонъ, вонъ.... видишь, плещется....

Потапъ. И то!

Кузьма (кричитъ). Вправо забирай!... (Съ лодки слышится голоса: «держи-ись! держи-ись!»)

Потапъ. Богъ милостливъ! Видишь.... окунулся. Вонъ.... опять выскочилъ. (Слѣдятъ внимательно.)

Кузьма. Сохрани Господи всякаго человѣка.

Потапъ. Не видать?

Кузьма. Опустился!... Должно, конецъ его душенькѣ....

Потапъ. Кричатъ что-то. (Долго смотрятъ съ напряженнымъ вниманіемъ.)

Кузьма. Вонъ поплылъ, вонъ поплылъ.... Должно, вытаскивали. Какъ-то Богъ далъ. (По рѣкѣ раздается кельский говоръ; солнце мгновенно освѣщаетъ свѣтломъ все пространство; Потапъ и Кузьма крестятся; лодка подходит къ берегу.)

Потапъ. Что, братцы?

Матвѣй. Подержи лодку-то. Чуть было самъ не утопъ. Какъ-то тяжелый, Богъ съ нимъ. Принимай, ребята. (Потапъ съ Кузьмой выносятъ трупъ на берегъ.)

Потапъ. Не опускай на земь. Качай такъ.

Матвѣй. Ничего не подѣлаешь: мертвый.

Кузьма. Взаправду, мертвый.

Потапъ. А можетъ.... (Начинаютъ откачивать.) Только, ребята, чтобы не разговаривать, не пужать.

Демка. Нѣтъ, братцы, смотри-ка, спина-то у его какъ по синѣла. (Всѣ смотрятъ.)

Кузьма. Да.

Потапъ. Воды много наглотался.

Демка. Долго оченно. (Кладутъ трупъ на роожку.)

Матвѣй. Какъ ухватилъ-то я его, еще онъ живъ былъ.

Демка. Подошли-то какъ мы, еще онъ держался.

Потапъ. Мы видѣли.

Матвѣй. Долго оченно въ водѣ-то я его искалъ. (Выжи-
мастъ подошь рубашки). Продрогъ какъ.... Ухватилъ я его за
водосья-то, словно бы маненько шевелился.

Потапъ. Какой здоровенный парень-то.

Кузьма. Надо быть купецъ.

Демка. Купецъ и есть, ишь какая одежина-то.

Матвѣй. И какъ, братцы, это онъ попалъ?

Потапъ. Какъ попалъ! Можетъ, ограбили да бросили. Брѣ-
шная дорога по той сторонѣ-то идетъ.

Кузьма. (Покрывая трупъ роожкой). Отмаялся ты на семь
свѣтъ, голубчикъ. (Никитка выходитъ изъ шалаши; слышится
звонъ колокола).

Потапъ. Въ монастырѣ къ заутрени ударили. (Всѣ кре-
стятся). Упокой, Господи, душу раба твоего.

Всѣ. Упокой, Господи.

Матвѣй. (Къ Никиткѣ). А ты, что жъ не крестись? Кре-
стись.

Никитка (безсознательно). Упокой, Господи, душу раба
твоего.

Потапъ. Что жъ, ребята, теперь ступай къ стожовому. Объ-
яснить надо.... такъ и такъ....

Кузьма. Затаскаютъ насъ, братцы, тедевича.

Демка. Пожалуй; и въ острогъ вдеишь!

Кузьма. Хитраго нѣтъ.

Матвѣй. За что?

Демка. А за то!

Матвѣй. За что — за то?

Демка. Тамъ ужъ опосля выйдеть рѣшеніе!..

Матвѣй. Коли ежели такъ, я его опять въ рѣку сволоку.

Потапъ. Экой дуракъ! Ты крещеный ли?

Матвѣй. Да какъ же! За что жь меня въ острогъ....

Демка. Я сидѣлъ разъ въ острогъ-то, за подбѣръніе. Главная причина, братцы, говори всѣ одно, не пугайся. Мѣсяца два меня допрашивали. Сейчасъ приведуть тебя, становой скажетъ: «вотъ, братецъ, человекъ вы утопили; сказывай, какъ дѣло было.» Ничего молъ, ваше благородіе, этого я не знаю; а что собственно услыхамши мы крикъ, и теперича, какъ человекъ ежели тонеть, отвязали мы, значить, лодку....

Кузьма. Ну вотъ, ребята, слушай да и помни. Чтобъ всѣмъ говорить одно.

Демка. Отвязали мы лодку, подошли къ этому самому мѣсту и, значить, вытащили.

Кузьма. Мертваго?

Матвѣй. Вѣстимо, мертваго.

Кузьма. То-то.

Демка. А на счетъ-то, что откачивали — молчи. Потому, скажетъ: какъ ты смѣлъ до его дотронуться? Како тако ты право имѣешь? Коли ежели человекъ померъ, oprичь становаго никто не можетъ его тронуть. Такъ вы это и понимайте.

Матвѣй. Ишь ты, лохматый чортъ, какъ онъ судейскія-то дѣла произошелъ.

Демка. Я, молъ, какъ свѣча горю передъ вашимъ благородіемъ, прикажите хоть огни подо мной разжигать, — я ничего не знаю. «Я, скажетъ, братецъ, вѣрно знаю, что это *ваше дѣло.*» Говори одно: какъ вашей милости будетъ угодно, я этому дѣлу не причиненъ. И помни, ребята: какъ приведуть, сейчасъ писарю гривенничекъ въ ручку. Потому, ежели писарь, что напишетъ — ужъ это такъ точно; самъ становой такъ не можетъ.

Потапъ. Такъ, значить, всѣ такъ и говори.

Демка. Его завтра потрошить пріѣдутъ, доходить до всего будутъ, что къ чему.

Кузьма. И мертвенькому тебѣ, голубчику, не даютъ покою.

Потапъ. Бабъ-то нѣтъ, некому надъ тобой и поплакать-то.

Демка. Можетъ, матушка родная по ѣмъ теперича плачетъ.

Матвѣй. Кто жь, ребята, пойдетъ?

Демка. Да я пойду.

Матвѣй. Ступай, братъ. Ты на счетъ разговорѹ лучше.

Демка. Я разговаривать съ кѣмъ хонь могу. (Идемъ съ шашей).

Потапъ. Ахъ, господинъ честной, хлопотъ намъ твое тѣло бѣлое понадѣлало.

Кузьма. Богу тамъ за насъ помолить.

И. ГОРБУНОВЪ.

2-го января.

Ужь осень! Кажется, давно ли
Цвѣтущимъ ландышемъ дремучій пахнулъ лѣсъ
И рѣки, какъ моря, сливались по волѣ
Весною дышущихъ небесъ!

Давно ль ладья моя качалась
Тамъ, гдѣ теперь скрипятъ тяжелые возы;
Давно ли жаркая въ разливѣ отражалась
Заря, предвѣстница грозы!

Я помню облаковъ волокна
Сплывались, и ночь спускалася кругомъ
На крыльяхъ вѣтра, а вдали сверкали окна
И грохоталъ весенній громъ.

И въ блескѣ молній мнѣ казалось
Волшебнымъ островомъ знакомое село.
Я плывъ — горѣла грудь — ладья моя качалась
И вырывалося весло.

Я правилъ къ берегу разлива,
И хата, крытая соломой, съ крыльцомъ,
Ко мнѣ навстрѣчу шла, мигая мнѣ пугливо
Уединеннымъ огонькомъ.

Стихало. Туча громовая
Отодвигалася за дальніе плетни;
Пѣлъ соловей, а я причаливалъ, бросая
Весло свое на дно ладьи.

О, ночька, золотая ночька,
Какъ ты свѣжа была, безлунная, въ звѣздахъ!
Какъ ты притихла вдругъ, когда ея сорочка
Мелькнула въ темныхъ воротахъ!

Козачка бѣдная, пугливой
Голубкой ты росла; — но ты меня рукой
Манила издали; меня твой взоръ ревнивый
Могъ узнавать во тѣмѣ ночной.

Не диво, корень приворотный
Мнѣ за карбованецъ отецъ твой навязалъ,
И ужь чего-чего старикъ словоохотный
Мнѣ про него не насказалъ.

Когда послѣдній шкаликъ водки
Хвативъ, онъ поклялся хмѣльной на образахъ,
Ты вышла блѣдная изъ-за перегородки
И долго плакала въ сѣняхъ.

И недоступная дѣвчица,
Ты въ эту ночь пошла, какъ тѣнь пошла за мной,
Я помню, лѣсъ былъ тихъ и сонная долина
Въ росѣ бѣлѣлась подъ луной.

Когда холодными руками
Ты обвила меня, и съ головы платокъ
Скатился на плеча, — прильнувъ къ устамъ устами,
Я страсти одолѣть не могъ....

На самомъ дѣлѣ оправдала
Ты знахарство отца; ни плеть его съ тѣхъ поръ,
Ни брань, ни кулаки, ничто не помогало;
Силенъ былъ вражій заговоръ....

На сидѣнкахъ опустила
Въ кругу дѣвчатъ твою обычную скамья;
Ты мнѣ лишь одному стѣпныя дѣсни пѣла,
Свои предчувствія тая.

Бѣдныжка! въ корень приворотный
Ты вѣрила, а я, — я вѣрилъ, что весна
Колдуетъ и въ гнѣздѣ у птички беззаботной,
И у косящата окна.

Л. ПОДОНСКИЙ.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ БІОГРАФІИ

Н. А. ДОБРОЛЮБОВА.

Бывши однимъ изъ людей, близкихъ къ Добролюбову, я разобралъ бумаги, оставшіяся послѣ него, и теперь занимаюсь собираніемъ другихъ матеріаловъ для его біографіи. Дѣло это требуетъ довольно долгаго времени; и пока я успѣю исполнить долгъ, лежащій на мнѣ, считаю полезнымъ напечатать нѣкоторые изъ матеріаловъ, уже находящихся въ моихъ рукахъ.

Н. Чернышевскій.

Михаилъ Алексѣевичъ Костровъ, мужъ сестры Николая Александровича, Антонины Александровны, приславъ мнѣ письма Николая Александровича къ сестрамъ и къ нему, приложилъ къ этому собранію небольшую записку о дѣтствѣ покойнаго, которому онъ давалъ уроки до поступленія Николая Александровича въ семинарію. Вотъ отрывки изъ этой записки:

«Домашнее обученіе его (Николая Александровича) начато было очень рано, а вмѣстѣ съ этимъ очень рано начала сказываться и его талантливая натура. Уже лѣтъ трехъ, со словъ матери своей (это была умная, прекрасная женщина, и недаромъ о ней доселѣ всѣ родные и знакомые такъ много жалуютъ), онъ заучилъ нѣсколько басенъ Крылова и прекрасно произносилъ ихъ передъ домашними и чужими, ибо покойный родитель его, не скрывая своей радости и своихъ восторговъ отъ своего даровитаго Коли, любилъ иногда похвастаться имъ и

передъ чужими, приходившими къ нему въ гости или по дѣлу. Я сказалъ, что онъ заучивалъ эти басни со словъ мамы своей. Дѣйствительно, такъ какъ отецъ его, занятый то службою церковною, то училищною (онъ былъ нѣсколько времени законоучителемъ въ здѣшнемъ канцелярскомъ училищѣ), то уроками частными, а особенно стройкою своихъ домовъ, не могъ большею частію даже и быть дома подолгу, а не то, чтобы много заниматься съ дѣтьми,—то вообще на первое развитіе сына его понеобходимости должна была имѣть вліяніе мать. Мать же выучила его и читать, да, кажется, и писать азбуку. Когда ему стало 8 лѣтъ (съ половиной, кажется), то приглашенъ былъ въ учителя для него кончившій курсъ семинаріи—Садовскій; но этотъ послѣдній занимался съ нимъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ, потому что поступилъ самъ въ священники. Тогда былъ приглашенъ къ нему я. Я былъ въ это время переведенъ въ философскій классъ и немного извѣстенъ былъ родителямъ Николая Александровича, потому что квартировалъ у родственниковъ ихъ, Благообразовыхъ. Поступивъ къ нему въ учителя, я старался во-первыхъ заохотить его къ ученію, чтобы «*учиться*» обратилось для него въ главную и насущную потребность; а во-вторыхъ, доводить его до яснаго, по возможности полнаго и отчетливаго понятія о каждомъ предметѣ, не слишкомъ заботясь о буквальномъ заучиваніи имъ уроковъ (конечно, при обученіи латинскому и греческому языкамъ приходилось ограничиваться только, впрочемъ совершенно достаточнымъ, знаніемъ всякихъ правилъ грамматическихъ и синтаксическихъ). Покойная мать его не разъ тутъ замѣчала, что изъ нашей классной комнаты почти только и слышно: «почему», «отчего», да «какъ» и т. д. Отецъ его, видя, что сынъ его, при своей отличной восприимчивости, при усердіи и любознательности, оказывалъ отличные успѣхи, и что вообще наше ученіе идетъ въ порядкѣ, не мѣшалъ намъ, и свободно предавался своимъ служебнымъ и хозяйственнымъ занятіямъ,—только иногда навѣдывался объ его успѣхахъ и давалъ ему тѣ или другіе вопросы по тому или другому предмету. Такимъ образомъ наше ученіе продолжалось около трехъ лѣтъ, если изъ этой цифры не исключать мѣсяцевъ пяти или шести его болѣзней или моихъ каникулъ. Тогда онъ, т. е. по прошествіи трехъ лѣтъ, былъ представленъ въ духовное училище, изъ котораго черезъ годъ и былъ переведенъ третьимъ ученикомъ въ семинарію. Въ семинаріи онъ учился пять лѣтъ, и шелъ все первымъ. Съ словесности же онъ началъ читать все, что только могло попадаться ему подъ руку; свѣтскіе журналы, онъ доставалъ дди (иногда) у семинарскихъ наставниковъ, или (все-го болѣе) у квартировавшихъ въ его домѣ генерала Уддыбашева и князя Трубецкаго, и у нѣкоторыхъ прихожанъ. Семинарское образованіе

не могло удовлетворить его, какъ онъ нерѣдко говорилъ и мнѣ объ этомъ; не надѣялся онъ удовлетвориться и въ духовной академіи, а временно желалъ ѣхать въ какой нибудь университетъ. Отецъ его не прочь былъ и самъ отпустить его туда, но затруднительное положеніе кошелька (ибо онъ былъ кругомъ въ долгу по выстройкѣ дома своего) было причиною, что рѣшено было отправить его въ с.-петербургскую академію, по каковому поводу бывший тогда у насъ преосвященный Іеремія далъ ему даже рекомендательное письмо къ ректору оной.

«Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» кто-то сказалъ, что покойный Николай Александровичъ былъ всегда слабого сложенія. Рѣшительно сказать этого нельзя, хотя и точно онъ былъ золотушнаго сложенія; золотуха обнаруживалась у него и у маленькаго, и лечился онъ отъ нея и въ бытность свою студентомъ Педаг. института. Конечно, усиленныя занятія въ семинаріи, а отчасти и въ училищѣ, и по поступленіи въ институтъ, могли имѣть не очень благопріятное вліяніе на его здоровье;—но останься въ живыхъ его отецъ и мать, все обошлось бы для него недурно, и онъ живъ былъ бы и (относительно говоря) здравствовалъ бы доселѣ. Рѣшительное вліяніе на разстройство его здоровья произвела смерть его матери, а потомъ и отца, за которыми послѣдовали, какъ неизбежное слѣдствіе, его еще болѣе усиленныя и непрерывныя работы и во время институтской жизни и послѣ, которыя, при грустномъ настроеніи духа его, и докончили его. Смерть родителей и особенно, кажется, матери, подлѣ которой онъ до 17-ти лѣтъ находился неотлучно, для которой и онъ былъ любимымъ сыномъ, и не только сыномъ, но и лучшимъ другомъ,—потому что отецъ, по службѣ своей, чаще всего отсутствовалъ,—и которую и самъ онъ любилъ, какъ другому и не удастся любить, была такимъ ударомъ для него, отъ котораго онъ не опомнился до смерти своей. «На что мнѣ и жизнь-то теперь» (т. е. безъ матери), говорилъ онъ намъ при послѣднемъ нашемъ свиданіи: «развѣ только для братьевъ и сестеръ; ну, для нихъ-то я еще лѣтъ пять-шесть проживу.» Эта смерть родителей имѣла вліяніе не только на физическое, но и нравственное состояніе его».

Сущность нравственной перемѣны, о которой говорить М. А. Костровъ, будѣтъ видна читателю изъ напечатанныхъ въ этой книжкѣ «Современника» стихотвореній Ник. Ал.—вича: «Благодѣтель» и «На гробѣ отца». Она видна также изъ слѣдующихъ словъ М. А. Кострова, который, упоминая объ этихъ стихотвореніяхъ, продолжаетъ:

«Онъ (Н. А.) былъ самымъ набожнымъ человѣкомъ въ Нижнемъ» — то есть до отъѣзда въ Педагогическій институтъ, — «считалъ за грѣхъ выпить чаю въ праздничный день до обѣдни, послѣ исповѣди до причастія даже воды не пилъ, усердно всегда молился и съ глубо-

кимъ чувствомъ. Но вотъ онъ, получивъ извѣстіе о болѣзни матери, съ такимъ чувствомъ и такъ же горячо и усердно молился Богу объ ея выздоровленіи. Богъ не вынулъ его молитвамъ. Этого мало: черезъ пять мѣсѣцевъ умеръ и отецъ, оставивъ восемь человѣкъ дѣтей, малъ-мала меньше. «Что жъ это такое?»—подумалось ему».

Изъ этихъ словъ читатель уже видитъ, что переимѣна, о которой упоминалъ выше М. А. Костровъ, состояла въ паденіи прежнихъ убѣжденій Н. А., и въ появленіи иного взгляда на законы вселенной.

Но колебаніе прежнихъ убѣжденій началось въ Н. А. еще раньше отъѣзда въ Петербургъ; это мы знаемъ изъ разговоровъ съ Н. А., и то же самое свидѣтельствуется любопытная въ психологическомъ отношеніи подневная записка очень оригинальнаго характера, уцѣлѣвшая въ его бумагахъ. Вотъ начало этого дневника, для котораго Н. А. придумалъ заглавіе «Психаторіумъ»—углубленіе въ душу.

«Психаторіумъ».

«7 марта, 1853 г. 1-й часъ по полудни.»

«Нынѣ сподобился я причащенія пречистыхъ Таинъ Христовыхъ и принялъ намѣреніе съ этого времени строже наблюдать за собою. Не знаю, будетъ ли у меня силъ давать себѣ каждый день отчетъ въ своихъ прегрѣшеніяхъ, но по крайней мѣрѣ прошу Бога моего, чтобы онъ далъ мнѣ положить хотя начало благое. Боже мой! Какъ мало еще прошло времени (*) и какъ уже много лежитъ на моей совѣсти! Вчера, во время самой исповѣди, я осудилъ духовника своего и потомъ скрылъ это, не покаялся; кромѣ того, я сказалъ не всѣ грѣхи, и это не потому, что позабылъ ихъ или не хотѣлъ, но потому, что не рѣшился сказать духовнику, что еще рано разрѣшать меня, что я еще не все сказалъ. Потомъ я сѣтовалъ на отца духовнаго, что онъ не о многомъ спрашивалъ меня (**); но развѣ я долженъ ожидать вопросовъ, а не самъ говорить о своихъ прегрѣшеніяхъ? Только вышелъ я изъ алтаря, и сдѣлался виновенъ въ страхѣ человѣческомъ (***) , за

(*) То есть со времени принятія св. Таинъ.

(**) Такимъ образомъ, всѣ предъидущія прегрѣшенія объясняются очень просто: духовникъ, исповѣдуя 17-лѣтняго юношу, жизнь и нравы котораго конечно зналъ очень хорошо и безъ исповѣди, по домашнему или учительскому знакомству съ нимъ, и за которыми не было никакихъ особенныхъ проступковъ, не почелъ нужнымъ напрасно длить исповѣдь, а Н. А. посовѣтился затруднять его просьбою о продолженіи исповѣди, когда духовникъ прекратилъ ее разрѣшительною молитвою.

(***) Какимъ образомъ?—не объяснено; по всей вѣроятности, поклонился какому нибудь отцовскому знакомому, котораго не уважалъ въ душѣ, или что нибудь подобное.

тѣмъ челоуѣкоугодіе (*) и, хотя легкій, смѣхъ съ товарищами присодинились къ этому. Потомъ суетныя помышленія славолюбія и гордости, разсѣянность во время молитвы, лѣнность къ богослуженію, осужденіе другихъ—увеличивали число грѣховъ моихъ» и т. д. и т. д.

Этотъ ежедневный списокъ своихъ «прегрѣшеній», съ благочестивыми укоризнами себѣ, велъ Н. А. съ 7 марта до 9 апрѣля, такъ что набралось цѣлыхъ 32 страницы за эти 34 дня. Всѣ дни, разумѣется, похожи одинъ на другой; вотъ, на примѣръ, 29 страница «Психаторіума»:

«4 апрѣля, 12 часъ по полудни.

«Опять тѣ же грѣхи въ эти два дня: лѣнность къ молитвѣ, разсѣянность и легкомысліе, осужденіе и насмѣшка, неприязнь къ ближнему, вольныя сужденія, ложь, хитрость, притворство, призываніе лукаваго (**), честолюбіе и славолюбіе, преданіе чувственности (***), чревоугодіе и лакомство» (****) и т. д.

Списокъ этихъ «прегрѣшеній» заключается словами:

«Господи! Спаси мя, не остави мене погибающа!»

Но въ томъ же «Психаторіумѣ», среди длинныхъ перечней всякихъ мелочей, возводимыхъ на степень «прегрѣшеній» усердіемъ Н. А. къ самообличенію, среди краснорѣчивыхъ укоризнъ себѣ за эти «прегрѣшенія», и воззваній о помилованіи и спасеніи, мы находимъ слѣдующія строки:

(7 марта). «Возникало во мнѣ нѣсколько разъ сомнѣніе о важнѣйшихъ истинахъ спасенія».

(12 марта). «Допустилъ въ себѣ сомнѣніе о святой церкви и ея постановленіяхъ».

Подобныя замѣтки встрѣчаются почти каждый день. Да и самое веденіе «Психаторіума» было не больше, какъ искусственною попыткою подогрѣть въ себѣ остывавшее благочестіе: постоянно замѣчаетъ Н. А., что ему скучно вести этотъ дневникъ покаянія, что онъ продолжаетъ его только въ исполненіе правила, которое разъ постано-

(*) Въ чемъ оно состояло?—опять не объяснено; вѣроятно, не возразилъ какому нибудь товарищу на неправильное мнѣніе, чтобы не раздражать челоуѣка напраснымъ споромъ въ церкви, или что нибудь подобное.

(**) Это значитъ, что употреблялъ фразы въ родѣ: «чортъ знаетъ», или «чортъ возьми».

(***) Это значитъ, какъ видно изъ другихъ страницъ «Психаторіума», что долго спалъ, и проснувшись, нѣсколько минутъ лѣнился вставать.

(****) Чревоугодіемъ, какъ опять видно изъ другихъ страницъ «Психаторіума», называетъ онъ то, что пилъ много чаю, который тогда очень любилъ; лакомство—то, что послѣ обѣда ѣлъ варенье, которымъ подчивала его мать.

вилъ себѣ при благочестивомъ настроеніи, овладѣвшемъ на минуту его душою послѣ исповѣди и причащенія: каждый день исписывать страницу перечнемъ своихъ «прегрѣшеній» и укоризнами себѣ за нихъ. Вотъ, напримѣръ, отрывокъ со стр. 30-й.

«7 апрѣля, 12 часъ по полудни.

«Вотъ мѣсяць прошелъ, какъ я предпринялъ доброе дѣло—давать себѣ каждый вечеръ отчетъ въ томъ, какъ я провелъ день, — а уже какъ я излѣнился, какъ извратилъ свое дѣло! Въмѣсто сокрушенія и сознательнаго раскаянія, ограничиваюсь только холоднымъ перечисленіемъ моихъ грѣховъ; я забочусь, чтобы только исписать страницу, и оставляя добрую цѣль въ сторонѣ, отягощаюсь и чувствую уже, что я не могу еще долго продолжать свою исповѣдь *передъ собою*».

М. А. Костровъ говоритъ о благотворномъ вліяніи Зинаиды Васильевны на первое развитіе ея сына и о чрезвычайно нѣжной любви его къ ней. Объ этомъ осталось много свидѣтельствъ въ перепискѣ ея съ Н. А., въ письмахъ его къ роднымъ и другимъ лицамъ послѣ ея смерти до самой смерти его, въ стихотвореніяхъ, найденныхъ нами въ его бумагахъ; наконецъ, мы знаемъ это и изъ разговоровъ съ нимъ. Но оставляя до будущаго времени извлеченіе матеріаловъ для его біографіи изъ его писемъ и изъ личныхъ нашихъ воспоминаній о немъ, мы теперь приведемъ только слѣдующій отрывокъ, писанный, какъ видно по разнымъ признакамъ, черезъ нѣсколько недѣль послѣ ея смерти, еще до каникулъ 1854 года. — Первые страницы этого размышленія затерялись, и уцѣлѣлъ только полулистъ, которъй начинается словами:

«...получилъ я (*) свои лучшія качества, съ ней сроднился я съ первыхъ дней моего дѣтства; къ ней летѣло мое сердце, гдѣ бы я ни былъ, для нея было все, все, что я ни дѣлалъ. Она понимала эту любовь; но я не успѣлъ показать ее на дѣлѣ, не успѣлъ осуществить то, чѣмъ хотѣлъ ее радовать... Мало радостныхъ минутъ доставилъ я ей. Я былъ слишкомъ гордъ; я не хотѣлъ прежде времени высказывать даже ей, моей дорогой, своихъ гордыхъ плановъ и надеждъ, думалъ, что будетъ время—на дѣлѣ увидитъ она, какого сына имѣеть и сколько онъ любитъ ее.... Не случилось такъ.... И почему же не вѣрить мнѣ, что она смотритъ на меня съ высоты небесъ, радуется....

(*) Очевидно, что надобно дополнить эту фразу такъ: отъ нея (отъ матери) получилъ я...

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ—если это правда, если она видитъ меня, мою тоску, мой терзанья, мои сомнѣнья, она умолитъ Бога, чтобы онъ послалъ ее вразумить бѣднаго, жалкаго сына. Иначе ей будетъ рай не въ рай, если только она не разлюбила меня. Мать моя! Милая, дорогая моя! Я всего лишился въ тебѣ! Видишь, я плачу... Миѣ тяжело, миѣ горько!... Помолись за меня, чтобы Богъ остановилъ меня на краю гибели!... Вѣдь ты честная праведница, и Богъ услышитъ тебя. Явись миѣ, утѣшь меня... Дай миѣ вѣру, надежду... Съ надеждою можно жить въ мирѣ... Неужели же разстояніе между нами такъ непроходимо, что и материнское сердце не услышитъ мольбы страдающаго сына?... Или я въ самомъ дѣлѣ долженъ думать, что ты не существуешь болѣе, и что я тоже машина... Но зачѣмъ же эта страшная тоска, эта грусть, эти сомнѣнія? Мать моя! Вѣрю, что ты любишь меня... Вразуми и научи безпомощнаго!... Заставь меня вѣрить и утѣшаться будущимъ!... Мое положеніе такъ горько, такъ страшно, такъ отчаянно, что теперь ничто на землѣ не утѣшитъ меня. Самая сильная радость обратится у меня въ печаль, самая громкая слава, огромное богатство, всевозможные успѣхи только заставятъ содрогнуться мое сердце, при одной мысли—что, если бы это знала мамаша,—какъ бы мы съ ней порадовались!... И эта мысль тяжело, громаднымъ камнемъ падетъ миѣ на сердце, и не будетъ миѣ счастья въ счастья одинокаго эгоизма....»

Этотъ отрывокъ замѣчательнъ, какъ памятникъ кратковременнаго періода борьбы прежнихъ убѣжденій съ новыми въ душѣ Николая Александровича. Тутъ онъ еще страшится безпредѣльнаго простора, открывающагося его мыслямъ и дѣятельности; этотъ просторъ еще представляется ему ужасною бездною; но онъ уже видитъ, что не удержится за прежними своими рамками, и дѣлаетъ послѣднее усиліе, чтобы подставить опору для падающей преграды. Онъ ищетъ эту опору даже въ томъ самомъ чувствѣ, оскорбленною силою котораго влечется онъ на свободный просторъ.

Характеристиченъ и самый этотъ источникъ новой умственной жизни. Натуры, въ которыхъ преобладаетъ отвлеченный умъ, приходятъ къ разрыву съ мифными дѣтства уже и вслѣдствіе однихъ только теоретическихъ соображеній. Я не встрѣчалъ чловѣка съ болѣе сильнымъ и свѣтлымъ умомъ, чѣмъ какой былъ въ Николаѣ Александровичѣ. Но при этомъ было въ немъ такое живое сердце, что чувство постоянно служило ему первымъ возбудителемъ и мыслей, и дѣлъ. Отъ этого его убѣжденія и настрѣнія всегда были реальны, его стремленія всегда были чрезвычайно опредѣленны, — опредѣленны до конкретности, и при всей безпредѣльности своей теоретической программы, онъ всѣ силы свои обращалъ на исполненіе той части ея,

которая могла быть осуществлена непосредственно, чтобы эта частная перемена служила средством для осуществления дальнѣйшихъ замысловъ. Пользуясь представившимся фактомъ его жизни, я хочу представить примѣръ свойственнаго ему хода мыслей.

Рядъ ихъ начинается конкретнымъ фактомъ: умерла женщина, смертью которой разстроена жизнь многихъ людей, и навсегда опечалены нѣкоторые изъ нихъ. Она умерла отъ неудовлетворительности отношеній, въ которыя была поставлена. Не годится, чтобы оставалось такъ. Обстановка человѣческой жизни должна быть измѣнена, чтобы не умирали преждевременно люди. Но въ этомъ общемъ стремленіи къ пересозданію всей человѣческой жизни, остается ему памятенъ частный фактъ, возбудившій все стремленіе въ немъ. Дѣло шло о женщинѣ, для которой теперь все зависитъ отъ семейныхъ отношеній. А въ семейныхъ отношеніяхъ тяжеле всего теперь грубость отношеній всякаго старшаго къ младшимъ. Потому ненависть сосредоточивается на грубомъ авторитетѣ, господствующемъ надъ патриархальною семьею. Вотъ объясненіе страстной силы, съ какою возставалъ Николай Александровичъ противъ него, заклеившій его именемъ самодурства. Изъ сердца, обливавагоса кровью, лились его слова. Когда онъ писалъ, передъ его мыслью неотступно стояли конкретные факты дѣйствительной жизни, стояли фигуры людей, съ которыми онъ сроднился въ жизни, скорбь которыхъ онъ прочувствовалъ. Его статьи — какъ будто эпилоги къ біографическимъ и автобіографическимъ разсказамъ.

О времени, которое провелъ Николай Александровичъ въ семинаріи, написалъ по моей просьбѣ слѣдующія воспоминанія М. Е. Лебедевъ, бывшій его товарищемъ во все время семинарскаго его ученія.

«Въ 1846 году 12—15-лѣтніе ученики высшаго отдѣленія нижегородскаго духовнаго уѣзднаго училища, только-что перешедшіе изъ низшаго отдѣленія и имѣя уже за плечами четыре года несладкой работы надъ горькими корнями ученія, были нѣсколько неприятно поражены, что къ нимъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ ректоръ училища привелъ 10-лѣтняго мальчика Добролюбова учиться. «Прямо въ четвертый классъ!», говорили ученики, удивлялись и завидовали. — «Да что ему!» объясняли наиболѣе практическіе и опытные, съ досадою: «у него отецъ—то николевскій священникъ, богатый; домъ какой! каменный. А нашъ Лебедевковъ поросенка приметъ и сдѣлаетъ что угодно.» — «Семь копѣекъ принялъ отъ матери Свородумова», поясняетъ другой съ азартомъ. — «Три горшка отъ моей тетки принялъ и къ Рождеству за недѣлю отпустилъ меня домой», ядовито откровенничаетъ третій....

У первыхъ учениковъ шелъ другой толкъ. «Говорятъ, братцы, подготовленъ хорошо. А латинскій какъ знаетъ! Книгъ много у отца... Онъ ужь Карамзина прочиталъ». (Карамзина когда-то еще удастся намъ самимъ почитать, года черезъ четыре: такъвъ порядокъ былъ тамъ въ распредѣленіи книгъ для чтенія). Вотъ будетъ качать!» И первые ученики заранѣе уже назначали, кого изъ нихъ долженъ спихнуть Добролюбовъ; о возрастѣ его судили весьма одобрительно. Начали присматриваться. Прежде всего оказалось, что мальчикъ очень кѣжной, барской наружности, съ очень мягкими руками; увидали, что очень скромнъ и застѣнчивъ, какъ дѣвочка, дичится всѣхъ, чуждается. Въ переѣздахъ классныхъ и доприхода учителя ни съ кѣмъ не являлся, а читаетъ книжки, которыя изъ дому носитъ. Книжки были все по предметамъ, проходимымъ въ классѣ.—Въ этомъ классѣ уже начиналось изученіе латинскаго синтаксиса; учитель, преподававшій его весьма дѣльно, хотя и съ мѣрами строгими до жестокости, задавалъ переводы съ русскаго языка на латинскій такимъ манеромъ, что самъ назначалъ только немногія латинскія слова и фразы, наиболѣе трудныя, а остальные приписывались самими учениками. Тогда-то Добролюбовъ поразилъ всѣхъ новостью: самостоятельно фразируя нѣкоторыя примѣры, насколько зналъ латинскій языкъ, онъ вставлялъ въ данныя сентенціи совершенно новыя и умѣстныя мысли, такъ-что съ перваго же опыта получилъ отмѣтку наставника: *ter optime*; слѣдующія затѣмъ отмѣтки были: *eximie*, *egregie*, *ter eximie* и ниже *optime* никогда не спускались. Кромѣ того, наиболѣе замѣчательныя изъ его упражненій учитель съ искреннимъ удовольствіемъ читалъ и разбиралъ въ классѣ при всѣхъ. Успѣхъ этотъ былъ поразителенъ: первые ученики бросились за нимъ въ погоню; изученіе латинскаго языка сдѣлалось весьма интереснымъ (конечно, только для меньшинства и для учителя). Пытались объяснить сначала успѣхъ Добролюбова посторонней помощью, но скоро разубѣдились. Когда учитель заставлялъ въ классѣ учениковъ фразировать по-латинѣ русскія предложенія и рассказывать по-латинѣ своими словами изъ «Корнелія Непота» и «Латинской хрестоматіи», то Добролюбовъ постоянно отличался при всѣхъ. Наконецъ и собственные опыты подражателей его увѣрили, что это довольно возможно и безъ посторонней помощи. Съ такимъ же успѣхомъ Добролюбовъ занимался священной исторіей, географіей, ариеметикой и другими науками, занялъ повсюду 4-й № въ спискахъ, и въ 1848 г. перешелъ во 2-е отдѣленіе словесности (нижнее отдѣленіе семинаріи, по множеству воспитанниковъ дѣлившееся на два параллельныя отдѣленія). Въ семинаріи, съ теченіемъ времени, Добролюбовъ погружается въ ученныя занятія. Отъ товарищей держится такъ же далеко, хотя принимаетъ къ себѣ

всѣхъ, кому угодно его посѣтить. Но все свободное отъ посѣщеній время завялъ книгами. Онъ читалъ русскихъ авторовъ, ученыя сочиненія, журналы—и дома и въ классѣ. Въ его упражненіяхъ по классу реторики и пѣнтики постоянно было видно знакомство съ лучшими русскими литераторами, что и выставлялось на видъ учителемъ словесности. Въ немногихъ упражненіяхъ, какія были по исторіи всеобщей, была видна та же начитанность. Его возраженія, напримѣръ, по математикѣ профессору—монаху, по исторіи противъ учебника Кайданова—были выслушиваемы учениками съ участіемъ, которое возрастало, когда профессоръ не рѣшалъ возраженій, а заминалъ ихъ своимъ авторитетомъ, невозможностью распространяться по причинѣ недосуга и другими уловками. Въ среднемъ отдѣленіи семинаріи Добролюбовъ поражалъ громадными сочиненіями по философскимъ темамъ, особенно объ ученіи отцовъ церкви, отчасти изъ русской церковной исторіи. Надо замѣтить, что способы писанія задачъ въ семинаріи были истинно оригинальны. Задавалась, напримѣръ, тема на какойнибудь предметъ; наибольшая часть темъ давалась философскаго сорта, изрѣдка историческаго; въ классѣ профессоръ говорилъ почти то же, что въ сухихъ, короткихъ учебникахъ; предметъ темы никогда обстоятельно не разъяснялся; источниковъ почти никогда не указывали и совершенно никогда не давали въ руки ученикамъ; между тѣмъ общественное мнѣніе въ семинаріи, благодаря самостоятельной дѣятельности лучшихъ учениковъ, было въ пользу большихъ (и дѣльныхъ впрочемъ) сочиненій; но требовало, чтобъ сочинитель *самъ* писалъ свои задачи, т. е. самъ своей головой доходилъ до рѣшенія заданныхъ темъ; а какъ скоро задача отличалась начитанностію, то же общественное мнѣніе обвиняло автора въ заимствованіяхъ: дескать, онъ списалъ, сдулъ. Такимъ образомъ, ученикъ былъ поставленъ въ необходимость или разбавлять риторической водицей и безъ того жидкія свѣдѣнія учебника и летучія замѣтки профессора, или самостоятельно ломать голову надъ вещами, которыхъ не зналъ, или же претерпѣвать укоризну отъ товарищей за сдувательство и уженье своихъ задачъ изъ книгъ. Добролюбовъ, еще до знакомства съ такой странной теоріей писанія задачъ, постоянно сопровождалъ свое чтеніе выписками изъ книгъ, постоянно свѣрялъ съ подлинниками тѣ цитаты въ разныхъ сочиненіяхъ, которыя прочитывалъ, такъ что значительную часть отысканныхъ по смерти его записокъ составляютъ именно подобныя выписки, веденныя имъ съ того времени—или по рубрикамъ различныхъ предметовъ, или по алфавиту, или по журналамъ, съ указаніемъ, гдѣ что напечатано. Ясно, что задаваемые въ семинаріи темы большею частію встрѣчали его уже совсѣмъ готоваго къ отвѣту; поэтому упражненія его отличались обиліемъ мыслей и знаній, и

множествомъ цитатъ: все это становило въ-тупикъ профессоровъ и семинаристовъ. Сначала, какъ водится, на него косились ученики и обвинили въ сдувательствѣ. Но скоро замѣтили, что Добролюбовъ дѣлаетъ выписки, не стѣняясь ни задаваемыми темами, ни даже проходными въ семинаріи науками. Это ошеломило ихъ и въ то же время убѣдило, что тутъ дѣло ведется ни какъ не меньше, какъ на академію, или на университетъ, — словомъ, на ученость, потому что ни филологія напримѣръ, ни литература, ни исторія, да и ничто другое въ такихъ широкихъ размѣрахъ не годится просто для семинарскихъ классовъ, темъ, списковъ и аттестатовъ. Такъ тѣмъ и покончили, занялись своими дѣлами, и результатовъ никакихъ. Въ свою очередь косились и профессора. Нельзя, напримѣръ, ученику обойтись безъ выговоровъ, и Добролюбову иные профессора дѣлали замѣчанія, потомъ и выговоры, за то, что онъ не слушалъ ихъ въ классѣ, а читалъ принесенныя съ собою книги. Добролюбовъ почтительно представлялъ резонъ, что нечего слушать, когда спрашиваютъ учениковъ одно и то же (система ученія была зубрильная); иногда профессоръ успокоивался простымъ увѣщаніемъ, что все же что нибудь можно услышать новое и при спрашиваніи уроковъ; но были случаи, что Добролюбова ловили на классѣ какой нибудь Кайдановой или Устряловой исторіи, греческомъ или латинскомъ языкахъ, за журналомъ, повѣстью, романомъ. Тогда съ выговоромъ бралась книга, клалась на столъ, но не смѣла рваться и зажимиваться, какъ у многихъ другихъ, потому что николюскій священникъ вѣдь тутъ на лицо, въ Нижнемъ.... Въ числѣ профессоровъ, претендовавшихъ на вниманіе, былъ напримѣръ профессоръ логики, «чистый разумъ» котораго ученики, по отзыву своихъ предшественниковъ и собственному опыту, характеризовали такими силлогизмами, подслушанными даже у самого профессора: «когда дитя кричитъ, значитъ ему больно, потому что его бьютъ.... ахъ, нѣтъ, не такъ: когда дитя бьютъ, то ему больно, потому что оно крич.... ахъ, нѣтъ: когда дитя бьютъ, то оно кричитъ, потому что ему больно.... ну, да тамъ сами сдѣлаете послѣ».... Окончательный выводъ объ этомъ профессорѣ выражался силлогизмомъ: въ углу палка стоитъ, слѣдовательно на дворѣ дождикъ идетъ. Другой, профессоръ догматики, бывшій профессоръ латинскаго языка и умѣвшій съпать кстати и некстати цитаты изъ латинскихъ писателей, не могъ освободиться отъ своей привычки и тогда, какъ читалъ (по учебнику) догматику, совершенно новый и незнакомый для него предметъ. Этотъ профессоръ прибавлялъ новые выговоры за то, что языкъ въ сочиненіяхъ Добролюбова слишкомъ чистъ и напоминаетъ журнальные обороты.... Обыкновенно, эти профессора въ своихъ выговорахъ руководились вслухъ формальностью, голословнымъ запре-

щеніемъ. Но втайнѣ вѣроятно была причина проще, — общая причина всѣхъ формальностей: что какъ-то неловко смотрѣть, какъ ученикъ въ вашихъ глазахъ и за вашими часами, какъ разѣ, узнаетъ больше васъ самихъ.... По крайней мѣрѣ на это слегка намекнулъ одинъ профессоръ за веселой компаніей. — Впрочемъ, Добролюбовъ не былъ въ семинаріи феноменомъ, предметомъ молвы или гордости семинаристовъ. Феноменъ въ семинаріи составлялъ молодецъ на возраженія профессорамъ, вскакивавшій и дѣльно отвѣчавшій при первомъ вопросѣ наставника: «кто скажетъ?» — прочитывавшій Библию на еврейскомъ языкѣ, говорившій по-латинѣ, и особенно тотъ, кто постоянно сидѣлъ за картами или кутиль, и все-таки шелъ въ первыхъ. Добролюбовъ же только въ первые года въ семинаріи дерзалъ на возраженія, а потомъ благоразумно утихъ. А что касается до огромной его начитанности, это скромное препровожденіе времени — за книгами, и особенно занятіе литературой, всемірной исторіей и тому подобными *посторонними* предметами, не давало ему права быть феноменомъ; объ немъ не кричали, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онъ представлялъ задачи въ 30, 40 и 100 листовъ. Но такая параллель съ его молчаливымъ поведеніемъ въ классѣ была скорѣе въ ущербъ той молвѣ, какую порождала задача. — Со стороны товарищей возникали неудовольствія на Добролюбова по поводу требованія отъ него книгъ для чтенія; подобныя требованія не всегда и не для всѣхъ возможно было выполнить по ихъ множеству, и не всегда безопасно для цѣлости книгъ со стороны учениковъ, а еще болѣе, ихъ пѣстуновъ. Эти обстоятельства, вмѣстѣ съ постоянными занятіями Добролюбова, давали поводъ считать его какъ бы чуждымъ, какъ бы отдаляющимся отъ товарищей. Такому мнѣнію помогала особенно природная и привитая дикость семинаристовъ, боявшихся ступить ногой къ его отцу, городскому священнику, въ домъ. — Словомъ, семинарія ни по личнымъ, ни по класснымъ отношеніямъ не сходила съ ума отъ Добролюбова, хотя *знала* и уважала его. Самъ Добролюбовъ не водилъ большой компаніи съ товарищами; когда приходили товарищи къ нему въ гости, онъ былъ одинаково любезенъ со всѣми; но какъ и изъ этихъ смѣльчаковъ многіе трусили посѣщать его въ собственномъ его домѣ чаще разу въ мѣсяцъ, то оставалось не болѣе троихъ, четверыхъ постоянныхъ его гостей, которые имѣли случай не только удостовѣриться, что Добролюбовъ не былъ букой, гордымъ или тому подобное, но и сами могли въ его обществѣ и семействѣ стряхнуть съ своихъ костей привитую семинарскую дикость. — Между профессорами онъ нашелъ одного или двоихъ, впрочемъ не изъ своего отдѣленія, которые отчасти напоминали собою гоголевскаго Александра Петровича. — Въ 1853 году былъ вызовъ изъ богословскаго

класса (высшее отдѣленіе семинаріи) въ с. петербургскую духовную академію. — Отправили двоихъ, въ томъ числѣ Добролюбова. Прибывши въ Петербургъ, онъ разомъ держалъ два приемныхъ экзамена: въ Педагогическомъ институтѣ и духовной академіи. Какъ скоро ходъ дѣла показалъ, что его примутъ въ институтъ, онъ прекратилъ сдачу экзамена въ академіи. И только тогда семинарія (ученики собственно) огласилась именемъ Добролюбова: «въ Педагогическій приять!» — «Самъ Ленцъ былъ доволенъ экзаменомъ!» — «Самъ Лоренцъ похвалялъ!» — «Благодарность прислали за него!» — говорили восторженные товарищи, протягивая семинарскую лямку въ $53\frac{3}{4}$ годъ, которымъ оканчивался полный учебный курсъ, неконченный Добролюбовымъ.»

Для читателей, не знакомыхъ съ семинарскими порядками, нужно будетъ объяснить нѣкоторыя подробности этой записки. Напримеръ: что такое значить «дѣлать возраженія»? Въ семинарскомъ преподаваніи осталось очень много средневѣковыхъ обычаевъ; къ числу ихъ принадлежатъ «диспуты» ученика съ учителемъ. Кончивъ объясненіе урока, учитель говоритъ: «кто имѣетъ сдѣлать возраженіе?» — Ученикъ, желающій «отличиться», — отличиться не столько передъ учителемъ, сколько передъ товарищами, — встаетъ и говоритъ: «я имѣю возраженіе.» — Начинается диспутъ; кончается онъ очень часто ругательствами возразившему отъ учителя; иногда возразившій посылается и «на колѣни»; но за то онъ приобретаетъ между товарищами славу «генія». — Надобно сказать, что каждый курсъ въ семинаріи имѣетъ челоуѣкъ пять «геніевъ», передъ которыми совершенно преклоняются товарищи. — Я описываю порядокъ, бывшій лѣтъ 15 или 20 тому назадъ въ семинаріи, гдѣ я учился.

М. Е. Лебедевъ упоминаетъ о «задачахъ». Не знаю, какъ теперь, а въ мои времена достоинство лучшихъ учениковъ оцѣнивалось въ семинаріи не по знанію уроковъ, а по достоинству «задачъ» или сочиненій на темы, задаваемыхъ преподавателемъ. Уроки спрашивались у учениковъ только начиная съ осьмага или десятаго имени въ списокѣ, который составлялся не по алфавитному порядку, а по успѣхамъ. Первый «пятокъ» въ мое время вовсе никогда и не училъ уроковъ, зналъ, что никогда не будетъ спрошенъ въ учебное время. За то онъ работалъ надъ «задачами», собраніе которыхъ приносилось каждымъ ученикомъ и на экзаменъ. У кого эти задачи составляли тодстую кипу, тому было обезпечено благоволеніе всего экзаменующаго начальства.

Не мѣшаетъ объяснить и терминъ «сдавать», употребляемый М. Е. Лебедевымъ. Количество темъ, находившихся въ обращеніи при задаваніи задачъ, было не слишкомъ многочисленно: «страданія приближаютъ насъ къ Богу», «о пользѣ терпѣнія», «дурное общество раз-

вращаетъ нравы», и т. п. въ реторическомъ классѣ или низшемъ отдѣленіи семинаріи; «о различіи разсудка и разума», «о различіи души и тѣла», «о преимуществѣ умозрительнаго метода надъ опытнымъ» и т. п. въ философскомъ классѣ или среднемъ отдѣленіи; всѣхъ различныхъ темъ, задававшихся въ теченіе цѣлыхъ 5 или 6 курсовъ, т. е. 10 или 12 лѣтъ, набралось бы вѣроятно не больше 100; а каждый годъ писалось нѣсколько десятковъ «задачъ», стало быть однѣ и тѣ же темы очень часто повторялись. Поэтому старыя «задачи» заботливо хранились, передавались отъ одного курса къ другому въ наслѣдство на случай неизбѣжнаго повторенія тѣхъ же темъ. У меня были товарищи, у которыхъ по большому сундуку было набито такимъ запасомъ. «Геніи» конечно презирали этотъ способъ отличатся чужимъ трудомъ, и онъ носилъ имя «сдувательства». Въ рукахъ у семинаристовъ бывало очень мало книгъ, какъ упоминаетъ и М. Е. Лебедевъ; потому списыванье чужихъ «задачъ» было почти единственнымъ доступнымъ для нихъ способомъ пользоваться какими-нибудь пособиями при сочиненіи «задачи»; отъ этого всякое пользованіе какими-нибудь пособиями было подводимо общественнымъ мнѣніемъ семинаристовъ подъ обыкновенный случай «сдувательства».

Отсутствіе близкихъ дружескихъ отношеній между Николаемъ Александровичемъ и его товарищами по семинаріи достаточно объяснялось бы уже однимъ тѣмъ обстоятельствомъ, которое выставлено и у М. Е. Лебедева: Николай Александровичъ былъ сынъ городскаго священника, пользовавшагося почетомъ у епархіальнаго начальства. Чтобы могли понять это люди, не знакомые съ семинарскимъ бытомъ, скажу о своихъ отношеніяхъ съ товарищами. Мой отецъ былъ также священникъ губернскаго города въ богатомъ (!) приходѣ (доходы моего отца отъ службы простирались до 1500 рублей ассигнаціями, и мы жили безбѣдно). Всѣ товарищи были мнѣ пріятели; человекъ десять изъ нихъ были со мною задушевные друзья. Сколько разъ яли мы бока другъ-другу въ шуточной борьбѣ,—счета нѣтъ; словомъ сказать, въ классѣ и «бурсѣ» (куда я ходилъ чуть не каждый день для дружеской бесѣды) со мною церемонились товарищи такъ же мало, какъ и со всякимъ другимъ. Но въ гости ко мнѣ ходили только двое или трое изъ товарищей, и то пзрѣдка; и надобно сказать, что они вовсе не были изъ числа ближайшихъ моихъ друзей: они были не больше какъ пріятели; но они не совѣстились посѣщать меня въ моемъ семействѣ потому, что у нихъ была приличная одежда и обувь. Ничто не можетъ сравниться съ бѣдностью массы семинаристовъ. Помню, что въ мое время изъ 600 человекъ въ семинаріи только у одного была волчья шуба,—и эта необычайная шуба представлялась чѣмъ-то даже не совсѣмъ приличнымъ ученику семинаріи, въ родѣ того, какъ если бы мужикъ

имѣлъ брилліантовый перстень. Помню, какъ покойный Миша Левитскій, не имѣвшій другаго костюма, кромѣ синяго зипуна зимой и желтаго нанковаго халата лѣтомъ, — помню, какъ этотъ первый мой другъ не рѣшался навѣстить меня, когда я недѣли три не выходилъ изъ дому, будучи боленъ лихорадкой: а между-тѣмъ мы съ Левитскимъ не могли пробыть двухъ дней но видавшись, и когда онъ не ходилъ въ классъ, я каждый день приходилъ къ нему. Короче сказать, какъ ни умѣренна была степень знатности и богатства моей семьи, но почти для всѣхъ моихъ товарищей войти въ мой домъ казалось такъ же дико, они чувствовали бы себя въ немъ такими же бѣдняками и ничтожными людьми, какъ я чувствовалъ бы себя въ салонѣ герцога девонширскаго. Съ той поры конечно много измѣнилось въ нашей семинаріи; но не настолько, чтобы расказъ мой сдѣлался совершенно обветшавшею стариною.

Очень можетъ быть, что и въ нижегородской семинаріи около 1850 года, когда учился Николай Александровичъ, было не совсѣмъ такъ, какъ въ мое время, около 1845 г., въ саратовской семинаріи; но не думаю, чтобы разница была значительная.

Теперь, какъ я слышу, въ многихъ, а быть можетъ и во всѣхъ семинаріяхъ уменьшилось или совсѣмъ вывелось пьянство. Но въ мое время въ саратовской семинаріи никакое сходбище семинаристовъ не могло не быть попойкою. Николай Александровичъ былъ настолько моложе своихъ товарищей, что не годился бы быть участникомъ попойекъ, если бы жизнь въ семействѣ и не удерживала его отъ подобной наклонности. Вотъ другая причина, по которой онъ довольно рѣдко видѣлся съ товарищами внѣ классовъ (впрочемъ, въ «бурсу» онъ довольно часто ходилъ къ товарищамъ, навѣщалъ и товарищей, жившихъ на квартирахъ, какъ видно будетъ изъ его семинарскаго дневника, напечатаннаго на слѣдующихъ страницахъ). Не думаю, чтобы въ нижегородской семинаріи кутили тогда такъ сильно, какъ въ саратовской въ мои времена, болѣе старья и грубья. Но М. Е. Лебедевъ упоминаетъ, что его товарищи все-таки сильно кутили. А потому еще — разница лѣтъ: когда я перешелъ въ реторику, изъ моихъ 122-хъ человекъ товарищей только четверо имѣли по 14 лѣтъ и только одинъ былъ 13 лѣтъ, — и мы смотрѣли на него, какъ на ребенка. Этотъ юноша кутилъ очень сильно и съ необычайнымъ усердіемъ издѣлывалъ всякія молодецкія штуки; но все его ухарство было недостаточно, чтобы товарищи смотрѣли на него, какъ равнаго себѣ. Николай Александровичъ перешелъ въ реторику имѣя только 12 лѣтъ. Онъ дѣйствительно не могъ по своимъ лѣтамъ войти въ жизнь товарищей.

Дѣлаю эти замѣчанія для людей, не знакомыхъ съ семинарскими

обстоятельствами, въ предупрежденіе недоразумѣній. Но для семинариста довольно было бы знать: отецъ — членъ консисторіи; въ гостяхъ у отца бывають важные чиновники, иногда заѣзжаетъ къ нему даже самъ архіерей; сынъ не пьетъ вина, и при переходѣ въ реторику имѣетъ только 12 лѣтъ, — ясно, что домашнее знакомство съ этимъ ученикомъ невозможно почти ни для кого изъ товарищей участникомъ интимной жизни своихъ товарищей онъ не можетъ быть.

Возвращаемся къ запискѣ М. Е. Лебедева. Вотъ какъ онъ рассказываетъ объ отношеніяхъ Николая Александровича къ его бывшимъ товарищамъ по отъѣздѣ его въ Петербургъ.

«Въ его первыхъ письмахъ изъ Петербурга выражалось совершенное невниманіе къ красотамъ столицы, полное хладнокровіе къ нимъ, которое онъ замѣтно старался передать и тѣмъ, кто требовалъ отъ него подробныхъ описаній. А какъ у семинаристовъ водится описывать всякій городъ, куда метнетъ ихъ судьба учиться, то молчаніе Добролюбова было очень непріятно для его товарищей. Нашлось довольно людей, которые, нисколько не сговариваясь между собой, прямо осудили его за то, что онъ корчитъ изъ себя ужъ очень умнаго человѣка, на котораго будто не дѣйствуетъ никакая внѣшность. Упреки въ гордости, въ невнимательности къ товарищамъ и тому подобное посыпались отвсюду.... За то, безъ всякой просьбы съ ихъ стороны, Николай Александровичъ дѣлился съ знакомыми тѣми идеями, какія онъ встрѣтилъ или развилъ въ институтѣ; онъ высылалъ цѣлыя тетрадки выписокъ, печатные листки, по почтѣ, или съ вѣрными людьми, къ нѣкоторымъ знакомымъ, къ профессорамъ; онъ звалъ ихъ на честную благою дѣятельность, рисовалъ имъ идеалы обязанностей, преимущественно священническихъ; въ пріѣзды въ Нижній онъ довершалъ такія сношенія лично.—Но всегда его хлопоты оставались безуспѣшны. Правда, онъ трогалъ, шевелилъ сердце, видѣлъ, что убѣждались его доводами; но большая часть возражала однимъ страхомъ и опасеніями за его будущность, совѣтовала бросить завиральныя идеи; очень немногіе, сознавая безсиліе, горевали съ нимъ гражданскимъ горемъ и никто не попробовалъ приложить разобранныхъ съ нимъ идей къ дѣлу... Были люди, которые послѣ выраженія сочувствія ему, выражали болѣе сочувствія питейному откупу.... Съ появленіемъ его въ литературѣ развилась въ семинаріи преимущественно гордость, похвальбы имъ; были упреки въ дерзости; задавались вопросомъ, чѣмъ-то онъ кончитъ; — болѣе нечего».

Въ первыхъ письмахъ Николая Александровича изъ Петербурга къ роднымъ видѣнъ тотъ же самый характеръ, которымъ обижались его

таланты. Матери, отцу, двоюродному брату, теткамъ онъ точно также говорить, что описывать Петербурга онъ не хочетъ, что мало и смотрѣть на него, да и нельзя ясно изобразить Петербурга людямъ, не видавшимъ ничего, кромѣ Нижняго. Въ письмахъ къ роднымъ этотъ отвѣтъ отъ описаній, конечно, уже не происходилъ отъ гордости. Дальше увидитъ читатель изъ словъ самого Николая Александровича, что онъ, собираясь ѣхать въ Петербургъ, не интересовался его зданіями, а занятъ былъ другими мыслями.

Факты объ усиліяхъ Николая Александровича—пробудить своихъ нижегородскихъ товарищей къ лучшей умственной и гражданской жизни находятся между прочимъ въ дневникѣ, который велъ онъ нѣсколько времени въ началѣ 1857 г., когда былъ въ IV курсѣ Педагогическаго института.

Кромѣ этого дневника, мы нашли въ его бумагахъ другой дневникъ, веденный въ Нижнемѣ, до отъѣзда въ Петербургъ. Помѣщаемъ его здѣсь почти весь, за исключеніемъ лишь немногихъ страницъ, личныхъ интереса (*).

Впрочемъ, мы не совсѣмъ правильно назвали дневникомъ эти записки, веденныя въ Нижнемѣ—Новгородѣ: въ теченіе пятнадцати мѣсяцевъ Н. А. принимался за продолженіе начатыхъ мемуаровъ только 11 разъ. Сначала, какъ видно, онъ дѣйствительно хотѣлъ записывать каждый день, но съ перваго же раза запустилъ время такъ, что уже поздно было даже и вспоминать день за днемъ. Потому онъ садился записывать только какъ будто по особеннымъ случаямъ, когда происходила особенно важная новость въ его жизни. Вотъ начало дневника.

«1 января, 1852 г.

«Вотъ и еще одинъ годъ «прокнулъ въ елъчностъ!» И еще годъ прошелъ, и еще годомъ сократилась жизнь моя. Грустно встрѣтилъ я этотъ годъ, котораго ждалъ я, можно сказать, съ нетерпѣніемъ. Много я надѣялся на него и отъ него.... Но вотъ пришелъ онъ, и при самомъ вступленіи его, надежды мои разсыплются прахомъ. Грустно, невесело!... Тяжелый день провелъ я нынѣ. Теперь (12 часъ вечера) на

(*) Весь онъ состоитъ изъ шести тетрадокъ, въ каждой по 8 страницъ; мы выпускаемъ изъ 48 страницъ около 14. Имена и фамиліи, напечатанныя здѣсь только одними начальными буквами, такъ и написаны у Н. А., конечно, только потому, что не было надобности писать вполне имена, слишкомъ знакомыя. Ряды точекъ не обозначаютъ пропусковъ, сдѣланныхъ нами или находившихся въ самомъ дневникѣ: это просто привычка Н. А. ставить ряды точекъ въ отрывистой рѣчи. Съ такими безпрестанными рядами точекъ написаны всѣ его статьи, и теперь мы видимъ, что манера писать такъ явилась у него очень рано. Пропуски, дѣйствительно сдѣланные нами, мы обозначимъ на своихъ мѣстахъ особыми оговорками.

дворѣ «бушуетъ вѣтеръ, злится буря, свиститъ и воетъ и буряетъ», и это довольно близко къ состоянію души моей. Я не сдѣлалъ ни единого ничего добраго и полезнаго. Встрѣчая новый годъ, не хотѣлъ я сидѣть всю ночь, но въ два часа «легъ полежать», — не больше, — и задремалъ и уснулъ.... А свѣча осталась на столѣ непогашенная, а книга лежала раскрытая. Къ счастью, огарокъ былъ невеликъ, и, вѣроятно, скоро догорѣлъ и погасъ самъ собой. Впрочемъ, можетъ быть погасила и няня. Я не говорилъ объ этомъ ни слова, но цѣлое утро былъ въ какомъ-то смущеніи. Надѣялся-было я дѣла, — подумалъ я проснувшись, и прямо бросился въ другую комнату къ столу, свѣчѣ и книгѣ, и нашедъ все въ цѣлости, не мало былъ удивленъ и еще болѣе обрадованъ.... Потомъ я поздно пришелъ къ обѣднѣ, простоялъ у порога, сконфузился при исполненіи негѣпой фантазіи, приходившей мнѣ въ голову — поздравить въ церкви А. Н. Ник...., которая мнѣ только кивнула на мое привѣтствіе, и ушелъ, не достоявъ молебна. Потомъ вздумалось мнѣ идти поздравить мать крестную — А. В. П.; я пошелъ, встрѣтилъ сухой пріемъ, проскучалъ лишніе полчаса въ жизни, былъ раздосадованъ невниманіемъ къ себѣ, получилъ порученіе, которое потомъ позабылъ исполнить, и не знаю еще—какъ отдѣлаюсь!... Дома оскорбилъ маменьку, но скорѣ помирился. Въ половинѣ 6-го пошелъ къ одному изъ товарищей, хорошему знакомому В. В. Л...., присидѣлъ тамъ часа два ни скучно, ни весело, хотя смѣялся очень много.... Оттуда мнѣ чрезвычайно хотѣлось, необыкновенно хотѣлось побывать у постольщевъ нашихъ Щ.... и поиграть тамъ съ ихъ прекрасными дѣтьми.... особенно одна.... Тамъ было бы такъ весело!... Все это думалъ я дорогой; но дома ждало меня достойное заключеніе этого чуднаго дня.... Нужно было случиться, чтобъ у насъ въ этотъ день обѣжала со двора наша корова.... Папенька и такъ вынѣ былъ довольно въ худомъ расположеніи духа, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ; но когда сказали ему объ этомъ, онъ окончательно разстроился; и пришедши домой, я засталъ его въ крайне-мрачномъ расположеніи, особенно потому, что это случилось въ новый годъ, и слѣдовательно предвѣщало несчастія въ будущемъ,—предразсудокъ, оказавшій однако сильное вліяніе на папашу. Къ вѣщему несчастію, мамаша съ старшей моей сестрой уѣхали къ А. И. Н. на вечеръ, папаша былъ одинъ, и я долженъ былъ подвергнуться непріятностямъ. Сначала папаша пожалѣлъ о коровѣ, побранилъ заочно работницу,—за дѣло!—и принялся писать свои дѣла.... Я подумалъ, что ждать мнѣ больше нечего, взялъ свѣчу и пошелъ къ себѣ въ комнату. Но папаша позвалъ меня къ себѣ и сказалъ, что «еслибъ я мало-мальски радѣлъ отцу, жалѣлъ его, еслибы у меня хотя немного было мозгу въ головѣ, то я занялся бы этимъ дѣломъ, а не оставилъ его безъ вниманія, будучи

ниъ все равно, хоть все гори, все распропади».... Послѣ этого ничего было ждать ласковаго слова. Я-таки испугался предстоящей сцены, и вискорѣе, по приказанію напаша, сошелъ въ кухню и распросилъ кухарку объ успѣхахъ ея пошсковъ, которые были совсѣмъ безуспѣшны. Узнавши это, я въ точности донесъ папашѣ. Онъ сталъ что-то говорить, и вдругъ, Богъ-вѣсть-какъ, разговоръ перешелъ ко мнѣ, и тутъ-то я долженъ былъ выслушать множество вещей, которыхъ теперь и не припомню въ подробности. Но только главный смыслъ ихъ былъ таковъ: «ты негодяй; ты не радѣешь отцу, не смотришь ни за чѣмъ; не любишь и не жалѣешь отца; мучишь меня и не понимаешь того, какъ я тружусь для васъ, не жалѣя ни силъ, ни здоровья. Ты дуракъ, изъ тебя толку не много выйдетъ; ты ученъ, хорошо сочиняешь, но все это вздоръ. Ты дуракъ и будешь всегда дуракомъ въ жизни, потому что ты ничего не умѣешь и не хочешь дѣлать. Вы меня не слушаете, вы меня мучите; когда нибудь вспомните, что я говорилъ, да будетъ поводомъ. Можетъ, я не долго ужъ проживу. Отъ такихъ безпокойствъ, тревогъ и неспрїятностей поневолѣ захочешь умереть; лучше прямо въ могилу, чѣмъ этакъ жить. Ничего въ свѣтѣ нѣтъ для меня радостнаго; нигдѣ не найду отрады; весь свѣтъ — подлокъ; всѣ твои науки никуда не годятся, если не будешь умѣть жить. Умѣй беречь деньги; безъ денегъ ничего не сдѣлаешь; деньги,—охъ! —трудно достаются: надо умѣть, да и умѣть прїобрѣтать ихъ; какъ меня не будеть, вы съ голоду всѣ умрете; никакія твои сочиненія тебѣ не помогутъ!... Изъ тебя ничего хорошаго не выйдетъ; хило-гнило, хило-гнило; не много въ тебѣ мозгу; а еще умнымъ считаешься». — Все это, на разные манеры повторяемое, я слушалъ отъ 8 до 11 часовъ, — ровно три часа.... Каково это вынести? Не въ первый и не въ послѣдній разъ слышалъ я эти упреки, но нынѣ они особенно были тяжелы для меня. Они продолжались три часа; прозносились не съ сердцемъ, не въ гнѣвѣ, но очень спокойно, только въ необыкновенно мрачномъ и грустномъ тогѣ. Я не видѣлъ никакого повода къ такому обороту разговора, хотя большою частію и сознавалъ относительную справедливость высказываемыхъ замѣчаній. Но все это ничего бы: особенно поразили меня упреки въ нелюбви, нерадѣніи къ отцу, пророческія слова о томъ, что изъ меня ничего не выйдетъ; всего же болѣе эти жалобы на свои труды и безпокойства, на то, что не долго ему остается жить. Чуть не плачу и теперь, припоминая это. Однако мнѣ не хочется вѣрить, и я не смѣю вѣрить этимъ словамъ. Но когда папаша говорилъ, я не смѣлъ, я не могъ произнести ни одного слова, если онъ самъ не спрашивалъ меня: «такъ ли?» — на что я отвѣчалъ только: такъ-съ.... Я бы нашелся, что сказать; но у меня не доставало духу говорить.... Не понимаю, что это такое. А папашѣ это видимо

непріятно.... Но что же дѣлать? Не такъ, не такъ надо со мной говорить и обращаться, чтобы достигнуть того, чего ему хочется. Нужно прежде разрушить эту робость, побѣдить это чувство приличія предъ роднымъ отцомъ, будто съ чужимъ, смирить эту недовѣрчивость, и тогда уже явится эта младенческая искренность и простота.... Впрочемъ, что винить папашу?—я виноватъ, одинъ я причиной этого. Должно быть я гордъ, и изъ этого источника происходитъ весь мой гадкій характеръ. Это впрочемъ, кажется, у насъ наследственное качество, хотя въ довольно благородномъ значеніи.... Однако чудный денекъ! Всѣ такъ встрѣчаютъ новый годъ? Не правда ли?... Можно повеселиться!...

«8 января, 4 часа утра.»

«Вотъ недѣля прошла новаго года, а я еще только разъ открывалъ мой дневникъ. А все эта неотразимая лѣнь, сильная своей «энергіей слабости». Она даже увѣрила меня, что въ эти дни нечего было записывать, и еще когда нибудь увѣрить, что въ моей ничтожной жизни вовсе нечего записывать, и потому дневникъ мой надобно прекратить... Но прежде, чѣмъ сдѣлать это, я спѣшу,—тѣмъ болѣе, что опоздалъ — извиниться передъ новымъ годомъ за мои несправедливые нареканія, которыя я дѣлалъ ему и въ стихахъ и въ прозѣ. Право, онъ вовсе недурень, для начала. Годъ какъ годъ. Ничего особенно страшнаго. Немножко, правда, холоденъ: градусовъ 20, и слышке, съ 2 или 3 числа, стоитъ постоянно; но это еще не великая бѣда. Однако не мѣшаетъ припомнить что нибудь по порядку.

«2 числа, въ среду, корова наплась: Папаша успокоился, былъ очень веселъ, но за обѣдомъ все-таки, не помню по какому поводу, повторено мнѣ было извлеченіе изъ вчерашняго правоученія, съ особеннымъ удареніемъ на то, что во мнѣ мозгу нѣтъ, и съ приполненіемъ таковымъ, что, дескать, напрасно я написалъ огромную задачу, гдѣ напоролъ множество чухи, а между тѣмъ своего дѣла не знаю. Нужно сказать здѣсь, что передъ Рождествомъ я написалъ сочиненіе о мужахъ апостольскихъ, листовъ въ 35, опустилъ при этомъ нѣсколько казенныхъ задачъ и уже нѣсколько разъ мнѣ доставалось за это.... Въ этотъ день вечеромъ ходилъ я къ Ник., относилъ книгу — «Письма Святогорца», взялъ 2-ю часть ихъ же; слышалъ тамъ, что у нихъ въ тотъ день былъ преосвященный. Я спрашивалъ, не говорили ли онъ чего о папашѣ, но сказали, что ничего не поминалъ. Когда я, пришедши домой, сказалъ объ этомъ папашѣ, онъ сказалъ: «ну, ужъ отъ Ник. не жди добра, опять чего нибудь напугаютъ, наговорятъ. Все ало, ежели я что получалъ, такъ отъ нихъ».... Вотъ подозрительность! Вотъ преувеличеніе! Жаль, что пишу я эти слова... У Н. видѣлъ я, между прочимъ, madame, приставленную къ дѣтямъ

Н. А. Наз. Это что-то новое для меня. По романамъ я представлялъ губернантку именно такимъ несчастнымъ существомъ, какъ ее описываютъ; но это совершенно другое дѣло! Она жеманится, важничаетъ, жалуется на угаръ, сердится, говоритъ: «я не могу», «я не хочу»; а ей все смотреть въ глаза, все за ней ухаживаетъ, все ей кланяется. Миѣ кажется, она весь домъ заберетъ скоро въ свои руки, если ужъ не забрала (*).

3 января. Въ четвертокъ была у насъ—«Ангель мой! Христось съ вами! Душка мой! Ангель мой!...»—К. П. З.—Странная женщина!... Нѣжна до приторности, чувствительна до обидчивости и слезливости, деликатна до сентиментальности. «Словечка въ простотѣ не скажетъ: все съ ужимкой».... Разъ я игралъ съ ней въ карты.... Возможности нѣтъ: только и слышишь: «позвольте миѣ спашевать», или: «Николичка! ангель мой! Будьте такъ добры, — передайте миѣ прикунку».... или: «а миѣ повистовать позволите?...» И все съ такой раздражающей душу приторно-жеманной гримасой, такимъ разсыпавшимся нѣжнымъ голосомъ, съ такой кисло-сладкой улыбкой, что я едва удерживался, чтобъ не воскликнуть: «прошу тебя: не мучь меня!...» Часто она пишетъ письма къ папашѣ, такія же, какъ она сама; такъ и вѣсть отъ нихъ К. П.—ною, какъ отъ аптеки лекарствами. Признаюсь, и впечатлѣніе они на меня производятъ такое же, какъ апте-

«16 января.

«(Вотъ какъ я лѣнивъ! Когда я дописалъ тотъ листъ, подъ рукою не было другаго — я полѣнился встать и вынуть его, и такимъ образомъ провелъ больше недѣли!... Каково?...»)

ка. Начинаетъ она обыкновенно очень романически, на примѣръ: «Жизина въ селѣ Борцовѣ», — такъ называетъ она свой господскій домъ. Папашу обыкновенно зоветъ она въ письмахъ, вмѣсто — милостивый государь такой-то — «Всегда благородный и никогда незабвенный духовникъ мой!...» или: «Всегда миѣ милый! Благодарѣтель мой!...» Кромѣ того въ концѣ или въ началѣ каждаго письма пишетъ: «цалую драгоценнѣйшія ручки ваши, и дѣтей ангеловъ цалую». Весьма пріятная и образованная женщина!... Впрочемъ миѣ еще придется поговорить о ней.... Она обѣщала прислать миѣ книгу «Апохоты», по духу очень похожую на нее. На другой день я получилъ эту книгу и прочиталъ уже. Дрянная книжонка какого-то г. Яковлева, впрочемъ очень хорошая для подобныхъ К. П. З. Можетъ быть авторъ на нихъ и рассчитывалъ.»

(*) Здѣсь выпущено нами нѣсколько строкъ, говорящихъ о женитбѣ одного изъ родственниковъ Н. А.

Биографическая важность разсказа, относящагося къ 1 и 2-му январю, видна сама собою. Разсказъ, относящійся къ 3-му января, показанъ намъ интересенъ потому, что онъ показываетъ, какъ зорко подмѣчалъ 16-лѣтній семинаристъ пошлость въ людяхъ, кажущихся идеаломъ изящества для другихъ юношей того круга, въ которомъ воспитывался Н. А. — Вслѣдъ затѣмъ идетъ мѣсто, разсказывающее намъ первый случай, или одинъ изъ первыхъ случаевъ, проявленія мечты объ университетѣ; судя по тону разсказа, надобно полагать, что Н. А. уже и прежде думалъ объ этомъ, но еще не говорилъ ни съ кѣмъ:

«4 былъ я у Л. Ив. С. Заговорили о Н. А. В., отправившемся въ нынѣшнемъ году въ университетъ, и Л. И. сказалъ, что онъ пишетъ къ нему, что экзаменъ сдалъ хорошо и легко, что заниматься тамъ легче, чѣмъ даже въ семинаріи. А ужъ чего легче заниматься въ семинаріи. Я нисколько не занимаюсь, и все-таки изъ первыхъ не выхожу. Я сказалъ, что и мнѣ хотѣлось бы поступить туда же. Л. И. даже обрадовался этому, очень охотно сталъ со мной говорить объ этомъ, самъ вызвался написать къ Н. А. о моемъ желаніи и сказалъ даже, что «онъ (то есть Н. А.) и программой можетъ послужить». Кромѣ того онъ давалъ мнѣ нѣсколько совѣтовъ, какъ вести себя въ семинаріи, чтобъ успѣть приготовиться и чтобы меня не стали удерживать въ семинаріи, и еще сказалъ: «нѣтъ ли изъ вашихъ прихожанъ когонибудь знакомаго съ Погодинымъ? Онъ можетъ однимъ благосклоннымъ словомъ сдѣлать для васъ многое». Это надо принять къ свѣдѣнію. Мы разошлись, и Л. И. сказалъ, что мы еще объ этомъ потолкуемъ.... Но послѣ я былъ у него раза два и намъ еще «потолковать» не удалось.... Впрочемъ съ тѣхъ поръ я началъ серьезно объ этомъ помышлять. Главное затрудненіе теперь въ томъ, что я плохо знаю языки: латинскій довольно хорошо, греческій плохо, нѣмецкій еще хуже, а французскаго вовсе не знаю. А учителя для меня теперь нельзя нанять, потому что я учусь на фортепiano, а платить двумъ учителямъ вдругъ тяжело.... Впрочемъ, изъ чего можно, я готовлюсь.»

Послѣ этого я пропускаю 11 страницъ, не заключающихъ въ себѣ ничего интереснаго (*). Последнія изъ этихъ выпущенныхъ страницъ писаны 22 февраля и содержатъ окончаніе разсказа о поѣздкѣ съ отцомъ въ гости къ дядѣ, бывшей 16 января, и о томъ, что 17 января Н. А. ходилъ смотрѣть съ хоръ залы благороднаго собранія на происходившіе тогда дворянскіе выборы. Это писано, какъ мы замѣтили, 22 февраля, — такимъ образомъ, Н. А. отсталъ слишкомъ на мѣсяцъ въ записываніи своихъ воспоминаній, и послѣ того на четыре мѣсяца

(*) Дадѣ выброшена по той же причинѣ одна страница между тѣмъ, что написано 24 января и 13 марта 1833 г.

бросилъ записываніе. Прямо за строками о 17-мъ января, написанными 22 февраля, слѣдуетъ:

«17 июля.

«Пора возобновить забытый мой дневникъ, излить въ немъ новыя живыя впечатлѣнія, которыя я нынѣ получилъ. Да, — это стоитъ того, чтобы записать, и я займусь этимъ теперь же, пока еще не прошелъ первый пылъ моего восторга, который, надо замѣтить, проходитъ необыкновенно скоро. Оставляю всѣ свои воспоминанія и замѣтки: теперь не до нихъ, когда нибудь въ другое время. Я слишкомъ занятъ настоящимъ. Нынѣшній день я познакомился съ Иваномъ Максимовичемъ Сладковѣцевымъ (*), — давнишнее мое желаніе и цѣль, къ которой я стремился съ пламенной ревностью, но которая никогда бы не была, вѣроятно, достигнута безъ особенно счастливаго стеченія обстоятельствъ. Вотъ въ чемъ дѣло. Иванъ Максимовичъ послѣ нашихъ нынѣшней сталъ учить у насъ нѣмецкому языку, вмѣсто П. А., который отказался по случаю опредѣленія своего въ концы къ Покрову. По этому случаю Иванъ Максимовичъ немного узналъ меня, особенно потому, что онъ уже познакомился съ папашей на свадьбѣ у Лебед... Потомъ женился товарищъ и бывший другъ Ивана Максимовича, А. А. К., взявъ дочь Гордѣевского священника, въ которой-то степени родственницу моей тетушкѣ, В. В. К. — Иванъ Максимовичъ былъ шаферомъ; тетушка была на свадьбѣ: они познакомились. Послѣ того, какъ-то Иванъ Максимовичъ былъ и у нихъ, то есть у моего дядюшки Л. И. К. съ тетушкой В. В., и тутъ-то былъ разговоръ обо мнѣ. Тетенька, которой я уши прожужжалъ Иваномъ Максимовичемъ, сказала ему о моей чрезвычайной привязанности къ нему; Ив. Максимовичъ очень ловко отклонилъ отъ себя это довольно щекотливое обстоятельство, похвалилъ меня, заговорилъ о моихъ занятіяхъ, и сказалъ даже, что онъ бы желалъ со мною познакомиться. Все это было довольно давно; но онъ съ тѣхъ поръ не переѣхалъ своего обращенія со мною, и на нѣмецкихъ классахъ не подавалъ ни малѣйшаго вида, что отличаетъ меня отъ другихъ. Поэтому я боялся иди, лучше, совѣстился — ни съ того, ни съ сего идти къ нему, и ожидалъ все, не представится ли случай обратиться къ нему, какъ къ наставнику. Но *таковаго* не представилось, и я все не былъ знакомъ съ нимъ, хотя и *пламенно* желалъ этого, то есть такъ *пламенно*, какъ

(*): Это имя: у Н. А. написано обратнымъ, нынѣ печатаю его правильно. Мы не знаемъ, какъ зовутъ г. Сладковѣцева; но если онъ живъ, пусть онъ знаетъ, какою привязанностью платилъ ему бывший его ученикъ за то, что онъ обращался съ семинаристами по-человѣчески и не скрывалъ своихъ честныхъ мнѣній отъ людей, любящихъ истину.

только могу я желать; а у меня натура довольно холодная. Наконецъ представился довольно благовидный предлогъ, подъ которымъ могъ я явиться къ Ивану Максимовичу и по крайней мѣрѣ посмотретьъ, что изъ этого будетъ. Я спрашивалъ въ семинарской библиотекѣ книгу; мнѣ сказали, что она у Ивана Максимовича, что онъ взялъ ее очень давно и что я могу попросить эту книгу у него. Въ самомъ дѣлѣ — не было ничего проще, и къ комунибудь другому я бы ни минуты не задумавшись сходилъ и взялъ. Но при мысли, что нужно идти къ Ивану Максимовичу, мнѣ было какъ-то неловко, какъ-то боязно, и я все не могъ рѣшиться сходить къ нему и вѣроятно не пошелъ бы вовсе, если бы не помогли тутъ особенныя счастливыя обстоятельства, которыя какъ-то вообще довольно ко мнѣ благосклонны, особенно во всемъ, что касается внѣшности. Въ самое время моего глубокаго раздумья, которое обыкновенно начиналось во мнѣ всякій разъ, какъ мнѣ было нечего больше думать, — моя тетюшка сообщила мнѣ о своемъ разговорѣ съ Иваномъ Максимовичемъ. Дядюшка сказалъ мнѣ о желаніи его, чтобы я пришелъ къ нему; а съ другой стороны И. А. В. какъ-то сообщилъ мнѣ, что идти къ наставнику и выпросить книгу, взятую имъ изъ семинарской библиотекки, нѣтъ ничего легче, что это дѣлается очень часто и вообще всѣми принимается какъ вещь самая обыкновенная. Я наконецъ рѣшился (надо замѣтить, что г. И. А. Ж. прежде отговаривалъ меня отъ этого, представляя, что это неловко); но рѣшившись, просбирался съ недѣлю и наконецъ нынѣ зашелъ къ нему почти нечаянно, почти не думая идти къ нему. Вотъ судьба! Впрочемъ некогда, некогда — спрятать скорѣе, завтра окончу рассказъ о своихъ похожденияхъ.

• «11 ноября.

«Вотъ и завтра!... Оно продолжалось до сихъ поръ, и теперь уже поздно описывать подробности моего знакомства съ нимъ, когда оно такъ неожиданно прерывается. Да, я съ нимъ познакомился, и даже наши отношенія достигли нѣкоторой короткости, но я былъ недостойнъ этого счастья, и оно улетѣло отъ меня. Теперь не будетъ вокругъ меня ни одной души, къ которой я чувствовалъ бы сердечную привязанность (исключая, разумѣется, ближайшихъ родныхъ — отца и матери), съ которой могъ бы отдохнуть въ веселомъ или умномъ разговорѣ отъ пустоты моей жизни.... Боже мой! Люди пристращаются — къ красотамъ природы, къ картинамъ, статуямъ, деньгамъ, и они не имѣютъ пренятимъ для наслажденія ими. Всѣ эти вещи могутъ принадлежать имъ, быть ихъ неотъемлемой собственностью, если только не принадлежать всѣмъ, что также не мѣшаетъ всякому нами.... Чѣмъ же виноватъ я, что привязываюсь къ чело-

тѣху, превосходящему творенію Божию? Чѣмъ я несчастливъ, что моя душа не любитъ ничего въ мірѣ, кромѣ такой же души? Ужель преступленіе то, что я инстинктивно отгадываю умъ, благородство, доброту чловѣка, и, отгадавши, всѣми силами души моей привязываюсь къ нему? И за что же наказывать меня, за что отнимать у меня мое счастье, когда оно такъ чисто, невинно и благородно? Сколько ни нѣтъ я привязанностей, всегда злая судьба умчеть отъ меня далеко любимый предметъ, и въ душѣ—тоскливое воспоминаніе и горькое сознаніе своего отчаянія.... Я рожденъ съ чрезвычайно симпатическимъ сердцемъ: слезы сострадательности чаще всѣхъ вытекали бывало изъ глазъ моихъ. Я никогда не могъ жить безъ любви, безъ привязанности къ кому бы то ни было. Это было такъ, что я себя ни зачѣмъ. Но эта постоянная насмѣшка судьбы, по которой всѣ мои надежды и мечты обыкновенно разлетались прахомъ, постоянно сущить и охлаждаетъ мое сердце, и нѣтъ ничего мудреннаго, что скоро оно будетъ твердо и холодно, какъ камень. Вотъ хотѣ бы и теперь — что вдругъ понадобилось Ивану Максимовичу въ Тамбовѣ? Чѣмъ ему нехорошо здѣсь? Что за обстоятельства?... А между тѣмъ я страдаю, и еще какъ страдаю,—тѣмъ болѣе, что мнѣ этого ни передъ кѣмъ нельзя выказывать: всѣ стануть смѣяться. Я бѣжусь только внутренно, и произношу тысячу проклятій. — Но какія проклятія, какія слова вырвать то, что я чувствую теперь въ глубинѣ души моей! Я пробавляю всѣ энергическія восклицанія русскаго народа, которыми онъ выражаетъ свои сильныя ощущенія, но все, что я знаю, — слабо, не выражаетъ.... и я по прежнему взволнованъ, и по прежнему въ душѣ моей кипитъ и бурлитъ страшное безпокойство. Я теперь надѣлалъ бы чортъ—знаетъ что, весь міръ перевернулъ бы вверхъ дномъ, выдиралъ бы глаза, откусилъ бы пальцы тому.... (*) который подписалъ увольненіе Ивана Максимовича. Но, увы! это ни къ чему не поведетъ, и мнѣ остается только стараться смирить свои бышешніе порывы.... И еще считаютъ меня за чловѣка мало-кровнаго, чуть не флегматика!... Тогда какъ самыя пламенныя чувства, самыя неистовыя страсти скрываются подъ этой духовной оболочкой всегдашняго равнодушія. Если бы мнѣ вдругъ сказали, что меня исключаютъ изъ семинарія, это не поразило бы меня такъ, какъ извѣстіе объ отъѣздѣ Ивана Максимовича. О, какъ огромно это бѣдствіе, какъ незамѣнима моя потеря! Съ кѣмъ теперь могу я провести вечеръ такъ незамѣтно, такъ счастливо, какъ съ нимъ? Въ чемъ разговоръ могу отвести я душу, забытья отъ этихъ легкихъ неудовольствій, составляющихъ несчастіе моей жизни? Я никогда не пош-

(*) Здѣсь вынуждено нами нѣсколько словъ.

рять ему сердечных тайнъ, не имѣлъ даже надлежащей свободы въ разговорѣ съ нимъ; но при всемъ томъ, одна мысль — быть съ нимъ — дѣлала меня счастливымъ, и послѣ свиданія съ нимъ, и особенно послѣ вечера, проведеннаго съ нимъ наединѣ, я долго-долго наслаждался воспоминаніемъ и долго былъ подъ вліяніемъ обаятельнаго голоса и обращенія. Что-то особенно привлекало меня къ нему, возбуждало во мнѣ болѣе, нежели просто привязанность — какое-то благоговѣніе къ нему. При всей короткости нашихъ отношеній, я уважалъ его, какъ не уважалъ ни одного профессора, ни самаго ректора или архіерея, словомъ, — какъ не уважалъ ни одного начальника. Ни однимъ словомъ, ни однимъ движеніемъ не рѣшился бы я оскорбить его; просьбу его я считалъ для себя закономъ. Водушалъ бы онъ публично наказать меня, я послушался бы, перенесъ наказание, и мое расположеніе къ нему нисколько бы оттого не уменьшилось.... Какъ собака я былъ привязанъ къ нему, и для него я готовъ былъ сдѣлать все, не разсуждая о послѣдствіяхъ. За него я стоялъ горой, и готовъ былъ возненавидѣть человѣка, который сталъ бы доказывать, что Иванъ Максимовичъ нехорошій человѣкъ. Но къ счастью этого никогда не случалось: его любили и хвалили всѣ. Его душа, благородная и высокая, во всѣхъ болѣе или менѣе возбуждала чувство любви и уваженія. Но, конечно, никто не любилъ его болѣе меня.... Я слѣдилъ за каждымъ его взглядомъ, за каждымъ движеніемъ, подиѣчалъ каждое измѣненіе его голоса, и все въ немъ казалось мнѣ совершеннымъ, превосходнымъ... и вдругъ, о Боже мой!... лишиться всего этого, лишиться такъ внезапно, такъ неожиданно! Какъ хотите — это жестоко, невыносимо.... «О жизнь, жизнь», говорилъ онъ, — «чего-то въ ней не случается, куда-то не видяютъ насъ обстоятельствъ!» Но онъ ѣдетъ на родину, къ друзьямъ и знакомымъ, онъ не оставляетъ здѣсь ничего, что бы ему было особенно дорого — что ему? Побудетъ тамъ мѣсяць-другой, и позабудетъ всѣхъ нижегородцевъ, съ которыми онъ не успѣлъ еще сродниться. Да и что могло представляться ему интереснаго, достойнаго его вниманія? Все пошло, глупо, мелко, ничто не удовлетворяетъ порывовъ высокаго ума, глубоко чувствующаго сердца. Но я остаюсь безъ него, какъ въ пустынѣ безъ проводника и товарища, отъ меня онъ уноситъ лучшую половину души моей, также какъ уноситъ мои лучшія надежды и желанія. Нынешній вечеръ сидѣлъ я у него, и чудныя, невообразимыя желанія томилъ меня.... Голова моя горѣла; мнѣ хотѣлось — что расплакаться, то разбить себѣ черепъ, то броситься къ нему на шею; разжаловать его, разжаловать его руки, принести къ ногамъ его. Съ грустнымъ отчаяніемъ смотрѣлъ я на него, наглядывался можетъ быть, въ послѣдній разъ, и никогда еще, казалось мнѣ, горные

волосы его не лежали так хорошо въ чудномъ безпорядкѣ на головѣ его, никогда смуглое, мужественное лицо его не было такъ привлекательно, никогда въ темно-голубыхъ глазахъ его не отражалось столько ума, благородства, добродушія, и этого огня и блеска, въ которомъ высказывалась сильная и могучая душа его. Я мысленно прощался съ нимъ, и сердце мое надрывалось. И вотъ жизнь наша: были знакомые, въ хорошихъ отношеніяхъ, души наши сроднились нѣсколько, и вдругъ — нѣсколько сотъ верстъ разстоянія раздѣляютъ насъ, и мы ничего не знаемъ другъ о другѣ, и мы чужіе одинъ-другому, и нѣтъ между нами ничего общаго. Я даже не могу имѣть и послѣдняго утѣшенія разлучающихся — не могу просить отъ него тѣхъ «нѣсколькихъ строкъ», которыя такъ жадно получилъ бы я отъ него! Не знаю даже, станетъ ли у меня духу высказать ему, какъ я былъ привязанъ къ нему, высказать хоть сотую долю истины? Господи! Неужели же мы разстанемся, какъ простые знакомые, которые случайно сошлись и должны разойтись также случайно? О, не дай Господи! Даруй мнѣ силу открыть ему мое сердце, и ему вниманіе — выслушать меня, и благосклонно принять мои признанія не съ легкимъ сердцемъ, но хоть съ легкимъ чувствомъ!...

«19 ноября 1852 года.

«Онъ, наконецъ, окончательно простился со мной, кумиръ души моей, мой идеалъ, мой добрый гений!... Коротко и неожиданно было для меня наше прощаніе, и я не успѣлъ высказать многого, что хотѣлъ сказать, и только едва успѣлъ въпросить у него позволенія — писать къ нему. Нынѣ послѣ класса я зашелъ къ нему, — нѣтъ дома. Послѣдъвъ у подлѣкаря въ больницѣ, я опять пошелъ къ нему, опять не засталъ, походилъ и побылъ еще въ больницѣ, и наконецъ нашелъ его дома. Онъ былъ нѣсколько разстроенъ, занимаясь сборами, на меня обращалъ очень мало вниманія, и наконецъ напившись чаю, онъ собрался идти на именины къ А. Е., въ послѣдній разъ провести вечеръ въ кругу нижегородскихъ знакомыхъ. Я пошелъ вмѣстѣ съ нимъ; дорога была очень неровная и скользкая, почъ очень темная, разговаривать было очень неловко. Однакоже я началъ — было что-то, надѣясь высказать ему очень многое; но вдругъ онъ сказалъ, что надо взять извозчика, крикнулъ: «извозчикъ!», тотчасъ же явился какой-то, и только успѣлъ я сказать ему, «прощайте же, Иванъ Максимовичъ,» онъ пожалъ мнѣ крѣпко руку, поцаловалъ трижды, пожелалъ быть счастливымъ, но не такъ, какъ онъ, и сѣлъ въ сани. Тутъ я просилъ позволенія писать къ нему, хоть де отсюда, а изъ другаго мѣста. Онъ сказалъ, что ему «будетъ очень пріятно, и что отсюда ему будетъ еще интереснѣе, а ужъ

если вы будете въ академіи, то разумѣется....» Потомъ онъ еще разъ сказалъ мнѣ: прощайте, пожалъ мнѣ руку, и скрылся изъ глазъ моихъ въ темнотѣ ночи. — Вотъ и прощанье наше! Мнѣ чрезвычайно грустно и какъ-то тяжело на сердцѣ, особенно потому, что я ему не высказалъ всего, что хотѣлъ высказать, и расстался съ нимъ просто, безъ всякихъ особенныхъ объясненій. Но я напишу къ нему. — Подожду мѣсяцъ, увѣрюсь окончательно, что мое теперешнее чувство не порывъ разгоряченнаго воображенія, не пустая фантазія, не обманъ сердца, и тогда выскажу ему все, что волнуетъ душу мою. Не чтобы навсегда была драгоценна для меня память его, я даю обѣщаніе предъ своею совѣстью (*).... я рѣшительно хочу оградиться этимъ воспоминаніемъ, какъ щитомъ и покровомъ... Да и отъ какой низости не удержитъ образъ этого благороднаго, мужественнаго, добраго и исполнѣ умнаго человѣка?... Во мнѣ всегда мысль о его достоинствахъ возбуждала благородное чувство и стремленіе къ подражанію, и я съ новой силой, съ новой энергіей принимался за дѣло, и умъ мой какъ будто прояснялся и терпѣніе возрастало, и все существо мое оживлялось и возвышалось, и какое-то священное одушевленіе разливалось во мнѣ и поддерживало меня въ моихъ занятіяхъ. О, какъ жаль, что я теперь могу жить однимъ воспоминаніемъ, и что не можетъ теперь уже повториться вліяніе его на меня, столько благотворное для меня и дѣлавшее меня такъ счастливымъ, такъ веселымъ, такъ довольнымъ... Прощай—все!...

Приостанавливаемся тугъ, потому что въ бумагахъ, оставшихся послѣ Н. А., нашелся отрывокъ, который надобно помѣстить здѣсь, въ дополненіе къ этой части дневника.

«Нижегородъ,
31 дек. 1852 г.

М. Г.
И. М.

«Давно уже хотѣлось мнѣ злоупотребить даннымъ вами позволеніемъ — писать къ вамъ. Но меня все удерживала мысль, что я долженъ кушить это удовольствіе цѣною вашей скуки. Долго я не рѣшался; наконецъ придумалъ средство — удовлетворить потребности сердца, не докучая вамъ. Я рѣшился писать, и потомъ оставлять у себя написанное. Когда нибудь, можетъ быть чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, а можетъ и черезъ нѣсколько лѣтъ, я передамъ воиъ эту тетрадку, и вы заразъ отдѣляетесь отъ всей этой скуки, если, разу-

(*) Здѣсь мы выбрасываемъ восемь строкъ, заключающихъ въ себѣ домашнія тайны, о которыхъ и не нужно и не интересно было бы знать публикѣ.

много, захотите прочитать это писаніе. По крайней мѣрѣ я выскажу на бумагѣ то, чего никогда не рѣшался сказать вамъ на словахъ. А много еще, много хотѣлъ бы я сказать вамъ, много собирался открьть завѣтныхъ мыслей — обо мнѣ и о васъ... Судьба судила иначе, и я расстался съ вами, не успѣвъ, съ обыкновенной робостью моею, въ пять мѣсяцевъ знакомства съ вами, высказать даже того, сколько я былъ къ вамъ привязанъ. Но вы сами замѣтили это, и болѣе, нежели слишкомъ вознаградили меня: иначе, чему же приписать мнѣ ваше благосклонное вниманіе, ваше сближеніе со мною, который дорожилъ каждымъ вашимъ словомъ, старался подмѣчать каждый взглядъ вашъ?... Благодарю васъ за все, — вотъ что только могу я сказать теперь; но что же вамъ моя благодарность, что моя привязанность? Вы не можете быть увѣрены, подобно мнѣ, что никто не любилъ и не уважалъ васъ столько, какъ я. Другіе, можетъ быть, умѣли сказать вамъ это прежде, а я рѣшаюсь говорить только теперь, когда не вижу васъ передъ собою, когда вы не видите пылающаго лица моего, не слышите дрожащаго моего голоса.... А какъ, бывало, хотѣлось иногда поговорить съ вами откровенно, со всѣмъ увлеченіемъ юношескаго сердца, со всѣми порывами, которые я такъ тщательнo скрывалъ отъ всѣхъ! Иногда я даже заводилъ подобный разговоръ и дѣлалъ нѣсколько неясныхъ намековъ, — оставалось произнести нѣсколько рѣшительныхъ словъ, послѣ которыхъ рѣкою полились бы признанія, — но этого-то я и не могъ.... Со мною сбывалось то, что говорить Огаревъ въ «исповѣди»,

«Что только лишь сказать хочу,
Какъ вдругъ въ лицѣ весь всыхну,
Займется духъ, и я молчу
И головой поникну....»

Конечно, можетъ быть мои признанія навели бы на васъ скуку; но за то сколько былъ бы счастливъ я, счастливъ въ эти минуты тѣмъ эгоистическимъ счастьемъ, которое занимается только собою и не обращаетъ вниманія на другихъ, даже виновниковъ этого счастья. Но за то хоть теперь позвольте мнѣ рассказать вамъ отрывокъ изъ моей душевной жизни, именно о знакомствѣ съ вами. Простите мнѣ, — я знаю, что для васъ нисколько неинтересно знать, что думалъ и говорилъ о васъ одинъ мальчикъ изъ вашихъ бывшихъ учениковъ, который не имѣетъ теперь къ вамъ никакого отношенія; но говорю вамъ, что я пишу собственно для своего удовольствія, чтобы удовлетворить neodолжимоу желанію сердца, а не для того, чтобы сколько нибудь занять васъ. Еще разъ простите меня, пожалуй не читайте дальше; но я не могу не писать, не могу допустить мысли, что мы теперь со-

вершено чужды другъ-другу и что всѣ сношенія наши прерваны. Мнѣ стыдно, мнѣ жалко своего ничтожества предъ вами; я дюльно чувствую, что беспокою васъ, надобно вамъ своимъ вздоромъ; но при всемъ томъ, что-то чудное, для меня самого нерагагаданное, составляетъ меня докучать вамъ. Иванъ Максимовичъ! будьте снисходительны ко мнѣ, какъ прежде, и простите юношеское увлеченіе, которое тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дольше было отъ всѣхъ скрываемо!

И такъ:—какъ теперь помню я первую вѣсть и первый отвѣтъ о васъ, когда вы только еще прѣѣхали въ нижегородскую семинарію. Въ двѣнадцать часовъ, шедши изъ класса, услышалъ я отъ одного изъ вашихъ тогдашнихъ учениковъ, что у нихъ въ классѣ былъ новый профессоръ — Сладкопѣвцевъ. При этомъ, не знаю почему, я тотчасъ спросилъ: да какъ же его зовутъ? — «Иванъ Максимовичъ», отвѣчали мнѣ. — Ну, что же, каковъ? — «Молодецъ во всѣхъ отношеніяхъ: и умень, и благородень.» — Изъ петербургской академіи? — «Изъ петербургской». — Надобно будетъ посмотреть. Каковъ онъ собой-то? — «Черень только очень, а то хорошъ.» — Какъ жаль надо увидеть.... Мы разошлись, и этимъ разговоръ кончился. И послѣ этого, повидимому, пустаго разговора, я уже не могъ успокоиться. Смутно я постигалъ что-то прекрасное въ этомъ соединеніи понятій: бронець, изъ петербургской академіи, молодой, благородный и умный.... Не говоря уже объ умѣ и благородствѣ, надо замѣтить, что я особенно люблю бронецовъ, чрезвычайно уважаю петербургскую академію, и молодыхъ профессоровъ предпочитаю старымъ. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ минуты, когда увижу васъ, и во все это время я чувствовалъ что-то особенное.... Чего нищень, то обыкновенно скоро находишь: на слѣдующій же день я съ полчаса прогуливался по нижнему корридолу, и дождался—таки васъ. Правду сказать, при моей близорукости, я не могъ хорошо рассмотреть вашей физиономіи; но и одинъ бѣглый взглядъ на васъ достаточень былъ, чтобы произвести во мнѣ самое выгодное впечатлѣніе. Я люблю эти гордыя, энергическія физиономіи, въ которыхъ выражается столько отваги, ума и мужества. Признаюсь, я нѣсколько ошибся тогда, призвавши васъ существомъ гордымъ и недоступнымъ; но это было тогда полезно мнѣ тѣмъ, что я сталъ съ того времени считать васъ чѣмъ-то высшимъ, неприступнымъ, предъ чѣмъ я долженъ только благоговѣть и смиренно поглядывать вслѣдъ, жалѣя, что не могу взглянуть прямо въ глаза. И тѣмъ пріятнѣе было мнѣ послѣ разувериться, и тѣмъ совершеннѣе было мое счастье.... Вскорѣ послѣ того разнеслась вѣсть о вашемъ поступкѣ съ учениками В. и С. Много было тогда шума, много тѣхъ, кто по всей семинаріи.... Боже мой! Сколько пересудовъ, сколько слуховъ, сколько жестокихъ угрозъ насыпалось на вашу голову! Я

не могъ терпѣть этого: горой всталъ я за васъ, свершилъ собою, кто только могъ со мной ссориться, спорилъ, бросалъ на васъ поутру къ взгляды философскіе, разсматривалъ его на основаніи закона христіанскаго, и рѣшительно не могъ найти въ вамъ ничего предосудительнаго. И одинъ только голосъ отозвался началъ на мой крики, голосъ Ив. Злат., извѣстнаго вамъ ученика вашего. Всѣ прочіе назвали насъ подлецами; а одинъ, считавшій себя своимъ другомъ, говорилъ даже мнѣ: «что ты, дескать, больно по новомъ-то ренессансу! Прочіеъ него теперь просто всѣ озлоблены; смотри, не понадеясь!...» Пожадуиста, не безумнойся, говорилъ я ему; вогу, посмотри, пройдетъ какойнибудь мѣсяцъ, и всѣ стануть говорить то же, что я, — что лучше Ивана Максимовича не бывало профессора въ нашей семинаріи. — И дѣйствительно скоро всѣ заговорили иначе: вы умѣла привлечь къ себѣ этихъ озлобленныхъ учителей, отъ которыхъ ваша жизнь могла быть въ опасности, какъ увѣрялъ А. Ив!... Такова сила душевнаго превосходства надъ самыми грубыми людьми, каковы были наши бурлаки!

«6 января 1855 года.

«Съ тѣхъ поръ три дня особенно замѣтилъ я въ своей памяти до дѣйствительнаго знакомства съ вами: 29 ноября 1851 и 23 января и 7 февраля 1852 года. Въ первый изъ этихъ дней вы приходили къ намъ на нѣмецкій классъ вмѣсто П. А., и спрашивали меня. Сколько мечтаній пробудилось тогда во мнѣ! Сколько надеждъ пріятно ласкали меня еще въ то время, когда я шелъ въ классъ! Теперь припоминаю я подобное нетерпѣніе и ожиданіе въ то время, когда, за годъ слѣдкомъ передъ тѣмъ, ждали въ Нижней великихъ князей Николая Николаевича съ Михаиломъ Николаевичемъ. Но то ожиданіе было ничто въ сравненіи съ нетерпѣніемъ, съ которымъ я ждалъ вашего прихода въ классъ! — Наконецъ вы явились (*) меня, заставили переводить; мы переводили о крестовыхъ походахъ; спросили кстати, въ которомъ вѣкѣ жилъ Григорій VII? Я не зналъ тогда этого и сказалъ, что въ XIII. Вы замѣтили мнѣ, что нѣтъ, и я сконфузился и покраснѣлъ, какъ сказавшій ужасную глупость и заслужившій отъ васъ невыгодное мнѣніе. Долго горѣлъ я отъ стыда, что показалъ предъ вами свое незнаніе, и только тогда немного успокоился, когда справившись увидѣлъ, что Григорій жилъ въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣка. «Ну, еще это ничего» подумалъ я: «Иванъ Максимовичъ подумаетъ, что я какъ будто ненарочно смѣшалъ, одно столѣ-

(*) Здѣсь оторванъ уголокъ листа, и мы не можемъ разобрать слова, первая половина котораго оторвалась; вѣроятно, что нибудь въ родѣ: «вызвали».

те ничего незначить». Такимъ образомъ, хоть ложными аргументами я на этотъ разъ успокоился.

Въ другой разъ приходили вы къ намъ на латинскій классъ, 23 января 1852 г. Въ этотъ разъ вы также спрашивали меня переводить и замѣтили, что не нужно очень скоро читать, и что не въ этомъ состоитъ достоинство хорошаго чтенія. Это было для меня очень чувствительно, потому что дѣйствительно до этого времени я полагалъ, по крайней мѣрѣ частію, и въ этомъ достоинство хорошаго чтенія. По латинѣ я зналъ хорошо, и перевелъ тогда не душно, но все-таки не отличился. А отличиться чѣмъ нибудь въ вашихъ глазахъ было необходимою потребностью души моей. Но отличиться было нечѣмъ. Тщетно искалъ я случая и возможности, тщетно придумалъ разнымъ глупымъ средства. Здравый смыслъ всегда меня удерживалъ при однихъ предположеніяхъ. За то случай какъ-то представился самъ: я встрѣтился съ вами въ четвергъ на масляницѣ, 7 февраля 1852 г., въ корридорѣ. Не знаю, слышали ли вы что нибудь обо мнѣ, знали ли моего папеньку, или просто такъ заговорили со мной, но вы заговорили, и я вдругъ исполнился какого-то восторга и, кажется, чрезвычайно поглупѣлъ и растаялъ. — Я снялъ фуражку передъ вами въ почтительномъ отдаленіи (*), едва отвѣчая на вашъ вопросъ о томъ, гдѣ собрались ученики философіи. Вы замѣтили мнѣ, чтобъ я надѣлъ фуражку; но мнѣ казалось это нестерпимую дерзостью, и я продолжалъ стоять безъ фуражки, ничего не отвѣчая, такъ что вы усомнились, есть ли со мной фуражка, и спросили меня объ этомъ. Наконецъ я рѣшился послушаться васъ въ этомъ случаѣ, — и это, вѣроятно, одинъ изъ тѣхъ весьма рѣдкихъ случаевъ, когда бы я не послушался васъ съ перваго слова. Потому вы начали говорить со мной такъ хорошо, но главное такъ ласково и откровенно, что я рѣшительно былъ внѣ себя отъ радости, и удовольствіе слушать васъ смѣшалось во мнѣ съ гордостью и самоудовольствіемъ, оттого что я былъ и говорливъ съ вами. Это были счастливыя минуты для меня.

«15 января 1855 г.»

«Но это была только заря благодатнаго дня. Послѣ этого слишкомъ четыре мѣсяца я не имѣлъ съ вами никакихъ отношеній, и не знали вы, проходя тогда мимо меня, съ какою любовью глядѣлъ я на васъ, какимъ участіемъ къ вамъ было наполнено это сердце. Я принималъ близко къ сердцу всякую перемѣну въ вашемъ положеніи, всякую, даже ничтожную вѣсть о васъ. Я, напримѣръ, страшился за васъ,

(*) Для незнающихъ семинарскаго быта замѣтить, что таково правило, котораго нарушать не дозволяется.

когда слышалъ о вашемъ будто бы близкомъ знакомствѣ съ А. А. К., когда говорили мнѣ, что драгоценный нашъ О. П. невыгодно отзывался о васъ предъ архіереемъ, и т. п.; радовался, слыша о васъ хорошие отзывы, когда, напримѣръ, васъ расхваливали всѣ ученики за первый экзамень, на которомъ вы были; когда моя тетушка Варвара Васильевна восхищалась вашимъ умомъ и образованіемъ. Но особенно беззастѣнливо я о васъ во время вашей двукратной болѣзни, когда такъ хорошо заставили васъ, еще не совершенно здороваго, явиться на небывалый экзамень передъ Рождествомъ. На святкахъ, я нѣсколько разъ приходилъ въ семинарію, чтобы спросить подлѣкаря Сокол. о вашемъ здоровьѣ, и не могъ довольно нарадоваться, когда узналъ, что вы выздоровѣли. Но что же было со мной, когда наконецъ я сошелся съ вами ближе?... Но я не могу утергѣть, чтобы не припомнить нѣкоторыхъ, скучныхъ для васъ, но интересныхъ собственно для меня, подробностей.

«Дѣло было такимъ образомъ. Мнѣ нужна была одна книжка «Христіанскаго чтенія» 1847 года, и я пошелъ въ бібліотеку. Хозяинъ бібліотеки Е. Понятовскій сказалъ мнѣ, что эта книга у васъ. Это представляло мнѣ прекрасный случай по крайней мѣрѣ побывать у васъ, и я рѣшился имъ воспользоваться. Но — увы! — рѣшительность моя тотчасъ исчезла, какъ только я пошелъ къ вамъ. Мнѣ представлялось это почтѣму-то неловкимъ, дерзкимъ; я думалъ, что это можетъ быть неприятно для васъ. Съ половины дороги воротился я, и потомъ больше недѣли собирался сходить къ вамъ. Однажды встрѣтились вы мнѣ въ корридорѣ и я хотѣлъ спросить о книгѣ; но тотчасъ представилось мнѣ, что, «если И. М. скажетъ, что книги нѣтъ у него, — и только, то случай быть въ его квартирѣ опять потерянъ для меня, и можетъ быть невозвратимо». И хорошо, что не спросилъ я тогда. Наконецъ 17 іюня я рѣшился... Съ какимъ трепетомъ отворилъ я завѣтную дверь; какъ билось мое сердце, когда, вошедши въ прихожую, услышалъ я шаги ваши въ смежной комнатѣ!... Чуть слышнымъ дрожащимъ голосомъ объяснилъ я вамъ причину своего прихода и покраснѣлъ, когда вы сказали: нѣтъ... Съ смущеніемъ и сожалѣніемъ хотѣлъ уже я уйти, какъ вдругъ, — не скажу неожиданно, но вопреки всѣмъ моимъ расчетамъ, — вы пригласили меня посидѣть у васъ. Я давно уже мечталъ о знакомствѣ съ вами, и это была одна изъ любимыхъ думъ моихъ; но я всегда и оставлялъ ее какъ мечту, несбыточную въ настоящемъ моемъ положеніи. Никакъ не полагалъ я, чтобы вы были столько снисходительны. Поэтому хотя ваше приглашеніе отвѣчало тайной мысли моего сердца, однако я съ удивленіемъ услышалъ ваши привѣтныя слова, смѣшался еще болѣе, а счастье было такъ полно, что я не имѣлъ силъ притвориться, и остался у васъ, хо-

тя самъ не понимая хорошенько, что же изъ этого выйдетъ... Напрасно старался бы я описать весь тогдашній восторгъ мой, все счастье, которымъ я наслаждался, слушая васъ и смотря на благородныя черты лица вашего вблизи, такъ, что въ первый разъ тогда я хорошо рассмотрѣлъ васъ. Совершенно забывшись, вѣ себя отъ восторга, я часа четыре пробылъ у васъ, и уходя, не позаботился даже извиниться, даже не подумалъ, что я утомилъ васъ: я думалъ только о себѣ. Какъ великому счастью, какъ великой милости судьбы, радовался я тому, что могъ услужить вамъ, оставивши у васъ книжку «Современника». Притомъ, это открывало мнѣ возможность продолжать впередъ свои посѣщенія... Давно не радовался я такъ искренно и полно, какъ въ тотъ день.

«Къ сожалѣнiю я недолго пользовался своимъ счастьемъ: черезъ мѣсяцъ наступили вакаціи, и вы уѣхали. Но прежде этого случилось еще одно обстоятельство, которое также надолго останется для меня памятнымъ. Это было на экзаменѣ. Спрашивали по нашему предмету: сидѣли вы и Андрей Егорычъ. Вызвали меня, и досталось мнѣ читать по психологiи о памяти: статья очень знакомая и простая сама по себѣ, но очень запутанная и отрывистая въ нашихъ лекціяхъ. Я сталъ читать, остановился, снова принялся, опять всталъ и сбился. А. Е. сидѣлъ какъ пень и что-то отыскивалъ въ конспектѣ. Вы мнѣ и давали вопросы и возраженія, и поправляли и выручали меня. Но о. ректоръ замѣтилъ, что я не твердо читаю, и спросилъ А. Е.: есть ли у меня память. При всемъ томъ, что я былъ въ довольно непріятномъ положенiи, не могъ я не улыбнуться, когда А. Е. вдругъ всталъ, вытаращилъ глаза на ректора, потомъ на меня, заикнулся и высунулъ языкъ... Такъ онъ и простоялъ, да промышчалъ что-то; вы же замѣтили, что у меня болѣе развитъ разумокъ. Не знаю, хотѣли ли вы только выручить меня, или въ самомъ дѣлѣ подмѣтили во мнѣ эту черту, но только вы сказали правду, и я въ ту же самую минуту пожелалъ только, чтобъ ваши слова были искренни.—Въ этотъ же день вы еще разъ показали свою внимательность ко мнѣ, когда меня спросили изъ латинскаго языка. Изъ нашего отдѣленія меня вызвали перваго, а между тѣмъ ректоръ хотѣлъ продолжать то же, что переводили ученики перваго отдѣленія. Я не могъ найти мѣста, о. ректоръ разсердился и хотѣлъ отослать меня, не спросивши; А. Е. забился куда-то въ уголъ; къ счастью, вы были тутъ: тотчасъ дали вы мнѣ въ руки свою книгу, указали мѣсто, и я сталъ переводить вмѣстѣ съ вами. За этотъ разъ я благодаренъ былъ вамъ, чуть ли не больше, чѣмъ за первый: тамъ не такъ досадно было срѣзаться, потому что уроковъ я дѣйствительно не училъ; но не отвѣтить изъ латинскаго языка, при хорошемъ знанiи его, было бы уже особенно досадно. Не смотря

на ваше воступленіе, я былъ очень недоуменъ этимъ извѣщеніемъ и особенно скорютился о томъ, что вы будете уже нехорошаго мнѣнія о моихъ познаніяхъ... Но и эта мысль на другой же день была почти совсѣмъ уничтожена вами: вы такъ снисходительно отзывались о моихъ отвѣтѣхъ такъ хорошо успѣли оправдать меня, что я совершенно успокоился на этотъ счетъ...

«На удалось мнѣ проводить васъ въ июль мѣсяцѣ на родину... Черезъ нѣсколько минутъ послѣ вашего отъѣзда вошелъ я въ вашу опустѣлую квартиру, пожалѣвъ, что не засталъ уже васъ, поговорилъ о васъ съ подлѣвникомъ Соколовымъ, отъ всего сердца пожелалъ всего мысленно счастливаго пути и благополучнаго возвращенія, и грустно пошелъ домой, раздумывая, что лучше было бы, если бы вы здѣсь остались... Да, лучше было бы!... Лучше, — можетъ быть вы и сами съ этимъ согласитесь...»

Теперь, милостивые государи, называвшіе нашего друга человекомъ безъ души и сердца, — теперь честь имѣю обратиться къ вамъ, и отъ имени моего, отъ имени каждаго прочитавшаго эти страницы, въ томъ числѣ и отъ вашего собственнаго имени, — да, и вы сами повторяете себѣ то, что я говорю вамъ, — теперь имѣю честь назвать васъ тупоумными глупцами. Вызываю васъ явиться, дрянные помилки, — поддерживайте же ваше прежнее мнѣніе, вызываю васъ....

Вы смущены? Вижу, вижу, какъ вы пятитесь.

Помните же, милые мои, что напечатать имена ваши въ моей волѣ и что съ трудомъ удерживаю я себя отъ этого.

Продолжается дневникъ Николая Александровича:

«24 января 1853 г.

«Сегодня минуло мнѣ 17 лѣтъ, и потому я хочу написать что нибудь въ моихъ запискахъ, или memoires, какъ я называлъ ихъ годъ тому назадъ. Не знаю, что мнѣ писать здѣсь, но, по обыкновенію моему, думаю заняться разсмотрѣніемъ прошедшаго года въ отношеніи ко мнѣ. Но для этого надобно подумать, а я ничего не помышлялъ объ этомъ до сего часа.... Начну съ этихъ записокъ. Хоть передо мной и нѣтъ теперь первыхъ листовъ ихъ за прошлый годъ, но я помню ясно, что въ тотъ годъ я хуже писалъ: нынче у меня рука тверже, и какъ-то размахистѣе пишу я. Во-вторыхъ, я припоминаю, что въ началѣ прошлаго года я записалъ споръ свой и поражение В. С. (*); те-

(*) Этотъ споръ дѣйствительно записанъ былъ подъ 9 января 1852 г., на стр. 16 дневника; но онъ не интересенъ и потому имъ не напечатали.

перъ я иначе смотрю на это, и мнѣ стыдно, что обратить вниманіе на подобную мелочь. Нынче подобныхъ вещей со мной было уже съ десятокъ, но я не выношу ихъ сюда. Вотъ другое приобретение, довольно важное. — Потому, тогда я все собирался ѣхать въ университетъ и между тѣмъ ничего не дѣлалъ; нынче мои предположенія опредѣленнѣе, и я готовлюсь ихъ выполнить. Тогда мнѣ представлялось, что въ университетѣ лучше учиться, чѣмъ въ академіи. Но я считалъ тогда совершенно излишнимъ думать о томъ, что будетъ по окончаніи курса; теперь я подумалъ объ этомъ и нашелъ, что разница между тѣмъ и другимъ самая малая, а между тѣмъ собирается въ 4 года около 1000 р. сер. — вещь немаловажная. Кромѣ того замѣтно даже мнѣ самому (впрочемъ это не диво: я люблю наблюдать за собой), что я сдѣлался гораздо серьезнѣе, положителнѣе, чѣмъ прежде. Бывало, я хотѣлъ все исчислить, все понять и узнать; науки казались мнѣ лучше всего, и моей *страстью къ книгамъ* я хотѣлъ доказывать, — для себя самого, — безкорыстное служеніе и природное призваніе къ наукѣ. Нынѣ я въ своихъ мечтахъ не забываю и деньги и, рассчитывая на славу, рассчитываю вмѣстѣ и на барыши, хотя еще не могу отказаться отъ плана — употребить ихъ оныя таки для пріобрѣтенія новаго славья. Страсть мою къ книгамъ я не называю нынче влеченіемъ къ наукѣ, а настоящимъ ея именемъ, и вижу въ ней только признакъ того, что я большой библіофилъ, потому что я люблю книги, какого бы рода онѣ ни были, и стараю желаніемъ, увидя книгу, не узнать то, что въ ней написано, но только узнать, что это за книга, какова и проч. Самому чтенію какой бы то ни было книги я большею частію предаюсь только для удовольствія сказать себѣ: я читалъ то и то; эта, и другая, и третья, и десятая книга мнѣ извѣстны... Поэтому — то я такъ люблю нынѣ читать журналы и преимущественно отдѣлы библіографіи и журнальныя замѣтки. Недавно присоединилось сюда и другое побужденіе: я читаю иное для того, что это пригодится на пріемномъ экзаменѣ. Далѣе пока я не простираюсь. Литературныя цѣли мои достигаются пока только записываніемъ, списываніемъ и писаніемъ. Кстати замѣчу, что въ декабрѣ прошлаго года послалъ я 12 стихотвореній своихъ въ редакцію «Сына Отечества», принявъ повѣстическое имя Владиміра Ленскаго. Нынче я уже не объявлялъ никакихъ требованій, — не то что въ ноябрѣ 1850 г., когда я просилъ отъ редакціи «Москвитянина» 100 рублей, обѣщая прислать 40 плохихъ стихотвореній. Это давно лежитъ у меня на совѣсти; и если когда нибудь выведутъ меня на чистую воду, то я не знаю, что еще можетъ быть для меня стыднѣе этого?... Писалъ я также три статейки для Нижегородскихъ Вѣдомостей; но одну цензоръ не пропустилъ, — невиннѣйшую статью — о погодѣ; другія двѣ, кажется, сгинули у редактора, по

крайней мѣрѣ я доселѣ остаюсь для нихъ, т. е. онѣ для меня остаются во мракѣ неизвѣстности. Но это все пока вздоръ; гораздо важнѣе для меня пріобрѣтеніе нѣкоторыхъ положительныхъ познаній, кой-какой навѣкъ—малый—въ нѣмецкомъ языкѣ и большая установленность или твердость взгляда и убѣждений. Въ началѣ прошлаго года, я какъ-то все сбивался: хотѣлъ походить на Печорина и Тамирина, хотѣлъ толковать, какъ Чацкій, а между тѣмъ представлялся какимъ-то Вихляевымъ и особенно похожъ былъ на Шамилова. Изображеніе этого человѣка глубоко укололо мое самолюбіе, я устыдился, и если не тотчасъ принялся за дѣло, то по крайней мѣрѣ созналъ потребность труда, пересталъ заноситься въ высшія сферы, и мало по малу исправляюсь теперь. Конечно, много здѣсь подѣйствовало на меня и время, но не могу не сознать, что и чтеніе «Богатаго жениха» также способствовало этому. Оно пробудило и опредѣлило для меня давно спавшую во мнѣ и смутно понимаемую мною мысль о необходимости труда, и показало все безобразіе, пустоту и несчастіе Шамиловыхъ. Я отъ души поблагодарилъ Писемскаго. Кто знаетъ, — можетъ быть онъ поможетъ мнѣ, чтобы я со временемъ лучше могъ поблагодарить его!?... Нужно замѣтить еще одно пріятное пріобрѣтеніе: я освободился наконецъ отъ вліянія В. Л.—аго. Вообще, степень моего уваженія и расположенія къ этому человѣку я измѣряю мои нравственные и умственные успѣхи. Было время, я какъ-то боялся его: замѣчалъ каждое его слово, которое могло имѣть отношеніе ко мнѣ, не смѣлъ противорѣчить его мнѣніямъ, любилъ выставять себя предъ нимъ съ хорошей стороны и пр. Нынѣ я уже не имѣю къ нему столько уваженія, не смѣюсь его остротамъ, свободно могу высказывать при немъ свое мнѣніе, не боюсь показывать ему свои сочиненія, говорить съ нимъ о томъ, что я дѣлаю, смѣяться надъ тѣмъ, чѣмъ онъ восхищается, и уважать то, надъ чѣмъ онъ смѣется. Только еще, какъ памятникъ давно прошедшаго, осталось во мнѣ желаніе говорить съ нимъ о моей душевной жизни, и удовольствіе—пересказывать ему все, что встрѣтится мнѣ смѣшнаго. Но надѣюсь скоро избавиться и отъ этого. Чудное дѣло, какъ подумать, что значить школьный товарищъ. Не сойдись бы я съ нимъ, — я увѣренъ, что мое развитіе пошло бы совершенно иначе. Я-то на него, конечно, не имѣлъ вліянія; но онъ на меня — довольно значительное. Не могу еще рѣшить, хорошо или худо было это вліяніе, но оно состояло вотъ въ чемъ: онъ научилъ меня, по природѣ серьезнаго, смѣяться надъ всѣмъ, что только попадетъ на глаза; онъ заставилъ меня, человѣка довольно основательнаго и медленнаго, смотрѣть на предметы поверхностно, произносить о нихъ сужденіе, посмотрѣвши только форму и не касаясь содержанія; изъ ума моего онъ сдѣлалъ остроуміе, изъ презрѣнія ко

многому — насмѣшку надъ этимъ многимъ, изъ внимательности — походчивость. Быть можетъ, это мнѣ и пригодится; но теперь это дурно, не говоря уже о томъ, что отъ этого страждетъ теперь мое необъятное самолюбіе. Но довольно о немъ; обращусь къ другому человѣку, другому знакомому прошлаго года, который успѣлъ оставить во мнѣ самое чистое, самое сладостное воспоминаніе. Это — Иванъ Максимычъ!... Я уже писалъ здѣсь о моей къ нему привязанности. Теперь могу только прибавить, что она не уничтожается съ теченіемъ времени, какъ я опасался, а продолжается все такъ же, какъ и прежде. Даже теперь я какъ будто все болѣе и болѣе начинаю понимать его, какъ будто въ отдаленіи онъ представляется мнѣ въ большемъ свѣтѣ, и я лучше могу разсмотрѣть превосходныя черты великой души его. Положа руку на сердце, говорю, что я не знаю никого лучше Ивана Максимыча, безъ всякихъ исключеній. Великость моей къ нему привязанности я могу выразить вотъ чѣмъ. Отъ природы добрый, но нестерпимо гордый, я не отвѣчаю обыкновенно на оскорбленія (разумѣется, дѣйствительное оскорбленіе, а не шутку какуюнибудь или неосторожное слово), но мое молчаніе продолжается очень надолго, если не навсегда. Точно также, — если я замѣчу, что меня принимаютъ слишкомъ сухо и презрительно, я перестая туда ходить и послѣ того не внимаю уже первому зову. Это у меня случается даже съ родными. Но въ отношеніи къ Ивану Максимычу, я чувствую совершенно не то. Я смѣло говорю, что еслибъ онъ меня обидѣлъ, — еслибъ случилось такое несчастье, — то я заплакалъ бы отъ досады на себя, надѣлалъ бы кучу непріятностей другимъ; но ничего худаго не подумалъ бы объ Иванѣ Максимычѣ. Напротивъ, я постарался бы заслужить отъ него прощеніе въ томъ, что могъ заслужить отъ него упрекъ, могъ довести его до оскорбленія, — его, который такъ великодушенъ, такъ высоко — благороденъ. Если бы онъ не захотѣлъ принимать меня, то я, отложивъ гордость въ сторону, пришелъ бы къ нему со слезами умолять его, чтобы онъ позволилъ мнѣ снова наслаждаться его бесѣдой.... Многіе не поймутъ въ этомъ ничего; но человекъ, имѣющій въ себѣ гордость, пойметъ изъ этого всю великость моей привязанности. А что я не лгу — свидѣтель въ этомъ совѣсть моя. Что я не обманываюсь — свидѣтель мой разумъ, который, кажется, довольно уже окрѣпъ и довольно ясно различаетъ ложь отъ истины, по крайней мѣрѣ въ своей душѣ. — Я хотѣлъ еще записать кое-что; но это воспоминаніе такъ хорошо, этотъ предметъ такъ прекрасенъ для меня, что на немъ хочу я окончить нынѣшній день, съ желаніемъ, чтобы и ночью посѣтило меня во снѣ мое прелестное видѣніе, мой идеалъ — въ образѣ Ив. Максимыча.

«15 марта 1888 г.

«Свершились желанія. Давно задуманное и жданное исполнено! Что же я такъ равнодушенъ, что же такъ холодно принялъ извѣстіе объ окончаніи моего дѣла? Или я привыкъ уже къ этой мысли, или сомнѣніе, все еще тревожащее меня, препятствуетъ мнѣ радоваться исполненію? Или я даже разочаровался?... Не знаю; я еще не разберу совершенно своихъ чувствъ и мыслей касательно этого предмета. Вѣрно только то, что чувствъ, мнѣ кажется, совсѣмъ нѣтъ, а мыслей, непосредственно сюда относящихся, также немного.... Однако замѣчу здѣсь все, что нужно, и разскáжу исторію моего дѣла.

Августъ и сентябрь прошлаго года были бурны для моей душевной жизни. Во мнѣ происходила борьба, тѣмъ болѣе тяжелая, что ни одинъ человекъ не зналъ о ней во всей ея силѣ. Конечно,—я не проводилъ ночей безъ сна, не проливалъ ведрами слезъ, не стоналъ и не жаловался, даже не молился; потому что подобныя выходы не въ моемъ характерѣ, а молиться — сердце мое черство и холодно къ религіи, а я тогда даже и не заботился согрѣть его теплотой молитвы. Это самое, вѣроятно, дѣлало еще тяжеле борьбу мою. Я совершенно опустился, ничего не дѣлалъ, не писалъ, мало даже читалъ.... Что-то такое тяготило меня и, указывая на всю суету мірскую, говорило: къ чему? Что тебя здѣсь ожидаетъ? Тебѣ суждено пройти незамѣченнымъ въ твоей жизни, и при первой попыткѣ выдвинуться изъ толпы, обстоятельства какъ ничтожнаго червя раздавятъ тебя.... И ничего ты не сдѣлаешь, ничего не можешь ты сдѣлать, несмотря на всю твою самонадѣянность, и припоминался мнѣ жолчный стихъ Лермонтова:

«Не вѣрь, не вѣрь себѣ, мечтатель молодой!...»

«А между тѣмъ все дѣло было очень просто, причины такого состоянія очень нехитрыя. — Мнѣ непремѣнно хотѣлось поступить въ университетъ. Папенька не хотѣлъ этого, потому что при его средствахъ это было невозможно. Но онъ не говорилъ мнѣ этого, и представлялъ только невыгоды университетскаго воспитанія, и превосходство академическаго. Тогда этого рода доказательствами меня невозможно было убѣдить: я былъ непоколебимо увѣренъ, что если могу гдѣ нибудь учиться въ высшемъ заведеніи, то это только въ университетѣ. Но между тѣмъ я видѣлъ ясно, что для моего отца дѣйствительно очень трудно, почти невозможно было содержать меня въ университетѣ. Конечно, будь я порѣшительнѣе, я бы объявилъ, что хочу этого, и что проживу тамъ по 50 цѣлковыхъ въ годъ, только бы учиться въ университетѣ. Но я не хотѣлъ и не могъ этого; рѣшительнаго объясненія не было, а во мнѣ кровь кипѣла, воображе-

не работало, разумокъ едва сдерживалъ порывы страсти. Счастье или несчастье мое, что у меня нѣтъ крѣпкой воли!... А то бы надѣлалъ я дѣла. Теперь же случилось такъ, что, по пословицѣ — «сила есть, да воли нѣтъ», — и все дѣло окончилось тѣмъ, что я раза три поговорилъ съ родными, такъ грустно и жалобно, съ такимъ отчаяннымъ видомъ, — который однакожь никого не тронулъ, — походилъ нѣсколько времени, повѣся носъ, помурлыкалъ про себя Кольцова:

«Долго ль буду я
Сиднемъ дома жить?...»

да

«Путь широкій давно....»

да изъ Лермонтова:

«Не вѣрь себѣ....»

и

«Въ минуту жизни трудную....»

да еще изъ Баратынскаго:

«Напрасно мы, Дельвигъ, мечтаемъ найти....»

«Жутко было мнѣ тогда; но наконецъ папенька сказалъ, что мое желаніе выполнить невозможно, что тысячу рублей ассигнаціями въ годъ онъ мнѣ опредѣлить не можетъ, а меньше нельзя. Больше онъ слушать ничего не хотѣлъ, какъ ни увѣрялъ я его, что половины этой суммы для меня слишкомъ достаточно. И какъ только сказали, что этого нельзя, я успокоился, потому что добиваться невозможнаго я никогда не стараюсь. И стихи Гёте:

«Невозможное возможно
Человѣку одному....»

не для меня писаны.

«Но при всемъ томъ, я не могъ помириться съ мыслью—остаться еще на два года въ семинаріи, гдѣ ученіе было очень незавидное. — Благородный отзывъ Ивана Максимовича о петербургской академіи рѣшилъ дѣло: ему первому сообщилъ я мысль отправиться туда; онъ сказалъ: «хорошо», и его одобренія было для меня очень довольно, чтобъ начать дѣло. На это дѣло папенька согласился легче; не было возраженій о трудности учиться, ни о возможности поступить туда; сказано было только нѣсколько словъ о моей молодости, но я представилъ, что молодому еще легче учиться, и дѣло было слажено.

До отъезда еще Ивана Максимовича, я могъ уже (въ началѣ ноября) сообщить ему, что я рѣшился непременно вѣхать въ петербургскую академію. Превосходный этотъ человѣкъ съ участіемъ принялъ мои слова, далъ нѣсколько совѣтовъ и даже проговорилъ прошеніе, которое я долженъ былъ подать графу Протасову, такъ что я написалъ теперь прошеніе почти съ его словъ. Въ декабрѣ началъ приставать уже къ папенькѣ, чтобы сходить къ нашему о. ректору и спросился его. Но въ декабрѣ не собрались, а въ январѣ начали уже возникать сомнѣнія насчетъ выгодъ и пользы ученія въ петербургской академіи. Думали и сомнѣвались, рѣшались и передумывали, ходили къ ректору, не заставляли его дома и опять раздумывали цѣлый мѣсяцъ. Наконецъ 3-го февраля папенька сходилъ къ ректору, тотъ одобрилъ и мое желаніе, и меня самого. Въ этотъ же вечеръ написалъ я просьбу къ графу Протасову, оберъ-прокурору святѣйшаго синода; но долго еще лежала она безъ употребленія; наконецъ получилъ я приказаніе переписать ее, и 18 февраля папенька снова ходилъ къ о. ректору, показалъ просьбу и ректоръ нѣсколько поправилъ ее. 19 февраля папенька пошелъ къ архіерею, и просилъ также его благословенія на это дѣло. Преосвященный Іеремія принялъ даже участіе въ этомъ дѣлѣ и приказалъ принести къ нему просьбу, обѣщая послать ее отъ себя. 24 февраля папенька привнесъ къ преосвященному мое прошеніе, онъ посмотрѣлъ и сказалъ: «хорошо; подавайте». — Папенька удивился такому обороту дѣла и сказалъ: «ваше преосвященство! эта просьба написана на имя графа; не прикажете ли переименовать и написать на ваше имя?» Тогда преосвященный еще посмотрѣлъ прошеніе и сказалъ, что «если ужъ такъ, то нужно подать просьбу еще на мое имя. Вы уже подайте отъ своего имени». 26 числа, въ четвертокъ, на масляницѣ, папенька подалъ преосвященному просьбу къ нему о моемъ желаніи, приложивъ и мое прошеніе къ оберъ-прокурору. Въ это время былъ у преосвященнаго и отецъ-ректоръ семинаріи, они поговорили между собой, и преосвященный сказалъ моему отцу: «ваше желаніе будетъ исполнено». 27 числа, на другой день, архіерей сдалъ мое дѣло въ семинарское правленіе съ резолюціей: «представить мнѣ семинарское правленіе справку о его поведеніи и успѣхахъ обстоятельную». На первой недѣлѣ дѣлами преосвященный не занимался и потому эта справка, состоящая изъ моего аттестата, подана была ему уже 9 марта. 10 онъ сдалъ все дѣло въ консисторію, чтобы тамъ нѣкто Городковъ заготовилъ отъ него письмо обо мнѣ къ графу. Въ этотъ же день вечеромъ моя просьба была еще разъ переписана, потому что нашлась въ ней ошибка и каляшечка саломъ. 11 марта черновое письмо подано къ преосвященному, и онъ, исправивъ его, снова далъ въ консисторію переписать. 12 марта переписали и подали ему, 13 отослали съ

отходящей почтой въ С.-Петербургъ. Вотъ моя исторія, не длинная и не важная. По окончаніи дѣла мнѣ бы слѣдовало радоваться, а я очень равнодушенъ. Правду сказать, я и теперь еще не увѣренъ въ превосходствѣ академическаго образованія, и мысль поступить въ университетъ не оставляетъ меня. Впрочемъ это по обстоятельствамъ. Главнымъ образомъ соблазняетъ меня авторство, и если мнѣ хочется въ Петербургъ, то не по желанію видѣть сѣверную Пальмиру, не по расчетамъ на превосходство стодичнаго образованія: это все на второмъ планѣ, это только средство. На первомъ же планѣ стоитъ удобство сообщенія съ журналистами и литераторами. Прежде я безотчетно увлекался этой мыслью, а теперь уже начинаю подумывать, что

«То кровь кипитъ, то силъ избытокъ....»

Надежда на журналистовъ для меня очень плоха, потому что, не доучившись годъ въ семинаріи, я въ академіи долженъ буду заниматься очень сильно, и времени празднаго у меня не будетъ, и притомъ я не знаю новыхъ языковъ, слѣдовательно переводное дѣло уже не по моей части, а иначе какъ начать?... Подумаешь, подумаешь, пишешь стихотвореніе:

«Мучать сомнѣнія душу тревожную....»

и потомъ опять какая-то апатія нападаетъ на душу, какъ будто это до меня и не касается. Одна надежда на премудрый промыслъ поддерживаетъ меня. Съ тѣхъ поръ, какъ благодѣтельная увѣренность въ благости и неусышной заботливости о насъ Божіей посѣтила меня, мнѣ кажется, что я даже несравненно легче снесу, если меня и прогонятъ назадъ въ Нижній изъ академіи. Этого я также имѣю причины опасаться, хотя и не теряю надежды сдать хоть кое-какъ пріемный экзаменъ. Много теперь нужно мнѣ трудиться, необычайная энергія тратуется, чтобы поддержать себя, а между тѣмъ я какъ будто и не думаю объ этомъ, и едва-едва, потихоньку, принимаюсь готовиться. А тутъ еще классные уроки, задачи и пуце всего надобѣляющіе классы, особенно о. П., драгоцѣннаго моего инспектора и бездѣннаго преподавателя догматическаго богословія, съ присловьями Цицерона и Квинтиліана, съ анекдотами Суворова и Балакирева, съ допотопными понятіями о наукѣ и литературѣ, и при всемъ этомъ съ совершеннымъ отсутствіемъ здраваго смысла, съ нустѣйшей головой, съ отвратительной претензіей на подлюс (плебейское) остроуміе и наконецъ съ положительной бездарностью преподаванія!... Скоро ли-то я забавлюсь отъ этого педанта, глупца изъ глупцовъ?... А что, ежели придется воротиться къ нему?...

Этими словами кончается послѣдняя страница мемуаровъ, начатыхъ 1 января 1852 года.

О поступленіи Н. А. въ Педагогическій институтъ и объ институтской его жизни прислалъ въ редакцію «Современника» слѣдующую статью г. Радонежскій, бывшій товарищемъ Николая Александровича:

«Въ августѣ 1853 года, за Обводнымъ каналомъ въ Петербургѣ, противъ зданія духовной академіи, въ бѣдномъ трехъоконномъ домицкѣ служителя Александро-Невской лавры, встрѣтилъ я въ первый разъ Николая Александровича на его квартирѣ, какъ теперь помню, съ исторіею Смараглова въ рукахъ. Какъ онъ, такъ и я, и много другихъ семинаристовъ только-что пріѣхали въ Петербургъ, съ цѣлію поступить въ духовную академію....

«Въ то время, о которомъ я говорю, въ квартирѣ Добролюбова было человекъ пять такихъ кандидатовъ на академиковъ.... Семинаристы во всей неприкосновенности.... въ столицѣ.... предъ рѣшительными дѣями вступительныхъ экзаменовъ, имѣвшихъ рѣшить наизне: «быть или не быть» — поддержать или уронить предъ академическимъ трибуналомъ честь своихъ семинарій, въ лицѣ напемъ пославшихъ, каждая изъ своего расадника, по одному лучшему экземпляру изъ своихъ развитыхъ растений, на окончательную пробу, — всѣ мы, еще незнакомые между собою, собранные во едино волею начальства, робко выражали другъ-другу свои надежды и опасенія, говорили о томъ, когда какой экзамень, по какому предмету, строгъ ли тотъ или другой экзаменаторъ, и въ то же время каждый изъ насъ читалъ пытливымъ глазомъ на лицахъ товарищей-соперниковъ степень ума, развитія, подготовленности, жадно вслушиваясь въ каждое слово другаго.... Что до меня, — я съ перваго взгляда на свѣжее, молодое (Добролюбову въ то время было семнадцать лѣтъ) слегка румяное лицо Николая Александровича, — на очки, придававшіе его умной, строгой фізіономіи какую-то оригинальную смѣлость, отличилъ его отъ прочихъ.... Особоно мнѣ бросились въ глаза очки на носу семинариста, по моему тогдашнему убѣжденію, такъ дерзко нарушавшіе законы скромной семинарской, а тѣмъ болѣе академической моды, — законы, по духу которыхъ ношеніе очковъ, пальто, сюртуковъ и панталонновъ, сшитыхъ не по казенной мѣркѣ семинарской, означало либерализмъ, заподозривало въ тенденціяхъ свѣтскихъ (*), далеко несогласныхъ съ идеаломъ истиннаго воспитанника семинаріи и тѣмъ болѣе воспи-

(*) «Эти наружныя тенденціи были причиною непоступленія многихъ въ число академическихъ студентовъ въ наше время....» Л. Р.

тащника, избраннаго быть впоследствии, по выходѣ изъ академіи, наставникомъ духовнаго юношества....

«Впечатлѣніе на первый разъ Добролюбовъ произвелъ на меня *особенное*, нежели всѣ другіе, видѣнные также въ первый разъ, будущіе мои товарищи. — «Какая умненная фюзіомія!... не даромъ очки носить (не знаю, почему *очки это доказывали*)... еще такой молоденькой... Ужели и *онъ* въ академію?...» размышлялъ я. И мнѣ тотчасъ же захотѣлось познакомиться съ очками....

«— Вы изъ какой семинаріи?

«— Изъ нижегородской....

«— Ваша фамилія — позволите?

«— Добролюбовъ.

«— Надѣюсь, также въ академію? пыталъ я.

«— Да.... отвѣчалъ мнѣ какъ-то неохотно Добролюбовъ. Потомъ онъ повернулся къ окну, взглянулъ за каналъ на фасадъ академическаго зданія, какъ разъ противъ оконъ его квартиры. — «Смотрите», прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ съ мало скрытою ироніею и указывая глазами на академію: «въ академіи *тринадцать оконъ*, это что-то плохой знакъ.... Я едва ли буду держать экзаменъ тамъ.... Боюсь....

«И дѣйствительно, Добролюбовъ экзамена въ академіи не держалъ. Онъ могъ это сдѣлать; потому что пріѣхалъ на свой счетъ и потому жилъ на своей квартирѣ. Я и многіе другіе, присланные на казенный счетъ и потому жившіе уже въ академіи, должны были сдавать срашные экзамены.... Въ то время, когда мы держали экзамены, въ академіи пронесся слухъ, что нижегородскій студентъ (претенденты на академикомъ звались уже тогда студентами) держитъ отлично экзаменъ въ Педагогическомъ институтѣ. Черезъ нѣсколько времени и самъ Добролюбовъ зашелъ въ академію къ намъ, уже испытывавшимъ неудобства затворнической жизни (прежде чѣмъ мы получили права ея адептовъ), и объявилъ, что онъ удачно кончилъ свои экзамены въ институтѣ.... Я вмѣстѣ съ другими, не обольщенными прелестями предстоявшей намъ жизни и карьеры, помню; отъ души позавидовали счастью Добролюбова....

«Наконецъ и наши экзамены въ академіи кончились. Перекликаны были имена *избранныхъ*, потомъ имена *только* званыхъ. Въ числѣ, кажется, пятнадцати именъ послѣднихъ, я скоро услышалъ и свое....

«Тогда же четверо изъ насъ «попаченныхъ назадъ академикомъ», какъ тогда мы себя и насъ называли другіе, отправились на квартиру къ Добролюбову....

«— И прекрасно, господа, — поотупайте въ институтъ, утѣшалъ

нась Добролюбовъ.—И тамъ не сладко, но по крайней мѣрѣ не будемъ сидѣть за 13 окнами....

«Въ тотъ же день мы, оскорбленные и униженные, поѣхали искать счастья въ институтъ....

«Нась тамъ, сравнительно съ строгимъ академическимъ приѣмомъ, очень вѣжливо и ласково встрѣтилъ бывший тогда инспекторъ института А. Н. Тихоандритскій, поговорилъ съ каждымъ изъ насъ, далъ намъ необходимыя инструкціи, какъ приступить къ *новому*, еще болѣе рѣшительному экзамену.... На другой день мы экзаменовались въ институтѣ, а черезъ нѣсколько времени намъ было объявлено, что мы приняты — мы спасены....

«Горькія, отчаянныя чувства убитости, униженія, испытанныя многими очень незаслуженно, отъ своей alma mater — академіи духовной, въ насъ быстро исчезли передъ восторгомъ отъ сознанія возстановленнаго самолюбія судомъ *сѣтскимъ*, — судомъ людей, которые въ глазахъ нашихъ стояли много выше, по своему образованію, нашихъ прежнихъ экзаменаторовъ. О радости мы—студенты института, — мы, отверженные, неизвѣстно за что, нашею матерью! (*)

«Правда, много горя мы испытали и въ институтѣ; но что это горе въ сравненіи съ тѣмъ, что насъ ожидало, если бы мы вернулись опять въ семинарію?!..

«Вскорѣ по приѣмѣ въ институтъ, студентовъ, вновь принятыхъ, размѣстили по камерамъ. Нась, «попеченныхъ академикомъ», какъ тогда насъ называли другіе студенты, записавшихся на одинъ филологическій факультетъ, помѣстили всѣхъ въ одну камеру, гдѣ къ великому моему удовольствію я прочелъ въ спискѣ студентовъ этой камеры, повѣшенномъ на стѣнѣ, и имя Н. Добролюбова, подчеркнутое рукою директора. А противъ фамиліи Добролюбова написано: «старшій» — тою же рукою. Старшимъ Добролюбова у насъ сдѣлали потому, что онъ отлично держалъ экзаменъ по всѣмъ предметамъ, исключая математики и физики и французскаго языка. Съ французскимъ языкомъ Добролюбовъ уже познакомился въ институтѣ на второмъ году совершенно основательно по роману: *Mystères de Paris*. Цѣлыхъ два мѣсяца, не выпуская изъ рукъ, носился онъ съ «Парижскими Тайнами» и наконецъ—таки одолѣлъ многотомный романъ.

«Съ перваго дня нашей институтской жизни и до послѣдняго, я въ камерѣ сидѣлъ рядомъ за однимъ столомъ съ Николаемъ Александрь-

(*) «Въ академіи балловъ, полученныхъ нами на приѣмномъ экзаменѣ, не считали, и намъ доселѣ неизвѣстно, почему такъ рѣшили нашу судьбу.»

чемъ. Мнѣ было интересно слѣдить за ходомъ занятій его, скоро пріобрѣвшаго надъ своими товарищами большое вліяніе.... Скоро всѣ товарищи Добролюбова убѣдились въ его превосходствѣ надъ собою. Какъ у словесниковъ, у насъ часто заходили споры о литературѣ. Въ этихъ спорахъ скоро Добролюбовъ показалъ и свою начитанность, какую было трудно представить въ семинаристѣ, и силу горячаго убѣжденія, и недовѣрчивость къ словамъ съ каедръ.... Все это дало намъ возможность замѣтить въ Добролюбовѣ раннюю самостоятельность. Помню, всѣ мы какъ-то неохотно приступали къ славянскій филологіи.... Добролюбовъ съ первой же лекціи И. И. Срезневскаго полюбилъ и предметъ и профессора. Профессоръ впоследствии самъ горячо полюбилъ своего слушателя и, не въ примѣръ прочимъ, иногда звалъ его на лекціи по имени и отчеству (*).

«Добролюбовъ владѣлъ особеннымъ искусствомъ на лету схватывать мысль профессора, и записывалъ такъ, что записки его по всѣмъ предметамъ, въ продолженіе всего курса, служили источникомъ, откуда каждый студентъ, обязанный поочередно составлять лекціи профессору, бралъ все необходимое. Черезъ годъ Добролюбовъ дошелъ до такого умѣнья записывать профессорскія лекціи, что не опуская въ нихъ ничего существенно важнаго, успѣвалъ еще пародировать иную лекцію. Эти пародіи иногда со смѣхомъ читались въ аудиторіяхъ и дортуарахъ....

«Если не всѣ любили Добролюбова, не всѣ соглашались съ нимъ, то положительно говорю—всѣ его уважали. Смѣло можно сказать: всѣ мы, его товарищи, обязаны многимъ и многимъ Николаю Александровичу, какъ студенту, откликавшемуся на все, за всѣмъ современнымъ слѣдившему. Большая часть изъ насъ у него искали разъясненія на многіе вопросы, съ которыми не могли сами совладѣть. Много было рѣзкаго въ его приговорахъ; но эти убѣжденія его были свои,—этотъ пылъ, эта искренняя откровенность — были всегдашнею неизмѣнною принадлежностію благородной природы незабвеннаго Добролюбова, горячо оскорблявшагося всѣмъ, что, по его убѣженію, не было добро и правда....

«Какъ-то вечеромъ, часовъ въ десять послѣ ужина, сидѣли мы въ своей камерѣ за столомъ: Добролюбовъ, я, и еще три студента. Добролюбовъ читалъ что-то, сдвинувши на лобъ очки. Является отъ знакомыхъ одинъ студентъ нѣкто N, считавшій себя аристократомъ между нами гольшами, какъ помѣщикъ.... N сталъ рассказывать одному студенту новость: будто бы посятся слухи объ освобо-

(*) Въ институтскомъ дневникѣ Н. А. есть много теплыхъ словъ о г. Срезневскомъ, у котораго былъ онъ принимать, какъ домашній, въ послѣднее время институтскаго курса. Н. Ч.

жденіи крестьянъ (это было въ началѣ 1857 года). Передавая этотъ слухъ, N выразилъ отгѣнокъ неудовольствія, какъ помѣщикъ.... Добролюбовъ, не переставая читать, доселѣ довольно покойно слушалъ рассказъ N. Но когда N сказалъ, что подобная реформа еще не довольно современна для Россіи, и что интересъ его личный, интересъ помѣщичій, черезъ это пострадаетъ, — Добролюбовъ поблѣднѣлъ, вскочилъ съ своего мѣста и неистовымъ голосомъ, какого я никогда не слышалъ отъ него, умѣвшего владѣть собою, закричалъ: «господа, гоните этого подлеца вонъ! Вонъ, бездѣльникъ! Вонъ, безчестье нашей камеры!...» И выраженіямъ страсти своей и гнѣва Добролюбовъ далъ полную волю....

«Добролюбовъ, при отличныхъ способностяхъ, владѣлъ какимъ-то особеннымъ тактомъ въ занятіяхъ. Довольствуясь записываніемъ лекцій въ аудиторіи, онъ никогда не терялъ времени на «черную» работу, т. е. на переписку, на составленіе лекцій, на ренитици, какъ большая часть студентовъ. Онъ читалъ, читалъ всегда и вездѣ, по временамъ внося содержаніе прочитаннаго (хотя онъ и безъ того хорошо помнилъ) въ имѣвшуюся у него толстую въ алфавитномъ порядкѣ писателей библиографическую тетрадь. Въ столѣ у него было столько разнаго рода замѣтокъ, рѣдкихъ рукописей, тетрадей, корректуръ, держа которыя въ первое время онъ зарабатывалъ себѣ копѣйку, — въ шкапѣ столько книгъ, что и ящикъ въ столѣ и полки въ шкапѣ ломились.... Но чтó бы Добролюбовъ ни дѣлалъ, какимъ бы серьезнымъ и срочнымъ трудомъ ни занимался, всегда онъ съ удовольствіемъ оставлялъ занятіе для живаго разговора, откровенной бесѣды, которыя при его участіи, начинаясь литературою или профессорскими лекціями, всегда сводились на вопросы житейскіе.... Онъ еще и тогда относился къ этимъ послѣднимъ слишкомъ строго для 17-тилѣтняго юноши.... Направленіе таланта Добролюбова, впоследствии такъ ярко обнаруженное имъ въ напечатанныхъ статьяхъ, проявлялось еще очень рано.

«Если не ошибаюсь, въ февралѣ 1855 года я отправился въ лазаретъ. Въ лазаретѣ я нашелъ Добролюбова здоровымъ. Онъ не вечеромъ тамъ что-то писалъ и записывался иногда далеко за полночь. Я полюбопытствовалъ спросить: «что ты пишешь, Николай?...»

«— А вотъ слушай. И онъ мнѣ прочелъ отрывокъ изъ предполагаемаго романа. Отрывокъ этотъ составлялъ первыя главы. Въ нихъ, помню, дѣло шло о *воспитаніи* двухъ мальчиковъ. Одинъ изъ нихъ былъ аристократенокъ — маменькинъ сынокъ, другой приемышъ — соединенный братъ, служившій компаньономъ барченку.... Мнѣ особенно памяты тѣ страницы, гдѣ авторъ говорилъ о деспотическихъ отношеніяхъ перваго къ послѣднему, — и сцена, гдѣ мальчикъ прие-

мыльгъ—сирота однажды отдалъ встрѣченной имъ на улицѣ дѣвушкѣ-пищей, босой, съ окровавленными ногами, свои сапоги, за что барыня-мать больно высѣкла своего пріемнаго сына.... Я долго слушагъ этотъ разсказъ, полный горячаго сочувствія къ сиротѣ, и читанный Добролюбовымъ съ большимъ одушевленіемъ.... На глазахъ у меня навернулись слезы.... Потомъ эти мальчики были отданы въ одно заведеніе учебное, вмѣстѣ учились, кончили курсъ удачно.—Барченокъ жилъ и учился съ протекціей.... Сирота — самъ собою, безъ помощи, всегда въ борьбѣ съ нуждою и людьми, подѣ влияніемъ чего характеръ послѣдняго выработался симпатичный, твердый, самостоятельный. Чтеніе, помню, кончено было (тутъ же былъ и конецъ рукописи будущаго большаго романа) на томъ мѣстѣ, когда эти два героя начинаютъ служебную карьеру, какъ и слѣдовало ожидать, различными путями. Маменькинъ сынокъ поступаетъ подѣ крыло какого-то директора департамента, а сирота самъ гдѣ-то находитъ для себя мѣсто.... Заглавія этого романа мнѣ тогда Добролюбовъ не сказалъ, вѣроятно и самъ еще не зналъ, какъ его назвать; но замѣтилъ мнѣ, что пишется легко, что вовсе не такой трудъ, какъ онъ прежде думалъ, писать повѣсти.... Кажется, этой повѣсти или романа покойный Добролюбовъ такъ и не кончилъ.

«Когда Добролюбовъ кончилъ чтеніе, я спросилъ: «ужели ты, Николай, способенъ писать романы? Я считалъ тебя болѣе серьезнымъ....»

«— Недаромъ у меня ничего и не выходитъ. «Воображенія» у меня вовсе нѣтъ. Я, замѣчаешь, резонерствую, а это скверно... Впрочемъ, покажу Чернышевскому, что онъ скажетъ, — отвѣчалъ мнѣ Добролюбовъ.

«На той же недѣлѣ онъ отправился, кажется, съ неоконченною повѣстью къ Чернышевскому. Послѣ того, онъ мнѣ передалъ результатъ литературнаго консиліума: «Чернышевскій мнѣ положительно сказалъ, чтобы я не совался въ беллетристику, что я пишу не повѣсть, а критику на сцены, мною придуманная....» Это слова буквально-подлинныя Добролюбова.

«Сейчасъ приведенный фактъ очень важенъ въ жизни Добролюбова, какъ рѣшительный толчокъ, давшій литературному призванію его окончательное направленіе критическое....

«Первые два года пребыванія въ институтѣ у Добролюбова были отравлены двойнымъ ужаснымъ горемъ. Изъ частой переписки его въ то время съ родными, и особенно съ матерью, видно было, что онъ питалъ къ ней вѣжнѣйшую привязанность. Родители, въ свою очередь, до старости любили своего перваго сына и баловали его, какъ ребенка. Часто, бывало, Добролюбовъ получалъ съ почты при-

слагаемые изъ дому, изъ Нижняго-Новгорода, концы отъ матери, которыми онъ послѣ ужина угондалъ своихъ товарищей. Однажды, вечеромъ, Добролюбовъ получаетъ отъ отца письмо за черною печатью, извѣщавшее о смерти любимой имъ матери, которая скончалась отъ родовъ. Это ужасное извѣстіе такъ сильно подѣйствовало на Добролюбова, что всѣ товарищи приняли участіе въ его горѣ, и, кажется, этотъ ударъ много имѣлъ вліянія на самыя завѣтныя убѣжденія дорогаго нашего товарища....

«— За что такъ строга судьба? сказалъ мнѣ онъ однажды, перечитывая печальное письмо. — Матушка моя была такъ религіозна.... такъ набожна.... и такъ необходима малолѣтней семьѣ нашей.... Зачѣмъ было отнимать ее у насъ?.... Поневолѣ задумаешься....

«Не успѣла еще зажить, да едва ли и зажила когда эта рана въ сердцѣ Добролюбова, какъ новая, не менѣе глубокая, нанесена была судьбою его любящему сердцу.

«Въ 1854 году, въ іюнь мѣсяцѣ, послѣ экзаменовъ, мы втроемъ отправились на каникулы по желѣзной дорогѣ, «*смысль съ волами*», какъ выразился Добролюбовъ, — т. е. на тяжеломъ повѣздѣ, до Твери. Въ Твери мы сѣли на пароходъ, съ тѣмъ, чтобы отправиться по Волгѣ: я въ Ярославль, еще товарищъ въ Кострому, а Добролюбовъ — въ Нижний. Всю дорогу нашъ Николай Александровичъ былъ какъ-то особенно печаленъ. Къ тому же, онъ помѣстился на палубѣ, и его буйважно испекло жаркимъ іюньскимъ солнцемъ. На пароходѣ съ нами ѣхали два болгарскихъ монаха; онъ съ ними всю дорогу проговорилъ о болгарскомъ языкѣ, о жизни болгаръ.... Оттого ли, что у Добролюбова не было денегъ, или онъ не хотѣлъ ихъ тратить, или ему наскучила дорога, или не былъ хорошо здоровъ, или его томило надобное предчувствіе — не знаю; но онъ всю дорогу груститъ, ничего почти не ѣлъ и не пилъ въ продолженіе двухъ сутокъ.... Последствія оправдали его чуткую грусть; дома на этихъ каникулахъ носѣтило его семью новое горе.

Въ концѣ августа, на обратномъ пути изъ дома въ Петербургъ, я встрѣтилъ Добролюбова на желѣзной дорогѣ, уже ѣхавшаго на этотъ разъ съ какимъ-то баринемъ-землякомъ во II классѣ.

— Что новаго у васъ, Николай, въ Нижнемъ?

«— Отецъ умеръ», отвѣчалъ онъ.

«Въ холодномъ тонѣ отвѣта, сказаннаго Добролюбовымъ съ лавнительною улыбкою, мнѣ послышалось проклятіе, посланное судьбѣ.... Да, онъ смѣялся, сообщая мнѣ эту грустную новость, но такъ смѣялся, что меня покорибило.

«Эти грустные семейныя обстоятельства, быстро слѣдовавшія

одно за другимъ, имѣли сильное вліяніе на Николая Александровича. Съ этой минуты его душа навсегда простилась съ мечтами... и жизнь, живя съ всею ея реальностію стала предметомъ его влеченія.

«Я, помню, восхищался при покойномъ только-что тогда напечатаннымъ въ «Современникѣ» «Пахаремъ» Григоровича. Добролюбовъ съ жаромъ принялся доказывать всю несостоятельность повѣсти, съ особеннымъ напоромъ указывая на идеализацію, съ которою авторъ описалъ послѣднія минуты умирающаго пахара....

«Я любилъ стихишки, иногда ванѣвалъ романсы.... Однажды, въ минуту пѣвучаго настроенія, я запѣлъ, въ присутствіи Добролюбова, какой-то романсъ....

«Радоужскій! перестанешь ли ты сердечные романсы распѣвать? Ужели ты не имѣешь въ запасѣ для пѣнія чегонибудь получше? На вотъ пой....» И Добролюбовъ сумелъ мнѣ стихотворенія Некрасова. — «Оставь, пожалуйста, любовь и цвѣты, пой «жизнь» — или плачь: это одно и то же, — ну, смисти!...» Пѣсня, иногда пѣтая мною: «Не слышно шуму городского», особенно нравилась Добролюбову, и онъ, вообще влюбившій пѣнія, очень часто просилъ меня ее пѣть и всегда слушалъ съ особеннымъ вниманіемъ.

«Покойный Николай Александровичъ не любилъ аншуръ и вѣгдѣ и ни въ чемъ, не любилъ рисоваться, и всегда ратовалъ противъ наряднаго черезъ-чуръ мундира, особенно ловкаго поклоня, заискивающаго разговора, подобострастнаго отношенія къ кому бы то ни было.... На танцклассѣ, куда онъ являлся въ четыре года можетъ быть пять разъ, смѣшилъ танцмейстера своею неловностію, и мудростей кадрили французскаго не постигъ....

«Во время коронаціи, студентамъ института были присланы двѣ ложи даровыя въ Александринскомъ театрѣ. Бросили жребій, кому изъ студентовъ ѣхать. Добролюбову и мнѣ достались также мѣста. Давали «Парашу Сибирячку» и еще что-то. Въ одной изъ нихъ игралъ покойный Максимовъ. Во время дѣйствія, за нѣкоторые монологи, вызывали Максимова послѣ того, какъ онъ кончалъ свое явленіе. Максимовъ имѣлъ привычку выходить расклавиваться и, разумѣется, своимъ выходомъ нарушалъ художественную иллюзію.... Въ то время, когда всѣ хлопали явившемуся на вызовъ Максимова, хотя, по ходу дѣйствія, явленіе его не слѣдовало, — Добролюбовъ вставалъ съ своего мѣста, и вальсунувшись изъ ложи, кричалъ громко: «мѣффа, лажой!» — шикалъ и свисталъ. (То же было съ Добролюбовымъ, когда Максимовъ въ другой разъ при немъ игралъ Чацкаго.) И всегда потомъ, если заходила рѣчь объ Александринскомъ театрѣ, онъ ругалъ Максимова.. .

«Добролюбовъ не скрывалъ никогда и ни къ кому своей антипатии. Въ выраженіяхъ о нелюбимомъ лицѣ, и всегда нелюбимомъ за что нибудь особенно, по его убѣжденію, дурное, онъ не стѣснялся ничѣмъ. Тамъ, гдѣ дѣло шло о правдѣ, объ интересахъ студентовъ, — онъ первый бралъ на себя ответственность протеста, рискуя потерять многое для себя....

«При выпускѣ Добролюбовъ не получилъ золотой медали....

«За то иная медаль, съ изображеніемъ покойнаго нашего общаго друга, осталась вычеканенною въ сердцѣ каждого товарища его.... Не знаю, что жизнь сдѣлала съ Добролюбовымъ послѣ, выѣзда института.... Но студенческое имя Николая Добролюбова для его товарищей, такъ его любившихъ, и прежде было, и долго будетъ самымъ свѣтлымъ, задушевнымъ, ободряющимъ, путеводнымъ голосомъ.... Немалую долю въ вынесенныхъ изъ студенческой жизни добрыхъ началахъ товарищи Николая Александровича заняли изъ его прекрасной, даровитой, любимой нами всѣми до страсти, благородной души. Не берусь рѣшить, что потеряла литература въ — *бось*, но мы, товарищи по институту съ Николаемъ Александровичемъ Добролюбовымъ потеряли много смѣлыхъ надеждъ, много свѣтлыхъ упованій, потеряли красу и честь нашего молодого студенческаго кружка, гордость и утѣшеніе нашего курса.»

Отъ времени институтской жизни Н. А. сохранилась тетрадь дневника, начатаго 1 января и доведеннаго до 11 февраля 1857 г. На этотъ разъ Н. А. записывалъ совершенно послѣдовательно, не пропуская ни одного дня, и очень подробно: 42 дня занимаютъ 88 страницъ въ 4-ю д. л., исписанныхъ плотно, такъ что если бы напечатать весь дневникъ, онъ занялъ бы около 75 страницъ; на внутренней сторонѣ обертки тетради написано:

«Прошу всѣхъ, кому попадется въ руки эта тетрадь, положить ее на мѣсто, не читая, потому, что въ ней записалъ я нѣсколько тайнъ, не принадлежащихъ мнѣ и частію даже угаданныхъ мною».

По причинѣ, указываемой этою надписью, большая часть дневника должна пока остаться ненапечатанною, и только нѣкоторые, немногіе отрывки можно сообщить публикѣ теперь.

Сцена съ товарищемъ по случаю слуха объ освобожденіи крестьянъ разсказана въ дневникѣ Н. А. такъ:

«9 января. Въ теперешнемъ своемъ настроеніи я радъ всякой живой душѣ, которой могъ бы говорить о своихъ душевныхъ трево-

гахъ.... Чувства мои рвутся наружу съ страшною силой. И что, если я встрѣчу сочувствіе?... А между прочимъ, тревожное состояніе души моею выразилось вчера очень оригинальнымъ образомъ. Еще съ утра, на лекціи Срезневскаго, по поводу какого-то слова, совершенно ничтожнаго, у меня вдругъ родился цѣлый рядъ идей о томъ, какъ можно бы и какъ хорошо бы уничтожить это неравенство состояній, дѣлающее всѣхъ столь несчастными, или, по крайней мѣрѣ, повернуть все вверхъ дномъ: *авось* потомъ какъ *нибудь* лучше установится все. Этотъ странный порывъ, конечно, скоро былъ успокоенъ холоднымъ разсужденіемъ, доказавшимъ, что подобное намѣреніе глупо. Но все-таки въ душѣ осталось чувство, что надо же дѣлать, если дѣлать, что нечего сидѣть, сложа руки. Въ такомъ настроеніи былъ я, когда получилъ слѣдующее извѣстіе. Въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ» напечатанъ былъ указъ, въ которомъ говорилось что-то о крѣпостныхъ. Вѣсть объ этомъ распространилась по городу, и извошники, дворники, мастеровые и т. п. толпами бросились въ сенатскую лавку—покупать себѣ *вольныя*.... Произошла давка, шумъ, смятеніе. Указы перестали продавать. К. ходилъ вчера въ сенатскую лавку. Чиновникъ отвѣтилъ на его вопросъ объ указѣ касательно крѣпостныхъ: нѣтъ и не было.... Но тутъ же и въ тѣ минуты, которыя К. пробылъ въ лавкѣ и возлѣ, человекъ 15 разнаго званія приходили спрашивать объ этомъ указѣ, и всѣмъ тотъ же отвѣтъ. Говорятъ, что многіе извошники оставили своихъ хозяевъ, расчитавъ, что теперь имъ оброку платить не нужно, и слѣдовательно отъ себя работать можно, что гораздо выгоднѣе. С. встрѣтилъ третьяго дня вечеромъ двухъ пьяныхъ мужиковъ, изъ которыхъ одинъ говорилъ, что мы, дескать, вольные съ новаго года, а другой ему возразилъ: врешь, съ перваго числа.—Это меня возбудило и настроило какъ-то напряженно. Вечеромъ заговорили опять объ этомъ указѣ, и Н., думая съострить, самодовольно замѣтилъ, что для студентовъ эта новость не можетъ быть интересною, потому что у нихъ нѣтъ крестьянъ. У. сталъ, по обычаю, очень тупо острить на этотъ счетъ, и я, видя, что дѣло, святое для меня, такъ пошло трактуется этими господами, я горячо замѣтилъ Н. неприличіе его выходки. Онъ хотѣлъ что-то отвѣчать, и, по обычаю, заикнулся, и, стоя предо мной, только производилъ непріятное трещаніе горла. Я сказалъ, что его острота обидна для всѣхъ, имѣющихъ несчастіе считать его своимъ товарищемъ, и что между нами много есть людей, которымъ интересы русскаго народа гораздо ближе къ сердцу, нежели какой-нибудь чужеской свиньѣ. Выговоривши это слово, я уже почувствовалъ что сдѣлалъ глупость, обративши вниманіе на слова лондлага мальчишки; но начало было сдѣлано. Н. сказалъ мнѣ самъ какую-то грубость, жд продолжалъ ругаться съ нимъ,

нова не заставилъ его замолчать грознымъ движеніемъ, которое можно было растолковать, какъ намѣреніе прибить Н. Движеніе это было уже не искренно, а просто рассчитано. Черезъ пять минутъ я со всѣмъ эту исторію позабылъ, увлекшись теченіемъ мыслей — въ одной изъ статей первой книжки «Современника», которую сталъ читать, чтобы успокоиться.

Вотъ еще два отрывка, въ которыхъ высказывается сужденіе Николая Александровича о своемъ характерѣ и отчасти опредѣляются его тогдашнія убѣжденія и стремленія. 12 января, рассказывая о восстановленіи хорошихъ отношеній своихъ съ однимъ изъ товарищей, съ которымъ прежде былъ друженъ, потомъ на нѣкоторое время расходился, Н. А. говоритъ, что примиреніемъ съ этимъ товарищемъ онъ доволенъ, но прежняя дружба между ними не восстановится, и продолжаетъ:

«Каждая вещь, которую мы дѣлаемъ, основывается конечно на эгоизмѣ, — тѣмъ болѣе такая вещь, какъ дружба. Приятно быть дружнымъ съ тѣмъ, кто намъ сочувствуетъ, кто можетъ понимать насъ, кто волнуется тѣми же интересами, какъ и мы. Въ этомъ случаѣ, мое самолюбіе удовлетворяется, когда я нахожу одобреніе моихъ мнѣній, уваженіе того, что я уважаю, и т. п. Но съ Z (*) у насъ общаго только честность стремленій, да и то немногихъ: въ послѣднихъ дѣлахъ мы расходимся. Я — отчаянный социалистъ, хотъ сейчасъ готовый вступить въ небогатое общество съ равными правами и общимъ имуществомъ всѣхъ членовъ; а онъ признаетъ неравенство правъ и сословіій даже въ высшемъ идеалѣ человѣчества.... Я полонъ какой-то безогчетной, безпечной любви къ человѣчеству и уже привыкъ давно думать, что всякую гадость люди дѣлаютъ по *глупости*, и слѣдовательно нужно жалѣть ихъ, а не сердиться; противоудѣствуя подлюстямъ, я дѣлаю это безъ гнѣва, безъ возмущенія (**), а просто по сознанію надобности и обязанности дать щелчокъ дураку. Z, напротивъ, отличается страстностью дѣйствій, и потому они принимаютъ у него всегда личный характеръ; все, затѣянное имъ, начиналось съ него и къ нему непосредственно относилось; все, затѣянное мной, касалось меня менѣе, чѣмъ всѣхъ другихъ, потому что лично я никогда ничѣмъ не былъ обиженъ отъ нашего начальства.

«.... Я болѣе люблю Поржницкаго (***)», котораго 10 числа прово-

(*) Имя товарища, о которомъ идетъ рѣчь.

(**) То есть надобно подразумевать: «душевнаго, а съ хладнокровіемъ».

(***) Г. Поржницкій былъ тогда студентомъ медикохирургической академіи и долженъ былъ уѣхать въ Казань по неудовольствію начальства....

длинъ въ Казань. Это благородный человекъ, съ энергическимъ, постояннымъ желаніемъ добра и участіемъ къ бѣднымъ ближнимъ; онъ ужасно много потерпѣлъ, и приобрѣлъ энергію и опытность, какихъ мнѣ, можетъ быть, никогда не удастся приобрести. Страшно, подумать, какъ мало во мнѣ жизни, какъ мало страсти! Хорошо еще, что не попалъ я на благородныя, честныя убѣжденія.... Отсутствіемъ живаго начала въ моей натурѣ объясняю я и то, что разлука съ Поржницкимъ произвела на меня очень слабое впечатлѣніе, до того слабое, что на другой день я позабылъ о ней и не вписалъ даже ея въ свою тетрадь. А между тѣмъ мое уваженіе и любовь къ этому человеку совершенно искренни, — и былъ горячъ подалуй нашъ прощальный, крѣпко было пожатіе рукъ.»

25 января, замѣчая у другаго институтскаго товарища сходство съ собою по характеру, Н. А. продолжаетъ:

«Для него вопросы социальныя—вопросы внутренніе, стремленія души его, а никакъ не внѣшнія, навязанныя обстоятельствами увлеченія, какъ у большей части другихъ изъ намъ извѣстныхъ. Только у него натура ужасно слабая и способная къ увлеченіямъ, и я боюсь, что попавши въ дурной кружокъ, онъ легко распротится съ своими убѣжденіями. Эгого боюсь даже за самого себя я имѣю основаніе; но какъ же не сознаться — хоть и себѣ самому, — что во мнѣ (что ни говори Z) (*) внутреннѣе силъ гораздо больше, презрѣніе къ людскимъ авторитетамъ и къ житейскимъ выгодамъ гораздо сильнѣе, и что къ высшимъ вопросамъ, къ послѣднимъ рѣшеніямъ я подошелъ гораздо ближе, гораздо смѣлѣе взглянуть имъ въ лицо, нежели N? Меня своротить съ моей дороги ужасно трудно, тѣмъ болѣе, что я до сихъ поръ не тратилъ своихъ силъ на серьезную внѣшнюю борьбу, и въ случаѣ нужды могу явиться смѣлымъ и смѣжимъ бойцомъ. Кромѣ того, у меня есть еще шансъ: я уже успѣлъ себя очень хорошо поставить между людьми, которыхъ уваженіе мнѣ дорого. Если я сгибну, то они обо мнѣ искренно пожалѣютъ, и передъ концомъ меня не будетъ мучить мысль, что вотъ были у меня силы, да не успѣлъ я ихъ высказать и умираю безвѣстнымъ, безъ шума и слѣда.»

Тутъ мы видимъ, между прочимъ, повтореніе обычной укоризны Н. А. себѣ за холодность и безчувственность. Но теперь читатель уже знаетъ его натуру настолько, чтобы видѣть совершенную неосновательность его недовольства собою съ этой стороны. Онъ былъ человекъ чрезвычайно впечатлительный, страстный, и чувства его были

(*) Нынѣ товарища, о которомъ шла рѣчь въ предыдущемъ отрывкѣ.

очень порывисты, глубоки, пылки. — Мнѣ довольно часто попадались люди, мучающіеся мыслью, что въ нихъ недостаетъ именно тѣхъ способностей или качествъ, которыя очень сильно развиты у нихъ. Напримеръ, покойный И. И. Введенскій ужасно мучился тѣмъ, что у него слаба память. Но кромѣ общихъ впечатлѣній моихъ, свидѣтельствовавшихъ противное, я имѣлъ положительный случай видѣть, что память у него чрезвычайно сильна: когда онъ готовился къ магистерскому экзамену, онъ занялся при моемъ содѣйствіи славянскими нарѣчіями, о которыхъ не имѣлъ никакого понятія, и я видѣлъ замѣчательную быстроту и прочность, съ какою врѣзывалось у него въ память все, начиная отъ грамматическихъ мелочей до тонкаго подбора фактовъ для общихъ научныхъ соображеній. Точно такъ же находилъ довольно слабой свою память и Н. А., имѣвшій изумительную память. Разумѣется, мнимою слабостью своей памяти онъ не огорчался, потому что важность дѣла не въ томъ, какова память. Но подобно ему, большая часть встрѣчавшихся мнѣ людей замѣчательно твердаго характера были мучимы недовольствомъ собою за безхарактерность. — Переходя отъ ложнаго недовольства собою за мнимые недостатки хорошаго къ подобнымъ примѣрамъ недовольства мнимымъ недостаткомъ дурнаго, каждый читатель можетъ припомнить, какъ много встрѣчалъ онъ людей изворотливаго и фальшиваго характера, недовольныхъ собою за мнимый недостатокъ изворотливости. — Только очень немногіе негодяи считаютъ себя негодяями; огромное большинство людей этого разряда приписываетъ всѣ свои неудачи въ жизни только недостатку подлости въ своемъ характерѣ. — Эта иллюзія относительно собственныхъ качествъ объясняется очень просто. Человѣкъ, у котораго есть сильная способность къ чему нибудь, имѣетъ очень ясное представленіе о томъ, что такое значить сила этой способности; онъ очень живо и рельефно представляетъ себѣ идеалъ ея, а передъ идеаломъ фактъ дѣйствительно не удовлетворителенъ; и вотъ онъ считаетъ себя слабымъ именно въ томъ, въ чемъ гораздо сильнѣе другихъ людей. — Разумѣется, такіе люди только въ этомъ послѣднемъ отношеніи ошибаются, — только въ томъ, что прилагаютъ къ себѣ мѣрку отвлеченнаго совершенства, пренебрегая мѣрять себя безпристрастнымъ сравненіемъ съ другими людьми по качеству, недостаткомъ котораго въ себѣ сокращаются. Если они умны, то не трудно заставить ихъ сознаваться въ этой ошибкѣ, уличая въ томъ, что качествомъ, за недостаткомъ котораго они порицаютъ себя, они одарены сильнѣе, чѣмъ люди, признающіеся за богато одареннѣе тѣмъ же самымъ качествомъ. Такъ бывало дѣлалось съ Н. А., когда онъ начнетъ слѣшкомъ печалиться о своемъ «безчувственности» или «безхарактерности». — Ну, вотъ возьмите г. И или г. NN, — они извѣстны какъ

люди впечатлительные, живые» или «какъ люди, твердые; ну, что же, какъ вы думаете объ вашихъ качествахъ сравнительно съ ними?» — «Еще бы сравнительно съ ними не казался я вамъ человѣкомъ живымъ и твердымъ. Разумѣется, я подтверже ихъ, и чувства у меня посильнѣе». — «Ну, за что же вы браните себя въ такомъ случаѣ?» — «Да какое мнѣ утѣшеніе въ томъ, что другіе хуже меня? Я хотѣлъ бы быть такимъ, какимъ самъ хочу быть, какимъ мнѣ нужно быть для довольства собою.»

Но кромѣ этого общаго повода къ иллюзіямъ подобнаго рода, было у Н. А. другое, частное основаніе воображать себя холоднымъ и безчувственнымъ. Онъ имѣлъ чрезвычайно сильный характеръ. По обыкновенію людей, одаренныхъ такимъ характеромъ, онъ считалъ себя лишеннымъ твердой воли и, какъ я уже говорилъ, сильно мучился этимъ. Но какимъ бы ни считалъ онъ себя, я раскажу современемъ множество дѣлъ, доказывающихъ удивительную силу его характера, а теперь пока укажу на одинъ фактъ, извѣстный всей публикѣ: никто никогда не дѣйствовалъ съ такою полною независимостью отъ всѣхъ окружавшихъ, какъ онъ. Никакія личныя отношенія не могли поколебать его, когда онъ считалъ нужнымъ поступить такъ или иначе. Напримѣръ, ему извѣстно было, что я одобрялъ устройство диспута въ Пассажѣ между гг. Смирновымъ и Перрозио. Онъ очень хорошо зналъ, какъ неприятно мнѣ будетъ обнаруженіе глупости этого дѣла, въ которомъ разыгралъ я самую жалкую роль. Публика могла не знать, но мы съ нимъ оба очень хорошо понимали, что его статья «любопытный пассажъ» убійственнѣе для меня, нежели для кого бы-то ни было другого. Прочитайте же эту статью, — смягчалась ли въ ней насмѣшка привязанностью ко мнѣ? А между тѣмъ онъ любилъ меня, я имѣю на это доказательства. — Но что указывать частные случаи? — Литературный міръ знаетъ, какъ неизмѣнно выдерживалъ онъ принципы: не сближаться ни съ кѣмъ изъ тѣхъ, съ кѣмъ не стоило сближаться по его убѣжденію. Тутъ напрасны были всякія просьбы. При этой твердости характера и при ранней привычкѣ къ обдуманному дѣйствованію, Н. А. очень рано приобрѣлъ очень замѣчательную силу сдерживать внѣшнія проявленія своихъ чувствъ. Напримѣръ, въ теченіе четырехъ лѣтъ безпрестанныхъ свиданій съ нимъ (съ лѣта 1856 г. до отъѣзда за границу) я только три раза былъ причиною или свидѣтелемъ того, что онъ измѣнялся въ лицѣ, вспыхивалъ и возвышалъ голосъ; а разумѣется, были десятки случаевъ, въ которыхъ онъ сильно досаждалъ на тотъ или другой мой поступокъ, и были сотни случаевъ, когда разговоръ нашъ шелъ о предметахъ, волновавшихъ его. Кромѣ трехъ случаевъ (изъ которыхъ два уже разсказаны г. Патковскимъ въ «Книжномъ Вѣстникѣ»), я никогда не видѣлъ его терпящимъ власть надъ голосомъ, ни разу не ви-

дѣлъ дѣлающимъ тревожныя движенія. Эту сдержанность онъ принималъ за холодность, между тѣмъ какъ она только свидѣтельствовала о силѣ его воли.

Читатель видѣлъ страстность природы Н. А. въ двухъ направлѣнїяхъ чувства, — въ любви къ матери, и въ дружеской привязанности. Дневникъ, веденный въ Педагогическомъ институтѣ, заключаетъ въ себѣ много страницъ, относящихся къ собственно такъ-называемой любви. Разумѣется, мы не имѣемъ права печатать этихъ его воспоминаній, хотя въ нихъ нѣтъ ровно ничего предосудительнаго съ какой бы то ни было стороны для лицъ, которыя въ нихъ являются. Но надъ повѣтїями общества объ этихъ вопросахъ еще господствуетъ пошлость, требующая тайны. Тѣ отрывки институтскаго дневника, которые говорятъ о тогдашней любви Н. А., должны оставаться не напечатанными до той поры, когда никто не найдетъ ихъ обнаруженіе нарушеніемъ общественныхъ условій, и мы печатаемъ только тѣ страницы, которыя показываютъ, какъ пробуждалась въ Н. А. жажда любви.

3 января, рассказавъ, что былъ въ театрѣ на «Ревизорѣ», Н. А. продолжаетъ:

«За реви́зоромъ шла пьеса «Уѣдетъ или нѣтъ», дрянъ кака-то гр. Ростопчиной, пьеса, которой бы никто смотрѣть не сталъ, если бы ее не играла N, на которую все время наведены были всѣ имѣвшіеся въ театрѣ бинокли. Она, дѣйствительно, очень хороша собой. — Странное дѣло: нѣсколько дней тому назадъ я почувствовалъ въ себѣ возможность влюбиться; а вчера, ни съ того, ни съ сего, вдругъ мнѣ пришла охота учиться танцовать. — Чортъ знаетъ, что это такое. Какъ бы то ни было, а это означаетъ во мнѣ начало примиренія съ обществомъ (*). Но я надѣюсь, что не поддамся такому настроенію: чтобы сдѣлать что нибудь, я долженъ не убаюкивать себя, не дѣлать уступки обществу, а напротивъ, держаться отъ него дальше, питать жолчь свою. При этомъ разумѣется, конечно, что я не буду дѣлать себѣ насилія, а стану ругаться только до тѣхъ поръ, пока это будетъ занимать меня и доставлять мнѣ удовольствіе. Дѣлать то, что мнѣ противно, я не люблю. Если даже разумъ убѣдитъ меня, что то, къ чему имѣю я отвращеніе, благородно и нужно, — и тогда я сначала стараюсь ирричьить себя къ мысли объ этомъ, ирричьить болѣе интереса для себѣ, а потомъ дѣлу, — словомъ, развить себя до того, чтобы поступки мои, будучи согласны съ абсолютной справедливостью, не

(*) Точнѣе выразился бы Н. А., если бы сказалъ: «начало того, что я вслѣжаю въ жизнь.»

были противны и моему личному чувству. Иначе, если я примусь за дѣло, для котораго я еще недовольно развитъ, и слѣдовательно не го-жусь, то — во-первыхъ, выйдетъ изъ него — «не дѣло, только мука», а во-вторыхъ, никогда не найдешь въ своемъ отвѣченномъ разумѣ столько силъ, чтобы до конца выдержать пожертваніе собственной личностью отвѣченному понятію, за которое бьешься.»

(8 января) за обѣдомъ въ одномъ семействѣ, гдѣ давалъ уроки Н. А., зашла рѣчь объ убійствѣ Сибура Вержесомъ, — случаѣ, надѣлавшемъ тогда много шума на цѣлую Европу. Ужаснѣе всего казалось, что Вержесъ совершилъ убійство открыто, въ публичномъ мѣстѣ, среди многолюдной толпы. Собесѣдники Н. А. говорили въ этомъ тонѣ.

«Я сказалъ, что оправдывать убійство вообще нельзя, но не нужно и такъ строго обвинять (Вержеса) только за то, что оно совершено открыто и честно, а не подло и скрытно. Отсюда разговоръ легко перешелъ, конечно, къ ослиной добродѣтели, которой Н. П. произнесла панегирикъ, а я захохоталъ. Смѣхъ мой ее озадачилъ и даже нѣсколько оскорбилъ. Начался споръ, въ которомъ я доказывалъ, что честный и благородный человѣкъ не можетъ и даже не имѣетъ права терпѣть гадостей и злоупотребленій, а обязанъ прямо и всѣми своими силами возставать противъ нихъ. Въмѣсто всякаго отвѣта на мою диссертацію въ этомъ смыслѣ, Н. П. только руками всплеснула: ахъ, какой онъ вольнодумецъ, Господи Боже мой! Скоро однако же она согласилась, что вольнодумство это очень благородно, но прибавила, что оно можетъ быть гибельно. Въ этомъ я съ нею согласился...

«В. А. стала просить меня прочесть чтонибудь. Но читать было нечего. Обратились къ старымъ книжкамъ «Современника». С. П. сказалъ, что очень хороши «Записки Учителя Музыки», и В. А., вмѣстѣ съ Н. П., стали меня просить прочесть ихъ. Отказаться было нельзя; но я ихъ читалъ прежде, повторять не хотѣлось, и я озлился. Мгновенно же сталъ я мраченъ, въ сердцѣ была какая-то ярость, тяжело было, и чортъ знаетъ какое скверное расположеніе духа пришло при мысли о необходимости читать для другихъ то, чего бы я самъ не хотѣлъ читать. Я все старался оттянуть чтеніе.... Къ счастью; судьба бросила подъ руку В. А. первый томъ «Легкаго Чтенія»; я вызвался прочесть для нихъ «Дневникъ Липяго Человѣка». Онѣ согласились, и въ ту же минуту дурное расположеніе мое прошло, мнѣ стало легко и спокойно. Но какъ я страдалъ, пріятно страдалъ, читая первую половину разсказа, никѣмъ не тревожимый и не прерываемый!... На половинѣ намъ помѣшали, и впечатлѣнія раздвоились. Пришелъ М.—fils, а потомъ М. — père; стали толковать о родовой чести, о потерѣ которой

онъ очень сожалѣлъ, чѣмъ возбудилъ во мнѣ жолчный смѣхъ. Потомъ Н. П. отправилась дѣлать чай, и чтеніе на время прекратилось. Мы остались вдвоемъ съ В. А. и я сталъ ей говорить совершенно беззащитно о своей застычивости, неловкости, незнаніи свѣтскихъ приличій, неумѣнн держатъ себя въ обществѣ и т. п. Она согласилась, что я дѣйствительно не боекъ, но утѣшала меня тѣмъ, что всѣ означенныя достоинства находятся во мнѣ не въ столь высокой степени, какъ я думаю. А въ самомъ дѣлѣ, какое-то ужасающее сходство нашелъ я въ себѣ съ Чулкатуринимъ. Я былъ внѣ себя, читалъ рассказъ; сердце мое билось сильнѣе, къ глазамъ подступали слезы, и мнѣ такъ и казалось, что со мной непременно случится рано или поздно подобная исторія. Чувства же, подобныя чувствамъ Чулкатурина на балѣ, мнѣ приходилось не разъ испытывать. Вообще, съ нѣкотораго времени какое-то странное, совершенно новое, невѣдомое мнѣ прежде расположеніе души посѣтило меня. Я томлюсь, ищу чего-то, но пятидесяти разъ на день новоторю стихи Веневитинова:

Теперь гонись за жизнью дѣвной
И каждый мигъ въ ней воскрешай,
На каждый звукъ ея призывный
Отзывной пѣснью отвѣчай.

«Жизнь меня тянетъ къ себѣ, тянетъ неотразимо. Бѣда, если я встрѣчу теперь хорошенькую дѣвушку, съ которой близко сойдуся, — влюблюсь непременно и сойду съ ума на нѣкоторое время...

«Итакъ вотъ она начинается, жизнь-то.... Вотъ время для разгула и власти страстей.... А я, дурачокъ, думалъ въ своей педагогической и метафизической отвлеченности, въ своей книжной сосредоточенности, что уже я «пережилъ свои желанья» и «разлюбилъ свои мечты»... Я думалъ, что выйду на поприще общественной дѣятельности чѣмъ-то въ родѣ Катона безстрашнаго или Зенона Стоика. Но вѣрно жизнь возьметъ свое. И какъ странно началось во мнѣ это тревожное движеніе сердца! Въ первый разъ шевельнулось оно во мнѣ, когда я услышала отъ Б. К., что кн. Трубецкая, очень бѣдная дѣвушка, вышла за Морни. Не могу опредѣленно вспомнить своихъ чувствъ въ ту минуту, но знаю положительно, что съ тѣхъ поръ я не знаю покоя, и социальные вопросы переплелись въ моей головѣ съ мыслями объ отощаніяхъ моихъ къ обществу, въ которомъ мнѣ именно суждено жить. Въмѣсто теоретическихъ стремленій начинается какая-то лихорадочная жажда дѣятельности, — и дѣятельности живой, личной, а не книжной, неопредѣленно-безличной и отвлеченной. Что-то будетъ?... Можетъ быть конецъ моихъ учебныхъ подвиговъ совершенно испортится генеральскимъ моимъ расположеніемъ, но противиться ему я не въ силахъ....»

29 января, ввѣсивъ, что былъ въ театрѣ на представленіи «Горе отъ ума» и что пьеса шла дурно, Н. А. продолжаетъ:

«При всемъ томъ, я доволенъ, что видѣлъ «Горе», хотя въ другой разъ уже не пойду смотрѣть его, — развѣ для того, чтобы любоваться Н. Она въ самомъ дѣлѣ поразительно — хороша, и ея красота именно въ моемъ родѣ: я всегда воображалъ себѣ такую мою будущую bien-aimée.... Эти тонкія, прозрачныя черты лица, эти живые, огненные, умные глаза, эти роскошныя волосы, эта грація во всѣхъ движеніяхъ и неотразимое обаяніе въ каждомъ малѣйшемъ измѣненіи физиономіи — все это до сихъ поръ не выходитъ у меня изъ памяти. — Но впечатлѣніе, произведенное на меня Н, именно подходитъ къ тѣмъ, которыя Пушкинъ называетъ «благотвѣннымъ богомольнымъ передъ святыней красоты». Смотрѣть на нее, слѣдить за чудными передвиженіями ея лица и игрою глазъ — есть уже для меня достаточное наслажденіе. Совсѣмъ другаго рода чувства волновали меня, когда танцевала Жебелева съ Богдановымъ мазуречку....

«30 января. Нѣсколько дней уже я пишу съ Гейне и все восхищаюсь имъ. Ни одинъ поэтъ еще никогда не производилъ на меня такого полнаго, глубокаго, сердечнаго впечатлѣнія. Лермонтова, Кольцова и Н читалъ я съ сочувствіемъ; но это было, во-первыхъ, скорѣе *sympathie*, нежели сочувствіе, и во-вторыхъ, тамъ возбуждались все отрицательныя.... чувства, жолчь разливалась, кровь кипѣла враждой и злобой, сердце поворачивалось отъ негодованія и тоскливаго, безсмысленнаго бѣшенства: таково было общее впечатлѣніе. Гейне не то: чтеніе его какъ-то расширяетъ міръ души, его пѣснь отдается въ сердцѣ сладкой, тихой, задумчивой тоской.... У Гейне есть и.... страшныя, иронически-отчаянныя, насмѣшливо-безотрадные пѣссы.... но теперь не эти пѣссы особенно поразили меня. Теперь съ особеннымъ мучительнымъ наслажденіемъ читалъ и перечитывалъ я *intermezzo*. Вѣрно и мнѣ пришла серьезно пора жизни — полной, живой, съ любовью и отчаяніемъ, со всеми ея радостями и горестями. Сердце мое бьется особенно сильно при мысли объ этомъ; я чего-то жду страстно и пламенно, и даже нахожу особенное удовольствіе въ томъ, чтобы себя экальтировать.

«Сегодня утромъ я подумалъ о NN (*) и удивился, что такъ такъ холоденъ къ ней. Вотъ что значить посмотрѣть на лучшее (**), послѣ котораго не нравится уже хорошее. «Ни одна не станетъ въ споръ кра-

(*) Имя дѣвушки, съ которой онъ былъ тогда въ дружбѣ.

(**) Это выраженіе надобно относить къ впечатлѣнію, оставленному накануне театромъ.

сота съ тобой» — вотъ чего бы я хотѣлъ для моей bien-aimée. Дождусь ли когда нибудь такого счастья?...

«31 января. Впечатлѣнія смѣшиваются впечатлѣніями и зовутъ меня жить, бороться, наслаждаться....

«Два часа спустя я сидѣлъ у ZZ (*), и въ комнату вошли мать и сестра А. Я въ первый разъ увидѣлъ его сестру при свѣтѣ. Какъ-то разъ прежде я ее встрѣтилъ въ комнатѣ, но тогда было темно и еще не было подано свѣчей. Теперь я разглядѣлъ ее близко и хорошо.... Это чудо, что такое! Ей должно быть лѣтъ 15 или 17. Она — великолѣпная брюнетка, небольшого роста, съ чрезвычайно выразительными чертами лица. Если я ее никогда больше не увижу, я никогда не забуду этого лица. Я былъ въ какомъ-то дикомъ опьяненіи восторга послѣ того, какъ она чрезъ три минуты вышла изъ комнаты. Она не сказала ни одного слова, она посмотрѣла на меня съ видомъ небрежнаго покровительства, но я не досадовалъ за это, потому что она съ-разу стала въ моемъ сердцѣ выше всякой досады. Впрочемъ, несмотря на всю силу моего очарованія, я довольно спокойно и разсудительно продолжалъ потомъ толковать съ А.»

Останавливаюсь пока на этомъ.

Ко всѣмъ бывшимъ товарищамъ Николая Александровича и къ его друзьямъ, обращаюсь я съ просьбою: сообщать мнѣ свои воспоминанія о немъ и передать мнѣ на время тѣ его письма и бумаги, которые сохранились у нихъ.

Смѣю увѣрить, что всѣми сообщаемыми мнѣ воспоминаніями и документами я буду пользоваться для печати лишь настолько, насколько мнѣ будетъ разрѣшено лицомъ, сообщившимъ этотъ матеріалъ. Едва ли надобно прибавлять, что всѣ бумаги, доставленныя мнѣ, будутъ мною бережно сохранены и возвращены по желанію доставившаго. Письма и посылки прошу присылать на мое имя по слѣдующему адресу: въ Петербургъ, близъ Владимірской церкви, въ домъ Есауловой, Николаю Гавриловичу Чернышевскому.

(*) Въ домѣ ZZ Ник. Александровичъ былъ уже нѣсколько разъ; но только оффиціальнымъ образомъ, не будучи еще принятъ въ домашній кругъ.

ВАРІЯЦІИ.

(Н. А. ШКАРГАТОВЪ).

I.

Всѣмъ, застигнутымъ ненастьемъ,
Всѣмъ — кого межъ нами нѣтъ —
«Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ!»
Шлю сердечный я привѣтъ.
Пусть его умчитъ съ собою
Вѣтеръ въ дальніе края, —
Къ вамъ, житейскою волною
Унесенные друзья!

Всѣмъ врагамъ неправды черной,
Возстающимъ противъ зла,
Не склоняющимъ покорно
Передъ пошlostью чела, —
Всѣмъ привѣтъ, и всѣмъ желанье
Чтобъ и новый этотъ годъ,
Далъ вамъ силу на страданья,
Бодрый духъ среди невзгодъ!

II.

Пестрота и блескъ и говоръ....
Вся горитъ огнями зала;

«Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ!»
Отовсюду зазвучало.

Сколько здѣсь приличья, такту,
И владѣть собой умѣнья!
Что за тонкіе оттѣнки
Въ рукожатяхъ, въ поздравленьи!

Что изящнѣй, благороднѣй
Ихъ манеръ и разговора:
Ни движеній рѣзкихъ нѣту,
Ни заносчиваго спора!...

Вотъ оркестръ внезапно грянулъ;
Заглушая говоръ шумный;
Какъ досадно!... Наеладиться
Не даетъ бесѣдой умной.

Вплоть до утра все бы слушалъ
Я, въ сердечномъ умиленьи,
Эти толки — о порокахъ
Молодаго поколѣнья.

Какъ правдиво негодуешь
Убѣленный сѣдинами
Мужъ, что юноши смѣются
Нынче, даже.... надъ чинами!

Что прекрасное, святое
Все пятнать они готовы;
И что главнаго въ нихъ нѣту —
Нѣту нравственной основы.

Лѣзутъ въ Гракхи, рассуждаютъ
Про аграрные законы;
Небывалые повсюду
«Меньшихъ братій» слышать стоны.

Что за рѣчи золотыя!
Сердце радостно забьется —
Какъ подумаю, что слушать
Цѣлый годъ мнѣ ихъ придется!

III.

О, не забудь, что ты должникъ
 Того, кто сирь, и нагъ, и бѣденъ,
 Кто подъ ярмомъ нужды поникъ,
 Чей скорбный ликъ такъ худъ и блѣденъ;
 Что отъ небесъ ему одни
 Съ тобой даны права святыя,
 На все, чѣмъ ясны наши дни,
 На наши радости земныя!

И тѣхъ страдальцевъ не забудь,
 Что обрѣли вѣнецъ терновый,
 Толпѣ указывая путь —
 Путь къ возрожденью, къ жизни новой!
 И пусть въ дому твоёмъ найдутъ
 Борьбой измученные братья, —
 Забвенье мукъ, отъ бурь пріютъ,
 И брата вѣрныя объятя!

А. ПЛЕЩЕЕВЪ.

31 декабря 1861.

ПОСМЕРТНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. А. ДОБРОЛЮБОВА.

Мм. гг. (*).

Намѣреваясь занять вниманіе ваше стихотвореніями Н. А. Добролюбова, я прежде всего долженъ напомнить, что стихотворенія эти стояли далеко не на первомъ планѣ въ дѣятельности покойнаго. Добролюбова должно изучать въ его критическихъ и полемическихъ статьяхъ, къ чему публика получить возможность только съ изданіемъ его сочиненій, къ которому уже приступлено. Тогда станетъ ясно для каждаго, какъ много, съ небольшимъ въ четыре года, успѣлъ сдѣлать этотъ даровитый юноша, соединявшій съ силою таланта глубокое чувство гражданскаго долга, составлявшее основную, отличительную черту покойнаго и какъ писателя, и какъ человѣка. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, сожалѣя объ влчювіяхъ молодости, разлетѣвшихся при строгомъ анализѣ мысли, Добролюбовъ между прочимъ говоритъ:

Но безъ надеждъ и упованій
Я гордо снесъ мою печаль.

(*) Читано въ залѣ 1-й гимназіи, въ пользу бѣдныхъ студентовъ, 2 января 1882 года.

И безъ наивныхъ ожиданій
Смотря на жизненную даль,
На битву жизни вышелъ смѣло
И жизнь свободно потекла,
И дѣлалъ я благое дѣло
Среди царюющаго зла....

Вся литературная дѣятельность Добролюбова служить подтвержденіемъ этихъ словъ. Можно сказать болѣе, не рискуя впасть въ преувеличеніе: ихъ подтверждаетъ вся его жизнь. Онъ сознательно берегъ себя для дѣла; онъ, какъ говорится тоже въ одномъ изъ его стихотвореній: «не связалъ судьбы своей ни единымъ пристрастьемъ», устоялъ «передъ соблазномъ жизни» и остался «полнымъ господиномъ своего сердца», — все для того, чтобы ничто не мѣшало ему служить своему призванію, нести себя всецѣло на жертву долга, какъ онъ понималъ его. — Вотъ изъ какого свѣтлага источника вытекала дѣятельность Добролюбова, вотъ почему онъ такъ спѣшилъ работать, такъ много успѣлъ сдѣлать! Ничто внѣ этой дѣятельности не существовало для него, ничто не должно было существовать, по его убѣжденіямъ. Мы нашли у него недоконченное стихотвореніе, гдѣ замѣчательны слѣдующія строки:

.... Для блага общаго назначенный служить,
Я смѣю чувствовать лишь сердцемъ гражданина,
Инстинкты юные я долженъ подавить....

Даже въ частной жизни, въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ людьми, Добролюбовъ представлялъ между нами, русскими, нѣчто особенное. Съ дѣтства прививается къ намъ множество дурныхъ привычекъ, извѣстныхъ подъ именемъ: *улынья жить*. Мы отъ лѣтніи говоримъ «да» тамъ, гдѣ слѣдовало бы отвѣчать «нѣтъ»; улыбаемся, по слабодушію, тамъ, гдѣ слѣдовало бы браниться; прикидываемся внимательными къ какому нибудь вздору, на который слѣдовало бы отвѣчать смѣхомъ или даже негодованіемъ. Ничего подобнаго въ Добролюбовѣ не было. Онъ смѣялся въ лицо глупцу, рѣзко отворачивался отъ негодяя, онъ соглашался только съ тѣмъ, что не противорѣчало его убѣжденіямъ. Если къ этому прибавимъ, что онъ не только не заискивалъ у авторитетовъ, но даже избѣгалъ встрѣтъ съ ними, да припомнимъ ту независимость, съ которою онъ выска-

кывался печатно, то поймемъ, почему въ литературѣ его немногіе любили. Сила таланта и честной правды, впрочемъ, начинала уже брать свое: въ послѣднее время чаще и чаще стало слышаться мнѣніе, что этотъ человекъ *не безъ права* сталъ въ главѣ современнаго литературнаго движенія. Кто — до крайней мѣры теперь — не согласится, что нуженъ былъ этотъ рѣшій, независимый, отрезвляющій, на дѣло зовущій голосъ?

О, погоди еще! желанная, святая!
 Помеди приходишь въ нашъ болзливый кругъ!
 Теперь на твой призывъ отвѣтитъ тишь нѣмая,
 . . . . .

Уже съ предчувствіемъ смерти въ груди, написалъ эти строки Добролюбовъ. Смерть, разумѣется, не подождала. Такова уже судьба русскаго народа: неживучи его лучшіе дѣятели....

Что касается до стихотвореній Николая Александровича (понятно, что я говорю здѣсь не о стихотвореніяхъ юмористическихъ, которыя Добролюбовъ помѣщалъ въ «Смѣлѣ»), то онъ писалъ ихъ весьма рѣдко, урывками, и самъ не придавалъ имъ вовсе никакого значенія. Большая часть ихъ написана до начала журнальной дѣятельности Николая Александровича; стало быть тогда, когда ему было не болѣе двадцати лѣтъ. Увидавъ у него однажды случайно тетрадку, гдѣ онъ записывалъ свои стихотворенія, я съ трудомъ уговорилъ его напечатать что нибудь изъ нихъ. Мы выбрали десять пьесъ; лучшія четыре въ печать тогда не попали, а шесть помѣщены въ «Современникѣ» 1858 года, въ № IX, подъ псевдонимомъ: Волгинъ. Приступая къ чтенію самихъ стихотвореній:

1.

МАЛОБА РЕБЕНКА.

Для чего связали вы мнѣ руки?
 Для чего спеленали меня?
 Для чего на житейскія муки
 Обрекли меня съ перваго дня?

Еще много носить мнѣ придется
 На душѣ и на тѣлѣ цѣпей;

Вкруг кипучей груди обовьется
Много, много губительныхъ змѣй.

Стариной освященный обычай,
Человѣка пристрастный законъ, —
Предписанія модныхъ приличій....
Ими буду всю жизнь я стѣсненъ....

Дайте жь мнѣ хотя въ дѣтствѣ свободу,
Дайте вольно всей силой вздохнуть!...
Чтобъ я послѣ, въ тяжелые годы,
Могъ хоть дѣтство добромъ помянуть.

2.

Когда, среди зимы холодной,
Лишенный средствъ, почти безъ смѣл,
Большой, озябшій и голодный,
Я пыльный городъ проходилъ;

Когда чуть не былъ я задавленъ
Четверкой кровныхъ рысаковъ,
И былъ на улицѣ оставленъ,
Для назиданія глупцовъ;

Когда, оправясь, весь разбитый,
Присѣлъ я гдѣ-то на крыльцо,
А въ уши вѣтеръ дулъ сердито
И мокрый снѣгъ мнѣ былъ въ лицо, —

О, сколько вырвалось проклятій,
Какая бѣшеная злость
Во мнѣ кипѣла противъ братьей,
Которымъ счастливо жилось —

Средь этой роскоши безумной,
И для которыхъ — брата стонъ,
Веселымъ бѣгомъ жизни нумной
И звономъ денегъ заглушонъ.

.... Но пронеслись несчастій годы,
И, гордо мчась по мостовой,

Я радъ теперь, коль пѣшехода
Кнутомъ задѣнетъ кучеръ мой.

3.

СОНЪ.

Испытанный судьбой, въ тревожномъ снѣ моемъ
Не убаюканъ я роскошными мечтами,
Все буря снится мнѣ, все молнія и громъ
Какой-то темный сводъ, да изверги съ цѣпами....
Бываетъ изрѣдка, что грезится и мнѣ
Картина мирная довольства и покоя.
Мнѣ отчій домъ рисуется во снѣ....
Я вновь дитя съ доврчивой душою....
Подъ отческимъ надзоромъ я расту,
Не вѣдая ни страсти, ни сомнѣній;
Заботливой рукой лелѣемый, цвѣту,
Вдали отъ горя и людскихъ волненій.
Душа моя радушна и тепла,
Полна любви и вѣры благодатной....
Природа вокругъ меня спокойна и свѣтла
И дышетъ прелестью какой-то непонятной.
Тутъ все со мной, что въ свѣтѣ мило мнѣ....
И кажется въ душѣ нѣтъ мѣста для желанья....
Но въ глубинѣ душевной, и во снѣ,
Шевелится тревожное сознанье,
Что это все мечта, не истина, а сонъ....
И часто у меня, средь чуднаго видѣнья,
Вдругъ вырывается изъ груди тяжкій стонъ,
Душа тоскливо жаждетъ пробужденья.

4.

ВЪ ПЕРИОДЪ.

Гимновъ божественныхъ пѣніе стройное
Память минувшаго будить во мнѣ,

Видится мнѣ мое дѣтство спокойное
И беззаботная жизнь въ тишинѣ.

Въ ризахъ священныхъ отецъ мнѣ мечтается,
Съ словомъ горячей молитвы въ устахъ;
Умъ мой невольно раздумьемъ смущается,
Душу объемлетъ таинственный страхъ.

Съ воспоминаньями, въ samozабвеніи,
Дѣтскими чувствами вновь я горю....
Только ужъ губы не шепчуть моленія,
Только рукой я креста не творю....

5.

СОЛОВЕЙ.

Тебя, средь простора лѣснаго,
Охотникъ въ силохъ наловилъ....
Чтобъ пѣснь твою сдѣлать звучнѣе,
Хозяинъ тебя ослѣпилъ.

И тянешь ты звонкую пѣсню
И звучныя трели ты льешь.
Въ восторгѣ твой толстый хозяинъ,
Что ты неумолчно поешь.

Но я твой языкъ разумѣю,
И чуткой душою моею
Я слышу рыданья и стоны
Въ мелодіи пѣсни твоей.

6.

СИЛА СЛОВА.

Моралистъ краснорѣчивый
Намъ о нищихъ говоритъ,
Рѣчью умной и правдивой.
Помогать имъ насъ учить:

Говорилъ о цѣли жизни,
О достоинствѣ людей,
Грозно сыпалъ укоризны
Противъ роскоши дѣтей....

Рѣчь его лилась такъ складно,
Былъ онъ такъ краснорѣчивъ,
Что ему внимали жадно
Всѣ, дыханье затаивъ, —

И, чтобъ не развлечь вниманья,
Отогнали двухъ старухъ,
Что на бѣдность подающа
Подъ окномъ просили вслухъ....

7.

Пала ты, какъ травка полевая,
Подъ косою искуснаго косца;
И, ему себя всю отдавая,
Для него, съ любовью, умирая,
Ароматъ свой льешь ты безъ конца....

А ему — и небо помогаетъ
Наслаждаться гибелью твоей:
Тучь своихъ оно не посылаетъ,
И твое паденье орошаютъ
Только слезы изъ моихъ очей.

8.

Не диво доброе влеченье
Въ душѣ невинной, молодой,
Не испытавшей оболщенья
Любви и радости земной.

Но кто соблазнамъ жизни трудной
Нуждою рано преданъ былъ,

Кто битву жизни безразсудной
Паденьемъ тяжкимъ заключилъ,

Кто въ искушеніяхъ разврата
Провелъ дни лучшіе свои,
Тому трудна стезя возврата
На голосъ правды и любви....

Но ты, мой другъ, мой ангелъ милый,
На мой призывъ отозвалась;
Любви таинственной силой
Ты освятилась и спаслась.

И не забуду я мгновенья,
Какъ ты, проклявъ свой прежній путь,
Полна и вѣры и смущенья,
Рыдая, пала мнѣ на грудь.

9.

ДОРОЖНАЯ ПѢСНЯ.

Мчитесь, кони, ночью влажной,
Пой «Лучину», мой ямщикъ:
Этой жалобы протяжной
Такъ понятенъ мнѣ языкъ!...

Ты и я, всѣ наши братья,
Наши лучшіе друзья,
Всѣ узнали, безъ изъятія,
То, что такъ крушить тебя.

Пой, ямщикъ, твоя кручина
И во мнѣ волнуешь кровь:
Вѣдь и мнѣ мою лучину
Облила водой свекровь.

А то, какъ было въ избушкѣ
Хорошо она зажглась....
Богъ проститъ моей старушкѣ:
Тьма по сердцу ей приплась.

Мчитесь, кони, ночью влажной.
 Пой «Лучину», мой ящикъ:
 Этой жалобы протяжной
 Такъ понятенъ мнѣ языкъ!...

10.

БѢДНИКУ.

Горькой жалобой, рѣчью тоскливой
 Ты минуту отрады мнѣ далъ:
 Я средь этой страны молчаливой
 Ужь и жалобъ давно не слыхалъ.
 Точно въ ночь средь кладбища глухаго,
 Я могильною тишью объять,
 Только тѣни страдальцевъ, безъ слова,
 Предо мной на могилахъ стоять....
 Ропотъ твой безотрадно-унылый
 Былъ воскресная пѣснь для меня;
 Точно, плача надъ свѣжей могилой,
 Жизни вопль въ ней услышалъ вдругъ я.

11.

ОЧАРОВАНИЕ.

Съ душою мирной и спокойной
 Гляжу на ясный божій міръ
 И нахожу порядокъ стройный,
 Добра и правды свѣтлый пиръ.
 Нигдѣ мой взоръ не примѣчаетъ
 Пороковъ, злобы, нищеты,
 Весь міръ въ глазахъ моихъ сіяетъ
 Въ лицѣ добра и красоты.
 Всѣ люди кажутся мнѣ братья,
 Съ прекрасной, любящей душой....
 И я готовъ раскрыть объятья
 Всему, что вижу предъ собой....

Мнѣ говорятъ, лечите зрѣнье,
 Очки совѣтуютъ носить.
 Спасибо! что за утѣшенье
 Себя мнѣ счастья лишить!

12.

НА СМЕРТЬ ОСОБЫ.

Съ печальной вѣстью смерти новой,
 Газеты чопорный листокъ
 Не будить горести суровой
 Въ душѣ исполненной тревогъ.

Въ какомъ-то радостномъ волненъи
 Я каждый разъ внимаю вѣсть
 О томъ, что въ старомъ поколѣнъи
 Еще успѣла жизнь отцвѣсть....

Чьей смерти прежде трепеталъ я,
 Тѣхъ стариковъ ужъ нѣтъ давно;
 Что въ старомъ мѣрѣ уважалъ я,
 Давно все мной схоронено....

. . . . .
 . . . . .

13.

— — —

14.

ПОСТУ.

Снова тучи сгустились на небѣ ночью
 Звѣздъ и мѣсяца свѣтъ помрачили.
 Снова вѣтеръ завылъ, загрохоталъ въ небѣ громъ,
 И глаза всѣ отъ страха закрыли.

Но не бойся: пронесся давно ураганъ,
 И тяжелая ночь ужъ проходить.

Тамъ, далеко, за моремъ, префривать туманы,
Луназарное солнце восхедить....

Яркій свѣтъ упадетъ и сквозъ мракъ густыхъ туть,
На глаза отягченныхъ дремою.
И, людей разбудивши, живительный лучъ
Ихъ подниметь на дѣло благое....

15.

ТИХІЙ АНГЕЛЪ.

Кипѣлъ межъ нами споръ ужасный,
И бурно рѣчь гостей текла,
Когда ты къ намъ, съ улыбкой ясной,
Съ пріятнымъ взоромъ подошла.

Вдругъ споръ замолкъ. Прервать молчанья
Никто какъ будто бы не смѣлъ ;
Никто не сдѣлалъ замѣчанья:
Что «тихий ангелъ пролетѣлъ!»

16.

Еще недавно я неистовой сатирой
На цѣлый міръ безумно возставалъ,
И звукомъ бѣшеннымъ своей нестройной лиры
Надежды и восторгъ во многихъ пробуждалъ....
Но утомился я цѣпнымъ, бесплоднымъ лаемъ,
И задумалъ, цѣпь забывъ, взглянуть на Божій свѣтъ....
И новымъ чувствомъ я теперь одушевляемъ:
Въ душѣ моей суровыхъ звуковъ нѣтъ....
Я понялъ красоту!... Душа полна любовью,
И мѣста нѣтъ для ненависти въ ней.
Мой стихъ запечатанъ теперь не свѣжей кровью,
А развѣ тихою слезой любви моей.
Проклятій нѣтъ!... Они звучали бѣ несогласно
Съ рѣчами милой; я жъ согласенъ съ ней иду.

Проклятій нѣтъ: она добра такъ и прекрасна,
 Что, рядомъ съ ней, на зло смотрѣть я не хочу....

Проклятій нѣтъ.... Но, подождите, братья!...
 Забывшись отъ любви, горя въ ней, какъ въ огнѣ,
 Прекрасную къ груди своей стремлюсь прижать я....
 Но — эти цѣпи видите-ль на мнѣ?...

Лишь только протяну я къ ней мои объятя,
 Какъ эти цѣпи страшно загремятъ....
 Пугливо отбѣжитъ она.... И вновь проклятья
 На цѣлый міръ, какъ прежде, полетятъ.

17.

Напрасно ты отъ вѣтренницы милой
 Отвѣта ждешь на гордое письмо:
 Она знакома съ собственной силой,
 Безсилье же твое сказалось ей само....

Повѣрь, твои отчаянныя строки
 Она съ улыбкою небрежною прочтетъ,
 И жалобы твои, угрозы и упреки —
 Спокойно все она перенесетъ.

Она увидитъ въ нихъ порывъ любви несчастной,
 Порывъ отчаянья и ревности твоей,
 И будетъ ждать, когда, съ любовью страстной,
 За примиреньемъ самъ ты явишься предъ ней.

И ты придешь, съ тоской своей влюбленной,
 Къ ногамъ прекрасной робко ты падешь,
 И ласковой ея улыбкой оживленный,
 Забывши все, къ груди ея прильнешь....

18.

ПАМЯТИ ОТЦА.

Благословенъ тотъ часъ печальный,
 Когда ошибокъ дѣтскихъ мгла
 Великъ волесницы погребальной
 Съ души овлбленной сошла!

Съ тѣхъ поръ . . . . .
 . . . . .
 И безразсудному ронтанью
 Себя на жертву не давалъ.
 Но безъ надеждъ и упованій
 Я гордо снесъ мою печаль
 И, безъ наивныхъ ожиданій,
 Смотря на жизненную даль,
 На битву жизни вышелъ смѣло!...
 И жизнь свободно потекла....
 И дѣлалъ я благое дѣло
 Среди царяющаго зла....

19.

Д О Р О Г О Й.

Ночью по снѣжнымъ сугробамъ иду я;
 Холодъ все тѣло мнѣ жметъ и куетъ,
 Вѣтеръ, мнѣ въ уши неистово дуетъ,
 Снѣжною пылью лицо мнѣ сѣчетъ.
 На неразумную силу природы
 Силюсь возстать я всей силой души:
 Силюсь представить, подъ ревъ непогоды,
 Свѣтъ, и тепло, и бесѣду въ тиши.
 Но застываетъ мечта и сознанье;
 Движусь безъ мысли, какъ въ сонномъ бреду,
 Смутно лишь чуя тупое желанье —
 Сладко заснуть, какъ до мѣста дойду.

20.

Н А П Р А С Н О !

Помню, нянюшка старушка,
 Умывая разъ меня,
 Такъ ворчала: «ну, на долго ль?
 Вотъ опять пойдетъ возня.

На полу, въ сору да въ хламѣ;
 Весь чумазый прибѣжишь....
 Да пойдешь на солнце ъвгать,
 Цыганенкомъ загорись.»

Я молчалъ. Старушка стихла,
 И потомъ, уже любя, —
 «Ну, ужь пачкайся, сказала: —
 Грязь—то смою я съ тебя.

Только шалостей не дѣлай:
 Тѣхъ не смоешь ужь ничѣмъ....
 Ручку вывихнешь аль сломишь,
 Ножку вывернешь совсѣмъ,

Носъ расквасишь, глазъ засоришь.
 Разобьешься, — кровь пойдетъ.
 А коль больно зашалишься, —
 Чортъ и рожки прикуетъ....

А дурачиться не будешь
 Подростешь ты молодцомъ,
 Всѣмъ возьмешь ты, мой красавчикъ
 И дородствомъ и лицомъ,
 Всѣмъ Господь тебя украситъ,
 Всѣхъ съ ума собой сведешь,
 И жену себѣ съ приданымъ
 И красавицу возьмешь.»

Я съ довѣрьемъ слушалъ няню,
 Я старался не шалить,
 Чтобы вырости красавцемъ,
 Чтобы съ рожками не быть.

Но, хотъ скромникъ и разумникъ,
 Безобразенъ выросъ я,
 И лишь стоитъ мнѣ жениться,
 Рожки будутъ у меня....

21.

РЕФЛЕКСІЯ.

О ней и о своей любви
 Я думалъ съ грустью и боязнью.

Горѣла страсть въ моей крови,
А совѣсть мнѣ грозила казнью.

Не зная, чѣмъ мнѣ кончить съ ней,
Я проклиналъ свое безумье,
И плакалъ о любви своей,
Полнъ малодушнаго раздумья.

Вдругъ дошелся до меня
Изъ-за перегородки тонкой,
И рѣчи, полныя огня,
И пощалуи, и хохотъ звонкій.

Я зналъ ихъ. Какъ я съ ней, сошелся
Они случайно, — по влеченью
Сердце, безпечно предались,
Безъ думъ, безъ горя, наслажденью.

Счастливицы! Въ свѣтлой ихъ любви
Нѣтъ ни сомнѣнья, ни болзни,
Ихъ страсть — и въ сердцѣ и въ крови,
И совѣсть не судитъ имъ казни.

22.

— —

Мы не можемъ сказать, съ котораго года своей жизни Добролюбовъ началъ писать стихи; но знаемъ, что стихотворенія, сейчасъ прочтенныя нами, писаны до осени 1858 года. Съ конца 1858 года Николай Александровичъ сталъ писать стихотворенія юмористическія; онъ тогда вообще работалъ такъ много, что для лирическихъ писенъ не оставалось у него времени, и по всей вѣроятности онъ уже не писалъ ихъ, пока не перебрался за границу, въ 1860 году. Такимъ образомъ слѣдующія четыре стихотворенія должно отнести къ 1860 и 1861 годамъ: писаны они частью за границей, частью на возвратномъ пути и частью уже опять въ Россіи, передъ самой смертію. Мы прочтемъ ихъ въ томъ порядкѣ, въ которомъ они по всей вѣроятности написались. Слѣдующая пьеса дастъ намъ понятіе о томъ, какія думы занимали Николая Александровича вдали отъ родины.

23.

Нѣтъ, мнѣ не миль и онъ, нашъ сѣверъ волнчатый....
 Тоски души моей и онъ не исцѣлитъ....
 Не вымечусь я тѣмъ, что было мнѣ отравой,
 Покоя не найду, гдѣ мой челнокъ разбить.
 Скучая и томясь бездѣйствіемъ тяжелымъ,
 Одинъ, для всѣхъ чужой, съ уныньемъ молодой,
 Брожу я, какъ мертвецъ, на праздникѣ веселомъ
 У моря теплаго, подъ небомъ голубымъ.
 Брожу и думаю о родинѣ далекой,
 Стараюсь милое припомнить чтонибудь....
 Но нѣтъ.... и тамъ все тожь.... все тотъ же одинокій,
 Безъ милой спутницы, безъ свѣтлой нѣли путь;
 И тамъ я чуждъ всему, и тамъ ни съ чѣмъ не связанъ,
 Для сердца ничего роднаго нѣтъ и тамъ....
 Лишь выучилъ я тамъ, что строго я обязанъ,
 Для блага родины, страдать по пустякамъ —
 Что ужъ таковъ у насъ удѣлъ разумной жизни....
 Страдаю я и здѣсь, чего же мнѣ искать
 Въ моей нерадостной, неласковой.отчизнѣ?
 Тамъ нѣтъ моей любви, давно въ могилѣ мать,
 Никто тамъ обо мнѣ съ любовью не вздыхаетъ,
 Никто не ждетъ меня съ надеждой и тоской,
 Никто, какъ ворочусь, мѣня не приласкаетъ,
 И не къ кому на грудь усталой головой
 Склониться мнѣ въ слезахъ отрадмаго свиданья.
 Одинъ, какъ прежде, тамъ я буду прозябать....
 Лишь свѣтомъ и тепломъ, и роскошью созданья
 Не станетъ сѣверъ мой мнѣ нервы раздражать.

А вотъ пѣса написанная на возвратномъ пути....

24.

Необозримой, ровной степью
 Пospѣшно я держу мой путь.

Зачѣмъ? Чтобъ вновь короткой цѣпью
Тамъ въ тѣсный кругъ себя замкнуть!

Кругъ закодванный! За мною
Онъ всюду слѣдовалъ, какъ тѣнь:
Въ Парижъ, блестящій суетою,
И въ тишь швейцарскихъ деревень.

Въ уѣздный русскій городъ Ниццу,
По итальянскимъ берегамъ,
И въ мусульманскую столицу,
И по роднымъ моимъ полямъ.

На кораблѣ, средь Океана,
Онъ отъ меня не отставалъ,
И въ высяхъ горнаго тумана
Меня собою оцѣплялъ....

Къ тому же періоду принадлежитъ слѣдующая пьеса:

25.

Еще работы въ жизни много,
Работы честной и святой,
Еще тернистая дорога
Не залегла передо мной.
Еще пристрастьемъ ни единымъ
Своей судьбы я не связалъ,
И сердца полнымъ господиномъ
Противъ соблазновъ устоялъ.
Я вашъ, друзья, — хочу быть вашимъ,
На трудъ и горе я готовъ,
Лишь бы начать въ союзъ нашемъ
Живое дѣло, вмѣсто словъ.
Но если нѣтъ, — мое презрѣнье
Меня далеко оттолкнетъ
Отъ тѣхъ кружковъ, гдѣ словопренье
Опять права свои возьметъ.
И сгибну ль я въ тоскѣ безумной,
Иль въ мирѣ съ пошлостью людской, —

Все лучше, чѣмъ заняться шумной,
 Надменно-праздной болтовней.
 Но знаю я . . . . .
 . . . . .
 И не минетъ святая чаша
 Всѣхъ, кто ее не оттолкнетъ.

Наконецъ, вотъ и еще предсмертное стихотвореніе Добролюбова, — надо думать, послѣднее.

26.

Пускай умру — печали мало,
 Одно страшитъ мой умъ больноі:
 Чтобы и смерть не разыграла
 Обидной шутки надо мной:

Боюсь, чтобъ надъ холоднымъ трупомъ
 Не пролилось горячихъ слезъ,
 Чтобъ кто нибудь въ усерди глупомъ
 На гробъ цвѣтовъ мнѣ не принесъ.

Чтобъ безкорыстною толпою
 За нимъ не шли мои друзья,
 Чтобъ подъ могильною землею
 Не сталъ любви предметомъ я,

Чтобъ все, чего желалъ такъ жадно
 И такъ напрасно я живой,
 Не улыбнулось мнѣ отрадно
 Надъ гробовой моей доской.

Р. S. Къ этому, по возможности, полному собранію стихотвореній Николая Александровича Добролюбова считаю не излишнимъ присоединить для читателей «Современника» слѣдующіе переводы его изъ Гейне.

ПѢСНИ ГЕЙНЕ.

1.

Къ груди твоей бѣлоснѣжной
Я голову тихо прижалъ,
И — что тебѣ сердце волнуешь,
Въ бѣньи его угадаю....
Чу, въ городѣ вступаютъ гусары;
Намъ слышенъ ихъ музыки звукъ.
И завтра меня ты покинешь,
Мой милый, прекрасный мой другъ....
Пусть завтра меня ты покинешь;
За то ты сегодня моя....
Сегодня въ объятіяхъ милой
Вдвойнѣ хочу счастливымъ быть я.

2.

Отъ насъ выступаютъ гусары....
Я слышу ихъ музыки звукъ
И съ розовымъ, пышнымъ букетомъ
Къ тебѣ прихожу я, мой другъ.
Тутъ дикое было хозяйство,
Толпа и погромъ боевой....
И даже, мой другъ, въ твоемъ сердцѣ
Большой былъ военный постой....

3.

Богъ вѣсть, гдѣ она сокрылась,
Сумасбродная моя!
Съ сердцемъ рыскалъ, въ дождь и слякоть
Всюду по городу я.

Всѣ трактиры я обѣгалъ
 За обѣглянкою моею.
 Тщетно грубыхъ слугъ трактирныхъ
 Все спрашивалъ о ней.

Вдругъ я вижу — мнѣ киваетъ
 Съ звонкимъ смѣхомъ изъ окна.
 Могъ-ли-жь думать я, чтобъ въ этотъ
 Пышный домъ зашла она!...

4.

У тебя есть алмазы и жемчугъ,
 Все, что люди привыкли искать, —
 Да еще есть прелестные глазки....
 Милый другъ! Чего больше желать?...

Я на эти прелестные глазки
 Выслалъ цѣлую стройную рать
 Звучныхъ пѣсень изъ жаркаго сердца....
 Милый другъ! Чего больше желать?...

Эти чудные глазки на сердце
 Наложили мнѣ страсти печать;
 Ими, другъ мой, меня ты сгубила....
 Милый другъ! Чего больше желать?...

5.

Будто въ самомъ дѣлѣ ты такъ разсердилась?
 Будто совершенно ты перемѣнилась?
 Цѣлому я свѣту жаловаться буду,
 Что со мной ты, другъ мой, обошлась такъ худо....
 Миленькія губки! Можно ль, чтобъ вы стали
 Такъ неблагодарны, чтобъ о томъ сказали
 Вы дурное слово, кто, въ любви прекрасной,
 Васъ во дни бывые цаловалъ такъ страстно.

6.

Пѣсни мои ядовиты:
 Какъ же въ нихъ яду не быть?

Цвѣтъ моей жизни отравой
Ты облила мнѣ, мой другъ!...

Пѣсни мои ядовиты:
Какъ же въ нихъ яду не быть?
Множество змѣй въ моемъ сердцѣ,
Да еще ты, милый другъ!...

7.

Живыя чувства разцвѣтають
И отцвѣтають въ свой чередъ;
И вновь цвѣтутъ.... и вянутъ снова....
И такъ до гроба все идетъ....
Я это знаю.... Мыслью этой
Смущенъ мой миръ, моя любовь,
И къ сердцу, умному неистати,
Тревожно приливаетъ кровь....

8.

О, перестань, мое сердце, крушиться;
Сердце мое, примирился съ судьбою!
Съ новой весною опять возвратится
Все, что зима унесла за собою.
И еще какъ тебѣ много осталось!
Сколько красота у природы и свѣта!
Еслибъ что милымъ тебѣ показалось,
Можешь ты все полюбить безъ запрета.

9.

Какъ горестный Атлантъ, я долженъ миръ носить:
Тотъ миръ — тяжелый миръ скорбей невыносимыхъ.
Подъ тяжестью его нѣтъ силъ мнѣ больше жить,
Мнѣ сердце рветъ въ груди отъ мукъ невыразимыхъ.
Ты, сердце гордое, само хотѣло ты
Иль въ счастья быть, но въ безпредѣльномъ счастьи,
Иль въ горѣ безпредѣльномъ, — вотъ мечты
Твои исполнились: дано тебѣ несчастье....

10.

ВОПРОСЪ.

Ночью, надъ берегомъ дикаго моря,
Юноша грустный стоитъ,
Полонъ сомнѣній, съ тоскою на сердцѣ,
Такъ онъ волнамъ говоритъ:

«О, разрѣшите мнѣ жизни загадку,
Вѣчно тревожный и страшный вопросъ!...
Сколько головъ безпокойныхъ томилъ онъ,
Сколько имъ муки принесъ!

«Головы въ іероглифныхъ кидарахъ,
Въ черныхъ беретахъ, въ чалмахъ,
Въ пудрѣ — и головы всякаго рода
Бились надъ этимъ вопросомъ въ слезахъ...»

«Кто же рѣшитъ мнѣ, что тайно отъ вѣка?
Въ чемъ состоитъ существо человѣка?
Какъ онъ приходитъ? Куда онъ идетъ?»

.....
Катятся волны съ шумомъ обычнымъ;
Вѣтеръ несетъ и тучи несетъ;
Звѣзды мерцаютъ, въ безстрастнѣ холодномъ, —
Бѣдный безумецъ отвѣта все ждетъ.

11.

Въ мракѣ жизненномъ когда-то
Чудный образъ мнѣ свѣтилъ;
Но потускъ тотъ свѣтлый образъ,
Мракъ совсѣмъ меня покрылъ.

Дѣти, ежели въ потемкахъ
Ужасъ чувствовать начнутъ,
Чтобъ боязнь свою разсѣять,
Цѣсно громкую поютъ.

Такъ и я, ребенокъ глупый,
Я пою теперь въ цѣтьмахъ.

Пѣснь моя звучить уныло,
Но разсѣянъ ей мой страхъ.

12.

Подождите терпѣливо:
Еще все изъ сердца рвется
Старой боли стонъ, и живо
Въ новыя мѣсняхъ отдается.

Подождите, въ жизни новой
Эта боль расплывется, —
Изъ груди моей здоровой
Пѣснь весенняя полетится.

13.

Когда я вамъ вѣрялъ души моей мученья,
Вы молча слушали, съ зѣвотой утомленья;
Но въ звучное я ихъ излилъ стихотворенья,
И вы рассыпались въ хвалахъ и восхищенья.

14.

Милая дѣвушка! Губки пурпурныя,
Кроткіе, свѣтлые глазки лазурные....
Милый мой другъ, дорогая, желанная!
Все о тебѣ моя мысль постоянная.

Длинень такъ вечеръ намъ въ зиму унылую.
Какъ бы хотѣлъ я съ тобою быть, милая!
Въ комнатѣ тихой съ тобой, другъ плѣнительный,
Сидя, забыться въ бесѣдѣ живительной, —

Крѣпко къ губамъ прижимать эту нѣжную,
Милую ручку твою бѣлоснѣжную,
И на нее, эту ручку прекрасную,
Вылить въ слезахъ всю тоску мою страстную....

15.

Пусть на землю снѣгъ валится,
Вихрь крутитъ и буря злится,

Пусть стучитъ ко мнѣ въ окно....
 Нужды нѣтъ, мнѣ все равно:
 Образъ милой надо мною
 Вѣетъ тихою весною....

16.

Солнце уже поднялось надъ горами,
 Въ стадѣ овечки звонками звучать....
 Другъ мой, овечка моя, мое солнце и радость, —
 Какъ я еще разъ взглянуть на тебя былъ бы радъ!...
 Съ жаднымъ томленьемъ гляжу я въ окошко....
 «Другъ мой! Прощай! Я иду отъ тебя!»
 Нѣтъ, все, какъ прежде, опущены сторы....
 Спать еще все.... и во снѣ еще грежусь ей я....

17.

Другъ любезный! Ты влюбился....
 Горе новое пришло....
 Въ головѣ твоей туманно,
 А на сердцѣ такъ свѣтло....
 Другъ любезный! Ты влюбился,
 Но не хочешь говорить....
 Но я вижу — счастье сердца
 Черезъ жилетъ твой ужь сквозить....

18.

Стоялъ я въ забытѣи тяжеломъ,
 Въ портретъ ея взоръ мой вперилъ
 И милый мнѣ образъ, казалось,
 Таинственно жизнь получилъ.
 Чудесно-живая улыбка
 Явилась у ней на губахъ,
 И скорбныя, скорбныя слезы
 Блистали въ двухъ чудныхъ глазахъ.
 И самъ я заплакалъ, и слезы
 Катилися вдоль моихъ щекъ....

Я все не могу еще вѣрить,
Чтобъ я потерять тебя могъ!...

19.

Грустно вошелъ я въ густую аллею,
Гдѣ мы съ любезной обѣты шептали:
Гдѣ ея слезы въ то время упали,
Тамъ изъ земли теперь выползли змѣи.

20.

Кастраты все бранили
Меня за пѣснь мою,
И жалобно твердили,
Что грубо я пою.
И нѣжно всѣ запѣли;
Ихъ дисканты неслись....
И, какъ кристаллы, трели
Такъ тонко въ нихъ лились....
И пѣли о стремленьи
И сладости — любить....
И дамы въ умиленьи
Всѣ плакали на взрыдѣ.

Теперь читателю извѣстно все, написанное и переведенное Добролюбовымъ стихами, — все, кромѣ нѣсколькихъ пьесъ, которыя могутъ явиться въ печати только впоследствии. Напомнимъ снова, что большая часть этихъ поэтическихъ опытовъ писана тогда, когда автору не было еще и двадцати лѣтъ, и что многія пьесы напечатаны нами съ черновыхъ листковъ, ожидавшихъ переработки и обдѣлки. Можетъ быть, мы лучше сдѣлали бы, если бъ исключили пьесы, слишкомъ не совершенныя по формѣ: впечатлѣніе было бы цѣльнѣе, но зато ускользнули бы отъ читателя нѣкоторыя черты, характеризующія личность покойнаго. А мы именно желали бы дать читателю возможность какъ можно ближе узнать эту личность, послѣ чего она уже сама собою запечатлѣлась бы въ его сердцѣ. Съ этой стороны

нельзя не порадоваться появлению «Материаловъ для біографіи Н. А. Добролюбова» (см. эту же книжку «Современника»). Рекомендуемъ эти матеріалы читателямъ, рекомендуемъ ихъ особенно тѣмъ, которые называли Добролюбова человѣкомъ безъ сердца — да устыдятся! Что касается до насъ, то мы во всю нашу жизнь не встрѣчали русскаго юноши столь чистаго, безстрашнаго духомъ, самоотверженнаго! Наше сожалѣніе о немъ не имѣетъ границъ, и едва ли когда изгладится. Еще не было дня съ его смерти, чтобъ онъ не являлся нашему воображенію, то умирающій, то уже мертвый, опускаемый въ могилу нашими собственными руками. Мы ушли съ этой могилы, но мысль наша осталась тамъ, и поминутно зоветъ насъ туда и поминутно рисуетъ намъ одинъ и тотъ же неотразимый образъ....

Ты схороненъ въ морозы трескучіе,
 Жадный червь не коснулся тебя,
 На лицо, черезъ щели гробовыя,
 Проступить не успѣла вода.
 Ты лежишь, какъ сейчасъ похороненный,
 Только словно длиннѣй и бѣлѣй
 Пальцы рукъ, на груди твоей сложенныхъ,
 Да сквозь землю проникнувшимъ инеемъ
 Убѣлилъ твои кудри морозъ,
 Да слѣды наложили чуть видныя
 Поцалуи суровой зимы
 На уста твои плотно сомкнутыя
 И на впалыя очи твои....

2 янв. 1862 г.

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

А. С. ПУШКИНА (*).

1.

Напиши на крыльяхъ бури,
На лучѣ златомъ луны,
На песокъ, небесь лазури,
На поверхности волны.
Хоть мгновенно начертанья
Исчезаютъ подъ рукой,
Но прочтѣй, чѣмъ обѣщанья,
Клятвы дѣвы молодой.

2.

Видалъ ли ты, какъ пляшетъ египтянка,
Какъ вихрь, она столбомъ взвиваетъ прахъ,
Бѣжить, поетъ какъ дикая вакханка,
Ея власы — какъ змѣи на плечахъ.

Какъ пѣсня вольности она прекрасна,
Какъ пѣснь любви она души полна,
Какъ поцалуй горячій сладострастна,
Какъ буйный хмѣль неистова она.

(*) Эти три стихотворенія, въ началѣ 30-хъ годовъ, получены отъ Льва Сергѣевича Пушкина — докторомъ Александромъ Прокофьевичемъ Куртусовымъ, въ Тифлисѣ; а отъ него въ 1835 году перешли къ Ольгѣ Прокофьевнѣ Горачко.

Она летитъ , какъ полный звукъ цѣвницы,
 Она дрожитъ , какъ звонкая струна,
 И пышетъ взоръ ея , какъ жаркій лучъ денницы,
 И дышетъ грудь ея , какъ бурная волна.

3.

Какъ , египтянка , ты прекрасна ,
 Какъ полонъ чувства голосъ твой ;
 Признайся : страсти роковой
 Служила ты , была несчастна !
 Зачѣмъ на черные глаза
 Нашла блестящая слеза ?
 Недаромъ смуглыя ланиты
 Больною блѣдностью покрыты .
 « Въ печальныхъ пѣсняхъ , въ грустномъ взорѣ
 Прочелъ ты прежде мой отвѣтъ ,
 Зачѣмъ тебѣ чужое горе ,
 Иль своего на сердцѣ нѣтъ ?
 Моя тоска сжилась со мною ,
 Я ей дѣлиться не могла ,
 Она сроднилась съ душою ,
 Она лишь миѣ одной мила » .
 Пусть съ равнодушными сердцами
 Ты не дѣлилась слезами ;
 Но кто съ тобою слезы льетъ ,
 Кто тронуть былъ твоею пѣснью ,
 Кому ты пѣсенъ всѣхъ прелестнѣй ,
 Цыганка , тотъ тебя пойметъ !
 « Когда судьбы нещадная рука
 Отниметъ у жены супруга ,
 То неизмѣнная тоска
 Замѣнитъ ей утраченнаго друга .
 Есть прихоти у пламенной любви ,
 Несчастье также прихотливо ,
 Не трогай же страданія мои ,
 Я ихъ люблю , я къ нимъ ревнива » .

18
810706
CANCELLED

СОВРЕМЕННОСТЬ

1862

№ II ФЕВРАЛЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАРЛА ВУЛЬФА
(На Невскомъ, домъ Лихачева № 58)

I. — НЕКРОЛОГЪ ИВАНА ИВАНОВИЧА ПАНАЕВА.	1
II. — ДВОРЯНСКІЕ ВЫБОРЫ. Сцены. Ф. А. ЗИНОВЬЕВА.	351
III. — НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВО ФРАНЦІИ. А. Н. ПЫ- ИНА.	573
IV. — КЪ ЧИТАТЕЛЮ. Н. ЩЕДРИНА.	601
V. — ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ССЫЛЬНО-КА- ТОРЖНАГО. Ф. Н. ЛЬВОВА.	643
VI. — СОЛДАТЪ ДА СОЛДАТКА. Разсказъ. А. СУВОРИНА.	663
VII. — ПРОГРЕССЪ. Изъ Барбье. Стихотв. ДМ. МИНАЕВА.	681
VIII. — ДЕШЕВАЯ ПОКУПКА. Стихотв. Н. А. НЕКРАСОВА.	683

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

IX. — ИЗЪ ИТАЛІИ.	199
X. — РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. — СОВРЕМЕННАЯ ФИЗИО- ЛОГІЯ И ФИЛОСОФІЯ. (Физиологія обыденной жизни, соч. Льюиса. Перев. съ англійскаго Борзенкова и Ра- чинскаго). М. А. АНТОНОВИЧА.	227
XI. — НОВЫЯ КНИГИ: Сочиненія И. В. Кирѣевскаго. Т. I, II. — Сочиненія А. С. Хомякова. Т. I. — Сочиненія К. С. Аксакова (267). — Исторія новой философіи Куно Фишера. Переводъ Страхова (282). — Руководство къ сравнительной статистикѣ, Г. Ф. Кольба. Переведено и дополнено подъ редакцію А. Корсака. Изданіе Николая Тиблена.	292
XII. — УРАВНЕНІЕ ПОЗЕМЕЛЬНАГО НАЛОГА И РАСПРЕ- ДѢЛЕНІЕ НАПИХЪ ПОДУШНЫХЪ И ОБРОЧНЫХЪ СБОРОВЪ ПО ЗЕМЛѢ. Ю. Г. ЖУКОВСКАГО.	315
XIII. — О РОСПИСИ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ РАСХОДОВЪ И ДОХОДОВЪ. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО.	337
XIV. — ВНУТРЕПНЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. (Разрѣшеніе вопроса о томъ: есть ли основаніе самому безвѣстному писателю мѣнять литературное поприще на акцизное? — О дворян- ствѣ. — Можно ли въ исторіи и въ началахъ разума найти основанія для существованія дворянства, какъ отдѣльнаго въ государствѣ сословія?—Взгляды гг. Безо- бразова, графа Орлова-Давыдова, Бахтеярова, Чичерина на дворянство. — Нѣкоторые ученые афоризмы г. Чи- черина о дворянствѣ и другихъ сословіяхъ въ государ- ствѣ. — О мировыхъ учрежденіяхъ. — Съѣздъ мировыхъ посредниковъ въ Твери. — Взглядъ Н. Ф. Павлова на вопросы, возбужденные на этомъ съѣздѣ, — и балаган-	

ное философствованіе его надъ всеягогскимъ помѣщикомъ, изъявившимъ желаніе зачислиться во времямо обязательные крестьяне къ другому помѣщику. — Могутъ ли крестьяне участвовать въ выборахъ мировыхъ посредниковъ? — Г. П. Бланкъ, доказывающій бессмысленность крестьянъ. — Дѣйствительно ли крестьяне бессмысленны и не способны къ самоуправленію и къ участию въ выборѣ мировыхъ посредниковъ?) 349

XV. — ВЪ ИЗЪЯВЛЕНІЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ. Письмо къ г. З—ву. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО. 389

XVI. — ПОЛИТИКА. (Дѣло о пенсіи Монтобану. — Превія французскаго законодательнаго корпуса объ адресѣ. — Министерство Раттацци. — Распушеніе прусской палаты депутатовъ. — Взятіе форта Доннельсона). 395

ВЪ РЕДАКЦІИ СОВРЕМЕННОГО, ПРОДАЮТСЯ ОСТАЛЬНЫЕ ЭКЗЕМПЛЯРЫ:

СТИХОТВОРЕНІЙ Н. НЕКРАСОВА.

Съ изданія 1856 года, съ прибавленіемъ стихотвореній, написанныхъ послѣ этого года. — Двѣ части, до 500 стр., въ 12 долю листа.) Цена въ Петербургѣ и Москвѣ 2 р. 50 к., съ пересылкою въ другой городъ 3 р. Желающіе имѣть книгу въ красивомъ переплетѣ приносятъ 50 к. с.

явленія: 1) отъ музыкальнаго магазина *М. Бернарда*, 2) отъ книжнаго магазина *А. И. Давыдова*, 3) отъ книжнаго магазина *Д. Е. Кожанчикова*, 4) отъ магазина часовъ, золотыхъ и брилліантовыхъ вещей *И. Шпергаза*.

Печатать дозволяется. Марта 9-го дня 1862 года.

Исправляющій должность цензора *Ф. Елксевъ*, *ВРД*

1/4

СОВРЕМЕННОИЪ выходитъ въ 1862 году еже-
мѣсячно книжками отъ 25 до 30 печатныхъ ли-
стовъ и болѣе.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ,

въ С. Петербургѣ безъ доставки: |
15 руб. серебромъ.

съ пересылкою или доставкой: |
16 руб. 50 коп. серебромъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ:

Въ конторѣ Современника, на Нев-
скомъ проспектѣ, противъ Арсенала
Аничкина дворца, въ домѣ Лихачева,
при книжномъ магазинѣ А. И. Давы-
дова.

ВЪ МОСКВѢ:

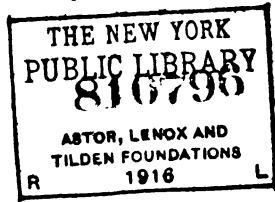
Въ Конторѣ Современника, на углу
Большой Дмитровки, противъ Универ-
ситетской типографіи, въ домѣ Загрж-
скаго, при книжномъ магазинѣ Н. В.
Базузова.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ
своими требованіями **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** въ
Контору Современника въ С. Петербургъ.

СОЧИНЕНІЯ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА.

4 тома. Цѣна 5 р., съ перес. 6 р.

12-го марта поступитъ въ продажу (въ магазинѣ Серно-Со-
ловьевича, на Невскомъ проспектѣ, близъ Казанскаго собора, и
у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ) первый томъ. На осталь-
ные три тома, которые выйдутъ въ непродолжительномъ време-
ни, выдается билетъ.

НЕКРОЛОГЪ

ИВАНА ИВАНОВИЧА ПАНАЕВА.

Въ воскресенье, 18 февраля, за двадцать минутъ до полуночи, скончался Иванъ Ивановичъ Панаевъ. Для многочисленныхъ его друзей и читателей не будетъ лишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о его внезапной смерти. Ему было 50 лѣтъ (онъ родился въ 1812 году), но онъ до послѣдняго полугодія своей жизни былъ постоянно здоровъ и бодръ такъ, что возбуждалъ не безъ основанія чувство зависти въ людяхъ однихъ съ нимъ лѣтъ. Только въ послѣдніе мѣсяцы сталъ онъ иногда жаловаться на удушья; впрочемъ оно его не настолько беспокоило, чтобъ возбуждать серьезныя опасенія въ немъ или въ комъ либо изъ окружающихъ его. За двѣ недѣли до смерти (тоже въ воскресенье) съ нимъ сдѣлался ночью сильный и продолжительный припадокъ удушья, какого прежде не бывало; докторъ и близкія лица не отходили болѣе четырехъ часовъ отъ его постели. Послѣ этого Панаевъ два дня чувствовалъ слабость и оставался дома, а на третій день обратился къ обычному образу своей жизни: занятіямъ, про-

гулкѣ и т. п. Уступая убѣжденію близкихъ, онъ тогда позвалъ двухъ врачей, которые подвергли внимательному изслѣдованію его грудь и нашли у него органическое поврежденіе въ сердцѣ. Они дали это понять женѣ покойнаго, сказавъ, что Ивану Ивановичу нужно серьезно бечься и лечиться, а ему замѣтили вскользь, что сердце у него не совсѣмъ въ порядкѣ. «Плохо, братъ», сказалъ Панаевъ за недѣлю до смерти одному изъ своихъ пріятелей, обѣдая у него: — «доктора не велятъ пить вина, ѣсть пріятностей: кажется, они находятъ у меня аневризмъ». — Чтожь, славная смерть! отвѣчалъ ему пріятель. — «Конечно! ужь если умирать, такъ умирать вдругъ, нечаянно!» Оба смѣялись. По тону этого отвѣта и всего разсказа объ аневризмѣ видно было, что Панаевъ вѣрилъ докторамъ развѣ вполнину и вообще смотрѣлъ на это легко.

Въ день смерти Панаевъ до 3-хъ часовъ занимался у себя въ кабинетѣ и принималъ посѣтителей. Глядя на него, разговаривая съ нимъ, нельзя было и подумать, что смерть такъ близка къ нему. Обѣдалъ онъ не дома, сѣлавъ до обѣда два или три визита по дѣламъ журнала. Вечеръ также провелъ у одного изъ знакомыхъ. Тамъ былъ веселье и разговорчивъ, пока не почувствовалъ нѣкотораго стѣсненія въ груди. Хозяинъ дома (приходящійся ему сродни) сказалъ ему, что тутъ же, между гостями, есть докторъ. «Не безпокойтесь», отвѣчалъ Панаевъ: — «мнѣ стоитъ только выдти на воздухъ и все пройдетъ», и ушелъ. Это было въ половинѣ одиннадцатаго. Домой воротился онъ въ 11 часовъ, безъ десяти минутъ; когда человѣкъ отворилъ дверь, онъ сказалъ ему: «веди меня, я не могу идти». Человѣкъ довелъ его до постели и раздѣлъ. Панаевъ приказалъ сдѣлать себѣ горничники и поставилъ ихъ. Въ четверть 12-го воротилась изъ театра его жена и прошла прямо къ нему. Онъ сидѣлъ на постели. «Со мной опять припадокъ», сказалъ онъ ей: — «но пожалуйста не безпокойся и не подумай за докторомъ; этотъ припадокъ гораздо легче, нѣмъ былъ тотъ, — пройдетъ такъ». Это было сказано твердымъ

голосомъ. Однако, помня первый припадокъ, жена Панаева вышла и послала за докторомъ, а сама посидѣла переодѣться. Отсутствіе ея изъ спальни мужа продолжалось не болѣе четырехъ минутъ, и когда она воротилась, Панаевъ уже не могъ говорить, онъ взялъ ея руку, вприслонилъ къ ней голову, и съ нимъ началась агонія. Явились вслѣдъ одинъ за другимъ три доктора, но уже бесполезны были всякія пособія: Панаевъ былъ мертвъ.

Иванъ Ивановичъ Панаевъ родился въ 1812 году, 15 марта, въ Петербургѣ, воспитывался въ бывшемъ благородномъ пансіонѣ, при с.-петербургскомъ университетѣ, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1830 году, съ правомъ на чинъ 12-го класса. Службу свою началъ въ министерствѣ финансовъ, оттуда перешелъ въ министерство народнаго просвѣщенія, гдѣ до 1845 года состоялъ при редакціи этого журнала.

По происхожденію, по родству и связямъ, онъ могъ рассчитывать на блестящую служебную карьеру; понятія среды, въ которой онъ выросъ и воспитался, тогдашній взглядъ на литературу (далеко отличный отъ нынѣшняго), общее желаніе родныхъ, наконецъ и личный его характеръ, не чуждый въ молодости суетности и тщеславія, — казалось бы, все соединилось, чтобъ заставило Ивана Ивановича избрать эту терниую дорожку, гдѣ ожидалъ его ненабѣжный и легкій успѣхъ. Однако, любовь къ литературѣ пересилила всѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя: Панаевъ очень скоро оставилъ службу, и никогда уже не возвращался къ ней, и не жалѣлъ, что пренебрегъ служебной карьерой для литературы. Начало его литературнаго поприща легко прослѣдить по его собственнымъ сочиненіямъ, особенно по «Литературнымъ Воспоминаніямъ»; но теперь мы пишемъ не біографію Панаева, и потому скажемъ только, что Панаевъ, въ теченіе своего тридцатилѣтняго поприща, имѣлъ въ литературѣ нашей свою долю вліянія и блестящаго, заслуженнаго успѣха: его повѣсти «Дочь чиновнаго челоуѣка», «Раздѣлъ имѣнія», «Бѣлая

горячка», «Прекрасный человекъ», «Русскій фельетонистъ», «Онагръ», «Актеонъ», «Тля», «Барышня», «Барыня», и др., помѣщавшіяся преимущественно въ «Отечественныхъ Запискахъ», — читались съ жадностью. Когда, въ 1846 году, нѣкоторые сотрудники, задумавъ основать свой журналъ, покинули «Отечественныя Записки», то въ публикѣ и въ литературныхъ кружкахъ того времени говорили, что послѣ Бѣлинскаго важнѣйшею потерей для «Отечественныхъ Записокъ» будетъ потеря — Панаева. Публикѣ извѣстно, какія тѣсныя отношенія связывали Панаева съ Бѣлинскимъ, и какъ послѣдній любилъ въ Панаевѣ надежнаго товарища, даровитаго писателя и честнаго человѣка. Мы обращаемъ вниманіе на этотъ фактъ потому, что Панаевъ, горячо любившій и уважавшій Бѣлинскаго, самъ любилъ припоминать о своихъ отношеніяхъ къ нему, онъ гордился ими. Вообще же говоря, Панаева любили всѣ, кто только зналъ его: столько было въ немъ доброты, мягкости и той привлекательности, которая сообщается человѣку преобладаніемъ въ немъ хорошихъ душевныхъ свойствъ. Разумѣется, были у него и враги.

Тернисто поприще журналиста, на которое вступилъ Иванъ Ивановичъ въ 1847 году и на которомъ простоялъ онъ въ теченіе 14 лѣтъ въ главѣ журнала, испытывающаго столько превратностей, любимаго публикою, нелюбимаго болышею частию литературныхъ и журнальныхъ кружковъ, искавшаго себя опоры ни въ чемъ, кромѣ убѣжденій, которыя признавалъ истинными и которыми служить считалъ себя призваннымъ. На этомъ поприщѣ, при извѣстныхъ данныхъ, легко пріобрѣтаются друзья — между читателями, и еще легче и *неизбѣжно* пріобрѣтаются враги — между собратами по ремеслу и вообще пишущими. Если названіе враговъ для этихъ послѣднихъ слишкомъ громко, то назовемъ ихъ недовольными. Этихъ недовольныхъ Панаевымъ въ теченіе 14-ти лѣтъ, конечно, накопилось не мало. Всѣ, кому журналъ отказывалъ въ помѣще-

нихъ статей и которыя потомъ находили примѣтъ въ другихъ изданіяхъ, всѣ, о комъ журналъ отзывался неблагоклонно, а затѣмъ фаланга ихъ сочувственниковъ, — вотъ изъ чего составляются эти толпы недовольныхъ. Отсюда недопорочная истина, что вслѣбъ явился журналистъ, соединяющій въ себѣ всѣ идеальныя совершенства, то и о такомъ журналистѣ въ общей массѣ текущихъ ежедневныхъ толковъ преобладало бы сужденіе неблагоклонное, невыгодное для его репутаціи. Соображая все это, мы должны сказать, что недоброжелательство, клевета и вообще всякія неблаговидныя посягательства коснулись Панаева даже менѣе, чѣмъ можно было бы ожидать, въ его положеніи. А смерть мгновенно положила предѣлъ и этимъ посягательствамъ, пробудивъ сознание справедливости, присущее каждому. Глубокое всеобщее сожалѣніе, съ которымъ встрѣчена была внезапная вѣсть о смерти Панаева въ Петербургѣ (гдѣ онъ постоянно жилъ и гдѣ онъ былъ однимъ изъ популярнѣйшихъ людей, каждому извѣстныхъ, если не по дѣятельности, то хоть по имени); многочисленныя толпы народа, всѣхъ званій, отъ лицъ значительныхъ до простонародья, приходившія поклониться Панаеву въ теченіе трехъ дней, когда тѣло стояло въ его кабинетѣ; наконецъ огромное стеченіе публики, присутствовавшей при отпѣваніи тѣла покойника въ Преображенскомъ соборѣ и провожавшей гробъ его (несемый на рукахъ перемѣнявшимися почитателями Панаева до Невскаго монастыря), — все это показало, что истинныя заслуги покойнаго поняты и оцѣнены, что общество никогда не переставало уважать въ немъ даровитаго, честнаго дѣятеля, до послѣдняго дня жизни оставшагося вѣрнымъ своему призванію, по мѣрѣ силъ!

— Да, дѣйствительно, — независимо отъ даровитости, степень которой каждый вправѣ опредѣлять по своему, это былъ истинно-честный, кроткій, незлобивый человѣкъ. Какъ литераторъ, онъ представлялъ собою нечто особенное: онъ смотрѣлъ надѣло, которому посвятилъ

свою жизнь, серьезно, чѣмъ много думаютъ, и постоянно работая надъ собою, стараясь о собственномъ совершенствованіи, — это фактъ, известный всѣмъ, кто зналъ его долго и близко. Не о многихъ изъ людей, какъ бы богаты ни были они одарены, — можно сказать то же самое. Убѣжденія его не вастывали въ неподвижную форму съ приближеніемъ старости; симпатіи его въ 50 лѣтъ, какъ и въ 25, были на сторонѣ молодого поколения.

Вѣчная память тебѣ, честный, безкорыстный человекъ, добрый товарищъ, полезный общественный дѣятель! Увѣренность, что русское общество изъ глубины души повторитъ за нами эти слова, смягчаетъ нѣсколько горечь потери, которую мы оплакиваемъ. Намъ эта потеря застигла слишкомъ неожиданно и потрясла глубоко. Да! и ты умеръ рано, ты могъ бы еще жить и работать съ нами...

За четыре мѣсяца до своей смерти, провожая на кладбище Добролюбова (положеннаго въ дубовый, необитый гробъ), Панаевъ между прочимъ замѣтилъ: «Я желалъ бы, чтобъ меня положили въ такой же гробъ». Это желаніе его было исполнено. Похороны Ивана Ивановича не сопровождались пышностью, кромѣ той, которая сообщается погребальной процессіи присутствіемъ многочисленной толпы, пришедшей добровольно, безъ зова отдать послѣдній долгъ любимому человеку. Тѣло Панаева погребено на кладбищѣ Фарфороваго завода, гдѣ схоронены его отецъ и дѣти.

Когда будутъ равобраны бумаги покойнаго, мы сообщимъ читателямъ то, что можно будетъ напечатать изъ посмертныхъ трудовъ его. — Мы также приложимъ къ «Современнику» портретъ Ивана Ивановича. Само собою разумѣется, что мы употребимъ всѣ усилія, чтобъ этотъ портретъ былъ хорошъ. Онъ будетъ выгравированъ на мѣди, за границую.

ДВОРЯНСКІЕ ВЫБОРЫ.

СЦЕНЫ.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ.

СЦЕНА I.

Комната большая, но не совсѣмъ опрятная. Стѣны окрашены желтою краскою, съ пунцовыми каемочками у карниза. На потолкѣ цвѣты и купидоны. Диванъ, кресла и стулья красного дерева, покрытые чѣмъ-то темненькимъ и старенькимъ, и набитые чѣмъ-то жесткимъ. Передъ диваномъ столъ красного дерева. Въ простѣнкѣ, между двумя окнами, зеркало, составленное изъ двухъ половинокъ, въ рамкѣ изъ красного дерева, съ черными уголками. Подъ зеркаломъ ломберный столъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Авдра Герасимовна Розонова, дама пожилыхъ лѣтъ, полная, слегка съ широкимъ, чуть тронутымъ рябинами лицомъ. Глаза оловянные; кривымъ носомъ, надъ толстыми губами, простираются черненькіе усики. Дѣлаетъ очень скоро и слегка пришепетывая. Днякоже не мѣшаетъ первой сплетнице. — Сидитъ на диванѣ, разливая чай. — Старшая ея сестра, вдовинка, лѣтъ двѣдцати, очень высокая и худая. Дѣлаетъ очень скоро и некрасиво. — Раскладываетъ карты. — Деловатымъ образомъ. — Брюнетка, и т. д. Она разлива. — Дѣлаетъ всегда по. Она етъ фал. — Дѣлаетъ неглиже.

д. I.

Липочка. Нѣтъ, не выходить!

Розонова. Да что ты пустяки раскладываешь, лучше погадай на себя на бубновую даму.

Липочка (раскладывает карты, сперва пошептавъ надъ колодой). Что ужъ, и гадать скучно! Знаю напередъ, что выпадутъ самыя дурныя карты! Видите?

Розонова (жадно устремляетъ глаза на карты). Что же? что же? Прекрасно, превосходно! Ахъ, Боже мой! Липочка! другъ мой! какихъ тебѣ еще картъ? какихъ картъ еще надобно? Посмотри: сердечное объясненіе съ молодымъ человѣкомъ, неожиданный разговоръ въ собственномъ своемъ домѣ, пріятныя собственныя свои мысли, перемѣнная жизнь, свадьба, деньги!

Катенька. Всего ей... какъ не такъ!

Липочка (съ досадою). Смотрите, всему помѣшаетъ какая-то трефовая дама! и это всякій разъ у меня всякое благополучіе отнимаетъ. Кто эта противная дама, желала бы я знать!

Катенька. Извѣстно кто: Долотова, Марья Петровна.

Розонова. Да, она точить на насъ зубы, желаетъ намъ всѣхъ бѣдствій! Это ехидна просто! Но ничего, ничего! пусть только отецъ вашъ останется на службѣ, я ужъ все устрою. Не беспокойтесь!

Катенька. Да, устроите, какъ же! жди отъ васъ! Всѣ выходятъ замужъ, только мы сидимъ въ дѣвкахъ. Весь уѣздъ смѣется!

Липочка. Ужъ правда что! Намедни этотъ мерзавецъ, Козинъ, вѣдь за душою гроша нѣтъ, сахару по кусочкамъ къ чаю у лакея своего занимается, по недѣлямъ жрать нечего, — а туда же зубы скалить. Мы идемъ, а онъ всякой сволочи говоритъ: а вотъ и невѣсты ненеѣстныя! Каково этакій афронтъ вынести!

Катенька. Да ужъ отъ этого Козина житья нѣтъ — просто! На вечерѣ у Козелкова я танцую съ секретаремъ уѣзднаго суда, а Козинъ смотритъ на меня, да во все свое свиное горло поетъ подъ музыку:

Наша Катенька, съ подъячимъ,
На Петровскомъ скачетъ, скачетъ;
А Варвара слезно плачетъ,
Что подъячій съ ней не скачетъ.

Я бы его убила, просто!

Липочка. Это ужасно, просто!... засидѣться въ дѣвкахъ! А вамъ, маменька, и горя мало!

Розонова. Развѣ я виновата? Кажется, домъ всегда полонъ гостей, для всѣхъ дверь отперта. Чуть кто въ городъ прїѣдетъ изъ новыиъ, отодъ сейчасъ обѣжить знакомиться и тащить съ собою. Вы сами, Богъ васъ знаетъ, не умѣете какъ-то найтись!

Катенька. Вы принять никого не умѣете, при гостяхъ салныя огарки считаете.

Розонова. Вотъ я же виновата! Стыдилась бы такія вещи матери говорить! Что же по вашему позволять все тащить изъ дому? Для васъ же каждый грошъ берегу! Дайте остаться отцу на мѣсть.

Липочка. А какъ папенька не останется?... Вѣдь онъ подь уголовный судъ попалъ!

Розонова. Богъ дастъ останется. Не въ первый разъ, слава Богу, онъ подь судомъ; выпутывался прежде, и теперь Господь смилуется, пронесетъ грозу мимо!

Катенька. Если бы Богъ далъ. Да ужъ папенька слишкомъ! Весь уѣздъ въ одинъ голосъ трубитъ, что онъ съ живаго и съ мертваго деретъ!

Розонова. Отлично! прекрасно! Наградилъ Богъ дочерью! Нечего сказать!... Для кого онъ все это дѣлаетъ, служить, покою не имѣетъ? все для васъ же! А отъ васъ хороша благодарность!

Липочка. Что то ему Богъ дастъ, сегодня!

Розонова. Богъ милостивъ! Вотъ уже третій день за упокой губернатора, предводителя и предсѣдателя уголовной палаты за обѣдней поминаютъ; я подала. Это вѣрное, испытанное средство! Если вамъ придется когда нибудь просить кого нибудь, подайте только помянуть его за упокой за обѣднею, — онъ сейчасъ начнетъ тосковать, пока не исполнитъ вашей просьбы.

Липочка. Никакъ къ обѣднѣмъ благовѣстятъ, а я еще не одѣта! Матрешка! Матрешка!

МАТРЕНА (растрепанная, босая и грязная дѣвка). Чего изволите, сударыня?

Липочка. Что жъ ты гладила платье?

МАТРЕНА. Сейчасъ выглажу.

Липочка (передразнивая ее). Сейчасъ выглажу! сейчасъ выглажу! Что же ты дѣлала до сихъ поръ, мерзавка? Вотъ тварь-то! спишь долго!... Я вотъ сейчасъ буду одѣваться, посмотрю, если что нибудь не приготовлено, я тебѣ всю косу выдеру!

Катенька. А мнѣ готово одѣваться?

Матвѣя. Сейчасъ, барышня, приготовлю! Вѣдь я одна, мнѣ не разорваться!

Катенька. Какъ же это тебѣ не стыдно? Ничего ты не хочешь сдѣлать! Одна! — встала бы пораньше!

Розонова. Еще разсуждаетъ, бестія! Я тебѣ вотъ дамъ не разорваться! Убирай самоваръ!

(Григорій Семеновичъ Розоновъ (исполнителъ словобразный по сценѣ и дородстау) входитъ въ мундирѣ, запыхавшись, в сѣ разстроеннымъ видомъ).

Розонова. Ну что, моя пупочка?

Розоновъ. Уфъ! чортъ возьми, усталъ! (Отдувается и садится въ кресла; дочери подходят и цалуютъ у него руку). Здравствуйте, дѣти!

Розонова. Ну, что тебѣ Богъ далъ?

Розоновъ. Что! Плохо дѣло! Въ уголовной палатѣ за триста цѣлковыхъ оправдали, а губернаторъ и не принялъ даже....

Розонова. А у предводителя былъ?

Розоновъ. Былъ.

Розонова. Ну, что же?

Розоновъ. Чего отъ этого осла ожидать? Наговорилъ кучу глупостей.... Говорить, если губернаторъ не допускаетъ до баблтировки, то и дѣлать нечего.

Розонова. Дуракъ онъ, вислоухій! Мы найдемъ, что дѣлать! Съѣзди къ Журавлеву попроси, чтобы онъ поддержалъ тебя своимъ влияніемъ.

Розоновъ. Да что толку-то въ его влияніи? Понимаешь, губернаторъ и слышать не хочетъ, чтобы я оставался исправникомъ.

Розонова. Это не твое дѣло! У губернатора выхлопатать я беру на себя. Съ дамой онъ не будетъ такъ невѣжливъ! Побѣжай къ Журавлеву.

Розоновъ. Что ѣздить попусту, вѣдь не допустить до баб....

Розонова (съ досадою перебиваетъ его). Допустятъ! Это ужъ мое дѣло! Что мнѣ съ тобою дѣлать, когда ты глупъ, какъ колода! Наградилъ Богъ муженькомъ, нечего сказать! Ничего сдѣлать не можетъ самъ! все я, да я! Отправляйся къ Журавлеву, а я поѣду къ губернатору. Дѣти, одѣньтесь, неравно кто нибудъ зайдетъ! Матрешка! одѣваться!

Липочка. Такъ мы въ церковь не пойдемъ?

Розонова. Видишь, что некогда.

Липочка. Ну, так мы один пойдемъ. По крайней мѣрѣ, маленька, кушите: мнѣ той материн на платье, что вчера смотрѣли.

Розонова. До платьевъ ли теперь! А ты, батюшка, чего разсѣлся? Отъ жиру поворотиться не можешь! Оплылъ весь! Поѣзжай же къ Журавлеву!

Розононъ. Нечего ѣздить по пустыкамъ. Еще успѣю, дай отдохнуть.

Розонова. Ну, наградила Богъ мужемъ, нечего сказать! Только и знаетъ, что отдувается! Скоро треснетъ отъ жиру! Подлецъ ты, подлецъ! тебѣ что ни говори, все какъ къ стѣнѣ горохъ! Тьфу, окаянный!

Розононъ. Неужели нельзя отдохнуть? Еще успѣю къ Журавлеву!

Розонова. Успѣешь! Оттого-то такъ и идетъ все хорошо, что ты или жрешь, или дрыхнешь, или сидишь какъ чурбанъ! (Уходитъ. Изъ другой комнаты слышенъ ея голосъ). А ты, мерзавка, въ окошечко глядишь! Посмотрите, утюгъ простыла, а платье не глажено! (Звукъ пощечины).

Липочка | Вѣрно мое! Ахъ, мерзавка! (Възгукъ за матерью).
КАТЕНЬКА |

Розононъ. Расходилась! Ну жизнь, нечего сказать! Достался мнѣ этотъ годокъ!... Фу, чортъ возьми, спать хочется! Умался! Думаешь соснуть немножко, — нѣтъ, поѣзжай! Зачѣмъ я поѣду, какого дѣлаго, прости Господи, дѣлать! Спина заболѣла кланяться... Журавлевъ согласится, про это и говорить нечего. Я съ нимъ умѣю говорить, да ему другаго такого исправника не найти ни за что! Да губернаторъ-то не допустить до выборовъ, баллотироваться не позволить. Вотъ все и пропадетъ даромъ, только остранишься! (Зѣваетъ). А хорошо бы было еще лѣтъ шесть потянуть службу! Ужъ я бы не зѣвалъ! Устроился бы, а тамъ въ отставку. Ну пусть отдають подъ судъ, — равнѣ подъ судомъ люди не живутъ! Я богатъ, обезпеченъ, а тамъ суди себя! (Зѣваетъ). Спать смерть хочется, такъ ротъ и деретъ. Знаю, что даромъ пройдуся, ея губернаторъ и на глаза къ себѣ не пустить! Нѣтъ, поѣзжай! Дорого бы далъ, чтобы вадремнуть минутъ десяткъ. Когда же надѣнешся, такъ и дѣлать ничего не хочется, трудно съ мѣсива подняться!... Батюшки мои, никакъ идетъ мое сокровище! (Вскликиваетъ и убѣгаетъ).

Розонова (изъ другой комнаты). Смотрите же, не забудьте подать

за упокой раба Божія Павла. Это будетъ отлично; это будутъ поминать въ то самое время, когда я буду просить его.

СЦЕНА II.

Кабинетъ губернатора. Большая комната, оклеенная дорогими обоями. Мебель орѣховая, покрытая зеленымъ сатъномъ. Письменный столъ заставленъ фарфоровыми куколками и разными бездѣлушками. Около стола этажерка съ кипами бумагъ. Губернаторъ сидитъ за столомъ, курить трубку и звѣдаетъ. Его лицо довольно подержанное, волосы на головѣ, усахъ и бакенбардахъ черные съ просѣдью. На немъ шелковый халатъ, на шеѣ крестъ, на головѣ шапочка. Черезъ нѣсколько времени входитъ довѣренное лицо, небольшое существо съ остренькими глазами и плутовскою рожею.

ГУБЕРНАТОРЪ. А—а—а! Филатовъ! это ты, братецъ?

ДОВѢРЕННОЕ ЛИЦО. Здравія желаю, ваше превосходительство! Какъ ваше здоровье?

ГУБЕРНАТОРЪ. Все что—то поясница, братецъ, ломитъ! Ну, что новенькаго?

ДОВѢРЕННОЕ ЛИЦО. Ничего, ваше превосходительство, все по старому! Послѣ завтра у полиціи-мейстера балъ, — сегодня онъ прійдетъ просить ваше превосходительство.

ГУБЕРНАТОРЪ. Я думаю, много сволочи будетъ?

ДОВѢРЕННОЕ ЛИЦО. Не безъ того, ваше превосходительство, вы изволите знать, какое у насъ общество: знатныхъ и порядочныхъ очень мало. Ахъ, да! генералъ Власевъ пріѣхалъ въ городъ.

ГУБЕРНАТОРЪ. Гмъ!... Давно?

ДОВѢРЕННОЕ ЛИЦО. Вчерашній день, ваше превосходительство. Я думаю, сегодня будетъ у вашего превосходительства. Говорятъ, вчера председателю Буркалову жена глазъ подбила.

ГУБЕРНАТОРЪ. Экая баба этотъ Буркаловъ! Вотъ баба—то! У него совершенно нѣтъ никакого характера, —изъ него что хотѣть, то и дѣлаютъ. Я ему сколько разъ говорилъ: посмотри на меня, Александръ Спиридоновичъ: у меня, что сказано, то свято! Я одинъ глава, властитель! Такъ ли, не такъ ли, не только никто передѣлывать, — не смѣетъ даже и пикнуть! А у него просто чортъ ногу переломить, республика какая—то, ни на что непохоже что дѣлается. Онъ смачесть одно, жена повернетъ по своему,

секретаря по своему! Просте выходитъ хаосъ, Содомъ, демократія! Водятъ его за носъ, да и только. Баба просто—срамъ!

Довѣренное лицо. Ужь это точно, ваше превосходительство!

Губернаторъ. И препустой человекъ, — что въ немъ!

Довѣренное лицо (улыбаясь). Пустенекъ—то онъ очень! Многие находятъ его умнымъ, а что тамъ умнаго!

Губернаторъ. Какой тамъ умъ, самъ шагу ступить не можетъ, его все на помочахъ водятъ, да за носъ.... Предсѣдателемъ еще везетъ кое-какъ, а вѣдь губернаторомъ не могъ бы быть?

Довѣренное лицо. Помилуйте, ваше превосходительство, какой онъ губернаторъ! Гдѣ ему быть! Чтобы занимать такой постъ, надобно и умъ, и твердый характеръ, и отменные способности.

Губернаторъ (съ видомъ кота, котораго пощекотали за ухомъ). А вѣдь онъ глупъ! Да чего тебѣ лучше. Третьяго дня играемъ мы у Волчкова въ преферансъ. Фуксъ покупаетъ къ червямъ, я удерживаю, — Фуксъ на безкозырей, я удерживаю, — Фуксъ на семь, я говорю — пасъ. Вогналъ голубчика! Фуксъ играетъ семь въ червяхъ, я хожу по первой въ цики и подвожу короля Фукса подъ обухъ. Что же, ты думаешь, Буркаловъ отвѣтилъ мнѣ? Ну, какъ ты думаешь, а?

Довѣренное лицо (глубокомысленно). Я думаю, онъ долженъ былъ отвѣчать.... Дѣло ясное...

Губернаторъ (торжественно). Нѣтъ—съ, онъ бацъ въ черки.... того били въ бубны, и Фуксъ выигралъ игру, а я долженъ былъ остаться безъ одной, какъ Богъ святъ! Вотъ тебѣ и умъ его!

Довѣренное лицо. Какой у него умъ! Ахъ, вотъ еще исторія. Извольте вы знать Селянова?

Губернаторъ. Знаю. У него еще жена красавица.

Довѣренное лицо. Точно такъ, ваше превосходительство. Такъ извольте ли видѣть: напротивъ ихъ поселился офицеръ можетъ, извольте знать, гусаръ въ отпуску: Косолапъ—Михайловъ?

Губернаторъ. Знаю. Богатый человекъ, мотъ, картежника и пьяница!

Довѣренное лицо. Точно такъ, ваше превосходительство. Только Селянова ужасно полюбила пѣть съ гитарою, сидя на окошкѣ. Мужу шестьдесятъ слѣшкомъ, онъ уже глухъ, ничего

почти не слышитъ, ну такъ ей и раздолье. Сидеть она, а напротивъ гусарь и тоже съ гитарою. Вотъ онъ и наливается: (поетъ съ ужимками, то теноромъ, то дискантомъ, въ послѣднемъ случаѣ закатывая глаза подъ лобъ и сжимая губы). «Все ли въ добромъ вы здоровы?» Она отвѣчаетъ: «слава Богу, я здорова!» Онъ: «какъ бы съ вами поглядаться?» Она: «извольте за сарай отправляться!» Онъ: «у васъ лихи тамъ собаки!» Она: «Мареа васъ туда проводитъ!»

Губернаторъ (катаясь отъ смѣху). Ха, ха, ха! Эхъ, чортъ тебя задави! Уморилъ, братецъ, уморилъ просто! Ха, ха, ха! Какъ? какъ?

Довѣренное лицо (повторяетъ).

Губернаторъ. Ха, ха, ха! Извольте за сарай отправляться! Ха, ха, ха!

Довѣренное лицо. А мужъ сидитъ и приходитъ въ восторгъ, что жена его такъ хорошо поетъ, да табачокъ понюхиваетъ.

Губернаторъ. Съ рогами! Ха, ха, ха! Подурчился и я на своемъ вѣку! Меня теперь не проведешь, всѣ штуки самъ дѣлаю! У васъ лихи тамъ собаки!

Молчаніе. Довѣренное лицо улыбаясь, смотритъ на губернатора и усиливается еще что нибудь выдумать для потѣхи его превосходительства. Вбѣгаетъ собачка и ласкается къ губернатору.

Губернаторъ (лаская ее). Ахъ ты шельма! Одалиска! Одалиска!

Довѣренное лицо (вынимаетъ изъ шарана конфектку и даетъ собацѣ). Вотъ тебѣ, Одалиска, гостиница!

Губернаторъ. Это ты любишь, страстно любишь! Плутовка такая! лакомка! А умная такая, ей Богу умнѣе Буркалова! Ну, Одалиска, служи, служи! Танцень, танцень!... Вотъ такъ... Филатовъ съѣзди въ оранжерею, купи букетъ и отвези отъ меня Маріи Петровнѣ. На возвратномъ пути купи икры и балыку.

Довѣренное лицо. Слушаю, ваше превосходительство. Еще ничего не извольте приказать!

Губернаторъ. Пока ничего. Зайди къ женѣ, можетъ быть ей что нибудь нужно. Да вотъ что, мой милый, прикажи мнѣ дать трубку. Чортъ, сжука такая, что ужасъ!

Филатовъ уходитъ. Лакей подаетъ трубку. Губернаторъ гладитъ собачку, куритъ трубку и вѣздеть.

Губернаторъ. Чортъ знаетъ, что за топка!... Марья Петровна не сдастся, хоть бы и интрижку завести. Эхъ, вспомнилъ ба-

лю, такъ сердце провию оболется. Когда я былъ командиромъ полка, жизнь была совсемъ другая. Напримѣръ, Ерохинъ, что за почтительный былъ, прекрасный офицеръ! Женился нарочно для меня, что я неравнодушенъ къ Настѣ, а самъ такой почтительный и не зналъ жены, все мнѣ предоставилъ. За то былъ у меня казначей, теперь полковникъ, увѣшанъ орденами... (Поетъ) У васъ лихи тамъ собаки, Марса васъ туда проводить! (Молчаніе) Тоска!.. Одалиска, Одалиска! разбойница этакая! Дай я тебѣ ожерелье вырѣжу! (Вырѣзываетъ изъ бумаги свисавшую кружокъ и надѣваетъ на шею собачонку; та прыгаетъ и старается освободиться, — она хохочетъ) Одалиска, Одалиска! Прихотливое созданье!

Входитъ жена его, Анна Ивановна, молодая, красивая дама въ шелковомъ дорогомъ платьѣ.

Анна Ивановна. Bonjour, mon cher ami! Какъ ты здоровъ?

Губернаторъ. Merci, дружокъ! Ничего, поясница немножко пошаливаетъ, — ну да c'est tout-à-fait bagatelle!

Анна Ивановна. Очень рада! Вотъ что, mon cher, послѣ завтра балъ у полиціймейстера, я буду въ новомъ платьѣ, а тамъ у меня останется всего одно ненадежное. Я слышала, что полиціймейстерша и Буркалова выписали себѣ превосходныя платья; я не могу же быть хуже ихъ одѣта... Будутъ собранья, балы, мнѣ не въ чемъ выѣзжать. Пошли привезти мнѣ платья три или четыре, да поскорѣе. Когонибудь изъ чиновниковъ можно командировать по казенной надобности, что ли. Слышала? Faites cela aujourd'hui, непременно. Dites à Filatof, чтобы онъ назначилъ когонибудь изъ de ces pauvres tchinovniks; сегодня же все приготовь. Eh bien, что же ты молчишь?

Губернаторъ. Хорошо, хорошо, матушка!

Анна Ивановна. А я приготовлю записочку, что именно нужно. Не забудь же! Mais vous êtes tout-à-fait distrait aujourd'hui! Пришлите мнѣ Филатова, когда воротится; я сама прикажу; а то на васъ надежда плохая.

Губернаторъ. Хорошо!

Анна Ивановна. Хорошо, хорошо! — только и слышишь! Что вы не выспались сегодня, что ли? Старъ сталъ, какъ я вижу, изъ ума вышелъ, батюшка!

Уходитъ въ сильномъ гнѣвѣ.

Губернаторъ. Ну пошла! И чего разозлилась? Сегодня хоть на глаза не показывайся! Ну ужъ характеръ, нечего смазывать!

Прошу покорно жить съ такой женой! У насъ ужасно дурно, что нельзя прогнать жены, какъ у магометанъ. Вотъ тебѣ и терпи, переноси, да вынимай денежки. А тамъ прекрасно: забурлила которая, сейчасъ ее вонь. А вѣдь славно быть турецкимъ пашею!... Чортъ возьми!.. Лучше чѣмъ губернаторомъ. Здѣсь примешь какуюнибудь пару лошадей въ кои-то вѣки, да и то оглядываешься, не замѣтили ли, а тамъ дѣлай себѣ что хочешь... А какой бы я себѣ гаремъ завелъ — прелестъ! Двадцать красавицъ, такихъ роскошныхъ, полногрудыхъ, огненныхъ!... Чортъ возьми! Пришелъ бы въ гаремъ, а онѣ, всѣ нагія, бросаются ко мнѣ, а Анна Ивановна сдѣлана рабою за буйный нравъ и разноситъ шербетъ.

Входитъ человекъ съ докладомъ: «госпожа Розонова».

Губернаторъ. А? Что тебѣ нужно?

Человекъ. Госпожа Розонова.

Губернаторъ. Какого ей чорта? Скажи—занять.

Человекъ. Я говорилъ. Просятъ доложить!... Очепно, говорить, нужно.

Губернаторъ. Скажи занять! Этотъ Розоновъ мнѣ надоѣлъ! Она вѣрно явилась просить о мужѣ. Занять! Слышалъ? Нельзя сегодня, не принимаю.

Человекъ уходитъ.

Губернаторъ. Чортъ знаетъ, хотъ была бы помоложе, получше, а то сатана сушая! Мужъ мерзавецъ, влѣточникъ, достопинъ каторги, возись тутъ съ нему!... Ну, такъ я прихожу въ свой гаремъ... Это что такое? (Прислушивается).

Розонова (за дверью). Мнѣ необходимо видѣть его превосходительство!

Человекъ (за дверью, съ жаромъ). Вамъ, говорить, нельзя, заняты, не принимаютъ!

Розонова (за дверью, плачетъ). Какъ нельзя? Мнѣ нужно его видѣть, нашего отца и благодѣтеля!

Воня. Двери съ силою распахиваются. Розонова влетаетъ въ кабинетъ, чепчикъ ея нѣсколько на боку. Человекъ чуть не падаетъ, съ восклицаніемъ: «да что жъ вы въ самомъ дѣлѣ!» Губернаторъ поспѣшно схватываетъ кипу бумагъ съ этажерки, собачонка лаетъ.

Губернаторъ (сердито). Что вамъ угодно, милостивая государыня? Какъ вы смѣете врыватья ко мнѣ такимъ образомъ! Вамъ сказано нельзя, занять важными дѣлами! — а вы врываетесь! Ты, болванъ, зачѣмъ пускаешь, а?

Человѣкъ. Да что съ ними дѣлать! рвутся, чуть съ ногъ не сбѣгли! (Выходитъ).

Розонова. Ваше превосходительство! Отецъ нашъ! Отъ кого же намъ ждать правды и защиты, какъ не отъ васъ, нашего благодѣтеля?

Губернаторъ. Миѣ некогда, сударыня.

Розонова. Ваше превосходительство, одну минуточку! Ваше превосходительство! защитите невинныхъ! возрите на сиротъ угнетенныхъ! Ей Богу несправедливо... люди злые оклеветали моего мужа!

Губернаторъ. Нельзя, сударыня, и не просите! Извольте выйти вонъ! Миѣ некогда!

Розонова. Ваше превосходительство!

Губернаторъ. Вашъ мужъ преступникъ! Его въ Сибирь сослать нужно, на каторгу! А вы позволяете себѣ врываться безъ всякаго уваженія! Вы забываете, кто я? Вы забылись! Какъ вы смѣли рѣшиться на такую дерзость?... Это изъ рукъ вонъ! Не просите напрасно. Я сказалъ: не допускать его до выборовъ; а что я сказалъ, то свято, у меня уже такой характеръ. Я ни за что не перемѣню своего рѣшенія. Оставьте же меня!

Розонова. Ваше превосходительство, смилуйтесь!

Губернаторъ. Онъ подъ судомъ! Я еще вотъ посмотрю, какъ судъ рѣшитъ.

Розонова (говоритъ чрезвычайно быстро и не даетъ губернатору промолвить слова; тотъ стоитъ, раздувши ротъ, въ ожиданіи, когда ему можно будетъ заговорить). Судъ его оправдываетъ, онъ ей—Богу невиновать, ваше превосходительство, совершенно невиновать. Смилуйтесь, ваше превосходительство! Вы извольте только взглянуть на него. Наконецъ извольте пожалѣть себя, если уже насъ не жалѣете! Вы дѣлаете несправедливость; послѣ ваши же враги скажутъ: «вотъ онъ несправедливъ былъ къ Розонову.»

Губернаторъ (горичась все болѣе и болѣе). Не вамъ меня учить, сударыня! Извольте выйти вонъ! Нельзя, нельзя, нельзя, нельзя, нельзя! Слышали?

Розонова (съ умиленіемъ). Смилуйтесь, ваше превосходительство! (Плачетъ) Надъ слезами несчастныхъ сжальтесь!

Губернаторъ. Нельзя! Я что сказалъ, то свято, — у меня уже такой характеръ. Оставьте меня, миѣ некогда.

Розонова. Ваше превосходительство!...

Губернаторъ (разрывается бѣшенствомъ). Ничего не хочу слу-

шать! Извольте выйти вонъ! Какъ вы смѣете безпокоить меня? Кто вамъ позволилъ этикія вещи дѣлать! Какъ вы такъ забываетесь! Да знаете ли что я съ вами сдѣлаю? Я вамъ покажу, какъ обращаться такимъ дерзкимъ образомъ со мною! Вы забылись, къ кому вы пришли! Идите вонъ или я прикажу васъ вывести!

Розонова (падаетъ на колѣни и обхватываетъ его ноги). Никто меня не отгонитъ отъ васъ, ваше превосходительство! Я буду обливать слезами невинности ноги ваши.

Губернаторъ (совершенно растерявшись). Что вы дѣлаете, сударыня!... Ради Бога.... помилуйте!

Розонова. Ваше превосходительство, я не встану до тѣхъ поръ, пока вы не выслушаете меня, не защитите вашею милостыю насъ, несчастныхъ. Мужъ мой невиноватъ и судъ его оправдываетъ....

Губернаторъ. Встаньте, Бога ради, сударыня!

Розонова. Нѣтъ, ваше превосходительство, я до тѣхъ поръ буду добать прахъ ногъ вашихъ, пока вы не смилюетесь! Онъ хоть служить не будетъ,—только снимите съ него это пятно, отмѣните ваше рѣшеніе. Ей Богу, клянусь вамъ дѣтскими монни, это клевета.... отъ злобы, ваше превосходительство!

Губернаторъ. Встаньте, ради Бога, сударыня.... Я, право.... я готовъ слушать.... Встаньте, ради Бога встаньте!... Я все готовъ....

Розонова. Нѣтъ, дайте слово, ваше превосходительство! Ей Богу, все клевета, пощадите, защитите! (Прижимается губами къ сапогу).

Губернаторъ. Что вы, сударыня! Помилуйте!... Все сдѣлаю, что могу, только встаньте, сударыня!... Ради Бога!

Розонова. Онъ смягчается, отецъ нашъ! (Встаетъ). Все неправда, ваше превосходительство!

Губернаторъ. Положимъ такъ; но его не желаютъ дворяне....

Розонова. Дворяне? Помилуйте, ваше превосходительство, всѣ этого только и желаютъ! И доказательство вамъ—выберутъ его непременно. Его всѣ хотятъ, ваше превосходительство.

Губернаторъ. Его злоупотребленія....

Розонова. Все клевета... судъ его оправдываетъ, ваше превосходительство. Это желали лишить ваше превосходительство дѣятельнаго, полезнаго чиновника! Это враги порядка и враги моего мужа распустили эту никакую клевету!

ГУБЕРНАТОРЪ. Онъ попался во взяткахъ, — а я врагъ ихъ, врагъ несправедливости!

Розонова. Это знаютъ всѣ, ваше превосходительство! И другія губерніи смотрятъ съ завистью на насъ, за то, что мы имѣемъ отъиное счастье жить подъ отеческимъ надзоромъ вашего превосходительства. А мало ли что наговорять враги порядка и правды! Все напраслина! Зло всегда возстаетъ противъ правды, ваше превосходительство! Моего мужа ненавидятъ враги за неподкупную правду и справедливость, за то, что онъ не допускаетъ несправды. Вотъ на него и клеветуютъ.

ГУБЕРНАТОРЪ. Но есть факты....

Розонова. Все клевета, ваше превосходительство, и судъ нашель, что все это самая черная клевета. Какой онъ взяточникъ! Развѣ онъ похожъ на взяточника? Развѣ онъ можетъ быть взяточникомъ, когда онъ благоговѣетъ передъ именемъ вашего превосходительства, и утромъ и вечеромъ со слезами молитъ Бога, чтобы онъ помогъ ему исполнять волю вашу. Вотъ за что его не любятъ, за преданность его къ вашему превосходительству!.. Вашъ чиновникъ, господинъ Филатовъ, производилъ самое строгое слѣдствіе и нашель, что мужъ мой правъ, несмотря на всѣ ухищренія враговъ и клеветниковъ. Правда, онъ развѣ согрѣшилъ, и то не взятку взялъ, ей Богу, просто на-просто укралъ, ваше превосходительство, ей Богу, укралъ!

ГУБЕРНАТОРЪ. Ну вотъ видите....

Розонова. Укралъ, изъ глубочайшаго вѣщанія къ вашему превосходительству. Онъ знаетъ, что вы охотники до собачьихъ: онъ и укралъ для вашего превосходительства собачку. Только до сихъ поръ не осмѣливался имѣть счастье поднести вашему превосходительству. Рѣдкая собачка, ваше превосходительство: нельзя было удержаться, тѣмъ болѣе, что она была у старика безчувственнаго.

ГУБЕРНАТОРЪ. Очень благодаренъ! отчего же, — съ удовольствіемъ приму. Я собственно противъ вашего мужа ничего не имѣю. Мнѣ доложили, что его дворяне не желаютъ.

Розонова. Напротивъ, ваше превосходительство! Всѣ искренно желаютъ. Его просятъ и непременно выберутъ. Это все вамъ наговорили, ваше превосходительство! Лучшаго и болѣе преданнаго слуги вы не изводите найти, ваше превосходительство. Онъ безъ слезъ умиленія не можетъ произнести священнаго имени вашего. Будьте же милостивы, ваше превосходительство!

ГУБЕРНАТОРЪ. Я согласенъ съ своей стороны; я ничего не имѣю противъ вашего мужа, и если судъ его оправдаетъ и дворяне пожелаютъ....

РОЗОНОВА. Истинно желаютъ, ваше превосходительство, — это одно ихъ общее желаніе! Такъ вы позволите на счетъ собачки?

ГУБЕРНАТОРЪ (съ пріятностью и прищуривая глаза). Маленькая?

РОЗОНОВА. Вотъ такая крошечная.

ГУБЕРНАТОРЪ. А уши длинные?

РОЗОНОВА. Ужасно длинные, ваше превосходительство!

ГУБЕРНАТОРЪ. Хвостъ пушистый?

РОЗОНОВА. До невѣроятности.

ГУБЕРНАТОРЪ. Я буду очень благодаренъ.

РОЗОНОВА. Такъ сминитесь, ваше превосходительство, окажите справедливость! Я готова распаловать ноги ваши! До тѣхъ поръ не отойду, пока ваше превосходительство не смилуетесь. Все буду стоять на колыньяхъ (становится на колыши), буду наговаривать ваши ножки, не выпущу ихъ. Это не я плачу, ваше превосходительство, — это дѣти мои плачутъ, невинныя младенцы.

ГУБЕРНАТОРЪ. Встаньте, сударыня.... ради Бога.... Я согласенъ!

РОЗОНОВА. Ваше слово?

ГУБЕРНАТОРЪ. Даю вамъ слово.

РОЗОНОВА. Вотъ истинная справедливость! Натради васъ Господь Богъ! Великія дѣла видны на лицѣ вашего превосходительства!

ГУБЕРНАТОРЪ. Успокойтесь, сударыня, и скажите вашему мужу, что я противъ него ничего не имѣю, я даже расположенъ къ нему. Онъ можетъ балотироваться.

РОЗОНОВА (хочетъ поцаловать его руку). Не знаю, какъ благодарить, ваше превосходительство.

ГУБЕРНАТОРЪ (прячетъ руки). Перестаньте, перестаньте! Справедливость—мой долгъ: у меня ужъ такой характеръ!

РОЗОНОВА. Рѣдкій характеръ, ваше превосходительство!

ГУБЕРНАТОРЪ. Такъ длинные уши?

РОЗОНОВА. Длинные, ужасно длинные, ваше превосходительство.

ГУБЕРНАТОРЪ. Хорошо, я приму съ благодарностью. Прощайте, сударыня. Очень радъ, что могу сдѣлать для васъ. Оказать справедливость—мой долгъ.

Розонова. Благодаритель нашъ! Жизни мало отблагодарить васъ. Пойду обрадовать спроть своихъ!

Уходитъ, поправляя чепецъ.

Губернаторъ. Что съ нею дѣлать! Не могу видѣть, когда женщина плачетъ, цалуешь ноги, стоитъ на колѣняхъ. Иначе отъ нея не отдѣлаешься, ногъ не выпустишь. Не дать же ей носкомъ въ носъ! Да, такъ можетъ говорить и дѣйствовать только угнетенная невинность.... Я, слава Богу, понимаю людей, могу судить.... Они въ самомъ дѣлѣ прекрасные люди, почтительные.... Очень радъ, что могъ сдѣлать для нихъ. Что касается до подарка, такъ, признаться, онъ мнѣ очень пріятенъ. Подари онъ мнѣ три тысячи, я бы не былъ такъ радъ, какъ собачкѣ. Маленькія собачки—страсть моя. Надѣюсь, что это не взятка! Собаку, говорятъ, не грѣхъ украсть, не только принять въ подарокъ.... Гмъ! посмотрю, какая собачка, должно быть—прелесть!... Я давно искалъ такой, бредилъ имѣть такую!... Какое же дать ей имя?... Кадо!... нѣтъ, фи! что за Кадо!... Цезарь?... нѣтъ, мала для Цезаря.... Назову ее Роза!... Укралъ для меня! экая каналья!... Впрочемъ теперь рѣдки такіе преданные, почтительные чиновники!

СЦЕНА III.

Кабинетъ въ домѣ полиціймейстера. Прекрасно меблированная комната, украшенная цѣлыми коллекціями всевозможныхъ видовъ чубуковъ. Они расставлены на трехъ горкахъ, изъ которыхъ двѣ по угламъ комнаты, а третья у письменнаго стола. На письменномъ столѣ наставлено безчисленное множество пенальницъ, изъ нихъ торчатъ сигары и папиросы: кромѣ того на столѣ еще лежитъ много сигаръ и на углахъ стола стоятъ двѣ табачницы. Григорій, человекъ полиціймейстера, въ бѣломъ фартукѣ, стоитъ, опершись на половую щетку. Частный приставъ въ мундирѣ и со шляпою въ рукахъ.

Частный. Такъ это правда, Григорій Степановичъ, что Павелъ Михайловичъ на меня никакой претензіи не имѣютъ?

Григорій. Нѣтъ, говорятъ вамъ нѣтъ! А имѣли, можно сказать, вѣдшее ожесточеніе, такъ что и того васъ хотѣли (дѣлаетъ выразительное движеніе ногою) изъ службы... Понимаете? Ну ужъ я уладилъ. Всегда для васъ стараюсь. Павелъ Михайловичъ и то ужъ говорятъ, что это ты, Григорій, все за Пузанова? вы должно быть

вмѣстѣ плутуете!—А я говорю; вотъ у васъ все плутую, Павелъ Михайловичъ, — а вы безъ Пузанова будете какъ безъ рукъ.

Частный. Ну, что же онъ?

Григорій. Правда, говорятъ.

Частный. Такъ и сказалъ?

Григорій. Такъ и сказалъ.

Частный. Ой—ли, да правда ли это, Гришна?

Григорій. Что жь мнѣ лгать? Вы думаете, что взявъ отъ васъ пятьдесятъ рублей, такъ ужь и лгать буду. Да я тысячи не возьму, чтобы сказать неправду. А что я для васъ всегда какъ-есть стараюсь. Только, смотрите, уговоръ лучше денегъ, исполнить все въ точности.

Частный. Полно вамъ, Григорій Степановичъ, да я по дружбѣ этого не захочу. Я за ваше одолженіе ужь отблагодарю!

Слышатъ звонокъ.

Григорій. Послѣ поговоримъ. Никакъ Павелъ Михайловичъ пріѣхали.

Частный поправляетъ волосы, обтягиваетъ мундиръ, приставляетъ ногу къ ногѣ и вытягивается въ струнку. Григорій уходитъ отпирать.

Черезъ нѣсколько времени входитъ Полиціймейстеръ *(дородный мужчина, съ большими усами и съ краснымъ лицомъ. При каждомъ его движеніи эпюлеты на плечахъ прыгаютъ и кисточки ихъ болтаются)*. Частный кланяется въ поясъ.

Полиціймейстеръ. А-а-а! Пузановъ! Ну что, все благополучно?

Частный. Все исправно, ваше высокоблагородіе!

Полиціймейстеръ *(разсматривая сигары и папиросы)*. Что бы это закурить такое? И то, и то хорошо. Попробую—ка новыхъ. Подлецъ Чернопяттовъ навязалъ, —божесся, ракала, что малина, а не сигара! *(Закуриваетъ сигару, болтаетъ ею въ воздухъ и нюхаетъ дымъ. Частный слѣдитъ за его движеніями и мотаетъ головою за движеніемъ его руки)*. Въ самомъ дѣлѣ, кажется, не дурны! Запахъ довольно хорошъ. Ну, Пузановъ, а много ли у тебя купцовъ на цугундеръ взято?

Частный. Шестеро, ваше высокоблагородіе: трое за невѣрные вѣсы, двое за фальшивую мѣру и одинъ за продажу оредоносной рыбы.

Полиціймейстеръ. Небось все мелочь?

Частный. Извѣстно, медочные торговцы, лабазники. Впрочемъ, двое капитальные.

Полиціймейстеръ. Ну, хорошо. У меня послѣ завтра банкъ, такъ съ тебя слѣдуетъ провізія и вся закуска. Зайди войласъ къ

моей жемъ, она тебѣ составитъ реэстръ: чего и сколько надобно... Понимаешь? Ты сперва кунцовъ попридави, а потомъ и выпусти, такъ и тебѣ еще останется. Вы, чортъ васъ знаетъ, проводники кикю-то! И что вы дѣлали при старомъ полиціймейстерѣ, — не знаю! Откуда онъ набралъ такихъ олуховъ, — да вѣрно и самъ балъ не умѣе! Ничего это придумать не могутъ: я вотъ все изобрѣтай, да научай уму-разуму, а сами взять-то не умѣютъ! Деруть какъ будочники по гривнамъ, да по полтиннамъ — и въ городъ ни порядка, ни уваженія нѣтъ! Я люблю, чтобы все было по военному, вездѣ бы былъ порядокъ, жила дисциплина. Чтобы кварталный зналъ, что онъ не даромъ кварталный; частный — что онъ не даромъ частный; кунецъ — что онъ на те и кунецъ, чтобы наживать, — ну, наживай, да подѣлись и съ ближними. Скажи Шепчугову, что съ него слѣдуютъ вина; вотъ на, отдай ему реэстръ, чтобы по немъ доставилъ въ точности; а если что тамъ будетъ лишнее противъ написаннаго, такъ тѣмъ лучше!

Входятъ два частныхъ и почтительно кланяются.

Полиціймейстеръ. А, Шепчуговъ и Ломовъ! Куда вы провалились, что васъ не дозовешься! Вотъ тебѣ, Шепчуговъ, реэстръ винъ, сегодня же прошу доставить Григорію; только смотри, чтобы вина были первый сортъ, а то тебѣ, пожалуй, всякой кислоты, да мерзости свалить. А съ тебя, Ломовъ, слѣдуетъ освѣщеніе, и деньгами для найма музыкантовъ и прочей дряни. Деньгъ немного, — рублей съ сотнягу или около того. Ну, я увѣренъ, господа, что все будетъ отлично, что вы постоянно за себя, отличитесь, не захотите замарать своего начальника! Не ударьте же лицомъ въ грязь, чтобы у насъ былъ такой балъ, что чертямъ тошно! Чтобы никому не слѣзать такого бала, понимаете? Дѣло идетъ на благородное соревнованіе. Ну, ступайте же, распорядитесь! Балъ будетъ послѣ завтра. Понимаете, что на балу будетъ вся губернія....

Частные. Постараемся, слушаемъ-съ.

Полиціймейстеръ. Ну, съ Богомъ!

Частные уходятъ. Полиціймейстеръ снимаетъ сюртукъ и надѣваетъ халатъ. Входитъ толстый кунецъ, три раза крестится и потомъ низко кланяется.

Кунецъ. Наше вамъ, со всякимъ благоговѣніемъ.

Полиціймейстеръ. А! Назаръ Федуловичъ! Я тебя поджидалъ. (Сажится къ столу).

Т. LXXXI. Отд. I.

Купецъ. Самъ спросить, на счетъ, значить, какъ это такіе дѣловъ, вы, примѣрно, говорите изволите?

Полиціймейстеръ. Садись-ка, ладно.

Купецъ. Ницаво-сь, и не стоимъ! Значить, ноги не отвали-ся, дома все сидѣли.

Полиціймейстеръ. Садись! (Купецъ садится на край стула, вытираетъ салфеткой платокъ и обтираетъ лицо) Ну, какъ дѣлешки?

Купецъ. Ницаво-сь! благодареніе Господу, значить, черезъ пень въ колоду залятея неманеньку-сь.

Полиціймейстеръ. Ну, хорошо!... Не хочешь ли трубочки?

Купецъ. Благодаримъ покорно! Съ измалства, то есть, не сдѣлали привычки. Покойный тятенька, дай Богъ имъ нарствѣ небесное, Боже ушаси, на счетъ естаго предмета какое сморънѣе имѣли.

Полиціймейстеръ. Ну, какъ хочешь, — вѣдь вы всѣ старо-вѣры.

Купецъ. Не то, чтобъ старовѣры, примѣрно, были, а такъ, значить, привычки не сдѣлали. Вѣдь это, какъ есть, баловство одно и баловствомъ зачинаетдѣ.

Полиціймейстеръ. Ну, вотъ что, братъ, какъ бы это на счетъ того... А водку ты пьешь вѣдь?

Купецъ. Употребляемъ, грѣшны-сь.

Полиціймейстеръ. Такъ хочешь водонки, а?

Купецъ. Нѣтъ-сь, благодаримъ и за это покорнѣйше, пить еще не пристало.

Полиціймейстеръ. Какъ не пристало?

Купецъ. То есть, значить, не время, — обѣдни не отошамъ.

Полиціймейстеръ. Ну, какъ знаешь! Такъ, я говорю, какъ бы это на счетъ того, на счетъ деньжонокъ, а? Мнѣ бы очень было пужно.

Купецъ. Прощенья просимъ-сь! то есть воть передъ Богомъ-сь говоримъ: совершенно нѣтъ; что называется, сами перебиваемся!

Полиціймейстеръ. Ну, ужъ у тебя нѣтъ, — такъ у кого же деньги?

Купецъ. Помилуйте, откудава имъ быть-то-сь? Народъ мы маненькой, дѣловъ хорошихъ нѣтъ-сь! Какая это торговля-сь, — то есть, можно сказать, только Бога грѣвимъ, а не торговлю имѣемъ. На свѣчку, въ праздничный день, въ церковь, примѣрно, не

выторгуемъ. Вотъ тутъ и дѣлай какъ знаешь! Какимъ же тутъ деньгамъ быть?

Полиціймейстеръ. Эхъ, братъ! съѣдился бы говорить! Вѣдь экая у тебя, истинно, жидовская, плучная душа, окаменѣлое сердце! Теперь какое время-то?

Купецъ. Какъ какое-съ?

Полиціймейстеръ. Да такъ же! жидъ ты! Вѣдь теперь выборы: ты съ помѣщиковъ, я чай, всю шкуру подстерешь! Ну, и дерн, я ни слова, я всегда готовъ тебѣ помощь оказать, такъ ты долженъ же чувствовать.

Купецъ. Чувствительно благодаримъ-съ за все это и всегда съ нашимъ почтеніемъ-съ.

Полиціймейстеръ. Съ нашимъ почтеніемъ! Что это за почтеніе, огалтельный ты этакій! Пришлетъ тамъ ребятишкамъ на молочишко къ новому году, вотъ и все почтеніе. Развѣ ты столько въ годъ наторгуешь, а?... Развѣ я тебѣ мѣшаю? Ну, говори же! Не помогаю я тебѣ во всемъ, безобразная твоя утроба, ненавистная?

Купецъ. Завсегда, какъ есть, благодарны, и навсегда вашею милостію довольны.

Полиціймейстеръ. Знаю, что довольны, — еще бы вамъ быть недовольными! да благодарности-то у васъ на пятакъ мѣдный нѣтъ! Христо-продавцы этакіе! понятія не имѣете человѣческаго! Грабь, наживайся, да знай же и совѣсть! Подѣлись съ другими, вѣдь всѣ мы братья, ближніе! Другой бы самъ принесъ, а ты, ожесточенный, въ долгъ не даешь! Я, вѣдь, у тебя, у окаяннаго, займы прошу! Могъ бы, вѣдь, требовать, напакостить, по міру, ракалаю, пустить!

Купецъ. Что же, воля ваша! мы люди какъ есть маленькіе.

Полиціймейстеръ. То-то, люди маленькіе, а въ пустыхъ деньгахъ отказываешь. Всего, вѣдь, пятьсотъ! Что это? дряннѣе! тѣфу! не стоитъ разговоръ имѣть! А на тебя, посмотри самъ, какое ожесточеніе нашло: ты, вѣдь, себя не помнишь? Эхъ, братъ! плохо вамъ потачку давать. — зазнаетесь больно.... Васъ бы за бороды таскать, да пакости вамъ дѣлать, тогда бъ вы знали! А я васъ по головкѣ глажу, на все смотрю сквозь пальцы. Ты думаешь, я ничего не вижу, не знаю?—нѣтъ, братъ, ты выжига, да я и самъ прожженный! Ты карманъ набиваешь и не думаешь по-дѣлиться,—ну, да чортъ съ тобой! дай хоть займы.

Купецъ. Мы, примѣрно, то есть, на счетъ того говоримъ, что денегъ въ настоящее время не имѣемъ.

Полиціймейстеръ. Ну что же, ты боишься, что я не отдамъ, — думаешь, что пропадутъ деньги твои поганья!

Купецъ. Ефтого мы думать не можемъ и сумѣнія никакого, то есть, имѣть не можемъ.

Полиціймейстеръ. Ну такъ что жь? Эй, братъ, не шлюй въ колодезь, испить водицы пригодится!

Купецъ. То есть, а на долгое ли время вамъ потребно?

Полиціймейстеръ. Ну, при первыхъ деньгахъ отдамъ.

Купецъ. Сердечно бы желали, да, видить Богъ, не можемъ.

Полиціймейстеръ. Такъ не дашь?

Купецъ. Изъ чего дать-то? то есть, вѣрите Создателю, не имѣемъ.

Полиціймейстеръ. Ну, хорошо же! Дамъ же я тебѣ торговлю! Анаеема ты этакій ожесточенный, жидъ проклятый!

Купецъ. Съ нашимъ бы почтениемъ, да что дѣлать-сь, рѣшительно, значить, не имѣемъ.

Полиціймейстеръ. Ладно! Это ужь, братъ, не по пріятельски! А я еще съ тобою, со свиньею, хлѣбъ-соль водилъ! Попляшешь же ты у меня, ракалія этакая!

Купецъ. На счетъ ефтого напрасно гнѣваться изволите!

Полиціймейстеръ. Хорошо, братъ, — заноешь иначе!

Купецъ. Какое тутъ пѣніе, вѣрите Богу, до слезъ приходится! Вотъ все, что можемъ—сто рублей; только ужь если милость будетъ ваша, смѣемъ просить, на счетъ торговъ-то тѣхъ. Ужь не оставьте, явите хоть тѣмъ Божескую милость!

Полиціймейстеръ. Сто рублей, да торги! Я вижу, ты скотина! Пошелъ вонъ! Я съ тобой и разговаривать не хочу.

Купецъ. То есть, напрасно беспокоиться изволите!

Полиціймейстеръ. Что жь ты, оглохъ, что ли? Слышалъ! Убирайся къ чортову дѣду! Ну! (Топаетъ ногами, купецъ кланяется и исчезаетъ въ смущеніи и испугѣ). Экая скотина! бестія! ракалія! Ужь ты принесъ бы въ подарокъ и самъ, да некогда возиться. Пять сотъ бы отвалилъ, кланялся бы въ ноги, чтобъ только взялъ, да время не терпитъ. Эй! Назаръ Федулычъ! Назаръ Федулычъ!...

Купецъ (стоитъ топочетъ по соседней комнатѣ и выставляетъ голову въ дверь). Здѣсь.

Полиціймейстеръ. Ну прибавляй еще сотню, да и чортъ съ тобой!

Купецъ. Ей Богу, не могимъ. Двадцать пять еще можно-сь, а то какъ угодно!

Полицеймейстеръ. Что жь ты торговаться со мной будешь? Ахъ ты гадина, бытъя морда! Двѣсти—или ты запоешь у меня Куакинну мать! (Купецъ со вздохомъ вытаскиваетъ бумажникъ).

СЦЕНА IV.

Номеръ въ лучшей гостинницѣ города. Довольно большая комната, но обставлена плохо. Журавлевъ, первый богачъ въ губерніи, сидитъ на диванѣ и пьетъ чай. На немъ бархатный халатъ. Физиономія его нѣсколько солдатская, но надутая и важная. Онъ не толстъ и не тонокъ. Назаревъ, одинъ изъ помощниковъ партіи Журавлева, почтительно сидитъ на кончикѣ стула. Фигурка толстенькая, подленькая, съ моргающими глазками. Говоритъ сладко, вкрадчиво и почтительно.

Назаревъ. Такъ вы изволили Кустова утвердить судьбою, слушаемъ! А какъ насчетъ исправника, — кого прикажете выбирать?

Журавлевъ. Въ исправники?... Я еще не знаю.... Подумаю.

Назаревъ. Никоновъ хочеть балотироваться.

Журавлевъ. Никоновъ?

Назаревъ (оробѣвъ). Я то-есть нисколько не держусь его стороны! Это рѣшительно все равно.... все равно для меня!... Кого прикажете, того и выберемъ. (Съ сладкою улыбкою) Вы вѣдь въ этомъ болѣе насъ знать можете, живя всегда среди просвѣщенія столицы и имѣя отмѣнное образованіе, до котораго намъ далеко.

Журавлевъ. Объ этомъ я подумаю и скажу вамъ, кого выбирать.... Г-нъ Розоновъ подъ судомъ, ему не позволяютъ балотироваться, да и подлець страшнѣйшій! Ухъ, какой подлець!

Назаревъ. Ужаснѣйшій подлець! Просто грабитель! И такія мерзости дѣлаеть.... Весь уѣздъ отъ него чуть не плакалъ! Взятчикъ, хриstopродавецъ! Онъ кажется, ошибкой, не рѣшилъ ни одного дѣла правильно, не сдѣлалъ ничего по справедливости.

Журавлевъ. Я вотъ посмотрю.... Чтобы послѣ завтра всѣ собрались ко мнѣ, передъ тѣмъ какъ ѣхать въ собраніе.

Назаревъ. Слушаемъ-сь.

Журавлевъ начинаетъ что-то насвистывать. Назаревъ переминается, сѣдя на стулѣ, наконецъ послѣ нѣкотораго молчанія встаетъ.

Журавлевъ. Ну, прощайте. Помните же, передъ собраньемъ.

Назарьевъ. Слушаю-съ! (Наклоняется несколько вперед и все время говоритъ съ особенною пріятностью) Иванъ Сергѣевичъ! у меня есть къ вамъ просьба.... то-есть, вотъ одолженіе такое.... по гробъ не забуду.

Журавлевъ. Ну говорите скорѣе, прямо.

Назарьевъ. Я хотѣлъ было побезпокоить васъ, не будете ли столь добры, не одолжите ли мнѣ денъжонокъ немного. Самн изволите знать, теперь время такое, необходимо и туда и сюда, и въ собранье, и въ театр—дочери показать.... Все расходы: туалетъ, то, другое, нельзя же—дочь невѣста.

Журавлевъ. Кутишь много.

Назарьевъ. Помилуйте, кажется бьешься какъ рыба объ ледъ, концы сводишь. Дочь невѣста, что дѣлать-то! Хочешь, не хочешь, а кошелекъ развязывай.

Журавлевъ. Ну, сколько же нужно?

Назарьевъ (задыхаясь). Рублей пятьсотъ.

Журавлевъ. Серебромъ?

Назарьевъ. Я бы того.... попросилъ.... серебромъ.

Журавлевъ. Туда же серебромъ! А изъ какихъ средствъ заплатишь?

Назарьевъ. Великимъ постомъ набыю масла коноплянаго, продамъ еще пеньку, хлѣба—и уплачу часть; а другую ужъ отсрочьте, сдѣлайте милость до осени, я вамъ представлю свекловицею, на который прикажете изъ вашихъ сахарныхъ заводовъ.

Журавлевъ. Вы не должны ничего?

Назарьевъ. Долженъ пустяки: пятьдесятъ рублей. Я всё уплачу, сполна.

Журавлевъ. Ну хорошо, приготовьте росписку въ пятьсотъ рублей; изъ нихъ четыреста пятьдесятъ получите отъ Трофима деньгами, да пятьдесятъ прежняго долгу.

Назарьевъ. Не знаю, какъ благодарить васъ, Иванъ Сергѣевичъ!

Журавлевъ. Прощайте, не стоитъ благодарности.

Назарьевъ. Счастливо оставаться!

Пятится задомъ, раскланивается и исчезаетъ въ дверяхъ.

Журавлевъ (одинъ). Фу, какая тоска! Какъ гадко возить-ся съ этою дрянью, а что дѣлать!... Что за низкіе люди! Готовы продать все, самихъ себя, не только ближнихъ! Да впрочемъ,

кто въ нашъ вѣкъ не пожертвуетъ существенной пользой химическою, пустыми звуками: дружба, прилежь, человечество!... Глушецъ, одинъ глушецъ только можетъ предпочесть эти пустые звуки дѣлу и упустилъ для нихъ существенную выгоду. Конечно, за мелочь не стоить предавать себя, надобно взять хорошую цѣну, чтобы стоило того. Впрочемъ нынче цѣны на честь и совѣсть человѣка значительно упали.... Справедливость требуетъ, чтобы я заботился о себѣ болѣе, чѣмъ о другомъ, и своимъ личнымъ выгодамъ предпочиталъ выгодамъ другихъ; — ясно, что я долженъ желать себѣ лучшаго. Если же я желаю себѣ лучшаго, то ужь черезъ это самое желаю другому худшаго!—Если я наживаю сто рублей, такъ вѣрно оттого, что ихъ кто нибудь прожилъ. Что же изъ этого?—Значить, я благоумыннѣе другихъ! Ну, если я себѣ изыскиваю способы помочь скорѣе нажить, а другому разориться—что же въ этомъ безправствеммаго?—Ровно ничего! Я только ускоряю обыкновенный процессъ обращенія дѣнностей и больше ничего. Я его ускоряю,—я не краду, не граблю!—то дѣйствительно вѣрно. А ужь этотъ процессъ начался, онъ совершается непрерывно, такъ что же значить ускорить его? Тѣмъ болѣе, что если не я, такъ кто нибудь другой сдѣлаетъ то же самое. Непремѣнно!... Говорятъ, эгоизмъ—порокъ, а безъ эгоизма не можетъ быть порядка никакого. Эгоизмъ есть врожденное чувство, это инстинктъ свойственный всѣмъ живымъ существамъ, и безъ него не можетъ быть никакого благоустройства, — все рухнетъ, падетъ! Съ какой стати и для чего я буду заботиться о выгодахъ другаго?—Да мнѣ-то что за дѣло до него! Такимъ образомъ ужь лучше всего отдай все состоянiе свое, да и ступай самъ просить, чтобы объ тебѣ заботились другіе. Вѣдь выдумали же эти философы такую дичь!... Ха, ха, ха! Экіе глупцы!... Впрочемъ мысль прекрасная и дѣльнымъ людямъ принесла много пользы. Кричишь о социализмѣ, либерализмѣ, гуманности, о правдѣ вѣчной, трескотнею риторическою залѣпишь глаза, да за этими-то ширмами, за мыслями-то о высокомъ и умеренъ какую нибудь штуку. Ее и не замѣтятъ, а безъ того сказали бы: сдѣлалъ низость, — да и штука бы навѣрно не удалась, потому что хорошія штуки возможны только при хорошей довѣрчивости. Правда, что нѣсколько человѣкъ, которые помышленнѣе, смѣнутъ въ чемъ дѣло, пожалуй станутъ доказывать, что сдѣлалъ подлость, — да остальные хоть будутъ видѣть, да не поверятъ. Масса слишкомъ пропитается уваженіемъ къ благородству и вольности мыслей, ей

как надуешь въ уши высокихъ идей, во у шея в голова пойдет кругомъ. Кричи громче — прославись великимъ человекомъ, благородѣйшимъ, честнѣйшимъ, идеаломъ совершенства и добродѣтели!... Г-м! Есть же глухая, неразвитая толпа ничтожныхъ неучей, которые отъ души, совершенно на убѣжденіе вѣрятъ въ эти пустые, громкіе звуки: честь, благородство, добродѣтель, гуманность!—вѣрятъ, восхищаются ими! Приходятъ въ восторгъ отъ всякой глупости, гдѣ по ихнему въправилась скольконибудь эта идея. Кричи только громче о своемъ благородствѣ, — толпа повѣритъ, какъ вѣрили древніе римляне; что они грязь.... Правда, говорится въ какой то книгѣ, что люди честные — овцы, которыхъ умные стригутъ. Только вмѣсто «честные» надобно сказать «глупые», потому что людей честныхъ на землѣ нѣтъ! Всякій человекъ — подлецъ. Есть только люди умные и глупцы. Умный, истинно образованный человекъ, очистившійся отъ всякихъ предразсудковъ, разумѣется пойметъ, что только то и хорошо, что существенно полезно, и съумѣетъ эти бирюльки, мыльные пузыри пустить въ ходъ для пріобрѣтенія существенныхъ выгодъ. А тамъ другіе пусть себѣ восхищаются.—Да мнѣ смѣшно представить себѣ настоящаго благороднаго и добродѣтельнаго человека! Это должно быть чудело страшное! Какъ можно быть истинно благороднымъ и честнымъ?—Не понимаю!—Мнѣ выгодно такъ сдѣлать, а честь и всѣ эти вымышленныя, пошлыя правила требуютъ другаго;—да я буду глупецъ, болванъ, олухъ, если поступлю противъ своихъ выгодъ.—Разумѣется, если выгода большая, — а при незначительной выгодѣ, само собою, разсчетливѣе пренебречь выгодою, —потомъ это принесетъ тысячу процентовъ на сто. Честь и благородство—это такой товаръ, который надобно сохранять какъ можно дольше и тщательнѣе, а потомъ какъ представится случай разомъ и пустить въ продажу. Только надобно крѣпиться, ждать удобнаго случая, когда набьютъ цѣну, когда можно больше взять выгодъ. Да еще слѣдуетъ продать такъ, чтобы другіе не знали, чтобы тотъ же товаръ опять можно было пустить въ ходъ, въ торговлю. Вотъ это умно, дѣльно! Толпа благоговѣетъ, готова присягнуть, что это честнѣйшій человекъ, могъ покривить душою вотъ въ такихъ-то и въ такихъ-то дѣлахъ, да прозобретъ всѣми выгодами для правды; а того не знаетъ, что этотъ господинъ запрягалъ свой товаръ и не хочетъ за гроши продавать своей чести и совѣсти. За то ужъ какъ представится случай, такъ вознаграждаетъ себя за все. И

что жь, — прекрасно, благо разумно. Жизнь есть торговля, коммерція, стараться должно всякій торговать. — Мнѣ кажется, что въ глубинѣ души, каждый такъ же думаетъ, какъ я, и по суровости набиваетъ цѣну на свой товаръ. Непродажныхъ нѣтъ! Если не беретъ тысячи, возьметъ двѣ; не беретъ двухъ, такъ возьметъ пять, десять, двадцать! За сто тысячъ продаетъ себя! Есть глупцы, которые не собираютъ запроса съ требованіемъ и дѣйствительною стоимостью. Иные хотятъ слишкомъ дешево и цѣнить свои кривыя душонокъ не вѣсть какъ! — ихъ зовутъ благородными. Они такіе же мерзавцы, какъ и всякій человѣкъ; а только глупцы чертурь дорываются, ну и водятъ за то безъ санетовъ, и ни на службѣ, — нагдѣ не годятся. Другіе же, вотъ какъ эти ослы Назаревъ, да Розоновъ и всѣ ихъ подобныя, — берутъ слишкомъ дешево, точно открыли молочныя лавочки и по частямъ, открыто, продаютъ свою совѣсть. Я бы ихъ назвалъ пересчетливыми дураками, — а свѣтъ ихъ зовутъ подлацами, совершенно незаслуженно! Умный человѣкъ придерживается благо-разумной середины, какъ опытный купецъ, понимающій сразу покупателя, и знающій и курсъ и цѣну товару!

СЛУГА (въ богатой лиреѣ). Господинъ Розоновъ.

Журавлевъ. Преси!... Этому что нужно. Вѣрно хочеть, чтобы я просилъ за него губернатора. Нѣтъ, это дудин!

Розоновъ входитъ и низко кланяется.

Журавлевъ (величественно и съ нѣкоторымъ презрѣніемъ). Здравствуйте! Что скажете, почтеннѣйшій?

Розоновъ (вкрадко, съ приятною улыбкою и съ ребостью). Находясь съ вами въ одномъ городѣ, долгомъ счелъ засвидѣтельствовать мое почтеніе.

Журавлевъ. А! благодарю! Садитесь!

Розоновъ. Благодарю покорно! (Садится).

Журавлевъ играетъ кистами своего халата. Розоновъ пощипываетъ свою шапку. Молчаніе.

Журавлевъ. Ну, какъ ваши дѣла?

Розоновъ. Ничего, такъ себѣ! Палата меня оправдала по милости вашей, Иванъ Сергѣевичъ. Теперь вотъ вопросъ: если я правъ, такъ на какомъ основаніи губернаторъ не допускаетъ меня до выборовъ? Имѣетъ ли онъ на это право? Я самъ не хочу балотироваться, потому что служилъ, служилъ, наконецъ утомился, усталъ, надоѣло! Не допустить до выборовъ! — это согласитесь сами, Иванъ Сергѣевичъ, клеймо позора, въ нѣкото-

ромъ отношеній. А какое онъ имѣетъ къ тому основаніе? Судъ меня признаетъ виновнымъ, тогда дѣлай, что хочешь; но когда судъ меня оправдалъ, это незаконно. И что я сдѣлалъ такое? Не угодили никому иди Голоскинымъ, не дѣлалъ по ихнему, или другому надобно мѣсто исправника, такъ они заднимъ числомъ пробрались къ губернатору, да натрубили ему въ уши Богъ-знаетъ-чего, а тотъ, не разунавивъ дѣла, и хватилъ: не допускать до баллотировки.

Журавлевъ. Но вѣдь, сознайтесь, было за вами довольно грѣшковъ.

Розоновъ. Развѣ по ошибкѣ, Иванъ Сергѣевичъ, — но вѣдь я человекъ, а не ангель. Люди все могутъ ошибаться. А умственно никогда я не кривилъ душою. Вся эта исторія вышла черезъ Головкина, а вы сами изволите знать, какой это злобредный человекъ....

Журавлевъ (даетъ гримасу). Да, это зараза уѣзда!

Розоновъ. Хуже желтой лихорадки. Онъ меня ненавидитъ за то, что я всегда готовъ угодить вамъ; говоритъ, что я для васъ продаю законъ и совѣсть, представлялъ все мои дѣйствія по вашимъ дѣламъ въ укасибѣйшемъ видѣ. Но развѣ меня можно за это упрекнуть? Разумѣется, я не стану угождать ему, еще не заслужилъ этого. Вы — дѣло другаго рода. Вы несравненно стоите выше его и по уму, и по образованію, и по положенію въ свѣтѣ. Наконецъ вы — мой благодѣтель. Все мои дѣйствія были, такъ сказать, лептою благодарности, а благодарность есть чувство и принадлежность дунтъ высокихъ.

Журавлевъ (съ неудовольствіемъ и дидактически). Да, но у меня не было и нѣтъ такихъ дѣлъ, за которыя бы васъ могла упрекнуть совѣсть. Первый долгъ человека — это соблюденіе вѣчной правды, неизмѣняемой справедливости и поддержаніе общественнаго порядка. Я держусь постоянно этихъ принциповъ и постоянно руководствуюсь ими во всемъ.

Розоновъ. Это точно-съ. Я говорю это не къ тому, а собственно хотѣлъ выразить, что все это клевета. Но согласитесь сами, обидно, что какой иди Голоскинъ, съ своею шайкою, смѣетъ распоряжаться судьбою человека, класть на него пятно, — смѣетъ требовать къ себѣ уваженія; и когда не успѣлъ меня привлечь къ себѣ и возстановить на васъ, не успѣлъ заставить меня всеми мѣрами вредить вамъ и дѣлать непріятности, такъ оклеветалъ и наложилъ такое посрамленіе.

Журавлевъ. Ну, мнѣ вредить какомунибудь Головкину мудрено.

Розоновъ. Да что вы думаете, Иванъ Сергѣевичъ, — онъ какъ собачонка, какъ дворничка, готовъ лаять на слона. Конечно, большаго вреда не сдѣлаетъ, а неприятностей кучу. Мало ли на что меня склоняли! Вотъ новаго исправника выберутъ, тогда изволите увидѣть сами. Всѣ эти Никоновы и тому подобныя вамъ кланяются, обѣщаютъ золотыя горы, чтобы попасть на мѣсто, а сами потихоньку стовариваются съ Головкинымъ; всѣ эти кандидаты, тайно или явно, принадлежатъ къ его шайкѣ. Сама же смѣются: пусть, говорятъ, выберетъ насъ только Иванъ Сергѣевичъ, мы его уважимъ.

Журавлевъ (вспыхнувъ). Это вздоръ! Быть не можетъ.

Розоновъ. Чего же мнѣ лгать, Иванъ Сергѣевичъ! Клянусь вамъ моими дѣтьми, будь я проклятъ, не дойди до дому, чтобы мнѣ дѣтей моихъ не видать, если это не правда.

Журавлевъ (встаетъ и прохаживается съ досадою по комнатѣ, Розоновъ тоже встаетъ). Не можетъ быть!

Розоновъ. Угодно, я вамъ образъ поцалую, Иванъ Сергѣевичъ? Чего же мнѣ лгать, я служить болѣе не намѣренъ, послѣ всего этого. Для меня кто ни будь исправникомъ — все равно; но пѣня ваши благодѣянія, я долженъ предупредить, что всѣ кандидаты изъ шайки Головкина. Вы сами извольте взять въ соображеніе, что всѣми, не принадлежащими къ вашей партіи, управляетъ Головкинъ. Въ немъ видать какого-то молодца, генія, что онъ осмѣлился лаять на васъ, или, какъ онъ говоритъ, бороться съ вами. Они не понимаютъ, что вы по милости своей только не раздавили его, какъ мошку. Наконецъ, если вы выберете чепуха порядочнаго, который и радъ бы постараться былъ сдѣлать чтонибудь для васъ, да у него не хватитъ умѣнья. Здѣсь нужна опытность, Иванъ Сергѣевичъ! Вотъ, какъ я прослужилъ двѣнадцать лѣтъ, такъ ужъ могу сказать, знаю дѣло: меня не обморочитъ Головкинъ, да и секретарь за носъ не поведетъ.

Журавлевъ. Ну, что же, еще на шесть лѣтъ хочешь? (Садится).

Розоновъ (садится тоже). Нѣтъ, Иванъ Сергѣевичъ, я больше служить не могу и не хочу. Пора отдохнуть.

Журавлевъ. Врешь, вѣдь хочешь. Я по глазамъ вижу; наконецъ, къ чему ты все это несъ, столько чепухи нагородилъ, если не хочешь самъ въ исправники.

Розоновъ. Ей-Богу не хочу, Иванъ Сергѣевичъ. Говорилъ я изъ моего усердія къ вамъ и искренней благодарности.

Журавлевъ. Что жь, карманъ, значить, набилъ довольно?

Розоновъ. Гдѣ набилъ, Иванъ Сергѣевичъ! Что у меня есть? Только что по міру не пойду.

Журавлевъ. А деревни, а домъ?

Розоновъ. Много ли тутъ всего-то! Вотъ извольте посмотреть, какъ другіе будутъ набивать карманы; въ двѣнадцать-то лѣтъ не столько приобретутъ. А я что нажилъ? А не хочу слушать такъ потому, что надоѣло, потому что видишь одинъ только непріятности.

Журавлевъ. Вѣрно бока болятъ, били много?

Розоновъ. Кого? меня?

Журавлевъ. Да.

Розоновъ. Нѣтъ, не приводилъ Господь дожить до этого!

Журавлевъ. Небось попадало?

Розоновъ. Бить меня не бивали, а доложу вамъ, вотъ гусаръ какой-то, на Угости мерзостей надѣлалъ.

Журавлевъ (улыбался.) Ну, что же онъ сдѣлалъ?

Розоновъ (довольный, что вызвалъ улыбку на лицѣ своего патрона). Пріѣхалъ равъ я на слѣдствіе въ Угость и остановился на станціи. Послѣ обѣда, знаете, прилегъ отдохнуть за перегородкой. Сплю. Только вдругъ колокольчикъ. Слышу, какой-то проѣзжающій ввалился въ большую комнату, шумъ поднялъ на всю деревню, хоть святыхъ вонъ унеси, кричитъ, ругается. По голосу слышно, что выпивши должно быть. Только смотритель, чтобы, знаете, усмирить его и говорить: «тише, не извольте шумѣть! здѣсь капитанъ-исправникъ отдыхаетъ!» Чортъ его за языкъ потянулъ обо мнѣ сказать, каналью! Проѣзжающій и заревѣлъ: «а-а-а! капитанъ-исправникъ! а гдѣ этотъ куроцапъ?» — Здѣсь, за перегородкой! говоритъ смотритель. Идетъ, слышу, ко мнѣ. Я лежу, притаился, будто сплю. Вошелъ онъ, осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы, да и говоритъ: «экая свинья какая! отъѣлся какъ! Тьфу ты, скотина! весь курами набить! Треснетъ отъ жиру! Эй ты, куроцапъ!» Я лежу—ни гугу, даже всхрапываю. Что, думаю, отъваться, авось отвяжется. Не тутъ-то было! Принялся онъ на меня плевать. Цлюетъ да приговариваетъ: «ахъ ты скотина, свинья! боровъ откормленный! Проснись ты, сало свиное!» Я все молчу. Встать, такъ надобно отстаивать свою честь, пожалуй прибѣгъ или, чего добраго, и убить такому сорванцу не

долго. Наплеваясь онъ дворовъ, наконецъ подошелъ поближе и сдѣлалъ такую мерзость, что и сказать совѣстно.

Журавлевъ (замысливъ—заочетъ, что онемъ правится Россому). Ну, а вы что? Ха-ха-ха!

Розоновъ. Я лежу. Что жь тутъ съ нимъ дѣлать, не стрѣлять же! Хотѣлъ я позвать египетскія, да думаю, только пошевельнусь, такъ искалѣчить. И знаете, не хорошо было явиться въ мокромъ видѣ. Къ счастью, тутъ сказали ему; что лошади готовы. — «Ну прощай, говоришь, скотина, некогда мнѣ теперь съ тобой возиться!» Съѣлъ и убѣжалъ. Посмотрѣлъ я въ книгу: какой-то гусарскій корнетъ проѣхалъ въ домовой отпускъ, а напишутъ хоть бы генералу....

Журавлевъ. Ну, а Пансовъ какъ побилъ?

Розоновъ. Это ужь напрасно, Иванъ Сергѣевичъ: точно, онъ на базарѣ разъ меня кнудомъ перепоясалъ, да и только; ну и я его тоже.

Журавлевъ. А говорятъ, что онъ вскочилъ къ тебѣ въ коляску да задалъ такую вытрепку, что чудо. А потомъ, когда онъ тебя отпустилъ и хотѣлъ соскочить изъ коляски, ты вырвалъ у кучера кнудъ да и ударилъ его, а онъ кнудъ отнялъ и выколотилъ изъ тебя пыль отличнѣйшимъ образомъ.

Розоновъ. Напрасно, Иванъ Сергѣевичъ. Конечно, я неповоротливъ такъ, какъ онъ. Такъ въ немъ чуть душа держится.

Журавлевъ. За что это онъ тебя?

Розоновъ. Все по вашему дѣлу, Иванъ Сергѣевичъ. На его мужика пало подозрѣнiе, что онъ съ вашего завода сахаръ крадетъ. Трофимъ вашъ какъ написалъ, я сейчасъ и налетѣлъ, да ничего не нашелъ, а мужика все-таки отпоролъ для страха; за это у насъ и началась ссора... Вотъ посмотримъ, кто для васъ такъ будетъ стараться, какъ я.

Журавлевъ. Да, а Порожнѣву продалъ меня....

Розоцевъ (съ чувствомъ обиженаго достоинствъ).. Продалъ! Поишуйте, Иванъ Сергѣевичъ, какъ же я могу васъ продать? что я за подлецъ такой! Тварь безчувственная, что ли? И наконецъ, что мнѣ Порожнѣвъ, — тѣоу сущее! Что онъ? Сегодня до него пошло дѣло, такъ онъ, пожалуй, радъ золотая горы сулить, а завтра нищя его; а вы всегда съ нами. Вы — дворянннхъ, украшенiе нашего уѣзда, а онъ что? — дрянъ! Нельзя было ничего сдѣлать; тогда вашъ Трофимъ ошнфку сначала сдѣлалъ, а потомъ Голов-

кинъ такъ глава уставилъ и уши навестришь, что ужасъ. Нельзя было никакъ отвертѣться.

Журавлевъ. Уже этотъ мнѣ Головининъ!

Розоновъ. Смотрите, что теперь будетъ, когда исправника выберутъ изъ его шапки!

Журавлевъ. Ну, Никоновъ благородный человекъ.

Розоновъ. Онъ на это мѣсто не годится. Онъ, я вамъ доложу, будетъ все исполнять по мертвой буквѣ закона.

Журавлевъ. Да и важнѣе сдѣлать для этого мѣста. Такъ Головкинъ хотѣлъ, чтобы я поддержалъ когонибудь изъ его партіи — и потомъ осмѣять, одурачить меня?

Розоновъ. Клянусь вамъ, Иванъ Сергѣевичъ.

Журавлевъ. Ну ты — хочешь быть исправникомъ?

Розоновъ. Нѣтъ-съ, Иванъ Сергѣевичъ....

Журавлевъ. Полно врать! Говори безъ притворства, а то не вею выбирать. Да впрочемъ, тебѣ вѣдь губернаторъ запретилъ балотироваться.

Розоновъ. Это я надѣюсь уладить.

Журавлевъ. Только я уже просить не буду. Мы съ нимъ не въ такихъ отношеніяхъ, чтобы я могъ его просить.

Розоновъ. Я самъ улажу это дѣло. Такъ и быть, чтобы услужить вамъ, еще лѣтъ шесть промаюсь.

Журавлевъ. Для меня?

Розоновъ. Ей-богу, собственно изъ желанія услужить вамъ, Иванъ Сергѣевичъ, чтобы уничтожить вашихъ враговъ и не дать имъ торжествовать.

Журавлевъ. Теперь ты такъ говоришь, а тамъ Головкину угождать будешь.

Розоновъ. Нѣтъ, не дожить ему до этой чести, чтобы я ему поклонился. Онъ врагъ вамъ, а потому и мой: ваши враги и мнѣ враги, Иванъ Сергѣевичъ. А вотъ увидите, какъ я скручу Головкина, какъ буду исправникомъ. Я его дожду!

Журавлевъ. Да теперь-то все обманешь, а выберутъ, такъ другое заносешь.

Розоновъ. Вотъ вамъ Богъ, клянусь вамъ Создателемъ, чтобы мнѣ дѣтей не видать, будь я проклятъ огнемъ и дѣвками, если только чтонибудь подумаю, не только сдѣлаю не по вашему. Чтобы провалиться мнѣ сиверы землю! Слуга буду просто за благожеланія ваши! Вѣдь я не камень, Иванъ Сергѣевичъ!

Журавлевъ. Вѣдь тебя балотировать и поддержку и въ

губернскомъ правленіи и въ Петербургѣ, только смотри, у меня держи ухо востро, не то подь судъ унесу.

Розоновъ. Пожорю васъ благодарю. (Бросается цаловать руки Журавлевъ не даясь. Розоновъ падаетъ цолу его жалата), Увидите сами, какъ я заслужу.

Журавлевъ. Отъ Трофима получать будешь шестьсотъ рублей по прежнему, за особымъ дѣла — особый расчетъ. Только смотри, чтобы Порожневыхъ не было.

Розоновъ (въ припадкѣ восторга). Цовѣрьте ужь.... Увидите! Не знаю, какъ и благодарить васъ! Ну, да на дѣлѣ увидите.

Журавлевъ. Заѣзжай ко мнѣ послѣ завтра передъ выборами.

Розоновъ. Слушаю.

Журавлевъ. Ну, прощайте!

Розоновъ. Награди васъ Господь Богъ, за ваши добродѣтели. (Уходитъ.)

Журавлевъ. Негодяй.... А другаго такого исправника не найдешь. Во-первыхъ, Головкинъ его терпѣть не можетъ. Они враги и не покуматся; во-вторыхъ, онъ совершенно какъ сдуга мнѣ. Я имъ могу располагать какъ крѣпостнымъ, онъ въ моихъ рукахъ. Онъ знаетъ, что я его могу въ бараній рогъ согнуть, если онъ что нибудь сдѣлаетъ не по моему.

СЦЕНА V.

Общая зала въ трактирѣ, довольно грязная, довольно закопченная; нѣсколько отдѣльныхъ столиковъ съ грязными судками, съ уксусомъ, горчицею и проч. На потолокъ виситъ люстра старинной формы и ваза, покрытая пылью. У одной стѣны машина. Зала наполнена помѣщиками. Кто обѣдаетъ, кто пьетъ, кто куритъ. Полосые бѣгаютъ. Машина залита русскими пѣснями, въ особенности мателлицею и комаринскою.

Молодой человекъ въ очкахъ (со стаканомъ вина въ рукахъ). Да это правда, предводитель лицо важное! его надобно выбирать подумавши.

Нѣсколько голосовъ. Эхъ, Андрейнъ Сергѣевичъ! Надобно же ему было умереть! Вотъ былъ предводитель такъ предводитель!

ПЕРЕУЧЕННЫЙ (молодой человек, кончивший курсъ въ университетѣ, и по мнѣнію сосѣдей переучившійся такъ, что заврается. Онъ склоненъ къ отрицанію всего существующаго въ увидѣннѣ мѣрѣ.) Что же онъ сдѣлалъ!

Нѣсколько голосовъ. Хлѣбосоль былъ, добрякъ! Обѣды дѣлалъ такіе, что прелесть просто! Любилъ поѣсть!

ОТДѢЛЬНЫЕ ГОЛОСА.

— Нѣтъ-съ, я вамъ скажу, любилъ угостить!

— Что дѣлалъ? кормилъ насъ превосходно!

— А доброта-то кака! вѣжливость!

Молодой человекъ въ очкахъ. Это вещь важная. Вотъ я вамъ скажу случай со мною. Когда я принялъ въ управленіе имѣніе свое, я любилъ уже черезъ-чуръ, знаете, того... кутнуть. Ну-съ, Розонови и тому подобные крикъ подняли, что я промотаю все. Вотъ кто-то надоумилъ Андреяна Сергѣевича, — вѣдъ глушь былъ покойникъ, — что онъ, дескать, предводитель, и долженъ остановить меня. Хорошо. Присылаетъ онъ ко мнѣ приглашеніе. Я прѣзжаю, а дѣло, надобно вамъ сказать, было зимою. Онъ встрѣчаетъ меня, — ужъ знаете, какъ всегда встрѣчалъ Андреяна Сергѣевичъ! Душа человекъ! Наконецъ, поговоривши о томъ о другомъ, вѣдъ онъ не хуже Розоновой любилъ посплетничать, — переминается этакъ и говоритъ: вы, говорить, молодой человекъ, позвольте мнѣ, старику, вамъ посовѣтовать.... вы, говорить, того.... то есть.... водку пьете?.... Я говорю: какъ же, пью, Андреяна Сергѣевичъ, пью! Покорно благодарю, не откажусь, холодно! Я прозябъ и съ удовольствіемъ выпью! Тотъ дѣлать нечего — позвонилъ, велѣлъ подать водки, я выпилъ рюмку, заставилъ и его выпить, и попросилъ графинчикъ поставить возлѣ меня на столикъ. Ну-съ, вижу, опять Андреяна Сергѣевичъ жметъ, точно животъ у него разболѣлся. Вы, говорить, началъ онъ опять, въ карты любите поиграть?... Съ большимъ удовольствіемъ, говорю я, сыграете, сыграете! Я люблю перебросить картишки. Да и дѣлать-то больше нечего: такъ сидѣть скучно! Покойникъ растерялся и не опомнился, какъ очутился за столомъ и заложилъ мнѣ банкъ. Я взялъ съ него семьсотъ рублей, пообѣдалъ, выпилъ и уѣхалъ!

Общій смѣхъ и восклицанія: «браво! отлично! великолѣпно!»

Молодой человекъ въ очкахъ. Вотъ не забылъ же человекъ долга гостепріимства! Другой бы вѣдъ надѣлалъ пожалуй непріятностей; а этотъ сейчасъ понялъ, что взялся не за свое

дѣла. А каково хлѣбосолюство-то, вѣдь онъ никогда въ карты не игралъ, а тутъ сѣлъ!

ГОЛОСА.

— Превосходный, мудрый человекъ!

— Прекрасная душа!

— Говяспринимать насое!

— Кто у насъ его зашлеть!

ПЕРВУЧЕННЫЙ. Вѣдь сами же сознаетесь, что онъ былъ глухъ.

ГОЛОСА.

— Такъ что же?

— Недалекъ!

— Просто глухъ!

— Развѣ предводителю нуженъ умъ?

— Развѣ по уму предводителя выбираютъ?

— Зачѣмъ намъ умъ?

ПЕРВУЧЕННЫЙ. Какъ же предводитель дуракъ?

Пожилой господинъ съ бородавкой (съ ирономъ). И прекрасно! Батинька, развѣ вы не знаете, что отъ предводителя требуется, во-первыхъ, хорошій столъ, чтобы онъ кормилъ хорошо и почаще давалъ обѣды, и для этого—второе: чтобы онъ имѣлъ состояніе, потому что безъ состоянія невозможно кормить хорошо. Ну, такъ здѣсь ума не надобно.

ПЕРВУЧЕННЫЙ. Но какъ же дѣла?

Пожилой господинъ съ бородавкой. Какія дѣла? Развѣ предводитель станетъ корпѣть надъ бумагами, какъ приказный, что это вы? Что нужно и письмоводителю сдѣлать; экая какая фигура — бумаги! дѣла! Да чортъ ихъ побралъ бы!

ПЕРВУЧЕННЫЙ. Да вѣдь вы сами отъ этого терпите. Вы жалуетесь на правосудіе, зачѣмъ же вы выбираете такихъ лицъ въ судьи и предводители, которые васъ не хотятъ и не могутъ защитить, а напротивъ, еще терзаютъ васъ. Это все равно, что набрать змѣй, обвинить ими все тѣло и потомъ жаловаться, что онѣ жалятъ!

ГОЛОСА.

— Это фразы!

— Экъ куда хватили!

— Это вы начитались въ книгахъ, а на дѣлѣ не такъ!

— Тутъ не философія, а практика.

— Не нами началось!

— Господь терпѣлъ и намъ велѣлъ!

Т. LXXXI. Отд. I.

— Эй, мальчик! бутылку портвейну.

— Берн, ты, тетеря, да давай, что тамъ еще,

— Бутылку шампанейки!

Господинъ красивой наружности. Решаеъ, какъ выбираемъ? Выбираютъ богатые, Журавлевы, а мы, шибко для баласту, — ничего не значимъ. Отъ этого и выбираютъ известныхъ негодяевъ, потому отъ нихъ и платятъ. Они же всенъ угождаютъ богачамъ, а насъ давить.

ГОЛОСА.

— Кого же намъ выбрать въ предводителя?

— Кого же въ самомъ дѣлѣ?

Одинъ голосъ. Лапина!

ГОЛОСА.

— Вотъ нашли!

— Скупердяй!

— Подавился отъ скупости надъ деньгами.

— Хлѣбъ одишь жрать.

— Да у него и повара-то нѣтъ!

Другой голосъ. Сомова!

ГОЛОСА.

— Что въ немъ?

— Триста душъ, — какой это предводитель!

— Да и мудренъ больно, все говорить объ ученыхъ предметахъ.

— Тоже столь плохонекъ.

— Да и не знатенъ, живетъ себѣ въ глуши, какъ тараканъ за щепкою.

— Зачитался!

— Переучился! Ха, ха, ха!

— Порцію биштекса!

— Водки!

— Трубку!

— Огня!

— Эй, мальчик, катай мятелицу.

Голосъ. Генерала Власьева!

ГОЛОСА.

— Вотъ это такъ!

— Вотъ хлѣбосоль, вотъ истинно русская душа!

— Ангель, а не человекъ!

— Вотъ онъ можетъ быть представителемъ нашего дворянства!

Молодой членчикъ въ очкахъ. Позвольте, господа, позвольте! Его выбрать — съ нашей стороны будетъ глупость. Позвольте, я сойду за обязанность. Дѣла въ томъ, что мы и безъ того шлемъ и идёмъ у него иногда хотѣть, — такъ что за находка если онъ будетъ предводителемъ? Журавлеву врядъ ли понравится этотъ выборъ. Надобно выбрать когонибудь другаго, чтобъ можно было поѣсть и тамъ, и у Власьева.

ГОЛОСА.

- Правда!
- Дѣшно!
- Умно!
- Но кого же выбрать?
- Мулова!

Назарьевъ. Его Иванъ Сергѣевичъ не захочетъ.

ГОЛОСА.

- Хитерь.
- Иезунтъ!
- Бѣдень и скупъ!
- Жена всегда растрепана и въ ситцевомъ платьѣ.
- Ну кого же? И выходитъ, что некого!

Назарьевъ. А Козелкова!

ГОЛОСА.

- Ба! въ самомъ дѣлѣ!
- Богатъ и будетъ кормить хорошо.
- Прекрасно! Лучше и искать нечего.
- Это будетъ такой предводитель, что ай, разлюли, малина!
- Прелестъ!
- Вѣдь онъ не хуже покойнаго Андреяна Сергѣевича будетъ!
- Нѣтъ-съ, почище!
- Пожалуй, что лучше.
- Эй, мальш! пусти-ка «Лучинушку»!
- Нѣтъ, лучше какойнибудь тамъ маршъ побѣдный!
- Трубку!
- Кофею!
- Bravo, вотъ такъ предводитель!
- Ну что вы пропали всѣ, никакъ васъ не дозовешься! два часа битыхъ я не могу себѣ допроситься вина!
- Огня! Экая скотина!
- Что это за гадость мнѣ подали? Пошелъ перешивки.
- Да, предводитель рѣдкій.

Назарьевъ. Его Иванъ Сергѣевичъ очень любить. Онъ черезъ Ивана Сергѣевича можетъ все сдѣлать.

Молодой человекъ въ очкахъ. Онъ человекъ-то съ влияніемъ, только глупъ, глупъ непроходимо, въ головѣ — шаль, ошала дѣла Магдалина, да и по наружности страховня и гробовня! А ничего, предводитель будетъ отличный!

Переученый. Вы говорите, что онъ глупъ?

Молодой человекъ въ очкахъ. Какъ сто свиней!

Всѣ. Ха, ха, ха!

Переученый. Какой же онъ будетъ предводитель?

Нѣсколько голосовъ. Кого жъ по вашему?

Переученый. Ну хоть Головкина.

Всѣ (съ ужасомъ). А Иванъ Сергѣевичъ-то что скажетъ?

Переученый. А что вамъ до него? Вѣдь для васъ нуженъ предводитель, для вашихъ нуждъ,—ну и выбирайте для себя.

ГОЛОСА.

— Идти противъ Ивана Сергѣевича!

— Вы просто съума сошли!

— Это ужъ изъ рукъ вонъ!

Переученый. Козелковъ хорошъ предводитель! Представитель всего дворянства!

Пожилой господинъ съ бородавкою (съ жаромъ). Потягайтесь-ко съ нимъ подите! Онъ васъ съ вашею физикою, да астрономіею туда запрячетъ, что у-у! Вотъ и глупъ, а вы умны, учены, а ничего не сдѣлаете съ нимъ. За него вонъ Журавлевъ, а въ Петербургѣ знакомая танцовщица на содержаніи у одного графа и дѣлаетъ изъ него, что хочетъ. Козелковъ слово ей, она графу—такъ вашего не останется и праху!

ГОЛОСА.

— Ха, ха, ха! Славно!

— Ха, ха, ха! Bravo!

— Да что тутъ толковать — Козелкова!

— Предложить ему!

Назарьевъ. Господа! прежде предложить надобно Ивану Сергѣевичу, онъ откажется—тогда Козелкова. Знаете, честь сдѣлать надобно.

ГОЛОСА.

— Отлично!

— Поднести ему шары на рукавъ.

— Дѣло рѣшено!

— Что же ты маршъ, ей тетеря, зачелософствовался!

Машинка играетъ маршъ, помѣщанинъ чокаются, пьютъ, шутятъ и дурачатъ. Въ этомъ caosѣ невозможно ничего разобрать. Все общество раздѣлилось на отдѣльныя группы. Группа 1-я: Назарьевъ и три толстыхъ господина.

Назарьевъ (тихо, съ таинственнымъ видомъ). Вотъ бы удрать штуку: упросить Сомова балотироваться въ предводителя, да и пустить черняками; знаете, чтобы посбить спѣси-то, а то вишь онъ ученый, а мы неучи!

Толстый господинъ съ сапомъ. Это будетъ въ самомъ дѣлѣ мастерская штука. Это надобно устроить.

Два другіе. Мы объ этомъ похлопочемъ.

Толстый господинъ съ сапомъ. Отличная штука! Пусть-ка тогда отпустить свою ученую насмѣшку. Одурачить его! Вотъ воображаю, будетъ важничать-то, когда ему предложить балотироваться въ предводителя; носъ задеретъ, а тутъ его черняками, черняками!

Назарьевъ. Безъ прогоновъ прокатимъ на вороныхъ, такъ что небо съ овчинку покажется!

Толстый господинъ съ сапомъ. Иванъ Сергѣевичъ, я думаю, будетъ очень доволенъ, — вѣдь онъ его не любитъ.

Назарьевъ. Еще бы! Что такое Сомовъ? — дрянъ, и никогда не хочетъ поклониться Ивану Сергѣевичу, покориться. А какъ хотите, господа, такихъ настоящихъ вельможъ какъ Журавлевъ — не много. Вельможа, настоящий вельможа! Вѣдь шутка ли, около милліона серебромъ получаетъ доходу въ годъ; въ Петербургѣ всѣ министры, графы и князья — друзья съ нимъ, онъ съ ними за панибрата! А и насъ не отвергаетъ, бѣдныхъ дворянъ.... Ну, что я передъ нимъ такое? А онъ и со мною говоритъ, допускаетъ меня къ себѣ, я осмѣливаюсь бывать у него. Право, какъ подумаешь, кто онъ, и кто я, — такъ на сердцѣ, знаете, сдѣлается какъ-то того.... (Дѣлаетъ движеніе рукою). Самъ даже въ своихъ гдавахъ увеличиваешься, растешь, умножаешься!

Толстый господинъ съ сапомъ. Это совершенно еще вѣдливо. А какія онъ дѣлаетъ геніальныя вещи! Вѣдь онъ просто геній, Марья Игнатьевна!

Назарьевъ. Геній, Константинъ Давыдовичъ! Я никогда не забуду, какъ горѣлъ его теткинскій заводъ. Пріѣзжаетъ онъ на пожаръ. Пламя такъ океаномъ и разливается, пламя такъ и по-

жираетъ бурно все—и заводъ, и произведеніи дурности. Другой бы растерялся, не зналъ что дѣлать, а онъ въ уши. А онъ окинулъ все своимъ взглядомъ, велѣлъ собирать изъ ближайшихъ деревень плотниковъ и вонять лѣсъ. Пожаръ свѣршпствуетъ, а тутъ уже вонять лѣсъ для постройки новаго завода! Только успѣли растащить старый обгорѣлый заводъ, какъ заложили уже новый на горячей золѣ, чуть не на пылающихъ угляхъ. Геній!

Одинъ изъ помѣщиковъ. Ему можно такъ дѣйствовать, когда лѣсу строеваго всегда наготовѣ пропасть, рукъ не нанимать—слишкомъ двадцать тысячъ душъ и миллионъ рублей годоваго дохода. Чего тутъ унывать! Я бы самъ не унылъ. А вотъ пусть-ка у него загорится послѣдній домишка, да построить не на что и некъмъ, вотъ тогда поневолѣ уныніе найдетъ.

Назарьевъ. Нѣтъ, вы бы такъ не распорядились—дай вамъ вдесятеро больше.

Тотъ же помѣщикъ. Дѣло естественное: тѣмъ скорѣе отстроишь заводъ, тѣмъ скорѣе доходъ съ него опять получишь; тутъ каждая минута дорога, тысячи приноситъ.

Назарьевъ. Все это хорошо на словахъ, а на дѣлѣ вы бы такъ не распорядились. Теперь, это вы скажете не геніальность: сидитъ онъ за столомъ, не кончилъ обѣда, вдругъ онъ встаетъ: лошадей! — Лошади у него всегда готовы, у жены всегда день и ночь уложены особенныя вещи для дороги въ чемоданахъ, тамъ гардеробъ и прочее. Едва успѣетъ жена его надѣть шляпку, какъ они уже летятъ въ Петербургъ, въ Парижъ, а черезъ двѣ недѣли они уже опять дома, въ деревнѣ.

Тотъ же помѣщикъ. Вотъ это, я согласенъ, геніальность....

Назарьевъ. Нѣтъ-съ, далеко намъ до него. Миллионъ дохода—и принимаетъ насъ и говоритъ съ нами. Дайте мнѣ миллионъ, да я бы, кажется, не взглянулъ бы ни на кого!

Толстый господинъ съ сапомъ. Ну, время и домой.

Назарьевъ. Что дѣлать дома-то! Не метнемъ ли банчишку, а то вы вѣдъ меня какъ липку обобрали.

Толстый господинъ съ сапомъ. Сперва коммерческую.

Назарьевъ. Пуденку? Ну, ладно: Экин проклятаи вольшорка, до есиа нѣръ забыть не могу!

Другая группа: Молодой человекъ въ охотн. шапкѣ, пожилой господинъ съ вгородкою, Помѣщикъ Пастриковъ, кушающій съ нечеловѣческимъ аппетитомъ и съ большою жадностью; и два высокихъ, худыхъ брата Мартыновичи, известные подъ именемъ «мартышекъ».

Пожилой господинъ съ бородавкою. Наконецъ отыскалъ предводителя!... Она съдвинула кивкомъ голову, немого и выбрала.

Председатель: (вспомогая): Будете кормить!... Поглядите! (Жестъ такъ, что бы указали трюки).

Пожилой господинъ съ бородавкою. А вѣдливо-го, вѣдливо, вы упустили изъ виду!

Молодой человекъ въ очкахъ. Гдѣ это они позачакали съ этою танцовщицею?

Пожилой господинъ съ бородавкою. Да, вотъ толкуйте, что глупъ, а онъ глупъ-то глупъ, а себѣ на умѣ, — отмочить такую историю, выкинуть такую штуку, что и умному любу дорого выдумать! Поѣхалъ онъ въ Питеръ, знаете, купитъ: должно быть тамъ дураковъ не видали. Ну вынулъ тамъ зыбковаго, сына Дудковского предводителя, онъ тамъ въ лейбъ-гусаряхъ служитъ; ну, они тамъ вѣдять кутили, бабын это вѣдѣ. Какъ-то они повстрѣчали эту танцовщицу, тотъ ей представилъ Козелкова. Танцовщица умирала-сыбалась, говоря съ нимъ, а вѣдливо всего надъ нимъ, потому что онъ какъ только раскрыветъ ротъ, такъ и совретъ страшнѣйшую глупость; — тамъ болвановъ, я думаю, въ Петербургѣ съ основанія его не бывало. Только Козелковъ рассказываетъ съ восторгомъ, что онъ имѣлъ честь говорить съ этою танцовщицею, которая привилась быть въ избранномъ обществѣ аристократинъ, такъ что у ней бывало только предъ собою князьями, да министрами. И преслѣзливо рассказываетъ, — вѣдъ вы знаете, какъ онъ шепелявилъ и млостелъ, когда говоритъ. — Малый, трубку! — Ну-съ, на другой день Козелковъ не будь просто, ни съ того, ни съ сего, хлѣтъ ей подарковъ въ тысячу тысячъ! А? каново? — вотъ вамъ и глупъ!

Председатель. Молодецъ!

Пожилой господинъ съ бородавкою. Вѣдъ вы не молодецъ! Вотъ и вспомнилъ, и вѣдѣть сильную руку...

Молодой человекъ въ очкахъ. Что же онъ за дело — молодецъ?

Пожилой господинъ съ бородавкою. Ну умъ я вѣдчилъ! Не даю ради волочиться, да еще за графскими... Онъ вонъ у своей Матрешки цѣлый годъ благожелательски не малъ, омижденья просилъ: беретъ, шалаша, подарки — и ни съ мѣста, только сѣдется надъ нимъ; такъ ужъ онъ ее на коншинъ отпоролъ, такъ добился. Оказалось, что кучеръ Махѣйка его опередилъ. Онъ

тогда и Михайку въ солдаты сдать. А то, за графскими!.. Нѣтъ, батюшка, намъ туда нечего соваться, — а и то честь, когда познакомиться, зайти, поклониться! — и то дѣласть мѣсто. Вотъ просто на улицѣ встрѣтилъ да поклонился, какъ же тебѣ иначе глядеть, сейчасъ увидишь къ себѣ почтеніе. Намому брату, деревенникѣ, въ передней постоять у такой особы — и то честь; а то еще волочиться! Да обратитъ ли она вниманіе, я какъ смѣлъ передъ графомъ!.. Нѣтъ-съ, это несообразное дѣло. Вотъ онъ былъ вѣжливъ, почтителенъ и имѣетъ сильную руку.

Молодой человекъ въ очкахъ. А она имѣетъ базной вѣсь!

Пожилой господинъ съ бородавкой. Что скажете графу, то и свято. А графъ и самъ по себѣ лицо важное, и имѣетъ, разумѣется, и связи, и знакомства.

Молодой человекъ въ очкахъ. Чортъ возьми!

Мартышка № 1. Да, счастливцевъ Ковалковъ! Подумайте, какое знакомство!

Молодой человекъ въ очкахъ. Я бы не то сдѣлалъ! Я бы приколокнулся за него такъ, что чертенокъ стало бы тонко!

Мартышка № 2. За графской-то!

Мартышка № 1. А графъ бы что скавалъ? Что бы онъ съ нами сдѣлалъ? Нѣтъ-съ!

Пожилой господинъ съ бородавкой. Да и она на васъ не обратитъ бы вниманія.

Молодой человекъ въ очкахъ. Ну, это я бы угадалъ! И ужъ на что, да на что, а на это мастеръ! Какой хотите женщины голову накружу, такъ что она будетъ безъ ума просто! Ужъ это наше дѣло! На томъ стоимъ, что не смѣемъ да ѣдимъ.

Пожилой господинъ съ бородавкой. Ну, ужъ тутъ ничего бы не сдѣлали, — разумѣется, и она не безъ грѣха; ужъ тащеница, дивъскино!

Молодой человекъ въ очкахъ. Ага! Ну вотъ видите, ли! Нужно только найтись, знаешь, съ какой стороны подходить, — словомъ, умѣть ваяться за дѣло. У меня не одна такая была!

Мартышка № 1. Счастливцевъ вы!

Пожилой господинъ съ бородавкой. Только-то ли такъ графъ на ней хочетъ жениться.

Въ одну сторону.

Мартышка № 1. На танцовщицѣ!

Мартышка № 2. На адриисѣ!

Молодой человекъ въ очкахъ. На содержаніи!

Пестряковъ. Срачь!

Молодой человекъ въ очкахъ. Это уже не престоало совершенно графу, — онъ! Я бы отъ него отвернулся, а ей бы надѣлалъ дерзостей.

Мартышка № 1. И такая дрянь будетъ графиню, вотъ счастье-то! Не лучше ли ему осчастливить какуюнибудь бѣдную дворянку!

Мартышка № 2. Это низость, просто!

Молодой человекъ въ очкахъ. Нарочно поѣду въ Петербургъ, чтобы только надѣлать ей дерзостей! Терпѣть не могу, когда люди забываются и садятся не въ свои сани. Неужели же ее будутъ принимать гдѣнибудь? Кто ее захочетъ знать тогда!

Пестряковъ. Теперь же кланяются, уважаютъ ее!

Пожилой господинъ съ бородавкой. Теперь дѣло другое! Но жениться такъ графу, — онъ! совершенно не идетъ. Да если бы мой сынъ женился не на равной себѣ, не на дворянкѣ, я бы его проклялъ! — А то графу и на актрисѣ! Вѣдь согласитесь только съ тѣмъ, что всякій, кто только является на судъ публики, уже публичный человекъ; ждетъ одобренія, нуждается въ похвалахъ. Всякій о немъ можетъ судить и ридить, хвалить и осуждать. Всѣ эти актеры, актрисы, писатели, сочинители — люди болѣе или менѣе публичные! Съ ними, кто говорить, можно быть знакомымъ, поощрять ихъ таланты, такъ какъ они обязаны забавлять насъ; занимать; но вступать въ союзъ, родниться! — воля ваша, не слѣдуетъ. Очень весело имѣть родныхъ гаеровъ, которые хлопаютъ и свистутъ, которые только и живутъ, чтобы потѣшать публику. Онъ публичный человекъ и живетъ ужъ не для себя, а для другихъ, чтобы другимъ было весело. Онъ долженъ стараться потѣшать насъ отъ нечего-дѣлать. Это, такъ сказать, игрушки для взрослыхъ.

Мартышка № 1-й. Совершенно справедливо-съ!

Молодой человекъ въ очкахъ. Это такъ-съ! Но я люблю этотъ кругъ, чортъвозьми, артистическій, свободный. Знаете, тамъ душа на распаху и жизнь какъ-то совершенно другая, прелесть просто: веселье, любовь, вино, женщины! Эхъ, чортъ водами! вспоминишь, такъ сердце вотъ такъ — тукъ-тукъ-тукъ и заколотитъ. Да, я таки видѣлъ на своемъ вѣку!.. А вотъ я вамъ скажу, какъ я разъ отбылъ у одного старика жему, вотъ подъ носомъ у него поддобрѣлъ. А онъ, не забудете, генералъ... Мальчикъ, водки!

МАРТЫШКА № 2-й. Что же онъ съ нами сдѣлалъ?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ ОЧКАХЪ. Ровно ничего, онъ еще былъ другомъ моимъ. Да, мы тамъ искутели, пошатались на своемъ вѣку! Пойдите, пойдите о чемъ пари? (Подбѣгаетъ, хватая въ руки помѣщикамъ, которые размахиваютъ руками и спорятъ).

Нѣкоторые равняются. Оставшіеся большинство замеселъ.
Два помѣщика въ одномъ углу залы сидятъ почти фехвершенно пьяные.

ПОМѢЩИКЪ, ПОТОЛЩЕ. Нѣтъ, нѣтъ, Андрей Севастьянычъ!.. вы только подумайте, что намъ предстоитъ!... Вы подумайте!.. Вѣдь мы грѣшники? А? грѣшники?

ПОМѢЩИКЪ, ПОТОНЬШЕ. Какъ же, какъ же, Кузьма Демьянычъ!.. Извѣстное дѣло, я вотъ старосту посѣкъ, каналью...

ПОМѢЩИКЪ, ПОТОЛЩЕ. Да не въ томъ дѣло... Вышьемъ-ка! (Пьютъ). Что староста,—тьфу!... А вотъ мы—грѣшники... Такъ что ли я говорю? Отвѣчай, чортъ!

ПОМѢЩИКЪ, ПОТОНЬШЕ. Такъ, такъ, Кузьма Демьянычъ!

ПОМѢЩИКЪ, ПОТОЛЩЕ. Намъ предстоитъ геенна огненная!.. Понимаешь ты?... Идѣже огонь неугасимый!.. мученія вѣчныя, такъ, что ли? Да говори, сатана,—а то вотъ графинюмъ цушу... Я хочу, чтобъ слушали, когда я говорю... Я за это же—ну отмогилъ!... Пей... Ну такъ геенна огненная? (Пьютъ).

ПОМѢЩИКЪ, ПОТОНЬШЕ. Геенна... Кузьма Демьянычъ!

ПОМѢЩИКЪ, ПОТОЛЩЕ (со слезами). Вотъ что меня сокрушаетъ. Я часто плачу о грѣхахъ своихъ... И ты плачешь?... Плачь о грѣхахъ... а не то, скотина, графинюмъ рожу расшибу!.. Я терять этого не могу... Плакать, такъ плакать!... (Бьетъ себя въ грудь). Грѣшникъ мы... окаленные!.. адъ... подумай, вѣдь адъ... каналья ты этакой... адъ, а ты и въ усь не дуешь!... Слышь ты, Персирій!.. вѣдь ты въ адъ, негодяй, лѣзешь!.. Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!... Читай акаѣистъ Богородицъ... слышь, становитъ молиться и плакать!... (Рыдаетъ).

Группа посреднихъ залы. Мало по малу всѣ собираются сюда. Въ среднѣй группы Шестовъ, высокій черныи мужчина, довольно красивой наружности, и Костылевъ, рабой, малерыйи человекъ, похожій на гада. Оба въ подпитіи.

ШЕСТОВЪ. Эй Богу, вѣдь я тебя, ей Богу, подлеца люблю!.. А за что?.. за то, что у тебя откровенная душа, послѣдняя копѣйка на ребромъ. Ты нескрываетъ!

КОСТЫЛЕВЪ. Нѣтъ, вѣтъ, бытъ скрывать!..

ШЕСТОВЪ. Слушай! Я говорю; ты нескрываетъ... всегда го-

того угостить, намъ нужна болѣе. Чеснемся! (Чеснется къ вѣдѣ).
Последній грѣхъ проделаю... Вотъ это я люблю!... Купнуть въ
вечеряніи ты старователю!... Манги не купишь!..

Костышевъ. Не купишь!

Шестовъ. И я говорю, дряни этой не купишь, на подарок до-
негъ не бросишь, а променяю какъ слѣдуетъ съ прителемъ!.. За
то я тебя люблю... Угостить умѣешь... всегда когда, почуетъ у
тебя, раздѣвать приходится коромыска дѣвочка. — Честъ тебѣ дѣ-
лаетъ твое хлѣбосоольство... Самъ ни одной женщиной спускаю не
даю въ всей деревнѣ... Вотъ я тебя за что люблю! Дай поца-
луемъ, подлецъ! (Тянется поцаловать его и опрокидываетъ столъ). Ничего!
калоти все! Для друга можно! (Машина играетъ комаринскую).

Шестовъ. Вотъ люблю!... вотъ лихо! (Поетъ) «Ахъ собачій
сынъ, комаринскій мужикъ!» (Нусается въ прилаку). Ану, братны,
жгавомъ трепака!.. Экъ, жаль, что не деревня!... Бабъ вѣтъ, а
то откололъ бы!

Молодой человекъ въ очкахъ. Я сейчасъ антрисъ при-
везу! Мерзаякова лихо трепака откальваетъ.

Всѣ. Везите, везите!

Шестовъ. Эхъ, ходи bravo! (Самолетъ.)

Костышевъ. Ходи bravo! (Нусается трепака, подбоченясь. Онъ вы-
двѣливаетъ когтища передъ Шестовымъ; тотъ, подбоченясь, подергиваетъ плечами
и потоптываетъ ногой.)

Всѣ. Bravo! bravo! лихо! (Затмиваетъ хоромъ). «Ахъ собачій
сынъ, комаринскій мужикъ!»

Помѣщикъ, потолще. Я тебѣ говорилъ... Цорешрій!.. въ
адѣ, подлецъ, дѣвешь... Плачь!.. Не хотѣлъ меня слушать! Вотъ
тебѣ!.. (Нусаетъ въ него бутылкой; бутылка падаетъ на полъ, и всю манити
онъ слытъ.) Гесина!... адъ!..

Перкученный (*). Жалѣть ли ихъ, или презирать? Вотъ рус-
ское дворянство! Вотъ образчики ихъ мнѣній и понятій! Что же
это? Небѣжество ли, необразованье такъ исковеркало ихъ поня-
тія, изуродовало мысли, онощавало, унизило, — или, странно и не-
думно, въ нихъ заснуло, умерло на вѣки чувство чести и долга,
сознаніе неловческаго довершенія, потребностей? Разсудомъ
ихъ оставилъ, онъ затенилъ вышешъ и обжорствомъ. Въ сужде-
ніяхъ, въ поступкахъ — во всемъ живость! Понимаю, есть предъ

(*). Онъ говоритъ досада и скръбно плачетъ.

всякимъ генераломъ, предъ богачемъ, или почетъ и уваженъ. Они скажутъ какуюнибудь глупость, или слова разнесутъ и поговорятъ какъ Богъ—и съ такую мудрость, и въ тоже время готовы смотрѣть съ презрѣнiемъ на мировой талантъ, на гоним искусства, если только у него не крупный чинъ и не полные карманы! Честность, благородство, умъ, — это все лишній грузъ для нихъ, не стоящiй ни гроша! Ну вотъ прiѣхали на выборы, вѣдь знаютъ другъ друга отлично, могли бы выбрать людей достойныхъ: чтобъ правосудiе было въ присутственныхъ мѣстахъ, чтобъ это были дѣйствительно храмы закона, а не рынки, на которыхъ продается совѣсть, законъ, ближнiй, — гдѣ чуть не съ аукциона продается неправосудiе. И тотъ всегда правъ, кто больше даетъ. Будь предводитель дѣльный, настоящiй представитель дворянства—сколько бы добра-то было! Какъ бы слышенъ и силенъ былъ голосъ русскаго дворянства! А теперь, Боже мой, да людиль это? Какъ ихъ уважать, какъ ихъ слушать! Съѣдутся на выборы—последнюю копѣйку, кровавымъ потомъ мужика добытую, въ счетъ будущихъ доходовъ занятую, ребромъ ставятъ. Опухшiе отъ лѣни и отъ пьянства, съ тяжелой головой, съ желудкомъ, испорченнымъ обжорствомъ, въ какомъ-то хаосѣ, подъ влiянiемъ богатыхъ и крупныхъ, производятъ выборы. Стараются угодить, а объ себѣ не думаютъ. Забываютъ, что судья нуженъ именно для того, чтобъ защитить слабого передъ сильнымъ, бѣднаго передъ богатымъ, что предводитель долженъ заботиться о бѣдныхъ. А они, холопы, своихъ притѣснителей и выбираютъ. Дастъ генераломъ же, въ самомъ дѣлѣ, не оперить! Богатому какъ смѣть противорѣчить! Они что сказали, то свято! Съ невольными принимаютъ, выбираютъ кого приказано, а бѣднѣйшiе-то, которымъ больше давать, которымъ больше достается, не имѣютъ и голоса! Потомъ войдутъ жалобы, плачь, стоны, въ судахъ нѣтъ правды; взятки—того разорили, того пустили по миру! Сажено, и досадно, и больно слушать! Вѣдь сами же выбрали отчаянныхъ погодяевъ, нехѣтвыхъ подленцовъ! На нихъ какая-то магла оудуръ: играть въ карты, пьютъ, ѣдятъ, спятъ и больше ничего. Вонъ избиратели въ присядку пляшутъ и севернаго шлоди герцагизъ. Ну, что тутъ шептеть быть хоронаго! Да, Козловъ ихъ настоящiй представитель! У нихъ голова совершенно лишняя часть тѣла: зачѣмъ думать, зачѣмъ рассудокъ? Онъ беспоконтъ, не даетъ жить спокойно, безопасно тонуть въ омутъ, въ тинь! Они живутъ желудкомъ, живутъ, чтобъ ѣсть, пить и спать!

Желудокъ—господица всего: Одъбай обѣды, вѣсѣлутся; шорни покладе, пойдъ дѣшана. Будешь въ почетѣ, Будешь любить и уважать. Дѣла бы бѣла въ полонъ парванъ, а до головы нѣтъ дѣла. Я всегда дивлюсь, что за властичная у нихъ едина, какъ-тутути передъ всаннимъ бокитомъ и титулованннмъ. А въ деревнѣ-то гранный развратъ, мерзости! Опомнись, русское дворянство! Проснись и посмотри ты на себя! Пора себя позаванитъ такъ, чтобы тебѣ бы уважали, чтобы слушали твой голосъ! Довольно спать и угождать желудку, изолотннмъ болванамъ помваняться! Дай вѣселу, наукѣ мѣсто и уваженье долгу. Прощиннись ты максимъ и числю! Живи разсудномъ, а желудокъ пора уже отодвинуть на нѣкое мѣсто. Вступи на путь, который тебѣ укажетъ честь, наука, мысля, — и чтобы благородство дворянина тебѣ въ пути руководило! Чтобы ты действительно отличался честью, и знаме благородннмъ было не звукъ пустой, а заслуженное названіе, дожить всей жизни! Да, начинается движеніе военнаго! Впередъ, впередъ, дворяне! Но далеко еще тебѣ идти, Россія..

СЦЕНА VI.

Крестина Розоныхъ. Та же комната, что въ первой сценѣ.

Родоновъ (идитъ). Ну, вотъ таскался къ Журавлеву, тотъ согласился поддержать меня своимъ вліяніемъ. Еще бы онъ не согласился! Пусть-ка помнеть другаго такого исправника, какъ я. (Садится). Фу, усталъ! А что проку! Бѣгалъ, кланялся, просилъ, а губернаторъ не допустилъ до балотировки. Охъ, ужъ злота ннѣ губернаторъ! Онъ на меня ожесточенъ, какъ хищный звѣрь! Стыдъ бы, кажется, если бы только могъ! Враги мои ему наудель въ уши, наговорили страстей Господнихъ! Особенно дѣло съ лошадаимъ скверно, изъ рукъ вонъ гадко! Губернаторъ, говорить, предайтъ одно: Розоныхъ исправникомъ, а братъ его лошадаимъ во всему уѣзду крадетъ, да въ другую губернію перепродаетъ; а онъ его покрываетъ. Грозился меня за это въ Сибирь сослать, да и стыдъ шннхъ съ масломъ — я по слѣдствію и буду вынуденъ чинъ стеклышка! А все-таки подозрѣніе, пятно!... Вотъ тутъ дъ помогай роднымъ! Братъ вѣдь родной, нельзя не покрывать. Не обвинить же его въ воровствѣ, не поймать же съ поличнымъ

на дѣлѣ Нонсвольтъ магнаты; — думасны, брать въ сволочероді поборскость и меня, обдѣласть все шито-дрыго! А онъ разовернулся ясно, такъ что весь увидѣ знаетъ и кричать въ голосъ.... Отенъ мнѣ нужны его полтора тысячи, который онъ мнѣ далъ. Да за такую штуку, за такой скандалъ, шестѣ пяти тысячь полза възять гроша!... Что дѣлать? — брать!... Враги мои мнѣ тѣмъ не дремлютъ, подняли шумъ, сунбуръ, гвалтъ! Смольныкъ набралось съ тѣхъ поръ, какъ узнали, что мнѣ не дозволяютъ баллотироваться. И кто же самыя сместочныны? — тѣ, которые прежде казались нѣбкными, преданными друзьями. И говорю: пока человекъ имѣетъ хоть маленькое вліяніе, вой кланится ему тотомъ; а вотъ послоланысь немножко, такъ всякая ковыря; букашка, монинъ залѣзаетъ нтъ-за щели и усамн на тебя замахаетъ; готова затоптатъ, укусить, опавестить: Въ прѣжше время сдѣла забившисъ въ щель, чтобъ ее только не тронули, не задавили, а теперъ — куда тебѣ? наровитъ vybrать мѣсто пощадивъ омай нозъ нашкы; смотрите, и я умѣю кусать и жалостить! Волкнй осокъ лягается! Свались только, такъ заклюють, забьють совѣтъ! Сейчасъ Назаревъ, Дурноумовъ и Покровскій ѣдутъ, смотреть въ глаза, смѣются и не кланяются. Даже отвернулись, когда я имъ поклонился. А давно мы поддены, были друзьями-приятелями, чуть не дневали, не ночевали у меня! Эхъ, если бы мнѣ остаться исправникомъ! На зло бы имъ!... Кто-то подѣлалъ? (Смотритъ въ окно). Жена!... Ухъ, сердце замираетъ!... Знаю, увѣренъ, что прѣехала ни съ тѣмъ, а все-таки волнуясь!... (Идетъ къ дверямъ).

Голосъ Розоной (за сценой). Бога ты не боишься, разбойникъ! право, разбойникъ! За что тутъ двугривенный! Вѣдь тутъ два шага!... (Сильный голосъ извощика что-то говорить, словъ разобрать невозможно). Христіанства въ тебѣ нѣтъ!... Довольно, довольно съ тебя гривенника, за глаза довольно! Не десять верстѣ вѣтъ. Другой бы изъ христіанской души посадилъ бы, да доведъ. Видишь, ѡднѣя женщина, одна, скользко. А тебѣ гривенника мало.

Голосъ извощика (за сценой). Хотъ пятналтыничекъ положите. Прибавьте, матушка, по совѣсти, Хрета-ради. Грѣхъ, матушка, обижать такъ.

Розонова (за сценой). Сказала больше не дамъ!

Голосъ извощика. Грѣхъ у животныи отнимать, она хоча говорить не можетъ, а Богу жалитъся, что вы ее обсчитали. Пожалѣйте лошаду, прибавьте пяточекъ, матушка.

Розонова. Пошелъ вонъ! Я веду тебя шаю, наколотить, болванъ этакий! Матрена, возьми салопа, скорѣе же! Гдѣ ты сидишь, я тебя дамъ, шельма эдакая! (Подавливается въ дверяхъ).

Розоновъ. Ну, что?

Розонова (торжественно). Ну, слава Богу, обдѣлада дѣлишки! Поздравляю! губернаторъ согласился!

Розоновъ. Быть не можетъ!

Розонова. Сначала упрямился, потомъ растаялъ, нустился къ комплименту, говоритъ: передайте вашему мужу, что я противъ него ничего не имѣю, я даже расположенъ къ нему, онъ можетъ балотироваться!

Розоновъ. Ты шутишь!... Что, не признаешь?

Розонова. Тьфу! ты дубина, прости Господи, нещ осиноный! Говорятъ тебѣ, губернаторъ дозволилъ балотироваться и даже нустился въ комплименты.

Розоновъ. Да можетъ ли быть?

Розонова. Говорятъ тебѣ, — ахъ ты Боже мой!

Розоновъ. Ай да молодець! ай да душенька моя! Да правда ли? Эта такое счастье, что мнѣ не вѣрится!

Розонова. Для чего жъ я тебя буду обманывать?

Розоновъ. Ты у меня дипломатъ! молодотка!... А-а-а! теперь враги мои держитесь! Теперь я церемониться не буду. Прислужу послѣднія шесть лѣтъ, а тамъ меня хоть рассуди — вѣдь и подь судомъ живутъ же люди!

Розонова. Ты смотри, не вадумай отдыхать на лаврахъ. Помни, что еще тебѣ надобно позаботиться о шарахъ. Да еще намъ многое осталось сдѣлать. Дѣтей устроить, пора вѣдь!

Розоновъ. Знаю, знаю! Не безпокойся, матушка, все сдѣлаю. Теперь я убѣжденъ, что буду исправникомъ, мнѣ недостаало только согласія губернатора!

Розонова. Что Журавлевъ?

Розоновъ. Сказалъ, что меня выберутъ, если губернаторъ позволитъ балотироваться (Уходитъ въ другую комнату).

Розонова. Ну, слава Богу! Господь огланулъ на насъ бѣдышкой! Мои горячія слезы не пропади даромъ!

Липочка и Катенька входятъ.

Липочка. Ну, что вамъ Богъ далъ?

Катенька. Ахъ, маменька! Ну, что?

Розонова. Слава Богу, все уладилось: губернаторъ позволялъ балотироваться и Журавлевъ обѣщалъ выбрать Гришу.

Липочка и Катенька (прыгают от радости и кричат). Ги, ги, ги!

Розонова. Оглянулся на насъ Творецъ небесный, теперь у насъ все пойдетъ, какъ по маслу!

Липочка. Только, маменька, купите мнѣ то платье, что мы смотрѣли, и шаль, — а то у всѣхъ есть шали. Нынче всѣ носятъ шали.

Катенька. Да ужъ нечего сказать — дрожите надъ всякою кофийкою, а намъ надѣть нечего, повелѣнь думаютъ, что мы голыя невѣсты!

Липочка. А сами-то какъ ходите? — просто срамъ! въ какомъ-то ватномъ панотѣ, точно изъ стараго одѣяла перодѣлали.

Розонова. Кто на меня старуху смотритъ! что имъ надѣну, — все хорошо!

Катенька. Вы все отговаривались, что не знаете, останете ли паненька на мѣстѣ. Теперь паненька остается исправникомъ; надѣюсь, что насъ можно одѣть и вывозить.

Липочка. Разумѣется! Что мы дома-то толкаемся, какіе тамъ женихи. Вотъ здѣсь — другое дѣло, поѣхать бы въ собраніе, въ театр.

Катенька. Вы мнѣ еще должны купить брильянтовое кольцо.

Липочка. И мнѣ тоже.

Катенька. У тебя же есть съ лирой и со стрѣлами.

Липочка. То старое.

Катенька. А у меня такъ никакого нѣтъ.

Липочка. И я хочу имѣть новое. Можешь сама тогда надѣвать старое.

Розонова. Ну, все теперь понадобится. А деньги-то гдѣ?

Липочка. Вѣдь паненька исправникомъ будетъ, — мало ему носить!

Катенька. У васъ все денегъ нѣтъ!

Розонова. Откуда ихъ взять-то? Бьешься какъ рыба объ ледь, чтобы какъ нибудь концы съ концами свести, да вамъ что нибудь съэкономить.

Липочка. Съ живаго и съ мертваго дерутъ, а дочерямъ ничего не хотятъ сдѣлать; нечего сказать, хороши родители!

Розонова. Что жь, мало для васъ дѣлаютъ? Стыдилась бы говорить! Отъ платьевъ сундуки ломятся!

Липочка. Ну ужъ платья! Тряпки! На базарѣ покупали!

Розонова. Приданого, слава Богу!

Липочка. Да ужь приданое, нечего сказать! Будочникъ больше дастъ за дочьрю. Все небось на свое имя въ ломбардыте владете!

Розонова. Что же, по твоему, намъ ничего не нить? Да какъ же мы будемъ жить на старости? Вы насъ въ шеню вытолкаете. Намъ умирать съ голоду, просить подь окнами придется. Теперь вотъ зубъ за зубъ грызетесь, мать не уважаете, а даи вамъ все....

Липочка. Много надавали! нечего сказать, много отъ васъ увидишь! Есть за что уважать васъ!

Розонова. Что же мало вамъ? Отецъ съ двадцатью душами на службу поступилъ, а теперь у него четыреста! Себѣ только двѣсти оставляемъ, за каждой по сту душъ даемъ, по пятнадцати тысячъ серебромъ сверхъ того. Мало вамъ этого, что ли? А умремъ, съ собой ничего не возьмемъ, — все вамъ останется.

Катенька. Да, жди когда еще вы умрете!

Розонова. Покорно благодарю! Хороша дочь! Одолжила, нечего сказать! Матери смерти желаетъ!

Катенька. И не воображала! Помнѣ живите, пожалуй, хоть сто лѣтъ, для меня это все равно! Я къ тому только говорю, что вы на каждомъ шагу глаза колете нашимъ наследствомъ.

Розонова. Да ужь нечего, хороша дочка! Оттого-то вамъ Богъ и счастья не даетъ.

Липочка. Еще бы, когда вы на всякомъ шагу проклинаете!

Катенька. Есть за что уважать васъ, только проклетія и слышишь!

Розонова. Замолчи ты, безстыдница, дрянъ ты этакая!

Липочка. Ну, ужь ругаться начала! Не хотите ли поколотить насъ. Этого только не доставало. Хороша матушка!

Розонова. Хороши дочки! Не угодила Богъ дѣтками!

Липочка. Не угодила Богъ матушкою! Эхъ вы, матушка!

Катенька. Только ругательства да проклетія и слышишь!

Розонова. Пойдите, повезу я васъ куда нибудь! Въ четырехъ стѣнахъ у меня просидите!

Липочка. Мы и такъ сидимъ! Не возите, благодаримъ покорно! Оттого мы въ дѣвкахъ и сидимъ.

Розонова. Мало мы выѣзжаемъ и у насъ бываютъ!

Катенька. Выходите сами за уѣздныхъ стракулистовъ!

Липочка. Хорошо у насъ знакомство, нечего сказать! Да и

изъ стѣхъ—то никто не женится. Вы насъ одѣть порядочно не хотите.

КАТЕНЬКА. У тебя все-таки хоть чтонибудь есть, а у меня ровно ничего.

— Липочка. Да вотъ тебѣ все надобно!

КАТЕНЬКА. А то небось тебѣ!

Липочка. Очень нужно одѣваться для твоего Вильгельмана. Стоить онъ!

КАТЕНЬКА. Ну ужъ ты, гусарша, молчи.

Липочка. Да, гусарша! Разумѣется, не пойду за сапожника-нѣмца.

Розоновъ (входитъ съ блинцомъ въ одной рукѣ, съ кускомъ жареной говядины въ другой). Что тутъ такое?

Розонова. Ничего, мы такъ говорили между собою: Что ты, моя пупочка, проголодался? Кушай, паночка мой, я нарочно велѣла сегодня для тебя блинцы сдѣлать; думаю: паночка мой устанетъ, надобно ему приготовить покушать.

Липочка. У папѣ ужасный вкусъ! Онъ ничего не любитъ такого деликатнаго, изящнаго; а самое грубое.

Розоновъ. Что жъ, по вашему, кремы да жилен ѣсть? Побудьте-ка на моемъ мѣстѣ. Приѣдешь куданибудь въ деревню, въ глушь, въ грущобу, гдѣ тутъ жилен справлять. Досталъ яицъ, молока да масла, и слава Богу! Яичница, блинцы и есть.

Розонова. Вотъ что, Гринша, какъ бы ты постарался достать билетъ на балъ къ полицмейстеру, а то тамъ всѣ будутъ промѣ насъ.

Розоновъ. Да что тамъ и дѣлать-то?

Розонова. Перекрести лобъ-то, Батюшка, да протри глаза: видишь, двѣ дочери сидятъ, ниучая женость, имъ хочется поселиться, да пора ужъ и замужъ. За кого онѣ выйдутъ, если будутъ сидѣть въ четырехъ стѣнахъ.

Липочка. { Папа, душечка, достаньте пожалуйста.

КАТЕНЬКА. {

Розоновъ. Хорошо, хорошо, постараюсь.

Розонова. Нечего тутъ стараться, а надобно достать непременно! Да возьми ложу въ театръ, надобно же имъ показать свѣтъ. А тамъ я думаю сдѣлать вечеринку. Обѣдъ, разумѣется, само собою, для шаровъ.

Розоновъ. Хорошо, дѣлай что хочешь.

Розонова. Ну, что же ты?

Розоновъ (сидѣла присосавшую проказу). Что?

Розонова. А билеты къ полицмейстеру и въ театръ.

Розоновъ. Я думалъ сперва пообѣдать.

Розонова. Усидишь еще нажратъся, батюшка, нечего тутъ! Напонаешься, такъ послѣ захочешь дрыкнуть. Отправляйся, промись! Это тебѣ здорово!

Розоновъ (съ досадой). Оставь мое здоровье въ покоѣ. Вотъ жизнь—то, минуты не дадутъ отдохнуть, хуже собаки на побѣгушкахъ.

Розонова. Подлецъ ты, подлецъ! Безсовѣстный, право! Этого—то ты для дочерей не можешь сдѣлать!

Розоновъ. Иду, иду, иду! (Въ дверяхъ) Вы безъ меня не обѣдайте, блинцы холодные ни къ чорту не годятся.

Розонова. Не безпокойся, будутъ горячіе, только достань билеты, да обѣ шарахъ похлопочи.

Розоновъ (махаетъ рукой). Прощай! (Уходитъ).

СЦЕНА VII.

Вечеръ въ другой гостиницѣ Покровскій—небольшое, широкое и красное существо, по праву хозяина въ калатѣ. Дурноумовъ, молодой помѣщикъ, вышедшій изъ пятого класса гимназій. Галкинъ, отсталой ротмистръ, высокій и худой, но съ толстымъ снѣгобагровымъ носомъ. Роговъ, недоросль изъ дворянъ; его движенія рѣзки, говоритъ онъ громко и еще громче смѣется. На столѣ водка, вино и закуска, состоящая изъ селедки, сыра и хлѣба.

Роговъ. Что это Гаврюкова не видно?

Дурноумовъ. Онъ остался дома. До выборовъ ли ему, когда онъ занятъ любовью!

Роговъ. Что жъ, это дѣло хорошее.... А въ кого онъ влюбленъ?

Дурноумовъ. Въ дочь нашего частнаго пристава.

Роговъ. Фи! свинья! (Идетъ водку, при чемъ дѣлаетъ гримасу и во время приводитъ «визію» къ нормальному состоянію, какъ акустичи).

Покровскій. Да вѣдь она недурна собой и довольно образованна: по французски говоритъ, на фортепьянахъ играетъ, получаетъ журналъ «Моду». А онъ—то что?

Роговъ. Да все, знаете, дочь частнаго, фи, «уй!» скверно подумать.

Покровскій. Онъ, кажется, безъ памяти влюбленъ! Говорятъ, они съ частымъ перепрются, въ особенности когда частный бываетъ у Гаврюкова, подерутся, а все-таки дѣло кончается тѣмъ, что Гаврюковъ становится на четвереньки и везетъ на себѣ по улицамъ частного, въ знакъ своего уваженія къ нему и любви къ неопѣненной Мари (*).

Роговъ. Скотина! Я какъ въ первый разъ его увижу, то заставляю его возить себя по всему городу. Чѣмъ же я хуже частного?

(Молчаніе).

Дурноумовъ. Ровноновъ совершенно запаль.

Покровскій. Присмирѣлъ баринъ!

Роговъ. Осадили голубчика.

Дурноумовъ. А то задралъ носъ, шестомъ не достанешь. Поди ты, я-де въ Петербургъ сильную руку имѣю, губернатора отрѣшу отъ должности, если захочу!

Покровскій. Такого подлеца поискать. Слава Богу, что мы отъ него избавились. Да, впрочемъ, его бы и безъ того не выбрали. По крайней мѣрѣ, я бы ни за что ему не положилъ на право.

Роговъ. Да я бы шею наколотилъ тому, кто посмѣлъ бы ему класть на право. А ему бы рожу разбилъ, еслибъ онъ явился балотироваться.

Дурноумовъ. Кого теперь выбрать? Впрочемъ, чортъ задави ихъ душу, кого ни выберутъ—все равно: кто ни поцъ, тотъ батька.

Роговъ. Чортъ съ ними! Ко мнѣ такъ ни одинъ исправникъ носу не смѣетъ показать. А становой пять верстъ объѣдетъ вокругъ моей деревни. Приѣзжаетъ ко мнѣ разъ Недельцовъ, говорить: «вотъ недоимочка за вами да взыскальщикъ». Это меня изобесидо. Какъ, я говорю, смѣлъ ты, скотина, явиться ко мнѣ съ такимъ вздоромъ? Розогъ! Растянулъ я его, бестію, да такъ вспрыснулъ, что по гробъ будетъ помнить.

Дурноумовъ. Будто такъ и высѣкли?

Роговъ. А то смотрѣть буду! Какъ же! Нѣтъ, у меня держи ухо острѣ!

Дурноумовъ. А тутъ распустили слухъ, что вы едва уцепились отъ десятскихъ!

(*) Списано съ натуры.

Роговъ. Не на таковошаго, батенька, напали! Точно, десятисне: сперва было за него, а я инъ шеннулъ, что дамъ каждому на дѣло по десятинѣ земли, у Козьяго Брода, только, чтобы они помогли мнѣ обработать эту каналю. Живо принялись за дѣло. Я говорю: качайте въ мою голову, свидѣтелей нѣтъ, а пойдете на спрость, я не выдамъ, съумѣю отписаться.

Дурноумовъ. А что имъ въ той землѣ?

Роговъ. Въ какой?

Дурноумовъ. Да у Козьяго Брода.

Роговъ. Какъ что?

Дурноумовъ. Да такъ же. Тамъ одна глина.

Роговъ. Эхъ куда хватили! Знаете же вы! Это по ту сторону Козьяго Брода глина, а на моей сторонѣ черноземъ такой, что прелестъ. Это лучшая моя земля. Въ прошломъ году тамъ у меня родилась пшеница самъ двадцать одинъ, зерно крупное, такое, что всѣ ахали, а въ четверти тянуло двѣнадцать пудовъ тридцать девять съ половиною фунтовъ и сорокъ два золотника.
(Пьетъ съ такими же гримасами).

Дурноумовъ. Ну ужъ самъ двадцать одинъ!

Роговъ. Будь я подлецъ, если не правда; да чего мнѣ врать! Это вотъ вы скрытный человѣкъ, вмѣстѣ никогда не выпьете. Ну-те-ка чокнемтесь. (Наливаетъ).

Дурноумовъ. Пожалуй, выпьемъ.

Роговъ. Только чуръ съ церемоніей. А вы что же? Хозяинъ, хозяинъ! Ты, Галка? Вижу, что хочешь. Церемонишься, подлецъ, а то бы весь графинъ выжралъ. Ну, на! Не таращи глазъ! (Наливаетъ). Ну, берите рюмки. Слушать! Ты, Галка, кахалъ, да еще носъ-то; не дождавшись очереди, вышитъ хочешь. Экий носыга, такъ въ рюмку и смотритъ, такъ и загибается. Слушать!
(Поетъ).

Благожеланная сивуха!

Многострадальная горька!

Прошла ты черезъ огонь и воду

И мѣдныя трубы,

И черезъ руки жида—мучителя-винокура,

Явилась очищенная намъ

На мѣдномъ блюдѣ

Въ стеклянномъ сосудѣ,

А мы и выпьемъ! (Пьютъ).

И хлѣбцемъ закусимъ! (Закусываютъ).

Тѣмъ во здравіе, душѣ во спасеніе!

А все-таки Галкинъ весь прежде всѣхъ заглянулъ въ рюмку.

Дурноумовъ. А все-таки у васъ не родило самъ двадцать одинъ!

Роговъ. Фу ты, Господи! Такъ спросите у моего старосты, Михѣйки, если не вѣрите. Да и что жъ я, по вашему, агунъ? Самъ не знаю, что говорю?

Дурноумовъ. Нѣтъ, я этого не говорю; вы такъ, для краснаго словца хватили грѣха на душу.

Роговъ. Такъ я по вашему агунъ? Хорошо! Только нѣ такихъ вещей не говорятъ. Я за такія штуки, знаете что!

Покровскій. Полноте, господа! Перестаньте, стоитъ ли ссориться.

Роговъ. Я ничего. Я только замѣтилъ этому свинопасу, чтобы онъ поудержалъ язычокъ, если хочеть, чтобы шкура на спинѣ была цѣла.

Дурноумовъ. Кто кого скорѣе вспореть?

Роговъ. Хотите пари? Ну, двѣсти цѣлаковыхъ.

Дурноумовъ. Я безъ пари вспорю.

Роговъ. Нѣтъ, пари! Отчего же вы не хотите пари? Пойдемте на пари.

Дурноумовъ. Пари я не хочу.

Роговъ. То-то! Знаеть, что проиграеть, баринъ. Ну, а ты, Галка, что? а?

Галкинъ. Я ничего, Андрей Васильевичъ.

Роговъ. А много у тебя жеребятъ заперто? Эхъ ты, голова! (Хлопаетъ его по затылку). Пустой шкаликъ! Его Парашута какой устроила скандальный спектакль. Вѣдь она всѣмъ домохъ заправляетъ; его, Галку-то, вотъ этого подлеца (тыкаетъ его въ лобъ пальцемъ), колотить, ей-Богу колотить. Вѣдь баба, я вамъ доложу, здоровенная, даромъ что хромая! Ну, поднесеть, — такъ Галка своихъ не узнаеть. Завелись у нихъ деньги, рожь что ли продали, чортъ ихъ знаеть. Ну деньги есть, какъ ихъ не промотать въ городѣ. Собирается Парашута, распоряжается всѣмъ. Выдала на недѣлю всего, что было нужно; но корму жеребенку не довѣрила никому, говорить, пропьютъ негодяи! не будутъ его кормить! — Ну-съ, поставила его въ конюшню, насыпала корму на недѣлю, налила воды, заперла, запечатала конюшню и умчалась въ городъ. А жеребецокъ слуру возьми да и съѣшь все въ одинъ

день. Парашута приѣзжаетъ, бѣжитъ въ конюшню, а жеребчикъ лежитъ кверху ножками — околѣлъ (*)!

Всѣ смѣются.

Дурноумовъ. Какъ это вы допустили, Павелъ Николаевичъ? А еще кавалеристъ!

Галкинъ. Да что мнѣ съ Пашей дѣлать!

Роговъ. Да ужь нечего! За васъ все другіе дѣлаютъ. Ну, послѣ мельника, съ кѣмъ еще поймалъ жену, а?

Галкинъ. Ни съ кѣмъ, ей-Богу, ни съ кѣмъ.

Роговъ. Ну говори правду, скотина! Эка лѣшій! А за что ей жидъ Борька всякій разъ даритъ то серьги томпаковыя, то кольца?

Галкинъ. Ей-Богу неправда. Она сама его даритъ, то есть сама покупаетъ....

Роговъ. Пошелъ ты къ чорту! А что, господа, мы даромъ теряемъ золотое время, по зеленому бы полю пройтись, а?

Покровскій. Пожалуй.

Роговъ. Банчикъ маленькій.

Покровскій. Эй, мальці, Митька! Кто тамъ! Подлець!

МИТЬКА (черноволосый, черномазый. Вѣсь въ дырахъ и запятыяхъ);
Чего изволите?

Покровскій. Гдѣ ты бываешь, черномазый? Вотъ бы вспороть слѣдовало. Поставь столъ, да карты подай. Ворчи себѣ подъ носъ! Я тебѣ поворчу!

Порхавкинъ (входя). Наше вамъ сорокъ одно почтенье!

Покровскій. Здравія желаемъ, Алексѣй Яковлевичъ! Водочки съ холодку.

Роговъ. Вистъ (Наливаетъ).

Порхавкинъ. Покорнѣйше благодарю. Вино веселитъ сердце человѣка (Пьетъ).

Покровскій. Закусите, сырку, селедочки.

Порхавкинъ. Ничего, не безпокойтесь, закушу языкомъ, всегда съ собой во рту ношу. А вы слышали?

Всѣ. Что?

Порхавкинъ. Розонову губернаторъ позволилъ балотироваться.

(*) Незначительное происшествіе.

ВМѢСТѢ.

— Роговъ. Бреешь!

— Покровский. Нѣтъ!

— Дурноумовъ. Быть не можетъ!

— Галкинъ. Вотъ тебѣ и разъ!

Порхавкинъ. Это я знаю изъ самаго вѣрнаго источника.

Покровский. Неужели этого подлеца опять выберутъ!

Дурноумовъ. Черныками его, негодая!

Роговъ. Выбить его изъ собранія!

Галкинъ. Пропалъ я!

Роговъ. А тебѣ что?

Галкинъ. Онъ меня въ ложкѣ воды утопить готовъ.

Роговъ. Очень нужно ему на такую сволочь, какъ ты, вниманіе обращать.

Галкинъ. Онъ на меня золъ за то, что я встрѣтилъ его брата съ краденными лошадьми у Сиваго Овражка и рассказалъ объ этомъ въ городѣ.

Роговъ. Ну, братъ, стой, — онъ тебя дождетъ!

Дурноумовъ. Какъ же это губернаторъ?

Порхавкинъ. Извѣстно — розиня, розмазня. У него была Розонька.

Роговъ. Сашута?

Порхавкинъ. Да! Въ ногахъ валялась....

Роговъ. Экая бестія эта Сашута! вотъ бы на конной отрядъ!

Галкинъ. Воръ-баба!

Порхавкинъ. А губернаторъ хуже бабы, распустилъ нюни! Всякая подстега Герасимовна изъ него дѣлаетъ, что хочетъ. Вотъ я вамъ доложу, батенька, былъ губернаторъ, такъ губернаторъ — князь Ерыгинъ. Я вамъ скажу, умѣлъ держать въ рукахъ. Вѣдь распусти тоже возжи — такъ проку не будетъ. Бывало взглянетъ князь, такъ служишь ли ты или не служишь, — все равно, такъ и задрожитъ, поджилки такъ и затрясутся. Такой взглядъ имѣлъ орлиный, можно сказать. А лихой былъ какой! Скачетъ по улицѣ бывало, а сзади жандармъ и два козака. И бывало князь не смотритъ, дворянинъ ли ты или какого тамъ званья — все равно, въ тюрьму, въ острогъ упрячетъ, куда Макаръ телать не гонялъ. Разъ, я помню, ему какой-то совѣтникъ въ губернскомъ правленіи началъ говорить, что такъ сдѣлать, какъ приказываетъ князь, невозможно, — вишь, не по закону. Батюшка мой! какъ

исключить князь (вскакивает и махает руками)—затопалъ ногами: «я, говорю, вамъ законъ! Прошу не умничать! Извольте дѣлать, что приказываютъ!» Такъ и былъ порядокъ, я вамъ доложу. Въ самомъ дѣлѣ, посудите сами, законъ всего предусмотрѣть не можетъ! На что же и власти, какъ не для того, чтобы онѣ дѣйствовали. А дѣлать все по закону, такъ и властей не надо! (Садится).

Галкинъ. Совершенно справедливо.

Дурноумовъ. Позвольте, господа! Законъ долженъ дѣйствовать, а власти только должны смотрѣть за строгимъ исполненіемъ законовъ.

Порхавкинъ. Ну, нѣтъ-съ! на то и власть, чтобъ дѣйствовать, какъ ей угодно.

Покровский. Сядемте, господа, что терять золотое время.

Роговъ. Я заложу вамъ, господа;—триста рублей въ баннѣ.

Дурноумовъ (распечатываетъ келоду и обертку вкладываетъ шолъ бѣсы):
Сравнися!

Покровский. Митыка, картъ!

Розоновъ (выходитъ). Мое почтеніе, господа!

Покровский. Григорій Семеновичъ!

Розоновъ. Что это вы — сражаетесь?

Покровский. Да вотъ только—что садимся. Не угодно ли и вамъ съ нами?

Розоновъ. Благодарю покорно. Вѣдь я не играю.

Покровский. Что новенькаго слышно?

Розоновъ. Ничего.

Дурноумовъ. Десять рублей.

Покровский. Позвольте, и я карточку поставлю. Пять цѣлковыхъ.

Порхавкинъ. Идетъ пяточекъ, пятокъ.

Роговъ. Ну, а ты, Галка?

Галкинъ. Я, — нѣтъ-съ.

Роговъ. Парашута прибьетъ? Мало она тебя дуесть! (Мечетъ). Эка идетъ неподходящая! Вона, вона! Всѣ даль! Ну талийка, чтобъ—те пусто было.

Дурноумовъ. Транспортъ съ кушемъ и по полтинѣ око.

Порхавкинъ. Иди кривая! уголь!

Покровский. Уголокъ.

Розоновъ. Можете себѣ представить, сегодня присылаетъ за мною Журавлевъ. — Прихожу. Только онъ вдругъ начинаетъ

пресить меня быть неправникомъ. Я говорю, что служить больше не желаю. Нѣтъ пристаётъ, говорить: «кто же у насъ, врагъ васъ, неправникомъ будетъ?» — Я отвѣчаю, что мало ли у насъ дворянъ достойныхъ. — «Такъ-то такъ, говорить, Журавлевъ-то, — да опытности-то вашей, вашего знанія дѣла у нихъ не достаётъ». — Ну приставаешь, приставаешь, — вѣчего дѣлать, должны быть согласиться. Точно я виноватъ, что другіе не знаютъ дѣла. Не хочешь, а служи.

Покровскій. Да отчего же вамъ и не служить, Григорій Семеновичъ?

Розоновъ. Усталъ, неприятности! Вотъ хоть бы послѣдняя исторія: Я зналъ, что все дѣло кончится ничѣмъ. Во-первыхъ, потому, что я правъ; во-вторыхъ, если бы и былъ въ чемъ виноватъ, такъ всегда найду себѣ поддержку и въ губернскомъ правленіи, и въ Петербургѣ. Пусть попробуютъ что нибудь мнѣ сдѣлать! У меня и губернаторъ съ мѣста слетитъ! Онъ это хорошо понимаетъ. Теперь самъ опомнился, извиняется, другомъ такимъ, пріятелемъ. А все неприятность была, — слова изъ нѣсни не выкинешь.

Роговъ. Вотъ это хозяйственная талія. Вы, господа, заслушались Григорія Семеновича и не видите, что ваши всѣ карты бьютъ.

Розоновъ. Я вѣдь это говорю, между нами, попріятельски. Я знаю, что вы всѣ господа считаете меня за человѣка порядочнаго и кажется, я могу сказать, что со всѣми здѣсь пріятель.

ВМѢСТѢ.

— Дурноумовъ. Разумѣется!

— Роговъ. Еще бы!

— Покровскій. Помилюйте, Григорій Семеновичъ, можете ли вы сомнѣваться!

— Порхавкинъ. Мы это цѣнимъ, Григорій Семеновичъ, повѣрьте.

Розоновъ. Ну, враги мои пусть теперь берегутся! Терпѣніе мое лопнуло; ихъ выходки просто невыносимы! Я ихъ скручу! Я имъ покажу себя! онѣ у меня по міру пойдутъ! Надобно же уничтожить эту заразу общества.

Покровскій. Это правда ваша!

Порхавкинъ. Безпокойные люди.

Дурноумовъ. Я всегда говорилъ, что кремъ васъ некому у

насъ быть исправникомъ. Вотъ у насъ недавно былъ разговоръ, спросите.

Порхавкинъ. Ну что, я вамъ говорилъ правду пре губернатора?

Покровский. Да, если бы онъ этого не сдѣлалъ, я бы настоялъ, чтобы весь уѣздъ нашъ протестовалъ противъ этого. Его бы заставили допустить Григорія Семеновича до выборовъ.

Розоновъ. Пожалуйста, господа, безъ церемоній, не пужно ли кому чего? Можетъ быть, кто нибудь изъ васъ хочетъ баллотироваться, я съ удовольствіемъ поддержку своимъ вліяніемъ; только скажите. Извѣстное дѣло: рука руку моетъ и обѣ чисты бываютъ.

Дурноумовъ. Покорно васъ благодаримъ.

Порхавкинъ. Мы съ своей стороны за удовольствіе почтемъ....

Покровский. Собственный нашъ интересъ заставляетъ насъ служить вамъ; знаете, какъ-то странно было бы другаго и называть исправникомъ.

Роговъ (все это время подтасовывалъ карты). Ну, господа, ставьте, ставьте, можно говорить и дѣло дѣлать.

Дурноумовъ. Да что ставить, право, не знаю! Двадцать пять. Измѣнить коварная.

Порхавкинъ. Пятокъ.

Покровский. Пять.

Розоновъ. У насъ на какія низости рѣшаются! какой только клеветы не распускаютъ! Напримѣръ, что выдумали про моего брата? Ужасъ! Какъ можно такъ марать людей.

Галкинъ. Я ей Богу ничего не говорилъ, Григорій Семеновичъ. Я только сказалъ, что имѣлъ удовольствіе встрѣтить вашего брата у Сиваго Овражка, — это совершенно справедливо. А болѣе ничего не говорилъ, убей Богъ, не говорилъ. Ни объ лошадахъ, ни объ чемъ не говорилъ, — это все выдумали.

Роговъ. Дама бита.

Дурноумовъ. Чтобъ тебя ободрало, проклятая! (Рветъ карту на мелкіе кусочки).

Роговъ. Семерка бита.

Порхавкинъ. И побита камнями! Чтобъ ей пусто было! Три раза въ руки лѣзла подъ рядъ, анаеема проклятая.

Роговъ. И десятка бита.

Покровский. Что дѣлать! Колотить безошадно.

Роговъ. Чтобы вы не баловались. Надобно держать васъ въ рукахъ.

Покровский. Григорій Семеновичъ, позволете васъ побеспокоить просьбою.

Розоновъ. На счетъ шаровъ?

Покровский. Нѣтъ. Будьте такъ добры, выньте карточку на счастье.

Розоновъ. Извольте! (Вынимаетъ).

Покровский. Эта карточка дорогая, я на нее побольше кушъ поставлю. Идетъ двадцать пять рублей.

Дурноумовъ (Рогову). Дайте я подрѣжу.

Роговъ. Извольте. Не люблю я этихъ причудъ!

Дурноумовъ. Мало ли что! (Подрѣзываетъ).

Роговъ. Что у васъ?

Дурноумовъ. Перечеркните двадцать пять. Уголь.

Порхавкинъ. Десяточекъ.

Розоновъ. Такъ я могу расчитывать на васъ, господа? **ВМѢСТѢ.**

— Дурноумовъ. Какъ же, помиуйте!

— Покровский. За особенную честь поставимъ.

— Роговъ. Это нашъ священный долгъ.

— Порхавкинъ. Еще бы! Кого же намъ выбрать.

Розоновъ. Съ своей стороны, я къ вашимъ услугамъ, и надѣюсь не только оправдать вашу довѣренность, но и отблагодарить васъ. Ради Бога, господа, обращайтесь ко мнѣ, я употреблю все свое вліяніе, чтобъ услужить вамъ; не стѣсняйтесь и дайте мнѣ средство принести вамъ, такъ сказать, лепту благодарности и....

Дурноумовъ (Рогову). Те, те, те, те! Батенька! А зачѣмъ вы передернули?

Роговъ. Коего чорта я передернулъ?

Дурноумовъ. Карту. Нѣтъ, батенька, у насъ такъ не играютъ!

Роговъ. Да что вы брешете?

Дурноумовъ. Я не брешу. Брешутъ собаки, а я имѣю уголь, потому что вы передернули.

Роговъ. Нѣтъ, не имѣете.

Дурноумовъ. Нѣтъ, имѣю.

Роговъ. А вотъ посмотримъ.

Дурноумовъ. Нечего смотрѣть. Вы передернули.

Роговъ. Вотъ привязался. Въ глазахъ должно быть двоится!
Пусть меня передернетъ, если я передернулю!

Дурноумовъ. Разумѣется, передернули.

Роговъ. Смотрите, чтобы я васъ не дернулъ. Вы знаете, у меня не долго!

Дурноумовъ. Да что вы, въ самомъ дѣлѣ, мошенничаєте да еще позволяете себѣ!

Покровскій. Господа, господа!

Роговъ. Помилуйте, какъ же онъ смѣетъ!

Дурноумовъ. Я садился играть на честь, а онъ извѣстный плутъ.

Роговъ. Что вы сказали?

Дурноумовъ (отодвигаясь и поглядывая). Что?—То, что вы мошенникъ!

Роговъ (пускаетъ въ него картами). Вотъ тебѣ, скотина!

Дурноумовъ (старается закрыться Покровскимъ). Да что вы, въ самомъ дѣлѣ!

Роговъ (пускаетъ въ него другою колодою). Вотъ тебѣ!

Дурноумовъ (присѣвъ за Покровскаго). Ну смотри, я и самъ!

Роговъ. А! Вотъ же тебѣ, мерзавецъ! (Бросаетъ мѣломъ).

Покровскій. Перестаньте, господа! Ей-богу неприятно: Григорій Семеновичъ здѣсь, и вдругъ такая сцена!

Дурноумовъ. Да помилуйте, я ничего.... Я только сказалъ такъ, а онъ драться лѣзетъ.

Роговъ. А ты брешешь, да дерзости говоришь! Можетъ быть у меня нечаянно карта свалилась.

Порхавкинъ. Чайнно или нечаянно, а мы имѣемъ.

Роговъ. Но позвольте, господа....

Порхавкинъ. Свалилась карта, смѣшалась колода, не домата талія — все равно, за все отвѣчаетъ банкومترъ.

Роговъ. Вѣдь можно было сказать благородно, а не помужички, не ругаться какъ этотъ свинопасъ. Привыкъ возиться съ сынями....

Дурноумовъ. Братцы-вы мои! Самъ же лѣзетъ драться, ругается, а на меня говорить. Я ничего не сдѣлалъ.

Покровскій. Ну, перестаньте! Полно вамъ!...

Дурноумовъ. Я ничего. Я всегда готовъ.... вижу, человекъ въ горячности.

Роговъ. Ну, эта талія не въ счетъ.

Порхавкинъ. Нѣтъ, мы запишемъ.

Роговъ. За что же вы заищете?

Порхавкинъ. За то, что вы не дометали.

Роговъ. Григорій Семеновичъ, будьте судьей.

Порхавкинъ. Прекрасно! Григорій Семеновичъ, рассудите насъ.

Розоновъ (про себя). Вотъ задача! Кто изъ нихъ имѣетъ болѣе вліянія?

Порхавкинъ. Вѣдь банкومتъ отвѣчаетъ за талію!

Покровский. Вольно же ему было не дометать!

Розоновъ. Ну что жь, уступите Андрей Васильевичъ, уступите. Я собственно не знаю законовъ карточной игры, а говорю такъ потому, что большинство того требуетъ! Вотъ я не хотѣлъ служить, а балотируюсь изъ угожденія обществу.

Роговъ. Ну хорошо! Согласенъ! Только ты смотри, спонсна, въ оба!

Порхавкинъ. Я самъ буду смотрѣть.

Розоновъ. До свиданія, господа!

Покровский. Куда же вы? Посидѣли бы, право, съ нами Григорій Семеновичъ,—мы такъ давно не имѣли удовольствія васъ видѣть. Извините, что случилась при васъ такая сцена.

Розоновъ. Ничего, помилуйте. Будьте здоровы!

Покровский. Покорно васъ благодарю, что не забыли. (Идетъ его провожать).

Роговъ. Экій подлець этотъ Розоновъ!

Порхавкинъ. Разбойникъ!

СЦЕНА VIII.

Передвѣя въ домъ полиціймейстера. Григорій сидитъ, важно разсказываетъ передъ нимъ будочникъ.

Григорій. Ну что же, если платитъ деньги, такъ отпусти, чортъ съ нимъ! Экая невидальщина, что старухѣ карманы пообчистилъ.

Будочникъ. Какъ прикажете, Григорій Степановичъ! Я на счетъ частнаго, то есть, въ сумѣнціи....

Григорій. Экій болванъ! Говорятъ тебѣ—плюнь на частнаго твоего. Ничего не будетъ! Ужъ ты слушай, что тебѣ говорить, голова!

Будочникъ. Какъ прикажете.

(Звонокъ).

Григорій. Ступай, кто-то прѣѣхалъ. Если это баринъ и не-
равно спросить, зачѣмъ? — скажи, молъ, къ Григорію Степано-
вичу, на счетъ, молъ, неску.

(Отворяется дверь, входятъ господинъ среднихъ лѣтъ, съ не-
чальной наружностью).

Григорій. Кого вамъ?

Господинъ. Павелъ Михайловичъ дома?

Григорій. Уѣхали.

Господинъ. Фу, ты досада! А скоро будетъ?

Григорій. Часа черезъ три, раньше не прѣѣдутъ.

Господинъ. Что тутъ дѣлать?

Григорій. Да что вамъ угодно? Можетъ, и безъ Павла Ми-
хайловича сдѣлать можно?

Господинъ. Такъ часа черезъ три будетъ?

Григорій. Да, къ вечеру.

Господинъ уходитъ, что-то ворча.

Григорій. Ну, туда тебѣ и дорога. Еще, видно, не тертый,
съ холопомъ говорить не хочетъ. Не знаетъ, что черезъ холопа
скорѣе все сдѣлаетъ. Ну-ка поди, попляши теперь. Приходи два-
дцать разъ, все для тебя дома не будетъ.

Будочникъ. Такъ я выпущу, Григорій-Степановичъ?

Григорій. Ну выпускай! (Будочникъ уходитъ). Эхъ, чортъ возь-
ми! жите мое было бы ничего, если бы у Павла Михайловича
была не такая лапа, а то какъ царапнетъ, такъ не опомнишься.
Деньги есть, почетъ тебѣ и уваженіе, и баринъ ничего, хорошій
баринъ. (Звонокъ). Кто это опять? Цѣлый день точно колоколья,
содомъ, прости Господи! Руки заболѣли, мозоли вонъ натеръ от-
ворявши. (Отворяетъ).

Розоновъ. Дома Павелъ Михайловичъ?

Григорій. Никакъ нѣтъ, — уѣхали.

Розоновъ. Вотъ что, братецъ, я хотѣлъ сказать: у Павла
Михайловича балъ, такъ когда раздають билеты?

Григорій. Сегодня жожалые разносятъ и завтра будутъ раз-
носить.

Розоновъ. Какъ бы мнѣ попасть въ то число съ семей-
ствомъ?

Григорій. Не могу знать.

Розоновъ. Похлопочи-ка, братъ, какънибудь. Вотъ тебѣ
(дастъ рублевую бумажку), а за билетъ особенно получишь.

Григорій. А какъ ваша фамилія?

Розоновъ. Розоновъ, Барановскій исправникъ.

Григорій. Извольте пообождать немного. (Уходитъ).

Розоновъ (одиъ). Уфъ, усталъ, чортъ возьми! Да, тяжела житейская дорога, въ особенности съ такимъ грузомъ, какъ мое семейство! Трудисься, работаешь, какъ волъ. Слоняешься до того, что спина заболитъ, а безъ поклоновъ нельзя,—что съ ними дѣлать, когда они такіе подлецы, что привыкли и любятъ поклоны! Чортъ знаетъ, что такое! чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже вѣкъ, тѣмъ труднѣе становится нажить копѣйку и выйти въ люди своимъ трудомъ и искусствомъ. Вѣдь что ни говори эти модники, а нажить себѣ состояніе — искусство: надобно пользоваться всѣмъ, всякій случай умѣть обратить въ свою пользу. Дай-ка этимъ модникамъ, ей-Богу не съумѣютъ! не съумѣютъ ни за что на свѣтѣ! Ну и кричатъ съ досады; дескать, намъ нельзя взять, такъ пускай же никому не достается. Чистыя дворняжки!

Григорій (входя). Вотъ вамъ билетъ-съ.

Розоновъ. Спасибо, братецъ, вотъ тебѣ. (Суетъ ему въ руку и поспѣшно уходитъ).

Григорій. Экій сквалыга навязался,—еще дворянинъ, баринъ! Тьфу, скотина! Этого нашъ братъ, холопъ, не сдѣлаетъ! Полтинникъ! и поднялась у него рука! Полтора рубля за билетъ. Вотъ тутъ дѣлай для нихъ! Стоило хлопотать за полтора рубля. Сунулъ бы самъ! Ужъ видно, что сквалыга, шаромыжникъ! Что мнѣ эти деньги—тьфу! (Бросаетъ деньги съ негодованіемъ, садится на лавку и ковыряетъ въ носу).

СЦЕНА IX.

Лучшая улица въ городѣ; на одномъ изъ домовъ вывѣска: *Магази́нъ Полуэраблева*. Изъ магазина по временамъ выглядываютъ приказчики. Прохожіе идутъ взадъ и впередъ. Кукакиринъ, молодой человѣкъ, раздушенный, напомаженный и завитой, какъ баранъ; на встрѣчу ему Цоэтъ, тоже молодой человѣкъ, непродавительной наружи сти, въ движеніяхъ небрежность, въ одеждѣ умышленный беспорядокъ

Кукакиринъ. А, топ срег, здорово! Что тебя такъ давно не видать? Не боленъ ли?

Поэтъ. Мерси! У меня это время множество дѣла. Я шумчился, топ срег, истомился совершенно!

Кукакиринъ. Что же случилось? Ты меня пугаешь, шерочка!

Поэтъ. Я чувствую, что не проживу долго; подобныя томленья и терзанья такъ изнуряютъ, убиваютъ.—Я задумалъ поэму въ семнадцать пѣсняхъ съ прологомъ и эпилогомъ, обдумалъ планъ и характеры лицъ. Ты знаешь, я пишу не какъ нибудь, а сперва выстрадаю самъ, перечувствую и потомъ пишу. Радость и горе волнуютъ меня, какъ мои собственныя; эти переходы, внутреннія метаморфозы убиваютъ меня, и я могу сказать, что въ каждый стихъ кладу частицу жизни.

Кукакиринъ. Это плохо, mon cher! Какъ можно такъ глубоко чувствовать!

Поэтъ. Ахъ, я завидую тебѣ, mon cher!—твоей безпечности счастливой. Ты, какъ бабочка, живешь настоящимъ, не думая о будущемъ, не тревожась прошедшимъ. Танцуешь, вольчишься,—и счастливъ, и доволенъ.

Кукакиринъ. Кто же мѣшаетъ и тебѣ то же дѣлать?

Поэтъ (грозно). Мнѣ?—мнѣ танцевать? Мнѣ? когда меня тревожить все, когда въ груди моей злоба и адъ негодованія и желчи! Мнѣ веселиться! танцевать!... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, mon cher!

Кукакиринъ. Такъ пиши скорѣе и дѣло въ сторону!

Поэтъ. Я радъ бы былъ писать, но не даетъ покою происходящее вокругъ. Меня терзаютъ пороки общества и недостатки человѣка. Могу ль я, напримѣръ, быть спокоенъ, когда папа въ Римѣ еще пользуется свѣтскою властью? (Бьетъ себя въ грудь). Нѣтъ, жизнь пуста, глупа.... Соображаться съ предрасудками я не могу и не хочу. Послушай, я тебѣ прочту начало моей поэмы, чтобъ ты могъ узнать мои стремленья и заглянуть глубоко въ мое сердце. Слушай! (Декламируетъ съ величайшимъ выраженіемъ, переходя отъ гробоваго голоса къ неистовому воплю, и размахивая руками).

ПРОМЕТЕЙ.

ПОЭМА.

ПРОЛОГЪ.

1.

На небесахъ торжественно и чудно.

Онъ, какъ сводъ раскинуть въ вышинѣ,

Т. LXXXI Отд. I.

28

Блестятъ звѣздами съ мѣсяцемъ въ спокойной тишинѣ.
 Земля же точно храмъ, обширный, многолюдный!
 Да! велико, прекрасно мірозданье!
 А въ немъ и я живу ничтожная песчинка,
 По волѣ Божества возросшая былинка,
 И озираю все божественное знанье.
 Вокругъ меня, какъ океана волны,
 Толпа людей тѣснится и шумитъ
 И, въ мелочахъ погрязши, въ даль спѣшитъ.
 И люди всѣ ничтожества такъ полны!
 Остыло въ нихъ къ высокому стремленье,
 Прекрасное въ нихъ умерло или спитъ
 И все въ нихъ ясно говорить:
 Что продолжительно ихъ будетъ усыпленье!
 Они рабы приличья, предрасудка!
 Они рабы — я говорю,
 Они рабы — я повторю:
 Въ нихъ нѣтъ свободы и разсудка.

2.

Рабы они нужды! Вѣдь люди жь прежде жили
 Не въ душныхъ, тѣсныхъ городахъ,
 Въ тѣни лѣсовъ, въ дубравахъ, на поляхъ,
 И счастливыи, здоровыи тогда были.
 Такъ прочь же! Прочь вы, душныя жилища!
 Одежды прочь! Онѣ насъ тяготятъ
 И насъ чахоткою, болѣзнями дарятъ.
 Отравы просто — наша пища!
 Рабы приличья и условій свѣта!
 Они рабы — и могутъ жить,
 Себя мечтою веселить,
 И быть дѣтьми въ солидны лѣта!

и такъ далѣе. Очень хорошо тамъ дальше сказано и разгромлено современное общество. Да, имъ нипочемъ страданія другихъ, они хладнокровно смотрятъ кругомъ на происходящее. Ихъ оно не убиваетъ! Но кто сочувствуетъ глубоко высокому, какъ я, тотъ можетъ только страдать и горю предаваться.

Куклакиринъ. А что такое? Я, признаться, ничего не слышалъ.

Поэтъ. Намъ угрожаетъ ужасная бѣда!

Кукакиринъ. Вѣрно поджигатели опять появились?

Поэтъ. Фи, шоп сгег, что значить нѣсколько купеческихъ лавокъ и лавугъ для общества! Нѣтъ, весь миръ долженъ проливать горячія слезы! Страшное горе всему миру!

1 мѣщанка (другой идущей съ нею). Постой, Абрамовна! постой, родимая! Охъ, грѣхонько! Слышь, что говоритъ?—Знать антихристъ родился.

Кукакиринъ (сконфузясь). Я, право, не соображаю. (Про себя) Чортъ! терпѣть не могу говорить съ умными людьми! Дуракъ дуракомъ выходилъ! Ни бельмеса не понимаешь!

Поэтъ (осмотрѣвъ его мрачнымъ взглядомъ, говоритъ грубоващъ головою). Мы всѣ погубнемъ!

1 мѣщанка. Слышь, Абрамовна! Согрѣшили мы, окаянные!

Поэтъ. Быть равнодушными зрителями невозможно! По крайней мѣрѣ я не могу; душа моя болитъ, сердце обливается кровью, кровь стынетъ, грудь горитъ адскимъ огнемъ!

Кукакиринъ. Я не понимаю, что тебя тревожитъ.

Поэтъ. Какъ что? И это ты говоришь, шов сгег, такъ наивно! (Торжественно) А посмотри, что дѣлается!

Кукакиринъ (бояливо оглядываясь). Гдѣ?... Что?

2 мѣщанка. Ахти, Савишна, никакъ пожаръ! (Вступъ обѣ).

Поэтъ. Гдѣ? (Номачавъ головою). Во Франціи!... Чудакъ! — Что тамъ дѣлается? Это ужасъ! Развѣ это не возмущаетъ? Я спрашиваю тебя, шов сгег, развѣ это не возмущаетъ? Посуди! Я противъ сословій, противъ эваній, противъ чиновъ, противъ всего на свѣтѣ!

Кукакиринъ (подходящему Козину). Дмитрій Павловичъ, мое почтеніе! Вы незнакомы? Вотъ нашъ извѣстный поэтъ Василій Николаевичъ Простоквашинъ. Горячая и свѣтлая голова! Либераль страшнѣйшій!

Козинъ. Очень пріятно познакомиться.

Кукакиринъ (поету). Дмитрій Павловичъ Козинъ.

Поэтъ. Ахъ, очень радъ! Я много объ васъ слышалъ!

Кукакиринъ. Теперь поему нѣтъ.

Козинъ. Какого содержания?

Поэтъ. Я сакрунаю предрасудки, бичую общество....

Козинъ. Прекрасная тема!

Поэтъ. Да! Не знаю только, удастся ли напечатать....

Козинъ. Вы много печатали?

Поэтъ. Нѣтъ-съ, мало, то-есть пока еще ничего.... Вообще

моихъ сочиненій цензура не пропускаетъ. Меня считаютъ человѣкомъ опаснымъ.

(Папочкинъ, генералъ, командующій безорочными, небольшой красненькій человекъ, съ важною наружностью и съ кривымъ носомъ. На головѣ у него шляпа треугольная съ бѣлыми перьями, несмотря на то, что такая форма уже отиѣнена. За нимъ его адъютантъ Карандышевъ, молодой человекъ довольно красивой наружности, въ гвардейскомъ мундирѣ. Оба гремятъ саблями).

Поэтъ. Ахъ, ваше превосходительство! Какъ ваше здоровье?

Папочкинъ. Мерси! Мое почтенье, Дмитрій Павловичъ, шопиетъ Кукакиринъ!

(Оба молча кланяются, Козинъ слегка, Кукакиринъ довольно низко. Карандышевъ дружески имъ жметъ руки).

Поэтъ. Позвольте; ваше превосходительство, поднести вамъ мое посланье.

Папочкинъ. Благодарю васъ. Да вотъ что, мой милый, Карандышевъ досталъ мнѣ книжку въ стихахъ. Что бишь это такое? Карандышевъ, какую ты мнѣ досталъ, братецъ, книжку?

Карандышевъ. Орлеанскую дѣву, Жуковского.

Папочкинъ. Да. Приходите, прочитайте мнѣ ее, вы такъ хорошо стихи читаете.

Поэтъ. За особенную честь сочту явиться къ вашему превосходительству.

Папочкинъ. Пойдемте теперь. Будете чай пить вмѣстѣ; вы намъ расскажете что нибудь, посмѣшите насъ, а то такая тоска.

Поэтъ. Покорно благодарю, ваше превосходительство. Съ удовольствіемъ. (Уходитъ).

Козинъ. Эхъ, какъ вашего либерала согнули генеральские зполеты! Ну, какъ вы поживаете?

Кукакиринъ. Ничего, помаленьку.

Козинъ. Вездѣ приняты какъ нельзя лучше, вездѣ смотрятъ какъ на жениха, стараются завербовать, угождаютъ! Право, ваша завидная судьба! У полицмейстера будете?

Кукакиринъ. Какъ же!

Козинъ. Къ нему сегодня везутъ цѣлые обеты. Весь городъ, говорятъ, обложенъ данью. А вотъ тащится Сашута Розенко съ своими подвинками. Экая бочка! Каверзалъ! Мое почтенье, Александра Герасимовна, Катерина Григорьевна, Олимпіада Григорьевна! Какъ ваше здоровье?

Розонова. Покорно васъ благодарю, почтеннѣйшій Дмитрій Павловичъ! Катя, Лица, вамъ кланяется почтеннѣйшій Дмитрій Павловичъ.

(Барышни присѣдаютъ).

Козинъ. Ахъ. Боже мой, Александра Герасимовна! Что это у васъ? Губы замараны тѣмъ-то чернымъ и блестящимъ, точно будте ваксой!

Розонова. Ахъ, Боже мой, гдѣ? (Вынимаетъ платокъ весьма поворотливый, плещетъ въ него и вытираетъ губы).

Козинъ. Еще, еще! Сильнѣе трите! Не отстаеъ скоро проклятая вакса, должно быть генеральская! У генераловъ только такая хорошая вакса! Скоро не ототрете. Ахъ, кстати о генералахъ. Я вамъ скажу по секрету. Сейчасъ я видѣлъ генерала Пачочкина, онъ кажется очень равнодушенъ къ Олимпиадѣ Григорьевнѣ. Онъ, знаете, какъ военный, любитъ вытянутыхъ въ струнку. Только на бѣду вашу какой-то поэтъ адъишній, Простокваша, пошелъ ему читать пасквиль на ваше семейство.

Розонова. Это вы ему написали?

Козинъ. Нѣтъ, онъ самъ. Вѣдь онъ самъ поэтъ.

Розонова. Это безбожно, согласитесь сами, почтеннѣйшій Дмитрій Павловичъ, это безбожно! Задѣвать дѣвицъ невинныхъ, которыя ему ничего не сдѣлали, которыхъ онъ въ глаза не знаетъ.

Козинъ. Ваша правда. Но особенно досталось вамъ. Вы знаете, его просила написать этотъ пасквиль одна дама.

Розонова. Знаю, знаю. Долотова Марья Петровна.

Козинъ. Совсѣмъ нѣтъ! Ошибаетесь!

Розонова. Кто же эта скверная женщина?

Козинъ. Не угадаете, ни за что на свѣтѣ. (Тихо) Губернаторша!

Розонова. Можетъ ли быть? За что же это? Ахъ, Боже мой!

Козинъ. Она васъ приревновала къ мужу. Вы съ нимъ были долго наединѣ сегодня въ его кабинетѣ.

Розонова. Боже мой! Почтеннѣйшій Дмитрій Павловичъ! Что это вы говорите! Этого еще не доставало!

Козинъ. Будьте осторожнѣе. Оно еще, знаете, ничего бы, но ея подозрѣнїя возбудиъ Филатовъ.

Розонова. Ахъ Боже мой! Чего не выдумаютъ люди!

Козинъ. Куда это вы собрались?

Розонова. Иду вотъ въ магазинъ, купишь кое-что дѣтскимъ, на платье надо, шали. Только ни къ чему приступу нѣтъ сегод-

женно! Купцы такіе безсовѣстные, въ-три-дорога за все ломятъ. Нѣтъ, чтобъ уступить! Видятъ, что дѣвицы молодыя хотять принарядиться, можно было бы по христіанству уступить!

Козинъ. Ахъ, да! Долотова какую шаль получила изъ Петербурга, прелесть! Самая повомодная! Представьте, вмѣсто бахромы, обшита морскимъ котикомъ.

Розонова. Ахъ это прелесть! Слышите, Липа, Катя! Шаль и вмѣсто бахромы обшита морскимъ котикомъ. Это прелесть! Скажите, почтеннѣйшій Дмитрій Павловичъ, какой ширины котики?

Козинъ. Въ ладонь съ пальцемъ.

Розонова. Знаете что, Липа, Катя, мы купимъ шали и дома обошьемъ.

Липочка. Да можетъ быть Дмитрію Павловичъ шутять!

Козинъ. Нѣтъ, я говорю серьезно! Увидите сами на балу у полицмейстера. Вѣдь вы будете?

Розонова. Не знаю, право.

Козинъ. Какъ можно не быть, помилуйте!

Розонова. Ахъ, Боже мой! Филатовъ, Филатовъ! Это ужасно! Пойдемте, дѣти. Не забывайте насъ, почтеннѣйшій, добрѣйшій Дмитрій Павловичъ.

Входятъ въ магазинъ Полуграблева.

Козинъ. До свиданья, Александра Герасимовна. Ха-ха-ха! Вы знаете, она сегодня цѣлый часъ у губернатора въ ногахъ валялась, сапоги цаловала, и таки-выпросила позволенье балотироваться мужу своему. Этакая гадина! Имъ много помогъ этотъ мерзавецъ Филатовъ. Ну, да я дружбу ихъ покончу.

Князь (худая, длинная, сильноздержанная фигура. Физиономія довольно пасквильная, говоритъ на-распѣвъ и смотритъ не иначе, какъ въ стеклышко.)
Bonjour, messieurs! comment vous va?

Козинъ. Здравствуйте, князь!

Кукакиринъ. Bonjour mon prince, comment votre precieuse sante?

Князь. Merci beaucoup! Я здоровъ, насколько можно быть здоровымъ въ этомъ адскомъ климатѣ. N'est ce pas, que c'est un climat de barbares. C'est le pays des ours! On ne peut pas vivre ici pour les hommes bien polisés. Пойдемте, господа, къ Леблану, онъ получилъ свѣжія устрицы.

Кукакиринъ. Пойдемте! Наконецъ и у насъ порядочное за-
всѣхъ!

беру. для васъ уже сто сорокъ. Мешине, повърте совѣсти, гроша не могу.

Розонова. Нѣтъ, семьдесятъ рублей, ей-богу гроша прибавить не могу.

Прикащикъ. Пожалуйте, пожалуйста, сударыня; напрасно беспокоиться изволите, дешевле нигдѣ не найдете. Забудьте только, какая доброта, какія цѣта! Настоящая шерсть! Если кто вамъ грошъ дешевле продастъ — отдаю даромъ-съ. Даромъ отдаю, если дешевле гдѣ доставите такой доброты.

Розонова. Нѣтъ это дорого, больше не могу.

Прикащикъ. Совсѣмъ не дорого! забудьте, какая каша, вещь первый сортъ, нѣтъ самый нѣжный, шаль настояща! индѣйская, первый сортъ; возьмите въ руку, настоящій пухъ, вѣсу два золотника. Сто сорокъ-съ!

Розонова. Нѣтъ, больше не могу.

Прикащикъ. Съ васъ надо бы запросить триста, такъ вы бы дали сто сорокъ.

Скрывается.

Розонова. Что тутъ дѣлать! Шали, мажется, хороши.

вмѣстѣ.

— Липочка. Превосходныя. Купите, мамочка.

— Катенька. Прелесть просто, и это не дорого.

Розонова. Прескверный магазинъ! Какъ запросили съ перваго слова, такъ только двадцать рублей скинули! Никакого уваженія къ покупателямъ не имѣютъ. Развѣ прибавить полтинникъ?

Липочка. По моему сто можно дать.

Розонова. Да, сто! А деньги гдѣ? У меня не бѣшенныя деньги бросать по сту рублей. Посудите сами, добрыйшій, почтеннѣйшій Дмитрій Павловичъ, сто рублей за двѣ шали! Возможно ли это!

Козинъ. Прибавьте трехрублевый — отдасть.

Розонова. И я тоже думаю. (Отворяетъ дверь). Семьдесятъ съ полтиной, почтеннѣйшій, семьдесятъ съ полтиной!

Прикащикъ. Себѣ дороже стѣтъ. Вѣрите совѣсти — не могу. Пожалуйте, не извольте беспокоиться, сто сорокъ, это даромъ. Если гдѣ дешевле найдете, весь магазинъ безъ гроша денегъ отдаю.

Розонова. Да это пивантъ будетъ болше вальтъ чини

шале. Въ нѣкъ вогь не вѣщаешь. Еще такъ и быть четвер-
такъ.

Прикащикъ. Мы бы нѣтъ четвертакъ разговаривать не стали.

Розонова. Отдавайте, почтеннѣйшій! Посмотрите, какъ нѣтъ
хочется имѣть шале. Больше вамъ никто не дастъ. Отдавайте.

Прикащикъ. Нельзя-съ! Цѣна несообразная.

Розонова. Семьдесятъ одинъ.

Прикащикъ. Нельзя-съ!

Затворяетъ дверь.

Козинъ. Что это вы! Передали!

Розонова. Въ самомъ дѣлѣ? Ну, что дѣлать!.. (Отворяетъ дверь).

Семьдесятъ одинъ, отдавайте почтеннѣйшій, семьдесятъ одинъ.

Прикащикъ (затворяя дверь). Крайняя цѣна! Для вечера!

Розонова. Семьдесятъ одинъ!... Поидемте, дѣти!

Линочка. Купите, маменька!

Катенька. Вотъ вы всегда такъ!

Розонова. Нельзя же сразу. Посмотримъ завтра!... Прощай-
те, почтеннѣйшій Дмитрій Павловичъ!

(Филатовъ, довѣренное лицо губернатора, проходитъ то-
ропливо).

Козинъ. Мосье Филатовъ, мое почтеніе!

Филатовъ. Мое почтеніе!

Козинъ. О чемъ это вы хлопчете?

Филатовъ. Да вотъ, ея превосходительству лентъ надобно,
никакъ не подберу подъ цѣтъ.

Козинъ. Я удивляюсь вашей дѣятельности! Вы завалены
порученіями. — Вполнѣ чиновникъ по особымъ порученіямъ.

Филатовъ. Подобныя порученія доставляютъ мнѣ удоволь-
ствіе, — я такъ обязанъ ихъ превосходительствами... До свиданія,
Дмитрій Павловичъ... А вы что тутъ подѣлываете?

Козинъ. Гулялъ, да встрѣтилъ кое-кого и заболтался... Ро-
зонова-то допустили до баллотировки?

Филатовъ. Что съ нимъ дѣлать! Мастеръ, мошенникъ, хо-
ронитъ концы,.. До свиданія! (Уходитъ).

Розоновъ и Мухоморовъ (полный поминщикъ, довольно кре-
пкой наружности, съ медвѣжьей шапкой).

Розоновъ. Смотрите же, мнѣ направо!... Скажите всѣмъ,
что у меня шары будутъ мѣчены. Я буду знать, кто мнѣ поло-
житъ черный, тогда тому ужъ лучше и не жить на свѣтѣ.

Мухоморовъ. Ужъ я постараюсь!

Розоновъ. Ну смотрите... Скажите же вашимъ знакомымъ.

Вы видите, что меня не одолеть. Вѣдь вышло два из одного! —
 Поидете противъ меня, такъ значить противъ Журавлева пойдете. А вдвоемъ мы всѣхъ въ бараний рогъ согнемъ! — Въ узелъ завяжемъ и вытянемъ.

Мухоморовъ. Ужь повѣрьте, Григорій Степановичъ. Только вы не оставьте, — смирите монахъ-то, приведите въ повиновеніе.

Розоновъ. Всѣхъ передеру, дайте срокъ только!

Козинъ. Мое почтеніе, Григорій Семеновичъ! Ну какъ вы охотитесь?

Розоновъ. Кто? я? Я на охоту не хожу.

Козинъ. Будто бы! А мнѣ сейчасъ князь рассказывалъ, что вы удачно бьете.

Розоновъ. Князь пошутилъ.

Козинъ. Ему рассказывали, что вы на тетеревей очень удачно охотитесь: какъ ударите по какой-нибудь тетери, такъ шаръ и есть.

Розоновъ. У! злой языкъ!

Козинъ. Я говорю зло, другіе дѣлаютъ зло.

Розоновъ. Конечно. Вотъ мои враги какихъ мнѣ не дѣлаютъ мерзостей!... Готовы были бы съѣсть меня живаго.

Козинъ. Князь сейчасъ упрекалъ наше общество за дурной вкусъ. Онъ говоритъ, что здѣсь никто не любитъ устрицъ, а всѣ страшно падки до свинины.

Розоновъ. Что жъ, свинина вещь хорошая; а устрицы, соглашались сами, гадость.

Козинъ. Вотъ докторъ любитъ устрицъ и вслабую гадость.

Розоновъ. Какой докторъ?

Козинъ. Вильгельманъ. Онъ очень неравнодушенъ къ Омишадѣ Григорьевнѣ, или, то есть, къ Катеринѣ Григорьевнѣ. До свиданія, я заболтался!

(Уходитъ).

Розоновъ. Ну, язычокъ! Вѣдь голь, а туда жъ обстрителъ!

ДЕНЬ ВТОРОЙ.

(СПУСТЯ СУТКИ ПОСЛѢ ПЕРВАГО.)

СЦЕНА I.

Комната въ квартирѣ Журавлева. Назарьевъ, Шиповаловъ (помощникъ, похожій на тавалику), Дудочкинъ, Ласточкинъ, Покровский, Господинъ съ сапомъ, Мартышка № 1, Мартышка № 2 стоятъ въ мундирахъ и перешептываются.

Розоновъ (прокрадываясь на цыпочкахъ, говорить шепотомъ). Что, не выходилъ еще?

Назарьевъ. Нѣтъ, еще. Сейчасъ выйдетъ.

Розоновъ. Ну, слава Богу!... А я испугался, думалъ, что опоздалъ.

Покровский (Назарьеву). Такъ вы говорите, что Иванъ Сергѣевичъ отсюда ѣдетъ прямо въ Петербургъ?

Назарьевъ. Да.

Покровский. Хотъ бы однимъ глазкомъ взглянуть, какъ въ Петербургѣ люди живутъ!

Назарьевъ. Не нашему рылу въ валачный рядъ соваться!.. Тамъ надобно что нибудь изъ двухъ: или отъѣвное просвѣщеніе, или состояніе... Одно слово—столица!

Дудочкинъ (Ласточкину). Вѣдь оный пролаза этотъ Назарьевъ: втерся-таки въ довѣренность къ Журавлеву.

Ласточкинъ. Да, онъ, говорятъ, пользуется большимъ довѣреніемъ Ивана Сергѣевича. Вы замѣтите, — всѣ помыслы его знаетъ.

Дудочкинъ. Пожалуй, въ люди выйдетъ.

Ласточкинъ. Подлинные всегда выигрываютъ!

Назарьевъ (Розову и Покровскому). Господа! я хотѣлъ бы быть выбраннымъ въ засѣдатели; надѣюсь, что вы поможете! Въ свою очередь я у Ивана Сергѣевича похлопочу за васъ.

Розоновъ. }
 Покровский. } Помилуйте! располагайте нами.

Назарьевъ (прочитъ). Господа! Иванъ Сергѣевичъ желаетъ, чтобы я былъ засѣдателемъ. Надѣюсь, что вы не будете противъ этого?

Господинъ съ сапомъ. Иванъ Сергѣевичъ предупредилъ желанье наше.

(Входитъ еще нѣсколько дворянъ; они раскланиваются, жмутъ руки; за ними входитъ Трофимъ. Его обступаютъ съ низкими поклонами).

Назарьевъ. Трофимъ Ивановичъ! Почтеннѣйшій Трофимъ Ивановичъ! Какъ ваше драгоценное здоровье?

Господинъ съ сапомъ. Трофимъ Ивановичъ! Вашу ручку! Сколько лѣтъ, сколько зимъ мы не видались!

Розоновъ. Трофимъ Ивановичъ! Какъ поживаете? Опять мы заживемъ старыми друзьями!

Трофимъ. Здравствуйте! мое почтеніе! (Розову). Нешто опять исправникомъ будешь?

Розоновъ. Да. Старый другъ лучше новыхъ двухъ.

Трофимъ. Какъ не другъ! Тебѣ въ годъ тысячи доллары переплатишь! Только смотри, опять не выкинь колѣнца, какъ съ Порожневымъ. Вѣдъ знаешь, что Иванъ Сергѣевичъ любитъ, чтобы все по его было — и шабашъ. Такъ ты долженъ пидьновать (*) угодить ему. Ну да я тебя люблю по крайности за то, что дома не гордь, спасибо! Не то, что другіе: въ карманѣ шишъ, а туда же носъ гнетъ, — дворянская кровь! поди ты. Туда жъ дворянинъ, а самъ и пашеть, и ореть и съ крестьянъ оброкъ беретъ!

Розоновъ. Правда ваша, Трофимъ Ивановичъ.

Покровский. Трофимъ Ивановичъ! наше вамъ!...

Дудочкинъ. Здравствуйте, Трофимъ Ивановичъ!

Ласточкинъ. Почтеннѣйшій, добрѣйшій Трофимъ Ивановичъ! Какъ живется, можется?

Трофимъ. Здравствуйте, здравствуйте!

Шиневаловъ. Трофимъ Ивановичъ! Много лѣтъ здравствовать!

Мартышка № 1. Мое почтеніе, Трофимъ Ивановичъ!

Мартышка № 2. Трофимъ Ивановичъ! Мое дивчайшее почтеніе!

(*) Пидьновать — совратиться (протвнн. слово).

Трофимъ. И мы кабы?

Мартышка № 1. Какъ же!

Трофимъ. Бина, тише! Иванъ Сергѣевичъ газету читаютъ. Если въ тѣ поры, какъ они читаютъ, кто громко говоритъ, такъ ошосерчаютъ больше. Разсердиво—такъ святыхъ вонь унеси! Нечего сказать, ужь онъ добра, рѣжестно добръ, характеру самого керуевского, а ужь когда осерчаетъ—такъ бѣда просто. Онъ готовъ тутъ убить, засѣть человека, значить горячи болѣно. (Разомоу) Да поминишь, въ позпрошлый годъ, онъ те чуть трѣпки не задалъ. Я такъ въ тѣ поры и думалъ, что онъ зашибеть тебя.

Ровноновъ. Что это вы, Трофимъ Ивановичъ, у насъ до того не доходило.

Трофимъ. Да толкуй теперь! А въ тѣ поры сблѣднѣлъ—что твое положно. Бѣдовый! На твое счастье тогда Петька попался вѣдь руку, такъ Иванъ Сергѣевичъ его поколотилъ. Вотъ и я, грѣшный, какъ что не такъ—дажу подставить кого нибудь или войду, пока кого не потреплетъ или на комюшню не стащить. Ну тогда идешь смѣло, перугаетъ,—тѣмъ дѣло и кончится. А безъ того унеси ты, Боже!

Назарьевъ. А все-таки рѣдкой доброты душа!

Трофимъ. Добръ-то добръ, грѣхъ сказать, что недобръ. Мы за него всегда Богу молимъ. Вотъ при его батюшкѣ покойномъ всѣ управляющіе были изъ дворянъ. А Иванъ Сергѣевичъ всѣхъ отпустилъ, изъ своихъ крестьянъ поставилъ. Что жь вѣдь дѣла-то, слава Богу, не хуже, чѣмъ въ тѣ поры, — какъ дворяне-то были. Жалованье намъ меньше выходитъ, мы и рачительнѣе. Дворянны, — коли что не такъ, взялъ шанку да и раскланялся, его не выпорешь. А мы завсегда здѣсь, его крѣпостные: что хочеть, то и сблаетъ съ нами. Такъ мы должны нильновать.

Мартышка № 1. Пусть бы меня сблали управляющимъ, я бы позволилъ себя высѣчь, если бы провинился.

Трофимъ. Высѣчь-то тебя, пожалуй, отчего не высѣчь. Только такого управляющаго мамъ не надо. Не годишься.

Мартышка № 1. Отчего же, Трофимъ Ивановичъ?

Трофимъ. А вотъ отчего я тебѣ скажу. Я люблю правду говорить. Ты вѣдь того.... въ стракулятникахъ былъ, такъ лапа у тебя куда грабаста, да и носъ у тебя и того смотреть, чтобъ въ рюмку заглянуть.

Господинъ съ слпомъ. Ну вѣдь и вамъ перепадаетъ Трофимъ Ивановичъ!

Трофимъ. Ну, да нашъ братъ, мужикъ, я тебѣ доложу, столько не украдетъ, какъ вашъ братъ—дворянинъ. Известное дѣло, наши и нужды мужицкія. Сто рублей для насъ—капиталъ. А ты сто рублей считаешь—тѣфу! Дрянъ! Тебѣ подай тѣмъ же, вотъ паровишь имѣнье купить. Всѣ наши управляющіе имѣнья покупали. Иванъ Сергѣевичъ такъ и расчитали, говорятъ: свой меньше проживется, а если и проживется, такъ все же свой. Иванъ Сергѣевичъ рѣдкой правды человекъ. Порядокъ и справедливость Боже упаси какъ наблюдаютъ. Въ заправилу весну дозволялъ онъ это спускать барки. Я ему говорю, молъ, не суйтесь больно!—Куда тебѣ, суетится это, кричитъ, самъ работаетъ, распоряжается. Только тянуть это канатъ. Васька Гундявѣй какъ—то не остерегся, зацѣпилъ канатомъ—Иванъ Сергѣевичъ бултыхъ въ воду! Мы такъ и ахнули, какъ увидѣли, что батюшка нашъ перекувырнулся въ воду. Пошла тутъ суматоха: кто за канатъ, кто за багоръ, кто за что; а Васька Гундявѣй, что съ канатомъ-то былъ, не будь простъ, хлопъ въ воду,—вытащилъ! Вытащилъ онъ его на берегъ, а у него и глазки закрыты,—только дышать, а вотъ ни перстомъ не шевелятся. Было такъ сиверко, больно еще студено, ледъ мѣстами шелъ. Вытерли мы его водой, влили въ ротъ, глядимъ очнулся. Какъ очнулся—сталъ на ноги, сейчасъ первое слово: кто «говорить, меня вытащилъ?»—Говорятъ: Васька Гундявѣй.—«Поди сюда!» это Иванъ Сергѣевичъ то.—Тотъ подходит.—«Ну говорить, молодецъ!» Сейчасъ обернулись: «Трофимъ! вольную ему и двѣсти цѣлковыхъ.»

Мартышка № 1. Двѣсти цѣлковыхъ!

Мартышка № 2. Боже мой, сколько! Хотъ бы Богъ далъ мое счастье ему еще разъ упасть, а я бы его вытащилъ!

Трофимъ. Я говорю: слушаю-сь, молъ, Иванъ Сергѣевичъ.—«Акто, говорить, съ канатомъ былъ?»—Васька Гундявѣй.—«Такъ это ты, говорить, мерзавецъ! Дать ему триста розогъ!» Тутъ же его сейчасъ и растянули и отпоролы жестоко; я думаю, по сей часъ не забылъ, спина чешется. На другой день вольную и двѣсти цѣлковыхъ въ руки и ступай на всѣ четыре стороны. Такъ вотъ какой порядокъ наблюдаютъ! Ужъ награждать—наградить, за то ужъ и виновнаго накажутъ.

Розононь. Это самое лучшее.

Шиповаловъ. А говорятъ, покойнаго Сергѣя Андреевича больше любили.

Трофимъ. Въ томъ души не чаяли, просто. Этого за новымъ

порядки не такъ любятъ. Знаю дѣло: мужикъ — совограбъ, на на то и есть хамово отродье, чтобы работать для господъ, при- мѣрно. Но долженъ же онъ и свое отдохновеніе имѣть. Не такъ ли? На работѣ указывай пожалуй, и спиши твоя, коли за дѣло. А дома мужикъ—хозяинъ, его ужь не тронь! Онъ себѣ порядокъ наблюдать. Иванъ Сергѣичъ выстроили возить каменные избы: оно хорошо, да по хозяйству, по мужицкому, несподручно. Тре- буются, чтобъ это чистота была, а тутъ надобно и теловочка и яловку помѣстить. Курочки шѣсто наде. Нигдѣ это ничего. Тре- буются чистоты,—гдѣ же держать? Хворму завели эту, чтобъ мужикъ въ синемъ армякѣ, въ красной кумачевой рубашкѣ бѣлѣ. И образы далъ, и съ какой штуки и какъ шить. Бабамъ тоже хворма,—въ будни одна, въ праздникъ другая. Встрѣтить не въ хвормѣ, такъ и святыхъ унеси. Одежду эту оборветъ, сожжетъ, самого отдеретъ. Вотъ это больно трудно. По воскресеньямъ не смѣй и на себя работать, до обѣда шѣсень не шей,—все это дѣлай по приказанью.

Журавлевъ (входитъ). Мое почтеніе, господа! (Всѣ кланяются) Садитесь, господа, сдѣлайте одолженіе. Благодарю васъ за довѣ- ріе ко мнѣ, я это вполне цѣню! Будьте увѣрены, что если я ука- зываю вамъ того ли избрать, или другаго, такъ это потому, что имѣя больше вашего дѣлъ и столкновений, я могу судить лучше о достоинствахъ избранныхъ лицъ. Надѣюсь, что вы меня на- столько знаете, что не усомнитесь въ строгой справедливости моего выбора по личному достоинству каждаго избираемаго. По своему состоянію, по положенію въ свѣтѣ, я стою выше мелкихъ расчетовъ, ничтожнаго пристрастія, которое можетъ руково- дить человѣка съ состояніемъ ограниченнымъ. Мнѣ нечего гнаться за моими личными расчетами и выгодами. Безъ всякихъ ложныхъ притязаній я получаю столько съ моихъ имѣній и фа- брикъ, что не погонюсь за какимъ нибудь ничтожнымъ интере- сомъ, который могу получить притѣсненіемъ моего сосѣда. Это будетъ такая мелочь, какъ капля въ морѣ, сравнительно съ мо- имъ состояніемъ. Это я говорю къ тому, чтобъ вы убѣди- лись, что мнѣ нѣтъ нужды иначе дѣйствовать, какъ въ видахъ пользы общей и потому предложу достойнѣйшихъ. Я не буду, какъ другіе, руководствоваться мелкими, личными выгодами. По моему имѣнію судьбою можетъ быть вполне Мидидовъ. Какъ вы находите?

ГОЛОСА.

- Совершенно согласны!
- Прекрасный судья!
- И мы его желаемъ!
- Достоинѣйшій человекъ!

Журавлевъ. Очень пріятно слышать. Исправникомъ я бы желалъ видѣть г. Розонова. Несмотря на малѣйше слухи и нѣкоторые его недостатки, его неутомимая дѣятельность и, главное, знаніе дѣла служить ручательствомъ, что лучшаго исправника трудно найти. Поверьте, знаніе дѣла и опытность чрезвычайно важны. Я убѣдился въ этомъ. Могу судить, имѣя поимѣстѣ въ различныхъ мѣстахъ имперіи и путешествуя за границей.

ГОЛОСА.

- Прекрасно!
- Мы съ удовольствіемъ изберемъ его!
- Почтеннѣйшій Григорій Семеновичъ, какъ мы рады!

Журавлевъ. Остальнымъ списки раздасть вамъ Трофимъ, чтобы не вышло путаницы, какъ на прошедшихъ выборахъ. Надѣюсь, господа, услужить вамъ такими чиновниками. Надѣюсь, что и они въ свою очередь постараются оправдать наше довѣріе и избраніе!

Розоновъ. Постараюсь всѣми силами.

Назаревъ. Вѣдь мы не дерево, слѣдовательно чувствуемъ.

Журавлевъ. Еще два слова, господа! Сѣйте свекловицы больше, не бойтесь за сбытъ. Если весь уѣздъ засѣете, я все-таки скуплю всю. Мало будетъ этихъ заводовъ, я поставлю хоть десять новыхъ. Получайте списки отъ Трофима и поѣдте!

Кланяется и уходитъ.

СЦЕНА II.

Залъ въ дворянскомъ собраніи. Дворяне мало-по-малу съѣзжаются и образуютъ разныя группы. Жученко, отставной капитанъ, старый драбантъ, сухого сложенія, брюнетъ съ просѣдью, съ солдатскою физиономіею, съ длинными усами. Одѣтъ въ старинный пѣхотный мундиръ съ узелками, длинными фалдами и съ высокими, красными воротничкомъ, отъ котораго приливаетъ кровь въ лицо. — Машковскій, капитанъ драбантъ, блондинъ, пониже и потолще Жученки, физиономія

солдатская, но на другой сторону. Если ранил, должно пострашкеныше, мундиръ такой же. Оба говорятъ да ея съ глубины мажорссійскимъ парчюемъ.

Жученко. Ба! Да это ты, братъ (!)?

Мѣшковскій. Я! — А это ты, братъ?

Жученко. Я!

Мѣшковскій. Да ты какъ сюда попалъ?

Жученко. А ты какъ сюда попалъ?

Мѣшковскій. Я, братъ, въ отставку и женился.

Жученко. Да вѣдь и я же, братъ, въ отставку и женился!

Мѣшковскій. О-о-о-о! Во-какъ!

Жученко. Да!

Мѣшковскій. Что же ты помѣстье взялъ?

Жученко. Взялъ! — А ты тоже помѣстье взялъ?

Мѣшковскій. Взялъ! — Такъ ты помѣщикъ?

Жученко. Помѣщикъ! — И ты хозяинъ?

Мѣшковскій. Хозяинъ!

Жученко. Вотъ какъ! — Такъ ты, братъ, хозяинъ?!

Мѣшковскій. Хозяинъ! — Такъ и ты, братъ, хозяинъ?

Жученко. Хозяинъ!

Мѣшковскій. Во-какъ!

Жученко. Да.

Мѣшковскій. О-о-о-о! Славно, славно! А много у тебя душъ-то?

Жученко. Сто три по ревизіи; да прахъ ихъ возьми — разбойники!

Мѣшковскій. О-о-о! Разбойники?

Жученко. Разбойники! шельмы такіе, что страсть!

Мѣшковскій. Во-какъ!

Жученко. Да.

Мѣшковскій. Драть ихъ!

Жученко. Да я и то ихъ, какаліи, по военному!

Мѣшковскій. О-о-о! по военному?!

Жученко. Такъ что жь ты думаешь, братъ? — Разбѣжались!

Мѣшковскій. Разбѣжались?!

Жученко. Разбѣжались, шельмы! какаліи!

(*) Этождь съ натуры.

Мѣшковскій. Такъ ты, братъ, хозяинъ!

Жученко. Хозяинъ! — И ты братъ хозяинъ!

Мѣшковскій. Хозяинъ! — Во-какъ!

Жученко. Да. А у тебя сколько душъ?

Мѣшковскій. У меня по ревизіи сто двадцать.

Жученко. А на лицо?

Мѣшковскій. А на лицо душъ тридцать! — Разбѣжались!

Жученко. А-а-а! Вишь ты, — разбѣжались!?

Мѣшковскій. Да. — Разбойники!

Жученко. Я жь тебѣ говорю: разбойники!

Мѣшковскій. Такъ ты, братъ, хозяинъ?!

Жученко. Хозяинъ! — И ты, братъ, хозяинъ?

Мѣшковскій. Хозяинъ! — Во-какъ!

Жученко. Да! — Знаешь, я у себя завелъ: чуть что — драсть, какъ Сидорову козу. А не то, разбойники! — убьютъ!

Мѣшковскій. Да, убьютъ же и есть!

Жученко. Это бестіи такіе, что съ ними только и можно розгой. А каковъ у тебя староста?

Мѣшковскій. Мошенникъ! разбойникъ! воръ!

Жученко. Ха, ха, ха, ха! Вѣдь и у меня тоже!

Мѣшковскій. Каналья!

Жученко. Плутъ естественный!

Мѣшковскій. Я своего сѣку каждый божій день!

Жученко. Ха, ха, ха, ха! Вѣдь и я тоже!

Мѣшковскій. А не то обворуетъ! убьетъ!

Жученко. А-а-а! Убьетъ? — Это братъ не то, что фельд-себелъ въ полку!

Мѣшковскій. Да въ полку и жизнь другая!

Жученко. Рота бывало идетъ — душа растетъ просто!

Мѣшковскій. А ты давно въ отставку?

Жученко. Десять лѣтъ.

Мѣшковскій. Во-какъ!

Жученко. Да. — А ты братъ давно въ отставку?

Мѣшковскій. А во на Знаменье девять лѣтъ было!

Жученко. Такъ ты, братъ, хозяинъ?!

Мѣшковскій. Хозяинъ. — И ты, братъ, хозяинъ?

Жученко. Хозяинъ.

Мѣшковскій. Во-какъ!

Жученко. Да!

Мѣшковскій. Славно!

Жученко. Небось службу забыть?!

Мъшковскій. Нѣтъ, братъ, не забыть!

Жученко. А ну съ Рекрутской школы! Дѣлай-ка правильно!

Мъшковскій. Ишь.

Жученко (командуетъ). Подъ и-у-у-у — роко! Да вотъ же и забыть (*).

Мъшковскій. Гдѣ жь забыть?

Жученко. А ну еще разъ! (Командуетъ) Подъ к-у-у-у — роко! Ну, и есть забыть.

Мъшковскій (съ жаромъ оскорбленнаго достоинства). Нѣтъ, не забыть!

Жученко. А въ первомъ приемѣ палецъ гдѣ?

Мъшковскій. Какой палецъ?

Жученко (торжественно). Да большой же! — Ты берешь въ обхватъ!

(Мъшковскій подходитъ въ шагъ).

Мъшковскій (съ досадою). Ну въ обхватъ!

Жученко (торжественно). Ну и забыть!

Мъшковскій (съ жаромъ). Да въ обхватъ же!

Жученко. А да нѣтъ! На шурупъ! (*)

Мъшковскій (съ запальчивостью). Въ обхватъ!

Жученко (съ чувствомъ превосходства). А посмотри въ уставъ!

Мъшковскій. Да я же каждый день уставъ читаю!

Жученко. Вѣрно плохо!

Мъшковскій. Нѣтъ, не плохо! А это ты, братъ, забыть!

Жученко. И я тоже каждый день читаю!

Мъшковскій. И я читаю. Посмотришь по хозяйству, опоперь этихъ бестій, да отъ-нечего-дѣлать за уставъ!

Жученко. Ну и я то же.

Мъшковскій. Такъ въ обхватъ же!

Жученко. На шурупъ!

Мъшковскій. Поидемъ ко мнѣ! Рекрутская школа со мной!

Жученко. Взгляни!

Мъшковскій. Вотъ сейчасъ поидемъ! Еще успеешь обхватъ. Я стою не далеко.

(*) Окончательная команда, напечатанная курсивомъ, произносится коротко.

(*) Шурупъ вить въ ружьѣ. Дѣло идетъ о вшитѣ, придерживающемъ ружейный замокъ.

Жученко. Пойдемъ!

(Поспѣшно уходитъ.)

ПЕРВУЧЕВЫЙ (грустно, смотря внизъ). Вопросъ чрезвычайной важности! И главное—имъ время заниматься! Точно нѣтъ вопросовъ животрепещущихъ, необходимыхъ, которые на сердцѣ наболѣли, измучили всю душу. Когда-жь, какъ не теперь, ихъ разрѣшить удобно,—здѣсь собрано дворянство всей губерціи, — Богъ вѣсть, что занимаетъ ихъ, составились кружки, всё съ жаромъ говорятъ, точно въ самомъ дѣлѣ въ нихъ есть огонь, точно будто кровь течетъ въ нихъ жилахъ, а не какая-то холодная лимфа! Послушаю пойду! Мнѣ хочется знать главнѣйшее настроеніе умовъ.

1-я Группа: Пестриковъ, Медидовъ (судья, исправляющій вѣсть съ тѣмъ и должность предводителя. Маленькій человѣчекъ съ большимъ, слегка рыбымъ лицомъ, и съ огромнымъ брюхомъ. Онъ чрезвычайно любитъ спорить и противорѣчить, но только на словахъ; въ сущности онъ очень добрый человѣкъ и на дѣлѣ крайне уступчивъ. Говоритъ, что его волосы и щеки въ подлѣмъ владѣніи его жены, а носъ подлѣ неограниченною властію секретаря). *Нѣсколько помѣщается.*

Пестриковъ (дидактически). Ужь я вамъ говорю: хозяйка, какъ хозяйка! Какіе у нея огурцы соленые и копченая рыба! — Объяденье! Я нигдѣ не вѣдалъ такихъ. Моя жена взяла у нея рецепты. Во-первыхъ, надобно перемыть огурцы, потомъ взять бочку, выпарить ее...

Медидовъ. Пока будете бочку парить—огурцы завянутъ!

Пестриковъ. Фу, Боже мой! Ну прежде выпарьте бочку, положите рядъ листьевъ дубовыхъ, смородиновыхъ и кленовыхъ...

Медидовъ. Эхъ, куда забхали!—Кленовыхъ не кладутъ.

Пестриковъ. Нѣтъ, кладутъ! Потомъ положите рядъ огурцовъ, рядъ листьевъ, рядъ огурцовъ, рядъ листьевъ, такъ доверху. Засыпьте сверху листьями, укропомъ, ястрогономъ, положите нѣсколько головокъ чесноку...

Медидовъ. Сохрани васъ Боже класть чесноку! Огурцы будутъ вонять сапогами!

Пестриковъ. Можно и не класть, —кто какъ любитъ.

Медидовъ. Да кто же будетъ любить огурцы, которые воняютъ извошцкими сапогами! Нѣтъ, батенька, не мастеръ вы, я вижу, солить огурцы! Вотъ у меня, батенька, огурцы, такъ огурцы!

Пестриковъ. Далеко вашимъ до этихъ! Это сласть!—ков-

оста! Ну-съ, потонь уложивши такъ, обдайте самыя крутыя кнѣткось....!

Медидовъ. Ну что-ли—и вѣздеть дрян! Обдавать кнѣткомъ не должно!

Пестриковъ. Нѣтъ, должно!

Медидовъ. Нѣтъ, не должно!

Пестриковъ (съ досадой). Да вѣдь вы не ѣли этикъ огурцовъ!

Медидовъ. И ѣсть не стану такой мерзости!

Пестриковъ. Вы сперва попробуйте...

Медидовъ. И пробовать такой дряни не хочу!

Переученный. Желудки!.. Боже мой, сойти съума! Неужели я не услышу ни одного живаго слова, ни одной мысли здравой? Тяжело и горько слушать! Вотъ о чемъ-то съ жаромъ разсуждаютъ. Послушаю!

2-я Грушпа: Господинъ съ бородавкой, Ласточкинъ, Шиноваловъ, Мухоморовъ и другіе.

Мухоморовъ. Ну, а овесъ у васъ въ нынѣшнемъ году какъ?

Шиноваловъ. Плохъ, очень плохъ! На сѣмя не сберешь.

Ласточкинъ. Дождей совершенно не было!—все погорѣло.

Мухоморовъ. Я не знаю, какъ у васъ, господа, а у меня въ нынѣшнемъ году овесъ поснѣлъ совершенно не во время, такъ что я не успѣлъ его убрать и вѣрно половина зерна вытекла.

Господинъ съ бородавкой. И у меня тоже. А ужъ чего не дѣлали, чтобъ дождичка Богъ послалъ, и вокругъ полей ходили, и лягушекъ били и по деревьямъ вѣшали, — ничто не помогло. Все погорѣло.

Ласточкинъ. У меня тоже не успѣли во время убрать.

Шиноваловъ. Говорятъ, есть машина такая, что живо все сожнетъ. Вотъ еслибы такая машина у насъ была!

Господинъ съ бородавкой. Сохрани васъ Господь Богъ и видѣть-то ее, а не только что имѣть!

Шиноваловъ. Отчего же?

Господинъ съ бородавкой. Отчего? — Оттого, что это вздоръ, выдумки! Пустая теорія и вольнодумство этикъ умниковъ, а на практикѣ, батенька, не то. На практикѣ чистое разоренье: купите машину, заплатите за нее собачьи деньги, а она у васъ поработала нѣсколько дней, а тамъ и стой. И все ужъ не сработаетъ такъ, какъ человекъ! Наконецъ и грѣхъ тяжкій! Вѣдь не показано собирать клѣба и работать машинами. Значитъ, мы должны трудиться, исполнять Господню волю. Вѣдь

не сказано машинами съѣшь хлѣбъ твой, — ну и значить это грѣхъ. Вѣдь Богъ это въ наказаніе за грѣхи опредѣлилъ трудиться для хлѣба, а мы говоримъ, молъ выдумали машины, теперь нѣтъ и наказанья Божьяго для насъ! Вѣдь это вотъ что!

Мухоморовъ. Именно что грѣхъ! Братцы вы мои, какъ народъ—то нынче умудряется—страсть! Выше Бога хотять быть!

Господинъ съ бородавкой. Вотъ то—то и плохо!... Последнія времена приходятъ; — прежде, какъ люди жили въ простотѣ нравовъ, не мудрили такъ, не превозносились, и было все лучше: и благораствореніе воздухонъ, и плодородіе плодовъ земныхъ! А теперь вотъ неурожай, бѣды, скорби! Все это въ наказаніе за гордость человѣческую, за то, что мы хотимъ слишкомъ много знать. Вѣдь чуть башни вавилонской не строятъ!

Шиповаловъ. Ну, просвѣщеніе полезно!

Господинъ съ бородавкой (съ жаромъ). А зачѣмъ оно! Вотъ мой дѣдушка, царствіе ему небесное, читать не умѣлъ, а какъ жилъ! Гдѣ намъ со всѣмъ просвѣщеніемъ такъ жить! И что это въ мірѣ дѣлается? Стрѣсть и ужасъ! Пошли вредныя идеи, безбожіе, вольнодумство! Все это просвѣщеніе! Вдругъ выдумали простой народъ грамотѣ учить. Да развѣ этихъ скотовъ можно чему нибудь выучить! И для чего имъ науки и просвѣщеніе! Они должны работать, они созданы для работы! То—то эти машины! Прежде народъ трудился, такъ и зналъ Бога, а теперь — машины, ну, машины и въ головахъ пошли! Я бы ихъ всѣхъ и съ машинами! И все это вздоръ, не вѣрьте! Эти машины хороши за границую гдѣ нибудь, въ Германіи. Тамъ нѣкое королевство меньше моего имѣнія. Такъ, — тьфу! — бородавка, а не государство! Ну, въ такихъ—то владѣніяхъ и королю некому служить; вѣдь надобно тоже дворъ, прислуга, войско, чины разныя, управленія, власти; считайте—ка все и выходитъ, что всѣ на службѣ, а на частныхъ владѣльцевъ и работать некому. Пеневолаѣ, хочешь, не хочешь, запрягай машину, да отдавай душу въ некло. А у насъ чего? Слава Богу, есть кому работать! Вонъ у меня дворни одной, не знаешь куда и дѣвать, даромъ живутъ, имъ и дѣлать нечего, работы для нихъ не выдумаешь, а обожрали со всѣмъ. Вѣдь онъ лопаетъ столько же, какъ и работникъ.

Мухоморовъ. Да, ужъ его подай ему. Корни! Онъ не разсуждаетъ, что онъ ничего не дѣлаетъ. Вонъ у меня Ериголаѣ, старъ сталъ, какъ собака, ходить не можетъ, умъ ровно ничего не дѣлаетъ, а ты его все—таки корми—жреть какъ молодой!

Господинъ съ бородавкой. Ну, вотъ такъ и есть! За-
чѣмъ намъ машины, когда у насъ и людямъ-то дѣлать нечего!

ИВАНУЧЕННЫЙ (не выдержавъ). А зачѣмъ у васъ столько дворики?

Господинъ съ бородавкой (настойчиво осматривая его съ ногъ до головы). Гмъ! Зачѣмъ у меня столько дворики?... Ха, ха, ха! Зачѣмъ, что Богу угодно было дать мнѣ такой достатокъ! У дру-
гаго пахать некому, коннать вытопить некому, а у меня дѣлать
людямъ нечего, такъ ихъ много! А зачѣмъ? это спросите у Бога.
Тыжъ про что мы говорили-то?... Да! Ну, выдумайте нарочно
какую нибудь работу, тамъ, горку срыть, или еще что нибудь,
знаете, только чтобы они даромъ на печи не лежали, чтобы не
даромъ кормить ихъ. Ну, зачѣмъ же тутъ машины?! Впрочемъ,
знаете, — стыдно сказать, а нельзя не признаться! — вѣдь и кони
разъ отуманили. Побѣхалъ я къ управляющему Давида Сергѣе-
вича, онъ мнѣ и рассказываетъ, что Давидъ Сергѣевичъ изъ Пе-
тербурга пишетъ, купилъ, вишь, машину и отправляетъ сюда.
Машина, изволите видѣть, паровая, она паромъ будетъ и муку
молоть, и крупу обдирать, и сукно валать, и молотить, и не
вѣсть что дѣлать, — все одна. И нѣмца мастера для устройства
прислалъ. Одолѣлъ и меня врагъ, засѣлъ у меня въ голову ма-
шина. Приѣхалъ я домой, моя мельница стоитъ, — воды нѣтъ,
молоть нечѣмъ! Свои мужики привезли рожь, сосѣдніе, — нѣтъ во-
ды да и только! Шабашъ! Стоитъ мельница. А меня врагъ такъ
и толкаетъ: поставь машину, молоть будетъ, крупу драть, сукно
валать! Престо одурѣлъ! Ну, думаю, куда ни шло, поставлю! А
потомъ опять раздумье беретъ. Что тутъ дѣлать? Помолился я
усердно Богу, чтобы Онъ меня надуумилъ что сдѣлать. Вотъ-съ
на другой день пришла мнѣ въ голову мысль: дай, молъ, пога-
даю! Вяжъ я Соломона, бросилъ восковой шарикъ, — что же вы
думаете, вышло? «*Не превозноситея, человецѣ, чтобы не потеряли
и послѣднюю данную Богомъ таланта!*» Тутъ на меня и нашло
просвѣтленіе. Боже мой, что же это я дѣлаю! Бросилъ я изъ го-
ловы это все. Ну, а Давидъ Сергѣичъ и поставилъ машину, и вы-
шла гадость. Его машина пороботаетъ въ годъ мѣсяца четыре
или пять, а тамъ и стоитъ. А моя мельница тихо, тихо, а все цѣ-
лый круглый божій годъ работаетъ.

Ласточкинъ. Хорошо, что вы вздумали погадать!

Господинъ съ бородавкой. Богъ надуумилъ!

ПЕРВЫЙ ЧЕРНЫЙ. Машина работаетъ четыре мѣсяца и все-таки

въ сто разъ больше сдѣласть и принесеть пользы, нежели ваша мельница, работая годъ.

Господинъ съ бородавкой. Ну, это еще веселами на водѣ писано, вы въ моемъ карманѣ не считали! Вы еще молоды! У васъ въ головѣ все идеи, да воздушные замки, а ужъ я, батюшка, посдѣлалъ надъ дѣломъ-то. Знаю, какъ на практикѣ! Нѣтъ-съ, машины — гибель, вредъ!

Шиповаловъ. А, напримѣръ, желѣзная дорога!

Господинъ съ бородавкой (презрительно). Что же въ ней полезнаго?

Шиповаловъ. Во-первыхъ, европейское образованіе....

Господинъ съ бородавкой. Какое тамъ образованіе! На-показъ, что въ немъ? Жили люди и безъ него, безъ европейскаго вашего образованія, еще лучше, чѣмъ теперь, — богаче, спокойнѣй, счастливѣй!

Шиповаловъ. Во-вторыхъ: скорость сообщенія....

Господинъ съ бородавкой. А зачѣмъ она? Что такъ при-спичило летѣть, сломя голову?

Шиповаловъ. Товары перевозить!

Господинъ съ бородавкой. Товары перевозить? На то Господь создалъ скота — лошадь. А ваши машины только народъ развращаютъ. У троечниковъ — мужичковъ-ямщиковъ — хлѣбъ отняли, а пользы отъ нихъ никакой! Что я буду скакать, какъ угорѣлый? Мнѣ пріятнѣе отдохнуть когда хочу, и постоять сколько пожелается, и пообѣдать, и чаю напиться, гдѣ вздумается. Вду я на лошадахъ, я полный себѣ господинъ! Захотѣлъ вѣталь, прошелся, опять сѣлъ: пошелъ! Захотѣлъ вду, захотѣлъ — стою! А тутъ уложить какъ вещь и везуть сломя голову, словно на пожаръ! Я бы всѣхъ этихъ, кто машины выдумалъ и вѣдитъ на нихъ, пересѣкъ и спросилъ: куда и зачѣмъ они летѣли? Эхъ вы, умники, умники! А небось, у васъ скоть-то весь выпалъ!

Шиповаловъ. Что жь дѣлать? Эпидемія.

Господинъ съ бородавкой. Ну, а у меня такъ не падалъ. Я вотъ не пошелъ къ университетскимъ умникамъ спрашивать: что дѣлать? А у меня скотница Химка больше ихъ всѣхъ знаетъ. Вотъ и въ университетѣ не была, а спасла скоть — тѣ бы вѣдь не съумѣли!

Ласточкинъ. Какъ же она спасла?

Господинъ съ бородавкой. А, говоритъ, припадите, ба-

ринъ, на воротахъ и на всѣхъ углахъ написать дегтемъ: «нѣту дома, приходи вчера».

Мухоморовъ. Какъ? какъ?

Господинъ съ бородавкой. Нѣтъ дома, приходи вчера.

Мухоморовъ. И больше ничего?

Господинъ съ бородавкой. Больше ничего! Разумѣется, держали его на скотномъ дворѣ, не выпускали, курили навозомъ, поили изъ колодца, хотя колодезь дальше чѣмъ рѣка, да отецъ Іоаннъ освятилъ въ колодезѣ воду.

Мухоморовъ. И ни одна не упала?

Господинъ съ бородавкой. Ни одна. Да вотъ я вамъ скажу примѣчаніе, замѣьте самъ: съ тѣхъ поръ, какъ на нашей рѣчкѣ кожевникъ поставилъ проклятую машину, какъ часто пошли падежи!

Ласточкинъ и Мухоморовъ. Правда, правда!

Шиповаловъ. Случай!

Господинъ съ бородавкой. Нѣтъ, не случай, а машина проклятая! Отчего? Оттого что, правду говоритъ отецъ Іоаннъ, Господь отвернулся отъ водъ и онѣ стали зловредны!

Переученный. Оттого, что на вашей рѣчкѣ поселился кожевникъ; онъ вымачиваетъ кожи въ рѣчкѣ, а между кожами есть съ зараженнаго скота. Черезъ это внизъ по теченію и пошли падежи. Вотъ, когда вы будете избирать исправника, такъ и ткните его въ это носомъ.

Господинъ съ бородавкой. Это такъ, по вашему, по ученому. Вѣдь вы не признаете божьяго промысла! А по нашему, по христіанскому, это божье поущеніе, наказаніе за грѣхи.

Шиповаловъ. Ваша правда: это божье поущеніе за грѣхи наши! Но, знаете, мнѣ кажется, и въ ихъ словахъ много справедливаго.

Господинъ съ бородавкой. Ну ужъ, батюшка, поздравляю съ этой справедливостью! Это гдѣ, дичь, вадоръ!

Господинъ съ сафемъ, Медведовъ, Пестривцовъ и другіе входятъ.

Господинъ съ сапомъ. Петръ Васильевичъ! почтеннѣйшій Петръ Васильевичъ! Какъ ваше драгоценное адоромье? Игнатій Николаевичъ! Семену Андреечу мое лижайшее! Павелъ Пестривичъ! Петръ Павловичъ! Какъ живете, можете?

(Здороваются.)

ГОЛОСА.

- Благодарю покорно!
- Вы какъ поживаете?
- Что это васъ не видне?
- Анна Дмитриевна какъ здорова?
- Дѣточки ваши?

Господинъ съ сапомъ. Покорно благодарю! Всѣ здоровы.

ГОЛОСА.

- Ну, слава Богу!
- Здравствуйте!
- Мое почтеніе!
- Сколько лѣтъ, сколько зимъ!

Господинъ съ сапомъ (господину съ бородавкой). О чемъ это вы спорили?

Господинъ съ бородавкой. Да вотъ молодой человекъ набрался въ университетъ всякой дряни! У него зашелъ умъ за разумъ просто! Несетъ такую гиль, что уши вянутъ!

Медидовъ. Что такое? Что они говорятъ?

Господинъ съ сапомъ. Въ чемъ дѣло?

Господинъ съ бородавкой. Извѣстно что! Безбожіе, вольнодумство, ниспроверженіе порядка, вредныя идеи.... Напримѣръ, хочеть мужиковъ учить грамотѣ, давать имъ образованіе.

Господинъ съ сапомъ. Не въ университетѣ ли ихъ?

Переученный. Отчего же нѣтъ? Если кто изъ нихъ пожелаетъ и дѣйствительно предастся наукѣ—пусть идетъ въ университетъ. Намъ надобно давать имъ средства учиться.

ВМѢСТѢ.

- Пестриковъ. Ну, ужъ это черезчуръ!
- Господинъ съ бородавкой. Слышите?
- Господинъ съ сапомъ. Эхъ, куда хватили! Конюшня— вотъ ихъ университетъ!
- Медидовъ. Поналъ пальцы въ небо!

Шиповаловъ. Ужъ это совершенно излишне! Нѣтъ никакой надобности давать имъ такое образованіе. Зачѣмъ мужику лѣзть не въ свои сани, въ университетъ, съ шитымъ рыломъ, бородѣ!

Переученный. Вы говорите—нѣтъ надобности? Есть надобность! Большая! Насущная потребность! Посмотрите, какъ въ наше время измѣлчали люди! Гдѣ у насъ мірорые гайна, или, по крайней мѣрѣ, великіе таланты? Ихъ нѣтъ! Нигдѣ вы не найдете

человѣка съ огромнымъ дарованіемъ. Нѣтъ у насъ мыслителей великихъ, писателей, поэтовъ гениальныхъ, изобрѣтателей, ученыхъ, великихъ дѣятелей на поприщѣ гражданскомъ, великихъ полководцевъ! Ни въ чемъ, ни гдѣ нѣтъ человѣка, который бы значительно превосходилъ другихъ! А отчего?

Медидовъ. Гдѣ жь имъ быть у насъ въ Россіи?

Шиповаловъ. Россія молода еще! Мы пока должны учиться у иностранцевъ!

Переученый. Въ самомъ дѣлѣ, какія мы дѣти! Малютки! Тысячу лѣтъ Россія существуетъ, а что мы сдѣлали? Какую пользу принесли мы человѣчеству? Какой вопросъ мы разрѣшили въ жизни народовъ? Мы даромъ бременны землю. Вы говорите: мы должны учиться у иностранцевъ! Неужели мы дѣти и должны ходить на помочахъ? Перенимать чужое, не жить своимъ умомъ? Пора намъ возмужать, понять себя и перестать гордиться тѣмъ, чего сжидаться бы было надо. А вы сказать могли, гдѣ явиться человѣку съ дарованіемъ въ Россіи.... Что жь, у насъ развѣ быть не можетъ талантовъ? Нѣтъ, были у насъ Сперанскіе, Суворовы, Пушкины, Лермонтовы, Гоголи, Грибоѣдовы и другіе. Я вѣрю въ русскій умъ: въ него нельзя не вѣрить. Пора же заявить его предъ свѣтомъ. Въ Россіи много силъ, пора имъ дѣйствовать на пользу и удивленіе всего міра. Пускай проснутся эти силы и русскій умъ нашъ развернется! Тогда мы много совершимъ, мы создадимъ великое, и человѣчество съ благодарностью и съ удивленіемъ къ намъ придетъ учиться!

Господинъ съ бородавкой. Пошелъ!...

Господинъ съ сапомъ. Экую понесъ ахиною!

ДРУГЪ ДРУГУ.

— Медидовъ. Темно какъ....

— Пестриковъ. Я ни чорта не понимаю!

— Мухоморовъ. Вотъ наговорилъ!

— Шиповаловъ. Сколько у него мысли!... Нѣтъ, дѣльно говорить.

— Ласточкинъ. Нѣтъ, слишкомъ мудрено ужъ!

Переученый (продолжаетъ съ жаромъ, не обращая вниманія на ихъ перешотынанія). Не можетъ быть, подумайте вы сами, чтобъ нѣтъ семидесяти милліоновъ не было у насъ великихъ, мировыхъ талантовъ, когда мы, русскіе, и всѣ славяне, одарены такъ щедро отъ природы! Соверъ мы выродились—и только! Въ жизни государства принимаютъ участіе не семидесять милліоновъ, а двѣсти

тысячь. Изъ нихъ, пока, являлись всѣ таланты, имъ пока доступно просвѣщеніе, но двѣсти тысячъ не могутъ же проводить все гениевъ, талантовъ! Мы вырождались, пороки множались; но въ массѣ остальной, миллионной, есть гении, таланты, но нѣтъ для нихъ дороги. Они подъ палкой вашей, въ тнѣ невежества, необразованья гибнуть. Вотъ почему для насъ, для нашего отечества, для человѣчества всего необходимѣе открыть и мужикамъ дорогу къ просвѣщенію.

ВМѢСТѢ.

- Господинъ съ бородавкой. Галиматья!
- Господинъ съ сапомъ. Досадно слушать!
- Медидовъ. Дичь несетъ!

Мухоморовъ. Кто же тогда будетъ работать, если мужиковъ учить?

Переученный. Они же, — мужики!

Господинъ съ бородавкой. Вы же ихъ хотите засадить въ университетъ!

Господинъ съ сапомъ. Ихъ на конюшню! — вотъ университетъ! Да розги вмѣсто наукъ: какъ вспрыснешь, такъ и научишь уму-разуму! Вотъ имъ какое надо просвѣщеніе!

Переученный (господину съ бородавкой). Въ университетъ пойдетъ миллионная, можетъ быть, доля; а остальные останутся работать! Знаніе грамоты пахать нашимъ мужикамъ не помѣшаетъ, какъ не помѣшаетъ пѣвцамъ.

ДРУГЪ ДРУГУ ГОВОРЯТЪ ВМѢСТѢ.

- Пестриковъ. То пѣмцы!
- Мухоморовъ. Да. А это наши русскіе мужики!
- Ласточкинъ. Братцы мои!... Да какъ учить мужика и къ чему это? Развѣ это ему нужно?
- Шиповаловъ. Дворовыхъ еще — такъ, пожалуй, необходимо учить читать и писать.

Господинъ съ бородавкой. Когда же имъ читать, когда работать надо!

Переученный. Зимой! Наконецъ всегда, когда идетъ въ кабакъ онъ. — Онъ пьяница отъ невежества и скуки. Развейте его понятіа, — онъ нравственнѣе будетъ. Онъ не пойдетъ въ кабакъ, а станетъ читать книгу.

Господинъ съ сапомъ. Фразы, сказы, сказы. Дичь! гм! Экъ, куда заѣхали!... Досадно даже слушать!

Господинъ съ вереводкой. Да развѣ можно ихъ выучить чему нибудь? Изъ русскаго мужика вы ничего не сдѣлаете! Чужезучный. Ничѣ, русскій мужикъ не уменъ, не ухватливъ и не способенъ! Вы на него не кланяйтесь!

Господинъ съ сапомъ. Какое огороде!

Переученный. Отчего же какое огороде? Мы всѣ одного рода, одного происхожденія! Наши предки выжили изъ такихъ же мужиковъ, холоповъ, хамовъ огорода! Намъ такъ же пашками другіе дули. Наконецъ, рѣдко заслугами, а чаще подлостью, еще выслужившись, освободились и на дѣ другіи возвышились сами. Тутъ они сабали все, какъ ихъ дѣлали и оскорбляли. Забали трудъ и стали жить въ праздности и лѣни, другіхъ дѣла не оскорбляя. Современнѣ на онилахъ ихъ зашили рубцы, руки побибли, потому что ихъ на черную и трудную работу не употребляютъ. Мы не жаримся по цѣлымъ днямъ на полѣ и носимъ тонкія одесды, оттого у насъ мягче и бѣлѣ кожа. И въ то время, какъ крестьянинъ трудится, мы въ праздности живемъ: ѣдимъ и пьемъ неуиѣренно, спимъ полжизни, развратничаемъ, поронимъ предаемся, — вотъ мы и благородные — дворяно!

Нестриковъ. Что жь, и вамъ прикажете работать?

Переученный. Разумѣется! Если за васъ трудятся другіе матеріальнѣ, физически, — вы также должны неутомимо работать головой. Въ противномъ случаѣ, они напрасно для васъ трудятся и вы живете на счетъ ихъ. Вы чужеядное животное! — хуже! Вы упьери — потъ и кровь всю жизнь изъ другіхъ сосете, а сами, ничего не дѣлая, толстѣете. И сверхъ того, еще презрѣніе и отвращеніе на каждомъ шагу показываете изъ мужикамъ. Вы ихъ должны любить и уважать, благодарить должны.

Господинъ съ сапомъ. Мужиковъ-то!

Переученный. Да! По чьей же милости вы такъ живете? Вѣдь вы живете на чужой счетъ. Сами вы ничего не дѣлаете, не трудитесь; кто же вамъ дастъ средства жить въ праздности, полжизни спать, объѣдаться и мотать! Мужикъ, — вѣдь вы на счетъ его труда живете. Если сыты вы съ семействомъ, одѣты и довольны — всѣмъ мужику обязаны. Не забудьте, что это платье и каждая въ немъ нитка — потъ кровавый мужика! Каждая кофѣйка, которую вы готовы на вѣтеръ бросить — потъ кровавый мужика; каждый кусокъ хлѣба, который вы ѣдите — орошенъ былъ потомъ мужика! Каждая капля вина, когда вы пьянствуете — потъ кровавый мужика! Мужикъ такой же человекъ, какъ

вы, оны братья наши! Деня въ праздности, въ толкѣ и нѣтъ, объѣдаясь до болѣзни, не забудьте вамъ долги, знойный, душный, лѣтній день, наляпый какъ огонь, и вспомните, что братья ваши весь этотъ день въ полѣ нуды трудовою работою изнѣживались. Представьте себѣ весь этотъ тяжелый трудъ до изнеможенья, весь потъ и жажду, для утоленія которой нѣтъ часовъ и прохладительныхъ напитковъ, а только грязная и теплая вода. Представьте себѣ голодь, хлѣбъ съ макиной и со жмакой (*), хлѣбъ, который и свиная ваша наврядъ ли станетъ жрать. Зимною вспомните вы стужу, и непогоду весной и осенью. Припомните и грубыя одежды, ланты, всю эту жизнь труда, лишений, кровавого пота. И такъ живутъ десятины, сотни вашихъ братьевъ и трудятся до истомы только для того, чтобъ вы оны могли жить въ праздности и лѣни, въ обжорствѣ и развратѣ, потать и на вѣтеръ бросать то, что стоило другимъ такъ много трудового пота! Вы вспомните, что братья ваши, отъ бѣдности и отъ труда для васъ, потеряли все человеческое и сдѣлались одной ошнчешкою силой. Вы вспомните, что ихъ способности не равнялись, понятія за-глубили — и все это для васъ, для вашего изнеможенья! Для васъ однихъ десятки, сотни вашихъ братьевъ осуждены на страшныя лишения и тяжкій трудъ! Когда вы вспомните все это, поймите, что жить для нихъ значитъ — на васъ работать и доставлять вамъ удобства и средства къ жизни. — Тогда вы его не наградите за все это рожкой, толчками и презрѣньемъ; вы не скажете ему ни мово отродье — Митька, Ванька! какъ будто бы для нихъ нѣтъ имени человеческого. Нѣтъ, вамъ стыдно, больно станетъ за трудъ его, за вашу лѣнь и праздность, вамъ горько будетъ! (Съ величайшимъ увлеченіемъ и чувствомъ) Вы скажете тогда: братъ мой! несчастный братъ! Цѣною твоего труда, твой потъ, твое изнеможенье. Ты для меня трудился, для моего удобства, для моей лѣни. Ты все принесъ мнѣ въ жертву: силы, способности, время, кровавый потъ, достоинства, понятія человека, всю жизнь ты мнѣ принесъ. Ты для меня живешь великодушно, а не на счетъ труда чужаго, какъ я. Ты выше, братъ, почтеннѣе меня! Благодарю тебя, мой братъ, кормилецъ мой, благодарю! — И съ удовольствіемъ взглянете тогда вы на морщинистыя руки, заглубившія въ работѣ для васъ, и сердце ваше горько и тяжело сожмет-

(*) Жмака — выжимка изъ конопляныхъ зеренъ, когда бьютъ масло. Ихъ ждываютъ въ муку.

ся отъ грубой одежды ихъ, отъ скверной пищи. И вырастеть передъ вами Ванька или Петрушка въ гиганта терпѣнія и самоотверженія; въ эмблему мученика, труда и любви братской! Все мило и уваженія достойно покажется въ немъ вамъ: и грязь его, и грубость!

Господинъ съ бородавкой. Вы нездоровы!

Переученный. Нѣтъ, это вы больны и близоруки. Гордитесь же вы древностью рода. — Чѣмъ родъ длиннѣй, тѣмъ больше угнеталъ онъ, тѣмъ больше жилъ на счетъ другихъ. На немъ тѣмъ больше пятенъ. Для него пролито болѣе кроваваго пота, онъ больше слезъ, проклятій большихъ стоитъ!... Гордитесь, господа, гордитесь древностью дворянства!

вмѣстѣ говорятъ другъ другу.

— Пестриковъ. Разумѣется, гордитесь!

— Мухоморовъ. Еще бы не гордиться!

— Шиповаловъ. Ну ужь, это дичь!

— Ласточкинъ. Черезъ край заѣхалъ!

— Медидовъ. И слушать нечего. Видъ вотъ нанороль-то чужой!

— Господинъ съ бородавкой. Ей Богу въ желтый домъ пора! Вотъ какъ науки возвращаютъ человека! Вотъ вамъ примѣръ; вѣдь умный былъ мальчикъ! — такой острый. А теперь!

— Медидовъ. Повихнулся! — умъ зашелъ за разумъ!... А впрочемъ, говорить такъ складно и умно.

Господинъ съ сапомъ. Охъ, эти умники! не доведутъ насъ до добра! Господа, вы слышали? — только, пожалуйста, это между нами!

Медидовъ. Что такое? что такое? Скажите мнѣ, вы знаете, я ужь не проболтаюсь!

Господинъ съ сапомъ. Говорятъ, — это только слухи и, по всей вѣроятности, пустыя. Я, знаете, такъ слышалъ стороною, — или сказать вамъ правду, — племянникъ мнѣ писалъ изъ Петербурга. Сегодня я письмо вотъ получилъ.

Медидовъ. Чтѣ жь такое? Говорите скорѣй, не мучьте!

Господинъ съ сапомъ. По моему это невѣроятно! Совершенный вздоръ!

Медидовъ. Война?

Господинъ съ сапомъ (оглянувши всѣхъ значительно, говоритъ тихо и съ таинственностью). Говорятъ, что крестьянъ хотятъ освободить.

СО ВСѢХЪ СТОРОНЪ ВОСКЛИЦАНІЯ.

- Быть не можетъ!
- Неужели?
- Вотъ-те и разъ!
- Вздоръ!
- Гиль!
- Галиматья!
- Эти слухи давно ужъ!
- Поболтаютъ и перестанутъ!
- Вѣдь это смерть!
- Это все ученье, университеты!—Они проповѣдуютъ!
- Вотъ какую дичь несутъ!
- Неправда!
- Что жъ, намъ умирать съ голоду?
- Самимъ работать, что ли?
- Чѣмъ жить?
- Не можетъ быть!—Это противузакононо!
- Это противъ смысла!

Переученный. Неужели? — Давно пора! Наконецъ-то двинется впередъ Россія!

Господинъ съ сапомъ. Я этому и самъ не вѣрю!

Медидовъ. Откуда вы вздоръ этотъ выкопали? Ну, можетъ ли быть это?

Переученный. И можетъ быть, и должно быть!

Господинъ съ бородавкой. А на основаніи какихъ законовъ?

Переученный. А на основаніи какихъ законовъ вы владѣли вашимъ братомъ, какъ скотомъ, какъ вещью, — могли его дарить, терзать, продавать? Какъ вы это смѣли дѣлать?... Развѣ онъ не человѣкъ такой же? Чѣмъ онъ виноватъ, что родился отъ честнаго друженака, а не отъ полусгнившаго развратника-дѣвтяя! Какія ваши права на нихъ? За что они осуждены на васъ работать даромъ? Вы чѣмъ ихъ лучше?—Свободу имъ, свободу! Правда имъ человѣка! Ихъ они трудомъ, терпѣніемъ и потомъ заслужили!

Господинъ съ сапомъ. Экъ, —чего вы разорались? Я вамъ говорю, что это слухи, а вы кричите. Еще услышать, скажутъ: распространитель вредныхъ толковъ, тогда и мѣста не найдешь!

Переученный. Нѣтъ, это будетъ непременно. Безъ этого

теперь обойтись невозможно! Это одна изъ главныхъ бьющихся жилъ жизни нашей!

Господинъ съ бородавкой (махаетъ рукой). Пойдемте, господа! Его не вразумишь, а толковать съ нимъ тошно! Ну, можетъ ли все это быть?

Расходятся.

Медиковъ (останавливая некоторыхъ за фалды и за пуговицы). Постойте, господа, постойте! Послушайте! Вотъ говорятъ, что мужикамъ даютъ свободу. Это я вамъ скажу, — слухи; злонамѣренные люди давно ихъ распускаютъ для произведенія волненія и беспорядковъ. У насъ недавно было въ судѣ дѣло и, я вамъ скажу, тоже о свободѣ. Какъ ихъ плетями отодрали — перестали искать свободы.

Господинъ съ бородавкой. Разумѣется!

Группа 3: Молодой человекъ въ очкахъ, Роговъ, два Мартышки и другіе.

Молодой человекъ въ очкахъ. Хороша и смородиновка, — кто говоритъ! Особенно, знаете, съ перепоя, когда въ головѣ то-го.... ошалѣла Магдалина!

Роговъ. Да, пожалуй! — вѣдь она кисленькая! А то, знаете, еще что хорошо! Имбирное пиво съ коньякомъ. То есть, я вамъ говорю, языкъ проглотишь. А какъ прохлаждаетъ! — изумительно! Это я помню, какъ теперь, на ярмаркѣ въ Погарѣ, собралась насъ компанія: играли мы и пили цѣлую ночь. Время прошло, восхитительно: вино, знаете, женщины, — словомъ, чего хочешь, того просишь. Меня жестоко отъутюжили, карманы просто выворотили и привели въ запустѣніе и забвеніе. На другой день просыпаюсь — въ головѣ, чортъ знаетъ, крысы въ чехарду играютъ; во рту мерзость, хуже чѣмъ эскадронъ переночевалъ; въ желудкѣ возмущеніе, бунтъ, тошнить, тянетъ, мракъ, голова кружится, въ виски стучить, въ глазахъ темно, двоится и точно все прыгаетъ. Хватилъ я имбирнаго съ коньячками, закусилъ соленою, невымоченою селедкой съ уксусомъ, и что же? — какъ рукой сняло! Очувствовался совсѣмъ. Заложилъ и ужь друзей приглубилъ. Все отыгралъ; обобралъ до нитки ихъ; часы, перстни, — все посылалъ.

Молодой человекъ въ очкахъ. А какъ я тебя встрѣтилъ безъ всего?

Роговъ. Это дорогою меня купеческой сыночек, собачий сыночек, обработалъ. Ну, чортъ съ нимъ, проклятый шулеръ, — слышимъ притворился! — А вотъ у него наливки такъ налижки! Врядъ ли во всемъ уездѣ у кого такія есть. Это у Ивана Макаровича; а жоночка то его, — у-у-у! славная какая, дыночка, мамаска!

Молодой человекъ въ очкахъ. Да, лакомый кусочекъ. Она, знаете, для любви такой, какъ ее тамъ называютъ, не годится. А аппетитная штука, за нею стоитъ того.... приударить!

Роговъ. А мы зѣваемъ, что ли? У мужа выпьемъ наливки, и къ женѣ закусить: дескать, подсластите, — горько!

Мартышка № 1. Такъ вотъ какъ! А я думалъ, она дама скромная.

Роговъ. А что, не хочешь ли приволокнуться! Эй, братъ, смотри! Забылъ яму?

Молодой человекъ въ очкахъ. Какую яму?

Роговъ. Да вотъ съ Мартышкой приключилась притча во явицахъ! Въ прошломъ году идемъ мы ночью по городу, только слышимъ: гу-у-у-у-у! гу-у-у-у-у! Что за чортъ? А надобно вамъ сказать, это случилось зимою, холодъ страшный, морозъ трескучий. Мы прислушались, кричитъ кто-то. И не то, чтобы кричалъ, а то стонетъ, не стонетъ, поетъ не поетъ, просто не почеловѣчески голоситъ. Пошли мы въ ту сторону, подошли къ оврагу; слышимъ изъ оврага голосъ. Спрашиваемъ; кто тутъ? А онъ: гу-у-у-у-у! Эка лѣшій! Вытащили — Мартышка! — пьяный, избитый, раздѣтый. Это его солдатъ какой-то поймалъ въ волокитствѣ за своей любезной, отмолотилъ, раздѣлъ и посадилъ въ яму, въ снѣгъ, — прохладить пылъ чувствъ. Простыль дружокъ! заоченьгъ, совсѣмъ ноги отморозилъ, руки, рожу! Небѣгай впередъ! Вѣдь околѣлъ бы, еслибъ не мы. Что, пожимаешься до сихъ поръ, — видно не согрѣлся, а?

Мартышка № 1. Это просто грабители напали!

Роговъ. Толкуй грабители! Онъ послѣ того, какъ завидитъ соддату, такъ бокомъ, бокомъ!... Нѣтъ, братъ, не тебѣ къ Марьѣ Ивановнѣ соваться!

Молодой человекъ въ очкахъ. Да и ты брешешь!

Роговъ. Чего мнѣ врать?

Молодой человекъ въ очкахъ. Разумѣется, врешь. Ужъ у тебя языкъ такой собачій — не можешь не брехать.

Роговъ. Чего брехать! Эка невидальщина Марья Ивановна! Мы не такихъ видали!

Молодой человекъ въ очкахъ. Все брешешь, собака; врешь, какъ сивый меринъ!

Роговъ. Ну, давай пари!

Молодой человекъ въ очкахъ. Давай! — Двѣ дюжины шпучки.

Роговъ. Давай! Да ты вѣдь не повѣришь, — какъ тебѣ доказать?

Молодой человекъ въ очкахъ. То-то и есть!

Роговъ. Эка чѣмъ вздумалъ удивить. Вѣдь добродѣтельныхъ женщинъ нѣтъ, и всякая женщина будетъ моею.

Молодой человекъ въ очкахъ. Ну, на это, братъ, надобно имѣть особенное искусство, да и физиономію-то, физиомордію нѣсколько другую. А ты ужъ тлѣнью предаешься! Страховня, дѣлаешься страховнею, сущая гробовня. Страхъ, мерзость и запустѣнье!

Роговъ. Ну еще постоимъ за себя!

Молодой человекъ въ очкахъ. Постоимъ! А за Машей дыконской приударилъ — да съ носомъ и отъѣхалъ....

Роговъ. Кто?

Молодой человекъ въ очкахъ. Да ты!

Роговъ. Я? Эхъ ты тетеря! Съ носомъ! Я ее увезъ.... Она бѣжала со мною ночью. Я ее продержалъ съ мѣсяцъ да и прогналъ къ чорту.

Молодой человекъ въ очкахъ. Когда же это было?

Роговъ. Когда было?

Молодой человекъ въ очкахъ. Да.

Роговъ. Въ іюль, если хочешь знать.

Молодой человекъ въ очкахъ. Врешь! брешешь! Тѣфу собака! Она была дома!

Роговъ. Ты ее видѣлъ, что ли?

Молодой человекъ въ очкахъ. Видѣлъ.

Роговъ. Когда, котораго числа?

Молодой человекъ въ очкахъ. Числа я не помню. Да стой, стой! Я тогда къ Ильѣ Игнатьевичу на именины ѣхалъ, — значитъ девятнадцатаго числа.

Роговъ. Ну то-то и есть девятнадцато! А мы бѣжали съ ней двадцатаго, въ самый Ильинъ день, — и вотъ тебѣ доказательство: помнишь, въ Ильинъ день была гроза; мы какъ разъ съ ней тутъ и выѣхали послѣ обѣда. Еще дяконъ легъ спать. Насъ еще у Поповой рощи гроза застала: она перепугалась, кричить, плачетъ, молнія блещетъ, громъ какъ горохъ сыпается, — просто страсть! Я согналь кучера долой, взялъ возжи и мы носкакали. Черезъ полчаса, мы уже были дома.

Молодой человекъ въ очкахъ. Вѣдь вишь, какъ брешешь! Тлетворный ты, злокачественный! Я на другой день именинъ ѣхалъ назадъ и опять заѣхалъ къ дякону испить прохладительную чару, и видѣлъ Машу. Она грибы намъ жарила на закуску!

Роговъ. На другой день она точно ѣздила за платьемъ и за бѣльемъ.

Молодой человекъ въ очкахъ. За тридцать пять верстъ! Ну, братъ, несешь неоколесную. Все равно, что ты проскакаль отъ Поповой рощи до дому двадцать пять верстъ въ полчаса.

Роговъ. И проскакаль! Ты знаешь мою тройку забубенную! И я самъ еще правиль!

Молодой человекъ въ очкахъ. Толкуй, такъ и повѣрили!

Мартышка № 2. А вотъ вы слышали? Медвѣдевъ увезъ гувернантку у Липовыхъ.

Молодой человекъ въ очкахъ. Экъ когда хватилса! Вотъ новость—то сказалъ! А кто ему далъ эту мысль, если не я! Онъ было и носъ на квинту опустилъ. Я, знаете, самъ того.... приволакивался.... то есть понимаете? Ну, думаю, чтобы не было послѣдствій, надобно оставить, а тутъ подвернулся Медвѣдевъ. Она больше оттого и уѣхала, что я устраивалъ это дѣло. Она все воображала, что ко мнѣ ѣдетъ.

Роговъ. Славно живетъ эта скотина, Липовъ! Чортъ его задави! Вотъ ужъ живетъ въ свое удовольствіе! Какія у него дѣвки—букетъ! малина! Одна другой лучше, канашки! А какъ поють и пляшутъ, такъ чортъ задави ихъ душу! Особенно Стешка—король—дѣвка!

Молодой человекъ въ очкахъ. Нѣтъ, Танька лучше!

Роговъ. Ну ужъ ей далеко до Стешки!

Молодой человекъ въ очкахъ. Нѣтъ, Стешка до Таньки далеко! Танька—огонь! Какъ пойдетъ, да присяжистнетъ, такъ

у нея всё суставчики и заговорятъ! Плечи! Фу ты, росношь! А глаза, глаза—огонь! адъ! А Стешка что?—ледъ!

Роговъ. А легка, граціозна! Сильфида! Просто вѣтеръ!

Молодой человекъ въ очкахъ. Танька пойдетъ, такъ горнишь весь! Эхъ дѣвка!

Роговъ. Ступа!

Молодой человекъ въ очкахъ. Нѣтъ, это Стешка истукашь!

Переучивный. Тошно слушать! Вино, развратъ, мерзость! Фу ты, Боже мой!

Группа 4. Порхавкинъ, Дурноумовъ, Дудочкинъ и другіе.

Порхавкинъ. Это что за протодьяконъ — дрянъ! Голосъ точно разбитый! Вотъ у покойнаго преосвященнаго былъ протодьяконъ, такъ протодьяконъ! Въ эту дверь не пролѣзеть. высокій, толстый; головница вотъ такая, курчавая, а голосище, я вамъ скажу, страсть! Какъ, бывало, хватить конецъ евангелія или многолѣтіе, такъ церковь задрожитъ, стѣны ходуномъ заходить, чуть не развалятся. Густой такой голосъ, точно изъ бочки или изъ пропасты.

Дудочкинъ. Да, чудный былъ протодьяконъ! Жаль, сила и голосъ потерялъ!

Порхавкинъ. Вотъ, я вамъ доложу, Вавиловскій дьяконъ, вы видѣли? Прелестъ! Служить превосходно! Съ чувствомъ служить! Я вамъ скажу, чудо! Походка такая, руку подниметь, станеть, скажетъ! — ну, отдай все, да мало! Голосъ славный, — ему бы вотъ протодьякономъ быть! Да жаль, тоже испиваетъ.

Порхавкинъ. Это правда, но за то и между ними есть такіе гордецы, что не приведи Богъ! Вотъ у меня былъ Андрей.

Дурноумовъ. Помню, славный, кажется, священникъ.

Порхавкинъ. Умный, — правда, но гордый страшно. Ужъ никому, бывало, не поклонится и не уступитъ. Его мужики не любили и, какъ вамъ сказать, не то, чтобъ уважали, а какъ будто боялись. Онъ держалъ себя такъ важно и далеко. Бывало, лучше просидеть голодный, нежели пойдетъ собирать по мужикамъ; я ему помогалъ, бывало: хлѣба дашь, того, другаго, третьяго. Казалось бы могъ и меня уважать! Нѣтъ! Иной разъ я еще сплю, а онъ къ обѣднѣ звонитъ. Все дѣлалъ по своему, точно хозяинъ. Я на него прикрикнулъ разъ; иной бы смирился,

попросилъ бы извиненія, а онъ куда тебѣ, говорить: «не забывайтесь, я священнослужитель и вашъ отецъ духовный!» Я жъ его ушекъ, голубчика, за это! Составилъ отъ всего прихода жалобу и подалъ архіерею. Ну, его на покаяніе и взяли. Потомъ онъ нашелъ мѣсто въ бѣднѣйшемъ приходѣ. Богъ его наказалъ за гордость: вскорѣ жена его померла, а потомъ и онъ за нею. Вѣдь былъ наказанъ, могъ бы переимѣниться. Нѣтъ, все остался такимъ же гордымъ до самой смерти! Теперь у меня старикъ... за то покорный. Иной разъ сишишь до двѣнадцати, случается до часу, — онъ ни за что обѣдни не начнетъ!

Переученный. Вотъ еще одна изъ болячекъ нашихъ! Священникъ исполняетъ долгъ свой, — его считаютъ гордецомъ, не терпятъ, гонятъ, онъ долженъ терпѣть лишенія, голодъ, или унижаться, забыть свой санъ и потерять уваженіе къ себѣ, къ своему служенію. Пора, пора ихъ обезпечить и въ матеріальномъ отношеніи освободить. Изъ всѣхъ зависимостей тяжеле нѣтъ нужды въ насущномъ хлѣбѣ! Имъ надо бы награды завести; конечно, ихъ награда тамъ, но и здѣсь не лишнее бываетъ поощреніе. Онъ человекъ, онъ слабъ! Въ борьбѣ его съ нуждой, съ соблазномъ поддержите, хотя не для него, а для его служенія.

Группа 5. Назарьевъ, Покровскій, Роговъ, Молодой человекъ въ очкахъ.

Назарьевъ. Это чтó! А вотъ, я вамъ скажу, я помню вечеръ, такое дьявольское несчастіе! Напримѣръ, у меня: тузъ, король, дама, валетъ червей; тузъ, король, дама, валетъ пикъ; тузъ, король бубень, — сколько играть?

Роговъ. Въ рукѣ?

Назарьевъ. Во второй рукѣ.

Молодой человекъ въ очкахъ. Восемь.

Роговъ. Всегда девять!

Покровскій. Девять.

Назарьевъ. Ну-съ, я былъ осторожниѣе, игралъ всего восемь, и остался безъ двухъ!

Всѣ. Быть не можетъ!

Назарьевъ. Я вамъ говорю. Первый ходъ въ пики, я кладу туза, въ третьей рукѣ, хлопъ козыремъ, — я игралъ въ червякъ. отвѣчаютъ въ бубны. Въ первой рукѣ бьютъ козыремъ, опять въ бубны, и я безъ двухъ!

Роговъ. Это чортъ знаетъ что такое!

Назарьевъ. И такъ весь вечеръ. Знаете, я не считаю несчастіемъ, когда непадетъ просто карта. Тутъ только крѣпись, имѣй терпѣніе, такъ много не проиграешь. А вотъ несчастіе, когда идетъ игра за игрой, одна другой лучше: кажется, самая вѣрная, а смотришь, чортъ разложить такъ, что безъ одной и безъ двухъ.

Роговъ. Бываетъ хуже! Карты, я вамъ скажу, это цѣлый міръ! Ихъ надобно изучить, наблюдать.

Группа 6. Долотовъ, Никоновъ и другіе; потомъ подходитъ и Перученный.

Долотовъ. Постановили они рѣшеніе. Читаю я — дичь страшная! Говорю этому старому дураку, псу беззубому, — судья: «что вы это, я говорю, сдѣлали?» Объясню все какъ слѣдуетъ. Ну, а тотъ сидитъ и хлопаетъ глазами, подозвалъ секретаря, — бестія этотъ секретарь, такая выжига! «Какже, говоритъ, это секретарь-то, наше рѣшеніе вполнѣ справедливо. Наконецъ, мы ни въ какомъ случаѣ измѣнить своего постановленія не можемъ. Жалуйтесь гражданской палатѣ». Я говорю, къ чему это ссора, дразги? «Какая, говоритъ, ссора, вѣдь вы не на насъ будете жаловаться, а на рѣшеніе суда. Мы же своего опредѣленія ни въ какомъ случаѣ переимѣнить не можемъ». Я въ гражданскую палату расписалъ. Отправилъ. Долго тамъ что-то было! Случилось мнѣ вѣдь быть самому. Захожу въ палату, только мнѣ столоначальникъ и говоритъ: «ваше дѣло идетъ туго оттого, что безъ смазки.» Далъ я ему взятку, десять дѣяковыхъ. Потомъ явился помощникъ столоначальника, потомъ писецъ. Чего вамъ? Они прямо говорятъ: «у насъ даромъ никто со стула не поднимется. Да что дѣлать! жалованье, говорятъ, у насъ такое маленькое, что имъ существовать рѣшительно невозможно, поневолѣ станешь брать.» Ну—съ, пробылъ я тогда здѣсь недѣли полторы, передъ отъѣздомъ захожу справляться; говорятъ: въ столѣ кончено. Но секретарю тамъ, протоколисту, чорту, дьяволу, надо подсунуть, а они уже, какъ голодные собаки, такъ вокругъ меня и шныряютъ; глаза свои запускаютъ въ карманы. Ну, думаю, дѣло мое правое, въ столѣ—сдѣлали что слѣдуетъ: за что я буду давать? Не дамъ! — Приѣхалъ я домой: жду, нѣтъ дѣла, наконецъ черезъ шесть недѣль является. Объявляютъ мнѣ, —самъ еще Розоновъ и привозилъ. Что же

вы думаете, палата сдѣлала? Ни то, ни се, рѣшеніе суда и не отмѣнила и не утвердила, а отвѣчаетъ, что по такимъ—то и по такимъ—то объясненіямъ господина Долотова, видно, что судъ не имѣлъ при заключеніи своего опредѣленія въ виду того—то и того—то; а потому пересмотрѣть дѣло вновь. Я являюсь къ секретарю; думаю: чтожь—плетью обуха не перебьешь!» — далъ ему пятнадцать цѣлковыхъ, а противникъ мой далъ двадцать пять. Ну и опредѣлили: «предоставить мнѣ право отыскивать гдѣ надлежитъ». Что это за опредѣленіе, ужъ я не пойму! Нѣтъ, я вамъ говорю: пока Медидовъ будетъ судьей, ничего толку не будетъ.

Никоновъ. То ли еще дѣлается! Вы посмотрите въ опекахъ, что творится, сѣрасть! Предводитель почти всегда дуракъ, вотъ въ родѣ Козелкова или Ваксина. Дѣла не смыслитъ, дѣломъ не занимается, а тутъ что хотятъ, то и творятъ,—своя рука владыка! Будь опекунъ дѣйствительно хорошъ, веди дѣла какъ слѣдуетъ, заботься о пользѣ малолѣтнихъ, составь имъ изъ ничего состоянье — опека придерется, найдетъ виновныхъ, отрѣшитъ, предастъ суду, если съ нею онъ не подѣлится. Будь опекунъ мошенникъ, грабь малолѣтняго, расточай его имущество, да дѣлись только съ ними,—все будетъ отлично: отчеты утвердятъ и все найдутъ законнымъ. Оттого—то у насъ опекуны и опекаютъ. Имѣніе послѣ опеки все равно, что послѣ нашествія галловъ и съ ними дванадесяти языковъ! А подставные—то опекуны! Есть господа, которые опеками живутъ, въ опеки платятъ положенную подать, и за то ужъ гдѣ откроется опека, сейчасъ подставнаго и назначаютъ; а онъ ужъ, разумѣется, грабитъ. Замѣтьте, у насъ всеобщіе опекуны—кто? Караловъ да Банитъ. Всюду ихъ назначаютъ, грабителей, мерзавцевъ, негодяевъ. Это страшное у насъ опеки!

Переученый. Идея хороша, да примѣненіе скверно! А во многомъ, кто какъ не мы, сами виноваты? Все терпимъ, ни на что вниманія не обращаемъ. Не думаемъ мы ни о чемъ. Пусть будетъ, что будетъ съ нами!.. Вотъ здѣсь прислушивался я цѣлый часъ къ спорамъ, къ толкамъ, и не нашелъ я ни одной идеи здоровой, живой и новой! Толкуютъ все о пустякахъ, о постороннемъ; ни малѣйшаго сочувствія ко всеобщимъ интересамъ. Всякій занятъ своими дѣлами! Своя рубашка ближе къ тѣлу! — вотъ корень—то вреда въ этой поговоркѣ. «Своя рубашка ближе къ тѣлу», мы говоримъ, когда съ другаго снимаютъ послѣднюю рубашку. «Мнѣ что за дѣло, пусть дѣлаютъ съ другими, что хо-

тятъ. А мнѣ чего мѣшаться! Что я за указчикъ!» — Вотъ наше разсужденіе! Того не соображаемъ, что сегодня сняли съ одного рубашку, а завтра съ меня снимутъ, что надобно здѣсь защищать не личность, а идею — законъ всеобщій! У насъ нѣтъ общества, а только сборища пустыя! Никто не сознаетъ потребностей; насъ тяжелые вопросы не тревожатъ! — Оно и лучше! — пищевареніе свободнѣй и безпечнѣе живетъ! У насъ нѣтъ общественнаго мнѣнія, которое бы карало отдѣльно отъ закона. Оттого-то Розонови и терзаютъ насъ; они передъ закономъ правы, умѣютъ отвергаться, законъ перетолковать иначе, концы умѣютъ хоронить отлично. Но судъ общественнаго мнѣнія ихъ покараетъ бы безпощадно! Теперь они свирѣпствуютъ спокойно, безъ боязни, на двери присутствія и канцеляріи билеты поприклеятъ: *входъ постороннимъ воспрещается!* И за этими дверями идетъ постыдный торгъ: честь, благородство, справедливость, законъ и правда, — все продается съ аукціона! Неуваженіе къ правдѣ, неуваженіе къ закону, позорное попанье человѣка! Поруганіе надъ высокою идеею правосудія! Сознанія долга, чести нѣтъ у насъ! Оттого все это и творится! Болѣзнь жестокая, общественная язва! Да мало ль этихъ язвъ? Татарщина, насильно привитая личина просвѣщенія испортили въ насъ кровь и породили общественныя язвы! Мы съ жадностью, съ какимъ-то безумнымъ увлеченіемъ стараемся къ себѣ привить болѣзнь Запада. А силъ его здоровыхъ, а цѣлительныхъ, полезныхъ соковъ и знать мы не хотѣли. Мы безъ парусовъ и безъ руля отъ берега роднаго оттолкнулись. По волѣ вѣтра мы несемся — куда? за чѣмъ? — не понимаемъ и не хотимъ понять! Удушливъ воздухъ, надъ головами тучи, бури и громы свирѣпствуютъ кругомъ. Мы въ полуснѣ спокойно смотримъ, какъ разбиваются вокругъ родные челноки, какъ гибнуть братья наши, и — молчимъ. Отъ подлой трусости языкъ у насъ отнялся! Мы не спасаемъ братьевъ нашихъ! Нѣтъ, мы спокойно смотримъ, какъ братъ нашъ погибаетъ. «Мнѣ что! мы говоримъ: еще меня вѣдь не задѣло!» Мы другъ на друга враждебно даже смотримъ, точно будто бы мѣшаемъ жить одинъ другому. Въ насъ нѣтъ.

Кознякъ и Козелковъ (господинъ средняго роста, черномазый, лицо вытянуто, каріе глаза безумно блуждаютъ. Носъ въ видѣ запятой, улыбка глупая и смѣхъ, свойственный родившимъ и надѣтаямъ; говорить пришепетывая, картавить и влается).

Козинъ. Почтеннѣйшій Николай Ивановичъ! Какъ ваше драгоценное здоровье?

Козелковъ. И, ги, ги, ги, ги! Благодарю покорно!

Козинъ. Да! У васъ прекрѣпкое сложеніе, особенно голова крѣпка!

Козелковъ (съ самодовольною улыбкой). Это точно—съ. Я, знаете, лбомъ могу разбить орѣхъ!

Козинъ. Прекрасное, завидное дарованіе! Вы молодецъ, Николай Ивановичъ. Ну, а вы слышали, что китайскій престолъ послѣ смерти китайскаго императора будетъ разыгрываться въ лотерею? Вотъ возьмите-ка билетъ! Вѣдь если вы выиграете, такъ сдѣлаетесь китайскимъ императоромъ.

Козелковъ. Вы шутите! Неправда!

Козинъ. Я вамъ говорю! Французы и англичане наложили на Китай дань: ее китайцы не выплатили, — вотъ они и разыгрываютъ въ лотерею престолъ китайскій, чтобы пополнить недоимку.

Козелковъ. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ?

Козинъ. Ну, ей-Богу! Чего же я стану лгать? Только, смотрите, это тайна! Билеты у губернатора, онъ молчитъ нарочно, себѣ хочетъ оставить всѣ!

Козелковъ. А почему билетъ?

Козинъ. Дорого, тысяча дѣлковыхъ! Губернаторъ старается, чтобы никто не зналъ и никому не говорить. А вы требуйте: онъ сперва будетъ отговариваться, что никакихъ билетовъ не знаетъ; вы приставайте — дать! Не дать не смѣть!

Козелковъ. А другіе берутъ?

Козинъ. Никто еще не знаетъ.

Козелковъ. А вы почему узнали?

Козинъ. Какіе вы любопытные! Ну, скажу вамъ по секрету: мнѣ сказала Розонова. Она вѣдь, знаете, теперъ лицо какое?

Козелковъ. Какое?

Козинъ. Не знаетъ! Въ нее по уши влюбленъ губернаторъ, и.... и.... Понимаете?... Недавно пробылъ съ нею два часа наединѣ.

Козелковъ. Быть не можетъ!

Козинъ. Спросите у самого Розонова. Губернаторша изъ себя выходитъ, просто.

Козелковъ. А она знаетъ?

Козинъ. Еще бы! Это всѣмъ извѣстно! Ну такъ губернаторъ

подарилъ ей билетъ на лотерею, я у ней и увидѣлъ! Если хотите, просите билетъ.

Козелковъ. Я не думалъ, чтобъ Александра Герасимовна попала въ такую честь.

Козинъ. Еще новость!... Журавлевъ получилъ за свои нѣдѣля отъ французскаго правительства знаки траво-форсе (*).

Козелковъ. Какіе?

Козинъ. Траво-форсе. Вы не забудьте его поздравить. Я уже его поздравлялъ.

Козелковъ. Траво-форсе?

Козинъ. Да.

Козелковъ. Экое счастье Журавлеву!

Козинъ. Онъ этого вполнѣ заслуживаетъ! Не забудьте же: Траво-форсе.

Козелковъ (твердитъ). Траво-форсе, траво-форсе, траво-форсе!

(Пріѣзжаютъ новыя лица, въ томъ числѣ Журавлевъ, Головкинъ и Выксинъ).

Выксинъ (губернскій предводитель дворянства. Лицо со связками; богатъ. Толстѣйшій изъ всѣхъ помѣщиковъ, сильно заикается). Гооспъ-ода! Т.... т.... трехлѣтіе, то.... т... то есть шшшшести.... ти.... ти.... лѣтье на.... нашей слууужбы по.... по.... по выѣ-орамъ.... ко.... къ-окончилось! Те.... те.... перъ мы, то.... то.... оооестъ ввы, бу.... бу.... будете и.. изб.... бирать ввввновь до.... до.... достъ-оойн.... н.... нѣйш.... ш....шихъ. Мммы изъ вв.... в....в... всѣхъ ссилъ старррались о... п.... п....прррравввдать ввваше дддл-овѣ-рррре, дль....ль....ля пр....р....р.... реуспѣ.... пѣ.... пѣя....нія гррражд... д... дѣанствен....н.... носсти, ц.... ц.... циввввщилъ из.... э....заци, п....п.... прррр-осввввщен....н.... нія и....и.... и.... и рррраз.... з....ввввгитя ннна п.... п.... пѣ-уут.... тти п.... п....пrrrrрогрррр-ессса! (Видя, что зарпортовался, дѣлаетъ движеніе рукою) Ааа.... а тт....тепъ ерь, ж.... ж.... желл.... ла...лая прррррости.... ти.... титься съ вввамми пѣкорнѣйше н.... пѣп.... п....пръ-ош....ш....шшу къ-о ммнѣ по... роослѣ зэ... вѣавтра къ к.... къ ооообъ-эду!

(Всѣ отвѣчаютъ разомъ. Шумъ такой, что ничего нельзя понять. Выксинъ переходитъ въ другой уѣздъ).

(*) Траво-форсе—клеймо каторжной работы во Франціи. На клеймѣ двѣ буквы: Т. и Ф. (travaux forcés).

Переученый. Господа, господа! Позвольте нѣсколько словъ! Нѣсколько голосовъ. Что? Что такое?

Переученый. Господа! въ настоящее время, когда все движется впередъ, разрабатываются и развиваются вопросы огромной важности, не слѣдить за тѣмъ, что происходитъ въ мирѣ и особенно у насъ въ Россіи—непростительно, невозможно! Мы останемъ далеко отъ вѣка, явимся уродами, вырожденками. Единственное средство слѣдить за развитіемъ идей, за общимъ движеніемъ впередъ — это читать, читать, читать! Но одному невозможно получать всѣ журналы и газеты, а потому я предлагаю сложиться и на собранныя деньги устроить кабинетъ для чтенія.

Молодой человекъ въ очкахъ. Неподходяще!

Роговъ. По моему, если платить деньги, такъ ужъ лучше устроить собраніе — потанцевать, или клубъ—играть въ карты!

ГОЛОСА:

— Разумѣется!

— Очень нужны книги!

— Да я и знать не хочу, что тамъ дѣлается!

— Я не политикъ!

— Какіе тамъ вопросы!

— Плевать я хотѣлъ на ваши вопросы и движеніе!

— Съ насъ довольно знать, что дѣлается въ полѣ, по хозяйству!

— Вы сперва посмотрите, что дѣлаетъ у васъ староста!

ГОЛОСА:

— Денегъ некуда дѣвать!

— Ишь, ему понадобились книги, такъ онъ на нашъ счетъ читать хочетъ!

— Ловокъ баринъ!

— Выписывай самъ, если приспичило читать и философствовать!

— Я предлагаю! Экая важная птица! Я предлагаю!—точно предводитель!

Головкинъ. Положимъ, васъ не интересуешь, господа, что дѣлается въ мирѣ. Вы не политики! Вопросы умственной дѣятельности для васъ не важны! Оставимъ ихъ всторонѣ, желающимъ ими заниматься. Я хочу вамъ сказать нѣсколько словъ о васъ самихъ, о вашемъ положеніи. Подумайте о томъ, чтобы вамъ можно было спать спокойно. Господа! помните, что вы должны себѣ избрать защитниковъ и судей... А вы находитесь подъ чьимъ вліяніемъ?—Человѣка, который, пользуясь своимъ

богатствомъ и значеніемъ, готовъ васъ утѣснить, отнять послѣднее. Вы не найдете себѣ защиты противъ его вліянія и дѣйствій потому, что судьями будутъ выбраны вами его же слуги, которые, по одному его слову, готовы васъ ограбить. Неужели вы это не понимаете? Вамъ житья не будетъ! И знаете ли, кто вашъ идеалъ, которому вы такъ слѣпо довѣряете? Вотъ этотъ господинъ! (Указываетъ на Журавлева). Нѣтъ низости, которой онъ бы постыдился. Рассмотрите всѣ его дѣянія. Хотите, я вамъ представлю больше сотни дѣлъ низкихъ, черныхъ, гдѣ онъ безъ всякой совѣсти, забывши чинъ свой, состояніе и уваженіе всеобщее, за грошъ готовъ былъ снять послѣднюю рубашку съ бѣдняка. Вотъ примѣръ его дѣяній....

Журавлевъ. Ну ужъ это слишкомъ! — Вы оскорбляете собраніе!

ВМѢСТѢ.

- Назарьевъ. Онъ сонель съума!
- Господинъ съ сапомъ. Онъ забывается!
- Господинъ съ бородавкой. Это скандалъ!
- Молодой человекъ въ очкахъ. Это неуваженіе къ намъ!

- Порхавкинъ. Это чортъ знаетъ, что такое!
- Мартышка № 1. Это ересь!
- Мартышка № 2. Это святотатство!
- Мухоморовъ. Страшно слушать!
- Покровский. Какъ можно позволять себѣ!
- Розоновъ. Вольнодумство! изъ рукъ вонъ!

ГОЛОСА:

- Это ужъ черезъ-чуръ!
- Это дерзости!
- Откуда у него взялось духу?
- Его надобно заставить замолчать!
- Ха, ха, ха! Отпечаталъ!
- Молодецъ!
- Непростительная выходка!
- Заставить его извиниться!
- Боже мой! что это онъ говоритъ!
- Что теперь съ нимъ будетъ!
- Какъ это осмѣлиться такъ говорить съ такимъ лицомъ!
- Онъ того.... свихнулся!

Головкинъ. Позвольте, господа! Я еще разъ повторяю, что

вы дѣлаете выборы подѣ влияніемъ этого господина (указываетъ на Журавлева), а онъ, я это ему говорю въ глаза при всѣхъ, не только недостойнъ такого довѣрія и уваженія, но недостойнъ званія благороднаго человѣка, недостойнъ быть здѣсь въ собраніи дворянъ. Хотите доказательствъ, стоитъ только перечислить дѣянія этого господина, разсуждающаго чуть не со слезами о высокомъ, о прогрессѣ. (Журавлеву) Хотите, я начну пересчитывать ваши низости? Иль, можетъ быть, въ васъ остались искры самолюбія и вы сами оставите собраніе!

Отъ него всѣ пятятся, кромѣ Переученаго.

Журавлевъ. Вы думаете, что я буду отвѣчать вамъ? Вы думаете, что я унижусь до разговора съ вами? Слишкомъ много чести!—Я васъ не знаю! Я могъ бы растоптать васъ, но не хочу мараться!

Головкинъ. Вы, замаранный своими низостями, вы думаете, что этими фразами....

Журавлевъ. Онъ дѣлаетъ вамъ всѣмъ, господа, честь! Въ вашихъ собраніяхъ только можно встрѣтить подобныя вещи...

Переученый (Головкину). Вашу руку!

ВМѢСТѢ.

— Назарьевъ. Замолчите!

— Розоновъ. Вывести его!

— Господинъ съ бородавкой. Онъ драться дѣзетъ!

— Господинъ съ сапомъ. Онъ не въ своемъ умѣ!

— Молодой человѣкъ въ очкахъ. Убрать его отсюда!

ГОЛОСА:

— Убрать его!

— Вывести его! Вывести его изъ собранія!

— Это скандалъ!

— Это неуваженіе!

— Это дерзость!

— Это бунтъ!

— Пожалуйте вонъ изъ собранія!

— Медидовъ! Владиміръ Ростиславичъ. Вы за предводителя у насъ — предложите оставить собраніе!

Головкинъ. Господа! послушайте!

ГОЛОСА:

— Извольте выйти вонъ!

— Вывести его!

— Вы оскорбили насъ!

Назарьевъ. Не впускать его въ собраніе!

Розоновъ. И не принимать въ общество!

Головкинъ. Извольте, господа, я выйду! Мнѣ еще пока не мѣсто здѣсь. (Журавлеву) А ты, мерзавецъ, помни, что за тобой я буду слѣдить за каждымъ твоимъ шагомъ, не пропущу ничего! Ни на минуту не закрою глазъ! Какую бы низость ты ни слѣдалъ: ограбишь ли сосѣда или сироту, обманешь ли, оберешь гувернера, обкрадешь ли казну на подрядахъ, мужика ль обидишь, все я буду знать и за все, и за всѣхъ, я потащу тебя къ суду. Пусть слуги твои судятъ! пусть употребятъ всю свою низость, чтобъ оправдать тебя! Настанетъ время, когда и у нихъ для тебя оправданіе будетъ невозможно! Тогда у всѣхъ откроются глаза! Они поймутъ тебя и пожалѣютъ, что теперь я ухожу изъ собранія, а не ты! Прощайте, господа! Вы скоро разочаруетесь въ вашемъ идеалѣ.

Козинъ.

Первученый.

Сомовъ.

Никоновъ.

Бравó, браво! Справедливо и благородно!

ГОЛОСА:

— Вонъ! вонъ! Подите вонъ!

— Мы всѣ оскорблены!

— Это чортъ-знаетъ-что такое!

— Молодецъ!

— Забыть такъ приличіе!

— Вотъ такъ! — Проваливай!

— Съ Богомъ по морозцу! (Головкинъ уходитъ).

— Ошала Магдалина!

— У него въ головѣ крысы въ чехарду играютъ!

— Пусть остынетъ!

— Горячъ больно!

— Какой скандалъ затѣялъ!

— Что ему теперь будетъ?

Назарьевъ. Иванъ Сергѣевичъ, извините! Намъ совѣстно, что между нами такой нашелся!

Розоновъ. Иванъ Сергѣевичъ! Наше уваженіе служить....

Порхавкинъ. Ей—богу, мы невиноваты!

ГОЛОСА (Журавлеву).

— Извините!

— Простите, Иванъ Сергѣевичъ! Такой скандалъ!

— Это оскорбленье намъ всѣмъ!
 — Мы съ нимъ незнакомы!
 — Воззрите милостивымъ окомъ! — Мы непричастны!
 — Это все университетскіе умники!
 — Онъ не въ своемъ разсудкѣ!
 — Тихе, тихе, господа! Иванъ Сергѣевичъ говорить изволить!

— Тсъ, тихе! Слушайте!

Журавлевъ. Господа, мнѣ это очень прискорбно! Не потому, чтобы я былъ оскорбленъ. Я, благодаря Бога, стою такъ высоко, что меня какой нибудь Головкинъ оскорбить не можетъ. Мало ли что наговорить можетъ пьяный мужикъ или полоумный! Но въ этомъ вы всѣ оскорблены. Это неуваженіе къ обществу, это нарушеніе идеи, принциповъ нашихъ собраній! Это.... это.... словомъ, поступокъ, марающий дворянство! Я самъ дворянинъ и меня оскорбляетъ, шокируетъ, что дворянинъ одного со мной уѣзда рѣшился на такую шкуку. Онъ еще такъ молодъ! Я при своемъ чинѣ и положеніи въ свѣтѣ, могъ бы быть ему полезнымъ!

Козинъ (Козелкову). Что же вы? Поздравляйте!

Козелковъ. Какой орденъ-то?

Козинъ. Не орденъ, а знаки траво-форсе!

Козелковъ. Траво-форсе! Траво-форсе! (Журавлеву) Иванъ Сергѣевичъ! Это что! Васъ вполне цѣнять! Честь имѣю поздравить! Очень радъ!

Журавлевъ (Козелкову съ досадою). Что вы хотите сказать?

Козелковъ. Ясь.... я-сь честь имѣю васъ поздравить!... Вы вполне заслужили это! Какъ ихъ?... Да знаки траво-форсе! Вы вполне достойны! Отъ души поздравляемъ!

Мальчиковъ (вспыхнувъ). Ну ужъ это черезъ-чуръ! И этотъ, картавый, туда же!

Голоса. Губернаторъ! губернаторъ! Его превосходительство!
 (Всѣ бѣгутъ къ дверямъ. Губернаторъ и Доваренное лицо входятъ).

Губернаторъ. Мое почтенье, господа! (Съ важностью). На основаніи закона, вы, господа, имѣете право избирать должностныхъ лицъ! Надѣюсь, что вы оправдаете довѣріе правительства и добросовѣстно исполните, то есть, добросовѣстно и безпристрастно будете избирать. Надѣюсь, что вы, господа, дадите мнѣ прекрасныхъ чиновниковъ, которые будутъ по-

погать мнѣ въ неуслышимыхъ трудахъ по управленію Всемилюстивѣйше имѣренною мнѣ губерніею. Нечего говорить, что я требую чести, безкорыстія и нелицемерія. Я врагъ несправедливости, неисполненія своего долга и обязанности. Прощу избранныхъ служить честно. За злонамѣренность я буду неумолимъ. Со свѣта сгоню! Въ землю закопаю! Служить хочешь, такъ служи какъ слѣдуетъ! А нѣтъ, — такъ не берись! Я не пощажу! Даю вамъ слово! Я что сказалъ, то свято! У меня ужъ такой характеръ. Я не потерплю безпорядка и слабости! Когда начальникъ сидитъ, а его за носъ водятъ, что хотятъ, то и дѣлаютъ! Я этого сама не допускаю и не терплю въ другихъ! Прощу у меня служить, какъ слѣдуетъ, безъ разсужденій! Зарубите же это себѣ на носу! Прощу помнить, а не то со мной не раздѣляетесь! Я вамъ покажу, какъ служить спустя рукава! Подумайте объ этомъ! Надѣюсь, что вы меня не заставите прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ! Будете служить какъ должно, я съущю цѣнить заслуги! А теперь, господа, по русскому обычаю, начнемъ молитвою! Я васъ приглашаю въ соборъ къ молебну. Помолитесь и начнемъ съ Божьей помощью! Вы присягнете по закону. Пойдемте!

Довѣренное лицо (тихо, губернатору). Удивительно, какая сила, какой даръ слова у вашего превосходительства!

Губернаторъ. Я говорю всегда отъ сердца, по убѣжденію! (Журавлеву). Мое почтеніе, Иванъ Сергѣевичъ! Какъ здоровье ваше? Пойдемте! (Беретъ его подъ руку). Что я вамъ расскажу! (Выскакиваетъ, который низко кланяется). А, Василій Михайловичъ, здравствуйте! (Киваетъ головой и уходитъ. За нимъ идутъ дворяне).

ШЕПОТОМЪ ДРУГЪ ДРУГУ:

- Ну, задалъ гонку!
- У меня душа ушла въ пятки!
- Говорятъ, что слабъ, — нѣтъ, видно, что начальникъ.
- Вотъ бы посмотрѣлъ Головкинъ, съ кѣмъ онъ осмѣлился тягаться! Ивана Сергѣевича какъ губернаторъ уважаетъ!
- Прекрасно говорить!
- Что онъ на насъ кричалъ, въ самомъ дѣлѣ!
- Экий бывшій! Я не на службѣ, за что же онъ распекаетъ?
- Вотъ это голосъ истиннаго начальника!
- Такъ и слѣдуетъ!
- Ко мнѣ сегодня, Павелъ Петровичъ, въ картишки пересбросить!

Переученный. Идутъ съ улыбкою, спокойно, чтобы присягнать.
Т. LXXXXI. Отд. I.

гнуть, что будутъ избирать не по пристрастью, справедливо! А на дѣлѣ, что будетъ? Вѣдь знаютъ, что просятъ не исполнить, а идутъ такъ спокойной! Скажи любому, что онъ принялъ ложную присягу, — не повѣритъ! А между тѣмъ все они влятвопреступниками будутъ. Нѣтъ, въ нихъ не безсовѣстность, не подлость говорить. Они не понимаютъ, что творять, не хотятъ въ свои поступки вникнуть. Они не видятъ въ этомъ преступленія; для нихъ присяга одинъ обрядъ, а выборы — другой, отдѣльный! Безъ сознанья, точно дѣти, присягою, словомъ и честью играютъ! Грустно видѣть такое отсутствіе сознанія своихъ поступковъ и долга! Дѣти, просто дѣти! Когда же, наконецъ, для нихъ наступитъ возмужалость?...

(Уходить вслѣдъ за другими. Зала пустѣеть).

СЦЕНА III.

БАЛЪ У ПОЛИЦІЙМЕЙСТЕРА

Зала въ домѣ полиціеймейстера. Въ двухъ стѣнахъ окна съ прекрасными занавѣсками. Въ другихъ двухъ стѣнахъ двери: въ одну дверь, въ задней стѣнѣ, видна анфилада комнатъ, другая дверь ведетъ въ корридоръ; въ другой стѣнѣ: одна дверь въ переднюю, другая въ комнату, гдѣ поется музыка. Комнаты ярко освѣщены. — Серафима Ивановна, жена полиціеймейстера, дама доходячая, полная и довольно красивая; Басюдинка съ голубыми глазами, — Григорій; человекъ полиціеймейстера, во фракѣ и въ бѣлыхъ перчаткахъ. — Ломовъ, частный пристава, въ мундирѣ и съ треугольной шляпой подъ мышкой. Хотя введены уже давно въ полицію каски, но Ломовъ, для баловъ и собраній, всегда употребляетъ шляпу, считая ее приличіе для подобныхъ обстоятельствъ.

Серафима Ивановна (Григорію). Ты смотри, Григорій, — будь осторожнѣе! да смотри за другими! Порядочнымъ гостямъ, лицамъ важнымъ, подноси почаще, а малозгѣ, свѣлочи разной — порѣже... Съ подносомъ не заставляйтесь, а приходите скорѣе, — а то останетесь, такъ они рады будутъ случаю: пойдутъ хватать и выбирать! Полные карманы набьютъ, чуть не съ мѣшками вѣзять! Удивительно, что за жадность такая! — точно конфетъ не видали!

Ломовъ. Живутъ-съ по деревнямъ-съ, — такъ имъ, дѣйствительно, въ диковинку-съ!

Серафима Ивановна. Ну, ужъ и здѣшніе тоже хорини!

Такіе же! (Григорію) Также, Григорій, пожалуйста, смотри за оршадомъ и лимонадомъ.

Григорій. Слушаю-сь!

Серафима Ивановна. Получше, погуще, чтобы досталось хорошимъ гостямъ, а остальнымъ можно и похуже, — и тѣмъ должны быть довольны!

Григорій. Ужь это какъ водится! Ужь мы знаемъ, — слава Богу, не въ первый разъ служить!

Серафима Ивановна (Ломову). А вы ужь, пожалуйста, присмотрите за винами и закусками.

Ломовъ. Слушаю-сь!

Серафима Ивановна. Да Шепчугова, пожалуйста, близко не подпускайте, а то напьется оиать, какъ въ прошлый разъ.

Ломовъ. Да, это точно-сь, онъ нѣсколько на этотъ счетъ слабъ и во хмѣлю-сь, Богъ съ нимъ, нехорошъ-сь!

Серафима Ивановна. Да, очень нужно его поить! точно для его поганой глотки поставлено. Да завтра, не забудьте, купцовъ привести, чтобы они валили, что останется.

Ломовъ. Слушаю-сь! Поняну-сь!

Серафима Ивановна. Что тутъ исмать! Приведите тѣхъ, у кого брали. Вѣдь я имъ по десяти копѣекъ скидываю съ каждой бутылки, противъ той цѣны, что на ярлыкѣ означена: — кажется, довольно?

Ломовъ. Помилуйте-сь! Чего же еще!

Серафима Ивановна. Нѣтъ, — наше купечество смоты!

Ломовъ. Точно такъ-сь.

Серафима Ивановна. Все недовольны, — ворчатъ! Какъ въ прошломъ году, этотъ мерзавецъ Свинкинъ: «мы, говоритъ, отпустили даромъ, а намъ возвращаютъ за деньги!» Точно ему не все равно, у кого купить. Вѣдь для погреба же покупаетъ вина, выписываетъ! — не все же самъ дѣлаетъ! Кажется, даешь десять копѣекъ барыша съ бутылки, чего еще имъ? Рожна, что ли, надо!

Ломовъ. Это совершенно справедливо-сь!

Серафима Ивановна. Нѣтъ, это какая-то ужь охлдность! Чтѣтъ вотъ начальнику ихъ не доставалось! Этакіе жиды, алчные!

Ломовъ. Необразованность такая ужь у нихъ! — Одно слово, за grubльностью въ чувствахъ-сь!

Серафима Ивановна. Какія у нихъ чувства! Развѣ этотъ народъ чувствуетъ! — Они только надъ каждымъ грошемъ тры-

еутся!... Ахъ, да! Смотрите, пожалуйста, чтобы бутылочек не били, вѣдь каждая три копейки стоит!

Ломовъ. Слушаю—съ!

Серафима Ивановна (Григорью). Это ты, Гришка, все та-каешь бутылки! Я тебѣ дамъ, пострѣль!

Григорій. Куда же мнѣ таскать?... Что ими дѣлать? — На вѣсь, что ли, надѣвать?

Серафима Ивановна. Продашь, мерзавецъ!

Григорій (съ досадою, грубо). Есть что тамъ продавать! Не видалъ я вашихъ трехъ копѣекъ!... Я на эту дрянь плевать хочу! Стану трястись надъ всякой дрянью!

Серафима Ивановна. Опять грубишь!

Григорій. Грубишь! У васъ все воръ! обокралъ!... Какъ же, бутылки провали, три копейки, — да еще какой дуракъ дастъ за нихъ три копейки—то?... Разорили совѣтъ!

Серафима Ивановна. Замолчишь ли ты, мерзавецъ!

Григорій. Вотъ и молчи, какъ начнешь дѣло говорить! А это ни почему—обидѣть человѣка, назвать воромъ! Есть что драсты бутылки! Плевать я на эту дрянь хочу, — трехъ копѣекъ—то не видалъ! Да я свои пять копѣекъ готовъ отдать!

Серафима Ивановна (Ломову). Вотъ какъ его избаловалъ Павелъ Михайловичъ, — изъ рукъ вонъ! Я ему слово, а онъ мнѣ десять! Слышите! Ну, скажите сами?

Ломовъ (растерявшись и съ опасеніемъ поглядывая на Григорія). Конечно, Павелъ Михайловичъ по добротѣ души своей—съ и мягкости характера—съ!...

Серафима Ивановна. А Пузановъ на кухнѣ?

Ломовъ. На кухнѣ—съ.

Серафима Ивановна. То-то, чтобы онъ не отходилъ ни на шагъ, а то вѣтъ, бестія, повара сейчасъ стянуть что нибудь!

Ломовъ. Это такъ—съ.—Имъ учинить похищеніе вошло уже въ характеръ—съ!

Серафима Ивановна. Намедни, я вхожу въ кухню, смотрю, у поваренка Семки раздулись щеки и слезы на глазахъ. Я говорю: «что съ тобой?»—Молчитъ и перебираетъ во рту что-то. Я говорю: «покажи, разбойникъ, что ты жрешь? Разинь ротъ!»—Что же вы думаете, —онъ, своими погаными лапами, стащилъ со сковороды котлетку и хотѣтъ сожрать; въ это время вхожу я, онъ испугался и забилъ ее всю въ ротъ. Котлета горячая, съ огня, съ самага пыла! Какъ засадилъ онъ ее всю въ ротъ и про-

жевать не можетъ. Изжигается весь—и по дѣломъ, не воруй! А то, въ прошломъ году, я нашла подъ полотенцемъ у повара кусище телятины и бисквиты. Я вамъ говорю, отъ нихъ глазъ нельзя отвести! А что, на ледникѣ, гдѣ варятъ мороженое, сидитъ квартальный?

Ломовъ. Сидитъ—съ.

Серафима Ивановна. Надежный ли? —Пожалуй уйдетъ, а эти пострѣлы все сожрутъ и нальютъ воды.

Ломовъ. Офицеръ надежный! Я еще объявилъ ему, что если онъ хоть шагъ сдѣлаетъ оттуда, такъ на двѣ недѣли подѣ арестъ.

Серафима Ивановна. То-то! Пожалуйста, посмотрите за этимъ. Раза два потрудитесь заглянуть на ледникъ — тамъ ли онъ? Ему можно послать рюмки двѣ водки и тамъ закусить чегонибудь, чтобъ только сидѣлъ.

Ломовъ. Будетъ сидѣть—съ! Онъ всегда ревностно исполняетъ возложенныя на него порученія.

Серафима Ивановна. Все-таки ему водки пошлите, только не много, чтобъ онъ не опьянѣлъ. Можно будетъ его и покормить, что тамъ останется отъ ужина. Формы носить сюда съ булочниками, чтобы дорогой не покрали; пусть Шепчуговъ при себѣ разложить... Да за десертомъ, ради Бога, смотрите!

Ломовъ. Слушаю—съ!

Серафима Ивановна (тихо). Когда будете давать музыкантамъ водки, такъ спросите у Григорья стаканчики, — нарочно для нихъ и для городскихъ заведены. Знаете, на видъ большіе, а стѣнки у нихъ и дно толстыя, такъ входитъ меньше, чѣмъ въ рюмку. А то перепьются и понесутъ дичь!

Ломовъ. Слушаю—съ! Ужь не извольте беспокоиться—съ!

Серафима Ивановна. Ахъ, Боже мой! кто-то подѣхалъ!.. Экъ обрадовались! — Приѣхали чѣмъ свѣтъ. Гришка! посмотри, что это—сюда?

Григорій (бросается къ окну). Сюда—съ!

Серафима Ивановна. Гдѣ Павелъ Михайловичъ?... Паша! Паша! Экій чурбанъ! Куда онъ дѣлся! Никогда его нѣтъ, когда нужно. Вѣчно пропадетъ, копаются сто лѣтъ. Гришка! Гришка! бѣги, скажи барину: гости приѣхали. Ломовъ, скажите, чтобъ курили... Что они до сихъ поръ дѣлали! Гдѣ Васька? Васька! Васька!... Бѣгите же, Ломовъ, распорядитесь!... Гдѣ музыка?... Паша! Паша!... Павелъ Михайловичъ!... Ахъ, Боже мой! — Кто-то ужъ дверь отворяетъ, а тутъ даже не курили!... Васька! Васька!

ВАСЬКА (мальчишка, лѣтъ тринадцати, одѣтый казачкомъ, выбѣгаетъ, сильно топаю). Чего изволите?

СЕРАФИМА ИВАНОВНА. Гдѣ ты сидишь, мерзавецъ? Я тебя посижу. Жралъ что-то!... Разинь-ка ротъ! Говорятъ тебѣ: разинь ротъ! Ну, слышишь ли, что тебѣ приказываютъ! (Васька раззаваетъ ротъ). Ну, такъ и есть! (Хватаетъ его за волосы и сильно деретъ) Вотъ тебѣ, пострѣль! Не жри, не жри, не жри!...

ВАСЬКА (сквозь слезы). Я ничего не ѣлъ!

СЕРАФИМА ИВАНОВНА. А отчего во рту бѣло? Миндаль уралъ, мерзавецъ! Кури скорѣй, подлецъ!

ПОЛИЦІЙМЕЙСТЕРЪ (выбѣгаетъ изъ коридора, вытискиваетъ изъ рта и изъ носа струи табачнаго дыма и торопливо застегивается). Что? Съѣзжаются?... Гдѣ квартальные? Я велѣлъ, чтобъ одинъ встрѣчалъ у дверей на улицѣ, другой въ передней.

(Входитъ градскій голова Дементій Прохоровичъ Харчковъ, толстый купецъ, съ огромнымъ брюхомъ и съ свинообразной физиономіей. Въ рукахъ у него большой свертокъ. Одѣтъ онъ въ довольно длинный сюртукъ, въ шеструю жилетку, на которой видна цѣпочка часовъ, съ пригнѣнными стальными печатками. Каждая печать посвящена отдѣльному дню недѣли).

ХАРЧКОВЪ. Наше вамъ всенижайшее почтеніе, батюшка, Павелъ Михайловичъ! Со днемъ рожденія вашей супружницы имѣемъ честь васъ поздравить!... Со днемъ вашего рожденія, матушка, Серафима Ивановна! Много лѣтъ здравствовать! Жить вамъ поживать, да добра наживать-съ!

СЕРАФИМА ИВАНОВНА. Благодарю васъ, Дементій Прохоровичъ!

ПОЛИЦІЙМЕЙСТЕРЪ. Спасибо, братъ, Дементій Прохоровичъ!

ХАРЧКОВЪ. Не осудите, прощенья просимъ-съ! не осудите на милость! Позвольте это, чѣмъ Богъ послалъ!—Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады!... Не побрезгуйте! Съ нашимъ почтеніемъ-съ! Хе, хе, хе!... Новорожденной на пеленочки!

(Развертываетъ кусокъ матеріи на платѣ).

СЕРАФИМА ИВАНОВНА. Благодарю васъ, Дементій Прохоровичъ!... Ахъ, какая миленькая матерія, — очарованье! прелесть!...

ПОЛИЦІЙМЕЙСТЕРЪ. Къ чему вы ее такъ балуете? Затѣмъ это!

Харчковъ. *Позвольте-съ!... Не безпокойтесь!... Не побрезгайте!... Съ нашими почтеніемъ-съ!—А вотъ и мѣн-съ!*

(Жена головы, Наталья Кузминична, толстая купчиха, одѣтая довольно богато, но безъ вкуса и довольно странно. За нею двѣ дочери, — всѣ въ бантахъ и съ огромными букетами на груди).

Настасья Кузминична (молится на иконы, потомъ плачется на три стороны, хотя тамъ никого нѣтъ. Она говоритъ тихо и нѣсколько жалобно). Тысячу лѣтъ здравствовать! Со днемъ вашего рожденія!... съ новорожденною!.. Всякаго благополучія!

Серафима Ивановна. Благодарю васъ, Наталья Кузминична. Садитесь, пожалуйста, — а насъ извините, намъ надобно на минутку еще кое-чѣмъ распорядиться!

Харчковъ. Покорнѣйше просимъ-съ, покорнѣйше просимъ-съ!

Настасья Кузминична. Не безпокойтесь!.. Посидимъ-съ! **Полиціймейстеръ.** Пойдемъ-ка, братъ, Дементій Прохоровичъ, курнемъ-ка трубочки!

Харчковъ. Оно, признательно сказать, грѣшно, — въ писаніи нигдѣ не сказано ефтого, значитъ, курить табакъ. Да что дѣлать! грѣшимъ иногда, не токмо что, а единственно по слабости человѣческой.

(Уходятъ черезъ корридоръ, а Серафима Ивановна въ двери, ведущія въ другія комнаты).

Настасья Кузминична. Ну, садитесь же! Охъ-хо-хо! Господи помилуй насъ грѣшныхъ! (Вздыхаетъ и тяжело опускается на стулъ). Садитесь же, вотъ по бокамъ у меня!

Феня (старшая дочь Харчковыхъ, недуренькая, курносая дѣвушка, но очень полная, притомъ бѣлая и рыжая, въ полномъ смыслѣ слова: кровь съ молокомъ). Какъ же намъ сѣсть? Мы сомнемся!

Настасья Кузминична. Ничего! Сядьте поосторожнѣе, стоять же все нельзя! Вы должны себя держать по благородному. Вѣдь тутъ енаральство будетъ, самъ губернаторъ, — такъ вы должны чувствовать и претензію показывать.

(Дочери оправляются и садятся на край стула, вытянувшись какъ будто проглотивъ аршинъ).

Настасья Кузминична. Ну, вотъ такъ! Руки-то повѣсьте! Одну, вотъ етакъ, по платью пустите, а другую вотъ надъ плечомъ-то, на грудь положите. Вотъ такъ... платочекъ-то, пла-

точекъ-то повыше держите. Да смотрите, будьте вежливотѣй, не по просту! Вѣдь здѣсь не то что.... а надобно показать себя! Эхъ вы, мои кралечки, королевны размалеванныя!

(Васька курить).

ФЕКЛУША (меньшая дочь Харчковыхъ, въ родѣ своей сестры, но не такъ красива и еще болѣе курноса). Славно какъ запахло!

НАСТАСЬЯ КУЗМИНИШНА. Важно, амбреей подпустили!... Вы вотъ смотрите, замѣчайте, какъ и что другіе будутъ... Да съ кавалерами говорите по французскому.

ФЕНЯ. Что жъ мы будемъ говорить?

НАСТАСЬЯ КУЗМИНИШНА. О чемъ, тамъ, матерія выйдетъ!.. Волосы-то поправьте... Да когда танчить будете, платочки-то наотмашъ держите.

КВАРТАЛЬНЫЙ (высовываетъ голову изъ дверей передней и кричитъ, какъ будто его душатъ). Сѣзжаются! гости сѣзжаются! Павелъ Михайлычъ! Серафима Ивановна—гости сѣзжаются! гости!

Серафима Ивановна и полиціймейстеръ показываются изъ разныхъ дверей.

Серафима Ивановна. Фу, Паша! Хотя бы ты на это время бросилъ свою соску! Вѣдь смерть, какъ отъ тебя разить табаконъ. Кому нибудь еще дурно сѣзляется!

Полиціймейстеръ. Ну вотъ ужъ и дурно! Что за слабонервность такая! Этотъ запахъ и пріятень, и здоровъ!

Входить гости. Пріѣздъ продолжается во весь первый моментъ бала. Сперва пріѣзжаютъ мелкотравчатые, побѣдѣе, потомъ все знатѣе и богаче.

МОМЕНТЪ ПЕРВЫЙ.

СѢЗДЪ.

Гости входятъ, раскланиваются съ хозяйками.

ГОСТИ.

- Мое почтеніе!
- Здравствуйте, Павелъ Михайловичъ!
- Со днемъ вашего рожденія, Серафима Ивановна!
- Съ новорожденною, Павелъ Михайловичъ!
- Много лѣтъ здравствовать!
- Дай Богъ вамъ всего лучшаго!

Полицеймейстеръ. Мое почтеніе! Поворно васъ благодарю!

Серафима Ивановна. Весьма много благодарю! Merci beaucoup!

Новый наплывъ гостей. Козлева принимаютъ поздравленія. Начинаются разговоры. Мужчины пожимаютъ руки, многія дамы падаютъ. Составляются отдѣльные кружки. Дамы садятся преимущественно у дверей гостиной или уходятъ въ гостиную, говорятъ нисколько, смѣются звонко. Мужчины толпятся около оконъ.

ГОСТИ ГОВОРЯТЪ ДРУГЪ-ДРУГУ:

— Дама съ запахомъ фіалки. Bonjour, ma chère!

— Дама съ лентами огненнаго цвѣта. Bonjour! Ахъ, какое славное у васъ платье, чудесная матерія! У кого бради?

— Дама съ запахомъ фіалки. У Полуграблева!

— Дама съ лентами огненнаго цвѣта. По чемъ аршинъ?

— Дама съ запахомъ фіалки. Угадайте!

— Дама съ лентами огненнаго цвѣта. Право, не знаю. Рубля по полтора.

— Дама съ запахомъ фіалки. Не угадали!

— Дама съ лентами огненнаго цвѣта. По рублю семидесяти пяти!

— Дама съ запахомъ фіалки. По рублю десяти.

— Дама съ лентами огненнаго цвѣта. Скажите, какъ дешево! Мастерца вы покупать!

— Дрожащій старецъ. Матрена Савишна!

— Слезливая старушка (въ трехъ-ярусномъ чепцѣ, съ лицомъ, похожимъ на печеное яблоко). Здравствуй, голубчикъ мой!

— Дрожащій старецъ. Когда же наша свадьба?

— Слезливая старушка. А вотъ подожди! Тебѣ стукнетъ черезъ полгода семьдесятъ, а мнѣ шестьдесятъ пять, тогда и полъ вѣнецъ! Ха, ха, ха, ха!

— Дрожащій старецъ. Ха, ха, ха, ха!

Оба кашляютъ.

— Господинъ, похожій на вьюна. Мое почтеніе! Очень радъ! Очень пріятно встрѣтить! Дочери ваши?

— Госпожа пожилыхъ лѣтъ, но одѣтая, какъ молоденькая дѣвушка. Онѣ здѣсь.

— Господинъ, похожій на вьюна. Матушка ваша, Ва-

спилса Кондратьевна, тетушка Лизавета Кондратьевна? Всѣ ли въ добромъ здоровьѣ?

— Госпожа пожилыхъ лѣтъ. Всѣ здоровы. Благодарю васъ!

— Господинъ, похожій на вьюна. Очень радъ! очень пріятно слышать!

1-й и 2-й помѣщики другаго узда и молодой человекъ въ очкахъ.

1-й помѣщикъ. Не уродился у меня хлѣбъ въ нынѣшнемъ году! А ужь, кажется, чего ни дѣлалъ: навозу навалилъ страсть сколько, пахалъ, какъ слѣдуетъ — по печатному, а все ничего!

2-й помѣщикъ. Нынѣшній годъ у всѣхъ плохо!

1-й помѣщикъ. Но у меня въ особенности! Миѣ, кажется, оттого, что мелко пахалъ! Вотъ-съ, я вамъ скажу, вѣрите послѣ этого газетамъ! Читаю въ нашихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ статью какого-то Лаврова: *о томъ, какъ слѣдуетъ пахать, чтобы всегда былъ урожай, не меньше, какъ самъ восемь*. Написано такъ бойко, точно въ самомъ дѣлѣ опытный и благонамѣренный человекъ писалъ. Доказывается очень убѣдительно, что причина неурожая — глубокая вснашка. Господинъ Лавровъ говоритъ, что у него въ прежніе годы были частые неурожаи, онъ началъ пахать мелко, и съ тѣхъ поръ, въ самый дурной годъ, снимаетъ не менѣе, какъ самъ восемь, а въ хорошіе года — самъ двадцать, даже самъ двадцать пять. Въ концѣ говорится, что по опытамъ его слѣдуетъ пахать на полвершка или ужь никакъ не глубже, какъ на вершокъ. Я слугу и послушайся. Что жь вы думаете? — сѣмянъ не собралъ! — Вотъ эти книги! Читай ихъ! слушай! Чтобъ этому Лаврову добра не было, окаянному!

Молодой человекъ въ очкахъ. Ха, ха, ха! Попались же вы! Вѣдь эта статья въ насмѣшку написана.

1-й помѣщикъ. Какъ въ насмѣшку?

Молодой человекъ въ очкахъ. У насъ есть нѣкто Лавровъ, глупъ страшно, просто ошалѣла Магдалина! Козинъ написалъ статью, которая прямо бросается въ глаза своею несообразностью и глупостью, и напечаталъ ее подъ именемъ: Лаврова.

1-й помѣщикъ. Къ чему же это?

— Молодой человекъ въ очкахъ. Такъ, шалость! Захотѣлось подурачиться, посмѣяться! Лаврову привезли статью, удивлялись ей, восхищались ею, провозгласили его гениемъ и поздрав-

дали съ блистательнымъ вступлениемъ на литературное поприще. Просто потѣха! Лавровъ даже загордился. Козинъ закупилъ самаго сквернаго козленка, у всѣхъ сосѣдей просилъ дѣвокъ шить манишки и прислалъ ихъ Лаврову, какъ будто бы отъ губернатора въ благодарность, за статью, помѣщенную имъ въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ.

2-й помѣщикъ. Ха, ха, ха! Умора!

1-й помѣщикъ (передразнивая его). Ха, ха, ха! Умора! Очень смѣшно, нечего сказать! Чортъ знаетъ, что такое! Они смѣйся такъ, чтобы ближнему не было вреда. Хочешь смѣяться, ну и воддини, что эта статья, дескать, не статья, а насмѣшка, да хоть тамъ лопни со смѣху! А то имъ смѣшки, а другимъ вредъ, горе! Кошки игрушкѣ, а мышкѣ слезки!

Молодой человекъ въ очкахъ. Кто же зналъ, что вы повѣрите, — вѣдь это чистая галиматья!

1-й помѣщикъ. Да какъ же не повѣрить? Вѣдь это было напечатано и пропущено, и одобрено ценсурой. Чему же вѣрить, если и печатное несправедливо? Послѣ этого ужъ и «Сѣверной Пчелѣ» не вѣрить, и «Московскимъ Вѣдомостямъ» не вѣрить!

Молодой человекъ въ очкахъ. Не всякому слуху вѣрите.

2-й помѣщикъ. А шутникъ долженъ быть этотъ Козинъ!

Молодой человекъ въ очкахъ. Развѣ вы его не знаете?

2-й помѣщикъ. Нѣтъ!

Молодой человекъ въ очкахъ. Какъ же, это вся губернія знаетъ! Выдумщикъ такой, что страсть. Онъ что сдѣлалъ съ этимъ же Лавровымъ? Одинъ изъ курскихъ помѣщиковъ, Сухосѣновъ, выстроилъ въ своемъ селѣ церковь, и на освященіе ея приглашалъ всѣхъ своихъ знакомыхъ, въ томъ числѣ Николая Ивановича Пущева. Въ то время, когда Пущевъ получилъ билетъ, у него былъ Козинъ. Выпросилъ онъ у Пущева билетъ, подскоблилъ фамилію, передѣлалъ ее вмѣсто Пущеву, Николаю Ивановичу Лаврову, и сверхъ того приписалъ, что недостаточнымъ помѣщикамъ, которые пріѣдутъ за двѣсти или болѣе верстъ, будутъ выданы прогоны; сверхъ того, каждый мужчина получить темнозеленаго сукна на фракъ, дама каждая — штуку матеріи на платье и сверхъ того дѣти ихъ будутъ опредѣлены въ корпуса и институты. Лавровы достаютъ коляску у сосѣдей, запрягаютъ мужицкихъ клячъ и пускаются въ путь на долгихъ. Когда они наконецъ дошлелись, уже освященіе кончилось и всѣ

разъѣхались. Тѣмъ не менѣе они являются къ Сухосѣнову и просятъ его, чтобы онъ выдалъ имъ прогоны, на фракъ и на платье, несмотря на то, что они ошоздали. Тотъ увѣряетъ, что этого никогда не было, а господа Лавровы, думая, что онъ скупится, пристають, канючатъ, просятъ, увѣряютъ въ своей готовности поспѣть во время и наконецъ добавляють: «однимъ фраккомъ, или платьемъ, больше выдать для васъ нечего; а мы люди бѣдные; другимъ выдають, выдайте же и намъ. Богъ наградитъ васъ!»

Голоса. Тсъ! Тинше! Слушайте! Слушайте!

Поэтъ (становится въ трагическую позу, ерошитъ волосы и декламируетъ глухимъ мрачнымъ голосомъ, то поднимая руки кверху, то колота себя въ грудь. Онъ реветъ на весь домъ).

О, музы, Аполлонъ, и весь Олимпъ! скорѣй
 Въ меня вдохните пѣснопѣнье!
 Дай сладкозвучіе свое, Орфей!
 Чтобъ могъ достойно я рожденье
 Воспѣть сей сладостной жены,
 Которой нѣтъ сравненья въ мірѣ,
 Богини кося лишь равны,
 Звучать хвалы въ стихахъ и въ лирѣ!
 Желалъ бы я, чтобъ каждый стихъ
 Мой обратился бы въ алмазы,
 Тогда бы тартаръ весь затихъ,
 Въ цвѣточны обратя вазы!
 Она родилась! — и съ тѣхъ поръ
 Надъ нами солнце возсіяло;
 Она богинь рѣшила споръ,
 Венеры первенство пропало!
 Она родилась! — и поля
 Покрылись яркими цвѣтами,
 Взыграли радостью моря
 И мѣсяцъ восплясалъ съ звѣздами!
 Въ ней красота души и тѣла,
 Она по имену Серафимъ!
 Архангелъ на словахъ и въ дѣлѣ,
 Она по сердцу Херувимъ!
 Привѣтствуемъ твое рожденье,
 Ты намъ отрадная зоря!
 Въ тебѣ отъ бѣдъ намъ утѣшенье
 И мы кричимъ: ура! ура!

(Подаетъ въ трубку свернутую бумагу, перевязанную рововою ленточкою съ бантомъ).

Присутствующимъ. Ура! Ура! Браво! Браво!

Серафима Ивановна. Благодарю васъ! Какъ вы любезны, мосе Простоквашинъ!

Молодой человекъ въ очкахъ. Ошала Магдалина!

Роговъ. Нѣтъ, ничего! Хорошо! Я вамъ скажу, у него есть талантъ! Вѣдь это, знаете, это въ родѣ Дермамина!

Молодой человекъ въ очкахъ. Пошелъ ты! Похожа свинья на коня, да только шерсть не та!

Роговъ. Нѣтъ, по мнѣ хорошо! Ну, да что за поэзія! Пойдемъ-ка, поищемъ прохладительнаго — сердцуутѣшительнаго.

Молодой человекъ въ очкахъ. Прекрасно! Вотъ это поэзія! Приложимся къ чижичкамъ, да не мѣшало бы метнуть банчишку или ландушку!

Роговъ. Да что, въ самомъ дѣлѣ, терять золотое время!

Идутъ въ корридоръ.

Розонова (входитъ съ мужемъ и съ дочерью). Не рано ль мы прѣѣхали? Нѣтъ, народу довольно! Какое освѣщеніе! Какое освѣщеніе, Боже мой! Липочка, Катенька! посмотрите, посмотрите, сколько свѣчей зажжено! Вездѣ свѣчи! Свѣтло, точно днемъ! Прелестный балъ! Кажется, еще не танцуютъ! (Одному изъ гостей) Скажите, почтеннѣйшій, еще не начинали танцовать?

Одинъ изъ гостей. Нѣтъ еще, сударыня!

Розонова. Благодарю васъ! Липочка, Катенька! Успокойтесь, радуйтесь! Еще танцовать не начинали. Боже мой, какое общество собралось! Посмотрите, какое общество собралось! Это прелесть! Садитесь, Липочка, Катенька!

Соломкинъ, Киндзевъ и Чечулинъ, офицеры одного изъ армейскихъ полковъ.

Киндзевъ. Экіе бобры собрались!

Чечулинъ. Да, режи порядочныя!

Соломкинъ. Видите, господа, вонъ сидятъ въ бантахъ-то! Это богатая невѣсты, дочери головы. А вотъ эти два смертные грѣха, съ толстымъ чортомъ подъ бокомъ, — Розонови. Отецъ ихъ исправникомъ. Говорятъ, за каждой по полтораста душъ чистаго имѣнья и тысячь по пятнадцати серебромъ денегъ!

Чечулинъ. Это надобно замотать на усь!

Киндзевъ. Надобно приударить, чортъ восьми!

Соломкинъ. Надобно теперь дамъ ловить, а не то останутся бобры, тогда и танцуй въ пользу бѣдныхъ.

Киндзевъ. Правда! Поѣду къ Возоновымъ полюбовничать; хоть гадки, чортъ ихъ возьми, да прилагательное-то хороши!

Чечулинъ. А я займусь по части Харчиковыхъ.

Соломинъ. Эхъ вы! Охота вамъ съ уродами воевать! Мы такъ пробѣжимся на счетъ хорошихъ!

Чечулинъ (подходить къ Харчиковымъ и, обращаясь къ Феклушѣ, говоритъ, и, почти неслышимо, закручиваетъ усь). Позвольте-мась, сударыня, ангажировать на первую кадрилиъ.

Феклуша взглядываетъ на мать и закрывается платкомъ.

Настасья Кузминична. Что же ты? Отвѣчай же господину офицеру! (Тихо) Платочекъ же опусти! Головку на-бочекъ держи! Головку на-бочекъ! вотъ такъ!

Чечулинъ. Ву не зеть па ангаже?

Феклуша (отвѣчаетъ едва слышно, смѣясь и закрываясь): Нонъ, еще!

Чечулинъ. Такъ вамъ угодно танцовать со мною первую кадрилиъ?

Феклуша (шепотомъ). Будемте, пожалуй!

Чечулинъ (Феня). А васъ позвольте просить на вторую.

(Феня закрывается платкомъ и смотритъ на мать).

Настасья Кузминична. Что же? Будь поавантажнѣ! Отвѣчай!

Феня (шепотомъ). Извольте!

Чечулинъ (злѣдѣски закручивая усь). Вы любите балы?

Феня.

Феклуша.

} Любимъ-сь!

(Взглядываютъ на мать и закрываются платками).

Настасья Кузьминична (тихо, дочерямъ). Платочки опустите! Платочки! Будьте же пожеманистѣй! Головку-то на-бочекъ, головку-то! Вотъ такъ!

Чечулинъ. Такъ я надѣюсь имѣть удовольствіе танцовать съ вами?

Феня.

Феклуша.

} Надѣйтесь!

Чечулинъ. Же сюи аншамте! Сегодня мнѣ счастье благопріятствуетъ! Недаромъ-я, знаете, бѣжалъ сюда съ предчувствіемъ какого-то особеннаго удовольствія, точно будто зналъ, что мнѣ выпадеть завидный жребій танцовать съ вами!

(Феня и Феклуша улыбаются и краснѣютъ).

Киндзевъ (подходить къ Возоновымъ и обращается къ Лявочкѣ).

Позвольте васъ ангажировать на первую партию! (Иммануилъ, смѣло проскучивъ, набѣзъ о набѣзъ).

Липочка. Извольте!

Киндзевъ (Катенькѣ). А васъ на вторую!

Катенька. Съ удовольствіемъ!

(Мозгачіе. Киндзевъ покрикиваетъ и вертитъ головой, направляя шею изъ галстука).

Киндзевъ. Какой прекрасный балъ!—Не правда-ли?

Липочка. Да, освѣщеніе какое!

Катенька. И какъ много! Не то, что наша провинціальная балы!

Киндзевъ. Это что за балъ! Вотъ еслибы вы видѣли, какіе у насъ бываютъ вечера и балы въ полку! Ну такъ балы! Я помню, какъ мы одно время веселились! Вообразите, какъ-то разъ сошлось вмѣстѣ: именины полковаго командира, свадьбы двухъ нашихъ офицеровъ, и общество офицеровъ дѣлало отъ себя балъ по подпискѣ. Вообразите, мы шесть дней сряду танцовали, до упаду просто. Даже ноги заболѣли у меня. Знаете, со мной очень любили у насъ танцовать! Ни минуты мнѣ не давали отдохнуть дамы. Пристаютъ, что вы, мосе Киндзевъ, не танцуете? Пойдемте!—Ну, дѣлать нечего,—дамы приглашаютъ и идешь. Въ особенности на мазуркѣ мнѣ доставалось.—Вы любите мазурку?

Липочка. Очень.

Катенька. Да, люблю!

Киндзевъ. Я такъ ее обожаю! И, знаете, не могу ее танцовать, какъ другіе танцы, кладнокровно. Знаете, танцую съ жаромъ, съ увлеченіемъ этакимъ, чортъ возьми! Вы видали, какъ поляки танцуютъ мазурку?

Липочка. Нѣтъ.

Киндзевъ. Я, знаете, стоялъ въ Польшѣ съ полкомъ, ну такъ и видѣлъ. А ужъ польки, я вамъ говорю, такія огненные, ухарскія, хотъ кого расшевелитъ! Особенно въ одной пукернѣ была Мишашишка! То-есть, я вамъ говорю, чортъ ее задери совсѣмъ престо!—Ну-съ, такъ я тамъ выучился мазурку танцовать у павовъ, по настоящему, по польскому, и смѣю вамъ доложить—танцую-съ хорошо. Безъ меня въ полку ни одинъ балъ, ни одинъ вечеръ не могъ кланяться!

Липочка. Въ полку должно быть весело?

Киндзевъ. Очень-съ! Конечно есть, которые и скучаютъ; ну да тѣ сами виноваты. Придешь, знаете, на квартиры, сейчасъ

и немчаль по помѣщеніямъ: у одного потанцуешь, у другаго въ карты поиграешь, у третьяго такъ поболтаешь, и не видишь, какъ время идетъ приятно. Надобно, знаете, самому—то быть понаходчивѣе, поразвязнѣе; вотъ—съ меня вездѣ любили, съ радостью встрѣчали, не знали, какъ принять, какъ угостить. Потому что я веселилъ всегда компанію, а не сидѣлъ въ углу букую. А другіе забьются въ углы, въ избы, и сидятъ, ну разумѣется и скучно имъ. Или одинъ у насъ офицеръ бывало, все, знаете, носитъ, что ему скучно, не чѣмъ заняться, нѣтъ книгъ, того—сего! Ну, кто же виновать!

(Входитъ откупщикъ Куриковъ, толстая, довольно гаденькая фигура, но съ большими претензіями):

Полиціймейстеръ (бѣжитъ къ нему на встрѣчу). Прохоръ Парамоновичъ!

Куриковъ. Здравствуйте, Павелъ Михайловичъ! Все ли въ добромъ здоровьѣ? Съ новорожденною!

Полиціймейстеръ. Благодарю васъ!

Куриковъ. А новорожденная гдѣ?

Полиціймейстеръ. А вотъ она съ дамами.

Куриковъ. Пойдемте къ ней! (Тихо). Получили на зубокъ?

Полиціймейстеръ. Ну, ужъ и не знаемъ, какъ благодарить васъ! (Жметъ откупщику руку, улыбается и смотритъ ему въ глаза съ приторною пріятностью).

Куриковъ. Да что это у васъ—то самихъ новорожденныхъ нѣтъ, а? Пора-бы! Господа! вотъ я говорю: что это у Пама Михайловича—то новорожденныхъ нѣтъ? Скупитесь, должно быть, справлять крестины! А у меня ужъ давно на зубокъ готово! Или, можетъ быть, того... вы не мастеръ, а? Ха, ха, ха!

Полиціймейстеръ (съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ). Что дѣлать! не даетъ Господь! И радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ!

Куриковъ. Инъ ты! Просто не хочется крестинъ справлять! Кажется, вы бы должны по военному.... того.... каждый годъ двухъ! Ха, ха, ха! Это, знаете, я вамъ скажу, женился одинъ нѣмецъ на русской: черезъ мѣсяць послѣ свадьбы ему и далъ Богъ сына. Нѣмецъ побѣжалъ на базаръ купить корзинку, да купилъ двѣнадцать штукъ и несетъ. На дорогѣ ему встрѣчается другой нѣмецъ, пріятель, и говоритъ: «здорово!» Ну здорово!—«Что несешь?»—Корзины.—«Зачѣмъ?»—Давотъ женился на русской сѣни, каждый мѣсяць рождаетъ, такъ я ужъ разомъ на цѣлый годъ

корзингъ-то накупилъ! Ха, ха, ха! Вѣдь вотъ нѣмчура! Ха, ха, ха!
Въ толкъ-то не взялъ, въ чемъ суть! Ха, ха, ха!

(Всѣ сѣются).

ПОЛИЦІЙМЕЙСТЕРЪ. Чего не выдумаетъ, Прохоръ Парамоновичъ!

КУРИКОВЪ. Гдѣ же новорожденная? Надо ей пойти поше-
нять, что она намъ новорожденныхъ не даетъ!

ПОЛИЦІЙМЕЙСТЕРЪ. Пойдемте, пойдѣмте, Прохоръ Парамоновичъ!

(Идутъ въ гостиную; многіе здороваются съ откушникомъ и пожимаютъ ему руки, съ низкими поклонами).

КУРИКОВЪ. Мое почтеніе! Здравствуйте!

ГОЛОСА, ПОКА ОНИ ПРОХОДЯТЪ:

- Прохоръ Парамоновичъ! Мое почтеніе!
- Почтѣннѣйшій Прохоръ Парамоновичъ!
- Какъ ваше здоровье?
- Мое почтеніе!
- Наконецъ-то я имѣю удовольствіе видѣть Прохора Парамоновича!

ГОЛОСА ПО УХОДЪ:

- Толстый боровъ!
- Откормленная свинья! Вишь, какого туза изъ себя корчить.
- Воду продаетъ вмѣсто водки!
- Онъ чудеса дѣлаетъ: обращаетъ воду въ вино!
- Нѣтъ, вино въ воду!
- Табакомъ насъ угощаетъ, ей-богу! Вѣдь они набухаютъ воды, увидятъ, что водка стала слаба, ну и настоятъ табаконъ, чтобы она была позабористѣй, дурманила бы.

КВАРТАЛЬНЫЙ (кричитъ изъ дверей). Павелъ Михайловичъ! Ихъ превосходительство, генераль Власевъ, изволили пріѣхать.

(Полиціймейстеръ и Серафима Ивановна бѣгутъ къ дверямъ. Входятъ отставной генераль Власевъ, совершенная развалина. Онъ подслѣповать и глуховать).

ПОЛИЦІЙМЕЙСТЕРЪ. Ваше превосходительство, Галактіонъ Парфенычъ!

ВЛАСЕВЪ. Покорно васъ благодарю! Поздравляю, поздравляю! Не безпокойтесь!

СЕРАФИМА ИВАНОВНА. Покорно васъ благодарю! Я не знаю, какъ благодарить васъ, ваше превосходительство, за милость и вниманіе, что вы удостоили посѣтить насъ!

Власьевъ (не расслыхавъ, что ему говорили). Слава Богу! Слава Богу! Теперь лучше.

Серафима Ивановна. Пожалуйте въ гостиную.

Власьевъ. Вы изволите говорить отчего? Все старыя раны, старыя раны. Въ турецкую камшанію я былъ очень израненъ, подъ Варною.

Полиціймейстеръ (женѣ). Серафима! Говори громче, ты знаешь, его превосходительство тугъ на ухо!

Власьевъ. Ась? Что вы изволите говорить? У меня, знаете, подлѣ контузіи въ голову — все шумъ въ ухахъ.

Полиціймейстеръ (кричить). Позвольте просить ваше превосходительство въ гостиную!

(Въ это время дверь расворяется, появляется Шепчуговъ, за нимъ Григорій и другіе люди съ подносами, уставленными стаканами и чашками съ чаемъ. За ними мальчишки съ сухарями и кренделями).

Полиціймейстеръ (Григорью, который, не рассмотрѣвъ, что въ комнатѣ генералъ, началъ подавать другимъ гостямъ). Григорій! Грищка! Куда же ты? Чего разинулъ ротъ, какъ тотъ!... Я тебѣ дамъ! (Подмигиваетъ на Власьева. Григорій поспѣшно отходитъ отъ господина, протянувшего уже руку за чаемъ).

Полиціймейстеръ (кричить). Ваше превосходительство! Чайку! Позвольте васъ просить!

Серафима Ивановна (въ другое ухо кричить). Съ чѣмъ угодно вашему превосходительству? Сливочки, лимонъ, варенье, ромъ!

Власьевъ. Благодарю васъ! Позвольте ужъ лимончику и ромцу!

Полиціймейстеръ (кричить въ ухо). Не угодно ли сигарочки или трубочки?

Серафима Ивановна (въ другое ухо). Крендельковъ! Булочекъ! Вотъ бріюшки, ваше превосходительство. Позвольте этихъ миндальныхъ.

Власьевъ. Благодарю васъ, благодарю, довольно!

Полиціймейстеръ. Позвольте я поддержку вамъ стаканчикъ!

Серафима Ивановна. Ваше превосходительство, пожалуйста въ гостиную, на диванчикъ! Тамъ вамъ будетъ покойнѣе! Мы вамъ подъ ноги скамѣчку подставимъ!

Власьевъ. Благодарю васъ! Не безпокойтесь!

(Уходятъ въ гостиную. По одну сторону Власьева идетъ Полиціймейстеръ съ чаемъ, до другую Серафима Ивановна съ кренделями. Оба поддерживаютъ генерала).

ФЕКЛУША (матери). Что жъ? Чай подаютъ, а хозяйка не ходить, не просить, не поштуеть?

НАСТАСЬЯ КУЗМИНИШНА. Она вишь, съ енарамами занята! ФЕКЛУША. А какъ же брать, когда не поштують? Вѣдь это стыдно!

НАСТАСЬЯ КУЗМИНИШНА. Видишь, другіе берутъ, и ты бери!

РОЗОНОВА (мальчику съ сухарями). Постой, постой, почтеннѣйшій! Куда ты бѣжишь? Я еще себѣ возьму сухариковъ! (Ставитъ чашку на стулъ возлѣ себя, одною рукою держится за лотокъ съ сухарями, другою набираетъ ихъ къ себѣ на колѣни). Постой, вотъ еще себѣ возьму! Славные сухарики! Прелестные! Липочка, Катенька! берите побольше! Вы попробуйте! Отличные сухарики! Вотъ этихъ—то миндальныхъ! Постой, постой, почтеннѣйшій, я не взяла вотъ еще такого манера. Липочка, Катенька! Берите же! Ну, теперь довольно, мой милый!

(Данило Ильичъ Буркаловъ, предсѣдатель казенной палаты съ женою и дочерью. Жена его полная, здоровая дѣва, но вѣчно жалуется на болѣзнь; дочь ихъ—небольшое, блѣдненькое, худенькое существо, съ недурненькимъ личикомъ, на которомъ свѣтятся голубыя жилки. Обѣ нѣсколько кобеняются и смотрятъ съ полуснисходительнымъ презрѣніемъ).

ПОЛИЦІЙМЕЙСТЕРЪ. Данило Ильичъ! Мое почтение! Митродора Степановна! Нимфодора Даниловна!

БУРКАЛОВЪ. Здорово! Поздравляю!

СЕРАФИМА ИВАНОВНА. Митродора Степановна!

МИТРОДОРА СТЕПАНОВНА. Bonjour! Поздравляю васъ!

СЕРАФИМА ИВАНОВНА. Какъ ваше здоровье?

МИТРОДОРА СТЕПАНОВНА. Merci! Ничего. Только нервы, удивительно меня беспокоятъ, круженіе головы.... Вотъ далеко ли проѣхалась, а совсѣмъ закачалю! А у васъ миленькій вечерокъ! Довольно много! Жаль, что общество—то.... все больше деревенскіе помѣщики, c'est dommage!

СЕРАФИМА ИВАНОВНА. Пойдемте въ гостиную! Прошу покорно.

МИТРОДОРА СТЕПАНОВНА (осматривая общество въ лорнетъ). Nimphodore! Il y a ici quelqu'un, vous pouvez danser aujourd'hui!

НИМФОДОРА ДАНИЛОВНА. Oui! voila par exemple monsieur Koukakirin! (Кукакирину, который кланяется) Bonjour, monsieur! (Уходитъ въ гостиную).

БУРКАЛОВЪ. А что враги собрались?

Полиціймейстеръ. Нѣтъ, еще.

Буркаловъ. Вы меня съ кѣмъ посадите?

Полиціймейстеръ. Съ губернаторомъ, Фуксомъ и съ откупщикомъ.

Буркаловъ. Не люблю я играть съ губернаторомъ! Онъ, между нами сказать, глупъ и для карточной даже игры! Наконецъ, играетъ съ претензіями, думаетъ, что онъ губернаторъ и въ картахъ, что ему и карты должны повиноваться!

Фуксъ (всеобщій знакомый, знающій всѣхъ и все). Мое почтеніе, Павелъ Михайловичъ! Поздравляю васъ! Что зрю?! О, богъ! Въѣдъ точно магнитъ тянетъ, а это Данило Ильичъ!

Буркаловъ. А-а-а! злосрадно, бренно тѣло! Всякій чортъ Иванъ Ивановичъ! Ха, ха, ха!

Фуксъ. Онъ самый! Ну, какъ здоровье?

Буркаловъ. Ничего, скриплю помаленьку!

Фуксъ. Я слышалъ, что казенная палата деньги получила! Пожалуйте-ка теперь на зеленое поле! А то получилъ деньги да и прячется! Въѣдъ мы дня четыре уже какъ не играли.

Буркаловъ. Да, четыре дня!

Фуксъ. Ну что жъ? Можно и за дѣло!

Буркаловъ. Вотъ еще этого нѣтъ — губернатора.

Фуксъ. Значить, игра-то будетъ превосходительная! А четвертый, кто?

Полиціймейстеръ. Откупщикъ.

Фуксъ. Куриковъ? Мы жъ его сегодня объегоримъ! Вотъ люблю играть съ этимъ человѣкомъ! — Я не помню, чтобы онъ когда нибудь выигралъ.

Буркаловъ. Съ нимъ презанимательно играть! А вы читали въ газетахъ?—Сомягинъ-то получилъ Владимира на шею. Вотъ-то пошелъ въ гору! Давно ли былъ совѣтникомъ у меня въ палатѣ!

Фуксъ. Да ужъ это кому повезетъ фортуна слѣпая!

Полиціймейстеръ. Пойдемте-ка курнемъ съ чайкомъ.

Буркаловъ. Дѣльно! Я у васъ люблю покурить. Вы удивительно тонкій знатокъ и каждую сигарку вашего выбора стоитъ, знаете, покупать на вѣсъ золота.

(Уходятъ въ корридоръ).

Квартальный (изъ дверей). Его превосходительство, генералъ Папочкинъ!

(Входитъ Папочкинъ, за нимъ Карадышневъ).

ПОЛИЦІЙМЕЙСТЕРЪ (подбѣгаетъ къ дверямъ, расталкивая гостей).
Ваше превосходительство! Александръ Ивановичъ!

ПАПОЧКИНЪ. Честь имѣю васъ поздравить! (Подходящей Серафимѣ Ивановнѣ) Je vous felicite, madame! Желаю вамъ всего лучшаго: здоровья, богатства, всего, всего!

СЕРАФИМА ИВАНОВНА. Merci bien, mon général! Вы такъ любезны, внимательны можно сказать, осчастливили нашъ вечеръ своимъ присутствіемъ.

КАРАНДЫШЕВЪ. Честь имѣю васъ поздравить, прелестная новорожденная!

Je vous souhaite d'être si heureuse, que vous êtes belle!

D'être riche, paisible bien portante et heureuse!

Je vous souhaite, je vous supplie, d'être moins cruelle

A ceux, qui vous adorent, qui sont de vous amoureux?

СЕРАФИМА ИВАНОВНА. Благодарю васъ, мосье Карандышевъ!

КОЗИНЪ (въ толпѣ мужчинъ). У него на всякій случай есть куплеты.

ПАПОЧКИНЪ (Полиціеймистеру). Павелъ Михайловичъ! Слышите, что вашей-то женѣ напѣваютъ! Какъ вы позволяете?

ПОЛИЦІЙМЕЙСТЕРЪ (съ такою пріятною улыбкою, какъ будто бы получая девыи). Что дѣлать, ваше превосходительство! гдѣ медъ — тамъ и мухи!

СЕРАФИМА ИВАНОВНА (Карандышеву). А мосье Простоквашинъ мнѣ сегодня поднесъ оду.

КАРАНДЫШЕВЪ. О-о-о! Ну, да вѣдь онъ поэтъ, ему и книги въ руки! Я думаю, бѣдняжка не ѣлъ, не спалъ недѣлю! А вѣдь мы такъ, что взбредетъ прямо въ голову. При видѣ васъ нельзя не вдохновиться! Вы сегодня восхитительны! При видѣ васъ заговарятъ и камни! Глазки, въ особенности глазки, — животворныя сѣтила!

СЕРАФИМА ИВАНОВНА. Перестаньте, несносный!

КАРАНДЫШЕВЪ. Ну, развѣ несправедливо, когда ослы вѣщаютъ цѣлыя оды!

СЕРАФИМА ИВАНОВНА. Злой языкъ!

ПАПОЧКИНЪ. Не слушайте его, Серафима Ивановна, молодость, пылъ, непостоянство, вѣтренность. Вотъ мы, люди солидные, другое дѣло!

СЕРАФИМА ИВАНОВНА. Ваше превосходительство, пожалуй-

те въ гостиную! Мосье Карандышевъ, вы всегда душа общества, представляю вамъ и прошу васъ одушевить и оживить мой вечеръ.

КАРАНДЫШЕВЪ. Помилуйте, гдѣ мнѣ! Вамъ стоить взглянуть, чтобъ одушевить камень!

СЕРАФИМА ИВАНОВНА. Несносный человекъ! Все комплименты! Я вамъ поручаю моихъ гостей.

КАРАНДЫШЕВЪ. Мой долгъ повиноваться! Но за то кадрили и мазурка за вами!

СЕРАФИМА ИВАНОВНА. Merci bien! Извольте! — Я для васъ оставила мазурку и двѣ кадрили, первую и четвертую! Поидемте въ гостиную, ваше превосходительство.

(Идутъ въ гостиную. Папочкину всѣ кланяются, даже дамы встаютъ и присѣдаютъ. Карандышева наперерывъ окружаютъ папеньки и маменьки, у которыхъ есть взрослые дочки).

РОЗОНОВА. Липочка, Катенька, посмотрите какой красавецъ офицеръ! Гвардеецъ, Боже мой! Что за прекрасный народъ эти гвардейцы!

РОЗОНОВЪ (подходить къ ней и говорить тихо). Дѣло плохо! Сомовъ и многіе дворяне хотятъ выбрать Никонова, Журавлевъ почти перешелъ на ихъ сторону!

РОЗОНОВА. Надобно работать, стараться! Еще время есть, не зѣвай, не зѣвай, Гриша, а то вся дрянъ, которую ты запугалъ, возстанетъ.

РОЗОНОВЪ. Посмотримъ, кто кого перехитритъ!

РОЗОНОВА (указывая на господина съ сапомъ). Скажи мнѣ, что на Иванъ Петровичъ есть недоимочка? Дѣла его плохи?

РОЗОНОВЪ. Да.

РОЗОНОВА (господину съ сапомъ). Почтеннѣйшій, Иванъ Петровичъ! Какъ ваше здоровье?

ГОСПОДИНЪ СЪ САПОМЪ. А! мое почтеніе, Александра Герасимовна! Григорій Семеновичъ, Олимпиада Григорьевна, Катерина Григорьевна!

РОЗОНОВА. Скажите, почтеннѣйшій Иванъ Петровичъ, вы хотите оставить наши мѣста?

ГОСПОДИНЪ СЪ САПОМЪ. Какъ это?

РОЗОНОВА. Вы продаете ваше имѣнье?

ГОСПОДИНЪ СЪ САПОМЪ. Не думаю!

РОЗОНОВА. Можетъ ли быть? Слышите, Липочка, Катенька,

почтеннѣйшій Иванъ Петровичъ и не думаетъ продавать имѣнія! Скажите, какія выдумки!

Господинъ съ сапомъ. Кто это вамъ сказалъ?

Розонова. Какъ же! Никоновъ вездѣ хвастается, что ваше имѣніе не минуетъ его рукъ!

Господинъ съ сапомъ. Что же это ему вздумалось?

Розонова. А-а-а! теперь я понимаю! Теперь я понимаю! Его хотятъ выбрать въ исправники, такъ онъ думаетъ стѣснить васъ и заставить продать ему.

Господинъ съ сапомъ. Напрасныя надежды!—не удался!

Розонова. Вотъ вамъ прославленная честность! Боже мой, что дѣлается! Что только дѣлается на свѣтѣ! Какъ можно распускать такіе слухи!

Господинъ съ сапомъ. Мерзавецъ онъ, вашъ Никоновъ! Еще не залѣзъ въ исправники, а ужъ начинаетъ пакостить!

КВАРТАЛЬНЫЙ (Васькѣ, который разноситъ гостямъ попорше *фильмъ*). Бѣги, скажи Павлу Михалычу, что пріѣхалъ губернаторскій чиновникъ, вѣрно и губернаторъ скоро будетъ.

Васька бѣжить. По всему собранію проходитъ говоръ: *губернаторъ, губернаторъ сейчасъ будетъ!* Нѣкоторые откашливаются, другіе оправляются. Дамы обтягиваютъ платья, поправляютъ волосы, перчатки, ленты и цвѣты. Всеобщее ожиданіе. Входитъ довѣренное лицо.

ПОЛИЦІЙМЕЙСТЕРЪ (подбѣгаетъ къ нему). Андрей Андреевичъ!

Довѣренное лицо. Поздравляю васъ, Павелъ Михайлычъ! Его превосходительство поручилъ мнѣ поздравить васъ и вашу супругу, передать, что они сейчасъ будутъ съ ея превосходительствомъ и просить не стѣсняться, открыть безъ нихъ балъ.

Полиціймейстеръ. Мы лучше подождемъ! Безъ ихъ превосходительствъ намъ и вечеръ не въ вечеръ, и веселье не въ веселье!

Довѣренное лицо. Нѣтъ, они просили начинать, благодарятъ, что ожидали! Но, знаете, они не любятъ пріѣзжать къ началу, а въ самый разгаръ удовольствій.

Полиціймейстеръ. Воля ихъ превосходительствъ — для насъ законъ! Пожалуйте къ намъ въ гостиную! Откушайте чайку! Вы, я думаю, прозябли, почтеннѣйшій Андрей Андреевичъ!

Довѣренное лицо. Благодарю васъ. Да, стало холодно!

Полицеймейстеръ. Мы васъ согрѣемъ! Мосе Карандышевъ! Александръ Петровичъ! Будьте такъ добры и любезны, примите на себя трудъ распорядиться танцами!

Карандышевъ. Съ большимъ удовольствіемъ. Музыканты! Вальсъ!

МОМЕНТЪ ВТОРОЙ.

БАЛЪ.

Музыка играетъ вальсъ. Папочкинъ выходитъ съ Серафимой Шваповной и открывается балъ. Всѣ начинаютъ вальсировать съ какимъ-то ожесточеніемъ, какъ ѣсть голодный, дорвавшійся до вкусной пищи. Пары носатся по всѣмъ направленіямъ, сталкиваются одна съ другою. Кидякъ ичтиса какъ буря, сокрушая все на пути. Онъ сбиваетъ съ ногъ чиновника, выплясывающаго отъ всеи души и въ простотѣ сердечной. Чиновникъ падаетъ виѣтъ съ дамой, а Кидякъ несется далѣе, расталкивая и разметывая всѣхъ въ стороны, спиною своеи дамы.

Чиновникъ (поднимаясь). Экъ его несетъ! Точно лѣшій скачетъ! Извините, сударыня! Вы не ушиблись?

Дѣвица съ голубымъ поясомъ. Нѣтъ, ничего!

Чиновникъ. Будемте продолжать, или вамъ угодно сѣсть?

Дѣвица съ голубымъ поясомъ. Все равно!

Продолжаютъ вальсировать.

Матушка дѣвицы съ голубымъ поясомъ (очень почтенная старушка ворчитъ). Вѣдь ишь ты какой! Глазъ нѣтъ! Осторожности не имѣеть! У нынѣшней молодежи мало вѣжливости! Это просто неуваженъе! Самъ упалъ и мою дочь уронилъ! Страхулисть проклятый! вотъ я скажу столоначальнику, Михайлѣ Семенычу, чтобъ онъ его подъ арестъ посадилъ дня на два, чтобъ онъ зналъ, какъ долженъ приказный танцовать съ дочерью статскаго совѣтника!

Настасья Кузминишна (Феклушъ, которую кавалеръ приглашаетъ танцовать). Задокъ-те побольше отпять! видишь какъ у всѣхъ, когда танчутъ. Еще, еще! вотъ-такъ! Ахъ ты моя царевна-королевна, вишь выписываетъ, вишь выписываетъ, что твоя благородная!

Козинъ (Козелкову). Почтеннѣйшій Николай Ивановичъ! Что же вы не танцуете?

Козелковъ. Ги, ги, ги! Я-съ!... Нѣтъ-съ!

Козинъ. Не забудьте же спросить у губернатора билетикъ!

Козелковъ. А вы что жъ сами?

Козинъ. Дорого, денегъ нѣтъ!

Козелковъ. И я не хочу, дорого! Пожалуй, не выиграешь, и деньги пропали!

Козинъ. Эхъ вы! А были бы китайскимъ императоромъ! Что вы не женитесь? Вѣдь вы знаете, что съ будущаго года съ холостыхъ будутъ штрафъ брать.

Козелковъ. Постойте, я еще не видалъ Александры Герасимовны, а она теперь много можетъ сдѣлать.

Козинъ. Еще бы! Что скажетъ губернатору, то и свято! А вотъ отгадайте—ка шараду: первое *ла*, второе *фитъ*, а цѣлое въ погребѣхъ стоитъ.

Козелковъ (задумывается). Ахъ, отгадалъ! Лафитъ.

Козинъ. Вѣрно вы знали?

Козелковъ. Нѣтъ, ей-богу нѣтъ!

Козинъ. Ну, молодецъ же вы! Право, вамъ бы жениться. Вотъ, напримѣръ, танцуетъ съ Карандышевымъ дочь Буркалова, чѣмъ не невѣста? — богата, отецъ на хорошей дорогѣ. Подите—ка, приударьте!

Козелковъ. Въ самомъ дѣлѣ!

Вальсъ кончается. Всѣ усаживаются отдыхать.

Розоновъ (подходить къ Хорькову, одному изъ помѣщиковъ партіи Николова). Степанъ Ивановичъ! мое почтеніе!

Хорьковъ. Здравствуйте!

Розоновъ (тихо). Позвольте нѣсколько словъ. Я знаю, вы хотите ваши два шара положить Никонову!

Хорьковъ. Да!

Розоновъ. Ну вотъ видите! А вы знаете этого человѣка?

Хорьковъ. Знаю. Человѣкъ благороднѣйшій, честнѣйшій!

Розоновъ. Совершенно справедливо! Я самъ очень уважаю Андрея Филипповича, но въ немъ, какъ въ лицѣ должностномъ, будутъ большіе недостатки!

Хорьковъ. А именно: онъ не будетъ брать взятки! Будетъ дѣлать все по закону, по совѣсти!

Розоновъ. Совершенно справедливо! Но онъ слишкомъ щепетилень! Его совѣсть щекотлива, и онъ будетъ строго и буквально исполнять законъ!

Хорьковъ. Чего же лучше!

Розоновъ. Ну, тутъ есть маленькія, своего рода неудобства! Законъ надобно исполнить, конечно; но надобно же смотрѣть на лицо, на его положеніе. Надобно строгую букву закона, такъ сказать, проводя черезъ сердце, смягчать, дѣлать нѣкоторыя уступки, не выходя, разумѣется, изъ строгой справедливости закона. Надобно имѣть состраданіе! Напримѣръ, взысканіе... ну вотъ хоть съ васъ въ настоящее время имѣется взысканіе въ восемьсотъ рублей серебромъ; — я долженъ его произвести немедленно, а у васъ нѣтъ денегъ. Спрашивается: потеряетъ ли сколько нибудь законность и справедливость, если я вмѣсто немедленнаго взысканія подожду съ мѣсяць? Вы заплатите безъ хлопотъ, безъ разоренія!—взысканіе будетъ произведено! И волки будутъ сыты, и овцы цѣлы! Не правда ли?

Хорьковъ. Конечно! Въ этомъ случаѣ и Никоновъ давить не будетъ.

Розоновъ. Ну, это бабушка на двое сказала! Онъ слишкомъ щепетилень, и если ему предпишутъ немедленно произвести взысканіе, такъ сдѣлайте ваше одолженіе: онъ перетолковывать себѣ закона не позволитъ. А я, оставляя прямую букву, стараюсь понять, такъ сказать, духъ закона. Я понимаю этотъ случай такъ: надобно произвести взысканіе, а не сдѣлать бѣдствія какому нибудь лицу, ну и дѣйствую въ этомъ духѣ. Наконецъ, между нами, ей-богу, будучи исправникомъ, плевое дѣло внести за своего помѣщика восемьсотъ рублей.

Хорьковъ. Вы бы внесли?

Розоновъ. Ей-Богу бы внесъ! Провались я сквозь землю! Не сойди съ этого мѣста! Будь я проклять,—внесъ бы! Вѣдь когда нибудь отдадите! А не будете въ состояніи—такъ что за счеты между пріятелями! А ваши шарки были бы для меня истинно пріятельской услугой! Да что за околичности! Будемъ говорить прямо. Мнѣ выгоднѣе быть исправникомъ и внести за васъ восемьсотъ рублей, нежели не вносить и лишиться мѣста! Ваши шары дадутъ перевѣсъ той или другой сторонѣ. Положите мнѣ бѣлые, Никонову—черные, и я вношу за васъ.

Хорьковъ. Надуешь, отецъ!

Розоновъ. Я?! Да что вы, Степанъ Ивановичъ! За такую

услугу? Да разрази меня Богъ! Чтобъ мнѣ не видать дѣтей моихъ! Чтобъ мнѣ не дожидаться завтрашняго утра! Вѣдь вы меня облагодѣтельствуете! Я вамъ буду всеѣмъ обязанъ! Клянусь вамъ! даю честное слово! готовъ присягнуть! Ну, хотите, завтра прїѣду къ вамъ и натошакъ поцалую образъ! Ну, будь я подлець! Будь я анаеема—проклять! Тогда публично мнѣ плюньте въ глаза, разбейте рожу!

Хорьковъ. Ну, смотрите!

Розоновъ. Такъ рѣшено? Я вношу за васъ восемьсотъ рублей, а вы за то мнѣ направо, а Никонову налѣво?

Хорьковъ. Да.

Розоновъ. Честное слово?

Хорьковъ. Честное слово!

Розоновъ. Благодарю васъ! Вы мой благодѣтель! (Указывая на свое семейство). За нихъ благодарю васъ! Теперь они будутъ молиться за васъ! Какъ только поднесутъ кусокъ ко рту, и сейчасъ буду говорить: «дѣти! этотъ кусокъ даетъ вамъ Степанъ Ивановичъ, мы ему обязаны своимъ существованіемъ!»

Хорьковъ. Это ужъ слишкомъ! Вы исполните обѣщаніе—то!

Розоновъ. Присягнуть готовъ! Завтра же внесу!

(Хорьковъ отходитъ отъ него. Розоновъ идетъ къ своей женѣ).

Розоновъ (Александръ Герасимовъ). Дѣло на мази! Клеится! У меня явилась чудная мысль! Я непременно буду исправникомъ!

Квартальный (изъ дверей). Его превосходительство, господинъ начальникъ губерніи!

(Всѣ разговоры замолакаютъ. Полиціймейстеръ и Серафима Ивановна бѣгутъ къ дверямъ, за ними спѣшитъ Довѣренное лицо. При всеобщемъ молчаніи, изъ передней ясно слышны голоса).

въ передней.

— Полиціймейстеръ. Ваше превосходительство! Наконецъ—то мы дождались вашего превосходительства!

— Губернаторъ. Поздравляю тебя, братъ, поздравляю! Серафима Ивановна, со днемъ вашего рожденія!

— Анна Ивановна (жена губернатора). Bonjour, ma chère! Поздравляю васъ! Ахъ, какъ сегодня холодно! je crains de me refroidir!

— Полиціймейстеръ (губернатору). Покорно васъ благодарю, ваше превосходительство! (Губернатору) Позвольте вашъ салютъ, ваше превосходительство!

— Анна Ивановна. *Bien merci!*

— Полиціймейстеръ. Квартальный, мой милый! Помоги же его превосходительству снять теплые сапоги, видишь, они беспокоятся! (Губернаторшѣ) Позвольте имѣть счастье прислужить вашему превосходительству! Поставьте вашу ножку ко мнѣ на колено.

Козинъ (въ залѣ). Какъ это трогательно! Господа, неужели мы не прослезимся! Слѣдовало бы, чтобы музыка играла торжественный маршъ, когда бранные останки его превосходительства будутъ входить въ залъ.

въ передней.

— Полиціймейстеръ. Вашъ платочекъ, ваше превосходительство!

— Анна Ивановна. *Merci!*

— Полиціймейстеръ. Пожалуйте, ваше превосходительство! А мы васъ ждали съ нетерпѣніемъ.

— Губернаторъ. Нельзя, любезнѣйшій, было! Ты знаешь, дѣла! Вѣдь у меня цѣлая губернія!

— Полиціймейстеръ. Знаю, ваше превосходительство! Но наше желаніе было имѣть счастье скорѣе видѣть ваше превосходительство! Мы бы и танцовать не начали, если бы ваше превосходительство не изволили приказать начинать. Безъ вашихъ превосходительствъ и танцы были бы не въ танцы. Бѣ-богу! (Входить въ залу. Всѣ встаютъ и кланяются, дамы присѣдаютъ).

Губернаторъ (киваетъ нѣкоторымъ головою къ отвѣту на ихъ шепотъ и вдругъ останавливается передъ судьей, не того узда, въ которомъ Розановъ). А у васъ прескверное дѣло! Я все знаю! У меня такъ служить нельзя! Это грабежъ открытый, слышите ли вы? Понимаете?

Судья другаго узда. Ваше превосходительство!

Губернаторъ. Извольте молчать, когда я говорю! Что, вы хотите оправдываться, а? Оправдываться въ то время, когда на васъ поступили такія жалобы! Ну, извольте оправдываться!

Судья другаго узда. Ваше превосходительство, я не знаю въ чемъ дѣло!

Губернаторъ. Не знаете въ чемъ дѣло! Это—то и скверно! Вы дѣлъ не знаете и знать не хотите! Что вы сдѣлали по дѣлу съ Брюхановой, а? Что вы сдѣлали?

Судья другаго узда. Ваше превосходительство!

Губернаторъ. Извольте молчать! Вы со мною грезитесь

зубъ за зубъ, такъ что же вы съ просителями! Что вы сдѣлали съ несчастной женщиной? Она у меня сегодня рыдала, какъ сумасшедшая! Все взятки! взятки! взятки! Я покажу вамъ взятки! Отчего вы не исполнили ея прошенія, а? Отчего?

Судья другаго уѣзда. Она неправa....

Губернаторъ. Молчать! Какъ вы смѣете разсуждать! Я знаю, я вижу, что она права, а вы смѣете противорѣчить! Вы правы, что ли? Вы правы? Я васъ спрашиваю, вы правы?

Судья другаго уѣзда. Она....

Губернаторъ. Молчать у меня! Я знаю все! Извольте безъ объясненій! Вы грабитель, взяточникъ! Я сказалъ, что не стерплю несправедливости, неисполненія своего долга! А что я сказалъ, то свято! У меня ужъ такой характеръ! У меня расправа коротка! Дѣло говоритъ само за себя! Вы думаете, что можно забраться къ чорту въ бѣдота и дѣлать что угодно, никто не узнаетъ? Нѣтъ-съ, я все вижу, все знаю! Я сказалъ, что не стерплю, раздавлю такихъ господъ! Извольте же у меня убираться къ чорту! Слышите? Чтобъ духу вашего не было на службѣ!

Судья другаго уѣзда. За что же....

Губернаторъ (въ неистовствѣ). Вы еще разсуждать стали, за что? почему? Я такъ хочу, слышите, — я такъ хочу! Я съ такими, какъ вы, служить не могу, не хочу! Въ отставку у меня извольте убираться, завтра же! сейчасъ! сію минуту! Я видѣть васъ не могу! Я не могу терпѣть такихъ людей! Павелъ Михайловичъ! мнѣ, право, непріятно встрѣчаться съ такими гусями, какъ этотъ баринъ! Я долженъ буду уѣхать, чтобъ не быть съ нимъ вмѣстѣ. Я съ такими людьми не могу быть подъ одною кровлею! Я съѣсть его готовъ! У меня ужъ такой характеръ!

Полиціймейстеръ (судья, инкогнито). Не раздражайте его превосходительства донепрасну. Со временемъ обойдется, а теперь, знаете, ихъ превосходительство раздражены! Я бы вамъ совѣтовалъ уѣхать!

Судья другаго уѣзда. Извольте, я уѣду! мнѣ самому непріятно! Извините, что я обезпокоилъ его превосходительство! (Уходитъ). Господа! Брюханова продала триста десятинъ строеваго дѣсу купцу Столбину; пока совершалась купчая, она вырубила и вывезла всѣ деревья, оставила покупщику одни пни. Я рѣшилъ дѣло въ пользу Столбина, остальное вы слышали! (Уходитъ).

Губернаторъ. Я вамъ дамъ! Экой закоснѣлый! грабитель, взяточникъ, кривошій! (Идетъ далѣе).

Розенова (забѣгая впередъ). Ваше превосходительство!

ГУБЕРНАТОРЪ. А-а! мое почтеніе! (Тихо ей) Мегсі за собачку! Очарованіе! прелесть!

Козинъ (Козелкову). Видите? Шепчутся! Ну что, я правду говорилъ?

Козелковъ. Я знаю!

ГУБЕРНАТОРЪ (Фуксу). А-а-а! Иванъ Ивановичъ!

Фуксъ. Мое почтеніе, ваше превосходительство! Какъ ваше здоровье?

ГУБЕРНАТОРЪ. Благодарю, братецъ! Ну наготовь карманы выворачивать, расплачиваться.

Фуксъ. Сегодня другая жертва, ваше превосходительство, съ нами четвертый—Куриковъ.

ГУБЕРНАТОРЪ А-а-а! съ нимъ пріятно играть. Только, знаете, онъ немножко мужиковать, все дегтемъ, знаете, и кабакомъ чихаетъ!

Фуксъ. Да ужь это непременно!

ГУБЕРНАТОРЪ. Породы не скроешь. Моя тетушка графиня Безголово-Кулькова говоритъ, что она по взгляду угадаетъ—человѣкъ порядочной ли крови? (Буркалову) Здравствуйте, Данило Ильичъ! Читали вы что дѣлается въ Италіи?

Буркаловъ. Нѣтъ съ, я, признаться сказать, до газетъ не охотникъ.

ГУБЕРНАТОРЪ. У меня Филатовъ, спасибо ему, читаетъ, а потомъ разсказываетъ, что есть замѣчательнаго.

Буркаловъ. Вотъ я читалъ въ газетахъ, мнѣ показывалъ собесѣдникъ, Сомягинъ, Владимира получилъ на шею.

ГУБЕРНАТОРЪ. Я бы ему далъ въ шею! Этакая дрянь.

Фуксъ. А въ Италіи дѣла, кажется, серьезныя.

ГУБЕРНАТОРЪ. Серьезныя! Что тамъ серьезнаго! Серьезныя отъ неумѣнія распорядиться. Послали бы меня туда губернаторомъ! Я бы имъ показалъ волненія, да прогрессы и принципы! У меня бы не шелохнулись!

Буркаловъ. Кончится ничѣмъ.

ГУБЕРНАТОРЪ. Разумѣется! Когда понадоѣдятъ, ну и захватить крикуновъ и коноводовъ: кого повѣсять, кого засадить, кого сошлютъ, остальныхъ поѣдутъ просто, и дѣло съ концемъ! И къ чему эта поблажка? все ожидаютъ, не опомнятся ли? Гдѣ тутъ спонсируются, когда рассуждать начали! То не такъ, другое не поихнему, то имъ тяжело, то неудобно, нашли тамъ, ало, невѣжески-

мость своего положенія, — и пошла писать! Начали обсуживать распоряженія властей, разсуждать! Ужь это значить все идетъ на изворотъ! Ждать нечего. По моему, надобно сейчасъ собрать жандармовъ, войска, бунтовщиковъ схватить и наказать. Ты разсуждаешь? — значить бунтовщикъ, бери его! Мигомъ бы поприсмьрѣли. Перестали бы разсуждать, а начали бы слѣпо повиноваться. А то съ ними тамъ какъ съ барышнями. Вишь имъ безпокойно, трудно жить! Не такъ ими управляютъ, власти дѣла своего не знаютъ, точно властямъ только и заботы, что объ нихъ, чтобъ имъ было хорошо и спокойно жить, точно мы, начальствующіе, для нихъ поставлены, а не для надзора за ними. Слѣдовало бы, чтобъ всякій зналъ, что если хочешь разсуждать — разсуждай, но готовься на висѣлицу или на каторгу. Я вамъ скажу, тамъ губернаторы — тѣфу! бабы! И ничего не будетъ у нихъ путнаго!

Фуксъ. Это дѣйствительно!

Губернаторъ. И чего церемониться? Вы посмотрите, кто шумитъ, буйствуетъ? — голь, дрянъ! Безпокойные люди смотрять только, чтобъ произвести безпорядокъ, нарушить спокойствіе, низпровергнуть законы и благочиніе, да самимъ въ мутной водѣ половить рыбы. Вотъ этимъ вольникамъ не стоитъ давать пощады; слабость къ нимъ есть преступленіе, святотатство! Порядочный человѣкъ, занимающій мѣсто порядочное, идущій по хорошей дорогѣ, шумѣть не станетъ, а заботится о своей карьерѣ, какъ бы дослужиться до степеней извѣстныхъ. Такой человѣкъ не станетъ разсуждать, драть горла и показывать глупой фанаберіи; что дѣлать, — смолчать, снести, поклонится, угодить, покаряется, какъ слѣдуетъ порядочному благонамѣренному человѣку. А вотъ эта голь, которой дѣться некуда, которая живетъ въ праздности, — она и бурлитъ отъ-нечего-дѣлать. Посмотрите, кто шумитъ? — дрянъ, чинишка у него маленькій или вовсе нѣтъ, изъ службы за неповиновеніе и буйство выгнанъ, — ну бьетъ шабберды да бурлитъ отъ-нечего-дѣлать!

Фуксъ. Это точно! Человѣкъ, занимающій хорошее мѣсто или поставленный хорошо въ обществѣ, не станетъ искать перемѣны, онъ самъ заинтересованъ въ общественномъ устройствѣ, а голь, дрянъ — другое дѣло! — авось, говорить, лучше будетъ.

Губернаторъ. Я бы ихъ не выгонялъ изъ службы за праздность и бурленіе, а училъ бы дисциплинѣ и повиновенію! Ихъ въ солдаты отдавать! въ палки ставить!

Довѣренное лицо. Совершенно справедливо, ваше превосходительство!

ГУБЕРНАТОРЪ. Отправимтесь сражаться! Только, господа, пожалуйте, вниманіе. Я люблю, чтобъ дѣло дѣлалось какъ слѣдуетъ, не спуская рукава!

(Уходить черезъ гостиную въ третью комнату, гдѣ поставленъ столъ для картъ).

КАРАНДЫШЕВЪ. Господа, приглашайте дамъ! Кадрили!

(Музыка играетъ, пары устанавливаются).

КАРАНДЫШЕВЪ. (Серафимъ Ивановъ). Вы сегодня восхитительны!

СЕРАФИМА ИВАНОВНА. Опять, несносный, противный человѣкъ!

КАРАНДЫШЕВЪ. Чѣмъ же я виноватъ, что я отъ васъ въ восторгѣ, что я счастливъ, когда могу прикоснуться къ ручкѣ вашей! Я завидую Павлу Михайлычу; но онъ не умѣетъ цѣнить своего счастья: онъ не постигаетъ его!

СЕРАФИМА ИВАНОВНА. Ахъ не говорите! Вы не знаете, какая у него жесткая натура! Онъ привыкъ возиться съ солдатами, съ купцами, съ разною сволочью! У него нѣтъ нѣжнаго чувства, нѣтъ сердца!

КАРАНДЫШЕВЪ. И такимъ людямъ вынадеетъ такое счастье! Судьба несправедлива!

СЕРАФИМА ИВАНОВНА. Мужчины все такіе, бездушные! Имъ интересъ, дѣла, служба, заботы. Они не могутъ жить сердцемъ! Въ нихъ нѣтъ той потребности любви, какъ въ женщинахъ.

КАРАНДЫШЕВЪ. Напротивъ, мужчина способенъ любить сильнѣе, пламеннѣе и неистовѣе: мужчина забываетъ все для любви.

СЕРАФИМА ИВАНОВНА. Да это и видно! Павелъ Михайлычъ первый примѣръ.

КАРАНДЫШЕВЪ. Павелъ Михайлычъ — исключеніе; это рыба! Но другіе....

СЕРАФИМА ИВАНОВНА. Другіе тоже! На словахъ всѣ нычки и готовы любить, а на самомъ дѣлѣ!... Что жъ дѣлать бѣдной женщинѣ?

Любить? — Но кто любовь оцѣнитъ?
 Кто сердцу сердцемъ дастъ отвѣтъ?
 Кто не разлюбитъ, не измѣнитъ
 Намъ въ продолженіи многихъ лѣтъ?

КАРАНДЫШЕВЪ. Это говоритъ мужчина о женщинахъ! Повѣрьте, найдутся такіе, которые готовы на все за одинъ взглядъ, за одно ласковое слово!

СЕРАФИМА ИВАНОВНА. Вы сегодня расположены къ сердечнымъ изліяціямъ!

КАРАНДЫШЕВЪ. Я говорю отъ сердца, потому что не могу не говорить,—оно переполнено! Ваши глаза сегодня въ состояніи зажечь ледъ, не только что донести до невозможности давно пылающей пожаръ.

СЕРАФИМА ИВАНОВНА (полузакрываетъ глаза, томно и шопотомъ).
Перестаньте!

КАРАНДЫШЕВЪ. Вы очаровательны, восхитительны! Васъ нельзя видѣть, чтобъ не боготворить, не приходить въ восторгъ, не терять разсудка!

СЕРАФИМА ИВАНОВНА. Полноте, замолчите! Что вы со мной дѣлаете!

КАРАНДЫШЕВЪ (въ восторгѣ). Я говорю о томъ, что давно у меня на сердцѣ! Вы давно угадали, видите, знаете, что я безъ ума отъ васъ; что я тогда только счастливъ, когда вижу, говорю съ вами, прикасаюсь къ вашей ручкѣ! Этотъ день для меня верхъ блаженства! Я живу этими мгновеніями и для этихъ мгновеній.

СЕРАФИМА ИВАНОВНА. Замолчите, ради Бога!

КАРАНДЫШЕВЪ. Моя любовь перешла границы, перешла мѣру. Я именно люблю васъ знойно, неистово! Вы вѣдь это знаете?

СЕРАФИМА ИВАНОВНА (опустивъ глаза, шопотомъ). Знаю!

КАРАНДЫШЕВЪ. И вы могли говорить, зная мою любовь, что мужчины холодныя созданія?... Я все готовъ принести вамъ въ жертву! Отъ моей любви растаялъ бы ледъ. А вы? вы чѣмъ за нее заплатили? Скажите, вы женщина, ну способны ли вы оцѣнить эту любовь, предаться вполне страсти, забывши все на свѣтѣ? Скажите, чего мнѣ ждать? Отъ васъ зависитъ моя жизнь или смерть! Чего жъ мнѣ ждать?

(Серафима Ивановна молчитъ и смотритъ въ землю).

КАРАНДЫШЕВЪ. Вымолчите! Ради Бога, не мучьте!.. ежальтесь! Одно слово, чего мнѣ ждать? Могу ль я надѣяться?

СЕРАФИМА ИВАНОВНА (шопотомъ). Зачѣмъ вы меня спрашиваете?

КАРАНДЫШЕВЪ. Говорите! Умоляю васъ, говорите!

Серафима Ивановна (также). Довольно, порежьте.... я не могу....

Карандышевъ. Договаривайте! Вы говорите, что женщины способны на страстную любовь, на самопожертвование и оставиваетесь въ такую минуту передъ пустышъ предразсудкомъ! Передъ ложнымъ стыдомъ! Передъ дѣтской, робкой застенчивостью! Когда отъ одного слова, отъ одного движенія губъ зависить цѣлая будущность счастья! Рай восторговъ! Скажите же!

Серафима Ивановна. Что же мнѣ вамъ сказать?

Карандышевъ. Неужели на всѣ мои слова, на всѣ мои чувства вы не найдете ни одного звука въ отвѣтъ! Ни одного движенія губъ! Вы не находите что сказать?

Серафима Ивановна. Что вы хотите?

Карандышевъ. Слышать свой приговоръ! Любите ли вы меня? Можете ли вы любить?

(Серафима Ивановна взглядываетъ на него и опять опускаетъ глаза въ землю).

Карандышевъ. Вы меня сводите съ ума! Ради Бога, ради моей безумной любви хотя одно слово.

Серафима Ивановна (съ улыбкой смотритъ ему въ глаза). Вы хотите знать, могу ли я любить?

Любить?— Но кого же? на время не стоитъ труда,

А вѣчно любить невозможно!

Вамъ начинать третью фигуру!

Карандышевъ. И вы можете шутить! Играть такъ высокимъ, святымъ чувствомъ! (Танцуютъ).

Карандышевъ (по окончаніи фигуры, усаживаясь возлѣ Серафимы Ивановны). Вы шутите, а говорили о страстной любви!...

Серафима Ивановна (зѣвая). Говорите что-нибудь другое! Это скучно!

Карандышевъ. Ужасная женщина! Вамъ ни по чемъ мои страданья, моя люб...

Серафима Ивановна. Александръ Петровичъ! не знаете ли, гдѣ достать болонку?

Карандышевъ. Это изъ рукъ вонъ! Не знаю—съ!

Серафима Ивановна. Вы сердитесь? Всему же долженъ быть конецъ! Вы подекламировали, и довольно! Вы спрашиваете, могу ли я любить? Должно быть могу, потому что очень люблю—моего мужа!

Карандышевъ. Вотъ всѣ вы такія женщины!

Серафима Ивановна. Ха, ха, ха! Если бы ктонибудь могъ слышать нашъ разговоръ—пресмѣшно! Скажите еще что-нибудь, только о другомъ и новенькое! вы такъ хорошо говорите!

Розонова и Вильгельманъ, докторъ изъ нѣмцевъ. Онъ довольно полонъ, красенъ лицомъ, глаза его сѣро-оловянные, носъ довольно длинный съ горбомъ, совершенно нѣмецкій, волосы бѣлые какъ ленъ. Одѣтъ онъ всегда со щепетильностью. Онъ имѣетъ большую прантну, и говорятъ, что успѣлъ составить себѣ порядочное состояніе. Съ чисто нѣмецкою сколъкостью, онъ умѣетъ влѣзть въ душу челоука и проскальзывать на лучшія мѣста и получать высшія назначенія.

Розонова. Мое почтеніе, почтеннѣйшій Карлъ Карловичъ! Что это васъ давно не видать?

Вильгельманъ. Мое поштеніе! Какъ ваша стороооо?

Розонова. Благодарю васъ! Вы какъ поживаете?

Вильгельманъ. Нишего. Слава Богу!

Розонова. Вы насъ совсѣмъ забыли!

Вильгельманъ. Это время польныхъ оиень многа. Немножка нѣтъ фремя!

Розонова. А знаете ли, мой мужъ опять остается исправникомъ!

Вильгельманъ. Я айто не сналъ. Постраооляю фасы!

Розонова. Какъ же! остается! Это, знаете, не даянасъ счастье, а для дѣтей нашихъ. Теперь мы въ состояніи дать за ними порядочное приданое. За каждой даемъ по полтораста душъ и по пятнадаати тысячъ серебромъ.

Вильгельманъ. О! это карошо!

Розонова. Какже, помилуйте! Теперь бы нашелся человекъ хорошій, солидный, а смотрѣть на состояніе мы не будемъ! У нихъ свое есть, все свое! Полный домъ дадимъ, какъ чаша. У нихъ ужъ есть много жениховъ, надобно только выбрать.

Вильгельманъ. И у мамзель Катеринъ есть немножко?

Розонова. Какъ же! есть и у Катеньки, только они, знаете, ей не очень нравятся. Приходите къ намъ, Карлъ Карловичъ!

Вильгельманъ. Сафтра пришелъ я немножко за дѣломъ.

Розонова. За какииъ?

Вильгельманъ. Будете видѣть.

Князь и Липочка (танцуютъ).

Липочка. Вы здѣсь давно?

Киндѣевъ. Гдѣ это-съ? Въ городѣ?

Липочка. Да.

Киндѣевъ. Нѣтъ, недавно.

Липочка. Вы въ отпуску?

Киндѣевъ. Мы здѣсь по обязанностямъ службы. Знаете, велѣно было назначить надежнѣйшихъ, исправнѣйшихъ и достойнѣйшихъ офицеровъ. Намъ и назначили!

Липочка. Это дѣлаетъ вамъ честь! У васъ тутъ много знакомыхъ?

Киндѣевъ. Гдѣ? Здѣсь въ залѣ?

Липочка. Да, здѣсь, и вообще въ городѣ.

Киндѣевъ. Нѣтъ еще-съ. Знаете, некогда еще было знакомиться. А вы не постоянныя жительницы здѣшнія?

Липочка. Нѣтъ, мы живемъ въ уѣздномъ городѣ, а лѣтомъ въ деревнѣ.

Киндѣевъ. Весело проводите время?

Липочка. Да. Въ особенности лѣтомъ. Поѣдемъ въ деревню, тамъ идутъ постройки, папа и мнѣ и сестрѣ по новой усадьбѣ строить! А тамъ, знаете, гулянья, лѣса, собираешь грибы, ягоды, купаешься, ловишь бабочекъ, — просто прелесть!

Киндѣевъ. Въ деревнѣ зимой рай! То есть, я хотѣлъ сказать, лѣтомъ рай. Такъ у васъ своя есть усадьба?

Липочка. Да, прехорошенькая! Вокругъ садикъ, прелесть просто!

Киндѣевъ. Очень приятно.

Липочка. А зимою живемъ въ городѣ. У насъ много бываетъ, да знаете, все такіе какіе-то! Главное, у насъ мало военныхъ.

Киндѣевъ. А вамъ нравятся военные?

Липочка. Они, знаете, какъ-то развязнѣе, любезнѣе! Какъ же можно сравнить—офицеръ или приказный!

Киндѣевъ. Очень приятно слышать! Я горжусь, что принадлежу къ числу тѣхъ, которые вообще заслужили ваше расположеніе.

Липочка. Есть чѣмъ гордиться! Что вамъ до моего расположенія?

Киндѣевъ (со вздохомъ). Очень много-съ. Я за него готовъ бы былъ отдать все на свѣтъ.

Липочка. Помните вы! Насмѣшники!

Киндѣевъ. За что жъ вы меня такъ считаете?

Липочка. Да извѣстно, всѣ мужчины насмѣшники!

Киндзевъ. Напротивъ, я говорю всегда отъ чистаго сердца.

Липочка. Только не теперь.

Киндзевъ. Отчего же?

Липочка. Такъ.

Киндзевъ. Я постараюсь познакомиться съ вашими родителями.

Липочка. Сдѣлайте одолженіе! Имъ будетъ очень пріятно!

Киндзевъ. Тогда вы увидите, что я составляю исключеніе. Когда мы познакомимся покороче, я вамъ докажу на дѣлѣ, что я всегда говорю отъ чистаго сердца.

Липочка. Посмотримъ.

Киндзевъ. Впрочемъ, что вамъ замѣчать! Я слишкомъ ничтоженъ, чтобъ обратить на себя вниманіе.

Липочка. Отчего же?

Киндзевъ. Человѣкъ я не богатый, наружность не замѣчательная; правда, что у меня слава Богу, есть голова, я стою на хорошей дорогѣ, меня въ полку считаютъ лучшимъ офицеромъ, ей-богу!

Липочка. Ну вотъ видите. Это важнѣе всего.

Киндзевъ. Наружнаго-то мало-съ! Пока меня раскусятъ, что я за птица!

Липочка. Скажите, вы ротный командиръ?

Киндзевъ. Да-съ! Впрочемъ, я сморо надѣюсь быть батальоннымъ, а потомъ и полковымъ.

Липочка. А потомъ можно быть и генераломъ!

Киндзевъ. Непремѣнно-съ, если Богъ продлитъ вѣку!

Липочка. Генераломъ быть хорошо, только, знаете, долго служить въ военной службѣ опасно.

Киндзевъ. Отчего же?

Липочка. Хорошо теперь миръ, а вдругъ опять война!

Киндзевъ. Такъ что же?

Липочка. На войнѣ страшно! Чего добраго, еще убьютъ.

Киндзевъ. Что жь?—ничего! Самъ не будешь чувствовать!— а плакать некому!

Липочка. У васъ нѣтъ родныхъ?

Киндзевъ. Нѣтъ-съ, я одинъ-одинешенекъ! Тяжко, знаете, одному жить въ мѣрѣ, когда некого любить и самого тебя любить некому. Мнѣ кажется, если бы нашлось такое существо, я бы привязался къ нему всѣми силами души, я бы боготворилъ его,

былъ бы рабомъ! Я, знаете, люблю иногда мечтать: какъ-бы хорошо было, если бы я женился, у меня, знаете, есть тысячонокъ десятокъ, я бы купилъ имѣньице и окружилъ жену свою всѣми попеченіями. Жили бы мы мирно, счастливо, какъ въ раю!

Липочка. Отчего же вы не женитесь?

Киндзевъ. Помидуйте! Кто же пойдетъ за меня?

Липочка. Мнѣ кажется, всякая съ удовольствіемъ!

Киндзевъ. Теперь вы смѣетесь.

Липочка. Совсѣмъ нѣтъ, я говорю отъ чистаго сердца.

Киндзевъ. Увидимъ-съ!

Липочка. Когда познакомитесь получше, увидите, что я всегда говорю отъ чистаго сердца.

(Кадриль кончается. Киндзевъ подводитъ Липочку къ Розоной, расшаркивается и сажаетъ на стулъ).

Киндзевъ (раскланивается передъ Розоной и вытягивается, какъ солдатъ на часахъ передъ проходящимъ офицеромъ). Честь имѣю рекомендоваться! Капитанъ Максимъ Трифоновъ Киндзевъ. Сюда для важныхъ порученій по службѣ командированъ.

Розонова. Очень пріятно познакомиться! Очень рада, почтеннѣйшій Максимъ, какъ васъ, назывите, забыла!

Киндзевъ. Трифоновъ.

Розонова. Очень рада, почтеннѣйшій Максимъ Трифоновичъ! Мы тоже здѣсь люди заѣзжіе, пока здѣсь, заходите къ намъ безъ церемоній, по-просту, очень будетъ пріятно. И я, и дочери мои, и мужъ, мы всѣ, знаете, любимъ военныхъ!

Киндзевъ садится вблизи Липочки, и пускается въ любезности. Козинъ и Дурноумовъ останавливаются вблизи отъ Розоныхъ и говорятъ такъ, что тѣ могутъ все слышать. Черезъ нѣсколько времени къ нимъ подходитъ довольно много съ шопотомъ: *Козинъ серенаду даетъ Розонымъ!* Кружокъ составляетъ довольно большой).

Козинъ. Смотрите-ка! Сашута поймала новую птицу!

Дурноумовъ. Льва.

Козинъ. Бекаса! Приманку, кажется, сыплютъ хорошую, а все не ловится добыча.

Дурноумовъ. Не везетъ имъ!

Козинъ (подвигается еще ближе). Спѣть вамъ мой любимый романсъ, серенаду?

Дурноумовъ. Спойте.

Козинъ. Слушайте! (Поетъ).

Жизнь да была пѣтухъ индѣйскій—
 Цапль руку предложилъ,
 При дворѣ взялъ чинъ лакейскій
 И въ супружество вступилъ!
 Онъ просилъ дѣтей, какъ дара,
 Вошь услышанъ его словъ—
 Родилася цаплей пара,
 Не родилось пѣтуховъ.
 Цапли выросли, скучая
 Отъ младенческихъ годовъ,
 Длинные, очень длинные стали (указываетъ на Липочку),
 И глядятъ на куликовъ.

Розонова. Почтеннѣйшій Дмитрій Павловичъ! Дмитрій Павловичъ!

Козинъ (продолжаетъ, будто не слыша ея).

Кулички же къ нимъ летали
 Изъ сосѣднихъ, дальнихъ мѣстъ,
 Но лишь кормъ одинъ клевали,
 Не глядя на невѣсть!
 Цапли сохли! Цапли вяли!
 Наконецъ, скажу вздохнувъ,
 На болотѣ попропали,
 Носикъ въ перья завернувъ.

(Всѣ хохочутъ, смотря на Розоновынъ. Музыка играетъ польку, пары носятся, всѣ танцуютъ—только идетъ грохъ и трескъ).

Полиціймейстеръ (нѣкоторымъ кавалерамъ). Господа! Берите дамъ, вотъ сидятъ! Указываетъ на пожилыхъ дамъ и дѣвицъ, сидѣвшихъ тамъ вечеръ).

Квартальный (торопливо подбѣгая къ полиціймейстеру). Иванъ Сергѣевичъ, Журавлевъ пріѣхали!

Полиціймейстеръ. Скажите женѣ моей!

(Бѣжитъ къ дверямъ и встрѣчается съ Журавлевымъ).

Журавлевъ. Мое почтеніе, Павелъ Михайловичъ!

Полиціймейстеръ. Иванъ Сергѣевичъ! Наконецъ—то вы насъ вспомнили!

Журавлевъ (Серафимъ Ивановъ). Мое почтеніе! Поздравляю васъ со днемъ вашего рожденія.

Серафима Ивановна. Благодарю васъ! А мы ужъ думали, что вы забыли насъ: не будете!

Журавлевъ. Я соби́рался къ вамъ давно, но меня задер-
жало важное извѣстiе изъ Петербурга! (Обращаясь къ окружающимъ)
Господа! Это касается всѣхъ!

(Всѣ окружаютъ его).

Журавлевъ. Я сейчасъ получилъ письмо изъ Петербурга,
что крѣпостнымъ людямъ будетъ непремѣнно дана свобода!

ГОЛОСА:

- Можетъ ли быть?
- Это ужасно!
- Вотъ-те и разъ!
- Какъ же это?

Журавлевъ. Имъ будетъ дана личная свобода и сверхъ
того ихъ надѣлятъ землею.

ГОЛОСА.

- Это разоренiе!
- Это невѣроятно!
- За что же это!
- Чѣмъ же намъ жить?
- Кто же намъ будетъ работать?

Журавлевъ. Для опредѣленiя Положенiй по этому пред-
мету, будутъ составлены особые комитеты, по выбору отъ дворян-
ства, въ каждой губернiи. Скоро объ этомъ будетъ объявлено
официально. Господа! Намъ надобно подумать объ этомъ! Это
дѣло касается насъ всѣхъ! Надобно, чтобы каждый составилъ
свое мнѣнiе, представилъ свой проэктъ.

ГОЛОСА:

- Какъ ни составляй мнѣнiя, а все это разоренiе!
- Наше мнѣнiе оставить все по-старому, какъ было!

Журавлевъ. Это невозможно! Во-первыхъ, это желанiе и
воля Государя императора, которая для каждаго изъ насъ, какъ
для русскаго дворянина, всегда священна! Во-вторыхъ — пора
же и намъ идти въ уровень съ вѣкомъ, съ Европой!

ГОЛОСА.

- Богъ съ ней, Европа!
- Мы все обезьянничаемъ!
- У насъ должно быть все русское, свои нравы, свои обычаи!
- Зачѣмъ намъ гнаться за Европой? Тамъ условия жизни
другiя!
- У насъ нѣтъ патриотизма!

— Мы обидимся!

— Мы все перенимаемъ съ Запада, точно сами жить не можемъ!

— Вѣдь жили же прежде безъ Европы!

Журавлевъ. Господа! Тутъ ужь ничего сдѣлать нельзя!

Голоса. Написать просьбу на высочайшее имя отъ всего дворянства!

Журавлевъ. Нельзя же намъ явиться варварами! Надобно идти съ вѣкомъ. Мы это должны дѣлать во имя справедливости, гуманности и прогресса! Но обязаны, по чувству самосохраненія, придумать средства, чтобы не потерять при этомъ, при этой реформѣ, много, — а даже, если можно, извлечь пользу. Это будетъ тоже заслуга съ нашей стороны. Истинно образованный человекъ изъ всего долженъ извлекать пользу, или по крайней мѣрѣ, стараться уменьшить вредъ необходимыхъ вредныхъ влiяній. Слѣдственно, вотъ надъ чѣмъ мы должны работать. Во имя гуманности, мы должны освободить крѣпостныхъ....

ГОЛОСА:

— Да! Чего намъ будетъ стоить эта гуманность!

— Сколько мы потеряемъ!

— Вѣдь это разоренье!

— Хорошо жертвовать гуманности, когда есть изъ чего!

Журавлевъ. Я теряю отъ этого болѣе всѣхъ. У меня все фабрики! На нихъ работаетъ двадцать тысячъ человекъ бесплатно. Когда же крѣпостные отойдутъ на волю, я долженъ буду нанимать! — Разница огромная! Но я готовъ все принести въ жертву августѣйшей волѣ монарха и идеѣ гуманности, прогресса, справедливости и цивилизаціи. Съ другой стороны, я долженъ въ тоже время думать и о себѣ, о своихъ дѣтяхъ! О всемъ нисходящемъ поколѣніи! За себя я готовъ отказаться отъ всего, но на мнѣ лежитъ обязанность пецаться о своемъ потомствѣ; я опекунъ его, повѣренный, и обязанъ заботиться о его пользѣ; если я только честный человекъ и истинный отецъ семейства! Я не смѣю жертвовать интересами моего потомства. Эти интересы мнѣ не принадлежать, они чужіе! Вотъ два вопроса, двѣ противоположныя стiхи: два различныхъ требованія, два долга, двѣ обязанности, которые мы должны опредѣлить, рассмотреть и согласить. Значитъ, вопросъ по моему приводится къ тому, чѣмъ я могу пожертвовать какъ гражданинъ, не нарушая своихъ обязанностей къ своему потомству и его интересамъ, какъ отецъ семейства,

какъ корень будущихъ поколѣній, которыхъ жизнь я долженъ обезпечить.

ГОЛОСА:

— Ну, это трудно согласить!

— Особенно когда и самъ плохо обезпеченъ!

— Просто хотъ волкомъ вой!

— Объ этомъ надобно подумать!

— Вы, Иванъ Сергѣевичъ, лучше знаете! Какъ вы, такъ и мы!

— Какъ вы посовѣтуете, такъ мы и сдѣлаемъ.

Составляются отдѣльныя группы. Говоръ сливается въ общій гулъ.

Господинъ съ сапомъ. Ну что, я правду говорилъ?

Медидовъ. Я давно это предвидѣлъ и во всѣхъ рѣшеніяхъ суда по этимъ вопросамъ соображался съ этими предположеніями.

Господинъ съ сапомъ. Вы же сегодня оспаривали!

Медидовъ. Когда? когда? Что вы! Я всегда говорилъ, что это будетъ. Всѣ спорили со мной!

Господинъ съ сапомъ. Да ужъ полноте, ничего вы не предвидѣли.

Медидовъ. Нѣтъ, предвидѣлъ. Рассмотрите всѣ мои рѣшенія!

Господинъ съ сапомъ. Подите вы съ вашими рѣшеніями! Теперь надобно подумать, что съ нами будетъ!

Розоновъ (Журавлеву, тихо). Иванъ Сергѣичъ!

Журавлевъ (небрежно). А! здравствуйте!

Розоновъ (еще тише). Иванъ Сергѣичъ, знаете, что я придумалъ: вамъ надобны рабочіе; если я буду исправникомъ, я берусь доставить вамъ много рукъ.

Журавлевъ. Какимъ образомъ?

Розоновъ. Ужъ это мое дѣло! Не безпокойтесь, ужъ будутъ рабочіе.

Журавлевъ. Вы скажите, откуда?

Розоновъ. Очень просто! Развѣ мало бѣглыхъ? Собирать ихъ.

Журавлевъ. Гмъ!... Это отчасти хорошо, да дѣло-то скверное!

Розоновъ. Ужъ я все беру на себя. Вы ничего знать не будете. Вы знаете, какъ я готовъ служить вамъ.

Журавлевъ. Мы объ этомъ поговоримъ съ вами!

Розоновъ. Только вы ужъ не оставьте свою милостью, поддержите меня.

Журавлевъ. Хорошо!

Розоновъ. И хоть я бы отказался на отръвъ, не измѣняйте вашего рѣшенія, пусть все-таки мнѣ кладутъ направо, а моимъ противникамъ налево.

Журавлевъ. Хорошо, хорошо!

Козинъ (Козелкову). Почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, вотъ случай вамъ отличиться! Смотрите же не ударьте въ грязь лицомъ.

Козелковъ. Какъ?

Козинъ. Вѣдь вы знаете, что васъ хотятъ избрать въ предводителя?

Козелковъ. Знаю.

Козинъ. Ну такъ вы должны же показать себя!

Козелковъ. Какъ же я покажу себя? Ги, ги, ги! Развѣ меня не видали?

Козинъ. Васъ видятъ и знаютъ, но вы должны показать себя достойнымъ этого званія! Напишите-ка проэктъ и мнѣніе ваше объ освобожденіи крестьянъ, да и прочтите дворянству.

Козелковъ. Въ самомъ дѣлѣ! Что же мнѣ написать?

Козинъ. Ну, какого вы мнѣнія объ этомъ предметѣ?

Козелковъ. Я думаю, что освобождать не нужно.

Козинъ. Сохрани васъ Богъ писать это! Вы напишите, что необходимо освободить крестьянъ и изложите ваше мнѣніе, какъ и на какихъ основаніяхъ, вы думаете, можно освободить ихъ.

Козелковъ. А я почему знаю!

Козинъ. Эхъ вы! Прислушайтесь, что будетъ говорить большинство, сдѣлайте экстрактъ и выведите свое заключеніе.

Козелковъ. Гдѣ же мнѣ прислушаться?

Козинъ. Какъ гдѣ? Ну хоть завтра на выборахъ.

Козелковъ. А когда же прочесть?

Козинъ. Ну ужъ это ваше дѣло выбрать время.

Козелковъ. Я послѣ выборовъ, послѣ собранія дѣлаю обѣдъ; на обѣдѣ можно?

Козинъ. Чего же лучше? — Да у васъ просто ума палата!

Козелковъ. А это вы въ самомъ дѣлѣ хорошо придумали.

Козинъ. Еще бы! Вѣдь вы первый голосъ подадите. Поведете дворянъ за собою въ этомъ вопросѣ, именно уже будете предводитель!

Полицеймейстеръ. Ну, господа, завтра потолкуете объ дѣлахъ, а сегодня всѣ заботы прочь, танцовать, веселиться! Иванъ Сергѣевичъ! Пожалуйста въ гостиную!

(Музыка играетъ, танцы продолжаются)

ДЕНЬ ТРЕТІЙ.

СЦЕНА I.

ВЫВОРЫ.

Зала дворянскаго собранія, та же что въ первой сценѣ втораго дня. Утро. Помѣщики сѣзжаются въ мундирахъ и со шпагами. Перезученый и Никоновъ сидятъ всторонѣ.

Никоновъ. Я согласенъ съ вами: въ насъ много ложнаго, въ нашей жизни много заблужденій, зла, недостатковъ, много дурнаго, все это надобно искоренить, уничтожить. Но мнѣ кажется и вы неправы! Вы разрушаете самыя основанія нашей жизни, нашихъ убѣжденій, вы отрицаете все! Согласитесь, это невозможно, это тяжело, невыносимо! Гдѣ же примиреніе, цѣль, куда намъ стремиться? Этого у васъ нѣтъ!

Перезученый. Примиреніе!...

Никоновъ (перебивая его). Винавать, я перебыю васъ! Позвольте докончить, уяснить мою мысль сравненіемъ, сдѣлать ее болѣе осязательной. Вы, примѣрно, пріѣхали въ деревню и нашли домъ, подъ кровомъ котораго родились и умерли ваши отецъ и дѣдъ, старымъ, развалившимся, сырымъ, вреднымъ для здоровья, — словомъ, со всѣми недостатками. Вы удивляетесь даже, какъ можно было жить въ этой развалинѣ. Но вы признали, увидѣли всѣ недостатки потому, что пріѣхали со стороны, свѣжій человекъ! Вы не дряхлѣли вмѣстѣ съ домою день за днемъ постепенно, незамѣтно, какъ прежніе владѣльцы. Каждая новая щель въ домѣ рождалась съ новою сѣдиною въ головѣ, съ новою морщиною на лицѣ хозяина. Ну-съ, замѣтивши недостатки, вдругъ начинаете ломать домъ, разрушать все. Вотъ тутъ-то ваша и ошибка, господа! Надобно, кажется, сперва составить планъ будущаго крѣпкаго и красиваго зданія и уже съ опредѣленною цѣлью начать осторожную, постепенную разборку, зная

что создается изъ этого матеріала, а не думать всего безъ опредѣленной цѣли, безъ плана, чтобъ не остаться безъ всего подъ открытымъ небомъ. Гдѣ же вашъ планъ? ваша новая жизнь? — Вы видите, что примиреніе необходимо.

Переученый. Вы кончили? Въ вашихъ словахъ, въ вашемъ сравненіи, въ основѣ вашихъ убѣжденій лежитъ ошибка!

Никоновъ. Какая?

Переученый. Во-первыхъ: живой процессъ общественной жизни, убѣжденій, мысли, трудно, да и нельзя въ точности сравнивать съ мертвой массой строенія, какъ живой, дѣйствующей силы съ бездушнымъ тѣломъ. Гдѣ человѣку — этому пигмею; взяться за великое строеніе жизни будущихъ поколѣній! Развѣ въ моментъ короткій, почти неуловимый, который мы называемъ жизнью поколѣнія, можно начать и кончить это зданіе, — когда какое нибудь замѣчательное каменное зданіе, хотъ, напр., соборъ Петра въ Римѣ, создается *вѣками*. А вы такъ самонадѣянны, что думаете въ моментъ сдѣлать то, что можетъ сдѣлать вѣчность, дѣлаете карточные домики и говорите: вотъ наша вѣчная постройка. Каждому поколѣнію на долю выпадаетъ своя работа въ великомъ дѣлѣ жизни человѣчества. Нашей жизни, я вамъ говорю, не хватитъ на то, чтобы разрушить и создать! Не хватитъ даже и на то, чтобы разрушить вполне. Я облеку свою мысль тоже въ образы. — Жизнь человѣчества — это поле и жатва. Наше поколѣніе теперь пахари, мы должны приготовить, вспахать поле, поднять землю и уничтожить сорняки, вредныя и бесполезныя травы, уничтожить ихъ совершенно. Пусть даже слѣдующее поколѣніе продолжаетъ нашу работу, это дѣло трудное, великое! Дальнѣйшимъ поколѣніямъ предстоитъ сѣять, взростить и собрать жатву. Вы говорите, что мы все разрушаемъ и, наконецъ, останемся безо всего, подъ открытымъ небомъ; но развѣ земледѣлецъ, въ извѣстный періодъ времени, не долженъ оставаться съ пустыми, вспаханными полями, на которыхъ нѣтъ и слѣда растительности? Вѣдь мы не человѣчество, мы только одно поколѣніе, одна страница огромной книги, одна песчинка во вселенной, одно мгновеніе въ вѣкахъ. Человѣчество не останется вѣчно съ этимъ! Человѣчество — это земледѣлецъ; оно посѣетъ, оно взроститъ и соберетъ жатву, только не нашими руками! Вы боитесь отстать отъ старыхъ вѣрованій и предрассудковъ, потому что не нажили новыхъ. Вамъ случно, вамъ страшно безъ нихъ, васъ пугаетъ рѣшительный шагъ, вы

привыкли къ этимъ кандаламъ. Вы чувствуете себя затерянными на чистомъ воздухѣ, потому что привыкли къ испорченному воздуху; предрасудки и невѣжество не пропускали къ вамъ свѣта, и свѣтъ рѣжетъ вамъ глаза. Вы готовы кое-что оставить старое, что сами же признаете въ душѣ ложнымъ, готовы обмануть себя и принять это за истинное! Къ чему эта робость? Лучше все несчастіе знанія, ослѣпляющій яркій свѣтъ, нежели самообольщеніе, ложь, обманъ и мракъ!... Я не хочу блуждать въ потьмахъ! Я хочу свѣта, свѣта! Пусть онъ озаритъ тьму вокругъ меня, — лохмотья, грязь, я все гордо сброшу! Я смѣло отрѣшусь отъ всего. Мы привыкли къ застою, въ немъ спокойнѣе! Залѣзли въ тину по уши и сидимъ въ ней. Если проходящій замѣтитъ намъ это, будетъ насъ уговаривать выбраться изъ заплѣсневѣлаго болота, мы скажемъ: безпокойный человѣкъ! Соглашать отжившія, старыя убѣжденія съ новыми, искать примиренія, сліянія—ошибка! Это значитъ вводить въ новое строеніе половину старыхъ, сгнившихъ бревенъ, обратившихся въ совершенный прахъ; шивать одежду изъ лохмотьевъ и новаго. Надобно сдѣлать рѣшительный шагъ, сбросить совсѣмъ старыя лохмотья и надѣть новое платье. Зачѣмъ же намъ примиреніе? Вѣрьте, въ этомъ и состоитъ жизнь человѣчества, въ этомъ условіе усовершенствованія, движенія впередъ: поколѣнія создаютъ, трудятся; является слѣдующее поколѣніе съ болѣзненной, горькой улыбкой смотритъ на это обветшавшее уже зданіе и изъ измученной груди его вырывается вопль отрицанія. Нашъ періодъ — періодъ отрицанія. Изъ этой борьбы только и можетъ родиться истина! Какъ устроится наша будущая жизнь? къ чему мы придемъ? — не знаю, это зависитъ отъ многого! Но знаю, что отрицая теперь старое, я принимаю живое и дѣльное участіе въ жизни человѣчества, что мы совершаемъ, идемъ впередъ. Въ этомъ все возможное примиреніе въ границахъ благоразумія. Такъ впередъ же, впередъ!

Козинъ (подходитъ къ нимъ). Мое почтеніе, господа! (Подаетъ руку).

Первучевый. Здравствуйте, Дмитрій Павловичъ!

Никоновъ. Ну что новенькаго?

Козинъ. Вчера былъ балъ у полиціймейстера.

Никоновъ. Ну что жь?

Козинъ. Сначала все шло чинно, ну, а подъ конецъ подгадилось. Долотовъ поссорился очень крупно съ Иваномъ Петровичемъ.

Никоновъ. За что?

Козинъ. Право, не знаю! Потому Марья Петровна Долотова съ Розонихой расплевались и наконецъ схватились въ рукопанную!

Никоновъ. Кто же одолѣлъ?

Козинъ. Жаль, что скоро розняли, такъ что побѣдитель невѣстенъ! Но, судя по трофеямъ, Розонова побѣдила. Долотова сбита съ нея чепчикъ и нѣсколько подрумянила подъ лѣвымъ глазомъ, а Розонова сорвала съ Марьи Петровны чепчикъ и при этомъ вырвала клокъ волосъ, оцарапала носъ и порядочно нагрѣла щеки! Я теперь Александру Герасимовну называю индѣйской Бобелиной. Она оскальпировала свою противницу, а ей вчера совѣтовалъ, по индѣйскому обычаю, заткнуть эти волосы за поясъ и носить, какъ трофеи. Разсердилась страшно!

Никоновъ. Прекрасно! Ай да барыни!

Козинъ. Потому Роговъ подвыпилъ и началъ приставать къ дамамъ, шумѣть, врать, приплясывать, такъ что его увели въ другую комнату и тамъ уже его сполни до положенія ризъ, такъ что онъ ужъ не могъ двигаться. Губернаторъ страшно разсердился на своихъ партнеровъ за то, что проигралъ имъ. Въ особенности досталось откупщику. Только одинъ Фуксъ какъ-то уцѣлѣлъ, а выигралъ больше всѣхъ.

Никоновъ. Лисица — этотъ Фуксъ, — вотъ ужъ по шерсти-то и клочка!

Козинъ. Ему быть министромъ финансовъ! Вѣдь онъ живетъ хорошо, а доходовъ никакихъ. Да! я вамъ не сказалъ самаго главнаго! Вчера Журавлевъ объявилъ на балу, что онъ получилъ письмо изъ Петербурга отъ знакомыхъ: крестьянъ освободятъ отъ крѣпостной зависимости съ землею!

Невѣрученный. Въ самомъ дѣлѣ?

Козинъ. Да! Журавлевъ сказалъ при этомъ преуморительную рѣчь, потолковалъ, знаете, о прогрессѣ, о цивилизации, объ необходимости освобожденія, а между тѣмъ по всему видно, что оно у него поперегъ горла стало. Онъ проповѣдывалъ о своей готовности жертвовать всѣмъ, если бы могъ и смѣлъ; а то онъ, изволите ли видѣть, опекунъ будущихъ поколѣній и обязанъ трудиться для нихъ и заботиться объ ихъ интересахъ.

Мухоморовъ, Галкинъ, Мартышка № 1 и Мартышка № 2.

Мартышка № 1. Каковъ Головкинъ-то? Какая дерзость!

Мартышка № 2. Какъ онъ осмѣлился тамъ противъ Ивана Сергѣича! Недостижимо!

Мухоморовъ, Я ушамъ своимъ не вѣрилъ!

Мартышка № 1. Что теперь съ нимъ сдѣлаетъ Иванъ Сергѣичъ?

Галкинъ. Известно что! Захочетъ такъ погубить, на дѣк несчастнымъ сдѣлаетъ! А смелуется, ну такъ какъ съ Надеждинымъ распорядится.

Мартышка № 1. Съ которымъ Надеждинымъ?

Мухоморовъ. Съ Павломъ Алексѣевичемъ.

Мартышка № 2. А что съ нимъ сдѣлали?

Мухоморовъ. Это исторія всѣмъ известна! Надеждинъ пріѣхалъ на заводъ къ Журавлеву въ Теткино, да и повадорилъ съ управляющимъ Трофимомъ. Тотъ пошелъ къ Ивану Сергѣевичу, а Ивану Сергѣевичу говорить: «что жъ ты дѣлаешь! — распорядись!» Вотъ его раба божія растянули и вспрыснули розгами такъ, что небу жарко стало, небо съ овчинку показалось.

Мартышка № 1. Ну что жъ Надеждинъ?

Мухоморовъ. Что жъ будешь дѣлать? — Утеръ кулакомъ слезы да и уѣхалъ!

Мартышка № 2. За что же у нихъ дѣло началось?

Мухоморовъ. Надеждинъ послалъ человѣка за чѣмъ-то на заводъ Ивана Сергѣича.

Мартышка № 1. Въ Теткино?

Мухоморовъ. Да. Ну тотъ пріѣхалъ и купилъ у рабочаго какую-то вещь, бездѣлицу. Трофимъ узналъ и безъ церемоній распорядился высѣчь этого человѣка и заставить *шуровать*. (*). Надеждинъ пріѣхалъ его выручать, да самъ и попался. Сдѣлалъ бы безъ шума, — нѣтъ, полѣзъ шумѣть, какъ смѣли его человѣка тронуть. Въ самомъ дѣлѣ, точно съ своимъ равнымъ, затѣялъ тягаться съ Иваномъ Сергѣичемъ. Вѣдь все, что ни дѣлается, все дѣлается съ вѣдома и по приказанію Ивана Сергѣича.

Галкинъ. Ну, я бы не позволилъ себя высѣчь!

Мартышка № 1. Ну что жъ бы вы сдѣлали?

Галкинъ. Не позволилъ бы! Попробовали меня тронуть! Да я бы разразилъ всѣхъ!

Мухоморовъ. Тодкуйте!

(*) *Шуровать* — колоть дрова, топить печи, носить воду — вообще исправлять всѣ черныя работы при заводѣ.

Мартышка № 2: Никогда бы сюда, побалали и выскочили!

Галкинъ. Куда бы они сѣли?

Мартышка № 1. Иванъ Сергѣевичъ приказали бы!

Мухоморовъ. А ужь люди его не посмѣютъ ослушаться! Да и самъ Надеждинъ понимаетъ, что получилъ достойное вознагражденіе: потому онъ смирился, продалъ свое имѣніе Ивану Сергѣичу и они опять сошлись, — ничего!

Мартышка № 1. А съ чѣмъ это вчера поздравлялъ Иванъ Сергѣича Козелковъ?

Мухоморовъ. Съ какимъ-то траверсе, что ли.

Мартышка № 2: А что это значитъ?

Мухоморовъ. А чортъ его знаетъ! Должно быть орденъ. Да вотъ намъ Дмитрій Ивановичъ скажетъ. Дмитрій Павловичъ, Дмитрій Павловичъ!

Козинъ Я-съ! Къ вашимъ услугамъ.

Мухоморовъ. Что значитъ траверсе, что ли, съ чѣмъ вчера Козелковъ поздравлялъ Журавлева? Вы слышали?

Козинъ. Знаю право-форсе.

Мухоморовъ. Да, да!

Козинъ. Траво-форсе — по русски каторжная работа, а знаки — каторжное клеймо! Это преславно! Козелковъ угадалъ, что Иванъ Сергѣичъ вполне заслужилъ эти знаки.

Мухоморовъ. Что жь жь это такое! Видъ это дерзость?

Мартышка № 1. Какъ же это онъ?

Мартышка № 2. Да что онъ съ ума сошелъ, что ли?

Галкинъ. Каковъ Николай Ивановичъ!

Машковскій и Жученко.

Жученко. Такъ-то, братъ!

Машковскій. Такъ-то!

Жученко. Что, будешь со мной теперь спорить? а? Уши я уставъ знаю, какъ свои пять пальцевъ! Иногда пойду на охоту, да дорогой отъ чего-дѣлать все приемы ружьямъ дѣлаю.

Машковскій. Я не знаю какъ я позабылъ!

Жученко. Ужъ я знаю, что на шурупъ!

(Ласточкинъ, Дурноумовъ и Покровскій подходятъ къ нимъ. Козелковъ и Переученный, нѣсколько въ сторонѣ прислушиваются).

Дурноумовъ. Вы слышали, господа?

Ласточкинъ. Что?

Т. LXXXI. Ст. I.

Дурноумовъ. Журналовъ получилъ изъ Петербурга досто-
вѣрное извѣстіе, что крѣпостнымъ освобождать съ надѣломъ
землю!

Ласточкинъ. Можеть ли быть?

Дурноумовъ. Навѣрное!

Покровскій. Вѣдь это гибель! — мать!

Ласточкинъ. Кто жь будетъ работать?

Покровскій. Какъ же у насъ землю отберутъ? За какую это
благодать?

Дурноумовъ. Вѣрно за все заплатятъ!

Жученко. Какъ вы скавали? — Этихъ каналій на волю вы-
пускають?

Дурноумовъ. Да.

Жученко. Какъ же это можно? Вѣдь они разбойничать пойдутъ!

Мѣшковскій. Всѣ какъ есть пойдутъ!

Жученко. Всѣ разойдутся!

Мѣшковскій. Да они и теперь почти разаялись!

Жученко. Чортъ ихъ знаетъ, гдѣ сидятъ! А тогда ужь ни
одного не останется!

Мѣшковскій. Да ни одного же, какъ есть!

Покровскій. Это правда! Ничто работать не станутъ!

Жученко. Всѣ въ разбойники пойдутъ!

Мѣшковскій. Непремѣнно пойдутъ. Во-някъ!

Жученко. Да. Стало быть помѣщикъ ихъ ужь и знать не
будеть!

Дурноумовъ. Должно быть! Сказано, будутъ свободны!

Покровскій. Работать не станутъ! Вѣдь русскій мужикъ,
какъ понимаетъ волю? — Если онъ вольный, такъ, значитъ, мо-
жетъ не работать или лежать на печи, или сидѣть въ кабацѣ,
шнытьковать, дебоширничать, бунтовать!

Жученко. Ну, такъ же и есть!

Покровскій. Вы посмотрите теперь, кто первый пьяница? —
вольнотпущенный! Кто первый воръ? — вольнотпущенный!
Дерзки, грубы, пьяны, воры, бунтовщики, судіе разбойники —
все вольнотпущенные!

Жученко. Я же говорю, разбойниками сдѣлаются!

Мѣшковскій. Да они и теперь разбойники!

Жученко. Такъ-то, братъ! Что жь ты тутъ будешь дѣлать?

Мѣшковскій. А ты что будешь дѣлать?

Жученко. Да я уми и не придумаю!

Покровский. Все это хорошо, только зачѣмъ и за что имъ даютъ землю?

Ласточкинъ. Шутка ли это? Всемъ надобно дать землю!

Жученко. А что, на бѣглыхъ будутъ давать землю?

Покровский. За что же имъ? Не думаю!

Жученко. По-то и есть.

Покровский. Тогда вамъ будетъ хорошо! У насъ почти всё въ бѣганы и земли отдавать придется не много.

Дурноумовъ. Да! Но только я думаю, что и бѣглыхъ вадлять землю!

Покровский. За что же? После этого и мертвымъ будутъ давать землю!

Дурноумовъ. И мертвымъ, которые числятся по ревизіи.

Ласточкинъ. Значитъ, такъ же какъ подушные?

Дурноумовъ. Да.

Жученко. Вѣдь они же не работали, а разбойничали, — за что же имъ земля!

Мѣшковскій. Въместо того, чтобы работать, они по лѣсу съ кистенями ходятъ!

Жученко. Да такъ же и есть!

Мѣшковскій. А землю станутъ давать, — небось, всё придутъ!

Жученко. Да придутъ же непременно!

Мѣшковскій. Это чортъ-знаетъ что! Я до сихъ поръ опомниться не могу!

Жученко. Да вѣдь и я тоже!

Мѣшковскій. Меня злость беретъ, какъ подумаешь, что этихъ бестій, каналій вольными дѣлаютъ! Да ихъ въ кандалы заковать! на каторгу сослать нужно, а не на волю выпустить!

Жученко. А вотъ я какъ пріѣду домой, такъ доберусь до нихъ! Я имъ покажу, какъ на волю выходить.

Мѣшковскій. Вѣдь это все равно, что роту безъ ротнаго командира оставить!

Жученко. Все равно же и есть!

Покровский. Теперь надобно ухо востро держать, не запускать недоимокъ! Нечего думать, чтобы поддерживать дворы. Чортъ съ ними! Вѣдь теперь не наши!

Дурноумовъ. Разумѣется! Чтобы намъ своего-то не упустить, а объ нихъ ужъ нечего заботиться!

Покровский. Я заведу теперь тамъ: обложу всѣхъ оброкомъ, бабъ пряжею, полотномъ, ягодина, губбана и великою вслчиною. И ужь тамъ, хоть лопни, а чтобъ было все представлено. Мирно жить на стану! Не представилъ во время, недѣли сроку, а потомъ, если не выправилъ всего, что слѣдуетъ, — лошади, рогатый скотъ на барскій дворъ. Тамъ какъ хочешь!

Дурноумовъ. Разумѣется! Переживитесь нечего! Надобно теперь стараться извлекать всѣ доходы, какіе только возможно! Вѣдь уйдутъ, спасибо не скажутъ, все равно, и все увезутъ съ собою!

Ласточкинъ. Да, теперь что захватить, то и ладно!

Жученко. Да вѣдь они по большимъ дорогамъ грабить пойдутъ!

Мещковскій. Разбойничать!

Господинъ съ бородавкой, Шиповаловъ, Пестриковъ, Медидовъ, потомъ Перегудный.

Господинъ съ бородавкой. Каково времячко?!

Пестриковъ. Ужъ и не говорите!

Господинъ съ бородавкой. Просто хоть ложись, да умирай!

Пестриковъ. Живи, какъ и чѣмъ хочешь!

Господинъ съ бородавкой. А это все ученые, умники!

Медидовъ. А мнѣ такъ кажется, что теперь лучше будетъ!

Господинъ съ бородавкой. Что жъ тутъ лучшаго? Что они работать не стануть?

Медидовъ. Отчего же не стануть?

Господинъ съ бородавкой. Кто же ихъ заставитъ?

Пестриковъ. Чортъ имъ даль тогда работать!

Господинъ съ бородавкой. Вѣдь это отпѣтый народъ!

Медидовъ. Право, лучше будетъ!

Господинъ съ бородавкой (съ досадою). Да полно вамъ, право! Вѣдь вы говорите только такъ, чтобъ поспорить! А теперь, право, не до того.

Пестриковъ. А вѣдь, знаете, и мужикамъ хуже будетъ!

Господинъ съ бородавкой. Разумѣется, хуже!

Шиповаловъ. Отчего вы такъ думаете?

Господинъ съ бородавкой. Во-первыхъ; они обни-

целомъ, поѣому что: взявшу вся цѣлствовать, перестанутъ трудиться, не станутъ работать!

Шиповаловъ. Ну, этого я не думаю! Будутъ изъ нихъ такіе, конечно, что заживутъ, закулижутъ, — ну, да: эти и теперь не работники! А остальные для себя, съѣхъ, какъ потомъ трудиться! Ласточкиныя. Да для себя они работаютъ хорошо!

Господинъ съ бородавкой. Подожмите, не всё! Не согласитесь, что число пшеницы и ячмивцевъ удвоится!

Шиповаловъ. Пожалуй!

Господинъ съ бородавкой. А ихъ теперь на половину, значить и выживутъ всё! Во-вторыхъ, теперь онъ знаетъ только помѣщика, дѣлаетъ свое дѣло и только; а тогда-его будутъ обирать всё: и сотские, и десятские, и добросовѣстные, и безсовѣстные, и всё!

Исѣриковъ. Совершенно справедливо!

Переученный подходитъ, Козелковъ нѣсколько всторонѣ.

Господинъ съ бородавкой. Въ-третьихъ, самое главное, теперь онъ во всемъ изъ помѣщику обращается, что ему нужно. Неурожай, хлѣба нѣтъ, кто ему поможетъ? — помѣщикъ! Лошадь пала, кто поможетъ? — помѣщикъ! Не собрался подумныхъ заклатить, не справился — помѣщикъ вынесетъ! Въ чемъ только ни нуждается — во всемъ помѣщикъ поможетъ!

Шиповаловъ. Это такъ!

Господинъ съ бородавкой. А теперь, когда они будутъ вольные, кто имъ поможетъ въ нуждѣ, когда хлѣба нѣтъ?

Переученный. Теперь они за то и не будутъ такъ нуждаться.

Медидовъ. Отчего?

Переученный. Оттого, что будутъ больше имѣть средствъ къ жизни. Будутъ зарабатывать! Дѣйствительно — добродѣтель, благодѣяніе съ вашей стороны купить лошадь мужику, чтобъ онъ на ней самъ все пахалъ, или дать взаимку, до новой жатвы, хлѣба, когда онъ всю жизнь на васъ работаетъ! Великій подвигъ! Есть еще хвастылей! Какъ вы ни превозносите своего великодушнаго, тѣмъ вы тогда кормите лошадей, на которыхъ водите и коровы, которые доятъ.

Господинъ съ бородавкой. Такъ можно все распотрошить! Да: но имѣть что въ нихъ! Пусть ихъ возьмутъ, пусть бы ихъ обязали работать, — имъ же будетъ лучше! Имъ тогда дѣла не

будеть, что у него есть нечто, или лошади нѣтъ! Я ужь помогать не стану! Слава Богу, — хлопотъ меньше! Но за что я нѣтъ земли дамъ, вогъ что!

Перевученный. А какъ же нѣтъ безъ земли выпуститъ нищине! Чѣмъ же они будутъ жить?

Господинъ съ воеводкой. Могутъ наняться у шипниковъ, нанять землю!

Перевученный. Да тогда имъ придется умирать съ голоду, или работать за грошъ въ годъ!

Господинъ съ воеводкой. А съ землей они работать не пойдетъ вовсе! Скажете: у меня есть чѣмъ жить! зачѣмъ еще буду работать? — Онакаль свою землю, и довольна!

Перевученный. Не безпокойтесь! Если онъ теперь работаетъ даромъ, такъ за плату работать не откажется!

Господинъ съ воеводкой. Какъ же! Вѣдь это лѣтяти, имъ какъ бы на печи лежать, да ничего не дѣлать!

Перевученный. Работать тогда возможно, когда трудъ вознаграждается! А те за какую же благодать работать, работать всю жизнь и безъ ничего! Пошеволь будешь лѣтяти!

Господинъ съ воеводкой. Развѣ они теперь даромъ работаютъ? Мы же ихъ кормить! даемъ имъ землю!

Шиповаловъ. Что вы говорите! Я, напримѣръ, купилъ имѣние. Вѣдь я платилъ деньги за всю землю? Вѣдь я платилъ и за нихъ деньги, чтобъ они работали мнѣ! Вначитъ, они обязаны мнѣ работать, и вся земля моя, потому что за все это я заплатилъ чистыми деньгами.

Перевученный. Кто же вамъ далъ право продавать и покупать себѣ подобныхъ людей и чужой трудъ?

Шиповаловъ. Всѣ же покупали, значитъ имѣли право!

Господинъ съ воеводкой. Это ужь, батюшка, не вамъ заглядеть!

Перевученный. Мало ли что не мы выдумали! Воровать же мы не брѣмъ; чтожь изъ этого? — развѣ слыдуетъ, что воровать хорошо и позволительно? Вѣдь другіе же воруютъ!

Господинъ съ воеводкой. То совсѣмъ другое дѣло.

Шиповаловъ. Пожалуй, пусть возьмутъ просящихъ землю; только пусть же заплатятъ за нихъ, что слыдуетъ; за сколько я могу ихъ продать.

Перевученный. Значитъ, каждого спрашивать: сколько онъ хочетъ?

Шиповаловъ. А разудалая! Кто же может распоряжаться чуждымъ собственностью?

Первучинный. Не послушайте!

Господинъ съ воеводою. Вы ужь, пожалуйста, не говорите! Вся наша смелость и смелость въ этомъ случаѣ ни къ чорту не годится!

Шиповаловъ. Намега слушать!

Младцовъ. Мы и слушать не хотимъ! Вѣдь дичь поносите!

Господинъ съ сапомъ (подходить). Каково? Освобождаютъ крестьянъ! Отнимаютъ работниковъ, да еще дай имъ земли! Вѣдь это нарушение правъ собственности! Нарушение нашихъ правъ, правъ дворянства! Къ чему же служить права, данныя дворянству грамотой императрицы Екатерины II, двадцать перваго апрѣля тысяча семьсотъ восемьдесятъ пятаго года, и подтвержденіе ихъ двадцать шестаго апрѣля восемьсотъ шестнадцатаго года? Все пошло на вѣтеръ!

Господинъ съ воеводкою. За что у насъ землю-то берутъ? Люди ужь куда ни шли!

Господинъ съ сапомъ. А крестьянъ за что берутъ? Ими владѣли мы, отцы наши, дѣды и прадѣды!

Первучинный. Да, цѣлыя поколѣнія работали вамъ и все-таки не заработали свободы и правъ человѣка! И теперь, когда имъ возвращаютъ человѣческое достоинство, вы недовольны, вамъ кажется это нарушеніемъ вашихъ правъ. Вамъ надобно было бы стыдиться этихъ правъ, давно отъ нихъ самимъ бы отказать! Вѣдь это вамъ позорное клеймо! Вы говорите: земля ваша; что дать ее крестьянину нельзя, несправедливо! Неужели же они ничего не заслужили? — даже клочка земли! Неужели, работая всю жизнь и сотни лѣтъ, они ничего не выработали и ничего не заслужили? Вы имъ не можете въ свободѣ отказать! Ихъ рабство вѣдь противно и божескимъ, и человѣческимъ законамъ! Противно разуму! И вы хотѣли бы, за всю ихъ службу, отпустить безъ ничего! Обратить ушамъ все и выпустить, или, точнѣе сказать, выгнать навсѣчь чуждымъ образомъ безъ всякихъ средствъ къ существованью! Встать умирать отъ голода, безъ крова, безъ пристанища! Ну, есть ли у насъ вердиктъ? Ну, есть ли хотя капля человѣческаго чувства? Величайше, отцы наши, дѣды, прадѣды, вы сами жили на ихъ счетъ, трудомъ ихъ! И за все это еще послѣдняя награда: выгнать или безъ всякихъ средствъ, пустить по-миру! Вы сами чувствуете несправедливость вашу, но у васъ другой расчетъ: тогда его за

грошъ заплатить! — купить его обить, да только продадимъ! Свобода безъ земли не будетъ свободою для нѣкаго работника, тѣмъ же, хуже, нежели теперь, безъ всякаго сравненія! Тогда ему ужь нигдѣ защиты не найдеть! За право чуть-чуть, но умереть съ голоду, за чужую шерсть: алба вы въ руки нѣмъ себя забрали съ! И страхомъ голодной смерти заставили бы сносить все, всему покориться, что задумалось бы вамъ только слышать!

Шиповаловъ. Это почему? Въ ихъ волѣ всегда согласиться на мои условія, или нѣтъ?

Ласточкинъ. Разумѣется!

Переученый. Что дѣлать несчастному мужику безъ всякихъ средствъ къ существованію? А тутъ еще на шеѣ семейство, дѣти, — ну поневолѣ пойдетъ въ рабство и всѣмъ вашимъ условіямъ долженъ будетъ подчиниться. А вы уже поставите условія! Нѣтъ, безъ земли свобода невозможна! Безъ земли онъ все не человѣкъ. Безъ земли придать ему нельзя человѣческаго достоинства, значенія и права. Съ землею другое дѣло, онъ можетъ разсматривать условія, принять ихъ или отвергнуть, онъ можетъ дѣйствовать, мыслить, желать — онъ можетъ жить. Съ землею онъ человѣкъ!

Господинъ съ сапомъ. Ну, положимъ такъ. Дайте имъ земли, только надобно же за нее заплатить помѣщику, надобно, чтобы они заплатили за то, что они пользовались ею!

Господинъ съ сапомъ. Мы все-таки должны отстаивать свои права, свои интересы!... Что жь, въ самомъ дѣлѣ, имъ отдать все, а самому идти по-миру! Слишкомъ ужь будетъ великодушно!

Пестриковъ. Пусть жертвуетъ и тердеть, кому охота! А я отказываюсь!

Господинъ съ сапомъ. Разумѣется, мы должны требовать своего, — заботиться о своихъ интересахъ!..

Господинъ съ бародавкой. У насъ тоже дѣти, семейства! Какъ говоритъ, Иванъ Сергѣичъ, мы тоже должны подумать и о будущихъ поколѣніяхъ!

Господинъ съ сапомъ. Что я буду имъ благодѣтельствовать? Что я за благодѣтель такой выискался! — Дайте имъ все, да права человѣчества! — Очень нужно!... Большая мнѣ набожность!... Мнѣ что до другихъ, — я сперва долженъ подумать о себѣ!

... Пестыкоффъ. Что тутъ за жалость, за сожалѣнiе, когда самимъ приходится идти по-миру!

Молодой человекъ въ очкахъ (вздыхаетъ въ знакъ). Мое мнѣнiе!... Вы никакъ все объ освобожденiи толкуете?

Господинъ съ бородавкой. Известно, что у кого бѣдѣ, тотъ про то и говоритъ!

Молодой человекъ въ очкахъ. Да это-то вѣдь! такой издоръ, что имъ не стоитъ и тревожиться.

Господинъ съ бородавкой. Помилуйте, намъ не стоитъ тревожиться?

Молодой человекъ въ очкахъ. Да такъ!... Знаете ли, что это такое за освобожденiе?

Господинъ съ бородавкой. Что?

Молодой человекъ въ очкахъ. Мыльный пузырь!...

Господинъ съ сапомъ. Хорошъ мыльный пузырь, — въ немъ лопнетъ все наше.

Молодой человекъ въ очкахъ. Да полноте! Если бы действительно хотѣли ихъ сдѣлать вольными и дать земли, ну и объявили бы указомъ, что, дескать, крестьяне все свободны и имъ дается столько и столько-то земли, — вотъ и конецъ! А то пока объявлять, пока соберутся комитеты для разсужденiй, — въ комитетахъ же будутъ дворяне, ну, разумѣется, выкажутъ свое неудовольствiе, такъ дѣло и кончится, или, если будетъ свобода, такъ развѣ при внукахъ нашихъ..

Шняваловъ. А до тѣхъ поръ сто разъ забудется!

(Журавлевъ входитъ, его окружаютъ похвѣщики съ низкими поклонами).

Журавлевъ. Господа! Вамъ, вѣроятно, уже всѣмъ известно известiе, которое я вчера получилъ изъ Петербурга. Еще разъ повторю, нельзя не сочувствовать этой реформѣ, вполне чело-вѣческой, гуманной! — реформѣ въ духѣ нынѣшняго времени, въ духѣ цивилизацiи и прогресса! Наконецъ, это воля Августѣйшаго Монарха, всегда священная для каждаго русскаго, въ особенности же для русскаго дворянства! И такъ, вполне признавая благотворность, необходимость и гуманность предстоящей реформы, сочувствуя ей, мы, чрезъ то самое, должны стараться дать ей полное и выгодное развитiе, то есть извлечь возможную пользу и отвратить всякiй вредъ. Мы должны стараться всячески избѣгать потерь! — Дать волю крестьянамъ и не потерять самимъ средствъ къ существованiю! Я, съ своей стороны, готовъ всѣми

средствами содѣлывать вамъ въ этомъ. Надѣюсь, что мы уладимъ это дѣло!... Еще, господа, теперь банки уменьшили проценты; вы знаете, какъ я готовъ всегда воими силами служить вамъ, вносите ваши капиталы ко мнѣ въ контору, на пять процентовъ. Вы знаете, что капиталы у меня всегда найдутъ оборотъ! Что касается до вѣрности, то вамъ известно, что мои капиталы ходятъ какъ деньги и капиталы по нимъ выдаются немедленно по предъявленіи.

ПЕРЕУЧНЫЙ (Кому). Ловкій оборотъ! Славный заемъ!
Нѣсколько голосовъ:

— Пожорно, васъ благодаримъ!

— Непремѣнно будемъ адресоваться къ вамъ!

Розоновъ и уполномоченные отъ дворянъ, шедшихъ менѣе 100 душъ (*). — Всѣ эти господа выбраны подъ вліаніемъ Розонова и Журавлева, изъ мелкобуржуазныхъ дворянъ, притомъ изъ самыхъ ничтожныхъ, слабыхъ, необразованныхъ, невоздержныхъ въ наслажденіяхъ, преимущественно по части питья и пищи, съ шаткими нравственными правилами и съ твердыми убѣжденіями въ превосходствѣ и правотѣ того, кто ихъ кормитъ и поитъ. Длинноносаго, частію опудыма, носы синя-багровые, одежда грязная и въ беспорядкѣ, подбородки не бритые. Всѣ эти господа пріѣхали въ губернский городъ и живутъ въ немъ на счетъ Журавлева, а частію и на счетъ Розонова, которыхъ считаютъ благодѣтелями и милостивцами. Помятно, что шары, которые они имѣютъ, находятся въ обверженномъ распоряженіи Журавлева и Розонова. Такимъ образомъ и случается часто, что на дворянскихъ выборахъ выбираютъ не дво-

(*) Дворяне, которые не имѣютъ ста душъ крестьянъ, или трехъ тысячъ десятинъ земли, но въ каждой сотнѣ въ одной губерніи не менѣе пяти душъ, или сорока пяти десятинъ удобной, хотя неосвоенной, земли, избираютъ въ должности посредствомъ уполномоченныхъ, назначенныхъ ими изъ среды себя.

Число такихъ уполномоченныхъ опредѣляется числомъ, состоящихъ за всѣмъ означеннымъ дворянскимъ крестьянъ или десятинъ земли удобной, хотя неосвоенной; то есть на каждыя сто душъ и на каждыя три тысячи десятинъ земли полагается одному по уполномоченному.

Если, за назначеніемъ по одному уполномоченному на каждыя сто душъ или на каждыя три тысячи десятинъ земли, окажется изъ всей совокупности остатокъ, менѣе пятидесяти душъ или тысячи пяти сотъ десятинъ земли, то на сей остатокъ полагается еще одинъ уполномоченный.

Уполномоченные имѣютъ на выборахъ голосъ, во всемъ равный съ дворянами, избравшими въ должности непосредственно.

(Свед. Своденъ империальныхъ, томъ 611, часть I, глава III).

рше, а Журовлевы, потому что всегда живут впереди въ шарахъ. Незначительное число уполномоченныхъ находится на иждивеніи и другихъ дворянъ.

Розоновъ (тихо). Ну, что, господа, жупали!

ГОЛОСА УПОЛНОМОЧЕННЫХЪ:

— Завтракали! покорно васъ благодаримъ!

— Какъ же-съ, попиروвали, дай Богъ вамъ здоровья.

— Покорнѣйше васъ благодаримъ!

— Всякаго благополучія и много лѣтъ здравствовать вамъ и Ивану Сергѣевичу. Очень довольны, очень довольны.

(При нихъ отвѣтакъ распространяется свѣтлый запахъ спирта. Многие изъ нихъ слегка пошатываются).

Розоновъ. Довольно ли вамъ давали водочки и вина?

ГОЛОСА УПОЛНОМОЧЕННЫХЪ:

— Пили!

— Пили, покорнѣйше васъ благодаримъ!

— Прѣмного довольны!

— Дай Богъ вамъ здоровья!

Розоновъ. Ну, смотрите же, дѣлать свое дѣло какъ слѣдуетъ, и вамъ будетъ тогда хорошо... Да скажите и другимъ вашимъ братьямъ, чтобы ухо держали востро! Я буду непремѣнно исправникомъ, и кто мнѣ полежитъ на лѣвѣ, пусть ужъ не беспокоится!—только ему и жить на свѣтѣ. Слышите?

Уполномоченные. Слушаемъ-съ!

Розоновъ. Кто будетъ за меня, за того и я готовъ, всегда помощь готовъ оказать, поладить недомку,—словомъ все. Хотъ, что я же буду говорить дворянамъ, откаиваться отъ должности, отъ службы,—вы ничего не должны слышать, а дѣлайте свое дѣло: всѣмъ на лѣвѣ, а мнѣ направо. Понимаете?

ГОЛОСА УПОЛНОМОЧЕННЫХЪ:

— Понимаемъ, Григорій Семеновичъ!

— Все будетъ сдѣлано, какъ прикажете.

Розоновъ. Ну, смотрите!... За то послѣ выборовъ собирайтесь всѣ,—ну, хотъ въ Берлинъ!

ГОЛОСА УПОЛНОМОЧЕННЫХЪ:

— Позвольте лучше въ Лиссабонъ.

— Въ Лиссабонъ лучше.

— И водка лучше, и машина, и бильярдокъ два, а не одинъ!

Розоновъ. Ну, все равно, въ Лиссабонъ! Гдѣ этотъ Лиссабонъ?

Одинъ изъ уполномоченныхъ. А въ орудуешь-то, какъ идти отъ вашей квартиры на Большую улицу.

Розоновъ. А знаю! Ну, такъ я угощаю васъ послѣ выборовъ въ Лиссабонѣ, можете кушать и ѣсть, сколько вамъ угодно.

ГОЛОСА УПОЛНОМОЧЕННЫХЪ.

— Покорнѣйше благодаримъ!

— Премного довольны!

— Постараемся заслужить!

— Мы за васъ въ огонь и въ воду!

— Вы только морщите, а ужъ мы смекнемъ и потрафимъ.

Козинъ (Переучену). Вотъ избиратели Розонова! (указываетъ на уполномоченныхъ). Вотъ армія-то, достойная своего предводителя! Это баша-бузун!

Переученый. Закушленное, зауганное этими мерзавцами и задавленное нуждой дворянство! И грустно, и гадко ѣмотрѣть на нихъ! Готовы исполнить всякое приказаніе, готовы избрать кого велеть, и послѣ сами жь будутъ горько плакать! Я имъ прощаю! Они не понимаютъ сами, что творять. Но остальные! Вотъ имъ-то непростительно! Зачѣмъ дозволяютъ избирать такихъ уполномоченныхъ? Вѣдь они настолько развиты, настолько образованы, что могутъ понимать! И тутъ душой кривать, пристрастны, готовы подличать передъ богатымъ, знатнымъ, ему во всемъ угождать и покоряться. Нѣтъ, русское дворянство еще не сознаетъ себя, потребностей и нуждъ своихъ, въ немъ направленья нѣтъ, стремленья къ лучшему! Посмотримъ, что-то скажетъ намъ молодое поколѣніе!

Выксинъ входитъ и раскланивается, за нимъ губернской прокуроръ и секретарь дворянства.

Выксинъ. Га.... га.... га.... спада.... начнем.... мы.... мы.... мте!

(Переходить въ другой уѣздъ).

Журавлевъ (Медидову). Владиміръ Ростиславичъ, вамъ теперь надобно предложить дворянамъ, пока вы у насъ за предводителя!

Медидовъ. Господа! начнемте!

Розоновъ. Господа, позвольте нѣсколько словъ!

Журавлевъ. Сдѣлайте одолженіе, мы слушаемъ!

(Дворяне садятся за уѣздный столъ. Стулъ, назначенный для предводителя, за неимѣніемъ его, остается пѣдылатымъ).

Розоновъ. Господа! Нѣкоторые изъ васъ удостоили меня чести предложить балотироваться мнѣ въ исправники: благодарю

отъ души за такое довѣріе, за такую честь, за такую Благочестивую службу, и всѣхъ удостоившихъ меня! Но, господи, я служалъ уже довольно, не щадя трудовъ, не щадя здоровья и усилій! Время мнѣ и отдохнуть, я усталъ, здоровье мое разстроилось; въ неуспѣшныхъ попеченіяхъ о дѣлахъ общественнѣхъ, я забывалъ свои дѣла, и они пришли въ запущеніе! Время мнѣ подумать о себѣ. Къ тому же нѣкоторые не желаютъ меня видѣть на этомъ мѣстѣ, а потому, не желая быть причиною разногласій, особенно теперь, когда намъ необходимо полное единодушіе, я, принося искреннюю благодарность за довѣріе удостоившихъ меня вниманія, прошу вмѣстѣ съ тѣмъ уволить меня отъ этой должности!

ГОЛОСА:

— Это что значить?

— Что это за самопожертвованіе!

— Это благородно!

— Ай, да Григорій Семенычъ! Не ожидалъ я!

— Прекрасно!

— Набилъ карманъ, да на покой!

— Это расчетъ! Онъ понялъ, что его не выберутъ, и удаляется самъ.

— Черныковъ струсилъ.

Розо новъ. Господа! За то одна просьба! Вы знаете, какъ мнѣ былъ несправедливъ господинъ начальникъ губерніи, а потому онъ можетъ подумать, что онъ былъ правъ, что меня никто не желалъ видѣть на этомъ мѣстѣ, что я потерялъ совершенно ваше довѣріе и расположеніе. Чтобы доказать ему противное, я прошу у васъ одного снисхожденія, одной, можно сказать, милости: выберите въ исправники достойнѣйшаго и способнѣйшаго меня, хотя, напримѣръ, господина Никонова. Андрей Филипповичъ! примите увѣреніе въ моемъ уваженіи, я первый желаю, васъ на этомъ мѣстѣ, я не хочу соперничать съ вами и препятствовать вамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ прошу васъ всѣхъ, господа, позволить мнѣ балотироваться въ кандидаты въ исправники, и надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ этомъ и поможете доказать губернатору, что онъ неправъ, что я самъ удаляюсь. Я служить не буду, не хочу! Но хочу доказать, что я не вооружилъ противъ себя всѣхъ до такой степени, чтобы вы меня забросали черными шарами! Надѣюсь, что человѣка, который служить не хочетъ и не можетъ, мартъ нечего! Если кто на меня сердить, если

я могу обидеть, прощу великодушнаго прощенья! Могу ли я надеяться, что вы выберете меня въ кандидаты?

ГОЛОСА:

- Съ удовольствіемъ!
- Отчего же?
- Извольте!
- Отчего ему не положить направо!
- Пусть будетъ кандидатомъ, Богъ съ нимъ!
- Я не понимаю, что онъ дѣлаетъ!
- Что это значитъ?
- Что это за штука?
- Неужели мы отъ него избавимся!
- Не можетъ быть, чтобъ онъ не былъ исправникомъ!
- Гдѣ намъ отъ него спастись!
- Наконецъ—то мы отдохнемъ!
- Хорошо, что самъ отказывается, а то бы кто смѣлъ идти противъ него и противъ Ивана Сергѣича!
- Я готовъ ему положить направо два раза, лишь бы избавиться отъ него!

Никоновъ (подавая руку Розонову). Повѣрьте, Григорій Семеновичъ, что я вполне цѣню ваше великодушіе и не знаю, какъ благодарить васъ! Разумѣется, и говорить нечего, что я и всѣ мои добрые пріятели положатъ вамъ направо.

Розоновъ. Благодарю васъ. А вамъ благодарить меня не за что, я вамъ не соперникъ! Пора мнѣ ужъ и на отдыхъ, усталъ! А служить теперь, въ такія хлопотливыя времена, еще пожалуй выйдетъ опять какая нибудь гадость! Мнѣ ужъ, признаться сказать, надоѣло возиться!

Медидовъ. Начнемте, господа; въ другихъ уѣздахъ вездѣ начались уже выборы.

Журавлевъ. Начнемте. Вы вѣдь за предводителя у насъ, Владиміръ Ростиславичъ!

Медидовъ. Господа, начнемте повѣрку ящика и шаровъ. Ящикъ, какъ вы изволите видѣть, настоящій, число дворянъ, имѣющихъ голоса или, лучше сказать, число голосовъ нашего уѣзда, сорокъ два, какъ видно изъ списковъ; теперь повѣрните шары.

(Беретъ вазу съ шарами и считаетъ ихъ).

Медидовъ. Шаровъ тоже сорокъ два, совершенно вѣрно!

Теперь, господа, мы должны приступить къ выбору предводителя.

ГОЛОСА:

Назарьевъ. Господа!...

- Берите шары!
- Поднесемте на рукахъ!
- Это запрещено закономъ!
- Ничего! Берите! Пойдемте!
- Владиміръ Ростиславичъ, говорите!

Дворяне разбираютъ шары и подносятъ имъ на рукахъ Журавлеву.

Журавлевъ. Что это, господа?

Медидовъ. Иванъ Сергѣевичъ, дворянство, уважили васъ, цѣня ваши заслуги, вашу умъ, ваши достоинства ... и... и...

Роговъ (вскрѣпая его). Что? Заранпортовался, старшій крыль! старая собака!

Медидовъ. И признавая васъ человѣкомъ шлодѣй...

Роговъ. Все врешь, старшій песъ! Изъ ума выжилъ!

Медидовъ. Перестаньте, Роговъ!

Роговъ. Что жъ вы чепуху несете?

Медидовъ. Вамъ что за дѣло! (Журавлеву) Иванъ Сергѣевичъ, всѣ дворяне единодушно подносятъ вамъ шары безъ баллотировки и умоляютъ васъ удостоить ихъ честию быть ихъ предводителемъ!

Роговъ. Ахъ ты старая кляча! Вѣдь намъ чего нагородилъ!

ГОЛОСА:

- Иванъ Сергѣевичъ! Сдѣлайте одолженіе!
- Мы всё васъ просимъ!
- Удостоите!
- Очистите!
- Не отвернитесь!

Сомовъ, Козинъ, Перелученный и Никонровъ остаются на своихъ мѣстахъ.

Журавлевъ. Благодарю васъ, господа, за честь! Весьма благодаренъ, но, извините, предводителемъ быть не могу!

ГОЛОСА:

- Отчего же?
- Иванъ Сергѣевичъ! Сдѣлайте одолженіе!
- За что же вы лишаете нашихъ милостей!
- Удостоите насъ чести!
- Отчего же вы не хотите?

— Чѣмъ вы противиди вась!

Журавлевъ. Во первыхъ, я служить по выборамъ не желаю; во-вторыхъ, мнѣ некогда, вы знаете, сколько у меня заботъ, а въ третьихъ, господа, не скрою, что я... что меня проеили и другіе убѣды и я буду балотироваться въ губернскіе предводители!

ГОЛОСА:

— Ура!

— Превосходно!

— Очень рады!

— А все жаль, что вы не будете нашимъ предводителемъ!

— Не смѣемъ утруждать вась!

Первый чинный. Какая тротательная сцена!

Козинъ. Журавлевъ совершенно счастливъ!

Назарьевъ (перешипуища съ вѣковыми). Господа, обратися къ другимъ. (Сомову) Семенъ Ивановичъ! Позвольте вась просить быть нашимъ предводителемъ!

ГОЛОСА:

— Да, Семенъ Ивановичъ! Сдѣлайте одолженіе!

— Мы будемъ очень рады!

— Позвольте вась просить!

— Что жъ это? Вѣдь не его хотѣли!

— А Николай Ивановичъ Козловъ?

— Молчите! До него доидеть очереди!

Сомовъ. Благодарю вась, господа; хоть я не заслужилъ этой чести, но если вы удостоите меня важнымъ выборомъ, я всѣми силами постараюсь оправдать ваше довѣріе. Благодарю вась!

Господинъ съ бородавкой. Странно, какъ такіе господа, какъ Назарьевъ, ничего незначащіе, — ни чина у него, ни состоянія, ни ума, — туда же осмѣливаются говорить и дѣлать предложенія помимо старшихъ и достойныхъ уваженія лицъ!

Медидовъ. Господа! въ предводители дворянства балотируется Семенъ Ивановичъ Сомовъ. Потрудитесь брать шары!

Дворяне берутъ шары; первыиъ класкъ Журавлевъ, за нимъ остальные.

Назарьевъ и нѣкоторые другіе изъ партіи Журавлева (хотя и говорятъ тихонько дворянамъ). Господа! Иванъ Сергѣевичъ не желаетъ видѣть Сомова предводителемъ! Прокатите его на воронихъ! — Это избраніе противъ Ивана Сергѣевича. — Ивану Сергѣевичу это непріятно!

Медидовъ. Иванъ Сергѣевичъ! Потрудитесь вы сосчитать шары.

Журавлевъ. Считайте сами.

Медидовъ (считаетъ). Бѣлыхъ—девять, черныхъ.... черныхъ тридцать.

Журавлевъ. Что же это? Число шаровъ невѣрно!

Медидовъ. Семенъ Ивановичъ располагаетъ тремя шарами!

ГОЛОСА:

— Ха, ха, ха!

— Вотъ прокатили—то на вороныхъ!

— Жарко стало!

— У-у-у! Унеси ты мое горе!

— Отдѣлали!

— Предали запустѣнью!

— А онъ уже было и носъ задралъ!

— Каковъ! Въ предводители мѣтилъ!

Журавлевъ (Козелкову). Теперь позвольте васъ просить!

ГОЛОСА:

— Николай Ивановичъ!

— Почтеннѣйшій Николай Ивановичъ!

— Это наше всеобщее желаніе!

— Сдѣлайте одолженіе!

Козелковъ. Ги, ги, ги, ги! Какъ вамъ угодно!

(Дворяне кладутъ шары).

Переученый. Этого вотъ выберутъ!

Козицъ. Непремѣнно! Ужъ это рѣшено!

Никоновъ (Сомову). Вамъ бы отказаться! Я вамъ говорилъ, что Козелкова выберутъ!

Сомовъ. Я не ожидалъ такой низости! И кажется не заслужилъ!

Никоновъ. Это изъ угожденія Журавлеву!

Медидовъ (считаетъ шары). Бѣлыхъ двадцать девять — черныхъ—дѣдннадцатъ! Поздравляю васъ, Николай Ивановичъ!

Журавлевъ. Позвольте, еще надобно выбрать двухъ! Господа! я предлагаю его превосходительство Галактіона Парфеновича!

ГОЛОСА:

— Bravo!

— Чего же лучше!

— Прекрасно!

— Вотъ это такъ!

Т. LXXXI. Стл. I.

Власьевъ. Благодарю васъ, господа! И старъ, не могу!

ГОЛОСА:

- Сдѣлайте одолженіе!
- Ваше превосходительство, удостойте!
- Позвольте васъ просить!
- Сдѣлайте намъ честь!

Власьевъ. Не могу, не могу! Благодарю васъ! Гдѣ ужъ мнѣ! Мнѣ надобенъ покой! Ужъ не тревожьте моей старости. Того... подъ Варной, я былъ крѣпко израненъ, вотъ съ тѣхъ поръ и началъ чувствовать! Особенно къ погодѣ!

Журавлевъ (кричитъ ему на ухо). Такъ позвольте, ваше превосходительство, просить васъ записать первымъ кандидатомъ.

Власьевъ. Благодарю васъ! Это, пожалуй! Знаете, если бы не раны!

Журавлевъ. Какъ вы думаете? Согласны вы, чтобы генералъ Власьевъ былъ первымъ кандидатомъ?

ГОЛОСА:

- Еще бы!
- Согласны!
- Разумѣется!
- Мы во всемъ съ вами согласны!
- Ужъ вы не предложите дурнаго!
- Сдѣлайте одолженіе!
- Распоряжайтесь!

Журавлевъ. Я думаю, и балотировать нечего, а поставить ему число баловъ избирательныхъ однимъ менѣ противъ Николая Ивановича. Это, знаете, будетъ скорѣе и проще. А то къ чему понапрасну тянуть время!

ГОЛОСА:

- Разумѣется!
- Самое лучшее!
- Кто ни кандидатъ—все равно!
- Да вѣдь онъ служить не будетъ, такъ что жъ тутъ перемониться!

Журавлевъ (Медидову). Владиміръ Ростиславичъ! Вы ставьте генералу Власьеву двадцать восемь бѣлыхъ, и тринадцать черныхъ.

Медидовъ. Очень хорошо! А еще кого, господа? Мало ли другого кандидата.

ГОЛОСА:

— Кого же еще?

— Мы не знаемъ!

— Развѣ Лапина!

— Мулова!

— Лапина!

— Лапина лучше!

— Помилуйте, господа! Куда онъ годится!

Журавлевъ. Балотировать ихъ обоихъ!

Медидовъ. Господа, Мулова!

(Дворяне кладутъ шары).

Медидовъ (считаетъ). Бѣлыхъ двадцать три, черныхъ девятнадцать! Теперь Лапина.

(Дворяне кладутъ шары).

Медидовъ (считаетъ). Бѣлыхъ девять, черныхъ двадцать три!

Журавлевъ. Поздравляю васъ, Николай Ивановичъ!

ГОЛОСА:

— Поздравляемъ васъ, Николай Ивановичъ!

— Почтеннѣйшій, Николай Ивановичъ!

— Желаемъ наше исполнилось!

Переученный. По Сенькѣ и шапка! Предводитель вполнѣ ихъ стоитъ!

Козелковъ. Благодарю васъ!... Покорнѣйше прошу всѣхъ ко мнѣ сегодня откушать!

ГОЛОСА:

— Непремѣнно!

— Покорно васъ благодаримъ!

— Съ удовольствіемъ!

— Очень пріятно!

Пестриковъ. Ужь я говорилъ, что мы у Николая Ивановича поведемъ на славу!

— Молодой человекъ въ очкахъ. Поблизе и выпьемъ!

Роговъ. Еще бы! на славу выпьемъ!

— Превосхитительный. Жалуденъ безъ голоса!

Журавлевъ. Николай Ивановичъ, садитесь-ка сюда! (Указываетъ на стулъ предводителя).

Козелковъ. Ги, ги, ги!

Козинъ. А что, Николай Ивановичъ, вы сочитаете до еррорка-то, а?

Козелковъ. Васъ не попрошу!

Журавлевъ (Медидову). Владиміръ Ростиславичъ! позвольте васъ просить быть вновь нашимъ судьеоу.

Медидовъ. Помилуйте!.. Благодарю!.. Съ удовольствіемъ!.. Вполнѣ цѣню!

Роговъ. Экая старая водовозная кляча!

Журавлевъ. (Козелкову). Прочтите-ка кандидатовъ!

Козелковъ (читаетъ, запинаясь). Въ судьи: Медидовъ, Жученко, Пестриковъ, Афанасьевъ и Тарасевъ.

Журавлевъ (Козелкову). Ну, предложите шары дворянамъ и кладите первые.

ГОЛОСА:

— Кто балотируется?

— Кому класть?

Журавлевъ. Владиміръ Ростиславичъ!

(Дворяне кладутъ шары).

Розоновъ (Хорькову, тихо). Смотрите же, помните уговоръ! Никонову налѣво, а мнѣ направо.

Хорьковъ. Вѣдь вы же не хотите служить!

Розоновъ. Тсъ! Вамъ что задѣло! Вы только должны исполнить уговоръ!

Хорьковъ. Ничего не понимаю!

Розоновъ (Журавлеву). Иванъ Сергѣичъ!

Журавлевъ. Что тебѣ?

Розоновъ. Будьте милостивы! поддержите меня!

Журавлевъ. Вѣдь ты служить не хочешь?

Розоновъ. Какъ не хотѣть! Служить-то я буду! Вы ужъ увидите! Только сдѣлайте вашу милость, подтвердите, чтобы Никонову-то и всѣмъ налѣво, а мнѣ направо!

Журавлевъ. Къ чему же ты оказываешься?

Розоновъ. Увидите! А ужъ я постараюсь! заслужу! На счетъ бѣглыхъ, фабрикъ, насчетъ всего! Ужъ будете довольны! Сдѣлайте милость! А Никоновъ для васъ не годится.

Журавлевъ. Ну хорошо, хорошо! Позови по мнѣ кого нибудь!

Розоновъ. Кого прикажете?

Журавлевъ. Все равно! Ну хоть Назарьева, что ли!

Розоновъ. Сейчасъ!

Долотовъ (нѣкоторымъ). Ну я, господа, Медидову вороненскихъ! Что это за судья!—съ нимъ хоть плачь!

Молодой человекъ въ очкахъ. Да плохъ, тѣмъно предается! Онъ, знаете, съ дуринкой.

Роговъ. У него въ головѣ крысы въ чехарду играютъ, такъ ему, что ни толкуй, онъ ничего не понимаетъ.

Молодой человекъ въ очкахъ. Да, ему хоть колъ на головѣ тещи! Ошалѣла Магдалина! Глушь, глушь, глушь! Непроходимо глушь! и старъ, вѣдь! Совершенная гробовня! Тѣмъно предается! — прахомъ покрывается! — Черняками его!...

Журавлевъ (Козелкову). Считайте шары.

Козелковъ (считаетъ, нѣсколько разъ сбиваясь). Бѣлыхъ тридцать одинъ, черныхъ девять.

Журавлевъ. Теперь кто тамъ дагѣе?

Козелковъ. Г. Жученко.

(Выборы продолжаются. Всѣ заняты ими, разговоровъ мало. Большинство шаровъ въ судьи на сторонѣ Миддова. Жученко избранъ первымъ кандидатомъ. Молодой человекъ въ очкахъ и Порхавкинъ — въ засѣдатели уѣзднаго суда).

Козелковъ (читаетъ). Въ исправники: Розоновъ, Никоновъ и Ооинъ.

Розоновъ. Господа, я желаю балотироваться послѣ всѣхъ!

Журавлевъ. Это все равно. Значитъ, теперь господина Никонова.

Голоса. Кто балотируется?

Козелковъ. Андрей Филиппычъ Никоновъ.

(Дворяне кладутъ шары).

Власьевъ (Назарьеву). Во что балотируютъ?

Назарьевъ (кричитъ на ухо). Въ исправники!

Власьевъ. А-а! въ исправники! А кого?

Назарьевъ. Розонова!

Власьевъ. Спасибо, батюшка! (Кладетъ шаръ нагѣе).

Козелковъ (считаетъ). Бѣлыхъ двадцать шесть, черныхъ— пятнадцать.

Журавлевъ. Теперь господина Ооина.

(Дворяне кладутъ шары).

Козелковъ (считаетъ). Бѣлыхъ двадцать два, черныхъ— девятнадцать!

Розоновъ (Никову). Поздравляю васъ, Андрей Филиппычъ! Весь уѣздъ можно поздравить съ такимъ исправникомъ. Поздравляю! Поздравляю отъ души! Позвольте по пріятельски. (Целуетъ его три раза.)

Козинъ. Цѣлованіемъ ли предавши мя, Иуда?

Журавлевъ. Поздравляю васъ, Андрей Филиповичъ! Очень радъ.

ГОЛОСА:

— Поздравляю васъ!

— Ахъ, какъ я радъ!

— Ну, по крайней мѣрѣ можно быть спокойнымъ.

— Слава Богу, исправникомъ порядочный и честный человекъ!

— Славный будетъ исправникъ!

— Избавились наконецъ мы отъ Розонова!

— Гора съ плечъ свалилась!

— Теперь можно жить!

— Слава Богу!

— Не вѣрите, что такое счастье!

Сомовъ. Двадцать лѣтъ нога моя не бывала въ земскомъ судѣ, какъ въ чемъ-то нечистомъ; теперь я могу войти туда—Никоновъ исправникомъ!

Розоновъ. Господа! Не оставьте теперь меня милостивымъ вниманіемъ вашимъ. Позвольте мнѣ оставить должность добровольно и доказать господину начальнику губерніи, что онъ очень ошибся въ вашемъ расположеніи ко мнѣ! Я не буду служить; но меня не забросали же, какъ говорилъ онъ, черняками, и хотя не выбранъ я въ исправники, все-таки я кандидатъ! Меня не вывели изъ собранія, какъ онъ обѣщалъ! Служить не могу, не смотря на просьбы многихъ! Не могу! — Усталъ! Да и для чего? У васъ вмѣсто меня прекрасный и дѣльный человекъ!

Журавлевъ. Наша обязанность благодарить васъ, за вашу прошлую службу, за ваши труды! Я надѣюсь, что всѣ господа дворяне будутъ вамъ признательны!

Козинъ. Какъ же! Мы чувствуемъ вполне и цѣнимъ! Мы обязаны весьма многимъ Григорію Семеновичу. Онъ эти года былъ совершенно отцомъ нашимъ! (Никонову) Вотъ и вы, Андрей Филиповичъ, берите примѣръ съ Григорія Семеновича! Служите честно, благородно и, главное, безкорыстно! — словомъ, какъ онъ, и Богъ благословитъ и васъ, какъ его! Вы взгляните, какая благодать за честную и благородную службу, за его безкорыстіе: — изъ сорока душъ сдѣлалось четьреста! — Изъ пятидесяти рублей, пятьдесятъ тысячъ!

(Всѣ смѣются.)

Розоно́въ. Чего вы хотите отъ меня сказать? Дмитрій Павловичъ, напрасно вы держите меня! Я гдѣ удаюсь!

Козинъ. Я въ пустыню удаюсь отъ прекрасныхъ адъшнихъ мѣстъ.

Журавлевъ. Начнемте, господа!

(Дворяне кладутъ шары).

Власьевъ (Назареву). Кого теперь балотируютъ?

Назаревъ (кричитъ ему въ ухо). Никонова!

Власьевъ. А-а! (Кладетъ направо).

Розоно́въ. Ухъ, въ глазахъ мутится!

Молодой человекъ въ очкахъ. Розоно́въ струсилъ! Чего не балотировался!

Долотовъ. Да вѣдь онъ же балотируется!

Молодой человекъ въ очкахъ. Да служить-то не будетъ!

Долотовъ. Зналъ, что его черныками прокатятъ! Тогда бы вѣдь стыдно было!

Козаковъ (считаетъ шары). Господину Розоно́ву бѣлыхъ тридцать девять, черныхъ два.

Розоно́въ. Какъ-съ!

Козаковъ! Бѣлыхъ, того... тридцать девять, черныхъ два!

Розоно́въ (съ выраженіемъ восторга и со слезами радости). Неужели! Возможно ли такое единодушіе! Благодарю васъ отъ души, господа! — Я тронуть до слезъ... не могу выразить моей признательности! Я боюсь поселить разномысліе, но видя такое единодушное избраніе, желаніе всеобщее, я не могу, я не долженъ, я не смѣю отказаться! За все это я могу отблагодарить своими трудами, я обязанъ на дѣлѣ оправдать вашъ выборъ. Всеобщимъ голосомъ я не смѣю пренебрегать. Я готовъ жертвовать всѣмъ: здоровьемъ, трудами, состояніемъ! Я, господа, остаюсь! я буду служить! Я принимаю, господа, ваше избраніе!

ГОЛОСА:

— Что жъ это такое!

— Браво, браво!

— Вѣдь мы васъ балотировали только въ кандидаты!

— Вы же говорили, что служить не будете!

— Что жъ это за комедія!

— Я такъ и зналъ, что онъ останется!

— Гдѣ ужъ намъ отъ него избавиться!

— Что жъ это, надуванье!

— Вотъ штука-то!

- Ну теперь онъ насъ приберетъ къ рукамъ!
 — Кто ему что сдѣлаетъ! За него Иванъ Сергѣевичъ!
 — Да онъ по міру пуститъ, кто противъ него!
 — Онъ никого не боится; говорить: захочу, такъ у меня и губернаторъ слетитъ!
 — Вѣдь вотъ въ чемъ человѣкъ не попался—и подъ судомъ былъ, а все ничего не сдѣлалъ!
 — Съ нимъ губернаторъ не могъ совладать, а ужъ какъ хотѣлъ утопить! А намъ ужь гдѣ!

Журавлевъ. Поздравляю васъ, Григорій Семенычъ!

ГОЛОСА:

- Поздравляемъ васъ!
 — Очень рады!
 — Вы опять съ нами!
 — Честь имѣемъ васъ поздравить!
 — Не оставьте вашимъ расположеніемъ!

Переученный (Розовому). Вѣдь вы же балотировались въ кандидаты, а не въ исправники!

Розоновъ. Вы вотъ много учились, а того не знаете, что балотируютъ не въ кандидаты, а въ исправники. У кого болѣе шаровъ, тотъ и исправникъ, а двое слѣдующихъ за нимъ, по большинству шаровъ, первый и второй кандидаты!

Сомовъ. Вы не хотѣли служить!

Розоновъ. Да! Но такой единодушный выборъ не позволяетъ мнѣ отказаться. Это съ моей стороны будетъ дерзость, неуваженіе, неблагодарность!

Сомовъ. Васъ надо перебалотировать.

Журавлевъ. Зачѣмъ?

Сомовъ. За тѣмъ, что здѣсь вышло недоразумѣніе.

Журавлевъ. Надобно было думать прежде!

Сомовъ. Этотъ выборъ недѣйствителенъ!

Журавлевъ. Отчего такъ?

Сомовъ. Оттого, что онъ незаконный!

Журавлевъ. Нѣтъ, вполне законный!

Сомовъ. Нѣтъ, незаконный, онъ основанъ на обманѣ!

Никоновъ. Это обманъ!

Переученный. Это подлость!

Долотовъ. Разумѣется!

Козинъ. Подленькая уловка!

Сомовъ. Дворяне были обмануты клятвами этого госпо-

дина, что онъ не будетъ служить, а потому выборъ недействителенъ!

Журавлевъ (горячась). Нѣтъ, действителенъ!

Сомовъ. Сначала его надобно перебалотировать!

Журавлевъ. Какъ это?

Сомовъ. Пусть его выбираютъ въ исправники, а не въ кандидаты! Тогда посмотримъ.

Журавлевъ. Въ кандидаты не выбираютъ. На это нѣтъ закона! Выбираютъ въ исправники!

Сомовъ. Это обманъ! Это незаконно!

Козинъ.

Никоновъ. { Выборъ недействителенъ!

Переученый. }

Журавлевъ (Козину и Переученому). Господа, вы не въ числѣ избирателей, и не только не можете подавать голоса, но даже не имѣете, по настоящему, права быть здѣсь! Вы напрасно шумите.

Переученый. Мой долгъ замѣтить, что это незаконно! Этого права у меня никто не отниметъ. Господа, васъ публично всѣхъ обманули, а потому выборъ недействителенъ.

Журавлевъ (съ бѣшенствомъ). Вамъ говорятъ действителенъ!

ГОЛОСА ДВОРЯНЪ ПРОТИВНОЙ ПАРТІИ:

— Это обманъ!

— Перебалотировать вновь!

— Онъ надулъ насъ всѣхъ!

— Онъ осмѣлился публично лгать!

— Выборъ недействителенъ!

— Перебалотировать его!

Журавлевъ. Два раза не балотируютъ!

ГОЛОСА ДВОРЯНЪ ПРОТИВНОЙ ПАРТІИ:

— Мы протестуемъ!

— Пишите журналъ!

— Пусть губернаторъ рассмотритъ и утвердитъ, кого знаетъ!

— Мы протестуемъ!

ГОЛОСА ПАРТІИ ЖУРАВЛЕВА:

— А мы протестуемъ противъ васъ!

— Мы протестуемъ противъ вашихъ дѣйствій!

— Выборы законны!

— Выборъ действителенъ!

Журавлевъ. Дано вамъ слово, что Россію будетъ утвер-
денъ.

Сомовъ. Его перебалотируютъ!

Журавлевъ. Не перебалотируютъ!

ГОЛОСА ДВОРЯНЪ ПРОТИВНОЙ ПАРТІИ:

— Пригласить сюда губернскаго прокурора!

— Это безсовѣстный обманъ!

— Дерзость!

— Насиліе!

— Мы протестуемъ!

— Это противузаконно!

Журавлевъ. Что жъ вы, господа, думаете, что я поддержи-
ваю незаконное, несправедливое? Вы осмѣливаетесь публично
обвинять меня въ этомъ! Увидимъ! пусть насъ разсудятъ! Здѣсь,
въ Петербургѣ, вездѣ, гдѣ хотите, вамъ докажутъ, что я правъ!
Вы слишкомъ много себя позволяете! Надобно говорить обду-
манно, быть осмотрительнѣе въ словахъ! Какъ вы смѣете гово-
рить про меня подобныя вещи?

ДВОРЯНЕ ПРОТИВНОЙ ПАРТІИ (оробѣвъ):

— Помилуйте, Иванъ Сергѣичъ!

— Какъ вы можете думать!

— Мы никогда!

— Мы такъ сказали!

— Мы согласны съ вами!

— Помилуйте, если вы изволите говорить, что законно, зна-
чить — законно.

— Мы не можемъ спорить съ вами!

Сомовъ. Нѣтъ, незаконно! Я протестую!

Переученный. Я протестую!

Никоновъ. Я протестую!

Сомовъ. Пригласить сюда губернскаго прокурора!

Журавлевъ. Прекрасно! Господа, ваяъ грое протастъ всѣхъ
дворянъ.

Сомовъ (вскочивъ). Нго же вы, господа?

ГОЛОСА:

— Мы ничего!

— Что жъ намъ дѣлать!

— Видно, ничего не сдѣлаешь!

— Ужъ до слѣдующихъ выборовъ!

— Кричи не кричи — все одно!

Сомовъ (дворянамъ). Вѣдь вы согласны, что это противузаконно, что это обманъ?

ГОЛОСА:

→ Что жь дѣлать!

— Насъ обманули!

— Теперь, видно, ничего не сдѣлаешь!

— Сила солону ломить!

— Плетью обуха не перешибешь!

— Выше лба не будешь!

Переученный. Не смѣйте же плакать, когда васъ будутъ давить, грабить! Не смѣйте жаловаться за несправедливость! Вы сами для себя связали мучить розогъ! Ну и терпите! Какіе тутъ разговоры! Вы не смѣете слова сказать о незаконности, а сами первые нарушили законъ! Вы пренебрегаете вашимъ долгомъ, благопродовольемъ, честью! Гдѣ надобно стоять за убѣжденія, за свои права, за свою честь, за свое слово, вы изъ робости егеступаете! Вы трусите, боитесь быть твердыми и благородными!

Сомовъ. Нашъ протестъ записать въ журналъ!

Журавлевъ. Очень хорошо! Его разсмотреть!

Никоновъ. Какая подлая штука!

Козанъ. Страшнѣйшая низость!

Сомовъ. Ну, каково у насъ дворянство? Съ нимъ можно дѣлать все, что угодно, — смолчать!

Переученный. Еще поклонится!

Никоновъ. Я зналъ, что Розоновъ подлець, но такой штуки не ожидалъ!

Журавлевъ (тихо, Розонову). Ну, выкинуть ты штуку!

Розоновъ. Такъ-то ихъ, дураковъ, и надуваютъ!

Журавлевъ. Будемте продолжать, господа!

Сомовъ. Нѣтъ, позвольте! Вопросъ не конченъ!

Журавлевъ. Его разберутъ! А теперь, господа, я думаю продолжать?

• Вся. Разумѣется, продолжать!

Выборы продолжаются при всеобщемъ волненіи. Вездѣ говорятъ, спорять, шумать.

Назаревъ. Поздравляю васъ, Григорій Семенычъ!

Порхаркинъ. Поздравляю васъ! Ахъ, какъ я радъ, что вы добѣдѣ!

Мухоморовъ. Богъ услышалъ мою молитву: я все время

могилы, чтобы вы, Григорій Семеновичъ, у насъ остались исправникомъ.

Розононъ. Благодарю васъ, господа!

Хорьковъ. Поздравляю васъ, Григорій Семеновичъ! Ну, я сдержалъ свое слово! Теперь за вами очередь!

Розононъ. Въ чемъ это?

Хорьковъ. А обѣщаніе ваше?

Розононъ. Какое?

Хорьковъ. На счетъ того.... Помните?

Розононъ. Ей-богу, не помню.

Хорьковъ. Какъ? вы ужъ забыли?

Розононъ. Извините, ей-богу не помню.

Хорьковъ. Еще честное слово дали!

Розононъ. Не помню, въ чемъ дѣло-то?

Хорьковъ. Вы обѣщали мнѣ — внести за меня восемьсотъ рублей.

Розононъ. Восемьсотъ рублей? За васъ?

Хорьковъ. Да.

Розононъ. Когда же я обѣщалъ?

Хорьковъ. Чтожъ, это неправда?

Розононъ. За какую же это благодать я вѣсусу за васъ?

Хорьковъ. Я же вамъ положилъ направо!

Розононъ. Мало ли кто положилъ мнѣ направо!

Хорьковъ. Вѣдь вы же дали честное слово, клялись, божились!

Розононъ. Въ чемъ?

Хорьковъ. Въ томъ, что если я положу вамъ направо, а Никонову надѣво, то вы внесете за меня восемьсотъ рублей!

Розононъ. Что это вы на меня, какъ на мертваго клевете!

Хорьковъ. Такъ этого не было!

Розононъ. Вамъ вѣрно во снѣ пригрезилось!

Хорьковъ. Нѣтъ, не во снѣ!

Розононъ. Дорого же вы цѣните ваши шары! Только они для меня ничего не стоятъ, я и безъ нихъ былъ бы выбранъ!

Хорьковъ. Обманомъ же! Такъ вы не внесете?

Розононъ. Разумѣется, нѣтъ!

Хорьковъ. Какой же вы подлецъ, Григорій Семеновичъ! Вы сами дали мнѣ право назвать васъ при всѣхъ подлецомъ, вы помните! Другимъ же правомъ — разбить вамъ, какъ вы выражались, рожу, — я воспользуюсь послѣ!

Розоновъ. Отъѣзжайте! Проваливайтесь!

Хорьковъ (возымаешь голову, чтобы всё могли его слышать). Господа, господа! Вотъ этого негодяй (указываетъ на Розонова) дайте мнѣ честное слово, если я положу ему направо, а Андрею Филиппичу налево, внести за меня восемьсотъ рублей недоимки. Вы знаете, что меня обстоятельства, можно сказать, скрутили, а потому, грѣшный человѣкъ, я согласился на эту низость, а теперь, когда я исполнилъ свое обѣщаніе, онъ отказывается исполнить свое!

Розоновъ. Врете вы! Вамъ хочется взять съ меня взятку за шары, вы думаете, что меня будутъ еще разъ балотировать! Но согласитесь, вы хотите за ваши два шара слишкомъ дорого, когда весь уѣздъ положилъ мнѣ даромъ.

Хорьковъ. Вы у всѣхъ украли шары, а у меня шары и восемьсотъ рублей!

Розоновъ. Это вамъ будетъ впередъ урокомъ: не рѣшайтесь на низости!

Хорьковъ. Постойте! Мы съ вами рассчитаемся!

Косолапъ-Михайловъ (гусаръ въ отпуску, съ закрученными усами, съ самоутвержденнымъ выраженіемъ лица и съ стеклинкою въ глазу. Онъ переходитъ изъ другаго уѣзда и подходитъ къ Журавлеву). Здравствуйте, Иванъ Сергѣичъ!

Журавлевъ. Ростиславъ Кузмичъ, мое почтеніе!

Косолапъ-Михайловъ. Что это у васъ за шумъ? Точно парламентскія пренія! Бурный у васъ уѣздъ!

Журавлевъ (со вздохомъ и съ сокрушеніемъ сердца). Что дѣлать! Страшно необразованные люди. Я, знаете, измучился съ ними! Все хочу вдохнуть въ нихъ что-нибудь благородное, внушить имъ, что они должны дѣйствовать по внушенію чести! Нѣтъ, все напрасно! Ничего съ ними не сдѣлаешь! Скотъ на скотъ, дуракъ на дуракъ, подлець на подлець!

Косолапъ-Михайловъ. Я слышалъ, что у васъ опять выбрали Розонова!

Журавлевъ. Да!

Косолапъ-Михайловъ. И вы поддержали его?

Журавлевъ. Да. Я, знаете, собственно и вытѣснилъ его.

Косолапъ-Михайловъ. Что же это вы! Развѣ вы не знаете, что онъ страшнѣйшій негодяй, мерзавецъ и подлець?

Журавлевъ. Знаю.

Косолапъ-Михайловъ. Такъ, какъ же вы на него промѣняли такого благороднаго человѣка, какъ Никоновъ?

Журавлевъ. Скажите ли вамъ всю правду?

Косолапъ-Михайловъ. Скажите.

Журавлевъ. Я знаю, что Никоновъ благородный человекъ, а Розоновъ подлець! Никоновъ до мнѣ прѣльстятъ, я долженъ его принять, какъ равнаго, подать ему руку, посадить у себя въ гостиной, говорить съ нимъ, какъ съ равнымъ. Это, знаете, неудобно. А Розоновъ у меня посидитъ въ передней, при мнѣ не осмѣлится сѣсть, я ему могу приказать, закричать на него! Мнѣ такого исправника и надо! Никоновъ съ меня не возьметъ и будетъ дѣлать дѣла по-своему, а Розонову положено жалованье и薪水 того за всякое дѣло такса; онъ дѣлаетъ все по моему, какъ я хочу. Вотъ почему я долженъ былъ поддержать Розонова.

Примѣчанія къ 1-й сценѣ Третьяго дня.

1. Штука Розонова, когда онъ обманываетъ все дворянство, что не будетъ служить, а хочетъ быть только кандидатомъ въ исправники, вани не выдумана, а случилась на самомъ дѣлѣ. Вліаніе богатаго помѣщика, въ родѣ Журавлева, поддерживаю его. Онъ былъ утверждёнъ въ похищеннѣйшій дѣлъ должности.

2. Исторія Розонова и Хоранова тоже не выдумана и случилась тамъ же. Хорановъ раскопалъ двумя шарами, и подался на удочку Розонова, какъ и всѣ дворяне.

3. Отзывъ Журавлева Косолапу-Михайлову о причинахъ, заставившихъ его предпочесть Розонова Никонову, извѣстенъ былъ всей губерніи.

4. Что касается до вліанія Розонова на мелкихъ дворянъ, то это тоже фактъ. Изъ адреса, поднесеннаго однимъ изъ уѣздовъ губернскаму предводителю о недопущеніи ихъ исправника до балотировки, видно: что этотъ господинъ исправникъ держалъ всю уѣздъ въ страхѣ, дѣйствовалъ деспотически, приводилъ въ разореніе дворянъ, противившихся ему, и успѣлъ поселить мнѣніе, что ему не только онъ, но и губернскае начальство ничего не можетъ сдѣлать.

СЦЕНА II.

Квартира Козилкова. Нѣсколько небольшихъ комнатъ заставлено столами. Слуги, занятые изъ практиковъ, суетятся вокругъ столовъ. Дворяне съѣзжаются.

Пестриковъ. Славный будетъ предводитель!

Молодой человекъ въ очкахъ. Только глянь, неврѣдимо, какъ сто свищей!

Медидовъ. Онъ вовсе не такъ глупъ!
Молодой человекъ въ очкахъ. Кто? Косакинъ-то не
глупъ?

Медидовъ. Да чѣмъ же онъ глупѣе другихъ?

Роговъ. Ну ужъ вамъ-то объ умѣ не толковать!

Медидовъ. Отстаньте отъ меня!

Роговъ. Старая, водовозная кляча! А что, господа, пора бы
и обѣдать!

Молодой человекъ въ очкахъ. Да, мнѣ хотѣлось бы пре-
пустить чашечка.

Цестриковъ. Чего же ждуть?

Роговъ. А кто ихъ знаетъ! Пожалуй, придется прождать,
какъ у Лавровыхъ въ прошломъ году.

Дурноумовъ. У Лавровыхъ?

Роговъ. Да.—Это штука Дмитрія Павловича.

Дурноумовъ. Козина?

Роговъ. Да.—Развѣ вы не знаете?

Дурноумовъ. Нѣтъ.

Роговъ. Это презабавная исторія! Лавровы, вы знаете, не-
могутъ обѣдаться безъ того, чтобы на званомъ обѣдѣ у нихъ не
былъ кто нибудь изъ богатыхъ и знатныхъ,—словомъ, изъ того
кружка, въ которомъ они не бывають. Звали они на обѣдъ, ка-
жется, по случаю полученія манишекъ за статью о земледѣліи.
Знаете?

ГОЛОСА:

— Знаемъ!

— Еще бы не знать!

— У меня ихъ шила!

— Я поздравлялъ Николая Иваныча.

— Я же увѣрялъ, что онъ негодяй!

Роговъ. Ну-съ! Собираются гости. Лавриха посылаетъ про-
сить Сомова, а у того, на бѣду, сидѣлъ въ это время Козинъ.
Они отвѣчаютъ посланному, что пріѣдутъ тогда только, если
самъ хозяинъ явится просить ихъ. Лавровъ отправляется. Его,
знаете, занимають разговоромъ, а потомъ сажаютъ завтракать.
Николай Ивановичъ радъ случаю, подпиваетъ себѣ да подди-
ваетъ, и къ концу завтрака у него въ головѣ крысы заиграли въ
чехарду—налимонился до чертиковъ. Лавриха посылаетъ чело-
вѣка за мужемъ, за Сомовымъ и за Козинымъ. Человѣка задер-
живаютъ, между тѣмъ время садиться обѣдать. Лавриха въ от-

чайник посылает одного гонца за другими; а у Сомова их всѣхъ содержатъ. Мы всѣ собрались, ѣсть зиреть хочется, а кушать не даютъ. Сидимъ, ждемъ, въ желудкѣ революція, чортъ знаетъ что такое, просто! Наконецъ начинаемъ поговаривать, что у насъ въ животѣ пусто. Лавриха извиняется, проситъ подождать еще немножко, одну секундочку, и шлетъ гонца за гонцомъ. Наконецъ насъ посадили за столъ въ девять часовъ вечера и за немѣннѣемъ прислуги сама Лавриха подавала. А Лавровъ и гонцы приѣхали уже на другой день (*).

(Всѣ смѣются).

Дурноумовъ (Козиню). Дмитрій Павлычъ! Дмитрій Павлычъ!

Козинъ. Я, собственной своей персоной.

Дурноумовъ. Скажите, дадутъ намъ обѣдать?

Козинъ. Я думаю.

Дурноумовъ. Вы скажите правду. Не выкинули ли вы какого нибудь колѣнца и здѣсь, какъ у Лавровыхъ?

Козинъ. Нѣтъ, нѣтъ, господа! Я самъ ѣсть хочу! Тогда другое дѣло, я отлично пообѣдалъ у Сомова и могъ проказничать.

— Дурноумовъ. Ну, это было по крайней мѣрѣ утѣшительно.

Козинъ. А вотъ, господа, Жученко скоро будетъ давать обѣды.

ГОЛОСА:

— По какому случаю!

— Не можетъ быть!

— Онъ и самъ-то врядъ ли обѣдаетъ!

— Ну ужъ этого не дожидаться до втораго пришествія!

Козинъ. Безъ шутокъ!

Роговъ. Что это съ нимъ случилось?

Козинъ. А видите, когда онъ ѣхалъ на выборы, такъ чтобы не прожиться, онъ взялъ съ собой разной провизіи изъ деревни и кормился ею. Теперь у него еще осталось много, а потому онъ хочетъ кутнуть, угостить всѣхъ. Ему отпустили солонины, двухъ жареныхъ гусей, жареныхъ куръ и пироговъ. Все это протухло, воплеть страшно, а онъ ѣсть да похваливаетъ! Теперь видать, что домой не довести, сгниютъ, ну и хочетъ просить васъ всѣхъ доѣдать!

Дурноумовъ. Пусть кушаетъ самъ.

(*) Истинное прошествіе.

ГОЛОСА:

— А я думалъ въ самомъ дѣлѣ!

— Я удивился!

— Ну развѣ можетъ это быть!

Роговъ. А сегодня были жаркіе выборы!

Дурноумовъ. Да!

Молодой человекъ въ очкахъ. А каковъ Розоновъ? Вотъ сочинилъ—то штуку! Хоть бы не ему!

Роговъ. Да, выкинулъ полѣще!

Дурноумовъ. Вѣдь экая бестія!

Покровский. Подлецъ ужасный!

Порхавкинъ. Вотъ онъ всегда такъ!

Молодой человекъ въ очкахъ. А какъ за него стоялъ Журавлевъ!

Назарьевъ. Да, онъ успѣлъ снискать расположеніе Ивана Сергѣича!

Господинъ съ бородавкой. Это, господа, что! Все это суета суетъ! Теперь главное—освобожденіе крестьянъ. И что имъ это вздумалось! Вѣдь это чистое непониманіе дѣла! Какая это зависимость? Какое рабство? Вѣдь это союзъ! Вѣдь помѣщики были все равно, что отцы, а крестьяне все равно, что дѣти!

Козинъ. Разумѣется! Я съ вами вполне согласенъ! Только наши мужики не понимаютъ идиллій, знаете, необразованы, грубый народъ! Они никакъ не могли понять, что вы ихъ драли какъ дѣтей отцы, что они сидѣли на діетѣ для здоровья, работали постоянно для васъ, для развитія силъ и тѣлодвиженія, и не получали за это ничего, а жили нищими, потому только, что вы не хотѣли, чтобы роскошь развратила ихъ нравы!

Господинъ съ бородавкой. Вы все шутите!

Козинъ. Нѣтъ, не шутя! Особенно Жученко и Мѣшковскій пресердобольные родители.

(Козелковъ подходитъ къ нимъ).

Господинъ съ бородавкой. Ну что, Николай Ивановичъ?

Козелковъ. Ничего—съ! ги, ги, ги! все по старому!

Господинъ съ бородавкой. Господинъ предводитель!

Козелковъ (Козину). Я написалъ проэктъ!

Козинъ. Ну, такъ читайте!

Козелковъ. Теперь?

Козинъ. Ну да!

Козелковъ. Какъ же это?

Т. LXXXXI. Отд. I.

Козинъ. Я вамъ это сейчасъ устрою! Господа, господа! послушайте! Почтеннѣйшій Николай Ивановичъ написалъ проэктъ!

ГОЛОСА:

- Какой проэктъ?
- О чемъ?
- Что такое?

Козельковъ. Господа, я написалъ проэктъ объ освобожденіи крестьянъ!

ГОЛОСА:

- Читайте!
- Прочтите, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ!
- Мы слушаемъ!
- Это любопытно!
- Вотъ должно быть письмо!

ПРОЭКТЪ (*).

Между тѣмъ я въ душѣ убежденъ что крѣстьянинъ конечно гнѣвливъ иногда праздный, почти всегда нищій все человѣкъ, имеетъ право на жизнь и сочувствіе, и заслуживаетъ лучшей участи той которой теперъ находится но; такъ же всѣму свѣту извѣстно, что Русское Дворянство всегда Вѣрою и Правдою служило Царю и Отечеству. Я не смѣю утруждать Господъ Члѣновъ Комитета Исторіи Правъ Дворянства грамотой Императрицы Екатерины II 21 Апреля 1785 года торжественное повѣреніе О не нарушимости правъ Дворянства 26 Апрѣля 1816 года и томъ Свода законовъ Россійской Имперіи достаточно, что бы удержать Господъ Дворянъ отъ пожертвованія чужой собственности Подавая этотъ проэктъ (**), которымъ, протестую противъ нарушимости правъ собственности, между тѣмъ сочувствуя этой реформѣ, я считаю возможнымъ уволить моихъ крестьянъ на волю, надѣливъ земли по шести дѣсятинъ на тегло и вознагражденіи 250 руб. сер. за каждую душу, положенной за мной десятой ревизіи, считая въ это число дворовыхъ людей.

(*) Этотъ проэктъ былъ представленъ въ губернской комитетъ по крестьянскому дѣлу. Сохраняемъ знаки препинанія и правописаніе подлинника.

(**) Въ подлинникѣ здѣсь слѣдуетъ: «въ —скій губернский комитетъ объ улучшеніи быта крестьянъ которымъ» и т. д.

Деньги должны быть уплачены правительствомъ которые взы-
 щеть съ крестьянъ слѣдуемая за нихъ свободу деньги. Сему по-
 мѣщику и землевладѣльцу. Крестьяне, слишкомъ долго были,
 подъ властію Дворянства чтобы питать къ нѣму благопріятныя
 чувства и при первомъ удобномъ случаи готовы на все. По край-
 нѣй мерѣ хотя поэтому будетъ обеспечена жизнь будущаго мо-
 ему поколѣнію которое не упрекаетъ, меня въ томъ что Его оста-
 вилъ безъ средствъ къ жизни и воспитанію. На подлинномъ Гу-
 бернскій Секретарь Николай Ивановъ Козелковъ руку приложилъ.

Козинъ. Bravo! О, да вы великій человекъ!

Молодой человекъ въ очкахъ. Ума палата!

Роговъ. Молодецъ, Николай Ивановичъ!

ГОЛОСА:

— Bravo, bravo! Ха, ха, ха!

— Отлично! Чуть страшная!

— Эка напороль!

— Ну, проэктъ!

— Вотъ башка-то!

Козинъ. Вотъ не даромъ губернаторъ поклонился вчера съ
 особеннымъ почтеніемъ!

Человекъ. Кушать готово!

Козелковъ. Прошу покорно, господа!

Роговъ. Дѣльно!

ГОЛОСА:

— Вотъ это проэктъ!

— Это лучше всѣхъ проэктовъ!

— Это лучше всего!

— Это хорошо!

Молодой человекъ въ очкахъ (Рогову). Посмотри-ка: чи-
 жички-то, — сердцу сладительные, точно невѣсты стоятъ цѣлому-
 аренныя!

Роговъ. А вотъ мы ихъ попробуемъ. Ты подливай мнѣ, а я
 тебѣ.

Молодой человекъ въ очкахъ. Я за такими красоточками
 готовъ приударить.

Роговъ. А мнѣ надобно опохмѣдиться; послѣ вчерашняго въ
 головѣ того....

Молодой человекъ въ очкахъ. Ошалѣла Магдалина, что
 за Юду пошла!

(Подаютъ водку. Присутствующіе пьютъ, закусываютъ и
 садятся за столъ).

СЦЕНА III.

Внутренность провинціального театра, зала освѣщена небольшою люстрой, которая даетъ столько же копоти, сколько и свѣта. Ложки оклеены бумажками, на завѣсъ нарисованы какія-то колонны, за которыми протанутъ завѣсъ съ золотомъ, обшитый горностаевыми шѣлками, одного цвѣта съ колоннами. Нѣсколько человѣкъ растрепанныхъ, но бритыхъ музыкантовъ копошится въ грязной загородкѣ, изъ-за которой вѣсится вестройный звукъ настраиваемыхъ инструментовъ и запахъ воды и луку. Въ ложахъ сидятъ преимущественно помѣщики, въ томъ числѣ въ бенуарѣ Розовы. Въ креслахъ кавалеры лорнируютъ дамъ и разговариваютъ. Раекъ выхититъ отъ тѣсноты и жара. Куклакиринъ и князь Задяпинъ стоятъ прислонившись задомъ къ загородкѣ музыкантовъ.

Князь (зѣваетъ). Какая тоска!—Смерть!

Куклакиринъ. Да, скучно!

Князь. Тебѣ, mon cher, что!... Ты здѣсь родился, выросъ и жилъ постоянно. Ты n'as pas vu другой жизни, другого свѣта, другихъ людей!

Куклакиринъ. Я непременно собираюсь въ Москву съѣздить.

Князь. Въ Москву?

Куклакиринъ. Да.

Князь. Это за чѣмъ?

Куклакиринъ. Какъ же!... Посмотрѣть людей! Свѣтъ!

Князь. Ну, не стовтъ труда!

Куклакиринъ. Отчего же?

Князь. Фи! Помилуй! Развѣ въ Москвѣ свѣтъ! Кто это въ бель-этажѣ?

Куклакиринъ. Гдѣ?

Князь. Вотъ третья ложа отъ губернаторской.

Куклакиринъ. А-а-а! Это мадамъ Селянова!

Князь. Elle est très gentille!

Куклакиринъ. Oui!

Князь. Я не думалъ, чтобъ здѣсь были такія лица!

Куклакиринъ. У насъ много хорошенькихъ!

Князь. Да! Пожалуй! Но все это лица обыкновенныя, деревенскія, русскія.

Куклакиринъ. Да, это правда!

Князь. А вѣдъ это европейское лицо! О чемъ мы говорили-то!

Куклакиринъ. Когда?

Князь. Да! вы собираетесь въ Москву! Развѣ, *mon cher*, Мѣсква городъ европейскій? Это Азія, татарщина! Еще Петербургъ—такъ сякъ, полугерманскій городъ! Но если бы вы были за границей! — Вотъ гдѣ образованность, вотъ гдѣ свѣтъ, вотъ гдѣ люди.

Кукакиринъ. Ну ужь, я думаю!

Князь. Вы бы тогда сказали, что здѣсь варварство! Здѣсь живутъ канибалы! Я какъ сюда пріѣхалъ, то все боялся, чтобы меня не съѣли! *Ma parole!* Посмотрите, вотъ собралась лучшая публика! Вѣдь это людоѣды, готтентоты!

Кукакиринъ. Это правда.

Князь. Ахъ! за границей, что за общество! Что за жизнь! Что за нравы!

Кукакиринъ. Еще бы за границей! Особенно, я думаю, въ Парижѣ!

Князь. Въ Парижѣ? — Да; но главное Лондонъ — вотъ городъ! Англія — вотъ страна! Я теперь убѣжденъ, что разговаривать можно только въ Парижѣ; а жить, — понимаете ли: жить! — можно только въ Лондонѣ. Повѣрьте, что мы тогда только будемъ счастливы, когда всю жизнь нашу устроимъ по англійски, — примежъ англійскіе обычаи, нравы, костюмы — словомъ, сдѣлаемъ совершенными англичанами. Безъ Англіи намъ нѣтъ спасенья! И, знаете, какъ странно: находятся люди, кажется, довольно образованные, которые толкуютъ о самобытности! Вѣдь это совершенная дичь. Къ чему развивать наши силы, самобытность? Вѣдь это лишнее. И какая тамъ самобытность: квась, лукъ, капуста, щи! И что еще выйдетъ изъ этого развитія? — Богъ знаетъ! Развѣ мы выдумаемъ что нибудь порядочное! Наконецъ къ чему выдумывать, когда уже есть прекрасное устройство и намъ остается только ввести его: образовать жизнь на манеръ Англіи и дѣло съ концемъ! *Ne c'est pas?*

Кукакиринъ. Да разумѣется.

Князь. Я всячески проповѣдую это! Меня зовутъ англоманомъ — и я горжусь этимъ. Теперь я завожу у себя совершенно англійскую жизнь, крестьянъ устроиваю по англійски и посмотрите, какъ они будутъ счастливы, когда англійскіе нравы и англійская жизнь привьется къ нимъ. Теперь они не понимаютъ, противятся, но у меня славный управляющій и я надѣюсь, что онъ скоро ихъ сдѣлаетъ совершенными англичанами. Я, знаете, далъ ему полную свободу и требую одного, чтобъ онъ ихъ поставилъ

на такую ногу, чтобы я каждому изъ нихъ безъ отвращенія могъ подать руку, какъ англійскому фермеру. Они пришли было ко мнѣ жаловаться, что онѣ ихъ разоряетъ, я ихъ прогналъ — и съ тѣхъ поръ пошло лучше. Ахъ, теперь у меня дѣла обращены въ парки! я завелъ грумовъ, жокеевъ!

Кукакиринъ. Это прекрасно!

Князь. Пора же начать новый порядокъ.

Кукакиринъ. А сегодня славная пьеска идетъ.

Князь. Ну, ужъ! Помилуйте! развѣ можно на нашемъ тригальномъ нарѣчїи выразить что нибудь, создать такое.... знаете! Наконецъ, что это за актеры! Что за труппа!

Кукакиринъ. Нѣтъ, знаете, труппа — ничего!

Князь. Ихъ всѣхъ бы заставить дрова таскать, а не играть. Это пародїя, уродство! И что за театръ—курятникъ!

(Роговъ и Дурноумовъ.)

Роговъ. А, знаете, Михайлова очень недурна!

Дурноумовъ. Да, славная, канашка!

Роговъ. Особенно глазки... и играетъ съ такимъ жаромъ!— Должно быть, горячая женщина!

Дурноумовъ. Представляетъ прекрасно!.. И голосокъ славный—поетъ хорошо!.. Съ кѣмъ это вы кланялись?

Роговъ. Когда? сейчасъ?

Дурноумовъ. Да.

Роговъ. Это князь Зацѣпинъ, недавно прїѣхалъ изъ-за границы и все устроиваетъ у себя по-англійски.

Дурноумовъ. А! это тотъ, про котораго говорилъ Козинъ, что прививаетъ къ мужикамъ англійскую жизнь!

Розонова (въ своей ложѣ). Липочка! Катенька! посмотрите, посмотрите! Это, кажется, онъ!

Липочка. Кто?

Розонова. Тотъ молодой человекъ, у котораго мы торговали шалемъ!

Липочка. Гдѣ онъ?

Розонова (указывая на прикащика изъ магазина Полуграблева. Прикащикъ этотъ, раздуренный, расплаженный до того, что съ головы чуть не падаетъ само, сидитъ отъ ихъ ложи черезъ одне кресло, въ партеръ. Въ это время онъ съ важностію лордируетъ дамъ). Вотъ, вотъ стоитъ... въ трубку-то смотреть.

Липочка. Кажется, онъ.

РОЗОНОВА (перезѣхивается через барьеръ ложи и громко кричитъ) (*).
Почтеннѣйшій! почтеннѣйшій! послушайте!

(Всѣ оборачиваются къ ней ложѣ).

Липочка. Что вы, маменька, помилуйте!

КАТЕНЬКА. Ахъ, маменька, перестаньте, ради Бога!

РОЗОНОВА. Что жь тутъ такого? Вѣдь еще представлять не начинали! (Кричитъ прикащику) Послушайте, послушайте, почтеннѣйшій! Я вамъ, вамъ говорю! Хотите за тѣ шали, что, помните, мы торговали—восемьдесятъ рублей? Восемьдесятъ рублей! — ни гроша больше!... Отдавайте, почтеннѣйшій!

(Прикащикъ смотритъ на нее злобно).

РОЗОНОВА. Восемьдесятъ рублей! Отдавайте, пожалуйста! Посмотрите какъ имъ, Липочкѣ и Катенькѣ, хочется имѣть шали! Въ у всѣхъ есть шали, у нихъ только нѣтъ!... Отдавайте, почтеннѣйшій! Восемьдесятъ рублей! Восемьдесятъ рублей! ни гроша больше!... Знаю что передала! Много передала! Ну, ужъ нечего дѣлать! Восемьдесятъ рублей!

(Прикащикъ быстро исчезаетъ изъ театра).

РОЗОНОВА. Вѣдь ишь ушелъ, ушелъ! и говорить не хочетъ. Развѣ это мало, господа,—за двѣ шали восемьдесятъ рублей!

ГОЛОСА ВЪ ПАРТЕРѢ:

- Браво, браво!
- Фора, фора!
- Бисъ, бисъ!
- Славно!
- Отлично!
- Фора, фора!
- Не надо и комедію!
- Браво, браво, браво!
- Брависсимо!

ГОЛОСА ИЗЪ РАЯ:

- Брва, брва!
- Хвора, хвора!
- Ату его, ату его!
- Наяривай, ребята, наяривай!
- Важно, важно! Эхъ, малина!

(*) Да не обвинять насъ читатели въ невозможности слѣдующей сцены. Спѣшить увѣрять, что это негѣнце выкинула одна изъ дамъ нашей губерніи въ московскомъ театрѣ. Буквально передаю сцену, какъ она была.

- Кому тамъ ребра ломаютъ!
- Подъ микитки его! Хорошенько!
- По сусаламъ-то, по сусаламъ! Не зъвай!
- Эхъ, носки вмѣстѣ, пятки врозь, — знай наяривай, небось!
- Кузька! глядись, что тамъ?
- Звать комедь начали!
- Не напирайте такъ!

Пронзительный женскій голосъ въ раю. Ахъ, батюшки мои! раздавили совсѣмъ!... Тише, невѣжи! необразованные! мужичье!

ГОЛОСА ВЪ РАЮ:

- Ха, ха, ха!
- Ишь ты, дворянка!
- Королевна!
- Барыня!
- Притисни ее!
- Пронзительный женскій голосъ изъ рая. Тише ты, обломина, мужикъ, дуракъ этакій, — ты знай, съ кѣмъ игнешь дѣло!

Синый голосъ. Не извольте гнѣваться! Мы такіе же деньги заплатили!

ГОЛОСА ВЪ РАЮ:

- Орѣшковъ не прикажете ли?
- Не гнѣвайтесь, барышня!
- Не кричите такъ, — осипните!
- Хорошенько!

Пронзительный женскій голосъ въ раю. Отстаньте! Говорятъ—не налегайся!.. Еще не заслужилъ, чтобъ я орѣхи твои ѣла! Больно востеръ!... Ай, подлець! что ты меня?... Ей-богу барынѣ скажу! Вонъ она сидитъ!

ГОЛОСА ВЪ РАЮ:

- Ау! у лю, лю, лю!
- Эй, голова! щи упустилъ, щи упустилъ!
- Заткни перстомъ! Перстомъ-то заткни!
- Ермохъ, а Ермохъ?
- Что же? коего чорта, лѣшій, глотку дерешь?
- А вѣдь важно!
- Поднимай гардину!
- Разлюли малина!

Полиціймейстеръ (входитъ въ пресла). Это что за шумъ? Ломовъ, усмирить у меня праведниковъ!

Домовъ. Слушаю-съ!

Полиціймейстеръ. Какъ тебѣ не стыдно допускать такой безпорядокъ!

Домовъ (квартальному). Подхалимовъ! вели городовымъ унять этихъ каналій, — лупить ихъ по головамъ безъ разбора!

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

(черезъ недѣлю).

СЦЕНА I.

(Комната въ квартирѣ Розоновыхъ та же самая, которая въ первой сценѣ перваго дня).

Александра Герасимовна передъ зеркаломъ чешетъ голову, Линочка что-то шьетъ, Катенька раскладываетъ карты. Дѣвицы причесаны, но не совсѣмъ еще одѣты.

Розонова. Катенька! Ты бы мнѣ въ головѣ поискала.

Катенька. Что тамъ завелось?

Розонова. Ничего! А я смерть люблю, когда въ головѣ вьщутъ.

Катенька. Ну присядьте на диванъ, да поманите голову ко мнѣ на колѣни!

(Розонова ложится на диванъ, Катенька перебираетъ у нея въ головѣ).

Розонова. Ну что, я правду говорила, что молитесь только Богу, чтобы отецъ остался на мѣстѣ, а то ужъ все устроится!

Катенька. Правду!

Розонова. Вотъ, слава Богу, Царю Небесному, Заступницѣ милосердой! Всѣ дѣла обдѣлались! Богъ услышалъ мои молитвы! Вотъ ужъ правда-то, что сиротскія слезы не пропадутъ даромъ!

Линочка. Я обѣщалась, если все кончится хорошо, поститься цѣлый годъ по пятницамъ!

Катенька. А я дала обѣщаніе пѣшкомъ сходить въ Краснобережскую пустынь, и отслужить тамъ молебень Высшайю погнбшихъ!

Розонова. Ну вотъ видите, наши молитвы и услышаны, отецъ вадъ исправникомъ, а вы обѣ невѣсты!

Линочка. Гдѣ это папа?

Розонова. Мало у него дѣла! Послѣ праздникоу свадьбу, а мы завтра уѣздаемъ; я думаю, надобно все передѣлать!

Липочка. Только пожалуйста, маменька, въ Москвѣ покуцать, а не адѣсь!

Розонова. Мы такъ и говорили съ отцомъ!

Катенька. Только вы, маменька, не скупитесь, сдѣлайте хорошее приданое, а то вы дадите срамное какое нибудь!

Розонова. Вѣдь читали реэстръ! Сами составляли!

Катенька. Да чтобъ вещи-то были хорошія! Особенно мнѣ. А то Липочкѣ хорошо: ей ужъ женихъ подарилъ цѣлковыхъ на полтораста!

Розонова. Ты бы своему намекнула!

Катенька. Я ему не только намекала, да и вещи показываю! Не понимаетъ мой нѣмчура! хвалить только, точно не понимаетъ въ чемъ дѣло!

Липочка. Вотъ что значить выходить за сапожника!

Катенька. Ну ужъ ты, офицерша!

Липочка. Еще бы! Толи дѣло офицеръ! Видно, что ужъ челоуѣкъ благородный, дѣльный, ну и въ поступкахъ и въ словахъ такой!

Матрена (вбѣгаетъ въ помылахъ). Женихъ, женихъ пріѣхалъ!

Липочка. Чей? Мой?

Катенька. Мой?

Матрена. Барышни Лимпіады Григорьевны!

Липочка. Ай, Боже мой! а мы не одѣты, ай, ай!

(Убѣгаютъ).

(Киндзевъ входитъ, охорашивается передъ зеркаломъ, поправляетъ волосы, закручиваетъ усы, смачивая пальцы слюнями; вытягиваетъ галстухъ. Потомъ проходитъ два раза взадъ и впередъ изъ угла въ уголъ, насвистывая что-то. Останавливается передъ картиною, изображающею Павла съ выпученными глазами и Вергинію съ кривымъ носомъ. Посмотрѣвши съ минуту на картину и въ особенности на раму, краснаго дерева съ бронзовымъ ободкомъ, продолжаетъ ходить и говорить самъ съ собою).

Киндзевъ. Чортъ возьми! славное дѣло!... а вдругъ неудастся!... Впрочемъ, отчего же не удастся! должно удасться!... Теперь я задолжалъ на подарки невѣстѣ, подъ залогъ невѣсты же и свадьбы, дѣсти рублей!... Ну, что жь! Самый худшій исходъ дѣла, что я долженъ буду жениться! Не хотѣлось бы на такомъ уродѣ! Вѣдь этакій грѣхъ смертный! Всѣ внутренности воротить, какъ

на нее взглянешь! А туда же думаетъ, что она можетъ править-ся. Если я на ней женюсь, я ей каждый день буду задавать трёпку, авось она чурится! Разумѣется, сперва надобно номинально и перевести все на свое имя! Чортъ возьми, однакоже, — жениться на такой саташѣ! — Слуга покорный! — На си беть! Надобно, чтобы удалось! — Мысль славная, вдохновеніе простое! Получить шестигодовое жалованье за разѣ! Правда, что же со всѣмъ-то благородно, да что дѣлать — обстоятельства! Говорятъ, самъ Розоновъ страшнѣйшій подлець, а съ подлецами чиниться нечего!... Отличная карта! Безиронгршыная! Чортъ возьми, что лучше въ самомъ дѣлѣ: жениться ли на чортѣ и ваять пятнадцать тысячъ и полтора ста душъ, или ни за что, ни прочто положить дѣвѣ тысячи въ карманъ. Последнее мнѣ больше по вкусу, аппетитнѣе!... Подорожная въ карманѣ, сегодня же уначу! а тамъ поминай, какъ звали!... Дескать, знать не знаю и вѣдать не вѣдаю, не думалъ, не воображалъ.... Кто это идетъ? Моя нареченная! Фу какая мерзость!

(Липочка входитъ, разряженная и разлушенная)

Киндзевъ (подбѣгаетъ къ ней). Олимпиада Григорьевна! Позвольте вашу ручку!

Липочка (кокетничая). Хотя обѣ!

(Киндзевъ цалуетъ обѣ руки ея; она цалуетъ его въ лобъ).

Киндзевъ. Какъ ваше здоровье?

Липочка. Благодарю васъ! Садитесь, пожалуйста!

Киндзевъ. Покорно васъ благодарю!

Липочка. Какова сегодня погода?

Киндзевъ. Кажется, холодно!

Липочка. Только кажется?

Киндзевъ. Я говорю кажется, потому что не знаю навѣрное.

Липочка. Какъ не знаете?

Киндзевъ. Я возлѣ васъ.

Липочка. Ну такъ что же?

Киндзевъ. А то, что мнѣ тепло, жарко!

Липочка. Вотъ что!

Киндзевъ. Вѣдь вы мое солнышко! — Да?

Липочка. Нѣтъ!

Киндзевъ. Нѣтъ, солнышко! — Да? — скажите да!

Липочка. Нѣтъ!

Киндзевъ. Постойте-ка, дайте вашу ручку!

Липочка. Извольте обѣ.

Киндзевъ (нѣсколько разъ цалуетъ ея руки). Ну что? солнышко вы мое? — Да?

Липочка. Нѣтъ, нѣтъ!

Киндзевъ. А-а! (опять цалуетъ ея руки). Солнышко вы мое?

Липочка. Нѣтъ! (подавая визитище) Вотъ вы его не поцаловали!

Киндзевъ. Малюточку! Вотъ его за это пять разъ! (Цалуетъ). Ну теперь солнышко вы мое?

Липочка. Солнышко!

Киндзевъ. Наконецъ-то! Ахъ, если бы вы могли любить меня въ десятую долю противъ того, какъ я люблю васъ! Я былъ бы совершенно счастливъ!

Липочка. Я люблю васъ больше, чѣмъ вы меня!

Киндзевъ. Нѣтъ, Олимпиада Григорьевна! У меня вотъ все сердце переболѣло!

Липочка. А я развѣ не люблю васъ!

Киндзевъ. И намъ надобно разстаться!

Липочка. Вѣдь вы говорите не надолго?

Киндзевъ. Какъ только устрою дѣла, получу позволеніе, сейчасъ же прилечу къ вамъ! Сердце мое будетъ служить мнѣ парусомъ, а любовь попутнымъ вѣтромъ!

Липочка. Можеть быть это долго будетъ!

Киндзевъ. Нѣтъ, недѣли двѣ! Но и это ужасно!

Липочка. Вы меня забудете!

Киндзевъ. Такая любовь не забывается!

Липочка. Будто вы меня любите?

Киндзевъ. За сомнѣніе, въ наказаніе, ручку!

Липочка. Извольте!

(Киндзевъ цалуетъ ея руки, входитъ Розоновъ).

Розоновъ. Два голубка! Вы ее избалуете, Максимъ Трифо-нычъ!

Киндзевъ. Мое почтеніе, папаша! (Цалуетъ у Розонова руку, потомъ цалуетъ его въ губы).

Розоновъ. Здравствуйте! Здравствуй, Липа!

Липочка. Здравствуйте, папа!

Розоновъ. Садитесь, Максимъ Трифонычъ!

Липочка. Да! Максимъ Трифонычъ уѣзжаетъ!

Розоновъ. Нельзя же, когда надобно!

Киндзевъ. Человѣкъ служащій!

Розоновъ. Вы когда же къ намъ навѣрнетъ?

Киндзевъ. Къ Крещеню непремѣнно!

Розоновъ. Васъ ничто не задержитъ?

Киндзевъ. Ничто! Рапортъ ужъ я послалъ.

Липочка. Смотрите же, къ Крещеню.

Киндзевъ. Вотъ вы будете гадать накануне Крещеня, бросите башибачокъ и попадете прямо ко мнѣ въ сани!

Липочка. Я буду осторожниѣ бросать, чтобы не ушибить васъ!

Розоновъ. Вы прямо въ Москву?

Киндзевъ. Да-съ!

Розоновъ. У насъ есть къ вамъ просьба!

Киндзевъ. Какая? Приказывайте! распорядитесь мною!

Розоновъ. Это дѣло касается и васъ!

Киндзевъ. Всякое дѣло ваше близко моему сердцу!

Розоновъ. Благодарю васъ! Я вижу ваше родственное расположение!

Киндзевъ. Помилуйте, папа! (целуетъ его руку).

Розоновъ. Полноте, Максимъ Трифоновъ!

Киндзевъ. Я такъ люблю Олимпиаду Григорьевну, что и васъ люблю и уважаю, ей-богу, больше своихъ собственныхъ родителей!

Розоновъ (целуетъ его). Благодаримъ васъ! Мы это видимъ, понимаемъ и цѣнимъ!

Киндзевъ. Что же вамъ угодно приказатъ?

Розоновъ. Вы были такъ добры, что вызвались исполнить наши комиссиі въ Москвѣ и совѣтовали купить тамъ все приданое. Вы совершенно правы! Здѣсь все дорого, а порядочнаго ничего не найдешь!

Киндзевъ. Помилуйте, что здѣсь! Въ Москвѣ все лучше и дешевле!

Розоновъ. А потому мы будемъ просить васъ принять на себя трудъ купить по реэстру, какъ Липочкѣ, такъ ужъ и Катенькѣ. Сдѣлайте такое одолженіе. Извините, что утруждаемъ васъ!

Киндзевъ (целуетъ у него руку). Помилуйте, папа! Что это вы! Что за церемонія между родными! Мнѣ очень приятно!

Розоновъ. Мы составили реэстры.

Киндзевъ. И прекрасно!

Розоновъ. Каждой тысячи на полторы!

Киндзевъ. Тамъ на эти деньги много можно сдѣлать!

Розоновъ. Если останутся деньги, прибавьте еще чего нибудь.

Киндзевъ. А именно?

Розоновъ. Это отъ васъ зависитъ! Мы полагаемся на васъ, на вашу вкусъ!

Киндзевъ. Очень хорошо! Теперь я съ вами хотѣлъ поговорить!

Розоновъ. Что прикажете?

Киндзевъ. Вы знаете, я человѣкъ небогатый.

Розоновъ (смотря въ уголь). Да-съ!

Киндзевъ. У меня, конечно, есть пустяки... тамъ тысячь десять!

Розоновъ. Этого, слава Богу, довольно! Съ Липинымъ приданнымъ это составитъ славное состоянiе!

Киндзевъ. Знаете, я не хотѣлъ бы трогать состоянiя Олимпиады Григорьевны! Оно для меня неприкосновенно! Я бы, по своей любви къ нимъ, хотѣлъ, чтобы онѣ жили на мое состоянiе! Я хотѣлъ бы окружить ихъ всеми удобствами на свой собственный счетъ, собственно отъ себя! Но десять тысячь не вѣчны!

Розоновъ (смотря ему въ глаза). Разумѣется!

Киндзевъ. Я хотѣлъ бы посоветоваться съ вами, какъ бы пристроить эти деньги.

Розоновъ. Объ этомъ, знаете, надобно подумать!

Киндзевъ. Вотъ видите, какой представляется случай: у моего двоюроднаго брата есть прекрасное подмосковное имѣнiе.

Розоновъ. Да!

Киндзевъ. На самой Москвѣ-рѣкѣ, сто двадцать душъ, прекрасная усадьба, довольно много земли, роща для гулянья, три прекрасныхъ дачи, которыя онъ отдаетъ каждое лѣто въ наемъ и еще небольшая ситцевая фабрика.

Розоновъ. Такъ-съ!

Киндзевъ. Теперь это имѣнiе братъ продаетъ за двѣдцать тысячь рублей. Знаете, онъ кутила страшнѣйшій, проигрался, пропился, промотался, ну такъ деньги ему и нужны. Кредиторы его за горло схватили. А онъ такой хорошій родной, дай Богъ ему здоровья, пишетъ ко мнѣ, лучше, говоритъ, продать своему родному, нежаль чужимъ! Мнѣ, говоритъ, прiятно будетъ, если ты купишь, по крайней мѣрѣ имѣнiе изъ нашего рода

не шло! Такъ какъ вы думаете, папа, не купитъ ли этого имѣнія?

Розоновъ. Если оно дѣйствительно такъ хорошо, какъ вы говорите!

Киндѣевъ. Помилуйте, папа, къ чему же мнѣ говорить неправду! Вѣдь это все равно, что себя обманывать самого! Я прошу вашего совѣта.

Розоновъ. Зажожено?

Киндѣевъ. Да, въ опекуновомъ совѣтѣ, теперь осталось на семь, кажется, тысячи три или четыре.

Розоновъ. Можетъ быть много частныхъ долговъ?

Киндѣевъ. На этомъ имѣнии нѣтъ! У него вѣдь еще есть имѣнія! Я, знаете, думаю внести ему сперва десять тысячъ, потомъ достать гдѣ нибудь двѣ съ половиною тысячи, и дѣло кончено.

Розоновъ. Да вотъ получите за Липой!

Киндѣевъ. И прекрасно! Только я ужъ и имѣніе куплю на имя Олимпіады Григорьевны.

Розоновъ. Покорно васъ благодарю! Липа, благодари же! Липочка. Премного благодарна вамъ!

Киндѣевъ. Помилуйте, за что же! Не только все мое—ваше, я самъ — вашъ!

Липочка. Вѣдь и я же ваша!

Киндѣевъ. Ручку! Мерси!

Липочка. Это въ награду?

Киндѣевъ. Да.

Липочка. И въ награду, и въ наказанье—одно и то же!

Киндѣевъ. Все равно! (Цалуетъ ея руки). Такъ вы совѣтуете, папа?

Розоновъ. Разумѣется! Только мнѣ кажется, что-то слишкомъ дешево!

Киндѣевъ. Ему деньги нужны. Хуже, если стануть описывать, да продавать съ аукціона.

Розоновъ. Нѣтъ ли тутъ чего?

Киндѣевъ. Помилуйте! Я знаю его хорошо. Онъ шлопай, вѣтрогошъ, мотъ,—но человекъ честный.

Розоновъ. Ну, такъ чего лучше!

Киндѣевъ. Внесу ему десять тысячъ, а остальные подождать!

Розоновъ. Разумѣется. Можно и меньше дать!

Киндзевъ. Нѣтъ, ему непремѣнно надобно десять тысячъ!
Розоновъ. Вы, смотрите же, совершите крѣпость.

Киндзевъ. Я знаю.... Только надобно торопиться, а то, пожалуй, продасть!

Розоновъ. То-то и есть! Прямо поѣжайте къ нему!

Киндзевъ. Я такъ и хочу!

Розоновъ. Давно онъ къ вамъ писалъ?

Киндзевъ. Я получилъ письмо вчера. Пишетъ, что деньги нужны до зарѣзу!

Розоновъ. И прекрасно, не упускайте случая! Въ жизни всегда надобно пользоваться случаемъ; въ этомъ, повѣрьте, заключается вся человѣческая мудрость, умѣнье жить, искусство, чтобы было хорошо на свѣтѣ. Хватайтесь за все, и выйдете въ гору; а будете церемониться, да раздумывать—пропало все! просто хоть не живите на свѣтѣ! Бѣда быть слишкомъ щекотливому и разборчивому—чистое бѣдствіе! По моему, надобно держаться правила прежде всего позаботиться о себѣ, а потомъ ужъ о другихъ. Повѣрьте, что на свѣтѣ хорошо жить только тому, у кого карманъ полонъ, ну, да если притомъ онъ выбрался на видное мѣстечко... Состояніе—вотъ главное въ жизни, а остальное все второстепенное и легко пріобрѣтается при состояніи. За деньги все покупается, все получается. Уваженіе и почетъ въ свѣтѣ все деньгамъ!

Киндзевъ. Это справедливо!

Розоновъ. Жить безъ денегъ—совершенное наказаніе. Нѣтъ въ мірѣ хуже казни, какъ бѣдность! Съ состояніемъ все шибко по-чемъ,—не жизнь, а наслажденіе! Все есть, всякое желаніе исполняется! Отъ всѣхъ почетъ и уваженіе!... Такъ чего тутъ щепетильничать; надобно не пренебрегать никакими средствами въ пріобрѣтенію состоянія. Будьте вы идеально честны, вамъ никто спасибо не скажетъ, никто не поблагодаритъ, никто не позоветъ, не скажетъ, если у тебя нечего ѣсть, потому что ты былъ до глупости честенъ,—вотъ тебѣ за то, возьми, ѣшь, пей и живи порядочно!

Киндзевъ. Разумѣется!

Розоновъ. Такая штука хороша на словахъ, а на дѣлѣ глупость! А какъ будете пользоваться всякимъ случаемъ, право, лучше! И жить лучше, и уважать будутъ больше! Экая штука, что какойнибудь фанфаронъ скажетъ: «такой-то нечестивый человѣкъ!» Да я целавазъ хочу на его аттестацію! Мнѣ съ нимъ не

двой прости!... У меня въ кармацѣ можно, я и живу себя при-
пѣваючи!... Знать ничего не хочу, да еще другому помощи.

Киндѣевъ. Я съ вами совершенно согласенъ!

Розоновъ. Нынче только тотъ и можетъ жить на свѣтъ, у
кого есть средства, а безъ состоянія, хоть кто будь, пропадетъ
ни за что! Не упускайте этого случая, мой вамъ совѣтъ; послѣ
спасибо скажете!

Киндѣевъ. Какъ можно! помилуйте!

Розоновъ. Мало ли живеть съ совѣщаньемъ, что онъ идеально
честенъ, да чортъ ли въ этомъ сознаніи! Лишняя мука, да го-
лодь, да лишенія. Лучше ѣздить, чѣмъ ходить пѣшкомъ, лучше
помочь другому, нежели самому просить помощи! Мало ли чест-
ныхъ—до вочестванья изъ-за куска хлѣба кланяются.

Киндѣевъ. Что дѣлать-съ!

Розоновъ. Разумѣется, быть подлецомъ сиверно. Это край-
ности! А пользоваться случаемъ—это благоразуміе. Экая штука,
что я поклонюсь какомунибудь Журавлеву, прислужусь ему.
Чортъ его возьми, если онъ, подлецъ, любить это! Вѣдь голова
не отвалится, а смотришь—польза! Во всемъ выигрышь!

Киндѣевъ. Разумѣется!

Розоновъ. Только вотъ въ чемъ дѣло... Какъ намъ это сла-
дить?

Киндѣевъ. Что это?

Розоновъ. Я васъ хотѣлъ просить, чтобы вы сдѣлали покуп-
ки на свои деньги, мы бы рассчитались, когда вы бы прѣехали.
Ну, а теперь вы этого сдѣлать не можете!

Киндѣевъ. Да, пожалуй, упустишь имѣніе!

Розоновъ. Въ томъ-то и дѣло! Придется здѣсь покумать!

Киндѣевъ. Что это вы, папа, какъ это можно?

Липочка. Ну, вотъ еще? Очень нужно дряни!

Розоновъ. Что жъ дѣлать?

Киндѣевъ. Я лучше имѣнія не куплю!

Липочка. Ахъ, вѣтъ! Покупайте!... Какъ это можно!

Киндѣевъ. Жаль упустить, имѣнье-то славное!

Липочка. Вѣдь мы тамъ жить станемъ?

Киндѣевъ. Тамъ.

Липочка. И часто будемъ ѣздить въ Москву?

Киндѣевъ. Хоть каждый день, — тамъ близко!

Липочка. А что, тамъ птички есть?

Киндѣевъ. Какія птички?

Т. LXXXI. Ст. I.

Липочка. Разныя, что лѣтомъ въ садахъ и въ лѣсахъ поютъ!

Киндѣевъ. Есть!—такъ и поютъ!

Липочка. А бабочки есть?

Киндѣевъ. И бабочекъ много.

Липочка. Ахъ какъ хорошо!.. Мы будемъ ловить бабочекъ!

Киндѣевъ. Непремѣнно! Я атакую сътку куплю!

Липочка. Купите, купите непременно!

Киндѣевъ. Слушаю-съ.

Липочка. А это вадерь! у пана есть свои деньги!

Розоновъ. Да съ собой-то нѣтъ столко!

Липочка. Полторы тысячи найдется!

Розоновъ. А надобно три.

Липочка. Ну, Катенькѣ, если хотите, дѣлайте здѣсь, а мы непременно купите все въ Москвѣ!

Розоновъ. Не все ли равно!

Липочка. Нѣтъ, не все равно!—Тамъ все дешевле и лучше!

Розоновъ. Право, не знаю, какъ тутъ сдѣлать!

Липочка. Чего тутъ не знать! Вынули изъ кармана, да отдали Максиму Трифоновичу, вотъ и все знаешь!

Розоновъ. Да понимаешь, столько денегъ съ собой нѣтъ!

Липочка. У васъ все денегъ нѣтъ!

Розоновъ. Пойду поговорю съ женой!

Уходитъ.

Липочка. Вотъ онъ всегда такіе!

Киндѣевъ. Можетъ быть у нихъ въ самомъ дѣлѣ нѣтъ съ собою!

Липочка. Слушайте вы ихъ! Они надъ каждымъ грошемъ трясутся, давятся!

Киндѣевъ. Такъ-то! Мы переѣдемъ въ подмосковную!

Липочка. Прелестъ просто! А что, садъ есть?

Киндѣевъ. Какъ же! Что же за деревня безъ саду! Садъ фруктовый, цвѣточный и паркъ.

Липочка. И паркъ есть?

Киндѣевъ. Я вамъ говорю все: и паркъ, и теплицы, и ривъ-жирен, — все!

Липочка. Отлично!

Киндѣевъ. Какъ же! Имѣнье смѣло стоитъ шестьдесятъ тысячъ!

Липочка. Какъ же это онъ продаетъ за двѣнадцать?

Киндзевъ. Ну, тата—мученикъ! нѣтъ! Ему все грашъ—права! Все ни почему!

Липочка. Онъ богатъ?

Киндзевъ. Да, съ состояніемъ! У него во Владимирской губерніи душъ пятьсотъ, да въ Саратовской, кажется, тысяча полторы душъ!

Розоновъ (входитъ). Ну—съ, мы вамъ дадимъ деньги.

Киндзевъ. Разумѣется!

Розоновъ. Пожадуйста покупайте для обѣихъ, для Катеньки и для Липочки одинаковыя вещи.

Киндзевъ. Непремѣнно!

Розоновъ (подастъ деньги). Вотъ—съ тысяча рублей и билетъ съ бланковою надписью, московскаго опекунскаго совѣта! Потрудитесь сосчитать.

Киндзевъ (считаетъ). Вѣрно! (Кладетъ деньги въ боковой карманъ).

Розоновъ. Потрудитесь только дать росписочку.

Липочка. Фи! папа!

Киндзевъ. Росписочку?

Розоновъ. Что жь? Дружба дружбой, а служба службой!—Денежки счетъ любятъ!

Киндзевъ. Да!... Разумѣется!

Розоновъ. На простой бумажкѣ!

Киндзевъ. Извольте.

Розоновъ (подастъ бумагу, чернильницу и огрызокъ пера). Вотъ, пожалуйста!

Киндзевъ (пишетъ). Не знаю, такъ ли! Не умѣю писать ихъ! Въ жизни въ первый разъ случается!

Розоновъ (читаетъ). «На покупку вещей получилъ три тысячи, Максимъ Киндзевъ!» Ну, не совсѣмъ—то такъ!

Киндзевъ. Все равно! Теперь надобно ужъ и съ Олимпиады Григорьевны росписочку!

Липочка. Какую?

Киндзевъ. А что вы получили мое сердце.

Липочка. Нѣтъ, это съ васъ надобно крѣпость, что вы мнѣ что отдали въ вѣчное владѣніе.

Киндзевъ. И то правда!

Розоновъ. Росписочку слѣдовало бы переписать.

Липочка. Еще что? Вамъ ужъ не вексель ли дать!

Розоновъ. Оно, разумѣется, все равно.... но знаете.... какъ-то, того....

Липочка. Все равно! Перестаньте, папа! Что вы не бьрите, что ли?

Розоновъ. Сохрани Богъ! Я вполне добрую Максиму Трифоновну.

Киндзевъ. Преклоните, папа! (Делаетъ съ руку). Жизнь моя принадлежит вамъ.

Липочка. А же мнѣ?

Киндзевъ. Вамъ, разумеется, прежде всего.

Липочка. Я хочу быть одна владительницею!

Киндзевъ. Извольте.

Розоновъ. Вы когда же ѣдете?

Киндзевъ. Я думаю завтра, проводивши васъ!

Липочка. Смотрите же, накануне Крещенья я васъ жду.

Киндзевъ. Непремѣнно! Живой или мертвый, черезъ огонь и воду, а буду у васъ.

Розоновъ. Выпьете-ка наливочки, у меня, кажется, осталась бутылочка трехъ-годовой! А ты, Липочка, распорядись, чтобы намъ съ Максимомъ Трифоновичемъ дали закусить.

Липочка. Сейчасъ.

Оба уходятъ.

Киндзевъ. Вотъ они!... Въ карманѣ! Три, три, три! Молоко! Я думалъ выконючить двѣ тысячки, а тутъ сами дали три! Прекрасно! Вотъ что значитъ задолжать во время двѣсти тыковыхъ. Не надари я столько, вѣдь не получилъ бы сегодня трехъ тысячъ. Сказали бы — голь. Правду этотъ подлець ровориль, состояніе великое дѣло! Самъ же совѣтовалъ пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ. Вотъ случай приобрести три тысячи, и мы его не упустимъ, чортъ возьми совсѣмъ! Юбка двѣ тысячи спрячу, разумеется, изъ башка выну, а третьей тысячѣ дро-тру въ Москвѣ глаза! А тамъ ищи, свищи! Поѣду я къ твоимъ смертнымъ грѣхамъ, къ уродамъ. Какъ же, держи карманъ! Надобно мнѣ очень съ ними бабочекъ ловить! держи! Да мени съ собаками теперь це найдешь! Сегодня же уѣду, благо подорожная въ карманѣ. Прощай, отвратительная, мерзѣйшая! Дня! Только ты меня и видѣла.... А мастерская штука! Ей-богу! Надуть отдог бестію! Теперь закусить, да и тягу.

Липочка входитъ, припрыгивая:

Киндзевъ. Парица дущи моеѣ!

Липочка. Послушайте. Вы смотрите, намъ вещи волучше

выбирайте и платите подорожѣ, а Катенькѣ такія же, да пошевле. Ей все равно за сапожника идти.

Князь дѣвъ. Непрежѣнно!

СЦЕНА II.

Зала въ трактирѣ. Машина играетъ, слуги суетятся.
Козинъ и Никоновъ.

Козинъ. Вы вчера были въ собраніи?

Никоновъ. Нѣтъ! А вы?

Козинъ. Я былъ.

Никоновъ. Много было?

Козинъ. Изъ дамъ никого.

Никоновъ. Какъ это?

Козинъ. Такъ же. Не было ни одной дамы.

Никоновъ. Значить, не танцовали!

Козинъ. Роговъ устроилъ трешака. Поплясали, поплянствовали и разошлись.

Никоновъ. Что жъ это дамы-то?

Козинъ. Онѣ зато покатались вокругъ. Ни одна не рѣшалась идти первою. Подѣдетъ экипажъ, остановится, ну и дощмаютъ узнать, есть ли кто? говорятъ: нѣтъ еще. Экипажъ отправляется ѣздить вокругъ собранія; такъ же другой, третій и вообразите— ни у кого не достало духа взойти первой.

Никоновъ. Такъ собраніе и не состоялось?

Козинъ. Такъ и не состоялось.

Роговъ (подходить къ нимъ). А-а-а! Дмитрій Павлычъ! Андрей Филиппычъ!

Козинъ. Здравствуйте!

Роговъ. Чортъ знаетъ что! Въ головѣ просто крысы въ чехарду играютъ! Эти дни что-то пьется. Вѣрите ли, не могу никакъ почувствоваться, просто бѣда! Надобно опохмѣлиться.

Молодой человекъ въ очкахъ (подходить). Опохмѣлитесь, не дурно! Эй, малый, водки!

Роговъ. Куда же вы, Дмитрій Павловичъ? Андрей Филиппычъ?

Никоновъ. Мы ѣдемъ вмѣстѣ домой!

Роговъ. Уже? Я думалъ, что мы разошьемъ шипучки бутылочку. Миѣ, знаете, повезло вчера: сотенъ восемь зашибъ.

Козинъ. Поздравляю! Прощайте!

(Уходитъ съ Никитовымъ).

Роговъ (молодому человѣку въ очкахъ). А что, не заложить ли намъ опять половинный?

Молодой человѣкъ въ очкахъ. Пожалуй.

Роговъ. Только, смотри! Заговаривай хорошенько, когда я буду тасовать, а то я вчера чуть-чуть не попался.

(Подходить къ группѣ помѣщиковъ, между которыми Назарьевъ, Дурноумовъ, Покровский и другіе).

Роговъ. А что на прощанье не метнуть ли намъ?

Назарьевъ. Можно.

Дурноумовъ. Кто будетъ метать?

Роговъ. Да пожалуй хоть я!

Дурноумовъ. Да вѣдь вы кудесникъ!

Роговъ. Какъ кудесникъ?

Дурноумовъ. У васъ карты бѣгаютъ въ колодѣ сверху внизъ, снизу вверхъ.

Роговъ. Подите вы! У меня просто вчерашній выигрышъ оттянулъ карманы.

Назарьевъ. А мы ихъ поочистимъ.

Покровский. Постараемся облегчить.

Роговъ. Такъ идетъ?

ГОЛОСА:

— Идетъ!

— Что жь дѣлать-то?

— Метнемъ отъ-нечего-дѣлать!

— Что терять-то даромъ время!

Роговъ. Эй, малый!

Половой. Что требуется?

Роговъ. Столъ, картъ, мѣлу и шампанскаго.

Половой. Слушаю-сь! Только, господинъ, здѣсь играть не позволено.

Роговъ. Пошелъ вонъ, дуракъ! Кто не позволяетъ?

Половой. Полиція.

Роговъ. Плевать мы хотѣли на твою полицію!

Половой. Какъ угодно-сь!

Роговъ. Ты давай картъ.

Половой. Сейчасъ.

Роговъ. Садитесь, господа! (Вынимаетъ деньги) Господи благодѣтели! Пятьсотъ въ банкъ.

(Усаживаются вокругъ стола, и распечатываютъ карты).

Роговъ. Эй, малый, возьми къ чорту бокала! Что намъ дѣлать этими наперстками. Давай стакановъ!

(Наливаетъ шампанское).

Назарьевъ. Не везеть, чортъ возьми, это время!

Роговъ. Ставьте, ставьте, господа!

Молодой человекъ въ очкахъ. А какую намъ гонку задасть губернаторъ на присягѣ!

Роговъ. Да, небу стало жарко!

Дурноумовъ. Двадцать пять пѣльковыхъ!

Молодой человекъ въ очкахъ (Дурноумову). Позвольте взглянуть вашу карточку, мы кажется на одной.

Дурноумовъ (на ухо ему). Король.

Молодой человекъ въ очкахъ. А-а-а! Нѣтъ. У меня идетъ *тринадцать* рублей!

Роговъ. Чортова дюжина? Эхъ, выбралъ кушъ!

(Мечетъ и по второй бьетъ короля).

Дурноумовъ. Чортъ знаетъ, что такое!

Роговъ. Самый главный врагъ побить!

(Киндзевъ входитъ и торопливо спрашиваетъ объѣд).

Роговъ (Киндзеву). Не угодно ли шампанскаго стаканчикъ?

Киндзевъ. Благодарю васъ. (Пьетъ).

Роговъ. Не угодно ли карточку? Теперь болѣе пятисотъ въ банкъ!

Киндзевъ. Я тороплюсь! Мнѣ надобно ѣхать!

Роговъ. Карточку, пока вамъ подадутъ кушать.

Киндзевъ. Развѣ рискнуть? Десять рублей! (Садится къ столу съ рубль).

Роговъ. У васъ, господа, что?

ГОЛОСА:

— Десять!

— Пять!

— Пятнадцать!

— Уголь отъ пяти!

— Пять!

— Восемь!

— На пе!

— Цякъ и по рублю око.

Роговъ. Темныхъ не бью! Эхъ, напусти Богъ смѣлеста! (Мечетъ)

Погубить меня этот валетъ, халдей проклятый! (Киндзеву) Ваша! Я такъ и зналъ! Да пейте, пожалуйста.

(Игра продолжается. Киндзевъ пьетъ и горячится. Онъ сперва выигрываетъ, потомъ началъ проигрывать, а потому удивляется куши).

Киндзевъ. Экая скверность! Бита и бита! (Пьетъ).

Молодой человекъ въ очкахъ. Не робѣйте только! Не уменьшайте кушей. Разомъ все вернете!

Киндзевъ. Я самъ тоже думаю!

Молодой человекъ въ очкахъ. Дайте, я вамъ выберу на счастье. Ну вотъ, восьмерка.

Киндзевъ. Ладно. Я проигралъ ужъ пятьсотъ: развѣ на не?

Молодой человекъ въ очкахъ. Разумѣется! Чѣмъ больше трусить, тѣмъ хуже!

Киндзевъ. Пятьсотъ!

Роговъ. Ухъ! вотъ кушь-то! Морозъ пробираетъ.

Молодой человекъ въ очкахъ. Что, братъ, сплеховалъ? Носъ на квинту опустилъ! А посмотрите, господа, шампанское-то поддѣльное!

Дурноумовъ. Отчего?

Молодой человекъ въ очкахъ. Да посмотрите, какое клеймо на пробкѣ!

(Все бросаются смотреть на пробку).

ГОЛОСА:

— Клеймо обыкновенное!

— Всегда такое бываетъ!

— Да шампанское, говорятъ, всегда поддѣльное!

— Я слышалъ, что настоящаго едва хватаетъ по дворянъ.

— Пробка обыкновенная!

Роговъ. Ставьте, ставьте, господа!

ГОЛОСА:

— Двадцать пять!

— Пятьдесятъ!

— Десять.

— Уголь отъ десяти.

— Транспортъ съ кушемъ.

— Пятнадцать.

Роговъ. Ухъ талія! Пронеси Господи! (Мечетъ) Восьмерка, восьмерка, талія въ глазахъ и скатеть. Уголь битъ!... двадцать

пять дано!... Транспортъ битъ!... Восьмерка бита! А-а-а! Это я вамъ скажу!

Киндзевъ. У-у-у! проклятая! (Разрываетъ карту въ клочки) Придется на чортѣ жепиться.

Назарьевъ. Славную карточку убили.

Дурноумовъ. Да, не глупую!

Молодой человекъ въ очкахъ. Его черти на рукахъ качали, когда онъ родился!

Киндзевъ (шепчетъ). Чортъ-знаетъ, что за несчастіе! Вѣдь съ шулерами игралъ и не проигрывалъ, а тутъ не везетъ! И чортъ меня дернулъ сѣсть. Ыхалъ бы теперь да Ыхалъ, вонъ моя и тройка стоитъ!

Молодой человекъ въ очкахъ. Не робѣйте! Ставьте на пѣ.

Киндзевъ. Вы думаете?

Молодой человекъ въ очкахъ. Разумѣется! Когда же нибудь дадутъ!

Киндзевъ. Разумѣется! Тысяча!

Роговъ. Ой, несчастная, горемычная моя головушка! Послушайте! Вы слишкомъ ужъ большіе куши ставите!

Дурноумовъ. Что, нагнали холоду!

Роговъ. Посѣкутъ!

Назарьевъ. Вотъ молодцомъ играетъ! Не то, что мы! по военному!

Молодой человекъ въ очкахъ. Ну, идите послѣднія, неразвѣнныя! Вѣдь всего обобралъ, и англичанина поставлю. Господа, вы видѣли англійскія деньги?

ГОЛОСА:

— Нѣтъ!

— Покажите!

— Откуда вы достали?

Смотряъ монету. Роговъ быстро подгасовываетъ.

Роговъ. Ну же, господа!

Киндзевъ. Стойте! Вы передернули карту.

Роговъ. Гдѣ?

Дурноумовъ. Я говорю, что кудесникъ!

Киндзевъ. Сейчасъ сдѣлали вольтъ!

Роговъ. Врете!

Киндзевъ. Нѣтъ, не вру! Я видалъ на своемъ вѣку! Знаю!

Роговъ. Врете!

Киндзевъ. Я играть съ вами не хочу!

Роговъ. Какъ хотите! Только той карты я не позволю снѣть!

Киндзевъ. А я играть не хочу!

Роговъ. Мало ли чего!

Киндзевъ. Вы и тѣ деньги также выиграли! Отдайте ихъ!

Роговъ. Деньги-то?

Киндзевъ. Да.

Роговъ. Ну, ужь это дудки. Анекдоты на заячьемъ мѣху!

Киндзевъ. Отдайте, я вамъ говорю!

Роговъ. Идилия съ масломъ! Аркадія!

Киндзевъ. Такъ вотъ же тебѣ!

Пускаетъ ему карты въ лицо, хватается со стола деньги и проворно убѣгаетъ.

Роговъ. Что это? Караулъ! грабежъ! держи!

Всѣ бѣгутъ за Киндзевымъ. На улицѣ раздается звонъ колокольчика.

Дурноумовъ (возвращаясь). Вотъ удралъ-то шгуку!

Покровскій (возвращаясь). Ну, исторія!

Дурноумовъ. Ну что?

Покровскій. Погнались за нимъ!

Назарьевъ (входя). Какъ же, догонишь его! Полетѣлъ слома голову. А тутъ на бѣду ни одного извощика.

Дурноумовъ. Ну что жь, господа. А намъ-то за что терять! Вѣдь мы могли бы выиграть!

Назарьевъ. Разумѣется!

Дурноумовъ. Такъ чтобъ не быть въ накладѣ, разберемъ что осталось да и по домамъ.

Назарьевъ. И то дѣльно.

Разбираютъ остальные деньги и уходятъ.

Половой. Господа, господа! А за карты? Эхъ! а еще дворяне!

Нѣсколько куццовъ входятъ.

Свѣдая борода. Эй, мальш! Пордію чаю-сь.

Половой. Сейчасъ.

Свѣдая борода. Да ты стой, голова. Бѣса тебя вертять, что ли? Ты выслушай толкомъ. Къ чаю графинчикъ ромду, да алимонтъ.

Половой. Сейчас!

Свдая борода. Ну, садитесь.

Всѣ садятся.

Свдая борода. Такъ вотъ отъ ефтихъ самыхъ дѣлъ и торговлю радъ бросить.

Черная борода. Ефто такъ-съ. Извѣстно, пригѣброиъ сказать, наше дѣло такое, въ долгъ не дать, такъ не продать. А дашь въ долгъ, такъ послѣ и не получишь. Ходишь, ходишь изъ-за своихъ денегъ, кланяешься, а все ни шиша.

Сивая борода. И отъ денегъ готовъ отступиться. Намедни набрала у меня, ефто, полковница-то. Заплачу, говорить, къ Святой. Ну ладно. А счетъ-то вона какой! Сотъ на девять. Пришла Святая, ничего. Хожу — то дома нѣтъ, то спить, то обѣдаетъ, то бѣсъ ее знаетъ, прости Господи, грѣхъ тяжкій, что дѣлаетъ. Надоѣло мнѣ больно, а тутъ по осени платежи подошли. Иду я....

Половой приносить чай.

Свдая борода. Откушайте, сдѣлайте честь.

Сивая борода. Не извольте беспокоиться. Чувствительнѣе благодаримъ-съ, съ нашимъ почтеніемъ-съ.

Свдая борода. Ромцу! Алмончику!

Сивая борода. Напрасно, ей-Богу, напрасно!

Свдая борода. Иванъ Давыдычъ, откушайте!

Сивая борода. Съ нашимъ удовольствіемъ-съ! Благодаримъ воспомернѣе! Такъ-съ, иду я къ ней. Говорятъ, кушать сѣли.

Свдая борода. Ефто, значить, причина, что денегъ малей получить.

Сивая борода. Стало быть такъ-съ. А нашего брата не спрашиваютъ-съ, говорятъ: подай!

Свдая борода. Вотъ то-то и оно!

Сивая борода. Ну я говорю, коли кушаютъ, подождетъ. Сажу ефто я, думаю, не уйду, пока не будетъ одинъ конецъ. Откушали, легли опочивать. Вотъ тутъ и дѣлай, что хошь! Ахъ ты! Ажно злость меня взяла! Сажу я все. Что не спрошу, все спать. Что ты тутъ будешь дѣлать? Наступилъ ефто вечеръ. Слышу въ залѣ гомонять, и посмотрѣлъ въ двери, — они. Я, зна-

читать, ефто и вхожу въ залъ, помолился какъ должно на иконы, кланяюсь. Она ефто шастъ съ дивана, Что, говоритъ, тебѣ надобно? Чего, ты мѣзешь въ залу?

Черная борода. Хорошо! Какъ деньги отдавать, такъ что тебѣ надобно?

Сивая борода. Да вѣдь ефто завсегда! Я говорю: вы мнѣ дайте одинъ, значитъ, конецъ, порѣшите меня! — «Подожди!» говорить. — Какъ, я говорю, еще то ждать, довольно ждать, годъ ждали, къ Святой общади! — Какъ вскинется она, а тутъ сынь ея подбѣжалъ. Ахъ ты, говоритъ, борода! Смѣешь въ залу ломиться, шумъ поднимать! — Я говорю, какой такой шумъ, за своимъ пришелъ, десять верстъ бы обошелъ, чтобъ мимо-то не пройти, не токма къ вамъ. Да нужда гонить! — Что жъ ты думаешь! Вѣдь ефто и договорить не далъ, въ шею, въ шею, такъ и съ лѣстницы спустилъ! Такъ и по се мѣсто сидятъ мои денежки. Пропадай они совсѣмъ! Ефто за какія же блага, за свои же деньги да и въ шею наклаали!

Черная борода. Вотъ-те и барыши!

Рыжая борода. Какіе тутъ барыши! Тутъ смотришь, дѣловъ нѣтъ, покупатель только что слава что покупатель, а ефто совсѣмъ наплевать, дрянь! Навернется, купить на мѣдный пятакъ, а перебуравить на рубль. Одинъ какъ есть грѣхъ, а не покупатель, и наровитъ какъ бы за свою цѣну купить. А тутъ нашъ-то самъ имянинишкъ, то жена, то рожденье, то балъ. Душеньку всю допытываютъ.

Сивая борода. Да, сооривать! Естакоей отервы еще и не бывало. Выжига — грѣхъ тѣлескій, и гдѣ онъ только камои царъ Иродъ народился. А ужъ она еще милѣе!

Черная борода. Ишь голова! Хуже еще его!

Сивая борода. Куда ему до ней! Вотъ тутъ и торгуй. Алмазья забрали ефто вотъ изъ балу, къ рожденью-то, вина. Ну, отпустиди, пропадай модъ! чтобъ-те глотку залить, а тутъ еще бѣда; осталось вино, надобно назадъ получать. Прищель кварталный, гонить; дѣлать нечего, иду. А она, что жъ вы думаете, забирала даромъ, а назадъ, чего значить не выпили, такъ давай значить деньги!

Сивая борода. Вотъ я перелекъ!

СѢДАЯ БОРОДА. Я говорю: какъ же еѣто? Брали безъ денегъ, а назадъ за деньги. А она закричить: ахъ ты сякой, такой, разъ-едакій! Вѣдь ты покупаешь вина? — Покупаемъ-съ! говорю: неужто же сами дѣлаемъ! — Ну такъ говорить, развѣ тебѣ не все равно купить у кого! Я тебѣ гривенникъ съ бутылки сбрасываю!

СИВАЯ БОРОДА. Эка добрая!

СѢДАЯ БОРОДА. И не говори! Ну что жъ едва черезъ силу выторговашь по гривнѣ съ рубля.

СИВАЯ БОРОДА. Какъ же еѣто она пиву-то дащанада?

СѢДАЯ БОРОДА. А на билетъ и на пробкѣ на смолѣ пѣна про-ставлена. Да ещѣ бутылку квасу въ то число втерла! И какъ не-усмотрѣлъ! — Не знаю! Да гдѣ тутъ! Сердце все кровью облилось, не токма что; ей, ей, внутренности перевернулись!

РЫЖАЯ БОРОДА. Что и говорить!

СѢДАЯ БОРОДА. Еѣто не то, что у васъ съ хлѣбомъ.

ЧЕРНАЯ БОРОДА. У насъ-то?

СѢДАЯ БОРОДА. Да! Вотъ былъ хлѣбъ то въ пѣнѣ, славный барышъ былъ.

ЧЕРНАЯ БОРОДА. Да неча Бога гнѣвить! Въ неурожай-то дѣла шли ни што! Тоже поборы велики!

СѢДАЯ БОРОДА. Вишь ты.

ЧЕРНАЯ БОРОДА. Еѣто съ кажнаго куля заплати! Не думай и говорить, что куль два раза въ день изъ рукъ въ руки перей-детъ.

СѢДАЯ БОРОДА. Вотъ тутъ и барыши!

РЫЖАЯ БОРОДА. Согрѣшили мы грѣшныя!

СИВАЯ БОРОДА. Именно, что за грѣхи поущенье!

СѢДАЯ БОРОДА. Будьте благообразны, выкушай-те еще по чашечкѣ!

СЦЕНА III.

Квартира Головкина. Небольшая комната, плохо меблированная. Головкинъ и Переученный.

ГОЛОВКИНЪ. Такъ вы убеждаете?

ПЕРЕУЧЕННЫЙ. Да.

ГОЛОВКИНЪ. Надолго?

ПЕРЕУЧЕННЫЙ. Я думаю навсегда!

Ф. ЗИЦОВЪЕВЪ.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВО ФРАНЦИИ.

Въ настоящемъ случаѣ мы предлагаемъ короткій очеркъ этого вопроса въ современной Франціи (*). Мы не пишемъ въ виду подробностей школьнаго устройства, методовъ преподаванія и такъ далѣе; напротивъ, желаемъ, сколько возможно, остаться на общей точкѣ зрѣнія, чтобы остановиться на существенномъ значеніи современной французской системы, и именно системы второй имперіи. Эта система въ которыхъ нибудь пунктахъ своими весьма существенно отличается отъ прежняго порядка и дала новый видъ народному образованію, наблюденіе котораго для насъ не лишено интереса. Для изученія ея мы воспользовались прежде всего законодательствомъ второй имперіи по народному образованію, по необходимо должны были дополнить объясненіе его практическими наблюденіями специалистовъ или людей политическихъ и нѣкоторыми собственными замѣтками. Официальная и бюрократическая форма закона очень часто даетъ очень мало понятія о практическомъ его приложеніи, въ которомъ однакоже и состоитъ вся сущность дѣла; законодатель очень часто не высказываетъ своей настоящей мысли, но она понимается исполнителями его идей и по-

(*) Источниками были у насъ: «Loi sur l'enseignement expliquée et commentée par ses motifs, les actes législatifs et la jurisprudence». Par MM. Nou et Delisle. Paris (2-me édit.) 1854; «De la loi de l'enseignement, commentaire théorique et administratif», par Eugène Rendu. Само собою разумѣется, что эти книги комментируютъ законъ съ правительственной точки зрѣнія; Dr. Holzapfel, «Mittheilungen über Erziehung und Unterricht in Frankreich». Magdeburg, 1853; «Westminster Review», октябрь, 1853 «France unter Louis-Napoleon», и друг.

тому часто на дѣлѣ выходитъ совершенно не то, о чемъ говорить буква закона. Такъ случилось отчасти и здѣсь, впрочемъ только отчасти, потому что, какъ мы увидимъ, даже въ буквѣ закона ясно высказывались тѣ цѣли, къ которымъ собственно стремился законодатель, хотя и не рѣшался, конечно, объявить ихъ открыто.

Ниже мы будемъ нѣсколько подробно приводить нѣкоторые пункты новаго законодательства о народномъ образованіи, дѣйствующаго теперь во Франціи. Читатель убѣдится, что при всей осторожности выражений, при всей мягкости фразъ, льстившей только-что проходившему революціонному движенію, правительство Луи-Наполеона уже въ то время имѣло ясно опредѣленный планъ реформы народного образованія, основанный на чисто политическихъ дѣлахъ и расчетахъ. Конечно, эти политическіе расчеты были расчеты внутренней политики, которая вообще крайне занимала новое правительство; на этихъ расчетахъ была основана возможность его существованія. Мы не считаемъ нужнымъ припоминать читателю обстоятельства возвышенія Луи-Наполеона и восстановления имперіи; мы предполагаемъ ихъ извѣстными. Обѣ цѣли были достигнуты; правительство Луи-Наполеона обнаружило при этомъ много практической ловкости; оно сумѣло приготовить народъ, подѣйствовать на умы славными воспоминаніями первой имперіи и именемъ Наполеона, сохранившимъ фантастически умекательный смыслъ въ глазахъ французскаго простолюдина, то есть цѣлой огромной массы, — а участіе ея было такъ полезно при *suffrage universel*, которымъ и рѣшилось дѣло впоследствии. Для того, чтобы рѣзкая перемена республики въ имперію не слишкомъ бросилась въ глаза ревностнымъ республиканцамъ, новое правительство постоянно ссылалось на такъ называемые принципы 89-го года; конституція 14 января 1852 года положительно говорила, что эти принципы она подтверждаетъ и гарантируетъ (*garantit et confirme*). Это было неизбежной необходимостью, посредствомъ которой нужно было удовлетворить людей, серьезно дорожившихъ этими принципами: со временъ первой революціи масса французскаго общества привыкла видѣть въ нихъ первое установленіе своей свободы, первое объявленіе «человѣческихъ правъ»; въ этихъ принципахъ, исторически отозвавшихся на цѣлую Европу, она привыкла видѣть свою славу и не могла потому отказаться отъ нихъ. Оттого такъ нужно было обойтись съ ними осторожно, говоря съ французскою націей. Правительство Луи-Наполеона обошлось съ ними дѣйствительно осторожно, и имѣло, вообще говоря, успѣхъ; немногіе, положительно не вѣрившіе ему, эмигрировали или покорились силѣ; масса была удовлетворена. Новая имперія основалась: она докторила 18 бромера, но въ новой конституціи оставались тѣ представительныя формы, кото-

рыя нужны были для исполненія буквы условій. На дѣлѣ правитель-ство Луи-Наполеона могла совершенно обойтись и въ самомъ дѣлѣ обходилось безъ нихъ: личность одного человека сочетала въ себѣ всю власть; чтобы утвердить свое вліяніе, она выставила на видѣ демократическій характеръ своего происхожденія (*suffrage universel*) и объявляло, что работа е народѣ будетъ главной цѣлью его стремленій. Но при этомъ съ самого начала обнаружилось важное затрудненіе. Новое правительство присвоило себѣ исключительную диктатуру, которая нужна была ей и для исполненія ея плановъ и для ея сохраненія: она хотѣла освободить націю отъ всѣхъ ея заботъ е прогрессъ и благосостоянію, и хотѣла взять эту многотрудную задачу на себя; съ другой стороны широкій объемъ вліянія, который давала диктатура, долженъ былъ вполнѣ обезпечить сохраненіе правитель-ства. Расширеніе власти давало возможность захватить въ свои руки всѣ стороны народной дѣятельности, приобрести вліяніе на всѣ проявленія общественнаго духа,—но это стремленіе, которое съ перваго взгляда можно было замѣтить въ новой диктатурѣ, должно было однако встрѣтить въ обществѣ сильное сопротивленіе. Масса общества не могла легко отказаться отъ инициативы, владѣть которой она привыкла въ предъидущую эпоху болѣе или менѣе свободной конститучіонной жизни; вся болѣе образованная часть Франціи привыкла думать, что общественныя реформы, народное благо, усовершенствованія гражданской жизни,—словомъ, всѣ существенныя отявленія въ жизни націи, должны совершаться на основаніи или съ участіемъ общественнаго мнѣнія. Престжій порядокъ, если не вполнѣ, то въ значительной степени обезпечивалъ эту силу и свободу общественнаго мнѣнія; интересы и желанія имѣли своихъ представителей въ парламентскихъ учрежденіяхъ и въ прессѣ. Этотъ порядокъ очевидно противорѣчилъ стремленіямъ второй имперіи и она должна была неизбѣжно стать въ враждебное отношеніе къ требованіямъ общественнаго мнѣнія; но парламентскія учрежденія, одно изъ орудій его — стали уже при ней чисто номинальными, журналистика одна оставалась бы еще независимымъ органомъ и правительство второй имперіи дѣйствительно начало съ ней открытую борьбу. Журнальная пресса представляла двоякѣмъ опаснаго противника: въ рукахъ ея было оружіе не только противъ правительственной системы, безъ сомнѣнія не свободной отъ недостатковъ, но и противъ самой династіи: роялисты имѣли значительную массу своихъ представителей въ журналиктѣ.

Борьба противъ отношеній общественнаго мнѣнія въ прессѣ обнаружилась рѣзкими шарами противъ газетъ тотчасъ послѣ *coup d'état* 2 декабря. Не вдаваясь теперь въ подробности о положеніи французской журналистики въ этомъ отношеніи, — о чемъ мы думаемъ сказать

при другомъ случаѣ, — упомянемъ только, что вслѣдъ за 2-мъ декабря запрещено было множество газетъ, имѣвшихъ политическое вліяніе; въ слѣдующемъ году новый декретъ стѣснилъ удѣлѣнія газетъ и не допускалъ основанія новыхъ газетъ безъ разрѣшенія правительства — назначеніе и выборъ редактора сдѣлалось возможны только съ согласія и утвержденія правительства. Журналистика, кромѣ того, подверглась крайнимъ стѣсненіямъ отъ системы предупрежденій (avertissement), которыя правильно давались каждый разъ, когда печаталось что нибудь не въ правительственномъ смыслѣ, и за которыми также правильно слѣдовала потомъ остановка (suspension) или окончательное запрещеніе (suppression) газеты.

Такимъ образомъ правительство поставлено было въ необходимость бороться противъ литературы, то есть въ сущности противъ всего передоваго въ обществѣ; то, къ чему вело развитіе общества, къ чему приходили самыя свѣтлыя умы его, подвергалось контролю и часто строгому осужденію, преслѣдованіямъ и политическимъ наказаніямъ. Многочисленныя исторіи съ журналами, процессы противъ книгъ и авторовъ, обнаруживаютъ это слишкомъ ясно. Но если правительству не нравилось самостоятельное направленіе общественнаго мнѣнія и его попытки, оно необходимо должно было обратить вниманіе и на тѣ органы, которыми подготовлялось это направленіе, которые развивали въ обществѣ стремленіе къ критическому взгляду и самобытной инициативѣ. Этимъ органомъ была вся система народнаго образованія, которая въ высшихъ и въ низшихъ учрежденіяхъ ея имѣла существенное вліяніе на развитіе понятій въ разныхъ слояхъ общества. Всякъ открытый, богатый извѣстными профессорами Collège de France былъ почти такой же трибуной самостоятельной общественной жизни, какъ журналъ, и долженъ былъ возбудить тоже неудовольствіе; элементарная школа, дававшая образованіе массѣ, столько же должна была привлекать вниманіе осторожнаго правительства, неслыханнаго распространенія своихъ взглядовъ. Оттого вообще вся система народнаго образованія очень скоро подверглась вліянію новаго правительства и уже въ 1850 г. приняты были мѣры къ радикальнымъ реформамъ и въ системѣ обученія, и въ выборѣ наставниковъ. Само собою разумѣется, что правительство не могло начинать открытой войны противъ образованія; это было бы слишкомъ много въ наше время, но оно приняло свои дѣйствительныя мѣры, чтобы дать образованію именно то направленіе, какое было ему нужно; чтобы оно приносило именно тѣ плоды, на которыхъ рассчитывали. Правительство дѣйствовало осторожно, но весьма пружинисто.

Передавая читателю положеніе самаго дѣла, мы приведемъ существенныя пункты новой французской системы народнаго просвѣщенія

и тѣ практическія слѣдствія, которыя простекали изъ законодательства второй имперіи.

Преподаваніе во Франціи раздѣляется на три степени: первоначальное, среднее и высшее. Первоначальное преподаваніе опять имѣетъ три степени, изъ которыхъ каждой соответствуетъ особый родъ школы. Почти во всѣхъ маленькихъ деревняхъ есть училища перваго разряда, въ которыхъ учатъ чтенію, письму, арифметикѣ, географіи, краткой французской и священной исторіи и основаціямъ практической геометріи. Школы втораго разряда находятся въ селеніяхъ средней величины и предметы преподаванія въ нихъ почти тѣ же самыя, только въ объемѣ нѣсколько болѣе обширномъ. Но особеннаго вниманія заслуживаютъ первоначальныя школы, находящіяся во всѣхъ городахъ и большихъ мѣстечкахъ, потому что онѣ даютъ здоровое практическое образованіе, дѣлающее молодаго человѣка способнымъ идти по какой ему угодно дорогѣ промышленной жизни. Кромѣ предметовъ, преподаваемыхъ въ другихъ школахъ, здѣсь преподается довольно подробно французская исторія, геометрія, въ связи съ геометрию алгебра, естественная исторія, рисованіе и музыка. Изъ парижскихъ училищъ этого рода два, Ecole Turgot и Ecole Chaptal достигли замѣчательной извѣстности; любимую заботою просвѣщеннѣйшихъ людей во Франціи, когда они имѣли вліяніе на правительство, было содѣйствовать размноженію подобныхъ училищъ, считавшихся лучшими питомниками здороваго народнаго воспитанія. Всѣ первоначальныя школы, различныхъ разрядовъ раздѣляются на публичныя и свободныя (écoles publiques et écoles libres), — иначе на общинныя, коммуналыя, и школы частныя. Коммуналыя школы имѣютъ начальника или учителя, назначаемаго сельскими или городскими властями, по рекомендаціи чиновника, завѣдующаго учебнымъ округомъ (ректора академическаго округа). Учители, назначаемые такимъ образомъ, находятся въ полной зависимости отъ правительства и получаютъ жалованье вообще чрезвычайно скудное, — рѣдко болѣе 300 руб. сер., а часто меньше. Свободныя или частныя школы управляются своими основателями, которые, впрочемъ, подчинены надзору инспектора, находящагося въ каждомъ департаментѣ. Но кромѣ этого надзора, существуютъ для свободныхъ школъ и другія стѣпенія. Никто не можетъ открыть училища, не представивъ по начальству удостовѣреніе въ томъ, что онъ выдержалъ учительскій экзамень. Отъ начальства совершенно зависитъ, отказать или не отказать ему въ просьбѣ открыть школу въ извѣстномъ мѣстѣ, а потомъ начальство всегда когда угодно можетъ закрыть его школу, не объясняя даже особенныхъ поводовъ изъ такому рѣшенію. Извѣстныя система неутомимо ведетъ борьбу и противъ свободныхъ, и противъ коммунальныхъ

училищъ. Рѣшившись нагнать изъ національнаго преподаванія все, питающее духъ самостоятельности и замѣнить его духомъ субординаціи, оно старается удалить изъ первоначальныхъ училищъ элементы, кажущіеся ему непріятными, и замѣнить ихъ другими, согласными съ его вкусомъ. Первое было ему очень легко, при чрезвычайныхъ правахъ на училищахъ. Какъ только преподаватель оказывался или казался имѣющимъ независимый образъ мыслей, безответственная власть изгоняла его. Часто это сопровождалось закрытіемъ школы. Газеты, служація органами правительства, много разъ протестовали противъ обвиненія его въ систематическомъ стремленіи уменьшить число и понизить достоинство школъ, воспитывающихъ народъ. Разумѣется, не было издано оффиціальныхъ статистическихъ документовъ, по которымъ бы можно было сравнить число общинныхъ и частныхъ первоначальныхъ школъ въ десять лѣтъ, отъ 1848 до 1858 года, когда новая система успѣла оказать свое дѣйствіе; но можно допустить за достоверность того факта, что противъ этихъ школъ неослабно велось гоненіе по всевозможнымъ случаямъ, подъ всѣми предлогами, и можно думать, что если считать вновь учрежденныя школы въ замѣнъ уничтоженныхъ 70, все-таки надобно полагать уменьшеніе общаго числа болѣе чѣмъ на 500 школъ. А надобно замѣтить, что новыя училища вовсе не похожи на прежнія, въ замѣнъ которыхъ являются. Правительство, чувствуя надобность замѣстить чѣмъ нибудь пустоту, производимую разрушеніемъ, вступило въ союзъ съ духовенствомъ, какъ лучшимъ помощникомъ своихъ намѣреній. Конгрегація братьевъ христіанскаго ученія (Frères de la Doctrine chrétienne), исключительно занимающаяся первоначальнымъ обученіемъ, и много другихъ конгрегацій этого рода, — были избраны въ союзницы правительства. Эти братства, богатые преподавателями и деньгами, быстро распространяютъ свои училища при содѣйствіи правительства. Школы конгрегацій занимаютъ мѣста уничтожающихся коммунальныхъ училищъ. Мы приведемъ дальше подробности о томъ, какими законодательными мѣрами дано было духовнымъ конгрегаціямъ это вліаніе, и какимъ образомъ они пользовались своимъ положеніемъ.

Далѣе, среднія училища, самыя важныя во всей системѣ преподаванія, потому что черезъ нихъ долженъ пройти каждый, желающій быть медикомъ, адвокатомъ или чиновникомъ, и потому что обширнѣйшій курсъ ихъ преподаванія обнимаетъ тѣ годы жизни, когда образуется характеръ въ человѣкѣ, — эти училища въ послѣдніе годы совершенно преобразованы. Курсъ ученія въ среднихъ школахъ содержитъ подробнѣйшее преподаваніе предметовъ первоначальнаго обученія; сверхъ того, въ нихъ преподаются языки греческій и латинскій, одинъ изъ новыхъ иностранныхъ языковъ, англійскій или нѣмецкій,

по выбору учащагося, реторика, философія, французская литература, математика, естественныя науки; такимъ образомъ ученикъ получаетъ классическое и литературное образованіе и знакомится съ точными науками. Училища этого класса — лицеи, бывшіе королевскіе коллегіумы и частныя школы. Для надзора за ними Франція раздѣлена на округа, называющіеся академіями; предсѣдатель каждой академіи, т. е. администраціи учебнаго округа, называется ректоромъ. Изъ этого мы видимъ, что академію называется во Франціи не какое нибудь особенное учебное учрежденіе, а совокупность лицеевъ, коллегіумовъ и частныхъ училищъ, подвѣдомственныхъ одному ректору; — незнакомство съ этимъ особеннымъ смысломъ, приданнымъ во Франціи слову «академія», часто бывало причиною ошибокъ въ разсужденіяхъ иностранцевъ о французскихъ училищахъ. Всѣ лицеи содержатся правительствомъ, и слѣдовательно профессора ихъ — чиновники правительства. Но многіе изъ общинныхъ коллегіумовъ можно назвать почти совершенно частными училищами: община даетъ помѣщеніе или выдаетъ пособие учредителю коллегіума и онъ, какъ хозяинъ, содержитъ школу на свой счетъ. Частнаго училища не можетъ открыть никто безъ свидѣтельства о томъ, что онъ имѣетъ степени бакалавра и лиценціата; кромѣ того онъ подвергается особому экзамену и потомъ представляетъ на утвержденіе секретарю академическаго округа конспектъ курсовъ, какіе будутъ читаться въ его заведеніи; курсы эти непременно должны содержать въ себѣ предметы лицейскаго преподаванія; кромѣ всего этого онъ долженъ представить планъ внутренняго расположенія его школы. Въ восьмой, низшій классъ этихъ училищъ воспитанники поступаютъ 11 лѣтъ; и до послѣднихъ измѣненій, о которыхъ мы скажемъ ниже, они проводили по одному году въ каждомъ классѣ, поступая въ высшій, называвшійся классомъ реторики, 18 лѣтъ. По окончаніи этого курса надобно было провести еще годъ въ дополнительномъ классѣ философіи; для людей, посвящающихъ себя математикѣ и естественнымъ наукамъ послѣ класса философіи надобно было провести еще годъ въ классѣ высшей математики. Такимъ образомъ воспитанникъ кончалъ курсъ средняго образованія не раньше 20 лѣтъ, и на степень бакалавра литературы, бывшую необходимымъ условіемъ для вступленія на ученую и адвокатскую карьеру, онъ могъ держать экзаменъ не иначе, какъ выслушавъ курсъ философіи. Кромѣ степени бакалавра литературы, существуетъ во Франціи степень бакалавра точныхъ наукъ; но прежде она давалась только людямъ, имѣвшимъ уже степень бакалавра литературы, безъ которой нельзя было получить никакого другаго ученаго диплома. Для допущенія къ экзамену на степень бакалавра литературы требовалось, чтобы молодой человѣкъ учился въ заведеніи, под-

чищенномъ правительственному надзору или, по французскому выраженію, университетскому надзору. Исключеніе допускалось только для молодыхъ людей, воспитывавшихся въ родительскомъ домѣ; но они должны были представить свидѣтельство отъ отца и отъ мэра своей общины, что учителемъ ихъ былъ человѣкъ, получившій отъ университета ученую степень. Притомъ это свидѣтельство освобождало только отъ обязанности быть въ первыхъ осьми классахъ лицея. Высшіе классы реторики и философіи все-таки должно было посѣщать по дѣлому году, тотъ и другой. Экзаменъ на степень бакалавра литературы соотвѣтствовалъ объему лицейскаго курса. Предметы его: латинскій и греческій языки, одинъ изъ новыхъ языковъ, по выбору экзаменующагося, реторика, философія, всеобщая исторія, французская исторія, арифметика, геометрія, алгебра, физика и химія. Развитие политической жизни во Франціи еще такъ слабо, что человѣкъ, сошедшій со школьной скамьи, обыкновенно весь погружается въ свои частныя дѣла и, не будучи въ постоянномъ соприкосновеніи съ высшими интересами общественной жизни, не имѣлъ ни надобности, ни возможности подвигаться впередъ въ умственномъ развитіи, довольствуясь тѣмъ запасомъ свѣдѣній, какія успѣлъ приобрести, приготавливаясь къ экзамену. Потому лучшіе люди во Франціи обширный объемъ серьезнаго преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ считаютъ вѣрнѣйшимъ залогомъ умственнаго развитія своей націи и думаютъ, что только обширность лицейскихъ курсовъ можетъ снабдить молодаго человѣка достаточнымъ запасомъ свѣдѣній и умственныхъ интересовъ, чтобы онъ совершенно не опоздалъ въ своей послѣдующей жизни, мало способной пробуждать дѣятельность мысли. Нынешняя система также видѣла, что главный источникъ просвѣщенія и прочныхъ убѣжденій для французской націи составляетъ воспитаніе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; потому она стала неусыпно хлопотать, чтобы понизить уровень этого преподаванія и уменьшить важность его для націй. Въ 1848 году были уничтожены прежнія стѣснительныя постановленія о необходимости имѣть особенное разрѣшеніе правительства для основанія частной школы и о необходимости въ теченіе двухъ лѣтъ слушать высшіе курсы университетскихъ лицеевъ для допущенія къ экзамену на степень бакалавра. Первое изъ этихъ измѣненій скоро было уничтожено, но второе Луи-Наполеонъ удержалъ съ тѣмъ, чтобы оно служило ему для цѣлей совершенно противныхъ тѣмъ, съ какими было сдѣлано. Луи-Наполеонъ стремился къ тому, чтобы истребить духъ независимости и самоуваженія, какимъ было проникнуто сословіе преподавателей, и уменьшить ихъ вліяніе на общество; потому его правительство въ 1849 году горячо поддерживало въ на-

пюльмальное собраніи предложение Монталамбера, сдѣланное католическимъ ораторомъ для того, чтобы увеличить силу духовенства въ дѣлѣ народнаго образованія. Прежде Франція раздѣлялась на 22 академическіе округа; Монталамберъ предложилъ, чтобы каждый департаментъ былъ особеннымъ академическимъ округомъ. Луи-Наполеонъ въ уменьшеніи объема видѣлъ только средство наказатъ тогдашнихъ ректоровъ и другихъ чиновниковъ народнаго просвѣщенія, за ихъ непокорность, уменьшеніемъ важности ихъ должностей, не замѣчая того, что проектъ Монталамбера противорѣчить и его собственнымъ выгодамъ. Собственно говоря, Луи-Наполеону было нужно не то, чтобы унижить непріятныхъ ему людей, — а то, чтобы народное образованіе во всемъ своемъ великолѣпнн и величїи явилось покорнымъ служителемъ его системы. Но когда вѣдомство академическаго ректора было ограничено однимъ департаментомъ и когда жалованье ректора было уменьшено соразвѣрно уменьшенію круга его дѣйствій, изъ важнаго сановника ректоръ вдругъ сдѣлался неважнымъ чиновникомъ, совершенно неспособнымъ возвеличивать правительство блескомъ своей подчиненности. Выступъ съ униженіемъ оофициальнаго представителя заботъ правительства о народномъ просвѣщеніи, союзникъ правительства, епископъ, возвысился такъ, что сталъ соперникомъ правительству. Воспользовавшись неразсчитливымъ покровительствомъ, располагая обширными денежными средствами и цѣлою толпою ревностныхъ помощниковъ въ монастырскихъ конгрегачїяхъ, епископы съ униженіемъ ректоровъ приобрѣли чрезвычайную важность. Но система Луи-Наполеона не можетъ допустить никакой другой власти, сколько нибудь самостоятельной. Покровительствуя духовенству, она хотѣла сдѣлать его только своимъ служителемъ и почувствовала безпокойство, когда оно стало стремиться къ независимости. Потому въ 1852 году былъ изданъ новый законъ, уничтожавшїй ошибку, только что сдѣланную прилятіемъ прежняго, но старавшїйся замаскировать эту ошибку тѣмъ, что вмѣсто прежнихъ 22 округовъ было учреждено 16. Ректоры изъ своего униженія были возведены на вершину оофициальнаго блеска. Ихъ жалованье увеличено съ 15 до 25 тысячъ франковъ и власть, вѣренная покорному ихъ храненію, была расширена до развѣровъ, уничтожавшихъ всякую возмозжность самостоятельной оппозиціи.

Проводя новое законодательство по народному просвѣщенію, правительство не думало, конечно, о политическихъ послѣдствїяхъ усиленія духовенства, и прежде, чѣмъ эта случайность могла оказаться на дѣлѣ, вліяніе духовенства на народное образованіе уже доставило правительству тѣ ближайшія выгоды, которыхъ оно отъ того ожидало. Существенной выгодой было уже то, что духовенство стало въ

особое, независимое отношеніе, къ такъ называемому *Университету*, имя котораго во французской терминологіи означаетъ администрацію, завѣдывающую преподаваніемъ въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ разрядовъ. До времени диктаторства Луи-Наполеона университетъ былъ самобытнымъ учрежденіемъ, которое имѣло достойныхъ представителей, свободно дѣйствовало на общественное развитіе своими органами и могло представить сильную оппозицію въ случаѣ, если бы дѣло народнаго просвѣщенія подвергалось серьезному стѣсненію и вреднымъ вліяніямъ чужихъ элементовъ. Еще незадолго до второй имперіи университетъ твердо поддерживалъ свободное преподаваніе, котораго такъ боялись ультрамонтаны, и которое производило такой энтузіазмъ въ молодыхъ поколѣніяхъ. Университетъ былъ остаткомъ старыхъ либеральныхъ учреждений и правительству очень важно было ослабить его вліяніе: преподаваніе прямо дѣйствуетъ на развитіе молодежи, и если оно не соответствовало видамъ правительства, ему тогда же слѣдовало положить границы или остановить его. Такъ и было сдѣлано.

Чтобы яснѣе показать читателю, въ какое отношеніе къ этому университету поставлено было теперь духовенство мѣрами моего законодательства, мы укажемъ въ нѣсколькихъ словахъ исторію нѣхъ прежнихъ отношеній.

Французскій университетъ, въ томъ смыслѣ, какъ мы сейчасъ объяснили, т. е. въ смыслѣ совокупности учебныхъ учреждений, организованныхъ государствомъ и отъ него зависящихъ, основанъ былъ первымъ Наполеономъ. Онъ составилъ особую корпорацію, къ которой принадлежала и вся администрація народнаго просвѣщенія, и всѣ учебныя заведенія, подлежавшія правительственному надзору, — словомъ, вся образовательная дѣятельность, выходившая изъ тѣснаго круга семейства. При основаніи французскаго университета дѣйствительно имѣлась въ виду мысль, чтобы внѣ университета не могли существовать заведенія, дающія общее образование; но впрочемъ мысль не была выдержана съ строгой послѣдовательностью: различныя отрасли знанія и различныя потребности жизни требовали особыхъ учебныхъ заведеній, — военныхъ, горныхъ, художественныхъ и т. д., — которыя бы не зависѣли отъ университета. Такихъ особенныхъ учреждений требовала и церковь.

Эти духовныя или церковныя заведенія основались подъ именемъ семинарій, и цѣлью ихъ опредѣлено было образованіе будущихъ духовныхъ лицъ. Французскія семинаріи не были похожи на кіемскія семинаріи, конвикты и богословскіе факультеты въ университетахъ, потому что въ послѣднихъ принимаются уже люди, окончившіе первоначальное воспитаніе, болѣе или менѣе зрѣлые и способные опредѣ-

лить себя дѣятельность въ жизни. Французскія семинаріи, напротивъ, устроены были въ смыслѣ постановленій тридентскаго собора: будущіе священники поступали въ заведеніе въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, и уже съ самаго начала получали совершенно особенное образованіе, рассчитанное на ихъ будущее званіе. По уставамъ тридентскаго собора воспитанники должны были дѣлиться на классы по ихъ возрасту и по степени церковнаго образованія, прежде чѣмъ перейдутъ къ непосредственному служенію церкви. Французская церковь примѣнила это требованіе къ своимъ заведеніямъ такимъ образомъ, что кромѣ простаго раздѣленія на классы совершенно отдѣлила высшее богословское образованіе отъ низшаго пригготовительнаго обученія, и вмѣсто одного устроила два разряда заведеній: *petits séminaires* и *grands séminaires*, и въ то же время начала стараться о томъ, чтобы привлечь въ «малыя семинаріи» и такихъ молодыхъ людей, которые нисколько не предназначали себя къ духовному аваню.

Такимъ образомъ духовныя школы переставали быть спеціальными заведеніями, и потому теряли право быть независимыми отъ свѣтскаго надзора университета. Императорскіе декреты 1808—1810 г. дѣйствительно подчинили ихъ свѣтской власти и потребовали, чтобы наставники семинарій держали экзаменъ въ Сорбоннѣ, богословскомъ факультетѣ, принадлежащемъ къ университету. Съ этого времени начинается борьба церкви съ университетомъ, до сихъ поръ еще не конченная. Церковь покорилась правилу, которое считала стѣснительнымъ, но послѣ паденія имперіи, уже въ 1814 г. успѣла освободиться отъ свѣтскаго надзора; политическое значеніе церкви воротилось снова, и она достигла того, что завѣдываніе духовными школами было предоставлено исключительно епископамъ и нѣкоторымъ духовнымъ конгрегаціямъ. Правительство хотя и удержало еще нѣкоторыя правила, ограничивавшія ихъ притязанія, но въ то же время предоставило имъ выгоды, которыхъ духовныя школы не имѣли прежде, напримѣръ, воспитанникъ семинаріи могъ являться къ экзамену на степень бакалавра, которая прежде ограничена была вѣдомствомъ университета. Эта выгода имѣла большое значеніе въ порядкѣ тогдашняго образованія и помогла духовенству привлечь въ семинаріи множество недуховныхъ воспитанниковъ; кромѣ того, обученіе давалось въ семинаріяхъ бесплатно, и это также дѣйствовало на семейства, которыя затруднялись платой. Политическое вліяніе ультрамонтановъ въ эпоху реставраціи еще болѣе помогло духовнымъ заведеніямъ распространиться до тѣхъ предѣловъ, которыхъ собственно не допускала буква закона: иезуитское воспитаніе и ультрамонтанскіе вкусы были тогда во всей своей силѣ.

Все это нарушало права университета и вызвало наконецъ разу-

ную реакцію. Правительство рѣшилось возвратить духовныя школы къ ихъ спеціальному назначенію и освободить воспитаніе отъ ультрамонтанскихъ вліяній. Декретомъ 1828 г. закрыто было восемь іезуитскихъ семинарій; іезуитамъ и другимъ конгрегаціямъ, которыя не были признаны государствомъ, запрещено было участіе въ воспитаніи юношества; число воспитанниковъ духовныхъ заведеній ограничено было 20,000, и приемъ постороннихъ учениковъ запрещенъ; съ 14 лѣтъ воспитанники должны были надѣвать духовное платье; дипломъ бакалавра они получали только принявши посвященіе. Несмотря на эти мѣры должны были совершенно измѣнить положеніе дѣла; но духовенство было довольно сильно для того, чтобы ускользнуть до нѣкоторой степени отъ исполненія закона; аристократическіе приверженцы старшей линіи Бурбоновъ рассчитывали на участіе духовенства въ своихъ планахъ и съ своей стороны поддерживали его стремленіе, такъ что новый порядокъ духовныхъ училищъ мало удалился отъ прежняго: архіепископъ парижскій строго запретилъ духовнымъ воспитанникамъ посѣщать лекціи университета; семинаріи опять имѣли постороннихъ, недуховныхъ слушателей.

Въ этихъ натянутыхъ обстоятельствахъ вспыхнула іюльская революція. Духовенство не могло ожидать отъ нея большихъ выгодъ, но на дѣлѣ оно почти выиграло. Конституція 1830 г. объявила свободу преподаванія, чтобы оно не ограничивалось монополіей университета и чтобы была возможность независимаго образованія. При организованіи низшихъ школъ, на которыя мало обратило вниманія законодательство перваго Наполеона и которыми занялись теперь, надзоръ за школами предоставленъ былъ не университету, а мѣстнымъ властямъ, и церковь получила при этомъ возможность проводить свои собственные интересы. Затѣмъ начался вопросъ о среднихъ заведеніяхъ. Министерскій проектъ (Вильмена) и здѣсь такъ же, какъ въ элементарныхъ школахъ, допускалъ къ преподаванію каждаго француза съ незапятнанной нравственностью, но требовалъ, чтобы знанія свои онъ доказалъ посредствомъ государственнаго экзамена, а этотъ экзаменъ онъ предоставлялъ корпораціи университета. Эта мѣра должна была распространиться на все среднія заведенія, въ томъ числѣ и на духовныя семинаріи, и потому духовенство страшно возстало противъ проекта, несмотря на то, что въ вознагражденіе ему проектъ предлагалъ отмену ограниченій, наложенныхъ на семинаріи въ 1828 г.

Духовенству казалось послѣднимъ дѣломъ подчиниться университету, который никогда не смотрѣлъ благоприятно на ультрамонтанскія нехотѣлъ допускать въ зависѣвшихъ отъ него школахъ клерикальскихъ тенденцій. Поэтому духовенство употребило все средства, явные и тайныя, какія только были въ его рукахъ, чтобы помѣшать проекту

Вильмена. Началась ожесточенная полемика против университета, ультрамонтаны настраивали всѣхъ своихъ приверженцевъ противъ министерства, въ палаты поступало множество просьбъ о полной свободѣ преподаванія, которую духовенство толковало въ свою пользу. Просить дѣйствительно было взять назадъ. Сальванди, смѣшившій Вильмена въ министерствѣ, хотѣлъ примирить враждующія стороны,—хотя это было вовсе не легко. Объявить свободу преподаванія въ томъ обширномъ смыслѣ, какого желало духовенство, значило бы просто отдать народное образованіе въ руки церкви, которая горячо къ этому стремилась изъ собственныхъ видовъ и владела на то значительными средствами. Уступая ему, надобно было идти противъ университета. Сальванди сдѣлалъ эту уступку тѣмъ, что измѣнилъ составъ высшаго совѣта народнаго просвѣщенія, имѣвшаго существенное значеніе въ министерствѣ. Этому совѣту предоставляемо было совершенно самостоятельное вліяніе въ дѣлахъ министерства; составленный исключительно изъ людей одной профессіи, онъ постоянно руководился однимъ корпоративнымъ духомъ и крѣпко держался своихъ цѣлей. Такъ онъ съ самаго учрежденія своего боролся противъ усилій церкви и клерикаловъ. Сальванди уничтожилъ замкнутость этой корпорации—состоявшей изъ членовъ только пожизненныхъ,—и измѣнилъ ее прибавкой членовъ, которые должны были назначаться министромъ на одинъ годъ (1845). Такимъ образомъ онъ уничтожалъ упреки въ корпоративномъ пристрастіи, которые дѣлало духовенство высшему совѣту, — но на дѣлѣ совѣтъ оставался съ тѣмъ же характеромъ, какимъ и прежде отличалось вліяніе университета. Въ 1847 году Сальванди дѣлалъ другую уступку; онъ предложилъ проектъ закона, уничтожавшаго ограниченія 1828 года противъ духовныхъ школъ, впрочемъ онъ удерживалъ изъ нихъ весьма важныя пункты—ограниченіе числа воспитанниковъ и недопущеніе къ преподаванію іезуитовъ.

Февральская революція привела совершенно иной порядокъ вещей. Духовенство вдругъ выиграло все то, къ чему оно такъ долго стремилось. Съ президентства Луи-Наполеона и второй имперіи наступилъ для системы народнаго просвѣщенія новый періодъ. Клерикальная партія должна была быть его политическимъ союзникомъ, и для нея сдѣланы были всѣ уступки, которыхъ она желала для себя въ дѣлѣ народнаго образованія. Цѣли правительства и церкви сходились впрочемъ, какъ мы видѣли, очень близко; помогая духовенству, правительство дѣлало и свою выгоду: подавить университетъ значило подавить и свободу народнаго развитія,—этого только и было нужно. Эта мѣра шла параллельно съ другими: стѣсненіемъ политической свободы, уничтоженіемъ парламентскихъ учреждений и свободы печати.

Тенденціи новаго правительства обнаружилась очень ясно въ законѣ 15 марта 1850 года, который составляетъ основу новаго законодательства о народномъ просвѣщеніи, дѣйствующаго теперь во Франціи. Мы увидимъ, что правительство достигало въ этомъ обѣихъ цѣлей, и положительнаго ослабленія университета и возвышенія духовенства, епископовъ и духовныхъ конгрегацій. Бартеlemi Сентъ-Илеръ, имѣвшій возможность близко слѣдить за составленіемъ закона, уже тогда говорилъ, что «явная цѣль закона состоитъ въ томъ, чтобы разрушить, если возможно, университетъ, и замѣнить свѣтское образованіе церковнымъ,» что «малыя семинаріи и іезуиты при этомъ законѣ получаютъ то, въ чемъ всегда отказывали имъ Наполеонъ, реставрація и Луи-Филиппъ, т. е. господства надъ воспитаніемъ націи» (*). Для людей, понимавшихъ дѣло, и тогда уже видны были тайныя побужденія и цѣли правительства.

Не смотря на явное желаніе заслонить университетъ и выдвинуть на первый планъ духовныя конгрегаціи, правительство старалось вездѣ дать приличный видъ своимъ нововведеніямъ. Основной принципъ законодательства былъ высказанъ въ демократически-свободной формѣ, и первымъ пунктомъ закона была поставлена полная свобода преподаванія (*l'enseignement est libre*), какой и слѣдуетъ, конечно, быть въ либеральномъ государствѣ. Министерское наставленіе, посланное ректорамъ академій при введеніи закона, объясняетъ, что «въ этомъ законѣ нѣтъ тѣхъ засгавъ, которыя ставило прежнее правительство,» что новый законъ «освящаетъ вмѣстѣ и свободу отца семейства и свободу гражданина, который могъ съ этихъ поръ безъ предварительнаго разрѣшенія заниматься воспитаніемъ юношества;» министръ требовалъ «благоклонности и покровительства ректоровъ ко всемъ заведеніямъ, гдѣ юношество будетъ воспитываться по началамъ порядка, нравственности и добродѣтели» (**).

Слово *порядокъ* въ употребленіи министра имѣло уже въ себѣ тотъ смыслъ, какой оно получило потомъ въ цѣлой системѣ второй имперіи; этотъ мнѣшій порядокъ оправдывалъ потомъ всѣ стѣснительныя мѣры правительства; во имя этого порядка искоренялись потокомъ во все испротивляя правительству явленія французской общественной жизни.

Съ самаго начала обещанія вопроса въ комиссіи, назначенной для редакціи органическаго закона 15 марта, обнаружился тотъ новый элементъ, который долженъ былъ теперь получить силу въ системѣ народнаго воспитанія. Первая реформа касалась высшаго совѣта на-

(*) Barth. de St.-Nilaire, Loi sur l'instruction publique, 1850, pp. 4, 17, 23 и др.

(**) Instruction ministérielle, adressée aux recteurs, 27 avr. 1850.

роднаго просвѣщенія (*conseil supérieur de l'instruction publique*). Составъ его былъ совершенно измѣненъ: вмѣсто прежнихъ членовъ, знавшихъ свое дѣло и вѣрныхъ своей профессіи, въ советъ введены посторонніе люди, больше изъ важныхъ сановниковъ, и между прочимъ четыре католическихъ епископа, такъ что прежніе спеціальные члены совета (теперь уже впрочемъ зависѣвшіе отъ правительства) остались въ слабомъ меньшинствѣ. Бессильные члены совета должны были назначаться правительствомъ. Когда при обсужденіи этого проекта, одинъ изъ оппозиціонныхъ членовъ комиссіи выразилъ желаніе, чтобы бессильные члены совета выбирались по крайней мѣрѣ изъ представителей разныхъ отраслей знанія, министръ возразилъ, что выборъ ихъ не долженъ быть мималъ стѣсненъ для правительства, и что назначеніе ихъ будетъ находиться подъ отвѣтственностью министра и президента республики. Въ томъ же смыслѣ устроено было провинціальное управленіе академій, и такимъ образомъ вліяніе прежняго университета и его тенденцій было подорвано въ самомъ корнѣ.

Но чѣмъ же выразилось духовенство при вступленіи своемъ въ область прежняго университета? Монсеньоръ Паризисъ, одинъ изъ членовъ комиссіи, съ самаго начала заявилъ, что присутствіе членовъ французскаго духовенства въ высшемъ советѣ вовсе не будетъ значить, что они «должны будутъ помирить свое чистое и непоколебимое ученіе съ тѣмъ, что они считаютъ заблужденіемъ.» Онъ прямо возсталъ противъ «союза философіи и религіи», когда другіе хотѣли этой любезной фразой объяснить сильное представительство клерикаловъ въ высшемъ советѣ, — которое въ первое время особенно поражаемо своимъ контрастомъ съ прежнимъ независимымъ университетомъ, еще такъ недавно стоявшимъ въ открытой борьбѣ съ иерикалами и иезуитами. Монсеньоръ Паризисъ выразилъ свое понятіе о будущей роли духовенства въ слѣдующей фразѣ:

«Не знаю, правильно ли я понимаю наше положеніе во Франціи; но мнѣ казалось, что религіозныя преслѣдованія невозможны между нами. Я думалъ поэтому, что еслибы католическіе епископы объявили этому высшему совету, что *сведеніе той или другой книги, той или другой программы* было бы въ обученіи молодыхъ католиковъ нарушеніемъ ихъ религіи, — то другіе не захотѣли бы, не могли бы ошечалить, преслѣдовать убѣжденіе ихъ совѣсти».

Само собою разумѣется, что преслѣдовать ихъ совѣсти никто не изъявилъ желанія, и фраза была принята собраніемъ. Опредѣленіе книгъ, допускаемыхъ въ школы, было однако дѣло очень важное, и ясно, что ультрамонтанскій епископъ, который не хотѣлъ ни за что мириться съ тѣмъ, что онъ считалъ заблужденіемъ, могъ крайне вредить

разумному преподаванію. Вліяніе его въ этомъ случаѣ могло быть очень рѣшительное: хотя оффиціальній комментарий закона и говорилъ, что указаніе не-ортодоксальности въ книгѣ, со стороны епископа, еще не обязывало бы совѣтъ *темчасъ* отвергнуть ее, не прибѣгая къ большинству голосовъ, но изъявлялъ надежду, что когда епископъ одѣлаетъ это указаніе, то министру нужно будетъ только «обратиться къ чувствамъ совѣсти и приличія другіихъ членовъ совѣта и что большинство совѣта *конечно* не откажется отвергнуть книгу». Мы увидимъ дальнѣе, что возможны были даже и религіозныя притѣсненія, которымъ не хотѣлъ вѣрить монсеиору Паризисъ.

Вторымъ важнымъ для правительства пунктомъ въ этомъ дѣлѣ было возвышеніе духовныхъ конгрегацій. Это было сдѣлано статьями 25, 31, 53 и 60 новаго законодательства, которыя впрочемъ не представляли съ виду никакихъ клерикальныхъ тенденцій; все существенное было сказано въ комментаріяхъ. Первая изъ этихъ статей объявляла, что каждый французъ, старше 21 года, представивши доказательства своей способности, могъ свободно обучать во всей франціи; служитель церкви не нуждался и въ доказательствахъ. Это совершенно развязывало руки духовнымъ конгрегаціямъ, которыя прежде ограничены были по большей части извѣстными округами и мѣстностями, гдѣ находились ихъ учрежденія; теперь членъ конгрегаціи, не имѣвшій права выходить за предѣлы своего округа, свободно явился всюду, — не какъ членъ конгрегаціи, а «какъ французъ болѣе 21 года». Комментарій ко второй статьѣ далъ право муниципальнымъ совѣтамъ приглашать учителей изъ духовныхъ обществъ по собственному усмотрѣнію: совѣтъ просто обращался къ суперьюру такой конгрегаціи, который и представлялъ своего кандидата. Затѣмъ члены конгрегацій получили право открывать частныя училища, не только высшія, но и среднія. Въ комментаріяхъ высчитано четырнадцать разныхъ конгрегацій, получившихъ теперь это универсальное право народнаго воспитанія. Это были Frères de la doctrine chrétienne разныя округовъ; Frères de l'instruction chrétienne, также въ нѣсколькихъ округахъ; Frères St. Antoine, St. Joseph, Petits frères de Marie и т. д.

Наконецъ 60-я статья, возбуждавшая самыя сильныя споры, давала права обученія лицамъ, которыя бы даже принадлежали къ обществамъ, не признаннымъ отъ правительства. Дѣло главнымъ образомъ касалось іезуитовъ, которую еще недавно вызывали противъ себя ожесточенныя филианники, встрѣчавшія полное одобреніе лучшей части общества, литературы и молодого поколѣнія. Комиссія, составленная проектъ закона, холодно и недоброжелательно отзывалась о «старомъ смерѣ, который бы напрасно кто нибудь задумалъ возобновить», и утверждала, что республика не должна ни стѣснять корпо-

рацій, ни покровительствовать имъ; она должна видѣть передъ собой только наставниковъ и гражданъ, «у которыхъ никто не имѣетъ права спрашивать то, что должны знать только Богъ и ихъ совѣсть». Требованіе епископівъ, чтобы конгрегаціи, желавшія получить право обученія, обнародовали свои статуты, встрѣтило горячія возраженія и не было принято;—у иезуитовъ вовсе не было ескоты печатать статуты ордена. Комиссія, въ которой духовенство было очень сильно, объясняла впрочемъ весьма откровенно новый законъ:

«Провозглашая всеобщее право обученія, — писалъ одинъ изъ членовъ ея, — законъ въ особенности имѣлъ въ виду общество Лигуэа, которое довело до высшей степени совершенства искусство образовывать молодые сердца для служенія истинѣ и справедливости, и которое одно владѣетъ тайной вводить идеи порядка въ духъ высшихъ классовъ общества. Послѣ изгнанія, почти вѣковаго, которое было самымъ громкимъ успѣхомъ ненависти и лжи, это общество нашло наконецъ благосклонный законъ, подъ тѣнью котораго оно можетъ залечить свои старыя раны, наточить свое оружіе и идти къ еще болѣе великимъ успѣхамъ».

Мы уже упоминали прежде о томъ постановленіи закона, въ силу котораго общины и департаменты могли, если бы вздумали, передавать свои школы епископамъ. Въ этомъ случаѣ епископъ дѣйствовалъ просто въ качествѣ частнаго покровителя школы; онъ назначалъ всѣ лица и самаго директора школы, но отвѣтчикомъ за школу, если бы это оказалось необходимо, оставался одинъ директоръ. Такимъ образомъ епископъ оставался наружно въ сторонѣ, но очевидно, что школа была совершенно въ его рукахъ. Для среднихъ духовныхъ школъ молча уничтожены были всѣ степенія 1829 года, и по 70-й статьѣ они оказались въ самомъ выгодномъ положеніи: директора и наставники свободно могли принадлежать къ непризнаннымъ корпораціямъ, — ихъ объ этомъ не спрашивали; число воспитанниковъ не ограничивалось; они не обязывались надѣвать духовнаго платья; въ школы свободно допускались экстерны; воспитанники могли получать дипломы бакалавра *es-lettres*, наравнѣ съ воспитанниками другихъ заведеній.

Чѣмъ обнаружилось вліяніе этого закона, мы уже говорили. Оно обнаружилось очень скоро; одинъ нѣмецкій педагогъ (Гольцапфелъ), наблюдавшій французскія школы въ 1852 году, жалѣлъ уже объ упадкѣ университета и не сомнѣвался, что послѣ онъ будетъ упадать еще больше. Въ какіе нибудь два года, по введеніи закона, до двадцати свѣтскихъ гимназій уже перестали существовать или переданы были иезуитамъ; о явшахся школахъ нечего и говорить. Разнаго рода «братья» больше и больше захватываютъ школы въ свои руки. Под-

держиваемые своими богатыми средствами, братья могутъ содержать воспитанниковъ только за половину той платы, какую берутъ частныя пансіоны, содержащіеся однакою платою за воспитаніе. Эта дешовизна заставила многія общины, затрудненныя своими денежными дѣлами, освободиться, съ одобренія правительства, отъ всякихъ расходовъ на училища, передачею ихъ братьямъ, которые охотно принимаютъ на себя всю задержку. Такимъ способомъ идетъ попытка — безъ шума скинуть сътыю монашескаго воспитанія, по всей Франціи, обученіе низшаго класса и уничтожить первоначальное свѣтское образованіе. Такова судьба коммунальныхъ школъ. Частныя училища, разумѣется, подвергнутся истребленію еще быстрее: у нихъ нѣтъ никакой защиты отъ произвольнаго закрытія. Союзъ между правительствомъ и католическимъ духовенствомъ породилъ преслѣдованіе протестантовъ. Ихъ училища подъ предлогомъ общественной пользы безоглядно закрываются. Мы приводимъ одно изъ запрещеній. Читатель обратитъ вниманіе на выраженія, нанесчтанныя у насъ курсомъ.

«Академическій совѣтъ Варскаго департамента. Принимая въ соображеніе, что г. Гибо, прибывъ для учрежденія частнаго протестантскаго училища въ Лагодскую общину, гдѣ не было ни одного лица, по своему происхожденію принадлежащаго къ протестантскому вероисповѣданію и объявляющаго себя таковымъ, ввергнулъ оныя раздора въ означенную общину, съ той поры подвергавшюся несогласіямъ и раздорамъ;

«Принимая въ соображеніе, что закрытіе означенной школы требуетъ многими лицами и особенно весьма властями, облеченными правомъ попеченія о порядкѣ и общественной нравственности, какъ единственнаго и необходимаго средства возстановить спокойствіе и тишину въ означенной общинѣ;

«Находя, что необходимо и полезно столкнуться и примириться съ этимъ смысломъ право запрещенія по требованію общественной нравственности;

«Приказавъ означеннаго Гибо, совѣтъ безъ апелляціи налагаетъ на основаніи статьи 28, закона 15 марта 1850 года, и единогласно постановляетъ:

- «1) Вышеозначенное требованіе принимается въ уваженіе;
- «2) Вышеупомянутая школа должна быть немедленно и навсегда закрыта;

«13 января 1851 года».

Свидѣтели, на которыхъ въ особенности указываетъ приведенный нами декретъ — агенты правительства; судья, произносящій декретъ, — также агенты правительства, ежегодно назначаемые мнѣ-

строге народного преподавания и избираемые почти исключительно из чиновников получавших жалованье; кроме этих чиновников, непрофильные члены академического суда — описаны того округа; председатель суда, ректоръ, — административный начальник одного из учебных округов. Такого образа первоначальное преподавание, поставленное в полную зависимость от академических советов, находится совершенно в руках правительства.

Уже одна передача народного воспитания в руки клерикалов способна была произвести в немъ тѣ результаты, которыхъ ожидало правительство. Мы видѣли, что клерикалы съ самаго начала стали шаграть на идеи порядка, которымъ они станутъ внушать обществу. Но важнѣйшія измѣненія происходили въ самой системѣ преподаванія. Тутъ правительство старалось по возможности искоренить предметы, мутяущіе умъ общія понятія, какъ напримеръ, философію, исторію и всеобщую литературу. Оно жалало замѣнить образованныхъ людей дроссированными специалистами, лишёнными всякаго знакомства съ предметами, касающимися нравственныхъ и политическихъ вопросовъ. Потому степень бакалавра литературы перестала быть необходимымъ условіемъ для полученія другихъ дипломовъ. Воспитанники, дошедшіе до четвертаго класса лицейскаго преподаванія, могутъ освобождаться отъ слушанія другихъ курсовъ, объявивъ, что посвящаютъ себя точнымъ наукамъ. Эта мѣра подраздѣленія курсовъ и слишкомъ рано начатой специальности воспитанія осуждается просвѣжденнѣйшими и опытнѣйшими людьми, какъ смертельный ударъ нравственнымъ усилкамъ націи. Она дала мальчикамъ законную возможность уклониться отъ большей части ученія въ тѣ годы, когда умственный трудъ кажется скучнымъ, и въ такомъ возрастѣ, когда человекъ еще не способенъ къ разсудительному выбору карьеры, — дала имъ произволъ подъ именемъ свободы, которая отнята у взрослыхъ людей. Вредныя послѣдствія этой мѣры уже обнаруживаются очень сильно, а если она продержится долго, — сдѣлаются еще болѣе губительными. Изученіе предметовъ, дающихъ человеку истинно гуманное образованіе, уже ослабло во Франціи. Не довольствуясь тѣмъ, что сдѣлали для большинства молодыхъ людей ненужнымъ приобрѣтеніе степени бакалавра литературы, обрѣзали и исказили курсы, изучаемые молодыми людьми, которые приготавливаются къ этой степени. При Бурбонахъ, исторія, не пользовавшаяся расположеніемъ правительства, не имѣла особеннаго профессора и преподавалась какимъ нибудь учителемъ другаго предмета. При Луи-Филиппѣ эта несообразность была отиѣнена, и исторія сдѣлалась предметомъ specialнаго изученія, которое производило школу замѣчательныхъ писателей. Нынѣ начали возвращаться къ тому правилу,

такое было при Бурбонахъ. Въ школахъ, гдѣ вѣковъ было только одинъ преподаватель исторіи, онъ самъ вѣдалъ; но, такъ, гдѣ преподавателей исторіи было тысячами, число ихъ сократилось, и въ высшихъ классахъ преподаватели, словесныхъ наукъ, вѣнано въ обязанность и преподаваніе исторіи, безъ увеличенія, однакоже, числа его уроковъ. Имя философіи затронуто, какъ слово равносильное съ понятіемъ о революціонныхъ тенденціяхъ; казель, обязательный для ея изученія, получили средневѣковое названіе класса логики, и объемъ преподаванія въ немъ ограниченъ самыми тѣсными рамками. Греческій языкъ исключенъ изъ преподаванія, такъ что непосредственное знакомство съ греческими донятіями ослаблено. Въ экзаменѣ на степень бакалавра слѣдуютъ раздѣлы же латинскія; вопросы изъ исторіи и философіи сокращены въ числѣ, и предметы эти дичены пражней важности; кромѣ того, преподаватели обоихъ названныхъ отраслей знанія подвергнуты строжайшему надзору. Былъ, наиримѣръ, слѣдующій случай, достоверность котораго несомнѣнна. Преподаватели исторіи были однажды приглашены къ своимъ начальникамъ и получили отъ нихъ приказаніе преподавать въ католическомъ духѣ (*catholicement enseigner*), изучать религіозныя и политическія принципы «вадкого вѣка», *grand siècle*, Людовика XIV, и удерживаться отъ цитированія историковъ новой школы, въ особенности Огюстена Тьерри и Мишье.

Третью или высшую степенъ образованія составляютъ факультеты, въ которыхъ приобретаются ученые степени. Ихъ пять: философскій, точныхъ наукъ, богословскій, юридическій и медицинскій. Факультеты эти разбросаны по всей Франціи, и кромѣ Париза нѣтъ ни одного города, который бы имѣлъ всѣ пять факультетовъ. Жалованье профессоровъ среднимъ числомъ простирается до 5,000 франковъ; дополнительнымъ жалованьемъ за экзамены оно увеличивается отъ 6 до 8 тысячъ франковъ въ провинціяхъ, и отъ 10 до 15 тысячъ въ Парижѣ. Въ отношеніи къ высшему образованію имѣлись въ виду тѣ же самыя цѣли, какъ относительно среднихъ и первоначальныхъ училищъ: повсюду сокращался и обрѣзался объемъ преподаванія. Достаточно будетъ привести одинъ замѣчательный примѣръ. Когда Жюль Симонъ отказался дать присягу, потребованную послѣ 2 декабря, и сложить съ себя званія профессора исторіи древней философіи въ парижскомъ словесномъ факультетѣ, эта важная кафедра осталась навсегда вакантною въ такомъ учрежденіи, которое считается первымъ въ ряду высшихъ учебныхъ учреждений; къ замѣнѣ ея была учреждена филологическая кафедра.

Изъ специальныхъ заведеній, входящихъ въ составъ французскаго университета, болѣе всего заслуживаетъ вниманія Нормальная

школы. Цѣлью ея учрежденія было приготовленіе наставниковъ и, по плану ея организаторей, она должна была имѣть всѣ средства къ достаточному обширному образованію. Ея студенты, допускаемые не иначе, какъ съ дипломомъ бакалавра и по выдержаніи конкурса, оставалось заведеніе послѣ трехлѣтняго курса, не получая никакихъ привилегій; кромѣ естественнаго отличія, приобретаемаго молодымъ человѣкомъ, доказавшимъ свои способности. Воспитанникъ Нормальной школы, желавшій получить должность преподавателя, обязанъ подвергаться конкурсу наравнѣ со всѣми другими кандидатами на это званіе; но достоинства этого заведенія заслужили всеобщее уваженіе и потому молодые люди посѣщаютъ его собственно для того только, чтобы получить основательное образованіе, не имѣя въ виду никакихъ выгодъ. Чтобы увеличить пользу, приносимую такимъ учащимся, и приобрести способныхъ преподавателей для высшихъ учебныхъ заведеній, при Луи-Филиппѣ началось учрежденіе начальныхъ нормальныхъ школъ, и распространеніе ихъ считалось предметомъ первой важности. Правительство Луи-Наполеона, напротивъ, не благо-расположено къ нимъ. Что касается до провинціальныя нормальныхъ школъ, вмѣсто того, чтобы содѣйствовать ихъ распространенію, правительство принимаетъ рѣшительныя мѣры къ уменьшенію ихъ числа, такъ что на восемь или на десять департаментовъ не приходится часто ни одной нормальной школы.

Сверхъ учебныхъ учреждений, составляющихъ университетъ, Франція имѣетъ два учебныя учрежденія съ оригинальнымъ характеромъ и независимымъ устройствомъ, отъ котораго они приобретаютъ чрезвычайную важность, — это Collège de France, учебное учрежденіе, и Institut, ученое общество. Collège de France, не входящій въ составъ университета, пользуется особенными привилегіями, и долго былъ не только знаменитымъ учащимся для молодыхъ людей, но и мѣстомъ ученой дѣятельности знаменитѣйшихъ французскихъ мыслителей. Тутъ были въ первый разъ сообщены свѣту, въ видѣ лекцій, блестящія изслѣдованія, которыми прославились Гюго, Мишле, Кувенъ, Кинэ и другіе, — эти изслѣдованія, которыя сдѣлались литературною славой Франціи и предметомъ наученія для изслѣдователей цѣлой Европы. Благодаря этому, французскій коллежумъ приобрѣлъ громкую знаменитость, — и заслуги, принадлежавшія его профессорамъ, какъ ученымъ, получали въ которое вознагражденіе въ привилегіяхъ, предоставленныхъ ихъ званію. Глава коллежума, называвшійся его администраторомъ, избирался профессорами, которые сами, правда, назывались министрами народнаго просвѣщенія, но непременно только изъ числа двухъ кандидатовъ, представляемыхъ на вакантное мѣсто, — одинъ по избранію профессоровъ коллежума;

другой по избранію Института. Коллегиумъ пользовался также правомъ назначать исправляющихъ должность профессоровъ въ замѣну тѣхъ профессоровъ, которые не имѣли времени сами читать лекцій. Это знаменитое учрежденіе, бывшее пріютомъ духа независимыхъ и неустойчивыхъ изслѣдованій, обеспеченное въ своей самостоятельности такими обширными правами, конечно, было опасно для конституціонной системы, и она нарушила его прежнія права. Когда Бартаелеми Сентъ-Илеръ отказался отъ званія администратора, правительство лишило профессоровъ права выбора и назначило администраторомъ Ставизлава Жюльона. Преслужившая форма — предлагать министру двухъ кандидатовъ, потеряла силу, потому что министръ освобожденъ отъ обязанности назначить профессоромъ одного изъ этихъ двухъ кандидатовъ. Наконецъ, коллегиумъ лишенъ права назначать исправляющихъ должность профессоровъ. Бывшій министръ народного просвѣщенія, Фортуль, чтобы избавиться отъ непріятности видѣть избираемыми въ кандидаты людей, неудобныхъ для правительства, назначалъ читать курсы въ коллегиумѣ своихъ кліентовъ, не давая имъ имени профессоровъ и называя ихъ просто *chargés des cours*. Однимъ изъ первыхъ распоряженій его преемника, Рулана, бывшаго министра просвѣщенія, было объявленіе, что эти незаконныя назначенія уничтожаются, но черезъ нѣсколько недѣль сего же онъ вздумалъ назначить профессоромъ латинской поэзіи молодого человека, въ пользу котораго нельзя было пріобрѣсть голосовъ ни въ институтѣ, ни въ коллегиумѣ; а начать свою министерскую дѣятельность неуваженіемъ къ ихъ рекомендаціи министру не хотѣлось; потому онъ рѣшился формально измѣнить своему обещанію и прибѣгнуть къ условію своего предшественника. Потомъ Руланъ еще не одинъ разъ имѣлъ случай повторить этотъ оборотъ. Слѣдствіемъ всѣхъ этихъ стѣсненій было то, что *Collège de France* сталъ сильно упадать при второй имперіи: лучшие профессора его должны были сойти со сцены или даже совсѣмъ эмигрировать изъ Франціи, какъ Эдгаръ Кинё, и мѣста ихъ заняты людьми, совершенно незначительными и конечно безопасными для правительства, въ родѣ Филарета Шалля. Люди независимыхъ мѣній, какъ Лабуле, которыхъ еще не могли или не хотѣли выгнать правительство, въ сущности мало опасны по умѣренности ихъ цѣлаго образа мыслей, и оппозиція ихъ ограничивается безвредными намеками. Измѣнилась и аудиторія; *Collège de France*, въ 40-ые года полный восторженной и свѣжей молодежи, большею частью бываетъ почти пустъ или наполняется, у немногихъ любимыхъ профессоровъ, толпой слушателей изъ иностранцевъ, пожилыхъ буржуа, и *habitués*, которымъ нечего дѣлать. Настоящій классъ студентовъ являлся рѣдко въ аудиторіи.

Французскій институтъ по своему положенію и привилегіямъ — единственное учрежденіе подобнаго рода въ цѣлой Европѣ. Государство признало его независимымъ представителемъ науки и мысли. По своему уставу онъ совершенно освобожденъ отъ всякаго вѣнша-тельства правительства, самъ избираетъ своихъ членовъ, и формально признавался однимъ изъ главныхъ составныхъ частей государства: конституція 1830 года возложительно упоминаетъ объ институтѣ, какъ одной изъ корпорацій, которымъ должны служить питомцами наставъ и вѣровъ. Ясно, какъ неважно для нынѣшней системы должно было казаться учрежденіе, столь независимое, проникнутое живымъ сознаніемъ своего достоинства, огражденное отъ востороннихъ вѣншательствъ, являвшееся наряду наставникомъ того, какъ уважалось предками просвѣщеніе, храмомъ котораго было оно. Но даже нынѣшняя система, при всей своей отважности, считаетъ иногда нужнымъ надѣть общественное нѣвѣіе, и до сихъ поръ не осмѣливалась открыто нарушать права института, довольствуясь выказывающимъ пренебреженіемъ къ его членамъ, часто бывающимъ предметами пошлыхъ и мелочныхъ оскорбленій. Такъ, министръ народнаго просвѣщенія Рулякъ подвергъ профессоровъ музея естественной исторіи, которые всѣ члены института и составляютъ славу науки, инсентивированію молодыхъ и темныхъ людей, обнаружившихъ при этой инсвекціи свое неумѣіе и неумѣіе великими промахами, возбудившими смѣхъ всей Европы. Въ то же время правительство нѣтается подъ именемъ «Историческаго комитета» основать зависящее отъ власти ученое учрежденіе, которое бы отняло у института его первенствующее положеніе въ мірѣ науки. Предсѣдателемъ тутъ министръ народнаго просвѣщенія, назначающій его членовъ, въ число которыхъ вошли и тѣ члены института, которые допустили оклеветать себя въ тому. Этотъ комитетъ долженъ руневодить всѣ ученыхъ и литературныхъ обществъ Франціи, даже тѣ, которыя не получаютъ никакого пособія отъ государства, и наблюдать за ними. При открытіи «Историческаго комитета», Рулякъ обратился къ его членамъ съ рѣчью, въ которой открыто выказалъ цѣль его учрежденія и позволялъ себѣ множество напосковъ на то, что институтъ — учрежденіе обветшалое, лишнее ученыхъ достоинствъ.

Неудивительно, что система, стремившаяся внушить націи чувство безогчетной субординнаціи, стремившаяся возвратить времена Людовика XV, искала союза съ католическимъ духовенствомъ, которое по своей натурѣ всегда было оверозе подобныкъ традиціямъ, вѣрнымъ разоборцамъ насильнаго подчиненія. Противъ такого союза было одно возраженіе: съ 1789 года основною чертою государственнаго устройства Франціи сдѣлалась независимость государственной вла-

ети отъ католическихъ воспитателей, а Луи-Наполеонъ постоянно провозглашалъ свою вѣрность принципамъ 1789 года. Но это сознѣ-
нiе было совершенно отстранено тѣмъ воспоминанiемъ, что Напо-
леонъ I, какъ только началъ трудиться надъ приобретениемъ себѣ
безграничной власти, сталъ думать, что восстановление бисшотской
католической iерархiи — одна изъ необходимыхъ принадлежностей
его идеала, такъ, чтобы блескъ французскаго католицизма озарилъ
своими лучами его престолъ и внушалъ нечтительный страхъ народу.
Кромѣ того, самое положенiе Луи-Наполеона дѣлало необходимою
для него союзъ съ французскимъ духовенствомъ. Его система провоз-
глашала себя обновительницею народной жизни; надобно было про-
повѣдывать народу ея доктрину, а съ принципами умственной жизни
Луи-Наполеонъ сталъ въ непримиримую вражду, и не отсюда ему
было заимствовать нужныхъ ему матеріаловъ для его доктрины,
кромѣ, вѣкъ изъ круга идей, поддерживаемыхъ католическимъ ду-
ховенствомъ. Потому вторая имперiя приняла его въ свое благораспо-
ложенiе и осмыкала милостями, надѣясь заглушить въ немъ стремленiя
вѣсты и купить у его вѣзвма искреннее и восторженную привержен-
ность. Епископы получили почести, давши имъ высочайшее полити-
ческое значенiе въ шархiяхъ; кардиналы были по самому своему сану
объявлены членами сената. Но надежда обратить нѣмѣншесъ француз-
ское духовенство въ сословіе, одушевленное національными чувствами
или какою нибудь политическою привязанностью, кромѣ шепета, —
даже заблужденiе. Французскіе монахи — не французы, а римляне
панской курии; — они всѣ примкнули къ ней по сознанию, что еписко-
пы, грешащiи католичеству и католическому духовенству, могутъ
быть отвращены только неразрывнымъ союзомъ всѣхъ его членовъ.
Съ важными головами мѣтiи, принятыя только немногими фанатиками
въ то время, когда де-Мостръ первый выказалъ ихъ, распространи-
лись между французскимъ духовенствомъ и теперь считаются столь
же необходимыми для его членовъ, какъ вѣрованiе въ основные дог-
маты католицизма. При Луи-Филиппѣ правительство старалось дѣ-
лать епископами людей умѣренныхъ и расположенныхъ къ терпимос-
ти; несмотря на то, за немногими исключенiями, всѣ епископы
были защитники ультрамонтанизма. Они чувствуютъ, что идетъ бор-
ба за существованiе съ увеличивающимся духомъ вѣка; враждебны
для нихъ, и потому соединять силы — и вести войну, — вотъ необходи-
мая мѣра католическаго духовенства, равнодушнаго ко всему друго-
му и не предпринимавшаго никакихъ маневровъ, возмущенныя содѣйст-
вовать достиженiю этой цѣли. Прочность правительствъ не имѣетъ ни-
какого интереса для французскаго духовенства, которое смотритъ на
ихъ разрушенiе и восстановленiе только по отношенiямъ къ себѣ

собственной выгодѣ, не вытравивъ даже привѣтливости за прежнее покровительство тѣмъ, которые лишились власти 24 февраля 1848 года. Едва Луи-Филиппъ оставилъ Тюльери, армянскаго маршала приказалъ своему духовенству пѣть: «*Domine salvum fac populum*», а главная католическая газета «*Univers*» называла революцію 1848 года дѣйствіемъ божественнаго промысла; и если вторая имперія падеть, французское духовенство не подвергнется опасности свое могущество рыцарскою преданностью къ благодѣтелю, который, пока еще обладаетъ властью, служилъ предметомъ безпредѣльной лести съ его стороны. Въ сущности ультрамонтанизма есть нѣчто несовершенство съ искреннимъ признаніемъ какой бы то ни было свѣтской власти, независимой отъ папы. Вторая имперія думала, что увлекла собою духовную власть, но принуждена покупать этотъ необходимый союзъ уступками столь огромными, что въ сущности не духовенство служить ей, а напротивъ она своими руками загребаетъ жаръ для іерархіи. Вотъ два замѣчательные примѣра подобныхъ уступокъ: всѣмъ судамъ дана строгая инструкция, запрещающая начинать слѣдствія, которыя могутъ обнаружить, что члены католическаго духовенства бываютъ виновны въ нарушеніи нравственности. Правительство Луи-Филиппа начало печатать драгоценное собраніе историческихъ памятниковъ. Изданіе продолжается и теперь; но издатели, назначаемые министромъ, получили предписаніе не дѣлать никакихъ замѣчаній въ осужденіе убійствъ Варолюмеевской ночи и отмены Нантскаго эдикта. Нельзя не сказать, что неутомимыя усилія католическаго духовенства вознаграждаются успѣхомъ, и что много не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ мѣстностей, извѣстныхъ прежде свободнымъ образомъ мыслей, теперь кажутся подчинившимися вліянію монаховъ. Но это возрастаніе католичества — возрастаніе искусственное, и тепличныя растенія не могутъ выдержать сопрیکосновеній съ чистымъ воздухомъ; когда разрушается дѣшная теплица: примѣровъ тому много въ исторіи іезуитизма, могущество котораго разрушалось отъ одного удара въ то самое время, когда повидимому достигало своего зенита и когда, повидимому, предотвращены были всѣ опасности.

Теперь воспитанникамъ іезуитовъ былъ открытъ свободный доступъ къ политической карьерѣ, и духовенство, не теряя времени, употребило всѣ свои силы на расширеніе іезуитскихъ училищъ. Эти ловкіе педагоги одержали надъ частными школами въ среднемъ образованіи такую же побѣду, какъ братья христіанскаго ученія въ первоначальной преподаваніи. Съ 1849 года іезуитскіе коллегіумы стали быстро размножаться. Они уже основаны въ Мецѣ, Пуатье, Нантѣ, Амьенѣ, Лионѣ, и не будетъ преувеличеніемъ, если скажемъ, что въ

каждомъ скольконибудь важномъ французскомъ городѣ или уже процвѣтаетъ, или основывается иезуитское училище; но западные и южные департаменты представляютъ особенно благоприятную иезуитамъ почву. Въ этихъ коллегіумахъ всѣ профессора должны быть изъ членовъ ордена. Случалось, что за недостаткомъ иезуита, пригоднаго для какойнибудь катедры, она отдавалась свѣтскому преподавателю; но какъ только прискивался иезуитъ, способный занять ее, прежняго учителя прогнали безъ всякаго уваженія къ его заслугамъ. Образование тутъ дается очень обширное, и воспитанники могутъ приготовиться къ слушанію даже курсовъ въ политехнической школѣ, въ Сент-Сирской военной школѣ и другихъ специальныхъ учрежденіяхъ. Обширность курсовъ основана именно на желаніи иезуитовъ удерживать юношу какъ можно дольше подъ своимъ руководствомъ. Богатыя денежные средства, которыя даютъ Братіямъ христіанскаго ученія возможность дешево брать за уроки, находятъ также и въ распоряженіи иезуитовъ и также служатъ для нихъ оружіемъ противъ свѣтскихъ второстепенныхъ училищъ, убиваемыхъ дешезиизмомъ иезуитскаго преподаванія, такъ что множество общинныхъ коллегіумовъ передано въ ихъ руки. А съ другой стороны, частныя школы подвергаются ожесточенному гоненію, особенно когда въ нихъ преподавателемъ или директоромъ католическій священникъ, не принадлежащій къ ультрамонтанской партіи и подозрѣваемый въ расположеніи къ терпимости мѣщій. Такъ, наприимѣръ, въ Мецѣ было превосходное училище аббата Брауна, почтимаго и благочестиваго старика, искренно предавшаго своему исповѣданію и обязанностямъ, но по мѣщіймъ своимъ принадлежащаго къ умѣреннымъ духовнымъ прошлаго поколѣнія. Эта школа, пользовавшаяся большимъ уваженіемъ, казалась затрудненіемъ для иезуитовъ, хлопотавшихъ объ основаніи собственнаго училища въ Мецѣ. Аббата Брауна стали со всѣхъ сторонъ осаждать всевозможными просьбами и предложеніями, склоняя его закрыть школу, и наконецъ стѣснительными мѣрами епископа онъ былъ принужденъ передать свое училище иезуитамъ. Послѣдствіемъ могущественнаго соперничества иезуитовъ оказывается, что школы для средняго образованія теперь ограничиваются, можно сказать, только лицейми и иезуитскими коллегіумами, потому что общинныя и частныя коллегіумы или куплены, или разорены сильныхъ и богатыхъ врагомъ. Потому совершенный обманъ — слова наполеоновскихъ агентовъ, выставившихъ увеличеніе числа учениковъ въ лицейхъ за доказательство того, что французское образованіе перешло въ руки иезуитовъ, — это чистѣйшій обманъ, потому что когда частныя училища закрылись, всѣ отцы, не желающіе отдавать дѣтей къ иезуитамъ, лишены уже всякаго выбора и принуждены посылать дѣтей въ лицей.

Изъ всего, означеннаго нами, достаточно опредѣлится характеръ системы, господствующей теперь въ дѣлѣ народнаго образованія во Франціи. Характеръ этотъ стѣснительный; система очевидно направлена къ тому, чтобы точно такъ же искоренить въ народномъ образованіи возможность живаго политическаго развитія, какъ искореняется она въ литературѣ. Сама по себѣ эта система уже способна, конечно, возбудить негодованіе, потому что служитъ личнымъ интересамъ одного человѣка въ ущербъ правамъ цѣлой націи. Стѣсненіе средствъ развитія есть, конечно, одно изъ самыхъ дурныхъ злоупотребленій власти. Но кромѣ этой нравственной лжи, выдающей обманомъ за систему, она не достигаетъ и той политической цѣли, во имя которой дѣйствуетъ. Остановливая народное развитіе, можно, конечно, довести общество до извѣстной степени отупѣнія, подорвать энергію дѣятельныхъ личностей; можно запугать людей, но запугать цѣлую общественную мысль невозможно, особенно тамъ, гдѣ она уже работала прежде и еще продолжаетъ работать при всѣхъ трудностяхъ своего существованія. Этого послѣдняго нельзя не сказать о современной Франціи: ей могутъ предрекать гибель люди, находящіе, что и вся западная Европа отжила свое время, — но она еще недавно высказала, да и теперь еще высказываетъ иногда идеи, производившія впечатлѣніе въ цѣлой Европѣ, и невозможно думать, чтобы онѣ вдругъ могли оставить ее окончательно. Есть другіе люди, думающіе вмѣстѣ съ правительствомъ современной Франціи, что нынѣшній порядокъ есть лучший для нея порядокъ, что она должна пойти и пойдетъ по той дорогѣ, которую указываютъ ей наполеоновскія идеи, — но это положеніе также фальшиво: достаточно сравнить недавніе факты ея общественной жизни, ея прежнюю многозначительную литературу съ современной дѣйствительностью, чтобы видѣть, что отношенія между прежнимъ и нынѣшнимъ натянуты, насильственны, и что рано или поздно они должны оборваться. Этой будущей развязки не уничтожатъ никакія стѣснительныя мѣры, никакія запрещенія. Странно думать, что запрещеніе можетъ быть дѣйствительно тамъ, гдѣ приходится налагать его каждую минуту; чѣмъ сильнѣе и чаще запрещенія, тѣмъ сильнѣе, стало быть, та масса людей, противъ которыхъ они направляются; но чѣмъ сильнѣе эта масса, тѣмъ опаснѣе становятся запрещенія, потому что тѣмъ больше они раздражаютъ.

Такъ же мало удовлетворительна другая сторона дѣла въ системѣ нынѣшняго французскаго правительства. Его рѣшеніе—рѣшиться переслѣдовать общественныя воззрѣнія Франціи посредствомъ системы воспитанія,—есть способъ дѣйствій весьма макиавеллическій, хотя придумать его было вовсе неумудрено. Но этотъ способъ никакъ не можетъ

считаться вѣрными; онъ неприменимъ тамъ, гдѣ остаются еще люди иного воспитанія, и гдѣ его дѣйствіе можетъ быть тотчасъ парализовано другими тенденціями, тѣмъ болѣе, что никогда невозможно держать воспитаніе подъ строгимъ контролемъ. Результаты воспитанія ускользаютъ отъ самыхъ положительныхъ расчетовъ, и оно достигаетъ часто совершенно иныхъ послѣдствій, чѣмъ можно было бы ожидать: уловить и опредѣлить его вліяніе, — какъ извѣстную административную мѣру, — невозможно, потому что приходится имѣть дѣло съ самымъ неувловимымъ предметомъ — разнообразіемъ человѣческой природы и дарованіемъ. Всѣ усилія такой придуманной системы давленія — ничтожны противъ духа времени и фактовъ общественной жизни: Руссо воспитался безъ вліянія школы; Вольтеръ учился въ школѣ иезуитовъ. Какъ бы ни были прочны повидимому мѣры нынѣшней искусственной системы воспитанія во Франціи, стремящейся въ самомъ зародышѣ дать извѣстный образъ мыслей молодому поколѣнію, — это воспитаніе оканчивается въ сущности чѣмъ нибудь изъ двухъ: или иезуитское воспитаніе внушаетъ дѣйствительно свои принципы, отупляетъ молодежь и дѣлаетъ ее неспособной къ настоящей дѣятельности (какъ, на примѣръ, бываетъ неспособна иезуитская ученость, которая ограничивается одними сухими знаніями и памятью), или она совершенно не успѣваетъ сдѣлать этого, когда въ ея руки попадаетъ сильное дарованіе, и тогда тѣмъ сильнѣе бываетъ реакція свѣжей мысли, которая возмущается стѣсненіемъ.

Въ примѣненіи къ французскимъ обстоятельствамъ, система стѣсненія имѣетъ еще одну невыгодную сторону: правительство можетъ ошибиться и уже ошиблось отчасти въ своихъ расчетахъ на духовенство. Оно надѣялось видѣть въ немъ вѣрнаго союзника, потому что характеръ его дѣйствій на общество соответствовалъ тѣмъ желаніямъ, какія имѣло само правительство второй имперіи. Но правительство не рассчитало духа касты, которая въ сущности стремится къ своимъ особеннымъ цѣлямъ; до извѣстной поры они шли вмѣстѣ, но когда политическія событія заставили правительство разойтись съ клерикальной партіей, она тотчасъ дала ему почувствовать свою власть: ультрамонтанскіе епископы и иезуиты, на которыхъ оно надѣялось, обнаружили явно, что ихъ политическіи принципы совершенно ины, и что они хлопотали только о своемъ интересѣ.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Еще не так давно (а, можетъ быть, даже и совсѣмъ не «давно») мы не только сънисходительностью, но даже съ крайнимъ равнодушіемъ взирали на гражданскія и нравственныя убѣжденія людей, съ которыми намъ приходилось идти бокъ-о-бокъ въ обществѣ. Намъ сдавалось, что убѣжденія составляютъ нѣчто постороннее, сложившееся силою внѣшнихъ обстоятельствъ, силою фатализма, и отнюдь не причастное личной жизненной работѣ каждаго изъ насъ. Совѣсть наша затруднялась мало, смущалась еще менѣе. Если требовалось опредѣлить признаки извѣстнаго явленія, сдѣлать отъѣнку извѣстнаго поступка, мы, безъ излишнихъ хлопотъ, посылали эту покладистую совѣсть въ тотъ темный архивъ, въ которомъ хранилась попорченная крысами и побитая молвою мудрость вѣношъ, и безъ труда отыскивали на пожелтѣвшихъ столбцахъ ея все, что было нужно для удовлетворенія неприхотливыхъ нашихъ потребъ.

Тамъ, въ этомъ мрачномъ краилицѣ нашихъ жизненныхъ воспоминаній лежали всегда готовые къ нашимъ услугамъ ославки старыкъ дѣлъ, надписи на которыхъ гласили: убѣжденія дворянскія, убѣжденія мѣщанскія, убѣжденія холопскія. Кодексъ мудрости, общезнѣтїя и приличїя, кодексъ условной нравственности, условной истинны и условной справедливости былъ всегдѣ тутъ на лицо: стоило только заглянуть въ него, и мы навѣрное знали,

какъ слѣдуетъ поступить намъ въ данномъ случаѣ, какъ слѣдуетъ вести себя вообще. Такимъ образомъ мы узнавали, что дворянину, напримѣръ, не полагалось приличнымъ заниматься торговлею, промыслами, сморкаться безъ помощи платка и т. п., и не полагалось неприличнымъ поставить на карту цѣлую деревню и промѣнять дѣвку Аришку на борзаго щенка; что крестьянину полагалось неприличнымъ брить бороду, пить чай и ходить въ сапогахъ, и не полагалось неприличнымъ пропонтировать сотню верстъ пѣшкомъ съ письмомъ отъ Матрены Ивановны къ Авдотѣ Васильевнѣ, въ которомъ Матрена Ивановна усерднѣйше поздравляетъ свою пріятельницу съ днемъ ангела, и извѣщаетъ, что она, слава Богу, здорова.

Въ эти недавнія, счастливыя времена, мы знакомились другъ съ другомъ, заводили дружескія связи, женились и посягали по соображеніямъ, совершенно не имѣющимъ никакого дѣла до убѣжденій. То есть, коли хотите, они и были, эти убѣжденія, но то были, такъ сказать, убѣжденія брюшной полости, убѣжденія затылка, но отнюдь не убѣжденія мысли. Тотъ, напримѣръ, кто пилъ водку зорную и закусывалъ маршированнымъ грибомъ, улыбался и подмигивалъ, и вообще чувствовалъ себя особенно радостно лишь при видѣ человѣка, который тоже предпочитаетъ зорную всякимъ другимъ настойкамъ, и тоже закусывалъ грибомъ. Между этими двумя индивидуумами была живая связь, существовала возможность обмѣна мыслей и чувствъ. Тотъ, кто игралъ въ ералашъ по три копейки, подыскивалъ себѣ въ общество такихъ именно людей, которые также играли въ ералашъ и также по три копейки, и на приверженцевъ пресеранса смотрѣлъ хотя и не неприязненно, но и безъ сердечнаго участія. И всѣ убѣжденія заключались тутъ въ томъ, что одинъ игралъ рискованно, другой подсиديو, одинъ отъ туза-короля самъ-шесте начиналъ ходить съ маленькой, другой же прямо лунилъ съ туза и короля.

Даже въ томъ безвѣстномъ, но крѣпко сплоченномъ духовномъ узамъ меньшинствъ людей мыслящихъ, на которомъ съ любовью отдыхаетъ воаръ исследователя явлоній нашей общественной жизни, въ тѣхъ немногочисленныхъ кружкахъ, которые въ самыя безотрадныя эпохи исторіи, несмотря на существующую опрестъ слжкоть и темель, все-таки прорываються тамъ и слдтъ, какъ зеленіюшіе оазисы будущаго на песчаномъ фонѣ картины настоящаго, въ тѣхъ кружкахъ, гдѣ необходимость правдств-

наго убѣжденія, какъ внутренняго смысла всей жизни, прина-
сается за безспорную истину, гдѣ члены относятся другъ къ
другу, съ точки зрѣнія убѣжденій, съ крайней строгостью и
взыскательностью, — даже тамъ существовала какая-то патриар-
хальная снисходительность въ сужденіяхъ о лицахъ, стоящихъ
въ жизни и условій кружка, и пользующихся какимъ нибудь
значеніемъ на принципѣ общественной дѣятельности.

Говоря объ NN, мы не давали себѣ труда исследовать,
какого разряда принципъ вносить въ общество дѣятельность
этого человека, но справлялись единственно о томъ, добрый ли
онъ малый или злоецъ. И если онъ оказывался добрымъ, то мы
приходили въ восторгъ, а если еще при этомъ онъ нускалъ намъ
въ носъ сразу, въ родѣ того, что «нелзя, господа, не сочув-
ствовать тому честному направленію, которое характеризуетъ
дѣятельность нмнѣшняго молодого поколѣнія», то мы готовы
были выливать его всего, отъ головы до пятки.

Слѣдствіемъ такой патриархальной простоты нравовъ было
то, что многіе люди очень недѣльные пошли чуть не за гонимъ,
многія рѣчи очень глуныя стали чуть не на ряду съ изреченіями
нудрости. Попробовалъ бы кто нибудь нѣтъ «нашихъ» отнустить
такую штуку, что «нелзя дескать не сочувствовать» и т. д., ве-
рнѣй нѣтъ здѣсь-сидящихъ зажалъ бы ему уста, сказавши: «охота вамъ,
почтеннѣйшій другъ, предаваться такому дремучему праздно-
словію!» — но такъ какъ этимъ празднословіемъ занялся NN,
существо въ нѣкоторомъ смыслѣ неразумное, существо, съ тру-
домъ выповаривающее папа и мама, то въ его устахъ самый по-
зывъ къ празднословію болѣе или менѣе человѣчному, болѣе или
менѣе не изукрашенному обычными ингредиентами нашего дре-
вняго краснорѣчія, уже казался поступкомъ, который мы спѣ-
шили запечатлѣть въ нашихъ благодарныхъ умахъ, гдѣ мы тща-
тельно собирали лепестки для будущихъ вѣнковъ героямъ нашихъ
срдечныхъ вожделеній.

И мы, члены этого строгаго и взыскательнаго, члены этого
воистиннѣ нравственнаго меньшинства, до такой степени искрен-
но восторгались убогими нашими героями, что потребность ли-
заться ушерно засѣла въ насъ даже по сво нору, когда, невди-
мому, нѣтъ уже и побудительныхъ причинъ ни для лизанья, ни
для телачьихъ восторговъ.

Ошибка горькая и обильная послѣдствіями самаго тлетвор-
наго свойства, ибо она отнимала у нашихъ убѣжденныхъ ту без-

поворотную кривизну и силу, безъ которой, немислимо никакое дѣятельное вліяніе на общество, ибо она была причиною безцеленныхъ стачекъ съ несправдою, безобразіемъ и подлостью общественной нравственности, ибо она усложняла насъ въ той пассивной роли наблюдателей-свидѣтелей, которую мы сами себя назвали.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, ошибка и не необъяснимая. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему прилѣпиться, какъ распознать истину отъ лжи, при существованіи всеобщей, почти эпидемической путаницы понятий и представлений? И какъ не примкнуть, напримѣръ, къ ММ., который, по крайней мѣрѣ, умѣетъ конфузиться и краснѣть, тогда какъ, рядомъ съ нимъ, какойнибудь ММ. захамкаетъ свою плоскородную морду, безнаказанно ставя ее переверкь всему благородно мыслящему? Мысль человѣческая съ крудомъ выноситъ одиночество, а чувство и вовсе не терпитъ его. Это свойство человѣческой природы, эта общительность человѣка естественна и что роковое всей его дѣятельности, вынуждая его, независимо отъ него самого, признавать за добро то, что, въ сущности, представляетъ собой лишь меньшую сумму зла. Свидѣтель — Дмухавовскій не только во снѣ, но и на — лу видѣлъ кругомъ себя только свиныхъ рыла: что мудренаго, что омы и Хлестакова призналъ за человѣка? Наши публицисты такъ долго видѣли то же самое, что видѣлъ и вышеупомянутый градоначальникъ: что мудренаго, что въ настоящее время они съ откровеніемъ приглашаютъ согражданъ добать даже въ такихъ случаяхъ, когда, по совѣсти, слѣдовало бы приглашать ихъ шлевать?

Скажутъ, быть можетъ: «зачѣмъ же члены этого добродѣтельнаго, этого мыслительнаго меньшинства не покинутъ образцовъ гражданской доблести средисашихъ себя, зачѣмъ они вторгаются въ ту сферу, гдѣ властвуютъ свиные рыла?» Отвѣтъ на это простой: зачѣмъ, что мысль человѣческая никакъ не можетъ признавать кружка за міръ. Какъ бы ни были для насъ мины и симпатичны люди кружка, какъ бы хорошо ни чувствовали мы себя среди ихъ, все-таки мы не можемъ совершенно обрывать тѣ нити, которыя привязываютъ насъ къ міру, все-таки мы знаемъ, что дѣло, настоящее дѣло, не въ кружкѣ, а внѣ его; и именно въ той темной области, въ которой живуть и дѣйствуютъ Сквордики—Дмухавовскіе.

Но въ особенности мудро было не ошибиться въ выборѣ

героевъ въ послѣднее время. Россияне такъ продолжались въ такіе нибудь нѣтъ лѣтъ времени, что рѣшительно ничего нельзя понять въ этой всеобщей хлестаковщинѣ. Въ публичныхъ мѣстахъ нѣтъ отбоя отъ либераловъ всевозможныхъ преректій, а только слѣпкомъ чуткое и привычное ухо, а шумихою пустовозомныхъ фразъ, можетъ поддѣлать старинную заскоруюлость возрѣшій и какое-то лукавое, чуть сдерживаемое приурочиваніе вопросовъ общихъ, историческихъ къ помпезнымъ интересамъ свѣтлаго двора своей собственной жизни.

Бѣдете ли вы, наприимѣръ, по желѣзной дорогѣ, присмотритесь, сдѣлайте милость, къ тому, что кругомъ ваевъ дѣлается, прислушайтесь къ тому, что говорится въ вагонахъ. И рѣчи, и морды—все, кажется, протестуетъ! И протестуетъ въ какомъ-то плюхопросящемъ, минорномъ томѣ, какъ будто такъ и зуетъ всѣмъ и каждому и въ носъ и въ ротъ, и въ глаза, что д-деската самъ по себѣ ничего, я червь, я слякоть, я клопъ постельный, а вотъ отечество—то, за что страдаетъ!

Вы входите въ вагонъ и садитесь на избранное вами мѣсто; передъ вами располагается почтенный старецъ, украшенный усами, и словно чувствующій себя неловко въ новомъ партикулярномъ платьѣ, которое на немъ надѣто. Идетъ общія суматоха, всегда сопряженная съ первоначальнымъ прилаживаньемъ и усаживаньемъ; какая-то дама, вся блѣдная и разстроенная, чуть-чуть не каждому пассажиру готова покажоваться, что он Grégoire опять-таки потерялъ свой *monseigneur de robe*; какой-то господинъ съ крестомъ на шеѣ застѣнчиво увѣряетъ своего знакомаго, что онъ вообще орденовъ не носитъ, но въ дорогу всегда надѣваетъ крестъ, потому что у насъ безъ этого нельзя. Проходятъ еще нѣсколько почтенныхъ старцевъ, также съ усами и также въ новыхъ партикулярныхъ платьяхъ.

— Какъ! и вы тоже! восклицаетъ вашъ сосѣдъ, лези за руку одного изъ проходящихъ усачей.

— На травное продовольствіе! отвѣчаетъ проходящій, и уныло усмѣхнувшись, отправляется далѣе.

Но вотъ поѣздъ трогается. Быстро пролетаетъ передъ глазами пассажировъ всякая чухъ и гиль: паршивые дѣсочки, чухлые лужочки, чуть дышащія ручеечки. Сосѣда вашего зашѣтно начинается коробить.

— Ну посмотрите, что это за нейзакъ такой! обращается онъ къ вамъ съ какимъ-то жолчнымъ озлобленіемъ.

Вслушайтесь въ его голосъ, и вы безъ труда поймете, что въ этомъ голосѣ есть трещина, и что въ этой трещинѣ засѣла кровная обида.

— Ну, на кой чертъ поѣздъ стоитъ здѣсь десять минутъ! ораторствуетъ усачъ на одной изъ промежуточныхъ станцій:— за границей на обѣдъ только пять минутъ дадутъ;— гнѣтъ, видно, далеко еще намъ до нихъ!

И вѣмотъ до самыхъ Ушаковъ не умолкаютъ бунтовскія рѣчи усатаго сосѣда, и только великолѣпная вилла либеральнаго ферміера Василія Александрыча Кокорева на минуту смягчить его широкое сердце и заставить раздвинуться густо разросшимся его брови.

Для васъ этотъ усачъ — явленіе совершенно новое. Обращаясь къ воспоминаніямъ прожитыхъ лѣтъ, вы отыскиваете въ нихъ образы усачей совершенно особаго рода, усачей съ клубами пѣвы у рта, усачей не внимающихъ и не разсуждающихъ, усачей, снабженныхъ волчьей пастью, и употребляющихъ лисій хвостъ лишь въ виду матеріальной, грубой силы, которая одна имѣла привилегію смирять ихъ бѣшенство. И вотъ сердце ваше начинаетъ мало-по-малу мякнуть и расплзаться; вы съ любовитствомъ и даже съ пріятнымъ изумленіемъ прислушиваетесь къ бунтовскимъ рѣчамъ сосѣда, и находите, что онѣ.... тово.... такъ себѣ.... ничего! Вы не замѣчаете ихъ негнѣности и пустоты, вы оставляете безъ изслѣдованія даже ту трещину въ голосѣ, о которой говорено выше: до того васъ поражаетъ новостъ положенія и неожиданность встрѣчи съ старцемъ, который тѣмъ—то недоволенъ, который почему—то ругается, но ругается безъ прежнихъ раскатистыхъ переливовъ, въ которыхъ такъ и слышалось нахальство и сознаніе ничѣмъ несокрушимой силы.

«Эге!» думаете вы: — «вотъ оно что! вотъ даже въ какія каменоломни пустили свои корни либеральныя тенденціи вѣка!»

И вслѣдствіе этого разсужденія, начинаете смотрѣть на вашего сосѣда, если не съ любовью, то непремѣнно съ отеческою снисходительностью. Смѣю, однакожь, увѣрить васъ, что вы горько ошибаетесь, и что каменоломни все—таки остаются каменоломнями, несмотря ни на какія тенденціи вѣка.

Представьте себѣ, что въ то самое время, какъ вы услаждаете слухъ либеральными рѣчами сосѣда, въ вагонѣ, сверхъ чаянья, отыскивается такой шутникъ, презорливый знатокъ надтреснутыхъ голосовъ и сердецъ человѣческихъ, который

надевать для себя забавнымъ высвистать мнимаго либерала. Вотъ онъ полегоньку подкрадывается къ нему, вотъ онъ шепчетъ ему на ухо:

— А знаете ли, Иванъ Антонычъ, сейчасъ получено извѣстiе, что князь Петръ Мартынычъ предлагаетъ вамъ занять мѣсто начальника таможенного округа?

Господи! какимъ пиковымъ ваятеломъ вывертывается вдругъ Иванъ Антонычъ изъ своего либерализма! какія муравы, какіе водоналы внезапно начинаютъ вертѣться въ глазахъ его! И не придетъ ему даже въ голову, что полученное извѣстiе — пуфъ, что въ вагонѣ, и въ особенности «сейчасъ», невозможно было даже подучить его!

— Вотъ и насъ, стариковъ, вспомнили! вотъ и насъ, старикъ слугъ, не забыли! восклицаетъ онъ съ какимъ-то дѣтскимъ смѣхомъ, внезапно переходя изъ либерализма ругательнаго въ либерализмъ хвалительный.

Подожително завѣрю васъ, что еслибъ былъ просторъ, и поднесъ ему Василій Александрычъ рюмочку, онъ охотно пустился бы въ присядку.

А въ другомъ углу вагона завязывается, между тѣмъ, иного сорта либеральный разговоръ. Женоподобный, укутанный пледомъ господинъ, какъ дважды два четыре, доказываетъ сидящему съ нимъ рядомъ путешественнику французу, что мы отупѣли, и что причину этого отупѣнія слѣдуетъ искать въ непомѣрномъ преобладаніи бюрократіи и въ несносной страсти къ регламентамъ.

— Vous croyez donc que si l'on donnait plus d'essor à la libre initiative des pomeshchiks?... спрашиваетъ французъ, который желаетъ доказать, что онъ отлично хорошо умѣетъ все понимать à demi-mots.

— Voilà, отвѣчаетъ женоподобный господинъ.

— Monsieur est donc pour le système du selfgovernment? продолжаетъ французъ.

— Voilà, отвѣчаетъ женоподобный господинъ, и горделиво оглядывается нищихъ духомъ, сидящихъ въ отдѣленіи вагона.

А нищие духомъ разбѣгаютъ рты отъ удивленія, и начинаютъ подозревать, что между ними сидитъ, по малой мѣрѣ, самъ знаменитый публицистъ и защитникъ свободы Ржевскій, путешествующій инкогнито въ скромномъ образѣ господина Юматова (Юматара въ образѣ лебеда).

Вы, конечно, не раздвигаете мнѣнія нищихъ духовъ; быть можетъ, вы даже находите, что идея о помѣщичьемъ selfgovernmentъ вовсе не такъ смѣла и нова, какъ кажется съ перваго взгляда, ибо она достаточно проявила свои достоинства въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій. Но благодуміе, при пособіи сравнительнаго метода и нѣкоторыхъ историческихъ воспоминаній, опять—такъ беретъ верхъ надъ всѣми соображеніями. Вы не слышали до сихъ поръ, чтобы слово «selfgovernment!» произносилось гдѣ нибудь, внѣ вашего кружка; и вдругъ оно произносится громко, и гдѣ же? въ вагонѣ! и кѣмъ же? какими-то золотыми отарыскомъ нашихъ древнихъ псарей-богатырей! Вы готовы вообразить себя въ Икаріи, гдѣ беспечно ходятъ нагіе люди, и непридуманно выбрасываютъ изъ себя всякій вздоръ, который забредетъ имъ въ голову; вы отнюдь не хотите вѣрить, что находитесь въ любезномъ отечествѣ, гдѣ ходятъ все люди одѣтые, и гдѣ законами общежитія дозволяется изрекать только умныя рѣчи. Васъ это трогаетъ; въ порывѣ умиленія, вы не замѣчаете, что, въ сущности, васъ поражаетъ здѣсь не дѣло, а только звукъ; что точно такъ же смякло бы ваше сердце; если бы кто нибудь изъ этихъ постороннихъ для васъ людей вдругъ произнесъ имя родной Заманиловки, гдѣ протекло ваше безмятежное дѣтство, и напомнилъ вамъ старую няню-Ионовну, гдѣшнюю васъ сказочками про бабу-ягу-костяную погу, про козляточекъ—маляточекъ.... Что за славная, что за благодатная картина встала бы вдругъ въ душѣ вашей! Какимъ теплымъ, какою яркостью лучей и красокъ охватило бы все ваше существо! И съ какою любовью взглянули бы вы на этого незнакомца, который, самъ того не вѣдая, ударилъ по самой чувствительной струнѣ вашего сердца, который заставилъ васъ еще и еще разъ прошептать: «о моя юность! о моя свѣжесть!»

Милостивый государь! слово, столь глубоко васъ тронувшее, имѣетъ въ настоящемъ случаѣ именно то самое значеніе, какое имѣло бы печальное упоминаніе родной Заманиловки. Вся рѣчица заключается только въ томъ, что чувствительность, проявляемая по поводу Заманиловки, весьма невнятна и ни къ чему не обязываетъ, а чувствительность, проявляемая по поводу произнесеннаго въ упоръ хвастливаго словечка, весьма неподдельна, ибо кромѣ неопытности, производимой глазами и носомъ, вѣдутъ къ затѣвнѣ и страшнѣйшей путаницѣ.

Я знаю, вы утѣшаете себя мыслью, что еще немножко, еще

одну капельку—и золотушный юноша самъ собой станетъ на ту прямую дорогу, которая такъ складно рисуется въ нашемъ воображеніи. Ахъ нѣтъ, онъ гораздо дальше отъ этой прямой дороги, нежели его предки, цари-богатыри. Тѣ просто ломили осьи впередъ, какъ ломить впередъ Михайло Иванычъ Тонтыгинъ, пролагая пути сообщенія сквозь чащу лѣсную, а золотушный юноша впередъ не ломить, столѣтнихъ сосенъ не валить, а злобствуетъ тихимъ манеромъ, какъ прилично человѣку благовоспитанному, то есть показывая кукушки въ нарманѣ. Тѣхъ можно было попросту гнать въ бараній рогъ, тѣхъ можно было взять за плечи и поставить на прямую дорогу, если они добровольно на нее не становились, а съ золотушнымъ юношей такъ поступить нельзя. Онъ ужъ понахватался кой-чего, онъ уже развратилъ свою мѣль десяткомъ-двумя забористаго свойства словечекъ, онъ уже покрылся извѣстнаго рода слякью, по милости которой схватить его безъ перчатокъ дѣло весьма затруднительное и щекотливое.

Нѣтъ, вы поразмыслите корошечко, да не удивитесь природѣ-матери, которая допускаетъ, что въ одной и той же головѣ помѣщаются рядомъ такія понятія, какъ *selfgovernment* и *la libre initiative des ремѣschiks!*

Но вотъ и въ третьемъ углу засѣли либералы, и въ третьемъ углу ведется живая и многознаменательная бесѣда.

— А что вы скажете о нашей дорогой новорожденной? вѣдь просто, фатушка, сердце не нарадуется! говоритъ очень чистенькій, съ виду весьма похожій на мышинаго жеребчика старичокъ, бойко поглядывая по сторонамъ, и какъ бы заявляя всѣмъ и каждому: «не смотрите, дескать, что наружность у насъ тихонькая, и мы тоже не прочь войти въ задоръ... Какъ же-съ!»

Вы знаете, что на языкѣ нашихъ мышинныхъ жеребчиковъ, подъ именемъ «дорогой новорожденной» слѣдуетъ разумѣть гласность; а что гласность въ настоящее время составляетъ ту милую бляжку сердца, о которой всѣ говорятъ дремающими отъ радостнаго волненія голосами, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣтно перекошенны рилою на сторону.

Удивительно, отвѣчаетъ другой такой же бодренькій, румяненкій старичокъ:—мы вчера читаемъ съ Петромъ Иванычемъ, да только глаза себѣ протираемъ!

— А помните ли, прежде-то! Получишь, бывало, книжку журнальную либо тебѣ «Труфель», подносятъ, либо «Двумя словами

о происхождении славянъ» подчуютъ... Просто, можно сказать, засоряющая зрѣніе литература была!

— Недавно я, Степанъ Сергѣичъ, статью господина Юматова въ одной газетѣ прочиталъ — просто такъ-таки и говорить: облагородить, говорить, все это нужно, джентри англійскую завести нужно; силу, говорить, силу намъ дайте, да гордости маленько прибавьте, а мы ужъ проберемъ сзади проборъ любезному отечеству!

— Неужто такъ и написано?

— Именно такъ, Степанъ Сергѣичъ! и даже, какъ бы вы думали, даже не въ Петербургѣ и не въ Москвѣ писано, а такъ въ какомъ-то Сердобскѣ — уму непостижимо!

— Изъ рыбарей...

— Именно изъ рыбарей-съ! И что же-съ? книжки тоже печитываютъ... Гнейста тамъ... Такъ-таки прямо и говорить: я, говорить, Гнейста читалъ; жаль, говорить, что не всѣ его читали...

— Н-да; а вѣдь главное—что утѣшительно, Федоръ Алексѣичъ, это-то, что вѣдь всякую штуку на свой манеръ обрабатываютъ!

— Да ужъ насчетъ чего другаго, а на счетъ смѣтти это именно, что противъ русскаго другому не выдти. Возьмемъ, напримеръ, хоть простаго плотника...

Начинаются рассказы о плотникахъ, строящихъ самоучкой великолѣпные дворцы, перекидывающихъ по глазомѣру диковиные мосты и проч. Известно, что анекдоты подобнаго рода еще въ великомъ ходу въ обширной Россійской имперіи, и что они составляютъ тотъ незаблемый фундаментъ, на которомъ мышиные жеребчики созидаютъ славу и надежды Россіи.

— Утѣшительно это, Федоръ Алексѣичъ! какъ себѣ хотите, а утѣшительно это!

— Какъ же-съ, какъ же-съ! вотъ и господинъ Юматовъ; Гнейстъ-то Гнейстомъ, однако и объ совѣтникахъ губернскихъ правлений упомянулъ: это, говорить, не джентри, потому что безъ сапогъ къ намъ приходять, а вотъ предводители и засѣдатели — тѣ джентри, потому что въ сапогахъ ходять; хотъ и вѣтъ у нихъ ни силы, ни гордости...

— Смекалка, значить, есть: про чужое читаемъ, а свое тоже примѣчаемъ!

«Добрые люди!» разсуждаете вы мысленно: «и до нашихъ

могловъ коснулася лучъ свѣта! и ваши сердца растворились жаж-
 дою гласности! Хоть умерительно, хоть черезъ нень коледу,
 а все же вы разсуждаете, все же въ головахъ вашихъ ко-
 вошится какое-то вождѣленіе! Да, и это ужь шагъ впередъ!»
 Но въ сущности, этого шага впередъ нѣтъ, и вы очень неосно-
 вательно думаете, что въ старыхъ, мѣстахъ продырявленныхъ
 мѣхахъ можетъ заключаться новое вино. Я думаю даже, что до-
 бродѣтельное ваше разсужденіе, безъ ущерба для истины, мо-
 жетъ быть заключено слѣдующимъ: «глупые люди! и до вашихъ
 могловъ коснулася эпидемія болтовни! и вы получили способ-
 ность извергать изъ себя цѣлые потоки словъ, лишившихся, по
 милости вашей, смысла и значенія!» и проч. и проч. На мой
 взглядъ, вы были бы правы. Подумайте, что такое, въ самомъ
 дѣлѣ, эти люди, на которыхъ вы взираете съ такою отеческою
 заботливостью! Вѣдь это тѣ самые, которые еще вчера хихика-
 ли и радовались, видя, какъ краснорѣцкій буй-туръ Рыковъ тре-
 скаетъ по зубамъ благоговѣнно взирающихъ на него обывателей
 («строгомекъ, но часть свою въ порядкѣ держать!» говорили
 они); это тѣ самые, которые еще вчера съ умиленіемъ и неиз-
 рѣченной душевною сладостью бесѣдовали о томъ, какъ извѣст-
 ный магикъ и чревоѣщатель Ударь-Ерыгинъ услѣдилъ что-то
 такое, грозящее общественному спокойствію (то самое, что они
 теперь такъ сладостно привѣтствуютъ подъ именемъ давно же-
 ланнаго новорожденнаго), какъ онъ все это искусно накрылъ,
 раздулъ по мѣрѣ силъ своихъ, и приподнесъ кому слѣдуетъ;
 вѣдь это тѣ самые, которые и завтра будутъ кланяться какому
 угодно тельцу, и даже не изъ выгоды, а только потому, что «не
 нами заведено, не нами и кончится». Вѣдь это не люди, а дрян-
 ные людишки, у которыхъ можно позанимствоваться огнемъ для
 сигары, но въ смыслъ рѣчей которыхъ вслушиваться не только
 бесполезно, но даже вредно, по той простой причинѣ, что заня-
 тіе подобнаго рода вливаетъ въ существованіе человѣка отраву
 иррациональности и чревоугодничества.

Я предполагаю, что весь этотъ умственный маскарадъ, вся
 эта путаница понятій и представленій происходитъ оттого, что
 мы вступаемъ, такъ сказать, въ эпоху конфуза. Я не могу со-
 общить положительныхъ свѣдѣній насчетъ того, какимъ обра-
 зомъ и откуда занесено къ намъ это новое въ русской жизни яв-
 леніе. Известно, что мы прежде не только совсѣмъ никогда не
 канувшимся, но, напротивъ того, съ самою любезною откровен-

нестью приступали ко всякаго рода задачамъ. Знаменитая русская поговорка: «тяпъ да ляпъ—и карась» столь долго служила основаніемъ нашей общественной и политической дѣятельности, что нынѣшній конфузъ составляетъ явленіе несомнѣнно новое и невольно обращающее на себя вниманіе. Вотъ все, что можно сказать положительнаго насчетъ происхожденія конфуза; сатъвъ, что касается до деталей, то несмотря на всю новостъ этого явленія, несмотря на то, что оно пришло къ намъ, такъ сказать, изъ нашихъ же глазахъ, исторія его, благодаря запутанности сопровождавшихъ ее обстоятельствъ, уже представляется весьма темною. Мнѣ, напримѣръ, всегда казалось, что истиннымъ насчителемъ конфуза былъ почтенный нашъ писатель И. С. Тургеневъ, который еще въ сороковыхъ годахъ предрекалъ его господство своими Рудиними и Гамлетами Щигровскаго уѣзда, но съ другой стороны, нѣкоторые достойные полнаго вѣртія помѣщики положительно и даже подъ оболочкою тайны (извѣстно, что секретныя свѣдѣнія всегда вѣрлѣе нескретныхъ) удостовѣряютъ, что первый, бросившій сѣмена стыдливости въ сердца россиянъ, былъ императоръ французовъ, Людовикъ Наполеонъ. Предоставляю читателю разсудить между этими двумя мнѣніями; я же нахожу для себя удобнѣйшимъ обратиться къ самому явленію. Откуда бы ни происходилъ нашъ конфузъ, но несомнѣнно, что мы сконфузились и оплошали почти поголовно. Конфузъ проникъ всюду: конфузъ въ сердцахъ помѣщиковъ, конфузъ въ соображеніяхъ почтеннаго купечества, конфузъ въ литературѣ и журналистикѣ, конфузъ въ умахъ администраторовъ. Последние сконфузились сугубо — и за себя и за другихъ. Они почему-то сообразили, что все бремя эпохи конфуза лежитъ на ихъ плечахъ, и что слѣдовательно имъ предстоитъ учетверить свою собственную конфузливость, дабы укрѣпить корни этого невиданнаго у насъ растенія въ сердцахъ прочихъ человѣковъ. Зубатовъ видимо оторопѣлъ. Ударъ-Ерыгинъ, какъ муха, наѣвшаяся отравы, сонно перебираетъ крыльями. Оба видятъ, что на смѣну имъ готовится вдали генералъ Конфузовъ, и оба изъ кожи лѣзутъ, чтобъ предъявить кому слѣдуетъ, что они ничего, что они и сами способны сконфузиться настолько, насколько начальство прикажетъ.

Величественный Зубатовъ! ты, который до сихъ поръ представлялъ собой римлянина Катона, расхаживающаго въ мундирѣ по каменистому полю глуховской администраціи! ты,

который все подумалъ и подмывалъ, въ твердомъ упованіи, что смосишь, наконецъ, самую жизнь, и будешь себѣ гулять одинъ-одиночеконекъ по травкѣ-муравкѣ, среди животныхъ и птицъ домашнихъ! Что съ тобой сдѣлалось? Куда дѣвался твой «*delenda Carthago*», переведенный по русски: «въ бараній рогъ сокну?»

Боже! и онъ застыдился, и вслѣдствіе того помолодѣлъ и помиллѣлъ! Все подпрыгиваетъ, все «хи-хи-хи» да «ха-ха-ха», не то что прежде: «го-го-го» да «ге-ге-ге!» Все провиниться боится, все циркуляры шипеть: «бери дескать при-мѣръ съ меня, съ меня, ангела кротости! взятокъ ни-ни! въ зубы ниже-ни! а съ откупщикомъ амуриться — сохрани тебя Боже!» О крутыхъ мѣрахъ исполнительности и думать забыть. Когда ему докладываютъ, что такой-то исправникъ не соскочилъ съ колокольни, не утонулъ въ стаканѣ воды, не проглызъ сквозь ушко глинное, онъ не ржетъ какъ озаренный: «подъ судъ! подъ судъ его!» а кротко замѣчаетъ: «ахъ, любезный! надо еще справиться: можетъ быть, у него резоны свои есть!» Когда ему объясняютъ, что такой-то Замухрышкинъ цѣлый уѣздъ грабитъ, онъ предварительно полюбопытствуетъ, сколько у него дѣтей, и получивши свѣдѣніе, что шестеро, молвитъ: oh, les enfans! les enfans! ils font commettre bien des crimes! при чемъ непременно поглядитъ по головкѣ своего Колю.

За это всѣ Замухрышкины въ одинъ голосъ величаютъ его ангеломъ, а корреспонденты «Московскихъ Вѣдомостей» — «нашимъ справедливымъ и благодушнымъ начальникомъ». Просители тоже отъ него безъ ума. Всѣмъ-то пообщаетъ, всѣхъ-то утѣшитъ, а если и откажетъ кому, то такъ откажетъ, что отъ удовольствія растеряться можно. Только и слышишь: «ахъ, какъ мнѣ жаль!» да «зачѣмъ вы не пожаловали ко мнѣ раньше!» Стоишь стоишь въ Глуповѣ по случаю учтиваго обращенія.

— И не видывали мы, сударь! говоритъ обыватель. Анемподишь Федотычъ: — и не видывали такого! Бывало, начальникъ-то позоветъ: «а ну-те, говоритъ, чистопсовые! а знаете ли, говоритъ, что васъ всѣхъ правъ состоянія лишитъ велѣно?» Такъ мы, сударь, такъ, бывало, всѣмъ ходуномъ и ходимъ передъ нимъ! А этотъ просто даже и на начальника непохожъ! на судъ-то сажаетъ, папирску подастъ: «расскажите, говоритъ, кака у васъ статистика!»

Видишь, спрашиваю я тебя, величественный Зубатовъ! ты

ли это? Если это ты, то помни, что конфузь входитъ пудами, а выходитъ золотниками, и что однажды еноенную лошады никакія человѣческія усилія не въ силахъ возвратити къ прежней лошадиной бодрости и нестѣмчивости! Что, если вновь когда нибудь приказано будетъ не конфузиться? Что, если вновь приказано будетъ по десяти разъ въ день утопать въ стаканѣ воды и по сту разъ соскакивать съ колокольни? Дрожать за тебя или нѣтъ? Воспрянешь ты, или... но нѣтъ, меня объемятъ ужасъ при одномъ предположеніи... нѣтъ, я не скавалъ, я даже не предполагалъ ничего подобнаго!

И ты, дитя моего сердца, ты любострастный магикъ и чревоѣщатель Ударь-Ерыгинъ! Ты, подсмотрѣвшій у Апфельбаума (даже не у Германа) нѣсколько дешевыхъ фокусовъ, и удивлявшій ими добродушныхъ соотечественниковъ во время артистическихъ путешествій твоихъ по глуповскимъ палестинамъ, — и ты помыслилъ голову, и ты о чемъ-то задумался! Я, который вижу насквозь твою душу, я знаю, что ты задумался о томъ, какъ бы примирить инстинкты чревоугодничества съ требованіями конфуза. Я знаю, что ты увидѣлъ грошъ въ карманѣ твоего ближняго, и что тебя терзаетъ мысль, какимъ бы образомъ такъ устроить, чтобъ выкрасть его. Какъ сдѣлать, чтобъ добрые люди не догадались, что ты занимаешься воровскимъ ремесломъ? Какъ устроить, чтобы добрые люди, даже и догадавшись, все-таки продолжали относиться къ тебѣ, какъ къ человѣку честному? И вотъ ты замышляешь какой-то новый, неслыханный фокусъ, — но увы! кромѣ глотанья ножей, ничего изобрѣсти не можешь, потому что и въ этомъ искусствѣ ты не пошелъ дальше Апфельбаума, и въ этомъ искусствѣ ты еще не научился давать представленія безъ помощи стола, накрытаго сукномъ, подъ которымъ сидитъ душка Разбитной, сей нелицемѣрный холопъ и блюдолизъ всѣхъ Чебылкиныхъ, Зубатовыхъ и Ударь-Ерыгиныхъ, и подаетъ тебѣ, по востребованію, жареныхъ голубей.

Да; усилія твои тщетны, ибо зеленое сукно, которымъ накрытъ былъ столъ, велѣно сдернуть. Разбитнаго застали врасплохъ подъ столомъ въ то самое время, какъ онъ, весь потный отъ духоты, совсѣмъ было состригалъ въ шляпѣ личинку. Двугривенный, бывшій у тебя въ рукахъ, такъ и остался двугривеннымъ, и не превратился ни въ апельсинъ, ни въ полушми-

риаль.... Тебѣ не воспрещается дѣлать фокусы, но дѣлай ихъ безъ сукна, глотай шпаги на чистоту!

А такъ какъ ты еще недостаточно искусенъ для этого, такъ какъ ты трусь и боишься подавиться, то, очевидно, что грошъ, видный тобой въ карманѣ ближняго, тамъ и останется. Да, ты самъ сознаешь, что останется, ты до такой степени сознаешь это, что даже скрѣпя сердце рѣшаешься бросить мысль о благопріобрѣтеніи его. Признаюсь тебѣ, меня очень радуешь такое самоотверженіе съ твоей стороны; я съ любовитствомъ наблюдаю, какъ ты приучаешься къ твоей новой роли, какъ ты, по старой привычкѣ, все еще лебезишь около чужихъ кармановъ, какъ ты похотливо расширяешь ноздри; заглядывая въ нихъ, и какъ, въ то же время, не смѣешь простереть подергиваемую воровской судорогой руку, чтобъ стиснуть чужое достояніе. Другъ! ты до такой степени мило все это дѣлаешь, что добросердечные глуповцы серьезно начинаютъ беспокоиться, ужь не хочешь ли ты подарить имъ самизъ по двугривенному изъ твоей собственной «неистощимой» шкатулки (помнишь ли фокусъ, который показывалъ ты въ Крутогорскѣ, подъ названіемъ: «неистощимая шкатулка, или крутогорскіе откупщики—основатели женскихъ гимназій?»). Истинно говорю тебѣ, что это самый отчаянный фокусъ изъ всѣхъ, которые ты когда либо показывалъ въ теченіе твоей многотрудной жизни, и что еще долго послѣ тебя, твои многочисленные послѣдователи будутъ показывать его почтеннѣйшей публикѣ, подъ названіемъ: «укрошенная страсть къ мошенничеству, или конфузъ — руководитель администраціи».

Но если Зубатовы и Ударь-Ерыгины восчувствовали и помѣли, то какимъ образомъ долженъ дѣйствовать самъ господинъ Конфузовъ? Очевидно, онъ долженъ источать безконечные источники слезъ умиленія, при видѣ тѣхъ задатковъ самостоятельности, которые успѣли проявить въ послѣднее время россияне; очевидно, онъ долженъ восторженно размокать и съ каждой минутой все болѣе и болѣе обращаться въ сырость, подъ знойными лучами гласности!

Поборники конфуза — а ихъ не мало, и большая часть принадлежитъ къ тому достойному меньшинству, о которомъ говорено выше — удостовѣряють, что преобладаніе въ жизни этого элемента все-таки лучше, нежели господство нахальства и грубой физической силы. Когда въ отношенія къ жизни, говорятъ они,

примѣняется нѣкоторое чувство стыдливости, т. е. само собой разумѣется, что и самое развитіе жизни происходитъ безпредѣлственности, нежели въ то время, когда отъ неуклюжихъ прикосновеній къ ней остаются лишь слѣды грязныхъ медвѣжьихъ лапъ.

Въ этомъ силлогизмѣ есть, однакожъ, страшная недомолвка. Во-первыхъ, мы принимаемъ на вѣру, что нашъ конфузъ есть конфузъ дѣйствительный, конфузъ разумный, что въ немъ заключается сознательная попытка къ освобожденію жизни отъ одуряющаго попечительства различныхъ непріязненныхъ ей реакцій началъ. Но мы ошибаемся. Нашъ конфузъ — временный; нашъ конфузъ, въ переводѣ на русскій языкъ, означаетъ неудачіе. Мы конфузимся, такъ сказать, скрѣпя сердце; мы конфузимся, и въ то же время помышляемъ: «ахъ, какъ бы я тебя жамкнулъ, кабы только умѣлъ!» Отъ этого, въ нашемъ конфузѣ нѣтъ ни послѣдовательности, ни добросовѣстности; завтра же, если мы «изыщемъ средства», мы жамкнемъ, и жамкнемъ съ тѣмъ ужасающимъ прозорствомъ, съ какимъ принимается за сытный обѣдъ человекъ, много дней удовлетворявшій свой аппетитъ одними черными сухарями. Во-вторыхъ, конфузъ, пророкъ, въ сущности, тѣ же принципы, которые проводило и древнее нахальство, даетъ имъ болѣе мягкія формы, и, при помощи красивой внѣшности, совершенно заслоняетъ отъглазъ постороннихъ наблюдателей ничтожество и даже гнусность своего содержанія. Силѣ можно отвѣтить силою же; глупости и пустословію отвѣчать нечѣмъ. Отношенія дѣлаются натянутыми и безнравственными. Чувствуешь, что жизненные явленія мельчаютъ, что и умы и сердца изолгались до крайности, что въ воздухѣ словно дымъ столбомъ стоитъ отъ вранья, сознаешь, что между либеральнымъ враньемъ и либеральнымъ дѣломъ лежитъ цѣлая пропасть, чувствуешь и сознаешь все это, и за всѣмъ тѣмъ, какъ бы колдовствомъ какимъ, приходишь къ оправданію вранья, приходишь къ убѣжденію, что это вранье есть истина минуты, придумываешь какую-то «переходную» эпоху, въ которую будто бы дозволяется безнаказанно нести чушь, и на которую, безъ задуманія совѣсти, сваливаешь всякую современную нечистоту, всякое современное безобразіе!...

Согласитесь: ну, не страшная ли это недомолвка, и не лучше ли, не безопаснѣе ли для самаго дѣла къ жи относиться, какъ къ жи, а не придумывать различныхъ оправдательныхъ ухищ-

решій, которые могут только продлить зловерное терпение ея?

Итакъ, протидѣйствовать вранью, обличать его несостоятельностью, отнюдь еще не значитъ протидѣйствовать стремлѣніямъ къ самостоятельности и независимости дѣйствій. Если и у дѣйствительнаго либерализма есть свои характеристическія отгѣнки, дѣлающіе проявленія его крайне разнообразными и нѣжными между собой мало общихъ точекъ соприкосновенія, то тѣмъ большая ненавѣримость разстоянія легла между либерализмомъ, разсматриваемымъ, какъ результатъ цѣлой жизненной работы, и либерализмомъ, не уходящимъ въ глубь далѣе окончательности лжка. Если, чтобъ дѣйствовать сознательно въ томъ или другомъ смыслѣ, необходимо прежде всего опознаться въ многообразіи убѣжденій, необходимо уяснить себѣ истинное ихъ значеніе, то тѣмъ болѣе необходимо умѣть различать убѣжденія искреннія отъ убѣжденій, вызванныхъ прихотью минуты и большимъ или меньшимъ желудочнымъ засореніемъ. Скажу болѣе: тѣмъ сильнѣе и настоятельнѣе сказывается уму и сердцу чувство уваженія къ первымъ, тѣмъ живѣе сознается въ то же время необходимость отрицанія послѣднихъ. Да, именно отрицанія, упорнаго, безпощаднаго отрицанія, потому что эти бессмысленныя фюритуры либерализма, которыми, какъ дровле кашею, наполнены въ настоящее время рты россиянь, мѣшаютъ разлушадъ простой и честный мотивъ его.

Заглянемъ, напримѣръ, въ нашу текущую литературу — что за арѣллице представляется очамъ нашимъ! Увы! это ужъ не то доброе старое время, когда ратовали исключительно наши кондовыя, наши цеховыя мастера! Увы! даже Корытниковы, даже «Профэжіе» и «Прохожіе», несмотря на недавность ихъ появленія, — и тѣ перестаютъ производить впечатлѣніе, и составляютъ уже скромное меньшинство! Увы! литературная нива обмірщилась, литературная нива сдѣлалась простымъ выгономъ, на которомъ властительно выступаютъ Ноздревы, Чертопхановы и Пѣночкины! Ноздревъ! ты ли это, топ шер? Если это ты, то почему ты смотришь такимъ Лафайэтомъ? Или у насъ нынче масляница, а объ масляницѣ тебѣ неловко оставаться самимъ собою? Или, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, тебѣ выгоднѣе быть Лафайэтомъ, нежели прежнимъ, сорви-головой Ноздревымъ?

Каждый часъ, каждая минута вызываютъ новыя требованія, ведутъ за собою новыхъ дѣателей. Еще вчера Глуповъ былъ по-

лонъ хвалебныхъ гимновъ, а нынче онъ ужъ грубитъ, онъ почти ругается! Давно ли кн. Черкасскій торжественно защищалъ розгу, а нынче.... розга, гдѣ ты? По крайней мѣрѣ, Ноадрезъ не только отвергаетъ пользу ея, но даже стыдится и краснѣетъ при одномъ воспоминаніи, что это орудіе составляло когда-то одно изъ самыхъ существенныхъ опредѣленій глуховской гражданственности.

Всѣ «рыбари», которые доселѣ занимались сокрушеніемъ зубовъ и челюстей человѣческихъ, покинули это занятіе изъ опасенія получить сдачи. Но занятіе было выгодно, ибо, съ помощью его, приобреталось право преобладанія въ такъ-называемомъ обществѣ. Безъ него чувствовалась тоска и одиночество; безъ него, земля исчезала подъ ногами, права поспирались и видимо истаявали. Какъ быть? Гдѣ, въ какомъ иномъ принципѣ, искать основанія къ сохраненію драгоценнаго права? Рыбари недоумѣвали, потому что до сихъ поръ они спокойно отдыхали себѣ подъ тѣнью своихъ смоковницъ (такъ называли они навозныя кучи своихъ скотныхъ дворовъ), и даже снова никакихъ не видѣли. Къ счастью, на выручку подоспѣлъ графъ Монталамберъ, который, въ русскомъ извлеченіи, побѣдоноснымъ образомъ доказалъ, что унывать и недоумѣвать не слѣдуетъ. «Возрите на Англію, сказалъ онъ нашимъ рыбакамъ, — вѣдь и вы тѣ же лорды, и вы та же джентри, только безъ гордости и силы: старайтесь добыть и то и другое, и все пойдетъ, какъ по маслу!» Шутка сказать, однакожъ: добыть гордость и силу! Гдѣ ихъ возьмешь? Вѣдь ихъ не добудешь ни бранью ямскою, ни зубосокрушеніемъ! Вѣдь гордость и сила составляютъ продуктъ исторіи, а гдѣ она? Но «рыбари», разъ рѣшившись, не задумались и надъ этими вопросами. «Чортъ съ ней, съ исторіей!» сказали они другъ-другу, — «обходились же безъ нея наши отцы — коллежскіе ассессоры, наши отцы — татарскіе выходцы, наши отцы — эмигранты, — обойдемся какънибудь и мы!» И не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, отчасти пустили шипъ по змѣнному, отчасти защелкали по соловьиному.

И вотъ отчего, въ настоящую минуту, нѣтъ того болота во всежъ пространствѣ глуховскихъ палестинъ, въ которомъ не слышалось бы щелканье соловья-либерала.

Увлеченія мысли, равно какъ и движенія страсти, дѣйствуютъ на людей весьма разнообразно. Однихъ доводятъ они до отчаянія и крайняго упадка нравственныхъ силъ — картина

скорбная, но не унижающая, однакожь, ни отращенія, ни даже изпрошеннаго сожалѣнія къ пациенту, а, напротивъ того, почти всегда возбуждающая искреннюю симпатію къ нему. Ибо въ сегоднешнемъ истощеніи еще чуетъ вчерашняя сила, ибо и самое разрушеніе имѣетъ здѣсь горькій и полный мучительныхъ невгодъ смыслъ. Въ другихъ, борьба, посредствомъ которой мысль искупляетъ будущее торжество свое, производитъ не атонію силъ, а общее ихъ возбужденіе, доходящее до героизма. Мысль, сдѣлавшаяся страстною, мысль, доведенная до энтузіазма—вотъ та волканическая сила, которая изъ сокровенныхъ гдѣрь толпы выбрасываетъ историческихъ дѣятелей, вотъ та неистощимая струя, которая, капля по каплѣ, неотступно долбитъ камни невѣжества и предрасудковъ. Въ третью, наконецъ, волкое волненіе душевное разрѣшается лишь прыщами и подозрительною наскожною сыпью.

Всѣ эти рекламы либерализма, о которыхъ шла рѣчь выше, не больше какъ прыщи, посредствомъ которыхъ разрѣшилось долге сдерживаемое умственное глуповское худосочіе. Я не говорю, чтобъ прыщи были бесполезны, я даже не отрицаю законности ихъ существованія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могу не скорбѣть душою, когда меня утѣряютъ, что дѣло такъ и должно кончиться одними прыщами, и что прыщи составляютъ вѣнецъ исторіи. Исторія, думаю я, должна привести къ просвѣтлѣнію человѣческаго образа, а не къ посрамленію его, и съ этой точки зрѣнія, необычайное изобиліе наскожной сыпи и уморная ея устоячивость не только не радуютъ меня, но, напротивъ того, до глубины души огорчаютъ. Я положительнымъ образомъ протестую противъ претензіи прыщей на право безконечнаго господства въ жизни и противъ того безнравственнаго девиза, съ которымъ они являются въ міръ, и въ сиду котораго абсолютная истина жизни представляется опасною и недостижимою химерой, а вмѣстѣ ея предлагается въ руководство другая истина, заключающаяся въ болѣе или менѣе проворномъ эскамотированіи одной жи посредствомъ другой.

При этомъ я прибѣгаю къ сравненію, и сравниваю себя: если я свой старый синій камзолъ окрашу въ зеленый цвѣтъ, измѣнится ли оттого непрочность самой ткани? если я, отвлостительно затхлаго, отжившаго принципа, ограничусь только перещесеніемъ его съ одного лица на другое, измѣнится ли оттого вродносная сущность его? Не только не измѣнится, но я не получу даже удовольствія обмануть самого себя, ибо, въ первомъ случаѣ

чаѣ, я тотчасъ же убѣжусь, что невинная моя забота повлекла за собой лишь трагу денегъ на окраску негодного платья, а во второмъ — результатомъ моихъ усилій можетъ быть даже болѣзненное соурясеніе.

Очевидно, слѣдовательно, что прыщя не обладаютъ тѣми условіями, съ которыми сопрягается мысль на господство надъ истиной. Ихъ существованіе законно и даже необходимо, но оно обусловливается болѣшимъ или меньшимъ накопленіемъ худосочія. Слѣдовательно, для насъ собственно весь вопросъ приводится къ тому, какую именно сумму историческаго худосочія благопріобрѣли мы до настоящей минуты возрожденія, и на основаніи этого даннаго опредѣлять время, когда начнутъ подсыхать прыщя. Къ сожалѣнію, мы не привели еще въ извѣстность перваго, и потому не можемъ отвѣчать вполне удовлетворительно и на второе.

Однако, признаки подсыханія начинаютъ уже сказываться. Исторія не останавливаетъ своего хода, и не задерживается прыщами. Событія слѣдуютъ одни за другими съ быстрою молніею, и мгновенно засушиваютъ волдыри самыя злокачественныя. То, что вчера было лишь смутною надеждою, нынче является уже фактомъ совершившимся, является побѣдою жизни надъ смертью. Вчерашній либерализмъ сегодня оказывается уже отсталостью. Наступаетъ день разчета, настаетъ пора общаго покаянія.

Если вчера позволительно было ораторствовать и заявлять о сочувствіи, если вчера умѣстно было толковать о необходимости возрожденія, то тѣмъ болѣе умѣстно и позволительно мысленно окончательно расчитаться съ прежнею жизнью, расчитаться не только окончательными языками, но и самимъ дѣломъ. Но во всякомъ случаѣ, не только умѣстно, а даже совершенно необходимо объясняться съ полною откровенностью, безъ утайки и удержанія, и говоря объ чемъ нибудь языкомъ утвердительно, не проносить въ то же время мысленно частицы *me*.

Ибо, какъ ни любезно промедлеть, какъ ни привлекательно приволье дней минувшихъ, но оно невозвратимо.

Да, милостивые государи! оно невозвратимо, и ужъ отчасти хорошо понимаю тотъ холодъ, который объемлетъ ваши сердца при этой мысли: Вы уязвлены сугубо: не только въ вашей неслепой претензіи остановить жизнь, но и въ вашемъ самолюбіи. Вы пѣли и щедали, все въ чаяннхъ, что отъ вашего щелканья ту-

манъ въ болотѣ поднимется; — однако туманъ не поднялся. Вы прикидывались свободолюбцами, все въ чайни, что распущенность мысли и обиліе словонизверженія отведутъ глаза, — однако глаза не отведены. Мысль обміршила, сѣмя брошено, и, какъ ни хлопчите вы, оно фаталистически должно пройти всѣ фазисы своего развитія. Конечно, оно можетъ дать плодъ и сторицею, и можетъ уродиться самъ-другъ, но все-таки желанный плодъ будетъ — это вѣрно. Это другое зерно скуднаго урожая также падеть на землю и также дастъ плодъ. Истинно вамъ говорю, милостивые государи, что я отлично хорошо понимаю тотъ холодъ, который объемлетъ сердца ваши!

Вы видите, что жизнь ускользнула у васъ промежь пальцевъ, что вы, бывшіе до сихъ поръ въ самомъ центрѣ жизненнаго круга, внезапно, какъ бы колдовствомъ какимъ, очутились внѣ его. Вы ли не пѣли жизни дионирамбовъ, вы ли не обращались къ ней льстивыми голосами, вы ли не угрожали ей распаденіемъ, если она не приметъ васъ въ руководители; вы ли, наконецъ, не доносили, не клеветали на нее! И вотъ, однакожь, не помогли ни дионирамбы, ни угрозы: равнодушно катятся-себѣ да катятся волны жизни, и съ каждымъ часомъ, съ каждой минутой откачиваются отъ васъ все далѣе и далѣе, къ далекимъ берегамъ того безпредѣльнаго океана будущаго, который вы не хотѣли и не умѣли изслѣдовать. Истинно вамъ говорю, что я отлично хорошо понимаю тотъ холодъ, который объемлетъ сердца ваши!

Вы припоминаете ваше прошлое, и сравниваете съ нимъ, пустыню настоящаго, — это первая причина скорби.

Вы припоминаете ваши недавнія, еще несостоявшія попытки обмануть жизнь; вы чувствуете, съ невольной краской на лицѣ, что на время сдѣлались ренегатами и, что больше всего, ренегатами неудавшимися; что вы бесполезно посрамляли свои мечты сочувствіемъ къ какимъ-то новымъ началамъ жизни, — это вторая причина скорби.

Вы сознаете, что васъ никто не уважаетъ, что объ васъ никто даже не скорбитъ, ибо для всѣхъ стала ясна арлекинская встрѣча вашей одежды. Вамъ нельзя помянуть добромъ ваше прошлое, а отъ будущаго отказались вы сами; прошлое не признаете вы, потому что дверь въ него заперта напльвомъ ночной жизни и вашимъ собственнымъ ренегатствомъ; будущее не признаете вы, потому что таковъ ужъ законъ исторіи, что

сорь и нечистота фаталистически отменяются ею въ царство тьмы, — это третья причина скорби.

Однимъ словомъ, рассчитывая по пальцамъ, и принимая въ соображеніе, что дважды—два, какъ ни вертись, все будутъ составлять четыре, а не пять, вы приходите къ тому убѣжденію, что для васъ остается одно только приличное убѣжище: смерть, — это четвертая причина скорби.

Истинно вамъ говорю, милостивые государи, что я отлично хорошо понимаю тотъ холодъ, который объемлетъ сердца ваши!

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, я столько же хорошо понимаю и тѣ ругательства, которыми полны ваши души. Горечь ихъ такъ велика, что вы уже не въ силахъ таить ихъ, не въ силахъ долѣе выдержать вашу роль. «Умремъ, но напакостимъ!» восклицаетъ ты, авторъ золотушныхъ фельетоновъ—рекламъ, — ты, идолъ Позревыхъ и Чертопхановыхъ! «Ни поль—пальца! ни четверть шага!» вторитъ взбудараженный тобой юный англоманъ, Сеня Бирюковъ: «*car il faut, à la fin, que nous ayons le courage de notre opinion!*» «*Ayons le courage de notre opinion!*» поютъ хоромъ полосатые, выдохшіеся потомки Буеракиныхъ и Оболюй—Таракановыхъ.

Сеня, мой милый Сеня! я согласенъ, что это своего рода гражданское мужество; но ежели ты думаешь, что тебѣ первому принадлежитъ честь открытія его, то горько ошибаешься.

Не знаю, какъ въ твоихъ палестинахъ, а въ моемъ родномъ городѣ Глуновѣ такого рода гражданское мужество давно ужъ въ ходу. Мы только не отдавали ему надлежащей справедливости и даже не выводили изъ него тѣхъ великихъ рекламъ къ будущему, какія выводили славянофилы изъ всероссійскаго смиренія и послушливости, но оно существуетъ — это вѣрно. Да не можетъ быть, чтобъ и въ твоихъ палестинахъ оно не водилось, это гражданское мужество. Стоитъ только, не краснѣя за себя, потревожить свои воспоминанія, а геройскаго хлама, навѣрное, найдется въ нихъ весьма достаточно.

Сколько разъ, напримѣръ, колотилъ ты своего Цезарюшу за то, что онъ спитъ на твоей шубѣ, покуда ты до упаду отдаешься съ дочерью Матрены Ивановны, или съ племянницами Анофсы Петровны, а онъ и до сихъ поръ продолжаетъ высиживаться на той же шубѣ, — это ли не гражданское мужество?

Сколько разъ ты сѣлъ свою маленькую, курчавую сучку Джипси за то, что она сдѣлывается съ разными неблагообразными

дворовыми вилетками и барбосами, а она и до сихъ поръ связывается, — это ли не *courage de son opinion*?

Сколько разъ ты посылашь на часть новаренка Никитку, за то, что въ твоихъ сумѣ шесторядно появляются то тараканъ, то мочалка, а тараканъ и мочалка и до сихъ поръ продолжаютъ составлять необходимую приправу твоего *dîner de garçon*, — это ли не доблесть неприимъная, доблесть неслыханная, доходящая до аскетизма, до горькой насмѣшки надъ собственной спиной ея обладателя?

Слѣдовательно, и въ этомъ дѣлѣ, ты и твои единомышленники: Грища, Сережа и Коля являетесь не новаторами, а лишь слѣплыми подражателями Петрушки, Никитки и Даниси, съ тою только разницею, что высь, за ваше гражданское мужество, не будутъ ни колотить, ни сѣчь, ни посылаять въ часть.

Тышь не менѣе, откровенность ваша, друзья мои, мнѣ нравится. Во-первыхъ, она отнюдь никому не вредитъ; во-вторыхъ, веселѣе какъ-то смотрѣть на васъ теперь, когда вы на-чистоту ругаетесь, нежели въ то время, когда вы подольщались, грустили и кланчили, и выпрашивали себѣ комбечку; и въ-третьихъ, я не могу не держатъ въ намяти и того, что вы находитесь наканунѣ смерти, а въ такомъ интересномъ положеніи всякая дичность къ лицу. Спросите у меня стаканъ воды со льдомъ, спросите у меня булочки съ чеснокомъ, спросите клюквы, спросите грибовъ — и охотно дамъ вамъ всего этого, ибо знаю, что воздержаніе не подаритъ вамъ ни одной лишней минуты, а удовлетвореніе прихоти утѣшитъ васъ, и вы отойдете въ царство тѣней съ улыбкою, а не съ искривленнымъ ртомъ и стиснутыми зубами.

Итакъ, въ минуту расчета, въ минуту огнущенія грѣховъ, пестрая риза ложнаго либерализма упала сама собою, фраза значительно похудѣла и утратила свою одутловатость, реклама ступшevalась.... Очень приятно!

И, Боже! какъ просто, какъ безхитростно совершилась эта внезапная переѣвна диверси! Почти механически. Мы не дали себѣ труда даже оговориться, мы даже не почтили пубliku наблюдениемъ самыхъ простыхъ приличій, обыкновенно употребляемыхъ при подобнаго рода метафорозахъ. Что за дѣло до того, что насъ уличать въ двоегласіи; что за дѣло до того, что насъ назовутъ Обветыдниками! Чувствуя и цѣня только боль физическую, мы не гонимся за выраженіями, не гонимся даже за толчками, памятуя правило пресловутаго Расплюева, что жалко-

ваться слѣдуетъ тогда только, когда хватить, что называется, до безчувствія.

Но она безхитростность, эта кованная и способность обращаться безцеремонно съ самыми деликатными предметами, имѣютъ и свою полезную сторону. По крайней мѣрѣ, мы, люди искренности, которые съ такою сердечною тревогой взидали либеральнымъ упражненіямъ ревнителей тьмы; мы, которые сгорла въбрили, что каменоломни раскалываются и выявляютъ искреннее желаніе сдѣлаться цвѣтущими и благоухающими садами; мы, которые неусыпно влетали миртъ и лавръ въ вѣнки героевъ, снисходительно улыбавшихся нашей юношеской горячности, — мы убѣдились, наконецъ, что не отъ гробовъ поваленныя прадастогъ ждать слода жизни, что не на нихъ должны вконтиться наши упованія.

— Эти упованія, эти надежды должны быть обращены къ намъ самимъ. Въ нашихъ собственныхъ убѣжденіяхъ, въ жизненности нашихъ собственныхъ силъ должны мы исключительно искать для себя опоры, и ни въ чемъ иномъ.

Но если поколѣніе, къ которому обращаются эти строгіе, почти сдѣлаться достойнымъ своего призванія, пускай оно не пугается исключительности, пускай оно и въ мысляхъ, и въ выраженіяхъ, и въ дѣйствіяхъ соблюдаетъ ту обратность и даже обрзгивость, которая одна можетъ обезценить дѣйствительный успѣхъ въ будущемъ.

Повторяю: мы, люди глуховскаго міра, слишкомъ покладивы, слишкомъ покладисты. Мы во всякой средѣ легко уживаемся, со всякимъ явленіемъ миримся почти безъ сопротивленія. И потому изъ насъ можно липить всякую фигуру, и даже безъ большихъ надержекъ: стонть только по головкѣ поглядитъ и чайномъ побаловать. Удивительная способность таять и обращаться въ сырость умерщвляетъ въ насъ всякую инициативу, всякую попытку къ самодѣятельности. И вѣдь не то горько, что мы таемъ; а то, что мы таемъ искренно, что мы при этомъ криваемся и хихикаемъ, что мы чувствуемъ себя столь же счастливыми, сколь несчастными чувствовали себя наши достойные предки, когда ихъ трепали по плечу ихъ добрые малолѣтки.... И вотъ ялоды: роковая случайность, камъ господствующая стихія въ жизни, непримичный суйбуръ въ понятіяхъ и представленіяхъ и полное отсутствіе серьезности въ обращеніи съ предметами....

Отъ всего этого добра насъ можетъ спасти только удивимая выше опрятность мысли, опрятность чувства. До тѣхъ поръ, пока мы будемъ направо и налѣво раздавать роигnées de main дѣтскому и, подерочному, болѣе принимая въ соображеніе покрой жилета, нежели цокрой мысли, до тѣхъ поръ мы будемъ слабы, мы будемъ жалбы, мы будемъ презрѣны, до тѣхъ, моръ наше слово будетъ подобно песку кулика-поручейника, мовойдно, но бесслѣдно раздающемуся надъ пустынными берегами кормилицы-поилицы рѣки Большой Глуховицы.

Да; только доведенная до героизма мысль можетъ породить героизмъ и въ дѣйствіяхъ! Да, только непреклонности логики дана роковая тайна совершать чудеса!

Итакъ, вотъ къ какому пришли мы результату, любезный сынъ Глуцова!

Но, договорившись до такого заключенія, я чувствую, что сердце мое поражено смущеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, положимъ, что мы освободились отъ всякихъ глуповскихъ обязательствъ, что въ глазахъ нашихъ ужъ нѣтъ героевъ, что руки и умы у насъ развязаны, что мысль наша не робѣетъ и не подраетъ въ прахъ передъ авторитетами, — что жъ дальше?

Вѣдь, навѣрное мы изъ того съ тобой хлопочемъ и бьемся, читатель, что у насъ есть въ запасѣ такая нибудь жизненная мысль, что у насъ дѣются въ виду какія-то новыя жизненныя основы, которыми мы хотѣли бы замѣнить прежнія, пораженныя ржавчиной пружины, еще и донинѣ заставляющія дѣйствовать старыи глуповскій механизмъ. А если все это есть, то неужто же сидѣть намъ, въ скромномъ безмолвіи, надъ нашими сокровищами, неужто жъ прятать намъ ихъ для себя и для пріятелей? Нѣтъ, не сидѣть и не прятать, — это ясно, во-первыхъ, потому, что было бы бессмысленно обладать сокровищемъ и въ то же время съ умысломъ уничтожить его цѣнность, а во-вторыхъ, потому, что если бы и хотѣли мы смиренно сидѣть — не усидимъ ни за что въ свѣтѣ! Другъ! у мысли есть сила особенная, которая такъ и подталкиваетъ челоуѣка впередъ да впередъ, такъ и щедчетъ ему въ ухо: «разскажи да разскажи!»

Итакъ мы будемъ, мы обязаны дѣйствовать, Отлично!

Гдѣ же, въ какой средѣ будемъ мы проводить нашу мысль? Памятуещъ, ли ты, что арена твоей дѣятельности не въ про странствѣ и времени, а все въ томъ же миломъ Глуховѣ, гдѣ

вмнче такъ сладко свищутъ соловьи-либералы, что ты никогда и никуда не уйдешь отъ Глупова, что онъ будетъ преслѣдовать тебя по пятамъ, доколѣ не загонитъ въ зѣмныя пропасти, что онъ до тѣхъ норъ будетъ всасываться тебѣ въ провъ, покуда не доведеть ее до разложенія!

Если ты это памятуешь, то долженъ также знать, что хоти Глудовъ и бесспорно хорошій городъ, но, вибѣтъ съ тѣмъ, городъ, любящій жить въ мирѣ съ дѣйствительностью, и откровенно, даже почти непрямично трусящій при малѣйшемъ намекѣ на разладъ съ нею. Мы, люди стараго глуповскаго закала, любящъ, чтобъ во «всемъ этомъ» было легкое, постепенное и неторопливое впередъ поступаніе, и притомъ чтобъ поступаніе это существовало преимущественно въ нашихъ общественныхъ діалоггахъ, и только самую чуточку переходило въ практику. Ибо подь практикой мы разумѣемъ только самую настоящую, дѣйствительную практику, а не химеры. Мы охотно, напримѣръ, пожертвуемъ какимъ нибудь фестончикомъ, мы охотно побѣдуемъ между собой на счетъ разныхъ этихъ усовершенствованьищъ, мы даже не прочь шепнуть другъ-другу на ушко *que la position n'est plus tenable* («совсѣмъ-таки мелкихъ денегъ достать нельзя — просто смерть!»), но чтобы въ соображеніи наши входили какія нибудь эдакія абстрактности — отъ этого упаси насъ Боже! И главное безъ скандала, *mon cher*, безъ скандала! Ибо согласіе съ дѣйствительностью представляетъ свои безконечныя удобства, ибо согласіе съ дѣйствительностью вносить миръ и благоволеніе въ сердца человѣковъ. *Mon cher!* нѣ очень пріятно видѣть васъ, человѣка съ широкими, непреклонными убѣжденіями; я вамъ сочувствую, и не только съ удовольствіемъ, но даже съ учащеннымъ біеніемъ сердца прислушиваюсь къ рѣчамъ, горячимъ потокомъ льющимся изъ устъ вашихъ; но оставьте же меня наслаждаться этимъ сладкимъ біеніемъ сердца въ спокойствіи, не тормозите, не огорчайте меня, не отрывайте меня такъ насильственно и грубо отъ раковины, въ которой я, съ такимъ удобствомъ, обмялъ себѣ мѣсто! Пусть слушая васъ, я буду воображать себя въ театрѣ, — на это я согласенъ; но чтобы я призналъ за вами право втискивать и меня въ число хористовъ — это ужъ извините! Внимая вамъ, я мысленно созерцаю процессію, несущую съ торжествомъ Іоанна Лейденскаго, я слышу маршь, я слышу хоръ «толпы» — все это очень хорошо, все это раздражаетъ мои нервы, и раздражаетъ,

могу сказать, въ самомъ благородномъ смыслѣ; но не могу же я.... не могу же я.... согласиться, что вѣдь я не могу?

Такова наша глуповская политика, такова наша глуповская философія. И если ты не хочешь дѣйствовать въ пустотѣ, если ты желаешь, чтобъ мы, глуповцы, внимали тебѣ, ты долженъ поддѣлаться подъ нашу масть, ты долженъ признать насъ всецѣло, съ нашею политикой и нашею философіей.

И такимъ образомъ, для твоей дѣятельности представляется два пути: или ты рѣшившись самъ притвориться глуповцемъ, съ тѣмъ чтобъ сначала приучить насъ къ музыкѣ рѣчей, а потомъ, неожиданнымъ движеніемъ руки, и не давши намъ, такъ сказать, опомниться, вдругъ снять съ насъ дурацкій колпакъ, или же прямо пойдешь на проломъ, прямо схватишься за кисточку колпака и будешь тянуть его прочь съ головы.

Если ты послѣдуешь первому пути—ты пропалъ! Во-первыхъ, люди, которыхъ дѣятельность основама на уступкахъ и нравственномъ сводничествѣ, не уважаются. Это ничего, что сами глуповцы первѣйшіе сводники въ мірѣ, и что не пропадаютъ же они отъ этого! Развѣ они уважаютъ другъ-друга? да развѣ они и нуждаются въ уваженіи? развѣ знаютъ они, что такое уваженіе? Они живутъ — и больше ничего. А для тебя уваженіе нужно, ибо ты имѣешь претензію снять дурацкій колпакъ, ибо, не приобрѣти уваженія, ты не «притворишься» глуповцемъ, а сдѣлаешься имъ дѣйствительно. Во-вторыхъ, мы, глуповцы, хотя и простодушный народъ, но имѣемъ чутье острое и цѣпкое. Мы какъ разъ поднюхаемъ, что ты не впрямь глуповецъ, а только прикидываешься имъ. А поднюхавши, мы скажемъ другъ-другу: «аге! да онъ мошенникъ! да къ тому же, слава Богу, и трусь!» И вѣдь патѣшимся же мы въ ту пору надъ тобой! Мы вышлемъ на тебя Зубатова, который, замѣтивъ въ твоей физиономіи нѣчто угрюмое, неподходящее къ дѣтской беззаботности, требуемой правилами глуповскаго этикета, подступить къ самому твоему лицу и тономъ, нетерпящимъ отговорокъ, потребуетъ, чтобъ ты сдѣлалъ «хи-хи!» (И сдѣлаешь, mon cher! и получше тебя люди бывали — и тѣ «хи-хи» дѣлывали!) Мы вышлемъ на тебя Ударъ-Ерыгина, который, видя, что ты принимаешь образъ жалкой, отцовавшей кошки, робко пробирающейся по стѣнѣ, чтобъ стащить со стола кусокъ мяса, подстережетъ тебя и ловко онцаритъ горячими помоями! А мы-то будемъ надрывать отъ смѣху! а мы-то будемъ всапуски нивирять въ тебя, кто камешкомъ.

а кто и полѣнцемъ, въ то время, какъ ты весь въ язвахъ, будешь, подпрыгивая отъ боли, удалаться отъ насъ въ пустыню!

Если ты пойдешь вторымъ путемъ — ты пропадешь сугубо. Представь себѣ, въ самомъ дѣлѣ; такая комическая можетъ выйти изъ этого штука! Съ одной стороны — ты, глуховскій реформаторъ, со всѣмъ энтузіазмомъ убѣжденія, со всею непреклонностью мысли и дѣйствія; съ другой стороны — мы, добродушные глуховскіе граждане, съ нашимъ «потихоньку да полегоньку», съ нашимъ «носившимъ да людей насмѣшивимъ», мы, воспитанные на административныхъ фокусахъ Ударь-Ерыгина... а какъ бы ты думалъ, развѣ мы не заклюёмъ тебя?

Заклюёмъ. Это, какъ святъ Богъ, заклюёмъ. Ишь вѣдь чего захотѣлъ: снять съ насъ дурацкій колпакъ! Да знаешь ли ты, что колпакъ этотъ не столько внѣшнее украшеніе, сколько таинственный продуктъ нашего внутренняго существа? Да чувствуешь ли ты, что колпакъ этотъ не снимается, а соскабливается, и что соскоблить его съ насъ не иначе можно, какъ выскобливъ предварительно самую жизнь нашу? Да ишь ты начальникъ какой нашелея! Да ишь ты пророкъ какой выискался!

И много острыхъ и исполненныхъ праведнаго негодованія словъ пошлемъ мы тебѣ на встрѣчу — и выживемъ—таки тебя, сеньоръ! Если ты съ перваго же раза не убѣдишься, если ты съ перваго раза не бѣжишь съ поля, мы выживемъ тебя постепенными мѣрами, мы исподволь лишимъ тебя огня и воды, мы будемъ выдергивать изъ подъ тебя стулъ, въ то время, какъ ты будешь садиться, мы будемъ внезапно открывать траппы подъ твоими ногами, мы будемъ подсыпаять песку въ твое кушанье.... Однимъ словомъ, нехитростными, вполне глуховскими, но, вѣсть съ тѣмъ, и вполне дѣйствительными мѣрами, изведемъ—таки тебя! Достанетъ ли всего твоего ума, чтобъ противостоять страшной силѣ нашей глупости? Достанетъ ли всего твоего героизма, чтобъ посвятить твою жизнь на предугадываніе тѣхъ остроумныхъ сюрпризовъ, которые наше глуховское досужество будетъ изготовлять тебѣ на каждомъ шагѣ?

Но ты, быть можетъ, усумнишься въ истиннѣ словъ: быть можетъ, ты возразишь, что не все же глуховское общество предано умственному распутству, что и въ этомъ обществѣ, вѣроятно, найдутся элементы свѣжіе, неподкупленные прошедшимъ, которыхъ явная выгода будетъ заключаться въ томъ, чтобы вынять твоему голосу и поддержать его.

На это скажу тебе съ со всеимъ тщаніемъ научалъ Глуповъ, и хотя въ немъ дѣйствительно имѣются указываемые тобой элементы, тѣмъ не менѣе свѣжесть ихъ весьма и весьма сомнительна. Другъ! вѣдь и надъ ними прошла исторія, вѣдь и они не вѣтра рожденныя, а тоже поватаскавшіеся въ пыли вѣковъ, и притомъ такъ сильно поватаскавшіеся, что эта вѣковая пыль, что этотъ навозъ вѣковой сдѣлались существенною частью икъ самихъ, и едва ли не извратили ихъ внутренняго смысла. Поразскажу тебѣ, что знаю, о нашихъ глуповскихъ «элементахъ».

Два сорта есть глуповцевъ: глуповцы старшіе, кушающие сладко, почивающие мягко, щеголяющие въ полосатыхъ одеждахъ и носящие разнообразныя имена и фамиліи, и наконецъ, глуповцы меньшіе, извѣстные подъ общимъ названіемъ «Иванушекъ».

Первыхъ ты знаешь — это народъ отпѣтый. Это тѣ самые, которые такъ занозисто шумаркаютъ въ вагонахъ, которые, въ сущности, ничего никогда не чувствовали, ничему никогда не сочувствовали, ни о чемъ не мыслили, которые не жили, а такъ сказать жили жизнью, какъ ичто съѣдобное, какъ сочный, еще дымящійся кровью кусокъ говядины! Глуповъ нишить ими, этии неборщниками материализма, видящими въ материализмъ только удовлетвореніе требованіямъ человѣческой похоти. Посмотри на всѣхъ этихъ полосатыхъ, выдохшихся и выродившихся потомковъ Буеракиныхъ и Оболдуй Таранановыхъ (а быть можетъ, и икъ куаферовъ), посмотри на этихъ румяныхъ, плечистыхъ и кремнистоголовыхъ представителей славяно-куаферской нашей производительности, и суди самъ, можетъ ли проникнуть какая нибудь мысль сквозь эту плотную каменную обшивку?

— Други! пріятели! Сеня Бирюковъ! Бернгардъ Фербрикеръ! Федя Козелковъ! обнимемъ другъ—друга и протремъ слезы умиленія!

Прежде всего, полюбujemy другъ на друга! Да, мы все тѣ же, крѣпкіи были восемь лѣтъ тому назадъ, когда всѣ вместе, шумною толпой, оставили школьную снатью! да, мы не измѣнили своимъ убѣжденіямъ, мы каждый день по два раза мѣнили на себѣ бѣлье, мы не позволяли себѣ донашивать разорванныя или возусившія шерчавка, мы остались вѣрными требованіямъ и правиламъ хорошаго тона!

Потомъ, помянемъ воспитателей, охранителей нашей юности! Помянемъ и профессоровъ, хотя — помнишь, Сеня? — про-

«ессоръ исторіи и ставилъ тебѣ единицу за то, что ты никогда не могъ различить Геродота отъ Гомера («чортъ ихъ знаетъ! оба на г... начинаются!») объяснялъ ты намъ въ свое оправданіе, и какъ мы помирали со смѣху при этомъ!»).

Помянемъ Луизу блѣднѣющую, помянемъ Бертю чертѣбровую, помянемъ Мину свѣтлокудрую, этихъ истинныхъ, дѣйствительныхъ наставницъ нашей юности!

Но не забудемъ и Бертюна, у котораго мы научились прекраснѣйшимъ манерамъ и обольстительному *comme il faut!*

Выпьемъ, друзья, выпьемъ!

И потомъ отправимся «туда»!

Однако, стой, Сеня! Я не хочу, чтобъ ты меня какънибудь «тамъ» осрамилъ: дай-ко я проэкзаменую тебя, не позабылъ ли ты что изъ наукъ, которыя намъ преподавались?

— А позвольте, милостивѣй государь, узнать, кто нынче первый портной въ Петербургѣ?

— Лѣтъ десять тому назадъ, первымъ портнымъ почитался Сарра, но векорѣ пальму первенства перенялъ у него Шармеръ. Платье Шармера легко и удобно; человекъ, одѣтый этимъ портнымъ, нерѣдко впадаетъ въ недоумѣніе, дѣйствительно ли онъ одѣтъ. Впрочемъ, въ послѣднее время многіе указываютъ на Дюмигрона, какъ на достойнаго соперника Шармера.

— Все. А позвольте узнать, гдѣ можно приобрести, въ Петербургѣ, лучшее мужское бѣлье?

— Все у Лепретра, все у того же несравненнаго Лепретра, или, лучше сказать, у достойнаго преемника его гонія, Лавеса. Нѣкоторые указываютъ на Дюбѣра, но, по мнѣнію моему, это парадоксъ. Рубашки послѣдняго отстаютъ отъ груди, скоро вытягиваются сверху, и вообще такъ плохи, что могутъ быть носимы только людьми средняго рода.

— Сварманъ. Но такъ какъ человекъ не можетъ существовать безъ сапоговъ....

— Понимаю вашу заботливость. Въ этомъ отношеніи Эмерманъ можетъ вполне удовлетворить васъ, хотя, нельзя не сознаться, что мѣсто стараго Пяля до сихъ поръ остается еще незанятымъ.

— Вѣрно! Не я хотѣлъ бы съѣсть что-нибудь.... легальное этакое что-нибудь....

Идите къ Мартену — *vous y trouverez d'excellentes choses!* Можете прибѣгнуть также къ Домону или къ Шотану, но при

этомъ не забудьте погрузить о тѣхъ, которые объявляются уго- лять свой голодь у Палкина и Еремѣева!

— Shame! shame! восклицаютъ хоромъ Бернгардъ Форбри- херъ и Федя Козелковъ.

— Gravissimo! Я вижу, Сеня, что ты не измѣнилъ наукъ, да и наука не измѣнила тебѣ! Идемъ же съ миромъ, и вкусимъ отъ уготованныхъ намъ «тамъ» сладостей!

Вотъ тебѣ старшій нашъ Глушовъ. Надѣюсь, что ты съ пер- ваго же слова поймешь, что тутъ ни на Сеню, ни на Федю, ни на Бернгарда рассчитывать нечего. Но, если ты настолько наив- нень, что будешь упорствовать въ своихъ видахъ на насъ, то предупреждаю тебя: будь остороженъ, ибо мы какъ разъ на тебя и пожалуемся!

Въ самомъ дѣлѣ, сообрази хорошенько: вѣдь мы счастливы, счастливы настолько, насколько мыслительная наша сила спо- собна понимать идею счастья, а счастливому человѣку что нуж- но? Счастливому человѣку нужно, чтобъ его оставили въ покоѣ, чтобъ его не развлекали на мысли горькія, на картины печаль- ныя, чтобъ весь онъ могъ сосредоточиться въ законномъ наслаж- деніи принадлежащимъ ему счастьемъ. Счастливый человѣкъ не любитъ даже, чтобы, во время его прогулки, ему попадался на встрѣчу нищій, и, для огражденія себя отъ подобной неприя- тности, онъ или велитъ убрать назойливаго нищаго куда слѣ- дуетъ, или же торопливо суетъ ему въ руку гривенникъ, и по- томъ цѣлый часъ улыбается, наслаждаясь мыслью, что сдѣлалъ однимъ счастливецемъ на свѣтѣ больше. Съ какой же стати ты заявляешь претензію на наше вниманіе, ты, который хочешь по- тревожить спокойное, роковое теченіе нашей жизни, ты, кото- рый ищешь, чтобъ жизнь поступилась въ твою пользу частью, или даже и всѣмъ своимъ историческимъ достояніемъ! Mon cher! если хочешь, вотъ тебѣ цѣлый полтинникъ, но не приставай къ намъ, не вышуждай, чтобъ мы велѣли куда нибудь тебя убрать!

Что касается до Иванушекъ, то, прежде всего, я долженъ сдѣлать общее, но весьма справедливое замѣчаніе. Можно мы- слять, можно развиваться и совершенствоваться, когда духъ сво- боденъ, когда брюхо сыто, когда тѣло защищено отъ неблаго- приятныхъ вліяній атмосферы и т. н. Но нельзя мыслить, нельзя развиваться и совершенствоваться, когда мыслительнымъ спосо- бности всецѣло сосредоточены на томъ, чтобъ какъ нибудь не лопнуть съ голоду, а будущее судить только чинченіе санеговъ

и пошееніе подносовъ («смотри, подлець! не урони подноса: морда отвѣчать будетъ!» кричитъ господинъ, имѣющій возможность развѣваться и соферишествовать).

Руководясь этими мыслями, наши Иванушки успокоились. Они не смотрятъ ни вверхъ, ни по сторонамъ, а все въ землю и въ землю, справедливо разсуждая, что смотрѣть по сторонамъ и парить подъ облаками — дѣло не ихнее, а Сени Бирюкова, которому на это и крылья даны.... И знаешь ли что? я полагаю, что они даже очень рады тому, что у нихъ выработалась подъ ногами такая солидная историческая почва, потому что, опираясь на нее, они не только освобождаются отъ тѣхъ бесчеловѣчныхъ и горькихъ тревогъ, исходъ которыхъ, если не совсѣмъ безнадеженъ, то, во всякомъ случаѣ, крайне сомнительнъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, приобрѣтаютъ для себя всегда готовую и даже весьма приличную отговорку.

Спроси у глуповца: отчего ты неразвѣтъ, грубъ и невѣжествовъ? Онъ отвѣтитъ тебѣ: а оттого, что тятяма и мамка съ молодю мало сѣбли. Спроси еще: отчего ты имѣешь лишь слабое понятіе о человѣческомъ достоинствѣ? отчего такъ охотно лѣзешь цаловать въ плечико добрыхъ благодѣтелей? и пр. и пр. Онъ отвѣтитъ: а вотъ у насъ Сила Терентьичъ есть — такъ тогъ онамеднисъ, какъ его выстегали, еще въ ноги поклонился, въ благодарность за науку!

Въ самомъ дѣлѣ, что мы за выскочки такіе, чтобы учить другихъ! Мы находимся на исторической почвѣ — и знать ничего не хотимъ. И какъ ты тамъ ни лемайся, какъ ты тамъ ни глумись надо мной, а глуповецъ все-таки останется правъ, сведомъ и доволенъ... потому что онъ объяснился, и объясненіе это вполне снимаетъ грѣхъ съ его совѣсти.

Другое дѣло, если ты пришеешься немалотнѣе, если ты спросишь глуповца, зачѣмъ же онъ не соскочитъ съ этой неудобной исторической почвы? О, въ такомъ случаѣ.... въ такомъ случаѣ, онъ нѣсколько околеузитъ и покраснѣетъ, и.... все-таки постарается свернуть рѣчь на историческую почву.

А впрочемъ, онъ и объясняется—то съ тобой не станетъ! Нашъ Иванушка врядъ ли даже сознаетъ, что подъ нимъ есть такая-то историческая почва. Миѣ кажется, что онъ просто не просто несетъ эту почву съ собой, какъ часть своего собственнаго существа, и даже не подозреваетъ, чтобы тутъ настояла надобность въ чемъ-то оправдываться, что-то объяснять.

По этому поводу считаю не лишнимъ разсказать тебѣ нѣкоторый глуповскій анекдотъ.

Однажды весной, въ самое половодье, подѣзжалъ я къ родному моему Глупову. День былъ базарный, и та часть рѣки Большой Глуповицы, гдѣ была устроена паромная пристань, была буквально усыпана народомъ. Требовался порядокъ; а если требовался порядокъ, то, натурально, ощущалась потребность и въ начальствѣ. Оно и было тутъ на лицо, и на этотъ разъ заблагодарсудило распорядиться такъ, чтобъ ни одна изъ плывущихъ по рѣкѣ барокъ и лодокъ отнюдь не осмѣливалась переплывать за паромный ходъ, покуда не свалитъ весь народъ. Сказано—сдѣлано; барки и лодки остановились и опѣпенѣли, какъ очарованные. Однако, одна лодка соскучилась; къ величайшему своему несчастію, она обладала способностью анализа, и на этомъ основаніи рѣшила, что разсужденіе начальства неудовлетворительно, и что, покуда машина нагружается, сотни лодокъ могутъ очутиться по другую сторону паромнаго хода. Но начальство немедленно подняло гвалтъ, и откомандировало своего дантиста для преслѣдованія и наказанія ослушника. До сихъ поръ все въ порядкѣ вещей, и я, конечно, не остановился бы на такомъ общеизвѣстномъ и общепонятномъ фактѣ, еслибъ, рядомъ съ формальнымъ его проявленіемъ, не раскрывался и внутренній его смыслъ, высказавшійся какъ въ положеніи, принятомъ преслѣдуемымъ, такъ и въ отношеніи къ нему толпы, тѣснившейся на паромѣ.

Преслѣдуемый, какъ только завидѣлъ дантиста, не пустился на утѣкъ, какъ можно было бы ожидать, но показалъ рѣшимость духа изумительную, то есть пересталъ грести, и сложивъ весла, ожидалъ. Мнѣ показалось даже, что онъ заранѣе и инстинктивно далъ своему тѣлу наклонное положеніе, какъ бы защищаясь только отъ смертнаго боя. Ну, натурально, дантистъ ордомъ налетѣлъ, и черезъ минуту воздухъ оглашался воплями раздражающими, воплями, выворачивающими наизнанку человѣческія внутренности.

А толпа была весела, толпа развратно и нодло хохотала. «Хорошень его! хорошень его!» неистово гудѣла тысячеустая. «Накладывай ему! накладывай! вотъ такъ! вотъ такъ!» вторила она мѣрному хлопанью кулаковъ. Только одинъ нашелся честный старикъ, который не вытерпѣлъ и прошепталъ: «разбойники!» но и тотъ, замѣтивъ, что я разсказывалъ невольный его вздохъ,

какъ-то измѣнился въ лицѣ, и сталъ робко пробираться сквозь толпу на ту сторону парома.

Разберемъ этотъ фактъ логически.

Ни слова о дѣйстви паромнаго начальства: оно поступило здѣсь... какъ бы потемнѣе выразиться?... ну да, поступило по соображенію съ обстоятельствами дѣла и идеею собственнаго своего величія...

Исслѣдованію нашему подлежатъ собственно два предмета: положеніе преслѣдуемаго и отношеніе толпы къ происшествію.

Для чего преслѣдуемый не пошелъ на утѣкъ, для чего онъ сложилъ вѣсла? Для того, что онъ фаталистъ, что онъ видитъ вдали силу, и впередъ убѣжденъ, что отъ силы не скрыть ему своего тѣла нигдѣ. Почему онъ фаталистъ, почему онъ вѣрится въ вѣчное, неотразимое торжество силы, онъ самъ этого не объявляетъ себѣ, но онъ чувствуетъ паническое ошеломленіе при одномъ появленіи силы, но онъ, какъ кроликъ при видѣ боа, сидитъ недвижимъ и какъ бы очарованъ до тѣхъ поръ, пока чудовище не поглотитъ его.

Однако, и онъ вздумалъ же однажды протестовать, и, не смотря на запрещеніе, все-таки переплылъ по ту сторону паромнаго хода? Что означаетъ этотъ фактъ? А то, и только то, что ему небезизвѣстно изъ практики, что не всегда сила дерется, но иногда и улыбается, что иногда она благодушна и согласна удовольствоваться тѣмъ, что обругаетъ непотребно, но до зубовъ не коснется: вотъ на эту-то пріятную случайность, на эту-то возможность улыбки онъ и рассчитывалъ.

Но для чего же онъ даетъ своему тѣлу наклонное положеніе, и притомъ такое, чтобы голова, то есть именно та часть тѣла, которая всего болѣе представляетъ шансовъ для смертнаго боя, была по возможности защищена? Неужели смерть не составляетъ для него высшаго блага? Неужели и онъ еще дорожить жизнью? Нѣтъ, онъ не дорожить ею съ разумной точки зрѣнія, то есть не видитъ въ ней блага, одному ему принадлежащаго, блага, которымъ никто посторонній не имѣетъ права располагать по своему произволу; но онъ дорожить ею инстинктивно, дорожить, потому что жаль вчера, живеть нынче, надо же и завтра жить. Онъ трусь, и не пойдетъ открыто навстрѣчу смерти, но встрѣтитъ смерть равнодушно, когда она сама придетъ къ нему, откуда бы и почему бы она ни пришла (время ли тутъ справляться, когда умирать надо!) и еще равнодушиѣе, или, лучше сла-

затѣ, хотѣе, натуральнѣе встрѣтить, если она придетъ къ нему, какое логическое послѣдствіе цѣлаго ряда фактовъ, каковы; на-примѣръ, нобои. Возьмемъ хотя настоящій случай: здѣсь преслѣдуемый укрываетъ отъ ударовъ свою голову, но почему? потому, и только потому, что онъ еще не знаетъ, потребуется ли она. Потребуйся эта голова — ничего! онъ и ее вытащить, и будетъ только охать да звать къ батюшкамъ и матушкамъ, но защищаться не станетъ ни подъ какимъ видомъ — слѣпкомъ учтивъ! И выйдетъ тутъ умертвіе — и больше ничего!

Отъ преслѣдуемаго перейдемъ къ толпѣ.

Скажите, Бога ради, благосклонный читатель, отчего ее не прорвало при видѣ этой гнусной расправы съ однимъ изъ своей среды? Ужели она не доросла, по крайней мѣрѣ, до того сознанія, что нельзя же наказывать не только смертнымъ, но и никакимъ боємъ, и не только такое преступленіе, какъ на-примѣръ нарушеніе бессмысленнаго приказанія пароннаго унтеръ-офицера, но и всякое другое преступленіе, хотя бы оно было во сто разъ тяжелѣе, хотя бы отданное приказаніе было не бессмысленно и отдакъ его не унтеръ-офицеръ, а самъ Ударъ-Ерыгинычъ? Положа руку на сердце, я полагаю, что именно оттого ее и не прорвало, что она не доросла даже до этого понятія. Опытъ — таки повторю: такого рода понятіе доступно вамъ, любезные читатели, вамъ, которые занимались самоусовершенствованіемъ въ тиши кабинета, въ сообществѣ книжекъ или сочувственныхъ вамъ людей, подъ условіемъ взаимнаго обмѣна мыслей и чувствъ, — но недоступно грубой толпѣ, которая, изъ-за куска насущнаго хлѣба, потѣла и выбивалась изъ силъ, вскидывая шлами навозъ на телеги, и потомъ раскидывая его по толпѣ.

Но, сверхъ того, толпа имѣетъ ту же непреклонную вѣру въ роковую необходимость силы, какъ и самъ преслѣдуемый. Она имѣетъ не подъ вліяніемъ умозрѣній, но подъ вліяніемъ дѣйствій эмпириковъ и шарлатановъ, которые научили ее горькому житейскому опыту.

Одинъ угѣшительный фактъ — это старикъ, который вздохнулъ: «разбойники!» Но штъ, и онъ безобразенъ. Какъ онъ подло ступивался, какъ только замѣтилъ, что вздохъ его нѣмѣтъ разлушанъ! какъ робко, съ какимъ наивно-гнуснымъ видомъ сталъ онъ и подмигивать, и подсмѣиваться, и тишкомъ-тишкомъ прѣбираться на другую сторону парона, чтобъ не обмѣнили

его въ христіанскомъ сочувствіи къ ближнему! Положить, что въ его понятіяхъ я былъ однимъ изъ тѣхъ, противъ которыхъ онъ осмѣлился протестовать — что жъ изъ этого? Или протестовать можно только въихомолку? Или ужь такая дечать рокова должна, въ силу которой самое праведное негодованіе разрѣшается лишь кукишемъ въ карманѣ?

Вотъ тебѣ младшій нашъ Глуховъ, вотъ тебѣ нашъ Иванушка!

По этому случаю, мнѣ вспомнился другой анекдотъ, рассказанный мнѣ когда-то нѣкоторымъ глуховскимъ старожиломъ. «Жили да были въ нашемъ Глуховѣ два сосѣда: Иванъ богатый да Иванъ бѣдный. Много было добра всякаго у Ивана богатаго, а еще больше было у него зависти; у Ивана же бѣднаго только и богатства было, что лошади пѣгал. Вотъ только и пожебись Ивану, богатому этотъ пѣганько; присталъ къ сосѣду; продай да продай своего живота. Однако, Иванъ бѣдный заупрямился; не размыслилъ, стало быть, по началу, что если сильному да богатому чего захочется, такъ ужь, значить, тому такъ и быть. «Дядю же, говорить Иванъ богатый, не хочешь за деньги отдать — отдашь даромъ; не хочешь честью раздѣляться — раздѣляешься безчестьемъ!» И возненавидѣлъ онъ его, сударь мой, пуще верога мотаго, и сталъ съ тѣхъ поръ наше общество на него напунять. Собираемъ, бывало, на сходку — сборщика или тамъ добросовѣстнаго выбирать, —ного выбрать? — А чего жь лучше Ивана бѣднаго? говорить Иванъ богатый. — «Катай Ивана бѣднаго!» водить глуховцы. Случится ли воровство по сосѣдству (ужь и дядя же наши глуховцы воровать-то!) — на него подозрѣние ложится? «Ужь это безпремѣнно Иванъ бѣдный украдь!» говоритъ Иванъ богатый: — «потому, онъ человекъ немущій, и, кромѣ его, никому прожить несть. отишь ремесломъ заниматься.» Одно слово: тошно стало жить Ивану бѣдному; прежде бааль онъ немущъ, а теперь и вовсе разорился: Выидеть, бывало, за ворота, лохматый да шитый, глазами впередъ упрется, словно самъ дивуется, какъ это еще жизнь въ немъ держится. Наши глуховские ребята про все это знали, и очень Ивана бѣднаго жалѣли. И сколько разъ жалѣючи ему говаривали: «поиди ты, Ванюшка, своему верогу: простить онъ, это вѣрно — простить!» Однако, онъ все еще крѣпился; сканьеть, бывало, совѣтчицкамъ: «неодѣны вы!» и отойдетъ прочь. Хорошо. Вотъ только пала, однакъ, жь намъ вѣсть о рекрутчинѣ; собралась это сходка, и, натураль-

но, прежде всѣхъ за недоумчивость, приидеся. Германцы, больше Иванъ, богатый. «Эти недоумчивики, говоритъ, всему нашему обществу поношеніе: отъ Ивана—то бѣдлаго, люди, дѣтъ за пять ушатъ никакой мѣты!» Стали судить, да ридить, и приговорили Ивана бѣдлаго, какъ гражданина нерадиваго и порочнаго, отдать въ солдаты безъ очереди. Узнавъ это нашъ Валюшка, словно съ колокольни спрыгнулъ. Прибѣжалъ это на сходку: и прошенья—то просить, и обзываетъ—то нецелесообразно; однако ребята наши тоже, на своемъ стали: «отдать да отдать Ивана въ солдаты!» твердятъ. А у Ивана жена въ цетопленной рубѣ голосомъ галочитъ, а Ивана малыя дѣтки верезгомъ верезжаютъ... Смирился—отъ. Не только пѣгашку Ивану богатому на дворъ свездъ, а сказываютъ, даже не мало въ ногахъ у него убивался. И долъ, сударь, живеть теперь нашъ Иванъ припѣваючи, и сталъ онъ даже Иванычемъ. Иванъ—то богатый, за смиренность, не токмо что прдерзость прежнюю простилъ, а даже за мѣсто благодѣтеля ему сдѣлался... Анъ и выходить, что ласковое—то теля двѣ матки сосеть, а гордому—то да скроптивому и одна сосать не дастъ»...

... Анъ и выходить... выходить что ли, достойный сынокъ Глаупова?

... А можетъ быть ты скажешь мнѣ, что при такихъ условіяхъ жить невозможно. «Невозможно» — это несомнѣнъ такъ, а что «противно» жить—это вѣрно.

Вотъ, однакожь, до чего мы договорились съ тобой. Мнѣ стало грустно, да и читателю, быть можетъ, не совсѣмъ весело. А между тѣмъ, мнѣ не хочется оставлять читателя въ мрачномъ расположеніи духа, мнѣ хочется, во что бы то ни стало, разве-сѣлить его.

И въ самомъ дѣлѣ, изъ-за чего тебѣ мучиться, благосклонный мой читатель! И безъ того слишкомъ одождываютъ тебя мелочи и дразги жизни, мелочи и дразги дѣйствительныя, дающіе себя знакъ и допичиваніями и покарываніями, чтобы къ нимъ прибавлять еще дразги воображаемыя, какіе-то дразги будущаго. Ты берешь книгу въ руки, чтобы развѣдаться, чтобы отогнать отъ себя жизненный кошмаръ, который такъ аккуратно давить тебя, а тебя подчуютъ новыми кошмарами, тебя пригдашаютъ о лямъ—то добезпокоиться, надъ тѣмъ—то задуматься, а пожалуй и помучиться...

Итакъ, будемъ смѣяться.

Передо мной вереницей проходят мимо мои отстаившие герои, мои Фейеры, Живновские, Чебылины, Порфирин Петровича — то-то смѣшные люди... Ха-ха!

Передо мной проходит Аринушка, но уже безъ сумы, потому что ее укралъ Фейеръ, чтобы воспользоваться объѣдомъ порога, который кинула въ нее рука нищелюбиваго купца Хрестьянина... Ха-ха!

Передо мной проходит мой скитникъ, бѣжавшій отъ мира прелестнаго въ пустыни и расъядины земныя, и мирно оканчивающій свой подвигъ въ острогъ... Ха-ха!

Передо мной проходит мой глубокомысленный критикъ, который обвиняетъ меня въ томъ, что я вывожу наружу плутни становыхъ (какъ будто я что нибудь вывожу, какъ будто я кого нибудь обличаю, или обрываю, или упрекаю, или бью по щекамъ, а не просто описываю и изображаю... о милый Глуховъ!) а не вывожу наружу плутней новыше... Ха-ха!

Передо мной проходит моя собственная персона, возражающая вышеупомянутымъ критикамъ: «кто же вамъ мѣшаетъ, друзья, прикидывать, сравнивать и прилагать? дерзайте, дѣти, дерзайте!»... Ха-ха!

Глуховъ! милый Глуховъ! отчего надрывается сердце, отчего болить душа, при одномъ упоминовеніи твоего имени? Или есть невидимое, но крѣпкое нѣкоторое звено, приковылающее мою судьбу къ твоей, или ты подбросилъ въ питье мое зелья, которое безвозвратно приворожило меня къ тебѣ? Кажется, и не пригожъ ты и не слишкомъ уменъ; нѣтъ въ тебѣ ни природного гучей, ни воздуха вольнаго; нищета, да убожество, да лихость, да насиліе... плюнуть бы и пошелъ прочь! Ангъ нѣтъ, всѣ сердца къ тебѣ несутся, всѣ уста поютъ хвалу твою! Странная вещь — то творится тутъ штука: подойдешь къ тебѣ поближе, выкусишь отъ винограда твоего — тошнить; чувствуешь, какъ вляпъ дуракомъ дѣлаешься; уйдешь отъ тебя — плачешь: чувствуешь, что вдругъ становишься словно не самимъ собою!

Отчего жѣ несутся къ тебѣ сердца? отчего же уста сами собой такъ складываются, что поютъ хвалу твою? А оттого, милый Глуховъ, что мы всѣ, сколько насъ ни есть, мы всѣ плоть отъ плоти твоей, кость отъ костей твоихъ. Всѣхъ-то ты прикармливалъ, всѣхъ-то ты воспитывалъ, всѣхъ-то ты напоилъ отъ многообильныхъ водъ рѣки Большой Глуповицы, — какъ же намъ не любить тебя! Это нужды нѣтъ, что иногда словно тошнить:

тошнота—то, милый человекъ, вѣдь своя, родная, прирожденная, такъ—сказать, тошнота! Ну, потошнитъ—потошнитъ да и пройдетъ! Это нужды нѣтъ, что временемъ словно обухомъ по головѣ тебя треснетъ: обухъ—то вѣдь свой, глуповскій обухъ, тотъ самый обухъ, который дѣйствуетъ по пословицѣ: «кого люблю, того и бью»,—бери же его благоговѣнно въ руки и цалуй! Свое и бьетъ какъ—то не больно, и смердитъ не совѣмъ, чтобы неестественно! А все оттого, милый ты человекъ, что любовность вездѣ въ очю присутствуетъ, что и сѣчемъ—то мы не зря, а тоже приговариваемъ: «не груби, не балуй, сударь, сиди смирно, будь послушливъ!»

Многимъ это не нравится; многіе предпочли бы, пожалуй, чтобъ было поменьше любовности, да побольше расчетливости въ дѣйствованіи обухомъ; для многихъ обухъ даже вовсе не составляетъ прелести... Дивлюсь развращенности вкусовъ и не возражаю! Но не могу, однакожъ, умолчать, что я, съ своей стороны, признаю мой Глуповъ всецѣло, со всеми его особенностями и даже съ его собственнымъ запахомъ. Какой же это былъ бы Глуповъ, спрашиваю я, еслибъ обитателей его не тошнило, если бъ они не были слегка пришибены? И были ли бы мы, сыны Глупова, такъ безмятежно благополучны, такъ отвратительно счастливы, еслибъ намъ предлагали какіе—то «проклятые» вопросы, еслибъ насъ заставляли дѣлать сочиненія на тѣмы въ родѣ: «восходъ солнца въ Глуповѣ» или «сила любви къ Глупову»?

И какіе могли бы мы дать отвѣты на вопросы, кромѣ того, что «отвѣтовъ, по тщательному розыску, въ городѣ Глуповѣ не оказалось», или: «отвѣты были, но въ пожаръ, случившійся въ такомъ—то году, сгорѣли»? А сочиненія? Возьмемъ для примѣра хотъ тѣму «восходъ солнца» — что такое восходъ солнца? Мы не знаемъ, восходить ли солнце и какъ восходить въ городахъ Умновѣ и Буяновѣ, а въ Глуповѣ это тотъ самый моментъ, когда, попреимуществу, сгущаются въ жилыхъ покояхъ ночные звуки—и больше ничего. Коли хотите, это опредѣленіе голо и какъ—то пахуче—просто, но за то оно наглядно и точно, но за то тутъ ни одной черты пельзя ни убавить, ни прибавить. Объ чемъ же тутъ сочинять? Или опять на счетъ любви — что такое любовь къ Глупову? Откуда любовь? гдѣ ея сѣдалище? за что любовь? почему любовь? А кто жъ его знаетъ, откуда, гдѣ, за что и почему! Любимъ—и все тутъ! Глуповъ, высиживая насъ, не говорилъ: люби меня за то, что я—дескать —

Хороши.

Пригожи.

Прекрасенъ суть.

а приказывалъ:

Ахъ, люби меня безъ размышленій....

(да и «ахъ» не говорилъ, а попросту выражался: «люби не люби, а подплясывай!»)—вотъ мы и любимъ безъ размышленья: родители любили, и мы любимъ!

Что тутъ думать! я твой, ты мой!

Какія же тутъ могутъ быть еще сочиненія?

Повторяю: Глуповъ нравится мнѣ всецѣло, со всѣми особенностями. Я открыто, передъ лицомъ цѣлой вселенной, признаю себя гражданиномъ Глупова, и ничего-таки не стыжусь, потому что это дѣло уладили рара и шапан, а я только съ благодарностью принялъ его послѣдствія. Я знаю Глуповъ, и Глуповъ меня знаетъ, и мы любимъ другъ-друга, и мы счастливы! Мы взглянемъ другъ на друга—и разсмѣемся.—«Ты чему, дурашка, смѣешься?» спроситъ меня Глуповъ.—«А ты чему, тятка, смѣешься?» спрошу и я въ свою очередь. И оба удовлетворимся, и оба вздохнемъ легонько.

Или опять: Глуповъ покажетъ мнѣ палець—я зарадуюсь; я покажу Глупову палець—онъ зарадуется.—«Ну, чему ты, дурашка, радуешься?» спроситъ меня Глуповъ.—«А ты чему, тятка, радуешься?» спрошу и я въ свою очередь. И опять оба довольны, и опять вздохнемъ легонько. Нѣтъ, воля ваша, а я именно счастливъ, что рара и шапанъ вздумалось въ лицѣ моемъ подарить Глупову лишняго гражданина!

Und ich war in Arcadien geboren....

Да, и я сынъ Глупова, и я катался, какъ сыръ въ маслѣ, что, какъ извѣстно, и составляетъ настоящую, неподдѣльную глуповскую Аркадію. Я жилъ этою жизнью, я уживался процвѣвающимъ густѣніе крови виномъ ея; нѣтъ того мѣста въ моемъ организмѣ, которое не было бы всладивъ увлечено тобою, о Глуповъ!

Не вѣрьте же, добрые мои сограждане, не вѣрьте тому суицидату, который станетъ внушать вамъ, будто я озлобленъ про-

тивъ васъ, будто я подниммо васъ на смѣхъ! Во-первыхъ, я столько разъ повторялъ вамъ: люблю, люблю и люблю, что сомнѣнiе въ истинности моихъ чувствъ было бы даже обидно: не лгу же я въ самомъ дѣлѣ? А во-вторыхъ, откуда возьму я злобы противъ того, что составляло и составляетъ основу моего существованiя? Откуда возьму я силы отречься отъ прошлаго, которое, какъ коррозивный ртуть, проникаетъ всеъ перы моего настоящаго? Успокойтесь же, глуповцы, и внимайте мнѣ съ благодушiемъ.

Если я посвящаю вамъ досуги свои, если я подношу вамъ свои сочиненiя, я дѣлаю это потому, что желаю порадовать васъ моими успѣхами, желаю, чтобъ вы погладили моию головою, чтобъ вы сказали: вотъ моль, какой у насъ сдѣлалъ шустрый ростокъ, книжки самъ сочиняетъ! А если въ этихъ книжкахъ вы замѣтите что нибудь.... то, Бога ради, не останавливайтесь на этой горькой мысли! Вѣрьте, отцы мои, что это только отъ усердiя, что, въ сущности, всеъ мои усилiя направлены только къ тому, чтобъ пощекотать у васъ брюшко! Въ этомъ заключена вся моя прѣтензiя, и дальше ея я неиду.

Да еслибъ я и хотѣлъ идти—кто меня пустить? Вы, глуповцы, народъ хоть и смиренный, но съ другой стороны и упрямый. Вы охотно допустите, чтобы кто ни на есть (разумѣется, тотъ, кому на это право дано) собственноручно въ вашей физиономiи симметрiю поправилъ, но не очень долюбляете, когда кто нибудь вамъ очень близко въ душу заглянетъ, да, пожалуй, еще послѣдуетъ на ваше лучшее достоянiе—на вашъ сонъ. Чего добраго, вы соберетесь съ силами да и пожалуетесь!

Итакъ, примите меня благосклонно, и не думайте, что я домогаюсь чести быть вашимъ учителемъ! Я только заносу, что между вами происходитъ, я описываю ваши нравы и обычаи, ваши горести и увеселенiя, ваши досуги и сновидѣнiя,—сдѣлайте же милость, почивайте себѣ съ миромъ, и не фискальте на меня!

Я отнюдь не упрекаю васъ за то, что вы не заводите въ средѣ своей общества трезвости, и отнюдь не настаиваю на томъ, чтобъ вы прониклись духомъ благодѣтельной устности! Я только заявляю, что въ васъ нѣтъ ни трезвости, ни устности, и даже не прибавляю отъ себя, нахожу ли этотъ фактъ печальнымъ или радостнымъ (откупщикъ находить его радостнымъ). Сдѣлайте же милость, не считайте меня зараженнымъ какимъ-то новымъ духомъ и не фискальте на меня!

О новомъ духѣ, признаюсь вамъ, я даже понятія не имѣю. Слышалъ я, правда, какъ генералъ Зубатовъ кому-то изъ приближенныхъ говорилъ:

— Толкують тамъ: новымъ духомъ вѣстъ! новымъ духомъ вѣстъ! Какимъ это новымъ духомъ, желалъ бы я знать! Только лакеи стали грубить, а то все остается по старому.

И больше ничего я объ этомъ новомъ духѣ не знаю и не слышалъ.

Итакъ, будемъ жить въ мирѣ и добромъ согласіи. Пусть младшіе уважаютъ старшихъ, а старшіе утѣшаются младшими. Пусть старшіе, взирая на младшихъ, говорятъ: «касты отъ костей несть», а младшіе отвѣчаютъ: «какъ прикажете-съ!» Да не будетъ между нами ни раздоровъ, ни распрей, да не будетъ ничего подобнаго тому, что случилось онамеднись за морями, въ городѣ Будновѣ, гдѣ, сказываютъ, сынъ отцу въ глаза сказалъ: «ве дури, тятка! разобью зубы!» Да не будетъ! да не будетъ!

Ну вотъ, ты и засмѣялся, читатель!

И. ЩЕДРИНЪ.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ССЫЛЬНО-КАТОРЖНАГО.

IV.

АКАТУЙ.

До открытія карійскихъ золотыхъ промысловъ этотъ рудникъ считался самымъ ужаснымъ мѣстомъ ссылки, не столько по тяжести работъ, сколько по своей, удаленной отъ всякаго жилья, строгой тюрьмѣ. Отъ Александровскаго завода, по лѣвому берегу Газимура, тянется высокій хребетъ и недалеко отъ него другой; на разстояніи 10 верстъ дорога изъ Александровскаго завода идетъ въ гору, а хребты по сторонамъ ея все сближаются и наконецъ соединяются вмѣстѣ, составляя собою такимъ образомъ замкнутое ущелье и горный узелъ. Тамъ на вершинѣ стоитъ горный Акатуй, находящійся отъ Александровскаго завода въ 16 верстахъ. Онъ состоитъ изъ двухъ десятковъ, разбросанныхъ на отклоняхъ ущелья, самыхъ жалкихъ хижинъ, въ которыхъ находятъ себѣ пріютъ выпущенные, послѣ долгаго заключенія въ тюрьмѣ, арестанты. Тамъ же есть казенный домъ, гдѣ прежде жилъ приставъ, казенный амбаръ и рудникъ. Внизу, у подошвы, въ разстояніи полуверсты, стоитъ тюрьма или замокъ, состоящій изъ

двухъ каменныхъ корпусовъ, съ деревянными пристройками, обнесенный высокими, толстыми и прочными полисадомъ, или, какъ тамъ называютъ, паями. Напротивъ замка, казарма для военнаго отряда. Далѣе въ одной верстѣ книзу, тянется селеніе Закраскъ, въ двѣ улицы, также съ жалкими домиками; отъ конца Закрайка до завода считается только 14 верстѣ. Зимой Акатуй производитъ самое грустное впечатлѣніе; но кратковременнымъ лѣтомъ, когда горы одѣнутся лѣсомъ и покроются цвѣтами, этотъ забытый уголокъ не лишень предести, и только сожалѣешь, что на томъ мѣстѣ, гдѣ одиноко стоятъ замокъ и казарма, нѣтъ свѣтлаго, синяго озера.

По приѣздѣ въ Акатуй я остановился у своего бывшаго кавказскаго товарища, Прямыкова; онъ занимался мелкою работою мѣдныхъ колечекъ, серегъ, поясковъ на манеръ черкесскихъ, уздечекъ и т. п., и всегда былъ окруженъ ссыльными горцами. Сильно онъ измѣнился противъ прежняго: прекрасные голубые глаза его впали, грудь опустилась, онъ страшно кашляетъ и по временамъ съ кровью; но казалось совершенно былъ равнодушенъ къ физическимъ страданіямъ: порѣжетъ ли палецъ до кости, обожжетъ ли—и вниманія онъ никакого не обращаетъ, да еще самъ себя дѣлаетъ операціи и рѣжетъ свое тѣло, какъ будто бы это былъ какой нибудь сапожный товаръ. И шелъ онъ къ близкой смерти, прямо глядя ей въ глаза, и жилъ онъ какъ будто по обязанности. Онъ мнѣ очень обрадовался и какъ будто ожилъ. Вскорѣ я посѣтилъ моихъ шилкинскихъ знакомыхъ; они жили въ Горномъ Акатуѣ и, не получая отъ родныхъ своихъ давно пособія, состояли на пищѣ святаго Антонія: хлѣбъ, вода и, въ видѣ лакомства, наваръ изъ капусты, картофеля, свеклы и брюквы, разумѣется безъ говядины и масла,—вотъ изъ чего состояла и будничная и праздничная ихъ пища. На состояніе ихъ духа это не имѣло никакого вліянія; но странно, что они совѣстились часто бывать въ тѣхъ домахъ, гдѣ можно было напиться чаю или закусить что нибудь, такъ что офицеръ, завѣльвавшій военною командою, замѣтивъ это, придумалъ предлогъ заманивать къ себѣ хоть два раза въ недѣлю одного изъ нихъ: именно онъ увѣрилъ его въ своемъ желаніи изучить геодезію.

Скажемъ нѣсколько словъ объ акатуйскомъ замкѣ. Онъ строился для другой цѣли; но потомъ нашли, что это мѣсто неудобно. Но такъ какъ уже два каменныхъ корпуса были построены, то къ нимъ сдѣлали еще нѣкоторыя деревянныя пристройки и обратили новый замокъ въ мѣсто заключенія самыхъ важныхъ преступниковъ, преимущественно цѣнныхъ, то-есть прикованныхъ на 10 лѣтъ къ стѣнѣ, а по новому положенію — къ тачкѣ. Прикованные къ стѣнѣ жили въ отдѣльныхъ каютахъ и не употреблялись въ работы. Это, по

мошему имѣнно, были настоящіе маніаки; вотъ, напримѣръ, одинъ безпощадный (ноги онъ потерялъ на разбой) былъ жестоко наказанъ и наконецъ выпущенъ на пропитаніе. Это пріютила къ себѣ женщина и, казалось, онъ искренно полюбилъ ее; но въ одинъ прекрасный день онъ нагочилъ пощипать, усидѣлъ саломки дверь и, какъ заѣръ, кинулся на спящую на полу хозяйку; прежде, однако, чѣмъ варъзаться, онъ ее разбудилъ. И для чего совершилъ онъ преступленіе? Для того, чтобы видѣть ужасъ своей жертвы, слышать мольбы и насладиться предсмертными страданіями. Я видѣлъ его, когда онъ досиживалъ послѣдній пятнадцатый годъ; но правосудіе, кажется, ждало его за порогомъ тюрьмы; онъ былъ неизвѣстно кѣмъ зарѣзанъ неподалеку отъ Александровскаго завода чрезъ мѣсяць послѣ выпуска. Увѣряли, что это сдѣлано было изъ корысти; шелъ слухъ, что въ деревляшкахъ, на которыхъ онъ ходилъ, были деньги, и дѣйствительно они найдены были разломанными.

Замѣчательнъ разсказъ объ одномъ изъ первыхъ приставовъ акатуевскаго рудника. Говорятъ, что разбойники, содержавшіеся въ замкѣ, обращались къ нему по временамъ съ просьбою—отпустить ихъ погулять,—и онъ ихъ отпускалъ недѣли на двѣ, на три; они возвращались къ сроку и честно отдавали половину своей добычи; впрочемъ, показываютъ въ его бывшемъ домѣ подполье, въ которомъ онъ будто бы морилъ тѣхъ, которые не умѣли воспользоваться своею временною свободою или не честно раздѣливались. Разсказъ почти невѣроятный, но очень хорошо характеризующій взглядъ самыхъ разбойниковъ на начальство въ доброе старое время.

Еще послѣднее слово и объ Акатуѣ и о цѣпныхъ. Эти несчастные, какъ особенной милости, просятъ всегда позволеніе у начальства имѣть какое нибудь животное, напримѣръ, пѣтуха, кошку, собаку, и очень заботятся о нихъ. Если они зашумятъ, то лучшее средство усмирить ихъ — отнять это животное; такъ сильно чувствуетъ самый жестокій челоѣкъ потребность любить кого нибудь и находится въ обществѣ живыхъ существъ! Какъ злоупотребленіе стражи, можно привести дозволеніе цѣпнымъ растворять двери; тогда ближайшіе сосѣди по казематамъ ложатся головами къ дверямъ и начинаютъ *майданить* (то—естъ играть въ юлу, карты и т. п.); но и въ этомъ незаконномъ дозволеніи нельзя не видѣть нѣкотораго сурдоболія русскаго простолюдина-солдата. Акатуевская тюрьма вообще отличалась усвоенной отрогостью; но замѣчательно, что при всякомъ посѣщеніи начальства издавна доносили на пристава и на стражу, и хотя на нихъ никто не обращалъ вниманія и по большей части доношники получали влоти, но это вискомомо ихъ не останавливало. Особенно отличал-

са ими и въ старый тобольскій знакомецъ Н.: бывало обмануть его предъ преступникомъ начальства—никого нѣтъ; но дается начальство—и бумага вырастетъ изъ его рукъ, какъ у фокусника.

Конечно, не похвальное слово доносу хочу я сказать, но не могу не замѣтить, что поведомъ къ этому своего рода самоотверженію была не одна мечь къ своимъ сторожамъ, но также—и да явится истина!

Глубоко падаетъ иногда человѣчество, но смутное чувство и потребность справедливости, кажется, не оставляютъ его и въ самой безднѣ.

АЛЕКСАНДРОВСКІЙ ЗАВОДЪ.

Недалеко отъ устья рѣчки Телмана, впадающей въ Газимуръ, на правомъ берегу, въ широкой долинѣ, расположенъ Александровскій заводъ, имѣвшій въ описываемое время около 3 тысячъ населенія; а на лѣвомъ берегу Телмана стояла фабрика, то—есть серебросвинцовый плавильный заводъ. Въ Шилкѣ мнѣ представляли Александровскій округъ, какъ землю, кипящую если не медомъ, то по крайней мѣрѣ млекою; въ самомъ же дѣлѣ я встрѣтилъ здѣсь такую же бѣдность, какъ и въ другихъ заводахъ; впрочемъ тогда только что начиналось разореніе: рабочихъ мало-по-малу угоняли на только что открывшійся шахтаминскій золотой промыселъ; но заводъ все еще работалъ, а потому большая часть рабочихъ—домохозяевъ была оставлена на мѣстѣ.

Въ заводѣ жило не мало чиновниковъ и офицеровъ; туда переведенъ былъ также штабъ вновь сформированнаго своднаго казачьяго баталіона. По своей учительской профессіи, я попалъ въ высшее общество. Здѣсь у меня уже не было учениковъ изъ семействъ ссыльно-каторжныхъ, но только дѣти чиновниковъ и почтенныхъ, въ томъ числѣ и двѣ дѣвочки; плата также возвысилась до трехъ и даже до пяти рублей за каждаго, но труда прибавилось, потому что ученики были съ чрезвычайно различными познаніями: такъ, случалось къ одному и тоже время заниматься и нумераціею, и дробями, и тройными правилами и просматривать рѣшеніе уравненій 2-й степени.

Жилъ я въ Александровскомъ заводѣ довольно весело: между офицерами и чиновниками я встрѣтилъ людей очень образованныхъ, добрыхъ и умныхъ, которые понимали очень хорошо простоту и ясность системы, которой должны были держаться. Жаль только, что

нѣкоторые молодые люди прямо со школьной скамьи пошли въ заводъ, и совершенно не знали свѣта; отъ этого у нѣкоторыхъ изъ нихъ развились неулыбчивая обидчивость, ложное пониманіе приличія, и выходили иногда небольшіе скандалчики. Другою бѣдою былъ домъ стараго чиновника, женатаго впрочемъ на молодой и доброй женщицѣ. Въ эпоху дѣтъ молодые люди могли всегда выпиться; хозяинъ радъ былъ всякому гостю, потому что могъ сказать: «Катенька! водочки!» и потомъ начиналось: «пожалуйте!» да «помилуйте!» при чемъ старикъ и самъ жаловалъ себя, и такъ напивался, что къ обѣду и къ ужину напивался пьянъ. Смысливъ всего, что онъ жаловался на приливы крови въ головѣ, и никакъ не хотѣлъ дѣлать, что это было отъ водки. Молодежь, которая презирала его, однакожь была такъ слаба, что посѣщала частенько его домъ и выходила отъ него съ болью въ головѣ и съ желаніемъ выпить еще водочки.

Бывали тамъ вечеринки, на которыхъ рядомъ съ французскою кадрилию и вальсомъ хотъ и не танцовалась восьмерка, но шла хоромъ:

Полушечка, водушечка!

Бѣла пуховаа!

По большей же части гости подвизались на зеленомъ полѣ. — Что господа дѣлаютъ? спросишь бывало у слуги. — «Извѣстно что: бастанягъ!»

Только одно мѣто проведено было почти безъ картъ и очень весело; мы безпрестанно дѣлали parties de plaisir въ полѣ, на покосахъ; двѣ, три дамы всегда участвовали въ нашихъ прогулкахъ, а потому все было прилично. Чтобы имѣть болѣе свободы, мы даже не брали съ собою прислугу, но сами рубили дрова, раскладывали костры, варили, жарили и ставили самовары, вслѣдствіе чего происходили преуморительныя сцены. Причиною такого сближенія молодежи была опала начальника. Вотъ въ чемъ дѣло: вышелъ споръ о содержаніи золота на шахтаминской разсыпи; и начальникъ и подчиненный конечно не могли ясно доказать своихъ расчетовъ, потому что золото капризно; расчеты подчиненнаго были однако благоразумнѣе и осторожнѣе; но начальникъ приказалъ, и все пошло по его. Подчиненный, разумѣется, поохладѣлъ къ дѣлу; начальникъ же, чтобы выполнить положенный имъ высокій парадъ на золото, требовалъ настоятельно, чтобы изъ Александровскаго завода выслали какъ можно болѣе людей на Шахтану. При одной изъ такихъ требованій, начальнигъ, между прочимъ, въ своей бумагѣ писалъ: «Непреложные законы великой науки, политической экономіи, предписываютъ: оставить то производство, которое даетъ менѣе выгоды, и заниматься тѣмъ, которое доставляетъ болѣе прибыли.» Подчиненный, объяснивъ, почему онъ не можетъ исполнить тре-

бываніе начальника, заключалъ свою бумагу слѣдующимъ образомъ: «Что же касается до упрека, который ваше высокоблагородіе мнѣ дѣлаете за невініе непереложныхъ законовъ великой науки — политической экономіи, то на сіе имѣю честь почтительнѣйше объяснить, что я въ этомъ не виноватъ; ибо ваше высокоблагородіе изъ моего формулярнаго свѣдѣнія можете усмотрѣть, что я оной наукой не обучался и слѣдовательно предписаній ея знать не могу.» Это, конечно, взорвало самолюбиваго начальника. За обидою послѣдовало мщеніе, т. е. свѣщеніе съ должности молодаго человѣка, вполне способнаго, обладавшаго большимъ запасомъ знаній и умнаго. Кончилось однако тѣмъ, что когда онъ вынужденъ былъ обстоятельствами опять сойтись съ начальникомъ, то, не видя обѣщанной ему поддержки сверху, прямо сказалъ: теперь я понимаю въ чемъ дѣло: отъ насъ требуютъ, чтобы мы ликовали, все находили хорошимъ, своего мнѣнія не высказывали; — чтожь, это гораздо легче!

Работы на заводѣ были нетрудныя, хотя съ перваго раза онѣ могли показаться ужасными въ сравненіи съ промыслами; дѣйствительно, жара и удушливый паръ мышьяковистой кислоты дѣлали фабрику — адомъ въ глазахъ непривычнаго человѣка; но никто изъ рабочихъ не промѣнялъ бы ее добровольно на золотые промыслы: организмъ скоро привыкалъ и къ жару и къ чесночному запаху, да за то работы нельзя было усилить: печь не земля, въ нее больше чѣмъ можно не засыплешь, — а той вѣкъ не перекопаешь. Замѣчательно, что пары мышьяка при вѣтрѣ распространялись по всему заводу, но не только не вредили здоровью людей, но даже предохраняли отъ многихъ болѣзней; такъ, напримѣръ, въ заводахъ перемежающихся лихорадки были почти неизвѣстны, чахотка тоже; даже ссыльные, приходившіе съ зачатками этой болѣзни, на заводахъ выздоравливали. Въ одномъ только Кутомарскомъ заводѣ, гдѣ фабрика стояла посреди селенія, вредное вліяніе мышьяковистыхъ паровъ обнаруживалось только на телятъ, почему жители этого завода обыкновенно и отсылали своихъ коровъ передъ отелѣніемъ въ ближайшія деревни.

Дѣтому заводу обыкновенно останавливались для поправки, а рабочие, особливо ссыльные жонки, употреблялись для скотоводки; это тоже дѣлало жизнь ихъ гораздо сноснѣе, чѣмъ на промыслахъ, и заставляло предпочитать заводскую работу промысловой. Впрочемъ не считъ жонки загну, что вообще на Норчичскихъ заводахъ ихъ не употребляли, или по крайней мѣрѣ очень рѣдко, на земляныхъ или лесныхъ работахъ, а занимали мнѣе помочъ въ военныхъ заведеніяхъ и бѣла въ госпиталѣхъ, шитьемъ большаго числа вещей, сѣнокосаши и

иногда рудоразборной работой, довольно легкой, на которую употреблялись также и малолѣтки.

ОПЯТЬ НЕРЧИНСКІЙ ЗАВОДЪ.

Съ переводомъ нѣкоторыхъ чиновниковъ въ большой заводъ и меня стали приглашать туда; я согласился и вскорѣ былъ туда переведенъ.

Пять лѣтъ не было я тамъ, и нашелъ значительныя измѣненія: базаръ былъ пустъ, общество уменьшилось, новыя казачьи власти были въ разладѣ съ горными; но тѣмъ не менѣе большой заводъ все-таки жидъ городскою жизнью. Здѣсь по преимуществу принялось мнѣ заниматься съ дѣвочками, и къ числу предметовъ обученія присоединились танцы. Матеріальное положеніе мое значительно улучшилось: я получалъ до 60 руб. въ мѣсяцъ. Въ заводѣ былъ очень хорошій оркестръ, и вечеринки здѣшнія имѣли видъ настоящихъ баловъ. Почти совершенное отсутствіе каторжныхъ, за прекращеніемъ работъ на фабрикѣ вслѣдствіе истощенія рудниковъ, давало особенный видъ заводу. Такъ какъ здѣсь былъ центръ управленія и было много чиновниковъ, получавшихъ значительное содержаніе, и кушцовъ, то жили вообще богаче; только зданіями большой заводъ не щеголялъ: старыя ветшали, а новыхъ не строили; казенныхъ—за недостаткомъ денегъ въ казны, частныхъ—по той же причинѣ, а еще болѣе потому, что всѣ чувствовали себя непрочными на своихъ мѣстахъ. Одни только кушцы да отставные съмыслы рѣшались если не строить новые дома, то по крайней мѣрѣ поддерживать прежніе въ благообразномъ видѣ. Между послѣдними были личности довольно замѣчательныя.

Старикъ Травинниковъ, изъ кушцовъ, былъ уже въ Нерчинскомъ заводѣ лѣтъ пятьдесятъ; сосланъ онъ былъ за фальшивыя ассигнаціи. Надо было замѣтить, что онъ занимался этии дѣломъ рѣшительно изъ любви къ искусству, потому что былъ достаточно богатъ. Изъ его словъ видно, что его интересовалъ сначала секретъ самой выдѣлки, а потомъ тщательность дѣла; онъ даже не находилъ въ этомъ ничего дурнаго. «Чемъ, я пускалъ только деньги въ оборотъ», говорилъ онъ пассивно. Въ послѣднее время у него было три дочери красавицы, замѣдлшія наследовать самушъ за кушцовъ, но въ то время привлекавшія къ себѣ молодыхъ изъ терпущаго класса, да и самъ старикъ былъ для нихъ заманчивъ, какъ отличный развлекатель. У него даже жилъ, нѣчто въ родѣ Санчо-Пансы, товарищъ его по дѣлу, который былъ при-

взять къ нему какъ собака, безпрестанно вращалъ на него, но въ то же время вынащивалъ его дѣтей. У Траппишкова была страсть разбирать и чинить часы, органы и т. п., и не мало перепортилъ онъ ихъ на своемъ вѣку. Онъ былъ чрезвычайно оригиналенъ, какъ типъ купца временъ Екатерины.

Другой оригиналъ изъ водворившихся тамъ съельныхъ былъ Вальцовъ, замѣчательный своею претензіею на знаніе химіи, механики, минералогіи и ботаники. Онъ выдѣлывалъ медеру (разумѣется, отвратительную), варилъ краски, собиралъ и продавалъ минералы, составлялъ гербаріи и проч., и все у него было необыкновенное. Приходитъ онъ равъ ко мнѣ и съ таинственнымъ видомъ рассказываетъ, что онъ въ Аргунью, на южной сторонѣ, нашелъ жинь-шенъ и показываетъ корешокъ, который онъ вѣроятно досталъ у купцовъ К. Принесъ онъ и семена, и спрашиваетъ у меня совѣта, какъ ихъ переслать въ Петербургъ, чтобы извѣстно сдѣлалось, что нашелъ, дескать, жинь-шенъ Вальцовъ. — Ладно, отвѣчалъ я ему; можно похлопотать будеть у начальства, только прежде посадимъ въ горшокъ—я два зернушка, да ты два—и посмотримъ что выйdetъ. — «Да тутъ какое сумѣше! я вамъ говорю, что это жинь-шенъ». — Ну такъ чтожь, еще лучше, если мы увѣримся. — Онъ почесалъ затылокъ, но согласился. Вышла разумѣется негодная трава. Но любопытно, что онъ одинъ разъ вынулъ извѣстнаго проѣзжаго минералога: приноситъ онъ желтоватый топазъ очень чистый, а знаменитый минералогъ ужъ укладывался; увидевъ такой рѣдкій въ Нерчинскомъ краѣ камень, потому что таиншіе топазы, или какъ ихъ называютъ, «тяжеловѣсы» безцвѣтны, минералогъ спрашиваетъ о цѣнѣ. — «Да я вашимъ высокоблагородіемъ доволенъ, вы уже много у меня изволили купить, это въ презентъ отъ меня примите,» отвѣчаетъ Вальцовъ. «Спасибо, счасъ!» говоритъ самодовольно ученый: — «однако, братецъ, все же возьми,» и даетъ ему 5 рублей. — Въ Екатеринбургѣ ученый захотѣлъ похвастаться своимъ топазомъ, и что же оказалось?—это былъ кусокъ леденца. Судите какою дрянью надѣлалъ онъ снова пріѣзжавшихъ казачьихъ офицеровъ, придавалъ особенное значеніе и называя рѣдкостью такіе камешки, которые въ Нерчинскомъ краѣ пригодны развѣ для того, чтобы въ собакѣ кидать. Въ строгомъ смыслѣ, это—мошенничество, но Вальцовъ дѣлалъ въ этомъ совѣтъ другое. «Надо дураковъ учить», говаривалъ онъ, и тещеніе и самолюбіе, которыми онъ былъ зараженъ, удовлетворялось тѣмъ, что въ такъ называемомъ образованномъ классѣ онъ находилъ людей несправедливѣе себя. Впрочемъ нельзя сказать отъ него, что онъ очень хорошо сдѣлывалъ изъ кристалловъ малюсенькія гроты, и обшивалъ довольно искусно грубыя кристаллы.

Маленько, такъ живъ истинный художникъ. Девонъ, который про-
восходно гнѣпилъ изъ глинъ. (онъ тоже некогда занимался салычи-
выми бумажками изъ любви къ искусству). Совершенно королю-младен-
ца его собственная фигура, привезенная къ галлѣ, и вазы, усматри-
мая изюбки мушкетера и пастельерыни. — Въ настоящее время, че-
смотря на свои 90 лѣтъ, онъ работаетъ еще лучше сама, которому
передалъ свое искусство.

Въ Норчинскомъ заводѣ нѣ было хорошо, и хотя отъ хорошаго
лучшаго не шло, но я не послушалъ этого мудраго изреченія, и по
просьбѣ одного изъ слушающихъ въ Петровскомъ заводѣ, согласился
на то, чтобы меня туда перевести.

ПЕТРОВСКИЙ ЗАВОДЪ.

Этотъ заводъ хотя и принадлежитъ къ управленію Норчинскихъ
заводовъ, но находится слѣшкомъ въ 700 верстахъ отъ него, въ Вера-
вудинскомъ округѣ. Съ одной стороны онъ граничитъ съ кочевья-
ми Харинскихъ бурятъ, а съ другой къ богатѣйшимъ старобиртеевскимъ
селеніямъ. Это положеніе дѣлаетъ его очень хорошии мѣстными
рынокъ. Определенная работа, задѣльная плата и свобода работ-
никовъ поставили этотъ заводъ въ довольно благоприятныя условія, и
жители его хорошо обстроились. Заводъ могъ производить до 80 т. пу-
довъ чугуна и выковывать до 70 т. пудовъ желѣза; впрочемъ Валугин-
скій рудникъ, огромный глыба магнитнаго желѣзняка, могъ бы дать много
и гораздо большому производству, но къ сожалѣнію заводъ находится
въ вассальномъ управленіи: отсюда дороговизна его издѣлій и даже не со-
всѣмъ хорошее ихъ качество, да еще къ тому и дальній провозъ къ мѣ-
стамъ потребленія, — все это дѣлало то, что частныхъ заказовъ было
мало, преимущественно же заводъ исполнялъ нарядъ желѣзныхъ ве-
щей, необходимыхъ для Норчинскихъ заводовъ. Нельзя сказать однако,
что инженеры, управлявшіе этимъ заводомъ, были люди неспособные,
или пренебрегавшіе своимъ дѣломъ; по повторю, такого сила дурной
системы; что и съ хорошими людьми нельзя ни до чего путнаго добить-
ся. Будь этотъ заводъ въ частныхъ рукахъ, онъ давно бы и удеше-
вилъ свои произведенія и выгнѣнилъ бы съ рынокъ Восточной Си-
бири уральское желѣзо: приказчики владѣльца завода, вѣроятно, были
бы въ Енисейскѣ, и въ Минусинскѣ и на Ленѣ, и получали бы прямо
замѣны отъ золотопромышленниковъ или продавали бы такъ заводскія
железя; а теперь онъ — малая лавочка при комиссіонерствѣ Норчин-

сликѣ заводовъ въ Иркутскѣ и Читѣ, да и въ тѣхъ не всегда мѣднѣ жельза того сорта, какого надобно поребителю.

Особенностью Петровскаго завода было то, что въ немъ много евреевъ; по страсти этого племени къ золоту, нѣтъ никогда не посылають на золотые руды, и въ Нерчинскихъ заводахъ мнѣ случалось встрѣчать только отдѣльныя личности, которыя воображали себя политическими преступниками потому, что были сосланы за переходъ за границу и за контрабанду; здѣсь же я встрѣтилъ ихъ въ массѣ. Они, по обыкновенію, жили очень дружно между собою, и сыновья, жены и родственники уснѣли, какъ и всегда, забрать въ свои руки мелкую торговлю, занимались мыловареніемъ въ маломъ видѣ, побойкою скота и другими рукоеслами. Впервые я сошелся съ нѣкоторыми изъ евреевъ и встрѣтилъ между ними честныхъ и добрыхъ людей. Семейство богатаго Фары было даже принято въ высшемъ обществѣ Петровскаго завода, и Цины и Рохи, превосходившія всѣхъ дѣвицъ своею античною красотою, держали себя, право, не хуже православныхъ. Тутъ я понялъ, какъ несправедливо угнетеніе этого народа и какъ естественны и недобѣренны ихъ и, понаслушавъ нѣкоторое неумолчательство противъ несправедливыхъ притѣсненій. Упорство въ ихъ религіозномъ фанатизмѣ мнѣ объяснилось очень просто: религія была имъ утѣшительницею и надпорою въ несчастіи. Нельзя же, чтобы они ее не любили до безумія и не шли бы понашности къ другимъ, имъ лена враждебнымъ. Въ Петровскомъ заводѣ ихъ никто не преслѣдовалъ и они были вполне человѣчны.

Здѣсь я встрѣтилъ также одного изъ бывшихъ моихъ знакомыхъ на Кавказѣ, и въ какомъ печальномъ еще положеніи! Незадолго передъ этимъ онъ прибылъ въ заводъ, осужденный на 4 года въ работу, за неосторожное убійство, а главное, за нарушеніе приказаній начальства во время венгерскаго похода. Ему позволили жить на свободѣ; не получивъ печатную бланку, въ которой записывалось полученіе провіанта и жалованья, съ титуломъ ссыльно-каторжнаго, онъ такъ этимъ огорчился, что взялъ ружье у своего компанія, страстнаго охотника, и выстрѣлилъ себя въ ротъ. По несчастію, весь зарядъ, пробивъ небо, вышелъ въ глазъ, и такимъ образомъ онъ лишился не только глаза, а также глаза. Хорошо, что медикъ, его освидѣтельствовавшій, отвергъ предположеніе самоубійства, а подтвердилъ наказаніе раненаго, что онъ, взявъ на себя чистку ружья, дулъ въ стволъ, чтобы не рабавать не зарядило ли оно, а въ это-то время послѣдовалъ выстрѣлъ, черезъ полосу надутыхъ щемъ. Страдная судьба этого молодого человѣка! Какое-ли вся жизнь его была непрерывною дѣльною неудачею, до самаго поконченія на самоубійство. Воспитываясь въ одномъ изъ военно-учеб-

ныхъ заведеній, онъ достигъ предположеннаго класса; но въ это время воспитанники старшаго класса отбѣлали казнь—то непростительную шалость; чтобы избавить ихъ отъ серьезной отвѣтственности, нѣкоторые воспитанники изъ предположеннаго класса, въ томъ числѣ и мой знакомецъ, приняли ее на себя; въ надеждѣ отбѣлаться отъ бѣды физическою болью тѣлеснаго наказанія; но они ошиблись: шалость ли была такъ важна, или строгость такъ велика, но ихъ послали рядовыми на Кавказъ. Три года тянулъ онъ тамъ ляжку, но наконецъ былъ произведенъ въ офицеры. Красивый и застѣнчивый, молодой человекъ полюбилъ жену своего полковаго командира платоническою страстью, которую добрая женщина и не подозрѣвала. Чтобы имѣть случай сдѣлать ей что-нибудь пріятное, мой герой вздумалъ поднести ей, какъ записной курильщикъ, въ день ея именинъ, высячу папиросъ своей работы; но надобно же бѣдѣ случиться, чтобы одна изъ товарищей стала пересыпать порохъ надъ табакѣмъ, изготовленнымъ для папиросъ, и еще бѣдѣ, чтобы тѣ самые папиросы, въ которыя попали порошинки, первыми взяла, очень довольная подаркомъ, именинница. Вспышка на ноль-папироскѣ, смущеніе нашего героя породила даже подозрѣніе—не сдѣлано ли это было въ насмѣшку, а это такъ огорчило его, что онъ слегъ въ постель и долго прохворалъ. Наконецъ, передъ походомъ въ Венгрію, находясь на границахъ Польши, онъ поѣхалъ, по приглашенію своихъ товарищей, на ротный праздникъ верстъ за 40, тогда какъ далѣе 26 верстъ отлучаться было невозможно, и прибывъ туда, былъ принужденъ товарищами выпить залпомъ нѣсколько стакановъ вина, чтобы, какъ они увѣрили, «догнать ихъ». Затѣмъ, какъ пѣвецъ, по просьбѣ ихъ онъ отправился отыскивать гитару. Въ отникъ поспѣхъ ему подвернулся фольдебель и что-то сказалъ; это показало ему, съ-пьяну, грубостью, и онъ замахнулся на него ружьемъ, но промахнулся и ударилъ прикладомъ о стѣну; ружье выстрѣлило и убило наповалъ валявшагося на диванѣ пьянаго шляктыча. Тутъ онъ отрезвился, но было уже поздно. Зная все это, я почти со слезами на глазахъ слушалъ, во время выдержанія его отъ раны, съ авонпаньмонтомъ аэлодушной гитары, нѣжно имъ ожививъ сочиненную, невинную словами:

И случно мнѣ, грустно сидѣть одинокому
 Въ сиротѣ катать косякъ,
 И слезы герючю о счастьи утраченномъ, и проч.

и окончивавшуюся, послѣ воспоминанія о родителяхъ и дѣтской жизни; стихами:

Не зная, что злая «ортуна» готовитъ,
 Вблвнн устлая мнѣ терніемъ путь,

Что, везаши гдѣ-то въ цесѣи чоллабамъ,
Спокойно лишь ногъ я въ могилахъ уснуть.

Вскорѣ послѣ моего прибытія, случилось въ Петровскомъ заводѣ и другое трагическое происшествіе. Одинъ кузнецъ былъ сосланъ за то, что изъ ревности убилъ любимую имъ жену. Въ цартіи и въ заводѣ онъ былъ постоянно грустнымъ и задумчивымъ, но работалъ, кажется, за десятерыхъ; наконецъ не выдержавъ со своею тоскою, и въ одинъ прекрасный день, когда всѣ пошли обѣдать, кинулся сверху подъ колесо и найденъ былъ раздробленнымъ на чугуномъ помостѣ.

Много можно было бы еще извлечь изъ рассказовъ моего знакомаго, но мы ограничимся сказаннымъ. Многія лица живы и говорятъ о нихъ, какъ хорошее, такъ и дурное, мы вовсе не желаемъ, потому что не обличеніе этихъ лицъ, къ которымъ рассказчикъ сохранилъ признательность за то участіе, которое они въ немъ принимали, было предметомъ нашихъ выдержекъ изъ воспоминаній, а желаніе познакомиться, хотя нѣсколько, съ послѣднею ступенью, на которую сужается нашъ православный людъ. Да простятъ мнѣ тѣ, которыхъ я можетъ быть неосторожно затронулъ въ моемъ рассказѣ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ. — ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ СИСТЕМА.

Большая часть криминалистовъ, по моему мнѣнію, ошибаются, считая преступника труномъ или автоматомъ, надъ которымъ совершается удовлетвореніе общественной человѣческой справедливости. Да, преступникъ есть трунъ, когда казнить его на площади: насильственная смерть оканчиваетъ его существованіе; или странное тѣлесное наказаніе причиняетъ ему боль, а онъ не можетъ противодействовать гнущей его силѣ. Но если преступникъ послѣ казни остался живъ, то онъ перестаетъ быть труномъ и стремится всѣми способами къ приобрѣтенію человѣческаго дравъ. Если лишеніе свободы располагать своею дѣятельностью такъ строго, что всѣ его стремленія къ ней остаются безплодными, то онъ или приходитъ въ отчаяніе, или при первомъ удобномъ случаѣ бѣжитъ отъ гнета, или начинаетъ лукавить. Это совершается вѣрно относительно отдѣльной личности. Но когда продолжительное наказаніе преступниковъ совершается въ массѣ, то они по закону необходимости составляютъ тѣсную ассоціацію, въ которой развивается значительная сила, противодействующая карательной силѣ закона. Тѣмъ, которые не поску-

целью прочесть эти выдержки изъ воспоминаній ссыльлага, заключе-
 ній нашихъ, ны ижебаваетъ, должны быть очевидны. Слѣдовательно,
 борьба между преступникомъ и обществомъ, при назначеніи цѣлой
 мѣры, не только не прекращается, но въ известномъ отношеніи
 усиливается: преступники получаютъ новую, злоурядную силу при
 своей ассоціаціи и дѣлаются еще къ тому хитрѣе, осмотрительнѣе, а
 слѣдовательно и опаснѣе для общества. И въ самомъ дѣлѣ мы ви-
 димъ, что въ тѣхъ государствахъ, гдѣ каторжные совершенно разье-
 динены съ обществомъ, гдѣ порваны всѣ связи, которыми они съ
 нимъ соединялись, какъ напримѣръ, во Франціи, тамъ освобожден-
 ные галерынкы составляютъ настоящую язву, цитомникъ, разсла-
 бникъ злоумышленниковъ противъ общества. У насъ въ Россіи это не
 совсѣмъ такъ; но не совершенство нашихъ законоположеній тому
 причиною, а самая жизнь народа и непреодолимые обстоятельства,
 препятствующія точному исполненію закона.

Другою ошибкою криминалистовъ я считаю почти общепринятую
 систему наказаній принужденною, тяжелою работою (*travaux forcés*)...
 Какъ! работа, это есть великій двигатель человѣчества, работа, которая
 служитъ основою благосостоянія государствъ, работа, которую без-
 престанно ищутъ всѣ честные граждане, — это наказаніе?

Если работа производительна и выгодна для преступника, то она
 не наказаніе, а награда. Въ противномъ же случаѣ она не доставляетъ
 выгоднаго результата, какъ и всякій обязательный и насильственный
 трудъ, да кромя того довершаетъ нравственное паденіе преступника,
 вселяя въ него отвращеніе къ труду и возбуждая его на борьбу про-
 тивъ гнетущей силы общества.

Каторжная работа — это не удовлетвореніе справедливости, а без-
 колѣсннн муть общества! И чѣмъ она продолжительнѣе и строже,
 тѣмъ менѣе имѣетъ она смысла, какъ для самаго общества, такъ и
 для преступника, котораго она нисколько не исправляетъ.

Обратимся еще разъ къ наказанію.

Наказаніе, говоритъ всѣ, есть видное удовлетвореніе справедли-
 вости и возстановленіе права, нарушеннаго преступнымъ дѣяніемъ.
 Но справедливость уже удовлетворяется самымъ гласнымъ и публич-
 нымъ осужденіемъ въ судилищѣ, и такимъ же возстановленіемъ на-
 рушеннаго права, если это бываетъ возможно.

Другіе прибавляютъ, что наказаніе есть справедливое возмездіе
 или даже муть общества, сопряженная съ физическимъ страданіемъ,
 за оскорбленіе, сдѣланное преступникомъ обществу въ лицѣ одного
 изъ его членовъ. Но мнѣ кажется, что нравственныя правила, кото-

рыми должны руководствоваться отдельные личности; применяются точно также и къ цѣлому обществу, а слѣдовательно несть, и тѣмъ болѣе употребленію насилія для произведенія физическаго страданія, ему такъ же непозволительны, какъ и частному человеку. И мы видимъ, что исполнители приговоровъ, палачи, не только не пользуются уваженіемъ, котораго бы они заслуживали, если бы эта точка зрѣнія была справедлива, напротивъ того — ихъ все презираютъ.

Третьи говорятъ, что жестокое наказаніе необходимо для устрашенія другихъ; но это совершенно несправедливо: жестокии наказанія никогда еще никого не удерживали отъ преступленій, потому что самыя преступленія совершаются людьми отъ неумѣнья или невозможности выйти изъ безвыходнаго положенія, создаваемаго или случайными обстоятельствами, или общественными условіями, или наконецъ страстями, достигшими maximum своего напряженія, которое въ свою очередь происходитъ отъ общественныхъ условій, напримеръ, отъ воспитанія, бѣдности и вообще окружающей обстановки. Драконовы законы, судебники Иоанновы, ужасы инквизиціи — развѣ установили ходъ преступленій? Не были ли мы сами свидѣтелями, какъ ворышки обчищали карманы толпы, собравшейся смотрѣть, какъ бьютъ плетью за воровство?

Наконецъ четвертые къ общему понятію о наказаніи прибавляютъ, что оно должно служить къ исправленію преступника. Но, Боже мой! Плеть, кнутъ, а тѣмъ болѣе гильотина или петля внушаютъ только страхъ, а страхъ, какъ извѣстно, изгоняетъ любовь, при помощи которой и возможно только исправленіе. А насильственный трудъ изъподъ палки еще менѣе къ тому пригоденъ.

Что же остается дѣлать? Неужели не наказывать преступниковъ?

Но нашему мнѣнію, главное наказаніе заключается въ дублированіи и гласномъ осужденіи преступнаго дѣянія и восстановленіи нарушеннаго права. Въ очень многихъ случаяхъ оно одне можетъ быть достаточнымъ.

Далѣе, наказаніемъ можетъ быть лишеніе цѣлостныхъ правъ, котораго даетъ общество, или исключеніе преступнаго члена изъ своей среды.

Наконецъ, если преступленіе такъ важно, что оставленіе преступника въ обществѣ было бы сомнамъ, или можно прямо опасаться продолженія его преступныхъ дѣяній, то — лишеніе свободы, сопряженное съ одиночнымъ заключеніемъ на болѣе или менѣе продолжительныя сроки, и наконецъ выѣздъ съ тѣмъ — ссылкой въ отдаленныя мѣста.

Два послѣднія наказанія, то есть одиночное заключеніе и ссылка, должны служить вмѣстѣ съ тѣмъ и средствами къ исправленію преступника и къ прекращенію борьбы его съ обществомъ.

Послѣ совершенно уединеннаго заключенія, смотря по важности преступленія, отъ 6 недѣль до 6 мѣсяцевъ, должно, по моему мнѣнію, допускать къ преступнику наставника, который бы старался внушить арестанту, что заключеніе его есть, во-первыхъ, необходимость, требуемая самосохраненіемъ общества, а во-вторыхъ, что оно должно послужить въ пользу самому преступнику: собственная совѣсть въ совершенномъ уединеніи должна еще строже, чѣмъ судьи, осудить преступное дѣяніе, а лишеніе общества — показать на опытѣ, какъ тяжело человѣку это лишеніе, или какъ необходимо ему общество и какъ долженъ онъ имъ дорожить. Разумѣется, эти внушенія должны дѣлаться кротко, вовсе не настаивая на томъ, чтобы преступникъ раскаялся, не показывая недовѣрія даже и въ томъ случаѣ, когда заключенный отвергаетъ свою виновность; тогда наставникъ даже долженъ измѣнить свой тонъ и съ состраданіемъ утѣшать въ несчастіи, представляя, что злоба людская происходитъ преимущественно отъ глупости, невѣжества и непониманія истинныхъ своихъ интересовъ, которые всегда требуютъ мира, взаимной любви, помощи и довѣрія. Однимъ словомъ, надобно стараться въ этихъ бесѣдахъ помирить человѣка съ общественною жизнью и показать, что изъ всякаго отчаяннаго положенія, съ присутствіемъ духа, можно найти хорошей и достойный человѣка выходъ.

Иногда чтеніе главы изъ Евангелія, апостольскихъ посланій или какой нибудь книги можетъ замѣнить всю бесѣду. Потомъ, по мѣрѣ умиротворенія человѣка, можно, но не иначе, какъ по просьбѣ самаго арестанта, дозволить ему работать, а также учить его грамотѣ, если онъ ея не знаетъ, или какому либо ремеслу, именно такому, которое можетъ понадобится на новомъ мѣстѣ его ссылки.

Исправительныя тюрьмы должны быть устроены въ тѣхъ самыхъ округахъ, гдѣ жили преступники, и, по моему мнѣнію, отчасти на счетъ самыхъ жителей этого округа, потому что несомнѣнно, они всѣ посредственно или непосредственно виноваты, что въ средѣ ихъ совершаются преступленія.

По истеченіи срока заключенія, арестанты, въ числѣ 200 или 300 душъ обоого пола, но разными партіями, слѣдуютъ безостановочно на перемѣнныхъ лошадяхъ къ мѣсту поселенія при одномъ наставникѣ и наставницѣ. Тамъ уже къ этому времени долженъ быть построены домъ для наставника и наставницы, временное помѣщеніе для аре-

стантовъ и магазины съ необходимыми запасами, инструментами и орудіями для продовольствія, построекъ и земледѣлія. По прибытіи на мѣсто составляется тотчасъ община съ выборными и старостой. Наставникъ даетъ необходимыя средства на обзаведеніе хозяйствомъ, на посѣвъ, на постройку и проч., записывая все это долгомъ на поселцахъ. Въ это время онъ старается соединить брачными узами арестантовъ обоюго пола, а при недостаткѣ женщинъ — посылаетъ под наблюдениемъ своихъ помощниковъ холостыхъ, и, разумѣется, желающихъ. для выбора невѣстъ въ сосѣднія деревни. Наставникъ также заботится о заведеніи общественной запашки, какъ для уплаты выданной напередъ суммы, такъ и для общественныхъ магазиновъ; причѣмъ онъ внушаетъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ они уплатятъ весь долгъ, устроятъ магазины и сдѣлаются исправными поселянами, они освободятся отъ постояннаго надзора и войдутъ въ разрядъ свободныхъ крестьянъ съ однимъ только ограниченіемъ для нихъ самихъ — не удаляться изъ Сибири; но что стѣсненіе это не распространится на ихъ дѣтей.

Въ помощь къ наставнику и наставницѣ, которые должны пребыть во все время устроенія новой общины, то есть отъ 10 до 12 лѣтъ, даются, смотря по величинѣ поселенія, два или три помощника и помощницы, которые присылаются на два или три года для подготовленія въ будущіе наставшики и наставницы. Обязанность всѣхъ этихъ лицъ состоитъ не въ управленіи, которое должно лежать на выборныхъ общины и вообще на администраціи, а въ нравственномъ примѣрѣ и вліяніи на поселенцевъ, въ предствительствѣ предъ мѣстною властію и въ направленіи общественной дѣятельности въ новомъ поселеніи къ добру. Однимъ словомъ, они должны служить новымъ, неполноправнымъ гражданамъ истинною поддержкою и стараться дать первое воспитаніе ихъ дѣтямъ. Что же касается до того, какой у нихъ будетъ видъ землевладѣнія, общинной или частной собственности, — это, по моему мнѣнію, рѣшительно все равно для дѣла и должно быть предоставлено благоусмотрѣнію поселенцевъ. Главное, надобно приучить ихъ къ самоуправленію.

Въ первое время продажи и покупки въ поселеніи должны совершаться доверенными отъ общества подъ надзоромъ помощника наставника, для того, чтобы люди эти не могли предаться пагубному пороку пьянства, и въ самыхъ поселеніяхъ, во крайней мѣрѣ въ теченіе 20 лѣтъ, питейные дома должны быть запрещены.

Долгъ отъ затраты на первое обзаведеніе долженъ быть уличенъ или казнѣ, или обществу, которое пожертвовало своими капиталами, съ прибавкою 1 или 2% для того, чтобы возможно было увеличивать

средства новых поселений. Разумѣется, что то вспомо́ществованіе, которое теперь производится отъ государства поступающимъ на поселеніе, не должно входить въ счетъ этого долга.

Но откуда взять людей въ наставники?

Безъ самоотверженія невозможно ни одно доброе дѣло. Слѣдовательно, прежде всего надобно это живительное начало. Но возмужели нравственный уровень общества русскаго и вообще европейскаго такъ низокъ, что не найдется подобныхъ людей? Съ вѣрою говоримъ—найдется! Въ послѣднее время многіе набожные люди жалуется на релігіозный индифферентизмъ; но они сами не замѣчаютъ, что извѣдка сіюють истинные свѣтильники міру изъ-подъ монашескаго клобука или изъ-подъ священнической ризы. Созерцательная жизнь, искусственное изможденіе плоти, постъ, долги молитвы, безбрачіе и прочіе подвиги — для нашего поколѣнія уже не подвиги. Было время, когда нужно было это все: надобно было жервыиъ христіанамъ и созерцаніе для обновленія своего духа отъ грязной, безнравственной, чувственной жизни древняго міра; полезны были эти высокіе примѣры воздержанія, добровольнаго страданія и отреченія отъ міра—и гордыиъ сластолюбцамъ, и униженному, доведенному до рабства народу, и наконецъ самымъ подвижникамъ, вышедшимъ изъ той же среды. Церковь тогда боролась, должна была, такъ сказать, сосредоточить свои силы и проявиться совершенно оригинальнымъ образомъ, чтобы заслужить и удивленіе, и любовь, и довѣріе къ своимъ началамъ. Но не таково настоящее время: власти не противятся церкви, не гонятъ ее, а напротивъ; покровительствуютъ. Святой трудъ сдѣлался деиномъ новыхъ обществъ, и только бѣдность и неравноправность большинства гражданъ растутъ еще въ нихъ грознымъ призракомъ, которому въ извѣстные историческіе моменты вдругъ сообщается плоть и кровь и — тогда горе! Но пока общая гроза не соберется, эти два гнета — бѣдность и неравноправность и соединенные съ ними пороки: невѣжество, зависть, рожность, лукавство и пр. — порождаютъ частныя преступленія, которыя нарушаютъ миръ общества. Въ наше время подвижничество стараго времени не возбуждаетъ удивленія, — такихъ подвижниковъ много. Созерцаніе бесполезно тамъ, гдѣ все кипитъ, все стремится къ жизни и даже, въ преполющеніи: задержанныхъ силъ, повременамъ разрываетъ влотины и разливается губительнымъ потокомъ. Кого увлечетъ, наприимѣръ, монашество въ наше время? Можетъ быть и бываетъ, что подъ монашескою рисою бьетъ дѣйствительно сердце, полное высокой христіанской любовью къ Богу и человечеству; но гдѣ же плоды этой любви? — теперь мы ихъ не видимъ, а было время, когда они выро-

стали предъ очами всѣхъ людей. Нѣтъ, не нужно намъ теперь множество обитателей для успокоенія, не нужны намъ кротовыя подземныя работы. Намъ нужны явные нравственные дѣатели для обновленія общества! И вотъ точки соприкосновенія людей съ самооживленіемъ, набожныхъ, религиозныхъ и мірскихъ филантроповъ и утилитаристовъ: Иисусъ Христосъ сказалъ, что добрый пастырь оставилъ 99 овецъ, чтобы найти одну заблудшую. Въ притчѣ о блудномъ сынѣ онъ показалъ радость небеснаго Отца при возвращеніи человѣка въ честной жизни. Въ наставленіи ученикамъ своимъ онъ обѣщалъ вѣчную славу тому, кто научитъ меньшихъ братій хоть одной заповѣди закона, который весь есть любовь къ истинѣ и человечеству. И кѣмъ окруженъ былъ божественный Учитель, съ кѣмъ любилъ онъ проводить время? — Съ явными грѣшниками! Вотъ вамъ примѣръ, благочестивые! А вы, филантропы, разглагольствуете очень хорошо; но перстомъ своимъ не подвигнете давнее человечество! Вы, утилитаристы! вотъ достойный предметъ вашей дѣятельности: сдѣлайте отверженцевъ общества полезными членами! Всѣ вы, мужчины и женщины, съ нѣжнымъ сердцемъ, теплою душею, съ огромнымъ запасомъ любви, проливающіе слезы при чтеніи романовъ и представленіи драмъ; всѣ вы, пострадавшіе въ вашихъ приказаніяхъ, — примитесь-ка за дѣло! Тутъ не потребуется отъ васъ ни избытокъ безбрачія, ни совершеннаго нестяжанія, ни даже особеннаго смиренія; не будутъ обязательны жемурительный постъ и земные поклоны по уставу; — нужно будетъ только поработать надъ собою, научиться кое-чему и, приготовившись, приняться за дѣло исправленія преступниковъ, сперва въ тюрьмахъ, а потомъ при устройствѣ новыхъ общинъ, въ которыя вы должны будете вдохнуть нравственное живительное начало любви, вмѣсто прежней ненависти, господствовавшей въ отдѣльныхъ личностяхъ.

Составьте общество на подобіе сестеръ милосердія для почетнаго ухода за нравственными страдальцами.

Но прежде чѣмъ дѣйствовать, вы должны научиться и психологій, и физиологій, и ознакомиться съ технологією, и съ сельскимъ хозяйствомъ. Вы займетесь этимъ сарьбамъ, потому что отъ знанія этого вамъ добра наискрѣннѣе и могутъ только осуществиться.

Опыты ваши, съ соизволенія правительства, вы можете начать въ управленннхъ и управняемыхъ монастыряхъ. Истинно набожные и благотворительные люди вамъ помогутъ. Можете быть и самоправительстве, убѣдясь въ полезности вашей дѣятельности, передать въ ваше распоряженіе часть суммъ, которая оно теперь употребляетъ на тюрьмы, на арестантовъ и на ихъ превращеніе.

Конечно, вы должны будете отказаться отъ свѣтскихъ удовольствій, или по крайней мѣрѣ пользоваться ими рѣдко, чтобы посвятить себя самоусовершенствованію и оному великому служенію; но у васъ будетъ всегда дружескій кружокъ, изъ котораго не будетъ изгнава ни литература, ни музыка, ни другія изящныя искусства.

Не налагайте на себя только обѣтовъ не по силамъ, и лучше откажитесь отъ своего намѣренія, если оно было слѣдствіемъ временнаго увлеченія, нежели исполняйте принятую вами обязанность небрежно.

Управляйтесь совѣтомъ, безпрестанно сообщайте другъ-другу и успѣхъ и неуспѣхъ вашей трудной работы; но полицейскаго надзора на себя не берите: ваша сила вся только въ убѣдительномъ словѣ и въ вашей собственной жизни.

Живите общиною; пусть будетъ у васъ общая трапеза, она будетъ дешевле и вы сэкономите больше денегъ для дѣла.

На заведеніе поселенія не скупитесь; хорошо если между вами будутъ богатые и вы признаете ихъ достойными и способными быть основателями колоній; но бѣдныхъ и достойныхъ своихъ членовъ не отстраняйте отъ этого и обезпечьте ихъ во время самага большаго ихъ подвига — устройства поселенія на новомъ мѣстѣ.

Чтобы приготовить будущихъ основателей колоній, посылайте молодыхъ членовъ своихъ помощниками въ заводимыя поселенія года на два, на три; имѣйте съ ними постоянныя сношенія, и по возвращеніи испытывайте ихъ и сами поучайтесь.

Не думайте, чтобы это было невозможно: были же истинные друзья человѣчества — Овенъ, напримѣръ, которые достигали самыхъ утѣшительныхъ результатовъ.

Утопистъ! утопистъ! воскликнетъ серьезный, положительный читатель. — Можетъ быть, отвѣтимъ мы; но вотъ пожалуй и другой проектъ совершенно удобоисполнимый, который можетъ впрочемъ одновременно существовать и съ первымъ, если средствъ будетъ недостаточно, чтобы развиться ему вполне.

Пусть мѣстомъ ссылки, какъ и теперь, будутъ заводы и рудники; но пусть тамъ построитъ хорошія тюрьмы. Арестанты будутъ содержаться въ нихъ въ одиночномъ заключеніи до тѣхъ поръ, пока не захотятъ работать; лучше даже, если это позволеніе будетъ дано имъ не вдругъ, а въ видѣ награды за хорошее поведение во время препровожденія ихъ и на мѣстѣ. Срокъ содержанія въ общей тюрьмѣ долженъ быть уменьшаемъ пропорціонально количеству заработка, а непремѣннымъ условіемъ освобожденія будетъ скопленіе известной суммы, необходимой для обзаведенія хозяйствомъ. Лѣность и нерадѣніе, т. е. невыполненіе условій работы, непослушаніе и т. п. наказываются ли-

внѣшнѣе право на работу на нѣкоторое время, а следовательно и увеличеніе срока заключенія. Разуиѣется, что при этомъ распорядителн работы не будутъ имѣть никакого начальническаго вліянія на заключенныхъ и на тюремныя власти, которыя конечно надобно выбирать съ разборомъ и обезвѣчить достаточнымъ содержаніемъ. Доказывать превосходство этой системы предъ существующею послѣ всего сказаннаго я считаю излишнимъ.

Ф. ЛЬВОВЪ.

СОЛДАТЪ ДА СОЛДАТКА.

....Почти весь косогоръ, усѣянный кое-гдѣ кустарникомъ, былъ покрытъ копнами только-что скошеннаго сѣна.

Возлѣ небольшого рукава рѣки, протекавшаго внизу, варили ужинъ. Дымъ поднимался прямо кверху и исчезалъ понемногу въ воздухѣ, надушенномъ сѣномъ. Было очень тихо—воды протока стояли, какъ зеркало... Мальчишка, котораго послали съ котелкомъ за водой, стоялъ на берегу и пускалъ въ воду засохшіе комья грязи, мало заботясь о томъ, что его давно ждали.

— Эй ты, баловень, крикнулъ старикъ—крестьянинъ, варившій кашу:—давай воду-то. Полно баловаться-то, а то я такъ вихорь-тѣ надеру, что и матери не скажешь...

— Заразъ, отвѣчалъ мальчишка, и отворотивъ большую глыбу земли, спихнулъ ее въ воду. Вода отшатнулась отъ берега и замутилась. Мальчишка взялъ котелокъ за дугу и, зачерпнувъ мутной воды, тотчасъ же напился изъ него.

— Экой баловень, баловень! проговорилъ старикъ, когда мальчикъ принесъ воду:—погляди, какую мутную воду ты принесъ.

— Ничего, возразилъ мальчикъ.—Лучше нѣту.

— Нѣту?.. А ты вотъ не дурилъ бы такъ, такъ лучше было бы... Кличь ребятъ-то!...

Мальчишка побѣжалъ по косогору съ припрыжкой, ударяя себя правой рукой, куда слѣдовало, и вскрикивая: «валяй, Матюшка, валяй!»

Совсѣмъ за вечерѣло, когда ребята собрались къ ужину. Съ ними пришелъ какой-то мѣщанинъ, въ длинной чуйкѣ, концы которой онъ свертѣлъ и держалъ въ рукѣ.

— Вотъ, дѣдъ, гостя къ тебѣ привели, сказалъ парень, указывая на мѣщанина.

Дѣдъ поглядѣлъ на мѣщанина и сказалъ: «добро пожаловать».

— Въ Илишовку идетъ, сказалъ тотъ же парень.

— Да-съ, въ Илишовку, выговорилъ мѣщанинъ. — Мы там торгуемъ... Да вотъ ночь ужь, — такъ я и думаю переночевать здѣсь. Можно?

— Отчего нѣтъ? Можно, ночуй... Слободнаго мѣста — ишь колько!..

Ребята поужинали. Старикъ сейчасъ же растянулся на землѣ и уснулъ, прикрывшись своимъ халатомъ.

Ребята еще не ложились... Одинъ изъ нихъ опять сталъ варить кашу.

— Скоро ли дѣвки это придуть?

— Должно скоро. Тутъ недалеко отъ Симоновой-то поляны.

— Погляди, малый, какъ будетъ каша готова, такъ и придуть...

— А что на Симоновой они дѣлають? спросилъ мѣщанинъ.

— Гребуть...

— Такъ. А село-то ваше знатное — шель, шель, ажно упрѣль.

— Большее.

— Глядишь, ежели бъ помѣщичье было, много бы дѣду давало барину.

— Аль тебѣ этого хотца?

— Нѣтъ, я къ примѣру.

— А что, ребята, дѣвокъ-то будемъ ждать?

— Ну ихъ! сказала двое парней.

— Отчего не подождать! подхватило нѣсколько голосовъ. — Подождемъ... Вотъ дядя Матвѣй про солдата скажетъ, что обща-ль-то давеча.

А дядя Матвѣй будто не слышитъ.

— Вотъ она, ребята, склевалъ Матрѣй, кивая головою на мѣщанина:—говорить, что, молъ, не господствіе мы. А старшій склеываютъ, будто село-то наше чуть въ аренду кому не досталось. Хотѣли, значитъ, енаралу какому-то въ аренду сдать... Только, слышь, въ тѣ поры крестьяне-то ужъ больно буйны были—тамъ въ бунтовщикахъ и зачались по книгамъ тамъ. Енаралъ, знаешь, поглядѣлъ въ эту книгу—то, да я говоритъ: «я человекъ смиренный, и мнѣ съ такими буйными не совладать. Мнѣ, говоритъ, лучше мордву тамъ, или чаремисовъ — тѣ, говорятъ, безобидные». Ну, ему мордву и дали.

— А ты, дядя, скажи про солдата-то...

— Уморился... Ну ихъ...

— Вотъ... Вѣдь самъ обѣщаль—за дѣвкы-то тѣ не тянул...

— Скажи, дядя... Все одно—дѣлать нечего... А дѣвекъ ждать надо...

— Чего ихъ ждать-то? Дожились бы...

— Чего?.. Все одно — придуть,—разорутся такъ, да разбудуются—разбудятъ.

— Говори, дядя!..

— Ну, изволь...

«Въ тѣ поры, ребята, я съ Дуляшковой, съ солдаткой, возмался, а жилъ у отца протопона въ работникахъ. Дуляшка эта жила въ свое удовольствіе, значитъ, подъ началомъ ни у кого не состояла, и такая, братцы, шельма была, что сладу никакого съ ней не было. Потому, первое—щеголиха, другое—ненасытная душа. Подай ты ей теперь всего, чего ни потребуетъ, словно баба брюхатая да привередливая. Ежели ты вонъ ей сережки дашь, либе-щто, думаешь, завтра она тѣ такъ оставитъ, и ублавитъ? Ошибаешься, другъ. Ты лучше и губы не разставляй—она и завтра у тѣ выможитъ что ни на есть, и все, братцы мои, одной лаской,—замучитъ тѣ лаской, а выможитъ.

«Это, какъ дурь-то нашла на меня, такъ я совсѣмъ склевался съ ней, и сколько этого грѣха на душу принималъ—такъ и говорить даже тошно... Право-слово!..

«А умъ и бѣйка была, да шустра, братцы. Идетъ теперь, словно тѣ нава накал, разряженная, да разубранная. Въ курава-дахъ, вездѣ, значитъ, впереди, и какъ это иѣсню затянетъ, такъ супротивъ ея нѣкому не вывезти. Голосъ-то у ней былъ не то чтобъ звонкій, и не то чтобъ тошнѣй, а самый, значитъ, средствен-ный. И таково-то звѣнимъ самымъ голосомъ выводила она, что

Будь ты умнѣющій теперче человекъ — она изъ тебя дурака сотворитъ. Захочетъ — заплачешь, а то захочетъ — узнаетъ нахохочешься... Это я вамъ, ребята, какъ есть истинно говорю, потому, одна сама становой, Яковъ Кириллычъ, и тотъ онъ прельстился.

«Только, ребята, и самъ я въ тѣ поры развоюемъ выгадывалъ. Пошире, значитъ, раздвигайся, да примасли, да приглубь. Тоже вѣдь виды—то видалъ я всякіе—живали у хорошихъ людей, да знакомство не послѣднее важивали.

— Что и говорить, перебилъ Матвѣя съ усмѣшкой мѣщанинъ:—чай у губернатора въподворотню безъ доклада глядѣть!

«— Не токма въ подворотню, а мы и самого губернатора въ лицъ видѣли, и даже одна и бабъ къ нему, къ этому губернатору, вѣдили. Одначе я тѣ не изъ чего прочаго говорю это, а все единственно, что подневольные мы люди. Прикажутъ — сполняй, а разговаривать, значитъ, не твое дѣло, особавно; когда государево око тѣ удостоитъ.

«Ну, ребята, докладываю вамъ, что баба эта была не чета городскимъ мѣщанкамъ—отнюдь не сухопаразя, да не поджарал. А баба, какъ надоть быть всякой бабѣ,—ни тонка, ни толста, а румяна, такъ ужъ это, какъ есть во всю щену. Одко, говорю, жадна ужъ была, погибели на нее мѣтъ. Какъ спознался я съ ней, и почала она тлнуть съ меня. Чего-чего я ей не передавалъ, какими ужъ машерями не ублачивалъ ей — такъ это уму невообразиимо. Истинно, говорю вамъ: бывало, это закрома у отца протопопа, тридцать только. Пойдешь за овсомъ лошадямъ, да лишній мѣшокъ и шагрешь, да на базаръ съ вѣрнымъ человекомъ и соунешь. А такой вѣрный человекъ былъ у меня. Тонко, братцы мои, и замѣть это отецъ протопопъ...

— Вонъ оно какъ!..

«— Истинно. А человекъ, говорю, важнецъ былъ, такъ отцомъ протопопомъ и величали всѣ, а ими-то ему отецъ Миронъ было. Это, какія ошь проповѣди по правдивкамъ говаривалъ — такъ не роди меня мать на свѣтъ! Бывало, бабы даже ревъ подымутъ, какъ о страшномъ судѣ онъ почнетъ рощивывать. Умнѣющій человекъ былъ. Только вотъ что скажу вамъ, ребята,—не бралъ я изъ амбара у отца протопопа овесъ себѣ — это точно, а чтобъ это я за воровство ечель — никогда. Потому по самому, ежели я теперче мирское беру, разъ это воровство? Отецъ протопопъ откуда овесъ вилъ? — съ мира собралъ. Кто съ отцомъ пр-

топопомъ жалелъ по делу? — Я. — Кто приналъ съ мушкетеръ овесъ? — Я же. Стало быть гдѣ жь тутъ веревство это самое? Я отъ работна бралъ у отца топонома, а грабтикъ его — же грабилъ отиода...

— Означе, ты довно зага... то асть на счетъ веревства же, замѣтилъ одинъ паренъ:

«— Ничего, малый, тутъ лошаго дѣтъ, а говорю я тѣ, какъ есть одно дѣло. Такъ?»

— Такъ, такъ, подтвердилло нѣсколько голосовъ. — Дѣло, дядя Матвѣй, дѣло... Ты... ато дѣло...

«— Ну, а ежели дѣлае, то и толковать нечего... Замѣтилъ, говорю, отца топопомъ, и говоритъ:

«— Что это, говоритъ, Матвѣй, у насъ осяа баявно много выходятъ?»

«— Я, говорю, не знаю, отецъ топопомъ. Только лошадине я знаю даю, потому, азмѣтъ же животину морить? Животина кармъ любить.

«Почаеалъ отецъ топопомъ головой, да съ этого дня ключъ-то отъ амбара и прибралъ къ себѣ. Надеть темерче корыгъ лошадине выдавати; онъ и шдетъ отиуцать самъ. Ну, при немъ-то, истине, болѣ припорци не воаьмешъ... А Дуляника, подлая, какъ на грѣхъ, все пуще пристаетъ. Что тутъ дѣлать?... Понесъ я, братцы, корыгъ лошадинъ, высыналъ его въ камгу приотцу топопому, и почали лошадики уллетата тотъ овесомъ... Ушелъ отецъ топопомъ къ себѣ въ горинцу, къ топополицѣ своей, Марей Гаврильевичъ, а въ меня, братцы мои, и вселомъ нечистый духъ. Истинно, говорю вамъ. Веселася въ меня этотъ духъ нечистый, и кошотомъ на ухо мнѣ и дудитъ:

«— Выгребни, говоритъ, Матвѣй, овесъ-то у лошадей!..

«— Нѣтъ, говорю, грѣхъ скотинку обижать. Скотина, говорю, солдаты безотвѣтная... Какъ ее обидѣть?

А онъ опять:

«— Выгребни, говоритъ, Матвѣй Иванычъ, ей-богу, выгребни. Скотина и такъ съ жиру холоаается, съ дѣна съ одного.

«— Немаю, говорю, съ однимъ сѣномъ. А ты говорю, Матвѣй-то Иванычемъ не качъ меня, потому, съ ролу мояа никло такъ не дѣлкалъ.

«А онъ опять:

«— Какъ же, говоритъ, скотину прировнялъ тыкъ человекъ? Разъ, говоритъ, лошади-то тѣ жалче Дуляники? а?... Выгребни,

говорить; Матвей Иванович, ей-Богу выгребш. Тутъ видъ овса но-болѣ, чѣмъ на гривенникъ...

«Осѣтилъ, братцы, этотъ нечистый меня... Тамъ, братцы, осѣтилъ меня, что совсѣмъ я разъярился, словно образа чело-вѣческаго нѣтъ на мнѣ. Подхожу я къ комитѣ, разъярился-то, и зачалъ овесъ выгребать себѣ въ полу, а сѣрко—шеренка такъ одного звали—даже въ морду съвадилъ... Все, знаешь, лѣтъ онъ къ овсу-то...

«Выгребъ, братцы, это овесъ я, а лошади, гляжу, словно приуныли, головушки это повѣсили, да такъ жалостливо-жале-ственно глядятъ на меня. Ну, вотъ только не говорятъ: «злодѣй, молю, злодѣй ты. Зачѣмъ ты, злодѣй, пиши лишилъ насъ?..» Ко-былана была тамъ одна, во четвертому годочку только, — такъ она, братцы мои, какъ заржетъ, какъ заржетъ!.. Да такъ за-уныливо ржетъ-то, что меня даже слезыньки прошибли... Ну, тутъ ужъ я не совладаю съ собой... «Эхъ, говорю, пропадай ты пропадомъ, а только не обижу я животинку... Человѣка оби-дешь, такъ онъ самъ тебѣ обидитъ, а скотинка отместки не знаетъ», да и вывернуло опять овесъ въ комягу. И съ этой поры со вре-мени, братцы мои, я ужъ и не трогаю овесъ у отца протопопа. А продалъ, что было лишнее изъ платья, да и ублачилъ Ду-няшку... Только не надолго насытилъ я ненасытную ея душу. Опять, погубила на нее нѣтъ, шорвало се... Подай ей пять рублей, хоть тамъ душу ты заложь, а выложь ты ей эти ден-ги, потому надобно ей кокошникъ новый.

«Думалъ я, думалъ промежду собой, горевалъ—горевалъ, да и пошелъ къ Архивичу... А Архивичъ, братцы мои, важный былъ чело-вѣкъ. Завсегда тебѣ одолжить, и даже не спроситъ, за-чѣмъ то-есть ты и просишь у него... Только ты ужъ къ сроку ему приставай...

«У насъ это завсегда такъ было. Занялъ деньги — пришелъ къ сроку, а то какъ разъ съ бирки тебѣ срѣжетъ....

— А это вамъ и съ руки, небось, было? мѣщанинъ-то ска-залъ, неприятельски эдакъ гляючи на разскащика.

«— То есть, что же это ты не дѣло говоришь, другъ? спро-силъ Матвей, и тоже съ укоромъ на мѣщанина поглядѣлъ.

— А какъ же иначе?... Съ бирки срѣзалъ, значить ты ужъ и не должникъ. Значить, онъ тебѣ и знать не хочетъ.

«— Значить.... Ну, дакъ-то что?

— А тоже.... Чего тутъ печалиться-то?

«— А я тебѣ сейчасъ, господинъ мѣщанинъ, такую притчу. У васъ тамъ можетъ оно такъ и слѣдуетъ, коли кто вамъ долгу простить, а у насъ этого не водится. А почему не водится? А почему и не водится, что у насъ мѣрь. Ты это, господинъ мѣщанинъ, войди, что значить мѣрь-то.... Телерте, ежели ошь тебя, мушкетъ-во, у кого, значить, ты занималъ, съ бирки ерѣзаетъ, такъ ты совсѣмъ пронащій человекъ... Тебѣ и довѣря николи ни отъ кого не будетъ.... Вотъ что, малый.... У насъ, ежели должникъ гѣ придетъ съ покаянникомъ-то, въ срокъ, значить, не приставить, такъ его Архимычъ, али другой кто, не токма бить, а и ругать не станетъ. А только пригрозить: «съ бирки, ежели, ерѣжу, малый».... Такъ должникъ-то въ негалъ навязется, отцѣмъ роднымъ тысячу разъ назоветъ, только не ерѣзай ты его. Вотъ у насъ, какъ дѣла-то дѣлались, господинъ мѣщанинъ, вотъ что мѣрь-то значить! А ты говоришь — «съ руки вамъ»... Нѣтъ, братецъ ты мой, тутъ такимъ козломъ завязались, что ахъ ты горе-гореваньце .... У насъ на-чистоту все въ мѣрь-то. Это вотъ теперь маленько поновмались, да кабаки даскали насъ, а прежде — ты и не говори. Такъ-то-съ.... Чего не разу-мѣешь, того не говори....

Остановился маленько, Матвѣй, махнулъ на мѣщанина рукой, да и продолжалъ:

«— Ну, братцы мои, далъ мнѣ Архимычъ денегъ....

— Далъ?

«— Далъ, и ни слова не сказалъ. Опять, значить, задиковалъ съ Дуняшкой, и не видя до сроку доликовался. Надоть безпремѣнно деньги несть, а денегъ нѣту-ти.... Говорю про это Дуняшкѣ.

«— Хочешь, говорить, достану денегъ?...

«— Достань, говорю. Только, гдѣ жъ ты достанешь?

«Она засмѣялась и закрылась рукавомъ.

«— Чего жъ, говорю, ты смѣешься?

«— А такъ, говорить. Коли хошь — достану, только ты ужъ не сердчай у меня, и опять засмѣялась, да рукавомъ и закрылась.

«А мнѣ все это не вдомекъ.... Допрашиваю ее....

«— А къ шишовскому, говорить, управляющему разика три сложу....

«— Эхъ, говорю, безпутная, безпутная. Разѣ это можно?... Ты ужъ, ежели любить, такъ одного люби.... Отговорилъ ее, а

до брѣку всего одна вода. Сижу это я разъ такъ-то въ сторонѣ у воротъ, да думаю, глужу, подходитъ ли мнѣ Николай Антиповъ.

«— Хочешь, говоритъ, владырыть ѣхать? Мы, говоритъ, ѣдемъ съ Микитой Черниковымъ... Въ долгу, говоритъ, возьмемъ. Парень ты хорошій — тамъ ужъ намъ тѣ десятую долю отдавать....

«А ни въ о ту пору, не токма влады, а даже съюми-бы у водоего достать можно было, такъ и къ нему бы поехали... Сегодсилнь ѣхать на Шниговъ курганъ. Тамъ безперень рыли, только вес влады-то не давался. Ну, а Николай завѣрилъ: Микита, говоритъ, Черниковъ всякія адакія словеса знаетъ, и ужъ влады, говоритъ, безпрямѣнно добудемъ.

«Только, братцы мои, какъ теперь это помню. Ночь такая лѣтняя, ослеплая. Ни единой тучки, а горитъ это все небо звездами. А мы это, знаете, ѣдемъ.... Ыкали-Ыкали тамъ-то, и молчимъ все. Скучновато стало, я и началъ говорить, а Микита-то и радъ....

«— Скажи, говорю, на милость, Микита Петровичъ, отчего это въ такую ночь мѣсяць, а въ такую его нѣту-ти?...

«— Ущербъ, говоритъ....

«— Знаю, говорю, что ущербъ.... А только гдѣ же этотъ мѣсяць дѣвается?

«— Неужто, говоритъ, не знаешь?

«— Нѣтъ, братъ.... Что жъ, прямо тѣ говорю....

«— Это, говоритъ, ты доброе дѣло дѣлаешь, коли прямо говоришь; потому по самому, что вратъ нашему брату не приходится....

«— То-то, говорю, я самъ тоже мѣкаю....

«— Это, говоритъ, ты хорошо.... Что хорошо, говоритъ не скажешь — худо. Видишь, говоритъ, Матвѣй Ивановичъ, скажу я тѣ по истинѣ до истинской на счетъ то-есть сумлѣнія твоего. Есть такія книжицы, и въ тѣхъ книжицахъ про все про это прописано.... Какъ, значить, земля зачалась, какъ это люди первая жили.... Царей, знаешь, этихъ не было, ни единого царя не было.... Необразованность, говоритъ, значить.... А были, говоритъ, патриархи — духовенство то есть.... И хоша, говоритъ, этихъ царей не было, а жили, говоритъ, всегда по братски, по приятельски....

«— Ты, говорю, про мѣсяць-то....

«— И про мѣсяць я тѣ доложу, говоритъ. Время теперь слободное — куражится Микита-то: — обо всемъ доложить и могу....

Привѣчала ты, Михайлѣ Ивановичъ, говоритъ, такую оказію, что ежели теперь на звѣздѣсницѣ — анѣль менѣ, а ежели того мѣсяца нѣту — звѣзда болѣ... ..

«— Это, говорю, я точно привѣчала.

«— Ну, а привѣчала, говоритъ, вещь значить, что и толковать намъ съ тобой. Теперь все дѣло, какъ на ладонкѣ видно.

«— Ну, говорю...

«— Истинно, говоритъ. Потому, ты теперь скажи, отчего, ежели мѣсяца нѣту, звѣзда болѣ?

«— Не знаю, говорю, малый.

«— Хорошо, говоритъ. Теперь ты отвѣчай: отчего, ежели мѣсяцъ свѣтитъ, звѣзда менѣ?

«— Точно, говорю, что менѣ, а отчего менѣ — не знаю.

«— Не знаешь говорить.... Ну, хорошо. Ты такъ мнѣ все въ акуратъ и говори, потому я тѣ всѣ резонты подведу. Ежели мѣсяца нѣтъ, а звѣзда болѣ, значить куда же этотъ мѣсяцъ идетъ? Идетъ онъ, другъ мой милый, на потребу. А на какую на потребу? — Сейчас и это я тѣ скажу. На звѣзды, другъ милый, крошать его.... И крошать его, братецъ ты мой, говоритъ, ангели Божіи, и крошать по маленьку. Потому, Господь-то и никъ утрудять-то не хочетъ. «Крошите, говоритъ имъ Господь, да не пугайте себя».

«— Ишь вѣда, говорю, какъ!... Что значить милостивый Господь-то...

«— Истинно, говоритъ, говорю тебѣ. Вотъ мѣсяцъ-то и крошать по маленьку. Ишь малую толику, застра маленьке — такъ и искрошать весь. Опосля Господь-то и скажетъ ангеламъ: «славословьте, говоритъ, меня!» они и славословятъ, потому дѣла-то, значить, имъ теперь нѣту, вотъ и славословятъ. А тамъ опять крошить зачнутъ, и такъ, говоритъ, другъ ты мой милый, дѣбется во вѣки вѣчностіе и до скончанія міра.

«Ведешь это мнѣ эдакую разумную бесѣду, и пріѣхали. Отгнѣришь Микитка только-то шаговъ: «тутъ», говоритъ, и начали мы копать. Меня, братцы, первоначалу ужъ оторопь взяла — рею, аль не потъ съ меня валитъ, а ужъ въ старону, да на рѣчку и не взгляну. А рѣчка-то, знаете, какъ разъ река, Щипора — и куда это не шей, камыши... Подуетъ вѣтерокъ, зашумитъ камышами-то, а я такъ и вадрогну, и лучше рыть земляна... Только, братцы мои, какъ зареветъ дѣло-то, дакъ зычно-зычно... Точно я корова

будто, и не шорова, а не вѣсть что... У Меня руки такъ и ошустившеся. Слова съговорились, глянули мы на рѣку-то, а тамъ, братцы мои, вѣдмеднице... да такой-то здоровый, да такой-то крепкий... Вылѣзъ изъ воды, да и оураживается. А стоять, знаешь, на заднихъ лапахъ, и ревишь—ревишь стоять-то. Видно, куда-то жаль стало... Перва-то, стоимъ мы, словно уторѣлись, и что дѣлать—не сообразимъ. А тамъ, какъ пустимся съ кургана, да въ телегу, да по лошадаимъ... А за нами кто-то: скокы-скокы... скачетъ... Уткнулъ я, братцы, рыломъ-то въ дѣшюкъ, и такъ возлѣ села только и очухался.

— Кто жь это глядся-то? спросили ребята.

«— Кто?.. Вамъ еще сказать!.. Тутъ, братцы, такая гистория случилась, что просто—уму непостижимо... Право—слово. А все Богъ... Онъ, братцы мои, вездѣ съ премудростью-то своей... Бога-то ты никогда не минуешь...

— Да кто же это, дядя, ты скажи...

«— Кто?... Лапотъ—вотъ кто...

— Лапотъ?

«— Ну, да... Чего бѣлымъ-то выучили? Гѣорю—лапотъ, такъ ты и понимай.

— Да какъ же это, дядя, лапотъ? Разъ онъ-то въ лапты?..

«— Онъ-то?.. Совсѣмъ не онъ, а какъ есть настоящий Микиткинъ лапотъ... Въ этомъ-то вся и причина: Какъ Микитка-то бѣжалъ, у него лапотъ-то и соскочи, и волокется за нимъ—борини-то вокругъ ноги держалась... Ввалился Микитка, въ роспуски—мы въ роспуски ввали-то, а лапоти-то наружѣ, да и скачетъ по землѣ-то, а по колѣсамъ шмещеетъ... Денди?... Вотъ оно, малый, что значить Богъ-то. Ты его не слышу—онъ тѣ вездѣ находится, а ни гдѣ, такъ шмыгъ наденетъ... Микитка-то: чуть шмыгъ не шмыгъ... Медаль съ шестъ все хоралъ, и волоса-тѣ всѣ выфраны... А кто шмыгъ, а лапты-рыцъ?—Микитка. Кто угадывалъ?—Микитка. Кто на курганѣ ворожилъ?—Опять онъ, Микитка же, Вотъ Богъ-то и наидеъ его... Вы это, ребята, помните, что значить Богъ-то...

— А Андрюшечу-то какъ въ лапты-то? спросилъ Пронка.

— Нѣтъ, ты скажи, дядя, какъ въ лапты Андрюшечу? Вѣдь да лапты вѣдмеднице валишь? Въ носу озеромъ, камнями на стогъ чего другого, а вѣдмедой что-то не слышать...

«— Въ этомъ-то, жалкій, и задача вся. У насъ, говоримъ, вѣ-

модой нѣту—точно нѣту, а дѣломъ вдругъ наполнился. Вотъ тутъ-то ты и разговори умомъ-то...

— Чужо!

— Истинно, что чужо. А Архипычу я деньги внесъ, только не въ этотъ срокъ...

— Откуда жъ ты взялъ?

— А ты слухай, что дальше будетъ. Самъ увидишь откуда. Показался въ нашемъ селѣ солдатикъ, отставной. Такъ не мудреный изъ себя-то... Разъ я съ нимъ встрѣтился:

«— Ты, говорю, откуда служивый?

— Я, говорить, отставной.

«— Изъ нашего села?

— Нѣтъ, говорить, я изъ своо села...

«— Такъ, говорю. А какими, говорю, примѣрно, дѣлами занимаетесь?

«— Насчетъ, говорить, кладовъ.

«— Что жъ, говорю, и находить случалось?

«— Еще бы, говорить, нѣтъ. На томъ стоимъ. Теперь, говорить, такой нашелъ, что серебро шѣрками загребать надоть...

«— Одно, говорю, серебро?

«— Одно, говорить. Есть и золото... Только на золотѣ зарокъ-то тысяча лѣтъ.

«— Какъ, говорю, примѣрно, вы все это узнали?

«— А это, говорить, ужъ наше дѣло...

«— Такъ, говорю, — и разошлись мы.

«— А Дунышка-то, погибела на нее нѣтъ, гляжу, ходить ко мнѣ перестала. Словно въ воду канула—нигдѣ ты ее и не встретишь... Что бы это такое значило? думаю. Навѣдывался разика два къ ней — домашніе говорятъ: «а тотъ-то ее знаетъ. Завѣдалась-завихрилась, и не слышимъ. Совсѣмъ отъ рукъ отбилась». Ужъ не унесло ли ее, въ самомъ дѣлѣ, къ пишовскому управляющему? промежду собой-то разговариваю. Баба-то она непутящая — всегда свихнуться можетъ... Прошло этакъ близу недѣли... Пошелъ я въ садъ разъ онося обѣда—у отца протопопа саднице важнящий былъ — и задралъ въ куренѣ ноги. Мухъ, знаешь, нѣтъ, прохлада — и уснулъ... Долго-ль, коротко ли спать я-врать не хочу, а только какъ проснулся, слышу голосъ магушки протопопицы Марыи Гаврильевны, да еще капитанши вороводской... Сидятъ они подъ яблонью, возлѣ самаго куреня, и

прохладную такую бесѣду водить. А капитанша эта — жена роновскаго капитана. Капитанъ-то, значить, порва мужикомъ былъ, но а послѣ въ некруты взял его, — онъ въ капитанъ-то и вльѣтъ, да и взялъ у отца Льва, покойника, дочь. Такъ эта самая дочь-то поповская, Львовна-то, значить, и есть капитанша. Сидать, говорю, это матушка протопоица Марѳа Гавриловна, да Львовна, капитанша-то, значить, и разговоры это разговариваютъ, а я слушаю. Капитанша-то и говоритъ:

«— Такъ это, говорить, кума, такъ и будетъ?»

«— Такъ, такъ, кума, увѣрительно такъ протопоица-то ей. Ужъ вы, говорить, кума, не сумлѣвайтесь. Какъ я вамъ говорю— это вѣрно...

«— Вы сами, капитанша-то опять, — съ нимъ говорилъ?»

«— Сама, говорить, сама, вотъ какъ съ вами теперче. И стала это протопоица ей все расписывать, а я слушаю. Сначала, говорить, солдатку прислалъ — то есть пожелаю ли я, значить, его видѣть, на счетъ этого дѣла, и все, какъ слѣдственно говорится. Матушка протопоица солдаткѣ-то говоритъ: можно, только, когда отецъ протопоицъ на службѣ въ церкви будетъ, въ самую, значить, вечерню. Солдатъ пришедъ, а матушка протопоица съ нимъ сейчасъ въ садъ, будто яблоки ему продовать, а сама, значить, всю эту матерію и разузнала. Какой, говорить, капитаншѣ-то, почтительный, кума — сейчасъ видѣнъ хорошій человекъ, даромъ что солдатъ. Миѣ-то, говорить, «ваше высокоблагословеніе, матушка протоіерейша» — ей-Богу не вру. Это, говорить, у нихъ въ Питерѣ завсегда такъ. И отцу протопоицу «ваше высокоблагословеніе» и протопоицѣ тоже «ваше высокоблагословеніе» — та же честь. Вотъ что значить питерцы, я-то думаю. А матушка-то дальше. И вѣдь, знаешь, говорить, что, кума? Самъ, говорить, царь-то извѣстенъ объ немъ. Ей-же-ей... Говорить: я съ царемъ самимъ, какъ все одно теперче съ вами, разговаривалъ, и въ палатахъ его бывалъ. Первая-то палата, говорить, серебряная, вторая-то палата вся изъ золота, литого, кума, золота, а третья-то палата — земчужная. А ужъ четвертая, говорить, палата — такъ и не разберешь... Такъ солдатъ-то матушкѣ и сказывалъ — описать, говорить, не можно, ваше высокоблагословеніе, потому — не разберешь — сіяеть, а что сіяеть — невѣстно. Все одно, говорить, ежелибъ теперче солнце. И въ палатѣ въ этой днемъ и быть нельзя — глаза ужъ больно ѣсть съ томъ-то, а бываютъ только по вечерамъ. И такое это тамъ сія-

не, что ужь и свѣчекъ не зажигаютъ, свѣтло и безъ нихъ отъ этого сіянія-то. Все это матушка протопоница росписываетъ, и говоритъ, что будто самъ царь этому солдату изъ своихъ царскихъ ручекъ пожаловалъ сто золотыхъ. «Только, приставъ, говоритъ, мнѣ сто мѣрокъ серебра. Царь-то, видишь, по золотому за мѣрку ему отвалилъ».

«А капитанша опять спрашиваетъ: — Что жь, говоритъ, объ кладѣ-то онъ, кума, говорилъ?»

«— Ну, говоритъ матушка протопоница, то и говорилъ. Кладъ, говоритъ, и такой говоритъ, кладъ, что ежели вырыть, такъ весь свѣтъ купимъ. Теперче, говоритъ, царю онъ долженъ сто мѣрокъ представить, только это, говоритъ, ничепа, потому на всѣхъ достанетъ. За каждый, говоритъ, цѣлковый—мѣрку серебра. И чѣмъ кто пожелаетъ—мелочью, али рублями. Кладъ-то, говоритъ, кума, ужь больно глубоко лежитъ, такъ одного народу колько ему надоть—все вѣдь найми: Пять, говоритъ, тысячъ ему надоть рублей... Вы, кума, чѣмъ, говоритъ, желаете получить—мелочью, али рублями?»

«А капитанша-то ей: «я ужь, говоритъ, и не знаю, кума, чѣмъ? А ну, ежели онъ обманетъ?...»

«— Что вы, что вы, кума? протопоница-то ей. Какъ же ему обмануть, когда самъ, значить, царь тутъ. Нѣтъ, кума, обмануть ему нельзя никакъ. Беретъ деньги и обманетъ.... Ни-ни, я это и въ мысли не держу.

«А капитанша-то опять сумѣвается. «Въ человѣка, говоритъ, не влѣзешь. Хотъ бы обмануть-то на полмѣрки, такъ, говоритъ, Богъ съ нимъ.»

«—Что вы, что вы? матушка-то протопоница опять: —легко ли на полмѣрки?... Ни-ни, отиодъ не обманетъ.... Я, говоритъ, объ томъ только и помышляю — дала мало — всего пять цѣлковыхъ — болѣ-то побоялась взять, не равно еще отецъ протопопъ запримѣтитъ.»

«— А я, говоритъ капитанша, всего-то два, и такъ-то жалосливо она это выговорила, что мнѣ даже сердце повернуло. Ей-богу. Хорошо, говоритъ, вамъ—ваше дѣло протопонское, а мое дѣло капитанское.»

«А протопоница сейчасъ и утѣшатъ. — И прекрасное дѣло, говоритъ,—вотъ вы такъ солдату и скажите—одну мѣрку чтобъ рублями приставилъ, а другую, значить, мелочью...»

«Ну, тутъ еще поболтали они маленько объ томъ, кто кого умнѣе? Мужики ли бабъ, али бабы мужиковъ. И вышло у нихъ, братцы, что бабы не въ примѣръ мужиковъ умнѣе, потому по самому, что бабы теперче серебро будутъ мѣрками отмѣривать, а мужикамъ будетъ нишъ. И объ томъ говорили еще, какъ это мужички будутъ просить у нихъ серебра, и какъ онѣ ихъ водить стануть.

«— Ужь, говорить, поводимъ, матушка-то протопопица гяголетъ.

«— Безпремѣнно поводимъ, капитанша за ней...

«— Ужь напляшутся они, протопопица опять...

«— Безпремѣнно напляшутся, капитанша опять.

«— Ужь такъ, говорятъ объ, поводимъ, что ахти.... Узнають, говорятъ, Кузькину мать въ першняхъ!...

«Долговяко еще они тутъ нересмѣивались, да шептались. Ну, а тамъ и пошли... Вышелъ и я изъ куреня. Вышелъ и думаю— кѣдь это, должно, все тотъ солдатъ заварилъ, что повстрѣчалъ-то я. А ужъ и брешетъ онъ, думаю, какъ несъ... Идѣ же онъ только серебра возьметъ, и станетъ еще съ нимъ царь возжаться? Будто у царя енараловъ нѣту, что ли? Онъ енарала бы сейчасъ... Ужь не Дундичка ли, думаю все, эта солдатка-то съ нимъ? Охъ, чортова, чортова баба... Исколочу, ниволочаю я тѣ, шкуду, какъ собаку бѣшаную... Ужь натѣщу свою душеньку... Бй-богу.

«А Дундичка-то, гляжу, ноль вечеръ приходитъ и привноситъ пять рублѣхъ...

«— На, говорить, заплати...

«— Идѣ, говорю, ты пропала?

«— А, говорить, съ солдатомъ обьявлась — такъ, знаешь, нримо мнѣ...

«— Ты бы, говорю, хочъ говорить-то постыдилась такія рѣчи...

«— Что жъ, говорить, стыдиться мнѣ правды-то?

«Я было бить ее... А она и ничего: — «Бей, говорить, бей! Авось, говорить, дурь-то изъ меня выбьешь, потому я сама, говорить, не знаю, что со мной дѣется. Околдовалъ этотъ солдатъ меня, совсѣмъ околдовалъ....

«— Не бреша, говорю, покрайности, на деньги жадна ты — вотъ что!... Она клянется — нѣтъ, говорить: я такъ полюбила!

И опять клянется... Что будешь тутъ дѣлать? Хоть — вѣрь, хоть — не вѣрь, радости все одно мало... И вѣдь что? Прощенца у меня стала просить...

«— Прости, говоритъ, Матюша. Съ своимъ сердцемъ, говорить, не совладаешь. А ежели, говоритъ, хоть — побей меня. Мнѣ, говоритъ, ужь такъ жалко тебя, такъ жалко... Авось у тѣ отъ сердца-то отлечеть, какъ побьешь-то... Ей-богу такъ и говоритъ... Ну, я, извѣстно, бить не стала, потому, что проку-то? Видно, говорю, судьба наша такая... Такъ она и ушла... И что хорошаго нашла она въ солдатѣ — и не знаю...

«Дня, отакъ, черезъ три, гляжу, опять приходитъ.

«— Что, говорю, пришла?

«— Простилась, говоритъ. Я съ ними ѣду.

«— Куда? говорю.

«— А куда, говоритъ, повезетъ...

«Я было такъ и такъ ей — уговариваю — не слушаетъ...

«Такъ и простилась...

«Погоревалъ я по ней, дюжé такъ погоревалъ. Свѣжся, знаешь, — хоть и не законная, а все пожалуй и законную за поясъ заткнетъ. — А солдатъ этотъ, братцы, колько бабъ обдулъ на этомъ кладѣ, такъ и счету нѣтъ. — Черезъ годъ, гляжу, приходитъ Дуняшка. Солдатъ-то какъ липку обобралъ ее и истиранилъ... Куда и красота дѣвалась! — Я было опять къ ней... такъ, куда тебѣ?

«— Нѣтъ, говоритъ, Митюша, не трожь, будетъ... Будетъ, говоритъ, золотой мой. Отжила я жисть свою, отжила — отпировала... Теперче и на покой пора.

«А у самой слезы на глазахъ.

«Спрашиваю ее, какъ это было?... Ужь и поразказала она мнѣ про этого солдата — вотъ голова-то забубенная... Болѣ вѣдь тысячи собралъ онъ на кладъ на этотъ... Можеть и того бы собралъ болѣ, да въ одномъ селѣ захватили его... Пронюхали какъ-то мужики про эти его обманы, и пристали: «гдѣ, говорятъ, кладъ?» Онъ было шуткой отъ нихъ нарочилъ — такъ нѣтъ... «Укажи», говоритъ... Онъ было ниъ то и это... «Врешь», говорятъ... Велики де связали его... «Виновать», говоритъ... Да миру-то пять ведеръ и поставилъ... Окромя этого, миръ-то и присудилъ веротить ниъ сельскимъ бабамъ, что обобралъ у нихъ... Тамъ, что жь вы думаете? — бабы то — тебѣ спасибо миру-то сказать — ревь подняли... Ей-богу....

«— Это, говорятъ, злоба одна да злодья... Нимъ бы, говорить, только вино трескать.... Вислоухие!... Домовые!... Пожлониться-то намъ не хочуть—черти проклятыя... Тотъ-то сожралъ бы васъ, вислоухие, и съ ногами совѣтъмъ... Обошлись бы и безъ васъ... Много васъ, чертей-то!...

«И такую, братцы мои, это онъ брань подилялъ, кочь свѣтыхъ выноси—ей-богу!... И кельмо это въ тѣ поры мужья жентъ избилъ, такъ чай одной не оставось, чтобъ не бита была....

«А солдатъ съ деньгами-то въ губерню прѣвкали, да и пошелъ, знаешь, по трактирамъ-кабачкамъ, по запретнымъ домамъ,—ей-богу.... Нонѣшнякъ, значить, а застра и того цылибе.... Дѣвокъ зачалъ таскать съ собой на хватеру-то, а Дунышка угощай ихъ!... Вотъ домовой-то, погибели на него нѣтъ....

«— А ужъ биваль-то, Дунышка говорить, смертнымъ боемъ биваль, и чѣмъ ни попада—налкой, такъ налкой, ключомъ, такъ ключомъ... И за чтѣ билъ-то? Не любя, говорить, ты мнѣ, и почнетъ ругать, да позорить, да заразы и за кошу.... А и только плачу...

«— Говорить это Дунышка, а меня на нее злоба беретъ....

«— Да чего жъ ты, говорю, не убѣжала отъ него?

«— Ахъ, говорить, Матюша, и не спрашивай!.. Ежели бъ не прогналъ онъ, такъ и теперь чай валандалась бы тамъ.... Тамъ бы и смѣротчку принять мнѣ.... Ужъ любила-то я его, подлепа, любила-то я его не по-людски ужъ....

«— Да вѣдь, сама, говорю, говоришь, какія пакости онъ дѣлалъ, и билъ.

«— Что жъ, говорить, что билъ? Кто нашу сестру не бьетъ?... Насъ всѣ бьютъ.... Все думала—авось церемьнится.... Я завсегда вѣдь ему, Матюша, угождала. Я съ него, говорить, Матюша, и денегъ не бирада. Только и выпросила, что пять рублей тебѣ тогда....

«Что тутъ говорить еще? Жаль было бабенку.... Въ дереву стала ходить.... Домашніе-то никакъ ея не нахвалится—такая, говорятъ, послушная, да усердная—золото-баба....

«А тутъ, къ зимѣ-то, мужъ ниско ей прислалъ—на Кавказъ требовалъ....

«— Безъ бабы, говорить, мнѣ никакъ нельзя.... Поэтому, говорить, черкесы и прочее.... А командерь, говорить, у насъ—ничего....

«А гдѣ было Дуняшкѣ на Капкасъ? — заданчивается ино-
мѣсть, да кровью и заржаеетъ.... Должно, въ грудь-то ужь сол-
даты колотилъ ее много.... Словно воскъ, братцы мои, таяла....
Даже глядѣть теперче—жалости подобно.... Ей-богу! — Какой
тутъ Капкасъ?...

«Пришла весна. Разъ поѣхалъ я на рѣку за водой на само-
варь.... Магушка протопоница Марфа Гавриловна чайку напитъ-
ся захотѣла съ капитаншею.... Это, должно, съ горя она, что
солдаты-то надулъ — послѣдній срокъ вышелъ, а Дуняшкѣ-то
онѣ не вѣрили.... Такъ приѣзжаю я за водой, знаешь, гляжу,
Дуняшка рубахи моетъ.... Ко мнѣ подходитъ....

«— Я, говорить, на Капкасъ пойду....

«— Эхъ, не дури, говорю, дѣвка. Какой тебѣ Капкасъ?...
Живи тутъ....

«— Нѣтъ, говорить, мужъ опять письмо прислалъ — непре-
мѣнно чтобъ шла.... Пойду, Матюша....

«— Куда жь, говорю, идти тебѣ? Ну, погляди, на что ты
похожа?

«— Я, говорить, славу Богу теперче... Безпремѣнно пойду...

«А на завтра и померла...»

Ребята молчали. Тишина такая настала—слышно, какъ дѣлъ
подъ халатомъ сонить.... Каша сварилась, и паръ отъ нея шелъ...

— Эхъ, дѣла, дѣла, проговорилъ одинъ парень.

— Да, мальй, дѣла Божьи — судъ царевъ....

— А что, Матвѣй, какъ теперче эта Дуняшка — въ раю ли
ей быть, али въ аду?

— А Богъ ее знаетъ.... Тутъ, парень, разумомъ не возьмешь....
Дѣло, братъ, Божье.

— Ну, по человѣчеству ежели?

— А что жь по человѣчеству-то? Чай, слышалъ.... Жила она
безъ притворства, безъ обмана. По совѣсти все дѣлала, — что,
значить, ей совѣсть — то и она.... А впрочемъ, кто ее знаетъ?...
Дѣло, говорю, Божье....

Вдругъ, въ тихомъ ночномъ воздухѣ разсыпалась—размета-
лась, и пошла по рѣкѣ, да по лѣсу звонкая пѣсня:

Вчера меня милый цаловалъ, миловалъ.
Цаловалъ—миловалъ, за себя не изалъ,
Только на смѣхъ поднялъ....

- Ребята, дѣвки идутъ!... Ишь, орутъ-то!...
- Пойдемъ на встрѣчу....
- Пойдемъ, ребята, пойдемъ!...
- Ишь, заливаются.... Голосищи-то, голосищи-то!...
- Важно!...

А. СУВОРИНЪ.

ПРОГРЕССЪ.

ИЗЪ ВАРШВЫ.

Напрасно столѣтья встають передъ нами
И предковъ угрюмыя лица;
Напрасно пугаетъ кровавыми снами
Исторіи прошлой страница!

Какіе уроки въ вострахъ погребальныхъ
Отжившаго гнета и муки!
Но ту же дорогу отъ дѣдовъ печальныхъ
Наслѣдуютъ блѣдныя внуки....

Давно ли оковы, обвивши цвѣтами,
Какъ дѣти, въ невѣдѣнны дивномъ,
Съ восторженнымъ плескомъ, омыты слезами,
Свободу мы встрѣтили гимномъ?

Но чудная дѣва съ улыбкой страданья
Прошла, какъ волшебная сказка,
Лишь памятны намъ роковыя лобзанья
И дѣвы мертвящая ласка.

Гдѣ жь сны золотые? гдѣ новое знамя
Народнаго счастья и славы?

Надъ нами въ дыму, сквозь зловѣщее пламя
Всталъ призракъ свободы кровавой.

Дни черные встали: свистъ ядеръ, картечи,
Вопль смерти взывающій внятно,
И труповъ простертыхъ безъ звука и рѣчи
Барровья, черныя пятна.

Кровавой рѣзней опьяненные люди,
Убийцъ не дрожавшія руки,
Штыками пробитыя женскія груди,
Дѣтей окровавленныхъ муки.

Все дряхлое, сгнившее стараго міра
Опять поднялось сквозь обломки,
И стануть, какъ предки, у праха кумира,
Кумиръ свой разбивши потомки.

ДМ. МИНАЕВЪ.

ДЕШЕВАЯ ПОБУЦА.

«За скорымъ отъездомъ распродаютъ: мебель, зеркала, «ар-орозинъ и фарфоровая посуда, шубы, аяки и все принадлежащее къ хозяйству. Въ такой-то улицѣ, домъ Воронина, № такой-то, по парадной глѣбницѣ».

«Полицейскія Вѣдомости».

Надо поѣхать — статья подходящая!
Слышится въ этомъ нужда настоящая,
Не попадется ли что нибудь дешево?
Вотъ и поѣхалъ я. Много хорошаго:
Бронза, картины, портьеры все новыя,
Мягкія кресла, диваны отмынные.
Только у барыни очи суровыя,
Уши короткія, губы надмынные;
Видимо чѣмъ-то она озабочена,
Но молода, хороша удивительно:
Словно рукой гениальной обточено
Смутное личико. Все въ ней плѣнительно:
Тянуть назадъ ея голову милую

Черные волосы, сѣткою сжатые,
 Дышутъ какою-то сдержанной силою
 Ноздри красивыя, въ-верхъ приподнятыя.
 Видно, что жгучая мысль безпокойная
 Въ сердцѣ кипитъ, на просторъ порывается.
 Вся соразмѣрная, гордая, стройная,
 Мнѣ эта женщина часто мечтается....

Я отобразъ себѣ вещи прекрасныя,
 Но оказались цѣны ужасныя!
 День переждалъ, захожу — то же самое!
 Меньше предложишь, такъ даже обидится!...
 — Барыня эта — создание упрямое:
 Съ мужемъ, подумалъ я, надо увидѣться.—

Мужъ — господинъ красоты замѣчательной,
 Въ гвардіи годъ прослужившій отечеству,
 Былъ челоуѣкъ разбитной, обязательной,
 Склонный къ разгулу, къ игрѣ, къ молодечеству, —
 Съ нимъ у насъ дѣло какъ разъ завязалось.
 Страшная драма тогда разыгралась:
 Мужа застаю — поладимъ скорехонько;
 Барыня выйдесть — ни въ чемъ не сторгуешься,
 (Только глазами ея полюбуешься).
 Нечего дѣлать! вставалъ я ранехонько
 И пока барыня сномъ наслаждалась —
 Многое сходно купить удавалось.

У дому ждутъ домовые извошники,
 Въ домѣ толпятся вещей переносники,
 Окна ободраны, стѣны ужъ голыя,
 У покупателей лица веселья.
 Только у няни глаза заслезидися:
 «Вотъ и съ приданымъ своимъ мы простидися!»
 Молвила няня.... — Какое приданое?
 «Все это взялъ онъ за барышней нашею,
 «Вмѣстѣ весной покупали съ мамашею,
 «Какъ любовались!»

Открытые неожиданное!
 Сказано слово — и все объяснилось!
 Вот почему такъ она дорожилась!
 Бѣдная женщина! Въ поздемъ участіи,
 Я проклипаю торгашества прошлое...
 Все это куплено съ мыслію о счастьи,
 Съ этимъ уходитъ — счастливое прошлое!
 Здѣсь ты свила себѣ гнѣздышко скромное,
 Каждый здѣсь гвоздикъ вколоченъ съ надеждою...
 Ну, а теперъ ты созданье бездомное,
 Порабощенное грубымъ невѣждою!
 Гдѣ не остылъ еще слѣдъ обаянія
 Дѣвственной мысли, мечты оболъстительной,
 Тамъ совершается торгъ возмутительной.
 Какъ еще можешь сдержать ты рыданія!
 Въ очи твои голубыя, красивыя
 Нагло глядятъ торгаши непривѣтныя.
 Осквернены твои думы стыдливыя,
 Проданы съ торгу надежды завѣтныя!...

Няня межъ тѣмъ заунывныя жалобы
 Шепчетъ мнѣ въ ухо: «Распродали дешево —
 «Лишь до деревни доѣхать достало бы.
 «Что ужъ тамъ будетъ? не жду я хорошаго!
 «Баринъ, поди, загуляетъ съ сосѣдями,
 «Барыня будетъ одна-одинехонька,
 «День-то не весель, а ночь-то чернехонька.
 «Рядомъ лѣсище — съ волками, съ медвѣдями.»

— Смолкни ты, няня! созданье болтливое,
 Не надрывай мое сердце пугливое!
 Намъ ли въ диковину сцены тяжелыя?
 Каждому трудно живется и дышется.
 Чудо, что есть еще лица веселыя,
 Чудо, что смѣхъ еще временемъ слышится!...

Баринъ пришелъ — поздравляетъ съ покупкою,
 Барыня бродитъ такая унылая;
 Съ тихо воркующей, нѣжной голубкою

Я ее сравнивалъ, деньги постылыя
Ей отдавалъ... Копейка ты жидкая!
Горе ты, горе! нужда окаянная...

Чуть надъ тобой не заплакалъ я, Бѣдная!
Вотъ одолжилъ съг... Прощай, безталанная!...

И. НЕКРАСОВЪ.

2.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПРОЕКТЪ ПРАВЛЪ ДЛЯ НАЙМА СЕЛЬСКИХЪ РАБОЧИХЪ.

Всѣ знаютъ теперь, что значеніе основы, на которой строится весь остальной процессъ политической и гражданской жизни, должно принадлежать экономическимъ отношеніямъ, потому что только чрезъ организацію труда можно установить общественное благосостояніе на прочныхъ началахъ, и что помимо этого никакія политическія и административныя мѣры, ни даже совершенства суда и полиціи, не приведутъ къ разумнымъ результатамъ. Правда, смотря на ходъ европейской политики въ отношеніи къ рабочему, трудно сказать, чтобы законодательства дѣйствовали сообразно такимъ убѣжденіямъ. Вопросъ о работничѣхъ воздѣ стараются только отстранить, а не рѣшить.

Но вовсе не вѣра въ совершенство своихъ законодательствъ заставляетъ западныя общества поддерживать ихъ ложныя основанія. Вѣра эта давно исчезла, остались привилегированные слои общества, готовые защищать до конца свои матерсы; но ни одинъ изъ нихъ не признаетъ, въ глубинѣ совѣсти, справедливости выгоднаго ему быта. Защищаетъ ее развѣ только купленная схоластика, пользующаяся почетомъ и уваженіемъ того общества, которое само ей не вѣритъ, хотѣ и будетъ поддерживать ее до конца.

При такомъ положеніи дѣла ясно, что западные законодатель-
ст ва относительно рабочихъ классовъ неудовлетворительны.

Такъ ли была иная наша задача въ русской ученой литера-
турѣ, знаетъ самъ читатель. Сводимъ счеты и съ тяжелымъ чув-
ствомъ убѣждаемся, что диапазонъ, данный въ самомъ началѣ
крестьянскаго дѣла помѣщикомъ Бланкомъ и публицистомъ Ржев-
скимъ, остался неизмѣненъ. Только какъ будто уменьшилось въ по-
слѣднее время общее сочувствіе къ трудамъ, совершаемымъ въ духѣ
этихъ публицистовъ. Вотъ и вся капля утѣшенія, которую можно
извлечь изъ взгляда на ходъ практическихъ вопросовъ. Будемъ ви-
дѣть въ этомъ фактѣ слабый признакъ, что если неспособны къ раз-
витію наши ученые представители практическихъ улучшеній, то мо-
жетъ перерости ихъ большинство читателей; а пока будемъ дѣлать
что возможно, чтобы способствовать такой перемѣнѣ. Лучшимъ до-
казательствомъ бесплодности направленія, которое мы отвергаемъ,
служатъ практическія труды, вырабатываемыя при непосредствен-
номъ содѣйствіи нашихъ ученыхъ авторитетовъ. Въ нихъ прихо-
дится постоянно бороться съ одними и тѣми же недостаткомъ — бе-
зотчетнымъ списываніемъ западныхъ установленій, и встрѣчать со-
вершенный разладъ между цѣлю и средствами. Такъ было съ трудами
комиссіи о земскихъ банкахъ, потомъ съ трудами комиссіи для
устройства податей и земскихъ сборовъ, тоже наконецъ повторило-
сь и въ проэктѣ правилъ для найма сельскихъ рабочихъ, который
теперь передъ нами.

Проэктъ правилъ о наймѣ сельскихъ рабочихъ составлялся въ
виду предстоящей замѣны издѣльной повинности вольнонаемнымъ
трудомъ. Потому кругъ устраиваемаго улучшенія въ бытѣ работника
былъ ограниченъ при самомъ постановленіи вопроса. Вольно-
наемный трудъ, сколько извѣстно, не составляетъ еще удовле-
творительной экономической формы, онъ не равносильно труду хозяина.
Но мысль о замѣненіи вольнонаемнаго труда трудомъ хозяина напы-
вается утопией, и потому мы принуждены разбирать проэктъ съ те-
чки зрѣнія такъ называемыхъ возможныхъ улучшеній, чтобы убѣ-
диться, насколько и эти возможныя улучшенія оказываются неосу-
ществляемыми, благодаря тому направленію, которому мы обязаны
статьями о средствахъ къ развитію прелеваріата и проч.

Комиссія, составлявшая проэктъ, повидимому, признавала въ
дѣйствующиѣмъ законоположеніи о наймѣ слѣдующіе главные несо-
статки:

1) Слѣбидельность нашей паспортной системы; 2) непризнание
силы одностороннихъ договоровъ и затруднительность формальнаго за-
ключенія договоровъ письменныхъ, и наконецъ 3) пренебреженіе

дѣлъ о нарушеніи письменныхъ договоровъ общимъ полицейскимъ и судебнымъ порядкомъ.

Этимъ тремъ предметамъ соотвѣтствуютъ главные отдѣлы проекта.

Для избѣжанія этихъ трехъ существенныхъ недостатковъ, просятъ полагаетъ сдѣлать слѣдующія измѣненія въ нѣнѣ дѣствующихъ общихъ правилахъ относительно найма:

1) Ввести рабочія книжки и рабочіе листы, не замѣняя однако ими паспортовъ; 2) придать силу словесныхъ договорамъ наравнѣ съ письменными, и не стѣснять заключенія послѣднихъ особыми формальностями; 3) производство дѣлъ по найму сельскихъ рабочихъ подчинить вѣдомству мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіямъ.

Относительно подчиненія дѣлъ по найму разбирательству мировыхъ посредниковъ слѣдуетъ замѣтить, что мѣра эта, вытекающая сама собой изъ существа мировыхъ учреждений, была уже, такъ сказать, предрѣшена высочайше утвержденными Положеніями 19 февраля 1861 г., и потому не составляетъ въ сущности нововведенія; затѣмъ остается разсмотрѣть только предположенія проекта: 1) о введеніи рабочихъ книжекъ; 2) о разрѣшеніи словесныхъ договоровъ и облегченіи порядка совершенія письменныхъ условій найма. Начинаемъ съ рабочихъ книжекъ.

Вольнонаемный трудъ, каковы бы ни были у насъ до сихъ поръ его отношенія къ труду обязательному и крѣпостному, несомнѣнно существовалъ не только среди городского и промышленнаго, но также и среди сельскохозяйственнаго быта. Онъ никакъ не можетъ быть названъ нововведеніемъ. Напротивъ того, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи, богатыхъ землей и бѣдныхъ руками, онъ давно уже составлялъ на ряду съ крѣпостнымъ трудомъ существенную поддержку помѣщичьихъ хозяйствъ. Такъ весь новороссійскій край издавна привлекалъ къ себѣ ежегодно значительное число работниковъ, жнецовъ и землепашцевъ изъ другихъ, даже весьма отдаленныхъ губерній. Кромѣ того нѣкоторыя мѣстности имперіи, давно уже и при крѣпостномъ правѣ, высылали на извѣстное время въ году весьма значительную долю своего крестьянскаго населенія въ заработки на спеціальнымъ промысламъ, находящимся въ связи съ сельскимъ хозяйствомъ. Такъ отдѣльныя мѣстности поставляли едва ли не всю Россію землекоповъ, каменщиковъ, штукатуровъ, плотниковъ и т. д. Крайняя неравномѣрность средствъ къ пропитанію была конечно главной причиной развитія такого порядка. Въ областяхъ, имѣвшихъ избытокъ и дешевизну рукъ, при недостаткѣ ихъ въ другихъ частяхъ государства, оброкъ сдѣлался выгоднѣйшимъ для по-

мѣщика средствомъ полученія доходовъ. Крестьянинъ, вынужденный бѣдностію земли, поневолѣ уходилъ куда могъ на сторону искать вспомогательныхъ средствъ существованія во время свободное отъ мѣстной домашней работы, а оставшаяся за нимъ осѣдность, семья и поле возвращали его назадъ къ извѣстному сроку. Такъ среди полного дѣйствія крѣпостнаго права образовалась у насъ, сама собою, особая система вольнонаемнаго труда и свой общественный типъ работника, въ одно и то же время и кочеваго и осѣдлаго. На Западѣ этотъ типъ развитъ гораздо менѣе. Западный сельскій работникъ вообще только работникъ; у насъ классъ бобылей или батраковъ весьма ограниченъ; по этому одному личность нашего сельскаго работника представляла болѣе нравственныхъ и политическихъ гарантій, чѣмъ личность западнаго, а потому и меньше нуждалась въ полицейскихъ стѣсненіяхъ. Паспортная система у насъ имѣла только фискальный и крѣпостной смыслъ, давая доходъ казнѣ и обезпеченіе помѣщику и общинѣ въ исправной уплатѣ оброка и отпращиваніи барщины. Гораздо менѣе интереса представляла паспортная система для лицъ, нуждавшихся въ работникахъ, и потому нарушалась ими тѣмъ легче, чѣмъ необходимѣе были рабочія руки. Такъ она оставалась на дѣлѣ почти мертвой буквой для цѣлаго новороссійскаго края, служа тамъ лишь источникомъ незаконныхъ доходовъ для мелкихъ властей и для составителей фальшивыхъ видовъ. Но и для самыхъ помѣщиковъ вредъ для паспорту служилъ существеннымъ обезпеченіемъ; главнымъ ихъ обезпеченіемъ было во всякомъ случаѣ то, что у отлучавшагося оставались неотъемлемый кровъ, поле и семья, къ которымъ онъ возвращался, и эта семья оставалась во всякомъ случаѣ въ распоряженіи владѣльца. Съ упраздненіемъ крѣпостнаго права не отменились эти условія, дѣлавшія изъ нашей паспортной системы излишнее ярмо; напротивъ, они должны получить еще болѣе значенія.

Если крѣпостной кровъ, поле и усадьба служили достаточной притягательной силой для работника, отправляющагося въ заработки, и дѣлали его все-таки осѣдлымъ человекомъ, то нѣтъ причины думать, чтобы свободный клочокъ земли и свободная усадьба могли служить меньшимъ отводомъ отъ бродяжничества. А съ упраздненіемъ крѣпостнаго права естественно долженъ увеличиться запросъ на вольнонаемный трудъ, потому и усилится неразборчивость владельцев относительно полицейскихъ формальностей.

Вслѣдствіе такихъ причинъ наша паспортная система не могла быть удержана безъ явнаго стѣсненія; она и подвергнута въ настоящее время пересмотру особой комиссіи въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

При такомъ положеніи дѣла, введеніе какихъ либо новыхъ до-

полнительныхъ видовъ, или специальныхъ рабочихъ свидѣтельствъ можетъ быть допущено, конечно, только съ крайней осмотрительностью: ясно, что, въ случаѣ удержанія паспортовъ въ какомъ бы то ни было видѣ, вводить новыя, независимыя отъ паспортовъ рабочія свидѣтельства значило бы прямо усложнять паспортную систему, облегченіе которой было первой задачей проекта. Если же предположить совершенную отмѣну паспортовъ съ замѣной ихъ новыми специальными видами рабочихъ свидѣтельствъ, то эти свидѣтельства въ свою очередь могли бы стать настолько же, или даже болѣе стѣснительными, чѣмъ прежніе паспорта, и самое дѣло чрезъ это не было бы подвинуто ни на шагъ впередъ.

Ближе разсматривая постановленія проекта, не трудно убѣдиться, что дѣйствительно таковы должны быть послѣдствія рабочихъ книжекъ, если онѣ будутъ введены въ томъ видѣ, какъ онѣ предложены.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о паспортахъ, проектъ полагаетъ обязать собственно сельскихъ рабочихъ, на случай найма, брать особыя рабочія книжки, выдаваемыя изъ волостныхъ правленій, ратушъ и думъ, съ платою по 5 к. с. Книжки эти должны быть о двухъ графахъ: въ первой означается—когда и у кого нанялся работникъ, и во второй ставится отмѣтка хозяина о томъ, что онъ правильно рассчитался. Книжки не замѣняютъ паспортовъ, и только должны служить рабочимъ вмѣсто видовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда по дѣйствующимъ законамъ не полагалось требовать паспортовъ отъ рабочихъ.

Итакъ по проектированной системѣ въ одномъ случаѣ работникъ обязанъ будетъ имѣть два свидѣтельства, вмѣсто одного достаточнаго прежде; во второмъ — человекъ, вовсе не стѣсненный досихъ поръ обязанностью имѣть какой либо видъ, будетъ подчиненъ теперь этой обязанности. Въ этомъ ли будетъ состоять облегченіе?

Кромѣ того проектъ предположилъ ввести еще новый видъ актовъ въ формѣ расчетныхъ листовъ, которые должны выдаваться каждый разъ нанявателемъ работнику взамѣнъ рабочихъ книжекъ, остающихся на все время найма въ рукахъ нанявателя.

Итакъ отношенія, для которыхъ прежде считалось достаточнымъ одно актъ, т. е. *паспорта*, будутъ требовать трехъ отдѣльныхъ письменныхъ свидѣтельствъ:

— Среди народа, между которымъ столь мало распространена грамотность, такое усложненіе письменныхъ формальностей, конечно, трудно назвать облегченіемъ. Спрашивается затѣмъ, насколько нововведенія эти могутъ быть оправданы своими особыми основаніями съ точки зрѣнія самихъ рутинистовъ.

Рабочія книжки вводятся съ цѣлю обезпечить правильный расчетъ работника съ хозяиномъ, но цѣль эта могла быть достигнута безъ особенныхъ книжекъ: можно дѣлать тѣ же отмітки на паспортахъ, не затрудняя волостныя правленія ни заготовкой особыхъ бланковъ, ни особымъ дѣлопроизводствомъ. Но нельзя одобрить и самой цѣли, для которой вводятся книжки: отмітки этого рода, въ какомъ бы видѣ ни были допущены, дадутъ бы рѣшительный просторъ произволу нанимателя и отдадутъ бы крестьянина въ новую крѣпостную зависимость. Наниматель можетъ сдѣлать отмітку во вредъ работнику, или даже отказаться дать ее вовсе подъ разными предлогами. Онъ можетъ заявить, наприимѣръ, что хотя рабочий и пробылъ у него извѣстное число дней, но работалъ меньшее число часовъ въ сутки противъ условленнаго. Такія стѣсненія повлекутъ за собою судебное разбирательство, которое, какъ бы ни было быстро, потребуетъ извѣстнаго времени, а между тѣмъ дѣло можетъ происходить въ горячую рабочую пору, и работникъ можетъ быть уже ранѣе обязанъ прибыть на новую работу къ извѣстному сроку. Онъ не исполнитъ обязательства, это неисполненіе обратится и ему и новому нанимателю въ явный ущербъ, который трудно вознаградить какимъ бы то ни было искомъ объ убыткахъ.

Если старая система паспортовъ оказалась уже и при прежнемъ порядкѣ вещей стѣснительною и даже почти вовсе непримѣнимою къ цѣлому краю, если она вела только къ напраснымъ злоупотребленіямъ, то при увеличивающейся потребности на рабочія руки, вдвое или втрое усложненная система останется еще болѣе безуспѣшною. Она осталась бы безуспѣшною и тогда, еслибы ради упрощенія всей системы при введеніи рабочихъ книжекъ отмінены были паспорта. Поддѣлка документовъ стала бы еще болѣе легкою, и обезпеченіе нанимателей въ правильномъ расчетѣ осталось бы однимъ канцелярскимъ оболещеніемъ. Контроль въ этомъ случаѣ, возможный надъ городскимъ или фабричнымъ работникомъ, совершенно невозможенъ надъ сельскимъ работникомъ, особенно у насъ, гдѣ работникъ можетъ обходить значительныя проотраства, утѣренный вездѣ почти найти заработки.

Этотъ контроль возможенъ лишь въ мѣстахъ густо населенныхъ, гдѣ существуетъ избытокъ рабочихъ рукъ, гдѣ дальнее передвиженіе представляетъ мало выгодъ, гдѣ работники болѣе связаны своимъ настоящимъ мѣстомъ работы. Но тамъ это самое обстоятельство служитъ ручательствомъ правильныхъ расчетовъ рабочихъ съ хозяевами. Поэтому Англія не нуждается ни въ какихъ расчетныхъ книжкахъ для своихъ работниковъ. Мы сказали, что контроль этотъ возможенъ у насъ только надъ городскими и фабричными работни-

ками, которые должны находиться въ одномъ мѣстѣ, такъ что обидный хозяинъ всегда имѣетъ возможность преслѣдовать несправедливаго работника на ближайшей фабрикѣ. Спрашивается, какою контроль будетъ возможенъ среди нашихъ селъ при пятидесятиверстномъ разстояніи отъ усадьбы до усадьбы, или, возможенъ ли отъ надъ бѣлорусскимъ работникомъ, который копалъ коледезъ въ Крыму, потому переѣхалъ въ Одессу и возвратился на родину?

Даже и на Западѣ, въ странахъ гораздо болѣе заселенныхъ, какъ напримеръ Франціи—откуда коммиссія очевидно взяла предположеніе о рабочихъ книжкахъ,—книжки эти, имѣя по закону 1854 г. силу паспортовъ, введены лишь для городскихъ и фабричныхъ работниковъ. То же установленіе относительно сельскихъ работниковъ вѣдь было предлагаемо нѣсколько разъ, и каждый разъ отверглось, стало быть были въ этихъ проектахъ неудобства, не позволявшія идти имъ дальнѣйшаго хода.

Кромѣ того, даже во Франціи, гдѣ подобныя книжки введены только для фабричныхъ работниковъ, онѣ существуютъ въ условіяхъ гораздо менѣе стѣснительныхъ, чѣмъ предположено для насъ. Тамъ, во-первыхъ, положительно воспрещается хозяину дѣлать въ книжкѣ какъ канія либо аттестации о поведеніи работника; въ нашемъ проектѣ объ этомъ умалчивается. Далѣе, тамъ хозяинъ, принявшій работника безъ книжки, облагается штрафомъ отъ 1 фр. до 15 фр., между тѣмъ какъ по нашему проекту хозяинъ подвергается или взысканію штрафа, равняющагося суммѣ, слѣдующей рабочему за все беззаботное или упрямое вниманіе время, или же, если прежній нанятель признаетъ этотъ штрафъ недостаточнымъ, то отвѣтствуетъ въ понесенныхъ имъ чрезъ самовольную отлучку рабочаго убыткахъ. Такая отвѣтственность превосходитъ, конечно, всякую мѣру строгости.

Наконецъ, во Франціи законъ избавляетъ отъ обязанности имѣть книжки тѣхъ работниковъ, которые состоятъ членами общества взаимнаго вспоможенія. Спрашивается, насколько обязательны должны быть по нашему проекту рабочія книжки при работахъ, отправляемыхъ артелями отъ сельскихъ обществъ? На этотъ вопросъ проектъ не даетъ отвѣта.

Во Франціи, гдѣ введены книжки для фабричныхъ работниковъ, употребленіе книжекъ не сопряжено съ тѣми неудобствами въ случаѣ ихъ потери или вообще необходимости имѣть старую книжку новой, съ какими онѣ должны быть сопряжены у насъ: тамъ, гдѣ нѣсто обязанности работника почти всегда совпадаетъ съ мѣстоми его работы, заміна старой книжки новою представляется, конечно, гораздо болѣе легкой, чѣмъ у насъ, гдѣ работникъ отходитъ для зара-

ботокъ за сотни верстъ отъ мѣста своего постоянного водворенія. Между тѣмъ въ прозрѣтѣ обстоятельство это совершенно упущено изъ вниманія. Онъ предполагаетъ постановить, что когда испишется первая рабочая книжка, то рабочему выдается новая, а рабочий, потерявшій рабочую книжку, обязанъ немедленно заявить о томъ мѣстной полиціи и указать мѣсто послѣдняго найма. Полиція, по надлежащемъ удостовѣреніи, выдаетъ рабочему свидѣтельство съ обозначеніемъ отзыва послѣдняго нанимателя; это свидѣтельство рабочий представляетъ въ то мѣсто, откуда была выдана прежняя книжка, для полученія новой.

Положимъ теперь, что работникъ изъ Тульской или Орловской губерніи зашелъ въ Херсовскую или Екатеринославскую, что случается довольно часто, и здѣсь у него исписалась или утратилась книжка. Спрашивается, въ какое онъ поставленъ положеніе означенными правилами? По смыслу приведенной статьи онъ долженъ явиться въ екатеринославскій земскій судъ и заявить о пронажѣ. Судъ будетъ требовать отъ помѣщика, у котораго онъ работалъ, удостовѣреніе о пронажѣ книжки, и за тѣмъ напишетъ рабочему свидѣтельство о томъ, что онъ дѣйствительно кончилъ расчетъ, и что книжка его затерялась. Сколько пройдетъ на это времени, и что въ это время долженъ дѣлать рабочий, не имѣя возможности по закону наняться въ другомъ мѣстѣ за неизмѣненіемъ книжки? Наконецъ, по полученіи свидѣтельства, рабочий вмѣсто того, чтобы продолжать заработки, долженъ будетъ отправиться изъ Екатеринослава, положимъ, въ казирскій уѣздъ Тульской губерніи для полученія новой рабочей книжки.

Но вѣдь рабочий заранѣе могъ заключить условіе, по которому обязался начать работу съ извѣстнаго числа у другаго хозяина. И такъ онъ долженъ будетъ нарушить это условіе по случаю потери книжки; а новый наемщикъ, который нарочно законтрактовалъ его ранѣе, чтобы тѣмъ вѣрнѣе обезвѣчить себя въ рабочихъ рукахъ, понесетъ убытокъ, котораго будетъ вправѣ искать съ работника, особенно если новое условіе было обезпечено неустойкой. Сколько должно промазывать отсюда убытковъ и стѣсненій для обѣихъ сторонъ, и кѣмъ и когда будетъ исполняться такой парадоксъ?

Ясно, что предполагаемая проектомъ система можетъ только стать уложеніемъ паспортнаго порядка и отдать крестьянъ въ полную крѣпостную зависимость всякому нанимателю; что эта система крикуче, свидѣваясь съ тѣмъ же крупъ герцогскаго фабричнаго быта, дѣйствительная къ сельскому или одному европейскому законодательству, рѣзультатно несовѣтна съ широкой, почтовой системой заработковъ, развивавшейся въ Россіи. Теперь самъ собой возникаетъ

накопецъ вопросъ: есть ли, дѣйствительно, какая либо основательная причина вводить, не говоря уже о рабочихъ книжкахъ, какія либо полицейскія мѣры подобнаго порядка и было ли бы это даже справедливо?

Исключительная цѣль проекта—обезпеченіе правильного расчета работника съ нанимателемъ. Спрашивается: насколько интересъ нанимателя не обезпечивается въ этомъ случаѣ другими средствами? До сихъ поръ эти средства дѣйствительно считались недостаточными съ точки зрѣнія нанимателей; законъ вовсе не ограждалъ словесныхъ сдѣлокъ, между тѣмъ какъ всѣ наймы совершались на дѣлѣ словесно. Тутъ единственнымъ огражденіемъ правильного расчета служилъ паспортъ, который на время найма оставался въ рукахъ нанимателя; но часто наймы обходились и безъ такой предосторожности. Теперь предполагается дать законную силу словеснымъ сдѣлкамъ, облегчить договоры письменные и оградить тѣ и другіе ускореннымъ разбирательствомъ. Словомъ, нанимателямъ предоставляются тѣ гражданскія гарантіи, которыя можетъ дать законодательство, не выходя изъ обыкновеннаго круга гражданскихъ мѣръ; а нововведеніе въ родѣ рабочихъ книжекъ было бы выходящей изъ обыкновеннаго порядка полицейской мѣрой, стѣсняющей одинъ классъ,—классъ самый бѣдный, классъ работниковъ въ пользу класса нанимателей, и безъ того во всѣхъ отношеніяхъ болѣе обезпеченнаго. Какой чрезвычайной необходимостью оправдывалась бы такая мѣра, которая на другой день дарованія крестьянамъ общихъ гражданскихъ правъ налагала бы на эти права новыя стѣсненія?

Переходимъ теперь къ предположеніямъ проекта о томъ, какъ облегчить порядокъ совершенія договоровъ по найму.

Проектъ допускаетъ заключеніе словесныхъ договоровъ въ присутствіи свидѣтелей, и за тѣмъ представляетъ рядъ правилъ о заключеніи письменныхъ договоровъ.

Чтобы опредѣлить, въ какой степени проектируемыя правила могутъ достигнуть своей цѣли, комиссія прежде всего предстояло рѣшить вопросъ: какого рода сдѣлки, письменныя или словесныя, болѣе соответствуютъ требованіямъ сельскихъ наемщиковъ и работниковъ, и на этомъ основаніи сообразить, которымъ изъ нихъ должно принадлежать главное мѣсто въ дѣйствительности. Отъ разрѣшенія этого вопроса должна была зависеть степень зашнана проекта къ сдѣлкамъ того или другаго рода. Такъ, если совершеніе письменныхъ актовъ можетъ стать дѣйствительно общими порядкомъ въ дѣлахъ по найму; то нѣтъ необходимости давать особенный просторъ сдѣлкамъ словеснымъ, и наоборотъ; въ противномъ случаѣ должно быть обращено особенное вниманіе на средстве-

ные порядки словесныхъ сдѣлокъ. При этомъ, повидному, нельзя было забыть, что заключеніе письменныхъ договоровъ съ сельскими работниками, даже въ мѣстахъ, гдѣ наиболѣе распространена грамотность, какъ напримѣръ въ Англіи, составляетъ рѣдкость. Въ этихъ странахъ, гдѣ осѣдность работника опредѣляется мѣстомъ его насущной работы и вся земля обрабатывается чужими руками, гдѣ всякій землепашецъ есть непременно чей нибудь работникъ, установились свои обычныя сроки и условія найма, которыя дѣлаютъ излишнимъ заключеніе письменныхъ договоровъ. Въ Англіи наемъ сельскихъ работниковъ считается обыкновенно отъ Михайлова дня до Михайлова дня слѣдующаго года, а наемъ слугъ помѣсячно. Во Франціи точно такъ же наемъ сельскихъ работниковъ существуетъ почти исключительно въ одной словесной формѣ; даже условія съ рядчиками заключаются обыкновенно безъ письменныхъ формальностей. Мы уже говорили, что у насъ существовалъ до сихъ поръ вольнонаемный трудъ въ довольно значительномъ размѣрѣ, и существовалъ также безъ письменныхъ договоровъ, несмотря на то, что законы наши отказывались до сихъ поръ отъ всякаго обезпеченія словесныхъ сдѣлокъ.

А если взять въ расчетъ отношенія грамотности у насъ и на Западѣ, то очевидно будетъ, что письменные договоры едва ли могутъ получить серьезное примѣненіе въ нашемъ сельско-хозяйствѣ; но и то, что одни лишь облегченія формальной стороны, къ которымъ стремился проектъ, не могутъ быть достаточнымъ побужденіемъ къ предпочтенію письменныхъ сдѣлокъ словеснымъ. Какъ бы ни были облегчены формальности заключенія письменной сдѣлки, она всегда будетъ представлять болѣе хлопотъ и затрудненій, и нужно, чтобы хлопоты эти вознаграждались какими нибудь преимуществами. Особенно важны должны быть эти преимущества у насъ, гдѣ заключеніе всякаго письменнаго акта справедливо представляется для крестьянина рискомъ, потому что гдѣ распространена письменность, тамъ грамотный естественно будетъ имѣть перевѣсъ передъ неграмотнымъ. Крестьянинъ инстинктивно долженъ поэтому быть недоверчивъ къ письменнымъ сдѣлкамъ. И склонить его въ ихъ пользу могутъ лишь слишкомъ осязательныя прямыя выгоды. Выгоды же эти заключаются не въ одномъ облегченіи внѣшнихъ формальностей, но и въ существѣ правъ, предоставленныхъ договорщи трѣмъ и другой изъ договаривающихся сторонъ. Внѣшнія формальности письменныхъ сдѣлокъ дѣйствительно облегчаются проектомъ; но подробнѣе разсматривая предложенныя правила со стороны ихъ сущности, нельзя не замѣтить, что въ нихъ не только не уравновѣшиваются положенія двухъ договаривающихся сторонъ, но

даже дается замѣтное преимущество нанимателю. Въ этомъ отноше-
ніи, однимъ изъ самыхъ важныхъ и затруднительныхъ вопросовъ
при опредѣленіи договорныхъ отношеній законодательнымъ поряд-
комъ составляетъ вопросъ о преждевременномъ кассированіи дого-
вора.

Особенно важенъ этотъ вопросъ у насъ, при вошедшемъ въ
обычай отсутствіи всякаго признанія неприкосновенности договора,
возбуждавшемъ до сего времени жалобы со стороны нанимателей.
По новому проекту такое кассированіе предоставлено въ извѣстныхъ
случаяхъ мировому посреднику, и однимъ изъ такихъ случаевъ при-
звано: когда наниматель, по измѣнившимся обстоятельствамъ, не въ
состояніи содержать прежняго числа работниковъ или служителей.

Правило это взято изъ фабричнаго порядка. Оно существуетъ
въ Англии, гдѣ положеніе сельскаго работника, по густотѣ заселенія
и по самому характеру земледѣлія, весьма близко подходитъ къ по-
ложенію работника фабричнаго. Оно существуетъ на томъ односто-
роннемъ основаніи, что фабриканты подвержены ежедневнымъ не-
предвидѣннымъ коммерческимъ кризисамъ, среди которыхъ вдругъ
оставляются работы по извѣстному отдѣлу производства; но
даже и въ Англии это правило, какъ бы оно ни было несправедли-
во само по себѣ, все-таки обезпечивается положительнымъ запре-
щеніемъ хозяину замѣнять отходящихъ работниковъ новыми; а
условія фабричнаго производства и судебныя средства страны даютъ
работникамъ въ этомъ случаѣ извѣстную возможность контроля
надъ хозяиномъ и удовлетворенія въ случаѣ его злоумышленности.
Въ нашемъ проектѣ это право нанимателя не ограничивается ника-
кими условіями. Понятно, какія послѣдствія должно имѣть для кре-
стьянъ такое право нанимателя въ нашемъ быту. Иными словами:
тутъ постановляется ни болѣе, ни менѣе, какъ то, что нанявъ работ-
ника по письменному договору, наниматель будетъ вправѣ всегда
уволить его подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ лишний. Мало того, онъ
можетъ сдѣлать лучше. Нанявъ крестьянина за извѣстную плату, онъ
можетъ пользоваться этимъ правомъ, какъ угрозой, чтобы заставить
крестьянина во всякое время согласиться на сбавку. Онъ можетъ на-
нять въ чужой губерніи цѣлую артель, которая къ нему придетъ за
нѣсколько сотъ верстъ, и тотомъ отозваться невозможностію содер-
жать ее. Словомъ, означенной статьей работникъ отдается совер-
шенно въ руки нанимателя. Изъ-за какихъ выгодъ или гарантій по-
сѣлъ этого крестьянина предпочтетъ письменный договоръ словесно-
му? что онъ выдѣраетъ отъ этого? Кажется, что давъ такое право
нанимателю, коммиссія уже вовсе не могла разсчитывать, чтобы
письменные договоры стали у насъ въ большомъ ходу, несмотря на

тѣ формальныя облегченія, которыми она старалась ихъ обставить. Главное и, вѣроятно, почти исключительное значеніе будутъ имѣть договоры *словесные*. Но если за нанимателемъ сохранится возможность во всякое время уничтожить договоръ, то врядъ ли крестьянинъ будетъ побужденъ держаться своего слова крѣпче, чѣмъ это было у него до сихъ поръ въ обычаѣ. Всякое преимущество нанимателя будетъ вести крестьянина къ слабому исполненію обязанности, и только совершенная равноправность обѣихъ сторонъ можетъ дать какую нибудь нравственную силу условіямъ; иначе крестьянинъ или будетъ прямо не исполнять условленнаго, или вовсе отказываться отъ всякихъ договоровъ, что вмѣсто пользы обратится во вредъ самимъ нанимателямъ.

Обращаясь спеціально къ постановленію проекта о словесныхъ договорахъ, замѣтимъ, что словесные договоры уже и прежде составляли у насъ главное основаніе вольнонаемнаго труда, а потому одно ихъ введеніе въ законную силу не представляетъ еще само по себѣ ощутительнаго облегченія, если придавая формальную силу этимъ условіямъ и распространяя ее на всѣ виды наймовъ, законъ не сообразитъ и не предупредитъ тѣхъ невыгодныхъ для той или другой изъ договаривающихся сторонъ послѣдствій, которыя могутъ проистекать изъ особаго характера той или другой словесной сдѣлки, по неизбежной неопредѣленности словесныхъ договоровъ вообще. Слѣдовало обратить вниманіе прежде всего на тѣ различные виды словесныхъ наймовъ, которые существуютъ уже на практикѣ, то есть, на различіе простыхъ наймовъ отъ подрядныхъ, издѣльныхъ и наймовъ артелями. Это было бы тѣмъ легче для комиссіи, что иностранныя законодательства, гдѣ словеснымъ условіямъ давно данъ большой просторъ, также дѣлаютъ нѣкоторое различіе между наймомъ личнымъ на всякаго рода работу и наймомъ подряднымъ на издѣльную работу.

Въ этомъ отношеніи, у насъ слѣдовало обратить вниманіе на особый родъ найма черезъ рядчиковъ, чтобы оградить крестьянъ отъ ихъ злоупотребленій. Нынѣшній порядокъ этого рода наймовъ представляется крайне неудовлетворительнымъ. Всѣ условія заключаются непосредственно между нанимателями и рядчикомъ, который обязуется поставить отъ себя къ извѣстному сроку рабочихъ и забирать на нихъ деньги. Случается, что рядчикъ или не въ состояніи будетъ нанять рабочихъ за цѣну, на какую рассчитывалъ, и потому обѣщать имъ высшую, не въ состояніи бывающа съ ними рассчитаться, — или принять забранныя деньги, вовсе не рассчитывая рабочихъ, а деньги оставлять у себя.

Судя по характеру нашего сельскаго быта, комиссіи могла ду-

мать, что значительная часть собственно сельскихъ работъ будетъ отправляться у насъ по найму подряднымъ порядкомъ цѣлыми огулами, артелями или такими рядчиками, которые будутъ уже поставлять рабочихъ отъ себя, а обыкновенный наемъ будетъ имѣть почти исключительное значеніе въ наймѣ прислуги.

На эти виды найма должно было бы потому обратить особенное вниманіе. Между тѣмъ въ проектѣ объ нихъ упоминается только между прочимъ, а о наймѣ чрезъ рядчиковъ даже не упоминается вовсе. Неполнота эта можетъ повести къ безпрестаннымъ недоразумѣніямъ и ущербамъ.

Сознавая всю существенную важность словесныхъ наймовъ и необходимость дать имъ какъ можно болѣе простора, нѣкоторые рутинисты изыскивали особыя средства придать какъ можно болѣе формальной силы и опредѣленности этого рода наймамъ, безъ отягощенія договаривающихся, и тѣмъ хотя на первое время сдѣлать вполнѣ удовлетворительными словесныя сдѣлки по всякаго рода наймамъ, какъ для нанимателей, такъ и для работниковъ. Въ этомъ отношеніи обращали вниманіе на 107 ст. XI Т. Уст. фабр., которая предоставляет на волю хозяину заключать съ работниками письменныя условія, или замѣнять ихъ выдачей работникамъ расчетныхъ листовъ. Этотъ упрощенный способъ условій весьма распространенъ и на фабрикахъ, и въ наймахъ для другихъ работъ. Книжки изготовляются въ полицейскомъ управленіи и продаются по доступной цѣнѣ (10 к. с.). На заглавномъ листѣ между бланками означаются краткѣ каждый разъ условія найма, книжки находятся въ рукахъ работниковъ и представляются каждый разъ нанимателю или конторщику для расчетныхъ отиѣтокъ.

Несложная форма условій этого рода и довѣріе, которымъ онѣ пользуются въ рабочемъ классѣ, служили для нѣкоторыхъ доказательствомъ, что онѣ приспособлены къ надобностямъ рабочихъ. Этими книжками полагали воспользоваться, какъ дополненіемъ словесныхъ сдѣлокъ, которое давало бы послѣднимъ силу письменныхъ условій; думали такимъ образомъ безъ всякихъ стѣсненій мало по малу вытѣснить изъ употребленія чисто словесные наймы. Если бы при томъ употребленіе расчетныхъ книжекъ было обязательно, то онѣ можетъ быть и вошли бы въ обычай между сельскими рабочими, давая словесному договору всѣ выгоды письменныхъ сдѣлокъ и почти вовсе не усложняя словесныхъ сдѣлокъ.

Но въ проектѣ опять упущено изъ виду то существенное значеніе, которое другіе думали придать расчетнымъ книжкамъ. Правда, вводятся расчетные листы, но значеніе ихъ совершенно другое. Они вовсе не замѣняютъ письменныхъ условій и даже не имѣютъ ихъ

характера. Выдавать ихъ постановляется безразлично всѣмъ работникамъ, независимо отъ того, работаютъ они по письменному или словесному условію. Они не свидѣтельствуютъ объ условіяхъ, на которыхъ наняты рабочіе, а служатъ лишь для повѣрки расчетовъ между хозяиномъ и работникомъ, составляя какъ бы вторую подробную рабочую книжку, не болѣе. Въ такомъ видѣ они, конечно, не могутъ отвѣчать требованіямъ, которыя нами указаны.

Изложенныя соображенія имѣли цѣлью показать, что всѣ условія, необходимыя съ точки зрѣнія самой рутинѣ для достиженія цѣлей комиссіи, упущены изъ виду въ проектѣ. Права договаривающихся сторонъ опредѣляются въ немъ очень неравномѣрно, такъ что крестьяне должны подвергнуться полному произволу нанимателей.

Таковы главныя положенія проекта; нужно ли входить въ его подробности и упоминать, напримѣръ, о постановленіяхъ, которыя предписываютъ работнику обходиться почтительно съ хозяиномъ, а хозяина убѣждаютъ платить за то человѣколюбіемъ. Не говоря о томъ, что такія постановленія врядъ ли могутъ служить къ чемунибудь, невольно спрашивается: отчего же въ одномъ случаѣ предписывается почтеніе, а въ другомъ человѣколюбіе? Какъ же согласить это различіе съ общими постановленіями о сословной равноправности?

Но мы не хотимъ вдаваться въ мелочи. Пусть по главнымъ чертамъ проекта, разобраннымъ нами, разсудитъ самъ читатель: станетъ ли легче русскому рабочему отъ подобныхъ правилъ, или станетъ ему можетъ быть хуже. Дальнѣйшія же подробности проекта предоставимъ разбирать другимъ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

МОСКОВСКОЕ СЛОВЕССТВО.

(Сочиненія *И. Кирѣвскаго*. Т. I. II. Москва. 1861.

Сочиненія *А. Хомякова*. Т. I. Москва. 1861.

Сочиненія *К. Аксакова*. Т. I. Москва. 1861.)

Хомяковъ, два Кирѣвскихъ, два Аксаковыхъ, — вотъ краугольные камни и столпы литературной партіи, которую у насъ обыкновенно называютъ славянофильскою; эти имена составляютъ ея гордость и славу. Они собрали изъ разныхъ источниковъ славянофильскія мысли и составили изъ нихъ кодексъ воззрѣній и убѣжденій, которыхъ держится вся партія; они формулировали ея стремленія, опредѣлили ея задачу и цѣль, представили рѣшеніе существенныхъ вопросовъ научныхъ и житейскихъ, съ которымъ соображались и соображаются теперь всѣ ихъ послѣдователи. Узнать убѣжденія названныхъ нами личностей, значитъ узнать сполна всю славянофильскую партію; да собственно говоря, только они одни и составляютъ эту партію, съ прибавленіемъ гг. Кошелева, Самарина, Тертія Фицлова и доктора Шанецица; такъ-называемые панслависты, въ родѣ г. Погодина, принадлежать уже къ другой породѣ, къ другому отгѣнку. Поэтому славянофиловъ собственно нельзя назвать и партией; это просто небольшой кружокъ, состоящій изъ лицъ единомышленныхъ и близкихъ между собою, друзей, пріятелей и даже родственниковъ. Правда, и другія наши литературныя партіи не могутъ похвалиться особенною полнотою и многочисленностью своихъ рядовъ; но всѣ они представляютъ только подраздѣленія и отгѣнки одной партіи, очень силь-

ной и многочисленной, имѣютъ много общаго и много точекъ соприкосновенія; поэтому на нихъ и можно смотрѣть, какъ на одну партію, противоположную славянофильству, очень своеобразному въ своихъ убѣжденіяхъ. Расходясь между собою во многихъ пунктахъ, они всѣ сходятся въ сужденіи о славянофильствѣ, въ отрицаніи его.—Что же такое славянофилы? Вопросъ повидимому излишній; всѣ знаютъ ихъ очень хорошо, знаютъ, что они терпѣть не могутъ Запада, любятъ все древне-русское, носятъ даже платье особаго покроя, которое такъ и называется славянофильскимъ. А кромѣ этого, едва ли что нибудь извѣстно о славянофилахъ большинству публики; можно смѣло сказать, что весьма немногіе знаютъ сущность славянофильства, его основной принципъ, его главную тенденцію и ту область, въ которую онъ старается затащить насъ. Не мѣшаетъ поэтому заглянуть въ самый корень славянофильства, разсмотрѣть главную ось, на которой оно все вертится; кстати же вотъ выходитъ полное собраніе сочиненій его вожаковъ. Правда, вышли еще не всѣ томы; но для нашей цѣли достаточно и вышедшихъ, а необходимыя дополненія можно будетъ заимствовать и изъ другихъ источниковъ.

Славянофилы буквально значить—любящіе славянъ, названіе несколько не выражающее сущности дѣла, поэтому мы и не рѣшились поставить его въ заглавіи нашей статьи; славянофилы считаютъ это названіе насмѣшкой. «Нѣкоторые журналы», говоритъ Хомяковъ, «называютъ насъ *насмѣшникомъ* славянофилами, что въ русскомъ переводѣ означаетъ славянолюбцевъ». Сами же себя славянофилы характеризуютъ вотъ какъ. И. Кирѣевскій говоритъ: «въ уголкѣ нашей литературы начинается важное измѣненіе. Я говорю о томъ *славяно-христіанскомъ* направленіи, которое подвергается пристрастіямъ и преслѣдуется насмѣшками». Г. Кошелевъ, издатель Кирѣевскаго, выражается о славянофильствѣ такимъ образомъ: «отвѣтная статья Кирѣевскаго (Хомякову) принадлежитъ къ его позднѣйшему направленію, которое впоследствии онъ самъ называлъ *православно-славянское*. Два сборника, изданные Валуевымъ—первыя по времени книги, которыя вполне принадлежатъ *московскому славянскому* направленію». Эти названія дѣйствительно гораздо лучше; они даютъ болѣе определенное понятіе о тенденціяхъ славянофиловъ; кромѣ любви къ славянамъ, они указываютъ еще на два характеристическіе признака, рѣзко отгнѣняющіе славянофильство. Эпитетъ «московское» также очень характеристиченъ и указываетъ на то дѣйствительно замѣчательное обстоятельство, что славянофильство образовалось и получило осязательность въ Москвѣ, поддерживалось и подогрѣвалось ея златыми верхами и колокольнымъ звономъ, связывалось съ нею самыми крѣпкими привязанностями и пристрастіями. Кажется, славянофиль-

ство только въ Москвѣ и могло существовать, только здѣсь было для него постоянное возбужденіе и пища. Все въ ней располагало къ славянофильству, все неволью тянуло мысль и сердце къ старинѣ; какъ бы она ни была, а все-таки возбуждала родственныя чувства привязанности къ себѣ, какъ дѣло и наслѣдіе отцевъ и праотцевъ. Кнѣзьевскій до своего обращенія въ славянофильство говорилъ: «московское общество имѣетъ совершенно особенный характеръ, составляющій средину между уѣзднымъ кумовствомъ и безвкусіемъ, и столичною искательностію и роскошью. Почти нѣтъ дома въ Москвѣ, который бы чѣмъ нибудь не обнаружилъ просвѣщенному иностранцу нашей недообразованности, и если не въ гостиной, не въ кабинетѣ, то хоть въ прихожей найдете онъ какое нибудь разногласіе съ европейскимъ бытомъ и согласіе съ бытомъ московскимъ». Во всемъ ученіи славянофиловъ ясно отразился характеръ Москвы; они тоже хотѣли соединить новую европейскую жизнь и науку съ старымъ московскимъ бытомъ и древними русскими повѣрьями, мѣшали французское съ московскимъ, нѣмецкое съ китай-городскимъ. Отъ этого смѣшенія произошло что-то очень разнокалиберное и странное, страшный беспорядокъ и путаница, въ которой ничего не разберешь и въ которой совершенно заблудишься, какъ въ московскихъ неправильныхъ улицахъ и переулкахъ. Система ихъ воззрѣній походитъ совершенно на ту безобразную и ненавистную для нихъ мозаику, каковую представляла Русь въ первое время Петровскихъ преобразованій. Славянофилы, — это научные и литературные раскольники-старовѣры; отстаивая старыя отеческія преданія, обычаи, привычки и стремленія, въ которыхъ дѣйствительно было кое-что и хорошее, они вмѣстѣ съ тѣмъ возвращались и къ старому невѣжеству, къ воззрѣніямъ, порожденнымъ этимъ невѣжествомъ, отъ которыхъ непремѣнно отказалась бы старина, если бы она достигла развитія современнаго нынѣшнимъ славянофиламъ. Мы высказываемъ такое сужденіе о славянофильствѣ, даже имѣя въ виду и тѣ услуги, какія оно оказало нашей наукѣ, особенно исторической. Славянофилы въ значительной степени содѣйствовали разъясненію нѣкоторыхъ частныхъ пунктовъ и вопросовъ историческихъ; они, напримѣръ, возставали противъ ученія о родовомъ бытѣ древней Руси, уясняли понятіе объ общинѣ и ея значеніи историческомъ и современномъ; своими крайними и пристрастными сужденіями о реформѣ Петра дали поводъ къ болѣе точному опредѣленію ея настоящаго историческаго смысла. Но эти частности не выкупаютъ общаго безобразія ихъ воззрѣній философскихъ и историческихъ; удачное рѣшеніе нѣкоторыхъ историческихъ вопросовъ славянофилами ничего не говоритъ въ пользу ихъ основныхъ взглядовъ и историческаго пониманія, вообще очень узкаго. Мы

не распространяемъ объ заслугахъ славянофильства; онѣ всѣми признаны и оцѣнены; значеніе ихъ даже стали преувеличивать нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ. Они говорятъ, будто славянофилы замѣнили направление науки русской исторіи, будто по ихъ милости она эманципировалась отъ вліянія и господства нѣмецкихъ ученыхъ, то есть русскихъ нѣмцевъ, и обратилась къ изученію народа, его исторической жизни и быта. Между тѣмъ измѣненіе въ направленіи русской исторіи обнаружилось гораздо раньше выступленія на сцену славянофиловъ, и славянофильство было вызвано тою историческою школою, противъ которой оно возставало, и первый толчокъ, обративъ славянофиловъ къ изученію собственно народной жизни, данъ былъ такъ-называемыми западниками, что признають и сами славянофилы.

Поэтому, и помня заслуги московскаго словенскаго направленія, мы все-таки говоримъ, что это направленіе въ существѣ своемъ чрезвычайно странно; и эта странность во многихъ случаяхъ доходитъ до совершенной дикости и безобразія; мы встрѣчаемъ въ немъ понятія и взгляды, которые просто невѣроятны въ головѣ сколько нибудь развитаго и мыслящаго человѣка; и все это не въ мелочахъ какихъ-нибудь и частностяхъ, а въ самомъ принципѣ, въ самомъ корнѣ направленія, въ его основномъ характерѣ. Существенная тенденція, можетъ-быть и бессознательная, заключалась въ томъ, чтобы убить всякую самостоятельность мысли, отнять у ней то, что она приобрѣла во все продолженіе своего историческаго развитія, воротить ее назадъ, подчинить случайному авторитету, затянуть ее въ старую узкую рамку, дать ей одинъ опредѣленный кодексъ, развитіемъ котораго она должна заниматься и никакъ не выходить изъ его предѣловъ. Читатели съ перваго раза даже не повѣрятъ намъ, если мы скажемъ, что славянофилы въ своихъ воззрѣніяхъ и тенденціяхъ совершенно сходились съ «Маякомъ», а въ частности въ области философіи и исторіи крѣпко держались того ограниченнаго круга понятій, въ которомъ вращаются нѣкогда разсмотрѣнные нами философы «старого типа». Однакожъ это совершенно вѣрно, въ чемъ безъ труда убѣдятся и сами читатели. Признаемся откровенно, мы сами имѣли нѣсколько лучшее понятіе о славянофилахъ до появленія въ печати поднаго собранія ихъ сочиненій. Нѣкоторые изъ нихъ слыли по молвѣ за людей ученыхъ, философски образованныхъ, сильныхъ, непобѣдимыхъ въ діалектикѣ. То обстоятельство, что славянофилы искали мало и рѣдко, препятствовало правильной оцѣнкѣ ихъ ученій; отрывочное чтеніе ихъ статей, появлявшихся однѣ послѣ другихъ въ длинныя промежутки, не производило поднаго славянофильскаго впечатлѣнія и не давало цѣльнаго образа славянофильства; ни у кого не доставало охоты сличать однѣ статьи съ другими; о славянофильствѣ

судили больше по слухамъ, да по воспоминаніямъ. Теперь же, когда сокровища славянофильской премудрости собраны во едино, представлялась возможность однимъ взглядомъ окинуть все славянофильство; оно является намъ законченнымъ, въ полномъ своемъ видѣ, со всеми характеристическими особенностями, сгруппированными вмѣстѣ на одной небольшой картинѣ. При созерцаніи этой картины даже больно ставится глазамъ отъ тѣхъ дикихъ контрастовъ и вопіющихъ несообразностей, изъ которыхъ она состоитъ; это настоящая суздальская картина стараго русскаго «пошиба», оскорбляющая всякій сколько нибудь развитой вкусъ своимъ безобразіемъ, невѣрностью фигуръ и очертаній и грязью набойчатыхъ красокъ. Теперь оказывается также, что у славянофиловъ подъ неблаговидными словами скрывались неблаговидныя вещи, въ противность прежнему предположенію нѣкоторыхъ. Въ этомъ читатели убѣдятся несомнѣнно, если обратятъ вниманіе преимущественно на мысли Кирѣевскаго.

Обыкновенно думаютъ, что славянофильская школа возникла самостоятельно, образовалась сама собою, и основатели ея сами собственнымъ умомъ добрались до своихъ принциповъ. Это несправедливо. Первымъ и самымъ ревностнымъ проповѣдникомъ славянофилизма былъ «Маякъ»; съ фанатическою яростію возставалъ онъ противъ Запада и западнаго образованія, доказывалъ необходимость народности, всегда и вездѣ указывалъ на то основаніе, на которомъ, по его мнѣнію, должно было воздвигнуться зданіе русскаго просвѣщенія. Такія же мысли и чувства воодушевляли и славянофиловъ; стоитъ только вспомнить статьи Бурачка о Западѣ, католичествѣ и протестанствѣ и о началахъ русскаго философіи и сличить ихъ съ мыслями Хомякова и Кирѣевскаго о тѣхъ же предметахъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что славянофильство есть прямое и законное дитя «Маяка», только не такъ фанатичное и менѣе сокрушающееся о грѣховности рода человеческого, чѣмъ его батюшка. За то «Маякъ» былъ послѣдовательнѣе въ своихъ сужденіяхъ и гораздо больше приближался къ народности, если разумѣть подъ народностью то, на что указываютъ славянофилы согласно съ «Маякомъ». Многія положенія «Маяка» были ужъ слишкомъ желѣны; онъ называлъ грѣховною прелестью всякую поэзію, за исключеніемъ его собственныхъ новѣстей; славянофилы менѣе послѣдовательны, но если будутъ послѣдовательны, должны будутъ согласиться съ «Маякомъ» въ его сужденія о всѣхъ видахъ грѣховной прелести и объяснять съ народной точки зрѣнія хоть кликушъ напр.—Собственно славянофильскія идеи, нѣсколько отличныя отъ идей «Маяка», были формулированы братьями Кирѣевскими и прежде всего вѣроятно Петромъ Кирѣевскимъ, который соблазнилъ

потомъ въ славянофильство и Ивана. У И. Кирѣевскаго эти идеи заимствованы и развивали подробно Хомяковъ и К. Аксаковъ.

Славянофиловъ, также точно, какъ нашихъ современныхъ почвенниковъ, сгубила несчастная фраза о народности, пущенная въ ходъ «Маякомъ». «Что это такое въ самомъ дѣлѣ?—разсуждали славянофилы:—куда ни посмотришь, вездѣ у насъ все чужое, заграничное и иностранное, въ наукѣ, въ искусствѣ и даже въ жизни; пища, питіе, одежда и жилище—все передѣлано у насъ на иностранный ладъ и манеръ. Что мы за несчастные люди такіе,—ужели мы не въ состояніи придумать что нибудь собственнымъ русскимъ, хоть бы даже и задвигивъ умомъ, выработать что нибудь свое, народное?» Мысли, какъ видите, самыя невѣрные и позволительныя; отчего, въ самомъ дѣлѣ, не погоревать о своей несчастной долѣ и не помечтать о средствахъ къ ея улучшенію? «Я,—мечталъ юный И. Кирѣевскій,—буду имѣть вѣсь въ литературѣ, и дамъ ей свое направленіе. Всѣ тѣ, которые совпадаютъ со мною въ образѣ мыслей, будутъ моими сообщниками. Мы возвратимъ права истинной религіи, изыщное согласимъ съ нравственностію (пу вотъ «Маякъ» тоже считалъ изыщное несогласнымъ съ нравственностію), возбудимъ любовь къ правдѣ, глупый либерализмъ замѣнимъ уваженіемъ законовъ, и чистоту жизни возвысимъ надъ чистотою слога.» Мечта его осуществилась только на половину; вѣса въ литературѣ онъ не имѣлъ и не далъ ей своего направленія; но сообщники у него нашлись и пошли вѣстѣ съ нимъ къ одной цѣли. Прежде всего они стали трудиться надъ тѣмъ, какъ бы придумать что нибудь свое, отличное отъ иностраннаго, какъ бы передѣлать науку и жизнь сообразно съ требованіями русскаго народнаго духа. Само собою разумѣется, они сейчасъ же принялись разыскивать русскую народность и тѣ обнаруженія, которыми проявилъ себя русскій духъ. Казалось бы, славянофиламъ не было никакой нужды далеко ходить за этимъ и много мудрить; все, что совершалось передъ ихъ глазами, что окружало ихъ со всѣхъ сторонъ, было народно въ высшей степени; даже то, что было заимствовано у иностранцевъ, носило на себѣ лонный отпечатокъ русской народности и сильно припахивало русскимъ духомъ. Для этого стоило только слѣдить заимствованное и переведенное русскими съ подлинными иностранными оригиналами; разница вышла бы поразительная, а эта разница и была бы величиною, опредѣляющею русскую народность. Русскія академіи, университеты и гимназіи, положимъ, были заимствованы у Запада; но они нисколько не выходили на западные и въ существѣ своемъ оставались чисто русскими народными. Русскій челоуѣкъ въ нѣмецкомъ платьѣ, въ французскихъ перчаткахъ, съ англійскимъ проборомъ на головѣ, все-таки оставался русскимъ; нѣмецкое пиво, французскія вина, англійскій портеръ не

измѣнили его русской природы. Или вотъ, напримѣръ, славянофины считаютъ Петербургъ отщепенцемъ и пасынкомъ Руси, называютъ его не русскимъ городомъ. К. Аксаковъ говоритъ: «Петербургъ забавенъ съ своимъ патриотизмомъ. Забавнѣе всего, что онъ упрекаетъ Москву въ недостатокъ патриотизма. Да у насъ и вовсе нѣтъ того патриотизма, какой у него. Но разница въ томъ, что Москва русскій городъ, городъ народный, которому и въ голову не придетъ доказывать свой руссизмъ. Да за нее громко говоритъ исторія и народъ русскій. О Sanctpeterbürger'цы! вспомните ваше имя, добровольно вамъ данное и посмотрите, не утверждаетъ ли вашъ патриотизмъ за вами значеніе не русскаго города?» Конечно, лестно было бы для Петербурга считать себя европейскимъ городомъ; но увя! онъ долженъ сознаться, что онъ не европейскій, а русскій городъ, и гораздо больше имѣетъ сродства и родственной связи съ Москвою, чѣмъ съ Берлиномъ, или Парижемъ. Въ Петербургѣ такія же мостовыя, извозчики, тѣ же темныя и грязныя переулки, какъ и въ Москвѣ; у нихъ обоихъ есть гостинныя дворы съ торговцами, запрашивающими въ-три-дорога и торгующимися не на животъ, а на смерть; въ Петербургѣ есть мазурики, — совершенное подобіе московскихъ жуликовъ; въ Петербургѣ тотъ же порядокъ, устройство и благочиніе, какъ и въ Москвѣ, тѣ же чиновники военные и гражданскіе, тѣ же униформы, тѣ же кокарды, каски и сабли, что и въ Москвѣ; Петербургъ такъ же точно, какъ и Москва, любитъ и постоянно созерцаетъ драки, и мордобитія; петербургерцы потребляютъ водку, чай и квасъ въ такомъ же количествѣ, какъ и московскіе словене; нервы такъ же охотно снимаютъ шапки и гнутъ спины, какъ и послѣдніе; въ Петербургѣ есть такіе же баричи и такія же широкія природы, какъ и въ Москвѣ; въ Петербургѣ все есть московское, исключая развѣ славянофильства. Однимъ словомъ, Петербургъ русскій городъ и родной братъ Москвѣ, хоть онъ и носитъ нерусское имя; славянофины и всѣ вообще любители русской народности удобно могутъ наблюдать въ немъ главныя основанія и всѣ черты русскаго народнаго духа. Такъ-то вотъ оно вездѣ и во всемъ; смотришь на чтонибудь, съ виду кажется какъ будто иностранное, а взглядишься поширестальнѣе, оказывается, что оно русское и Русью пахнетъ. Нѣтъ, Русь остается Русью, даже принявши западный видъ. А славянофины вообразили, что реформа Петрова совершенно переродила русскаго человѣка, что онъ утратилъ всѣ свойства своей природы и, одѣвшись по нѣмецки, покушавши западной пищи, поучившись западнымъ языкамъ, сталъ другимъ существомъ, которое по классификаціи Манзюца нужно отнести къ породѣ западно-европейцевъ, а не русскимъ; они не сообразили того, что типы и виды народностей очень упрямы

и довольно постоянны, что они съ большимъ трудомъ перерождаются одни въ другіе, и даже вовсе не перерождаются, если между ними существуетъ такая поразительная разность, какую находятъ славянофилы между западно-европейцами и словено-руссами. Лошадь легко могла переродиться въ мула, или наоборотъ; но не такъ легко было бы ей переродиться въ корову. А славянофилы признали дѣйствительность подобнаго перерожденія образованнаго русскаго въ европейца. Вслѣдствіе этого, для опредѣленія народности, они принялись развивать непочатую Русь, не тронутую реформой и образованіемъ, съ полною увѣренностію найти въ ней чистѣйшій самородокъ русской народности. Должно быть долго они копались въ твердой, каменистой почвѣ, и все-таки не встрѣчали ни одного осязательнаго признака, ни одного нагляднаго качества, которымъ можно было бы охарактеризовать русскую народность; прослѣдить ее въ мелочахъ, въ ежедневныхъ явленіяхъ, уловить ее въ едва замѣтныхъ проявленіяхъ, не бросающихся въ глаза съ перваго раза, но тѣмъ не менѣе существенныхъ и важныхъ, — у нихъ не доставало силъ и умѣнья. Имъ нужно было что нибудь, хоть и не важное, но большое, крупное, наглядное, на что можно было бы указать пальцемъ. Тутъ снова помогъ имъ «Маякъ». Они, подобно ему, остановились на системѣ возрѣній, получившихъ хоть и народную, но грубую форму. Что бы ни дали древней Руси, какую бы систему возрѣній ни сообщили ей, она непремѣнно отлила бы ихъ въ эту самую форму. Первоначальный видъ возрѣній, заимствованныхъ Русью, отчасти сохранился по рутинѣ только въ самомъ ограниченномъ меньшинствѣ, къ которому примыкаютъ и славянофилы. Такимъ образомъ, они сами себя противорѣчатъ и отрицаютъ въ этихъ возрѣніяхъ именно то, что есть въ нихъ чисто народнаго, и стоятъ за то, что въ нихъ совершенно случайно, и что привозило извнѣ, не изъ Руси; на это случайное они постоянно и указываютъ, какъ на существенное выраженіе русской народности. Славянофилы бранятъ нѣкоторыя системы за ихъ неудовлетворительность, и видятъ частіе и залогъ будущей блестящей судьбы русскаго народа въ томъ обстоятельствѣ, что онъ не принялъ этихъ системъ. Но еслибы историческимъ обстоятельствамъ угодно было сообщить ему одну какую нибудь изъ этихъ системъ, онъ принялъ бы и ее, но за то не рѣдѣлъ бы ее по своему, и изъ нея вышло бы то же самое, что есть у него теперь, съ незначительной разницей.

Но какъ бы то ни было, основной принципъ и признакъ русской квази-народности отрыггъ, искомаля народность найдена, и за тѣмъ все пошло у славянофиловъ, какъ по маслу. Съ помощію найденнаго талисмана, они принялись сочинять и выдумывать все свое, чисто русское, и сочинили такое столпотвореніе вавилонское, что Боже упаси. 0

чемъ бы они ни заговорили, какую науку ни взяли, какой бы вопросъ ни рѣшали, они непремѣнно съѣдутъ на измыщенный ими основной принципъ русской народности, какъ «старые» наши философы всегда съѣзжаютъ на идеи, такъ что это наконецъ становится несноснымъ. И просто невольно досаждаютъ на этихъ людей, зачѣмъ они и говорить о разныхъ предметахъ, и толкуютъ свысока о разныхъ наукахъ, когда въ ихъ рѣчахъ повторяется одна и та же старая глѣзня даже безъ всякихъ вариаций, которую можно услышать и не въ наукѣ, и которую приходилось слышать всѣмъ тысячу разъ изъ другихъ устъ, не вооруженныхъ орудіями и инструментами славянофильства, хоть бы напр. изъ устъ «Маяка», или «Философскаго Лексикона». И чтобы скрыть внутреннюю неосновательность своихъ построений и какъ нибудь сгладить ихъ странныя рѣзкости, славянофилы прибѣгали къ фразамъ, къ туманному восторженному краснорѣчію, къ выраженію своихъ чувствъ, а не мыслей. Въ этомъ искусствѣ особенно ловокъ былъ Хомяковъ, въ противоположность Кирѣевскому. Кирѣевскій всегда говорилъ откровенно, прямо, высказывалъ свою мысль точно, безъ всякихъ сомнительныхъ оговорокъ и околичностей. Хомяковъ же никогда не становится прямо предъ своимъ вопросомъ, и всегда какъ нибудь извернется и уклонится отъ прямого отвѣта, пускается сначала въ отрицанія, и какъ только дойдетъ дѣло до собственныхъ положеній, онъ почти всегда бросается въ реторику, отпускаетъ свое шибіе гомеопатическими дозами и постоянно разбавляетъ и смягчаетъ его водою ограничительныхъ фразъ.

Славянофилы славились своими философскими познаніями и, какъ выражается г. Кошелевъ, обладали «врожденными философическими способностями»; естественно, что они прежде всего занялись сочиненіемъ русской народной философіи, или проведеніемъ въ философію народности и народнаго духа, такъ названнаго ими любомудрія.

Основные понятія славянофиловъ о томъ, какова должна быть новая русская философія въ духѣ народности или любомудрія въ общихъ чертахъ совершенно вѣрны и основательны; противъ нихъ возражать нельзя; можно сдѣлать развѣ одно только замѣчаніе, не касающееся впрочемъ сущности дѣла. Дѣйствительно, у русскихъ должна быть своя философія и она, можетъ быть, и будетъ со временемъ и въ ней отразится непремѣнно народный характеръ и складъ русскаго ума. Каждый изъ передовыхъ народовъ Европы имѣетъ своеобразную философію: англійская философія не походитъ, напр., на нѣмецкую, а нѣмецкая отличается отъ французской; но онѣ разнятся между собою по характеру, по формѣ, по степени глубины и отвлеченности, а иногда не по содержанию, по предмету и по источникамъ во-

знанія. Зачѣмъ же и будущей народной философіи русской давать заранее опредѣленное, характеристическое и отличное отъ содержанія всѣхъ другихъ философій; зачѣмъ предписывать ей программу и указывать путь, по которому она должна идти неуклонно; зачѣмъ требовать отъ нея, чтобы она черпала свои знанія изъ одного исключительнаго источника, тогда какъ у ней есть много и другихъ. Вѣдь это и значить стѣснять свободу мысли и уничтожать философію въ самомъ ея зародышѣ и основаніи, какъ вы ни увертываетесь и ни ограничиваете ваши положенія смягчающими фразами. Какое основаніе имѣютъ славянофилы для своей увѣренности, съ какою они указываютъ русской философіи извѣстный кругъ понятій, въ которомъ она должна безвыходно вращаться? Они предписываютъ ей одинъ путь, которымъ шла мысль древней Руси. А что, если русская философія не пойдетъ по вашему пути, который вы признаете единственно надежнымъ и исключительно истиннымъ; тогда вы станете тащить ее насильно, какъ дѣлаютъ всегда люди, считающіе всѣ системы кромѣ своей ложными и гибельными, и потому одобряющіе нѣкоторыя насильственные и принудительныя мѣры, въ родѣ хирургическихъ ампутацій, чтобы спасти заблуждающихся отъ конечной гибели. Или вы станете называть ее не народною, а заимствованною? Бѣда не большая; можно навѣрное сказать, что она скорѣе рѣшится подвергнуться упреку въ недостаткѣ народности, чѣмъ откажется отъ своей самостоятельности, отъ возможности собственнаго развитія, и ни за что не согласится рабски слѣдовать вашимъ указаніямъ. Славянофилы хотятъ соблазнить насъ легкостію выполненія составленнаго ими проекта русской философіи. «Для развитія самобытнаго мышленія не требуется особой гениальности. Напротивъ, гениальность, предполагающая непремѣнно оригинальность, могла бы даже повредить полнотѣ истины.» Ну вотъ видите; гениальность и оригинальность вредны для русской философіи; для ней требуется самая жадкая посредственность. Что же это за философія такая, скажите пожалуйста: для ней признается вреднымъ то, что считается необходимымъ и вѣрнѣйшимъ залогомъ успѣха во всякой области наукъ и во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности. Можно вообразить, какой жалкій и рутинный видъ она будетъ представлять, когда въ ней преслѣдуется всякая оригинальность, безъ которой невозможна самобытность. Ужели славянофилы думаютъ, что русскій умъ до того дупль и ограниченъ, что согласится принимать предлагаемую ими философію и удовольствуется ею? Такое мнѣніе унижительно и оскорбительно для русскаго ума, который повидимому такъ воскалывается славянофилами. Они даютъ ему философію, очерчиваютъ для него опредѣленный кругъ дѣятельности, въ которомъ, по снисходительному

повелѣнію А. С. Хомякова, ему предоставляется «нѣкоторая свобода»; но какъ только онъ перейдетъ за назначенную черту, захочетъ сказать что нибудь оригинальное, славянофилы тотчасъ же останавливаютъ его, хватаютъ за шиворотъ и ставятъ на свое мѣсто: «ты-де, любезный, ужь слишкомъ заумствовался, тебѣ бы и вовсе не слѣдовало приниматься за любомудріе, потому что ты гениаленъ и только можешь попортить все дѣло». Если бы славянофилы согласились, что эта философія есть ихъ собственное изобрѣтеніе, что она измышлена ими для себя, для своего домашнего обихода, — какъ оно и есть на самомъ дѣлѣ, — тогда никто и слова не сказалъ бы имъ. Пусть они наслаждаются тѣмъ, что имъ нравится; ужь коли для ихъ философіи вреденъ гениальный умъ, такъ и пусть они сами занимаются ею; стало быть они будутъ для ней полезны, и имъ какъ разъ по плечу такая философія. Любомудріе боится гениальности и оригинальности, — лучшей характеристики для любомудрія не могъ бы придумать самый отчаянный врагъ ея; то обстоятельство, что она придумана славянофилами, ручается за ея несомнѣнную вѣрность; имъ оно очень хорошо извѣстно. Но вѣдь вотъ въ чемъ дѣло: славянофилы выдаютъ свою философію за народную; мало того, видятъ въ ней основной характеръ русской народности, говорятъ, что она-то и составляетъ народность, что другая философія въ русскомъ народѣ невозможна; онъ не способенъ придумать и понять что нибудь другое. Что это, читатели, — клевета на русскій народъ, оскорбительная для него, или въ самомъ дѣлѣ правда, горькая для него? Какъ бы кто ни отвѣчалъ на этотъ вопросъ, во всякомъ случаѣ славянофильское любомудріе дѣло очень не хорошее; если оно выраженіе народности, то Богъ съ нею, съ такою народностью; если же клевета на русскую народность, то мы можемъ только удивляться безстыдству, съ какимъ славянофилы взводятъ ее на русскій народъ. — Такимъ образомъ, изъ-за пустой фразы о народности славянофилы пятятся назадъ, приносятъ въ жертву свою мысль, свой здравый смыслъ, и хотятъ соблазнить на это же всю русскую науку, всѣхъ образованныхъ мыслящихъ людей. Что за странная фантазія, — вижу чего захотѣли! «Когда мы сообразимъ», говоритъ Кирѣевскій, «какъ неудовлетворительность западной философіи требуетъ новаго начала, — то намъ не то кажется сомнительнымъ, скоро ли разовьется, но то удивительнымъ, отчего до сихъ поръ не развилось у насъ это новое сознаніе ума, такъ настоятельно требуемое всею совокупностью нашей умственной и нравственной образованности». Вотъ то-то и есть; рѣшительно нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что вани фантазіи не осуществлены и никогда не осуществляются; это-то и должно убѣдить насъ, что они, ни больше, ни меньше, какъ фантазіи и притомъ самыя дикія. Если бы

славянофильское начало дѣйствительно составляло сущность русской народной жизни, если бы наша умственная и нравственная образованность требовала проектируемой ими философіи, она бы давно явилась сама собою и безъ ихъ воплей и рыданій, и проповѣдуемая ими принималась бы вездѣ, какъ необходимое удовлетвореніе существеннымъ потребностямъ русскаго ума. Но жизнь—то именно идетъ какъ разъ наперекоръ имъ.

Сочинявши народную русскую философію, славянофилы окончательно размечтались, пришли въ воинственный азартъ, стали думать, да гадать о томъ, нельзя ли забрать въ руки всю западную философію, не съ тѣмъ впрочемъ, чтобы только показать надъ нею свою власть, но поработить ее себѣ для ея же собственнаго блага, чтобы спасти Европу отъ умственной погибели и помочь ей въ ея бѣдственномъ положеніи.

Такимъ образомъ, западная философія и вся вообще образованность по необходимости, условливающей самое ея существованіе и дальнѣйшее развитіе, должна подчиниться нашему любомудрію, соотвѣтствующему русской народности. Все это совершенно вѣрно и справедливо съ теоретической точки зрѣнія; но мы не знаемъ навѣрное, согласится ли западная философія на такое подчиненіе нашему народному любомудрію, потому что намъ неизвѣстно, дѣлали ль ей славянофилы лично такое предложеніе. Но судя по всѣмъ вѣроятностямъ, можно думать, что западная философія съ презрѣніемъ отвергнетъ ваше любомудріе; она, къ несчастію своему, слишкомъ горда и самостоятельна, и вообще не любитъ подчиняться кому бы то ни было, кромѣ самой себя; она увѣряетъ, будто бы она собственнымъ горькимъ опытомъ убѣдилась, какъ гибельно для ней подчиненіе, какого бы рода оно ни было. Западной философіи, по словамъ славянофиловъ, ничего не остается дѣлать; она погибла;—такъ, но какъ знать, можетъ быть она найдетъ себѣ дѣло, западно-европейскій умъ вѣдъ славится своею изобрѣтательностію. Живая мысль, какою она бываетъ у живыхъ людей, всегда дѣйствуетъ, если она возбуждена и если есть для ней питательные матеріалы. И западная мысль, кажется, не отказывается отъ работы, и матеріаловъ у ней запасено довольно; поэтому, если она сознала, какъ увѣряютъ славянофилы, неудовлетворительность и недостаточность прежняго направленія своей дѣятельности, она выработаетъ и приметъ другое, новое направленіе, и выработаетъ его изъ себя самой, изъ своихъ собственныхъ началъ, а не пойдетъ искать его куда нибудь за тридевять земель. И что за несчастная страстишка у славянофиловъ все подчинить и померять себѣ! — Славянофилы стоятъ за народное любомудріе, потому только, что оно народно; Западъ съ большою основатель-

тельностью может отстаивать свою народную рациональную философию, которою онъ жилъ нѣсколько вѣковъ, и живетъ еще досель; она существенно принадлежитъ его духу и составляетъ его самобытное произведеніе. А вы думаете, что онъ вдругъ промѣняетъ его на ваше любомудріе, воображаете, что западный умъ такъ же туго и непостояненъ, какими вы представляете себѣ русскій умъ, который будто бы, какъ говорите, во время реформы отказался отъ своей народности и охотно промѣнялъ ее на чужую. Нѣтъ, западный умъ стоитъ за себя, какъ стоялъ и русскій; онъ не посрамитъ земли западной, и костями ляжетъ за нее, не хуже вашего Святослава. Но вы непременно требуете, чтобы онъ отказался отъ своей философіи и принялъ вашу, иначе де ты пропасть. Вотъ видите ли, вы стремитесь къ такой комбинаціи, которую сами же порицаете въ другихъ случаяхъ; западная философія, какъ вамъ кажется, негодится для Россіи; также точно и Западъ скажетъ, что ваше любомудріе для него не годится, тѣмъ болѣе, что его философія все-таки выше нашего любомудрія. Вы хотите произвести на Западѣ реформу гораздо насильственнѣе и безтолковнѣе той, какую, по вашему мнѣнію, произвелъ въ Россіи Петръ I; это желаніе обнаруживается у васъ вездѣ и въ наукѣ, и въ жизни, и въ международныхъ отношеніяхъ. Гдѣ же ваше уваженіе къ чужимъ народностямъ, — или вы уважаете только свою московскую? Вотъ то-то и бѣда ваша, для васъ только и свѣтъ, что въ окошкѣ. «Москва», говоритъ К. Аксаковъ, «вырабатываетъ русскую мысль (то есть московскую). Все значеніе Москвы — это единство, совокупленіе, цѣлость Руси, — значеніе Москвы есть значеніе вся Руси. Отсюда многое и все существенное объясняется» (стр. 230). Дѣйствительно, отсюда объясняется и происхожденіе московскаго словенскаго направленія. Въ лицѣ славянофиловъ сохранились до нашего времени экземпляры москвичей, какими они были встарину при Иванѣ I, при Иванѣ III и Иванѣ IV. Вотъ какъ живуча русская и въ частности московская народность!

Надѣмся, читатели получили совершенно вѣрное понятіе о славянофильской философіи или любомудрїи; вѣроятно она уже успѣла надобѣсть имъ, и они очень желали бы проститься съ нею. Нѣтъ-съ, позвольте; не угодно ли вамъ еще выслушать славянофильскую исторію философіи и познакомиться съ взглядами словенскаго направленія на новую всемірную исторію; гдѣ же ваше уваженіе къ русской мысли, русской наукѣ и ея почтеннымъ представителямъ, Кириѣвскому, Хомякову и К. Аксакову? Это, необходимое въ каждомъ русскомъ и вообще славянскомъ челоуѣкѣ, уваженіе обязываетъ васъ терпѣливо и внимательно выслушать разсужденія о развитіи Запада

съ его философiей, и о противоположномъ ему развитiи Востока съ его любомудрiемъ. Сущность ихъ заключается въ слѣдующемъ: на Западѣ все дурно, а на Востокѣ все хорошо; тамъ все шло и развивалось ложнымъ путемъ, а здѣсь истиннымъ; тамъ вездѣ господствуетъ знанiе, рационализмъ, здѣсь и сердечное убѣжденiе.

Затѣмъ мы предоставляемъ уже ученымъ историкамъ-специалистамъ опредѣлить достоинство и значенiе воззрѣнiй Хомякова, который утверждаетъ, что движенiе новой исторiи и развитiе человѣчества совершалось преимущественно, если не исключительно, на Востокѣ; что Западъ, напротивъ, искажился, развратился умственно и нравственно и внутренно умеръ; онъ не развивался, а только приготовлялъ горькiе плоды, которые созрѣли наконецъ въ XIX вѣкѣ. Передовою же страной во все продолженiе исторiи былъ Востокъ; на немъ была сцена исторiи; онъ жилъ умственно и нравственно, приготовлялъ для человѣчества жизненную пищу. Они же, ученые специалисты, должны рѣшить, отчего это нѣмцы, обыкновенно столь любознательные и живота своего нещадящие для удовлетворенiя любознательности, обнаруживаютъ слѣдную ненависть и невѣжественную невнимательность къ Востоку, и не хотятъ признать его заслугъ, хоть впрочемъ, правду сказать, они написали довольно сочиненiй по исторiи Востока и имѣли возможность сдѣлать ему настоящую оцѣнку. Мы съ своей стороны только замѣтимъ, что всѣ эти воззрѣнiя Хомякова не новы и не оригинальны, что его предупредилъ въ нихъ «Маякъ», и напомнимъ читателямъ воззрѣнiя Бурачка, который тоже говорилъ, что Западъ развратился и искажился умственно и нравственно. Только Бурачекъ былъ снисходительнѣе Хомякова и утверждалъ, что искаженiе Запада началось не съ первыхъ дней его существованiя, а только со времени такъ-называемаго возрожденiя наукъ, — момента, когда западная Европа пошла ретрограднымъ путемъ, назадъ, къ тьмѣ и невѣдѣнiю древняго язычества; потому и самое возрожденiе наукъ онъ называлъ возрожденiемъ язычества. Въ сужденiяхъ же о значенiи Востока и о качествахъ нѣмцевъ Бурачекъ совершенно сходился съ Хомяковымъ, говоря строго, безъ всякихъ натяжекъ и преувеличенiй.

Вотъ вамъ въ общихъ чертахъ вся славянофильская философiя, исторiя философiи и философiя исторiи; мы теперь, къ общему нашему удовольствию, и разстанемся съ философiей, а перейдемъ къ изложенiю славянофильскихъ воззрѣнiй на русскую исторiю и жизнь, на русскiй народъ, на современное положенiе и потребности Россiи, — сюжеты болѣе интереснаго и привлекательнаго свойства, чѣмъ философiя. Предупреждаемъ читателей, что они и здѣсь услышатъ ту же старую пѣсню, какаю имъ уже извѣстна, и просимъ ихъ не досадо-

вать на насъ за это; мы вѣдь нисколько невинноваты въ томъ, что мы славянофилы твердятъ вездѣ и во всемъ одно и то же, даже одними и тѣмиже фразами. — Приступая къ разсужденіямъ о русской исторіи и жизни, славянофилы по обыкновенію начинаютъ съ Запада; не будь этого несноснаго Запада, имъ, кажется, нечего было бы и говорить; и потому ихъ ненависть къ Западу представляется намъ самою черною неблагодарностію. Въ составъ западной жизни, по ученію славянофиловъ, вошли три элемента: римская церковь, образованность древняго языческаго міра и наконецъ особенный общественный бытъ, который вездѣ въ Европѣ возникъ изъ борьбы, изъ угнетенія завоевателей и изъ противодѣйствія завоеванныхъ. Въ Россіи этихъ элементовъ не существовало: не было римской церкви, не было древней языческой образованности, а общественный бытъ русскій возникъ не изъ борьбы и завоеваній, а изъ любви и мира. Но этотъ древній русскій бытъ, основанный на любви и мирѣ, разрушемъ вліаніемъ запада. Какъ же возстановить его? — Это очень просто, по миѣнію Кирѣвскаго: надобно подчинить западное просвѣщеніе принципамъ нашего стариннаго быта.

Хомяковъ, по своему обыкновенію, отдѣляется фразами отъ вопроса, такъ ясно и рѣшительно поставленнаго Кирѣвскимъ; онъ требуетъ возвращенія къ старой Руси, но такъ это у него выходитъ, что ничего и разобрать нельзя; его фразы можно понимать какъ угодно; ясно только то, что онъ хвалитъ себя и другихъ славянофиловъ за любовь къ старинѣ.

Восхвалявши себя самихъ за любовь къ старинѣ, славянофилы, начинаютъ ораторствовать о народѣ и восхвалятъ его за то, что и онъ также до сихъ поръ остался вѣренъ началамъ древней Руси. Въ простомъ народѣ славянофилы видятъ воплощеніе старины; онъ дорогъ и любезенъ имъ, какъ рѣдкій старинный памятникъ; они восхищаются имъ, какъ археологъ восхищается какимъ нибудь панирусомъ, этрусской газой, или вещицей, найденной въ Помпѣѣ; они дорожатъ имъ, какъ зоологи зубромъ, порода котораго, того и гляди, что переведется совсѣмъ. Они относятся непріязненно и даже фанатически непріязненно къ тѣмъ изъ народа, которые стряхиваютъ съ себя старинный хламъ и старинную грязь, и стремятся къ новому образованію. Они сами, наконецъ, не дѣлаютъ того, чего требуютъ отъ другихъ и что они желали бы видѣть сохраненнымъ, не только омытъ въ жизни другихъ, а никакъ не въ своей собственной. Впрочемъ, сердце человѣческое глубоко, и какъ знать, можетъ быть славянофилы дѣйствительно любятъ простой народъ искренно и неподдѣльно; но во всякомъ случаѣ къ этой любви все-таки примѣшивается у нихъ археологическая любовь къ древности, къ старинѣ.

Вотъ и полное міросозерцаніе славянофильства, весь запасъ въра-
ботанныхъ имъ идей, воззрѣній и взглядовъ, всё его стремленіе и тен-
денція! Гдѣ же исполненіе хвастливыхъ обѣщаній, на которыя не спу-
стились славянофилы, и которыя, давались съ такою самоувѣренностью;
гдѣ русская народная наука со всеми ея благами и благотворными
дѣйствіями; гдѣ по крайней мѣрѣ слѣды славянофильскаго вліянія?
Московскому направленію, какъ увѣрили его послѣдователи, суждено
занять «не послѣднее мѣсто въ судьбѣ нашего просвѣщенія»; оно есть
«поворотное движеніе» русскаго просвѣщенія. Куда же и кого оно
поворотило? Извѣстно всѣмъ, что славянофильство почти исклю-
чительно ограничивалось Москвою и не выходило за ея предѣлы; боль-
шинство образованной публики никогда ему не сочувствовало, ясно по-
нимающая его несостоятельность, фантастичность и «поворотное движе-
ніе» назадъ. Съ теченіемъ времени оно не усиливалось, а постоянно
ослабѣвало; и теперь существуютъ только жалкія развалины славя-
нофильской партіи; послѣдній изъ московскихъ могикановъ, «Дель»
только повторяетъ зады, пренаивно увѣряя, что его знамя есть знамя
русской народности, понятой и опредѣленной Кирѣевскимъ, Хомяко-
вымъ, К. Аксаковымъ и всей такъ-называемою славянофильскою шко-
лой (хороша народность!); редакторъ его только пережевываетъ
фразы своего покойнаго брата, ясно показывая этимъ невозможность
еще чего нибудь въ славянофильскомъ духѣ. Но эти фразы «Дня» уже
разсмотрѣны подробно и оцѣнены по достоинству другими, а потому
мы и оставляемъ ихъ въ покоѣ.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о развитіи и страшномъ
измѣненіи убѣжденій И. Кирѣевскаго, съ тѣмъ, чтобы показать,
до чего можетъ довести славянофильство даже умнаго человѣка, какъ
оно способно занутать его и затемнить его понятія. Отъ Кирѣев-
скаго можно было ожидать чего нибудь дѣльнаго, судя по его пер-
вымъ статьямъ, въ которыхъ обнаруживался свѣтлый взглядъ и бы-
ли мысли очень оригинальныя. Путешествуя по Европѣ, онъ увидалъ
вблизи западное образованіе, понялъ его значеніе и составилъ опре-
дѣленный взглядъ на то, какимъ образомъ оно могло быть усвоено и
должно было усвѣтись Россіей. Но разныя славянофильскія обстоя-
тельства, о которыхъ рассказываетъ г. Кошелевъ въ біографіи Кирѣ-
евскаго, спутали его понятія и наконецъ совершенно измѣнили ихъ.
Бѣдный Кирѣевскій, — право, очень жаль его! Мы хотѣли было ска-
зать г. Кошелеву нѣсколько веселыхъ словъ за его издѣльную вни-
мательность къ родословной Кирѣевскаго, которую мы считаемъ
вещью, нестоющею никакого вниманія (должно быть потому, что
сами не имѣемъ славной родословной) и за изображенія красоты Дол-
бина, имѣнія Кирѣевскаго; но грустная судьба Кирѣевскаго не рас-

полагаетъ къ веселости. — Въ 1831 году И. Кирѣевскій началъ издавать журналъ, подъ названіемъ «Европеецъ»; уже одно названіе указываетъ на его тогдашній образъ мыслей. Въ немъ онъ напечаталъ свою статью «XIX вѣкъ», гдѣ онъ развивалъ такую мысль: въ жизни Россіи были тѣ же элементы, что и въ жизни Европы, недоставало только классическаго древняго міра; этотъ недостатокъ былъ причиною того, что наше образованіе шло медленно; мы не обращались, подобно Европѣ, къ своимъ умственнымъ праотцамъ, къ древнему Риму и Греціи, которые содѣйствовали развитію Европы. Только современны нашего сближенія съ Европой начало у насъ распространяться и просвѣщеніе въ истинномъ смыслѣ этого слова; «отдѣльное, китайскіи особенное развитіе замѣтно у насъ было и прежде; но оно не могло имѣть успѣха общечеловѣческаго, ибо ему недоставало одного изъ необходимыхъ элементовъ всемірной прогрессіи, ума», т. е. классической древности (а впоследствии онъ, бѣдный, самъ считалъ счастьемъ для Россіи отсутствіе этого элемента). Онъ защищалъ реформу Петра, и утверждалъ, что просвѣщеніе не иначе могло придти къ намъ, какъ посредствомъ перелома въ нашемъ развитіи. И наконецъ высказалъ такую мысль:

«Такъ образованность европейская является намъ въ двухъ видахъ: какъ просвѣщеніе Европы прежде и послѣ половины восемнадцатаго вѣка. Старое просвѣщеніе связано неразрывно съ цѣлою системою своего постепеннаго развитія, и чтобы быть ему причастнымъ, надобно пережить снова всю прежнюю жизнь Европы. Новое просвѣщеніе противоположно старому и существуетъ самобытно. Потому народъ, начинающій образовываться, можетъ заимствовать его прямо и водворить у себя безъ предыдущаго, непосредственно примѣняя его къ своему настоящему быту. Вотъ почему и въ Россіи, и въ Америкѣ просвѣщеніе начало примѣтно распространяться не прежде восемнадцатаго и особенно въ девятнадцатомъ вѣкѣ.

«Европеецъ» вышло только двѣ книжки, рассказываетъ г. Кошелевъ; все, что было въ этихъ книжкахъ самого Кирѣевскаго, нынѣ перепечатано вполне. Читатель можетъ ясно видѣть, что въ статьяхъ сихъ нѣтъ ничего возмутительнаго. Но у Кирѣевскаго было много враговъ литературныхъ, которымъ не нравился успѣхъ новаго журнала, и которые не могли забыть его прежнихъ критическихъ разборовъ. Статья его «XIX вѣкъ» была перетолкована. Далѣе разборъ представленія «Горы отъ ума» признанъ за самую непристойную выходку противъ находящагося въ Россіи иностранцевъ. Посему продолженіе журнала воспрещено.

«Счастливы мы, прибавляетъ г. Кошелевъ, что живемъ въ такіи времена, когда не только возможно перепечатать статьи, вполне безвредныя, не только возможно разсказать о тогдашней ценсурной придирчивости, но когда подобныя ценсурныя дѣла перешли уже въ область преданія, которому вѣрится съ трудомъ, стали дѣлами давно минувшихъ

дней, глубокою стариню, которой, слава Богу, конечно, не суждено уже возродиться». — «Подлѣ Кирѣевского, неразлучно съ самыхъ первыхъ лѣтъ дѣтства, былъ его братъ Петръ Васильевичъ. Они были связаны такою ибжною, горячею дружбою, которая бываетъ рѣдка даже между братьями. Иванъ Васильевичъ высоко цѣнилъ своего меньшаго брата, но въ эпоху запрещенія «Европейца», взгляды ихъ во многомъ были несходны. Щедро одаренный отъ природы, Петръ Васильевичъ, съ молодю, съ особенной любовью сосредоточилъ всѣ свои силы надъ изученіемъ русской старины и выработалъ свой самостоятельный взглядъ — глубокое убѣжденіе въ безусловномъ вредѣ насилія петровскаго перенорота, въ этомъ отступничествѣ дворянства отъ коренныхъ началъ русской народной жизни. Онъ долго оставался одинокъ съ своими убѣжденіями, они казались чудачествомъ, непослѣдовательствомъ въ челоѣкѣ, который искренно былъ преданъ свободѣ и просвѣщенію, и Ивану Кирѣевскому трудно было согласить свои европейскія мнѣнія съ упорнымъ славянствомъ брата. Ихъ разномысліе въ такомъ жизненномъ вопросѣ выражалось почти что въ ежедневныхъ, горячихъ спорахъ; состояніе это не могло не быть крайне тяжелымъ для того и другаго; чтобы уцѣлѣла исполъ ихъ единодушная дружба, необходимо было, чтобы одинъ изъ нихъ пересоздалъ свой образъ мыслей о русскомъ народѣ. Кажется, можно съ увѣренностью сказать, что при непрерывномъ, страстномъ обитіи мыслей и свѣдѣній, взглядъ старшаго брата постепенно измѣнялся, по мѣрѣ того, какъ несокрушимо-цѣльное убѣжденіе младшаго укрѣплялось и опредѣлялось изученіемъ современной народности и древней, вѣчевой Руси.

«Въ 1834 году исполнились давнишнія сердечныя желанія Кирѣевского. Въ мартѣ мѣсяцѣ онъ помолвилъ и 29 апрѣля женился на Натальѣ Петровнѣ Арбеновой. Вскорѣ послѣ ея свадьбы онъ познакомился съ схимникомъ Новоспасскаго монастыря, отцомъ Филаретомъ, и когда въ послѣдствіи короче узналъ его, сталъ глубоко уважать и цѣнить его бесѣды. Во время предсмертной болѣзни старца, Кирѣевскій ходилъ за нимъ со всею заботливостію преданнаго сына, цѣлыя ночи просиживалъ въ его кельѣ надъ постелью умирающаго. Конечно, это короткое знакомство и бесѣды схимника не остались безъ вліянія на его образъ мыслей и содѣйствовали утвержденію его въ томъ новомъ направленіи, которыми были проникнуты его позднѣйшія статьи. Должно въ 40 верстахъ отъ Ковельской Оптиной вустыни. Сюда уѣзжалъ Кирѣевскій и проводилъ здѣсь цѣлыя недѣли, душевно уважая многихъ старцевъ святой обители и особенно отца Макарія, бесѣды котораго онъ высоко цѣнилъ. Здѣсь же онъ занимался приготовленіемъ къ изданію разныхъ душеспасительныхъ сочиненій, переводимыхъ въ обители монашествующими братьями» (стр. 100).

НОВЫЯ КНИГИ.

Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ. 1861. іюль — сентябрь. Книга третья. Москва. 1861.

Всегда съ какимъ-то недоувѣріемъ принимаешься за изданія и труды нашихъ ученыхъ обществъ, особенно, если еще къ названію ихъ прибавлено «Россійскій». Такъ часто подобныя общества обманывали наши надежды и ожиданія, и вмѣсто настоящей, живой науки предлагали намъ мертвую ученую гиль, нестоющую вниманія. Посмотрите на «Русскую академію», на любителей Россійской словесности, на Россійскихъ экономовъ, скотоводовъ, садоводовъ, Россійскихъ «испытателей природы», «антомологовъ и т. д. и т. д.», и въ васъ невольно ослабѣетъ вѣра въ Россійскія ученныя общества. Однако въ сторону всѣ эти предубѣжденія и недоувѣрія; посмотримъ третью книжку «Чтеній»; можетъ быть въ ней найдутся и дѣльныя вещи.— Въ отдѣлѣ «Отечественныхъ матеріаловъ» мы прежде всего встрѣчаемъ: «Царевичъ Алексѣй Петровичъ, по свидѣтельствамъ вновь открытымъ. Разсужденіе М. П. Погодина.» Какъ ни интересенъ предметъ разсужденія, но мы невольно останавливаемся на заглавной страничкѣ и не сводимъ глазъ съ имени автора: общій взглядъ его на Алексѣя Петровича извѣстенъ, а самъ-то онъ, самъ—что такое? Вотъ куда рвется непослушная мысль. «Погодинъ, Погодинъ! какъ много думъ наводитъ онъ!» При его имени всегда невольно задумаешься: сныи разнобразныя мысли и воспоминанія встанутъ и зашевелятся въ головѣ, и никакъ не прогоняешь отъ себя — хоть и щекотливаго,

Т. LXXXI. Отд. II.

но неотвязчиваго вопроса, — что это за человекъ такой? Искусный ли онъ протей и хамелеонъ, или просто ни то ни сѣ, ни рыба ни мясо, ни тепелъ ни холоденъ? То онъ пишетъ ученые сочиненія и разсужденія, затѣваетъ ученые диспуты, составляетъ и подаетъ разныя записки, содѣйствуетъ печатанію забористыхъ сочиненій, участвуетъ въ заносливой газетѣ, дерзко бранитъ всѣхъ за равнодушіе къ славянскому дѣлу, нарочно ѣдетъ въ Петербургъ, чтобы въ университетѣ сказать, «что мы созрѣли», а въ Пассажѣ потребовать Петра Великаго предъ очи своей ученой критики; — то вдругъ разливается слезными раскаяніями и извиненіями, проситъ пардону, жалобно вопитъ: возблагодаримъ предъ В. А. Кокоревымъ! — сочиняетъ разныя проэкты, расписываетъ «красныя яички», раздаетъ «грамотки», отдаетъ на отсѣченіе свою голову вмѣстѣ со смысломъ.

Ужели все это дѣлалъ одинъ и тотъ же человекъ, и у него достало искусства раздвоиться такимъ ужаснымъ образомъ? Или онъ, по простотѣ души своей, не вѣсть что творить? Думаешь, думаешь объ этомъ долго, и наконецъ мысль, утомленная однообразною работою, отъ Погодина переносится и къ другимъ московскимъ ученымъ и публицистамъ, и чудится ей, будто очень многіе изъ нихъ походятъ на Погодина, будто онъ рѣзкій и вполне законченный типъ московскаго ученаго, и вообще всего древнерусскаго, московскаго, или сосредоточеннаго въ Москвѣ. Появится въ Москвѣ свѣтлая голова, блестящая точка, и броситъ отъ себя нѣсколько яркихъ эссенциальныхъ лучей; взоры всей Россіи обращаются на эту точку, всѣ ожидаютъ и увѣрены, что она превратится въ великое свѣтило, въ путеводную звѣзду, которая укажетъ намъ дорогу и неуклонно поведетъ по ней. Веди, веди насъ, сердце наше—Москва! мы охотно последуемъ за тобою и твоими чадами, — умиленно говорятъ всѣ. Но вдругъ, къ общему удивленію, свѣтлая голова мрачится, свѣтлая точка меркнетъ, и вмѣсто блестящихъ лучей испускаетъ изъ себя какой-то неопредѣленный дымъ и сомнительный чадъ, и мы страдаемъ отъ горькаго разочарованія. Конечно, подобныя случаи бывають и въ сѣверной Пальмирѣ; но въ Москвѣ они повторяются какъ-то чаще, особенно въ послѣднее время. Вспомните первые юные годы «Русскаго Вѣстника»: чье сердце не дрожало при чтеніи его страницъ! сколько онъ пробудилъ въ насъ надеждъ и ожиданій самыхъ отраднѣхъ и удивительныхъ! вотъ гдѣ жизнь и живое слово, вотъ кто раскроетъ намъ глаза, выведетъ насъ изъ апатіи и подвигнетъ къ энергической дѣятельности, — думали мы, и жаждали, до самозабвенія впивались и вчитывались въ его статьи. Очарованные наставникомъ, мы вполне раздѣляли его увлеченія, вмѣстѣ съ нимъ восхищались отрадными явленіями — гласностью,

долбаными дорогами, «уничтоженіемъ шлагбаумовъ». Но времена изменились, мы невозможно поохладѣли, жаръ увлеченія остыть, сами наконецъ догадались, что дѣло не ладно, что нужно кое-что другое; а наставникъ все тянулъ старую пѣсню, продолжалъ увлекаться, разнѣжился и развалился въ самодовольствіи, и сталъ даже оправдывать самодовольствіе, находя его вполне основательнымъ и законнымъ. При имени «Русск. Вѣстника» невольно припоминается цѣлая плеяда именъ, блестящихъ нѣкогда подобно солнцу. Что говорили прежде Бабсть, Чичеринъ, Леонтьевъ? какъ волновали и наполняли радостію и надеждами наши юныя сердца? и что они говорятъ теперь, какія мысли возбуждаютъ въ умахъ и чувства въ сердцахъ? А Аксаковъ? онъ ли не обѣщалъ намъ многого? Сколько онъ представлялъ залоговъ и ручательствъ своей проевѣтительной дѣятельности, какъ прекрасно зарекомендовалъ себя! Съ какою самоувѣренностью онъ говорилъ въ объявленіи объ изданіи своей газеты, что его убѣжденія и взгляды такъ извѣстны всѣмъ, что о нихъ и толковать нечего, и что направленіе его газеты будетъ прекрасно, — это ужъ само собою разумѣется. Ну, какъ не повѣрить, и какъ не надѣяться? Но заговорилъ Аксаковъ, и тѣ, которые нетерпѣливо желали слушать его, закрыли уши, чтобы не слушать, разинули рты отъ изумленія, и тоже въ горькомъ разочарованіи повѣсили носы и опустили головы. Догадливый читатель можетъ самъ увеличить число подобныхъ примѣровъ, гдѣ люди начинаютъ за здравіе, а оканчиваютъ за упокой. Да, Погодинъ, ты (извините, — этого требуетъ ораторское движеніе) не одинъ, и ты не исключеніе; взгляни на сонмъ окружающихъ тебя ученыхъ московскихъ, и ты убѣдишься въ этомъ непремѣнно! Въ Петербургѣ подобныя метаморфозы понятны, они легко объясняются непростителствомъ климата и погоды; а чѣмъ объяснить московскія превращенія, чѣмъ? чѣмъ?... Видно, намъ не разрѣшить этого вопроса; и потому мы перевертываемъ заглавную страницу погодинаскаго разсужденія и переходимъ къ самому разсужденію. — Оно составлено на основаніи документовъ, найденныхъ г. Есиповымъ въ архивахъ. Вотъ результаты, извлеченные изъ нихъ г. Погодинымъ:

«Около царевича, съ самыхъ молодыхъ его лѣтъ, находилось нѣсколько лицъ, составлявшихъ какое-то особое дружеское общество; они имѣли свои виды и дѣйствовали сообща, въ отдаленіи отъ прочихъ, наблюдая разныя предосторожности: говорили между собою, а иногда и переписывались, языкомъ условнымъ, употребляли тайныя азбуки (1). Дѣло о ностриженной царицѣ поднято, безъ всякаго сомнѣнія, по отношенію, какое она и ее окружавшіе имѣли къ царевичу. Всѣ они захвачены и привезены въ Москву, лишь только начался розыскъ. Между тѣмъ, во всемъ этомъ дѣлѣ, во всемъ розыскѣ, нѣтъ

ни слова о царевичѣ. Выбраны для осужденія ихъ совѣтъ другія вины — оставленіе монашескаго платья, поминаніе на октоиарѣ, связь съ Глѣбовымъ. Всѣ эти вины такого рода, что не могли влечь за собою подобнаго уголовного наказанія. Они извѣстны были предъ и оставались безъ вниманія. Предать ихъ теперь суду, счесть ихъ достойными такого страшнаго наказанія, — было дѣйствиємъ другаго разсчета и вмѣстѣ совершеннаго произвола — новое разительное доказательство искусственности, недобросовѣстности процесса. Еслибъ Петръ рѣшилъ кончить дѣло съ женою и сыномъ самъ по себѣ, безъ суда, безъ манифестовъ, безъ цитатъ изъ св. писанія, изъ уложенія, то его оправдать, или, по крайней мѣрѣ, собрать *circumstances attenuantes* въ его пользу, объяснить, было бы для безпристрастнаго исследователя гораздо легче (VI). Всего важнѣе въ добытыхъ нами результатахъ *эрема*, къ которому они относятся. Мы теперь знаемъ положительно, что уже въ 1704 г., слѣдовательно, когда царевичу было едва 14 лѣтъ, ожидалась перемѣна обстоятельствъ; что въ 1706 году были уже тайныя свиданія, употреблялся условный языкъ, соблюдалась осторожность, выражалось неудовольствіе, происходили широкія и т. д.» (XVII). — Нѣскольکو крупницъ, но и они интересны, и важны для дѣла.

Очень интересно также письмо одного помѣщика къ губернатору, подъ такимъ заглавіемъ: «Практическое защищеніе противъ иностранцевъ существующей нынѣ въ Россіи подчиненности поселенъ ихъ помѣщикамъ, или соглашеніе сей подчиненности со всеобщими началами монархическаго правленія и государственной полиціи, также и съ истиннымъ благосостояніемъ человѣчества». Можно не раздѣлять мыслей, изложенныхъ въ письмѣ, но нельзя не уважать его за послѣдательность, за строгое и стройное проведеніе одной общей мысли.

«Въ юности», писалъ помѣщикъ, «я не избѣжалъ соблазна отъ живыхъ прелестей французскаго переворота, который не только въ губерніи нашей, но и до глубины самой Сибири простеръ свое вліяніе на молодые умы. Обманутое воображеніе наше носилось въ мечтательномъ мірѣ, который предполагаетъ людей совершенными, достойными вольности неограниченной, и власть дѣлаетъ только выраженіемъ общей воли. Разсѣялась сія мечта для всѣхъ и для меня; власть въ умахъ, самыхъ предубѣжденныхъ противъ нея, стала тѣмъ, чѣмъ была она искони, то есть однимъ изъ первѣйшихъ средствъ, Произдѣніемъ употребляемыхъ для нашего счастья, не выраженіемъ общей воли, но изліяніемъ самаго божества, которое на единначаліи и постепенно внаходящей подчиненности основало всю природу. — По истинѣ должно удивляться, что нѣкоторые слѣды прошедшаго наступленія имѣютъ еще и понынѣ мѣсто. Люди, впрочемъ, мечтатели».

признавая необходимость монархїи въ большихъ массахъ, продолжаютъ отвергать оную въ меньшихъ, изъ коихъ первыя состоятъ. Какъ будто могутъ быть, въ одномъ и томъ же отношенїи вещей между собою, начала различныя? — Политическія истины, коль скоро онѣ признаны таковыми, *необходимо должны быть повсюду и во всякъ приложимы къ истинамъ*. Признавать, что самодержцы, а не національные конвенты, нужны для большихъ обществъ, государствами называемыхъ, и въ то же время воображать, яко бы общества ослѣпшія (крестьянскія) могутъ быть на республиканскихъ началахъ (самовравленіе) — это совершенно то же, какъ притягательную силу признавать во всей солнечной системѣ, но отвергать ее въ каждой планетѣ» (стр. 173). — «Сокращаю мои разсужденія. Но образъ мыслей, который на нихъ основывается, есть слѣдующій: въ государствѣ монархическомъ всѣ подраздѣленія его должны быть монархическія же; одни начала должны быть разлиты во всѣхъ вѣтвяхъ сего великаго тѣла, дабы они имѣли между собою прочную связь. И слѣдовательно, помѣщики, для благоденствія селеній земледѣльческихъ, почти столько же нужны, сколько монархъ для подданныхъ вообще» (стр. 139). — «Помѣщика я разумю наслѣдственнымъ чиновникомъ, которому верховная власть, давъ землю для населенія, чрезъ то ввѣрила ему поученіе о людяхъ (крестьянахъ), на оной жить имѣющихъ, и за нихъ во всѣхъ случаяхъ отвѣтственность. Онъ есть природный покровитель сихъ людей, ихъ гражданскій судья, наблюдатель за благоустройствомъ и нравами, — однимъ словомъ, въ отношенїи къ государству, онъ есть ихъ генераль-губернаторъ въ маломъ видѣ» (стр. 141). — «Крестьяне, конечно, мнѣ принадлежатъ, но не въ швомъ смыслѣ, какъ дѣти принадлежатъ своимъ отцамъ и подданные во всякомъ монархическомъ правленїи своимъ государямъ» (стр. 141). — «Россійскіе помѣщики, по разуму законовъ своего отечества, не что иное, какъ наместники своихъ великихъ государей, каждый по ввѣренной ему наслѣдственно части. Право на пожалованныя имъ въ собственность земли соединено съ правами полицїи и суда въ той же окружности. Слѣдовательно, предметъ сихъ послѣднихъ, люди, должны необходимо и преимущественно приниматься въ разсужденіе» (стр. 142). — «Гіерархическая зависимость есть древняя, до нынѣ въ буряхъ вѣковъ и перемѣнъ въ Россїи уцѣлѣвшая нить, связующая государя съ послѣднимъ изъ его подданныхъ. Политическія истины наши основываются не на Парижской Энциклопедїи, но на Энциклопедїи, которая несравненно старѣе, — на Библіи. Цари наши не суть репрезентанты народовъ: негѣное и вмѣстѣ безчеловѣчное мечтанїе! но репрезентанты того, который владѣеть царствами, и ему же хочется, дать. Въ нашей системѣ каждый членъ великой лѣствицы существуетъ

представляет для подчиненныхъ себѣ то первообразное лицо, которое его на грѣсу поставило. Симъ обезпечивается подчиненность, а благоговѣнною такою подчиненностію обезпечивается общій порядокъ въ государствѣ. Государь, средоточіе подчиненности и порядка, привдающее постепенно все въ движеніе, озаряющее собою все, есть уже послѣдній предметъ, который могутъ видѣть брѣвныя очи. Но гіерархическая нить, и скрываясь отъ насъ, еще восходитъ. Она кончится тамъ, у престола монарха міровъ. Покланяюсь тебѣ, величественная простота началъ предвѣчныхъ! Ты удовлетвори мнѣ мои болѣе, нежели всѣ хитросплетенія человѣческія» (стр. 175).—«Наша Россійскіе законы въ существѣ своемъ превосходятъ. При ближайшемъ разсматриваніи, смыслъ ихъ совершенно согласенъ съ истинами религіи. И если время сдѣлало нужнымъ нѣкоторое ихъ преобразование, то сіе преобразование должно быть не перемѣна (сохрани насъ отъ того, великій Боже!), а только изложеніе ихъ устами чело-вѣколюбія. Москва, 1810 года» (стр. 176).

Отголоски славянской поэзіи. Москва. 1861.

Панславизмъ никакъ не хочетъ уговориться и рѣшительно не даетъ намъ покою; куда ни помотришь, вездѣ заявляются панславистскія тенденціи, ищущія цѣлью снова подогрѣть и воспламенить уже было остывшія радужныя мечты о соединеніи великаго славянскаго племени во едину семью, главою которой и оплотомъ будемъ мы, взлѣбленные судьбою, отлично воспитанные и приготовленные къ своей будущей роли—отцовъ славянской семьи. Вотъ даже поэзію обращаютъ въ орудіе панславизма; отголосками гнѣсней славянской музы хотѣтъ растрогать наши каменные сердца, исторгнуть изъ нихъ ненависть къ славянамъ, и пробудить сочувствіе и любовь къ нимъ. «Въ настоящую пору», говоритъ составитель и переводчикъ, «Отголосковъ славянской поэзіи», «когда славянскій міръ начинаетъ пробуждать сочувствіе въ русскомъ обществѣ—въ Европѣ ужъ давно интересуются славянами—можетъ быть нелишнимъ и появленіе настоящей книжки. Въ Австріи очень верѣдко выходятъ подобные сборники нѣмецкихъ переводовъ изъ славянскихъ поэтовъ. Въ этомъ отношеніи намъ не стыдно было бы хоть не отстать даже и отъ австрійскихъ славянофиловъ!... М. П-ій.» Эко чѣмъ вздумали соблазнять насъ, примѣромъ австрійскихъ славянофиловъ; куда какая большая честь—состязаться съ ними! Напротивъ, въ томъ-то и бѣда наша, что мы понимаемъ панславизмъ съ австрійской точки зрѣнія и стремимся къ нему по методу австрійской. Вѣдь воѣ австрійцы, нельзя сказать, чтобы они ненавидѣли славянъ; совершенно напротивъ, они любятъ славянъ, дорожатъ ими

какъ велика больше, и употребляютъ всё шёры къ тому, чтобы быть съ ними во единой великой семьѣ австрійской. А славяне желаютъ прервать съ ними семейныя связи, чѣмъ и возбуждаютъ неудовольствіе въ австрійцахъ, не желающихъ нарушать цѣльность семьи. Задушени итѣ своимъ домоу и особой семьей, славяне стараются обзавестись всѣмъ необходимымъ для самостоятельной жизни, готовить и запасать для себя языкъ, литературу, поэзію, пѣсни. Австрійцы же стараются препятствовать такимъ приготовленіямъ и уничтожать эти запасы, явно клонящіеся къ разрыву общей единой семьи, и естественно, не любятъ славянскихъ языковъ и литературы. Не имѣй славяне никакихъ заднихъ мыслей, разрушительныхъ для единства семьи, австрійцы любили бы ихъ поэзію и литературу, восхищались бы ихъ народною рѣчью и пѣснями.—Мы—не австрійцы, наше дѣло сторона, и потому мы любимъ славянъ совершенно бескорытно; вѣдь странно же въ самомъ дѣлѣ предположить, что мы питаемъ къ нимъ ненависть такъ себѣ ни съ того—ни съ сего; это дьявольское, а не человѣческое чувство. И человѣкъ можетъ ненавидѣть, но только тогда, когда есть для этого какая нибудь причина, а вообще-то говоря, онъ склоненъ больше къ любви, чѣмъ къ ненависти; онъ можетъ быть равнодушнымъ, а все-таки не станетъ ненавидѣть людей, которые ему ничего не сдѣлали худаго, какъ намъ славяне. Мало того, мы сочувствуемъ славянамъ, потому что мы знаемъ ихъ страданія, ихъ бѣдственное положеніе, легко можемъ представить себѣ, какъ горько ихъ житье. Это все очень естественно; всякое страданіе вызываетъ наше участіе и состраданіе; намъ жаль страдающихъ и угнетаемыхъ племенъ, хоть бы даже они и не были славянскими. Тѣмъ болѣе намъ должно быть жаль славянъ; они все-таки приходятся съ-родни намъ; мы сочувствуемъ имъ, желаемъ имъ всякаго добра, и очень рады были бы помочь имъ въ ихъ бѣдственномъ положеніи, если бы только для того были у насъ средства. А безъ средствъ, все наше сочувствіе и состраданіе совершенно напрасно и рѣшительно не принесетъ никакой пользы славянамъ. Принимая во вниманіе эти соображенія, мы рѣшительно не можемъ понять, изъ-за чего хлопочутъ и чего добиваются панслависты. Зачѣмъ они взываютъ къ намъ о помощи и сочувствіи страдающимъ славянамъ, когда мы никакимъ образомъ не въ состояніи помочь имъ, зачѣмъ они стараются разжечь въ насъ любовь и состраданіе къ славянамъ трогательнымъ изображеніемъ ихъ несчастной доли, когда эта любовь и безъ того есть у насъ, и мы хорошо знаемъ и понимаемъ ихъ несчастія? Это одно показываетъ, что панслависты хотятъ возбудить въ насъ любовь къ славянамъ не обыкновенную, а австрійскую, требуютъ, чтобы мы заботились о славянахъ такъ, какъ заботятся о нихъ австрійцы,

чтобы мы выражали дѣлательное желаніе быть съ славянами въ одной общей семьѣ; и это требованіе предлагають не намъ только, существамъ слабымъ и бессильнымъ, но и тѣмъ, которые посылалъ насъ и побольше имѣють средствъ къ тому, чтобы свое острое остраданіе выразить въ дѣлательной помощи такъ или иначе объединивъ и округливъ семью славянскую. Такимъ образомъ въ своихъ планахъ панслависты нисколько не измѣняютъ и не облегчаютъ участи славянъ; изъ одной семьи славяне походятъ въ другую, и все-таки имъ не удастся пожить своимъ домомъ и насладиться прелестью собственного и самостоятельнаго хозяйства и хозяйничанья. Теперь панслависты любятъ, вопреки австрійцамъ, славянскую поэзію; но въ случаѣ осуществленія ихъ плановъ, когда все славянство соединится въ «единую великую семью», они сами будутъ косо поглядывать на поученія славянъ о своей поэзіи, будутъ, подобно австрійцамъ, видѣть въ этихъ поученіяхъ попытки къ самостоятельному житію и возушенія на цѣлость семьи, и къ концу концовъ славянамъ придется жить не припѣваячи и самостоятельно, а съ покорностью и подчиненіемъ. Этого не понимаютъ и не предвидятъ славянскіе поэты и всѣ вообще славяне; а потому и сочувствуютъ панславистамъ, видя въ нихъ своихъ благодѣтелей, горячо принимаютъ къ сердцу панславистскія тенденціи и планы, ожидая своего спасенія отъ осуществленія ихъ. Дружба и любовь славянскихъ поэтовъ къ панславистамъ основывается такимъ образомъ на недоразумѣніи. Славянскіе и русскіе поэты поютъ повидимому согласно, но вслушавшись со стороны въ ихъ пѣніе, вы легко замѣтите диссонансы, неслышимые для нихъ самихъ. Первое стихотвореніе, помѣщенное въ «Отголоскахъ» и, вѣроятно принадлежащее самому собирателю, называется «Славянскій поэтъ русскому.» Въ немъ славянскій поэтъ завидуетъ русскому, воображая, что ничего на свѣтѣ не можетъ быть лучше положенія русскаго поэта; ты, говоритъ, собратъ, получаешь лавровые вѣнки, ты ловишь миллионы братій, у тебя вездѣ и просторно и свѣтло, не то что у насъ; ты веселъ и беззаботенъ, поешь какъ птичка на вѣточкѣ:

Пою, молодой пѣвецъ! Твой не напрасенъ трудъ:
 Твои слова миллионы братій ловятъ!
 Твои соотчичи давно поэтовъ ждуть
 И нѣмъ вѣнцы лавровые готовить.
 У насъ — у насъ вездѣ и тѣсно и темно:
 Былаго тяжкаго, звать, не сорвешь печати!
 Удѣлъ униженныхъ — отчаянье одно!
 Какую пѣснь теперь для нихъ запоешь *кстати?*

И славянскій поэтъ, конечно, доволенъ своимъ стихотвореніемъ.

вообразил, что *онъ* *сказалъ* *сущую* *правду*, что *онъ* *мадригалъ* *есть* *чистая* *монета*, и *русскій* *поэтъ* *вполнѣ* *съ* *нимъ* *согласится*. Другой славянскій поэтъ Челаковскій обращается уже не къ русскому поэту, а ко всемъ дѣтямъ Руси съ такою пѣсней:

Подъ Москвой святой, подъ родимую,
Много храбраго войска русскаго,
Много воинства и французскаго
Ко сырой землѣ влонить голову....
Дѣти вѣрные родной матери,
Вы защитники милой родины,
Вы заступники царя добраго!

Мы совершили, говорятъ, «панихиду вамъ», какой свѣтъ не видалъ; у насъ не было много свѣчей и воску яраго, а потому мы заждали только одну свѣчку и поставили ее во храмъ Божию:

Лишь одну свѣчу — Москву-матушку....
Вамъ, друзьямъ нашимъ, въ упокой души,
А врагамъ лихимъ — къ посрамленію.

И славянскій поэтъ воображаетъ, что онъ *сказалъ* *друзьямъ* *своимъ* *отчаянный* *комплиментъ*. Третій славянскій поэтъ предлагалъ панславистамъ условія и способъ соединенія всѣхъ славянъ въ одну семью, простодушно воображая, что панслависты согласятся на нихъ безрекетно. Можетъ быть, какой нибудь панславистскій поэтъ и увѣрилъ его въ этомъ и въ стихахъ согласился принять предложенныя условія, хотя его собратья панслависты на дѣлѣ никогда не примутъ ихъ и потребуютъ другаго способа соединенія. Вотъ что именно говорилъ этотъ простодушный славянскій поэтъ, Антоній Сова (Желиговскій).

Собратія мои по духу и по крови —
Хоть въ *разныхъ* *впрахъ* мы отцами крещены,
Хоть мы и *разошлись* между собою *въ слова*, —
Мы всѣ въ одной цѣпи быть звѣнями должны!

....Но то для сердца больно,
Что помрачатся дѣянія людей!
Какой-то злобный духъ надъ ними своевольно
Распространяетъ мракъ темнѣе и темнѣй.

Тамъ знамя «жи» считается народнымъ,
И возбуждаетъ лишь безмысленный восторгъ,
Святое все слыветъ отверженнымъ, бесплоднымъ,
И честь дешеваа выносятся на торгъ.

Теперь сознали мы — въ новой стремимся требѣ:
 Теперь не надо намъ чужихъ земель, знаменъ,
 Мы всё нуждаемся въ одномъ насущномъ хлѣбѣ,
 И тотъ насущный хлѣбъ — есть счастье племенъ!

На то, чтобы всѣмъ быть «въ одной цѣпи», въ одной семьѣ, панслависты согласятся; но на другія условія — ни за что, держимъ какое угодно пари. Братья по духу должны быть братьями по вѣрѣ, имѣть одну вѣру; братья же по крови не должны расходиться въ словѣ, а иначе будетъ существовать постоянная опасность для цѣлости и нераздѣльности семьи. Далѣе, панслависты знамя «лжи» именно считаютъ народнымъ и съ большимъ трудомъ откажутся отъ этого знамени, если только откажутся. Наконецъ, славяне, по словамъ Антонія Совы, не хотятъ «чужихъ земель»; главная цѣль ихъ стремлений «есть счастье племенъ»; тогда какъ главная цѣль панславистскихъ стремлений есть панславизмъ, соединеніе и цѣлость семьи, съ австрійской точки зрѣнія. Будутъ ли счастливы племена или нѣтъ, объ этомъ, какъ показалъ опытъ, панслависты не думаютъ; забота ихъ главнымъ образомъ устремлена на то, чтобы всѣ славянскія племена соединились въ одну семью, большую и грандіозную. Инымъ племенамъ придется жутко, неудобства совокупной семейной жизни возрастутъ для него до ужасныхъ размѣровъ; но они все должны переносить спокойно и терпѣть благодушно, и изъ-за этого не нарушать общаго единства; всякое покушеніе на цѣлость семьи, всякая попытка уйти отъ семейныхъ непріятностей и высвободиться изъ-подъ семейнаго гнета, есть преступленіе и безуміе. — дѣло совершенно противное коренному славянскому духу, семейственному и общинному. У малоруссовъ, какъ извѣстно, семья дробится слишкомъ и распадается скоро. Отецъ имѣетъ, на примѣръ, одного женатаго сына; какъ только у сына выйдутъ непріятности съ отцомъ, или у его жены — съ свекровью, онъ тотчасъ же удаляется отъ отца, оставляетъ старую семью и заводитъ свой домъ, новую семью; хоть это бываетъ иногда сопряжено съ издержками, но сынъ не обращаетъ на нихъ вниманія, только бы избавиться отъ постоянной, вѣчной вражды и ссоръ. Но вѣдь за то «День» и не долубливаетъ малоруссовъ, какъ плохихъ представителей славянскаго начала. У великоруссовъ, истыхъ славянъ, бываетъ не такъ. У много отца пять сыновей, и всѣ они женатые; съ отцомъ у нихъ отношенія самыя натянутыя, постоянно встрѣчаются недоразумѣнія, непріятности; снохи грызутся между собою, какъ собаки, изъ-за нихъ перессорятся и братья; — настоящій адъ. Однако всѣ живутъ вмѣстѣ, строго блюдутъ цѣлость и неприкосновенность семьи. Таковъ и у панславистовъ идеалъ обще-славянской семьи. Славяне имѣютъ совершенно противоположный идеалъ, у нихъ на

переводъ ильгѣ на цѣлость и величина семьи, а счастье племенъ. А они между тѣмъ воображаютъ, что совершенно сходятся съ панславистами, и думаютъ, что идутъ съ ними къ одной цѣли. И такихъ недоразумѣній множество; поэзія и восторженность съ той жъ съ другой стороны мѣшаютъ расирѣлю и разъясненію такихъ недоразумѣній.

Но какова бы ни была цѣль панславизма, посмотримъ, какъ достигаютъ этой цѣли «Отголоски славянской поэзіи», способны ли они пробудить въ русскомъ обществѣ сочувствіе къ славянскому міру и его поэзіи. Если въ славянской поэзіи нѣтъ произведеній лучше тѣхъ, какія переведены въ «Отголоскахъ», и если переведенныя также хороши и въ оригиналѣ, какъ въ переводѣ, то дѣйствительно славянская поэзія достойна жалости, и «Отголоски» ея способны возбудить состраданіе къ ней, а не то что сочувствіе. Почти всѣ собранныя въ нихъ стихотворенія имѣютъ такой сюжетъ: *онъ*, милый, обращается къ *ней*, милой, и всегда фамильярно на *ты*, и всегда обращается за тѣмъ, чтобы сказать ей какіе нибудь пустяки, — и говоритъ, говоритъ то какъ.... Да вотъ послушайте сами какъ:

«Долой нѣз намати!...» Нѣтъ! Этого завѣта
Невласты выполнить — ни я, ни даже *ты*.

Чѣмъ далѣе предметъ поставленъ колоссальнѣй,
Тѣмъ больше за собой отбрасываетъ тѣнь;
Чѣмъ дальше буду я, тѣмъ образъ мой печальный
Скорѣе омрачить тоской твой ясный день!

РАЗГОВОРЪ.

«О милый другъ, зачѣмъ съ тобою *говорю* я,
Когда себя хочу я высказать вполнѣ?
Зачѣмъ души моей въ твою *не перелю* я, и т. д.
Какъ въ летаргій, я рѣшительно не въ силахъ
Дать знать, что кровь еще струится въ этихъ жилахъ, и проч.

СОМНѢНІЕ.

«Ты покоя жаждешь? Ты желаешь счастья?
Я за нихъ радъ—въ битву, радъ за нихъ хоть *пастъ* я, и проч.

СОНЪ.

«Пусть съ вечера, предъ утромъ (?) разставаны,
Послѣдніе часы незримо пролетятъ
Въ любви.... лишь при концѣ послѣдняго свиданья
Ты дашь отравы мнѣ (?): я жадно выпью ядъ, и т. д.

ВЛЕГІЯ.

«Нѣтъ! въ глубь души моей *ты* загляни сначала;
На двѣ ея найдешь немало перловъ *ты*:
Тамъ есть чувствительность, тамъ много *доброты*», и т. д.

Отгадайте, чьи это такія стихотворенія; это все Мицкевича; да,

его, — хорошъ вкусъ у нашего пашелависта, *написалъ, чѣмъ пошевелиться отъ Мицкевича. А вотъ образчикъ и отголосокъ Сыромослава:*

«Хочу я быть съ тобой при всѣхъ, всегда открыто,
И ручки мать твою, не муча и врага
Сокрытой тайною, сомнѣшь ли доверити...
Хочу при всѣхъ сказать — какъ ты мнѣ дорога! и т. д.

А она упорно путь мой устлала терномъ:
Все во мнѣ—и умъ, и чувство—имъ казалось чернымъ.
И за что мнѣ этижъ платать?... всюду ставить сѣти?
Вѣдь и мнѣ немощно счастья надобно жъ на свѣтѣ», и т. д.

слезы.

(Изъ *Одынца*).

«Жаркія слезы въ часы разставанья
Жгутъ, словно пламень, ланиты:
Только послѣднее наше свиданье,
Милый мой другъ, вспомни ты....» и т. д.

Что за странность такая? все ты, да ты, мой другъ; ужели нѣтъ въ славянской поэзіи какихъ нибудь другихъ мотивовъ, болѣе глубокихъ и болѣе серьезныхъ. Гдѣ же выраженія тѣхъ страданій, которыя терпятъ наши братья по духу и по крови; гдѣ поэтическіе стоны, которые невольно вырывались изъ ихъ растерзанной груди? И удивительное дѣло, даже въ народныхъ пѣсняхъ славянскихъ, переведенныхъ въ «Отголоскахъ», ничего нѣтъ, кромѣ того же «ты». Вѣроятно, переводчикъ нарочно выбиралъ ихъ, потому что ему хорошо удаются рѣшмы на ты, да еще на я. Вотъ, на примѣръ, чешская народная пѣсня:

«И куда, мой другъ, ты ѣдешь?
Тамъ вѣдь нѣтъ и слѣду!...
Но куда ни повернешь ты —
Я съ тобой поѣду.»

А вотъ пѣсни сербскія.

1.

«Помнишь, милая, когда моею ты стала,
Какъ рыдала ты, къ моей прижавши груди,
Какъ сквозь слезы ты мнѣ говорила»: и проч.

2.

«— Неужели ты ужъ вышла замужъ?»
— Вышла, милый.... у меня ужъ сынъ есть», и т. д.

3.

«Ахъ ты, роза, ты румяная!
Что такъ рано распустилась ты?»

Для кого же мнѣ сорвать мха?
 Для родной сорвала бы я,
 Да лежитъ она въ сырой землѣ;
 Для сестрицы сорвала бы я,
 И для брата сорвала бы я, и проч. и проч.

Хороши «Отголоски»; и «появленіе настоящей книжки не лишне».

Этюды. Популярныя чтенія Шлейдена. Переводъ съ нѣмецкаго, профессора московскаго университета *Калиновскаго*. Москва. 1861.

Шлейденъ приобрѣлъ себѣ извѣстность въ ученомъ мірѣ своими трудами и открытіями по части ботаники и растительной физиологіи; а публикѣ неученой онъ извѣстенъ, какъ авторъ популярнаго сочиненія «Растеніе и его жизнь». Ботаника, какъ видите, это его специальность; ею онъ занимался съ успѣхомъ, приобрѣлъ себѣ порядочную репутацию, какъ знатокъ своего дѣла, отлично владѣлъ микроскопомъ и анатомическимъ ножичкомъ, умѣлъ слѣдить за растительною пылью и плодотворными крупинками, — кажется, чего же больше? И слѣдовало бы ему всегда подвизаться на этомъ поприщѣ, гдѣ онъ былъ какъ дома, какъ въ своей тарелкѣ; такъ нѣтъ же, область ботаники показалась ему тѣсною, онъ рванулся въ другія области и другія сферы, воображая, что и здѣсь ему будетъ такъ же привольно какъ въ ботаникѣ, и здѣсь онъ не окомпрометируетъ себя и сдѣлается мастеромъ дѣла. Слѣдствіемъ такого порыва и были многія неботаническія статьи Шлейдена, нѣсколько скандализировавшія его ученость, въ томъ числѣ и настоящіе «Этюды». Содержаніе ихъ самое разнообразное: душа растений, мечтаніе естествоиспытателя въ лунную ночь, Валленштейнъ и астрологія, волшебство и суевѣріе, природа звуковъ и звуки въ природѣ и т. д. Но самый интересный этюдъ, это — Сведенборгъ и суевѣріе; уже одно имя Сведенборга невольно тянетъ вниманіе къ этому этюду.

Сведенборгъ былъ человѣкъ весьма замѣчательный по своей странной судьбѣ и по тому перевороту, который случился въ его голоуѣ. Въ свое время онъ былъ знаменитымъ первокласснымъ ученымъ, отлично зналъ математику, астрономію, физику и другія естественныя науки; не одна теоретическая сторона этихъ наукъ занимала его; онъ трудился надъ ихъ практическимъ примѣненіемъ, писалъ практическія и техническія сочиненія, сдѣлалъ много разныхъ улучшеній въ производствахъ и промышленности, усовершенствовалъ и почти совершенно преобразовалъ горное дѣло въ своемъ отечествѣ, Швеціи.

Никакъ нельзя было ожидать отъ такого практическаго человѣка какихъ нибудь мечтательныхъ странностей. И вдругъ въ 1747 году онъ удалился отъ всѣхъ дѣловыхъ занятій, сталъ часто уединяться и увѣрялъ всѣхъ, что душа и духовное тѣло его иногда отрѣшаются отъ естественной плоти. Въ этомъ состояніи онъ будто бы могъ путешествовать по планетамъ и другимъ небеснымъ тѣламъ, могъ видѣть и слышать все, что тамъ дѣлается. Онъ издавалъ описанія своихъ путешествій и въ нихъ рассказывалъ свои наблюденія; говорилъ, что духи на небесахъ ведутъ ученые диспуты о предметахъ, занимающихъ и насъ земнородныхъ, что на нѣкоторыхъ планетахъ живутъ существа, непохожія на людей, имѣющія шарообразную форму, а на другихъ совершенно схожія съ людьми, но только неумѣющія произносить буквы «и» и «е»; видалъ онъ тамъ и умершихъ людей, ихъ занятія, образъ жизни и развлеченія, разговаривалъ и толковалъ съ ними, бесѣдовалъ съ Лютеромъ, Магометомъ и другими. Какъ ни странны были его рассказы и увѣренія, однакожь нашлись люди, которые отъ всей души повѣрили имъ, признали Сведенборга за духовидца и человѣка необыкновеннаго, и образовали большую секту, которая существуетъ и до сихъ поръ, твердо вѣруя въ истину словъ Сведенборга, и которая, говорятъ, въ послѣднее время даже сильно стала увеличиваться. — Сведенборгъ не единственное явленіе въ своемъ родѣ; исторія представляетъ много личностей, подобныхъ ему, которыя тоже проповѣдывали и выдавали за истину разныя сказки и несбыточные фантазіи, говорили то, что совершенно противно здравому смыслу и всей природѣ человѣка. Однакожь имъ вѣрили, и многіе изъ нихъ пріобрѣтали многочисленныя кружки и секты послѣдователей. Что же это за личности такія, и что имъ за охота была проповѣдывать разныя небылицы и увѣрять людей въ очевидныхъ негѣпотяхъ? «При размысленіи о Сведенборгѣ», говоритъ Шлейденъ, «невольно рождается вопросъ: былъ ли онъ плутъ, трунившій надъ простою легковѣрныхъ читателей, былъ ли обманщикъ, подъ личиною религіознаго мечтательства набиравшій послѣдователей для корыстныхъ цѣлей? На это мы отвѣчаемъ съ полною увѣренностью: нѣтъ, онъ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ.» Въ доказательство онъ указываетъ на честный и благородный характеръ Сведенборга и на все его поведеніе. То же самое можно сказать и о всѣхъ другихъ мечтателяхъ, имѣвшихъ послѣдователей, подобно Сведенборгу; они не были ни обманщиками, ни плутами, отличались строгостью жизни, честнымъ характеромъ и безукоризненнымъ поведеніемъ. Но этого мало; если бы Сведенборгъ и ему подобныя дѣйствовали обманомъ, они бы не имѣли послѣдователей. Человѣкъ, говорящій неискренно, если и можетъ увлечь кого нибудь, то во всякомъ случаѣ не надолго;

сѣти обмана очень непрочны; кто нибудь изъ обманутыхъ можетъ рано или поздно замѣтить ихъ и образумить другихъ, и тогда горе обманщику, довѣріе къ нему терлется навсегда. Легковѣріе удобно поддается обману, но также удобно и оставляетъ его. Только искренность убѣжденія даетъ человѣку силу, покоряющую умъ и сердце другаго. «Кто же былъ Сведенборъ?» спрашиваетъ Шлейденъ. «Скажемъ отвѣчаеъ онъ же, категорически: помѣшанный, но добродушный и совершенно безвредный. Если бы онъ клялся всѣмъ для него священнымъ, что онъ подлинно видѣлъ и слышалъ все, о чемъ рассказываетъ, то это нисколько не мѣшаетъ ему оставаться въ то же время вполне честнымъ и правдивымъ человѣкомъ». Это вполне можетъ быть примѣнено и къ другимъ восторженнымъ мечтателямъ въ родѣ Сведенборга. Они твердо были убѣждены въ томъ, что проповѣдывали, и говорили то, что хотя и было въ существѣ дѣла негнѣпостью и вздоромъ, но имъ казалось истиной вслѣдствіе ихъ умственного расстройства; всѣ необыкновенные случаи, происходившіе только въ ихъ разстроенномъ воображеніи, представлялись имъ, по той же причинѣ, дѣйствительными фактами. Поэтому они твердо стояли за свою истину, готовы были жертвовать для нея всѣмъ, даже самою жизнью; это-то и сообщало ихъ словамъ убѣдительность и силу, которой трудно было противиться. Но эта истина есть истина для нихъ, людей нездоровыхъ умомъ; а для другихъ, для здраваго ума, она есть ложь, которой не слѣдуетъ вѣрять, несмотря на всѣ ихъ клятвы и жертвы, такъ соблазнительно дѣйствующія на сердце. Строго говоря, они обманывали другихъ, потому что обманывались сами, и такимъ образомъ, вмѣсто истины, или вмѣстѣ съ частицей истины, распространяли въ большомъ количествѣ ложь и неправду, которая соблазняла и губила многихъ, такъ какъ она противорѣчила основнымъ началамъ здраваго смысла. Поэтому ихъ никакъ нельзя назвать «безвредными»; они стѣсняли человѣческій разумъ и колебали его довѣріе къ своимъ силамъ. Разумъ видѣлъ въ ихъ словахъ противорѣчіе своимъ законамъ и не могъ принять ихъ положеній; но чувство, увлеченное искренностію проповѣди, невольно выкело и его къ принятію этихъ положеній; онъ начиналъ сомнѣваться въ вѣрности своихъ законовъ, наконецъ совершенно отказывался отъ нихъ, подчинялся чувству и нерѣдко приходилъ къ такому заключенію, что законы и требованія чувства вѣрнѣе и обязательнѣе законовъ и требованій ума даже въ той области, которая исключительно принадлежитъ уму. Все это должно было чрезвычайно замедлить развитіе ума. — Отчего же происходитъ то, что мечтатели несуществующіе предметы признаютъ дѣйствительными, и откуда у нихъ самихъ берется увѣренность въ дѣйствительномъ бытіи этихъ предметовъ? На это Шлейденъ отвѣчаетъ такъ:

«Велѣдотіе болѣзненнаго состоянія (въ чемъ бы оно ни заключалось, положимъ даже въ одномъ только нарушеніи равновѣсія нервной силы въ отдѣльных частяхъ нервной системы, что легко можетъ произойти отъ односторонняго упражненія извѣстныхъ группъ нервныхъ волоконъ), дѣятельность мозговыхъ волоконъ, обуславливающая представленіе опредѣленнаго предмета, можетъ быть до того жива, что распространяется на зрительный нервъ и, какъ скоро это случилось, человѣкъ теряетъ единственную возможность отличать мысленныя изображенія отъ дѣйствительныхъ. Тогда происходитъ то, что научно называютъ галлюцинаціями, или обманами чувствъ. Человѣкъ видитъ несуществующіе передъ нимъ предметы такъ ясно и отчетливо, какъ дѣйствительные, слышать голоса тамъ, гдѣ никто не говоритъ, а самого себя почитаетъ въ то же время лишь пассивнымъ зрителемъ всей этой фантазмагоріи.

«Это-то и было съ Сведенборгомъ. Получивши уже въ ранней молодости ложное направленіе, по своей юношеской впечатлительности и потому, что отецъ его тоже имѣлъ большую наклонность къ мистической теософіи, Сведенборгъ поддерживалъ это направленіе, предаваясь непомирнымъ богословскимъ занятіямъ, и неосторожно углубляясь въ философскія изслѣдованія. Усиленный трудъ, ночныя занятія, постоянное умственное напряженіе должны были произвести, даже и въ его жѣлзномъ организмѣ, нѣкоторыя разстройства; наивно рассказанная имъ самимъ комическая сцена перваго его видѣнія наводитъ насъ на причину умственнаго его разстройства, заключающуюся въ брюшныхъ зазалахъ. Поужинавъ плотно поздно вечеромъ въ одномъ лондонскомъ трактирѣ, къ концу ужина онъ увидѣлъ передъ собою облако, а въ другъ комнату позающихъ отвратительныхъ пресмыкающихся, змій и жабъ. Вскорѣ затѣмъ этотъ мракъ разсѣялся, и тогда, въ углу комнаты, посреди яснаго блестящаго свѣта, онъ увидалъ человѣка, который страшнымъ голосомъ закричалъ ему: «не ѣшь такъ много». Эти явные признаки сильныхъ приливовъ крови къ головѣ, повторявшихся потомъ при всѣхъ его видѣніяхъ, началось его помѣшательство; оно продолжалось цѣлые 27 лѣтъ, составляя въ полномъ смыслѣ слова счастіе его жизни. Вслѣдствіе этого особеннаго вида умственнаго разстройства, онъ невольно принималъ результаты пытливыхъ своихъ изслѣдованій и собственнаго здраваго разума за сообщенія постороннихъ, или самихъ созданныхъ образовъ; а потому онъ твердо вѣрилъ во все чудесное и невѣроятное.»

Это объясненіе совершенно справедливо и въ приложеніи ко всѣмъ мечтателямъ, принявшимъ свои фантазіи за истину. Если бы намъ извѣстна была жизнь каждаго изъ нихъ съ такими исторически вѣрными подробностями, какія мы знаемъ о Сведенборгѣ, то мы могли бы найти объясненіе и истолкованіе ихъ фантазій въ разныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ ихъ жизни, могли бы прослѣдить, какъ они постепенно все болѣе и болѣе увлекались своими меч-

таких и какъ законенъ дошли до того, что эти мечты имъ показались дѣйствительностию.

Но Сведенборгъ представляетъ еще одну особенность, отличающую его отъ другихъ подобныхъ ему мечтателей. Всѣ они были совершенно помѣшанные, разстройство ихъ умственныхъ способностей было полное, они рѣшительно на все смотрѣли съ своей фантастической точки зрѣнія; тогда какъ Сведенборгъ рассуждалъ совершенно здраво, если дѣло не касалось специальныхъ предметовъ его помѣшательства. Описывая свои путешествія по планетамъ, онъ сообщалъ совершенно вѣрно тѣ научные факты, которые извѣстны были астрономіи въ его время, и говорилъ въ этихъ случаяхъ такъ, какъ сказалъ бы самый ученый и здравомыслящій астрономъ того времени; и за тѣмъ уже передавалъ бредъ своей большой фантазіи. Эта особенность Сведенборга тоже не рѣдкость, ее часто можно замѣчать у самыхъ ученыхъ людей. Иной ученый объ одномъ предметѣ рассуждаетъ вѣрно и судитъ здраво, но за то о другихъ предметахъ говоритъ точно помѣшанный, высказываетъ неглупости похуже бредней Сведенборга. Шлейденъ говоритъ: «всѣмъ извѣстно распространенное явленіе, что люди въ нѣкоторыхъ, даже можетъ быть во многихъ, отношеніяхъ весьма умные о другихъ предметахъ судятъ не особенно здраво, даже быть можетъ нѣпно. Тихо де-Браге снѣло измѣрять системы небесныхъ тѣлъ, но робко возвращаясь домой, когда ваяць перебѣгалъ ему дорогу». Стало быть ученый Шлейденъ не можетъ оскорбиться, и мы нисколько не унизимъ его ученыхъ заслугъ, если скажемъ, что и самъ онъ принадлежитъ къ разряду подобныхъ людей, и много смахиваетъ на Сведенборга. Въ области ботаники онъ умный человекъ, о ботаническихъ вещахъ онъ судитъ вѣрно и здраво; но какъ только коснется другихъ предметовъ, сейчасъ же пускается въ такія фантазіи, въ которыхъ замѣчается совершенное отсутствіе здраваго смысла. Читая его этюды о суевѣріи или о душѣ растений, никакъ не хочешь вѣрить, чтобы ихъ написалъ Шлейденъ, авторъ сочиненія «Растеніе и его жизнь». Въ этихъ этюдахъ онъ пускается въ какую-то странную мистику, повидимому что-то усиливается сказать, а между тѣмъ изъ его словъ рѣшительно ничего не выходитъ. Мы увѣрены, что даже переводчикъ его, г. профессоръ Калиновскій, самъ не понималъ этихъ этюдовъ. Шлейденъ какъ будто вооружается противъ суевѣрія, но потомъ защищаетъ его, старается найти какую-то разницу между суевѣріемъ вѣрнымъ и невѣрнымъ; отвергаетъ «столовыхъ» духовъ; но горячо стоитъ за другихъ духовъ, вызываемыхъ магіей, хотя и вооружается въ то же время противъ волшебства; говоритъ, что наука естествознанія не разрушаетъ суевѣрія и не можетъ его разрушить, а потому самъ же соглашается, что изученіе законовъ природы разо-

гнало цѣлый облакъ суевѣрій. Вотъ на пробу нѣсколько мѣстъ изъ «Этюдовъ» Шлейдена:

«Я придаю большое значеніе естествознанію, но говорю съ полнымъ убѣжденіемъ, что естественныя науки не избавили и никогда не избавятъ насъ отъ суевѣрія. — Мало того, я смѣло прибавляю, что суевѣріе неизбежно въ каждомъ хорошемъ человѣкѣ, и только совершенно бездушный, углубляясь въ себя, могъ бы сказать, что совершенно свободенъ отъ суевѣрія» (стр. 173).

«Мы можемъ дѣлать различіе между неизвинительнымъ и извинительнымъ, между грубымъ и утонченнымъ суевѣріемъ; но мы не можемъ освободиться отъ него вовсе, если не хотимъ отказаться отъ всей силы моральныхъ идей» (стр. 286). «Мы видимъ постоянно въ исторіи, что по мѣрѣ возрастающихъ человѣческихъ знаній, мало по малу распадается и превращается въ прахъ фантастическое громадное зданіе суевѣрія (значить, наука разрушаетъ суевѣрія). Но вообще я сомнѣваюсь, чтобъ въ настоящее время наука могла имѣть вліяніе на подобныя вещи (?). Но не существовало еще привидѣніе, которое бы устояло противъ полицейской власти, какъ скоро она преслѣдовала его неподкупно. Я, съ своей стороны, отдѣляя бы отъ докучливаго привидѣнія, прося помощи не у заклинателей духовъ и философовъ, но у современныхъ Фуше (то есть министровъ полиціи; стр. 311)».

Отчего же происходитъ такая странность у людей ученыхъ и умныхъ вообще, отчего они о нѣкоторыхъ предметахъ разсуждаютъ умно и здраво, а о другихъ совершенно безтолково и нелѣпо? На этотъ вопросъ Шлейденъ отвѣчаетъ такъ:

«Ни одна часть нашего тѣла не имѣетъ такого сложнаго устройства и такой чувствительности, какъ нервная система. Сотни тысячъ волоконъ, составляющихъ нервную систему, можетъ быть не болѣе одного раза въ теченіе тысячелѣтія имѣютъ такое совершенное строеніе и развитіе у человѣка, что всѣ вмѣстѣ служатъ одинаково и превосходятъ для отправленій духа. Большею частію большія или меньшія партіи ихъ остаются недоразвитыми; вслѣдствіе этого духъ не можетъ, подобно высшему своему развитію, проявляться нормально въ соответственныхъ частяхъ; можетъ случиться, что это явленіе будетъ еще замѣтнѣе, чѣмъ болѣе развиты другія части къ большому ущербу общей гармоніи. На этомъ основывается общеизвѣстное явленіе, что люди умные о нѣкоторыхъ предметахъ судятъ не здраво, даже нелѣпо.»

Этимъ можно объяснить и странности самого Шлейдена; видно у него меньшія ботаническія партіи нервовъ развиты хорошо, а большія, такъ сказать философскія, остались недоразвитыми; вслѣдствіе чего онъ и запутался во мракѣ суевѣрія и даже считаетъ его необходимымъ.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ОПЕРА

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

СЕЗОНЪ 1861—1862 ГОДА.

НОВЫЕ ПѢВЦЫ. — СОСТАВЪ НЫНѢШНЕЙ ТРУППЫ. — «ОСАДА ГЕНТА». — «ФРАНИ». — ШУМЪ ВО ВРЕМЯ СПЕКТАКЛЕЙ. — СВѢДѢНІЯ О ГРАЦІАНИ. — «ПУРРИТАНЕ». — АРТИСТИЧЕСКАЯ КАРЬЕРА Г-ЖИ ФЬОРЕТТИ. — АРТУРЪ. — ТРЕБОВАНІЯ ПОВТОРЕНІЙ. — «ПОЛКОВЕЦЪ». — «РИГОЛЕТТО». — «СЕВИЛЬСКІЙ ЦИРЮЛЬНИКЪ». — «СТРАВИАТА». — «ТРУБАДУРЪ». — «ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ» — ОБЪ ИТАЛЬЯНСКОЙ ОПЕРѢ. — «ВОЛШЕВНЫЙ СТРѢЛОКЪ». — «НОРМА». — «МАСКАРАДЪ». — СЮЖЕТЪ ЕГО. — РАЗВОРЪ ИСПОЛНЕНІЯ. — ДОСТОИНСТВА КОМПОЗИЦІИ. — НОВЫЯ ОТКРЫТІЯ ФЕЛЬЕТОНСТА «ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ». — ПОСТАНОВКА «МАСКАРАДА». — ВЫЗОВЫ МАСТРО. — ХАРАКТЕРЪ СОЧИНЕНІЙ ВЕРДИ. — НОВАЯ ОПЕРА, НАПИСАННАЯ ДЛЯ ПЕТЕРБУРГСКАГО ТЕАТРА. — «АЛЕКСАНДРЪ СТРАДЕЛЛА». — СОДЕРЖАНІЕ ОПЕРЫ. — ХОДЪ ЕЯ НА СЦЕНѢ. — МОЛИТВА, СОЧИНЕНІЯ САМОГО СТРАДЕЛЛЫ. — СВѢДѢНІЯ ОБЪ АРТИСТИЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ КАЛЬЦОЛАРИ. — ПЕРЕЧЕНЬ ПРЕДСТАВЛЕНІЙ НАСТОЯЩАГО СЕЗОНА. — ОЖИДАЕМЫЯ ОПЕРЫ.

Въ прошломъ году «Современникъ» напечаталъ въ № 2 только весьма бѣглый очеркъ дѣятельности петербургской оперной труппы. — Въ нынѣшній сезонъ, когда сцена итальянскаго театра замѣтно оживилась, мы постараемся дать нашимъ читателямъ, интересующимся музыкой, болѣе обстоятельный отчетъ какъ о новыхъ, такъ и о болѣе выдающихся прежнихъ операхъ настоящаго репертуара.

Прежде всего укажемъ на двухъ вновь ангажированныхъ пѣвцовъ — Граціани и Анджелини. Кто хоть разъ слышалъ пѣніе г. Граціани, тотъ уже знаетъ, какую цѣну имѣетъ новое пріобрѣте-

нѣ нашей сцены; остальныхъ же читателей мы познакоимъ ниже съ этими молодыми артистами. Кромѣ ихъ, составъ оперной труппы почти не измѣнился; тѣ же прима-донны (Фьоретти, Бернади, Лагруа, Доттини, Нантье-Дидье), тѣ же тенора и басы (Тамберликъ, Кальцолари, Монджини, Беттини, Дебассини, Эверарди, Марини и Полонини).

Итальянскія представленія открылись 11 сентября мейерберовскимъ «Пророкомъ», по нашему «Осада Гента». Театральная зала была совершенно полна, и при выходѣ г-жи Дидье, и въ особенности Тамберлика, огласилась дружными рукоплесканіями обрадованныхъ меломановъ. Тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что опера эта, давно знакомая петербургской публикѣ, никогда не возбуждала въ ней восторженнаго одобренія. Несмотря на неотъемлемыя музыкальныя красоты и вдохновенное исполненіе роли Іоанна (Тамберликъ), «Осада Гента», растянутая въ оригиналѣ на 5, у насъ на 4 акта, всегда утомляетъ слушателей. Безпрерывно повторяемое монотонное тріо анабаптистовъ, продолжительный балетъ, и вообще-то нелюбимый меломанами, катанье на конькахъ (*les patineurs*), предлинный церемоніаль короновація Іоанна — за кулисами, и другія быть-можетъ очень эффектныя, какъ спектакль, сцены, — все это притушаетъ музыкальную впечатлительность публики, опера прослушивается вообще апатично, многими не дослушивается до конца, и никогда ни одинъ нумеръ не бываетъ повторенъ *auf verlangen*.

Второе представленіе было гораздо оживленнѣе перваго; давали «Египці», и въ роли Карла долженъ былъ рекомендоваться нашей публикѣ молодой, но уже прославленный баритонъ, Граціани, а въ роли Сильвы — Анджелини. Надо замѣтить, что большинство слушателей, шѣя въ виду громадный успѣхъ г. Граціани на парижской сценѣ, ожидало отъ новаго пѣвца очень многого: его приняли шумными аплодисментами, и послѣ перваго же акта, всѣ убѣдились, что артистъ превосходить самыя преувеличенныя ожиданія. Необыкновенно-пріятнаго звука высокій баритонъ, далеко входящій въ теноровый регистръ, мягкій, гибкій, хорошая школа, напоминающая методу Ронкони *d'antichissima memoria*, бездна музыкальнаго вкуса и смысла, сила и нѣжность глубокаго чувства, увлеченіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поразительное умѣнье владѣть голосомъ, — все это невольно вызывало восклицаніе меломановъ: *Questo e il vero canto!*

Оживленная игра, простота и скромность манеръ, наконецъ высокій ростъ и счастливая наружность артиста, удачно дополнили прекрасное впечатлѣніе его голоса.

Величественная роль Карла V какъ нельзя болѣе идетъ г-ну Граціани. — Надо видѣть и слышать, какъ вкрадчиво обращается онъ

къ Эльвирѣ, въ дуэтѣ 1-го акта, съ какою гордостью въ то же время отвѣчаетъ на ее недоумѣніе:

Che favelli! Un re non mente,

и дакъ тотчасъ же разиѣживается:

Vieni meco!... Vien, mi segui,
Ben vedrai quant'io t'amo.

Къ концу этого дуэта Карлъ окончательно расположилъ въ свою пользу всѣхъ.

По окончаніи пьесы, восторженнымъ, единодушнымъ аплодисментамъ не было конца; съ перваго же знакомства Граціани по справедливости занялъ мѣсто въ числѣ любимцевъ нашей публики, увлеченіе которой дошло до того, что она во весь вечеръ, казалось, вовсе не слушала другихъ исполнителей. Къ сожалѣнію, въ послѣдствіи г. Граціани пѣлъ въ этой оперѣ какъ-то неохотно, особенно въ финалѣ перваго акта, гдѣ у него большая и самостоятельная партія.

Роль злополучной Эльвиры г-жа Бернарди исполняетъ весьма недурно. Прекрасная наружность этой артистки обезпечиваетъ преимущественно за нею право представлять женщину, которую вырываютъ другъ у друга и король, и престарѣлый герцогъ, и пылкій бвзвдтъ. Притомъ партія эта не требуетъ глубокаго драматизма; умѣнье же держать себя на сценѣ, чистый голосъ и вѣрное пѣніе г-жи Бернарди не подлежатъ сомнѣнію, такъ что публика постоянно относится къ ней одобрительно. А что такое одобреніе молодой пѣвицы умѣть цѣнить, это доказывается тѣмъ, что она продолжаетъ серьезно заниматься, и къ нынѣшнему сезону замѣтно усовершенствовалась: игра ея уже не такъ холодна, вокализуетъ она сильнѣе и съ большимъ вкусомъ, и нѣкоторыя ноты ея голоса, въ особенности низкія, доставляютъ истинное удовольствіе. Несмотря на это, нѣкоторые господа позволяютъ себѣ шикать при ея появленіи. Не говоримъ уже о крайнемъ неприличіи такого обращенія съ скромной и робкой женщиной; во замѣтимъ, что въ данномъ случаѣ шиканье просто не имѣетъ никакого смысла. Г-жа Бернарди не беретъ высоко-драматическихъ ролей, всѣ свои партіи исполняетъ старательно, всегда дорожитъ мнѣніемъ публики и съ усердіемъ занимается усовершенствованіемъ своей методы пѣнія; если присоединить къ этому ея хорошія природныя средства, то каждый согласится, что пѣвицу эту слѣдуетъ поощрять, а не обезкураживать.

О другомъ деютавтѣ мы не будемъ распространяться; скажемъ только, что г. Авджелини не безъ искусства владѣетъ хорошимъ и обширнымъ басомъ (отъ нижняго гѣ до верхняго sol). Но въ голосѣ его мы ни разу не замѣтили тѣхъ полныхъ и глубокихъ низкихъ

ночь, которая составляет важную принадлежность настоящаго basso profundo; — къ тому же тембръ его вообще не довольно звученъ и въ усиленныхъ нотахъ не совсемъ приятенъ. — Тѣмъ не менѣе нельзя не порадоваться этому новому приобрѣтенію нашей сцены, на которой давно недоставало удовлетворительнаго баса. Въ исполняемыя г-мъ Анжелини роли доказываютъ, что онъ серьезно смотритъ на искусство и обладаетъ какъ музыкальнымъ, такъ и сценическимъ талантомъ.

Заговорившись о Граціани, Бернади и Анжелини, мы было и забыли, что въ «Эрнани» есть еще одно дѣйствующее лицо — самъ Эрнани. Но какъ уже было упомянуто, что роль его исполняетъ г. Монджини, то, полагаемъ, этимъ сказано, если не все, то очень много. Что въ его партіи есть прекрасные нумера, — это знаютъ всѣ: «Эрнани» не новая опера. — Какъ исполняетъ свои роли г. Монджини — это тоже знаетъ петербургская публика: пѣвецъ этотъ ее «старый другъ», хотя ужь никакъ не лучше новыхъ двухъ.

Въ заключеніе же нашей бесѣды объ «Эрнани» мы охотно послѣдуемъ примѣру публики Большаго театра, которая постоянно, по окончаніи оперы, растроганная кончиной героя, дружно вызываетъ Граціани. Возвратимся же и мы къ нему.

Франческо Граціани родился въ 1829 году, въ Фермо, небольшомъ городкѣ Церковной области, degl'antichi Stati Papali, какъ говорятъ оптимисты итальянцы. Въ 1852 г. онъ дебютировалъ на Мачератскомъ театрѣ въ вердіевской оперѣ «Masnadieri», вмѣстѣ съ г-жею Фьоретти. Потомъ онъ пѣлъ во Флоренціи, а съ 1855 г. до пріѣзда сюда прожилъ въ Лондонѣ и Парижѣ, гдѣ и упрочилъ за собою славу первокласснаго артиста.

Третьей, по порядку, пьесой текущаго сезона были «Пуритане», которые и въ прошломъ году, благодаря Кальцолари и Фьоретти, были одною изъ наиболѣе посѣщаемыхъ оперъ. Въ нынѣшнемъ же интересъ ея еще болѣе усилился, такъ какъ роль Ричарда исполняетъ Граціани, а Георга — Анжелини. Въ прошлогодней замѣткѣ нашей объ оперѣ («Совр.» 1861 г. № 2. Совр. обозр. стр. 86) мы довольно подробно говорили о «Пуританахъ», а потому не будемъ разбирать исполненіе ролей Артура и Эльвиры (Кальцолари и Фьоретти), блистательное какъ и прежде. Но не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи напомнить, что прелестный, чистый, настоящій сопрано г-жи Фьоретти въ нынѣшнемъ году по достоинству одѣнута нашей публикой; всегда и вездѣ пѣвица эта отличается строжайшею вѣрностью интонаціи (замѣтно отсутствіе ея въ нашей другой примдоннѣ), отчетливостью даже въ труднѣйшихъ пассажахъ, и серебрянымъ, чрезвычайно приятнымъ звукомъ своего обработаннаго голо-

са. Будемъ надѣяться, что молодая артистка не остановится на польдерогѣ и къ блестящимъ свойствамъ голоса и замѣчательно тонкой вокализациі присоединитъ выразительность исполненія, тотъ священный огонь, безъ котораго пѣніе какъ бы оно ни правилось, не можетъ увлечь.

Елена Фьоретти родилась въ 1837 г. Въ то время отецъ ея, Антоніо, управлялъ оркестромъ небольшого театра въ Macerata, неподалеку отъ Анконы, гдѣ и занимался преподаваніемъ уроковъ скрипичной игры. Музыкальныя способности его дочери обнаружилась въ самомъ раннемъ ея возрастѣ. Семилѣтняя она уже вѣрно и бѣгло играла на скрилкѣ, и съ этого же времени начинается наглядное знакомство ея со сценой, такъ какъ отецъ постоянно бралъ ребенка съ собою въ театръ. Собственно вокальное образованіе г-жи Фьоретти началось нѣсколько позже, именно въ 1849 году. Инициативой въ этомъ дѣлѣ она обязана артистической промышленності нашего соотечественника.

Въ 1847 г. извѣстный теноръ Ивановъ, проѣздомъ черезъ Мачерату, случайно познакомился съ Антоніо Фьоретти. Услыхавъ пѣніе 10-лѣтней его дочери, и съ разу замѣтивъ, что въ ея дѣтскихъ упражненіяхъ слышится зародышъ прекраснаго голоса, задатки несомнѣннаго таланта, — Ивановъ съ полною увѣренностію предсказалъ ей добрый успѣхъ на сценѣ. Убѣжденный доводами знаменитаго пѣвца, Антоніо пригласилъ заняться начальною обработкою голоса его дочери нѣстнаго учителя пѣнія, Доминика Конкордіа, въ школѣ котораго начали свое артистическое образованіе: Фредцоллини, Крешпи (баритонъ), Граціани, Анджелини и др.; лѣтомъ 1852 г., она успѣшно дебютировала на сценѣ роднаго города въ «Весталкѣ» Меркаданти, а въ 1854 году, на королевскомъ туринскомъ театрѣ, исполнила роль Берты въ мейерберовскомъ «Пророкѣ». Возвратясь во Флоренцію, она пѣла на тамошней сценѣ. 1856 и 1857 г. она провела въ Ливорно, въ Пизѣ, въ Римѣ и въ Венеціи, гдѣ ее въ первый разъ слышалъ Верди, и откуда она была приглашена въ Неаполь. После перваго же дебюта на театрѣ Санъ-Карло ей предложено было остаться тамъ еще на 3 сезона. Съ каждою новою ролью она все болѣе и болѣе приобрѣтала расположеніе публики и обращала на себя вниманіе серьезныхъ цѣнителей искусства. Весной 1859 г. г-жа Фьоретти была ангажирована въ Вѣну, гдѣ вышла замужъ за г. Чампиоли.

Съ сентября 1860 года г-жа Фьоретти поетъ на нашей сценѣ и, какъ мы выше замѣтили, пользуется большимъ расположеніемъ публики.

Мы разговорились о г-жѣ Фьоретти по поводу отличнаго испол-

ненія ея роли Эльвиры въ «Пуританахъ». Дѣйствительно, до сихъ поръ это лучшая роль ея репертуара, роль, вполнѣ соответствующая ея средствамъ и тщательно отдѣланная ею въ мельчайшихъ подробностяхъ. Кстати замѣтимъ здѣсь, что напрасно г-жа Фьоретти постоянно пропускаетъ въ 3-мъ актѣ очень граціозный дуэттиво съ Артуромъ:

Da quel di che ti mirai.

Правда, въ этомъ актѣ и безъ того много работы ей и г-ну Кальцолари; но исполненіе этого нумера, кажется, вовсе неутомительно, между тѣмъ къ нему какъ нельзя болѣе подходитъ ихъ голоса.

Объ исполненіи роли Артура мы, какъ сказали выше, не будемъ распространяться. Высокое искусство г-на Кальцолари, его постигшій художественное пѣніе, всѣми понимающими дѣло и чувствующими музыкальныя красоты давно оцѣнены по достоинству. Надо видѣть, какъ настойчиво вызываютъ его по окончаніи оперы. Все это такъ; но нельзя утаить, что не рѣдко наша оперная публика, во преимуществу новички, меломаны en herbe, злоупотребляютъ своимъ правомъ требовать повторенія любимыхъ нумеровъ. Зачастую такой участи подвергаются пять, шесть нумеровъ оперы; утомленному артисту крайне тяжело исполнить подобное требованіе; онъ думаетъ умиловитивъ публику трогательными изъясненіями признательности за ея «лестное вниманіе»; оркестръ спѣшитъ къ пѣвцу на выручку и начинаетъ слѣдующій номеръ;—не тутъ-то было: крики *bis, bis, bis!* заглушаютъ музыку и, нечего дѣлать, приходится возвращаться назадъ.

Право, когда подумаешь при этомъ, что сплошь и рядомъ продолжительные аплодисменты молодцовъ прерываютъ номеръ на половинѣ, когда припомнишь, что зачастую насильно заставляютъ повторять куплеты, за которыми и безъ того слѣдуетъ второй, тождественный съ первымъ, когда навѣрное знаешь, что не дадутъ дослушать прекраснаго дуэта или тріо потому только, что въ серединѣ его пѣвецъ ловко, даже пеловко, взявъ высокую ноту,—словомъ, когда наслушаешься этихъ неумѣстныхъ «bravo» и «bis», безъ разбора посылаемыхъ пѣнію и воплямъ, таланту и бездарности, сценической игрѣ и кривляньямъ, балету, декорациямъ, костюму и проч., то нельзя не заподозрить нашихъ тапажеровъ въ томъ, что цѣль ихъ не поощреніе артиста, а исключительно процессъ хлосанья и кричанья. Нигдѣ въ Европѣ не шумятъ и не кричатъ въ спектакляхъ такъ, какъ у насъ. Аплодируютъ вездѣ, иногда и вызываютъ артистовъ для заявленія имъ благодарности, изрѣдка заставляютъ ихъ повторять лучшіе нумера; но тамъ на все есть своя мѣра.

Мы вѣдѣли сживали уже, что въ нынѣшнемъ году роль Ричарда въ «Пуританахъ» исполняетъ г. Грациани; выходную арию:

Ah! per sempre io ti perdei,

да вообще всю свою партію онъ поетъ весьма хорошо, несмотря на то, что мѣстами она очевидно низка для его голоса.

Въ «Пуританахъ» же впервые появилась на нашей сценѣ г-жа Микелли. По незначительности ея роли (Генріэтты) трудно было опредѣлить достоинства ея голоса; но за то весьма легко, даже пріятно; было замѣтить черты ея лица, замѣчательную красоту которыхъ густой вуаль Генріэтты не могъ скрыть отъ публики.

Послѣ «Пуританъ» шла «Лукреція». Не будемъ разбирать красоту композиціи, которыхъ, конечно, не мало въ оперѣ Доницетти; промолчимъ также и объ ея исполненіи. Впрочемъ и тутъ нашлись охотники аплодировать; да имъ должно быть все равно: пой какъ хочешь, только крикни погромче, протяни ноту подольше, размахнись пошире, — ну и брависсимо! Героя мелодрамы они даже ушереть не дадутъ спокойно; его поощряютъ до того, что во время агоніи, онъ запутывается и въ мотивъ своей аріи, и въ шлейфъ своей преступной матери. Говоря такъ о «Лукреціи», мы, конечно, не имѣемъ въ виду ни заслуженнаго г. де-Бассини, ни г-жу Нантье-Дидье, отчетливо исполненныя роли которыхъ всегда стоить внѣ упрека. Но два другія дѣйствующія лица должны раздѣлить между собою успѣхъ этого представленія. Да и поквитались же они: по содержанію пьесы Лукреція губитъ Дженнaro, а по исполненію Дженнaro губитъ «Лукрецію».

И такъ нынѣшній сезонъ открылся Мейерберомъ, за нимъ шелъ Верди, тамъ Беллини, потомъ Доницетти. Не доставало Россини... но вотъ и онъ со своимъ Теллемъ, или съ «нашимъ» Карломъ Смѣлымъ.

Обстановка этой лучшей оперы итальянскаго репертура та же, что и въ прошломъ году, слѣдовательно тѣ же достоинства и недостатки ея исполненія. Прибавить можно развѣ то, что г-жа Бернарди теперь исполняетъ роль Матильды съ большимъ противъ прежняго одушевленіемъ.

Не мѣшало бы пополнить нашего «Карла Смѣлаго» согласно оригинальной партитурѣ, да вмѣстѣ съ тѣмъ, пора бы ужъ ему сбросить свой псевдонимъ.

Къ чести нашей публики надо замѣтить, что она умѣла вѣрно оцѣнить музыкальныя и драматическія красоты геніальнаго произведенія Россини; зала почти всегда бываетъ полна, и надо видѣть, какое глубокое сочувствіе возбуждаютъ въ слушателяхъ Родольфъ и Арнольдъ Мельхталъ, съ какимъ искреннимъ восторгомъ одобряетъ публика выразительную игру ихъ и энергическое пѣніе...

2 октября дали наконецъ «Полиевкта», который еще въ прошломъ году появился было на афишахъ, но тщетно. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ на нашей сценѣ былъ уже «Полиевктъ», но тотъ оказался самозванцемъ; настоящее названіе той оперы — «Мученики».

Говорить подробно о музыкѣ этого произведенія Доницетти мы рѣшаемся. Въ оба раза, что мы, не безъ скуки, слушали оперу, она показалась намъ сочиненіемъ слабымъ, натынутымъ, безъ малѣйшаго признака вдохновенія. Шуму много, быть можетъ есть какія нибудь техническія тонкости въ оркестровкѣ; но это, признаемся, не по шшей части. Строгая, выдержанная игра г-на Тамберлика въ роли Полиевкта проникнута религиознымъ экстазомъ, мученическая твердость христіанина первыхъ вѣковъ слышится въ каждомъ его словѣ; такъ не менѣе, это далеко не первая его роль, какъ увѣряли парижскіе музыкальные критики. Г-жа Лагруа исполнила свою роль съ обыкновенною страстностью и съ обычнымъ отсутствіемъ художественной отдѣлки. Впрочемъ она вѣроятно понравилась публикѣ, если судить по поднесенному ей букету. Роль г-на Граціани въ «Полиевктѣ» не велика и, откровенно говоря, не выгодна для него.

За «Poliuo» слѣдовалъ «Rigoletto» съ сюрпризомъ: роль герцога, вмѣсто Тамберлика, исполнялъ г-нъ Монджини, и этого мы полагаемъ довольно, чтобы читатель могъ составить себѣ понятіе о характерѣ представленія. Г. Монджини совершенно забываетъ, что подъ его мундиромъ солдата долженъ скрываться король-рыцарь XVI вѣка: своими жестами онъ скорѣе напоминаетъ какого-то франта.

Представьте же, что и тутъ нашлись знатоки, которые апплодировали.

Не безъ особеннаго удовольствія переходимъ мы къ оперѣ, которую каждый изъ меломановъ слушалъ десятки разъ, и не только, но и теперь. Мы говоримъ о «Il Barbiere», вдохновенная увертюра котораго, его жюльеттѣ, его мотивы, нѣжныя мелодіи, кажется, никогда не опомлѣютъ производить свѣжее впечатлѣніе. Въ нынѣшнемъ роли этой оперы удержали прежнихъ исполнителей; т. е. Донъ Базильо пѣлъ г. Анджелини вмѣсто г. Марини, но роль Бартоло, впрочемъ уже не въ первый разъ. Нельзя сказать, что опера выиграла отъ этой замѣны: прежніе исполнители были не хуже г. Анджелини, который, впрочемъ, показался слишкомъ молодымъ для этой плутовской роли. Увертюра уже объ игрѣ, самое его было не совсѣмъ удовлетворительно. Въ оперѣ La calunnia, которую онъ спѣлъ хорошо. Обработка оперы герарди и оживленіе веселая игра его очень идутъ къ оперѣ. Цирюльничка.

Дона Бартоло заслуженный голосъ г. Марини видимо недостаточенъ. Въ незначительной роли старой ключницы мы смотрѣли, виновать, мы слушали молоденькую г-жу Микелли. Пѣла она не дурно; г-жа Нантье-Дитье, при несомнѣнныхъ достоинствахъ голоса и, главное, методы пѣнія, въ граціозной роли Розины казалась намъ не на своемъ мѣстѣ: жесткія контръ-альтовыя ноты, которыми любитъ щеголять эта пѣвица, такъ же идутъ къ Розинѣ, какъ пѣжный фальцетъ къ Моисею или Оровезу. И потомъ, что за костюмъ, что за выборъ пьесъ для урока пѣнія. Право, нельзя одобрить этотъ безсмысленный, однообразный «Люби меня», да и вальсъ Arditì: «Il bacio» пора бы замѣнить чѣмъ нибудь. — Разумѣется, «Barbiere», обязанъ успѣхомъ именно исполнителю роли графа Альмавивы г. Кальцолари. Это хорошо извѣстно всѣмъ, и петербургская публика въ наибольшемъ числѣ посѣщаетъ всѣ представленія, въ которыхъ участвуетъ г. Кальцолари. Припомнимъ, наприимѣръ, много ли было пустыхъ мѣстъ въ «Травиатѣ» которую въ первый разъ по возобновленіи давали вскорѣ послѣ «Barbiere.» — Ихъ не было вовсе, не смотря на то, что послѣ Бозіо опера эта утратила большую часть своего очарованія. Мы повторяемъ это и теперь, несмотря на то, что г-жа Фьоретти исполнила роль Виолетты съ замѣчательнымъ искусствомъ и не малымъ успѣхомъ.

Да, говоря безотносительно, г-жа Фьоретти хорошо исполнила роль Травиаты и вполне заслужила одобренія, выраженнаго ей публикой. Исполненіе роли Альфреда отличалось тѣми высокими достоинствами, которыми отмѣчены всѣ роли г-на Кальцолари. Недостатокъ силы его голоса въ громкомъ финалѣ 2-го акта онъ выкупаетъ мастерскимъ исполненіемъ всего остальнаго. Внимательно слѣдившіе за теноровой партіей, конечно, не могли не замѣтить, что въ нынѣшнемъ году г-нъ Кальцолари пѣлъ даже лучше прежняго, и въ двухъ мѣстахъ весьма удачно измѣнилъ партитуру. Въ отлично исполненной имъ арія:

De' miei bollenti spiriti,

вставленое имъ, на заключительной фразѣ:

Io vivo quasi in ciel,

украшеніе обратило на себя всеобщее вниманіе, и публика дружно потребовала повторенія нумера.

Граціани въ роли отца показался намъ не на своемъ мѣстѣ. Мы не хотимъ сказать, что партія эта ему не по плечу; напротивъ, онъ маленькимъ силонъ для этой небольшой и пассивной роли, ему тѣсно въ стариковской оболочкѣ.

Теперь въ порядкѣ представленій намъ слѣдуетъ говорить о «Трубадурѣ». Начнемъ нашъ рассказъ съ героини оперы, Леоноры. Г-жа Лагруа исполнила роль эту неудовлетворительно. Излишній драматизмъ ея пѣнія, неумѣстная страстность игры искажаютъ симпатичный характеръ Леоноры, а невѣрная, особенно въ *adagio*, интонація ея голоса подѣ часъ сильно рѣжетъ ухо. Само собою разумѣется, что объ изящной отдѣлкѣ фразъ тутъ не можетъ быть и рѣчи. Въ кантатахъ перваго акта:

Tacea la notte placida,

и въ аріи четвертаго:

D'amor sull'alirosee

наша прима-донна не оставляетъ сомнѣній, что такихъ тонкихъ требованій она не можетъ исполнить. Слѣдующая за этой аріей сцена, въ которой задушевное пѣніе г-на Тамберлика такъ глубоко трогаетъ слушателей, по милости Леоноры утратила большую часть своего интереса. Г-жа Лагруа поетъ слишкомъ громко, тяжело, натянута, и заноситъ визжище нотъ, на словахъ:

«*Di te scordarmi!... Sento mancar mi,*

пропадаетъ. Роль Азучены исполняетъ г-жа Нантье съ обычнымъ своимъ искусствомъ; но на нашъ взглядъ, въ двухъ, трехъ мѣстахъ она излишне горячится и постоянно поетъ съ однообразіемъ, за нарушение котораго, особенно въ окончаніяхъ низкими нотами, многіе изъ слушателей были бы несказанно благодарны. Новый исполнитель роли графа ди Луна, къ удивленію многочисленныхъ поклонниковъ его таланта, не вполне удовлетворилъ ихъ ожиданіямъ. Говорятъ, что въ Парижѣ Граціани имѣлъ въ «Трубадурѣ» огромный успѣхъ; у насъ же, не знаемъ почему, пѣлъ слишкомъ сдержанно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже просто небрежно. Лучшая роль въ «Трубадурѣ» остается попрежнему за г. Тамберликомъ, талантливая натура котораго постоянно встрѣчаетъ восторженное сочувствіе всѣхъ людей съ сердцемъ, одаренныхъ музыкальнымъ слухомъ. Но напрасно этотъ знатокъ своего дѣла уступаетъ неразборчивому вкусу массы, апплодирующей только внѣшнимъ эффектамъ; въ концѣ пресловутаго, но несноснаго *allegro*:

Di quella pira l'orrendo foco,

ему слѣдуетъ брать только *si*, а онъ беретъ *do*, и фраза выходитъ еще менѣе музыкальна. Зачѣмъ же славный артистъ прибѣгаетъ къ такому натянному эффекту, когда роль его и безъ того представляетъ не мало случаевъ показать и силу голоса, и укрѣпленіе пѣтъ, и музыкаль-

ный вкусъ? И дѣйствительно, все остальные номера исполняетъ онъ съ тѣмъ твердо-выработаннымъ искусствомъ, которое составило его прекрасному, симпатичному голосу такую громкую славу; мало того, въ этой роли Тамберликъ опять-таки выказываетъ совершенно достаточную силу не только въ верхнемъ регистрѣ голоса, но и въ среднихъ, даже въ низкихъ нотахъ. Публика наша очень хорошо понимаетъ это, всегда радушно встрѣчаетъ Тамберлика и постоянно восхищается энергическимъ пѣніемъ безспорно перваго изъ современныхъ *tenori di forza*. Но есть и такіе господа, которые, Богъ вѣсть почему, только и твердятъ, даже печатно, что голосъ этого пѣвца слабѣетъ. Что сорокалѣтній возрастъ человѣка вообще не есть его цвѣтущая пора, въ этомъ никто не сомнѣвается; слѣдовательно, вопросъ только въ томъ, успѣлъ ли пѣвецъ сохранить въ голосѣ своемъ силу, достаточную для того, чтобы нравиться слушателямъ, даже приводить ихъ въ восторгъ. Если, наперекоръ общему пѣнію, вы относительно Тамберлика рѣшаете этотъ вопросъ отрицательно, то по крайней мѣрѣ не должны уклоняться отъ обязанности указать тѣ партіи и нумера, въ которыхъ сказывается его несостоятельность. А то вѣдь на-слово, пожалуй, не повѣрятъ.

Вотъ, наприимѣръ, фельетонистъ «Отечественныхъ Записокъ» также сѣтуетъ на упадокъ голоса г. Тамберлика. «Да, восклицаетъ онъ («Отечественныя Записки» 1861 г. № II. Замѣтки праздношатающагося; стр. 19), Мо(а)врико-Тамберликъ замѣтно не тотъ, что былъ когда-то. Впрочемъ, арія за сценой *Deverta sul la terra*, (то есть *Deserto sulla terra*) и знаменитая *di quella pira* съ *ut diez'omъ* исполнены имъ были почти такъ же, какъ въ цвѣтущее его время». Представьте же себѣ, что именно вздорное *allegro en question*, знаменитая, какъ сказано, *Di quella pira*, исполнено было *не такъ*, какъ въ цвѣтущее время: прежде, видите ли, Тамберликъ бралъ *si*, а теперь беретъ выше, *ut*, и все-таки не *diez*, какъ пишетъ г-нъ М-р-ъ, даже и не *dièse*, какъ слѣдуетъ писать.

Съ кого они портреты пишутъ?

Гдѣ *ut diez'ы* эти слышутъ?

Знать это тѣмъ болѣе интересно, что въ нынѣшней севонъ Тамберликъ еще ни разу не бралъ этой ноты, а г. фельетонистъ утверждаетъ, что нынѣшніе *ut diez'ы* г. Тамберликъ беретъ какъ-то особенно съ крикомъ». Вотъ куда ведетъ бессознательное повтореніе быльицъ, великихъ фразъ.

Что касается до нынѣшней обстановки «Волшебнаго стрѣлка», то мы утверждаемъ, что кромѣ южнаго происхожденія всѣхъ интересъ, успѣху оперы мешали еще индивидуальныя недостатки нѣкоторыхъ

Между этими послѣдними первое мѣсто безспорно принадлежитъ Максу (г. Монджини).

Убѣжденіе г. Монджини, что онъ идетъ впередъ, къ несчастію, поддерживается въ немъ малочисленными, правда, но голосистыми клакерами, которые всегда готовы шумѣть и апплодировать самому всякому его пассажию.

Посмотрите, на примѣръ, съ какою вѣрностью воспроизводитъ онъ тишь гордаго римскаго проконсула въ «Нормѣ»! Послушайте, что слѣлалъ онъ изъ божественныхъ мотивовъ беллиниевской музыки! Послѣ Тамберлика—роль Полліона узнать нельзя.

Роль Нормы, какъ извѣстно, кокекъ г-жи Лагруа.

Не знаемъ, болѣзни ли пѣвицы, или чему нибудь другому, болѣе постоянному, надо приписать то обстоятельство, что въ оба представленія (8 и 11 декабря) г-жа Лагруа пѣла свою партію не совсѣмъ въ ладъ съ оркестромъ (иногда безъ малаго на $\frac{1}{4}$ тона выше) и другими голосами. Не только музыканты чувствовали это, но даже профаны замѣтили рѣзкіе диссонансы, особенно въ нѣжныхъ пассажахъ. Въ сценическомъ пѣніи вѣрность интонаціи первое дѣло, и недостатокъ ее не можетъ выкупаться ни силою голоса, ни драматизмомъ игры. Будемъ надѣяться, что трехнедѣльный отдыхъ, которымъ пользовалась г-жа Лагруа послѣ двухъ представленій «Нормы», возвратитъ голосу и слуху ея то качество, отсутствіе котораго — крайняя бѣда для оперной артистки. Г-жа Бернарди исполнила роль Адальдизы не безъ одушевленія и, какъ всегда, пѣла отчетливо, несмотря на то, что въ дуэтахъ съ Нормой въ первомъ актѣ «Sola furtiva, al tempio», и во второмъ «Mira, o Norma!» сохранять строгую вѣрность нотѣ, по вышеннеложенной причинѣ, было не такъ-то легко. Партію Оровеза въ нынѣшнемъ году пѣлъ г. Анджелини. Отдавая справедливость его тщательной работѣ при изученіи ролей и всегда старательному ихъ исполненію, мы скажемъ однако, что нынѣшнему Оровезу не доставало тѣхъ густыхъ, глубокихъ нотъ, которыя такъ украшаютъ басовыя партіи вообще, и въ особенности партію маститаго жреца въ «Нормѣ»; во въ тѣхъ *orgueux d'ensemble*, въ которыхъ нужна сила высокихъ нотъ, г. Анджелини заслуживаетъ почти всеобщее одобреніе.

17 ноября былъ данъ наконецъ давно ожидаемый петербургскою публикою «Маскарадъ» («Un ballo in maschera»), трехактная меледрама Верди. Это послѣднее произведеніе любимѣйшаго изъ современныхъ итальянскихъ maestri, было написано имъ въ началѣ 1859 года, для театра Санъ-Карло, въ Неаполѣ; но, по приращенію, какъ говорится, *независлцимъ отъ композитора*, оперѣ этой не суждено было впервые усладить слухъ неаполитанцевъ.

Въ мартѣ 1859 г., вмѣсто Неаполя, «Маскарадъ» въ первый разъ исполненъ былъ въ Римѣ, на театрѣ Apollo. Первое же представленіе новой оперы Верди въ Парижѣ, на итальянскомъ театрѣ, было $\frac{1}{13}$ января 1860 г.

Сюжетъ оперы тотъ же самый, что въ извѣстной оперѣ Обера «Густавъ III»; но либреттистъ оперы «Un ballo in maschera», исправивъ поэму Скриба, перенесъ мѣсто дѣйствія, — куда бы вы думали?... въ Америку, въ Бостонъ, а время — дѣтъ на 100 назадъ отъ историческаго событія. Губернаторъ Бостона, Ричардъ, графъ Ворвичъ, большой шалунъ, крѣпко ухаживаетъ за Аделіей, женой друга и вице-губернатора Ренато. Та, съ своей стороны, не остается холодною къ нѣжному вниманію начальства; но, боясь ревности мужа-креола, хочетъ избавиться отъ «тайнаго недуга, возбужденнаго, какъ гласитъ переводъ либретто, въ ней любовью». Съ этою цѣлью отпрапляется она къ ворожеѣ Ульриксѣ, которая и рекомендуетъ Аделію какую-то спасительную траву, растущую «въ страшномъ мѣстѣ». Какъ ни труслива Аделія, но она отпрапляется ночью въ это страшное мѣсто. Но Ловеласъ-губернаторъ, подслушавшій разговоръ Аделіи съ Ульрикой; — тутъ, какъ тутъ. Въ то время, какъ они изъясняются во взаимной любви, прибѣгаетъ туда же Ренато съ роковымъ извѣстіемъ, что толпа убійцъ отыскиваетъ Ричарда. Убѣжденный ловодами друга и мольбами Аделіи, графъ убѣгаетъ, взявъ съ Ренато клятву, что онъ не будетъ подсматривать подъ вуаль поручаемой ему женщины. Заговорщики не заставляють себя долго ждать и схватываются съ Ренато. Въ этой схваткѣ испуганная Аделія открываетъ свое лицо, и только тутъ Ренато узнаетъ, каковъ гусь его другъ и начальникъ! — Далѣе, оскорбленный мужъ пристаеъ къ заговору, съ цѣлью отомстить вѣроломному другу самымъ рѣшительнымъ образомъ. Жребій благопріятствуетъ Ренато: изъ трехъ заклятыхъ враговъ губернатора на его именно долю выпадаетъ свершеніе убійства, которое онъ и исполняетъ въ самомъ разгарѣ маскарада, въ великолѣпномъ дворцѣ Ричарда. Умирая, этотъ послѣдній объявляетъ, что хотя онъ и любилъ Аделію, но никогда не посягалъ на честь своего друга. «Клянусь тебѣ небомъ, говоритъ губернаторъ, что она невинна», и простившись на вѣки съ «любезной Америкой», —

Addio... diletta America!

умираеъ. — Вся эта исторія раздѣлена въ партитурѣ на три акта, а у насъ на четыре, заключающихъ въ себѣ 29 нумеровъ. Главную роль «Ричарда» исполнялъ г. Тамберликъ, и хотя она не вполне подходитъ подъ свойства его голоса и методы, но тѣмъ не менѣе, отличный артистъ этотъ сумѣлъ истолковать публикѣ всѣ музыкаль-

ныя красоты своей большой партіи. Послѣ хора, слѣдующаго за небольшою инструментальною прелюдіей, пажъ Оскаръ (г-жа Бершарди) подаетъ графу списокъ лицъ, приглашенныхъ на балъ. Увидѣвъ въ немъ имя Аделии, графъ воспѣваетъ ея красоту:

*La rivedra nell'estasi
Raggiante di pallore.*

Простой, но теплый мотивъ этого романса производитъ очень хорошее впечатлѣніе, которому, конечно, много помогаетъ страстное выраженіе въ голосъ пѣвца. Входитъ Ренато (г. Граціани) и добродушно предупреждаетъ безпечнаго графа о грозящей ему опасности.

Кантилена его:

Alla vita che l'arride

проинкнута спокойнымъ чувствомъ дружбы и сознанія долга, и къ ней очень идетъ мягкій и звучный голосъ исполнителя. Конечно, будь этотъ голосъ попомяте — было бы еще лучше. Во время секретарскаго доклада графъ узнаетъ, что подвѣдомственные ему власти преслѣдуютъ какую-то колдунью; на вопросъ его объ этой старухѣ, хорошенькій пажъ ловко отвѣчаетъ граціозной пѣсенкой изъ двухъ куплетовъ:

*Volta la terrea
Fronte alle stelle.*

Развеселившійся графъ тотчасъ же замышляетъ потѣху: нарядитесь, говорить онъ своимъ придворнымъ, въ разные костюмы и отправимся къ ворожеѣ. Это приглашеніе возбуждаетъ во всѣхъ присутствующихъ веселость, а въ заговорщикахъ, Самуилъ и Томъ (гг. Анджелини и Эверарди), надежду убить графа при такомъ удобномъ случаѣ. Все это сплвается въ дружный хоръ, которымъ и оканчивается первый актъ. Второе дѣйствіе происходитъ въ жилищѣ колдуньи; Ульрика (г-жа Навтье-Дидье) вызываетъ духовъ и предсказываетъ будущность собравшимся къ ней посѣтителемъ, между которыми показывается и самъ губернаторъ въ костюмѣ неаполитанскаго рыбака. При появленіи Аделии (г-жа Фьоретти) нарцъ расходится, а Ричардъ быстро взбѣгаетъ на лѣстницу и прячется за полуоткрытую дверь. Во время же совѣщанія Аделии съ колдуньей онъ, не слышно для нихъ, но слышно для публики, выражаетъ свою вѣжность къ Аделии. Изъ этого составляется терцетъ:

Della citta all'ocaso.

Небольшой номеръ этотъ съ перваго раза не произвелъ на публику глубокаго впечатлѣнія; но если внимательно слѣдить за всѣми

его партіями, то онъ непремѣнно доставитъ высшее удовольствіе. Исполненная грусти мелодія сопрано—преобладаетъ надъ двумя другими, изъ которыхъ каждая постоянно удерживаетъ свой особый характеръ. Въ концѣ тріо, когда Аделія поетъ:

Ah! consentimi, o Signore!

всѣ голоса сливаются въ прелестную гармонію, исполненную истиннаго драматизма. Полному согласію этого прекраснаго тріо не мало, какъ намъ показалось, мѣшаютъ «дистанціи огромнаго размѣра» сцены нашего театра: дѣйствующимъ лицамъ приходится стоять очень далеко другъ отъ друга. По уходѣ Аделии, Ричардъ оставляетъ свою засаду и, въ присутствіи вновь собравшагося народа и передѣтыхъ придворныхъ, спрашиваетъ колдунью о своей будущности

Di'tu se fedele il flutto m'aspetta....

Эту dolce canzone съ припѣвомъ хора Тамберликъ поетъ выразительно, но не такъ легко и игриво, какъ бы то слѣдовало. Оканчиваетъ же онъ очень ловко, и одобряя всѣхъ присутствующихъ, сильно говоритъ:

Nell'anime nostre non entra terror!

Взглянувъ на ладонь Ричарда, ворожея объявляетъ, что онъ скоро умретъ. «Если на полѣ чести, возражаетъ тотъ, то спасибо.»

No... per tan d'un amico

говоритъ прорицательница и повергаетъ въ смѣтеніе и ужасъ всѣхъ присутствующихъ, въ особенности шлагю юношу Оскара. Одинъ Ричардъ, что называется, и ухомъ не ведетъ. — Эхъ вы! легковѣрные, смѣясь говоритъ онъ своимъ окружающимъ. А злоумышленники, Самуилъ и Томъ, перемингиваются между собой, говоря: «а вѣдь ловко попала старая вѣдьма.» Изъ этихъ различныхъ положеній образуется прекрасный квинтетъ для сопрано, контръ-альто, двухъ басовъ и тенора, который весело начинается:

E scherzo od è folia si fata profezia,
Ma come fa da ridere la lor credulità!...

Преобладающая тема въ этомъ замѣчательномъ квинтетѣ — партія сопрано, для которой голосъ г-жи Бернарди недостаточно высокъ, такъ что нѣкоторыя ноты ей приходится слишкомъ усиливать. Но вообще говоря, всѣ пять исполнителей вели свои партіи очень вѣрно и удачно, такъ что весь номеръ непремѣнно, каждое таки представленіе, невторяется по единодушному требованію публики. При всемъ томъ, мы позволимъ себѣ высказать наше мнѣніе, что квинтетъ «Маскарада» уступаетъ вдохновенному квартету въ «Rigoletto»; тамъ

положены очерчены, определены, тамъ горело, болѣе, сдѣлано, струя мотива съ вострашіемъ каждого изъ участвующихъ и общее впечатлѣніе музыки глубже и полнѣе. Въ заключительной сценѣ 2-го акта мы не замѣтили ничего, особенно выдающагося.

Но за то финаль слѣдующаго дѣйствія представляетъ замѣательныя красоты какъ въ музыкальномъ, такъ и въ драматическомъ отношеніи. Выходную арію свою въ этомъ актѣ:

Ma dall'arido stelo divulso

г-жа Фьоретта исполняетъ, конечно, безукоризненно въ смыслѣ чистоты и вѣрности; но ей не удается вполне передать слушателямъ тѣ тяжелыя ощущенія, которыя въ эти минуты должны волновать сердце бѣдной Аделіи. — Равнымъ образомъ, въ слѣдующемъ за тѣмъ дуэтѣ съ предметомъ своей страсти Аделія далеко отстаетъ отъ него въ силѣ и выразительности пѣнія. Тріо вѣкъ двухъ лицъ съ прибѣжавшимъ Ренато удачно выражаетъ душевную ихъ тревогу и исполняется безукоризненно. Но что г. Граціани исполняетъ въ совершенствѣ — это сцена ужаса и оцѣпенѣнія, гдѣ Ренато узнаетъ преступную жену. Шпага, которую онъ собирался защищать невѣрную, выпадаетъ изъ его рукъ, съ быстротою свирѣдаго тигра бросается онъ на Аделію и, какъ громомъ пораженный, оцѣпавливается; упрекъ и проклятіе дрожатъ на его губахъ. Онъ остолбенѣлъ, молчитъ; а Самуиль и Томъ съ товарищами сдержанно, но злодѣйски трунѣтъ надъ его крайнимъ несчастіемъ. «Ха! ха! ха! позорятъ они его: то-то заговорятъ въ городѣ объ этомъ странномъ происшествіи.» — Опомнившись нѣсколько, Ренато вводитъ въ общій мотивъ хора свои восклицанія, клокочущія адской злобой противъ коварнаго друга; въ нихъ слышатся и страшные упреки Аделіи; которая, блатавая свою участь, тоже пристраивается къ голосамъ хора. Съ самаго начала до конца квартетъ этотъ:

Ve se di notte qui colla sposa,

производитъ потрясающее впечатлѣніе; всѣми пѣвцами ведется онъ отлично, въ особенности же г-мъ Граціани; энергическая игра котораго, его задушевные возгласы и стоны — художественно вѣрны. Честь и слава композитору, умѣвшему связать съ чрезвычайно приятнымъ мотивомъ столько разнородныхъ ощущеній. Повтореніемъ сцена эта исполнена высочайшихъ музыкальныхъ красотъ и живаго драматизма.

Въ началѣ 4-го акта разгнѣванный Ренато грозитъ жещѣ смертью, Аделію, оправдывая себя, клянется "Вотомъ, что не изменила своему долгу. Но новый Отелло неумолимъ; развѣ отъ себя отстѣпаетъ онъ, но отъ меня не дождешься ты милости! — Тогда вскри-

она Аделія на колѣняхъ умоляетъ мужа о дозволеніи ей проститься съ сыномъ:

Morà, ma prima in grazia
Deh! mi consenti almeno.

Арія эта не отличается свѣжестью мотива, но проникнута искреннимъ чувствомъ грусти; надо отдать справедливость г-жѣ Фьоретти: въ пѣвнн ея тутъ слышится боль растерзаннаго сердца, и на послѣднихъ словахъ:

Sugl'occhi d'una madre
Che mai piu non vedra,

она вѣрно выражаетъ страданія несчастной матери.— Даже самъ Ренато ежались надъ ней и, отпустивъ ее къ сыну, наединѣ раздражается гнѣвомъ на истиннаго виновника своего горя. «Твоей крови жанду!» восклицаетъ онъ, обращаясь къ портрету Ричарда. Слѣдующая за тѣмъ арія:

Egì tu che macchiavi quell' anima,

представляетъ во всѣхъ отношеніяхъ совершенство сценической музыки. Переходъ отъ ожесточенныхъ укоровъ измѣнившему другу къ воспоминанію объ утраченномъ счастіи въ высшей степени трогателенъ.

O dolcezze perdute! o memorie,

съ грустью поетъ г. Граціани, подъ тихій аккомпаниментъ двухъ флейтъ и арфы, — и въ голосѣ его слышится слезы и рыданія. «Все кончено», говоритъ онъ въ глубокомъ отчаяннн,

Non siede che l'odio
E la morte nel vedovo cor!

И снова оплакиваетъ потерянную любовь! Отлично! превосходно! За то какіе громы рукоплесканій, восторженныхъ криковъ раздаются по окончаніи этой аріи, и утихаютъ только тогда, когда пѣвецъ рѣшается повторить ее. Терпеть заговора (три баба въ унисонъ) не дурень на своемъ мѣстѣ. Въ слѣдующемъ за нимъ квинтетѣ весьма удачна партія Оскара, приглашающаго Ренато «съ супругой» на придворный балъ-маскарадъ. Намыный разговоръ пажа о предстоящемъ веселіи,

Ah! Di che fulgor, che smicche,

составляетъ эффектную противоположность съ мрачнымъ настроеніемъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ. Слѣдующія сцена представляется «роскошннн», какъ сказано въ либретто, кабинетъ графа; во вся роскошь его состоитъ изъ стула и письменнаго стола; на ко-

героизм Ричардъ, скрѣпя сердце, подписываетъ отправленіе Ренато въ Англію.

Ah l'ho segnato il sacrificio mio!

отчаянно восклицаетъ онъ; тутъ слѣдуетъ романсъ:

Ma se m'è forza perderti per sempre,

который г. Тамберликъ пропускаетъ, считая его здѣсь неумѣстнымъ и не безъ основанія полагая, вѣроятно, что послѣ сильнаго эффекта арии Ренато, элегическое *andante* прошло бы незамѣченнымъ. Къ тому же, вниманіе публики занято въ это время ожиданіемъ блестящаго зрѣлища бала, огни котораго просвѣчиваютъ сквозь занавѣсъ кабинета. Слышавшіе «Un ballo in maschera» въ Парижѣ и въ Лондонѣ подтверждаютъ справедливость такого соображенія. Ни Маріо, ни Джулини не удалось привлечь вниманіе публики на этотъ номеръ; а вѣдь послѣдній изъ этихъ теноровъ еще славится своимъ искусствомъ исполнять именно романсы.

Но раздаются веселые звуки бальной музыки, и вѣтранный герой забываетъ свое горе, ни мало не смущаясь и вѣстью, принесенною пажемъ, что на балу его ожидаетъ смерть. «Да, я увижу Адецію», говоритъ онъ на мотивъ романса своего въ 1 актѣ, и

Anco una volta l'anima
D'amor mi brillera!

Эту фразу Тамберликъ произноситъ съ такимъ одушевленіемъ, что увлеченный слушатель отъ всей души готовъ простить ему не только пропускъ одного нумера, но и всѣ его сценическіе грѣхи, прошедшіе и будущіе. Да, сердцемъ измѣряется сила этихъ задуманных звуковъ, а не сонометрами или акустическими приборами Каньяръ-Латура. «А все-таки его голосъ слабѣтъ», перебьютъ насъ музыкальные педанты. — Ладно, ладно, отвѣчаемъ мы; такъ не слушайте Арнольда Мельхтала, а наслаждайтесь силою голоса Макса или Дженнaro. Здѣсь кстати замѣтимъ еще одно важное достоинство Тамберлика: никто изъ современныхъ артистовъ не говоритъ серьезныхъ речитативовъ такъ выразительно, какъ онъ; даже самъ Рубини уступалъ ему въ этой важной части искусства. Не говоримъ уже о его безукоризненной чистотѣ итальянскаго произношенія — достоинство, которымъ на нашей сценѣ, кромѣ его да г. Кальцолари, никто не можетъ похвалиться. — Не пора намъ въ «Маскарадъ», куда уже отправился и самъ хозяинъ, бостонскій губернаторъ.

Между танцующими парами разнообразно-костюмированными гостей Ренато отыскиваетъ Оскара и допрашиваетъ его, здѣсь ли

графъ и не что онъ одѣтъ. Пажъ хоть и не подозреваетъ злаго умысла, но увертывается отъ отвѣта и дразнитъ Ренато:

Saper vorreste
Di che si veste.

Эту канцону, исполненную граціи и юношеской веселости, г-жа Бернарди исполняетъ очень мило, такъ что, не смотря на повтореніе кушета въ партитурѣ, публика нерѣдко съ настойчивостью кричитъ ей: bis!

Tra la la, да tra la la, поетъ и приплясываетъ шалунъ Оскаръ, да и проболтался, что черное домино графа украшено розовымъ бантомъ; а Ренато этого и надо было—теперь онъ будетъ выжилять только удобной минуты. — И за этимъ дѣло не стало. Подъ удачно-согласованные мотивы двухъ оркестровъ, изъ которыхъ одинъ играетъ менуэтъ, выходитъ на аванъ-сцену Ричардъ, вѣдя подъ руку Аделію, которая умоляетъ его удалиться для спасенія своей жизни. Тотъ и слышать не хочетъ; люблю, говорить, тебя, Аделія,

E l'universo oblio.

Хотя партія тенора въ этомъ прелестномъ дуэтѣ не совсѣмъ по характеру Тамберликова пѣнія, но весь ensemble этой сцены доставляетъ слушателю много удовольствія. Выразительный, вѣжливый мотивъ, прерываемый шумомъ праздника, весьма удачный аккомпаниментъ, вѣрный, серебристый голосъ г-жи Фьоретти, страстное пѣніе г-на Тамберлика, особенно послѣднія слова прощанія его съ Аделіей:

Anco una volta, addio!
L'ultima volta, addio!

—все это дѣлаетъ большую честь композитору и талантливымъ исполнителямъ его произведенія. Это «addio» было для Ричарда дѣйствительно послѣднимъ: мстительный Ренато наноситъ ему смертельную рану, злобно восклицая:

E tu ricevi il mio!

Большой оркестръ выражаетъ всеобщій ужасъ, а тамъ вдали еще слышны звуки танца. Аделія и Оскаръ въ отчаяніи; замаскированные гости поддерживаютъ раненаго; другая толпа брасается къ убійцѣ съ крикомъ: смерть ему!

No.... lasciate lo.... lasciate!

останавливаетъ ихъ слабымъ голосомъ графъ и объявляетъ другу, что Аделія не измѣнила своему долгу;—Ренато горько раскаивается, но уже поздно: жертва его ревности умираетъ. Всю эту сцену г. Тамберликъ ведетъ съ большимъ искусствомъ и тактомъ; безъ обыч-

выкъ театральныхъ кривлявій овъ выражаеть предсмертныя муки, и спокойнымъ, но раздрающимъ душу голосомъ, произноситъ послѣднія слова:

Addio, miei figli.... per sempre.... addi....

Занавѣсъ опускается.

Если это послѣднее твореніе Верди и не свободно отъ тѣхъ недостатковъ, въ которыхъ добросовѣстные критики давно упрекаютъ плодовитаго маэстро, то тѣмъ не менѣе должно сказать, что «Маскарадъ» задуманъ весьма удачно и выполненъ съ большимъ искусствомъ. Важное преимущество этой оперы надъ прежними произведеніями Верди заключается уже въ томъ, что вся партія оркестра отдѣлана здѣсь съ особеннымъ тщаніемъ и съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Не говоря уже, что большая часть вокальныхъ нумеровъ оперы глубоко прочувствована и исполнена правды, нельзя не замѣтить, что въ этой главной части задачи Верди обнаружилъ много разнообразія, смѣлой находчивости и благоразумной умѣренности. Но есть господа, которые не согласны съ нашимъ мнѣніемъ. Такъ, извѣстный фельетонистъ «Отечественныхъ Записокъ», въ декабрьской книжкѣ этого журнала (стр. 48) высказался въ обратномъ смыслѣ. Мы бы совѣтовали меломану—читателю заглянуть на эту страничку остроумнаго фельетона; — она навѣрно его позабавитъ. Тамъ можно прочесть, наиримѣръ, что «покажется новая опера явится, г. Верди иногда собственноручно дирижируетъ оркестромъ нашей итальянской оперы (ктоже это поднимуть надъ вами? ни разу, такъ ни одного разу, Верди не дирижировалъ нашимъ оркестромъ; да и съ какой стати будетъ онъ заниматься не своимъ дѣломъ), гдѣ теперь идетъ и повторяется одно изъ поставленныхъ нит на сцену произведеній *Balla in maschera*». Но что убѣдительно всего — такъ это заключеніе, противорѣчащее высказанному нами мнѣнію объ оригинальности мотивовъ «Маскарада.» «Въ оперѣ однакожь слышатся часто знакомые звуки (а вы бы хотѣли незнакомыхъ звуковъ) «и мотивы, и вслушиваясь въ нихъ, даже незаписной меломанъ (какъ видите, *on peut être grand et modeste*) узнаетъ, что онъ слышалъ «ихъ въ другихъ операхъ этого композитора. — Такъ вся партія «Фьоретти *es 1 актъ* кажется цѣлкомъ взята изъ *Травиаты* съ не- «большими только перемѣнами; иногда напомнимается вамъ Труба- «дуръ, а раза два.... но это, быть можетъ, мнѣ показалось, тѣмъ не «менѣе раза два послышались мотивы и изъ чужихъ оперъ.» А изъ какихъ наиримѣръ? ну-ка, скажите. Не будѣмъ ужъ говорить, въ какой степени позволительно наводить на композитора это послѣднее подозрѣніе, безъ малѣйшаго основанія, безъ всякихъ доказательствъ, и обратимся къ тому, на что представлены доказательства.

Партія Фьоретти въ 1 актѣ цѣлкомъ взята изъ *Травиаты* — не такъ ли? Да малая же партія? Партія молчала, что ли? Вѣдь у г-жи Фьоретти пальтъ на одной лямкѣ съ 1 актомъ, она даже на сцену не показывается. Вотъ и вѣрьте послѣ этого вѣнныя словамъ. — Если дама, говоря «въ 1 актѣ» вы разумѣли наши первые два акта (т. е. 1 актъ по партитурѣ), то все-таки вамъ плохо приходится: во 2 актѣ г-жа Фьоретти только и поетъ, что въ трио:

Della cita all'occase,

несомнѣнные и вполне оригинальныя красоты котораго, въ особенности его сопрановой, какъ на грѣхъ, партіи, признаны всѣми, слышавшими оперу.

Постановка «Маскарада» на нашей сценѣ не оставляетъ ничего больше желать; костюмы, если и не соответствуютъ эпохѣ и мѣсту дѣйствія, то тѣмъ не менѣе богаты, красивы и даже изящны, за весьма небольшими исключеніями. Всѣ декорации очень хороши; въ 3 актѣ искусно написанный ландшафтъ, при лунномъ освѣщеніи, представляетъ эффектную картину, полную дикой поэзіи; обстановка самаго маскарада великолѣпна. — Опера разучена тщательно и подробно; съ перваго же раза оркестръ исполнялъ свое дѣло съ строгимъ согласіемъ и точностью. Понятно, что при всѣхъ этихъ условіяхъ послѣднее произведеніе г. Верди, по справедливости, заняло мѣсто въ числѣ любимѣйшихъ пьесъ нашего итальянскаго репертуара. До 3-го января «Маскарадъ» давали семь разъ, и всякій разъ театръ былъ почти полонъ, а рукоплесканіямъ и вызовамъ артистовъ, казалось, конца не будетъ. Конечно, не малая часть такого завиднаго успѣха должна быть приписана исполнителямъ; такіе таланты, какъ Тамберликъ, Граціани, Фьоретти и Нантье-Дидье могутъ заставить васъ прослушать съ удовольствіемъ даже посредственное произведеніе. Но главную причину успѣха этой оперы мы, съ полною увѣренностью, полагаемъ въ, сочувствіи лучшаго большинства нашихъ меломановъ (не педантовъ) къ таланту г. Верди и въ несомнѣнныхъ красотахъ послѣдняго его произведенія. — Не далѣе, какъ въ прошломъ мѣсяцѣ, театральная публика наша представила ясное на то доказательство: съ 24 ноября, т. е. со дня пріѣзда г. Верди въ Петербургъ, всякое представленіе его оперъ: «Травиаты» (4-го декабря), «Трубадура» (6-го), «Маскарада» (9-го), непременно оканчивалось громогласными, многогласными, но тщетными вызовами композитора. Одаренный общительнымъ характеромъ, un uomo aggradevole, sociale, какъ говорятъ его пріатели-итальянцы, веселый собесѣдникъ въ кругу друзей, но всегда скромный, Верди избѣгаетъ официальныхъ изъясненій сочувствія, уклоняется отъ овацій; легко можетъ быть и то, что въ упомянутые вечера маэстро

не былъ въ театрѣ, такъ какъ онъ, сколько извѣстно, охотнѣе слушаетъ чужія произведенія. Мы хотимъ сказать только, что при этихъ вызовахъ дѣло не обошлось однимъ разъ безъ комическаго недоразумѣнія, а въ другой—безъ отранной, чтобы не сказать откровеннѣе, выходки. Въ среду, 6 декабря, вызовы Верди были особенно упрямъ; голосъ Тамберлака, объявившаго, что маэстро нѣтъ въ театрѣ, былъ совершенно заглушенъ усиленными требованіями. Чтобы прекратить напрасные крики, принуждены были выслать заслуженнаго суфлера нашей итальянской оперы, г. Гариньяни, съ тѣмъ же извѣщеніемъ. Едва только многочисленные вердисты увидали на сценѣ человѣка не въ костюмѣ, а въ обыкновенномъ сюртукѣ, какъ на него посыпались громы: bravo Verdi! evviva il maestro! bravissimo! Какъ ни старался г. Гариньяни объяснить знаками и словами, что онъ не Верди, — все было напрасно: восторженныя рукоплесканія такъ и проводили его за кулисы. По правдѣ сказать, двадцатилѣтняя служба нашего суфлера, въ его скромной, но весьма важной для гладкаго хода оперы обязанности, заслуживаетъ полной признательности меломановъ; тѣмъ не менѣе это qui pro quo вышло очень забавно.

Въ субботу же, 9 декабря, тотъ же г. Гариньяни опять объявилъ публикѣ, вызывавшей Верди, что его нѣтъ въ театрѣ, — и на этотъ разъ нѣкоторые господа позволили себѣ отвѣчать вовсе незнакому имъ человѣку хохотомъ. Какъ вамъ нравится эта выходка образованной оперной публики? Къ чести абонентовъ надо сказать, что скандалъ произошелъ во время представленія *не въ счетъ абонементна*; но досадно то, что нельзя было опредѣлить, изъ какихъ угловъ преимущественно раздавался этотъ нелѣпный, ужъ чисто пѣтуховскій смѣхъ.

Г. Гейне изъ Тамбова недоволенъ операми Верди; на этого г. Гейне изъ Тамбова не стоитъ обращать вниманія, но какъ въ нашемъ обществѣ есть еще люди, съ небольшою, чѣмъ онъ, основательностью сужаціе о музыкѣ Верди *«единственно по личному впечатлѣнію»*, то мы позволимъ себѣ высказать здѣсь нѣсколько общихъ замѣчаній о характерѣ произведеній талантливаго композитора.

Главнѣйшая причина повсемѣстнаго успѣха его оперъ заключается, по нашему мнѣнію, въ разнообразіи и задушевности его мотивовъ, въ прелести мелодіи и аккомпанимента, но только въ *andante*, отнюдь не въ *allegro*, и, главное, въ постоянномъ соотвѣствіи музыки съ содержаніемъ оперы, каждой фразы съ даннымъ драматическимъ моментомъ. Если прибавимъ къ этому, что Верди выбираетъ для своихъ оперъ сюжеты, имѣющіе отношеніе къ современнымъ общественнымъ вопросамъ, и изъ нихъ, по прину-

ществу, сильныя, съ рѣзко-очерченными характерами лицъ, съ ясно опредѣленными положеніями, то мы поймемъ причину вліянія ихъ на массы слушателей. Музыка его часто говоритъ явѣе самаго Либретто; а эта вытѣчность, ослѣзательность музыкальнаго языка не составляетъ ли одной изъ главныхъ задачъ мелодрамы, оперы? А что такое свойство — неотъемлемая принадлежность большей части вердиевскихъ оперъ, это доказывается тою легкостью, съ которою онѣ понимаются не одними только присяжными музыкантами, но огромнымъ большинствомъ простыхъ смертныхъ, ищущихъ въ музыкѣ одного наслаженія. Какъ современная цѣль науки — просвѣтлять толпу и служить интересамъ народа, такъ современная цѣль искусства — благородно услаждать досуги большинства, а не избранныхъ только, и удовлетворять эстетическимъ потребностямъ массы. Избранные пусть разрабатываютъ науку, двигаютъ ее впередъ; другіе пусть изучаютъ законы искусства, распространяютъ его предѣлы, — но нельзя оставлять массу безъ умственной и душевной пищи. Мы, не обинуясь, отдадимъ преимущество той музыкѣ, которая приводитъ въ восторгъ всю аудиторию, передъ тѣми произведеніями, высокія красоты которыхъ могутъ быть оцѣнены только меньшинствомъ техниковъ, специалистовъ. Вотъ какимъ масштабомъ надо измѣрять достоинство сочиненій популярнѣйшаго итальянскаго композитора, не забывая при томъ, что его музыка, во-первыхъ, вокально-сценическая, не чисто инструментальная, не духовная, а во-вторыхъ, итальянская, не нѣмецкая. Тутъ совсѣмъ другія условія, другія требованія. Содержаніе этой музыки — житейская драма, человѣчскія доблести и пороки, земное счастье и невзгоды; цѣль — дѣйствовать на непосредственное чувство. Итальянская оперная музыка не должна выходить изъ этихъ предѣловъ; въ нихъ она сильна и могуча. Смѣйтесь въ партитурѣ надъ простотой и вульгарностью чисто-итальянской мелодіи, но будь она хорошо истолкована живымъ голосомъ, — на нее отзовется всякая полная и глубокая душа. Измѣрять же современную итальянскую музыку исключительно нѣмецкимъ масштабомъ — это все равно, что измѣрять время единицами вѣса.

Переходя отъ этихъ общихъ разсужденій объ итальянской музыкѣ къ г. Верди собственно, нельзя умолчать, что въ произведеніяхъ его много и такихъ красотъ, которыя удовлетворяютъ самымъ общимъ музыкальнымъ требованіямъ. Вдохновенные нумера нѣкоторыхъ его оперъ, напримѣръ: квартетъ въ *Rigoletto*, тріо въ *I Lombardi*, септетъ въ *Ernani*, финаль 3-го акта въ «*Маскарадѣ*» и еще нѣсколько — признаны самыми глубокими знатоками за произведенія гениальныя.

Было, правда, время, когда многие находили сомнительный талант даровитого маэстро; но вѣдь было же и такое время, когда послѣ музыки Россини, Спиччола, Перголезе и др., называли Россини безталантнымъ композиторомъ галоповъ, вальсовъ и экссессовъ. А этотъ безталантный взялъ да и написалъ «Вильгельма Телля», «Менсее», «Севильскаго цирюльника»!... Что въ многочисленныхъ произведеніяхъ Верди есть недостатки, въ этомъ и спора быть не можетъ. Но что это талантъ самобытный, сильный, разнообразный, что большая часть его произведеній глубоко прочувствованы, исполнены выразительныхъ, прямо въ душу яляющихся мотивовъ, съ удачными аккомпаниментами, что въ его погсевахъ d'ensemble видно много искусства и техническихъ познаній, — словомъ, что оперы его представляютъ много истинныхъ красотъ, какъ музыкальныхъ, такъ и драматическихъ, все это стоитъ вѣдъ сѣмѣнія каждаго добросовѣстнаго судьи, всякаго человѣка, одареннаго музыкальнымъ слухомъ, смысломъ и развитымъ сердцемъ. А ужъ эти избитыя, именно модныя фразы о шумѣ и громѣ вердиевскихъ оперъ, о пошлости его мотивовъ, объ одуряющемъ свойствѣ его эффектовъ—надо предоставить существамъ, награжденнымъ отъ природы только ушами, но не слухомъ.

Мы понимаемъ очень хорошо, что заслуженная, прочная слава г. Верди не нуждается въ нашей защитѣ.

Иосифъ Верди родился въ 1814 г., въ Буссето (Roncolo di Busseto), небольшомъ городкѣ Пармской провинціи.

Первую оперу свою «Oberto di San Bonifacio» молодой маэстро поставилъ на сцену театра la Scala, въ 1839 году. Опера эта понравилась миланской публикѣ, чего никакъ нельзя сказать о второмъ его произведеніи: «Un giorno di regno», или все равно, «Il finto Stanislao» провалилась съ перваго же раза, и никогда болѣе не появлялась на сценѣ. Съ тѣхъ поръ Верди навсегда бросилъ оперу bouffe, къ которой драматическій талантъ его вовсе нескродеиъ. Съ 1842 года плодовитый маэстро ставилъ на сцену ежегодно по одной, даже по двѣ оперы, такъ что до настоящаго времени онъ написалъ всего 24 пьесы.

Мы здѣсь перечислимъ всѣ его произведенія въ хронологическомъ порядкѣ и назовемъ болѣе извѣстныхъ артистовъ, для которыхъ предназначались главнѣйшія въ нихъ роли:

- № 3 1842 въ Миланѣ. . . Nabucco (въ 4 акт.) — г-жа Стрениони.
- » 4 1843 — Миланѣ. . . I Lombardi (въ 4 акт.) — г-жа Френцеллини, г. Гуаско.
- » 5 1844 — Венеціи. . . Ernani (въ 4 акт.) — г-жа Лёве, г. Гуаско.

- № 6 1843 въ Римѣ . . . I due Foscari (въ 3 акт.) — г-жа Барбьери,
г. де-Бассини.
- » 7 1845 — Миланъ . . . Giovanna d'Arco (въ 4 акт.) г-жа Френдо-
лони, г. Колинн
- » 8 — Неаполѣ . . . Alzira (въ 3 акт.) — г-жа Тодолони,
г. Фраскини.
- » 9 1846 — Венеціи . . . Attila (въ 4 акт. — г-жа Лёве, г. Гуаско.
- » 10 1847 — Флоренціи. Macbeth (въ 4 акт.) — г-жа Барбьери.
- » 11 — Лондонѣ . . . I Masnadieri (въ 4 акт.) — г-жа Жемни-
Линдъ, г. Лаблашъ.
- » 12 — Парижѣ . . . Jérusalem (передѣлка «I Lombardi», въ 4
акт.) — г-жа Гельдеръ, г. Дюпре.
- » 13 1848 — Триестѣ . . . Il Corsaro (въ 3 акт.) — г-жа Барбьери,
г. Фраскини.
- » 14 1849 — Римѣ . . . Battaglia di Legnano (въ 3 акт.) — гг. Фра-
скини и Колетти.
- » 15 — Неаполѣ . . . Luisa Miller (въ 3 акт.) — г-жа Гаццани-
га, г. де-Бассини.
- » 16 1850 — Триестѣ . . . Stiffelio (въ 3 акт.) — гг. Фраскини и
Колинн.
- » 17 1851 — Венеціи . . . Rigoletto (въ 4 акт.) — г-жа Брамбилла.
- » 18 1853 — Римѣ . . . Il Trovatore (въ 4 акт.) — г-жа Пенко.
- » 19 — Венеціи . . . La Traviata (въ 3 акт.) — г-жа Дователли.
- » 20 1855 — Парижѣ . . . I Vespri Siciliani (въ 5 акт.) г-жа Кру-
велли, г. Геймаръ.
- » 21 1856 — Парижѣ . . . Le Trouvère (передѣлка «Il Trovatore»,
въ 4 акт.) — г-жа Геймаръ.
- » 22 1857 — Венеціи . . . Simon Boccanegra (въ 4 акт.) — г. Негрини.
- » 23 — Римини . . . Aroldo (передѣлка «Stiffelio» (въ 4 акт.) —
г-жа Лотти.
- » 24 1859 — Римѣ . . . Un Ballo in maschera (въ 3 акт.) — г-жа Де-
жанъ, г. Фраскини.

Лучшими произведеніями Верди всё понимающіе дѣло призна-
ютъ: №№ 17, 24, 4, 6, 3, 5, 15, 19 и 18.

Кстати, приведемъ здѣсь удивившее насъ обстоятельство; Верди
только теперь, въ Петербургѣ, познакомился и впервые слышалъ на
сценѣ Тамберлика, талантъ котораго такъ много содѣйствовалъ успѣ-
шѣху вердиевскихъ оперъ: въ Европѣ и Америкѣ знаменитый пѣвецъ,
этотъ исполнялъ главныя роли въ двѣнадцати (№№ 3, 4, 5, 6, 7, 9,
11, 15, 17, 18, 19 и 24 по вышеприведенному списку) операхъ Верди.

На духъ талантаивый гость нашъ отправляется посмотрѣть Мо-
сву.

При разборѣ «Маскарада» мы уже говорили объ отличительномъ характерѣ сочиненій его автора; теперь скажемъ о немъ нѣсколько словъ, не касающихся музыки. Верди женатъ на знаменитой нѣмецкѣ 30—40-хъ годовъ, Стреппони (Josephine Strepponi). — Въ 1861 году Іосифъ Верди былъ избранъ, отъ дистрикта Пармской провинціи Borgo-San-Donino, въ депутаты итальянскаго парламента, гдѣ съ правдивостью добраго гражданина, d'un bon cittadino, честно оправдалъ довѣріе своихъ избирателей.

Въ прошломъ году поставлена на нашу итальянскую сцену еще новая, третья въ нынѣшней сезонъ пьеса: 30-го декабря, въ бенефисъ Кальцолари, дана была опера Флотова—«Александръ Страделла».

До представленія многіе сомнѣвались, чтобы это произведеніе нѣмецкаго композитора, исполненное итальянцами, возбудило интересъ въ нашей публикѣ, привыкшей восхищаться по преимуществу страстными итальянскими мотивами или эффектными операми Мейербера. Но съ перваго же представленія опасенія эти оказались совершенно напрасными: опера имѣла полный и совершенно заслуженный успѣхъ. Такое пріятное явленіе можно объяснить себѣ только отличнымъ истолкованіемъ всѣхъ ролей. Съ самаго начала до конца всѣ пять партій были ведены—мало сказать безукоризненно; оркестръ исполнилъ свое дѣло въ совершенствѣ. Мы не помнимъ, чтобы какаа нибудь новая опера съ перваго же раза шла такъ гладко и согласно, какъ «Страделла».

Содержаніе этой оперы весьма простое: Страделла, при помощи своихъ друзей, похищаетъ въ Венеціи любимую имъ дѣвушку, Леонору, отправляется съ ней на родину и тамъ справляетъ свадьбу. Опекунъ Леоноры, брюзгливый старикъ Басси, подкупаетъ двухъ бродягъ, закоснѣлыхъ злодѣевъ, Мальволио ж Барбаринно, убить Страделлу. Тѣ принимаютъ предложеніе, отправляются на поиски и находятъ скромное жилище молодой, счастливой четы; они легко втираются въ ихъ домъ и уже готовы совершить преступленіе, но талантъ пѣвца, добродушіе и ласковое гостепримство хозяина удерживаютъ ихъ рѣшимость. Обманутой въ своихъ ожиданіяхъ, Басси является самъ въ Римъ, застаётъ бандитовъ въ этой нерѣшимости, и обѣщая имъ горы золота, снова заставляетъ ихъ взяться за ножъ. Выждавъ удобную минуту, когда Страделла, оставшись одинъ, ренетируетъ гимнъ для пѣнія въ церкви, убійцы подкрадываются къ нему; но расстроенные до глубины души его вдохновеннымъ пѣніемъ, они не въ силахъ поднять на него руку; смеленные злодѣи признаются пѣвцу въ своемъ зависѣлѣ, и цалуя его одежду, въ слезахъ раскаянія, умоляютъ простить ихъ. Добрый Страделла, ра-

зубится, не заставляютъ себя долго просить и торжественно благодарить Бога за избавленіе отъ вѣрной смерти.

Основаніемъ для такого сюжета Флотовской оперы послужило истинное происшествіе. Страделла (Alessandro Stradella), знаменитый итальянскій пѣвецъ и композиторъ XVII вѣка, былъ однажды дѣйствительно обязанъ своему таланту и голосу спасеніемъ жизни, которой угрожала вражескій истребитель. Но на дѣль-то самъ убійца имѣлъ личныя причины ищенія. Страделла отбилъ у него хорошененькую венеціанку, по имени Гортензіо, на которой и женился. Обманутый женихъ рѣшился убить своего счастливаго соперника; но когда услышалъ вѣнне Страделлы, исполнявшаго вмѣстѣ съ другими, ораторію собственнаго сочиненія: *S. Giovanni Battista, a cinque voce, con stromenti* (1676), то изъ ожесточеннаго врага пѣвца сдѣлался его другомъ и умолялъ Страделлу остерегаться мести старика, бывшаго опекуна Гортензіи. — Къ несчастію такое предостереженіе не спасло знаменитаго пѣвца: въ 1678 году, въ Генуѣ, Страделла былъ убитъ наемникомъ злопамятнаго венеціанца, опекуна Гортензіи.

Какъ видитъ читатель, сюжетъ вновь поставленной пьесы не заключаетъ въ себѣ сильнаго драматизма, не представляетъ ни одной патетической сцены. — Но вся эта романтическая опера проникнута тѣмъ счастливымъ спокойствіемъ, тѣмъ пасторальнымъ характеромъ и сельскою простотою, которые навѣвають на душу миръ и тихую отраду.

Симфонія, открывающая оперу, довольно удачно настраиваетъ слушателя; основной мотивъ ея — гимнъ Страделлы, долженствующій разжалобить убійцу его, разработанъ съ большимъ искусствомъ. При поднятіи занавѣса сцена представляетъ прелестный видъ Венеціи, Canale Grande, при вечернемъ освѣщеніи во время карнавала. Къ берегу причаливаетъ украшенная цвѣтными фонарями гондола, изъ которой выходитъ Страделла, и съ аккомпаниментомъ хора своихъ учениковъ поетъ хвалу Венеціи:

O Venezia! tu sei bella,
Quando il sole allegra il ciel. —

Эта прелестная канцона, въ особенности начало ея, производитъ очень пріятное впечатлѣніе. — Роль Страделлы исполняетъ г. Кальцолари. Она какъ нельзя болѣе подходитъ и къ артистическимъ свойствамъ и къ личному характеру любимица нашей публики. Добродушіе, благочестіе сельскаго пѣвца, спокойную совѣсть человѣка, благоговѣніе къ искусству истиннаго артиста, тихую, но теплую любовь, восторженныя чувства вѣры, — словомъ, всю возвышенную, епную натуру Страделлы, этого *il primo Apollo della musica*, какъ

называли его современники, г. Кальцолари воспроизводитъ съ выразительною вѣрностью и возбуждаетъ живую симпатію къ этой поэтической личности.

Самая наружность артиста, пріятная и выразительная, его смело-войно серьезное и доброе лицо, его скромныя манеры весьма удачно соответствуютъ идеалу вдохновеннаго пѣвца XVIII вѣка. — Всѣ костюмы его въ этой роли весьма красивы и, въ то же время, исторически вѣрны (*).

Серенада Страделлы, которую онъ поетъ подъ балкономъ спящей возлюбленной, чтобы вызвать ее изъ дому:

Caro, il tuo bene a te sen viene,

производила бы, думаемъ мы, еще большее впечатлѣніе, если бы оркестръ сопровождалъ вѣжному голосу пѣвца не такъ громко. — При появленіи Леоноры, Страделла поетъ съ ней *notturno*:

Per colline e valli erbose;

номеръ этотъ проникнутъ истиннымъ чувствомъ, и, при счастливомъ соотвѣтствіи голосовъ г. Кальцолари и г-жи Фьоретти, исполняется весьма успѣшно. — Финаль 1 акта заключаетъ въ себѣ веселый хоръ карнавала и неизбежную въ такихъ случаяхъ тарантеллу. На вызовъ Страделлы, многіе изъ толпы гуляющихъ предлагаютъ ему свои услуги для избавленія Леоноры отъ ненавистнаго ей опекуна; веревочная лѣстница принесена и дѣло слажено: счастливый пѣвецъ со своей невѣстой садятся въ гондолу и уѣзжаютъ. Ошеломленный старикъ Басси (г. Полонийи) суетится, умоляетъ, бранится — все напрасно: разгульная толпа закружила его и прогнала домой.

Коротенькая прелюдія 2-го акта очень музыкальна. Сцена пред-

(*) Въ фотографическомъ заведеніи Левинскаго (противъ Казанскаго собора № 28) на дняхъ отлично исполненъ, въ разныхъ форматахъ, портретъ г. Кальцолари въ живописномъ костюмѣ Страделлы. — Въ этомъ же заведеніи мы видѣли портреты и карточки другихъ итальянскихъ артистовъ; всѣ они сдѣланы очень хорошо, но особенно удачно вышли карточки г-жи Фьоретти и гг. Кальцолари, Графани и Анджелини. Кстати, мы слышали, что хозяинъ этого заведенія, М. Н. Кучаевъ, предпринимаетъ изданіе (по возможности великихъ коллекцій) фотографическихъ портретовъ-карточекъ знаменитыхъ и современныхъ художниковъ и сценическихъ артистовъ. Эти портреты, всѣ приблизительно одинаковаго характера и по большей части снабженные автографами изображенныхъ лицъ, будутъ продаваться серіями. При этомъ издатель предполагаетъ, со всѣхъ суммъ, выручаемыхъ отъ такой продажи, отдавать болѣе или менѣе значительный процентъ въ пользу литературнаго фонда или же въ пользу ближайшихъ художниковъ, актеровъ и хористовъ.

ставляется домъ Страделлы, дѣлится сельской дѣрнѣ. Все готово къ свадьбѣ; Леопольдъ, въ подвѣнчномъ нарядѣ, ожидая жениха, поетъ свою любовь и радость:

« *Della gioia che fit seno m'innoada.* »

По окончаніи аріи раздаются звуки колонома, приходитъ Страделла, проситъ благословенія Бога, и ведетъ свою невѣсту въ церковь, сопровождаемый друзьями-поселянами. — Когда сцена остается пуста, являютъ, одинъ за другимъ, Мальволио (г. Эверарди) и Барбариню (г. Беттини); не узнавъ другъ-друга, они было подрались, но потомъ, расхохотавшись, начинаютъ братски обниматься и взаимно спрашиваютъ о семейныхъ дѣлахъ. Когда же смекнули, что порученіе убить Страделлу играетъ между ними роль кости, брошенной собакамъ, они опять зубъ-за-зубъ; но и тутъ скоро поладили: «такъ и быть, говорятъ; раздѣлимъ между собой и деньгу и опасность», — и снова давай обниматься.

По окончаніи свадебнаго обряда гости привѣтствуютъ молодую чету; къ нимъ пристраиваются Мальволио и Барбариню. Изъ этого составляется очень хорошій квартетъ съ хоромъ; начинается пиръ. Страделла радушно угощаетъ всѣхъ гостей, въ особенности двухъ незваныхъ, этихъ buoni cristiani, какъ они себя называютъ, — и даже предлагаетъ имъ пріютъ у себя. Имъ только того и надо; они пьютъ, поютъ и пляшутъ. — Финальную пѣсню двухъ вѣнчицъ:

Dal tino sgorga il vin, il vin,

гг. Эверарди и Беттини исполняютъ такъ ловко, съ такою искреннею веселостью, что весь театръ смѣется и всякій разъ требуетъ повторенія этого забавнаго нумера; жалко только, что голосъ г. Беттини слабовать: нѣкоторыя ноты его совсѣмъ пропадаютъ. Слѣдующіе за этой сценой танцы весьма кстати оживляютъ сельскій праздникъ.

Хотя мы и не раздѣляемъ чичиковскаго вкуса къ «балетамъ и другимъ пріятностямъ», но должны здѣсь сказать, что характерный танецъ съ кастаньетами, исполненный такою стройною, граціозною танцовщицею, какъ г-жа Кемпана, доставляетъ весьма пріятное развлеченіе. — Равеселеніемъ почти пресатъ хозяина пѣтъ, и Стрелла востъ три куплета о томъ, какъ Сальваторъ-Реза былъ оставленъ абружцами, разбойниками, которые, увидя, что итальянскіе ихъ знаменитый художникъ, пролазавший отечество, ратчасъ не отпустилъ его. «Да, да, разбойникъ, умѣетъ удержатъ, палачъ», — говоритъ чело. Страделла свой рассказъ, который заводитъ радумье на Мальволио и Барбариню; дѣмъ не менѣе, они подмываютъ его гослопримитъ спромъ и вѣстѣ съ хозяевами входятъ въ домъ.

Въ послѣднемъ актѣ дѣйствіе происходитъ въ квартирѣ Страделлы, гдѣ новые гости расположились, какъ у себя дома. Вѣсело съ хозяевами они воспѣваютъ красоты Италіи, и каждый изъ нихъ по своему выхваляетъ родную страну. Квартетъ этотъ

Oh! cara Italia!
Oh dolce terra de'padri miei.

исполняется итальянцами, какъ и должно ожидать, съ особеннымъ одушевленіемъ; увлеченіе ихъ, въ особенности г-на Кальцолари, видимо сообщается слушателямъ, которые постоянно требуютъ повторенія этого прекраснаго нумера:

Конечно, эффектъ былъ бы еще сильнѣе, еслибъ г. Кальцолари пѣлъ полнымъ голосомъ; но онъ благоразумно прибегаетъ его къ главной своей аріи, а потому почти всю свою партію въ квартетѣ исполняетъ à mezzavoce, но съ удивительнымъ искусствомъ. — Въ это время за сценой раздается молитва пилигримовъ; Страделла и жена его благоговѣнно вторятъ ей, а Барбарино съ Мальволио продолжаютъ себя горячо дуться alla toga. — Затѣмъ всѣ уходятъ и на сцену прокрадывается Басси, который возобновляетъ переговоры съ измѣнниками и за quatro cento ducati дѣло улаживается. Здѣсь кстати замѣтимъ, что для вторыхъ ролей нельзя желать лучшаго пѣвца, какъ г. Полонини. Въмѣсто слѣдующаго затѣмъ вдохновеннаго гимна Флотова:

O santa, o pia del ciel regina!

г. Кальцолари поетъ церковную арію, сочиненія самого Страделлы, написанную два вѣка тому назадъ. Эта арія:

Pieta Signore! di me dolente,

исполнена такихъ высокиихъ красотъ, что она одна даетъ уже автору право на безсмертіе. — Надо отдать справедливость нашей публикѣ, вовсе неприготовленной къ такого рода музыкѣ: она вѣрно оценила достоинства этой мелодіи. — Правда и то, что въ современной Европѣ нѣтъ пѣвца, который бы соединялъ въ себѣ такъ много условий для передачи подобнаго сочиненія, какъ г. Кальцолари. — Серьезное и основательное музыкальное образованіе, обширное знакомство съ великими твореніями старой школы, отличная метода пѣнія, мягкій и достаточно сильный голосъ, глубокое чувство и тонкое пониманіе искусства, дѣлаютъ этого пѣвца незамѣнимымъ въ исполненіи такихъ произведеній. Впрочемъ признательность свою г-ну Кальцолари

ри публики: сарказъ ироническаго. По окончании «Страделлы» въ театръ съ одинокимъ, и съ товарищами, они и съоты: поспрашиваю: по какому случаю Одаренный отъ природы прекраснымъ телосомъ и органическимъ музыкальнымъ способностямъ; онъ еще ребенкомъ началъ свое музыкальное образование въ домѣ отца; пармскаго педагога.

Талантливая натура молодого ученика развивалась весьма быстро; въ апрѣлѣ 1837 г., четырнадцати лѣтъ отъ роду, онъ уже участвовалъ въ публичномъ концертѣ пармской академіи изящныхъ искусствъ.

Первою ролью, которую исполнилъ Кальцолари на театральной сценѣ, была роль Эрнани. Это было въ 1845 г., на театрѣ La Scala.

Въ томъ же году Кальцолари былъ ангажированъ въ Вѣну, гдѣ и пѣлъ особенно успѣшно въ операхъ Россини и Беллини, къ которымъ такъ хорошо подходитъ его нѣжный, тонко обработанный голосъ. Съ этихъ поръ до 1853 г. Кальцолари, съ постоянно возрастающимъ успѣхомъ, пѣлъ въ Триестѣ, въ Мадритѣ, въ Брюсселѣ, въ Лондонѣ, на королевскомъ театрѣ и наконецъ въ Парижѣ. Во всѣхъ этихъ городахъ онъ оставилъ по себѣ добрую память, какъ граціозный, весьма пріятный теноръ, какъ замѣчательный сценическій талантъ, какъ добросовѣстный и трудолюбивый художникъ и, главное, какъ вокалистъ строгаго вкуса и отличной школы. — Чтобы дать понятіе о разнообразіи таланта, трудолюбіи и музыкальныхъ способностяхъ г. Кальцолари, мы скажемъ, что репертуаръ его состоитъ изъ 47 оперъ. Ангажированный къ намъ въ 1853 г., г. Кальцолари постоянно поетъ на нашей сценѣ, и не переставая замѣтно совершенствоваться съ каждымъ годомъ, успѣлъ заслужить глубокое уваженіе всѣхъ понимающихъ дѣло судей и единодушную любовь публики.

Разобранное нами представленіе «Страделлы» въ бенефисъ Кальцолари было послѣднимъ въ истекшемъ (1861) году, въ которомъ съ сентября мѣсяца дано было всего 14 оперъ. Изъ нихъ дали по 7 разъ вновь представленныя пьесы: «Poliuto» и «Un ballo in maschera», 6 разъ «Травиату», 5 разъ «Эрнани», по 4 раза «Puritani» и «Vaubert», по 3 раза «Осаду Гента», «Лукрецію», «Карла Смѣлаго», «Риголетто» и «Фрейшюца», по 2 раза «Трубадура» и «Норму» и 1 разъ «Страделлу».

Въ ближайшемъ будущемъ нашихъ меломановъ ожидаетъ удовольствие слушать «Отелло», «Донъ-Жуана», и, наконецъ одно изъ лучшихъ произведеній гениальнаго Россини «Моисей» (Зора), который, въ первый разъ по возобновеніи, пойдетъ въ бенефисъ г-жи Фьоретти. Давно, съ 1858 г., петербургская публика была лишена

этого высшего наслаждения. Тутъ онъ болѣзненно испрошиваетъ свидѣть она бенефиса любовной прима-донны и заранѣе благодаритъ ее за такой хорошій выборъ. Въ усиленномъ исполненіи этой оперы трудно сомнѣваться: кромѣ г-жи Фьоретти, въ ней принимаютъ участіе гг. Тамбарини, Анджелини и Эверарди.

И. Д—Д—ВЪ.

3 января 1862.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ.

ЗАМѢТКИ НОВАГО ПОЭТА.

Одно слово по поводу новаго года. — Петербургскіе трескучіе морозы. — Реторическое описаніе петербургской зимы. — Два слова о знаменитомъ петербургскомъ джентльменѣ съ несоразвѣнными бакенбардами. — Новая драма «Ребенокъ» и меломаніе г-жи Святцовой въ этой драмѣ. — Открытіе шахматнаго клуба. — Воспоминаніе о прежнемъ клубѣ. — Первый вечеръ въ новооткрытомъ клубѣ. — Скромное устройство клуба. — Маскарадъ художниковъ. — Литературныя чтенія и спектакли. — Библиотека для чтенія и книжный магазинъ г. Серно-Соловьевича.

Новый годъ!... Сколько, по обыкновенію, прелестныхъ и остроумныхъ страницъ пишутся ежегодно по этому поводу въ нашихъ журнальныхъ и газетныхъ фельетонахъ! Къ этимъ прелестнымъ страницамъ я въ этотъ разъ не прибавлю отъ себя ни одной строчки и даже не привнесу моему благосклонному читателю обычнаго поздравленія съ новымъ годомъ. Я считаю это теперь совершенно бесполезнымъ—во первыхъ, потому, что годъ, прожившій слишкомъ двадцать дней, пересталъ уже быть новымъ годомъ, а во-вторыхъ, что за радость, что человѣкъ постарѣлъ еще однимъ годомъ, когда на плечахъ его и безъ того нависли десятки тяжелыхъ годовъ!... Съ чѣмъ поздравлять тутъ?

Въ нашишніе рождествовскіе и крещенскіе дни Петербургъ пред—

ставляя настоящее царство зимы. Трескучій морозъ рисовалъ картины удивительныя!... Дымъ изъ трубъ днемъ и ночью подымался надъ городомъ густыми бѣлыми клубами. Минерва, сидящая надъ Публичной библиотеккой, покрытая инеемъ, какъ бѣлыми мерлушками, красовалась ежедневно въ часъ заката на багровомъ небѣ, предвѣщая еще сильнѣйшій морозъ. Сумерки тонули въ густомъ морозномъ парѣ; газъ чуть-чуть мелькалъ сквозь кору льда, нарощую на стеклахъ фонарей... За то луна и звѣздное небо сіяли ровнымъ яркимъ свѣтомъ, одинаково для богатыхъ для бѣдныхъ — для жителей Невскаго проспекта и Морскихъ, для обитателей Петербургской и Выборгской сторонъ, гдѣ въ темную ночь можно глазъ выколоть... Лица вовсе не было видно на улицахъ, ни мужскихъ ни женскихъ; однѣ только заиндѣвѣвшія шубы съ поднятыми воротниками, оледѣвѣвшіе салоны и вуали съ бѣлыми кружками у губъ.... Вся роскошь Петербурга исчезла: ледяныя узорчатыя шторы задернули зеркальныя стекла магазиновъ.... Морозъ треща торжествовалъ и владычествовалъ безпощадно, спирая человѣческое дыханіе, сжимая мозгъ, окоченяя и одуревая....

Это риторическое описаніе Петербурга зимою можно бы распространить еще на нѣсколько страницъ; но такъ какъ краснорѣчіе времени Н. Ф. Павлова давно вышло изъ моды, то я умолкаю....

Не шутя, во время этихъ страшныхъ морозовъ, всѣ мы, петербургскіе джентльмены, какъ-то немножко отупѣли и стали еще болѣе апатичны. Я сдѣлалъ эти наблюденія надъ самимъ собою и надъ нѣкоторыми изъ моихъ друзей.... Одинъ изъ нихъ.... Его знаетъ весь Петербургъ; онъ пользуется въ нашемъ свѣтѣ значительною извѣстностію; имя его повторяютъ всѣ — и чѣмъ бы; — какъ бы выдумали, онъ приобрѣлъ эту дестную извѣстность? — очаровательнѣйшими бакенбардами, чудной изящной формы. Дамы наши ощущаютъ трепетъ и волненіе, когда эти бакенбарды приближаются къ нимъ. Такихъ бакенбардовъ нѣтъ ни въ Парижѣ, ни въ Лондонѣ, — за это дѣлаюсь. Представьте себѣ: свѣтлокаштановымъ, съ золотистымъ отливомъ, длиннымъ, нѣсколько выщипанымъ и какъ-то грациозно развѣвающимся въ стороны... волосокъ изъ волоску, легко и едва колеблющимся какъ мухъ отъ дуновенія петербургскихъ вѣсфировъ, и приносящимъ распространяющія благоуханіе. У моего друга-джентльмена, которому принадлежатъ эти восхитительныя бакенбарды, прекраснѣйшій тонкій носъ, аквамариновыя глаза на выкатѣ, множество другихъ достоинствъ; но всѣ эти красоты меркнутъ передъ его несравненными бакенбардами съ золотистымъ отливомъ.... Онъ десятикратно ему одному не легко: онъ восторженно отшучивалъ, отращивалъ ихъ, жонглировалъ, за-

вертывалъ на ночь въ ушаченныя шалютенды, и т. д., и при началѣ ихъ не могъ предвидѣть, до какого идеала дойдутъ онѣ, какъ далеко превзойдутъ всѣ его ожиданія, и сколько блаженствъ доставятъ ему!.. Петрарка не дорожилъ такъ своею Лаурою, Кавуръ своею министерскою властію, Гарибальди единствомъ Италіи, г. Краевскій своимъ домомъ или своимъ журналомъ, какъ мой другъ-джентльменъ дорожитъ своими бакенбардами.

Не думайте впрочемъ, чтобы бакенбарды поглощали всѣ его умственныя способности. О, нѣтъ! бакенбарды не мѣшаютъ ему быть человекомъ вполне современнымъ. Онъ ораторствуетъ противъ крѣпостнаго права, онъ прекрасно разсуждаетъ объ высокой обязанности мировыхъ посредниковъ, объ геніѣ Наполеона III, о невѣжествѣ нашего народа, о министерствѣ Рикасоли, о томъ, что «noblesse oblige» должно быть девизомъ каждаго русскаго дворянина. Онъ за гласность, онъ большой либералъ, но конечно не до того, чтобы торжественно передъ лицомъ всего міра отказаться отъ своихъ дворянскихъ правъ, по вызову И. С. Аксакова.

Развивая эти насущныя современные вопросы, онъ, впрочемъ, и въ эти минуты не забываетъ своего лучшаго украшенія... Онъ говорить, говорить и въ то же время слегка и любовно поглаживаетъ бакенбарды своею бѣлою рукою, съ розовыми, прекрасно выточенными ногтями....

Говорятъ, что одни бѣдные страдаютъ отъ этихъ варварскихъ морозовъ. Это несправедливо.... Для богатыхъ джентльменовъ эти морозы такъ же нестерпимы. Вообразите, въ теченіе цѣлаго мѣсяца мой джентльменъ не могъ украшать Невскаго проспекта своими бакенбардами, члѣнять и удивлять ими.... До бакенбардъ ли было, когда носъ нечаянно было высухуто изъ подъ шубы, когда демократическій морозъ безъ разбору одинаково посягалъ на извожничьи и на джентльменскіе носы, и покрывалъ одинаково инеемъ и ледяными сосульками невѣжественныя и всклокоченныя бороды мужиковъ и изящно расчесанныя, цивилизованныя бороды, усы, бороды и бакенбарды, ушаченныя различными косметиками, венгерскими помадами и такъ далѣе?... Во все время этихъ варварскихъ морозовъ джентльменъ мой былъ не въ своей тарелкѣ, почти не говорилъ о современныхъ вопросахъ, только проклиналъ климатъ своего отечества, совершенно разстроивавшій гармонію его бакенбардъ, и все съ безпокойствомъ смотрѣлся въ зеркала, поправляя разстроенныя волосы.

Въ этихъ гинсерборейскихъ странахъ жить нѣтъ никакой воз-

можности, *chér ami!* говорилъ онъ мнѣ, поглаживая свои бакенбарды. — Не правда ли?... Это ужасъ что за морозы!

— Да, безобразный холодъ! отвѣчалъ я.

— Именно *безобразный*. *C'est le mot!*

Минуть десять мы все говорили о морозѣ.... Онъ отзывался о морозѣ съ большой ироніей.

Этотъ интересный разговоръ происходилъ въ одинъ изъ антрактовъ бенефиса г. Бурдина.

Надобно замѣтить, что изящные джентльмены, подобные моему джентльмену съ несравненными бакенбардами, удостоиваютъ посѣщать изрѣдка Александринскій театръ въ бенефисы нѣкоторыхъ изъ его артистовъ—отчасти, конечно, для поощренія бенефициантовъ, но главное по причинамъ совершенно постороннимъ, вовсе не касающимся драматическаго и сценическаго искусствъ, объяснять которыя я почитаю нескромностію.

Такіе джентльмены смотрятъ обыкновенно болѣе въ какую нибудь изъ ложъ бель-этажа, чѣмъ на сцену....

Кстати о бенефисѣ Бурдина.... Я ужъ скажу о немъ два слова, — не о бенефисѣ собственно, а о новой драмѣ, которая между прочимъ дана была въ этотъ бенефисъ.... Читатель,—я питаю себя этою пріятною надеждою, — не будетъ слишкомъ взыскателемъ ко мнѣ за мою непослѣдовательную болтовню.... Я брошу моего джентльмена съ бакенбардами, на минуту, а можетъ быть и на всегда.... Отъ этого читатель не будетъ въ потерѣ.

Итакъ я перекожу отъ изящныхъ бакенбардъ, украшающихъ клубы, театры и Невскій проспектъ, отъ красивѣйшаго изъ джентльменовъ, къ только-что народившемуся на сценѣ Александринскаго театра «Ребенку», который надрыветъ сердца у чувствительной публики этого театра своими стонами, слезами и вздохами въ теченіе 4-хъ актовъ!

Что же это за «Ребенокъ»?

Я сейчасъ буду имѣть честь объяснить это.

«Ребенокъ» — плодъ фантазіи молодаго драматическаго писателя г. Боборыкина, автора «Одноворца».... Ребенка зовутъ Вѣрочкой. Вѣрочка дочь помѣщика 2,000 душъ, г. Хлѣбоводова. Хлѣбоводовъ человекъ лѣтъ подлѣ 50,—то, что называется *si-devant bel homme*, подкрашивающій сѣдину на вискахъ и усы, еще съ сильнымъ поглазновениемъ нравиться прекрасному полу. Онъ вѣроятно началъ свое поприще въ военной службѣ, я убѣжденъ въ этомъ. У него, кромѣ

ребенка Вѣрочки (ребенку лѣтъ 16), еще сыночек Дмитрій, лѣтъ 17, — пустѣйшій мальчишка, соврѣменный Митрофанъ, больная сунруга (за кулисами), которая надѣла сунругу, и молодая вдова — дальняя родственница, Евгения Александровна, *бел-фама*, очень эффектно выступавшая по сценѣ и разыгрывавшая черную роль въ домѣ. — Кромѣ этихъ лицъ, въ пьесѣ есть еще три лица, коихъ и болѣе или менѣе говоряща: учитель Жабоводовыхъ — университетскій кандидатъ, — старая горничная больной жамы и 50-лѣтняя дѣвица Коробова, родственница, въ родѣ шренивадки. Собственно дѣйствующее лицо въ драмѣ одно — ребенокъ Вѣрочка; остальные, начиная съ самаго ея появленія, введены только для того, чтобы *дѣлать реплики* милому «ребенку»....

Дѣйствіе открывается въ саду въ деревнѣ.... Вѣрочка, какъ настоящій ребенокъ, прыгаетъ, скачетъ, гоняется за бабочками и не замѣчаетъ ничего, что дѣлается вокругъ ея. А между тѣмъ маменька ея близка къ смерти, а между тѣмъ папенька ея все шепчется съ молодой вдовой, а братецъ болтаетъ невыносимыя пошлости и безпрестанно укоряетъ рѣзвую сестрицу за дурной тонъ (онъ, какъ всѣ слабые, только и бредитъ *хорошимъ тономъ*).... Учился онъ плохо и не терпитъ своего учителя, къ которому, напротивъ, очень расположенъ Вѣрочка, потому что учитель все толкуетъ ей о *прогрессѣ* и *разумии*. Въ концѣ перваго акта маменька умираетъ, а папенька, кажется, очень довольный этимъ, поглаживая свои накрашенные усы, утѣшаетъ дочку тѣмъ, что молодая вдова Лидія Федоровна замѣнитъ ей мать. — Онъ вскорѣ женится на вдовѣ.

Смерть матери сильно поражаетъ Вѣрочку. Жизнь коснулась ея. Изъ шаловливаго ребенка она вдругъ дѣлается серьезной дѣвушкой и начинаетъ не на шутку задумываться о своемъ положеніи. Въ это время старая горничная ея умершей маменьки, которая все хныкаетъ и покачиваетъ головою, пробалтывается барышнѣ, что ея маменька всегда была несчастлива съ папенькой, что папенька всегда притѣснялъ ее и selbst преждевременно въ могилу, и что въ домѣ до недавняго времени была полнуд власть Евгения Александровна. Муки сомнѣній заброшены въ сердце бѣдной дѣвушки, все измѣнилось и приняло другой колоритъ въ глазахъ ея; домъ жизни нарушился ея внутреннюю гармонию.... Съ этой минуты до самаго конца пьесы, она, несчастная, мечется, стонетъ, плачетъ, доискивается у всѣхъ правды и наконецъ ривается идти къ маменькѣ, и допросить его самого обо всемъ....

Папенька, покручивая усы, приходитъ, конечно, въ большое волне-

не, отвѣчаетъ ей подвольнымъ тономъ и молудловани, и выискивъ, взведенный ея настойчивостію изъ терпѣнія, говоритъ, что и мамонька-то была передъ нимъ не совѣтъ права, и ишляе гришки за собой.... Это еще болѣе поражаетъ и спутываетъ Вѣрочку: уваженіе ея къ мамонькѣ поколеблено, на память нѣжно-любимой ея мамоньки наброшено тѣло. Она не хочетъ вѣрить огду и допытывается правды у старой родственницы-проживалки, которая сначала говоритъ: «да успокойтесь, мой голубчикъ, да не мучьте себя, моя родная»; но Вѣрочка настаиваетъ на нее рѣшительно и проживалка-родственница вынуждена сознаться, что дѣйствительно и мамонька не была права противъ мамоньки.... Все внутри дѣвушки порвано и оскорблено. Ея идеаломъ остался только одинъ кандидатъ—учитель, толкующій ей общія мѣста о *прогрессъ* и *развитіи*.... Между тѣмъ молодая вдова, сдѣлавшаяся ее мачихой, требуетъ, чтобы учитель былъ выгнанъ и упрекаетъ Вѣрочку въ томъ, что она ведетъ себя неприлично съ учителемъ. Учитель однако остается до самаго конца пьесы, и Вѣрочка умираетъ на сценѣ, въ чахоткѣ, сжимая его руку. Мамонька съ своей молодой супругой—двляются въ минуту ея кончины; мамонька проливаетъ нѣсколько слезъ и благословляетъ дочь.... Затѣмъ занавѣсъ опускается....

Если бы это самое содержаніе было послѣдовательно и серьезно развито авторомъ въ формѣ повѣсти, мнѣ кажется, такая повѣсть могла бы произвести впечатлѣніе и возбудить со стороны читателей участіе къ героинѣ. Въ драматической же формѣ новое произведеніе г-на Боборыкина не удалось совѣтъ, надо сказать правду. Нѣтъ никакой возможности въ теченіе четырехъ актовъ видѣть на сценѣ непрерывно стоны, слезы, муки сомнѣнія, тоску, отчаяніе и такъ далѣе, при отсутствіи всякаго драматическаго движенія. Если бы хоть по крайней мѣрѣ этотъ учитель пошевелилъ сколько нибудь на живое лицо, если бы онъ могъ сколько-нибудь заинтересовать собой зрителя, а то это самое-то жалкое, бездѣльное, безхарактерное существо, — его даже и существомъ-то нельзя назвать, — это тѣло существа, намекъ на существо, болтающій что-то неопредѣленное о *развитіи* и *прогрессѣ*! На него съѣхало и жалко было смеяться. Изъ этой роли сдѣлать что нибудь было невозможно; разигравать ее г. Мамонька. Въ сценахъ объясненія съ Вѣрочкой слезливый голосъ, выраженіе лица, жесты его были неудачны. Къ довершенію всего, въ этотъ вечеръ у него было, казалось намъ, нѣчто въ родѣ ошуса.

Мнѣ было искренно жаль г-жу Свѣткову З. Она играла «Ребенка» съ большою тщательностію, съ большою старательностію; она одна

несла на себя всю тяготу пьесы: она говорила, страдала, плакала, металась одна за всѣхъ въ теченіе четырехъ актовъ, — и несмотря на все это, она никакъ не могла придать живости и движенія пьесѣ. Это уже не была вина ея. Она сдѣлала все, что могла, и признательная публика вызывала ее послѣ каждаго акта....

Я такъ настрадался въ теченіе этой пьесы и за г-жу Ситкову 3, и за благородныя, но тщетныя усилія автора создать драму изъ содержанія вовсе не драматическаго, что уже не могъ долѣе оставаться въ театрѣ и поспѣшилъ выдти на свѣжій воздухъ....

Къ тому же, я долженъ былъ посѣтить открывшійся въ этотъ день возобновленный шахматный клубъ, помѣщавшійся дѣкогда въ отелѣ Демута и ознаменовавшій свое существованіе великолѣпнымъ пиромъ въ честь Тотлебена, только что возвратившагося въ Петербургъ....

Этотъ патріотическій пиръ я помню такъ живо, какъ будто онъ происходилъ вчера. Сколько горячихъ рѣчей произнесено было за обѣдомъ, сколько продекламировано пламенныхъ стиховъ! Зала задрожала отъ рукоплесканій и криковъ, когда появился нашъ знаменитый поэтъ А. Н. Майковъ, и остановился передъ лицомъ севастопольскаго героя; но когда онъ кончилъ свои стихи, произнесенные нѣсколькими дрожащими, исполненнымъ внутренняго волненія голосомъ, — энтузіазмъ присутствующихъ дошелъ до послѣднихъ предѣловъ: многіе плакали, прижимали другъ друга къ сердцу. Тотлебенъ и князь Васильчиковъ жали руку поэта, обнимали его и цаловали. Литература едва ли не первый разъ такъ близко сходилась съ сановниками. Сановники отзывались съ лестными похвалами о литературѣ.... И давно ли все это было?... Майкова заставляли повторять его стихи нѣсколько разъ....

Наконецъ разстроганный, взволнованный, утомленный всѣми этими оваціями, спичами, стихами, рѣчами, импровизаціями, чтеніями и проч., севастопольскій герой вышелъ изъ-за стола, напутствуемый кричащею толпою, отправился въ читальную комнату, чтобы отдохнуть немножко и заснуть на диванѣ....

Но и здѣсь не оставили его въ покоѣ. Многіе изъ тѣхъ, которые не могли видѣть его близко за столомъ, воспользовались этимъ случаемъ, чтобы посмотреть поближе героя, и подкрадывались къ дивану, на которомъ онъ спалъ; наклонившись къ нему, разсматривали его въ подробности, и такимъ образомъ вполне насыщали свою любознательность.... Со съ вниманіемъ этого ширшества должно быть очень тревожеть: въ комнатѣ была дукота нестерпимая, а

тутъ еще нѣсколько человѣкъ дышали надъ нимъ своимъ горячимъ дыханіемъ!...

На этомъ трогательномъ патріотическомъ пирѣ обошлось, разумеется, и не безъ комическихъ сценъ. Одного ученаго вздумали качать разгулявшіеся его ученики; другой ученый принялъ эту выходку за оскорбленіе науки, разгорячился, поднялъ шумъ, но его удалили въ маленькую комнату и заперли дверь на ключъ; ключъ пропалъ и ученый долженъ былъ просидѣть подъ неожиданнымъ арестомъ болѣе часу, покуда явился слесарь съ инструментами, для того, чтобы вышустить его....

Несмотря однако на то, что шахматный клубъ находился подъ особымъ покровительствомъ одного очень богатаго и знатнаго человѣка, несмотря на то, что въ началѣ множество извѣстныхъ и чиновныхъ господъ были его членами, — клубъ пришелъ въ невозможность существовать за недостаткомъ средствъ, и послѣднее его вспишкою передъ кончиной былъ обѣдъ въ честь Тотлебена. Извѣстно, что карты между прочимъ много способствуютъ къ поддержанію клубовъ; а карты — увы! — исключены изъ шахматнаго клуба....

Между членами стараго шахматнаго клуба было довольно извѣстныхъ литераторовъ, ученыхъ и журналистовъ; въ нынѣшнемъ возобновленномъ клубѣ еще болѣе преобладаетъ въ немъ ученый и литературный элементъ.

Клубъ помѣщается у Полицейскаго моста, въ домѣ Елисѣева, во 2 этажѣ. — Первый годъ члены вносятъ 30 р. с. и затѣмъ будутъ ежегодно вносить по 15 р.

Дорогою отъ Александринскаго театра до клуба я успѣлъ нѣсколько освободиться отъ тяжелыхъ впечатлѣній, произведенныхъ на меня «Ребенкомъ», но еще долго стоны г-жи Сибѣтковой раздавались въ ушахъ моихъ.... Я забылъ упомянуть, что въ ту минуту, когда бѣдная дѣвушка говоритъ (кажется въ 3 актѣ), захлебываясь отъ тоски, что-то въ родѣ этого: «ложь, говоритъ, во всемъ: ложь въ семейныхъ отношеніяхъ, ложь.... не помню еще въ чемъ-то», — какою-то шутникъ въ партерѣ произнесъ вполголоса: — «да это изъ аксаковскаго *Дня!*»... Эти слова вызвали всеобщую улыбку у сидѣвшихъ около шутника, и они, до сихъ поръ смотрѣвшіе на пьесу серьезно, начали подсмѣиваться надъ нею....

«Это такъ всегда бываетъ», началъ было размышлять я, но думая мой оставался у подъяла возобновленнаго клуба. У подъяла я

го не было ни одного экипажа, никакихъ признаковъ движенія... Если бы открывался какой нибудь аристократическій клубъ, — какой бы шумъ надѣлало въ городѣ это открытіе, — какую великолѣпную палатку выстроили бы у подъѣзда, какого толстаго и важнаго швейцара поставили бы у дверей, какую булону дали бы ему въ руку, какое стеченіе экипажей было бы у подъѣзда, какой коверъ разослали бы по лѣстницѣ и такъ далѣе. А тутъ ни швейцара, ни экипажей...

Въ одно время со мной подѣхалъ какой-то господинъ на убогомъ извозчикѣ и мы вмѣстѣ вошли на лѣстницу. У первыхъ дверей второго этажа господинъ позвонилъ. — «Здѣсь клубъ?» спросилъ онъ у отворившаго дверь. — Здѣсь! отвѣчалъ лакей. Я вошелъ вслѣдъ за этимъ господиномъ. Узенькая передняя, вправо двѣ довольно большія комнаты окнами на улицу — залъ и читальная комната, возлѣ читальной небольшая комната, гдѣ помѣщается контора; влѣво отъ передней — небольшія четыре комнаты въ рядъ, изъ коихъ послѣдняя столовая. Меблировка самая скромная, зеркалъ вовсе нѣтъ....

«Ну, что!» подумалъ я, прохаживаясь по этимъ комнатамъ: «если бы привести въ этотъ клубъ моего джентльмена съ очаровательными бакенбардами?...» При этой дикой мысли я даже улыбнулся невольно....

«Что подумалъ бы онъ объ этомъ клубѣ? что сказалъ бы онъ, взглянувъ на эти голыя стѣны, на этотъ смиренный столъ съ закусками въ столовой, на отсутствіе ковровъ, бронзъ, зеркалъ, карселей и зеленыхъ столовъ съ четырьмя свѣчами, на эту толпу неизвѣстныхъ, прохаживающихся взадъ и впередъ, съ простыми, грубыми бородами, съ волосами, къ которымъ никогда не прикасались щипцы артиста-куафѣра, съ бакенбардами какой-то допотопной формы?...»

Я воображаю, какой взглядъ бросилъ бы на все это мой джентльменъ сквозь свое стеклышко, съ какимъ бы ужасомъ бѣжалъ онъ изъ этого клуба и съ какою ядовитой ироніею рассказывалъ бы о немъ другимъ джентльменамъ, своимъ сочленамъ Англійскаго клуба или Яхтъ-клуба!

Вну, бѣдному, привычному судить обо всемъ по внѣшности, по одному наружному блеску, не могло бы и прійти въ его завитую, надушенную и прекрасно расчесанную голову, что эти *неизвѣстные*, на которыхъ онъ бросилъ, по своей свѣтской наивности, такой презрительный взглядъ — все ученые и литературныя знаменитости, что все это философы, поэты, романисты, журналисты, политико-экономы, историки, все коноводы общественнаго мнѣнія....

Попасть въ такую среду ума, талантовъ, знаній — величайшее счастье, и по мѣрѣ того, какъ эта мысль овладевала мною, я благословлялъ судьбу, допустившую меня въ эту среду, и виѣсть съ тѣмъ ощущалъ въ некоторую невольную робость. Въ клубѣ было въ этотъ вечеръ человекъ до полсотенѣ: тутъ сошлись два литературныя и ученые поколѣнія — отживающее поколѣние, уже порастратившее свои силы, понестощившееся въ борьбѣ съ жизнью, и молодое — полное энергій, жаждущее дѣятельности, чувствующее преизбытокъ силъ. Когда я сталъ вглядываться въ сидящія и ходящія группы, въ которыхъ отживающее поколѣние перемѣшивалось съ новымъ, мнѣ показалось, что между всѣми этими людьми безбородыми юношами и зрѣлыми мужами съ просѣдою на головѣ, царствуетъ несокрушимое единодушіе, полное согласіе, что всѣ они одинаково проникнуты идеєю общественнаго блага; что молодое поколѣние смотритъ съ уваженіемъ на отживающее поколѣние, потому что продолжаетъ дѣло, имъ начатое, и что отживающее поколѣние, въ свою очередь, смотритъ съ любовью на молодое поколѣние; что всякія мелкія, личныя отношенія и взгляды совершенно чужды имъ, что клеветы, сплетни и различныя эгоистическія пошлости, разъединяющія обыкновенныхъ людей — непонятны этимъ благороднымъ жрецамъ науки и искусства.

Я сѣлъ на стулъ, всторонѣ отъ всѣхъ, и долго съ какимъ-то наслажденіемъ прислушивался къ ученому и литературному гулу, который казался мнѣ величественнѣе шума морскихъ волнъ.

Мнѣ стало легко и весело, хотя въ комнатахъ было до 25 слишкомъ градусовъ тепла и дышать было нѣсколько трудновато. Самое скромное ламповое освѣщеніе, застилаемое притомъ табачнымъ дымомъ, казалось мнѣ ярче солнечнаго.

«Въ какомъ другомъ клубѣ можно найти такое единомысліе, такую гармонию?» думалъ я. — «Въ богатыхъ и раззолоченыхъ клубахъ джентльмены обыкновенно сходятся и сближаются изъ видовъ; корысти всѣ ихъ тайныя и явныя союзы основаны на этой постыдной страсти. Тамъ на первомъ планѣ одни только деньги: каждый неопытный или горячій господинъ съ туго-набитымъ карманомъ, появившійся въ раззолоченный клубъ, дѣлается сейчасъ добычей. За нимъ охотятся, какъ за зѣбремъ, ловятъ его въ обѣты, и по свѣтлѣющей окончаніи охоты дѣлятъ добычу.... Тамъ одинъ существенный интересъ — карты; тамъ на людей не играющихъ въ карты смотрятъ какъ на пустыхъ и бесполезныхъ членовъ. Въ одномъ изъ таковыхъ клубовъ нѣсколько глубокомысленныхъ джентльменовъ, не играющихъ въ карты, а собирающихся въ особой комнатѣ, для разсужденій

о литературныхъ и библиографическихъ вопросахъ и вообще для общаго интереса, протѣвая остальными своими собраниями по клубу библиографическимъ и чернокнижникамъ!»

Въ возобновленномъ шахматномъ клубѣ все по большей части чернокнижники. Это совершенно чернокнижный клубъ, съ точки зрѣнія картяжныхъ клубовъ. Чернокнижнiе и шахматы — краугольные камни, на которыхъ зиждется онъ.... Кетати о шахматахъ. Гдѣ-то наши великіе шахматисты-игроки — Петровъ и Янинъ — ex professeur de l'Institut.... и такъ далѣе?... Я воображаю, какъ сердца ихъ должны возрадоваться при вѣсти о возобновленіи шахматнаго клуба!

— Да-съ, нельзя же порадоваться открытію этого клуба, скарать мнѣ одинъ поэтъ, недавно прибывшій изъ провинціи, подходя ко мнѣ, крепко пожимая мнѣ руку и смотря на меня съ пріятнѣйшею улыбкою: — вотъ не будь клуба, я можетъ быть и не имѣлъ бы случая встрѣтить васъ....

«Въ самомъ дѣлѣ», подумалъ я, «это была бы великая потеря для меня!»

Поговоривъ съ поэтомъ, я отправился ужинать съ однимъ изъ нашихъ извѣстныхъ мыслителей. Ужинъ оказался неудачнымъ, хотя блюда не наружности и особенно издали имѣли видъ довольно приличныхъ. Для шахматнаго клуба ваялся приготовить обѣды и ужины поваръ сосѣдственнаго съ клубомъ Благороднаго собрания. Обѣды ежедневныя стоятъ 50 к., по четвергамъ обѣдъ въ 1 р. с. Въ первый четвергъ обѣдъ, говорятъ, былъ приготовленъ, человекъ на 60, а съшлось неожиданно болѣе 100 человекъ; впрочемъ, благодаря распорядительности дежурнаго старшины, всѣ ученые, поэты и беллетристы были достаточно насыщены....

Я не знаю, какъ другимъ, но мнѣ по крайней мѣрѣ и въ голову не приходитъ въ тѣ минуты, когда я нахожусь въ соннѣ нашихъ передовыхъ людей, — о какихънибудь пустякахъ: о порядочномъ обѣдѣ, о комфортѣ и о тому подобномъ. Когда есть пища для головы — желудокъ можно заставить молчать.... Да здравствуетъ же и да процветаетъ шахматный клубъ!

Я убѣжденъ, что въ шахматномъ клубѣ никогда не случится ничего подобнаго тому, что случилось нѣсколько лѣтъ назадъ тому въ одномъ избранномъ кружку тогдашнихъ передовыхъ людей. — Въ одинъ вечеръ является неожиданно среди обычнаго кружка весьма неглупый господинъ, никогда не принадлежавшій къ кружку, впрочемъ знакомый каждому изъ его членовъ. «Господа», говоритъ онъ, «я надѣюсь, что вы мнѣ позволите провести съ вами вечеръ. Меня упре-

каютъ постоянно за то, что я всю жизнь вожусь съ дураками. Когда узнаютъ, что я бываю у васъ, въ нашемъ обществѣ — эти упреки прекратятся». Господинъ этотъ былъ принять всѣми очень любезно. Начались обычные толки и пренія о разныхъ современныхъ вопросахъ и о возвышенныхъ предметахъ. Надо замѣтить правду, что пренія на этотъ разъ были важны и скучны. Гость не выдержалъ. Онъ на половинѣ вечера всталъ, взялъ шляпу, привѣтливо со всѣми раскланялся и произнесъ: «нѣтъ, господа, ужъ я лучше поѣду къ дуракамъ!»

Я въ прошломъ году подробно говорилъ о ятмичахъ въ академіи художествъ и о маскарадѣ художниковъ. — Въ нынѣшнемъ году эти пятницы продолжаютъ на прежнемъ основаніи — и въ 10 пятницу (15 декабря) былъ данъ въ залахъ академіи великолѣпный балъ — маскарадъ. Билеты на этотъ маскарадъ, раздававшіеся сначала по 3 р. с., повысились, говорятъ, потомъ до 75 и до 100 р. сер.

Въ 1-й античной галлерей былъ расположенъ театръ, на которомъ были устроены живыя картины и сцены. Послѣ одной изъ такихъ очень отирылось шестіе костюмированныхъ художниковъ въ танцевальную залу.... Разнообразіе и нестрота костюмовъ были удивительныя: рыцари и между ними знаменитый Домъ-Кихотъ съ Санчо-Пансо, кармалиты, арлекины, нешанки, арабы и т. д. Процессія слова возвратилась въ театральную залу, гдѣ представлены были три живыя картины: *Нюрнбергъ ночью*, поставленная г. Боголюбовичъ, *Карлъ V и Тлудатъ*, поставленная г. Вруни, и *Джамальское селеніе*, поставленная г. Вруни и Пришвини....

По окончаніи живыхъ картинъ начались танцы. Танцевальная зала представляла самое пестрое, разнообразное и олушевешное зрѣлище.

Глазъ разбѣгался между этими шпатами съ серпами, оеоліи, мнтервами, феями, маркизами, мордовками, малороссійками и россійками, не зная, на которой изъ нихъ остановиться.... Мужскіе костюмы были также очень разнообразны и оригинальны.

Танцы снова были прерваны представленіемъ пантомимы: «Современный споръ или волшебный колодезь», и возобновились, уже не прерываясь до глубокой ночи.

Балъ-маскарадъ окончился не задолго до разсвѣта; въ залахъ было, говорятъ, до 1000 посѣтителей.

Литературныя чтенія даются чуть не ежедневно въ пользу разныхъ воскресныхъ школъ, бѣдныхъ студентовъ и т. д. Послѣднее чтеніе въ пользу нуждающихся литераторовъ и ученыхъ было особенно замѣчательно: г. Островскій прочелъ своего *Мимиа*. — Объ этомъ замѣчательномъ произведеніи намъ нечего говорить; читатель прочтетъ драматическую хронику г. Островскаго въ этой же книжкѣ «Современника».

Г-жа Ристори заключила свои представленія въ Петербургѣ трагедіею «Норма» въ бенефисъ свой. Въ роли «Нормы» она превосходна. Въ настоящую минуту г-жа Ристори находится въ Москвѣ.

Въ бенефисъ г-жи Розатти данъ былъ новый балетъ г. Сен-Жоржа: *Дочь Фараона*. Балетъ этотъ, какъ и большая часть балетовъ, отличается нестротою и путаницею въ содержаніи; пересказывать это содержаніе было бы неприлично. Въ этомъ балетѣ между скачущими танцовщицами и прыгающими танцовщицами появляются львы, верблюда, обезьяны и мухи. Балетъ длится около пяти часовъ. Сколько терпѣнія надо имѣть, сколько внутренней пустоты, чтобы высиживать до конца такіа представленія!

Мой джентльменъ съ очаровательными бенебардами въ совершенномъ восторгѣ отъ этого балета. Какъ ex-театраль и великій знатокъ хореографическаго искусства, онъ говоритъ, что «Дочь Фараона» одинъ изъ самыхъ великолѣпныхъ балетовъ, которые когда либо появлялись на нашей сценѣ; что г-жа Розатти превзошла самое себя, что у нея классическій стиль и неподражаемая мимика (эти фразы мой другъ джентльменъ заимствовалъ, кажется, изъ какого-то фельетона); что г-жа Кошева, Кемереръ и еще, не помню, какая-то танцовщица, составляютъ славу нашей балетной труппы; что эта труппа первая въ Европѣ—и такъ далѣе.... Онъ упрекаетъ меня въ холодности къ изданнымъ искусствамъ, потому что я не ѣзжу въ балетъ, и прибавляетъ, что мы, русскіе, не имѣемъ достаточнаго патриотизма; иначе мы сорвали бы нашими танцовщицами.

Онъ даже разгорчился по этому поводу, въ противность всѣмъ законамъ свѣтскости, и для успокоенія его я обѣщалъ ему впередъ гордиться нашими хореографическими знаменитостями...

Объ итальянской оперѣ я не буду говорить ни слова, потому что въ этой же книжкѣ нашего журнала представляется подробный отчетъ объ ней; я же отъ хореографіи перейду къ науѣ.

Публичнымъ лекціямъ нѣтъ конца:

Г. Петрушевскій читаетъ лекціи землѣ, а вл. Голлицыи о *правильномъ способѣ землекulturенія*, въ Вольно-Экономическомъ Обществѣ.

Г. Лесгафтъ читаетъ въ таможенѣ для чиновниковъ лекціи *таможеннаго дѣла*.

Г. Иллишъ читаетъ въ думѣ лекціи о *винокурениі*, для будущихъ чиновниковъ по управленію акцизной продажи питей. — Приведемъ любопытныя данныя, представленныя г. Иллишемъ:

«Распространеніе употребленія вина вело за собой увеличеніе, по этой статьѣ, и государственныхъ доходовъ. Въ 1750 г. сборъ питейныхъ пошлинъ равнялся 2,666,909 р., въ 1800 — 12,623,949 р., въ 1850 г. — 52,433,337 р., а въ 1859 — 127,769,480 р.

«Общее количество потребляемаго въ Россіи; ежегодно, вина можно предположить приблизительно въ 60 миллионновъ ведеръ полугара. Если бы ведро продавалось по 3 р. с. только, какъ это предписывается правительствомъ, то цифра дохода отъ вина составляла бы 180 миллионновъ. Но въ дѣйствительности доходъ этотъ слѣдуетъ утратить, потому что только весьма малое количество вина продается въ видѣ полугара, т. е. по 3 р. с. съ ведра, для домашняго употребленія, между тѣмъ большая часть потребляется народомъ подъ различными названіями въ мелочной торговлѣ, по цѣнамъ, гораздо высшимъ. Такъ, полугаръ, среднимъ числомъ, отъ 6 до 7 р. 50 к.; въ отдѣльной же продажѣ, въ ресторанахъ, трактирахъ и подобныхъ заведеніяхъ, платящихъ большіе сборы въ пользу откупа, гдѣ рюмка кюмелю стоитъ отъ 20 до 30 к., рюмка водки 10 и 15 к., — продажная цѣна ведра составляетъ 30, 50 и даже 80 р. с. Такимъ образомъ, цифра получаемого отъ продажи вина сбора, приблизительно, составляетъ отъ 550 до 600 миллионновъ р. с., т. е. почти по 10 р. с. на душу населенія Россіи. Вычтя изъ этого общаго количества сбора 129 миллионновъ, платимыхъ откупомъ правительству, увидимъ, что чистая прибыль отъ откупа и занимающихся мелочною продажей составляетъ до 413 миллионновъ»

А между тѣмъ кончающійся откупъ, вспыхнувъ передъ смертью, хотѣлъ наломить на петербургскихъ трактирщиковъ, рестораторовъ, кандитеровъ и проч. въ 1862 г. за продажу водки — еще болѣе презаблагодѣтельными условіями. — И всѣ трактирщики, рестораторы, кандитеры, за исключеніемъ весьма немногихъ, рѣшились обойтись безъ водки, пива и портера. Посѣтители этихъ заведеній поневолю должны довольствоваться себѣ одними виноградными винами.

Профессора, найдящихся нынѣ за границей, съ дозволенія г. управ-
ляющаго министерствомъ народного просвѣщенія, будутъ также ли-
татъ публикованы сочиненія.

Литературныя новости довольно. Журналистика растетъ съ каж-
дымъ годомъ. Въ нынѣшнемъ году появилось три ежедневныя поли-
тическія и литературныя газеты — «Слово и Печать» (газета мини-
стерства внутреннихъ дѣлъ), «Сынъ Отечества» (преобразившая изъ
ежедневной газеты въ ежедневную) и «Наше Время» (изъ газеты
неопредѣленно выходившей и недоданной въ прошломъ году подпис-
чикамъ также въ ежедневную). Слухи носятся, что Н. Ф. Павловъ,
издатель и редакторъ этой газеты, сумѣлъ въ этомъ году обезпечить
ея существованіе въ новомъ видѣ, независимо отъ подписки, и какъ
истинный джентльменъ удовлетворить прошлогоднихъ своихъ под-
писчиковъ за недоанные имъ нумера. Это чрезвычайно благородно...

Но объ новыхъ изданіяхъ мы поговоримъ впоследствии, а теперь
обратимъ вниманіе нашихъ читателей на второе изданіе «Обломова»,
исправленное авторомъ и только что появившееся въ книжныхъ лав-
кахъ. — И. А. Гончаровъ и на этотъ разъ еще не совсѣмъ, вѣроятно
покончилъ съ своимъ Обломовымъ... Мы убѣждены, что ему придется
держать корректуры и третьяго изданія.

Закончимъ наши замѣтки очень утѣшительною новостью.

И. А. Серно-Соловьевичъ, имя котораго должно быть извѣстно чи-
тателямъ журналовъ, открылъ *Книжный магазинъ и библіотечку для
чтенія* на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви, въ
той самой квартирѣ, гдѣ помѣщался нѣкогда книгопродавецъ Лури. —
Библіотека, приобретенная г. Серно-Соловьевичемъ, принадлежала
нѣкогда Ольгину. Она состоитъ изъ значительнаго количества книгъ
и журналовъ.

Помѣщеніе прекрасное. — Въ комнатѣ для чтенія посрединѣ ог-
ромный круглый столъ, ярко освѣщенный газовой лампою въ нѣс-
колько рожковъ. — Эта комната отличается и уютностію и просторомъ
вмѣстѣ. — Г. Соловьевичъ выписываетъ до сорока повремен-
ныхъ изданій и въ томъ числѣ нѣсколько иностранныхъ журна-
ловъ. — Библіотека его будетъ пополняться съ каждымъ годомъ и
дѣла новой книжной лавки будутъ ведены съ знаніемъ дѣла, съ от-
четливостію и аккуратностію, за что ручается намъ уже одно имя
просвѣщеннаго владѣльца библіотеки, къ которому всѣ наши извѣст-
ные литераторы и журналисты имѣютъ полную довѣренность и объ-
щали ему свое содѣйствіе. — У г. Серно-Соловьевича будутъ главныя
конторы всѣхъ изданій гг. Тиблена, Огрызко, Бабста, Кулиша, «Рус-
скаго Слова», перевода Всемирной Исторіи Шлоссера и такъ далѣе.

Но что всего замѣчательнѣе — въ магазинѣ г. Соловьевича конторскими текущими дѣлами будетъ между прочимъ заниматься дѣла, принадлежащая къ обществу, которая, отвергнувъ общественное предпріиудки, рѣшилась взять на себя эту обязанность, для того, чтобы быть полезной своему семейству. — Это новость утѣшительнѣйшая для всѣхъ нашихъ новостей и заслуживающая большое значеніе.

Мы отъ всей души сочувствуемъ предпріиію г. Серно-Соловьевича и искренно желаемъ ему полныхъ успѣховъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НЕПОВЕРЛИВОСТИ, ПРОЕКТИРОВАННЫЯ ВО РАЗНЫХЪ ЧАСТЯХЪ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНІЯ. — ПЕРЕДАЧА ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ КРЕСТЬЯНЪ ИЗЪ ВѢДОМСТВА МИНИСТЕРСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ ВЪ ОБЩІЯ ИНСТАНЦІИ УПРАВЛЕНІЯ, СЪ ПРЕДОСТАВЛЕНІЕМЪ КРЕСТЬЯНСКИМЪ *обществамъ* НѢКОТОРЫХЪ НОВЫХЪ ПРАВЪ *самоуправленія*. — ВЫГОДЫ НАЧАЛА *самоуправленія* ВЪ УПРАВЛЕНІИ СЕЛЬСКИМЪ НАСЕЛЕНІЕМЪ И ВРЕДЪ ЦЕНТРАЛИЗАЦІИ. — ПЕТЕРБУРГЪ НЕ УЛУЧШАЕТСЯ. — ПЕТЕРБУРГСКОЕ БЕЗДЕНЕЖЬЕ. — ПЕТЕРБУРГСКОЕ И МОСКОВСКОЕ ЗАКЛАДНЫЯ ОБЩЕСТВА.

Новый годъ принесъ намъ пріятныя извѣстія изъ міра правительственнаго. Въ скоромъ времени совершится преобразование всѣхъ болѣе важныхъ частей управленія въ государствѣ. «Сѣверная Почта» передаетъ за достовѣрное, что въ настоящее время *находятъ уже въ окончательномъ разсмотрѣніи* высшихъ государственныхъ учрежденій слѣдующія работы:

1) О главныхъ началахъ преобразованія всей вообще судебной части. Предположенія по сему важному предмету обнимаютъ: а) судостроительство; б) судопроизводство гражданское; в) судопроизводство по преступленіямъ и проступкамъ и г) переходныя мѣры отъ порядка существующаго къ порядку новому.

2) О преобразованіи всей городской и земской полиціи вообще.

3) О порядкѣ составленія, разсмотрѣнія, утвержденія и исполненія государственнаго бюджета, а также частныхъ смѣтъ доходовъ и расходовъ всѣхъ министерствъ и главныхъ управленій.

4) О преобразованіи всего вообще управленія государственныхъ

имуществомъ и о примѣненіи къ государственнымъ крестьянамъ тѣхъ положеній 19 февраля 1861 года, которыя касаются сельскаго общественаго управленія.

5) О примѣненіи сихъ положеній къ крестьянамъ государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ имѣній.

6) Объ устройствѣ народныхъ школъ и вообще о системѣ народнаго образованія.

Мы не знаемъ, въ какомъ именно родѣ совершатся всѣ эти преобразованія, тѣмъ не менѣе ожидаемъ ихъ съ нетерпѣніемъ.... Нужда обновленія многихъ частей нашего управленія, и преимущественно тѣхъ, относительно которыхъ предположены преобразованія, чувствуется уже давно. Каковы бы ни были ожидаемыя преобразованія, во всякомъ случаѣ они принесутъ намъ что нибудь лучше прежняго. Есть нѣкоторыя основанія думать, что они совершатся болѣе или менѣе именно въ томъ направленіи, въ какомъ ожидаетъ ихъ современное общество. Недавно обнаружено *Обозрѣніе дѣятельности министерства государственныхъ имуществъ съ 1837 по 1861 годъ*. Въ обзорѣніи этомъ, составленномъ по выочайшему повелѣнію и представленномъ Государю императору 23 ноября 1861 года, отчасти изложены ожидаемыя преобразованія относительно государственныхъ имуществъ.

Извѣстно, что министерство государственныхъ имуществъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ въ настоящее время, было учрежденіемъ временнымъ. Оно учреждено было главнымъ образомъ для того, чтобы развить *внутреннюю самостоятельность и самоуправленіе въ сельскихъ обществахъ государственныхъ крестьянъ*. По достиженіи этой главной цѣли оно необходимо должно было принять другое устройство, *преобразоваться*. Теперь именно и наступило для него это время. О цѣли учрежденія министерства государственныхъ имуществъ, о его неутомимыхъ дѣйствіяхъ въ видахъ достиженія этой цѣли, о результатахъ этихъ дѣйствій мы имѣемъ прекрасную статью бывшаго товарища министра государственныхъ имуществъ Д. Н. Хруцова, написанную имъ въ защиту *министерства государственныхъ имуществъ 1858 года* и напечатанную въ февральской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» 1860 года. Чтобы дать возможность уравновѣсить читателю смыслъ и направленіе проактивированныхъ вновь преобразованій въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, мы находимъ нужнымъ познакомить его съ статьею г. Хруцова, который былъ товарищемъ министра государственныхъ имуществъ до 1857 года и потому хорошо знакомъ съ духомъ и дѣйствіями этого министерства.

По изысканіямъ г. Хруцова, со времени отдаленной древности рус-

скіе крестьяне находились всегда въ самомъ жалкомъ положеніи по причинѣ притѣсненій отъ имѣвшихъ къ нимъ отношеніе чиновниковъ, — и всѣ наши государя, какъ до реформы Петра, какъ и послѣ реформы, обращали свое заботливое вниманіе на жалкое положеніе крестьянъ и старались, насколько могли, оградить ихъ отъ безчисленныхъ притѣсненій и злоупотребленій.

«До императора Николая, въ теченіе многихъ лѣтъ, также постоянно доходили самыя горькія жалобы на притѣсненія государственныхыхъ, или, какъ тогда они обыкновенно назывались, казенныхъ крестьянъ. Въ 1826 году учреждено было образцовое управленіе въ губерніяхъ Санктпетербургской и Псковской. Недомки въ податяхъ и сборахъ съ государственныхыхъ имуществъ продолжали возрастать въ значительной пропорціи, такъ что къ 1837 году недоборъ простирался до 33 милліоновъ рублей.

«Такое положеніе дѣлъ сильно озабочивало государя, который искалъ средствъ и челоуѣка для исполненія необходимой реформы».

Выборъ государя палъ на графа Киселева, который прежде всего, еще до учрежденія министерства, нашелъ нужнымъ изслѣдовать тогдашнее положеніе государственныхыхъ крестьянъ.

«Изслѣдованія эти показали совершенно хаотическое состояніе крестьянъ и имуществъ. Управленія собственно на дѣлѣ не было; все предоставлено было произволу земской полиціи и неопредѣленнаго съ точностію сельскаго начальства, назначавшагося подъ непосредственнымъ вліяніемъ исправниковъ и казенныхъ палатъ: общественное устройство существовало только по имени, а на шумныхъ и беззорядочныхъ мирскихъ сходкахъ, около кабаковъ собиравшихся, распоряжалось деспотически нѣсколько крикуновъ, извѣстныхъ въ народѣ подъ именемъ коштановъ и мироѣдовъ. Казенныя земли и дѣса оставались болышею частію въ неизвѣстности; подати попадали вмѣсто казначействъ въ карманы земской полиціи, и такъ называемые темныя раскоды окончателью разоряли народъ. Словомъ, вездѣ была беззорядокъ и хаосъ».

«Конечно, корень зла лежалъ главнѣйше въ неустройствѣ вообще полиціи, судовъ и всего мѣстнаго управленія. Прямое и повидимому самое простое средство состояло, слѣдовательно, въ реформѣ всѣхъ этихъ важныхъ частей нашего гражданскаго быта. Но въ то время правительственнымъ понятіямъ, а можетъ быть и средствамъ, не достигая еще того развитія, той зрѣлости, которая нынѣ даетъ возможность приступитъ къ кореннымъ и общимъ преобразованіямъ. По господствующимъ въ то время понятіямъ, лучшимъ средствомъ исправить недостатки какой либо части управленія признавалось: *назвать ее новымъ образомъ, переименовать, упредить, ослуку*. Такъ поступлено было съ казен-

ными крестьянами и имуществами. Въ отношеніи собственно крестьянъ, такъ какъ зло происходило главнѣйшимъ образомъ отъ своеволия чиновниковъ и неурядиства крестьянскихъ обществъ, то министерство поставило себѣ задачей: *развивать самостоятельность силъ сельскихъ и постепенно устранять непосредственное вмѣшательство чиновниковъ въ мирскія дѣла.*

Составленное въ этомъ смыслѣ положеніе о новомъ министерствѣ было учреждено высочайшею властію. Но при примѣненіи его на дѣлѣ встрѣтилось не мало затрудненій.

«Общественное управленіе не существовало; крестьяне не имѣли никакой самостоятельности. Въ каждой мѣстности нѣсколько болѣе зажиточныхъ крестьянъ деспотически управляли дѣломъ, пользуясь великими недозволенными выгодами и притѣсья прочихъ бѣдныхъ и слабыхъ.

«Чтобы поставить на ноги общественное управленіе, дать ему жизнь и силу, недостаточно было опредѣлить его высшнюю форму; надобно было еще тщательно и бдительно слѣдить за постепеннымъ его развитіемъ, за порядкомъ и свободой выборовъ, за правильностію мирскихъ сходоуъ, за правильностію отношеній сельскаго начальства къ крестьянамъ, удерживать однихъ отъ вкоренившейся привычки къ засланію, другихъ возбуждать къ непривычной общественной дѣятельности; однимъ словомъ: воспитывать общину, и вмѣстѣ съ тѣмъ защищать ее слабую отъ непрерывныхъ нападеній и набѣговъ разныхъ высшнихъ властей, столько лѣтъ привыкшихъ распоряжаться казенными имуществами и крестьянами, какъ вотчиной. Какимъ образомъ было возможно исполнить эту трудную, но необходимую задачу, если министерство было обязано вывести наконецъ казенныхъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости чиновниковъ и миродѣоуъ? Надлежало учредить прочную опеку, подѣ покровительствомъ которой крестьянскія общества могли бы постепенно развиваться до степени твердой самостоятельности и правильного самоуправленія. Но изъ кого могла быть составлена такая опека? Разумѣется, изъ чиновниковъ же, назначаемыхъ съ возможною разборчивостію, съ возможною гарантіей въ ихъ честности и пониманіи высокой цѣли управленія.»

Но кромѣ, опеки, на министерствѣ лежали заботы чисто хозяйственныя, главная цѣль которыхъ заключалась въ извлеченіи возможно большаго дохода для казны, безъ отягощенія народа.

Въ исполненіи этихъ задачъ министерству служила по губерціямъ центральная губернская власть въ видѣ палаты государственныхъ имуществъ. Но между этою центральною властію и сельскими обществами были учреждены еще другія посредствующія единицы.

«Эти посредствующія единицы были двойного рода: одні, состав-

ленные исключительно изъ крестьянскаго элемента, ближайшія къ общинамъ, служили для наблюдений за ихъ развитіемъ и для обезпеченія хозяйственнаго управленія; другія, болѣе отдаленныя, представляли правительственный элементъ, опеку, защиту, и казенный интересъ.»

Первыя единицы представляли собою волостныя правленія; вторыя — окружные начальники и помощники ихъ.

«Окружные начальники и помощники ихъ служили въ особенности органами правительственной опеки надъ возникшими общинами. Они должны были лично содѣйствовать на мѣстахъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ у общинъ не доставало умѣнья или силы для охраненія своихъ интересовъ или для исполненія своихъ обязанностей; ихъ роль была вмѣстѣ благодѣтелей и воспитателей. Сверхъ того имъ было ввѣрено мѣстное управленіе казенными имуществомъ, при содѣйствіи волостныхъ правленій.»

Созданное на такихъ основаніяхъ, въ 1838 году, министерство государственныхъ имуществъ существовало и сдѣлало однимъ началомъ въ теченіе почти двадцати лѣтъ. Достигло ли оно тѣхъ результатовъ, для которыхъ было создано?—Общественное мнѣніе, которому, впрочемъ, трудно быть безпристрастну къ странѣ, лишенной почетной гласности (мы говоримъ о прошедшемъ времени), сложилось не въ его пользу. Но многіе ли винили въ сущности затрудненій, съ которыми министерство государственныхъ имуществъ вынуждено было бороться на указанномъ ему пути?

«Кому неавѣстенъ общій характеръ нашего управленія и тяжелое вліяніе развившейся у насъ централизаціи въ ущербъ быстрого теченія дѣлъ и скорого удовлетворенія мѣстныхъ потребностей?

«Мы никому не ставимъ этого въ вину; это зло есть *неизбѣжное послѣдствіе физическаго роста* огромнаго государства, и въ этомъ отношеніи, благодаря Бога, мы достигли уже въ настоящее время той поворотной точки, отъ которой *начинается необходимость коренной реформы*. Но въ теченіе минувшихъ двадцати лѣтъ, это зло имѣло громадное вліяніе на дѣйствія всѣхъ частей управленія, — и министерство государственныхъ имуществъ не избѣгло, конечно, общей участи. Многіе изъ первоначальныхъ усердныхъ дѣятелей должны были постепенно охладѣть, и на мѣсто ихъ часто являлись люди, для коихъ личный интересъ стоялъ выше общаго. Общія недостатки нашего чиновничества отразились и на министерствѣ государственныхъ имуществъ, которое не имѣло особаго средства *создавать людей способныхъ и бескорыстныхъ* и отклонять отъ нихъ естественную силу отчужденной вишней системы и нѣмыхъ полюбившихъ урочаишъ. Надзоръ на огромномъ пространствѣ имперіи, при *безла-*

ности, и преслѣдованіе зла, при общей неудовлетворительности производствѣ и слабой служебной ответственности, однакоже были затруднительны для министерства государственныхъ имуществъ; какъ и для прочихъ управленій, а потому неуспѣхъ его вообще не составляли исключительнаго явленія.

«Относительно ея, составляющей основной характеръ министерства государственныхъ имуществъ, по отношенію ее къ крестьянамъ, слѣдуетъ еще замѣтить, что особенное свѣтлое ея порождено въ этомъ случаѣ болышия и часто неодолимыя препятствія. Дѣло шло, какъ сказано выше, не объ одномъ охраненіи, не объ одной защитѣ, но съ тѣмъ вмѣстѣ и гораздо болѣе о возбужденіи внутренней дѣятельности общины и объ умъреніи ерксидующихъ элементовъ въ нейъ самихъ. Пленинные ли недостатки, низкая ли степень просвѣщенія и грубость нравовъ, долговременное ли давленіе мѣстныхъ властей, а можетъ быть, и всѣ эти причины вмѣстѣ привели постепенно крестьянъ къ времени учрежденія министерства, въ такое положеніе, что имъ была необходима помощь, чтобы стать на ноги, и; такъ сказать, придти въ себя. Въ этомъ заключалось главное призваніе ея. Но чтобы понять такое призваніе, и въ особенности, чтобы приводить оное въ исполненіе, сколько нужно было терпѣнія, любви, умѣнья въ чиновникахъ, на которыхъ возлагалось это трудное дѣло. Только время могло медленно и при постоянной, частью безплодной борьбѣ приводить къ желаемой цѣли. А между тѣмъ безпрестанно приходилось удовлетворять поспѣшныя и нетерпѣливыя требованія администраціи, равны, всенного вѣдомства, вознаграждать время, потерянное отъ дурныхъ дорогъ и недостатковъ средствъ къ переѣзду и т. п. Наконецъ, сами крестьяне слишкомъ часто подавали поводъ къ замѣнѣ общиннаго начала личнымъ распоряженіемъ чиновниковъ, болѣе быстрымъ и окончательнымъ, а потому болѣе согласнымъ съ нравами нашего народа. Все это, конечно, создала г-ра Киселевъ; но, какъ сказано выше, тогдашнія правительственныя понятія не допускали еще возможности коренныхъ реформъ по вѣщимъ частямъ государственнаго управленія, и *оценка, при оцѣнѣ ея несовершенствахъ, составлялась исключительно средствомъ хотѣлъ сколько оградить крестьянъ отъ произвола и положить начало самостоятельности общины.* Отъ послѣднего средства нельзя было ожидать полнаго успѣха; но въ томъ, что сдѣлано, видны все-таки плоды свѣтлаго ума и твердой воли.

«Справедливость требуетъ сказать, что вездѣ, гдѣ ея она досталась въ руки людей добросовѣстныхъ; поклонившихъ свое призваніе, общинное самоуправленіе развивалось и укрѣплялось. Прикрѣпясь этому можно привести много, если смотрѣть безпристрастно, и истина его нисколько не опровергается всеюа хлѣбчанъ у насъ, урксодъ, что министер-

ство государственныхъ имуществъ не обогатило казенныхъ крестьянъ. Если министерство, вслѣдствіе вышеприведенныхъ причинъ, не могло одними своими способами развить въ желаемой степени самостоятельности крестьянскихъ общинъ, то тѣмъ болѣе оно было безсилно къ безусловному умноженію богатства крестьянъ, которое зависить, какъ и для всѣхъ прочихъ сословій, отъ общихъ условій нашего гражданского быта. А какія сословія отличаются у насъ не только богатствомъ, но даже довольствомъ?»

Читатель видитъ, что какъ ни незначительны были результаты, которыхъ достигло министерство государственныхъ имуществъ со времени своего открытія 1838 до 1858 годъ, встрѣтивъ для выполненія своихъ благихъ намѣреній неодолимыя препятствія не только въ неспособности и корыстолюбивъ чиновничьей, которая въ вѣрѣ была опека надъ крестьянами, но и въ тупости и неравности самой среды, не умѣвшей понять цѣли опеки надъ нею, — тѣмъ не менѣе министерство въ теченіе двадцати лѣтъ слѣдовало неуклонно однажды принятымъ имъ началамъ: *развить самостоятельную дѣятельность сельскихъ общинъ; ввести правильное самоуправленіе въ нихъ, устранить олухатительство чиновниковъ отъ ихъ дѣла.*

Послѣдствіемъ этого постоянного твердаго стремленія министерства къ предложенной цѣли было то, что съ 1857 г. оказалась возможность ослабить опеку надъ крестьянами. Съ назначеніемъ въ этомъ году новаго министра государственныхъ имуществъ, г. Муравьева, «кореннымъ началомъ и исходною точкою всѣхъ распоряженій министерства относительно крестьянскихъ обществъ было:

— «*Преобразовать и упростить управленіе государственными крестьянами сообразно потребностямъ времени и приспособить ихъ, посредствомъ уничтоженія излишнихъ надъ ними попечительства, къ самостоятельному заведенію собственными ихъ дѣлами, вліяніе на которыхъ должностныхъ лицъ предполагается ограничить необходимыми наблюденіями или сообщеніями ихъ, въ данныхъ случаяхъ, извѣстнаго характера.*»

— «Въ 1858 году послѣдовало высочайшее соизволеніе на современное и послѣднее преобразованіе управленія государственными имуществами, съ возможнымъ ограниченіемъ попечительства надъ сельскими обществами и сокращеніемъ излишней по вѣлямъ инстанціалъ переезда. Вслѣдствіе этого, до ноября прошедшаго года были упразднены сельскія управленія и расправы въ 34 губерніяхъ, 40 окружныхъ управленій и 24 должности помощниковъ окружныхъ начальниковъ.»

— Министръ министерства государственныхъ имуществъ наше благопріимствіе сдѣлать въ государственныхъ крестьянъ свою опеку, пре-

доставивъ ихъ собственному самоуправленію, и оставивъ въ своемъ завѣдываніи только *управленіе собственно общественными государственными имуществами.*

Составленныя въ этихъ видахъ предположенія представлены уже въ главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія и заключаютъ въ себѣ слѣдующіе отдѣльные проекты:

1) «Проектъ отдѣленія завѣдыванія государственными крестьянами отъ управленія собственно вещественными государственными имуществами, съ сокращеніемъ состава послѣдняго сообразно уменьшенію круга предстоящей ему дѣятельности.»

2) «Проектъ примѣненія къ государственнымъ крестьянамъ тѣхъ именно началъ положенія 19 февраля 1861 года, которыя могутъ способствовать улучшенію быта сельскихъ обывателей, посредствомъ положительнаго опредѣленія условий постоянного пользованія ими казенною землею; посредствомъ облегченія имъ возможности приобретать эту землю въ собственность; посредствомъ ближайшаго означенія имѣющихъ быть отбываемыми крестьянами, за предоставленную имъ въ пользованіе землю, государственныхъ повинностей; и наконецъ *посредствомъ предоставленія имъ некоторыхъ новыхъ правъ съ отмененіемъ передаженія и самоуправленія.*»

3) «Подробный проектъ правилъ для выкупа государственныхъ крестьянами предоставленныхъ имъ въ пользованіе земельныхъ угодій», — и

4) «Проектъ самой передачи управленія государственными крестьянами въ общія инстанціи, *съ сохраненіемъ за перемы некоторыхъ, основанныхъ министерствомъ государственныхъ имуществъ помѣстныхъ учрежденій и съ соблюденіемъ известной постепенности, которую министры государственныхъ имуществъ и внутреннихъ дѣлъ признаютъ, по взаимному согласенію, необходимою въ виду предстоящаго еще устройства общихъ уѣдныхъ управленій, могутъ принять въ свое завѣдываніе массу населенія въ 10 милл. душъ.*»

Изъ всего доселѣ сказаннаго видно, что по самой идее учрежденія министерства государственныхъ имуществъ имѣло въ своемъ управленіи государственныхъ крестьянъ только временную цѣль, собственно ту, чтобы помочь стать на ноги угнетенныя, забытыя сельскими общинами, научить ихъ самоуправленію. Такъ какъ этацѣль, насколько возможно была при безчисленныхъ препятствіяхъ, встрѣчаемыхъ при ея исполненіи, предполагается теперь по крайней мѣрѣ отчасти достигнутою, то бывшая доселѣ описка министерства государственныхъ имуществъ надъ государственными крестьянами уничтожена и управленіе ими передается въ общія инстанціи, но съ сохраненіемъ за ними *некоторыхъ, основанныхъ министерствомъ государственныхъ*

имуществъ помѣстныхъ учреждений и съ предоставленіемъ или нѣкоторыхъ новыхъ правъ въ отношеніи передѣлщиковъ и самоуправленія.

Но такъ какъ самое предоставленіе министерству государственныхъ имуществъ опеки надъ государственными крестьянами, по объявленію бывшего товарища министра государственныхъ имуществъ г. Хрущева, было мѣрое временное, допущенное только въ видѣ изыятія изъ общаго правила, по необходимости, потому только, что при неустройствѣ вообще полиціи, судовъ и всего мѣстнаго управленія, нельзя было иначе охранить ихъ отъ своеволія; критическій, внимательства въ ихъ дѣла разныхъ чиневъ, какъ отдавъ въ опеку особаго учрежденія, — то съ освобожденіемъ крестьянъ государственныхъ изъ опеки министерства государственныхъ имуществъ съ одной стороны, а съ другой съ освобожденіемъ крестьянъ помѣщичьихъ изъ опеки помѣщиковъ, съ поступленіемъ тѣхъ и другихъ въ завідываніе общинъ мѣстнаго управленія, но съ предоставленіемъ тѣмъ и другимъ извѣстныхъ правъ самоуправленія, необходимо требовалось новое устройство полиціи, судовъ и вообще мѣстнаго управленія. Отсюда для насъ дѣлается понятнымъ не только одновременное повеленіе многочисленныхъ реформъ, охватывающихъ почти воъ важнѣйшія части государственнаго управленія, но отчасти вымолняется и то направленіе, которое они примутъ. Ибо, имѣя въ виду все вышесказанное, есть все основаніе думать, что въ какихъ бы формахъ ни совершались предположенныя преобразованія, но они должны организоваться такъ, что на будущее время не будетъ надобности для огражденія крестьянъ отъ своеволія и критическія чиновниковъ прибѣгать къ чрезвычайной мѣрѣ изыятія крестьянскихъ обществъ изъ общаго управленія, что при новомъ устройствѣ полиціи, судовъ и вообще мѣстнаго управленія, крестьяне будутъ имѣть полную возможность развить самостоятельность общинъ и свободно пользоваться дарованными имъ правами самоуправленія.

Другимъ необходимымъ условіемъ для развитія самостоятельности самихъ общинъ и правильнаго ихъ самоуправленія представляется образованіе; ибо весьма трудно, да едва ли и возможно предположить, чтобы крестьяне когда нибудь могли освободиться отъ критическостности чиновниковъ, если они не будутъ сами въ состояніи вести и повѣрять своимъ письменнымъ дѣламъ, не будутъ знать своихъ правъ и степени своей зависимости отъ разныхъ властей. А это все возможно единственно при распространеніи между ними грамотности. Нельзя сказать, чтобы о распространеніи грамотности между крестьянами не заботилось и министерство государственныхъ имуществъ во время опеки своей надъ ними, но столько, на сколько то было возможно при тѣхъ многочисленныхъ прерываніяхъ, которыя оно

встрѣчала вообще въ исполненіи своихъ благихъ намереній отно-
сительно крестьянъ. За 1860 годъ —

Училищъ въ селеніяхъ государственныхъ считалось 2,134; уча-
щихся 93,219,
въ томъ числѣ двѣдочны 14,697.

Съ предположеніемъ освобожденія крестьянъ изъ опеки министер-
ства, дѣятельность его по предмету распространенія просвѣщенія меж-
ду крестьянами значительно усилилось. Въ теченіе 1860 года число
штатныхъ училищъ и вновь учрежденныхъ начальныхъ школъ гра-
мотности увеличилось на 600, а учащихся на 35,000 чел. Нѣтъ сом-
нѣнія, что между прочимъ причиною этой усиленной въ 1860 году
заботливости министерства объ открытіи сельскихъ школъ, была
особенно настоятельно почувствованная нашимъ обществомъ всаду по-
требность народнаго образованія. . . . . Замѣчательно, что въ это время
измѣненъ даже самый способъ устройства сельскихъ школъ, которое
доселѣ держалось. Въмѣсто прежнихъ, опредѣленныхъ точно нѣтатями
и правилами школъ, вѣдѣно было открывать всюду, гдѣ представится
возможность, школы въ такихъ размѣрахъ и формахъ, какія уважутъ
мѣстныя потребности; притомъ, при открытіи ихъ имѣть въ виду и же-
ланіе крестьянъ на учрежденіе у нихъ школы. Въ 1-мъ № «Москов-
скихъ Вѣдомостей» въ статьѣ: *Мысли къ распространенію народнаго
образованія въ Россіи въ 1861 году*, напечатанъ между прочимъ цирку-
ляръ управленіа рязанской палаты государственныхъ иму-
ществъ къ окружнымъ начальникамъ и чиновникамъ особымъ по-
рученій. Циркуляръ этотъ замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что онъ
знакомитъ насъ съ вновь принятымъ порядкомъ учрежденія сель-
скихъ школъ. Это уже не тотъ порядокъ, который мы знали прежде.
Не пренебрега въ немъ заботы о построѣнкѣ красиваго зданія для учи-
лища; нѣтъ помину ни о формѣ, ни о правилахъ, ни о штатахъ и т.
п. Одно требованіе, чтобы крестьянскихъ дѣтей учить вездѣ, гдѣ
только откроется возможность. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ
простой взглядъ на дѣло, на дѣлѣ самый удобоприимчивый, выработался
въ обществѣ, а отсюда и въ администраціи настоятельная потребность
распространенія грамотности въ народѣ. Глубоко сознавая эту потреб-
ность, все наконецъ-то поняли, что ни красивыя зданія, ни формы,
ни правила, ни предписанія не помогутъ дѣлу, если крестьяне не при-
мусолены сами за него и не устроятъ его такъ, чтобы была еще и
сподручно и призваноско. Было имъ свидѣніе: за полсанеко, — и заговор
рыли и закопали востъ чте:

«Съ настоящаго времени организація сельскихъ училищъ должна
получить совершенно иной характеръ. Такъ-называемыя народные
училища должны составлять теперь только исключеніемъ. Общимъ же

правитель должно быть принято то, что сумми общественнаго сбора назначаются только как пособие къ мирскимъ сборамъ. Вместе съ симъ должно избрѣнуть то формальное одиобразіе, съ которымъ введенны училища нѣмъ всѣхъ соображеній съ частными и мѣстными потребностями и средствами крестьянъ; эти потребности и средства должны быть теперь уже приняты за основаніе всѣхъ распорядковъ администраціи по устройству училищъ. Такъ какъ изъ переговоровъ сельскихъ сходковъ обнаружилось все разнообразіе потребностей и средствъ крестьянъ для обученія дѣтей грамотѣ, то лица, обязанныя одѣйствовать усиленному распространенію первоначальнаго образованія между крестьянами, должны въ настоящее время прилагаться къ этому разнообразію и во всѣхъ частныхъ случаяхъ различныхъ мѣстностей и селеній, и затѣмъ усилить свое вниманіе и свою дѣятельность въ опредѣленіи способовъ содержанія училищъ и учителей и въ наблюденіи, чтобы самыя малыя расходы употреблялись по ихъ дѣйствительному назначенію. Однообразныхъ и общихъ распоряженій во цѣлой губерніи не должны ожидать окружные начальники: циркулярныя предписанія не помогутъ дѣлу тамъ, гдѣ все зависитъ отъ искреннаго къ нему сочувствія, при которомъ и самыя малыя средства приобрѣтаются наибольшіе, но возможности, успѣхи. Насильственнымъ дѣйствіемъ и вынужденіемъ, кои замѣчаются въ дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ чиновниковъ по повелѣ дѣльныхъ порученій о распространеніи грамотности, въ настоящемъ дѣлѣ, кромѣ вреда, ничего принести не могутъ. Такъ нѣкоторые довели до согласія приходскихъ священниковъ обучать дѣтей бесплатно; или пріимать на себя расходы по содержанію помѣщеній для училищъ, между тѣмъ какъ эти же священники, являясь потомъ ко мнѣ, прямо предъявляли, что согласіе было только вынужденное. Другіе заявляютъ о желаніи крестьянъ обучать дѣвочекъ грамотѣ и доводить всѣми средствами цифру обучающихся до 153, съ тѣмъ, чтобы наставницы получали по 75 р. жалованья, между тѣмъ какъ на дѣлѣ дѣвочекъ бываетъ менѣе въ училищѣ. На такихъ непрочныхъ основаніяхъ дѣло народнаго образованія никакъ не можетъ идти успѣшно. Я поэтому могу только повторить вамъ, чтобы все вниманіе было обращено на согласованіе дѣйствительныхъ потребностей крестьянъ въ образованіи ихъ дѣтей, съ тѣми средствами, какія сами они предлагаютъ въ видѣ мирскихъ сборовъ, или платы за обученіе каждаго мальчика, и какія могутъ быть обращены имъ въ пособие изъ суммъ общественнаго сбора, по недостатку ихъ собственныхъ средствъ, равно какъ для поддержанія и дальнѣйшаго развитія благихъ качествъ.

«Для нѣкоторыхъ изъ казенныхъ училищъ крестьяне не согла-

сидясь ни на какой мирской сборъ. Въ этомъ случаѣ вы могли бы дѣйствовать сообразно тѣмъ причинамъ, отъ которыхъ происходила отказъ: вследствие ли дѣйствительной бѣдности крестьянъ, временнаго неурожаа, надеждъ, градобитія и т. п., или вследствие замѣтно малыхъ успѣховъ дѣтей, что весьма часто вызываетъ неудовѣріе въ пользу существующей школы; или вследствие недостаточнаго ощущенной потребности въ распространеніи между ними грамотности. Состытственно этимъ различнымъ поводамъ, вы могли бы оставить училище въ настоящемъ положеніи или объявить крестьянамъ, что правительство считаетъ себя обязаннымъ помогать преимущественно тѣмъ крестьянамъ, которые согласившись содержать училище на мирской сборъ, выразили этимъ самымъ сознание въ пользу грамотности, а не тѣмъ, которые дѣтей своихъ сами не могутъ видеть грамотными, и представить въ налату о переводѣ и распредѣленіи суммъ, ассигнованныхъ для этого училища, въ другія, гдѣ надо ожидать большихъ успѣховъ и большого числа учащихся, или наконецъ представить о замѣщеніи наставника другимъ, болѣе способнымъ и дѣлательнымъ» и проч.

Видѣтъ съ тѣмъ, какъ министерство государственныхъ имуществъ усиливало свою заботливость о распространеніи образованія въ народѣ, и духовное начальство обратило на тотъ же предметъ самое дѣлательное вниманіе. Еще въ 1836 году, октября 29 дня святѣйшиимъ синодомъ были преподаны слѣдующія правила касательно образованія помещичьихъ дѣтей:

1) «Обязанность первоначальнаго обученія помещичьихъ дѣтей относится къ обязанностямъ приходскаго духовенства, которое симъ средствомъ и случаемъ должно воспользоваться для исполненія своей безпрекословной обязанности наставлять дѣтей въ крѣпъ и благочестіи.

2) «Сіе обученіе производить домашнимъ образомъ въ доужь одного или двухъ изъ членовъ причта, смотря по способности и по надобности.

3) «Для обученія приходскихъ дѣтей назначаются, по усмотрѣнію епархіальнаго архіерея, мѣстный священникъ или дьяконъ, а иногда и причетникъ, по нуждѣ и способности.

4) «Онъ не только принимаетъ для обученія помещичьихъ, но и располагаетъ къ сему родителей и дѣтей, чему способствуютъ и прочіе члены причта совѣтами и представленіями полновласти; принимаютъ же безъ всякаго договора и безъ требованія возмездія.

5) «Обучать чтенію церковной и гражданской повѣсти; а помещичьихъ и письму. Между тѣмъ учащіеся должны изучать на память молитву Господню, «Символъ Вѣры», десять заповѣдей, стиха: «Бо-

городницъ: Дмитръ радуйся», къ чему учащій присвоюетъ краткое и самопростѣйшее изъясненіе оныхъ изъ катихизиса и главнѣйшія слова изъ священной исторіи, передавая сіе изъясненіе и сіе сказаніе въ видѣ разговоръ и разсказовъ, по временамъ и случаемъ возобновляемостьъ безъ никакой принужденности и буквального вытверживанія на память.

б) «Оказавшіе успѣхи въ церковномъ чтеніи, въ праздничные дни, давать мѣсто въ церкви на клиросѣ, приохочивать ихъ къ церковному пѣнію и, по возможности употреблять къ церковному чтенію, дабы очевидность успѣховъ ихъ служила въ утѣшеніе родителямъ ихъ и въ поощреніе прочихъ къ ученію.

7) «Смотря по удобности, можно къ предметамъ ученія присвокупить начала ариѳметики.

8) «Постоянное время ученія должно продолжаться отъ кончанія осеннихъ полевыхъ работъ до начатія весеннихъ, и примѣрно отъ 1-го сентября по 1-е мая; въ лѣтніе мѣсяцы ученики могутъ собираться по праздникамъ въ послѣобѣденное время для повторенія молитвъ и ученія катихизическаго и священной исторіи, а въ будничные дни чаще или рѣже, какъ позволяютъ сельскія занятія. На іюнь, іюль и августъ ученіе совсѣмъ прекращается.

9) «Учебныя книги, азбука, часословъ, псалтирь и начатки христіанскаго ученія могутъ быть заведены на счетъ церковной кошельковой суммы и считаться церковными.

«Въ сентябрѣ 1860 г., исправляющій должность оберъ-прокурора, князь Урусовъ, предлагалъ святѣйшему синоду о вмѣненіи всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ въ обязанность узнавать о тѣхъ лицахъ духовнаго званія, которые съ особенною ревностью и успѣхомъ занимаются преподаваніемъ въ сельскихъ и городскихъ первоначальныхъ училищахъ, или заводятъ у себя школы, съ тѣмъ, чтобы дѣйствія снѣкъ лицъ, не для превозношенія ихъ, а для примѣра другимъ, были помѣщаемы въ духовныхъ періодическихъ изданіяхъ, и могли служить духовному началству основаніемъ къ безпристрастному слушенію объ участіи лицъ духовнаго званія въ дѣлѣ народнаго воспитанія. На это святѣйшій синодъ 17-го сентября опредѣлялъ: подтвердивъ преосвященнымъ епархіальнымъ архіереямъ о достачленіи трехъбушевскихъ указовъ святѣйшаго синода, отъ 29-го октября 1836 года, свидѣній о лицахъ духовнаго званія, занимающихся обученіемъ цесаревскихъ православитыхъ и раскольническихъ дѣтей, предписать имъ, преосвященнымъ, чтобы они, вмѣстѣ съ тѣмъ собирали и доставляли свидѣнія и о тѣхъ духовныхъ лицахъ, которые по собственному усердію, съ ревностью и успѣхомъ занимаются преподаваніемъ въ

сельскихъ и городскихъ первоначальныхъ училищъ, а для нѣкоторыхъ у себя школы.

«Лѣтомъ 1861 года, святѣйшій синодъ обратилъ вниманіе на то:

«1) Что при церквахъ Вологодской епархіи, въ 1860 году, было до 56 сельскихъ школъ и въ нихъ учащихся мальчиковъ и дѣвочекъ 3,162.

«2) На то, что для доставленія городскому и сельскому духовенству средствъ къ успѣвнѣйшему образованію народа со стороны святѣйшаго синода, въ 1860 году, слѣдено уже распоряженіе о разсылкѣ въ весьма значительномъ числѣ экземпляровъ по всѣмъ епархіямъ, для продажи, по самой дешевой цѣнѣ (6 коп.) составленнаго по распоряженію синода букваря, который, кромѣ церковныхъ и гражданскихъ буквъ, заключаетъ въ себѣ утреннія и вечернія молитвы, краткую священную исторію, катихизисъ, краткое правоученіе, начертаніе цифръ и таблицу умноженія, и

«3) На то, что въ томъ же 1860 г. святѣйшимъ синодомъ предписано епархіальнымъ архіереямъ обратить особенное вниманіе на преуспѣваніе народнаго образованія и доносить святѣйшему синоду о тѣхъ духовныхъ лицахъ, которыя съ особенною ревностію занимаютса обученіемъ дѣтей.

«Святѣйшій синодъ о вышеизложенныхъ свѣдѣніяхъ по Вологодской епархіи и распоряженіяхъ своихъ по дѣлу народнаго образованія, опредѣленіемъ 15-го апрѣля 1861 года, предоставилъ оберъ-прокурору, графу Толстому, довести на высочайшее его императорскаго величества воззрѣніе.

«На всеподданѣйшемъ докладѣ по сему предмету его величеству благоугодно было, въ 4-й день іюля, собственноручно написать: «Объ успѣхахъ по этому дѣлу и по прочимъ епархіямъ доносить мнѣ ежегодно».

Надобно думать, что отъ совокупныхъ стараній святѣйшаго синода и министерства государственныхъ имуществъ число сельскихъ школъ въ прошедшемъ году возросло очень сильно. Авторъ статьи: *Мысли къ распространенію народнаго образованія въ Россіи въ 1861 г.*, вѣроятно, житель Рязанской губерніи, говоритъ: «по отношенію къ образованію крестьянскаго народонаселенія въ этой губерніи нынѣшній годъ можно назвать безъ преувеличенія эпохой. Для доказательства довольно указать на число сельскихъ училищъ и число въ нихъ учащихся въ 1860 году и на то же число учителей и школъ, состоявшихъ на лицо къ началу нынѣшняго года. Къ 1861 году въ нашей губерніи было крестьянскихъ школъ въольныхъ 37, въ нихъ учителей 49, учениковъ 1092, ученицъ 235. Къ тому же году казенныхъ училищъ въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ было 79, въ нихъ

востанниковъ 108; учениковъ 3046, ученицъ 477. Всѣхъ школъ 116, учащихся обоего пола 5750.... Но эти цифры учащагося поколѣнія въ теченіе 1861 года совершенно измѣнились. Количество казенныхъ школъ возросло не много, именно къ ноябрю ихъ числилось 84. За то частныхъ школъ умножились на огромную цифру. Къ 1-му прошедшаго ноября ихъ было 575, въ нихъ учащихся мальчиковъ 12,465 дѣвочекъ 1440. Такимъ образомъ въ теченіе десяти мѣсяцевъ вольныхъ сельскихъ училищъ прибавилось 538 и учениковъ обоего пола 12,567..»

Такому быстрому, можно сказать, неизмѣрному умноженію школъ и учащихся нельзя было бы не порадоваться, если бы только было можно вполнѣ убѣдиться въ прочности дѣла и въ несомнѣнной пользѣ его для крестьянъ. А въ этомъ—то именно и очень трудно убѣдиться.

То, что было бы очень хорошо прежде, теперь не будетъ и просто хорошо. Въ наше время народное образованіе непременно должно быть поставлено въ неразрывной, органической связи съ общими образованіемъ въ государствѣ, такъ чтобы сельскіи школы, удовлетворяя мѣстнымъ потребностямъ, пролагали выѣстъ съ тѣмъ нуть къ дальнѣйшему образованію тѣмъ изъ учащихся, которые бы пожелали имъ воспользоваться. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что по мѣрѣ того, какъ будетъ распространяться между крестьянами грамотность, въ нихъ все болѣе и болѣе будетъ пробуждаться потребность знанія, и способнѣйшіе изъ нихъ пожелаютъ сами познаться съ наукою въ тѣхъ ея святилищахъ, въ которыя доступъ въ настоящее время имъ почти совершенно закрытъ. Препятствовать имъ въ ихъ благородныхъ стремленіяхъ къ пріобрѣтенію знаній было бы не только антигуманно, но и противно прямымъ пользамъ государства. Мы прожили уже тысячу лѣтъ, и пора намъ понять, что природа не хочетъ знать нашихъ сословныхъ предразсудковъ, что она, при раздачѣ своихъ умственныхъ даровъ, никогда не придерживается нашей табели о рангахъ, а напротивъ, надѣляетъ талантами, кого, и сколько хочетъ, и что болѣею частію въ этихъ случаяхъ бываетъ благосклонною къ людямъ незначительнаго происхожденія, тѣмъ къ людямъ породы. А какъ сами мы, при всей нашей мудрости, не въ силахъ создать ни одного таланта, то не отыскивать тѣхъ счастливицевъ, которыхъ надѣлила умственными своими дарами природа, оставлять безъ развитія, въ пренебреженіи такихъ людей, какъ Кулибинъ, Хитринъ и другіе, тѣмъ болѣе преграждать имъ пути къ образованію, когда они сами ищутъ ихъ, — значитъ, не только не желать добра своему отечеству, но и намѣренно вредить успѣхамъ его развитія. Поставить просвѣщеніе въ государствѣ на такомъ широкомъ основаніи, чтобы оно, распространяя повсюду элементарныя

свѣдѣнія, необходимыя для всякаго въ будничной, ежедневной жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ въ своихъ высшихъ откровеніяхъ было доступно для всѣхъ желающихъ, безъ различія пола или другаго или сословнаго положенія, — такова потребность нашего времени. Кажется, что эту потребность времени сознаютъ и нѣкоторые изъ нашихъ государственныхъ людей, и потому есть нѣкоторый поводъ ожидать, что новая система народнаго образованія будетъ чужда духа сословнаго партикуляризма. Недавно, въ 4 № «Московскихъ Вѣдомостей», мы не безъ удовольствія прочли слѣдующее извѣстіе: «государственные крестьяне Зубцовской и Ламской волости, Орловской губерніи, по первому предложенію г. управляющаго палатою государственныхъ имуществъ, М. С. Богомольца, объ увольненіи изъ нихъ среды дѣтъ круглыхъ сиротъ, Ивана Мальцева, Зубцовской волости, и Степана Шевырева, Ламской (приготовлявшихся при палатѣ къ царской должности), для поступленія въ орловскую гимназію, — не только дали увольненіе, но еще изъявили въ своемъ постановленіи полную готовность отчислять изъ мірскихъ капиталовъ ежегодно по 100 рублей на содержаніе каждаго изъ нихъ до тѣхъ поръ, пока они будутъ продолжать образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ. Фактъ этотъ обратилъ на себя вниманіе бывшаго министра государственныхъ имуществъ, М. Н. Муравьева, и онъ, въ видахъ поощренія крестьянъ къ сдѣланнымъ въ дѣлѣ народнаго образованія, объявилъ циркулярно по вѣренному ему министерству благодарность крестьянамъ Зубцовской волости». Кстати мы можемъ здѣсь присовокупить, что во время управленія министерствомъ государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьева составленъ особый комитетомъ, учрежденнымъ при министерствѣ, *проектъ положенія о распространеніи между государственными крестьянами образованія, находящійся теперь въ разсмотрѣніи высшихъ государственныхъ учреждений.* Думаемъ, что мы не ошиблись, когда сказали, что новая система народнаго образованія будетъ чужда духа сословнаго партикуляризма.

Во всякомъ случаѣ, мы просимъ читателя твердо помнить, что все это только наши гаданія... Какъ гаданія наши личныя, онѣ даже могутъ и не исполниться. Но гадать такъ или иначе позволительно всякому. Каждый изъ насъ составляетъ всѣ свои гаданія вопрямъ подѣ въліяніемъ своего настроенія. Такъ точно бываетъ и въ гаданіяхъ относительно отечества. Мы всѣ любимъ свое отечество, можетъ быть, и равно горячо, но міросозерцанія о его благоденствіи у всѣхъ весьма различны. Мы, впрочемъ, такъ откровенны съ читателемъ, что не будемъ скрывать отъ него, подѣ въліяніемъ какаго настроенія, независимо отъ высказанныхъ уже нами данныхъ, составились наши гаданія.

Была паданно новыя годъ, — замѣчательнѣйшій для насъ годъ всѣхъ доселѣ бывшыхъ новыя годовъ, въ некоторомъ образѣ эпоха въ нашей государственной жизни, потому что иныя начинается новое тысячелѣтіе нашего политическаго бытія. Въ, — и нивущіе, и нивнущіе, — встрѣтили его несомнѣнными надеждами на всевозможное лучшее въ будущемъ. Но вѣдь должны же быть какіе нибудь залого надеждъ? — Въ чемъ же усматриваются эти залого нашего будущаго благоденствія и процвѣтанія?

Въ томъ ли, что наше государство занимаетъ громадные пространства, что оно имѣетъ огромное населеніе, что въ его обладаніи находится безчисленное множество натуральныхъ богатствъ? — Но вѣдь были же въ древности огромныя государства, съ многочисленнымъ населеніемъ, владѣнія и большими богатствами, которыми падали совершенно неожиданно для нихъ самихъ, и падали не всегда отъ перевѣса матеріальной внѣшней силы надъ ними, а часто отъ превосходства умственнаго и нравственнаго враговъ. Припомнимъ при этомъ хоть Персидское государство, павшее отъ оружія грековъ. Не можемъ же вѣдь и мы думать, чтобы нашей огромной матеріальной силѣ не могла быть противопоставлена не только равная внѣшняя сила, а еще и большая нашей. Объ умственномъ и нравственномъ превосходствѣ многихъ другихъ народовъ надъ нами и говорить нечего. Но положимъ, что мысль о насильственномъ паденіи въ наше время огромнаго и цивилизованнаго государства походить на парадоксъ. Но вѣдь отъ паденія до процвѣтанія неизмѣримая бездна. Какъ и гдѣ отыскать такую мѣру, которою бы можно было безошибочно опредѣлять: идемъ ли мы впередъ, или вѣтъ?

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что огромная территория государства, многочисленное населеніе, обиліе натуральныхъ богатствъ страны не имѣетъ никакого вліянія на внутреннее процвѣтаніе государства. Живое и самое блестящее доказательство этого представляетъ собой Китай. Обращаясь къ древней исторіи, мы видимъ даже такую странность, что здѣсь благоденствіемъ самымъ блестящимъ, самымъ процвѣвающимъ, во все продолженіе своего существованія, пользовались именно государства маленькія. Возьмемъ, напримеръ, хоть финикійскія. Вѣдь что такое была Финикія? Клочокъ земли, при Средиземномъ морѣ, имѣвшій въ длину не болѣе 30 миль, а въ ширину отъ 1 до 2 миль. Земля не имѣла особенныхъ натуральныхъ богатствъ, не была даже настолько плодородна, чтобы пропитывать жившее на ней народонаселеніе. И однакожь въ древности не было ни одного народа, который достигъ бы такой степени совершенства въ промышленности, велъ такую обширную торговлю, вообще пользовался такимъ неизмѣримымъ благополучіемъ, какимъ пользовались финикійцы во все время ихъ суще-

отвояніа. Если разсматривать даже ихъ историческое значеніе, то немного найдемъ въ древности народовъ, которые принесли бы столько пользы человѣчеству, сколько принесли финиціане. Конечно, печати заложенной ими цивилизаціи въ однихъ мѣстахъ были поддѣлены прежде, чѣмъ успѣли развиться и утвердиться прочно; въ другихъ, послуживъ ступенью къ дальнѣйшему развитію, потеряли послѣдствіа финиціанское клеймо. И можетъ быть, если бы исторія одной изъ финиціанскихъ колоній, Карфагена, не сдѣлалась такъ извѣстною по знаменитымъ войнамъ съ римлянами, мы бы и не знали, что финиціане, основывая свои торговыя колоніи, старались не только съ тѣмъ насадить въ нихъ и благодѣтельныя учрежденія своей страны, которыя возвышали впоследствии ихъ колоніи на такую степенъ матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія, на какой находились Карфагенъ во время войны своей съ римлянами. Если угодно, слѣди финиціанской цивилизаціи въ общей исторіи цивилизаціи стертая, исчезла, не оставивъ по себѣ ничего замѣтнаго. Но въдъ въ общей исторіи цивилизаціи остались безслѣдными даже и такіа огромныя государства, какъ Ассирійское, Вавилонское, Египетское, да и вообще всѣ древне-азіатскія государства. Базисомъ европейской цивилизаціи послужила почти исключительно цивилизаціа греческая. Многочисленныя памятники образованійнаго въ древности государства, какъ египетское, не имѣють ничего общаго съ духомъ этой цивилизаціи, и изучаются только какъ предметы любопытства. А кто можетъ основательно доказать: древне-азіатская цивилизаціа имѣла ли какое нибудь вліаніе на развитіе греческаго духа? — И даже вотъ что: древне-азіатскія государства заботились ли когда нибудъ во время своего существованія о томъ, чтобы передать другимъ странамъ плоды своего образованія? — Сколько извѣстно, замкнутость въ самихъ себѣ, полная отчужденность отъ другихъ странъ была общимъ ихъ характеромъ; народы знакомились другъ съ другомъ единственно посредствомъ войны, и только войнами приобрьли себѣ мѣсто въ исторіи. Финиціане, хотя отъ нихъ и не оставалось ничего замѣтнаго въ суммѣ общей цивилизаціи человѣчества, должны стать выше другихъ древнихъ народовъ уже по тому одному, что среди всеобщихъ враждебныхъ отношеній народовъ другъ къ другу, при всюду господствовавшемъ самомъ узкомъ національномъ партикуляризмѣ, они одни вступали во всѣхъ, съ кѣмъ могли, въ дружелюбныя сношенія, переноса имѣствъ съ торговлею и плоды образованія въ самыя отдаленныя отъ центровъ древней цивилизаціи страны, куда другимъ путемъ не могъ бы проникнуть ни одинъ лучъ свѣта. Миниатюрная земелька, съ незначительнымъ сравнительно народонаселеніемъ, была въ свое время единственнѣйшимъ центромъ, изъ котораго незначеніе между народами

братія могли получать какою нибудь свѣтъ. Колоніи финикійскія были весьма многочисленны, въ особенности на островахъ и берегахъ Средиземнаго моря. Торговлю вели они не только со всѣмъ извѣстнымъ тогда міромъ, но и съ странами, которыя тогда были никому неизвѣстны. Они торговали съ недоступнымъ ни для кого Египтомъ, съ Финіціей; изъ Египта и гаваней Чермнаго моря имѣли торговлю сношенія съ Нубіей, Аравіей, Индіей; другими путями проникали до земель Евфрата и до Персидскаго Залива; вели торговлю съ странами, лежащими при Черномъ морѣ и внутри Малой Азіи; но въ особенности была значительна ихъ торговля на Западѣ съ Греціей, Италіей, почти всѣми островами и берегами Средиземнаго моря; на Западѣ Европы она доходила даже до Британскихъ острововъ.

Возьмемъ и еще маленькое государство, Аѳинское, сравнительно съ другими современными ему государствами самое незначительное по народонаселенію, по пространству, по богатствамъ природы. Аттика была небольшою полуостровъ, заключавшій въ себѣ вмѣстѣ съ лежащими близъ него островами, Саламинномъ и Елсною, всего 40 квадратныхъ миль, съ 500,000 жителей, въ числѣ которыхъ было 350,000 невольниковъ. Страна была гористая, въ высшей степени неплодородная, неимѣвшая даже достаточнаго количества прѣсной воды. Аѳины, этотъ поистинѣ мировой городъ всего человѣчества, которому суждено остаться навсегда безсмертнымъ въ лѣтописяхъ науки и искусства, въ которомъ каждый камень иностранная археологія осматриваетъ съ такимъ благоговѣніемъ и вниманіемъ, съ какимъ извѣстный намъ археологъ г. Ундольскій не разсматриваетъ даже старинныхъ кривоковъ нашего потнаго пѣнія, — этотъ великій городъ въ самую цвѣтущую эпоху своего существованія не имѣлъ болѣе 21,000 свободныхъ гражданъ, а всѣхъ вообще жителей не болѣе 70 тысячъ. Если присовокупимъ къ этому, что постройка частныхъ домовъ въ немъ была самая незавидная, улицы неправильныя, то и выйдетъ—Аѳины были городъ самый ничтожный не только въ сравненіи съ древнею Финіціей, но даже въ сравненіи съ современною намъ Москвою. Мы говоримъ даже; ибо какъ ни гордится современная намъ Москва тѣмъ, что она растянулась на необозримыя пространства, что она имѣетъ много дустырей, толстыхъ городскихъ стѣнъ, башенъ, — а древняя Финіція далеко се во всемъ этомъ превосходила. Ибо по сказанію древнихъ, древняя Финіція имѣла въ окружности 14 нѣмецкихъ миль, стѣны ея были такъ широки, что по нимъ могли ѣхать три экипажа рядомъ, въ стѣнахъ было 1500 башенъ, изъ которыхъ каждая была вышиною въ 200 футовъ. Несмотря на такое ничтожество, какое представляли себою Аттика и Аѳины, народъ, населявшій ихъ, въ лучшія времена

своего политическаго существованія наслаждался такимъ цвѣтущимъ благосостояніемъ, какого не имѣлъ ни одинъ изъ современнаго ему народовъ. Афины были блестящимъ центромъ и неотчужденнымъ источникомъ эллиническаго образованія, расадникомъ всѣхъ наукъ и искусствъ; двигателемъ торговли, промышленности, — и неупадевшей блестящей славы сохранили во всей ея свѣжести даже до нашего времени.

Вѣроятно потому самому, что въ древности большія государства азиатскаго происхожденія или характера не представляли въ себѣ ничего привлекательнаго, что цвѣтущимъ благосостояніемъ наслаждались государства маленькія, лучшіе греческіе философы проводили въ своей философій такую мысль, что благоденствіемъ истиннымъ можетъ наслаждаться только государство, имѣющее небольшое число жителей и вмѣстѣ съ тѣмъ небольшую территорию.

«Число, самое не большое, по нашимъ понятіямъ, именно тысяча собственно такъ называемыхъ гражданъ (т. е. свободныхъ), по мнѣнію Платона, уже достаточно для того, чтобы составить государство. Вообще онъ требуетъ, чтобы государство относительно своего состава и пространства было ни великимъ, ни малымъ, и всегда имѣло надлежащую величину и сохранялось единымъ.»

По ученію Аристотеля, «количество собственно такъ называемыхъ гражданъ въ совершеннѣйшемъ государствѣ опредѣляется на основаніи слѣдующихъ соображеній. Государство слишкомъ малолюдное не можетъ быть самодовольнымъ. Напротивъ, государство слишкомъ многолюдное не можетъ быть благоустроеннымъ; дать порядокъ большому числу людей въ состояніи одна божественная сила, которою держится цѣлый міръ. Итакъ для государства достаточно уже того числа гражданъ, при которомъ оно начинаетъ дѣлаться самодовольнымъ. Переступивъ сей предѣлъ, оно можетъ еще оставаться государствомъ; но это не простирается въ безконечность. Для лучшаго отправленія суда, для распредѣленія правительственныхъ должностей по достоинству и проч. граждане должны знать другъ друга; посему наибольшее число гражданъ для государства есть то, которое легко бы могло быть обзорно. Впрочемъ число 5040, какое въ Законахъ назначаетъ Платонъ для своего государства, Аристотель находитъ уже слишкомъ великимъ.»

«Наилучшею по качеству землею для государства Аристотель представляется та, которая изобилуетъ всѣмъ нужнымъ. По пространству она должна быть такъ велика, чтобы граждане отъ ея произведеній могли и сами жить умѣренно, и оказывать другимъ гостеприимство.» (Соч. Невол, Т. I).

Мы приводимъ эти мнѣнія не потому, чтобы мы сами были съ ними

сознаны. Нетъ никакого сомнѣнія, что подобныя мнѣнія выработались путемъ самаго узкаго эмпиризма, который не видѣлъ въ извѣстность въ его время большаго государства ничего привлекательнаго, и запросилъ некогого болѣе истиннаго благосостоянія въ тогдашнихъ маленькихъ государствахъ. Мы видимъ въ наше время, что и государства большія могутъ не только процвѣтать, но процвѣтаютъ гораздо лучше, чѣмъ государства маленькія. Всмотрѣваясь однако ближе въ приведенныя нами мнѣнія двухъ великихъ философовъ, нельзя не примѣтить, что въ словахъ ихъ есть своя доля истины. Если мы обратимъ вниманіе на процвѣтаніе большихъ государствъ нашего времени, то увидимъ, что между процвѣтаніемъ однихъ изъ нихъ и процвѣтаніемъ другихъ есть большая разница. Процвѣтаетъ, напримеръ, въ наше время и Англія, процвѣтаетъ и Франція. Но все мы увѣрены твердо, что если завтра не станетъ королевы Викторіи, то Англія будетъ все-таки процвѣтать попрежнему; и между тѣмъ никто изъ насъ не скажетъ даже приблизительно: будетъ ли процвѣтать Франція, будетъ ли процвѣтать лучше или хуже, чѣмъ теперь, или даже и вовсе не будетъ процвѣтать, если завтра не станетъ Наполеона? — Боже сохрани, чтобы мы думали, что различіе процвѣтаній этихъ двухъ государствъ зависитъ только отъ различія формы ихъ правленія. Дѣло состоитъ не въ формѣ, а во внутреннемъ порядкѣ. Аристотель между прочимъ требуетъ, чтобы граждане въ государствѣ, для лучшаго отправления суда, для распредѣленія правительственныхъ должностей по достоинству и проч. знали другъ друга.

Это послѣднее требованіе и составляетъ ту долю истины въ его мнѣніи, о которой мы сказали выше.

Аристотель хочетъ сказать, что какъ бы ни было попочительно правительство о благѣ народа, какія бы усилія оно ни употребляло для того, чтобы доставить ему благоденствіе, но оно не можетъ этого сдѣлать, если самъ народъ не будетъ содѣйствовать ему въ этихъ усиліяхъ. И хорошіе судьи, и хорошіе администраторы, и другіе органы правительства выходятъ изъ народа же. Само собою разумѣется, что лица, сколько понимающія нужды и положеніе народа, и слѣдовательно вполне способные органы, въ рукахъ правительства для народа будутъ только тогда, когда народъ самъ будетъ ревностно заботиться о своихъ общественныхъ дѣлахъ, когда онъ будетъ знать всѣхъ способныхъ къ дѣлу управленія, суда и т. д. въ своей средѣ и будетъ представлять ихъ правительству, какъ лучшіе для общественнаго благосостоянія органы власти. Такое познаніе обо всѣхъ и каждомъ въ своей средѣ для народа возможно, но мнѣнію Аристотеля, только тогда, когда государство будетъ состоять изъ небольшого числа членовъ. Но въ этомъ мнѣніи состоитъ ошибка великаго философа. Вопросъ здѣсь не въ томъ:

велико ли или обширно государство по своей территории, многочисленно или малочисленно по своему населению — а въ томъ: въ какой мѣрѣ народъ содѣйствуетъ правительству въ заботахъ объ общемъ благе государства? Если такое содѣйствіе проявляется дѣлательно въ самомъ огромномъ государствѣ, то государство необходимо распадается на безчисленное множество народныхъ обществъ или общинъ, которыя ни по числу народонаселенія, ни по пространству своего района не превышаютъ идеала аристотелева государства и въ которыхъ, слѣдовательно, каждый членъ общины можетъ коронно знать всѣхъ своихъ сочленовъ. Таковы точно наши крестьянскія общины. Средняя цифра населенія каждой общины до 2,000 человекъ мужскаго пола. Каждая община представляетъ небольшой, замкнутый въ себя, міръ, имѣющій извѣстныя права собственного управленія, суда, полиціи. Если мы предположимъ, что права самоуправленія, суда и т. п. въ этихъ міркахъ будутъ значительно расширены, какъ предположено въ проектированныхъ преобразованіяхъ; если предположимъ затѣмъ, что каждый членъ общины, зная твердо права и обязанности всѣхъ и наждаго въ своей общинѣ, будетъ слѣдить внимательно за теченіемъ дѣлъ общинныхъ, будетъ стараться устранять всякое незаконное вмешательство въ дѣла общины лицъ постороннихъ, равно какъ и неправильныя дѣйствія самыхъ членовъ общины; будетъ принимать своевременно мѣры для отклоненія отъ общины какого-нибудь чуждаго вреднаго вліянія, то нѣтъ сомнѣнія, что и наше огромное государство, да и всякое другое, какихъ бы оно размѣровъ ни было, можетъ точно также благоденствовать, какъ и государство маленькое. Мѣра благоденствія будетъ завѣсть отъ знанія и опытности членовъ каждой общины въ попеченіи о дѣлахъ общины. Чѣмъ болѣе въ какой нибудь общинѣ члены общины привыкнутъ къ попеченію о самихъ собѣ, чѣмъ болѣе приучатся мыслить и разсуждать о своихъ дѣлахъ, чѣмъ болѣе приобретутъ посредствомъ знанія и опытности силы для охраненія своихъ правъ, въ предѣлахъ, разумѣется, законовъ низъ дарованныхъ, тѣмъ прочнѣе будетъ ихъ благоденствіе и тѣмъ болѣе оно можетъ измѣняться отъ разныхъ случайныхъ обстоятельствъ. Такъ мы видимъ это въ настоящее время въ Англіи.

Общинное самоуправленіе, права котораго хочеть расширить въ настоящее время наше правительство, есть древнѣйшая форма управленія нашего народа, сохранившаяся чрезъ всю нашу исторію до настоящаго времени. Никакія стѣсненія этой формы народнаго управленія, бывавшія въ разныя эпохи нашего государства, не могли не только уничтожить, но даже и ослабить въ народѣ любовь къ этой формѣ. Напротивъ, можно сказать, что они — то именно служили къ ея закрѣпленію. Въ древнія времена нашего государства, не устрой-

ству его вообще, преимущественно же по-финансовому неустройству, разныя области, а выстъ съ тѣмъ, разумѣется, и общины отдавались въ кормленіе, съ отягощеніемъ въ большей или меньшей мѣрѣ у общины право самоуправленія. Пона кормленщикъ была, — община волей, волею подчинялась новому порядку; но едва прекращалось кормленіе, все возвращалось къ прежнему общинному устройству. Оно, впрочемъ, такъ и должно было быть. Кормленщикъ являлся на кормленіе не для того, чтобы творить судъ и правду, а чтобы собирать доходы. «Волости и деревни пустѣли отъ ихъ кормленія, столько же, сколько отъ лихихъ людей и разбойниковъ; крестьяне разбѣгались и шли бессрочно и безъ отказа въ монастыри, единственные въ то время убѣжища; поборы въ царскихъ податяхъ увеличивались; суда намѣстниковъ избѣгали, какъ заразы; ихъ людей встрѣчали, какъ непріятелей. Не дешево доставалось правосудіе, и земля стала думать, какъ бы отдѣлаться отъ тяжелаго гнета. Естественно, что подобное стремленіе досюда ранѣе выразилось въ передовомъ бойцѣ древней Руси, въ Великомъ Новгородѣ. Его волости стали откупаться отъ суда мѣстнаго управленія, покупая себѣ право не подлежать ему въ теченіе нѣкотораго времени. Это было тѣмъ легче, что обычай отдавать судъ на откупъ существовалъ въ областяхъ новгородскихъ. Въ Московскомъ государствѣ такое движеніе началось позже, но выразилось почти въ той же формѣ. Поднялись челобитныя государю, поклены и тяжба великія; областные начальники съ своей стороны жаловались, что посадскіе и волостные люди подъ судъ имъ не даются, бьютъ ихъ и не платятъ имъ кормовъ. Какъ скоро намѣстникъ сѣзжалъ съ кормленія, начинались безконечныя искы; иногда кормленщикъ расквашивался за свои злоупотребленія и родовымъ своимъ имѣніемъ, и жизнью. Необходимость измѣнить такое управленіе была настоятельною».

Посадскіе и волостные люди стали просить выборнаго управленія, со-дѣлованаго за него въ казну денегъ. Такое управленіе и было дано Грешнымъ. «Управленіе это удовлетворяло двумъ главнымъ потребностямъ эпохи: одной правительственной, другой народной. Необходимо было съ одной стороны не лишить намѣстниковъ и земледѣльцевъ ихъ законныхъ кормовъ и пошлей; съ другой — измѣнить ихъ третейскую расправу между волостями другою, не менѣе обязательною, но сохраняющею тотъ же характеръ безучастія или разнаго участія въ интересамъ лицъ подсудныхъ. Первой потребности удовлетворить было не трудно. Естественнымъ средствомъ къ тому была окупа; извѣстная денежная сумма платимая волостями за провозъ, за тѣ посылки, которыя получалъ намѣстникъ. Чтобы совершенно оградить волости отъ его вѣдѣна-

тельства, этот откуп или оброк вносился в государственную казну общими крестьянами. Для другой дѣль, то есть, чтобы слѣжать за этимъ управленіемъ совершенно безпристрастнымъ, оно составлено изъ представителей всѣхъ свободныхъ общинъ того округа, изъ котораго оно избиралось. Эти избранные начальники носили разные названія. Они назывались излюбленными головами, земскими судьями и мѣрскими выборными судейками. Округа, для которыхъ они назначались, были неравные. Мы находимъ ихъ и въ цѣлой волости, и въ стану, и въ слободахъ, и въ волосткахъ. Надобно сказать, что судьи назначались безсрочно, но подъ условіемъ смѣны, когда они были недолгими подчиненные. Въ такомъ случаѣ выборы производились снова.... Предѣлы власти избранныхъ судей были неравные, и разнообразныя, повидимому, съ тѣмъ географическимъ пространствомъ, которому они управляли. Такъ полиція всегда принадлежала имъ, но если они назначались для цѣлой волости или стана, то обязанность ихъ состояла только въ верховномъ наблюдѣніи; непосредственный полицейскій надзоръ былъ дѣломъ подчиненныхъ начальниковъ: старостъ, сотскихъ и пятидесятскихъ. Дѣла уголовныя они судили въ такомъ случаѣ, когда въ одномъ съ ними округѣ не было губныхъ старостъ. Разумѣется, это бывало только тогда, когда излюбленные судьи назначались для цѣлой волости или стана: въ силу начала единства, лежавшаго въ древнѣмъ управленіи, имъ вручалось тогда и губное право. Если же они управляли одною слободкою или нѣсколькими селами; то губное право, которое обыкновенно простиралось на все проявленіе волости, имъ не принадлежало... Относительно уголовной власти земскихъ судей, источники представляютъ только два ограниченія: 1) они не имѣли права выдать головою истцу отвѣтчика безъ доклада; но по дѣламъ гражданскимъ это было имъ дозволено; 2) по суду о дѣлахъ разбойныхъ они никого не могли обвинить безъ доклада. Гражданскій судъ ихъ былъ, кажется, совершенно неограниченъ. Докладъ былъ предоставленъ имъ вои: они несъимать судный списокъ въ Москву, «когда имъ управы учинити будетъ не по чести», то есть, когда они сами затрудняются рѣшеніемъ дѣла.... На судѣ земскихъ судей мы видимъ и духовенство... Иностранцы прѣзжавшіе въ волость судились ими же, но крайней мѣрѣ по дѣламъ о грабежѣ и воровствѣ. Въ случаѣ столкновѣнія между посадскими и волостными людьми двухъ различныхъ волостей происходилъ судъ смѣстный; а когда искъ вѣдился жителями другой области (княжества), то дѣло разсматривалось въ московскомъ приказѣ.... Съ суда своего излюбленные судьи не брали свачага никакихъ пошлинъ, потому что съ одной стороны эти пошлины были уже разъ заключены въ казну въ видѣ откупной суммы; съ другой, же—расправа земскихъ судей со сто-

вила на праве ихъ, а обязанность, и потому не требовала вознагражденія. Какъ члены общины, они были обязаны служить ей. Единственнымъ отступленіемъ отъ этого взгляда были въкоторыя льготы, общиннымъ или въ жалованныхъ грамотахъ съ цѣлью побудить ихъ къ добросовѣстному исполненію долга: если упрека имъ была «люба землѣ и государю», то и эти ихъ освобождались отъ государственныхъ податей.... Земскіе суды судили при лучшихъ людяхъ или цѣловальникахъ, которые наблюдали за справедливостію суда: «чтобъ отъ нихъ никому ни въ чемъ силы и обиды и продажи безгѣпичнаго не было». Дѣла записывались при судныхъ мукахъ. Цѣловальники, кромѣ присутствія на судѣ, имѣли еще и другую обязанность: они улаживались для разсылокъ. Канцелярія волостного суда тоже состояла изъ лицъ выборныхъ, именно изъ земскаго дьячка и земскаго пристава. Они избирались или выгѣсть съ выборными судьями, и тогда съ ними же приводились къ присягѣ въ Москвѣ, или послѣ судей особо, и тогда присягали на мѣстѣ. Судьи подлежали отвѣтственности за дѣла и пристава. Такъ, если земскій дьячокъ, не при нихъ въ лучшихъ людяхъ писалъ судный списокъ или держалъ его у себя, не отдавая судѣ, то взысканіе равно надало и на виновныхъ и на судью». (*Исторія судебныхъ инстанцій*, соч. Ф. Дмитриева).

На такомъ широкомъ основаніи поставлено было наше земское самоуправленіе. Разсматривая его съ своей точки зрѣнія, г. Ф. Дмитриевъ говоритъ, что оно было худо тѣмъ, что въ немъ не было общей центральной власти. «Оно основывалось на децентрализаціи: волости были отторгнуты отъ своихъ мѣстныхъ центровъ и поставлены въ крайнее отношеніе къ общему государственному средоточію, къ Москвѣ. Губныя старосты и приказные люди, судившіе и управлявшіе въ городахъ, не были начальниками выборныхъ судей и, кромѣ особенныхъ царскихъ предписаній, совершенно не выѣживались въ дѣла волостныхъ. Но время, попреимуществу, требовало централизаціи: земля собиралась, ея всеобщія и политическія обстоятельства вынуждали постоянныя и правильныя сношенія волостей съ городомъ, города съ Москвою. Замѣтимъ, что именно государственныя погребности, кромѣ финансовыхъ, не удовлетворялись существовавшими учрежденіями. Мыслью потому, что надъ прежнимъ управленіемъ должно было возникнуть другое, болѣе центральное, какъ скоро усилилась чисто политическая дѣятельность правительства».

Такъ образовалось центральное управленіе надъ народомъ. Г. Дмитриевъ смотритъ на централизацію въ управленіи народомъ, какъ на необходимость. Но изъ приводимыхъ имъ соображеній видно, что она была не болѣе, какъ временная мѣра, вызванная необходимыми обстоятельствами государства, и потому случайно оставле-

на на долгое время, по мнимоаніи этикъ обобщительствъ. Такъ думаетъ и бывшій товарищъ министра г. Хрущевъ, расширяя взглядъ нашего правительства на принятый порядокъ управления вообще и государственными крестьянами въ частности. Принимая за недостатокъ течения дѣлъ, своеволие чиновниковъ, неустройство крестьянскихъ обществъ и другіе беспорядки *главнѣйшему слѣдствію развѣсившейся у насъ централизаціи*, онъ говоритъ: «мы никому не ставимъ этого въ вину, это зло есть неизбежное послѣдствіе физическаго роста государства, и въ этомъ отношеніи, благодаря Бога, мы достигли уже въ настоящее время той поворотной точки, отъ которой начинается необходимость коренной реформы».

Въ наше время странно смотрѣть на существующую у насъ въ управленіи сельскимъ населеніемъ, во вредъ его общиннаго устройства, централизацію не какъ на зло, оставшееся въ наслѣдство отъ предѣльныхъ временъ, а какъ на нормальный порядокъ вещей. Подобный взглядъ въ личностяхъ, которыя его держатся, можно объяснить какими-нибудь частными и притомъ застарѣлыми пристрастіями, наприимѣръ, пристрастіемъ къ какимъ-нибудь ученымъ, хотя и ложнымъ идеаламъ. Конечно, во вѣншемъ своемъ дѣйствіи централизація представляетъ, по видимому, даже нѣкоторыя преимущества передъ общиннымъ самоуправленіемъ. Удобство подобнаго управленія, видная быстрота и точность въ исполненіи всего предписываемаго, видный порядокъ во всемъ — съ перваго взгляда привлекаютъ легко къ себѣ неопытный глазъ. Но стоитъ только выкинуть во внутреннюю сторону этого управленія, чтобы видѣть все зло его.

«Заботливость», говоритъ одинъ нѣмецкій писатель, «объ истинномъ — духовномъ и телесномъ благѣ подданныхъ есть существенный признакъ христіанскаго государства. Для этого необходимо, чтобы правительство имѣло самыя точныя свѣдѣнія о состояніи и нуждахъ народа. Но этихъ свѣдѣній оно не будетъ имѣть никогда, если оно будетъ довольствоваться нѣсячными или третскими отчетами подчиненныхъ ему мѣстъ, или доносеніями омихъ чиновниковъ, представляемыми не особо даваемымъ имъ порученіямъ. Чиновники обыкновенно стоятъ слишкомъ далеко отъ народа, чтобы могли правильно понимать его нужды, да они и слишкомъ заняты своимъ письменоводствомъ и слишкомъ мало обращаютъ вниманія на народъ, чтобы могли войти съ теплымъ участіемъ въ его интересы, — а между тѣмъ такое живое участіе и необходимо для правильнаго пониманія народа и его нуждъ. — Понимать народъ и его нужды могутъ только люди, которые сами живутъ средъ народа, которые знаютъ и любятъ свое отечество некресно, дѣйствуютъ не въ видахъ личныхъ интересовъ, не въ чуждѣхъ полученіи омихъ

или толькокъ иъсточекъ, которые не болѣе ян лишены, ни изомъ-
нешка, которая стоитъ твердо и независимо и имѣють гражданское
нужество высказывать передъ нѣмъ угодно свои убѣжденія».

Мы не можемъ не радоваться, что вредъ централизации въ управ-
леніи сельскими населеніемъ сознавъ наконецъ нашимъ общес-
твомъ и правительствомъ, и *самоуправленіе* обществъ заклады-
вается въ основу жизни нашего народа. При какихъ условіяхъ
самоуправленіе можетъ развиваться правильно въ народѣ, — и
устранить иъкоторыя изъ многочисленныхъ принятій, съ которыми
находимо труднымъ бороться даже министерство государственныхъ
нужествъ во время оленя своей надъ крестьянами, объ этомъ мы по-
говоримъ въ другой разъ. Теперь ради новаго года скажемъ нѣсколько
словъ о Петербургѣ.

Новый годъ и даже новое тысячелѣтіе не подарили ничѣмъ Петербур-
га. Напрасно ирачный и угрюмый, всѣмъ недовольный съ самаго своего
основанія, онъ злится на всѣхъ и все. Напрасно стоустыми жерлами
своихъ журналовъ, газетъ, газетокъ неумолчно гремимъ онъ противъ
разныхъ злоупотребленій, безнорядковъ, неустройствъ... Его никто не
слушаетъ.... Идетъ, все, какъ шло всегда и какъ, можетъ быть, пой-
детъ еще очень долго.

Петербургъ продолжаетъ пить сверную воду. Хотя иъкоторые лѣто-
писцы и увѣряють, что это бѣдствіе скоро кончится, потому, дескать,
что «въ прошломъ году общество *водопроводовъ* окончило постройкою
водоподъемное зданіе, проложило трубы на протяженіи 91 в. и про-
извело пробу впуска воды въ Литейной части, что испытаніе дало
удовлетворительный результатъ, и поэтому правленіе этого общества
съ наступленіемъ весны надѣется приступить къ соединенію всей сѣти
водопроводныхъ трубъ: первоначально въ Литейной, Московской,
Нарвской, 3-й Адмиралтейской, а потомъ въ остальныхъ частяхъ го-
рода, равно какъ къ впуску воды и промыскѣ трубъ, такъ чтобы въ
первыхъ четырехъ частяхъ водоснабженіе могло быть начато въ сере-
динѣ лѣта, а во всей сѣти трубъ нынѣшнею осенью»; но — другіе лѣто-
писцы, не менѣе достовѣрные, увѣряють, что ничего этого не будетъ и
быть, дескать, не можетъ такъ скоро, потому, что соединеніе всей сѣ-
ти водопроводныхъ трубъ вовсе не такая легкая вещь, какъ предста-
вляетъ себѣ общество, и что, дескать, вѣрить обѣщаніямъ общества водо-
проводовъ послѣ трехлѣтнихъ печальныхъ опытовъ его неудачъ очень
трудно, тѣмъ болѣе, что общество, давая такія пріятныя обѣщанія, вмѣ-
стѣ съ тѣмъ очень ловко дѣлаетъ приглашеніе всѣмъ желающимъ
нынѣ же дѣлать заказы на проводъ воды въ дома.... Кому вѣрить?

Обѣщается Петербургъ газомъ попрежнему все въ *знатнѣйшихъ*
улицяхъ, — и то нельзя сказать, чтобы блистательно. Конечно, на

освѣщенныя равномъ петербургскія улицы предметы можно различать гораздо съ большею ясностью, чѣмъ въ губернскихъ городахъ; но это потому, что на улицахъ губернскихъ городовъ можно различать никакихъ предметовъ, какъ скоро дневное свѣтло срывается отъ земли линіею своею. Въ наше время, — время ходитія и рѣшенія всевозможныхъ вопросовъ, доселѣ не ходитя вопросовъ: для чего въ губернскихъ городахъ на улицахъ ставятся столбы съ фонарями? — Ставятся ли они во свидѣтельство несомнѣнной цивилизаціи города, такъ что каждый фонарь какъ бы такъ говоритъ вопрошающему на него днемъ чужестранцу: «ночью ты не увидишь меня; но теперь ты видишь.... Помни же твердо и ночью, когда неси арты не будешь, что здѣсь живетъ народъ цивилизованный, который понимаетъ очень хорошо, что городъ долженъ освѣщаться, — и если онъ не освѣщается ночью, то потому только, что нѣтъ у гражданъ его способнаго для этого матеріалу?» Или ставятся они въ видѣ спасительныхъ «memento mori» для самихъ гражданъ, непрестанно напоминая имъ, что какъ они ни увлекаются прогрессивными идеями и мечтами о комфортѣ общественной жизни, но далеко не ускользнутъ! Завсе кратковременно есть житіе наше на землѣ, а путь исторіи на ней горестенъ и труденъ. Каждый фонарь вопіетъ гражданину: «гражданинъ! ты умрешь, не увидѣвъ ночью свѣта на улицахъ своего роднаго города; въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Но тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что ты сынъ великой страны и достоинъ даже ночнаго освѣщенія.... Въ противномъ случаѣ ты не видалъ бы меня и днемъ».

Мостовыя въ Петербургѣ таія же, какъ и были прежде. Не то, чтобъ ѣзда по нимъ сопряжена была съ такими же опасностями, съ какими соединена ѣзда по московскимъ улицамъ, — но зато ушибитесь на петербургскихъ мостовыхъ, даже и легко, очень непріятно, потому что утѣшенія никакого. — Въ Москвѣ, даже вывалившись изъ экипажа въ какомъ нибудь ухабѣ, можно сейчасъ припомнить какое нибудь историческое событіе: «вотъ я, дескать, вывалился тутъ, на той улицѣ, по которой шелъ съ околчевіемъ Покрарскій на защиту отечества, или, дескать, вотъ на той, по которой ѣхалъ Дюнековъ съ пулковской битвы» и т. п. По тѣсной связи души съ тѣломъ пріятныя отечественныя воспоминанія не могутъ не облегчать тѣлесныхъ страданій. Въ Петербургѣ ничего подобнаго. А вспомнишь развѣ, что вотъ тутъ, дескать, провозили кукельванъ для отравленія пива, и т. п. Потому Петербургу нечего надѣяться на историческія, а надобно немедленно позаботиться и примыслить какія нибудь радикальныя мѣры для устройства мостовыхъ. Одесса вотъ съ основанія своего все мостилась, наконецъ догадалась, что если она и еще столько же лѣтъ

будеть мститьса сама, то толку все-таки никакого не будетъ, потому и отиралиса за море и призывала варяговъ на помощь.... На дослѣдовать ли и Петербургу примѣру Одессы?

Общественныя куреты, о которыхъ когда-то мечтали Петербуржцы, жить мечтой и остались.... Петербуржцы продолжаютъ все ходить на прощенья *санькаты*, надувая ихъ и взаимно ими надуваясь, какъ было и встарь, несмотря на благодѣтельное пособіе танго....

О квартирахъ и говорить нечего. Дорожаютъ съ каждымъ днемъ, а лучше не дѣлаются. Даже и Комитетъ петербургскаго здравія оказывается безсильнымъ выкурить изъ Петербурга тотъ смрадъ, который чувствуетъ каждый петербургскій гражданинъ, не только подымаясь на лѣстницы квартиръ, не имѣющихъ парадныхъ ходовъ съ швейцарами, но и при входѣ во дворы многихъ домовъ на знатнѣйшихъ улицахъ Петербурга.

Даже невыразимыя кабинеты, о постройкѣ которыхъ на петербургскихъ улицахъ такъ много шумѣли въ газетахъ и въ постройкѣ которыхъ такъ всѣ были заинтересованы, доселѣ что-то не строятся. Хотя мы и не думаемъ, чтобы они такъ же были необходимы для жителей Петербурга, какъ хорошая вода или хорошія квартиры, тѣмъ не менѣе мы сердечно сожалѣемъ, что они доселѣ не строятся. Все-таки нѣкоторымъ образомъ они служили бы украшеніемъ Петербурга, а главное свидѣтельствовали, что мы ни въ чемъ не отстаемъ отъ иностранцевъ—ни въ наукѣ, ни въ искусствахъ, ни въ комфортѣ жизни.

Но главное зло, которымъ страдаетъ теперь Петербургъ, есть безденежье, рѣшительное, всеобщее безденежье. Не будь этого зла, я, можетъ быть, и не упомянулъ бы о вышеисчисленныхъ мною маленькихъ неудобствахъ.... Они вѣдь были и прежде, а Петербургъ жилъ же, — даже еще какъ жилъ-то? — Но безденежье для Петербурга бѣдствіе не легче чумы.... Оно портитъ хорошее расположеніе духа у всѣхъ. Петербургскіе лѣтописцы свидѣтельствуютъ, что въ прошедшемъ 1861 году участники сорока-восьми главныхъ русскихъ акціонерныхъ компаній понесли убытку на 16,000,000. Очень почтенная цифра! Но что всего удивительнѣе, денегъ къ новому году оказалось мало даже у вишнихъ откупщиковъ; потому они и начали *примучивать* трактиры, рестораны и прочія подобныя заведенія, положивъ на нихъ такую дань, какой не возлагали прежде варяги на славянъ, а впоследствии татары на московскихъ князей.... Но варяговъ можно было изгнать, что и сдѣлали славяне, — отъ монголовъ можно было отдѣлываться иногда поклонами. Откупщиковъ изгнать никакъ нельзя, — а о поклонахъ и думать нечего. Требуяотъ непременно налич-

ной монетой. Потому отъ примученія откупщиковъ вошло вѣстивіи въ Петербургъ стоять страшныя! — О безденежьѣ остальнаго петербургскаго люда и говорить нечего. Недавно я зашелъ къ одному моему задумчивому пріятелю занять небольшую сумму денегъ. Не далъ! Теперь, говорить, смисловый кризисъ, — и денегъ ни у кого нѣтъ. Да не подумаетъ кто нибудь, что я отношусь къ числу тѣхъ литераторовъ-моншеровъ, которые берутъ деньги съ тѣмъ, чтобы никогда не отдавать.... Напротивъ, пріятель вѣрить въ меня такъ, какъ можетъ быть не вѣрить г. Громека въ солидарность своихъ историческихъ изслѣдованій съ изслѣдованіями г. Щапова. А что г. Громека имѣетъ верушиму вѣру въ эту солидарность, то ясно уже изъ того, что онъ помѣстилъ свои изслѣдованія не только въ одномъ журналѣ, но даже въ одной и той же декабрьской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» съ изслѣдованіями г. Щапова. Говорю я это къ тому, что пріятель мой не считаетъ вовсе меня моншеромъ.

Но въ томъ-то и дѣло, что нынѣ относительно денегъ плохо стало не только моншерамъ, но и людямъ порядочнымъ. Прежде, бывало, благородный человѣкъ, если онъ имѣетъ собственность только движимую, то беретъ изъ нея то, что менѣе прочаго потребно ему въ жизни, напиримѣръ, часы, мундиръ, верхнее платье, въ которомъ по соображенію съ вѣчными законами природы скорой надобности не могло открыться, лишнія подушки, даже и вещи нужныя, но не первой необходимости, безъ которыхъ по соображенію съ климатическими условіями можно было обойтись извѣстное время, — идетъ со всѣмъ этимъ къ какому нибудь благодѣтельному мужу, у котораго все это приеѣмлетъ и приеѣмлетъ съ наложеніемъ гуманнаго процента, — и оттуда радостный и съ деньгами возвращается домой. Благородный человѣкъ, имѣвшій недвижимую собственность, доставалъ деньги еще съ ббольшимъ удобствомъ. Онъ бралъ *узаконеннымъ* образомъ приготовленные для заклада этой собственности документы, несъ ихъ въ установленное казенное учрежденіе, и возвращался оттуда, не слыша подъ собою ногъ, съ дѣльми книгами кредитныхъ всѣхъ цвѣтовъ. Если же по какимъ нибудь обстоятельствамъ означенныхъ *узаконеннымъ* образомъ составленныхъ документовъ имѣть скоро было нельзя, то онъ отправлялся въ какой нибудь галантерейный богатый магазинъ, бралъ тамъ въ кредитъ на вѣскольго тысячъ дорогихъ вещей, отправлялся съ ними въ установленное кредитное учрежденіе, — и возвращался оттуда все-таки съ деньгами, слѣдовательно все-таки довольный.... Оборотъ былъ, конечно, невыгодный.... Но что же дѣлать, когда бываютъ такіа обстоятельства, что деньги требуются, что называется, до зарѣзу. Хорошо, что можно было сдѣлать и такой оборотъ.

Нынѣ совѣтъ не то. Тяжело стало жить въ Петербургѣ, какъ живущимъ собственности движимую, такъ въ особенности недвижимую. Относительно движимости собственной должно замѣтить, что установленныя кредитныя учрежденія берутъ изъ этой собственности только самую прочную, т. е. золото, серебро и т. п. Съ мундирами, фраками и тому подобными болѣе тѣсными вещами туда ничего и соваться. Значить, *движимыми собственниками*, обладающимъ болшею частію вещами тѣсными, одно приближило — вышеупомянутые благотѣльные мужи. Но съ того времени, какъ настала финансовый кризисъ или, выражаясь проще, общее безденежье, благотѣльные мужи ожесточились противъ тѣсныхъ вещей почти такъ же, какъ и кредитныя учрежденія. Или вовсе не принимаютъ подобныхъ вещей, или принимаютъ съ такимъ ужаснымъ *рыломъ*, что вещь, пролежавъ незначительное время, становится неудобною къ изытію отъ нихъ. Потому многіе благородные люди въ Петербургѣ остаются въ настоящее время безъ верхняго платья, нынѣшнюю холодную зиму ходили болѣе въ легкихъ пальто, и чувствовали себя очень холодно; другіе остаются безъ мундировъ и безъ надежды выкупить ихъ къ свѣтлому Христову дню, когда мундиръ дѣлается вещь самую необходимую для принесенія должнаго начальству поздравленія. Однимъ словомъ, *движимые собственники* претерпѣваютъ неизъяснимыя бѣдствія отъ финансоваго кризиса.

Собственники недвижимой собственности находятся едва ли не въ худшемъ положеніи. Съ преобразованиемъ системы кредитныхъ учреждений недвижимая собственность въ этихъ учрежденіяхъ въ залогъ не принимается. Нѣтъ ничего удивительнаго, что и въ блестящихъ галантерейныхъ магазинахъ кредитъ для недвижимыхъ собственниковъ упалъ значительно, — болѣе, чѣмъ на половину. Потому многіе изъ благородныхъ людей, владѣющихъ недвижимой собственностью, имѣющихъ иногда крайнюю нужду въ деньгахъ, напримѣръ, сдѣлать сюрпризъ примадоннѣ или спрыснуть достолично получение густыхъ эпюлетъ, не могутъ сдѣлать даже такого оборота, какой дѣлали прежде, т. е. позаимствоваться на время въ магазинѣ цѣнными вещами и положить ихъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ. Однимъ словомъ, жить стало плохо вслѣдъ. Землевладельцы еще питаютъ надежды на скорое появленіе земскихъ банковъ.... Что касается до собственниковъ городскихъ, до домовладельцевъ, то они совершенно опустынены. Сначала, признаемся, мы были въ восторгѣ, потому что — *non sum et nihil humanum a me alienum puto*, — какъ хотите, и для всякаго истинно гуманнаго человека нашего времени пріятно видѣть, что владельцы 70 домовъ въ Петербургѣ находятся въ томъ же безкредит-

номъ полярномъ, въ какомъ находится благородный холоуфъ, избю- щій только одну лишнюю вещь, мундиръ, Водные этимъ чувствомъ, мы возрадовались еще болѣе, когда прочли въ 270 № «Сѣверной Пчелы», что оставилось какое-то закладное общество въ Петербургѣ для принятія въ закладъ недвижимой собственности въ Петербургѣ и что общество это, по полученіи разрѣшенія на открытіе, само, по обстоятельствамъ, не признало выгоднымъ приводить своего пред- пріятія въ исполненіе и отказалось отъ него.

Но когда хозяинъ того дома, въ которомъ мы живемъ, надѣявшійся взять подъ залогъ своего дома значительную сумму денегъ изъ устроя- щагося закладнаго общества и озлобленный тѣмъ, что общество не состоялось, набавилъ цѣну на квартиры во всемъ своемъ домѣ, вы- стѣ съ тѣмъ и на нашу, то мы сердечно пожалѣли о бѣдныхъ петер- бургскихъ домовладѣльцахъ. Намъ стало прискорбно, что эти досто- янные люди, укрывающіе подъ своимъ кровомъ всю столицу, не имѣютъ теперь, гдѣ главу приклонить, чтобы позаимствовать даже малую то- лиду денегъ. Намъ стало жаль нашихъ меньшихъ братьевъ, изъ кото- рыхъ многие не имѣютъ, быть можетъ, и столько, сколько мы имѣ- емъ, и на квартиры которыхъ между тѣмъ тѣ достойные люди сдѣла- ютъ также надбавку, какъ сдѣлали и на нашу. Мы стали собирать свѣ- дѣнія о томъ: кто были тѣ добрые люди, которые хотѣли основать закладное общество въ Петербургѣ, въ какихъ видахъ хотѣли они его составить, отчего отказались отъ своего прекраснаго намеренія... Наши изысканія увѣнчались полнымъ успѣхомъ.... Мы узнали все: какъ, что было, какимъ образомъ и почему?—Свѣдѣнія эти мы сооб- щаемъ здѣсь въ тѣхъ видахъ, что по разсмотрѣніи ихъ, можетъ быть, найдутся и еще люди, которые рѣшатся основать закладное об- щество и тѣмъ сдѣлаютъ петербургскихъ домовладѣльцевъ благо- склонными относительно квартиръ какъ къ намъ лично, такъ и ко всѣмъ меньшимъ братьямъ.

Въ прошедшемъ году тайный совѣтникъ М. К. Цеймеръ, потом- ственный дворянинъ и с.-петербургскій 1-й гильдіи купецъ К. К. Фе- лейшевъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Варникъ, генерал- майоръ Зержицкій, генералъ-майоръ Плауницъ, дѣйствительный стар- шій совѣтникъ М. А. Гонзаго-Павличинскій и лондонскій negociantъ Д. Н. Фалькенгагенъ-Залескій, просили подлежащее начальство объ- явленіемъ разрѣшенія на открытіе акціонерной компаніи подъ названіемъ с.-петербургскаго городского ипотечнаго товарище- ства, для произведенія банковыхъ операцій по ссудамъ, подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ въ С.-Петербургѣ. Пятя одновременно съ

этими поступила отъ некоторыхъ лицъ просьба объ учрежденіи совершенно такой же акціонерной компаніи, для производства банковскихъ операцій подъ залогъ домовъ въ Москвѣ.

По надлежащемъ разсмотрѣніи этихъ просьбъ было предположено, вмѣсто ипотечныхъ товариществъ, учредить въ С.-Петербургѣ и Москвѣ закладныя общества, для производства исключительно операцій по выдачѣ ссудъ подъ залогъ городскихъ недвижимыхъ имуществъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ: каменныхъ и деревянныхъ домовъ, огородовъ, садовъ и незастроенныхъ земель, на слѣдующихъ основаніяхъ:

Ссуды имѣютъ производиться заемщикамъ, частью наличными деньгами (на $\frac{1}{10}$ часть каждой ссуды), и главнѣйше закладными облигациями, которыя получаютъ заемщиками изъ Общества по нарицательной цѣнѣ и по собственному усмотрѣнію обращаются ими въ наличныя деньги, посредствомъ продажи капиталистамъ по вольной цѣнѣ. Каждый заемщикъ обезпечиваетъ ссуду залогомъ своего недвижимаго имущества и выплачиваетъ обществу: 1) 1% на всю сумму ссуды (въ видѣ единовременной премии) при самомъ полученіи ссуды; 2) 5% интересомъ, ежегодно, въ теченіе всего срока займа, на уплату процентовъ по облигациямъ (этотъ размѣръ процентовъ интереса опредѣляется лишь на первое время и можетъ быть впоследствии измѣняемъ по постановленіямъ общихъ собраній акціонеровъ); 3) погасительные проценты, ежегодно, для постепеннаго выкупа изъ обращенія облигаций въ размѣръ, соответствующемъ различнымъ срокамъ, на кои заключаются займы (отъ 10-ти до 26-ти лѣтъ), и 4) $\frac{3}{4}\%$ на всю сумму ссуды, также ежегодно, для покрытія расходовъ Общества по управленію и въ вознагражденіе за комиссію. Количество ссуды въ какомъ случаѣ не можетъ превышать $\frac{3}{4}$ оцѣночной суммы подъ каменные дома, $\frac{2}{3}$ подъ каменные съ надстройкою деревяннаго этажа, $\frac{1}{2}$ подъ деревянные, и $\frac{3}{4}$ подъ огороды, сады и незастроенныя земли. Оцѣнка закладываемыхъ имуществъ производится на основаніи матеріальной цѣнности средняго ежегоднаго чистаго дохода, мѣстныхъ обстоятельствъ и наконецъ большей или меньшей вѣроятной прочности имуществъ. Во всякомъ случаѣ, оцѣнка не должна превышать десятилѣтней сложности чистаго дохода для каменныхъ имуществъ, восьмилѣтней для полукаменныхъ и шестилѣтней для деревянныхъ; а равно и суммы, въ которую имущество застраховано. Средствомъ выпуска акцій, каждое изъ двухъ Обществъ собираетъ складочный капиталъ, раздѣляющійся на основный и оборотный. Основный капиталъ служитъ для обезпеченія исправности об-

щества обязательствамъ приниматьъ имъ на себя, то есть исправности въ уплатѣ какъ процентовъ по облигаціямъ, такъ и капитала на все количество облигацій, подлежащихъ ежегодному выкупу изъ обращенія, въ случаѣхъ неисправности въ платежахъ процентовъ и погашенія со стороны заемщиковъ Общества. Этотъ капиталъ, хранимый въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ и употребляемый исключительно на специальное свое назначеніе, долженъ во всякое время составлять не менѣе одной двадцатой части капитала, представляемаго облигаціями Общества, находящимися въ обращеніи (по нарицательной ихъ цѣнѣ). Обратный капиталъ служитъ на выдачу $\frac{1}{10}$ части каждой ссуды чистыми деньгами до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ израсходованъ, согласно этому назначенію. Весь складочный капиталъ каждого общества опредѣляется въ 2.000,000 руб. или 20,000 акцій (по 100 руб. каждая), въ томъ числѣ 1.500,000 основного капитала и $\frac{1}{2}$ милл. запаснаго. Изъ всего числа 20,000 акцій каждое общество выпускаетъ первоначально 10,000, а остальные 10,000, смотря по развитію операций, вдругъ или по частямъ. При подпискѣ на акціи вносится по 50 руб. на каждую, а остальные взносы производятся впоследствии, по требованію правленія. Закладныя облигаціи, выпускаемыя обществами для выдачи ссудъ лицамъ, закладывающимъ свои недвижимыя имущества, обезпечиваются всѣмъ достояніемъ каждого общества, оплачиваются процентами (по 5%) попогугденно, надписываются по 100 руб. каждая и постепенно выкупаются Обществами изъ обращенія, какъ посредствомъ тиража (уплатою надписаннаго капитала по облигаціямъ выпедшихъ по жребію номеровъ), такъ и покупкою облигацій по вольной цѣнѣ. Такимъ образомъ ежегодно должно быть выкуплено изъ обращенія, или погашено облигацій, никакъ не менѣе того количества, какое соотвѣтствуетъ суммѣ всѣхъ погасительныхъ платежей, ежегодно слѣдующихъ отъ заемщиковъ. За тѣмъ облигаціи могутъ быть выпускаемы лишь для выдачи ссудъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, и капиталъ, представляемый облигаціями, находящимися въ обращеніи, долженъ (сверхъ обезпеченія $\frac{1}{2}$ части основнымъ акціонернымъ капиталомъ) быть, во всякое время, обезпеченъ рубль за рубль запрещеніями, лежащими на означенныхъ недвижимыхъ имуществвахъ. Управленіе дѣлами каждого общества возлагается, согласно порядку, существующему во всѣхъ акціонерныхъ компаніяхъ, на общес собраніе акціонеровъ и на правленіе (изъ 3-хъ директоровъ). Сверхъ того, избирается общимъ собраніемъ особый надзирательный комитетъ, для надзора за дѣйствіями правленія. Правленія обществъ обязаны представлять ежегодно общимъ собраніямъ подробные отчеты о своихъ дѣйствіяхъ и

публиковать их во всеобщее свѣдѣніе, независимо опубликованія два раза въ годъ своихъ финансовыхъ балансовъ. Каждое общество платитъ дѣйствія по ссудамъ, когда цѣнность всѣхъ предъявленныхъ ему къ залогу имуществъ, по городской оцѣнкѣ, достигнетъ 2.000,000 рублей.

Въ этихъ проектахъ закладываемымъ обществамъ присвоились слѣдующія преимущества:

1) Выпускъ въ публичное обращеніе процентныхъ бумагъ или закладныхъ облигацій именныхъ и на предъявителя (§ 65).

2) Право принимать залоговѣ и производить ссуды по свидѣтельствамъ гражданскихъ палатъ и вообще примѣняясь къ порядку установленному для залога недвижимыхъ имуществъ въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ (ст. 323—358 Уст. Кред. Св. Зак. Т. XI), то есть не въ порядкѣ, указанномъ общими законами (Св. Зак. Т. X. ч. 1 ст. 1642—1653) для совершенія закладныхъ актовъ между частными лицами (§ 68).

3) Взысканіе долговъ съ залоговъ неисправныхъ заемщиковъ, съ сокращеніемъ сроковъ и съ освобожденіемъ отъ формальностей, установленныхъ общими законами о порядкѣ описи, оцѣнки и публичной продажи заложенныхъ имуществъ (Св. Зак. Т. X. ч. 2), примѣняясь отчасти къ порядку, установленному для бывшихъ государственныхъ кредитныхъ установленій (Св. Зак. Т. XI. Уст. Кредит. ст. 456—542); но съ тѣмъ, что публичная продажа просроченныхъ залоговъ будетъ производиться не въ самыхъ правленіяхъ обществъ, какъ это было допущено для государственныхъ кредитныхъ установленій, а въ присутственныхъ мѣстахъ, производящихъ публичную продажу недвижимыхъ имуществъ по искамъ частныхъ лицъ, то есть въ с.-петербургской управѣ благочинія и въ московскомъ губернскомъ правленіи.

4) Присвоеніе закладнымъ облигаціямъ нѣкоторыхъ преимуществъ, и именно: а) приемъ ихъ сохранными казнами въ уплату за долги, числящиеся на заложенныхъ въ оныхъ домахъ, при передачѣ займовъ въ закладныя общества; б) приемъ облигацій въ залогъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ (согласно съ 1655 ст. Св. Зак. Т. X. ч. 1); в) дозволеніе обращать въ эти облигаціи такіе капиталы разнаго казеннаго и общественныхъ учрежденій, которые уже назначены на приобретеніе билетовъ государственной комиссіи погашенія долговъ и г) производство подъ залогъ облигацій денежныя ссуды изъ государственнаго банка и его контора (согласно съ 72 ст. Уст. Государств. Банка §§ 131 и 132).

Но такъ какъ подобныя преимущества были уже предоставлены другимъ обществамъ, а именно:

1) Выпускъ закладныхъ облигацій разрѣшенъ высочайше утвержденнымъ въ 1859 году положеніемъ комитета министровъ акціонерному обществу Церера, учрежденному для выдачи ссудъ подъ залогъ земель въ губерніи Лифляндской, но говоря уже о томъ, что земскія кредитныя общества въ Остзейскихъ губерніяхъ издавна пользуются тѣмъ же правомъ.

2) Городскимъ частнымъ и общественнымъ банкамъ разрѣшено принимать въ залогъ городскія имущества по свидѣтельствамъ мѣстныхъ магистратовъ или гражданскихъ палатъ и вообще руководствоваться при этомъ порядкомъ, установленнымъ для государственныхъ кредитныхъ установлений.

3) Въ случаѣ просрочки, имущества, заложенные въ городскихъ банкахъ (см. Уст. Соликамскаго банка 1859 г., Зарайскаго 1847 г., Ростовскаго 1847 г., Казанскаго 1847 г., и т. д.), продаются въ присутствіи правленій оныхъ при членѣ магистрата, думы и при узкомъ стряпчемъ; а если продажа въ банкѣ не состоится, то переводится въ губернское правленіе.

4) Многія акціонерныя общества пользуются правомъ пріема ихъ акцій, а нѣкоторыя и ихъ облигацій (пароходное общество Самолетъ, главное общество желѣзныхъ дорогъ) въ залогъ по казеннымъ поставкамъ и подрядамъ, то начальство, разсматривавшее проектъ закладныхъ обществъ, не находя въ этихъ проектахъ никакихъ монопольных или исключительныхъ привилегій въ пользу общества, представило означенные проекты на разсмотрѣніе и утвержденіе установленнымъ порядкомъ.

«По разсмотрѣніи проектовъ Обществъ, признано нужнымъ произвестъ въ нихъ нѣкоторыя измѣненія очень существенныя.

Въ § 88 устава, представленнаго учредителями, сказано было: «въ числѣ годовыхъ платежей заемщикъ долженъ вносить въ Общество на расходы по управленію и за комиссію по производству ссудъ $\frac{3}{4}\%$ на капитальную сумму долга.»

Сей параграфъ измѣненъ такимъ образомъ:

«На расходы по управленію Общества и за комиссію по производству ссудъ, заемщикъ вноситъ ежегодно $\frac{3}{4}\%$ на капитальную сумму долга, если количество всѣхъ ссудъ не превышаетъ 5 мил. руб., $\frac{1}{2}\%$ если количество ссудъ простирается свыше 5 мил. руб. и $\frac{1}{4}\%$ когда она превышаетъ 10 мил. руб.»

Видишущъ въ это новое правило, учредители общества нашли, что въ силу его, они на прикрытіе своихъ ежегодныхъ расходовъ неуправляемо получать будутъ:

При 5 милл. руб. ссуда	37,500 руб.	
— 10 — —	50,000 —	
— 15 — —	37,000 —	
— 20 — —		самая высшая цифра, до которой можетъ достигнуть ссуда при двухъ банкахъ въ Петербургѣ . . . . .
	50,000 —	
а по исчисленію учредителей ежегодный расходъ банка будетъ не менѣе	60,000 —	

Между тѣмъ, по уставу, закладныя общества должны были еще собрать капиталъ въ 1 милл. руб. для обозначенія исправной уплаты % по облигаціямъ своимъ и безостановочнаго погашенія ихъ по тарифу, въ случаѣ несправной уплаты заемщиковъ. Хотя часть сего капитала и могла бы храниться въ государственныхъ кредитныхъ бумагахъ и доставлять %, но другая часть не приносила бы никакихъ интересовъ. Полагая даже, что весь капиталъ могъ быть обращенъ въ государственныя бумаги, кто, при теперешнемъ дисконтѣ, согласился бы положить свой капиталъ въ частное предпріятіе изъ 4 или 5%? Если бы кто и согласился довольствоваться % доставляемыми государственными кредитными бумагами, то онъ конечно предпочтетъ лучше взять ихъ самъ на свой капиталъ, а не положить въ частное предпріятіе изъ-за тѣхъ же %, не имѣя ничего болѣе въ виду.

Собразивъ все это, учредители нашли невозможнымъ основать свое предпріятіе при сдѣланномъ въ проэктѣ ихъ измѣненіи, а потому были вынуждены отказаться отъ него.

Учредители очень сожалѣютъ, что имъ не удалось привести своего полезнаго предпріятія въ исполненіе; сожалѣютъ тѣмъ болѣе, что все дѣло получило неблагоприятный исходъ—по ихъ мнѣнію — отъ недоразумѣнія. Уставомъ с.-петербургскаго кредитнаго общества, имѣющаго ту же цѣль, предоставлено ему право взимать съ заемщиковъ въ пользу банка ежегодно по $\frac{1}{2}\%$ на капитальную сумму долга безъ ограниченія количества ссудъ, хотя сіе общество имѣетъ въ отношеніи къ расходамъ, то преимущество предъ закладными с.-петербургскимъ и московскимъ, что оно пользуется безденежно кварти-

рай, въ думѣ и не живеть складочнаго капитала, требующаго деши-деши.

Не можемъ мы не пожалѣть вмѣстѣ съ дочтенными учрежденіями, что имъ не удалось ихъ предпріятіе. «Homo sum et nihil humanum a me alienum puto. Что, если нашъ домокозавъ вздуцаетъ и еще учинитъ подбавку цѣны на квартиры?

ПОЛИТИКА.

РОЛЬ ПАЛЬМЕРСТОНА ВЪ ДѢЛѢ О ВЫДАЧѢ АРЕСТОВАННЫХЪ ЭМИССАРОВЪ ЮЖНЫХЪ ШТАТОВЪ. — НЕИЗБѢЖНОЕ ПАДЕНІЕ ХЛОПЧАТОБУМАЖНЫХЪ ПЛАНТАЦІЙ ВЪ ЮЖНЫХЪ ШТАТАХЪ. — ЖЕЛАНІЕ ПАЛЬМЕРСТОНА ПРИСКАТЬ НОВЫЙ ПРЕЛОГЪ ДЛЯ ВОЙНЫ СЪ СѢВЕРНЫМИ ШТАТАМИ. — ОТНОШЕНІЯ УМѢРЕННОЙ ПАРТІИ И АБОЛИЦИОНИСТОВЪ ВЪ СѢВЕРНЫХЪ ШТАТАХЪ. — ПОЛОЖЕНІЕ ВОЕННЫХЪ ДѢЛЪ ВЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКѢ. — МЕХИКАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ. — АВСТРІЙСКІЕ ФИНАНСЫ. — НЕОСНОВАТЕЛЬНОСТЬ ЛИБЕРАЛОВЪ, ПОРЦІОНЩИХЪ АВСТРІЙСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ЗА ДЕКРЕТЪ. — ИТАЛІАНСКІЕ ДѢЛА.

Л'І

Мы не находимъ ничего важнаго въ шумѣ, поднятомъ газетами по случаю арестованія двухъ эмиссаровъ Южныхъ Штатовъ на англійскомъ пароходѣ капитана въ военнаго парохода Сѣверныхъ Штатовъ. Оно очевидно: войны изъ этого дѣла не вышло. Но если оно оказалось полезнымъ съ той стороны, вѣ которой шумѣли публицисты и маловѣжества которой мы доназывали, то явилось оно очень замѣчательнымъ съ другой стороны, обнаружившиися въ немъ уже послѣ его разрыва.

С. Показало таялось; дипломатическіе акты, относящіеся къ нему, принадлежатъ не заведенному порядку въ секретѣ. Не одна только администрація сѣвернаго правительства, Англія и все Европа воображали, что англійскому правительству необходимо было употребить самыя крайнія!

угрозы, поддерживаемыя самыми быстрыми энергическими мѣрами, для принужденія вашингтонскаго кабинета загладить обиду, нанесенную англійскому флагу. Всѣ находили очень благоразумнымъ то, что лордъ Пальмерстонъ, не теряя ни минуты, сталъ посылать войска въ Канаду и эскадру за эскадрой къ сѣверо-американскимъ берегамъ. Газета, служащая органомъ лорда Пальмерстона, до послѣдней минуты, утверждала, что вашингтонскій кабинетъ упрямо противится требованіямъ Англій, что надежда на мирную развязку очень слаба, и даже эта слабая надежда основывается только на томъ, что Сѣверные Штаты будутъ запуганы быстрыми приготовленіями Англій къ войнѣ. Что же открывается?—Какъ только пришло въ Лондонъ извѣстіе объ арестѣ эмиссаровъ Южныхъ Штатовъ, американскій посланникъ сказалъ Пальмерстону и Росселю, что сколько онъ можетъ угадывать намѣренія вашингтонскаго правительства, случай этотъ не поведетъ къ неприяностямъ. Не смотря на то, Пальмерстонъ прямо началъ грозить войною, какъ будто предполагалъ, что Линкольнъ и Сьюардъ не имѣютъ никакой готовности дружелюбно покончить дѣло. Но гораздо раньше, чѣмъ пришла въ Вашингтонъ его грозная депеша, была уже послана оттуда въ Англійю отъ Сьюарда депеша, отнимавшая всякую возможность ждать неприятой развязки. Дѣло въ томъ, что, какъ только получено было въ Вашингтонѣ извѣстіе объ арестѣ эмиссаровъ, кабинетъ Линкольна рѣшилъ смотрѣть на этотъ случай тѣмъ же самыми глазами, какими взглянули на него англичане. Американское правительство всегда защищало неприкосновенность нейтральнаго флага противъ англійскаго правительства, поступавшаго съ нейтральными кораблями, точно такъ, какъ американскій капитанъ поступилъ съ пароходомъ, который везъ эмиссаровъ. Поэтому вашингтонскій кабинетъ отступился бы отъ собственнаго принципа, если бы отказался признать неправомернымъ поступкомъ своего капитана. Такимъ образомъ Сьюардъ тотчасъ же отписалъ къ американскому посланнику въ Лондонъ депешу, говорившую, что вашингтонское правительство готово удовлетворить всѣ претензіи Англій по случаю неправомернаго ареста эмиссаровъ и ждетъ только того, когда требованія представитъ Англій, чтобы исполнить ихъ. Пароходъ, который везъ эту депешу въ Англійю, уже приближался къ Европѣ, когда отправился въ Америку пароходъ съ угрожающею депешою Пальмерстона. Слухъ о полученіи изъ Америки депешы, означавшей всякую возможность вражды, распространился въ Лондонѣ. Но *Morning Post*, служащій органомъ лорду Пальмерстону, успѣлъ объявить, что нельзя ждать мирной развязки. Англійскія войска и военные корабли продолжали отправляться къ американскимъ берегамъ. Но изъ Америки шли слухи о возможности одной развязки, кроме мирной; извѣ-

стія о дружеской депешѣ подтверждалась. Газета, служащая органомъ лорда Пальмерстона, объявила, что англійское правительство не получало отъ американскаго никакой депеши подобнаго содержанія. Теперь, когда она обнародована, такое обманчивое отрицаніе показало англійской публикѣ слишкомъ дурнымъ коварствомъ, и почти всѣ газеты потребовали у Morning Post объясненія. Лордъ Пальмерстонъ отвѣчалъ чрезъ свою газету, что миролюбивая депеша не была получена англійскими министрами, то есть не была оставлена у нихъ въ коннѣ американскимъ посланникомъ, а что онъ только прочелъ нигдѣ ее. Такимъ образомъ, по формальному смыслу словъ, газета Пальмерстона осталась права; но относительно сущности дѣла слишкомъ ясно обнаружилось, что Пальмерстонъ, желая раздражать въ англійцахъ расположеніе къ войнѣ съ Америкой, преднамѣренно вводилъ ихъ въ ошибку объявленіемъ, оровергающимъ справедливыя слухи о миролюбивыхъ намѣреніяхъ вашингтонскаго кабинета. Желаніе устроить войну съ Америкой доходило въ Пальмерстонѣ до того, что онъ повторилъ эту фальшь даже и въ такое время, когда она была уже слишкомъ глупа. Угрожающая депеша его очень затруднила вашингтонскому кабинету исполненіе желаній, на которыхъ уже заранѣе основывалось вашингтонское правительство. Оно ждало только, чтобы Англія выразила желаніе обратной выдачи захваченныхъ эмиссаровъ. Но желаніе было высказано такимъ повелительнымъ тономъ и сопровождалось такими угрожающими демонстраціями, что исполнить его теперь значило подать слишкомъ сильный поводъ къ истолкованію, оскорбительному для самолюбія Сѣверныхъ Штатовъ: ихъ правительство выдало англичанамъ захваченныхъ эмиссаровъ не потому, что находило справедливымъ это требованіе Англіи, а потому, что испугалось ея угрозъ. Линкольнъ и Сьюардъ не отступили однакожь отъ своего прежняго рѣшенія и объявили англійскому посланнику въ Вашингтонѣ, что они просятъ его назначить время и мѣсто для передачи англичанамъ въ его руки. Почтовый пароходъ, съ которымъ было отправлено извѣстіе о такой развязкѣ дѣла, прибылъ въ ирландскую гавань Квинстонъ и отправилъ въ Лондонъ телеграммы. Нѣкоторые изъ нихъ были адресованы къ банкирамъ, сообщившимъ ихъ биржѣ, и газеты напечатали, что дѣло совершенно улажено. Пальмерстонъ отличился и тутъ. Ночью изъ Квинстона въ Лондонъ идетъ часовъ 16 мая 18. Пальмерстонъ воспользовался этимъ промежуточкомъ времени, чтобы объявить въ Morning Post, что правительство не получало никакихъ официальныхъ извѣстій о дружескомъ окончаніи переговоровъ, о которыхъ газеты говорятъ по биржевымъ слухамъ. Лондонъ снова встревожился: къ чему могла послужить эта вторая проделка? Видъ Пальмерстонъ знаетъ, что на другой день надобно бу-

дуть признаться ему въ неудачѣ военныхъ замысловъ на этотъ разъ:

Англійская публика была раздражена этимъ двойнымъ обманомъ. Видно, что обратились на Пальмерстона и некоторые изъ его товарищей по министерству, особенно лордъ Россель, органъ котораго Daily News съ особенною точностію обнаруживалъ фальшивыя манёвры Morning Post. Некоторые газеты предсказывали опаденію доволъ considerable числа отъ депутатовъ лорда Пальмерстона, который и безъ того располагаетъ въ палатѣ общины только большинствомъ, очень слабымъ. Дѣло еще не дошло до такого разрыва; но то вѣрно, что Пальмерстонъ сильно повредилъ себѣ маленькимъ коварствомъ. Впрочемъ онъ такой изворотливый человѣкъ, такъ умѣетъ подажливаться подъ всѣ капризы публики, что скоро стумѣетъ возстановить свою популярность. На что уже хуже было той бѣдѣ, которую въ 1858 г. послѣ ориентальскаго дѣла навлекъ онъ на себя трусостью передъ угрозами императора французскаго, требовавшаго, чтобы удалены были изъ Англіи враждебные ему эмигранты. Что же, — черезъ годъ Пальмерстонъ опять былъ первымъ министромъ и популярнѣйшимъ человѣкомъ въ Англіи.

Въ нынѣшній разъ онъ сдѣлалъ свои неудачные манёвры также по вліянію парижскаго кабинета. Мы уже говорили въ прошлый разъ, что французское правительство желало вовлечь Англію въ войну съ Америкой, чтобы получить болѣе простора въ распоряженіи европейскими дѣлами. Французскія полуофициальныя газеты громче англійскихъ кричали о необходимости омыть кровью обиду, нанесенную англійскому флагу. Съ такимъ же усердіемъ доказываютъ онѣ, что Англія не можетъ допускать продолженіе блокады портовъ въ Южнѣйшихъ Штатахъ и должна начать войну, чтобы открыть подвозъ хлопка, безъ котораго нечего будетъ дѣлать и фабрикѣмъ манчестерскимъ фабрикамъ. Въ этомъ случаѣ многіе хлопчатобумажные фабриканты въ самой Англіи сначала раздѣляли мысль французскаго правительства, и Пальмерстонъ хотѣлъ угодить имъ еще больше, чѣмъ императору французскому, когда старался устроить войну изъ простаго дѣла объ арабѣ виссифовѣ.

Вопросъ о хлопкѣ дѣйствительно очень важенъ для Англіи. Нынѣшній запасъ хлопка въ ливерпульскихъ кладовыхъ еще равенъся обыкновенному количеству запаса въ это время года. Но цѣна хлопка уже поднялась въ полтора раза, и если не будетъ немого усиленнаго подвоза, къ веснѣ поднимется она еще вдвое, а къ июлю иволегу весь прежній запасъ истощится. Легко было бы пособить дѣлу, позаботившись съ прошлой весны объ увеличеніи привоза хлопка въ Англію изъ Ост-Индіи. Хлопчатая бумага уже воздвигается тамъ на огромныхъ просторахъ; маселѣе готово увеличить свои экспорты до

вообще рывафа, лишь бы имѣть сбытъ. Говя тому навадъ, англичане очень много говорили о томъ, что завѣзти американскій хлопокъ ость-индскимъ. Въ надеждѣ на это было уже и отправлено изъ Индїи количество хлопка, гораздо большее обыкновеннаго. Но весь этотъ опытъ на первый разъ рухнулъ силою пристрастїа манчестерскихъ фабрикантовъ къ американскимъ сортамъ хлопка. Не смотря на недостатокъ въ нихъ, сбытъ ость-индскаго хлопка въ Англіи не увеличился, отпускъ изъ Индїи снова ослабѣлъ и плантаціи у индійцевъ остались пока еще не расширившимися. Дѣйствительно ли Ость-Индїя не можетъ производить такихъ высшихъ сортовъ хлопка, какъ лучшіе изъ американскихъ. — этого мы не знаемъ. Но самъ же себѣ ость-индскій хлопокъ довольно хорошъ, въ этомъ согласны всѣ, и англїйскїи хлопчатобумажныя фабрики могли бы пользоваться имъ. Всему виновница только рутїна, которая повсюду очень упряма и не допускаетъ ничего новаго иначе какъ въ слѣдствїе крайней необходимости. Почувствовавъ недостатокъ матеріала, хлопчатобумажная фабрикація въ Англіи разстроилась и вотъ какими черными красками изображаетъ ее изображение Times:

«Съ промышленной точки зрѣнія графство Ланкастерское составляетъ какъ будто провинцію Соединенныхъ Штатовъ. Въ Южной Америкѣ жгутъ и топятъ хлопокъ или оставляютъ его на поляхъ неубранннмъ, а Манчестеръ несетъ свою долю этого бѣдствїа. Много тысячъ людей въ немъ остались вовсе безъ работы, у другихъ работы лишь на столько, чтобы не совсѣмъ стояли безъ дѣла машины и могли сами они кое-какъ таскать поги. Фабриканты собираются въ лондонскихъ клубахъ и объявляютъ, что заперли свои фабрики. Будущее мрачно, и если Сѣверные Штаты будутъ продолжать войну съ Южными, дѣло станетъ еще гораздо хуже. Не Южная Каролина, а Ланкастерское графство подвергается блокадѣ, потому что не тамъ, а здѣсь чувствуется брѣдь ея. Камни, которыми завалена чарльстонская гавань, испортили не ее, а ливерпульскую гавань».

Но что же дѣлать? — продолжаетъ Times: начинать ли войну для прекращенїа блокады? Этого хотятъ многие; Times еще не рѣшается поддерживать ихъ желанїа. «Подождемъ», говоритъ онъ. — Въ самомъ дѣлѣ начинать войну съ Сѣверными Штатами для полученїа хлопка изъ Южныхъ было бы самымъ нелѣпымъ безразсудствомъ. Не душно объясняетъ это *Revue des deux Mondes*. Мы такъ рѣдко чувствуемъ возможность соглашаться съ этимъ достопамятнымъ журналомъ, вообще отличающимся самою пошлою непонятливостью, что нѣсколько странно было намъ встрѣтить въ немъ правильное сужденїе объ этомъ дѣлѣ. Статья *Revue des deux Mondes* еще сильнѣе Times'a говоритъ о тяжелыхъ послѣдствїяхъ отъ недостатка хлопка въ Англіи:

«Органы общественного мнѣнія въ Англіи очень сильно стараются изъ себя-себя скрыть національное бѣдствіе или по крайней мѣрѣ уменьшить его размѣръ. Они лишь слегка говорятъ о томъ, какъ увеличился науперизмъ въ послѣдніе мѣсяцы и очень трудно собирать свѣдѣнія объ этомъ. А все-таки обнаруживаются грустные факты и статистическіе отчеты даютъ намъ догадываться о великости бѣдствія. Напримеръ, уже въ началѣ ноября прошлаго года изъ 842 бумагопрядильныхъ машинъ въ манчестерскомъ округѣ только 295 работали безостановочно; 408 работали только по 5 дней, по 4, по 3 дня въ недѣлю; а 49 машинъ стояли совершенно безъ работы. Изъ 179,257 работниковъ, находившихся на этихъ заводахъ, только третья часть продолжала получать полную плату; другая третья часть шла работу только по 4 дня въ недѣлю; около 30,000, т. е. шестая часть работниковъ были заняты только по 3 дня въ недѣлю, а 8 тысячъ оставались совершенно безъ работы. Съ той поры закрыто еще много фабрикъ, а другія еще уменьшили свое производство, такъ что теперь (въ началѣ января) работа хлопчатобумажныхъ фабрикъ уменьшилась по крайней мѣрѣ на половину противъ обыкновеннаго. Соответственно тому уменьшилась и сумма платы, получаемой работниками; обыкновенно простирается она до 24 милл. франковъ въ мѣсяцъ, а теперь понижилась до 12 милл.»

Многіе думаютъ, что если европейскія морскія державы заключатъ договоръ съ Южными Штатами и доставятъ имъ побѣду, это тяжелое положеніе англійской хлопчатобумажной промышленности прекратится. *Revue des deux Mondes* опровергаетъ такую мысль. Предполагая, говоритъ этотъ журналъ, — «предположимъ случай самый благоприятный для Южныхъ Штатовъ, что они выйдутъ изъ войны побѣдоносными, могущественными, защищенными отъ Сѣвера цѣлью землемъ и фортисскацій, могущественнымъ флотомъ и дружбой Англіи; не смотря на свое торжество, плантаторы не будутъ въ состояніи такъ много, какъ прежде, заниматься воздѣлываніемъ хлопчатой бумаги и перестанутъ быть главными поставщиками ея для Англіи. Монополія этой поставки была получена Южными Штатами Сѣверою Америкею потому, что они могли продавать тухъ хлопчатой бумаги дешевле другихъ производителей другихъ странъ, воздѣлывающихъ хлопокъ. Но если хлопокъ станетъ обходиться дороже прежлаго сиванъ американцамъ, то по необходимости возрастеть и продажная цѣна его, и американскіе плантаторы потеряютъ прежнее выгоду соперничества на европейскихъ рынкахъ. А стоимость воздѣлыванія хлопка въ Америкѣ неизбежно возрастеть вслѣдствіе войны. Война обременитъ производство хлопчатой бумаги добавочными издержками; отъ которыхъ оно сдѣлается убыточнымъ. Уже и до войны американскій плантаторъ

получать съ того хлопца лишь незначительную выгоду, а если войны, какъ бы ни были успешны для него концы ея, расходы его чрезвычайно увеличатся. Если даже предположить, что негры оставшися докорны попрежнему, что не нужно будетъ новыхъ измѣреній на дальность за ними и на ихъ наказаніе, то все-таки увеличатся расходы на ихъ прокормленіе, одежду, снабженіе ихъ орудіями труда и дружки фабричными издѣльями, которыя получались прежде изъ Сѣверныхъ Штатовъ совершенно свободно, а по отдѣленіи Южныхъ Штатовъ должны будутъ оплачиваться таможенными пошлинами. Кроме того плантаторы, составивъ отдѣльное государство, должны будутъ содержать армію, флотъ и государственную администрацію. Ихъ понадобится строить здания для правительства, платить проценты государственнаго долга, дѣлать въ мирное время расходы на приготовленіе къ наступательнымъ или оборонительнымъ войнамъ. Къ какимъ налогамъ могутъ прибѣгнуть они для покрытія этихъ расходовъ? Будучи народомъ вопрежнему земледѣльческимъ, будучи принуждены получать изъ Франціи, Англіи, Канады всѣ мануфактурные товары, — они должны будутъ открыть свои гавани свободному ввозу товаровъ съ очень легкими пошлинами. Слѣдовательно и въ мирное время придется имъ покрывать, какъ стараются они въ военное время, покрывать свои расходы налогами на земледѣльческій продуктъ. Своимъ бюджетомъ они должны будутъ искать источники своихъ доходовъ. Мало того что налоги обременять американскій хлопокъ и затруднить ему соперничество съ иностранными продуктами, — самая перевозка хлопка станетъ гораздо дороже. Въ другихъ хлопчатобумажныхъ странахъ, особенно въ Гиндустанѣ, пути сообщенія быстро улучшаются, а въ Южныхъ Штатахъ большая часть существующихъ дорогъ будетъ покинута за недостаткомъ локомотивовъ или за порчею рельсовъ. Шоссе и простые дороги останутся пережиткомъ рваны и неровны, мосты и добаркадеры будутъ разрушаться; магазины обратятся въ казармы во время войны; на поправку и содержаніе всѣхъ этихъ сооруженій налогъ будетъ взысканъ съ хлопка. Наконецъ великимъ, непреодолимымъ затрудненіемъ усиленно воздѣлыванію бумаги въ Южныхъ Штатахъ то самое работное, которое доселѣ казалось, причиною быстрого его расширенія. Простыя законы, недрожливо метая въ свое нарушеніе, кто бы ни нарушилъ ихъ, отдѣльный же человекъ или цѣлый народъ. Мы и теперь имѣемъ право спросить, не отъ работы ли происходитъ замѣтное сдѣвіе Американскихъ Штатовъ, — не оттого ли, что одни изъ нихъ имѣли удовлетвореніе, а другіе допускали это. Слѣшкомъ слабы для моста, невольники на заводахъ на своихъ владѣльцевъ, но если шалѣи выйдутъ съ углемъ, и если владѣльцы будутъ торговать сами. Нодергия

своей страну. воспомину вторженію; оставшая невоздѣланная свои поля, они изъ глубокаго мира ринулись въ ужасный рискъ междуусобія. Если итъ дѣла, то есть дѣло рабства на время восторжествуетъ; если пострамлена будетъ совѣть рода человеческого, то гибель итъ только замедлится, а не отырагится: они безвозвратно обречены на все сущностью своего дѣла. Для воздѣлыванія хлопчатоплантаторамъ нужна суровая территория. Они беспощадно истощаютъ землю; на которой останавливаются, какъ истощаютъ безжалостною работою силы негровъ. Истощивъ землю, они бросаютъ ее и переносятъ плантацію на другое мѣсто, пока вся страна становится бесплодною. Вотъ причина, по которой столь многіе плантаторы Виргиніи, Мериленда и Кентукки перестали воздѣлывать землю, занявшись выкармливаніемъ невольниковъ для южныхъ рынковъ. Тѣ рабовладѣльцы, которые не хотѣли понидеть заніи сельскимъ хозяйствомъ, должны были переселиться на новыя земли. Сначала довольно было имъ земли по атлантическому побережью, потомъ перешли они за Аппалачскія горы; купили Луизиану и Флориду; вторглись въ великолѣпную долину Миссиссиппи. Они обратили всю силу Соединенныхъ Штатовъ на завоеваніе Техаса и отняли у Мексики обширную территорию. Они напали на Кубу, хотя Куба принадлежить такимъ же рабовладѣльцамъ, какъ они сами, и отирамали паратовъ въ Гондурасъ и Никарагуу. Захватывая земли на югѣ и западѣ, они старались захватывать земли и на сѣверѣ. Они получили отъ конгресса дозволеніе распространить невольничество въ Канзасъ и Небраску (къ счастію, это разрѣшеніе оказалось напрасно). Они получили отъ верховнаго суда власть надъ всѣмъ Сѣверомъ, когда рѣшено было, что въ свободныхъ штатахъ невольникъ точно также остается собственностью владѣльца, какъ и въ невольническихъ штатахъ. Теперь положеніе мушкетрится. Выдача бѣглыхъ невольниковъ еще не отмѣнена официально, но невольническая конфедерация имѣетъ границу. Она стала тѣвнѣе прежней. Какое бы ни было исходъ войны, несомнѣнно то, что останутся соединенысь Сѣверомъ страны, въ которыхъ огромное большинство населенія — свободные люди: Мерилэндъ, Делаваръ, Колумбидъ, Западная Виргинія, значительная часть Миссури и Кентукки. Эта территория, превосходящая своею величиною Францію, потеряла для невольничества. Плантаторы, ограниченные пространствомъ, меньшимъ прежняго, уже не могутъ захватывать потещенныхъ земель новыи, и воздѣлываніе хлопка будетъ обходиться имъ все дороже и дороже. Правда, члены новой конфедерации, соединяющіе англо-американскую настойчивость съ южною страстностью; доказываютъ темъ способны дѣлать величайшія усилія для достиженія своей цѣли и отыкнотъ и перенослвотъ уразнобная на время

они падутъ въ напрасной борьбѣ противъ экономическихъ и нравственныхъ законовъ, управляющихъ обществомъ. Земля, подвергнувшаяся невольническому труду, слабѣетъ въ своемъ плодородіи и для возстановленія ея производительности нуженъ свободный трудъ. Когда великолѣпный бассейнъ Миссиссиппи и долины Аппалачскихъ горъ будутъ населены свободными людьми, снова разцвѣтутъ поля, опустошенныя рабствомъ».

Къ этимъ совершенно справедливымъ соображеніямъ надобно прибавить еще два другихъ. Въ случаѣ отдѣленія Южныхъ Штатовъ отъ Сѣверныхъ, торговля между этими двумя государствами, сдѣлавшись заграничною, конечно утратила бы часть прежней своей живости: таможня всегда служитъ задержкою, какъ бы легки ни были пошлины. Изъ этого слѣдуетъ, что отпускъ хлѣба съ Сѣвера на Югъ уменьшился бы и Южнымъ Штатамъ пришлось бы навсегда уменьшить хлопчатобумажныя плантаціи для расширенія своего хлѣбонашества, какъ это уже и начали они дѣлать въ прошедшемъ году. Другое соображеніе приводили мы еще при самомъ началѣ войны. Мы говорили тогда что крайніе аболіціонисты Сѣвера вовсе не желаютъ удерживать Югъ въ государственной связи съ Сѣверомъ, а напротивъ самымъ выгоднымъ для своей цѣли рѣшеніемъ считаютъ признаніе независимости Южной конфедерации. Какъ только была бы установлена граница между двумя государствами, невольники пограничной полосы Юга стали бы убѣгать въ Сѣверное государство, и пограничнымъ плантаторамъ не оставалось бы другаго средства сохранить свою черную собственность, какъ передвинуться съ нею подальше отъ границы на югъ. Такимъ образомъ пограничные южные штаты быстро очистились бы отъ невольничества и присоединились бы къ Сѣверному свободному государству. Граница невольничества постоянно подвигалась бы на югъ и съ каждою новою пограничною полоскою происходило бы то же самое. Такимъ образомъ постоянно уменьшались бы и пространство и производительная сила невольческихъ штатовъ, быстро уменьшался бы и сборъ хлопка, если его воздѣлываніе основывается на невольническомъ трудѣ.

Все это было бы самой благопріятной для аболіціонистовъ развязкой дѣла. Потому люди проникательные давно уже поняли, что попытку отдѣлиться отъ Сѣвера Югъ самъ ускорилъ отмѣненіе невольничества на всемъ пространствѣ прежняго Союза и что невозможно рассчитывать на полученіе изъ Америки прежняго количества хлопчатой бумаги, воздѣланной невольническимъ трудомъ.

Но и по этому вопросу, какъ всегда по всякимъ дѣламъ, число людей дальновидныхъ довольно незначительно по сравненію съ боль-

лишествомъ, довольствующимся самымъ поверхностнымъ взглядомъ на дѣло. И вотъ въ Англіи, какъ мы уже говорили, господствуетъ напрасное ожиданіе, что лишь бы прекратилась блокада южныхъ портовъ, привозъ хлопка изъ Америки пойдетъ попрежнему. Раздѣляетъ или не раздѣляетъ Пальмерстонъ эту ошибочную надежду, но во всякомъ случаѣ онъ дѣйствуетъ такъ, какъ будто самъ питаетъ ее. Не имѣя никакихъ прочныхъ принциповъ, онъ всегда основывалъ свой успѣхъ на угожденіи всякому мимолетному капризу общественнаго мнѣнія, искалъ популярности не въ томъ, чтобы заслуживать solidную славу реформами, достойными государственнаго человѣка, а въ томъ, чтобы служить олицетвореніемъ всѣхъ слабостей и заблужденій англійской публики. Его желаніе польстить ей къ дѣлу объ арестѣ южныхъ эмиссаровъ уже обошлось англійскому народу довольно дорого: отправка войскъ въ Канаду и вооруженіе эскадры для угрозы американскому берегу поглотило до 4 милл. фунтовъ. Деньги эти брошены совершенно на вѣтеръ; а между тѣмъ уже одна эта сумма, составляющая по всей вѣроятности только первую статью цѣлаго ряда задуманныхъ Пальмерстономъ подобныхъ расходовъ, была бы почти достаточна на открытіе всего недочета рабочей платы у страдающихъ работниковъ хлопчатобумажныхъ фабрикъ.

Мы сказали, что Пальмерстонъ думаетъ продолжать свои убыточные демонстраціи противъ Сѣверныхъ Штатовъ. Дѣйствительно, едва успѣло кончиться дѣло объ эмиссарахъ, какъ газеты лорда Пальмерстона начали убѣждать публику въ существованіи новыхъ поводовъ къ непріятностямъ съ вашингтонскимъ правительствомъ. Очень много шума надѣлали онѣ криками объ опасности, которой подвергается Канада. Въ Сѣверныхъ Штатахъ всегда господствовало мнѣніе, что Канада недолго захочетъ оставаться англійскою колонією. Когда Пальмерстонъ сталъ грозить войною американцамъ, нѣкоторыя вашингтонскія и ньюйоркскія газеты начали восторженно кричать, что сама Англія приглашаетъ Сѣвероамериканскій Союзъ къ пріобрѣтенію Канады: надобно поскорѣе заключить миръ съ южными штатами и объ арміи соединившись двинутся черезъ рѣку св. Лаврентія на завоеваніе англійскихъ владѣній въ Америкѣ. Эти слова были выставляемы за выраженіе мыслей всего населенія Сѣверныхъ Штатовъ. Обманъ былъ очень грубъ: газеты, кричавшія о завоеваніи Канады, были органы сѣверныхъ союзниковъ плантаторской партіи. Они точно такъ же стремятся возбудить войну между Англією и Америкой, какъ лордъ Пальмерстонъ ищетъ популярности угрозами противъ Америки. Они, какъ мы уже много разъ замѣчали, рассчитываютъ, что иностранная война заставитъ бы Сѣверъ согласиться на всѣ усло-

на, какія захотятъ продиктовать ему плантаторы. Но теперь эта партія на Сѣверѣ безсильна, а всѣ три партіи, раздѣляющія между собою вліяніе на дѣла, не могутъ имѣть и мысли о насильственномъ завладѣніи Канадою. Умѣренные демократы, умѣренные республиканцы и аболіціонисты никогда не представляли себѣ присоединеніе Канады къ Соединеннымъ Штатамъ иначе, какъ слѣдствіемъ желанія самой Канады. Въ ея жителяхъ постоянно была мысль слиться съ Соединенными Штатами, и они удерживались отъ ея исполненія только двумя обстоятельствами. Во-первыхъ, сами они не были еще такъ сильны, чтобы Англія безпрекословно приняла ихъ отъзывъ, если бы они сказали, что слагаютъ съ себя зависимость отъ нея. Во-вторыхъ, жителямъ Канады, имѣющимъ совершенно европейское или аболіціонистское отвращеніе отъ невольничества, было бы противно и унизительно входить въ составъ государства, признающаго существованіе невольничества въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ. Первое обстоятельство, опасеніе тяжелой борьбы съ Англіею—быстро отстраняется возрастаніемъ могущества Канады. На устраненіе втораго препятствія, т. е. невольничества, надѣются аболіціонисты, и даже умѣренные республиканцы. Вотъ въ какомъ смыслѣ говорятъ жители Сѣверныхъ Штатовъ о соединеніи съ Канадою, въ смыслѣ добровольнаго влеченія обѣихъ сторонъ къ соединенію. Но при нынѣшнихъ обстоятельствахъ Канада не имѣетъ ни малѣйшаго желанія вступить въ составъ Соединенныхъ Штатовъ: она не хочетъ подвергаться тяжелымъ жертвамъ борьбы съ Югомъ. Потому она стала вооружаться для защиты своихъ границъ, когда возникло опасеніе войны между Англіею и Соединенными Штатами. Пока внутреннія дѣла Соединенныхъ Штатовъ уладятся, ей выгоднѣе держаться въ сторонѣ отъ нихъ. Этимъ расположеніемъ умовъ въ Канадѣ отстранялась для Англіи всякая опасность потерять свои сѣверо-американскія владѣнія въ нынѣшнее время: завоевывать Канаду Соединенные Штаты никогда не думали и не могутъ. Крики объ этомъ, поднятые въ Англіи, были совершенно напрасны.

Но они все-таки имѣли хотя наружную благовидность. Даже и этого лишень былъ шумъ, поднятый лордомъ Пальмерстономъ по случаю заваленія камнями одного изъ фарватеровъ Чарльстонской гавани.

Читатель знаетъ, что Чарльстонъ былъ первымъ центромъ возстанія; онъ увлекъ за собою Южную Каролину, Южная Каролина увлекла за собою другіе южные штаты. Понятно, что изъ всѣхъ южныхъ городовъ Чарльстонъ наиболѣе ненавистенъ Сѣвернымъ Штатамъ. Есть и другое обстоятельство. Чарльстонъ — самая важная гавань

Южныхъ Штатовъ на атлантическомъ берегу. Но обилие этихъ причинамъ Сѣвернымъ Штатамъ нужно было блокировать Чарльстонъ самымъ строгимъ образомъ. Но дѣло это затруднялось многочисленностью фарватеровъ; особенно неудобно было наблюдать за одними изъ нихъ, самымъ широкимъ. Сѣверные Штаты прибѣгли къ способу, новому въ исторіи морскихъ войнъ. Они нагрузили каменьями 16 старыхъ купеческихъ судовъ и затопили ихъ въ три ряда поперекъ фарватера, который труденъ былъ для блокады. Что тутъ неслыханно жестокаго? Новость дѣла состояла только въ томъ, что оно совершено противъ гавани непріателемъ съ цѣлю усилить блокаду, а точно такъ же перегораживались фарватеры затопленными кораблями уже много разъ самими защитниками гаваней, чтобы не допустить въ нихъ непріателя. Такъ поступили, на примѣръ, мы съ Севастопольскою бухтою. Ни англичане, ни французы не называли тогда насъ врагами рода человѣческаго и нарушителями законовъ природы за это дѣло. А если вѣтъ ничего unnaturalнаго, когда сами владѣльцы гавани на время портятъ ее по военной надобности, то еще менѣе можно претендовать за это на непріателей. Но Пальмерстонъ, въ согласіи съ французскимъ кабинетомъ, захотѣлъ искать тутъ новаго предлога для ссоры съ Сѣверными Штатами. Затопленіе Чарльстонскаго фарватера было объявлено варварствомъ, какого не видѣлъ міръ со времени Чингизхана. Хладнокровныя газеты замѣчали на это: во вѣдь если бы сѣверный флотъ бомбардировалъ Чарльстонъ, сжегъ его до тла и погубилъ жителей подъ развалинами домовъ, тутъ не было бы ничего противнаго законамъ цивилизованной войны; какии же образомъ слишкомъ уже безчеловѣчно то, что, нисколько не портя ни одного дома въ городѣ, не подвергая опасности ни одного изъ жителей, отнимаютъ у этого города на время морскую торговлю? Пройдетъ война и фарватеръ будетъ очищенъ, только и всего. Конечно очищеніе фарватера будетъ стоить чарльстонцамъ довольно много денегъ; но неужели не дозволительно подвергать непріателя денежнымъ расходамъ?

Не знаемъ, какіе новые предлоги къ ссорѣ съ Сѣверными Штатами найдутъ лордъ Пальмерстонъ и французскій кабинетъ. Теперь они какъ будто остановились на этомъ пути. Органы лорда Пальмерстона въ послѣднее время стали говорить, что Англія желаетъ соблюдать строгій нейтралитетъ; императоръ французовъ, въ рѣчи при открытіи законодательнаго корпуса, сказалъ то же самое. Эта переижда произошла очевиднымъ образомъ оттого, что западныя морскія державы поколебались въ прежнемъ своемъ мнѣніи о непобѣдимости Южныхъ Штатовъ. Не знаемъ, до какой степени оправдается ок-

такимъ предположеніе, что Южные Штаты скоро увидятъ невозможность продолжать борьбу; но въ концѣ января, когда мы нишемъ эти строки, господствовало такое ожиданіе въ Европѣ. Прежнее сомнѣніе въ достаточности силъ Сѣверныхъ Штатовъ для побѣды надъ Югомъ распространялось въ европейской публикѣ болѣе всего письями ваппингтонскаго корреспондента Times'a, который, подобно самому Times'у, враждебенъ дѣлу Сѣверныхъ Штатовъ. Но въ половинѣ января даже онъ увидѣлъ надобность иамѣнить свои предсказанія о необходимости Юга. «Я никогда не сомнѣвался (сталъ говорить онъ тацерь), что громадное преимущество матеріальныхъ и нравственныхъ силъ Сѣвера обезпечиваетъ ему скорую и рѣшительную побѣду; это всегда было видно,» — жаль, что въ теченіе всего прошлаго года онъ старался скрыть это. «Лишь бы хотѣли Сѣверные Штаты вести борьбу до конца, исходъ ея неизбѣжно будетъ въ ихъ пользу», продолжаетъ онъ. Но ему все-таки хочется поддержать въ англійской публикѣ мнѣніе, что Сѣверъ не достигнетъ своей цѣли, что война останется нерасполою и что потому Европа должна вмѣшаться въ нее, помочь Южнымъ Штатамъ. Съ этою цѣлью онъ приписываетъ новый поводъ къ сомнѣніямъ въ возможности успѣха Сѣверныхъ Штатовъ. И самъ Times, раздѣляющій желаніе своего корреспондента, началъ ежельденно развивать его мысль. Она относится уже не къ военной, а къ экономической сторонѣ дѣла. Война стоитъ Сѣверу очень дорого, — по приблизительному разсчету, военныя издержки его составляютъ около милліона долларовъ (болѣе милліона руб. сер.) въ день. На первое время успѣвали покрывать этотъ громадный расходъ займами безъ установленія налоговъ, специально назначенныхъ на военные расходы, и на уплату процентовъ по военнымъ займамъ. Денги давались нью-йоркскими, филадельфійскими и бостонскими банками. Давъ болѣе 100 милл. долларовъ золотомъ государственному казначейству, банки эти въ концѣ прошлаго года увидѣли наконецъ, что запасы звонкой монеты въ ихъ кассахъ начинаютъ истощаться, и дали своимъ директорамъ право остановить размѣнъ своихъ билетовъ на золото, когда это будетъ нужно. Ровно ничего особеннаго тутъ нѣтъ; такъ дѣлается во всѣхъ государствахъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ сарьдой войны; такъ сдѣлано было и англійскимъ банкомъ во время войны съ Франціею въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго года. Правительство Сѣверныхъ Штатовъ знало, что займы звонкой монеты жъ банковъ годятся только на первое время войны, а для ея продолженія надобно будетъ прибѣгнуть къ другимъ источникамъ, и обратилось къ нимъ. Конгрессъ установилъ военные налоги суммою до 150 милл. долларовъ (200 милл. руб. сер.) и готовъ

установить еще новые налоги въ такую же сумму, если понадобится. Эта надобность можетъ явиться черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, а теперь пока кажутся достаточными уже установленные налоги, часть которыхъ пойдетъ на военныя издержки, а другая послужитъ обезпеченіемъ процентовъ по заключаемымъ долгамъ и постепеннаго ихъ выкупа. Первый изъ новыхъ долговъ рѣшено сдѣлать посредствомъ заимствѣній нѣкоторой части кредитныхъ билетовъ частныхъ банковъ кредитными билетами, выпускаемыми отъ правительства. Ровно никакой перемены въ денежной системѣ по отношенію къ публикѣ тутъ не будетъ: какъ и всякая коммерческая страна, Соединенные Штаты чувствовали надобность, чтобы кромѣ звонкой монеты находились въ обращеніи у нихъ бумажныя деньги, и бумажныя деньги съ самаго начала республики существуютъ въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ существуютъ въ самой Англіи. До сихъ поръ они выпускались частными банками, теперь частныя банки обязываются обмѣнять часть своихъ кредитныхъ билетовъ на билеты, выпускаемые правительствомъ, — въ родѣ того, какъ англійскіе частныя банки и банкиры обязаны принимать билеты англійскаго банка наравнѣ съ звонкою монетою. Что тутъ особенно страшнаго? Иное дѣло, если бы количество кредитныхъ билетовъ, обращающихся въ Соединенныхъ Штатахъ, увеличилось чрезъ этотъ обмѣнъ; тогда можно было бы Times' у говорить объ опасности упадка цѣнности бумажныхъ денегъ въ Соединенныхъ Штатахъ и т. п. Но количество бумажныхъ денегъ вовсе не увеличивается: частныя банки вынимаютъ изъ обращенія ровно такую же сумму своихъ билетовъ, какую выпускаетъ правительство. Этотъ оборотъ, выйдя съ установленными налогами, дастъ Сѣвернымъ Штатамъ финансовыя средства на покрытіе военныхъ издержекъ до конца нынѣшняго года; а по мнѣнію многихъ, Южныя Штаты должны будутъ покориться раньше этого срока. Но еслибъ случилось не такъ, еслибы война продолжалась долѣе, финансовое положеніе Сѣверныхъ Штатовъ не представляло бы ничего ужаснаго. Вопросъ не въ томъ, найдутся ли у нихъ средства на веденіе войны, а только въ томъ, какая партія одержитъ верхъ въ вашингтонскомъ конгрессѣ: та, которая стремится неокончить войну не иначе какъ освобожденіемъ невольниковъ, или та, которая хочетъ покончить войну какими бы то ни было образомъ, лишь бы поскорѣе покончить ее.

Въ конгрессѣ, который точнѣе всѣхъ другихъ органовъ правительственной власти служитъ представителемъ общественнаго мнѣнія, ностолино усиливается партія аболіціонистовъ; палата представителей и сенатъ уже начинаютъ исполнять нѣкоторыя, на первый разъ еще маловажныя, части ея программы. Такъ, напримеръ, рѣшено

уничтожить невольничество въ столицѣ сѣвернаго союза—Вашингтонѣ и въ округѣ этого города, называющагося Колумбією и находящемся подъ непосредственнымъ управленіемъ союзнаго правительства. На выкупъ невольниковъ въ этомъ небольшомъ округѣ конгрессъ назначилъ милліонъ долларовъ. Теперь идутъ въ конгрессѣ пренія о существовавшей чести плана аболіціонистовъ: по мѣрѣ того, какъ сѣверныя войска будутъ подвигаться на югъ, во всѣхъ занимаемыхъ ими мѣстностяхъ должно быть по плану аболіціонистовъ превозглашено освобожденіе невольниковъ съ выдачею вознагражденія тѣмъ владельцамъ, которые оставались вѣрны Союзу, а владельцы, участвовавшіе въ возстаніи, должны быть оставляемы безъ всякаго вознагражденія. Этотъ проектъ былъ отсрочиваемъ уже нѣсколько разъ въ нынѣшней сессіи конгресса, да и въ настоящую минуту аболіціонисты еще не имѣютъ силы провести его; но при каждомъ возобновленіи преній возрастало число голосовъ, подаваемыхъ за это предложеніе, и если война протянется, оно восторжествуетъ.

Но совершенно иное направленіе обнаруживается въ дѣйствіяхъ президента и министерства. Видя быстрое возрастаніе крайней партіи въ конгрессѣ, исключительная власть страется по возможности задержать развитіе событій въ аболіціонистскомъ духѣ и обличается съ демократическою партією, желающею щадить интересы плантаторовъ. Разунивертея, тутъ рѣчь идетъ не о сочувствіи Линкольна и Сьюарда къ плантаторамъ: президентъ и первый министръ также желаютъ уничтоженія невольничества; но они думаютъ, что прежде всего надобно заботиться о прекращеніи войны; принятіе аболіціонистской программы укрѣпило бы отчаянную рѣшимость южныхъ плантаторовъ, откинуло бы у нихъ всякую охоту покориться, а этиягъ продолжалась бы война, если бы противъ крайней энергій отчаявшихся плантаторовъ не были приняты столь же крайнія мѣры: формированіе партизанскихъ отрядовъ изъ свободныхъ негровъ Сѣвера, стремящихся идти на югъ, и призывъ южныхъ невольниковъ къ оружію. Едва ли можно будетъ избѣжать Линкольному этихъ рѣшительныхъ мѣръ, если война продлится; но онъ не желалъ бы принимать ихъ, потому что онъ подвергнутъ слишкомъ большимъ опасностямъ бѣлое населеніе южныхъ плантацій. Вотъ почему сѣверное правительство до сихъ поръ не допускаетъ рѣшительныхъ людей стать во главѣ военныхъ дѣйствій и даже смѣляетъ тѣхъ прежнихъ генераловъ и сановниковъ, которые обнаруживаютъ въ себѣ аболіціонистскій духъ. Такъ была дана, мѣсяца три тому назадъ, отставка генералу Фримонту, командовавшему войсками въ Миссури. Послѣ того, также за аболіціонизмъ, получили отставку командиры другаго корпуса западныхъ войскъ, Эд-

гель; наконецъ въ половинѣ января также за аболіціонизмъ получилъ отставку военный министръ Камеронъ и на мѣсто его назначень демократъ Стантонъ; говорятъ, что скоро будутъ удалены еще нѣкоторые министры, раздѣляющіе образъ мыслей Камерона, и также замѣнены людьми болѣе снисходительными къ рабовладѣльцамъ.

Разумѣется, умѣренная республиканская партія, сохраняющая господство въ кабинетѣ Линкольна, дѣлаетъ эти пожертвованія неохотно: она понимаетъ, что они вредны для веденія войны. Фримонтъ пользовался огромною популярностію въ западныхъ штатахъ и ихъ войскахъ, а Зигелемъ, нѣмцемъ, чрезвычайно гордилась нѣмецкая часть населенія Соединенныхъ Штатовъ, выставившая очень много волонтеровъ. Но умѣренные республиканцы до сихъ поръ хотѣли дѣйствовать противъ Юга не столько фактическими ударами, сколько моральнымъ впечатлѣніемъ, производимымъ огромностію силъ, собранныхъ Сѣверомъ. Умѣренные республиканцы хотѣли бы не то что побѣдить Югъ, а только смирить его къ тому, чтобы онъ смирился. Потому генералы, возбуждающіе энтузіазмъ въ войскахъ, казались сѣверному правительству несоответствующими его планамъ. Напримѣръ, и Макъ-Клееланъ, сдѣланный главнокомандующимъ, принадлежитъ людямъ, желающимъ вести войну съ невозможною пощадою для Юга. Мы уже говорили объ этихъ отношеніяхъ, мѣсяца три или четыре тому назадъ. Ходъ событій подтверждаетъ замѣчанія, сдѣланныя нами тогда. По мѣрѣ того, какъ война длится, усиливается крайняя партія, желающая воспользоваться ею для немедленнаго уничтоженія невольничества. Эта партія уже овладѣваетъ конгрессомъ, а президенту уже надобно смѣщать генераловъ и министровъ, чтобы она не овладѣла веденіемъ войны. До сихъ поръ умѣреннымъ республиканцамъ, дѣйствующимъ чрезъ президента, еще можно было сохранять свое господство надъ гражданскою и военною администраціею, и отъ этого происходитъ нѣкоторая холодность между конгрессомъ и болѣе умѣренными органами невольничества.

Люди, не знающіе быта Сѣверныхъ Штатовъ, воображаютъ, что несогласіе главнокомандующаго съ мнѣніями, достигавшими большого вліянія на конгрессъ, можетъ грозить опасностію законному устройству вѣннингтонскаго Союза. Они подозреваютъ Макъ-Клеелана въ честолюбивыхъ замыслахъ и готовы предсказывать, что изъ него выйдетъ Наполеонъ I. Этому превращенію мѣшаютъ только два обстоятельства. Во-первыхъ, Макъ-Клееланъ не одержалъ еще такихъ блестящихъ побѣдъ, какія дали Наполеону возможность захватить диктатуру; во-вторыхъ, когда онъ одержитъ какія угодно побѣды, американцы приминутъ почти всю заслугу тутъ самимъ себѣ, масть войска,

массѣ всего народа, а не силѣ одного человѣка. У нихъ уже такая привычка считать отдѣльнаго человѣка существомъ не богъ-знатѣ-наипачѣ важнымъ въ отдѣльности отъ общества, которое даетъ ему и матеріальнымъ и нравственнымъ силы ко всему хорошему или блестящему, что онъ сдѣлаетъ. Они—народъ впечатлительный, любящій шумными сценами; потому они готовы устраивать восторженные оваціи тому или другому лицу, которое отличится чѣмъ нибудь; но устраиваютъ это, шумить, в кричать: они не столько въ честь ему, сколько въ свое удовольствіе и ни на минуту не забываютъ, что прославляемый герой ни больше, ни меньше, какъ ихъ собственное созданіе, и всю важность своего полученія лишь отъ того, что имъ вздумалось сдѣлать его своимъ любимцемъ. Если же хоть немного покажется имъ, что онъ приписываетъ себѣ важность, независимую отъ нихъ, они бросаютъ его и онъ возвращается въ ничтожество.

На эти замѣчанія мы вызваны появившимися въ газетахъ разсужденіями, будто бы война можетъ породить въ Сѣверныхъ Штатахъ серьезную диктатуру. А если бы не вздумали другіе толковать объ этой мнимой опасности, разумѣется мы и не коснулись бы предмета, совершенно не идущаго къ нынѣшнему положенію дѣлъ въ Сѣверной Америкѣ. Дѣло теперь не о томъ, какую роль будетъ играть какой нибудь генералъ, прославившійся необыкновенными побѣдами, — вѣдь и побѣдъ еще никакихъ не было; наша рѣчь должна идти томъ, въ какомъ положеніи находится война, до сихъ поръ ограничивавшаяся почти только одними приговорами къ будущимъ сраженіямъ.

Югъ давно уже вывелъ въ поле всѣ силы, которыми могъ располагать, а Сѣверъ съ каждымъ мѣсяцемъ увеличиваетъ силу своихъ армій. По отчету, представленному военнымъ министромъ при началѣ засѣданій конгресса, въ началѣ декабря Сѣверные Штаты имѣли въ своихъ арміяхъ до 665 тысячъ войска. Послѣ того подрежнему формировались все новые полки, такъ-что численность дѣйствующихъ армій не увеличивалась только потому, что правительство не находило въ томъ нужды. Новые волонтеры были оставлены въ резервахъ на случай надобности. — Южныя арміи имѣютъ отъ 300 до 400 тысячъ солдатъ. Убѣдившись въ превосходныхъ силахъ непріятеля, южныя генералы ограничивались оборонительною системою дѣйствій. Сѣверные генералы не могли начать въ прошломъ году наступательныхъ дѣйствій потому, что должны были заниматься обученіемъ своихъ волонтеровъ. Теперь по ихъ мнѣнію войска приготовлены достаточнымъ образомъ и надобно съ каждымъ днемъ ждать наступленія. Оно должно начаться съ фланговъ и съ тыла главной

армии Южных Штатовъ, расположенной по южному берегу Чотопика. Съ праваго фланга двинутся на нее отряды, которые будутъ перевезены моремъ на атлантическое побережье Южных Штатовъ. Одинъ таковой корпусъ подъ командою Беррисайда уже высадился на виргинскомъ берегу. Вслѣдъ за нимъ будутъ отправлены другіе корпуса, если этотъ первый окажется недостаточно сильнымъ. Съ тыла главной армии Южных Штатовъ дѣйствуетъ корпусъ, высадившійся близъ Чарльстона въ порт-рольской бухтѣ. Полагаютъ, что другіе корпуса будутъ посланы на побережье Мексиканскаго Залива. Съ лѣваго фланга южной армии дѣйствуютъ также нѣсколько отрядовъ, одинъ изъ которыхъ началъ спускаться по Миссиссиппи. Другіе пойдутъ сухимъ путемъ черезъ Миссури и Кентукки на югъ. Одинъ изъ нихъ уже одержалъ (въ Кентукки) значительную побѣду надъ сепаратистами, какъ мы знаемъ изъ телеграфическихъ депешъ. Стоишь важности этого дѣла мы еще не можемъ опредѣлить, не имѣя болѣе подробныхъ извѣстій о немъ. Эти диверсіи съ востока, юга и запада должны по мнѣнію сѣверныхъ генераловъ заставить Южное правительство отдѣлится изъ главной сепаратистской армии нѣсколькимъ войскамъ на защиту прибрежныхъ и западныхъ границъ южной конфедерации, и нѣкоторые думаютъ, что главная армія инсургентовъ, будучи ослаблена отдѣленіемъ отрядовъ, будетъ отступать къ Ричмонду, не отвѣщая на сраженіе. У нѣкоторыхъ сѣверныхъ газетъ надежды еще значительнѣе: онѣ полагаютъ, что сѣверныя войска, высадившіяся на виргинскомъ берегу, отрѣжутъ отступление главной армии инсургентовъ, такъ что она будетъ окружена и разбѣгется или положить оружіе. Разумѣется, это — догадка, основанная пока только на желаніи видѣть такой исходъ дѣла. Вѣрно только то, что сѣверное правительство думаетъ на дняхъ начать общее наступленіе всѣми своими силами и что къ веснѣ надобно ждать рѣшительныхъ дѣйствій.

Но пока силы американскаго народа заняты борьбою съ южными плантаторами, западно-европейскія державы пользуются для вынужденности въ американскія дѣла временною невозможностью вѣннатоискаго правительства устранять европейское вынужденство изъ другихъ частей американскаго материка. Попытки подобнаго рода начались при самомъ же началѣ междоусобной войны въ Соединенныхъ Штатахъ. Испанцы устроили заговоръ въ Доминиканской республикѣ, занимающей ту часть острова Санъ-Доминго, которая прежде была подвластна Испаніи. Генераль-губернаторъ острова Кубы снарядилъ экспедицію; когда она была готова, заговорщики объявили, что жители Доминиканской республики желаютъ возстановить надъ собою испанскую власть, при которой будетъ имъ лучше, нежели те-

перъ; испанскія войска высадились на берегъ по ихъ призыву, овладѣли нѣсколькими крѣпостями, захваченными врасплохъ, и переворотъ былъ совершенъ. Мы не упоминали о немъ, потому что онъ не имѣлъ особенной важности, если бы на томъ и остановилось дѣло. Но первый успѣхъ ободрилъ западныя морскія державы, и теперь ихъ внимательство въ американскія дѣла уже получаетъ съ мекхиканской экспедиціей такіе размѣры, которыхъ нельзя оставить безъ вниманія.

Формальный предлогъ къ мекхиканской экспедиціи состоитъ въ томъ, что Мехика не платила процентовъ по своимъ долгамъ. Большая часть этихъ облигацій находится въ рукахъ англичанъ; довольно много ихъ и у французовъ. Вотъ затѣмъ, чтобы заставить Мексику платить проценты, и снаряжена экспедиція изъ англійскихъ и французскихъ кораблей и войскъ. Зачѣмъ тутъ примѣшались испанскіе корабли и войска, это совершенно неизвѣстно. Но какъ бы то ни было, Испанія приняла самое горячее участіе въ экспедиціи, и ея эскадра даже опередила эскадры двухъ другихъ союзниковъ. Еслибы дѣло шло только о взысканіи процентовъ, экспедицію надобно было бы назвать предпріятіемъ неразсчетливымъ: навѣрное она будетъ стоить англичанамъ гораздо большихъ денегъ, чѣмъ сколько составляютъ всѣ долги мекхиканскаго правительства англійскимъ капиталистамъ. О долгахъ его французамъ нечего и говорить: они, безъ сомнѣнія, въ двадцать разъ меньше издержекъ Франціи на экспедицію для ихъ взысканія. Потому разсудительные люди въ Англійи и Франціи говорили своимъ правительствамъ: если вамъ ужъ такъ жалко кредиторовъ, теряющихъ свои деньги, то лучше прямо вознаградите ихъ за потерю; это обойдется намъ дешевле, чѣмъ вести войну съ Мехикою для взысканія долговъ. Но занимательнѣйшая сторона дѣла состоитъ въ томъ, что войну для наказанія мекхиканцевъ за неисправность платежей Англійа и Франція начали какъ разъ въ то самое время, когда въ Мехикѣ установилось правительство, способное и хотящее быть исправнымъ передъ кредиторами; а пока не было надежды на появленіе такого правительства въ Мехикѣ, пока кредиторы дѣйствительно не могли имѣть надежды на полученіе процентовъ, никто заступаться за нихъ не хотѣлъ. Это исторія такого рода.

Съ незапамятныхъ временъ буйствовала въ Мехикѣ такъ-называемая клерикальная партія, которая имѣла на своей сторонѣ полудикія племена, образовавшіяся изъ смѣшенія испанцевъ съ индійцами; изъ этихъ дикарей она набирала армію, которая всегда готова была грабить и рѣзать въ честь клерикаловъ. Повременамъ народъ, выведенный изъ терпѣнія грабительствами, вооружался противъ этихъ бандитовъ, прогонялъ ихъ въ пустыни, но до послѣдняго времени не

имѣлъ столько благоразумія и стойкости, чтобы прочно обезопасить себя отъ ихъ нападений. Призываемые клерикалами бандиты пользовались первою оплошностью мирнаго населенія, чтобы снова явиться, низвергнуть правильную администрацію, поставить надъ Мексикой правителя изъ подобныхъ себѣ молодцовъ. Послѣднимъ изъ этихъ клерикальных правителей былъ Мирамонтъ. Нѣсколько лѣтъ шла борьба мирныхъ гражданъ противъ его разбойническихъ шаекъ; наконецъ, съ годъ тому назадъ, бандиты были окончательно побѣждены, и Мирамонтъ бѣжалъ. Вотъ, когда онъ и подобные ему предводители шаекъ господствовали надъ Мексикой, она, конечно, не платила процентовъ по долгамъ. Но западныя морскія державы ни мало не претендовали за то на Мирамонта; напротивъ, они даже поддерживали его въ борьбѣ со всѣми честными гражданами. Теперь, когда имъ показалось, что времена прежнихъ разбойническихъ смутъ закончились въ Мехикѣ, что законное правительство установилось прочно, западныя морскія державы двинули войска противъ этого правительства, которое само прямо говорило о твердомъ своемъ намѣреніи удовлетворить претензіи кредиторовъ. Эта мексиканская эксцедиція не можетъ быть понята иначе, какъ въ смыслѣ удивительнѣйшаго примѣра макиавеллевской политики: надобно мѣшать устройству дѣлъ у другихъ народовъ, чтобы держать ихъ въ безсиліи и въ зависимости отъ себя. Разумѣется, никакъ не рѣшились бы Англія, Франція и Испанія на такое странное дѣло, если бы не видѣли, что Соединенные Штаты слишкомъ заняты внутренними смутами.

Когда приготовлялась тройственная эксцедиція, участвовавшая въ ней державы увѣряли, что нимало не будутъ вмешиваться во внутреннія дѣла Мексики и думаютъ только вытребовать у нея гарантіи для исправнаго платежа процентовъ. Теперь, какъ извѣстно читателю, открывается не то: союзники предполагаютъ завоевать Мексику и отдать ее одному изъ европейскихъ принцевъ, — чаще всего этого кандидатомъ называютъ одного изъ австрійскихъ эрц-герцоговъ, — чтобы онъ сдѣлался мексиканскимъ королемъ. Если положить, что это будетъ пріятно и выгодно для династіи, членъ которой получитъ власть надъ Мексикой, все-таки остается непонятнымъ, изъ-за чего же тратить деньги и губить тысячи своихъ солдатъ три державы, бывшіяся для достиженія такой цѣли. Вѣдь онъ, какъ мы читаемъ, даже условился не представлять кандидатомъ на мексиканскій престолъ никакого принца изъ своихъ династій, чтобы не возбуждать между собою заиски и споровъ, и быть чистымъ предъ лицомъ всего человѣчества отъ подозрѣній въ честолюбивыхъ или своскорыстныхъ замыслахъ. Изъ-за чего же они берутся?

Ничь-изъ чего быется, этого нельзя понять; но для чего онъ занялся механическимъ дѣломъ, это видно. Онъ хотѣлъ утвердить свое мнѣніе въ южной части сѣверо-американскаго материка; онъ хотѣлъ все испытывать, до какой степени ослаблены Соединенные Штаты во вѣнскихъ дѣлахъ междуусобною войною. Соединенные Штаты не могли протестовать противъ экспедиціи, которой не допустили бы въ другое время, и вновь ободренные этимъ доказательствомъ желанія Соединенныхъ Штатовъ уклониться отъ вѣнскихъ войнъ, лордъ Пальмерстонъ и тиллерійскій кабинетъ возобновляютъ рѣчь о союзѣ съ Южными Штатами противъ Сѣверныхъ. Въ рѣчи своей, при открытіи засѣданій законодательнаго корпуса, императоръ французовъ говорилъ о намереніи своемъ сохранять нейтралитетъ. Но тотчасъ же въ полуофициальныхъ французскихъ газетахъ явились комментаріи, что Франція амбицена соблюдать нейтралитетъ только въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, эти три мѣсяца даются Сѣвернымъ Штатамъ на испытаніе ихъ силъ. Если къ веснѣ они не кончатъ войны, это значитъ, что они вѣлись за войну безразсудно, и обязанностью западныхъ морскихъ державъ будетъ прекратить раздоръ принужденіемъ Сѣверныхъ Штатовъ призвать независимость Южной конфедераціи. Этого необходимо требуютъ интересы хлопчатобумажной промышленности въ Англіи и Франціи.

Разумѣется, дѣло это зависить не отъ Франціи, а отъ Англіи, и въ Англіи собственно отъ манчестерскихъ фабрикантовъ. Полгода тому назадъ, между ними господствовало мнѣніе, что для нихъ полезно было бы вооруженною рукою снять блокаду южныхъ портовъ, и въ угожденіе этому прежнему расположенію дѣйствовалъ Пальмерстонъ, когда искалъ ссоры съ Америкою. Но теперь манчестерскіе фабриканты по видимому стали думать иначе. По крайней мѣрѣ вотъ какое письмо напечаталъ одинъ изъ нихъ въ Daily News по поводу рѣчи, произнесенной однимъ изъ представителей Манчестера въ палатѣ общинъ, партизаномъ Пальмерстона, Масси.

«Г. Масси по видимому поддерживаетъ партію, которая хочетъ возбудить войну съ Соединенными Штатами изъ состраданія къ бѣдствующимъ хлопчатобумажной промышленности въ Англіи и во Франціи. Я полагаю, что изъ 20 фабрикантовъ, 19 согласятся со мною, когда я скажу вамъ, что мы не хотимъ помощи, которую предлагаетъ намъ г. Масси; она бытъ бы слишкомъ дорога и напрасна. Если бы война и могла доставить намъ хлопокъ, она подняла бы его цѣну до такой высоты, при которой уничтожилась бы вся наша промышленность. Если бы война и могла открыть гавани Южныхъ Штатовъ, мы должны были

бы платить за хлопокъ военную страховую премію, отъ которой цѣна фрахта слишкомъ поднялась бы.

«Если наше правительство хочетъ пособить хлопчато-бумажной промышленности, есть къ тому способъ менѣе убыточный. Если бы казна прямо стала выдавать работникамъ хлопчато-бумажныхъ фабрикъ ихъ жалованье, а фабрикантамъ прибыль по сложности послѣднихъ семи лѣтъ, и если бы это пособіе выдавалось за все время бездѣйствія фабрикъ по недостатку хлопка, то даже на это пошло бы меньше денегъ, чѣмъ на войну, и этотъ расходъ кончился бы скорѣе военного, потому что въ нынѣшнемъ году мы по всей вѣроятности получили бы два милліона тюковъ хлопка изъ Индіи, а въ слѣдующемъ году станемъ совершенно независимы отъ американскаго хлопка. Потому, если правительство станетъ выдавать умѣренное пособіе тѣмъ изъ манчестерскихъ работниковъ, которые лишились занятія, оно поступитъ гораздо разсудительнѣе и израсходуетъ меньше денегъ».

Въ этомъ же смыслѣ принято единодушное рѣшеніе митингомъ фабрикантовъ, бывшимъ въ Манчестерѣ въ концѣ января.

Однакоже, если мы будемъ продолжать такимъ сухимъ тономъ, мы окончательно потеряемъ право на вниманіе читателей, какъ люди, совершенно отсталые. Нынѣ всѣ либеральничаютъ, и мы волею-неволею должны поддаваться подъ эту моду. Попробуемъ же писать въ либеральномъ духѣ.

Каждому просвѣщенному человѣку извѣстно, что Прусское королевство—государство конституціонное. Каждому даже непросвѣщенному человѣку извѣстно также, что всѣ люди, слѣдовательно и просвѣщенные люди, могутъ заблуждаться; а изъ этого слѣдуетъ, что не должно принимать безъ критики упомянутое нами убѣжденіе просвѣщенныхъ людей. Очень можетъ быть, что ихъ мнѣніе о государственномъ устройствѣ Пруссіи ни больше, ни меньше, какъ иллюзія. Мы когда нибудь займемся этимъ вопросомъ; но пока еще не занялись имъ, не имѣемъ основанія отвергать распространенный въ цѣломъ свѣтѣ взглядъ на Пруссію, какъ на государство конституціонное; напротивъ, должны пока думать, что самая распространенность вышеназваннаго мнѣнія служитъ нѣкоторымъ ручательствомъ за его истину. Принимая же его до дальнѣйшаго наслѣдованія за истину, мы можемъ до-поры-до-времени построить слѣдующій силлогизмъ:

Въ конституціонныхъ государствахъ есть либеральныя газеты;
Слѣдовательно въ Пруссіи должны быть либеральныя газеты.

Основываясь на этомъ выводѣ, мы ищемъ прусскихъ либеральныхъ газетъ, и находимъ, что изъ всѣхъ попадающихся намъ на глаза самая либеральная—National-Zeitung. Въ настоящее время при-

личіе требуетъ отъ каждаго, какъ мы сказали, чтобы онъ старался имѣть либеральный образъ мыслей. Будемъ, какъ сказали, стараться объ этомъ и мы. — Пора, давно пора была намъ позаботиться объ этомъ; вѣдь на насъ уже насыпаны цѣлыя горы упрековъ за нашу не-любовь къ свободѣ, за топтаніе въ грязь всѣхъ дѣятелей и органовъ европейскаго либерализма отъ Маколея и Токвилля до Кавура и г. Ржевскаго, отъ Debats и Times'a до почтенныхъ порицателей нашихъ въ русской прессѣ. Изнемогая подъ тяжестью заслуженныхъ порицаній, мы, какъ уже объяснили, чувствуемъ нужду исправиться и хотимъ учиться либерализму, — но не у нашихъ русскихъ собратьевъ, рѣчи которыхъ сами слишкомъ нахнутъ ученичествомъ, а у ихъ достойныхъ западно-европейскихъ наставниковъ и на первый разъ беремъ за руководителя себѣ National-Zeitung.

Это предпочтеніе нѣмецкаго руководства англійскому или французскому основано на томъ, что нынѣ приходится намъ говорить о нѣмецкихъ отношеніяхъ: Австрія отличилась очень занимательными разсужденіями о бюджетѣ. Начнемъ же съ австрійскаго бюджета и послушаемъ, что говоритъ о немъ наша руководительница National-Zeitung.

«Государственные доходы и расходы, начиная съ 1861 г., будутъ приведены въ равновѣсіе—такова моя воля,—такъ повелѣлъ императоръ австрійскій торжественнымъ рескриптомъ отъ 11 ноября 1859 г.

«Если бы государственные доходы и расходы оставались безъ измѣненія, дефицитъ на будущій 1861 г. простирался бы до 43 милліоновъ гульденовъ. Но ожидаемое улучшеніе курса дозволяетъ надѣяться на уменьшеніе въ 5 милліоновъ гульденовъ въ расходахъ по потерямъ на курсъ. Министры внутреннихъ дѣлъ и юстиціи обѣщаютъ мнѣ сбереженіе до 4 милліоновъ. Такое же сбереженіе возможно по финансовому управленію. Расходы по арміи и флоту могутъ быть уменьшены на 11 милл. Итакъ, при неизмѣнности прочихъ статей, дефицитъ 1862 г. уменьшится съ 43 до 19 милл. гульденовъ. Этой цифрѣ равняется сумма расходовъ, назначенныхъ на погашеніе государственнаго долга. Отложивъ это дѣло, мы можемъ считать, что между государственными доходами и расходами въ 1862 году будетъ сохранено равновѣсіе.» Такъ говорилъ управляющій министерствомъ финансовъ Австрійской имперіи г. фонъ-Пленеръ 31 іюля 1860 г. въ своемъ Соображеніи о финансовой будущности Австріи на 1862 г.

«Бюджетъ за 1861 годъ, въ которомъ по императорскому повелѣнію долженъ былъ исчезнуть дефицитъ, въ которомъ по мечтѣ министра финансовъ могъ по крайней мѣрѣ считаться дефицитъ

исчезнувшимъ, — бюджетъ 1861 г. теперь у насъ передъ глазами, и въ немъ оазывается дефицитъ, равняющійся 110,186,000 гульденовъ.

«Что значатъ мечты австрійскихъ министровъ противъ логики финансоваго хозяйства, основаннаго на банкротствѣ и требующаго невозможностей отъ народныхъ средствъ!

«Чѣмъ же покрыть этотъ дефицитъ въ 110 милл.?— *Не спшно прибавать къ займамъ!*— энергически восклицаетъ фонъ-Пленеръ: *можно безрасхлябности* — Но восклицая это, онъ объясняетъ, что дефицитъ будетъ покрытъ кредитными операціями: государство возьметъ деньги изъ банка, которому возвратитъ ихъ въ теченіе слѣдующихъ 20-ти мѣсяцевъ. Откуда возьметъ оно тогда деньги, чтобы возвратитъ ихъ банку, это никому неизвѣстно. Но то видно, что банкъ дастъ государству деньги, то есть сдѣлаетъ новый выпускъ бумажныхъ денегъ. Отъ такой кредитной операціи, по мнѣнію г. фонъ-Пленера, поднимется курсъ бумажныхъ денегъ.

«Судьба Австріи да послужитъ для другихъ государствъ урокомъ, чтобы они не дѣлали расходовъ, превышающихъ финансовую ихъ силу. Причиною разоренія Австріи служить безмѣрность расходовъ ея на войско.»

Таковы размышленія National-Zeitung объ австрійскомъ бюджетѣ. Мы не имѣемъ возможности опровергнуть фактовъ, на которыхъ построена переведенная нами статья. Эти данныя засвидѣтельствованы къ сожалѣнію самимъ австрійскимъ правительствомъ. Оно имѣло неосторожность объявить цифру своего дефицита и объяснить средства, которыми намѣрено покрыть его. Ошибка сдѣлана, и у приверженцевъ австрійскаго правительства отняты ею всякіе способы спорить съ врагами австрійской системы относительно фактовъ. Но къ счастью, еще можно перенести преніе въ другую сферу, въ область принциповъ и на почву исторической необходимости. Этимъ оборотомъ дѣло австрійскаго правительства несомнѣнно будетъ сыграно.

Расходы на войско въ Австріи очень велики. Положимъ; по какую пользу извлекутъ противники австрійской системы изъ указанія на этотъ фактъ, съ благородствомъ столь же излишнимъ, сколько и добросовѣстнымъ, выставленный самими австрійскими министрами? Неужели National-Zeitung думаетъ, что австрійскому правительству пріятно расходовать два гульдена тамъ, гдѣ довольно было бы израсходовать одинъ гульденъ? Развѣ австрійское правительство даетъ подрядчикамъ и поставщикамъ больше, чѣмъ сами они требуютъ? или развѣ нѣтъ въ Австріи между купцами соперничества, такъ что берутъ они за поставляемые предметы больше, чѣмъ могутъ взять безъ убытка для себя? Нѣтъ. Вещь, продающаяся за гульденъ, покупается за

стрийскимъ правительствомъ не больше, какъ за гюльденъ. Если и бываютъ злоупотребленія, они поглощаютъ лишь ничтожную часть казенныхъ денегъ, — какой-нибудь десятокъ милліоновъ изъ сотни милліоновъ. Злоупотребленіями нельзя объяснить огромнаго дефицита, — онъ почти весь остался бы, хотя бы ни одинъ чиновникъ не пользовался ни однимъ назеннымъ гюльденомъ. Сообразите сами: австрийская армія многочисленнѣе французской, а ея содержаніе обходится почти на половину дешевле. Между тѣмъ во Франціи нѣтъ значительныхъ злоупотребленій по военной администраціи. Значитъ, не могутъ они поглощать много денегъ и въ Австріи, — напротивъ, очевидно, что Австрія умѣетъ содержать солдата на меньшее число рублей, чѣмъ содержится онъ во Франціи.

National-Zeitung скажетъ: я именно о томъ и говорю, что армія въ Австріи слишкомъ многочисленна. — Хорошо такъ рассуждать National-Zeitung; но мы опять спрашиваемъ: неужели она воображаетъ, что австрийскому правительству, пріятно содержать двѣ роты тамъ гдѣ достаточно одной? Неужели въ самомъ дѣлѣ, австрийская армія, существуетъ для чьего-нибудь каприза? Если содержатся подъ знаменами эти люди жалкой наружности, плохо одѣтые, плохо обутые, то конечно не для доставленія удовольствія кому-нибудь любоваться на нихъ, а только по необходимости. Вотъ показала бы National-Zeitung возможность обойтись безъ такой многочисленной арміи, тогда былъ бы смыслъ въ ея словахъ.

«Мы готовы показать и каждый день показываемъ, какими способами можно устранить необходимость въ содержаніи такой многочисленной арміи, — скажетъ National-Zeitung: — надобно отказаться отъ Венеціи, удовлетворить требованія венгровъ, и можно будетъ тогда распустить больше половины арміи.» — Странные люди! Сдѣлаютъ неосновательный упрекъ и потомъ придумываютъ предлагать невозможный способъ для его отвращенія. Какое правительство отказывалось когда-нибудь добровольно отъ обладанія какою-нибудь землею? National-Zeitung винитъ австрийскую систему въ обскурантизмъ, деспотизмъ и пр. Но въ Англіи было много разъ правительство просвѣщенное и либеральное; однако же Англія никогда не отказывалась отъ господства надъ Ирландіею, которая до недавняго времени точно такъ же ненавидѣла Англію, какъ Венеція — Австрію. Да и сама National-Zeitung при всемъ своемъ либерализмѣ соглашается ли на добровольное прекращеніе господства прусскихъ вѣмцевъ надъ тою частью Пруссіи, которая стремится къ отдѣльному отъ нея національному существованію? Значитъ, обскурантизмъ и деспотизмъ австрийскаго правительства остается тутъ не при чемъ: либеральное правительство

точно такъ же старалось бы сохранить власть надъ Венеціею. А для этого надобно держать триста тысячъ войска въ Венеціи и сосѣднихъ областяхъ: иначе итальянцы тотчасъ бросились бы изъ Ломбардіи и Романи на Венецію, да и она сама возмущалась бы, и австрійская власть надъ нею рухнула бы въ два-три недѣли. Вотъ мы нашли, что одна половина австрійской арміи занята дѣломъ, не допускающимъ уменьшиться ее. Изъ другой половины большая часть нужна для охраненія порядка въ Венгріи. — *National-Zeitung* говоритъ: «пусть австрійское правительство удовлетворитъ желаніямъ Венгрии, тогда не будетъ надобности содержать огромную армію въ этомъ королевствѣ.» — Видъ это все равно какъ если бы совѣтовать купцу, чтобы онъ не бралъ торговой прибыли, или совѣтовать землевладѣльцу, чтобы онъ не бралъ дохода съ своей земли, или совѣтовать *National-Zeitung*, чтобы она отказывалась отъ подписчиковъ. Или нѣтъ: эти совѣты, совершенно желательные, все-таки менѣе странны, чѣмъ совѣты, даваемые австрійскому правительству либералами. Удовлетворительная развязка венгерскихъ отношеній точно такъ же не забыть отъ австрійскаго правительства, какъ и разрѣшеніе вопроса о Венеціи. Тутъ нужны совершенно иные обстоятельства, и виновато ли австрійское правительство, что обстоятельство такихъ до сихъ поръ нѣтъ? Чтобы нѣсколько разъяснить дѣло, сообразимъ положеніе венеціанскаго вопроса.

Итальянцы хотятъ изгнать австрійцевъ изъ Венеціи. Виновато ли австрійское правительство въ томъ, что итальянцы до сихъ поръ не приступали къ исполненію этого своего желанія? Очень можетъ быть, что совершенно правы кавуристы, находящіе итальянское войско еще слишкомъ слабымъ для подобной попытки. Но если такъ, неужели австрійское правительство виновато въ слабости итальянской арміи? Неужели оно должно было заботиться объ ея усиленіи? Никто не обязанъ хлопотать о развитіи силъ своего врага. Считать это обязанностью австрійцевъ значило бы требовать отъ нихъ великодушія, почти сверхъестественнаго. Но австрійцы оказываютъ даже и это столь тяжелое благородство. Сколько могутъ, они хлопочатъ объ усиленіи итальянской арміи. Они нисколько не окрыляютъ своего дѣйствія начать съ Италіею войну для возстановленія пренниго порядка; они ссорятся и угрожаютъ. Чего же больше? Кажется, довольно ясно указывать бни итальянцамъ надобность усилить національную армію. Неужели можно ждать, чтобы они дѣлали больше для итальянцевъ? Ждать было бы нельзя, но австрійцы превъщаютъ своихъ благородство въ ожиданія: они даже указываютъ итальянцамъ вѣрнѣйшій способъ довести національную армію до силы, какая нужна для успѣха итальянскаго дѣла. Они выражаютъ самую сильную тревогу, когда

ктонибудь въ Италіи говоритъ о формированіи волонтерскихъ корпусовъ. Регулярное войско не такъ ихъ беспокоитъ; но воины, обязывающіеся служить только на время войны, не требующіе, чтобы правительство содержало ихъ въ мирное время, и добровольно обязывающіеся идти на непріятели безъ всякой надежды на выгоды, доставляемыя военною карьерою, — эти воины чрезвычайнo неприятны для австрійцевъ. Кажется, указаніе очень понятно: Италія должна заботиться о формированіи волонтеровъ въ подкрѣпленіе своему регулярному войску.

Какъ же послѣ этого достанетъ у насъ духу вмѣстѣ съ National-Zeitung порицать австрійцевъ за то, что они не могутъ привести къ равновѣсію свой бюджетъ? Помыслите, они дѣлаютъ все зависящее отъ нихъ, чтобы поскорѣе избавиться отъ натакнутого положенія, волеяющаго ихъ въ чрезмѣрные расходы. Напримѣръ, итальянцамъ они прямо говорятъ: усиливайте же свою армію и въ особенности формируйте волонтеровъ, чтобы поскорѣе избавиться себя отъ опасности, своихъ соотечественниковъ венеціанцевъ отъ нашей власти, а насъ отъ чрезмѣрныхъ расходовъ на Венецію. Точно такъ же ясно указываютъ они и венграмъ на то, какимъ образомъ Венгрія должна избавиться вѣнское правительство отъ чрезмѣрныхъ расходовъ на нее. Стало быть за то, что не исчезаетъ дефицитъ изъ австрійскаго бюджета, надобно винить не австрійцевъ, а венгровъ и итальянцевъ.

Акъ веснѣ нынѣшняго года опять возникаютъ съ увеличившеюся силою ожиданія, бывшія къ прошлогодней веснѣ, что венгры и итальянцы вступятъ на путь, на который тянетъ ихъ австрійское правительство. Относительно Италіи, Австрія даже принимаетъ мѣры, чтобы развязка никакъ не могла быть отсрочена нерѣшительностью итальянцевъ въ будущую весну, какъ была отсрочена въ прошлую.

Австрія требуетъ обезоруженія Итальянскаго королевства. Рикасоли, конечно, не можетъ согласиться на это. Австрія грозитъ, что пришьлетъ ультиматумъ; Италія отвѣчаетъ или думаетъ, что не боится его. — Еслибы не императоръ французскій, удерживающій изъ любви къ Италіи слишкомъ быстрые порывы Рикасоли къ установленію и достиженію полнаго единства Италіи, война была бы неизбежна. Но при могущественномъ посредничествѣ французскаго правительства Рикасоли находитъ нужнымъ быть скромнымъ на словахъ, а еще больше на дѣлѣ. Объ Австріи нечего и говорить: она не начнетъ войны, пока не получитъ разрѣшеніе отъ Франціи или не устроитъ противъ Франціи какойнибудь союзъ. Ни того, ни другаго она еще не успѣла добиться. Все еще не можетъ добиться Рикасоли и того, чтобы французы отдали итальянцамъ иностранный городъ Римъ.

или покрайней мѣрѣ сказали, что когда нибудь отдадутъ его. Изъ послѣдняго обстоятельства видно, какъ напрасны фразы о политическомъ коварствѣ. Политика всѣхъ державъ дѣйствительно была коварна въ отдаленную старину, въ средніе вѣка или въ слѣдующія столѣтія, можетъ быть даже и во времена дѣдовъ нашихъ. Тогда точно было коварство. Напримѣръ: зововетъ къ себѣ цана Александръ VI или король Людовикъ XI гостей, да и отравитъ ихъ или велитъ удушить. Въ XVII, XVIII вв. этого уже не дѣлалось; но бывали такіе случаи, что назоветъ себя какое нибудь правительство союзникомъ другаго, подметъ войска на его защиту, а потомъ и объявитъ своими занятія области. Такъ дѣлывалъ еще и Наполеонъ I, напримѣръ — съ Испаніей. Но теперь этого уже не водится: даже и не даютъ обѣщаній; когда не имѣютъ готовности исполнить ихъ, и никакія просьбы не могутъ склонить къ этому. Вотъ, напримѣръ, Рикасоли бьется не изъ того, чтобы французы очистили Римъ: дайте намъ, говорить, только обѣщаніе, что очистите, а тамъ и не очищайте; съ меня довольно будетъ обѣщанія, чтобы провести парламентъ. Нѣтъ, не даютъ. А вотъ любопытно тоже, что мы назвали городъ Римъ иностраннымъ для итальянцевъ. Незнающему человѣку оно покажется странно; а вѣдь на самомъ-то дѣлѣ такъ: Римъ—столица католическаго міра, стало быть принадлежитъ не Италіи, а всей католической Европѣ; этотъ городъ настолько же ирландскій, французскій, испанскій, португальскій, австрійскій, насколько итальянскій, — все равно, — какъ бы это сказать? все равно, что наша знаменитая зала въ Пассажѣ: и цыганская она, потому что въ ней цыгане пѣли, и театръ она теперь, и ученымъ она принадлежитъ, потому что въ ней лекціи читались, и поэтамъ она принадлежитъ, потому что оглашалась амплодисментами гг. А. Майкову и Бенедиктову. — «Такъ, кому угодно вслѣдъ можетъ отличиться въ залѣ Пассажа, но вѣдь это не мѣшаетъ же ей имѣть одного хозяина; точно такъ, почему бы и Римъ не могъ принадлежать одному хозяину, своему итальянскому народу?»—Нѣтъ, это не такъ; сравненіе было выбрано нами неудачно.

Но бѣдному Рикасоли не легче отъ этого. Лучше бы для него, если бы сохранилось въ политикѣ исчезнувшее изъ нея старинное коварство; отъ прямоудіи французскаго правительства онъ терпитъ ужасно. Вообразите, собрался парламентъ и спрашиваетъ его: что вы сдѣлали во венеціанскому вопросу, по римскому вопросу?—«Ничего не могъ сдѣлать. Надобно только надѣяться»....—На чемъ же основаны ваши надежды? имѣете ли вы какія-нибудь обѣщанія?—«Нѣтъ никакихъ обѣщаній.»—Значитъ, ровно ничего намъ и надѣяться при васъ, — думаетъ парламентъ, и, хоть не говоритъ онъ этого, а все-таки известно

Рикасоли, что онъ думаетъ, — и чувствуетъ бѣдный министръ, что хотѣть его столкнуть. Да и нельзя не чувствовать, когда не можетъ Рикасоли даже найти человѣка, согласнаго принять въ его кабинетѣ портфель министра внутреннихъ дѣлъ: видно, каждый знаетъ, что не стоитъ связывать своей карьеры съ разваливающимся кабинетомъ Рикасоли. Обратился онъ къ Ланцѣ, — отказъ; обратился къ Бонкомпанши, — тоже отказъ, къ Раттацци, — тоже; къ Санъ-Мартино, — тоже самое. Приверженцы Рикасоли переглянулись, слыша, какъ ихъ компаньоны отгѣкиваются отъ Рикасоли, и собрались разсудить, что это значитъ? Собрались, разсудили, — видятъ: Рикасоли никуда не годится; выбрали двухъ самыхъ бойкихъ между собою и отправили къ Рикасоли сказать ему, что онъ не годится, пусть выходитъ изъ министерствъ. Отправили депутацію, а сами продолжаютъ разсуждать: прогонимъ его, кого же назначить? Переглянулись опять, каждый видитъ, что всѣ остальные еще хуже Рикасоли. Некого выбрать. Рикасоли провѣдалъ объ этомъ и говоритъ депутатамъ, явившимся съ объявленіемъ, чтобы онъ выходилъ въ отставку: «хорошо; завтра явлюсь я объясниться съ гг. депутатами консервативной партіи». — Явился и говоритъ: «замѣнить меня у васъ нескѣмъ, такъ ужъ каковъ я ни есть (оно и точно, что плохъ, самъ вижу), но ужъ вы меня поддерживайте». — Хорошо, нечего дѣлать, станемъ поддерживать, хоромъ отвѣчали консерваторы и Рикасоли остался правителемъ Италиі. Вотъ и видно, — такъ оно даже и на географической картѣ нарисовано, — что въ Италиі земля клиномъ сошлась: нѣтъ людей кромѣ Рикасоли, да баста. — То есть, оно можетъ быть и есть люди; должно быть даже много людей между тѣми, которые, наперекоръ нерѣшительности Кавура и самого Рикасоли, присоединили къ владѣніямъ Виктора Эммануэля Тоскану, герцогства, легатства, Сицилію, Неаполь; но тѣ люди вообще — все непорядочные люди. Стало быть, пока нѣтъ крайности, порядочные люди съ ними и не могутъ имѣть дѣла. Только крайность можетъ заставить благомыслящаго человѣка замарать свою руку пожатіемъ мозолистой руки какого-нибудь Гарibaldi или грязныхъ рукъ его пріятелей. А вѣдь у его пріятелей грязныя руки: Бертани—воръ; Никотера—бандитъ; эти еще хоть не уличены, а другіе даже осуждены законнымъ порядкомъ въ трибуналахъ Итальянскаго королевства какъ убійцы; Рикасоли недавно объявлялъ, и Кавуръ не задолго предъ смертью тоже объявлялъ, что не можетъ онъ признать несправедливымъ приговора, произнесеннаго надъ однимъ изъ нихъ, и потому не можетъ допустить его возвращенія на родину. Такіе люди, подвергающіеся справедливымъ приговорамъ судилищъ, конечно могутъ только удить рыбу въ

мутной водѣ, — вотъ поэтому—то они все и мутили Италию противъ австрійцевъ и австрійскихъ кліентовъ, мутили, мутили, и—составили нынѣшнее Итальянское королевство. Будутъ смутныя времена, придетъ неминуемая бѣда отъ австрійцевъ, тогда они понадобятся и обратятъ бѣду въ полное торжество итальянскаго единства. А теперь хоть все идетъ плохо въ Итальянскомъ королевствѣ, но бѣда еще далека, стало быть можно называть этихъ людей ворами и убійцами, сумасшедшими и злодѣями.

221

**СВѢДѢНІЯ О ЧИСЛѢ ПОДПИСЧИКОВЪ НА «СОВРЕМЕННОКЪ» 1861 ГОДА
ПО ГУБЕРНІЯМЪ И ГОРОДАМЪ.**

По примѣру двухъ прошлыхъ лѣтъ, мы представимъ цифры о числѣ подписчиковъ на «Современникъ» по губерніямъ и уѣздамъ въ истекшемъ году и, сравнивъ эти данныя съ цифрами двухъ прежнихъ нашихъ отчетовъ, повторимъ тѣ изъ прошлогоднихъ выводовъ, которые подтвердились новыми свѣдѣніями.

Въ прошедшій разъ, мы замѣтили, что число подписчиковъ на «Современникъ» въ 1860 г. очень значительно возрасло сравнительно съ предыдущимъ 1859 годомъ, и что такое возрастаніе постоянно шло съ 1855 года. Намъ нельзя сказать того же самого сравнивая 1861 г. съ 1860; тутъ прибавка была ничтожна. Въ 1860 г. расходилось 6,598 экземпляровъ «Современника», въ 1861 г. 6,658: все увеличеніе составляетъ только 60 экземпляровъ, — ничтожная цифра сравнительно съ числомъ 1,098 экземпляровъ, составлявшихъ увеличеніе за 1860 годъ.

Въ прошедшій разъ, говоря объ этомъ значительномъ увеличеніи числа экземпляровъ за 1860 годъ, мы имѣли добросовѣстность не ставить этого факта въ восхваленіе собственно нашему журналу; мы приобрѣли тѣмъ право требовать довѣрія публики и къ объясненію, какое мы представимъ для неблагоприятнаго результата нашихъ трудовъ за прошедшій годъ.

Разсматривая значительное увеличеніе числа подписчиковъ на «Современникъ» въ 1860 г., мы говорили: «Чему приписывать это главнѣйшій образокъ? Увеличенію ли въ публикѣ любви собственно

къ нашему журналу? Самолюбіе конечно заставляло бы насъ приписывать важнѣйшее вліяніе этому обстоятельству; но мы имѣемъ основаніе полагать, что общее число печатаемыхъ экземпляровъ всѣхъ журналовъ и газетъ въ сложности значительно возрасло въ 1860 г. сравнительно съ 1859 г., какъ и въ 1859 сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ, и такое возрастаніе постоянно идетъ съ 1855 г. Поэтому мы готовы часть увеличенія числа читателей нашего журнала отнести къ дѣйствию общаго хода литературы, которая постепенно становилась въ послѣдніе годы болѣе и болѣе достойною вниманія публики, и вслѣдствіе того находила для себя все большій и большій кругъ публики».

Теперь съ такою же прямоюю смѣлостью мы имѣемъ основаніе полагать, что общее число печатаемыхъ экземпляровъ всѣхъ журналовъ и газетъ въ сложности въ 1861 г. не возрасло сравнительно съ 1860, а, напротивъ, довольно значительно уменьшилось. Возрастаніе, постоянно шедшее съ 1855 г. до 1860, остановилось и даже произошло очень замѣтный упадокъ общей суммы. «Современникъ» былъ еще на столько счастливъ, что до него не коснулось въ прошломъ году общее пониженіе, и только очень немногіе журналы, подобно «Современнику», составили такое исключеніе. Они вмѣстѣ съ нами должны сказать, что общій упадокъ отразился на нихъ уменьшеніемъ той прибавки къ прежнему числу подписчиковъ, какой они должны были бы ожидать, если бы цифра итога, общаго для всей журналистики, возрастала попрежнему. Прежнее увеличеніе числа читателей нашего журнала мы относимъ къ дѣйствию общаго хода литературы. Фактъ, обнаружившійся въ прошломъ году, точно также долженъ быть отнесенъ къ дѣйствию общаго хода литературы, и надобно сказать прямо: съ прошлаго года перестала публика находить, что литература становится все болѣе и болѣе достойною ея вниманія, публика нашла противное и вслѣдствіе того стала меньше прежнего читать журналы. Дѣйствительно, каждый изъ нашихъ соотечественниковъ по литературѣ и каждый изъ читателей замѣчалъ по разговорамъ въ обществѣ въ два послѣдніе года, что публикѣ начинаетъ надоедать безплодность хлопотъ нашей литературы. Прежде, читая журналы, она ждала, что выйдетъ какая нибудь польза для жизни изъ того, что пишутъ журналы. Обманувшись въ своемъ предположеніи, справедливо начала терять охоту къ занятію этой напрасной болтовней.

Неизвѣстно, каковъ будетъ окончательный результатъ этого измѣненія мыслей публики о степени важности и занимательности литературы въ нынѣшнемъ ея видѣ. Можно думать предположенія разнаго рода, и самымъ вѣроятнымъ изъ нихъ представляется то, что увеличившаяся требовательность публики дастъ литературѣ возмож-

ность приобрести болѣе полезное вліяніе въ жизни. Но это предположеніе не болѣе какъ правдоподобное ожиданіе, а вовсе еще не фактъ. Фактъ до сихъ поръ остается еще совершенно нвой: недовольство публики литературою еще не получило того опредѣленнаго направленія, которое придадо бы литературѣ новое достоинство для жизни.

Этотъ упадокъ подписки на журналы и упадокъ всей книжной торговли, замѣтно обнаружившіяся въ прошломъ году и усиливающіяся въ нынѣшнемъ, обыкновенно приписываютъ общему безденежью; но само оно есть не болѣе какъ одинъ изъ результатовъ той болѣе глубокой причины, которую характеризовали мы словами «недостатокъ вліянія литературы на жизнь».

СПИСОКЪ ЧИСЛА ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ ЗА 1859, 1860 и 1861 ГОДА
ПО ГУБЕРНІЯМЪ И УѢЗДАМЪ.

1. АРХАНГЕЛЬСКАЯ:

	1859,	1860 и	1861
Архангельскъ	10	11	11
Кемь	1	1	2
Мезень	1	1	—
Онега	2	1	1
Пинега	—	—	—
Соловецкій монастырь ст.	—	—	—
Сумская ст.	—	—	—
Холмогоры	1	1	1
Шенкурскъ	1	—	1
	<hr/>	<hr/>	<hr/>
	16	15	16

2. АСТРАХАНСКАЯ:

Астрахань	19	23	29
Евотаевскъ	1	2	2
Красный Яръ	1	—	—
Черивъ	1	—	—
Царевый Яръ	—	1	3
	<hr/>	<hr/>	<hr/>
	22	26	34

3. ВЕССАГАБСКАЯ ОБЛАСТЬ:

Аккерманъ	4	4	4
Атаки	—	—	—
Бендеры	5	4	4

	1859,	1860 ж	1861
Бѣльцы	2	6	5
Киминскъ	19	37	25
Кубей	—	1	1
Купчино	1	3	5
Леовобе	—	—	1
Липканы	2	1	2
Новоселица	1	3	4
Оргѣвъ	2	3	4
Скуляны	3	3	3
Сороки	3	6	2
Татарбунарская ст.	—	—	1
Телешты ст.	2	1	—
Хотинъ	6	6	10
Яссы	—	—	2
Бухарестъ	—	1	—
Измаилъ	—	1	—
Братушаны	—	1	—
	<hr/> 50	<hr/> 81	<hr/> 78

4. ВИЛЕНСКАЯ:

Вилейка	—	—	—
Вильно	11	18	19
Лисна	—	—	1
Лида	—	2	2
Дрогичинъ	—	1	—
Молодечно отд.	—	—	—
Ошмяны	1	2	2
Свенцяны	—	—	1
Свислочь	—	—	1
Сморгоны ст.	—	—	—
Троки	—	—	—
Щучинъ	—	—	—
	<hr/> 12	<hr/> 23	<hr/> 26

5. ВИТЕБСКАЯ:

Бѣшенковичи ст.	—	—	—
Велижъ	—	—	—
Витебскъ	8	12	11
Городокъ	—	1	—
Динабургъ	6	9	11
Дриса	—	—	—
Бреславка	1	1	—
Дешель	1	2	2
Люцинъ	—	—	—
Невель	—	1	1

	1859,	1860	и 1861
Полоцкъ	5	9	6
Рыжиза	—	2	2
Себежъ	—	—	—
Суражъ	1	—	—
Усвягъ	1	1	3
	<hr/> 23	38	36

6. ВЛАДИМИРСКАЯ:

Александровъ	4	5	4
Владимиръ	25	16	16
Вязники	3	7	10
Вознесенскій посадь	—	—	5
Гавриловскій посадь	2	1	3
Гороховець	1	2	2
Иваново село	3	10	1
Ковровъ	2	4	—
Меленки	1	—	1
Муромъ	12	11	7
Наст. Лежнево	—	—	1
Озьябликово ст.	2	1	1
Переславъ-Залѣвскій	1	2	4
Покровъ	1	1	3
Судогда	4	4	8
Суздаль	1	4	3
Шуя	4	8	3
Юрьевъ-Польскій	5	8	8
	<hr/> 71	84	80

7. ВОЛОГОДСКАЯ:

Великй-Устюгъ	—	1	1
Вельскъ	—	1	3
Верховажскій посадь	—	1	1
Вологда	12	13	20
Грязовець	1	—	1
Кадниковъ	—	1	—
Никольскъ	1	1	—
Сольвычегодскъ	—	1	1
Тотьма	3	2	1
Усть-Сысольскъ	2	2	2
Шенкурскъ	—	2	—
Яренскъ	1	2	1
	<hr/> 20	27	30

8. ВОЛЫНСКАЯ.

	1859,	1860	и 1861
Владиміръ-Волынской	—	—	1
Дубно	2	1	1
Житомиръ	13	13	11
Заславъ	1	2	2
Ковель	2	—	1
Корець ст.	—	—	1
Кременецъ	—	1	—
Луцкъ	—	2	—
Новоградъ-Волыньскъ	2	1	1
Острогъ	1	3	1
Радзивиловъ	—	—	1
Ровно	2	2	2
Староконстантиновъ	2	3	2
	<hr/>	<hr/>	<hr/>
	25	28	24

9. ВОРОНЕЖСКАЯ.

Бирючь	3	4	6
Бобровъ	7	10	10
Богучаръ	4	3	5
Бутурлинская	2	1	1
Валуйки	6	9	8
Воронежъ	32	29	37
Задонскъ	4	6	10
Землянскъ	3	3	2
Коротоякъ	4	4	1
Нижнедѣвицкъ	4	7	5
Новохоперскъ	6	7	6
Острогожскъ	10	9	10
Павловскъ	3	6	10
	<hr/>	<hr/>	<hr/>
	86	90	111

10. ВЯТСКАЯ.

Воткинскій зав.	1	1	2
Вятка	12	9	12
Глазовъ	1	2	3
Елабуга	1	1	3
Ижевскій зав.	1	2	—
Котельницъ	1	3	2
Малмыжъ	4	5	7
Нолинскъ	2	2	2
Орловъ	1	3	2
Павловскій винок. зав. ст.	1	1	—
Сарапулъ	2	3	3

	1859,	1860	и 1861
Слободскій	4	6	4
Уржумъ	1	4	5
Иранскъ	1	2	2
	<hr/>	<hr/>	<hr/>
	33	44	47

11. ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ.

Большерѣцкъ	—	—	—
Верхнекайтатскъ	—	—	—
Николаевскъ на Амурѣ	1	2	3
Благовѣщенскъ на Амурѣ	—	2	—
	<hr/>	<hr/>	<hr/>
	1	4	3

12. ГРОДНЕНСКАЯ.

Брестъ-Литовскъ	5	5	5
Бѣльскъ	1	2	4
Балостокъ	2	2	2
Волковыскъ	—	1	—
Гродно	5	8	7
Дрогичинъ ст.	1	—	1
Кобринъ	—	1	—
Пружаны	2	—	—
Слонимъ	2	2	2
	<hr/>	<hr/>	<hr/>
	18	21	21

13. ДЕРБЕНТСКАЯ.

Ахты отд.	1	2	1
Дашлагарская отд.	—	5	3
Дербентъ	4	1	6
Куба	2	1	1
Кусары	2	2	2
Петровское укр. отд.	—	—	3
Темиръ-Ханъ-Шура	9	15	14
	<hr/>	<hr/>	<hr/>
	18	26	30

14. ЕКАТЕРИНОСЛАВСКАЯ.

Азовъ	—	—	1
Александровъ	18	13	10
Бахмутъ	18	23	14
Благодатное ст.	2	2	2
Верхнедѣпровскъ	23	14	13
Екатеринославъ	48	31	29
Ивановская отд.	—	4	4
Луганскій зав.	9	12	9

	1859,	1860 и	1861
Мариуполъ	3	3	3
Нахичевань на Дону отд.	2	1	—
Неебургъ отд.	1	—	1
Никополь	5	8	8
Новомосковскъ	14	8	4
Павлоградскъ	17	13	8
Перещепина	—	—	8
Ростовъ на Дону	12	13	12
Славеносербскъ новый	4	8	8
Славянка	12	11	6
Ст. Уманская В. Д.	—	—	1
Таганрогъ	23	36	29
Гольштадтъ	—	—	1
Буяковская ст.	—	1	1
	196	211	166

15. ЕНИСЕЙСКАЯ.

Ачинскъ	1	1	2
Енисейскъ	15	17	8
Канскъ	4	—	2
Каргино ст.	2	6	2
Красноярскъ	12	12	9
Миусинскъ	3	1	3
Туруханскъ отд.	1	1	1
	38	38	27

16. ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ.

Верхнеудинскъ	1	4	5
Кайдоловская ст.	—	—	—
Нерчинскъ	3	4	5
Нерчинскій зав.	2	1	5
Ниженарымская ст.	—	—	2
Петровский желъзн. зав.	—	4	—
Селенгинскъ	3	2	2
Срѣтенскъ	—	—	—
Чита	4	7	9
Шелапугино	—	1	—
	13	20	28

17. З. В. ДОНСКАГО.

Аксайская	3	3	4
Алексѣевская	—	—	2
Ведерниковская	1	1	2
Казанская	1	3	5

	1859,	1860	и 1861
Каменскъ	2	2	3
Качалинская	—	—	1
Назаровская	—	1	1
Нижнечирская	1	2	4
Новопавловка сл.	4	1	4
Новочеркасскъ	35	49	47
Ольховый Рогъ ст.	3	6	1
Полтавская отд.	1	2	1
Пришибанская	—	—	1
Русская ст.	2	—	1
Урюпинская отд.	4	7	4
Усть-Медвѣдницкая	3	7	4
Цымлянская	—	—	2
	<hr/> 60	<hr/> 84	<hr/> 87

18. З. В. УРАЛЬСКАГО.

Гурьевъ	1	2	1
Уральскъ	1	3	—
	<hr/> 2	<hr/> 5	<hr/> 1

19. З. В. ЧЕРНОМОРСКАГО.

Ейскъ	1	3	—
Екатеринодаръ	7	16	22
Уманская отд.	—	2	—
Челбашская ст.	1	1	—
	<hr/> 9	<hr/> 22	<hr/> 22

20. ИРКУТСКАЯ.

Баргучинъ	—	—	2
Благовѣщенскъ	—	—	3
Витимскъ	—	—	1
Иркутскъ	37	41	36
Ижевскій зав.	—	—	1
Киренскъ	1	1	1
Кяхта	14	15	20
Нижнеудинскъ	1	3	2
Нохтуйская отд.	5	5	7
Петрозаводская отд.	1	—	—
Тоснекъ отд.	—	—	—
Троицко-Тавскъ	—	2	3
Шелопугино ст.	—	—	2
	<hr/> 59	<hr/> 62	<hr/> 78

21. КАЗАНСКАЯ.

	1859,	1860	и 1861
<i>Казань</i>	41	51	67
<i>Кичуй.</i>	—	—	2
<i>Козмодемьянскъ</i>	1	3	2
<i>Даншевъ.</i>	1	6	6
<i>Мамадышъ.</i>	1	1	1
<i>Свияжскъ.</i>	3	2	2
<i>Спасскъ.</i>	5	3	6
<i>Тетюши.</i>	3	2	3
<i>Царевококшайскъ.</i>	1	2	3
<i>Цивильскъ.</i>	1	1	1
<i>Чебоксары.</i>	2	3	2
<i>Чистополь.</i>	9	11	8
<i>Ядринъ.</i>	1	1	2
	69	86	105

22. КАЛУЖСКАЯ.

<i>Александровскій хут. отд.</i>	3	3	6
<i>Боровскъ.</i>	—	2	3
<i>Жиздра.</i>	2	2	4
<i>Калуга.</i>	15	24	3
<i>Козельскъ.</i>	4	3	7
<i>Крюковская.</i>	—	1	—
<i>Лихвинъ.</i>	4	2	2
<i>Малоярославецъ.</i>	5	4	5
<i>Медынь.</i>	4	3	4
<i>Мещовскъ.</i>	7	3	3
<i>Мосальскъ.</i>	2	5	3
<i>Перемышль.</i>	1	3	4
<i>Полотняный зав. отд.</i>	—	—	1
<i>Серпейскъ отд.</i>	1	—	—
<i>Сухоничъ.</i>	2	1	1
<i>Таруса.</i>	1	1	4
	51	57	50

23. КИЕВСКАЯ.

<i>Бердичевъ.</i>	3	4	1
<i>Богуславъ.</i>	—	1	1
<i>Бѣлая церковь.</i>	2	2	2
<i>Васильковъ.</i>	2	—	—
<i>Звенигородка</i>	4	3	5
<i>Каневъ.</i>	2	3	4
<i>Киевъ.</i>	47	65	63
<i>Линовецъ.</i>	—	1	2
<i>Махновка.</i>	—	—	—

	1859,	1860	и 1861
Радомысль.	3	5	2
Руженнъ ст.	1	—	—
Сквира.	1	11	2
Смѣла отд.	8	13	11
Тараща.	9	9	8
Умань.	2	13	7
Черкассы.	3	5	5
Чигиринъ.	5	4	4
Тальное.	3	4	4
Шпола.	1	1	4
	96	144	125

24. КОВЕНСКАЯ.

Вилькомиръ.	—	1	1
Козно.	5	9	11
Невель.	—	—	—
Новоалександровскъ.	—	—	—
Новый дворъ.	—	2	3
Поневъжъ.	—	—	1
Россианы.	—	3	1
Таурогенъ.	4	—	2
Тельшъ.	1	—	1
Уцяна ст.	—	—	—
Царицыно отд.	—	—	—
Шавли.	2	2	1
Шадовъ ст.	—	—	—
Юрбургъ.	—	1	2
	12	18	23

25. КОСТРОМСКАЯ.

Буй.	—	2	3
Варнавинъ.	1	—	1
Велуга.	—	2	3
Воронье ст.	—	1	1
Галичъ.	5	7	7
Кинешма.	5	6	4
Кологривъ.	—	1	2
Кострома.	17	23	27
Лухъ.	—	1	2
Макарьевъ на Унжѣ.	2	4	2
Нерехта.	6	8	6
Плесь.	4	4	5
Пучежъ-посадъ.	—	1	—
Солигаличъ.	2	4	4
Судиславъ.	1	1	1
Т. LXXXI. Отд. II.			13

			1859,	1860 и	1861
10	11	12	2	1	4
11	12	13	1	—	—
12	13	14	47	68	72
13	14	15	26. КУРЛЯНДСКАЯ:		
14	15	16	1	—	—
15	16	17	—	1	1
16	17	18	2	1	—
17	18	19	4	8	2
18	19	20	1	—	—
19	20	21	9	11	3
20	21	22	27. КУРСКАЯ:		
21	22	23	9	11	10
22	23	24	1	2	3
23	24	25	7	8	7
24	25	26	3	3	4
25	26	27	32	39	27
26	27	28	9	8	9
27	28	29	1	2	2
28	29	30	3	4	16
29	30	31	5	4	16
30	31	32	4	4	19
31	32	33	10	11	9
32	33	34	5	8	9
33	34	35	8	14	12
34	35	36	2	2	7
35	36	37	3	8	3
36	37	38	9	8	3
37	38	39	111	140	128
38	39	40	28. КУТАЙССКАЯ:		
39	40	41	—	1	1
40	41	42	2	4	7
41	42	43	—	1	1
42	43	44	—	1	1
43	44	45	—	7	6
44	45	46	—	—	—
45	46	47	29. ЛИФЛЯНДСКАЯ:		
46	47	48	—	1	1
47	48	49	4	3	2

	1859,	1860 и 1861
Перновъ	—	1 1
Рига	6	9 9
Фелликъ	—	— 1
—	10	14 15
30. МИНСКАЯ:		
Бобруйскъ	5	1 17
Борисовъ	1	1 1
Игумень	—	— 1
Доевъ отд.	1	2 1
Минскъ	1	5 6
Мозырь	—	— 1
Несвижъ	—	— 1
Новогрудекъ	2	1 2
Пинскъ	—	— 1
Рѣчица	2	1 1
Слуцкъ	1	3 3
—	13	14 23
31. МОГИЛЕВСКАЯ:		
Гомель	4	2 5
Горы-Горки	—	3 2
Климовичи	—	— 1
Копысь	1	1 1
Креславка	—	— 1
Кричевъ	—	1 1
Могилевъ	9	12 11
Мотиславль	2	3 1
Орша	—	4 4
Рогачевъ	3	4 4
Старый Брѣговъ	1	1 2
Толочинъ ст.	1	1 1
Чаусы	—	2 2
Чериковъ	3	3 1
Шкловъ	1	1 1
Чечерскъ	3	2 1
—	28	40 43
32. МОСКОВСКАЯ:		
Богородскъ	2	5 3
Бронницы	6	6 1
Верея	—	2 1
Волоколавскъ	4	6 1
Воскресенскъ ст.	—	— 1

	1859,	1860	и 1861
Дмитровъ	8	8	3
Звенигородъ	—	1	1
Клинъ	5	5	4
Коломна	4	8	3
Кузнецкая ст.	—	—	—
Можайскъ	4	4	4
Москва	622	482	477
Мало-Малаково	—	—	1
Подольскъ	2	2	2
Руза	3	5	3
Сергиевскій посадъ	4	7	7
Серпуховъ	16	19	18
Софійская ст.	—	—	1
	<hr/> 680	<hr/> 561	<hr/> 544

33. НИЖЕГОРОДСКАЯ:

Абрамово	1	—	1
Ардатовъ	3	4	5
Арзамасъ	4	8	7
Балахна	4	6	4
Василь	2	1	2
Горбатовъ	1	3	2
Княгининъ	2	0	6
Лукояновъ	—	2	4
Аысково	1	3	2
Макарьевъ	1	—	1
Нижний-Новгородъ	21	25	26
Павлово село, отд.	3	2	2
Починки	—	2	1
Семеновъ	3	3	2
Сергачъ	4	5	3
	<hr/> 50	<hr/> 70	<hr/> 68

34. НОВГОРОДСКАЯ:

Воровичи	3	5	10
Вязозерскъ	1	3	8
Буреги	—	1	—
Веребье	—	1	—
Валдай	2	2	3
Валдайская ст. ж. д. отд.	—	1	—
Демянскъ	2	3	3
Ириловъ	2	1	2
Крестцы	2	1	3
Новгородъ	9	8	13
Сомина приставъ	3	3	4

	1859,	1860	и 1861
Спасская полость ст.	3	3	4
Старая Руса	5	5	4
Тихвинъ	2	7	2
Устюжна	4	3	7
Череповецъ	1	2	3
Медвѣдь село	1	4	2
Подберезье	—	—	2
Тосна	—	—	1
Гудово	—	—	1
Ямъ Борницы	2	4	5
	<hr/>	<hr/>	<hr/>
	42	57	70

35. ОЛОНЕЦКАЯ:

Вьгегра	3	4	1
Каргополь	—	—	1
Лодейное поле	—	—	1
Олонецъ	—	1	1
Петрозаводскъ	5	10	9
Повѣнецъ	—	1	1
Пудожъ	1	—	—
	<hr/>	<hr/>	<hr/>
	9	16	14

36. ОРЕНБУРГСКАЯ:

Белебей	2	1	1
Бирскъ	1	2	1
Верхнеуральскъ	2	2	1
Златоустовскій зав.	2	4	5
Илецкая защита, кр. отд.	1	—	2
Мензелинскъ	2	4	5
Міясскій заводъ ст.	3	1	1
Оренбургъ	32	39	36
Орскъ	1	3	7
Стерлитамакъ	5	11	9
Троицкъ	1	2	3
Тунгатаровка	—	—	1
Уфа	11	16	20
Уральскъ	—	—	5
Челябинскъ	2	3	3
Ольховый рогъ	—	—	5
	<hr/>	<hr/>	<hr/>
	65	88	105

37. ОРЛОВСКАЯ:

	1859,	1860	и 1861
Болховъ	3	10	11
Брянскъ	5	5	6
Дмитровскъ	3	3	2
Елецъ	11	16	16
Карачевъ	7	10	6
Кромы	5	10	7
Ливвы	9	14	19
Малоархангельскъ	5	5	9
Мценскъ	4	6	7
<i>Орелъ</i>	34	40	40
Сѣвскъ	3	5	4
Трубчевскъ	3	5	3
	92	118	130

38. ПЕНЗЕНСКАЯ:

Городище	3	1	2
Инсаръ	1	1	2
Исса	—	1	—
Каменная ст.	—	—	1
Керенскъ	3	3	3
Краснослободскъ	3	7	3
Мокшанскъ	—	3	3
Норовчатъ	2	3	4
Нижній-Ломовъ	4	6	6
<i>Пенза</i>	30	37	32
Саранскъ	7	3	14
Чембаръ	—	1	3
	53	66	73

39. ПЕРМСКАЯ:

Гѣшлимбоевскъ	2	3	3
Богословскій зав.	1	3	3
Веретья	1	1	2
Верхотурье	3	1	—
Екатеринбургъ	21	24	23
Ирбишь	—	1	2
Долматовъ	—	—	1
Каменскій зав. отд.	—	2	2
Камышловъ	1	1	—
Красноуфимскъ	1	1	2
Купгуръ	6	6	9
Кушвинскій зав.	3	8	7
Невьянскій зав.	3	3	3

	1859,	1860	и 1861
Нижне-Тагильскій зав.	1	1	2
Оханскъ	—	1	2
Деръж	16	16	17
Соликамскъ	1	2	3
Чердынь	—	1	1
Шадринскъ	3	5	8
Юговскій каз. зав.	—	—	—
	63	80	90

40. ПОДОЛЬСКАЯ:

Балта	3	3	3
Баръ	—	—	1
Брацлавъ	—	—	1
Винница	2	1	3
Гайсинъ	2	4	2
Каменецъ-Подольскъ	13	14	9
Летичевъ	3	2	1
Литинъ	—	1	—
Могилевъ на Днѣстрѣ	4	5	2
Ольгополь	3	2	—
Немировъ	—	3	4
Тульчинъ	1	3	2
Ушица	—	1	2
	42	29	30

41. ПОЛТАВСКАЯ:

Берисполь ст.	2	1	3
Буняковская ст.	—	1	2
Гадячь	3	—	6
Градизскъ	3	4	4
Золотоноша	15	12	9
Збнѣковъ	7	9	8
Кобеляки	7	6	3
Константиноградъ	13	14	10
Кременчугъ	22	26	21
Лохвица	4	6	6
Дубны	8	8	11
Миргородъ	8	8	12
Переяславъ	2	3	5
Пирятинъ	7	13	6
Полтава	40	47	47
Прилуки	20	11	18
Ромны	13	17	21
Рѣшетилвка ота.	—	—	1

	1859,	1860	■ 1861
Хороль	10	13	11
Яготинская ст.	4	6	6
	<hr/>	<hr/>	<hr/>
	177	195	210

42. ПСКОВСКАЯ:

Великіе-Луки	3	6	8
Дуловка	1	1	—
Новоржевъ	4	4	3
Опочна	4	5	7
Островъ	2	9	6
Порховъ	12	18	12
Псковъ	14	16	13
Сольцы-посадъ	1	2	1
Торопецъ	2	9	6
Холмъ	10	6	4
	<hr/>	<hr/>	<hr/>
	53	76	60

43. РЯЗАНСКАЯ:

Данковъ	4	5	2
Егорьевъ	2	1	1
Зарайскъ	13	11	4
Касимовъ	8	9	6
Михайловъ	1	4	6
Пронскъ	—	3	2
Раненбургъ	3	6	6
Ряжскъ	7	12	10
Рязань	21	17	20
Сапожокъ	3	4	5
Скопинъ	1	—	6
Гавриловская ст.	1	1	—
Спасскъ	4	4	4
Суйская ст.	—	2	3
	<hr/>	<hr/>	<hr/>
	68	79	75

44. САМАРСКАЯ:

Бугульма	3	6	7
Бугурусланъ	1	2	2
Бузудукъ	3	4	4
Зималкова ст.	—	—	2
Кичуй ст.	2	1	1
Николаевскъ	2	3	5
Новый-Узень	1	—	—

	1859,	1860 и	1861
Самара	15	22	26
Ставрополь	3	4	2
	<hr/>	<hr/>	<hr/>
	30	42	49

45. С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ:

Балогое ст.	—	—	1
Веребье ст.	—	—	1
Гатчино	—	5	1
Гловь	2	1	2
Жохово ст.	—	—	1
Красное село ст.	2	2	—
Кронштадтъ	15	16	18
Колпинская ст.	—	—	1
Каськово	1	1	1
Крюковская.	—	—	1
Луга	6	5	3
Нарва	2	4	5
Новая Ладога	5	3	5
Ораниенбаумъ	—	—	2
Орлы ст.	—	—	1
Павловскъ	—	—	2
Петергофъ	2	3	—
Плюсса ст.	—	—	1
Усть Ижора	—	1	—
Черковницы ст.	3	3	4
Шлиссельбургъ	—	—	3
Ямъ Ижора	—	1	—
Ямбургъ	1	3	2
	<hr/>	<hr/>	<hr/>
	39	48	62

С.-Петербургъ 1274 1628 1681

46. САРАТОВСКАЯ:

Аткарскъ	4	7	5
Балашевъ	13	10	16
Вольскъ	4	10	12
Дубовка посадъ	1	3	—
Камышинъ	9	11	10
Колонія Каменка	—	—	1
Кузнецкъ	9	9	8
Петровскъ	12	10	10
Саратовъ	37	52	55
Сердобскъ	6	8	8

	1859,	1860 и	1861
Хвальинскъ	6	5	8
Царицынъ	3	2	7
Камешкерь	1	1	—
	105	128	140

47. СЕМИПАЛАТИНСКАЯ ОБЛАСТЬ:

Аягузь	1	—	—
Боянь-Аулъ	—	—	1
Вѣрное	—	2	3
Змѣиногорскіе рудники	—	—	1
Кокбетагъ	—	1	1
Копаль	1	2	1
Семипалатинскъ	3	4	4
Усть-Бухгарминская	1	—	—
Усть-Каменогорская	1	1	1
	7	10	12

48. СИБИРСКАЯ:

Алатырь	5	6	6
Ардатовъ	4	4	4
Бунискъ	2	1	2
Корсунъ	3	8	5
Красносеѣвская ст.	2	2	1
Курмышъ	1	3	2
Промзино городище	—	2	—
Сенгилей	—	2	—
Сибирскъ	26	27	28
Сызрань	7	8	11
Теренгульская ст.	2	2	2
Юрловская	3	3	1
	55	68	62

49. СМОЛЕНСКАЯ:

Бѣлый	7	5	4
Вязьма	6	11	9
Гжатскъ	4	5	1
Дорогобужъ	4	8	9
Духовщина	4	4	6
Ельня	3	2	3
Красный	1	1	—
Порѣчьѣ	2	7	3
Рославль	9	7	5
Смоленскъ	17	18	23

	1859,	1860 и	1861
Сычевка!	2	2	8
Юхновъ!	2	4	5
Софійская ст.	—	2	—
	61	76	71

50. СТАВРОПОЛЬСКАЯ:

Ардонская ст. отд.	3	5	3
Владикавказъ	21	17	12
Воздвиженская	4	4	4
Георгиевскъ	—	1	1
Грозная	—	10	6
Екатериноградская	—	1	1
Кизляръ	7	9	5
Кисловодскъ отд.	1	—	—
Моздокъ	6	2	6
Мелекесъ	—	—	1
Нальчинъ	1	1	1
Прочный окопъ	1	2	5
Пятигорскъ	4	4	6
<i>Ставрополь</i>	24	40	50
Усть Лабинская отд.	8	9	14
Шелнозаводская ст.	2	2	2
Хасафъ юртъ	8	8	7
Николаевка	2	7	4
Чирь-корза	—	—	3
Червленная	1	2	—
	94	124	131

51. ТАВРИЧЕСКАЯ:

Алешки	4	1	2
Алушта	2	—	—
Бахчисарай	1	1	—
Бердянскъ	6	5	3
Геническъ	1	4	2
Евпаторія	2	9	3
Карасубазаръ	1	3	3
Каховка отд.	3	3	1
Керчь	12	28	18
Мелитополь	2	9	5
Ногайскъ ст.	—	1	—
Орѣховъ	14	9	11
Перекопъ	5	6	9
Севастополь	4	6	8
<i>Симферополь</i>	26	32	37
Судакъ	—	—	2

	1859,	1860 и 1861	
Оеодосія	9	4	—
Ялта	2	4	3
Гольбштаатъ	1	1	—
	<hr/> 95	126	118

52. ТАМБОВСКАЯ:

Борисоглабскъ	—	6	9
Елатъма	2	2	1
Кадомъ	2	2	4
Кирсановъ	14	15	13
Козловъ	8	5	4
Коргошино ст.	2	2	3
Лебедянъ ст.	3	3	3
Липецкъ	8	6	5
Моршанскъ	7	7	6
Спаскъ	—	2	3
Тамбовъ	33	39	44
Темниковъ	3	1	4
Усмань	8	6	7
Шацкъ	8	13	8
	<hr/> 98	109	114

53. ТВЕРСКАЯ:

Бѣжецкъ	7	10	9
Весьегонскъ	2	2	3
Вышній-Волочекъ	7	12	15
Зубцовъ	2	3	4
Калязинъ	5	6	7
Кашинъ	3	5	6
Корчева	2	2	2
Красный Холмъ	3	1	2
Осташковъ	5	6	4
Осташковская ст, жел. дор.	2	2	3
Ржевъ	12	11	15
Старица	5	8	7
Тверь	9	23	25
Торжокъ	12	10	15
Тверская ст.	—	1	—
	<hr/> 76	102	115

54. ТИФЛИСКАЯ.

	1859,	1860	и 1861
Бѣлый ключъ.	3	4	1
Гора.	2	1	2
Гомборье.	1	1	—
Думеть.	1	1	1
Елисаветполь.	—	1	1
Закаталы.	2	3	1
Ишкарты.	—	1	1
Лагодки.	—	—	1
Монглись.	1	2	1
Пасанауръ.	—	1	1
Сигнахъ.	1	2	1
Телавъ.	5	5	3
Тифлисъ.	44	52	55
Царскіе колодцы.	9	7	6
	<hr/>	<hr/>	<hr/>
	69	81	76

55. ТОВОЛЬСКАЯ.

Берцовъ.	—	1	1
Ишимъ.	3	1	—
Коряково.	1	—	—
Каркаралы.	—	—	1
Омскъ.	16	19	23
Петропавловскъ.	1	2	5
Тара.	1	1	1
Тобольскъ.	5	12	17
Тюмень.	—	5	5
Ялуторовскъ.	1	2	1
	<hr/>	<hr/>	<hr/>
	28	43	54

56. ТОМСКАЯ.

Барнаулъ.	9	18	15
Земногородскій рунникъ.	2	1	2
Канскъ.	1	1	2
Кійскъ.	—	—	1
Кузнецкъ.	1	1	1
Маринскъ.	—	—	4
Томскъ.	13	19	13
	<hr/>	<hr/>	<hr/>
	26	40	38

57. ТУЛЬСКАЯ.

	1859,	1860 и 1861
Александр.	—	7 7
Богородицкѣ.	5	6 3
Бѣлевъ.	12	7 6
Веневъ.	8	10 11
Ефремовъ.	—	14 11
Епифань.	7	7 7
Кашира.	2	5 4
Крапивна.	6	3 1
Новосиль.	8	4 7
Одоевъ.	4	10 7
Новая ст. по моск.-тул. шоссе.	—	— 2
Сергѣевское село.	3	3 3
Тула.	29	38 41
Чернь.	7	6 7
	91	129 117

58. ХАРЬКОВСКАЯ.

Ахтырка.	7	10 7
Богодуховъ.	3	7 3
Бѣлополье ст.	1	3 3
Валки.	7	14 13
Волчанскѣ.	8	12 10
Взиевъ.	6	10 4
Вязюмъ.	10	11 13
Купянскѣ.	6	9 7
Лебединъ.	10	10 15
Ново-Екатеринославъ.	7	14 7
Славянскѣ.	14	10 8
Малиновская ст.	—	— 1
Старобѣльскѣ.	11	10 6
Сумы.	10	21 13
Харьковъ.	76	85 81
Чугуевъ.	12	10 7
	189	222 193

59. ХЕРСОНСКАЯ.

Александрія.	5	13 8
Ананьевъ.	10	15 8
Бериславъ.	—	— 1
Вобринецъ.	15	19 17
Варшавская ст.	—	— 1

	1859,	1860	и 1861
Вознесенскъ	12	12	10
Григоріополь	3	2	—
Дубоссары	—	2	2
Елисаветградъ	17	15	28
Николаевъ	15	23	20
Новая Прага	9	13	12
Нововоронцовская отд.	4	7	3
Новогеоргіевскъ	5	6	9
Новомиргородъ	25	24	20
Одесса	94	114	97
Ольвиополь	2	4	2
Очакوفъ	—	—	2
Песчаный Бродъ	—	—	4
Тирасполь	—	5	7
Херсонъ	12	15	50
Яновская отд.	4	4	4
	<hr/>	<hr/>	<hr/>
	236	293	277

60. МЕРНИКОВСКАЯ.

Багуринъ	2	2	2
Борзна	2	3	6
Гадячь	—	4	—
Глуховъ	9	8	9
Городня	1	4	2
Добрянка отд.	—	1	1
Климовъ	1	1	1
Клишцы посадъ	1	1	1
Козелець отд.	5	6	3
Конотопъ	8	10	6
Кролевецъ	1	4	4
Мглинъ	2	3	3
Новгородъ-Сѣверскъ	3	7	3
Новозыбковъ	14	7	8
Нѣжинъ	—	15	11
Остеръ	1	1	1
Погарь	5	6	4
Почепъ м.	2	3	3
Сосница	5	9	5
Стародубъ	5	5	4
Суражъ	2	4	4
Черниговъ	15	22	25
	<hr/>	<hr/>	<hr/>
	84	123	113

61. ШЕМАХИНСКАЯ.

	1859,	1860	и 1861
Баку.	2	5	5
Ленкораль.	—	1	1
Нуха.	—	2	1
Сальяны отд.	1	1	1
<i>Шемаха.</i>	3	1	1
Шуша.	4	4	3
	10	14	12

62. ЧЕРН. БЕР. ЛИНИЯ.

Сухумъ-Кале.	—	—	4
	—	—	4

63. ЗРИВАНСКАЯ.

Александрополь.	1	3	3
Нахичевань.	1	2	1
Новобозетъ отд.	—	1	—
Ордубать отд.	—	—	1
<i>Зривань.</i>	2	4	4
	4	10	9

64. ЭСТЛЯНДСКАЯ.

Везенбергъ.	—	—	1
Гапсаль.	—	1	—
<i>Ревель</i>	5	5	3
	5	6	4

65. ЯКУТСКАЯ ОБЛАСТЬ.

Алгъ.	—	—	1
Верхоянскъ.	1	1	1
Олекминскъ.	1	1	1
<i>Якутскъ.</i>	1	1	2
	3	3	5

66. ЯРОСЛАВСКАЯ.

	1859;	1860	и 1861
Давиловъ.	2	5	4
Любимъ.	2	2	3
Молога.	5	7	5
Мышкинъ.	4	3	2
Шошехонье.	2	2	4
Романовъ-Борисоглѣбскъ.	—	3	—
Ростовъ.	10	3	10
Рыбнискъ.	11	11	9
Угличъ.	4	4	5
Ярославль.	30	35	48
	<hr/>	<hr/>	<hr/>
	70	75	90

ЦАРСТВО ПОЛЬСКОЕ.

67. АВГУСТОВСКАЯ.

Августовъ.	1	—	—
Граево.	1	—	—
Кальварія.	1	—	—
Ломжа.	—	—	1
Мариамполь.	—	—	1
Сувалки.	—	2	2
	<hr/>	<hr/>	<hr/>
	3	2	4

68. ВАРШАВСКАЯ.

Варшава.	30	42	27
Влацлавскъ.	—	—	2
Велюнь.	—	1	1
Владово.	—	—	1
Вольборгъ.	—	—	1
Желиховъ.	—	—	1
Завохотскъ.	—	—	1
Ивань-городъ.	—	1	—
Калишъ.	—	—	2
Кутно.	—	—	1
Кошица.	—	1	1
Коченицы.	—	—	1
Т. LXXXXI. Отд. II.			13 1/2

	1859,	1860 и	1861
Кельцы	—	—	1
Ленчица	—	—	1
Ловичъ	1	—	1
Минскъ	1	—	—
Михаловцы	—	—	2
Остроленко	—	—	1
Піотрковъ	—	—	3
Радчинъ	—	—	1
Сохачевъ	—	—	1
Сърадъ	1	1	1
Седльце	—	1	4
Сташевъ	—	—	1
Хемнъ	—	—	1
Ченстоховъ	—	—	1
	<hr/>	<hr/>	<hr/>
	33	47	59

69. ЛЮБЛИНСКАЯ:

Бяла	—	—	1
Желеховъ	1	1	—
Замость	1	2	2
Красноставъ	1	1	1
Люблинъ	2	3	2
Михаловеца	—	1	—
Ополье	1	1	1
Томашевъ	1	1	—
Яновъ	—	—	1
	<hr/>	<hr/>	<hr/>
	7	10	8

70. ПЛОЦКАЯ:

Новогеоргиевская кр.	1	1	2
Плоцкъ	—	1	1
Пржаснышъ	—	1	1
Пултускъ	—	—	1
	<hr/>	<hr/>	<hr/>
	1	3	5

71. РАДОМСКАЯ:

Завихвостъ	1	1	—
Кельцы	1	1	—
Олькушъ	—	—	1

	1859,	1860	и 1861
Озатовъ	—	—	1
Радома	—	2	1
Сташевъ	1	1	—
Сандомержъ	—	1	—
Мѣховъ	—	—	1
	<hr/>	<hr/>	<hr/>
	3	5	4

В. КН. ФИНЛЯДСКОЕ.

72. ВЫБОРГСКАЯ:

Вильманстрандъ	1	1	1
Выборгъ	1	—	1
Фридрихсгамъ	1	1	1
	<hr/>	<hr/>	<hr/>
	3	2	3

73. ГЕЛЬСИНГФОРСКАЯ:

Борго	1	1	1
Гельсингфорсъ	—	1	2
Свеаборгъ	—	—	1
	<hr/>	<hr/>	<hr/>
	1	2	4

74. ТАВАСТГУСКАЯ:

Тавастгусъ	—	1	—
	<hr/>	<hr/>	<hr/>
За границу	—	1	—
	<hr/>	<hr/>	<hr/>
	21	18	10
Всего	<hr/>	<hr/>	<hr/>
	5500	6598	6658

Въ прошлый разъ мы дѣлали опытъ соединенія губерній и областей въ нѣсколько большихъ группъ, сообразно ихъ отношенію къ литературѣ, и тогда же замѣчали, что вѣроятно окажется надобность нѣсколько измѣнить группировку, сдѣланную нами въ видѣ опыта. Цифры прошедшаго года, подтверждая догадки, внушенныя цифрами 1860 года, показываютъ основательность предположеній, высказанныхъ нами тогда. Губерніи Волынская и Каменецъ-Подольская дѣйствительно имѣютъ къ русской литературѣ точно такое же отношеніе, какъ литовскія губерніи, и оказываются совершенно различными отъ остальныхъ четырехъ малорусскихъ губерній характеромъ умственной жизни образованнаго класса: на Волыни и въ Подоліи рус-

ская литература распространена несравненно меньше, чѣмъ въ губерніяхъ Киевской, Полтавской, Харьковской и Черниговской.

Губерніи, лежащія между Малороссією и нижнимъ Поволжьемъ, дѣйствительно не имѣютъ одинаковаго характера и каждая изъ нихъ обнаруживаетъ сходство съ тѣмъ краемъ, къ которому примыкаетъ: Курская и Воронежская похожи на Харьковскую и Полтавскую, Земля Войска Донскаго—на Новороссію, Орловская губернія на подмосковныя губерніи, Пензенская и Тамбовская на губерніи нижняго Поволжья. Сдѣлавъ распредѣленіе, сообразно этимъ даннымъ, мы получимъ слѣдующій рядъ округовъ (беремъ цифры экземпляровъ только за 1860 и 1861 г., потому что списокъ 1859 г., составленный вѣскольکو иначе, не годится для точнаго сравненія, какъ мы уже и замѣчали прошлый разъ).

I. Сѣверо-западный Великорусскій край.

Губерніи: Новгородская, Олонецкая, Псковская, Петербургская (за исключеніемъ города С.-Петербурга) и Смоленская:

1860.	1861.	населеніе.
272	277	3,650,000.

II и III. Литва и Вольнъ съ Подолією.

Губерніи: Виленская, Вѣтебская, Вольнская, Гродненская, Ковенская, Минская, Могилевская, Подольская:

1860.	1861.	населеніе.
224	226	8,675,000.

IV. Малороссія (кромѣ Вольни съ Подолією) и прилежащія губерніи.

Губерніи: Воронежская, Киевская, Курская, Полтавская, Харьковская, Черниговская:

1860.	1861.	населеніе.
927	880	10,550,000.

V. Новороссія и Крымъ съ прилежащими землями.

Область Бессарабская, Земля Войска Донскаго, губерніи: Екатеринославская, Ставропольская, Таврическая, Херсонская:

1860.	1861.	населеніе.
904	857	5,475,000.

VI. Подмосковная область.

Губерніи: Владимірская, Калужская, Костромская, Московская (за исключеніемъ города Москвы), Орловская, Рязанская, Тверская, Тульская, Ярославская:

1860.	1861.	населеніе.
794	803	11,100,000

VII. Южная половина Восточнаго края; губерніи: Астраханская.

Казанская, Нижегородская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Тамбовская.

1860.	1861.	населеніе.
601	645	10,600,000

VIII. Сѣверо-восточный край.

Губерніи: Архангельская, Вологодская, Вятская, Оренбургская, Пермская; Земля Войска Уральскаго:

1860.	1861.	населеніе.
259	289	7,400,000

IX. Сибирь.

1860.	1861.	населеніе.
221	250	3,400,000.

X. Кавказъ и Закавказье.

1860.	1861.
158	161.

XI, XII, XIII и XIV. Царство Польское, Остзейскія губерніи, Финляндія и заграничныя земли.

1860.	1860.
122	119.

Цифры, относящіяся къ округамъ литовскому и кавказскому, губерніямъ Волынской и Подольской, служатъ мѣркою развитія любви къ чтенію въ этихъ мѣстностяхъ, по причинамъ, которыя указывали мы въ прошлый разъ. Точно также по цифрамъ, относящимся къ петербургскому журналу, нельзя сравнивать сѣверозападнаго края, въ которомъ, конечно, болѣе петербургская журналистика, съ подмосковными, въ которомъ, конечно, преобладаетъ московская журналистика. Разсмотримъ же пропорцію между населеніемъ и числомъ экземпляровъ въ другихъ русскихъ округахъ. (Цифры населенія у насъ взяты изъ мѣсяцослова за прошлый годъ; а цифры экземпляровъ за оба года мы слагаемъ и дѣлимъ на 2, чтобы получить среднее число за оба года).

	Среднее число экземпляровъ «Современника», получавшихся за 1860 и 1861 годовъ.	Число населенія.	На 1 миллионъ населенія получалось экземпляровъ.
Новороссія (V). . .	880	5,475,000	161
Малороссія (IV) . .	904	10,550,000	86
Сибирь (IX). . . .	236	3,400,000	70
Юговост. край (VII).	623	10,600,000	59
Сѣверовост. кр. (VIII)	274	7,400,000	39

Порядокъ, въ которомъ слѣдуютъ одинъ за другимъ эти округа, остается тотъ же самый, какой мы получили изъ цифръ, относившихся къ одному 1860 г., и мы можемъ повторить замѣчаніе, сдѣланное въ прошлый разъ.

«Мы видимъ въ этой таблицѣ правильное воарастаніе любви къ чтенію съ сѣверовостока Европейской Россіи на югозападъ.

«По особенностямъ своей исторической судьбы, Сибирь, никогда не знавшая крѣпостнаго права, получавшая изъ Россіи постоянный приливъ самаго энергическаго и часто самаго развитаго населенія, издавна пользуется славой, что стоитъ въ умственномъ отношеніи выше Европейской Россіи,—по нашимъ цифрамъ это подтверждается, если слишкомъ общее выраженіе—Европейская Россія мы замѣнимъ болѣе опредѣлительнымъ именемъ—Великороссія.»

Разовьемъ подробнѣе замѣтки о другихъ округахъ, слишкомъ кратко сдѣланныя въ первый разъ.

Огромный перевѣсъ Новороссіи надъ Малороссіею надобно, по всей вѣроятности, приписывать собственно тому обстоятельству, что Новороссійскій край пользуется болѣе благополучіемъ, чѣмъ Малороссія.

Въ свою очередь, Малороссія зажиточнѣе юговосточнаго Велико-русскаго края, а онъ зажиточнѣе сѣверовосточнаго.

Конечно, довѣріе къ этимъ выводамъ совершенно зависитъ отъ вѣрности дѣлаемаго нами предположенія, что пропорція распространенности другихъ журналовъ и газетъ, по названіямъ нами краемъ, сходна съ пропорціею, представляемою «Современникомъ».

ОБЪ ИЗМѢНЕНІИ УСЛОВІИ

ПРИЕМА СВОЕКОШТНЫХЪ ПАНСИОНЕРОКЪ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ
ОБЩЕСТВО БЛАГОРОДНЫХЪ ДѢВИЦЪ,

ЗАВЕДЕНІЕ ОБЩЕИЗВѢСТНОЕ ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ:

ДВОРЯНСКОЙ ПОЛОВИНЫ СМОЛЬНАГО МОНАСТЫРЯ.

Заведеніе это въ настоящее время преобразовано.

Бывшіе *десятилѣтніе* учебные курсы, съ производившимися чрезъ каждые три года выпусками до 150 дѣвицъ въ февралѣ и равночисленными приемами въ августѣ — замѣнены курсами *семилѣтними*, съ ежегодными выпусками въ декабрѣ и приемами въ январѣ.

Вмѣсто прежнихъ трехъ классовъ — младшаго или *кофейнаго*, средняго или *золушаго* и высшаго или *бѣлаго*, — въ которыхъ воспитанницы находились по три года, учреждены *семь годовыхъ классовъ*, изъ коихъ каждый подраздѣляется на два отдѣленія, заключающихъ въ себѣ по 30 воспитанницъ, что составляетъ — въ 14 отдѣленіяхъ—всего: 420 дѣвицъ; изъ нихъ 210 на казенномъ содержаніи и 210 пансіонерокъ.

Прежде — *по званію родителей* — допускались къ приему:

На *казенное содержаніе* — дочери лицъ, имѣющихъ чины не ниже полковника и статскаго совѣтника; а

Своекоштными пансіонерками, кромѣ вышесказанныхъ дѣвицъ, имѣющихъ исключительное право поступленія на казенное содержаніе, — дочери потомственныхъ дворянъ, хотя и независимо отъ чиновъ, но только тѣхъ дворянъ, которые вписаны въ пятую или шестую части дворянской родословной книги.

Нынѣ же — въ отгнѣну этого правила, оставленнаго въ своей силѣ лишь для поступающихъ на казенное содержаніе, — разрѣшено принимать *своекоштными пансіонерками* дочерей всѣхъ потомственныхъ дворянъ, безъ различія въ какую бы часть дворянской родословной книги они записаны ни были; а сверхъ того дочерей лицъ, имѣющихъ чины не ниже штабсъ-капитана и штабсъ-ротмистра гвардіи (*), майора арміи и надворнаго совѣтника.

Примѣчаніе 1. Запѣщеніе открывающихся казенныхъ вакансій производится по жребію публичныхъ баллотировокъ, возвѣщаемыхъ особыми въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» объявленіями. Какъ ранѣе 1863 года такихъ вакансій не предвидится, то первая за симъ баллотировка имѣетъ быть объявлена въ маѣ, а произведена въ сентябрѣ 1862 года, съ назначеніемъ приема осчастливленныхъ жребіемъ дѣвицъ въ январѣ 1863 года. Просьбы о допущеніи къ баллотировкѣ будутъ приниматься съ 1 іюня по 1 августа 1862 года.

(*) Также капитана генеральнаго штаба, корпуса топографовъ, полевой артиллеріи, полевыхъ инженеровъ, саперовъ, пѣхотниковъ и прочихъ съ сими послѣдними одинакіи преимуществами имѣющихъ.

Примѣчаніе 2. Прошенія же о помѣщеніи своекоштныхъ пансіонерокъ, не моложе 10 и не старѣе 14 лѣтъ возрастомъ, принимаются во всякое время, по слѣдующей формѣ:

ФОРМА ПРОШЕНІЯ НА ПРОСТОЙ БУМАГѢ.

Въ Советъ Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ.

Такого-то или такой-то

ПРОШЕНІЕ.

Желя помѣстить въ означенное заведеніе такую-то своекоштную пансіонерку, съ платою по *триста пятидесяти* руб. сер. въ годъ, обязуюсь вносить за нее по 175 руб. каждые полгода впередъ; въ обезпеченіе чего предъявляю

Или: такое-то недвижимое имѣніе мое, тамъ-то находящееся (землю, строеніе, домъ).

Или: прилагаемый у сего билетъ такого-то кредитнаго установленія за такимъ-то №, на такую-то сумму (не менѣе годовой платы: 350 руб. и съ бланковою надписью, если представляется именной билетъ).

Или: такихъ-то двухъ поручителей, могущихъ поручиться на самомъ прошеніи, ниже подписи просителя, или подписать особое обязательство на простой же бумагѣ; въ обоихъ случаяхъ должны быть точно и подробно обозначены мѣста жительства, какъ просителя, такъ и поручителей, а подписи ихъ рукъ установленнымъ порядкомъ засвидѣтельствованы мѣстнымъ полицейскимъ или другимъ начальствомъ, съ приложеніемъ казенной печати.

Жительство имѣю: тамъ-то; въ Къ прошенію должны быть приложены: 1. Документъ о званіи родителей дѣвицы.

Примѣчаніе 3. Дѣвицы, поступающія въ первый или второй классъ заведенія, должны знать главныя русскія слова и на одномъ изъ иностранныхъ языковъ, или нѣмецкомъ, а также писать и выговаривать слова, которыя большею частью употребляются въ разговорной рѣчи, а также по своему — опрѣделенному предмету, пятый или четвертый классъ заведенія, должны знать главныя русскія слова и на одномъ изъ иностранныхъ языковъ, или нѣмецкомъ, а также писать и выговаривать слова, которыя большею частью употребляются въ разговорной рѣчи, а также по своему — опрѣделенному предмету.

Печатать позволяется въ Петербургѣ, 4 янв. 1888 г.
 _____
 _____

СВИСТОКЪ

Собраніе литературныхъ, журнальныхъ и другихъ замятокъ.

I.

СВИСТОКЪ, ВОСХВАЛЯЕМЫЙ СВОИМИ РЫЦАРЯМИ.

(Подражаніе, какъ легко замѣляютъ читатели.)

«Свистокъ» теперь на верху своей славы, въ апогеѣ своего величія; положеніе, какое онъ завоевалъ себѣ въ ряду великихъ журналовъ, можно сравнить только развѣ съ положеніемъ, завоеваннымъ имъ въ ряду великихъ державъ. Правда, официально признанъ онъ еще только «Русскимъ Словомъ» и «Временемъ»; но итальянское королевство было признано сначала только турецкимъ и португальскимъ королями... а потомъ и пошло, — и сама Франція признала его, хотя и не можетъ никакъ вывезти его изъ Рима. Такъ будетъ и со «Свисткомъ»: пройдя черезъ туманы литературныхъ смутъ, разсѣются туманы несправедливости, «Русскій Вѣстникъ» признаетъ «Свистокъ», хотя и не будетъ никакими кислотами вывезти изъ своего «бюварія» — ни статей г. Юркевича, ни разсказовъ свистуны.

Но и непризнанный *de jure*, «Свистокъ» уже признанъ своими собратьями *de facto*: а это гораздо важнѣе. Нѣтъ теперь въ необъятной Россіи ни одного порядочнаго органа благородной мысли, ни одного проводника высокихъ убѣжденій; стремящагося къ благотворнымъ цѣлямъ, ни одного глашатая правды и чести, который бы мысленно не обращался ежеминутно къ «Свистку», печатно не говорилъ ежемѣсячно о «Свисткѣ», и не старался походить на него, если не всецѣло, то хотя нѣкоторыми частями своего существа. Нѣтъ ни одного суроваго ученаго, ни одного служителя чистой науки, у котораго въ ушахъ не раздавался бы безпрестанно «Свистокъ», — (особенно, если онъ живетъ недалеко отъ воксала желѣзной дороги).

И какъ быстро приобрѣтенъ его успѣхъ! Вы помните начало «Свистка»: онъ родился въ счастливую минуту, — въ ту самую, когда подымалась война за независимость Италіи. Но, можно сказать, не хвалясь, что какъ ни изумительны прогрессы Италіи въ ея дѣлѣ, а «Свистокъ» превзошелъ ее. Вспомните, какъ онъ былъ встрѣченъ, какими препятствіями окруженъ, какъ былъ безпомощенъ въ началѣ своей жизни! Онъ былъ, правда, принятъ подъ покровительство «Современника», но общественное положеніе этого журнала, надо признаться, чрезвычайно шатко: онъ не имѣетъ и даже не можетъ приобрести ни малѣйшаго авторитета. Онъ бы и радъ, онъ и усиливается, да не выходитъ ничего... Какъ, напримѣръ, онъ убивался, чтобы пойти «честнымъ» путемъ изученія и разработки матеріаловъ», чтобы попасть въ учевую колею... Нѣтъ, что ни начнешь, а подъ конецъ никакъ не можетъ! Непремѣнно скандалъ выйдетъ... И даже безъ всякаго съ его стороны желанія, — а такъ ужь, судьба его такая... Началъ онъ, напр., 1860-й годъ специальнѣйшею жатъ специальностей, разсужденіемъ о первыхъ русскихъ князьяхъ; кажется, чего бы лучше? Въ «Отечественныхъ Запискахъ» это было бы капитальнѣйшее произведеніе русской литературы; а въ «Современникѣ» вышло — свистопляска... Далѣе продолжалъ онъ свое поприще — напечаталъ статью о наследствѣ по закону, — весьма ученое и титулованное сочиненіе; радовался было, что хоть тутъ солидность свою оградилъ, — въ слѣдующемъ году г. Лохвицкій вылезъ доказывать, что и тутъ была только свистопляска. Пустилъ было «Современникъ», собственно для приданія себѣ болѣе ученаго вида, статью «Объ антропологическомъ принципѣ философіи». Ужъ одно задавленіе, кажется, чего стоитъ! Въ «Отечественныхъ Запискахъ», напримѣръ, какаянибудь статья «нѣчто объ естественномъ сомнамбулизмѣ и гипнотизмѣ» — подвергаетъ читателей въ прахъ предъ ученостью редакціи... Въ «Современникѣ» даже искусно подобранъ

ное заглавіе не помогаетъ не далѣе, какъ лѣтомъ въ слѣдующемъ году оказалось, что и въ этихъ статьяхъ «Современникъ» не только на путь науки не вступилъ, но еще невѣжество распространялъ въ русской публикѣ, что даже вовсе и несовременно, по мнѣнію русскихъ журналовъ... И вѣдь — что всего печальнѣе, — истинныя-то, такъ сказать, прирожденныя свойства статей «Современника» раскрываются обыкновенно по прошествіи долгаго времени, черезъ годъ, черезъ полтора, — такъ что журналъ этотъ рѣшительно не знаетъ, чего ему ожидать на слѣдующій годъ. «Русскій Вѣстникъ», на примѣръ, помѣстивъ нѣсколько статей о древневавилонской письменности и черезъ два мѣсяца не встрѣтивъ на нихъ возраженій въ журналѣ, издаваемомъ парижскою «академію надписей», — успокоивается и можетъ обратиться — ну, хоть къ печатанію «Майора» г. Кулиша: и опять увѣренъ, что ужъ разбора этой повѣсти не появится черезъ годъ.. «Современникъ» въ такомъ положеніи, онъ долженъ ежемѣсячно содрогаться не только за свое настоящее, но и за прошедшее... Года три тому назадъ, на примѣръ, одна изъ книжекъ «Современника» украшена была изслѣдованіемъ г. Пекарскаго о Кандратовичѣ; по видимому изслѣдованіе дѣльное, безупречное, за нимъ можно стоять, какъ за каменной горой... А кто знаетъ, — вдругъ выходятъ новыя книжки журналовъ, и въ нихъ восторженное извѣстіе, что въ стерлитамакскомъ уѣздномъ училищѣ сдѣланы драгоценнѣйшія изслѣдованія, несомненно убѣждающія, что въ статьѣ «Современника» о Кандратовичѣ ничего нѣтъ, кромѣ невѣжества и свистунства. И затѣмъ «драгоценнѣйшія изслѣдованія» будутъ перепечатаны во всѣхъ журналахъ, и авторъ ихъ возведется въ званіе академика, — все для вящаго почета «Современника»...

Съ такимъ-то журналомъ долженъ былъ связать судьбу свою «Свистокъ» въ началѣ своей земной жизни. Очевидно, это было для него плохое прикрытіе. Но вообразите, даже и «Современникъ» при всемъ томъ, что былъ ужъ достаточно ослабленъ за свое легкомысліе, — и онъ подвергся на первое время жестокимъ упрекамъ за дружбу съ «Свисткомъ»: до того «Свистокъ» казался презрѣннымъ, неприличнымъ, недостойнымъ высокаго призванія отечественной журналистики. До «Свистка» «Современникъ» еще кое-какъ терпѣли: при появленіи «Свистка» немедленно крикнули, — сначала изъ Москвы:

Вы приличья презираете,

Вы родились съ мѣднымъ лбомъ;

Въ русской публикѣ гуляете

Вы подъ ручку со «Свисткомъ»;

Въ дни прогресса неславаднаго,
 Въ дни возвышенныхъ надеждъ,
 Звукомъ свиста балаганнаго
 Потѣшаете невѣжды!
 Заблужденія прощаются,
 Но изъ мѣры вышли вы:
 Васъ съ презрѣньемъ отрицаютъ
 Всѣ ученые Москвы.

Петербургъ, конечно, не отсталъ отъ Москвы, только онъ выразилъ свое негодованіе въ тонкой и изящной эпиграммѣ:

У Гоголя квартальный Свистуновъ
 Всѣмъ любить фонарей наставитъ подъ глазами,
 А современная ватага свистуновъ
 Мнитъ просвѣщенія фонарь задуть свистками.

Можетъ быть, мы и не совсѣмъ точно приводимъ эпиграмму, но что-то въ такомъ родѣ несомнѣнно существовало настотѣ «Свистка».

Мы бы не кончили, если бы захотѣли перебирать всѣ отчаянные возгласы журналистовъ относительно неприличія журналу имѣть балаганный отдѣлъ. «Revue des deux Mondes» не имѣетъ балаганнаго отдѣла, — справедливо утверждали просвѣщенные журналисты; «Westminster Review» не имѣетъ балаганнаго отдѣла, продолжали они, доказывая свое знаніе европейскихъ литературъ; что сказали бы въ Германіи, если бы Vierteljährliche Schrift вздумало завести у себя балаганный отдѣлъ, — настаивали они еще, показывая, что и по-нѣмецки знаютъ; какое бы впечатлѣніе выразилось въ Испаніи, если бы «La Epoca» завела у себя балаганный отдѣлъ, — приставали они снова, давая замѣтить, что они — лингвисты; въ какое бы состояніе пришла возрождающаяся Италія, если бы «Rivista Contemporanea» позволила себѣ завести балаганный отдѣлъ, — неутомимо выкрикивали они, утверждая читателя въ мысли, что, кромѣ знанія языковъ, имъ нечужды и политическія соображенія...

«Современникъ», великодушный, многотерпѣливый «Современникъ»! Сколько вынесъ онъ нареканій, какому подвергался позору жѣ-за «Свистка»! Онъ усиливался попасть въ кругъ людей порядочныхъ, печаталъ дѣльные статьи гг. Безобразова, Пекарскаго, Пейзена, Пыпина, Кавелина, Костомарова, печаталъ отрывки изъ романа г. Гончарова, — а его все-таки звали свистуномъ... Всеобщее презрѣніе, возбужденное свисткомъ, было такъ велико, что въ обѣихъ столицахъ нашлись Катомы, которые рѣшились высказывать свое негодованіе на него по всякому случаю, — по поводу ли картины Иванова, или общества трезвости, смерти Макояея или освобожденія крестьянъ...

Такъ шло два года. «Свистокъ» пришелъ въ уныніе и пересталъ являться, чтобы не компрометировать «Современника»; «Современникъ» обратился къ Китаю и въ каждой книжкѣ удѣлялъ нѣсколько десятковъ страницъ на изображеніе китайской жизни, которая прежде являлась въ немъ только въ литературныхъ снахъ Новаго поэта на новый годъ... Повидимому враги торжествовали, пользуясь чувствительностью «Свистка», который рѣшился на самопожертваніе изъ жалости къ страдавшему за него «Современнику».

Но на дѣлѣ готовилось «Свистку» полное торжество и, главное, рѣшительное оправданіе предъ великодушнымъ покровителемъ. Теперь онъ смѣло можетъ смотрѣть въ глаза «Современнику» и даже ожидать отъ него благодарности, а не укоровъ. Произошло вотъ что.

Въ 1861-мъ году водворился новый «Вѣкъ» въ русской литературѣ. О наступленіи его возвѣщено было задолго до новаго года; появленіе его было привѣтствовано громкими рукоплесканіями. Всѣ стремились къ этому журналу, въ которомъ обѣщалось вѣрное и нелицепріятное служеніе наукѣ и полное уваженіе къ высокимъ принципамъ современной цивилизаціи. Всѣ журналы почтительно обратили свои взоры на новаго собрата, въ редакціи котораго участвовали такія лица, какъ К. Д. Кавелинъ, А. В. Дружининъ, В. П. Безобразовъ и П. И. Вейнбергъ. Послѣ выхода перваго нумера, написано было даже восторженное стихотвореніе, неизвѣстно почему, не появлявшееся въ печати:

НОВЫЙ ВѢКЪ.

Зрѣть все, что было велено,
 Правдѣ вьждется престоль:
 «Вѣкъ» Дружинина, Кавелина,
 Безобразова пришелъ.
 «Вѣкъ» Пожарскаго и Минина,
 Дружбу князя съ мясникомъ,
 «Вѣкъ» Кавелина, Дружинина
 Возвратилъ намъ пѣликомъ.
 Въ «Вѣкѣ» Вейнберга, Кавелина
 Будеть всюду тишь да гладь,
 Ибо въ немъ для счастья велѣно
 Всѣмъ законы изучать.
 «Вѣкъ» счастливый Безобразова
 Бѣдника обогатитъ,
 Зрѣчницъ одѣлаеть безглазого
 И бабурту дастъ кредитъ...
 Будеть вѣдо все, что зелено,
 И свершится человекъ...

«Вѣкъ» Дружинина, Кавелина,
Чернокнижникова Вѣкъ!...

Почему Чернокнижникова Вѣкъ? Не клевета ли это? Какъ же журналъ, посвящающій себя служенію общественной мысли, можетъ допустить до себя мысль о Чернокнижниковѣ?...

Вотъ то-то и есть, что не мысль, а самого Чернокнижникова, такъ хорошо рассказывавшаго о масляничныхъ балаганахъ, допустилъ къ себѣ «Вѣкъ». Въ первомъ номерѣ его напечатано было письмо Чернокнижникова, обѣщавшееся ихъ, — и всей Европѣ, черезъ посредство корреспондента Nord'a, возвѣщено: «le brillant feuilletoniste» будетъ постоянно украшать «Вѣкъ» своимъ остроуміемъ. Европа не выразила своего изумленія, надо полагать, собственно потому, что не знала, какого сорта блестяще отличаются фельетоны Чернокнижникова. Но мы думали: зачѣмъ же такъ поруганъ «Современникъ» за дружество со «Свисткомъ»? Отчего же «Вѣку» позволено заниматься чернокнижіемъ, а «Современнику» нѣтъ.

Но вообразите себѣ наше удивленіе при полученіи первыхъ номеровъ всѣхъ журналовъ! Въ концѣ 1860-го года «Современникъ» не выдержалъ, и опять-таки пустилъ къ себѣ «Свистокъ»; въ первой книжкѣ слѣдующаго года тоже готовъ былъ «Свистокъ». Это, конечно, при великодушій и гуманности «Современника» относительно меньшей братіи, и не было особенно удивительно. Въ другихъ же журналахъ мы ожидали попрежнему жесточайшихъ укоровъ, высказанныхъ съ благороднымъ негодованіемъ и съ указаніемъ на «Revue des deux Mondes». И вмѣсто того, — что же? — во всѣхъ, во всѣхъ журналахъ заведенъ свистокъ!.. Во всѣхъ журналахъ балаганный отдѣлъ! Смотримъ, читаемъ, сомнѣваемся, такъ ли это?.. Да, ни малѣйшаго сомнѣнія: всѣ журналы, не исключая и тѣхъ, которые наиболѣе стараются походить на «Revue des deux Mondes», — признали необходимымъ открыть балаганные отдѣлы, отдѣлы со свистомъ и пляскою!..

Въ «Отечественныхъ Запискахъ», сверхъ обычнаго отдѣла *Современной Хроники*, оказались «Записки Праздношатающагося». «Отечественныя Записки!» Помните ли вы, что въ «Revue des deux Mondes» нѣтъ «Записокъ Праздношатающагося», и что балаганные отдѣлы въ журналахъ недостойны литературы, сколько нибудь уважающей себя?

Въ «Русскомъ словѣ», вмѣсто солидной хроники общественной жизни, явились «Замѣтки темнаго человека». Русское слово! Что, если бы «Замѣтки темнаго человека» явились въ Геттингенѣ? Какое впечатлѣніе произвели бы они на тамошнюю публику?

«Библиотека для Чтенія» пустилась печатать «Возрѣнія, чувства

и наблюденія статскаго совѣтника Салатушки», хоть видомъ постояннаго фельетона. «Библіотека для Чтенія!» Можно ли унижать себя до смѣхотворныхъ воззрѣній статскаго совѣтника Салатушки; когда вокругъ раздается столько симпатическихъ голосовъ людей, честно служащихъ высокому дѣлу гражданскаго преуспѣанія, и когда въ самомъ вертоградѣ нашей словесности распускаются цвѣтныи, достойные заботливаго и искусстваго ухода? Вспомни, «Библіотека», что кто рѣшается все осмѣивать, кто съ балаганнымъ индифферентизмомъ отзывается объ искусствѣ, о Рашели и Ристори, тотъ не имѣетъ сердца. Неужели-ты не имѣешь сердца?

«Время», журналъ новый, долженствовавшій быть если не робкимъ, то по крайней мѣрѣ осмотрительнымъ, — и «Время» не побоялось деботировать фельетономъ: «Записками ненужнаго человѣка». О Время! о нравы! воскликнули мы отъ глубины души...

Но всего больше поразилъ насъ «Русскій Вѣстникъ»: отъ него-то ужъ мы никакъ не ожидали, чтобы онъ завелъ у себя балаганный отдѣлъ, котораго нѣтъ въ «Revue des deux Mondes.» А завелъ! и еще какъ завелъ: предварительно возвѣстилъ объ этомъ, а потомъ и открылъ «Литературное Обзорѣніе и Замѣтки», въ которыхъ сталъ даже остроумныя заглавія прискивать: «Старые боги и новые боги», «Нашъ языкъ, и что такое свистуны», «Однаго поля ягоды»... А помните, какъ, бывало, даже самыя ловитыя статьи свои, какъ, напримѣръ, противъ князя Чернасскаго, и пр., онъ пускалъ подъ величаво-сиромнымъ заглавіемъ: «Замѣтка»: Гдѣ тѣ времена?... О, «Русскій Вѣстникъ», «Русскій Вѣстникъ!» Куда увлекло тебя подражаніе? И кому же? «Современнику» — «Свистку»!... Не было ли предъ тобою образца въ почтенныхъ, истинно достойныхъ подражанія Revue des deux Mondes, Westminster Review, и т. п.? Имѣютъ ли балаганные отдѣлы эти почтенные журналы, вѣкогда поставившіеся въ примѣръ «Современнику»? Занимаются ли они журнальными сплетнями, пишутъ ли ежемѣсячно длинныя статьи о свистѣ? Нѣтъ, «Русскій Вѣстникъ», если они и займутся свистомъ, то развѣ въ ученой статьѣ: «о свистѣ въ техническо-музыкальномъ отношеніи», то есть въ такой статьѣ, которая не уронитъ ихъ ученаго достоинства.

О «Атеисты!» Зачѣмъ ты рано умеръ? А то и ты могъ бы теперь завести у себя балаганный отдѣлъ, который, можетъ, спасъ бы тебя отъ смерти.

Всѣобщее сознаніе, заявленное всѣми журналами, въ необходимости «Свистка», ободрило насъ, и мы немедленно хотѣли выпустить его изъ-за границы, объѣдая ему, что житье нашему брату въ Россіи теперь гораздо лучше заграничнаго: свищи, сколько дуни!

угодно, — отголоски встрѣтишь повсюду. Но «Свисткомъ» на тотъ разъ овладѣло разочарованіе, и онъ не повѣрилъ возможности превращенія, о которомъ мы ему писали... Мы принуждены были остаться въ наблюдательномъ положеніи и долго оставались въ этомъ положеніи. Наклонность къ свисту всѣхъ журналовъ, даже и солиднѣйшихъ между ними, самая непритворная и искренняя, съ каждымъ днемъ обнаруживалась все болѣе и болѣе. Балаганные отдѣлы становились все обширнѣе и обширнѣе, свистъ съ каждымъ днемъ дѣлался все рѣзче и прозвительнѣе... Наконецъ по поводу появленія, лѣтомъ прошедшаго года, «Полемическихъ красотъ» въ «Современникѣ», нѣкоторые журналы, забывъ и ученые цѣли, которыми постоянно служатъ, и многолѣтнія ученые привычки, обратили положительно всѣ свои отдѣлы въ балаганные. Вообще же свистъ сдѣлался столь прозвительнымъ и рѣзкимъ, что сталъ похожъ на визжаніе, раздавался непрерывно, неумолчно во всѣхъ журналахъ, газетахъ, газеткахъ, такъ что въ нескончаемости его въ отечественной литературѣ не могло оставаться болѣе никакого сомнѣнія. Тогда мы немедленно телеграфировали «Свистку» за границу, чтобы онъ, не тревожась болѣе никакими сомнѣніями, посѣдшилъ прїѣздомъ въ отечество. Осенью, прошедшаго года, «Свистокъ» прибылъ въ Россію, все еще полный недоувѣрія въ общее сочувствіе къ нему отечественной литературы. Но едва онъ успѣлъ пересмотрѣть нѣсколько книжекъ лѣтнихъ журналовъ, какъ ясно понялъ не только неосновательность своихъ сомнѣній, но и то: какъ много потерялъ онъ во время долгаго пребыванія своего за границей... Оказалось, что вѣчно ясное небо Италіи, благодатная южная природа, античные памятники классической древности подѣйствовали самымъ вреднымъ образомъ на способность къ свисту... Свистъ потерялъ рѣзкость, пронзительность, жесткость — обычныя свойства свои на сѣверѣ, сдѣлался мягкимъ, гнѣвнымъ, нѣжнымъ... однимъ словомъ, совершенно негоднымъ для дѣйствія въ литературѣ отечественной. «Свистокъ» сильно этимъ обезпокоился и употребилъ всѣ силы, чтобы снова ожесточить свой свистъ, сдѣлать его солидарнымъ свистамъ... Отказавшись отъ всѣхъ удовольствій сѣверной столицы, переехавъ въ кабинетъ, «Свистокъ» свистѣлъ себѣ уединенно, стараясь выработать лучшіе образцы современнаго свиста. Статьи: «Свистъ и новые боги», «Нашъ языкъ и что такое свистуны», «Одинъ изъ свистуновъ» не сходили у него со стола... Наконецъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ упорнаго труда свистъ началъ видимо укрѣпляться. Свистуны слышались родные звуки... Но отъ совершенства онъ все еще далеко... А между тѣмъ приходило время «Свистокъ», волею судьбы, женъ былъ выступить на общій арену... Наст...

лѣтіе Россіи.. Времени оставалось немного... «Свистокъ» снова перешелъ въ своемъ кабинетѣ и сталъ работать съ утроенной силою... Наконецъ наступила и давно ожидаемая всѣми великая эпоха въ жизни нашего отечества... А «Свистокъ» все оставался еще не вполне доволенъ сдѣланными имъ успѣхами...

Долго думалъ «Свистокъ» отозваться ли ему, — т. е. свиснуть ли по поводу совершившагося тысячелѣтія Россіи, или благоразумно промолчать, точно такъ, какъ благоразумно промолчали въ свое время и «Санктпетербургскія Вѣдомости» и «Сѣверная Пчела» о несостоятельности главнаго общества желѣзныхъ дорогъ. Оказалось однакожь, что «Свистку» молчать было вовсе невозможно. Всѣ газеты, журналы, ученые, даже Николай Ивановичъ Костомаровъ, даже календарь—заговорили о тысячелѣтіи Россіи. Могъ ли «Свистокъ» ничего не свиснуть о такомъ великомъ событіи?—Но не одно самолюбіе заставило «Свистокъ» вновь выступить на общественную арену, а, можно сказать, сердечное сочувствіе къ великой эпохѣ... Празднующее тысячелѣтіе Россіи, «Свистокъ» праздновалъ нѣкоторымъ образомъ свое собственное тысячелѣтіе. Нѣтъ вѣдь ни одной прочной славы, которая бы явилась и утвердилась въ мірѣ, не бывъ предварительно никѣмъ освистана. Не освищены славяне варяговъ, — они никогда бы не поняли ихъ достоинства и мудрости, и никогда не призвали бы ихъ «володыти» собою. «Свистокъ» твердо убѣжденъ и не можетъ не гордиться, что даже такое могущественное государство, какъ Русское, своимъ существованіемъ обязано нѣкоторымъ образомъ его несомнѣнному содѣйствію. Только нерасположеніемъ къ «Свистку» или недалекостію нашихъ ученыхъ и журналистовъ можетъ быть объяснено то обстоятельство, что никто изъ нихъ не упомянулъ доселѣ о такой важной заслугѣ «Свистка».

Скромное сознаніе этой заслуги было, между прочимъ, причиною, что «Свистокъ» и послѣ того, какъ рѣшился выступить передъ публику, долго колебался: какими свистомъ выразить ему свои залученныя думы о тысячелѣтіи Россіи? Держаться ли ему стили *серьезно-возвышеннаго*, какими нишесть обыкновенно г. Громена и о полиціи, и о неисполненіи положеній горюпедскимъ мировымъ съѣздомъ, и о шарамыжной каждаго воскресной школѣ, существовавшей въ Иркутскѣ назавдъ тому полтора вѣка, — или *бурно-догматическою*, которымъ разалтъ враговъ своихъ «Литературныя замѣтки» и «Элегіи» «Русскаго Вѣстника», или наконецъ *мѣжно-историческою* и *обличительномъ-сочувствіемъ*, какими говоритъ обыкновенно публицистъ «Сѣверной Пчелы» о явленіяхъ жизни общественной, въ особенности же государственной? — «Свистокъ» самъ, но мягкой природѣ своей, былъ бы болѣе склоненъ къ свисту въ послѣднемъ родѣ. Даже послѣ по-

Тэдки за границу, послѣ основательнаго изученія античныхъ памятниковъ классической древности, послѣ долгаго наслажденія вѣчными красотами южной природы, послѣ короткаго знакомства съ европейскою цивилизаціей, онъ находилъ бы такой только свистъ и единственно приличнымъ въ нашемъ благоустроенномъ обществѣ. «Свистокъ» не рѣшался однакожь начать свиста первый; онъ боялся, чтобы нѣжными и мягкимъ свистомъ не унизить важности событія и торжества, и тѣмъ не поставить себя въ непріятное положеніе впоследствии отвистываться отъ нападеній патріотовъ; съ другой стороны, и свистѣть возвышенно было также не безопасно. Начни «Свистокъ» свистъ въ такомъ родѣ, — недоброжелатели «Свистка» сейчасъ бы заговорили, что онъ поднялъ свистъ возвышенный потому только, что самъ участвовалъ въ основаніи государства и хочетъ воспѣть свои собственные заслуги. Такая точно исторія, какъ то не безызвѣстно читателю, случилась назадъ тому нѣсколько лѣтъ съ г. Громекою. Въ бытность свою редакторомъ «Листка» Общества пароходства и торговли, онъ на одномъ торжественномъ обѣдѣ стилемъ возвышеннымъ описалъ многочисленныя заслуги «Листка», — не имѣя при этомъ, само собою разумѣется, вовсе мысли о себѣ и о своихъ подвигахъ, — а его заподозрили въ самовосхваленіи... «Свистокъ» выжидалъ, какими стилемъ заговорятъ о тысячелѣтіи Россіи авторитеты. Недавно, послѣ одного литературнаго вечера, на которомъ Н. И. Костомаровъ читалъ о тысячелѣтіи Россіи, стали носиться слухи, что Николай Ивановичъ Костомаровъ написалъ свое тысячелѣтіе въ стилѣ яро-возвышенномъ, что онъ, можно сказать, гремѣлъ о прошедшей славѣ и подвигахъ нашего любезнаго отечества, или, выражаясь малороссійски-поэтически, —

Какъ Псіоль стогнавъ и клетотавъ.

Хотя слава Николая Ивановича Костомарова покоится на незыблемыхъ основаніяхъ, а по норманскому вопросу, какъ помнятъ, конечно, читатели, отстранена даже «Свисткомъ» противъ нападокъ недоброжелателей, (что можетъ быть прочтѣе такой славы?); хотя славы этой не могли пощадить даже новѣйшія многочисленныя сочиненія Н. И. Костомарова о ломкѣ университетовъ, какъ ни были они ерундовидны; — однакожь «Свистокъ», всегда осторожный, не рѣшался по однимъ слухамъ идти даже по стопамъ и такого авторитета, какъ Н. И. Костомаровъ. «Свистокъ» неосновательно полагалъ, что если Н. И. Костомаровъ действительно говорилъ о тысячелѣтіи Россіи, и говорилъ въ стилѣ яростномъ, то явится тысяча статей о тысячелѣтіи Россіи, и каждая изъ нихъ будетъ стараться превзойти своихъ соперницъ яростію самую неукротимую. Таково было всегда явлѣніе

славы авторитета на возбужденіе вдохновенія, мысли, силы, дѣятельности въ нашихъ любезныхъ соотечественникахъ: «Свистокъ» дѣйствительно не ошибся. Взглянувъ недавно въ одинъ № «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей», онъ встрѣтилъ статью подъ оригинальнымъ заглавіемъ: 862—1862, и прочелъ такое вступленіе:

«Тысяча лѣтъ Россіи, тысяча лѣтъ Россіи! Ударилъ колоколъ Это не погребальный звонъ умирающему государству; это набатъ возрожденія славянскихъ племенъ къ новой жизни, канунъ которой отпразднованъ былъ 19 февраля!

Руки ваши, братья!»

По прочтеніи этихъ строкъ, «Свистокъ» вдругъ почувствовалъ себя какъ-то особенно легко, пріятно; съ души свалилось точно бремя какое, всѣ сомнѣнія исчезли, явилась внутренняя, ничѣмъ неукротимая потребность свиснуть... и свиснулось само собою, невольно... сначала стихами, потомъ прозой, потомъ и пошло, и пошло, и пошло...

Характеръ свиста для тысячелѣтія Россіи опредѣлился самъ собою....

«СВИСТОКЪ» AD SE IPSUM (*).

Свободный, какъ птица, несвязанный срокомъ
Журнальной подписки и выхода книжекъ,
Являюсь я рѣдко, всегда неварокомъ, —
Но яркими буквами слѣдъ свой я выжеть
Въ сердцахъ благодарныхъ російскихъ согражданъ.
Мой свистъ облегчалъ ихъ сердечныя раны;
Какъ влага въ пустынѣ, я былъ ими жажданъ,
Когда ихъ томили сухіе туманы;
Во мнѣ лишь нашли они ключъ разумѣнья,
Когда возникла російская гласность
И головы мудрыхъ повергла въ сомнѣнье —
И розгу, и вятку не ждетъ ли опасность;
Я былъ утѣшенемъ, я былъ имъ опорой,
Когда население Россіи смущенной
Пугалъ нашъ прогрессъ изумительно-скорый,
Внезапно открытый въ Москвѣ умилевой.
Вопросъ о евреяхъ, вопросъ о норманнахъ,
Великій вопросъ объ экзамеѣ строгомъ,
Шестнадцать гусей неповинно пожранныхъ
И опытъ пощенья по волжскимъ дорогамъ,
Короче — на все, что роднымъ публицистамъ

(*). Заглавіе заимствовано у Горация; означаетъ: «Свистокъ» къ самому себѣ

Тревожно сердце и умъ волновало, —
 На все отзывался я радостнымъ свистомъ
 И всѣхъ утѣшалъ я... Но этого мало:
 Въ Европѣ свершалась великая драма, —
 И къ ней обратилъ я родное вниманье,
 Австрійской поэзійей Якова Хама
 Согражданъ моихъ просвѣтивъ пониманье.
 Неаполю далъ я благіе уроки,
 На все отзывался, — ни слабо, ни рѣзко, —
 И, всюду собирая прекрасные соки,
 Воспѣвъ Гарибальди, воспѣлъ и Франческо!...

И нынѣ явлюсь я къ читателю снова;
 Хочу наградить я его за терпѣнье,
 Хочу я принести ему свѣжее слово, —
 Насколько возможно въ моемъ положеніи...
 А впрочемъ читатель ко мнѣ благосклоненъ
 И въ сердцѣ моемъ онъ прекрасно читаетъ:
 Онъ знаетъ, къ какому я роду наклоненъ
 И лучше ученыхъ мой свистъ понимаетъ.
 Онъ знаетъ: плясать бы заставилъ я дубы,
 Совсѣмъ измѣнилъ бы ихъ нравы и доли,
 Когда бъ на морозѣ не трескались губы
 И свистъ мой порою не стонъ мнѣ боли....

II.

862 — 1862.

или

ТЫСЯЧЛѢТІЕ РОССИИ.

Сочиненіе «Свистка», юнаго россійскаго поэта, философа, историка и вообще сочинителя, получившаго окончательное образованіе за границей, будущаго академика и члена разныхъ ученыхъ россійскихъ обществъ и учреждений и будущаго разныхъ орденовъ кавалера.

Протекло ровно тысяча лѣтъ отъ 862 года до 1862. Если вѣрять призыванъ славянами на княженіе дѣйствительно въ 862 году, что впрочемъ еще окончательно не доказано и едва ли когда нибудь можетъ быть доказано, то нельзя не согласиться, что Россійское государство прожило полную тысячу лѣтъ. Въ жизни такого колоссальнаго государства, какъ Русское, развивавшагося такъ самобытно, такъ оригинально, но временамъ даже такъ странно; государства, населеннаго народомъ великимъ, предназначеннымъ несповѣданными судьбами Провидѣнія пронести свѣтъ цивилизаціи на Востокъ, какъ это несомнѣнно доказано нашими философами, публицистами, поэтами и историками, слить Востокъ съ Западомъ, обновить наконецъ одряхлѣвшій уже совершенно Западъ, — тысяча лѣтъ не бездѣлица, а эпоха, и эпоха поистинѣ великая! Если бы мы не знали, что дѣйствительно прожили тысячу лѣтъ, то по тому одному, что совершается ежедневно передъ нашими глазами, мы не могли бы усомниться, что мы прожили никакъ не менѣе тысячи лѣтъ. Куда бы мы ни обратили взоръ нашъ, вездѣ, — мы видимъ, — происходитъ нѣчто великое, такое, что только и можетъ происходить въ государствѣ благоустроенномъ, цивилизованномъ, прожывшемъ по крайней мѣрѣ десятковъ вѣковъ. Постройка главнымъ обществомъ желѣзныхъ дорогъ огромной, въ 4,000 верстъ, сѣти желѣзныхъ дорогъ, охватывающей почти всю Россію, сѣти, въ которую попалось столько добродушныхъ акціонеровъ, повсемѣстное распространеніе воскресныхъ школъ и необыкновенное ихъ преуспѣваніе, безшопотная гласность, разящая безъ лицепріятія всѣхъ — и великихъ и малыхъ міра сего, полъ

образами X, Y, Z и другихъ алгебраическихъ знаковъ, раствореніе пива *кукельваномъ*, изобрѣтеніе въ Москвѣ новаго серебра, появленіе «Дня», открытіе г. Камбекомъ особаго отдѣла для ерунды, борьба «Основы» съ «Сіономъ», «Домашней Бесѣды» съ «Духомъ христіанина» и «Православнымъ обозрѣніемъ» и проч. и проч.,—все это такіа чудесныя явленія, которыя въ вѣкѣ варварства были бы названы навожденіемъ дьявольскимъ или несомнѣнными знаменіями скорого пришествія антихриста; мы жѣ съ гордостію можемъ указать на нихъ, какъ на несомнѣныя свидѣтельства нашихъ неимовѣрныхъ успѣховъ на пути прогресса и цивилизаціи; и на залого нашего будущаго развитія. А сколько въ послѣдніе 5—6 лѣтъ поднято и поднимается до нынѣ каждодневно разноо рода вопросовъ?—И всѣ они разсматриваются съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ, съ такою осмотрительностію, что можно положительно сказать, что ни одинъ еще изъ нихъ не разсмотрѣнъ и не рѣшенъ окончательно. Попытаемся перечислить болѣе общіе и болѣе извѣстныя изъ нихъ.

1) *Впередъ намъ идти или назадъ?* Вопросъ этотъ давно уже разсуждался. При первоначальномъ разсмотрѣніи его всѣ единогласно порѣшили было: *идти впередъ*, и въ такомъ видѣ дѣло по этому вопросу было зачислено конченнымъ и слано въ архивъ. Говорятъ, на послѣднемъ литературномъ чтеніи Н. И. Костомаровъ снова поднялъ этотъ вопросъ. Огъ, г. е. Н. И. Костомаровъ, находитъ, что мы слишкомъ уже пошли, и что не худо повернуть назадъ. Справедливы ли эти слухи? Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ появленія въ свѣтъ вышеупомянутаго нами сочиненія Н. И. Костомарова: «Тысячелѣтіе Россіи», которое должно разсвѣять наши недоумѣнія. Если Н. И. Костомаровъ дѣйствительно сказалъ, что попятиться назадъ намъ не худо, то и мы тѣхъ мыслей, что, пожалуй, не попятиться ли? Въ самомъ дѣлѣ, недалеко ли мы уже очень угнали?

2) *Что значитъ идти впередъ, и что значитъ идти назадъ?*—Вопросъ также очень давній, но далеко еще не рѣшенный. Какъ узнать: кто идетъ впередъ?—Г. Аскоченскій говоритъ, что онъ одинъ идетъ впередъ, называя всѣхъ другихъ передовыхъ развительцами, еретиками, чуть ли даже не безбожниками. «Русскій Вѣстникъ» говоритъ, что, напротивъ, онъ только идетъ впередъ, называя всѣхъ другихъ мальчишками, пустозвонами, свистунами и т. д. «День» говоритъ, что не облачившись въ олбирки, или зинзунъ, но надѣвши смазныхъ сапоговъ, нельзя и подумать идти впередъ; что вообще для того, чтобъ идти впередъ, надобно сначала повернуть ко временамъ Ивана Грознаго, а оттуда уже съ божіею помощію и отправляться въ дальнѣйшій путь. «Свѣточъ» идетъ впередъ также особликомъ; онъ полагасть, что впередъ невозмож-

не идти не помиривъ фракъ съ зинуномъ, дѣляща съ довойшикомъ, Западъ съ Востокомъ, что надъ этой задачей онъ и работаетъ теперь денью-нощю, чтобы потомъ начать торжественное шествіе впередъ. «Свистокъ» идетъ впередъ — и говорить нечего, — также совершеннѣйшій особнякомъ. Обозрѣвая силы и характеръ разнаго рода російскихъ передовыхъ, онъ думаетъ, что въ наше время идти впередъ — значитъ неустойчиво обяснять всѣхъ передовыхъ, чтобы они не завели любезнаго отечества въ непроходимыя дебри, изъ которыхъ въ послѣдствіи не въ примѣръ труднѣе будетъ выдираться, чѣмъ изъ дебрей норманскихъ, устроившихъ М. П. Погодинымъ и другими почтенными преемниками русскою исторію въ давнопрошедшее время.

3) *Съ палкой и розгой идти впередъ, или безъ палки и розги?* По этому вопросу, также очень давнему, образовалась цѣлая литература, а къ окончательнымъ выводамъ все-таки никакимъ не пришли. De facie всѣ того мнѣнія, что безъ палки и розги впередъ идти невозможно, ибо, дескать, такой ужъ русскій человѣкъ отъ природы, что безъ этихъ инструментовъ съ нимъ ничего не подѣлаешь. De jure мнѣніе относительно употребленія розги распадается на три разряда: партія радикаловъ, состоящая почти исключительно изъ свистуновъ, говоритъ, что розга никогда, нигдѣ и въ никакшхъ случаяхъ не должна быть употребляема; партія умѣренныхъ соглашается, что употребленіе розги антигуманно, унижительно, вредно, но все-таки, дескать, претосудительнаго нѣтъ ничего, когда попечительный начальникъ для педагоговъ, по истощеніи всѣхъ средствъ вразумленія и наставленія, по усмотрѣніи очевидной пользы отъ дѣйствія розги, иногда и употребитъ ее съ благоразуміемъ, съ осмотрительностію, пылая отеческою любовію къ наказуемому. Вотъ, дескать, мальчишки разсудокъ имѣютъ очень слабый, и дѣйствовать на нихъ черезъ него можно очень мало; память у нихъ также очень слаба, — и на нее расчесть плохо: забываютъ все. Такъ для возбужденія въ нихъ вниманія и впечатлительности, ихъ посѣчь иногда не только не худо, но и весьма полезно. Есть, наконецъ, еще третья партія примиряющая — радикаловъ и умѣренныхъ. Партія эта тѣмъ мыслей, что въ дѣлѣ воспитанія можно обойтись безъ употребленія розги, принятаго нынѣ, какъ антигуманнаго, — но можно, дескать, ввести другой способъ ея употребленія, который гуманнѣе мачакамъ противорѣчить нисколько не будетъ, а именно: виновныхъ розгой не бить, а подводить къ ней и давать ее нюхать. Самый запахъ ее, какъ вещества наркотическаго, долженъ имѣть благотвѣе для духа дѣйствіе. Мнѣніе это явилось въ первый разъ въ какомъ-то воронежскомъ училищѣ; какъ сильно распространено

оно въ настоящее время, — неизвѣстно. Мы удивляемся: отчего не пристанеть къ нему партія умѣренныхъ. Кажется, тутъ прогрессъ самый постепенный, осторожный, благоразумный, скачковъ никакихъ....

4) *Какъ идти впередъ—съ букваремъ или безъ букваря?* И по этому вопросу составилаеся также цѣлая литература, — а окончательнаго мнѣнія также не выработалось. Одна партія говоритъ, что дѣло не въ томъ, чтобы просвѣтить народъ, а въ томъ, чтобы сдѣлать его добродѣтельнымъ, богобоязливымъ, въ отеческихъ преданіяхъ твердымъ. А одна грамотность не только къ этому не служитъ, а еще раздражаетъ и портитъ людей. Крестьянскіе, дескать, мальчишки, обучающіеся въ школахъ, зачастую выходятъ пьяницами, людьми негодными и проч., и проч. Другая партія возражаетъ на это, что пьяницъ, негодяевъ и т. д. изъ неграмотныхъ выходило безконечно больше, что нѣтъ, дескать, никакихъ причинъ, чтобы грамота образовывала пьяницъ, негодяевъ и т. д., что потому грамотѣ слѣдуетъ учить всѣхъ. «Свистокъ», впрочемъ, питаетъ надежду, что вопросъ о букваряхъ будетъ скоро рѣшенъ окончательно. Анти-букварники воставали доселѣ противъ грамотности потому главнымъ образомъ, что у насъ нѣтъ назидательныхъ книгъ для простаго народа, что народъ долженъ читать книги, написанныя свистунами или людьми, которые еще и свистуновъ хуже. Теперь эти недостатки въ назидательныхъ книгахъ, какъ извѣстно, не существуютъ болѣе. В. И. Аскоченскій издавалъ цѣлую охапку назидательныхъ книгъ для народа. Общество для распространенія полезныхъ для народа книгъ сдѣлало нѣсколько изданій, еще назидательнѣйшихъ, чѣмъ В. И. Аскоченскій. Теперь есть вѣрное средство, чтобы обучившійся грамотѣ народъ не снизался сразу, не мошенничалъ и т. п.

5) *Всѣмъ ли идти впередъ, или только имѣющимъ штабы и оберъ-офицерскіе чины?* — Вопросъ этотъ въ литературѣ обыкновенно обходится или разсматривается стороною. Прямо поставить его оказывается не совсѣмъ какъ-то удобно. Если идти впередъ, то ужь, конечно, надобно идти впередъ всѣмъ, и такъ-называемымъ *мелкими братьями*. Даже и у такихъ людей, которые отличаются особенно незабывчивостію въ литературѣ, подобно нѣкому Элиасару, не доставитъ смѣлости сказать печатно, что мужиковъ надобно держать въ невѣжествѣ, или что не нужно заботиться о томъ, чтобы вывести ихъ изъ того жалкаго состоянія, въ какомъ они находятся. Потому вопросъ о томъ: всѣмъ ли идти впередъ? — затрогивается, какъ мы сказали уже, обыкновенно косвенно. Начинаятъ какойнибудь господинъ говорить сторонкой о томъ, что, дескать, у насъ дворянство и старшій составляетъ единственный образованный классъ, что отъ него

только и можно надѣяться всего коронаго въ будущемъ. Когда госнодну начинаютъ возражать на это: позволѣте, позволѣте! что вы говорите? у насъ совсѣмъ не такъ... то онъ преспокойно на это отвѣчаетъ: «эхъ, госнода! вы вѣдь не такъ меня доняли: я подлѣ дворянствомъ разумю всѣхъ образованныхъ людей». Каковъ госнодинъ! Другой госнодинъ заведетъ рѣчь такого рода: «образовать всѣхъ въ государствѣ вполнѣ дѣло совершенно невозможное. Ибо иначе, дескать, и хлѣба некому будетъ сѣять, и мы умремъ всѣ съ голоду. (Ей-богу жаль!) Образовывать же *слово* не стоитъ; потому, дескать, что по образу образованіе, развивая новыя потребности въ чедовѣкѣ, которыхъ онъ не зналъ бы въ томъ незавидномъ мевѣжественномъ бытѣ, въ которомъ бытъ, дѣлаетъ его недовольнымъ этимъ бытѣмъ, заставляетъ искать лучшаго, и такимъ образомъ порождаетъ массы людей вредныхъ для государства. Ерго, заключаетъ госнодинъ, долженъ быть только одинъ привилегированный классъ, для котораго должно быть доступно образованіе». Вы думаете: жы все это выдумываемъ?— Ничего не бывало. Намъ только не хочется конфузить госнодина, высказывавшаго такія позорныя для всякаго сколько нибудь образованнаго чедовѣка мысли, — а то мы могли бы сдѣлать выписку изъ его сочиненій, гласящую почти слово въ слово то самое, что сказали мы. Третій госнодинъ начинаетъ рѣчь въ такомъ тонѣ: «оно, дѣйствительно, нужно всѣхъ образовывать.... Да не рано ли? Все вѣдь хорошо дѣлать исподоволь, постепенно, чтобы дѣло развивалось, такъ сказать, само изъ себя, органически.... (Видите ли: даже философскій взглядъ выляется на дѣло?) Потому, не лучше ли, дескать, развитіе народа преоставить времени, исторіи?...» Однимъ словомъ, какъ скоро дѣло кажется развитія народнаго, то тутъ выходитъ нѣчто весьма смѣшное.... Съ каждымъ изъ насъ, иногда даже безсознательно повторятъ исторія въ родѣ слѣдующей:

Я говорю: теперь свободенъ

Народъ — отъ счастья не далекъ....

О, какъ прекрасенъ, благороденъ.

Нашъ умный, русскій мужичокъ!

О, я готовъ съ нимъ цаловаться,

Обнять, любить; — вѣдь это долгъ!

Но чтобъ на дѣлѣ съ жамомъ знаться,

Избави Богъ! Избави Богъ!

и впередъ идти, то брать ли съ собою въ путь жасность,

Вопросъ о жасности, кажется, давно уже былъ рѣшенъ,

быстро, рѣшено, единогласно, какъ не рѣшался

грессивныя совѣтъ. Помните ли вы, читатель,

восторге жественными оваліями и самы-

ни бурными приложениями привѣтствовали всѣ гласность, когда она явилась у насъ? — Однѣ статьи М-г де-Кокорева о пользѣ гласности, о томъ, что она истребитъ у насъ, какъ персидскій порошокъ истребляетъ насѣкомыхъ, всѣ возможныя злоупотребленія въ какихънибудь два, три года, вообще въ самое короткое время, — однѣ, говоряишь, эти статьи, со включеніемъ сюда, разужбется, и написанныя М-г де-Кокоревымъ на французскомъ діалектѣ, могли бы составить хорошихъ два-три тома. Тогда одинъ только «Смѣстокъ» усомнился въ пользѣ и даже возможности русской гласности, и будучи еще юнгомъ, неопытнымъ въ жизни, не только высказалъ откровенно свое мнѣніе, но и стихи написалъ по поводу общаго увлеченія. Можетъ быть вы не помните этихъ стиховъ, — мы припомнимъ ихъ; теперь это будетъ кстати. Вотъ они:

Солнце въ тучахъ непроглядныхъ
Грустно дикъ свой прачеть;
У воротъ двора сквознаго
Бѣдный Ванька плачетъ.

Цѣлый день онъ по-столицѣ
Съ юнкеромъ натался;
Пять рублей ему дать юнкеръ
За день обѣщался.

Но чрезъ дворъ сизовой подъ вечеръ
Онъ отъ Ваньки скрылся;
Ванька съ клячей понапрасну
Цѣлый день трудился.

Успокойся, Бѣдный Ванька:
Есть тебѣ защита,
Какъ тебя обидѣлъ юнкеръ —
Будетъ всѣмъ открыто.

Отъ обманъ и отъ обмановъ
Ужъ прошла опасность!
Нынѣ время не такое:
Процвѣтаетъ гласность!

Завтра жъ и во всѣхъ газеткахъ
Публикуемъ ясно:
«Видѣлъ съ юнкеромъ маводникъ,
Цѣлый день напрасно.

Дать хотѣлъ онъ пять цѣлковыхъ —
Не далъ ни копѣйки».

И предаю его позору
Я въ моей статейѣ.

Но не внемля утѣшеньямъ,
Глухой Ванька плачетъ...
Солнце гнѣвно ликъ прекрасный
Въ черныхъ тучахъ прячетъ.

Сколько тогда злословія, брани перенесъ «Свистокъ» за эти пошлые стихи? Его обвиняли въ невѣжествѣ, въ узкомъ эгоизмѣ, въ кощунствѣ надъ всѣмъ святымъ и возмъщеннымъ; сомнѣвались—остыли въ немъ святое чувство любви къ отечеству, подозрѣвали даже «Свистокъ» въ измѣнѣ отечеству, въ сношеніяхъ съ недружелюбными державами. За вальвудство «Свистка» о гласности даже «Современникъ» подвергся страшной опалѣ. За то, что онъ позволилъ «Свистку» (слышите: *козволить!* Какъ будто «Современникъ» имѣетъ какую-нибудь власть надъ «Свисткомъ»!) такъ презрительно отозваться о гласности, его обвиняли въ шарлатанствѣ, въ шутовствѣ.... «Отечественныя Записки» и одинаково съ ними мыслящія «Санктпетербургскія Вѣдомости» объявили торжественно, что послѣ такого гнуснаго мнѣнія «Свистка» о гласности, «Современникъ» потердѣтъ всякое уваженіе въ глазахъ благонамѣренныхъ людей. Но какъ ни горячились, а съ гласностію дѣйствительно вышло то, что предсказалъ «Свистокъ». Курсъ ея въ Россіи палъ ниже, чѣмъ курсы всѣхъ возможныхъ кредитныхъ бумагъ. Въ журналахъ стали открыто говорить противъ гласности. Недавно мы встрѣтили въ «Сынѣ Отечества» цѣлую статью о «гласности», гдѣ доказывается, что гласность.... просто, у насъ вредна, неприлична, и ничѣмъ извинена быть не можетъ. Мы упоминаемъ объ этой статьѣ не потому, чтобы думали, что мнѣніе «Сына Отечества» о гласности раздѣляется всѣми.... Но вѣдь теперь никто однако и не возражаетъ противъ этой статьи. — А напиши, — не говоримъ то, что написалъ въ статьѣ, а соую долю того, — какой-нибудь господинъ два-три года назадъ, его истерзали, заклевали бы, мѣста не нашлось бы ему не только въ литературѣ, въ цѣлой Россіи. Что были тогда стихи «Свистка» въ сравненіи съ этою статьею? — Просто шутка, шалость! — А чего онъ за нее не вытерпѣлъ? — Посмотрите, пожалуйста, что печатается о гласности теперь.

Да не удивляется читатель, что «Свистокъ» рекомендуетъ ему эту статью, повидимому мало занимательную. «Свистокъ», всѣми заманимый, презираемый, гонимый, не признаваемый даже въ правѣ существовать въ литературѣ, въ правѣ, въ которомъ не отказываютъ даже «Сухимъ туманамъ», даже срундѣ г. Камбена, не могъ не аспрѣвиться съ распространѣнными объятіями статьи оправдательной! для

него, статья написанной въ защиту его понятій. Жива и честь автору, который вопреки общему предубѣжденію къ «Свистку», протянулъ ему свою братскую руку!—Хотя «Свистокъ» и убѣжденъ, что г. Ципринусъ, подписавшійся подъ статью, долженъ быть непременно откупщикъ, — ибо кто же рѣшится при нашемъ строгомъ общественномъ мнѣніи говорить противъ гласности, кромѣ «Свистка», который по легкомыслію и неопытности въ жизни никого знать не хочетъ, и откупщиковъ, которые находятся въ полнѣмъ распоряженіи россійской гласности, истерзаны ею до послѣдней возможности и готовы, Вогъ-въсть, чего не дать, только бы привести эту гнусную гласность въ предѣлы рекомендуемой г. Ципринусомъ законности; — но для «Свистка» вѣдь это все равно — откупщикъ ли г. Ципринусъ, цѣловальникъ ли, чиновникъ ли, — все-таки онъ держитъ руку «Свистка». Не въ томъ была — сильна ли эта рука или безсильна, — а въ томъ, что она — рука эта, осмѣлилась протянуться противъ гласности, осмѣлилась протянуться въ виду всей публики, — и не нашлось никого, кто бы остановилъ эту руку! Значитъ, гласность россійская окончательно пала; значитъ, общественное мнѣніе вовсе не въ ея пользу, когда даже какойнибудь Ципринусъ можетъ публично говорить противъ неіа такихъ вещей, какихъ назадь тому два года не дозволили бы сказать даже и легкомысленному «Свистку». Значитъ, «Свистокъ» былъ правъ, когда говорилъ, что гласность въ ходу у насъ не будетъ.

Правда «Свистка» подтверждается теперь со всѣхъ сторонъ. Не только публика окладѣла къ гласности, — публикѣ это еще извинительно, она можетъ прожить и безъ гласности печатной, — даже журналисты, литераторы, которые жили гласностью сами, украшали ея свои изданія, — сдѣлались равнодушны, яригунѣли къ гласности. Кто изъ читателей не помнитъ, какъ усердно почтовое вѣдомство, попечительное объ удобствахъ россійскаго сообщенія, вызывало литераторовъ, журналистовъ, экспертовъ и вообще людей знающихъ, къ обсужденію *путемъ печатной гласности* разныхъ частей почтового управления? Чтожь вы думаете? — Ни изъ экспертовъ, ни вообще изъ людей знающихъ, ни даже изъ литераторовъ и журналистовъ не отозвался на этотъ вызовъ никто. Такъ во крайней мѣрѣ заявлялъ въ 284 № «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» объ этомъ никто г. Элиасаръ, — подобно многимъ, почтовый чиновникъ, какъ можно заключить изъ того, что онъ сообщаетъ такіа свидѣнія по почтовому вѣдомству, которыа могутъ быть доступны только слушающему въ этотъ вѣдомствѣ, и потому, что ему достоверно известно, что не только *путемъ гласности*, но и *путемъ оффиціальнаго почтового вѣдомства* не полу- ни отъ кого соображеній относительно почтовой части.

Извѣстъ намъ ученый г. Ржевскій, разсматривая статью чинов-

ника Элиасара, приходитъ въ недоумѣнiе: отчего бы это путемъ печатной гласности никто не захотѣлъ отозваться на любезный вызовъ дочтоваго вѣдомства?

«Если,—говоритъ онъ,—слова г. Элиасара справедливы (т. е. вызовъ почтовымъ начальствомъ всѣхъ желающихъ къ обсужденiю почтовыхъ дѣлъ путемъ печатной гласности), а сомнѣваться въ нихъ мы не имѣемъ никакого повода, то какъ согласить съ ними то странное явленiе, что съ ноября 1860 года въ журналахъ какъ бы вовсе прекратились всѣ сужденiя о почтовомъ дѣлѣ, даже простыя заявленiя невѣстлики газетъ и журналовъ, особенно иностранныхъ, и даже читателямъ «Московскихъ Вѣдомостей» осталось вовсе неизвѣстнымъ, получили ли наконецъ г. Тарасенковъ обратно всѣ свои деньги изъ газетной экспедицiи московскаго почтамта за иностранныя журналы, которые въ продолженiе многихъ лѣтъ ему не были высланы? Мы знаемъ, что редакторы периодическихъ изданiй любятъ отговариваться извѣстными причинами, отъ редакцiи независимыми; но въ этомъ случаѣ эта отговорка также не должна имѣть силы, потому во-первыхъ, что почтовое вѣдомство, какъ видно изъ вышеприведенныхъ словъ г. Элиасара, само *вызываетъ печатную гласность*, а во-вторыхъ, оно не имѣетъ къ тому и возможности,—ибо и, какъ извѣстно всѣмъ слѣдящимъ за нашимъ законодательствомъ, оно не пользуется правомъ специальной цензуры, высочайше дарованной нѣкоторымъ вѣдомствамъ. Тутъ есть что-то странное и необъяснимое, какъ въ словахъ того господина, который на французскомъ диалектѣ упрекалъ русскую литературу въ равнодушiи къ общественнымъ вопросамъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Journal de St. Pétersbourg.»

«Свистокъ» въ этомъ замѣчанiи г. Ржевскаго удивляется двумъ вещамъ: 1) какъ онъ, г. Ржевскiй, занимаясь литературою, не знаетъ, что всѣ статьи, предназначаемыя для печати, какъ-скоро онѣ касаются какихъ нибудь отдѣльныхъ управленiй, предварительно одобренiя общеою цензурою, поступаютъ на разсмотрѣнiе этихъ управленiй? Такъ точно дѣлается и съ статьями, относящимися до почтоваго управленiя. 2) Что г. Ржевскiй находитъ страннаго и необъяснимаго въ томъ, что никто не хочетъ заявлять путемъ печатной гласности своихъ соображенiй, относящихся до почтоваго управленiя? — Никто не хочетъ заявлять очевидно потому, что всѣ россияне, не исключая литераторовъ и журналистовъ, охладѣли ко всякаго рода гласности. Что удивительнаго, что они охладѣли и къ гласности почтоваго и остаются глухи и немы къ любезнымъ вызовамъ почтоваго начальства?

Есть у насъ и еще менѣе разительный примѣръ охлажденiя всей русской публики, въ томъ числѣ и журналистовъ и литерато-

ровъ, къ гласному обсужденію разнаго рода общественныхъ вопросовъ. Но прежде, чѣмъ передадимъ этотъ призывъ, мы считаемъ нужнымъ объяснить нашимъ читателямъ, что въ исторіи, которую они прочтутъ, не можетъ быть ни на волосъ сомнѣнія, потому что мы беремъ эту исторію цѣликомъ изъ литературнаго обзорѣнія послѣдней XI книжки «Русскаго Вѣстника». «Русскій же Вѣстникъ», въ особенности литературное обзорѣніе въ немъ, не предадутъ тисненію лжи, клеветы, сплетни. Тамъ все истинно, достовѣрно, непогрѣшимо, чисто, добросовѣстно. *Зане тамъ пинуть вѣдь не свистуны, не пустоозвоны, не шарлатаны, не плуты, не ловцы рыбы въ мутной водѣ* (слова, набранныя курсивомъ, новыя наименованія, придуманныя и сообщенныя въ послѣдней книжкѣ «Русскаго Вѣстника», для обозначенія несолидарныхъ съ «Р. В.» писателей; какихъ именно, — не обозначено точно, но уповательно, что свистуновъ), а мужи науки, украшенные и богатствомъ прочныхъ знаній, и въ опытѣ жизни закаленные. Ну-съ, такъ вотъ эта исторіюшка, которую рассказываетъ «Русскій Вѣстникъ»:

«Одинъ профессоръ, недавно вступившій на кафедру, напечаталъ свою первую лекцію, и коснулся въ ней, насколько это было возможно, нѣкоторыхъ современныхъ явленій. Выказанныя въ ней замѣчанія не пришлись по нраву толпѣ, которая въ то время вовсе была неспособна подумать о чемъ нибудь спокойно. Этимъ обстоятельствомъ тотчасъ же воспользовались *ловцы рыбы въ мутной водѣ*. Разныя сплетни, одна другой нелѣпѣе, были пущены въ ходъ. Не стоить исчислять ихъ; но нельзя не упомянуть объ одной, очень интересной. Вдругъ во всѣхъ литературныхъ кругахъ распространилось извѣстіе, что противъ выше упомянутой лекціи и вообще противъ всего, что будетъ написано ея авторомъ, запрещено говорить, что авторъ поставленъ въ особаго рода *привилегированное* положеніе, кторое для честнаго писателя совершенно невыносимо. Мы краснѣемъ за тѣ лица, которыя выдумали, изукрашили и пустили въ ходъ эту нелѣпость, — краснѣемъ тѣмъ болѣе, что *эти господа, сколько намъ извѣстно, принадлежатъ не къ заднимъ рядамъ какихъ нибудь чиновниковъ или писакъ, а къ передовымъ. Они поступали совершенно сознательно; они очень хорошо знали, что ничего подобнаго не было и быть не могло, а только воспользовались удобнымъ случаемъ выдумать и пустить въ ходъ сплетню. Точно также себѣ на умѣ поступили они и тогда, когда нужно было свалить ответственность за одну шѣру, возбудившую ропотъ, на одно почтенное лицо, памятное московскому университету и нисколько неповинное въ этой шѣрѣ. Особенно въ Петербургѣ удаются эти сплетни, клеветы и интрижки. Тамъ вдругъ разрастаются онѣ до чудовищныхъ размѣровъ и*

охватываютъ все безъ малѣйшаго сопротивленія. Какая насеканная, безсильная, воспитанная сплетнями и интригами среда! Никто не хочетъ слышать объясненій: всё безсмысленно повторяютъ одно и то же. Нѣтъ надобности до истинной правды: не возникаетъ ни малѣйшая критическая попытка, всё безиреословно повторяютъ одну и ту же сплетню, и безкорыстно обдѣлываютъ аферу *лакиръ интригановъ*».

Видите ли, читатель, до чего возрасло охлажденіе русской публички къ гласности; впрочемъ, что мы говоримъ: охлажденіе! — просто отвращеніе, можно сказать, *гласоболана*. Даже литераторы и журналисты, вмѣсто того, чтобы обличить и урезонить ненавистнаго имъ профессора печатно, позволеннымъ образомъ, пускаются на подлость, сочиняютъ сплетни, клеветы, разносятъ ихъ, — однимъ словомъ, по справедливому выраженію «Русскаго Вѣстника», превращаются въ ловцовъ рыбы въ мутной водѣ! И все оттого, что имъ опротивѣла, стала ненавистна гласность!

Не правъ ли былъ «Свистокъ», когда, назадъ тому еще два года, онъ, подобно древней Сивилѣ, прорекъ, что гласности въ Россіи не бывать, т. е. не бывать въ наше время; ибо «Свистокъ», какъ онъ ни прозорливъ, не можетъ же предсказать, что можетъ случиться въ теченіе вновь наступившаго тысячелѣтія.

7. Если и идти впередъ есмь русскимъ, т. е. не только штабъ и оберъ офицерамъ, но и простому народу, то брать ли съ собою есь безчисленныя національности, входящія въ составъ русскаго народа, — національности какія нибудь ничтожныя, ну, положимъ, хоть евреевъ? Вы помните, конечно, читатель, какой былъ гвалтъ въ русской литературѣ назадъ тому года три, кажется, по поводу оскорбленія прежнимъ редакторомъ «Иллюстраціи», г. Зотовымъ, двухъ еврейскихъ личностей? — Какъ вооружались на него всё даже за то одно, что онъ позволилъ себѣ называть евреевъ жидами? Протестовало противъ Зотова сначала нѣсколько литераторовъ въ «С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Затѣмъ открыто было при «Русскомъ Вѣстникѣ» временное отдѣленіе для принятія во всякое время протестовъ отъ желающихъ протестовать противъ Зотова. Въ бюро, открытомъ при «Русскомъ Вѣстникѣ», протестовали всё русскіе литераторы; въ протестѣ явились даже такіа имена, о которыхъ до того времени никто не слышалъ въ русской литературѣ, напримѣръ, имена братьевъ Миловановъ. Протеста не призналъ только г. Аскоченскій, который на основаніи священнаго писанія доказывалъ, что евреевъ такъ и слѣдуетъ называть жидами, — да еще «Свистокъ», который находилъ во всеобщемъ пододѣ всей русской литературы противъ одного г. Зотова слишкомъ много виновнаго, и глубоко сожалѣлъ о трагическомъ великомъ смѣлѣ на такіа незначительныя дѣла... Но что жъ

значимо ильнѣе каковаго нибудь Аскоченскаго и даже «Свистка» противъ смысла всей русской литературы? — По поводу дѣла г. Зотова съ еврейскими рѣшеніями было окончательно и единогласно, между прочимъ, и тотъ вопросъ, чтобы евреевъ признавать равноправными съ русскими, и потому не называть ихъ жидами, какъ нашенщанаишъ, употребленнымъ объ евреяхъ въ смыслѣ презрительномъ.... И въ силу этого рѣшенія, признаннаго всеми, тогда, сохрани Богъ, если бы кто нибудь вздумалъ назвать евреевъ жидами! Тогда даже и «Свистокъ» дѣлать этого не осмѣливался. Одинъ только Аскоченскій, какъ мыслящій на основаніяхъ особаго рода, и несчитающій своихъ произведеній принадлежащими къ числу литературныхъ произведеній, сталъ называть евреевъ съ времени похода противу г. Зотова не иначе, какъ жидами, въ пику, разумѣется, всей литературѣ. Что же мы видимъ теперь? Вопросъ о евреяхъ, такъ единодушно, такъ торжественно, такъ окончательно рѣшенный, поднять снова, — и какъ поднять-то! — «Основа» облеклась во всеоружіе діалектики и доказала, что евреевъ жидами называть можно и должно, доказала до того твердо и основательно, что самъ «Русскій Вѣстникъ» изрекъ, что «Основой» это «доказано». Мало того: даже еврейскій органъ «Сіонъ» согласился, что еврейскімъ названіемъ жиды обижаться не слѣдуетъ, что это имя филологически образовалось правильно. Но «Основа» такую уступчивостію «Сіона» не удовольствовалась. Она стала доказывать, что и обидный смыслъ, который заключается въ словѣ «жидъ», воинамъ заслуженъ былъ украинскими евреями прежде, да и нынѣ, дескать, еврейское племя, по своимъ отношеніямъ къ русскимъ, заслуживаетъ того же самаго. — Все это, какъ ни странно, но для «Свистка» не было бы еще очень поразительно. «Основа» родилась недавно, въ протестъ противъ Зотова не участвовала. Да и что «Свистку» за дѣло, какъ думать о разныхъ предметахъ «Основа»? Мало ли кто какъ о чемъ не думаетъ? — Не возражать же противъ всякаго; а то пришлось бы, пожалуй, весь «Свистокъ» наполнить пустымъ словопреимемъ съ Аскоченскимъ, «Днемъ», «Русскимъ Вѣстникомъ», «Отечественными Замѣтками» и т. д. Для «Свистка» ильнѣе самой «Основы» важно въ настоящемъ случаѣ потому только, что оно показываетъ, что и вопросъ о евреяхъ, мочившійся такъ единодушно и окончательно рѣшеннымъ, вовсе еще не рѣшенъ. Вотъ что-то будетъ — не рѣшится ли онъ съ божіею помощью въ наступающемъ тысячелѣтіи? — А главнымъ образомъ важно то, что «Русскій Вѣстникъ», разбирая споръ между «Основой» и «Сіономъ», признаетъ, что евреевъ действительно должно называть жидами, не вооружается гримами своего краснорѣчія даже противъ того ильнѣе, что съ имени жидъ долженъ быть и въ настоящее время соединенъ обидный для евреевъ смыслъ. Онъ нападетъ на г. Кулиша, ратующего въ

«Основы» противъ евреевъ за то только, что онъ въ борьбѣ съ евреями прибѣгаетъ къ *сикофанству*. Ахъ! виноваты передъ читателями. Мы и забыли сказать, что *сикофанство* новое иное слово, которое придумалъ «Русскій Вѣстникъ» не для одного Кулигина, а для всѣхъ петербургскихъ литераторовъ, а можетъ быть и для свиствующихъ только, — точно сказать не умѣемъ, потому что по вышеприведенной нами изъ «Русскаго Вѣстника» выпискѣ читатель усмотрѣть можетъ, что «Русскій Вѣстникъ» неблагомысленъ ко всей петербургской литературѣ, говоритъ, что сплетня и клевета гуляютъ здѣсь свободно во всѣхъ кружкахъ литературныхъ; — надобно поэтому думать, что «Русскій Вѣстникъ» едва ли не всѣхъ петербургскихъ литераторовъ признаетъ свиствующими. Само собою разумѣется, что «Свистокъ» лично за себя не только этимъ не оскорбляется, а еще и чувствительно благодаритъ «Русскій Вѣстникъ», иѣжно насвистывая при этомъ:

Какое счастье! честь какая!

Вѣдь если всѣ петербургскіе литераторы *свиствуютъ*, то «Свистокъ» составляетъ собой иѣкоторымъ образомъ эпоху въ литературѣ! Но не въ этомъ дѣло. Что же такое *сикофанство*? — Въ Атикѣ — видите ли, — былъ законъ, которымъ воспрещалось вывозить для продажи изъ Атики смоквы. Тѣ, которые слѣдили за нарушителями этого закона и доносили на нихъ, назывались *сикофантами*; отсюда въ презрительномъ смыслѣ стали называть *сикофантомъ* всякаго, кто посвящалъ себя иному занятію ради корысти или и безкорыстно, просто по влеченію сердца, — доносили на другихъ, — былъ ли то доносъ справедливый или ложный. Для чего «Русскій Вѣстникъ» за словомъ, обозначающимъ такое ясное для насъ дѣло и понятіе, отправился въ Грецію, — мы рѣшительно не знаемъ. *Лазутчикъ*, *шпіонъ*, *домосчикъ*, *шепотникъ*, *клеветникъ*, *ябедникъ*, *фискаль* — да что тутъ считать? Сколько у насъ можно набрать словъ для означенія сикофанства. Для выраженія какихъ нибудь другихъ понятій и предметовъ, гдѣ мы отстали далеко и отъ классическаго міра и отъ современной Европы; намъ, конечно, бываетъ нужда обратиться за словомъ въ современную Европу, а иногда въ крайнихъ случаяхъ даже и въ классическую древность. А ужъ для выраженія такого понятія, какъ сикофанство — *permettez vous* — намъ не только не зачѣмъ ходить въ Европу и тѣмъ болѣе въ классическую древность, — а пожалуй, мы бы и ихъ надѣлись еще словами для выраженія такихъ понятій, если бы они только были нужны. Г. Щебальскій недавно на основаніи историческихъ данныхъ доказалъ, что русскій народъ любовію къ доносамъ отличался еще до принятія европейской цивилизаціи, что у него какъ будто въ

сердцѣ есть расположеніе къ доносамъ.—«Русскій Вѣстникъ», вытѣсняя такое ужасное слово, какъ сикофанство, изъ могилъ классической древности, очевидно хотѣлъ—своею слѣпкомъ прѣпяую для петербургскихъ литераторовъ рѣчь — смягчить аттическою солью; но обвиненіе въ сикофанствѣ такая вѣдь вещь, которой ничѣмъ не смягчить....

Такъ вотъ какъ, читатель, переиѣняются времена! «Русскій Вѣстникъ», тотъ самый «Русскій Вѣстникъ», который назвалъ тому три года уничтожилъ бы всякаго дерзкаго, осмѣливагося назвать еврея жидомъ, который открывалъ временное бюро для протеста за евреевъ, темеръ не только соглашается самъ, что евреевъ можно и должно называть жидомъ, но не вооружается и противъ того, что съ именемъ жиды долженъ быть соединенъ обидный для евреевъ смыслъ!

Читатель видитъ, что изъ вопросовъ такъ-называемыхъ главныхъ, коренныхъ, не рѣшенъ еще положительно ни одинъ.... Мы все еще раздумываемъ: какъ бы ихъ рѣшить—то половчѣе? — Въ такомъ же неопредѣленномъ положеніи остаются и всѣ вопросы, болѣе частные, мелкіе. Г. Розенгеймъ — поэтъ, или нѣтъ? Н. Ф. Павловъ — философъ ли, или нѣтъ? Г. Лонгиновъ — библиографъ только, или должно признать въ немъ публицистическій и критическій талантъ за знаменитыя статьи его о князѣ Вяземскомъ? — Вѣроятно ли, чтобы г. Катковъ не сознавалъ, что между «Русскимъ Вѣстникомъ» до появленія въ немъ «Старыхъ боговъ и новыхъ боговъ», и между «Русскимъ Вѣстникомъ» послѣ появленія въ немъ «старыхъ боговъ и новыхъ» нѣтъ ничего общаго, что, говоря словами новаго «Русскаго Вѣстника», это вовсе не «одного поля ягоды»? Всѣ эти и другіе безчисленные обиденные, на каждомъ шагу встрѣчающіеся вопросы остаются безъ всякаго рѣшенія. Когда они рѣшатся, да и рѣшатся ли когда нибудь?

Изъ краткаго перечня нѣкоторыхъ только вопросовъ, нами сдѣланнаго, видно уже, какъ много поставлено ихъ въ настоящее время. Богатство ихъ умножается все болѣе и болѣе, возрастая день-отодня въ количествѣ неимоверномъ. Это доказываетъ несомнѣнно, что мы не спимъ, а движемся, — и движемся не то, что какъ бѣлка въ колесѣ, — а все впередъ, и впередъ; что наше движеніе есть движеніе поступательное, это несомнѣнно также доказывается тѣмъ, что мы рѣшаемъ вопросы не какъ нибудь, не сломя голову, а зрѣло обсуживаемъ ихъ цѣлыя годы; даже и тѣ, которые рѣшимъ, возвращаемъ изъ архивовъ снова назадъ, и снова начинаемъ обсуживать, — однимъ словомъ, ведемъ дѣло такъ благоразумно, такъ осторожно, что съ того времени, какъ мы получили возможность обсуживать разные вопросы путемъ такъ-называемой русской власности, мы не рѣшили

еще ни одного вопроса. Ясно, что богатство поднятыхъ и каждодневно поднимаемыхъ на вопросы—богатство не пусто. Такъ, по крайней мѣрѣ, убѣжденъ «Свистокъ».

Но вѣдь что значить убѣжденіе «Свистка»? Какъ ни благонамѣренно онъ думаетъ обо всемъ,—но убѣжденій его никто не ставитъ въ грошъ. Многіе готовы возстать противъ самой священнѣйшей истины—стоитъ имъ только услышать, что истину эту проповѣдуетъ «Свистокъ». Найдется, конечно, немало людей, которые скажутъ, что богатство вопросовъ, какъ бы оно велико ни было, все-таки въ существѣ дѣла не болѣе, какъ минусъ, какъ богатство призрачное, въ нѣкоторомъ родѣ пучъ.... Чтобы превратить поднятый вопросъ въ дѣйствительный капиталъ; надобно рѣшить его.... Да и этого еще мало: надобно рѣшеніе перевести въ жизнь....

«Свистку» приходится спуститься въ глубь науки, чтобы убѣдить невѣрующихъ, что тысячелѣтіе прожито нами даромъ.... И «Свистокъ» спустится. Хоть наука и не его собственно профессія, но когда всѣ ученые съ такимъ усердіемъ начали заниматься свистомъ, «Свистку», по необходимости, приходится взяться за ученые работы.

Никогда и вѣгдѣ наука не принималась такъ быстро, и не разцвѣтала такъ скоро, какъ у насъ. Назадъ тому полтораста лѣтъ мы еще не умѣли и читать, а ужъ имѣли академію. Нынѣ нѣтъ ни одной отрасли знанія, по которой у насъ не было бы своихъ ученыхъ представителей съ самостоятельною мыслию. Сія ученые стоятъ не только въ уровень съ таковыми же первоклассными учеными европейскими, но и иногда нарочито ихъ превосходятъ своими знаніями. Нѣтъ сомнѣнія, что Россійская академія для того главнымъ образомъ и печатаетъ свои бюллетени на иностранныхъ языкахъ, чтобы подѣлиться съ Европою открытіями Россійскихъ ученыхъ. Независимо отъ этого, многіе изъ нашихъ отечественныхъ писателей обогатили иностранныя литературы отдѣльными сочиненіями. Г. де Кокоревъ сдѣлалъ на французскомъ языкѣ множество такихъ экономическихъ открытій, что привелъ въ удивленіе даже Густава Молиари. Графъ Соллогубъ подарилъ французской сценѣ произведение, которое привело въ восхищеніе парижскихъ театраловъ. Г. де Жеребцовъ, де Семеновъ и многіе другіе приобрѣли немалую извѣстность въ другихъ родахъ иностранной литературы. Въ послѣднее время мы нашли нужнымъ вступить даже въ конвенцію съ нѣкоторыми европейскими землями относительно правъ литературной собственности, чтобы нашихъ умственныхъ богатствъ не расхищала Европа. Все это несомнѣнно доказываетъ процвѣтаніе у насъ самостоятельной мысли, къ которой съ жаждою прислушивается сама Европа.

И прислушиваться дѣйствительно есть къ чему. Мы обозначимъ здѣсь кратко тѣ результаты, которыхъ достигли мы по разнаго рода наукѣмъ.

Корень, изъ котораго всѣ науки получаютъ свои соки, есть безъ сомнѣнія философія. Философія явилась въ Россію очень рано, — и явилась не сама, — что также очень замѣчательно, — а по нашему усерднѣйшему приглашенію. Само собою разумѣется, что мы приняли ее очень любезно, какъ желанную гостью, помѣстили въ самомъ благословенномъ климатѣ нашей отчизны — въ Малороссіи, на берегахъ поэтического Днѣпра, указали ей ея обязанности, — и оставили въ покоѣ. За то и философія отплатила намъ самую деликатною любезностію съ своей стороны. Съ самаго своего прибытія въ Россію до настоящаго времени, она не мѣшалась ни въ нашу жизнь, ни въ бытъ, ни въ управленіе, ни въ науку, была всегда, такъ сказать, сама по себѣ, а мы сами по себѣ. Сыны благословенной Малороссіи, изучая самымъ усерднымъ образомъ философію, все-таки не могли уразумѣть — чѣмъ бы могъ жить различаться отъ собаки, равно какъ и того, что кромѣ искусства дѣлать сало и хорошія наливки, для чловѣческаго благоденствія на землѣ потребны и нѣкоторыя другія знанія. Съ тѣмъ же характеромъ полнаго безучастія ко всему, философія перешла изъ Кіева въ Великороссію и распространилась по всей Россіи. И такая сила истиннаго знанія, что въ то время, какъ на Западѣ явились и безслѣдно исчезли десятки философскихъ системъ, наша русская философія остается неизмѣнною и непоколебимою, какою была и при своемъ появленіи. Тѣхъ же самыхъ началъ и воззрѣній, которыхъ держались Григорій Саввичъ Сковорода и Іоанникій Голытовскій, держался и Епифаній Словеницкій, «а въ философіи и богословіи извѣстный дидаскалъ», — держится и современный намъ главный представитель кіево-русской философіи, г. Юркевичъ. Начало, изъ котораго исходитъ эта философія, составляетъ слѣдующее положеніе: *есть* не то только, что можно пощупать, но *есть* и то, чего пощупать нельзя, — или лучше сказать: то именно несомнѣнно только и *есть*, чего нельзя пощупать, а что можно пощупать, то *есть* только призрачно, мнимо, феноменально. Въ недавнее время нѣсколько существовать вооружились, къ общему изумленію всѣхъ россіянъ, претинъ истинности этого начала, утвержденного вѣками, и признаваемого отъ всѣхъ священнымъ, — но были, какъ и надобно было ожидать, разбиты въ пухъ и прахъ г. Юркевичемъ, при помощи «Русскаго Вѣстника», изучившаго греческую философію, какъ и всю классическую древность, по источникамъ. Въ одно почти время съ существованіемъ, П. А. Лавровъ, вѣроятно также неполнѣ довольный общепринятою въ Россіи философіей, хотѣлъ возвести новое зданіе

Философѣмъ, употребляя для построения его частію заграничный матеріалъ, частію мусоръ отечественный, — но, неволятый современниками, бросилъ свою работу почти въ самомъ началѣ. Обѣ попытки посвятить древнюю нашу философію исчезли безъ всякаго вреда для нея, можно бы сказать, пожалуй, безсѣдно, если бы онѣ не возбуждали въ юныхъ претендахъ полета къ самостоятельному мышленію. Юные претенды мечали свои философскія созерцанія съ луны, и пока держались тамъ, доставляли публикѣ неслыханное увеселеніе. Но спустившись на землю, произвели общее смятеніе совершенно безпричинною въ юныхъ лѣтахъ кровожадностію возвращеній. Кончилось тѣмъ, что благоразумные люди махнули на философію рукой, порѣшивъ, что въ Россіи никакой другой философіи, кромѣ кievской, не бывать.

Русская исторія, если считать отцомъ ея преподобнаго Нестора, началась многими вѣками ранѣе русской философіи. Начиная отъ Нестора до Карамзина, и даже до незабвеннаго для «Святска» историка М. П. Погодина и даже до г. Устрялова включительно, всѣ русскіе историки проповѣдовали, что въ русской землѣ, отъ начала ея и до нашихъ временъ, происходило все по неисповѣдимымъ судьбамъ, и хорошо происходило. За г. Устряловымъ явился г. Соловьевъ и сталъ доказывать, что въ нашей исторіи происходило все вовсе не по недовѣдомымъ для насъ судьбамъ, а напротивъ, очень ясно, по началу рода, и происходило такимъ именно образомъ: сначала славяне жили родами, въ которыхъ родоначальники были вмѣстѣ и старѣйшинами; затѣмъ роды распались, и явились общины съ старѣйшинами избирательными; между общинами и внутри ихъ возникли несогласія, раздоры, — и славяне, для внесенія наряда въ свою жизнь, призвали трехъ варяговъ съ ихъ родами содѣлать собою. Княжескій родъ, развиваясь по началамъ формы туземной, также впоследствии распался; на развалинахъ его образовались княжескія вотчины, которыя уничтожали туземныя общины, отнявъ у нихъ всю власть; затѣмъ хитрѣйшіе и смѣльчавшіе изъ княжескихъ вотчинниковъ, уничтоживъ слабѣйшихъ, собрали всю русскую землю въ одно мѣсто, и такимъ образомъ образовалась единоподержавіе. Явившійся за г. Соловьевымъ г. Костомаровъ утверждаетъ, что вся суть нашей исторіи состоитъ въ слѣдующемъ: были сначала самобытныя, отдѣльныя одна отъ другой славянскія земли, которыми владѣло земство каждой земли, и необходимое выраженіе его *елече*. Вѣча разныхъ земель, не умѣя сами управляться съ неурядицами земель, призвали для управленія собою цѣлый княжескій родъ, давъ членамъ его право владѣть отдѣльными землями каждому порознь, но совокупно съ вѣчемъ. Въ этомъ общемъ управленіи князя и вѣча, при самобытности земель, и шла русская исторія, пока князь москов-

скіе, прибравъ къ своимъ рукамъ земли, уничтожили выѣстъ съ тѣмъ и вѣча, и удѣльность князей. Каждое изъ этихъ трехъ міросозерцаній имѣетъ множество сторонниковъ и приверженцевъ. «Синтокъ», держась историческаго міросозерцанія гегелианскаго, полагаєтъ, что все, что было у насъ, — было непримѣнимо разумно, то есть, вслѣдствіе известной неизбежной необходимости быть, иначе бы и быть не могло, — и какъ всякая истина выходитъ на ясныя дѣла жизни только изъ борьбы противоположностей, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что нигдѣ столько различныхъ историческихъ міросозерцаній, мы сдѣлали въ наукѣ историческихъ большіе успѣхи, —

И къ истинѣ мы на прямомъ пути!
Прилежно только надобно учиться.

Выѣстъ съ самостоятельной разработкой русской исторіи необходимо должна была явиться и наука русскаго права. Она дѣйствительно и явилась, и растолковала намъ отиѣнно ясно, что означала была обычай, потому настала законъ; что законы въ разныя царствованія догонялись, измѣнялись; что въ существующемъ нынѣ Сводѣ Законовъ нельзя не видѣть несомнѣннаго вліянія законодательства разныхъ эпохъ; растолковала намъ затѣмъ, что такое грамоты *судимыя*, *безсудимыя*, *правыя*, *установыя*, *зубныя*, *врисавныя* и т. д.; что судѣбникъ Ивана III былъ хорошъ, потому что прежде и никакого не было; судѣбникъ Ивана IV еще лучше, Уложеніе еще лучше. Все это

Дѣтушки скушали, ложки обтерли, сказали: спасибо,

и... только.

Съ первыми попытками разработки русской, явилась у насъ и еще самостоятельная наука русская, археологія. Кажется, не было ни свѣтъ археологини, которая бы съ такимъ усердіемъ занималась своимъ дѣломъ, какъ наши. Матеріалы, ею собранныя, могли бы составить большую бібліотеку. Она сличала все, что сохранилось въ памяти народа о прежней жизни — ятѣси, сказки, преданія, легенды, поговѣицы и проч.; разсмотрѣла древнія жилища, одежды, утварь, мѣста общественныхъ собраний, ихъ разнообразныя принадлежности и украшенія, вскрыла множество могилъ и кургановъ, сличала надписи со всѣхъ сосудовъ, одеждъ, иконъ, колоколовъ, крестовъ и пр. и пр., пересмотрѣла до малѣйшихъ подробностей всѣ письменныя памятники, такъ что

Извѣстно ей все, — и то: на чемъ въ вѣки

Отъ насъ отдаленныхъ временъ

Писали подобные намъ человѣки?

И то: каковы именно родоцъ писемъ?..

Глаголицей, рунна, везю, уставомъ?

А также: чернильнъ, дружитъ ли составишь?

Казалось бы при такомъ грузѣ учености должна бы была выйдти интереснѣйшая археологія. А вотъ нѣтъ, не вышла. Какую бы вы ни взяли археологію въ руки—еврейскую ли, римскую ли, древности ли Геркуланума и Помпей, — вы не можете оторваться отъ нихъ. А кажется, чгѣ насъ могло бы интересовать въ этихъ археологіяхъ! Въ нихъ все чуждое для насъ; роднаго ничего. Но таково уже свойство прошедшей жизни, хотя бы и чуждой для насъ, что если изъ ней вырвана какал нибудь болѣе или менѣе цѣльная картина, то какія бы мелочи не изображала эта картина, онѣ сейчасъ обрисовываютъ намъ характеръ эпохи, нравы и духъ жившаго тогда человѣчества, заставляють невольно сравнивать прошедшее съ настоящимъ, и тѣмъ уясняютъ намъ насъ самихъ — предметъ, какъ извѣстно, самый интереснѣйшій для людей! Возьмешь русскую археологію, — видишь въ ней все свое, родное; тотъ же самый бытъ, который описываетъ она, продолжается еще и теперь въ видоизмѣненномъ видѣ, — кажется, какъ бы не заинтересоваться такимъ близкимъ сердцу предметомъ? А нѣтъ, прочтешь пять, шесть страницъ—голова отяжелѣетъ, точно отъ дурмана. Ужь кажется, какъ интересно описаніе новгородскихъ древностей, изданное, кажется, въ прошедшемъ году о. архимандритомъ Макаріемъ. Нѣтъ рѣшительно древней вещи, на которую бы трудолюбивый изыскатель не обратилъ самаго заботливаго вниманія. Всякая вещь вымѣрена, вывѣшена, описана до мельчайшихъ подробностей. Сняты со всякой вещи надписи, изъ которыхъ ясно видно, какъ, и кѣмъ, и когда она построена. Однимъ словомъ, когда подумаешь про себя, ясно видишь, что наукѣ дальше здѣсь и идти некуда, — все съѣла. А станешь читать, не ощущаешь никакого удовольствія; самыя ученѣйшія изысканія не только не веселятъ, а какъ будто грусть нагоняють. Даже Ярославле серебро нисколько не утѣшаетъ. Если на чемъ и случается временемъ отвести душу, то развѣ только на библиографическихъ извѣстіяхъ г. Лонгинова. Отчего же, спрашивается, все это зависитъ? Отчего нравятся намъ иностранныя археологіи, и отчего не нравятся наши собственныя, родныя, русскія? — Оттого, что очень мы уже ученостию—то иностранцевъ превзошли. Старасмя насовать вездѣ учености, учености и учености. Кто противъ учености? — Но не все же учепость, индѣ бываетъ и хотъ какал нибудь человѣческая мысль нужна.

Назадъ тому нѣсколько лѣтъ явилась въ Россіи новая наука—экономическая. Рожденная не въ нашей сторонѣ; чуждая нашихъ нравовъ и обычаевъ, нашей исторической жизни, незнакомая съ условіями страны, она пришла въ ужасъ отъ того; что у насъ увидѣла.

Приверженцы западной экономической науки, хотя и восторженные у нас дома, общиннымъ дѣломъ, гремѣли во имя принципа противъ существующаго у насъ общиннаго землевладѣнія, въ немъ видѣли причину застоя у насъ земледѣлія, всеобщей дѣли, отращенія къ труду въ народѣ, и находили необходимымъ — общинное владѣніе землею замѣнить владѣніемъ на правѣ дѣльной собственности, а затѣмъ лежавшія впускѣ государственныя земли продать или передать немедленно въ частныя руки, въ несомнѣнной увѣренности, что, сдѣлавшись частною собственностію, земли эти не будутъ уже лежать впускѣ, а будутъ немедленно разработаны. Противъ ученыхъ экономистовъ, быть можетъ и очень талантливыхъ, но увлеченныхъ чужимъ ученіемъ, вовсе не приспособленнымъ къ нашему быту, возстали одни только свистуны, доказывая съ одной стороны всю нецѣлность мысли ниспровергать насильственно бытъ, сложившійся вѣками (а «Русскій Вѣстникъ» говоритъ, что свистуны того и смотрять, какъ бы что уничтожить!); съ другой стороны отвергая сомнительное превосходство для насъ европейскаго способа владѣнія землею предъ нашимъ общиннымъ. Съ какимъ презрительнымъ взглядомъ смотрѣли тогда на свистуновъ ученые экономисты! О такомъ общеизвѣстномъ, неподлежащемъ никакому спору предметѣ, какъ превосходство землевладѣнія на правѣ собственности предъ владѣніемъ общиннымъ, имъ, казалось, и говорить смѣшно. А вотъ теперь, и тамъ и сямъ, да и сдвали не вездѣ начинаютъ поговаривать, что общинное владѣніе землею, дескать, дѣло хорошее, даже очень хорошее. Вотъ не дадѣе, какъ въ № 1 «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей», думающихъ, какъ извѣстно, совершенно тождественно съ «Отечественными Записками» (а кто же не знаетъ, какъ сильно нѣкогда стояли «Отечественныя Записки» за право собственности, обличая свистуновъ въ незнаніи первыхъ началъ политической экономіи!) въ статьѣ «862—1862» мы прочли между прочимъ слѣдующее:

«Въ настоящее время, то есть, съ начала нынѣшняго вѣка, переловые люди Западной Европы обратили наконецъ вниманіе на свою коренную и главную болѣзнь, и стали придумывать различныя средства для ея исцѣленія. Уже прежнія философскія системы, имѣвшія предметомъ устройство государства, оказались совершенно несостоятельными. Многие поняли, что то или другое устройство правительственной системы не можетъ никогда привести къ хорошему результату, пока общество будетъ сохранять свои устарѣлыя понятія или свойства, а потому обратили вниманіе на самое общество, въ перестройкѣ котораго и стали искать спасенія. Результатомъ этихъ философскихъ изысканій явились новыя экономическія ученія.... Конечный результатъ, къ которому должны привести эти ученія по мнѣнію

къ послѣдователей, — будетъ уничтоженіе права личности въ пользу общества, а слѣдствіемъ этого — уничтоженіе монополій и пролетаріата....»

Для тирада — благородное, жертвенное самозакланіе «Отечественныхъ Записокъ» на алтарь поэтики и побѣднѣй трофеѣ свѣстунуовъ. Само собою разумѣется, что при такомъ величественномъ зрѣлищѣ не можетъ не торжествовать и «Свистокъ», радуясь доблестямъ и славѣ достойныхъ сыновъ своихъ.

Мы не будемъ говорить объ успѣхахъ въ другія нашихъ наукъ, потому что боимся утомить вниманіе читателей. Не бойся мы этого, мы со всею очевидностію доказали бы, что и во всѣхъ наукахъ получены нами результаты не менѣе богатые, какъ и въ тѣхъ, о которыхъ вели ны рѣчь.

Оставляя однакожь науку, не можемъ не сказать и немножко словъ о нашей поэзи. Въ теоріи поэзи признавались у насъ, какъ известно, два начала: первое гласило, что искусство должно существовать только для искусства; второе, что искусство должно служить общественнымъ интересамъ. Соціальное начало, послѣ недолговременной борьбы, одержало торжественную побѣду надъ абстрактнымъ, и теперь вся почти наша поэзія превращалась въ социальную. Работы отъ этого вышли поэмъ, романамъ, балетристамъ должно бы было повидному прибавиться очень много. Потому что, вѣдь, что же требовалось для прежней поэзи?... Можно сказать, что ничего, или, по крайней мѣрѣ, весьма немного.... Требовалось, положимъ, знаніе человѣческаго сердца, знаніе способа проявленія въ немъ разныхъ бурныхъ страстей, въ особенности любви, требовалось загнѣть знаніе словосочиненія, грамматики.... но это вѣдь ужъ мелочи. Все это такія знанія, которыя изученія и труда никакого не требовали. Потому что какой же талантъ не знаетъ человѣческаго сердца или тамъ проявленія разныхъ страстей? Наши по крайней мѣрѣ романисты, балетристы — всѣ знали это все, какъ свои пять пальцевъ, и никогда себя не обременяли никакимъ изученіемъ. Ну, а поэзія социальная — это совсѣмъ другое дѣло, — дѣло, такъ сказать, весьма деликатное. Какой вы вопросъ въ обществѣ не затронете, — положимъ, отношеніе родителей къ дѣтямъ, положеніе женщины, отношеніе мужскаго пола къ женскому, благородныхъ къ благороднымъ, — вопросы, повидному обыкновенные, а для рѣшенія ихъ, Богъ-знаетъ, какихъ свѣдѣній не потребуется. Надобно быть знакомымъ и съ философіей, и съ исторіей, да и не съ той исторіей, которая читается у насъ въ заведеніяхъ, а съ исторіей совершенно другаго рода, и разными Staats и Gesellschaftslehre, да и какой нибудь свой взглядъ имѣть, если не самостоятельный, то по крайней мѣрѣ цѣльный, на устройство всего об-

пественнаго организма. Однимъ словомъ, требуется многое. Мы боимся, что съ надеженіемъ искусства для искусства наши романисты и беллетристы призамолкнутъ или ограничатся одной обличительной повѣстью, которая, какъ извѣстно, никакимъ знаніемъ не требуетъ. Ибо она перестройкой существующихъ отношеній не занимается, а только исправляетъ и наказуетъ существующія злоупотребленія. *N* беретъ влѣтѣи, — слѣдовательно онъ негодяй; *S* достигъ важнаго поста пронырствомъ, а не достоинствомъ личнымъ, — слѣдовательно онъ подлець; *Z* обидѣлъ бѣднаго члвочника, сказавъ ему нечаянно вѣсто: милостивый государь — дуракъ, — слѣдовательно онъ отсталый; — таковыя и подобныя не замысловатыя сюжеты очерпываютъ все содержаніе обличительной повѣсти. Наши описанія относительно затрудненій, въ какія будутъ поставлены романисты и беллетристы новымъ направленіемъ повѣсти, ни мало однакожь не оправдались. Романы, повѣсти, рассказы и другіе роды повѣсти — пошли на новомъ социальномъ основаніи ни чуть не хуже, а пожалуй, еще и лучше, чѣмъ были прежде на основаніи «искусства для искусства». Наши романисты и беллетристы, Богъ ихъ ужъ знаетъ какъ, а какъ-то ухищраются обходиться безъ свѣдѣній и въ новомъ направленіи, какъ обходились и въ прежнемъ. А между тѣмъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ послѣднее время повѣсти: наша сбѣжала громадные шаги впередъ. Содержаніе прежней повѣсти было слѣдующее: *эротической*: 1) онъ ее любилъ потому, что образъ ея одинъ изъ всего женскаго пола предносился его уму задолго прежде, чѣмъ онъ ее встрѣтилъ; во той же самой причинѣ любилъ и она его; потому они, несмотря на всѣ препятствія со стороны родныхъ, и сочетались законнымъ бракомъ; 2) онъ и она любили другъ друга по тѣмъ же самымъ причинамъ; но она къ ужасу своему узнала, что онъ очень равнодушенъ къ одной или нѣсколькимъ дамамъ, образъ которыхъ, очевидно, ему не предносился прежде. Съ отчаянія она хотѣла себя отравить ядомъ, но обстоятельство расположились такъ, что вышла замужъ за одного артиллерійскаго капитана, образъ котораго ей не предносился, и прожила жизнь въ постоянной меланхоліи или счастливо (такъ или иначе, — зависѣло отъ воли автора); 3) они любили другъ друга по причинамъ вышеизясненнымъ, но она полюбила другаго, который хорошо говорилъ объ Италіи и имѣлъ тысячу дукъ, и тутъ только поняла, что образъ именно этого и предносился ей, а не прежняго, въ чемъ послѣднему и призналась откровенно; а послѣдній хотѣлъ застрѣлиться, но по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ не застрѣлился, а остался на всю жизнь въ меланхолическомъ состояніи или женился прозаически (то или другое зависитъ отъ воли автора); II, *мъжно* *идиллической*: онъ и она любили другъ друга, не предносившись другъ

другу до встрѣчи. — безъ любви пламенной, связанные болѣе привычкой, сочетались бракомъ, всю жизнь вмѣстѣ завтракали, обѣдали, ужинали и умерли; III, *комической*: одинъ залѣзъ подъ столъ, другой оттуда его вытаскивалъ за ногу. — Такова была поэзія прежняя; новая поэзія тѣ же самыя темы развиваетъ совершенно въ другомъ родѣ. 1) *эротическая*: она любила его, потому что онъ поставилъ себѣ цѣлю жизни освободить Болгарію; онъ любилъ ее за ея сочувствіе къ славянскимъ племенамъ, и они, несмотря на препятствія со стороны родныхъ, сочетались законнымъ бракомъ; 2) она его любила пламенно за его пламенные рѣчи о меньшихъ братіяхъ, о цивилизаціи, прогрессѣ; онъ любилъ ее за сочувствіе всему новому, живому, за вниманіе къ его рѣчамъ; она узнала стороною, что онъ беретъ взятки, презрѣла его и вышла замужъ за учителя грамматики, который о новыхъ идеяхъ не говорилъ ничего и увлечь ее не могъ, но о которомъ достоверно было извѣстно, что онъ взятку не беретъ; 3) онъ ее полюбилъ за то, что она по своимъ занятіямъ была выше другихъ женщинъ, говорила съ душою о равноправности людей, объ эманципаціи женщинъ, — но когда узналъ, что она сильно прибила свою горничную, презрѣлъ ее и женился на своей вольноотпущенной, съ твердою цѣлю воспитать ее въ новыхъ идеяхъ; II) *младо-идиллическая*: онъ и она не умѣли краснорѣчиво говорить ни о прогрессѣ, ни о чемъ бы то ни было и, само собою разумѣется, что пламенно другъ друга полюбить не могли; но и онъ, и она заботились объ учрежденіи воскресныхъ школъ; отъ этой общей симпатіи къ общеплезному дѣлу получили симпатію другъ къ другу, сочетались бракомъ, всю жизнь провели въ совѣтахъ о воскресныхъ школахъ, устройствѣ ихъ, заботахъ о нихъ, и оба умерли въ воскресной школѣ; III) *комическая*: одинъ, залѣзая подъ столъ, произноситъ торжественно: «человѣческая природа во всѣхъ положеніяхъ равноправна». Другой, вытаскивая его за ногу, говоритъ не менѣе торжественно: «не пустыми словами, а самымъ дѣломъ должны мы помогать нашимъ меньшимъ братіямъ.»

Можетъ быть, да и не то, впрочемъ, что можетъ быть, а мы знаемъ это навѣрное, что найдутся люди, которые не удовлетворятся результатами, добытыми нами въ разныхъ наукахъ, скажутъ, что результаты эти такъ незначительны, что достигнуть ихъ, проживъ тысячу лѣтъ, значить почти то же, что ничего не сдѣлать.

И такимъ у насъ есть отвѣтъ, — и мы сообщаемъ его тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что а) онъ повторяется уже нѣсколько лѣтъ нашими учеными, литераторами и вообще патриотами, какъ скоро имъ сдѣлаютъ обидное замѣчаніе въ такомъ родѣ, что, дескать, Россія не Богъ знаетъ какъ далеко ушла, — и слѣдовательно противорѣчить здѣсь намъ никто не будетъ; и что б) намъ даже не нужно при-

думывать, какъ его выразитъ. Авторъ вышеупомянутой нами статьи «1862—1862» уже потрудился за насъ, — и намъ остается только воспользоваться его трудомъ.

«Есть, — говоритъ онъ, — сказка у нашего народа объ «Ильѣ Муромцѣ», который тридцать лѣтъ и три года сидѣлъ сидѣлъ на печи, ничего не дѣлалъ, но росъ богатырски, на удивленіе всему народу. Ни упреки родныхъ за лѣность, ни жалобы ихъ на такую бесполезную жизнь, — ничто не помогало. Илья сидѣлъ все на печи, ѣлъ, пилъ и спалъ, да думалъ крѣпкую думушку — пока не ударитъ часъ его жизни. Тогда онъ всталъ, и земля задрожала подъ его ногами.

«Это про себя народъ нашъ сложилъ сказку. И Россія, какъ Илья Муромецъ, все росла, да росла, какъ будто ни о чемъ не думая, какъ будто ничего не дѣлая.... Она все расправляла члены, раздвигала себѣ границы, какъ видно готовясь на большемъ просторѣ заявить современемъ свою жизнь».

Ну, а теперь и пошла, и пошла, и пошла.... Само собою разумѣется, пошла подъ предводительствомъ «Свистка», по крайней мѣрѣ при его усердномъ содѣйствіи.... Казалось бы, такъ?

Но вотъ въ томъ и дѣло, что съ этимъ не хотятъ согласиться даже тѣ, которые убѣждены, что Россія идетъ впередъ. Они о «Свисткѣ» мнѣнія самаго не лестнаго, и говорятъ, что не только подъ предводительствомъ такого гуся, какъ «Свистокъ», но даже и вмѣстѣ съ нимъ идти впередъ никакъ невозможно. И современное движеніе опровергаютъ именно потому, что оно проникнуто свистомъ. Такъ думаютъ всѣ передовые органы нашей мысли, хотя сами, какъ мы уже сказали выше, свистятъ во всю мочь, — какъ-то: «Русскій Вѣстникъ», «Наше Время», «День» и многіе другіе. Но что всего удивительнѣе для насъ, такъ это то, что даже Николай Ивановичъ Костомаровъ придерживается того же мнѣнія. Сейчасъ мы получили его «Тысячелѣтіе» и въ немъ, къ изумленію нашему, прочли, что въ настоящее время нѣтъ никакого движенія, а лишь только мракъ движенія, иллюзія, обманъ, что и передовыхъ людей — людей идей — вовсе нѣтъ, а есть передовые люди моды — личности наиболѣе неспособныя и пустыя. Такъ Н. И. Костомаровъ характеризуетъ наше время и наше движеніе, въ самыхъ видныхъ рядахъ котораго стоитъ онъ самъ. Не повѣрять ему — трудно, — даже для «Свистка» трудно. Повѣрять — страшно, даже и для «Свистка». Неужели все, что мыслится теперь у насъ, что является въ прессѣ, что дѣлается — такъ-таки положительно ничего, ничто чистое, абсолютное? — Неужели всѣ личности, дѣйствующія теперь мыслию ли, словомъ ли, дѣломъ ли — всѣ такъ-таки личности наиболѣе неспособныя и пустыя?

А такъ точно оно, дескать, и есть, отвѣчаетъ Н. И. Костомаровъ, — и вотъ почему:

У насъ вовсе нѣтъ прогресса, а есть только мода. «Свойство моды, — говоритъ Н. И., — мѣняться и не имѣть разумнаго основанія. Когда только занимается мода въ чемъ бы то ни было, тотъ непременно одержимъ болѣзнію пустоты, безсмыслія и неспособности ни къ умственному, ни къ гражданскому подвигу.»

Полагаемъ, что послѣдній пунктъ непременно долженъ быть опечаткой, которой не примѣтили «Санктпетербургскія Вѣдомости». Вѣдь мода занимается и «Отечественныя Записки». Иначе онѣ не предлагали бы для своихъ читателей картинокъ дамскихъ и даже мужскихъ модъ? Неужели и онѣ одержимы болѣзнію пустоты, безсмыслія и неспособности ни къ умственному, ни къ гражданскому подвигу? — Признаемся, мы сильно усомнились въ справедливости словъ Н. И. Костомарова, не повѣрили даже и тому, что свойство моды—не имѣтъ никакого основанія. Не довѣря однакожъ много и самимъ себѣ, мы пожелали въ извѣстный всѣмъ Conversations-Lexicon Брокгауза справиться: какъ думаютъ о модѣ нѣмцы, — и нашли вотъ что:

«Подъ модою вообще разумѣется все, что въ извѣстномъ мѣстѣ вошло въ нравы и привычку относительно образа дѣйствій, обращенія съ другими, относительно платья, устройства и убранства жилищъ, — однимъ словомъ, относительно образа жизни; въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, модою называется принятый всѣми обычай одѣваться, причемъ, впрочемъ, словомъ: мода—обозначается болѣе измѣняющееся, быстро исчезающее во внѣшнихъ формахъ жизни, нежели постоянное и твердое. Перемѣна и разнообразіе модъ зависитъ отъ большей или меньшей цивилизаціи, обращенія съ другими, развитія индустріи и богатства народа, равно какъ отъ географическаго положенія и политическаго устройства страны. Чѣмъ бѣднѣе, необразованнѣе, малочисленнѣе народъ, чѣмъ онъ изолированнѣе отъ сношеній съ другими народами, тѣмъ менѣе мода подвержена въ немъ переменамъ. То же самое бываетъ съ модою, когда деспотизмъ препятствуетъ свободному ея развитію, какъ, на примѣръ, въ большей части азіатскихъ государствъ, или гдѣ постоянное плѣсеневіе въ старыхъ обычаяхъ и порядкахъ и враждебное отношеніе ко всему чужому, какъ, на примѣръ, въ Китаѣ, — дѣлаетъ умъ человѣка одностороннимъ, ни къ какому движенію неспособнымъ. Гдѣ, напротивъ, индивидуальная свобода и вкусъ всагда имѣютъ просторъ, гдѣ постоянныя сношенія съ другими націями расширяютъ умственный кругозоръ, гдѣ наконецъ, вслѣдствіе развитія туземной индустріи, матеріальное благосостояніе народа находится въ цвѣтущемъ состояніи, — тамъ образъ жизни частныхъ лицъ, ихъ домашняя обстановка, платье, наряды

непремѣнно должны подвергаться самымъ частымъ переменамъ. Поэтому надобно быть очень одностороннимъ или имѣть взглядъ слишкомъ узкій, чтобы безусловно осуждать моду. Мода оживляетъ индустрію, и охудать ее можно только тогда, когда ее доводятъ до глупаго франтовства, когда изъ-за нея забываютъ серьезные дѣла, когда ею вводятъ разстройство въ домашнюю жизнь, и мелочи дѣлаютъ главною цѣлію жизни. На Францію всегда смотрѣли какъ на страну моды; но Англія имѣетъ не менѣе правъ на это, и должно сознаться, что въ странномъ и уродливомъ покроѣ платья британскіе петиметры большею частію оставляли за собою далеко французскихъ.»

На такомъ широкомъ основаніи ставятъ моду нѣмцы, разсматривая ея *raison d'être* въ семь грѣшномъ мірѣ. Въ своемъ движеніи, мода можетъ быть разсматриваема или какъ полное отрицаніе прежняго, существовавшего обычая, или какъ мелкое видоизмѣненіе обычая уже существующаго. Въ первомъ случаѣ мода не можетъ не имѣть разумнаго основанія; во второмъ она, конечно, можетъ являться иногда и безъ разумнаго основанія, по прихоти, по капризу. Каждый обычай вѣдь, какъ бы долго онъ ни существовалъ, хотя бы по китайскому лѣтосчисленію прожилъ сотню вѣковъ, — былъ когда нибудь непремѣнно модой, потому что онъ замѣнилъ собою обычай древній. И если онъ принятъ большинствомъ людей образованныхъ, то непремѣнно надобно думать, что прежній обычай оказывался въ чемъ нибудь неудобнымъ, и что новый, заступившій его мѣсто, устранялъ эти неудобства. Возьмемъ, наприимѣръ, хотя сюртуки, фраки и прочую нашу одежду европейскую. Теперь эта одежда вошла въ обычай образованнаго общества въ Россіи. А вѣдь когда-то этотъ обычай былъ моднымъ у насъ, да еще какъ моднымъ-то! И была причина, для своего времени весьма достаточная, почему мода на фраки, сюртуки вытѣснила бывшіе въ общемъ употребленіи кафтаны, охабни и т. п. Для каждаго легкаго видоизмѣненія покроя фраковъ и сюртуковъ причинъ, можетъ быть, и не приберешь. Но вѣдь эти видоизмѣненія, какъ мелкія и незначительныя, и не разрушаютъ той мысли, вслѣдствіе которой принята и доселѣ держится мода на сюртуки и фраки. Потому стоитъ ли и толковать о томъ: разумны они или неразумны? — Такъ точно мода дѣйствуетъ и въ наукѣ, и въ воззрѣніяхъ на дѣла общественныя и т. д. Возьмемъ, наприимѣръ, хоть русскую исторію. Прежде историки наши были такого мнѣнія, что въ исторіи нашей все плелось такъ, какъ плелось, по судьбамъ несповѣдимымъ. Явился г. Соловьевъ съ полнымъ отрицаніемъ такого страннаго взгляда, и указалъ начало, изъ котораго развивалась жизнь, — правильное или нѣтъ, — это другой вопросъ; мнѣніе его вытѣснило прежнія и сдѣлалось моднымъ, потому именно, что оно было разумнѣе прежнихъ; за г. Соловьевымъ явился

г. Костомаровъ—съ полнымъ отрицаніемъ начала, указанного г. Соловьевъ, и показала другую идею въ развитіи событій; новое мнѣніе вытѣснило мнѣніе г. Соловьева и сдѣлалось моднымъ, опять потому, что оно было признано болѣе разумнымъ, чѣмъ преждее. Между тѣмъ и въ то время, когда была мода на исторію Карамзина, и въ то время, когда была мода на исторію г. Соловьева, и теперь, когда не прошла еще мода на историческое міросозерцаніе г. Костомарова, всегда были въ историческихъ какихъ нибудь частностяхъ особыя мнѣнія отъ общаго моднаго взгляда на всю исторію, не подрывавшія однако этого взгляда въ основаніи. Эти особыя мнѣнія о разныхъ частностяхъ и можно назвать легкими видоизмѣненіями моды. Они то же самое, что въ модѣ — на сюртуки, фраки — расширеніе или суженіе рукавовъ, фалдъ, полъ и т. д., не измѣняющія основной формы фраковъ или сюртуковъ.

Все это говоримъ мы къ тому, что существующія въ настоящее время идеи тогда только можно было бы назвать модными въ томъ смыслѣ, въ какомъ кочетъ называть Н. И. Костомаровъ, то есть, легкими, капризными явленіями мысли, когда бы они были только легкимъ видоизмѣненіемъ принятыхъ обычаевъ, порядковъ, формъ, не измѣняющимъ ихъ существеннаго смысла. Онѣ, напротивъ, представляютъ полное, или такое отрицаніе всего этого; что прошедшее никакъ не можетъ уложиться вмѣстѣ съ ними. А между тѣмъ новыя идеи принимаются уже и теперь большинствомъ образованнаго общества. Отсюда несомнѣнно слѣдуетъ: 1) что большинствомъ образованнаго общества сознаема несостоятельность прежнихъ обычаевъ, порядковъ, формъ; что 2) новыя идеи имѣютъ непременно что нибудь такое, что устраняетъ усмотрѣнную въ прежнихъ обычаяхъ, формахъ, порядкахъ несостоятельность, а потому непременно имѣютъ и разумное основаніе для своего существованія.

Н. И. Костомаровъ думаетъ не такъ. Сказавъ, что мода не имѣетъ никакого разумнаго основанія, что кто держится моды въ чемъ нибудь, тотъ безсмысленъ и неспособенъ ни къ какимъ подвижамъ, онъ продолжаетъ такъ:

«Иные въ явленіяхъ моды видятъ соотношеніе съ прогрессомъ и противопоставляютъ ей обычай, въ которомъ находятъ застой и рутину. Тѣ ошибаются, которые такъ смотрятъ. Мода имѣетъ тѣ же отрицательныя стороны, какія есть въ обычаяхъ, и не имѣетъ положительныхъ сторонъ послѣдняго. Сходство между ними въ одинаковомъ устраненіи мысли и критики... Различіе между модой и обычаями то, что въ обычаяхъ, при отсутствіи мыслительной критики своихъ убѣжденій и поступковъ, участвуетъ сердце; въ модѣ нѣтъ его, тамъ

холодная пустота и бесплодное воображеніе, творящее даже исчерпанные образы, а не ясныя тѣни, облачные призраки. Передовые люди въ сферѣ обычая — всегда лучшія личности; въ сферѣ моды напротивъ: *тутъ передовыя личности — наиболѣе неспособныя и пустыя.*

Все это слова; слова и слова! Кого назвать передовыми людьми въ сферѣ обычая? — Тѣхъ ли, которые крѣпче и упорнѣе его держатся? Если да, то ужь передовые люди обычая никакъ не могутъ быть лучшими людьми. Ибо извѣстно, что тѣмъ члѣвѣкъ ограниченнѣе, одностороннѣе, тѣмъ всегда онъ крѣпче сидитъ въ обычай. Если же передовыми людьми обычая назвать тѣхъ, которые смотрятъ на обычай разумно, самостоятельно, понимаютъ слабыя и неудобныя его стороны, и готовы всегда замѣнить его лучшимъ, если оно имъ представится, — то такіе люди уже не будутъ людьми обычая, а будутъ именне люди моды. Далѣе, если понимать моду, какъ легкія видоизмѣненія въ сферѣ существующаго обычая, то люди такой моды могутъ быть и неспособныя, чуждыя личности. Но когда мода является, какъ полное отрицаніе существующаго обычая, то тутъ съ одними пустыми и неспособными людьми ничто не подѣлано. Чтобы пошатнуть обычай, надобно выдѣлнить слабыя его стороны, указать достоинство новыхъ идей, вести борьбу съ передовыми людьми обычая, часто подкрѣпляемыми не одними аргументами мысли, но и другими средствами. Если бы передовые люди обычая стояли всегда выше людей моды, то никогда никакой моды не пошатнулся бы, и никакая мода не могла бы заступитъ его мѣсто и сама превратиться въ обычай.

«Мы не говоримъ, продолжаетъ Н. И., — передовые люди идей, которыя, по несчастію, дѣлаются игрушкой моды, но разумѣемъ передовыхъ людей именно моды. Если идеи не воплощаются въ міръ прочныхъ явленій, то значитъ — перваго рода передовыхъ людей нѣтъ; все вращается въ одной модѣ».

И опять нѣтъ, опять что-то не такъ. Какой бы тамъ взять примѣръ, чтобы показать что воплощеніе идей въ міръ прочныхъ явленій не можетъ доказывать отсутствіе передовыхъ людей. Ну, да возьмемъ воть хоть примѣръ для всѣхъ безспорный — христіанство. Нѣтъ сомнѣній, что передовые люди были въ обществѣ христіанскомъ и въ самомъ началѣ его. А вѣдь было время, и тнулось оно не мало, когда христіанское общество состояло почти изъ однихъ апостоловъ, когда идеи его не встрѣчали нигдѣ пріивѣта и не воплощались въ міръ прочныхъ явленій? — Да и что называетъ Н. И. воплощеніемъ идей въ міръ прочныхъ явленій? — Почему онъ думаетъ, что современныя идеи прогресса извѣстнымъ образомъ не воплощаются въ

міръ прочныхъ явленій, такъ точно, какъ воплощались при первомъ своемъ явленіи и идеи христіанства, какъ воплощаются и всѣ новыя идеи!

Здѣсь мы окончиваемъ полемику съ Н. И. Костомаровымъ, хотя и душевно желали бы продолжать ее, потому что, какъ хотите, вріяно заниматься разсужденіемъ о предметахъ возвышенныхъ, а для «Свистка» это даже и полезно, репутацію приобретаетъ. Волжій скажетъ: вотъ, дескать, какъ нынѣ «Свистокъ»-то! не пустынями какиминибудь занимается, а разсуждаетъ о предметахъ возвышенныхъ, даже съ Н. И. въ споръ вступилъ. И мы все-таки, несмотря на это, окончиваемъ полемику съ Н. И. Костомаровымъ, окончиваемъ потому, что знаемъ впередъ, что сколько бы мы ни полемизировали, намъ не повѣрять, а повѣрять Н. И. Костомарову. Мы даже сами, какъ ни основательно опровергали Н. И., не очень доверяемъ себѣ: можетъ быть оно какънибудь и въ самомъ дѣлѣ такъ, что Н. И. говоритъ правду.

Для насъ одно прискорбно, что Н. И. прервалъ потокъ нашего краснорѣчія. Когда мы, разсмотрѣвъ научные труды въ Россіи, хотѣли обратиться къ современнымъ намъ людямъ и на нихъ остановиться, какъ на лучшихъ свидѣтельствъ тѣхъ блестящихъ усилій, какіе мы сдѣлали въ теченіе тысячелѣтія, какъ вдругъ подумали «Тысячелѣтіе» Н. И. Костомарова, съ такимъ заявленіемъ, что людей-то именно у насъ и нѣтъ, то есть нѣтъ людей идей, что наши *предковыя люди* — не болѣе, какъ личности *маболѣе пустыя и неспособныя*.

Что жъ дѣлать? — Надо покориться судьбѣ и оставить современныхъ передовыхъ въ покоѣ, когда они не могутъ служить показателями нашего движенія впередъ. Куда жъ намъ еще обратиться, чтобы увидѣть плоды тысячелѣтней жизни нашей? — Въ наше прошлое? Но что же тамъ-то?

«Старое житье-бытье, говоритъ о немъ Н. И., обрассываетъ съ себя вѣковую плѣсень: намъ слышится сотни рано погибшихъ надеждъ, бесполезно растроченныхъ силъ, вопль миллионовъ страдающихъ, погибшихъ съ апоки ломовыхъ бѣдствій, безъ участія современниковъ, неоплаченныхъ потомствомъ, забытыхъ исторіею — звѣрской разгулъ произвола, тяжкая скорбь безвыходнаго терпѣнія.»

Таково наше прошлое! Стоитъ ли идти туда? Конечно, не стоитъ. «Но есть, говоритъ Н. И., — прошлое и у насъ, на которомъ стоитъ остановиться и даже нѣкоторымъ образомъ и вернуться, — говоритъ, — къ нему — не иѣшаетъ; но вернуться не въ томъ смыслѣ назадъ, чтобы намъ терять плоды всего нашего тысячелѣт-

него развитія, возвращаться къ патриархальной простотѣ разумнѣи предковъ и къ тѣлому горизонту ихъ знаній и опыта, — а въ смыслѣ простоты дѣйствія и рѣшимости, съ какою, по разсказу нашего лѣтописца, поступили они въ важномъ дѣлѣ заклада русскаго полноческаго общества». «Посмотрите, говоритъ Н. И., какъ они дѣйствовали! 1) Жили они на большомъ пространствѣ разрозненно, а всѣ соединились единодушно, чтобы прогнать притѣснявшихъ ихъ варяговъ; 2) всѣ поняли, что имъ самимъ въ дѣлѣ управленія ничего не подѣлать, — и опять соединились всѣ, чтобы призвать князей; 3) призвали они князей не изъ тѣхъ варяговъ, которыхъ выгнали, а изъ другихъ; 4) призвали «не раболѣбно, но съ самоуниженіемъ, но откровенно сознаваясь въ неустройствѣ своей земли»; 5) призвали князей «не изъ сильнаго и вліятельнаго народа, напротивъ, изъ такого незначительнаго, который, взошедши въ славянскій міръ, не только не внесъ туда какихъ-либо постороннихъ элементовъ, но скоро даже память его происхожденія затерялась».

Въ самомъ дѣлѣ, сколько мудрости-то! Подлинно, есть чему поучиться!

Перестанемъ же, — говоритъ Н. И., — повторять медную фразу: впередъ! Лучше: назадъ! «Даже назадъ къ половинѣ IX вѣка, за тыщу лѣтъ!»

Ну, что же: назадъ, такъ назадъ! «Свистокъ» и на это согласенъ. Только отправляясь назадъ, «Свистокъ» надобно непременно съ собой захватить. Безъ него дѣло не обойдется и въ понятномъ шествіи. Какъ разъ можно вдатся въ какія нибудь сантиментальныя объясненія вещей самыхъ не хитрыхъ, затѣвъ впасть въ опасныя увлеченія въ родѣ славянофильскихъ, норманскихъ и т. и., а затѣмъ потерять возможность даже и назадъ идти, а просто-на-просто своротить съ дороги въ дѣбри и засѣсть въ нихъ такъ, что потомъ уже не вытащить оттуда никакая сила. Разительный примѣръ такого опаснаго, безысходнаго положенія — Рогожское кладбище.

Здѣсь «Свистокъ» можетъ съ торжествомъ закончить свою рѣчь; ибо теперь, подражая, для воѣхъ сдѣлалось ясно и несомнѣно, что безъ «Свистка» истинный прогрессъ совершенно невозможенъ, что «Свистокъ» необходимъ всюду — и въ наукѣ, и въ жизни, и въ поэзіи, и въ поступательномъ, и въ понятномъ шествіи.

III.

REQUIEM

(Рано погибшим надеждам).

«Надежды, надежды — нашъ сладкій удѣлъ!»
Изъ неизвѣстнаго поэта.

Свершилось! Нашъ юный ученый смѣжилъ
Для смысла и истинны очи.
Какъ жаль! Хотъ бы что нибудь онъ совершилъ!
А то ничего! Нѣту мочи,
Досадно. Но ты, другъ, его не жалѣй:
Онъ жалости, право, не стоитъ твоей.

Зане онъ *центральность* вельми изучилъ,
Москву возлюбилъ очень нѣжно,
Отъ духа ея слишкомъ много вкусилъ,
И долженъ онъ былъ неизбежно
Погибнуть. И не было силы такой,
Что чудо свершила бъ съ его головой.

Москвой онъ воспитанъ: онъ здѣсь научилъ, —
Россійское право, преданья,
Отсюда въ чужіе края покатылъ,
Московского поля упованья.
Въ немъ выкурить духа Москвы не могли
Ученые даже нѣмецкой земли.

И здѣсь онъ одною Москвою дышалъ...
Аксакова читалъ онъ стремленья,
Томленья Погодина онъ понималъ,
И Павлова зналъ возжеланья!
Была ему дума Каткова ясна,
И съ нимъ говорила царь-пушка сама.

Извѣдано, правда; нѣтъ все, что въ насъ жить,
Науку въ Москвѣ изучая,
Узнать даже лучший бы могъ человекъ.
Но Русь отъ Неры до Китая
Вошлѣ: ей жутко отъ знацій таинныхъ;
Москва жъ въ умиленьи, въ восторгѣ отъ нихъ.

И ты, о читатель, о немъ не жалѣй!
Вѣдь онъ не погибаетъ, страдая

За брата; карьеры не сгубить своей.

И еслибъ вся Русь, проклиная,
 Стонала отъ скардныхъ знавій его,
 Москва приголубить сына своего.

IV.

ОПЫТЫ ОТКРЫТІЙ И ИЗОБРѢТЕНІЙ.

«Оборотни не должны быть сближаемы съ упырями, хотя тѣ и другіе вредны. Оборотнями называются люди, превращающіеся въ животныхъ, обыкновенно nocturnыхъ; упыри же, сохраняя человѣчскій видъ, сосутъ кровь изъ беззащитныхъ людей. Противъ оборотни достаточно зачураться; противъ упырей столь легкое средство недостаточно; отъ нихъ можно избавиться не иначе, какъ» и т. д.

«Сказанія Русскаго Народа», И. Сахарова.

При отгѣнной остротѣ ума, я обогатилъ умственную и матеріальную жизнь рода человѣческаго многими важными открытіями. Но, по несчастливой судьбѣ моей, всегда оказывалось, что въ каждомъ сдѣланномъ мною изобрѣтеніи уже предупредилъ меня кто-нибудь другой. Человѣчество нимало не теряло отъ этого рокового для меня обстоятельства; людямъ было даже гораздо выгоднѣе, что ходъ усовершенствованій подвигался впередъ, не дожидаясь моей изобрѣтательности. Но каково было видѣть мнѣ себя лишающимся признательности и славы, какими награждаются благодѣтели рода человѣческаго и творцы новыхъ эпохъ въ наукахъ? Каково было видѣть мнѣ, что предвосхищенъ кѣмъ-нибудь каждый изъ безчисленныхъ лавровыхъ вѣнковъ, заслуженныхъ мною? Отъ этого развилась во мнѣ хандра. По природѣ человѣкъ веселый; я съ утра до ночи хохочу: самые угрюмые люди увлекаются заразительнымъ, добродушнымъ моимъ смѣхомъ. Меня даже не выпускаютъ изъ дѣтъ семейства, гдѣ есть грудныя малютки, ибо раскаты моего смѣха не даютъ имъ спать, и трое младенцевъ уже подверглись надучей болѣзни, будучи внезапно пробуждены громогласными взрывами моей веселости. Но не знаютъ люди, что ракъ скорби пожираетъ сердце мнимаго весельчака. Я мучусь день и ночь вышеупомянутымъ убійственнымъ обстоятельствомъ.

Рядъ предвосхищеній моей славы начался съ самой ранней юности.

сти, когда я открылъ металлическій термометръ; черезъ три мѣсяца я прочелъ, что это изобрѣтеніе гораздо раньше меня сдѣлалъ Брегетъ. Я проклялъ злонамереннаго часовщика, сунувшагося не въ свое дѣло, какъ будто нарочно съ цѣлью напакостить мнѣ. По изобрѣтеніи металлическаго термометра, я обратилъ свою мысль отъ физики къ математикѣ, и открылъ Ньютоновъ биномъ; но черезъ двѣ недѣли узналъ, что открытій мною биномъ есть Ньютоновъ. Занявшись черезъ нѣсколько времени русскою исторіею, я открылъ гениальность и благотворность въ дѣйствіяхъ Іоанна IV Васильевича, а потомъ, размысливъ о политической экономіи, постигъ необходимость не допускать привоза машинъ изъ-за границы въ Россію. Но оказалось, что первое открытіе предвосхищено у меня знаменитымъ нашимъ историкомъ г. Соловьевымъ, а второе отпечатано въ журналѣ, редакторомъ котораго былъ глубокоуважаемый мною Иванъ Кондратьевичъ Бабстъ, также профессоръ московскаго университета. Съ ними обоими сходился я въ мысляхъ неоднократно, особенно въ мысляхъ о томъ, какъ надобно справляться съ молодежью. Трехомытъ мѣня только то, что я не увѣренъ — раздѣляютъ ли мнѣніе мое, г. Соловьева и г. Бабста, во всей силѣ его, молодые ученые профессора московскаго университета; г. Ѳ. Дмитриевъ и г. Чичеринъ? Въ г. Леонтьевѣ я увѣренъ; но достигла ли молодая партия опредѣлительности послѣдняго вывода, какою гордились мы, ученые вполне зрѣлые (я, г. Соловьевъ и г. Бабстъ)? Принципы г. Чичерина основательны: наука сама по себѣ, жизнь сама не себѣ, и наукѣ вѣтъ до нея дѣла. Изъ этого конечно слѣдуетъ, что если не только учащагося юношу, но хотя бы и вполне ученаго мужа стали мы сбѣчь, это ни мало не помѣшало бы его успѣхамъ въ наукахъ: вѣдь сѣченіе—дѣло жизни, а не науки, и розга ни мало не принаслетъ къ благороднымъ, скрытымъ подъ черепомъ органамъ, которыми познается научная истина: ученый, раздѣляющій принципы гг. Ѳ. Дмитриева и Чичерина, можетъ безмятежно мыслить о *leges barbarorum* и областныхъ учрежденіяхъ, несмотря ни на какія соприкосновенія извѣстныхъ предметовъ растительнаго царства съ органами его организма, не занимающимися мышленіемъ. Такъ, я льщу себя надеждой; что г. Ѳ. Дмитриевъ увлечетъ за собою къ этому положенію своихъ друзей англійскаго московскаго клуба, а г. Чичеринъ приметъ его среди аудиторіи. Но я только льщу себя надеждой, а полной увѣренности у меня еще вѣтъ.

Мои открытія не ограничивались общими научными истинами: я глубоко прозрѣвалъ и конкретные факты. Напримѣръ, при появленіи «Очерковъ Англіи и Франціи» г. Чичерина, я прозрѣлъ философскимъ взоромъ, что молодой ученый скоро будетъ понимать обязан-

ности полицейскаго служителя въ совершенствѣ, какого не достигаютъ сами полицейскіе чиновники. Но и это открытіе предвосхитилъ у меня нѣкто, написавшій еще въ 1859 году:

«Г. Чичеринъ не замедлитъ сдѣлаться мертвымъ схоластикомъ, и будетъ философскими построениями доказывать историческую необходимость каждаго предписанія земской полиціи, сообразно теоріи безпристрастія. Потрясъ историческая необходимость можетъ обратиться у него и въ разумность» («Соврем.» 1859 г. № 5. Критика, стр. 58).

Я могъ бы безконечно продолжать перечень открытій, предвосхищенныхъ у меня отчасти современниками, отчасти предками. Чтобы говорить только о современникахъ, скажу, что кромѣ одного только человѣка, — котораго я за то и любилъ, — кромѣ Конрада Лиліеншвагера, не было ни одного извѣстнаго писателя, который не предвосхитилъ бы у меня какихъ нибудь хорошенькихъ мыслей. Напримѣръ:

- Имя предвосхитившаго. Предвосхищенная имъ у меня мысль.
- Г. Альбертинъ . . . . . Письмо изъ Турина, напечатанное въ № 3 «Совр.» 1861 г., проникнуто ненавистью къ національной независимости и пропитано гнуснымъ обскурантизмомъ, унижающимся до омерзительной клеветы.
- Г. Ив. Аксаковъ . . . . . Безумные поляки... Намъ не нужно суда присяжныхъ.
- Г. Громена . . . . . Благоразумный человѣкъ можетъ желать только того, чтобы наказаніе виновному было уменьшено, а не того, чтобы онъ былъ признанъ виновнымъ.
- Г. Буславъ . . . . . Суевѣріе полезно.
- Г. Дудыкинъ . . . . . Кто пишетъ ясно, тотъ плохой писатель.
- Г. Леонтьевъ . . . . . Римъ погибъ оттого, что плебей играли землю; мужику земля не нужна.
- Г. Катковъ . . . . . Съ учащагося надобно брать штрафъ за то, что онъ учится.
- Г. Н. Костомаровъ . . . . . Не должно подчиняться деспотизму уличной толпы.
- Г. Кавелинъ . . . . . Буду сотрудникомъ «Нашего Времени», издаваемого Н. Ф. Павловымъ.
- Г. Чернышевскій . . . . . Сталь состоитъ изъ жельза съ примѣсью кислорода.
- Гг. Достоевскіе . . . . . Мы оторвались отъ почвы.
- Г. Лонгиновъ . . . . . Блѣвней привнесъ больше вреда, чѣмъ пользы.

Остановлюсь. Въ другой разъ dokonчу этотъ едва начатый списокъ. Тогда покажу въ десять разъ больше именъ, и противъ каждаго чловѣка выставлю по десятку и больше мыслей, предвосхищенныхъ имъ у меня. Теперь довольно данныхъ приведено для моей цѣли. Цѣль состоитъ въ томъ, чтобы объяснить публикѣ причину, заставившую меня приняться за дѣло, объясняемое далѣе.

Убѣждался десятками и сотнями опытовъ, что напрасно мнѣ самому добиваться славы изобрѣтателя хорошихъ мыслей, что всякій разъ всякое мое открытіе будетъ предвосхищено другимъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ пламеннѣе желаю приносить моему отечеству пользу и честь благими изобрѣтеніями, и усматривая въ то же время, сколь многія такіа изобрѣтенія, проходя незамѣченными, остаются неприносящими надлежащаго блага, я посвящаю себя безкорыстной заботѣ о доставленіи хотя другимъ изобрѣтателямъ той заслуженной извѣстности, которой столь долго и напрасно искалъ я для себя. Судьба не дозволяетъ мнѣ раздѣлять прекрасную репутацію г. Бабста, г. Чичерина; попробую искать хвалы болѣе скромной, но все-таки пріятной: пусть скажутъ обо мнѣ: «лишенный злымъ рокомъ всякаго случая блистать собственнымъ талантомъ, онъ на крайней мѣрѣ раскрывалъ своему милому отечеству глаза, чтобы восхищалось оно блескомъ талантовъ въ другихъ»; хочу, чтобы могъ я сказать о себѣ, подражая пѣвцу Руслана и Людмилы:

«И долго буду я народу тѣмъ любезенъ,
Что мысли дивныя въ писакахъ открывалъ,
Что ловкостью живыхъ намековъ быдъ полезенъ
И вивость чувствъ изобличалъ.»

Итакъ, идемъ на поискъ.

Я началъ поиски свои чтеніемъ статей по университетскому вопросу и въ каждой попадалось мнѣ замѣчательное открытіе. Вотъ списокъ лучшихъ.

Но нѣтъ, я не сообщу его. Я не въ силахъ превозмочь въ себѣ порывъ тщеславія, внушающаго мнѣ, будто бы, отыскивая чужія открытія, самъ я сдѣлалъ открытіе, несравненно болѣе важное. Умолчу же о другихъ, выставлю только себя. Вотъ оно, мое собственное.

ОПЫТАТЕЛЬНОВЪ ОТКРЫТІЕ ПО УНИВЕРСИТЕТСКОМУ ВОПРОСУ. ИМЯМЪ У НИХЪ НЕ ПРДВОСХИЩЕНО.

Объ университетскомъ вопросѣ напечатано было въ теченіе четырехъ послѣднихъ мѣсяцевъ 4,444 статьи; ни одна изъ нихъ даже

и не упоминала о существенной стороне дѣла, о которой толковали 500,000 человѣкъ въ Петербургѣ, 400,000 въ Москвѣ, 75,000 въ Одессѣ, 70,000 человѣкъ въ Саратовѣ и т. д. (см. списокъ городовъ Россійской имперіи въ «Мѣсяцесловѣ» за 1862 г.).

Вотъ такъ открытіе! Сплетайте мнѣ вѣнокъ изъ того самого лаврового листа, который продается въ овощной лавкѣ Бабикова (на Литейной, близъ Невскаго) и изъ котораго былъ сплетенъ вѣнокъ, недавно возложенный на юную главу г. А. Майкова!

— Грозное видѣніе! кто ты, и чего отъ меня хочешь?—вопросило я въ трепетѣ, вида представлявшее предѣ мной существо, форму котораго не могъ я рассмотреть отъ страха.

— Ты ошибаешься, отвѣчала мнѣ тѣнь: я не имѣю формы, тебя устрашающей; я не болѣе, не менѣе, какъ душа г. Долгинова (жальующагося, впрочемъ, добрымъ здоровьемъ); онъ спитъ теперь, а я воспользовалась свободными часами, чтобы прогуляться, — и вотъ явилась предѣ тобою, чтобы уличить тебя въ грубомъ невѣжествѣ, происходящемъ отъ незнакомства съ трудами твоихъ предшественниковъ въ русской литературѣ. Возьми и читай.

Тѣнь подала мнѣ книгу, я прочелъ:

«Вы радуетесь на нашу литературу, будто бы она въ самомъ дѣлѣ занимается чѣмъ нибудь полезнымъ: желаю вамъ радоваться. Какую пользу можно извлечь изъ вашихъ смутныхъ разсужденій, искажающихъ до микроскопическаго размѣра все, чего касается ваша рѣчь? Одно тутъ можетъ быть вліяніе: мельчаютъ понятія, мельчаютъ и надежды тѣхъ, кто вздумаетъ искать въ вашихъ разсужденіяхъ отвѣта на занимающіе его вопросы. — Если говорить правду, люди, довольные нашею литературою, не имѣютъ понятія о томъ, что такое литература, достойная этого имени. — Кто захотѣлъ бы слѣдить по нашей литературѣ за тѣмъ, что происходитъ въ нашей жизни, тотъ зналъ бы одинъ, да и то самый ничтожный изъ 1,000 фактовъ, о которыхъ будетъ говорить исторія, да и этотъ фактъ показываетъ литература вамъ въ искаженномъ видѣ.»

Тѣнь произнесла торжественнымъ голосомъ: «это написано въ XII кн. «Современника» за 1857 г. въ «Современномъ обозрѣніи» на стр. 305—308, passim. Твое открытіе запоздало слишкомъ пятью годами».

Тѣнь исчезла, оставивъ по себѣ запахъ прѣлой бумаги.

Что жъ такое? подумалъ я про себя: изъ этого можно вывести новое открытіе, которое будетъ удачнымъ.

ВТОРОЕ ОТКРЫТІЕ, СЪМНОЕ ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ.

Въ пять лѣтъ литература наша не подвинулась ни на одинъ шагъ; а такъ какъ литература служитъ отраженіемъ жизни, то значитъ, что ни на шагъ не подвинулась и наша жизнь.

Но едва мелькнула эта мысль въ моей головѣ, какъ застыла кровь въ моихъ жилахъ отъ ужаса: что скажете о такомъ бездушномъ скептицизмѣ пламенный г. Громека! Да еще хорошо бы, если бы вознегодовалъ только г. Громека! Есть публицистъ, несравненно болѣе знаменитый и гораздо болѣе пылкій, который такъ и крикнетъ: «very dangerous!» и назоветъ меня «окаменѣлымъ титулярнымъ совѣтникомъ», или «ископаемымъ кандидатомъ».

Въ самомъ дѣлѣ, какая безразсудная забывчивость бездушнаго скептицизма! какъ могъ я забыть, что въ эти пять лѣтъ совершенно освобожденіе крестьянъ!

Другой на моемъ мѣстѣ окончательно растерялся бы, будучи увѣренъ въ томъ, что не замѣтилъ такого факта. Но человѣку, живущему *idée fixe*, каковъ я, все ничо чемъ: съ нимъ что ни случись, онъ все гнетъ къ пункту своего помѣшательства; всякій фактъ, всякое слово обращается для него только въ средство къ удовлетворенію его неразумной страсти. Такъ г. Майковъ на все смотритъ, какъ на предлогъ для написанія пышныхъ стиховъ: вѣдетъ кто нибудь въ коляскѣ, — онъ сейчасъ напишетъ стихи въ честь проѣзжему; объявятъ рекрутскій наборъ, — онъ напишетъ стихи въ честь рекрутскаго набора; полагаю, что если бы случилось землетрясеніе (отъ котораго спаси насъ Богъ! но опять—таки: всѣ мы подъ Богомъ ходимъ), — онъ написалъ бы стихи въ честь землетрясенія. Такъ вотъ и я: мнѣ что ни попадись на глаза, о чемъ ни подумаю я, все обращается въ поводъ искать открытій. Какъ только подвернулась мнѣ мысль объ освобожденіи крестьянъ, такъ вотъ и подымается сдѣлать какое нибудь открытіе по этому вопросу. И что же вы думаете? Вѣдь не замедлилъ сдѣлать открытіе. Но важность его требуетъ отдѣльной статьи съ особымъ заглавіемъ.

У.

Г. МАГИСТРЪ Н. БЕЗОБРАЗОВЪ-ИСКВОДНИКЪ!

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОТКРЫТИЕ!

(Посвящается нѣмецкому философу Фихте и русскому библиографу М. П. Лопухину).

Благородная Россія съ глубокимъ сочувствіемъ читала изданную нѣкогда за границею брошюру, въ которой предлагался очень легкій способъ совершить начинавшееся тогда дѣло освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ. По мнѣнію брошюры, не нужно было измѣнять никакихъ дѣйствительныхъ отношеній, — достаточно было замѣнить названіе «крѣпостныхъ крестьянъ» именемъ «крестьянъ, поселенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ», и затѣмъ уже болѣе ничего не требовалось: барщина, оброкъ, вотчинная власть оставались бы въ прежнемъ видѣ, а крестьяне все-таки могли бы называться освобожденными, и были бы совершенно довольны.

Столь остроумное содержаніе брошюры заставило всѣхъ разуживать о ея авторѣ, который подписался именемъ магистра Н. Безобразова. Оказалось, что магистръ такого имени дѣйствительно существуетъ; нашлись люди, утверждавшіе, что они знакомы съ нимъ; черезъ нѣсколько времени, многіе жители Петербурга встрѣчались съ нимъ въ обществѣ или видѣли его на улицѣ; потомъ такіе же факты донорались въ Москвѣ. Словомъ сказать, подлинность существованія г. Николая Безобразова явилась непоколебимо подтвержденною свидѣтельствомъ внѣшнихъ чувствъ.

Но, — просвѣщенный читатель знаетъ, что знаменитѣйшіе философы отвергали достовѣрность показаній нашихъ внѣшнихъ чувствъ. Съ особенною убѣдительною изложено это такъ-называемое идеалистическое ученіе нѣмецкимъ мыслителемъ Фихте. Исходя отъ пожденія

Я = Я,

то есть, въ примѣненіи къ индивидуальному случаю, насъ занимающему:

г. магистръ Н. Безобразовъ есть г. магистръ Н. Безобразовъ,

Фихте рядомъ неопровержимыхъ логическихъ выводовъ доказываетъ, что

Я = не — Я,

то-есть, въ примѣненіи къ тому же индивидууму:

г. магистръ Н. Безобразовъ есть не г. магистръ Н. Безобразовъ, а нѣкто другой.

Рождался вопросъ: кто же этотъ нѣкто другой, который тождественъ съ г. магистромъ Н. Безобразовымъ?

Долго всё изслѣдованіе оставалось напрасны. Сначала повели розыски философскимъ путемъ; но г. Страховъ успѣлъ только доказать (въ статьѣ о жителяхъ планетъ, «Время» 1861 г., № 1), что на лунѣ есть существа, но физиологическому строенію очень близкія къ г. магистру Н. Безобразову; но дѣйствительно ли кто либо изъ нихъ есть подлинный вышеупомянутый магистръ, этого не могъ рѣшить г. Страховъ.

Философія слѣдела свое дѣло: разрушила заблужденіе, возбудила къ изслѣдованію истины, показала ее въ общемъ, неопредѣленномъ очертаніи; но до реальной истины довести не могла. Убѣдившись въ необходимости прибѣгнуть къ помощи опытныхъ наукъ, прежде всего поручили разъясненіе вопроса нашимъ знаменитымъ историкамъ. Г. Чичеринъ не могъ разъяснить ничего, потому что самъ оказался относящимся къ временамъ хазарскимъ и половецкимъ, далѣе которыхъ ничего не въ состояніи видѣть, а вопросъ о брошюрѣ и ея авторѣ принадлежитъ второй половинѣ XIX столѣтія. Итакъ, оставались г. Костомаровъ и г. Соловьевъ. Они разошлись между собою во взглядѣ на предметъ.

Г. Костомаровъ доказывалъ, что люди, имѣющіе образъ мыслей г. магистра Н. Безобразова, называются въ лѣтописяхъ нашихъ варягами. Этого никто не могъ оспорить. Но далѣе слѣдовалъ вопросъ: какой же варягъ г. Н. Безобразовъ? — Г. Костомаровъ, находя въ литовскомъ лексиконѣ Нессельмана слова: *sin*, предлогъ, *безъ*; *eus*, существ. женск. рода, = *роза*, *лицо*, *образъ*, — принималъ г. магистра Н. Безобразова за Синеуса (*). Но г. Соловьевъ принимаетъ имя «магистръ Н. Безобразовъ» не болѣе, какъ прозваніемъ Іоанна IV Грознаго, основываясь на словахъ лѣтописца: «царь же Иванъ (IV) образомъ бѣ велѣпъ», — дѣйствительно, «образомъ бѣ велѣпъ» и «Безобразовъ» — одно и то же.

Противъ той и другой догадки были важныя возраженія: о Синеусѣ лѣтопись не упоминаетъ, чтобы онъ печаталъ какія либо брошюры за границею; слѣдовательно, надобно еще доказать этотъ фактъ какими нибудь другими данными; что же касается мнѣнія г. Соловьева, то при всемъ своемъ остроуміи оно совершенно несомнительно:

(*) *Sin* — *eus*, Синеусъ, Безобразовъ. Дѣйствительно, сходство поразительное.

мы положительно знаемъ, что при Іоаннѣ IV Васильевичѣ въ Россіи знали только одного магистра (*), и слѣдовательно въ имени г. магистра Н. Безобразова не могла бы явиться приставка «магистръ», если бы подъ этимъ именемъ разумѣлся Иванъ IV Грозный.

Видя, что исторія только запутываетъ дѣло, мы прибѣгли къ библиографіи, стали рыться въ журналахъ, въ газетахъ, и скоро блеснулъ намъ лучъ истины. Въ 7-мъ номерѣ газеты «День» мы нашли статью «Уставная грамота», — статью, съ которой стоитъ познакомиться поближе. Написана она въ формѣ разговора между какимъ-то «княземъ» (***) и «Тверитиновымъ». «Князь» затрудняется составленіемъ уставной грамоты, потому что «крестьяне не подаются на его предложенія», хотя онъ «не употреблялъ во зло своей власти» (читатель вспомнить, что лѣтописецъ также не винитъ Синеуса ни въ какихъ злоупотребленіяхъ власти. Догадка о Синеусѣ сильно подтверждается). Тверитиновъ говоритъ: если крестьяне не хотятъ подписывать уставную грамоту, то можно обойтись и безъ ихъ согласія. — Такъ вотъ что-сь, г. Тверитиновъ: можно обходиться и безъ согласія крестьянъ, по вашему-то? — Забѣчась, забѣчась, ушко-то чье вытлываесть изъ-подъ вашей маски, г. Тверитиновъ. А вѣдь подъ маскою Тверитинова скрывается авторъ статьи, — такъ всѣ газеты и журналы объявили (***).

Кому нибудь другому было бы извинительно говорить такія вещи; но г. Тверитиновъ не убаюкиваетъ себя объясненіями, заимствуемыми изъ второстепенныхъ побочныхъ обстоятельствъ: изъ безграмотности, изъ невѣжества, изъ боязни письменныхъ документовъ и т. п. — изъ вещей, которыми обыкновенно довольствуются при разсужденіяхъ о несогласіи крестьянъ подписывать уставныя грамоты; г. Тверитиновъ смотритъ, по прекрасному правилу Кузьмы Пруткова, «въ корень». — Корень оказывается очень толстый и крѣпкій. Вотъ подлинныя слова Тверитинова. На забѣчаніе князя (Синеуса?), что «сколько онъ ни толковалъ крестьянамъ, они попрежнему ни на что не соглашаются», г. Д. Самаринъ устами Тверитинова отвѣчаетъ:

(*) Именю, великаго магистра ливонскаго ордена.

(**) Провѣщенный читатель помнитъ, что Синеусъ былъ князь; догадка г. Костомарова приобрящаетъ новую довольно твердую опору.

(***) Друзья автора закричатъ: «клевета! г. Д. Самаринъ никогда не могъ предложить, чтобы устройство крестьянскаго быта совершалось безъ согласія крестьянъ!» Нѣтъ-съ, извините: г. Д. Самаринъ прямо говоритъ это. Вотъ подлинныя слова:

«Князь. Они (крестьяне) не соглашаются подписать уставной грамоты.

«Тверитиновъ. Мнѣ кажется, что и значимъ этого слишкомъ добиваться.

«Князь. Я съ вами согласенъ, что можно обойтись и безъ ихъ подписи.»

Тверитиновъ не отвѣчаетъ, что князь неправильно понялъ его мнѣніе.

«Тверитиновъ. Да, объ этомъ несогласіи слышно со всѣхъ сторонъ; но именно потому, что это явленіе общее во всей Россіи, полезно бы вникнуть въ причину этого глухаго, пасивнаго.... несогласія. Вѣдь вамъ извѣстно, что крестьяне подъ волею понимаютъ: освобожденіе ихъ отъ барщины и отъ оброка.»

На важность послѣднихъ словъ напираетъ самъ г. Самаринъ, печатавъ ихъ особеннымъ шрифтомъ. Вопросъ въ такой откровенной постановкѣ долженъ бы казаться очень затруднителенъ для господъ, подобнаго Тверитинову, желающему, чтобы князь продолжалъ получать съ крестьянъ прежній доходъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ сдѣлать, чтобы люди, не желающіе платить, стали платить съ удовольствіемъ? Но для такого умнаго человѣка, какъ авторъ статьи, г. Д. Самаринъ, ничего не стоить разрѣшить задачу какъ нельзя лучше. Тверитиновъ говоритъ:

«По моему мнѣнію, желательно было бы, чтобы повинности, оставаясь въ томъ же размѣрѣ, переставъ быть повинностями за пользованіе землею, вносились не помѣщику, а въ казну, какъ подать, и вмѣстѣ съ податью; а помѣщика вознаградили изъ казны ежегодною рентою. Тогда вопросъ рѣшится весьма легко: нужно, чтобы оброкъ, платимый престѣльями, проходя чрезъ казну, какъ бы измѣнился въ самомъ принципѣ своемъ, хотя на самомъ дѣлѣ измѣненія въ размѣрѣ никакого нѣтъ.»

Ура! ура! искомое найдено, совершено мною открытіе, надъ которымъ напрасно ломали голову г. Страховъ, г. Костомаровъ и г. Соловьевъ: подлинный г. магистръ Н. Безобразовъ найденъ! Да это онъ, г. Д. Самаринъ! Абсолютное тожество этихъ двухъ именъ очевидно.

Въ самомъ дѣлѣ: разницы между ними нѣтъ никакой.

Г. магистръ Н. Безобразовъ говорилъ: недовольство мужиковъ крѣпостнымъ правомъ весьма легко устранить одною переменною именъ: надобно только переименовать крѣпостныхъ въ поселенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ, оставивъ ихъ отношенія къ помѣщику въ прежнемъ видѣ; вотъ и будетъ исчерпанъ весь вопросъ о крѣпостномъ правѣ.

Г. Д. Самаринъ говоритъ: недовольство мужиковъ оброкомъ весьма легко устранить одною переменною именъ: надобно только переименовать оброкъ въ подать, оставивъ его въ прежнемъ размѣрѣ; вотъ и будетъ исчерпанъ весь вопросъ объ оброку.

Не было на землѣ двухъ Аристотелей; не можетъ быть въ Россіи двухъ людей, способныхъ къ изобрѣтенію такихъ гениальныхъ рѣшеній. Никто, кромѣ Ньютона, не могъ открыть законъ всеобщаго тяготѣнія; никто, кромѣ г. Д. Самарина, не могъ изобрѣсти мысль, высказанную въ брошюрѣ г. магистра Н. Безобразова.

Какое торжество моей проищательности! какое торжество и для философіи! Аналитическимъ методомъ, путемъ многотруднаго опытнаго изслѣдованія подтверждена безусловная истина двухъ основныхъ формулъ философіи Фихте:

$$Я = Я,$$

то есть, г. магистръ Н. Безобразовъ есть г. магистръ Н. Безобразовъ,

и

$$Я = \text{не Я},$$

то есть, г. магистръ Н. Безобразовъ есть не г. магистръ Н. Безобразовъ, а есть г. Д. Самаринъ.

Предлагаю дать достойныя награды всѣмъ активнымъ и пассивнымъ участникамъ этого великаго событія:

1) Награда нѣмецкому философу Фихте. Предлагаю постановить, чтобы ему, а по воспослѣдовавшей его смерти, его законнымъ наследникамъ получать отъ г. Д. Самарина оброкъ подъ именемъ подати.

2) Награда мнѣ. Подносится въ подарокъ полное собраніе сочиненій г. магистра Николая Безобразова (г. Д. Самарина тожь), переплетенныхъ въ одну книгу, съ изображеніемъ на переплетѣ оной книги двойнаго портрета, золотымъ тисненіемъ: г. Д. Самаринъ, изображенный въ видѣ г. магистра Николая Безобразова, и г. магистръ Н. Безобразовъ, изображенный въ видѣ г. Д. Самарина.

3) Г. Д. Самарину. Переименовать его въ магистра Николая Безобразова.

4) Г. магистру Николаю Безобразову. Переименовать его въ г. Д. Самарина.

Возгордившись такимъ великимъ открытіемъ, какъ абсолютное тожество г. Д. Самарина и г. магистра Николая Безобразова, я отдыхаю на лаврахъ, услаждаюсь созерцаніемъ дивной мысли г. Д. Самарина, и ея величіе растетъ, растетъ въ моихъ глазахъ:

«Оставаясь въ томъ же размѣрѣ, оброкъ измѣняется въ самомъ принципѣ своемъ, хотя на самомъ дѣлѣ измѣненія въ размѣрѣ никакого нѣтъ!»

«Оставаясь въ томъ же размѣрѣ, оброкъ измѣняется въ самомъ принципѣ своемъ, хотя на самомъ дѣлѣ измѣненія въ размѣрѣ никакого нѣтъ!»

«ОСТАВАЛСЯ ВЪ ТОМЪ ЖЕ РАЗМѢРѢ, ОБРОКЪ ИЗМѢНЯЕТСЯ ВЪ САМОМЪ ПРИНЦИПѢ СВОЕМЪ, ХОТЯ НА САМОМЪ ДѢЛѢ ИЗМѢНЕНІЯ ВЪ РАЗМѢРѢ НИКАКОГО НѢТЪ!»

Ну, наконецъ-таки удалось мнѣ сдѣлать открытіе, котораго никто у меня не предвосхитилъ и не предвосхититъ.

Г. магистръ Николай Безобразовъ есть повѣдомимъ г. Д. Самарина.

Слава мнѣ! Проклоняйте предо мною колѣна, изумленные соотечественники!

Но тотъ, кто долго былъ влополучень, становится недоумѣрчивъ, мнительнъ; а какъ проникло въ душу сомнѣнiе — уже нѣтъ возможности безмятежнаго наслажденiя блаженствомъ, и счастье исчезаетъ. Такъ было и со мною. «Но дѣйствительно ли достоинъ я того, чтобы преклонялись предо мною соотечественники?» сталъ думать я не дальше, какъ черезъ полчаса: — «точно ли сдѣлалъ я открытiе?» Отъ сомнѣнiя до отрицанiя одинъ шагъ. Самъ г. Д. Самаринъ еще требуетъ новаго изслѣдованiя. Другое дѣло, если бы отыскалъ я подл псевдонимомъ г. магистра Николая Безобразова какое-нибудь знаменитое подлинное лицо, — напримѣръ г. И. Аксакова, — тогда дѣло было бы кончено. Конечно я могу сдѣлать эту догадку: г. И. Аксаковъ — редакторъ газеты, въ которой помещена статья, подписанная именемъ «Д. Самаринъ». Аргументъ сильный. Но съ другой стороны несомнѣнно, что г. И. Аксаковъ тождественъ не со всѣми лицами, именами которыхъ подписаны статьи его газеты, слѣдовательно полнаго доказательства для моей догадки еще нѣтъ. Я доказалъ только тождество г. магистра Николая Безобразова съ г. Самаринимъ. Но кто такой самъ г. Д. Самаринъ? Быть можетъ онъ также псевдонимъ? — это даже несомнѣнно по принципу Фихте, нами принятому. Станемъ же продолжать изслѣдованiе.

По формулѣ

Я = не Я

очевидно, что

Г. Д. Самаринъ не есть г. Д. Самаринъ, а есть нѣкто другой.

Намъ должно узнать, что за человекъ этотъ нѣкто. Но чтобы узнать этотъ предметъ, должно анализировать его отличительныя свойства. Станемъ анализировать свойства лица, скрывающагося подл псевдонимомъ г. Д. Самарина.

Первое свойство. Г. Д. Самаринъ говорить, что думаетъ о благѣ народа.

Второе свойство. Г. Д. Самаринъ во всемъ соглашается съ понятiями князя (Синеуса?) и хлопочетъ о сохраненiи его интересовъ.

Свойство третье. Онъ толкуетъ объ устройствѣ крестьянскаго дѣла только потому, что князь находится въ затруднительномъ положенiи.

Соединивъ эти три свойства, мы получаемъ четвертое качество: польза народа служить г. Д. Самарину только прикрытiемъ хлопотъ о пользѣ князя. Изъ этого легко открывается:

Пятое свойство. Интересъ крестьянъ онъ приноситъ въ жертву выгодамъ князя.

Вотъ пять отличительныхъ признаковъ, по которымъ долженъ быть узнанъ «нѣкто», скрывающійся подъ псевдонимомъ г. «Д. Самарина». Въ комъ найдутся эти признаки, тотъ и есть искомый нами «нѣкто».

Боже мой, что я надѣлалъ надъ собою! я отнялъ у себя всякую возможность опредѣленно указать на одно какое-либо лицо, какъ на имѣющее исключительныя права быть узнану подъ псевдонимомъ г. Д. Самарина. Десятки, сотни, тысячи людей толкующихъ и хлопочащихъ объ устройствѣ крестьянскаго дѣла представляются мнѣ, и за исключеніемъ двухъ, трехъ между ними, всѣ остальные обнаруживаютъ свойства, соответствующія псевдониму г. Д. Самарина. Что жъ я за несчастливецъ послѣ этого: можно ли назвать раскрытіемъ псевдонима, когда находишь, что онъ принадлежитъ не одному человеку, а тысячамъ людей?...

ВѢЩАЮЩІЙ.

VI.

ВЫДЕРЖКИ

изъ путевыхъ записокъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ КОРАДА ЛИНКЕНВАГГА.

1.

ВЪ ПРУССКОМЪ ВАГОНѢ.

По чугуннымъ рельсамъ
Вдѣтъ поѣздъ длинный;
Не свернетъ ни разу
Съ колеи рутинной.

Часомъ въ часъ расчитана
Путь его помилуно....
Воля моя, воля!
Какъ ты здѣсь безсильна!

То ли дѣло съ тройкой!
Мчусь, куда хочу я,
Безъ нужды, безъ цѣли
Землю полоసుя.

Не хочу я прямо —
Забирать налѣво,

По лугамъ направо,
Взадъ черезъ поѣвы....

Но увь! — ужъ скоро
Мертвая машина
Станеть и раздолье
Руси-исполина.

Сыплють иностранцы
Русскіе мидьоны,
Чтобы русской волѣ
Положить преповы.

Но не поддадимся
Мы слѣпой рутинѣ;
Мы дадимъ духъ жизни
И самой машинѣ.

Не пойдетъ нашъ поѣздъ,
Какъ идетъ нѣмецкій:
То соскочить съ рельсовъ
Съ силой молодецкой;

То обвалить насыпь,
То мостокъ продавить,
То на встрѣчный поѣздъ
Ухарски направить.

То пойдетъ потише,
Опоздаетъ вволю,
За мителью станеть
Сутки тронъ въ полѣ.

А иной разъ просто
Часика четыре
Подождеть особу
Сильную въ семь мѣрѣ.

Да, я вѣрю твердо:
Мертвая машина
Провзволъ не свяжетъ
Руси-исполина.

Вѣрю: всѣ машины
Съ русскою природой
Сами оживятся
Духомъ и свободой.

2.

ВЪ ДРЕЗДЕНЬ.

Концертъ на Брюлевской террасѣ —
Надъ мутной Эльбой, съ кружкой пива....
Неподалеку, въ Fischergasse,
Поманять въ окна васъ игриво....

Концертъ на Брюлевской террасѣ,
Гдѣ нѣмецъ курить, пить, внимаетъ,
И, точно въ руководѣльномъ классѣ,
Чулочъ всѣхъ нѣмочъ занимаетъ.

Концертъ на Брюлевской террасѣ,
Подъ звукъ Бетховенской сонаты,
Гдѣ нашъ соотчичъ равъ въ экстазѣ
Поддѣль мотивъ изъ Травиаты.

Концертъ на Брюлевской террасѣ,
Гдѣ русскій русскихъ тотчасъ чуетъ,
И на показъ нѣмецкой расѣ
Шампанскимъ встрѣчу торжествуетъ.

Да, русскій тотчасъ отличаетъ
Здѣсь земляковъ въ веселой массѣ,
Гдѣ звонъ стакановъ заглушаетъ
Концертъ на Брюлевской террасѣ....

3.

ВЪ ПРАГѢ.

Только-что разставшись съ родной святою,
Я скучалъ межъ нѣмцевъ русскою душою,
И, отвести чтобъ душу, къ дорогимъ славянамъ
Полетѣлъ я въ Прагу, — съ легкимъ чемоданомъ.
Облегчилъ его я, сколько то возможнѣй,
Труся предъ австрійской грозною таможеней.

Но со мной возились — не скажу чтобъ много:
«Гдѣ новѣйшій Праги» разсмотрѣли строго,
Туфли, панталоны, галстуки, рубашки,
Пять или шесть листочковъ ночтовой бумажки —
Все перевернули; въ стѣнки чемодана, .

Въ крышку постучали — не нашли обмана,
 Лишь одна брошюрка, изданная въ Вѣнѣ,
 Чуть не послужила къ неприятой смѣнѣ.
 О правахъ брошюрки споръ-было родился;
 Но разумный нѣмецъ тотчасъ уходился,
 Какъ ему на «Вѣму» указалъ я пальцемъ.
 Вообще — въ таможи не былъ я страдальцемъ.

Подъѣзжая къ Прагѣ, полонъ чувствомъ новымъ,
 Могъ лишь повторять я, вслѣдъ за Хомяковымъ,
 Какъ не должно Прагѣ хвастать предъ Бѣлградомъ,
 А Москвѣ кичиться передъ Вышеградомъ,
 Какъ на Петчинѣ въ ризѣ древняго Кирилла
 Шествовалъ епископъ, а во слѣдъ валила
 Пародная сила, въ доблестной отвагѣ,
 Какъ заснулъ поэтъ нашъ, думая о Прагѣ....

И вступилъ я въ Прагу, и мечту поэта
 Наяву увидѣлъ, средь дневнаго свѣта.
 Былъ какой-то праздникъ. Не было проходу
 Въ улицахъ широкихъ отъ громадъ народа;
 Впереди блестяли, въ воздухѣ подъяты,
 Знаменія вѣры, убраны богато....

.....
 .....

(Окончаніе кнѣты).

VII.

БЫДНА (*).

По Москвѣ ль рѣкѣ
 Ходятъ валики
 И колышатся
 Челны легкіе, —
 То молва идетъ,
 Какъ волна катить,
 Какъ волна катить,
 Раздробляючись....

(*) Это произведеніе народной музы записано мною близъ Москвы, на Воробьевыхъ горахъ. Удивляюсь, какъ оно не пошло до сихъ поръ въ сборники!

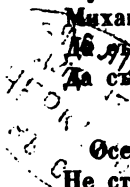
Не крупень жемчугъ
 То катается,
 Не къ заутрени
 Громко зносятся, —
 Нѣтъ, то рѣчь ведутъ
 Люди лучшие,
 Люди лучшие,
 Православные.

То Катковъ старшой
 Да съ Чичеринымъ,
 Со Аксаковымъ
 Да и съ Павловымъ
 Полоняють Русь
 Своей мудростью,
 Своей мудростью,
 Неописанной.

Собирались они
 Цѣлымъ сонмищемъ,
 Сочиняли они
 Длинны хартии,
 И пускали ихъ
 По святой Руси,
 По святой Руси,
 Молодеховной.

И читагъ вездѣ,
 Похваляючи,
 Православный людъ
 Ихъ писанія —
 И, какъ звонъ, молва
 Далеко пошла,
 Далеко пошла
 Про тѣ головы....

Но случилось вдругъ
 Диво-дивное!
 Перессорились
 Мужи лучшие:
 Михаилъ Катковъ
 Съ Лу Чичеринымъ,
 Да съ Дичеринымъ,
 Знаменитыимъ.
 Осерчалъ Катковъ,
 Не стерпѣлъ Борисъ
 (Воронъ ворону
 Глаза выклевалъ!):

За дворянъ одинъ,
 Супротивъ другой,
 Супротивъ другой,
 Всею силою!...

И погѣсь теперь
 Хоть царь-колоколъ,
 Повели звонить
 Въ прелевскую:
 Не свести враговъ,
 Не связать друзей,
 Не связать друзей
 Разлученныхъ!

Охъ ты, другъ первой,
 Свѣтъ-Никифориць!
 Помярися ты
 Да съ Чичеринимъ,
 Заключи союзъ
 Съ «Нашимъ Временемъ»,
 Съ «Нашимъ Временемъ»
 Помянутымъ, —

Заросла бѣ тогда
 Пышнымъ терніемъ
 Русь крещеная,
 Бездѣшная.
 И гремѣли бы
 Славой вѣчною
 Ужъ вы — гой еси! —
 Добры молодцы,
 Добры молодцы,
 Ненаглядные....

ВЪ СЪЗНАТЕЛЬНОСТИ РАБОТЫ, ВЪЗРАЖАЮЩИХСЯ ПРИМЕРОВЪ ОШИБКИ, КОТОРЫЯ ПРОСИТЬ ПРЕДВА-
РИТЕЛЬНО ИСПРАВИТЬ.

Напечатано:

Читай:

8 стран. 4 стр. сверху — решмы

Решмы

8 стран., внизу послѣдней строчки добавить стихъ:

Михайло Салтыковъ да воръ Андрѣоновъ.

11 стран. 10 стр. снизу—(Губанину). (Дыркину).

14 стран., явл. IV.

АКСЕНОВЪ.

АКСЕНОВЪ.

Откуда, Гриша?

Откуда, Гриша?

ЮРОДИВЫЙ.

ЮРОДИВЫЙ.

Ась?

Ась?

АКСЕНОВЪ.

АКСЕНОВЪ.

Откуда молъ?

Откуда молъ?

14 стран. 21 стр. снизу

Ужели жь....

Ужели жь....

17 стран. 10 стр. снизу

Идутъ въ адъ....

Идутъ во адъ....

20 стран. 18 стр. снизу

Мнѣ—то и нужно.

Мнѣ то и нужно.

34 стран. 10 стр. сверху

Возможно ль....

Возможно ли....

35 стран. 17 стр. сверху

О, Господи! грѣшу я....

О, Господи! грѣшу я....

37 стран. 19 стр. снизу

Листье зеленые....

Листье зеленое....

71 стран. 20 стр. снизу

Лапуновымъ

Лапуновымъ

98 стран. 13 стр. снизу

Выводимъ стѣну

Выводимъ стѣны

99 стран. 15 стр. сверху

Князь Дмитрій

Князь Дмитрій

101 стран. 16 стр. снизу

Мнѣ безъ тебя сражаться.... Мнѣ безъ тебя сражаться....

109 стран., между 14 и 15 строками сверху, вставить:

ПОСПѢЛОВЪ.

Идутъ опять и Петръ Аксенычъ съ ними,

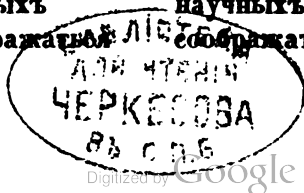
Подъячаго ведутъ со всѣмъ припасомъ.

Во II отд. стран. 15, стр. 8: научныхъ

научныхъ

— — — — 9: сосоображающаго

сосообразнаго

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ИЗЪ ИТАЛІИ.

Сьена, 1 февраля.

Сьена, въ древности называвшаяся Siena Julia, въ настоящее время между жителями всей остальной Италіи пользуется болѣе характеристическимъ прозвищемъ—*городская* Сьена (Siena di birbanti). Если бы о ней пришлось дѣлать повальный обыскъ, то я не думаю, чтобы многіе изъ сосѣдей ея отзывались благопріятно о нравственности ея жителей, объ удобствѣ жизни въ ней, о красотѣ и великолѣпіи улицъ и зданій. «Кто хочетъ дѣлать все, что ему вадумается, тотъ долженъ отправляться въ Сьену», говорятъ жители Средней Италіи, изъ которыхъ большая часть никогда не бывала въ этомъ городѣ; несмотря на это, я не поручусь, чтобы каждый изъ нихъ стѣснялся въ своихъ поступкахъ какими бы то ни было великодушными соображеніями.

Сенезы, съ своей стороны, очень добросовѣстно оплачиваютъ своихъ недоброжелателей за клеветы, распространяемыя ими насчетъ ихъ отечества по всему земному шару.

Съ точки зрѣнія великолѣпія и внѣшней роскоши городъ этотъ представляетъ очень немного замѣчательнаго. Въ Сьенѣ нѣтъ ни одной сколько нибудь прямой и длинной улицы, ни одной большой и

хорошо обстроенной площади, которую можно было бы принять за центр. Конечно, горькое положеніе много сдѣлало неправильности ея плана. Какъ большую рѣдкость, въ Сьенѣ показываютъ путешественникамъ домъ, или «palazzo», какъ его великолѣпно называютъ здѣшніе чичероне, принадлежащій какому-то богатому куццу; единственное право, которое можетъ имѣть это зданіе на вниманіе публики, составляетъ его молодость въ сравненіи со всѣми другими, украшающими или уродующими этотъ невинный городъ. Домъ этотъ гордо стоитъ, сверкая чистотою своихъ недавно еще выкрашенныхъ стѣнъ; но на его причудливый видъ и на сомнительный стиль его архитектуры какъ-то презрительно смотрятъ почернѣвшія, растреснувшіяся и покосившіяся на-бокъ окружающія его зданія, гордясь многочисленными побѣдами, одержанными ими въ разные времена надъ общимъ врагомъ всего земнаго — надъ разрушеніемъ. Большая часть изъ нихъ и въ самую цвѣтущую эпоху своей молодости не поражали ни гармоніею формъ, ни изяществомъ и роскошью деталей, но всѣ они давали пріютъ великимъ мужамъ, геройскимъ защитникамъ славы и величія отечества, отжившихъ теперь, какъ отжили и эти бородатые мудрецы и широкоплечіе воины.

Но Сьена городъ итальянскій, а потому и въ ней найдутся чудеса архитектуры и другихъ искусствъ, которыми гордится городъ этотъ, какъ лучшими перлами своего неблестящаго вѣнца. И въ ней есть соборъ, о которомъ много томовъ написано учеными археологами, отличавшимися громадною ученіемъ, еще большимъ терпѣніемъ, а паче всего ничѣмъ непоколебимой любовью къ родинѣ, — не той великой родинѣ, которая такъ часто не успѣла стать самостоятельной личностью въ Европѣ, послѣдствіемъ тяжелыхъ страданій, геройскихъ подвиговъ и невозможности спѣховъ; а той крошечному уголку, въ которомъ они росли, какъ въ той кофеинной чашкѣ, они выжили и процвѣтали, давая начало и жизни.

Но я не могу сказать въ Сьенѣ, что искусство и изведеніяхъ проявленія искусства, а не жизни, и, кочевавшей, не могла выразить художникъ, а не громадная роскошь, а не мами.

Но вездѣ, гдѣ есть искусство, то одно и то же чувство:

желаніе затмѣить, а не бытъ, а не чуждыхъ своихъ

ихъ сосѣдей, а не чуждыхъ, а не городская

община издер, а не послѣ, а не ку какихъ ни

мраморн, а не пен, а не ку, а не ку новой гал-

или лод, а не ж, а не гов, а не томъ, что сред-

которыми, а не ал, а не самые луч-

ущество, а не ме, а не нтинскую

огащені, а не почва. С

была щедро на геніальныя натуры: сколько ни изведено въ ней камня, кирпича и разноцвѣтнаго мрамора, Брунелески и Микель Анжело не нашлось.

По части живописи и скульптуры участь Сьены была малымъ счастливѣе; музеи ея—бѣдны и пусты: Пинтурчккю и Беккафуми — два изъ лучшихъ сьенскихъ живописцевъ, выбивались изъ силъ, расписывая плафоны и портики ея церквей, но произведенія ихъ обладаютъ слишкомъ относительными достоинствами. Содома, считаемый лучшимъ мѣстнымъ мастеромъ, превзошелъ всѣхъ ихъ правдыю рисунка и колоритомъ, но всего больше самостоятельностью своей художественной дѣятельности. И онъ не былъ чуждъ повальной болѣзни вѣка — ненависти къ флорентинцамъ, но онъ оставлялъ палитру и кисти на время ея припадковъ и отправлялся въ лагерь, гдѣ на—подобіе древнихъ богатырей затѣвалъ единоборства, предводительствовалъ смѣлыми выходками и снова принимался за работу, утоливъ свою воинственную жажду, забывая флорентинцевъ и проч. Содома—любимый герой сьенскихъ преданій: онъ писалъ стихи, строилъ укрѣпленія, и о немъ разсказывается очень много анекдотовъ, не всегда правдоподобныхъ, но выказывающихъ въ самой высшей степени ихъ проявленія мужество и великодушіе сенезовъ. Вазари отзывался безъ особеннаго уваженія объ этомъ художникѣ, который однако долженъ занимать одно изъ первыхъ мѣстъ между знаменитостями своего вѣка. Я вовсе не намѣренъ вдаваться въ оцѣнку его произведеній. Эта археологическая, мертвая Италія много вѣковъ стоитъ уже, нисколько не измѣняясь, и давно слишкомъ хорошо эксплуатирована для того, чтобы о ней можно было сказать десять словъ, не вдаваясь въ очень скучныя повторенія. Я охотно заключилъ бы свои художественныя сообщенія какою нибудь многозначительною выпискою изъ Вазари, или изъ какого нибудь другаго, столько же почтеннаго автора, но не дѣлаю этого по совершенно независимымъ отъ меня причинамъ. Такъ или иначе, но я намѣренъ оставить въ покоѣ всѣ эти художественныя чудеса, о которыхъ началъ говорить только для того, чтобы указать на очень характеристическую особенность Сьены въ этомъ отношеніи: во всемъ городѣ нѣтъ ни одного произведенія иностранныхъ, а въ особенности флорентинскихъ художниковъ, тогда какъ по близости этихъ двухъ городовъ, можно было бы ожидать встрѣтить въ ней эти крошки флорентинскаго величія, такую щедрою рукою разсыпанныя въ другихъ городахъ, далѣе отстоящихъ отъ Флоренціи, но не бывшихъ съ нею въ такихъ отношеніяхъ вражды и соперничества, какъ Сьена. Оригинальность города, конечно, много выигрываетъ отъ этого, но зато она такъ бѣдна всякаго рода памятниками, а въ особенности художествен-

ными произведениями, что мало привлекаетъ къ себѣ любопытныхъ.

Въ Сьенѣ нисколько не чувствуется близость Флоренціи. Несмотря на общее имѣ этрусское происхожденіе, на одинаковій типъ жителей и на большое сходство въ говорѣ, города эти, изъ всѣхъ городовъ Италіи, всего менѣе похожи другъ на друга. Кромѣ исторической причины, тутъ очень важную роль играетъ и то, что Флоренція, въ теченіе послѣдняго времени, жила почти исключительно иностранцами и для иностранцевъ, что она много переработала свою жизнь сообразно ихъ требованіямъ и наклонностямъ, тогда какъ Сьена и до сихъ поръ живетъ исключительно для себя, такъ какъ она въ себѣ самой вынуждена искать ресурсы. Въ ней и въ подобныхъ ей городахъ открывается совершенно новая Италія, итальянская Италія, какъ слѣдовало бы ее назвать въ отличіе отъ Италіи Форестьеровъ, такъ хорошо уже извѣстной и русской, и всѣмъ другимъ иностраннымъ публикамъ. Во всякое другое время очень трудно было бы что нибудь сказать объ этомъ городѣ, но теперь въ Италіи то блаженное время, когда всякій отдаленный уголокъ ея представляетъ очень живой и существенный интересъ, и представляетъ его тѣмъ больше, чѣмъ онъ отдаленнѣе отъ общеевропейскаго сглаживающаго вліянія. Съ этой стороны Сьена представляетъ очень богатый источникъ, несмотря на бѣдность и на политическую незначительность своего положенія.

Впрочемъ, назвать ее бѣдною можно только очень осмотрительно, такъ какъ въ сохранный кассѣ этого города Monte dei Paschi лежатъ, говорятъ, капиталы, на которые, по словамъ сьенскихъ же жителей, можно купить нѣсколько такихъ городовъ, какъ Сьена. Капиталы эти такъ же мертвы, какъ и ихъ владѣтели, потомки очень аристократическихъ и очень знаменитыхъ когда-то фамилій, похороненные теперь въ своихъ загородныхъ виллахъ или въ городскихъ домахъ, чуждающіеся всего живаго, равнодушные ко всему, дѣлающемуся вокругъ нихъ, такъ что ихъ также смѣло можно не считать въ общей цифрѣ городского народонаселенія, какъ и праотцевъ ихъ, мирно сгнившихъ подъ тяжелыми мавзолеями Campo Santo. Въ обращеніи же тутъ такъ мало капиталовъ, торговая и промышленная дѣятельность такъ ничтожна, что купецъ, имѣющій лавку бакалейныхъ товаровъ въ одномъ изъ менѣе кривыхъ переулковъ, играющій роль главныхъ улицъ, считается здѣсь богачемъ.

Живое народонаселеніе Сьены дѣлится на два класса, которыхъ численность я не могу опредѣлить даже приблизительно. Первый изъ нихъ люди работающіе, второй—живущіе на счетъ первыхъ. Город-

скіе работники, подешники, пролетаріи составляютъ первый; второй: попы, монахи, отставные адвокаты и прокураторы, известные подъ общимъ названіемъ *Кодимовъ*, за свою вовсе небезкорыстную преданность старому порядку.

Сьена мало пользовалась выгодами велико-герцогскаго правленія; до нея не доходили отблески величія и роскоши двора, составлявшаго вовсе не ничтожный источникъ дохода для Флоренціи. Жители, правда, не были угнетены обременительными налогами, монахи и духовенство законно пользовались трудами другихъ, но трудъ былъ стѣсненъ, работникъ отданъ въ руки собственника. Монахи и попы горько оплакиваютъ теперь свою потерю; собственники, вотирировавшіе большею частью за присоединеніе, теперь косятся на новый порядокъ и ворчатъ противъ него; но, благодаря старой своей привычкѣ стоятъ только за выигранное уже дѣло, они не высказываютъ открыто своего неудовольствія; выставляютъ трехцвѣтные флаги изъ оконъ при всякихъ торжественныхъ случаяхъ, но только никакъ не рѣшаются называть новымъ именемъ: *Piazza Vittorio Emanuele* свою старую площадь *del Campo*. Всего же неблагопріязненіе они смотрятъ на поднявшаго голову пролетарія. Эти послѣдніе болѣе всѣхъ благосклонно относятся къ настоящему. Стѣны домовъ всѣ обклеены бумажками съ портретами Виктора Эмануэля и съ надписью: «*Viva Vittorio Emanuele primo Re d'Italia*», но вовсе не стараніями владѣтелей этихъ домовъ, или жильцовъ изъ лучшихъ этажей. Часто, въ день какойнибудь годовщины пять этажей большаго зданія остаются совершенно спокойными и хладнокровными зрителями уличнаго торжества, но въ окнахъ чердака пышно развѣваются трехцвѣтные лоскутки, часто бумажные платки съ портретами короля и Гарибальди; мальчишки и взрослые цѣлую ночь ходятъ по улицамъ, громко распѣвая народные гимны и всякія вновь сложенные патріотическія пѣсенки своими звучными, мужественными голосами.—Въ видѣ примѣчанія: Сьена славится пѣвцами и большая часть итальянскихъ теноровъ и барионовъ оттуда родомъ.

Между тѣмъ налоги нисколько не уменьшены новымъ правительствомъ, за исключеніемъ очень немногихъ. Водвореніе его стоило много жертвъ, которыя главнымъ образомъ вынесли на своихъ плечахъ эти трудолюбивые герои. Они даже и ждутъ новыхъ денежныхъ пожертвованій, болѣе всего для нихъ тяжелыхъ, а жизнью, конечно, каждый изъ нихъ готовъ пожертвовать радиѣ и святому дѣлу.

Мелкая буржуазія поставлена счастливіе ихъ на этотъ разъ, и ея преданность національнымъ идеямъ находитъ больше очевидныхъ обя-

свений. Торгуя по преимуществу туземными произведениями, держатели мелочных лавочек ничего не потеряли от введения швейцарского таможенного тарифа; а между темъ они избавились отъ полиціи, притѣснявшей ихъ по преимуществу и жившей на ихъ счетъ, точно также, какъ отъ многихъ, очень стѣснительныхъ для нихъ благочестивыхъ постановленій и отъ отеческой власти епископовъ и ихъ викаріевъ. Они несутъ, правда, теперь болѣе сильныя государственныя повинности, но слишкомъ вознаграждены за это уже однимъ введеніемъ общей для всей Италіи французской монетной системы, взамѣнъ прежней, тосканской, очень запутанной и представляющей смѣшеніе римской и какой-то невѣдомой остальному міру. Кромѣ всего этого, лавочникъ уже достаточно вознаграждается, если податъ, платимая имъ, простирается до суммы 40 франковъ въ годъ, правомъ избирательства представителей въ парламентъ. Гордость его очень сильно польщена этимъ, съ непривычки считать себя вполне гражданиномъ, зависящимъ только отъ закона и отъ избраннаго имъ самимъ правительства. Правительство не оскорбляетъ его своимъ постоянно высказываемымъ къ нему недовѣріемъ; напротивъ, оно даетъ ему въ руки оружіе, твердо убѣжденное въ томъ, что онъ употребитъ это оружіе на его же собственную защиту. И, конечно, оно не ошибается на этотъ разъ. Въ Италіи національная гвардія несравненно лучшій оплотъ существующаго порядка, нежели даже регулярное войско, которому она однакоже очень стремится подражать.

Сьена одинъ изъ городовъ, мало привыкшихъ къ хорошей и добросовѣстной полиціи; здѣсь и теперь еще въ большой модѣ стелетаты и всякіе подобные ужасы. Самоуправство, сильно развитое въ южныхъ провинціяхъ полуострова, въ Средней Италіи почти также глубоко пустило корни. Не говоря о дурныхъ его сторонахъ, которыя до извѣстной степени могутъ повредить водворенію здѣсь *самоуправленія* (self-government), я замѣчу только, что оно способствовало водворенію здѣсь какой-то особенной склонности къ военнымъ и гимнастическимъ упражненіямъ въ самомъ мирномъ классѣ народонаселенія, а потому это войско, составленное изъ сапожниковъ и булочниковъ, аптекарей и пр., не представляло здѣсь столько каррикатурнаго, какъ въ болѣе спокойныхъ странахъ Европы. Итальянская военная дисциплина, очень строгая и не во всемъ разумная, сколокъ съ французской и съ австрійской—двухъ слишкомъ противоположныхъ одна другой—примѣняется къ національной гвардіи съ болѣею осмотрительностью. Нѣкоторыя статьи военного устава, предоставляющія слишкомъ широкое поле дѣятельности личному произволу оберъ и унтеръ-офицеровъ и служащихъ въ регулярномъ войскѣ поводомъ къ

злоупотребленіямъ съ одной, и къ неудовольствіямъ съ другой стороны, на національную гвардію производить совершенно противоположное дѣйствіе, такъ какъ здѣсь офицеры избираются рядовыми и пользуются вполне ихъ довѣріемъ. Не выводите только, пожалуйста, чтобы изъ этого общаго правила не было исключеній, иначе вамъ многое въ моихъ письмахъ можетъ показаться противорѣчіемъ мною же сказанному.

Національная гвардія имѣетъ еще и ту, очень значительную выгоду, что не приноситъ ущерба государственному бюджету, и что повинность эта несравненно охотнѣе переносится гражданами, нежели всѣ другія.

Проектъ Гарибальди—уменьшенія постоянного войска и увеличенія національной гвардіи батальонами волонтеровъ, которые должны быть мобилизуемы, для того, чтобы лучше привыкнуть къ исполненію своихъ обязанностей, *roug's'aguéttig*, былъ очень хорошо принятъ всею Италіею. Министерство однакоже привело его въ дѣйствіе только въ Южной Италіи, и то вынужденное необходимостью; а какаѣ была эта необходимость, вы, конечно, знаете по газетамъ. Министерство слишкомъ придерживается регулярнаго войска—это его характеристическая черта, о которой мнѣ вѣроятно не разъ еще придется говорить и при болѣе удобномъ случаѣ. Однакоже и оно признало очень полезнымъ мобилизацію существующихъ уже батальоновъ, хотя можетъ быть и не безъ задней мысли. Такъ ли или иначе, мѣра эта была принята съ радостью. Мобилизируютъ обыкновенно только батальоны, составленные изъ лицъ, принадлежащихъ къ солидарнымъ батальонамъ, но изъявившихъ желаніе быть мобилизуемыми. Такимъ способомъ молодымъ людямъ доставляется возможность съ очень небольшими средствами ознакомиться съ одноплеменными, но мало извѣстными имъ провинціями. Многие изъ нихъ, отправляясь въ городъ, отстоящій на нѣсколько сотъ миль отъ ихъ роднаго города, словно предпринимаютъ путешествіе въ невѣдомыя страны, и также встрѣчаются тамъ. Явившійся прошлою зимою во Флоренцію неаполитанскій батальонъ произвелъ тамъ сильнѣйшее впечатлѣніе, нежели сіамское посольство въ Парижѣ. Они дѣйствительно казались иностранцами въ этомъ итальянскомъ же городѣ; говоръ ихъ понимали съ трудомъ и особенно дивились ихъ энергической жестуляціи; самыя лица ихъ, правильныя, напоминающія античныя типы Великой Греціи, странно отличались отъ этрусскихъ фizioномій ихъ амфитрионовъ.

Національная гвардія во всѣхъ провинціяхъ Италіи, за исключеніемъ развѣ Флоренціи и ея окрестностей, гдѣ не представилось на

это возможности, успѣла уже оказывать очень важныя услуги Италіи, несмотря на очень недавнее свое существованіе во вновь присоединенныхъ провинціяхъ.

Однако самыя низшія классы итальянскаго, а слѣдовательно и сьенскаго народонаселенія, не входятъ въ составъ національной гвардіи, а еще большее число не пользуются даже правомъ голоса при избраніи депутатовъ въ парламентъ. Мнѣ бы едва повѣрили, если бы я сказалъ, что привязанность ихъ, такъ не двусмысленно ими высказанная, къ новому порядку и къ новому правительству совершенно безкорыстна. Масса едва ли знаетъ безкорыстныя привязанности. Несмотря на то, что статутъ короля Карла Альберта не предоставляетъ никакихъ прямыхъ выгодъ низшимъ классамъ, неплатящимъ податей 40 франковъ въ годъ, каждый работникъ, каждый поденщикъ чувствуетъ на себѣ его благое дѣйствіе. Статутъ этотъ дозволяетъ всѣмъ безъ различія гражданамъ государства полное право составлять какія бы то ни было ассоціаціи или общества на благо общее столько же, сколько и для устройства быта отдѣльныхъ классовъ и корпорацій, конечно, только не на счетъ выгодъ и интересовъ ближняго. Такимъ образомъ, ограждая и защищая собственность, итальянское правительство даетъ полную возможность рабочимъ корпораціямъ выйти изъ ихъ тяжелаго состоянія, угнетенія и рабства, и стать вполне гражданами и свободными производителями. Это единственное здѣсь учрежденіе въ пользу пролетарія; оно стоитъ многихъ, и одно привязываетъ на долгія времена самую безпечную часть народонаселенія края къ правительству. Въ концѣ прошлаго декабря въ парламентъ представлена была просьба съ очень большимъ количествомъ подписей, для предоставленія неплатящимъ 40 франковъ податей права избирательнаго голоса. Исполненіе этой просьбы впоследствии можетъ привести къ очень хорошимъ результатамъ, но при настоящемъ положеніи рабочихъ классовъ, оно не представляетъ особенной важности.

Тоскана по преимуществу страна трудолюбиваго народа, а потому провинція звалась предоставленіемъ возможности учредить другія подобныя ассоціаціи, и жизнь этого города была отъ нихъ учрежденія. Учредившееся здѣсь общество существованія между ремесленниками въ развитіи отстало отъ подобныхъ же обществъ въ другихъ городахъ, но оно вѣроятно не замедлитъ привлечь многія изъ нихъ, что нигдѣ оно не имѣетъ сего значенія.

по преимуществу
воспользовавшись
тства и
льгра
вспо
еще
ли,
му

Главная и основная цѣль этихъ братствъ — освободить жизнь работника изъ подъ жестокою давящею его возможности нищеты и изъ подъ зависимости отъ покупателя его произведеній, отъ случайности. Они слѣдятъ за нравственнымъ развитіемъ рабочихъ, заботятся о просвѣщеніи ихъ; учреждаютъ бесплатныя школы; раздаютъ денежные вспоможенія на случай крайности, не съ большимъ разборомъ и въ такихъ только случаяхъ, если крайность эта не вызвана дурнымъ поведеніемъ работника.

Сумма, вносимая членами братства, очень незначительна—20 сант. въ недѣлю, около 40 к. с. въ мѣсяцъ, но при большомъ количествѣ членовъ, она составляетъ значительный капиталъ для братства. Члены съ своей стороны, удѣляя очень незначительную часть своихъ заработковъ, обезпечиваютъ себя противъ всякаго рода неожиданностей и неблагопріятныхъ случайностей.

Нечего и говорить, что прямымъ результатомъ дѣйствій этихъ братствъ будетъ развитіе народной промышленности и очень тѣсное сближеніе между народонаселеніями различныхъ провинцій Италіи. Къ сожалѣнію, средства, которыми пока обладаютъ они, очень еще незначительны, и въ Сьенѣ меньше, чѣмъ гдѣ-либо. До тѣхъ поръ, пока не учреждены будутъ магазины или склады, куда каждый будетъ имѣть право приносить продукты своей дѣятельности, получая за нихъ тотчасъ же, по оцѣнкѣ ихъ присяжными, надлежащую плату, — жизнь городского работника далеко не будетъ представлять той солидарности, которую имѣетъ жизнь земледѣльца. Но *chi va piano, va sano* могутъ сказать себѣ въ утѣшеніе сьенскіе рабочіе.

Такъ недавно еще жизнь ихъ представляла самую жалкую и печальную картину; только недобросовѣстностью могли они выбиться, хотя сколько-нибудь, изъ своего безвыходнаго положенія. ⁹⁹/₁₀₀ всего числа были даже безграмотны. А теперь во Флоренціи читаются уже для нихъ публичныя лекціи политической экономіи, и, что всего удивительнѣе, читаются такъ, что ихъ можетъ понимать даже безграмотный:—такъ сумѣлъ упростить эту запутанную и полную софизмовъ науку, скромный профессоръ, укрывающійся громкимъ псевдонимомъ *Niccolo Savio* (Николай Мудрый).

А между тѣмъ одна изъ главныхъ причинъ бывшаго жадкаго столонія ремесленныхъ классовъ еще не устранена.

Не только дурное административное состояніе было причиною дурнаго положенія ремесленныхъ классовъ въ Тосканѣ, а въ особенности ихъ грубого невѣжества. Другая, и столь же важная, — это то великое, но вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелое и подавляющее прошедшее, кото-

рое лежитъ на этой странѣ. Тосканцы, бывшіе въ разныя вѣка переловымъ народомъ Италіи, а иногда и Европы, очень гордятся этимъ, и на основаніи этого одного считаютъ себя и теперь еще самымъ просвѣщеннымъ племенемъ въ мірѣ. Но они забыли, чѣмъ тогда имъ далось просвѣщеніе, забыли, что ихъ счастливыя времена прошли, что если преданіемъ и сохранилась въ нихъ ихъ прежняя цивилизація, то самая эта цивилизація отжила уже санинкомъ давно, что если Данте и создалъ жизнь цѣлыхъ вѣковъ, то только двухъ, послѣдовавшихъ имъ вѣковъ и, наконецъ, что Данте былъ великій человекъ не потому, что происходилъ отъ этрусковъ. Переводъ Крылова басни о гусяхъ могъ бы быть здѣсь очень полезенъ; но пока басня эта еще не переведена, ремесленныя братства встрѣтятъ очень много препятствій къ достиженію своей цѣли. Однакоже они смѣло принялись за дѣло. Въ теченіе этого января во Флоренціи открыты ими вечернія школы, постоянно полныя учениками всякихъ возрастовъ. Торжественное открытіе ихъ было 12-го января, при чемъ президентъ, булочникъ Дольфи, говорилъ очень длинную рѣчь, встрѣченную громогласными рукоплесканіями.

Ремесленныя братства всѣхъ городовъ Италіи тѣсно связаны между собою и представляютъ одну народную ассоціацію, почетнымъ президентомъ которой Гарибальди. Въ Генуѣ находится центральный комитетъ, называемый *Comitato del provvedimento*, управляющій общими дѣлами всей этой ассоціаціи. Братства каждаго города имѣютъ своихъ отдѣльныхъ президентовъ и управляются засѣданіями, на которыхъ-всѣ члены имѣютъ равное право голоса. Засѣданія эти бывають каждое воскресенье, — день, когда ремесленники совершенно свободны отъ своихъ ежедневныхъ занятій. На нихъ избираются, общемою подачею голосовъ, кассиры, по одному на каждую букву азбуки, иногда по два, если какою-либо одною буквою начинаются имена слишкомъ большаго количества членовъ. Общество имѣетъ одного секретаря и нѣсколько ценсоровъ и визитаторовъ, которыхъ число не опредѣлено, и которыхъ обязанности состоятъ въ томъ, чтобы, въ сообществѣ доктора, свидѣтельствовать членовъ, оказывающихся больными и требующихъ вспомошествованія. Ценсора опредѣляютъ мѣру этого вспомошествованія, простирающагося до 1½ фран. для взрослыхъ и 75 сент. для недостигшихъ 15-ти лѣтъ и платящихъ въ недѣлю 10 сент., вмѣсто 20. Каждый членъ братства получаетъ отъ кассира книжку, въ которой отмѣчается полученіе отъ него еженедѣльной платы, точно такъ же, какъ и выдаваемое ему вспомошествованіе. Неплатящій въ теченіе 4-хъ недѣль лишается права на вспомошествованіе, а неплатящій 8 недѣль исключается изъ братства, если не внесетъ сразу половину должной имъ суммы.

Въ братствахъ этихъ участвуютъ не только поденщики и ремесленники, но и художники, адвокаты, университетскіе профессора—«работники мысли»—доктора и медики,—все принимается очень охотно и пользуется даже особеннымъ почетомъ. Въ Сьенѣ, въ настоящее время, мѣсто президента занимаетъ проф. Аквероне, особенно отличившійся своими универсальными наклонностями во время предшествовавшей послѣдней революціи, тогда какъ большая часть его сотоварищей сильно подавалась на сторону *statu quo*.

Сьенское ремесленное братство, вынужденное нетерпящими отлагательства обстоятельствами, взяло инициативу въ дѣлѣ учрежденія комитетовъ *снабженія* или *предусмотрительности* (*comitati di previdenza*); братства другихъ итальянскихъ городовъ пока еще не послѣдовали его примѣру, можетъ-быть потому, что другіе города не такъ нуждаются въ подобныхъ учрежденіяхъ. Въ Сьенѣ, благодаря ся отдаленному, отъ какого бы то ни было коммерческаго центра, и изолированному положенію и плохому состоянію дорогъ, цѣны на самые необходимые для ремесленниковъ предметы подвержены очень сильнымъ измѣненіямъ, въ ущербъ этимъ умѣреннымъ потребностямъ. Предметы, продающіеся оптомъ, закупаются, обыкновенно, немногимъ числомъ людей съ капиталами, которые, при назначеніи имъ цѣны, при мелочной продажѣ, соображаются всего болѣе съ мѣрою необходимости ихъ товара для покупателя, что совершенно въ правилахъ политической экономіи, но очень стѣснительно для покупателей, тѣмъ болѣе, что при ограниченности находящихся въ обращеніи капиталовъ, здѣсь нѣтъ мѣста для конкуренціи. Цѣны на произведенія окрестныхъ деревень еще болѣе подвержены случайностямъ. Чтобы оградить своихъ членовъ отъ подобныхъ неудобствъ, здѣшнее ремесленное братство сочло нужнымъ завести складъ всѣхъ этихъ продуктовъ, изъ котораго члены его могутъ имѣть ихъ по однажды установленной, очень умѣренной цѣнѣ. Деньги, необходимыя на это предпріятіе, должны были быть набраны изъ продажи нѣсколькихъ тысячъ акцій, по 1 фр. каждая. Пока еще сумма эта не собрана, и предпріятіе существуетъ въ видѣ проэкта. На одномъ изъ послѣднихъ засѣданій какой-то изъ членовъ, очень почетной наружности и одѣтый не какъ простой ремесленникъ, предложилъ просить вспомошествованія у правительства, что тотчасъ же было отвергнуто всѣми другими.

Кромѣ всѣхъ этихъ ассоціацій, въ Италіи очень распространены патристическіе комитеты (*Comit. dell' Unita Italiana*). Цѣль этихъ ассоціацій—въ очень неопредѣленной формѣ внутреннее единство королевства; напечатанныя ими программы очень краснорѣчивы, но туманны, и изъ нихъ немного можно заключить о направленіи этихъ комитетовъ.

Они, впрочем и не имѣютъ одного, общаго направленія. Начались они съ давнихъ поръ, въ то время еще, когда мысль о единствѣ Италіи была преступленіемъ на большей части полуострова; тогда, конечно, существовали они въ видѣ тайныхъ обществъ, были въ тѣсной связи съ Пиемонтомъ и съ главными дѣятелями народнаго движенія, которое они сами готовили всѣми зависящими отъ нихъ средствами. Тогда состояли они изъ очень небольшого числа людей, горячо преданныхъ унитарнымъ идеямъ, не имѣли никакого правильнаго устройства, но дѣйствовали съ большимъ единодушіемъ на общую пользу, не жалѣя ни усилій, ни издержекъ. Во Флоренціи булочникъ Дольфи, о которомъ я говорилъ уже, былъ главнымъ центромъ, вокругъ котораго собирались всѣ, желавшіе сколько-нибудь содѣйствовать приближавшемуся перевороту. Онъ и теперь остался президентомъ всѣхъ тосканскихъ комитетовъ, имѣющихъ, какъ и ремесленныя братства, своихъ президентовъ въ каждомъ городѣ.

За тѣмъ комитеты эти въ освободившейся уже части Италіи увеличались, такъ какъ уменьшилась опасность, висѣвшая прежде надъ каждымъ, бывшемъ съ ними въ какихъ бы то ни было отношеніяхъ. Всѣ сколько нибудь зажиточные люди считали своею обязанностью принадлежать къ резидирующему въ ихъ городѣ комитету, хотя участіе большаго числа ихъ членовъ ограничивалось аккуратнымъ внесеніемъ въ кассу ежемѣсячной платы (по 1 фр.) и частными экстренными денежными пожертвованіями. Трудями нѣкоторыхъ, особенно дѣятельныхъ, и на суммы пожертвованныя остальными, въ Тосканѣ была организована бригада волонтеровъ, которой печальная участь во время командованія ею полковника Джіованни Никотерра вамъ, вѣроятно, извѣстна. Въ Генуѣ, бывшей главнымъ центромъ комитетовъ, образовано было двѣ бригады, потомъ раскассированныя по приказанію правительства, и отправленныя отдѣльными партіями и обезоруженныя въ Сициліи, въ непосредственное распоряженіе ея тогдашняго директора.

Но едва прошли эти тревожныя времена, дѣятельность комитетовъ итальянскаго единства потеряла свою прежнюю энергію и опредѣленность, и ихъ единодушіе и согласіе прошли также, на время можетъ быть, пока снова обстоятельства не представятъ имъ болѣе широкую и ровную дорогу. Во многихъ городахъ Италіи они стали главнымъ оплотомъ и разсадникомъ оппозиціи. Эти вошли въ открытыя сношенія съ Мадзини, и ходатайствовали въ особенности о дозволеніи ему возвратиться на родину и о снятіи съ него смертнаго приговора. Министерство и вся приверженная ему партія вслѣдствіе этого возненавидѣла ихъ всюю силою своихъ думъ и помысловъ; журналы, не-

лучающіе оселомозометоміе отъ кабинета Ринасоли, напечатанныхъ статьями противъ этихъ утопистовъ, маджинистовъ, донтранерозъ, красныхъ и пр. Нѣкоторые изъ нихъ, въ слѣдствіе своего рвенія, дошли до того, что объявили эти комитеты проданными Австріи, забывая, что имя ихъ почетнаго президента Гарибальди должно бы было достаточно оградить ихъ отъ подобнаго рода нападковъ: *Blinde Eifer schadet nur*. Нечего и говорить, что ни сами обвинители, ни ихъ приверженцы вовсе не вѣрятъ въ истину своихъ словъ.

О дѣятельности этихъ комитетовъ можно бы было сказать очень многое, но только не здѣсь, такъ какъ сьенскій не принадлежитъ къ ихъ числу.

О направленіи собственно сьенскаго комитета говорить трудно, такъ какъ онъ состоитъ изъ небольшого числа тѣхъ, которые не имѣютъ никакого направленія. Какъ и слѣдовало ожидать отъ города, въ которомъ такъ мало развита умственная жизнь, комитетъ этотъ существуетъ больше для формы, нежели для чего либо другаго. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ итальянскому городу оставаться безъ комитета. Напечатавъ въ началѣ настоящаго года очень запутанную программу, изъ которой меньше всего можно заключить что либо о предстоящей ихъ дѣятельности, члены его занялись очень интересными вѣроятно для нихъ домашними распрями и взаимнымъ обильнымъ любезностей и комплиментовъ со стороны членовъ и распорядителей.

Въ первомъ засѣданіи настоящаго года я былъ представленъ туда однимъ изъ членовъ. Засѣданіе это было въ очень невеликолѣпной залѣ дворца dei Rozzi, единственнаго зданія, въ Сьенѣ, гостеприимно растворяющаго свои двери всякаго рода публичнымъ сборищамъ, не разбирая ни цѣли ихъ, ни содержанія. Оно заслужило особенное уваженіе всѣхъ сколько либо благосмыслящихъ жителей Сьены, такъ какъ въ его стѣнахъ сосредоточиваются всѣ разнообразныя увеселительныя и торжественныя учрежденія этого города; въ нижнемъ этажѣ театральная зала, гдѣ народный герой Стентерелло поражаетъ публичку огненнымъ потокомъ своего остроумія; въ верхнемъ этажѣ бильярдъ, игорныя комнаты, и наконецъ всего болѣе знаменитая зала dei Stuchi, гдѣ каждое воскресенье по утрамъ собираются сьенскіе *patres conscripti*, а по вечерамъ веселья толпы студентовъ, магазинныхъ прикащиковъ, пользующихся случаемъ посидѣть на одной софѣ со своими хозяйками, и вообще лица всѣхъ сословій, съ единственнымъ условіемъ, чтобы они были прилично одѣты, а въ Италиіи вообще и въ Сьенѣ въ особенности подобная оговорка вовсе нестыднительна. Предметъ этихъ разнохарактерныхъ вечернихъ собраній игра въ *lotto-tombola*, совершаемая съ прилично случаю официаль-

ною торжественностью. Зала эта не поражает красотой и роскошью убранства и может вмѣстить себѣ до 1000 человекъ, если 500 изъ нихъ рѣшится усадиться или уѣсться на лавки остальныхъ.

Въ одиннадцатъ часовъ утра, въ первое воскресенье текущаго января, я вошелъ въ эту залу, гдѣ отдѣльными группами стояли и сидѣли человекъ около шести отборныхъ гражданъ города; въ дверяхъ не было и подобія швейцара или сторожа, хотя въ сѣняхъ красовалась маленькая будка съ большими окнами и съ надписью очень четкими буквами: «Custode.»

«Скажите, пожалуйста», обратился я къ одному изъ членовъ, котораго физиономія показалась мнѣ всѣхъ больше общительною, и мучимый тѣмъ, что меня никто не спрашиваетъ, но какому праву я сюда забрался:—«кому я долженъ представить этотъ билетъ?»

Членъ поговорилъ со своими сотоварищами.

— Никому, отвѣчалъ онъ мнѣ очень учтиво, дѣлая видъ, будто приподнимаетъ на головѣ свою шляпу.

«Такимъ образомъ я не рискую по крайней мѣрѣ ошибиться», подумалъ я про себя.

Между тѣмъ еще человекъ 5 — 6 вошли въ залу и разиѣстились на разставленныхъ вдоль стѣнъ диванахъ и стульяхъ. На одномъ изъ концовъ залы, за столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, подъ гипсовымъ бюстомъ короля, украшеннымъ двумя итальянскими флагами, уѣлся президентъ и по объѣмъ его сторонамъ по два старика, очень сѣдыхъ и очень хилыхъ. Изъ нихъ одинъ только живописецъ Муссини, директоръ здѣшней академіи художествъ, былъ мнѣ знакомъ. Президентъ снялъ шляпу и засѣданіе открылось. Комитетъ имѣетъ двухъ секретарей, но изъ нихъ ни одного не оказалось на лицѣ, а потому президентъ попросилъ одного изъ членовъ исправлять на время этого засѣданія секретарскую должность. Какой-то господинъ, во цѣтѣ лѣтъ и въ очень хорошенкомъ инджакѣ, торопливо вскочилъ со стула и снявъ шляпу, уѣлся налѣво отъ старичковъ, сидѣвшихъ налѣво отъ президента. Минутъ пять продолжалась довольно упорная борьба любезностей: президентъ упрашивалъ импровизированнаго секретаря надѣть шляпу, тотъ великодушно отказывался отъ этого възлюбиваго предложенія и наконецъ побѣдилъ противника, то есть оставшись безъ шляпы, принялся читать *processo-verbale* предъидущаго засѣданія, бывшаго гораздо интереснѣе того, на которомъ я присутствовалъ, и даже многихъ другихъ, на которыхъ мнѣ присутствовать не случилось. Это предъидущее засѣданіе было одно изъ самыхъ замѣчательныхъ засѣданій Съезднаго унитарнаго комитета: на немъ бы-

до рѣшено учрежденіе на счетъ комитета вечернихъ классовъ для ремесленниковъ, такъ какъ ремесленное братство не имѣло возможности само этимъ заняться.

Классы эти раздѣлены на два разряда: одинъ для ничего незнающихъ, другой для знающихъ очень мало; но въ составъ ихъ обомъ входятъ только предметы самой строгой необходимости, какъ, напримеръ, грамота, арифметика и пр. Объ учрежденіи этихъ классовъ было объявлено еще прежде черезъ посредство маленькаго воскреснаго листка, издаваемого комитетомъ для простаго народа. Изданіе это стоитъ быть упомянутымъ: статьи въ немъ написаны очень удобопонятно и съ большимъ толкомъ, такъ что изъ нихъ самый необразованный ремесленникъ можетъ приобрести совершенно удовлетворяющія его свѣдѣнія о внѣшней и внутренней политикѣ дня. Продается онъ по всѣмъ доступной цѣнѣ — по 1 сант. ($\frac{1}{4}$ к. с.) за листъ.

Кромѣ политическаго обозрѣнія, газета эта печатаетъ разныя нравственныя статейки, за которыя впрочемъ нельзя особенно похвалить ея редакцію. Мнѣ кажется, что цѣль была бы лучше достигнута, если бы вмѣсто ихъ читателямъ доставлялись научныя свѣдѣнія, часто очень для нихъ необходимыя. Я говорилъ объ этомъ съ однимъ изъ членовъ комитета — дирижующаго, какъ я сказалъ уже, это изданіе; онъ объявилъ мнѣ, что они такъ боятся тѣснѣе познакомить народъ съ отечественной исторіей, что рѣшились вовсе не помѣщать статей научнаго содержанія, такъ какъ въ такомъ случаѣ читатели живо почувствовали бы недостатокъ именно этой ихъ отрасли, и могли бы обвинить за это редакцію.

Страхъ этотъ очень понятенъ въ Италіи, гдѣ гордый подошникъ слишкомъ хорошо знакомъ съ исторіею своего города, понимаемой имъ по своему; а изъ этого выходятъ очень неутѣшительныя послѣдствія, о которыхъ я говорилъ выше. Комитету, имѣющему цѣлью сліть въ одно политическое тѣло всѣхъ провинцій полуострова, конечно не кстати бы было напоминать тѣ времена, когда всѣ онѣ были заклятыми врагами другъ другу. Но съ другой стороны, знакомя народъ съ исторіею всей Италіи, а не только ихъ отечественнаго города, выставляя ему постоянно на видъ то зло, которое было порождено этими мелочными ссорами, разъясняя ему великія мысли героевъ итальянской народности и показывая ему тутъ же насколько они выше пресловутыхъ квасныхъ патриотовъ, невидящихъ ничего за предѣлами того маленькаго уголка, въ которомъ они родились, — мнѣ кажется, можно бы было добиться совершенно противоположныхъ результатовъ.

Но какъ ни неолмы и несовершенны эти попытки народнаго об-

разованія, нельзя не пожелать имъ самаго полнаго успѣха, тѣмъ болѣе, что это лучшая часть дѣятельности Сьенскаго патриотическаго комитета, проводящаго остальное время въ спорахъ и занятіяхъ въ родѣ тѣхъ, которыхъ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ.

Скажу мимоходомъ, что ихъ самое рутинное дѣло — вспоможеніе римскимъ и венеціанскимъ эмигрантамъ и инвалидамъ гарибальдійскаго войска, которые до сихъ поръ не получили еще ничего отъ установленнаго ими правительства, кромя самыхъ блестящихъ надеждъ на будущее.

Я нисколько не отрицаю пользы, приносимой Италіи вообще и этимъ несчастнымъ въ особенности щедротами комитетовъ; но съ трудомъ понимаю, какъ могутъ итальянцы двухъ неосвобожденныхъ еще провинцій считаться эмигрантами въ другихъ, счастливѣе поставленныхъ частяхъ своего отечества. Итальянское правительство, вынужденное конечно необходимостью, поступаетъ довольно круто со своими *неприсоединенными еще* подданными. Въ началѣ нынѣшней войны, имъ изданъ былъ декретъ, лишающій права на вспоможеніе тѣхъ изъ нихъ, которые способны къ военной службѣ и не записываются въ волонтеры. Способъ, какъ видите, нѣсколько насильственный, къ увеличенію рядовъ войска.

Отчетъ объ этихъ дѣйствіяхъ комитета прочтенъ былъ нѣсколько дребезжающимъ голосомъ господиномъ въ коротенькомъ пиджакѣ; но такъ какъ его слушали очень немногіе, то этотъ недостатокъ локализации остался незамѣченъ.

Я хотѣлъ было представить вамъ въ полной картинѣ первое засѣданіе Сьенскаго комитета въ настоящемъ году, но оно было такъ неинтересно и скучно, продолжалось такъ долго, что я раскаиваюсь въ своемъ намѣреніи: Seggio, состоящій изъ президента и 4-хъ старичковъ, сидѣвшихъ по обѣимъ сторонамъ, и управляющій дѣлами комитета, издумалъ обидѣться тѣмъ, что управленіе его было строго контролируемо собраніемъ и изъявилъ желаніе выйти въ отставку. Члены со своей стороны вовсе не желали новыхъ хлопотъ по поводу избранія ему преемниковъ, и энергически протестовали противъ отставки. Какой-то изъ университетскихъ профессоровъ выступилъ ораторомъ со стороны собранія и объявилъ, что не считаетъ ни президента, ни товарищей его въ правѣ оставить управленіе дѣлами комитета до истеченія положеннаго на это срока. Президентъ опровергалъ это положеніе съ большимъ жаромъ; спорили, горячились, прибѣгли нѣсколько разъ къ подачѣ голосовъ и разошлись на томъ, что президентъ и его товарищи требуютъ отставку, а члены не даютъ имъ ее.

Вопросы о нисолахъ и объ эмигрантахъ были отложены до слѣдующаго раза, то есть до 2 февраля.

Общественный президентъ Сьенскаго комитета — вмѣстѣ съ тѣмъ и профессоръ здѣшняго университета — Феррари; но я не знаю, какую катедру онъ занимаетъ. Единственная черта изъ его жизни, отличающая его очень рѣзко отъ остальныхъ его собратіи та, что со времени паденія велико-герцогскаго правительства въ Тосканѣ онъ не написалъ еще ни одной патріотической брошюры во славу министерства Рикасоли и доблести своихъ соотечественниковъ. До того же времени, онъ слишкомъ много дней проводилъ въ тюрьмѣ и въ крѣпости, и потому ему некогда было заниматься литературою.

Предсѣдательство его пока еще слишкомъ кратковременно; сказать о немъ можно очень немногое, кромѣ того, что онъ ознаменовалъ свое вступленіе въ должность циркуляромъ къ сьенскимъ гражданамъ, въ которомъ онъ приглашаетъ всѣхъ ихъ принять участіе въ комитетѣ безъ различія партій и оттѣнковъ *purche vogliano l'Unità d'Italia* (лишь бы только они стремились къ единству Италіи). До него министерская партія преобладала и всякаго рода гоненія обрушивались на головы оппозиціонистовъ.

Несмотря однакоже на это, министерство вовсе неблагоклонно смотрѣло на Сьенскій комитетъ, можетъ быть не знаяго исключительнаго направленія и смѣшивая его съ комитетами другихъ городовъ Италіи. Впрочемъ настоящій кабинетъ съ очень опредѣленными централизационными наклонностями не можетъ благоклонно относиться ни къ какому комитету, хотя большая часть ихъ не представляютъ ничего противузаконнаго и враждебнаго правительству и существующему порядку. Комитеты эти, и даже самыя оппозиціонныя изъ нихъ, главная опора правительства, желающаго единства Италіи и прежде всего внутренняго единства, такъ какъ политическое и административное вытекаютъ изъ этого, какъ прямое послѣдствіе.

Не знаю, сознаетъ ли это министерство, но во всякомъ случаѣ оно видитъ враговъ себѣ во всякомъ подобномъ учрежденіи, потому что оно не хочетъ допустить, чтобы благо Италіи происходило изъ какого бы то ни было другаго источника, кромѣ какъ изъ министерскаго управленія.

Въ Италіи много существуетъ другихъ ассоціаций, о которыхъ я надѣюсь поговорить *en temps et lieu*: всѣ онѣ въ довольно тѣсной связи между собою и общій всѣмъ имъ президентъ Гарибальди. Но въ Сьенѣ ихъ нѣтъ, а я исключительно намѣренъ былъ говорить о Сьенѣ.

Изъ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ мною о ремесленныхъ брат-
Т. LXXXI. Отд. II.

ствахъ и о комитетахъ этого города, можно замѣтить, мнѣ кажется, существенную разницу въ ихъ образѣ дѣйствій и въ направленіи. На всякій случай укажу ее безъ обиняковъ: первый отличается исключительно практическимъ направленіемъ; засѣданія ихъ не такъ краснорѣчивы, но почти всегда приводятъ къ какимъ либо положительнымъ результатамъ; ихъ администрація по необходимости многочисленнѣе, но вовсе не такъ сложна, какъ очень малочисленная администрація послѣднихъ. Комитеты болѣе падки на разсужденія, на теоріи, на общіе вопросы. Дѣло въ томъ, что братства состоятъ преимущественно изъ ремесленниковъ, хотя ученый народъ и допускается въ нихъ съ охотою, тогда какъ комитетъ по преимуществу дѣло профессоровъ и адвокатовъ.

Тѣ времена, когда Сьена была ученымъ городомъ, прошли давно и осталось отъ нихъ только нѣсколько громкихъ именъ да собраній научныхъ предметовъ, расхищенныхъ въ разные времена. Самый университетъ едва не былъ закрытъ по проакту г. де-Санктисъ, теперешняго министра народнаго просвѣщенія. Сьенская городская община спасла его отъ конечной гибели внесеніемъ въ его кассу нѣсколькихъ десятковъ тысячъ франковъ, не достававшихъ на его содержаніе; но и это великодушное приношеніе не помогло ему вырваться изъ того униженного состоянія, въ которомъ онъ теперь находится. Я обѣщалъ не говорить о покойникахъ, но это покойникъ такого знаменитаго рода, что о немъ, право, можно сказать нѣсколько словъ, да къ тому же онъ и не совсѣмъ еще умеръ.

Во всей Европѣ, и даже въ самой Италиі, очень распространено мнѣніе, будто всѣ безъ исключенія итальянскіе университеты происхожденіемъ своимъ обязаны салійскимъ и германскимъ императорамъ. Нѣкоторые очень положительныя историческія данныя, касающіяся учрежденія и первыхъ вѣковъ существованія Сьенскаго университета—свидѣтельствуютъ вовсе не двусмысленно, что если положеніе это и справедливо для другихъ университетовъ, то Сьенскій составляетъ на этотъ разъ блестящее исключеніе, какъ рожденіе вполне свободной городской общины.

Говорить объ Италиі и не говорить о городской общинѣ — *municipio comune*—дѣло почти невозможное, такъ какъ всѣ административныя и политическія учрежденія этой страны или прямо, или косвенно относятся къ общинѣ, и въ слишкомъ многихъ случаяхъ ея непосредственный продуктъ; призракъ этой общины постоянно предъ глазами "барона Рикасоли" и его централизованнаго кабинета, онъ сдерживаетъ всѣ ихъ порывы и представляетъ можетъ быть непреодолимое препятствіе къ достиженію ихъ цѣли. Даже са-

мыя позднѣйшія итальянскія учрежденія, ремесленныя братства, шириніиры, во многомъ схожія съ подобными же ассоціаціями другихъ странъ Европы, во многомъ другомъ представляютъ очень рѣзкія особенности, въ которыхъ живо чувствуется вліяніе уже отжившихъ корпорацій и общинъ. Я зашелъ бы можетъ быть слишкомъ далеко, еслибы сталъ продолжать объ этомъ очень интересномъ предметѣ, а потому и переходу прямо къ тому изъ учреждений этой общины, которой и до сихъ поръ сохранило еще хотя очень слабыя признаки жизни, — и да простятъ мнѣ читатели, если я вдамся въ нѣкоторые историческія отступленія.

Словомъ университетъ—*Università*—съ очень давнихъ поръ назывались въ Италіи ремесленныя, художническія и ученныя корпораціи, въ составъ которыхъ входили всѣ лица, занимавшіяся однимъ какимъ либо ремесломъ, и живущія въ предѣлахъ одной какой нибудь республики или города; такимъ образомъ, тамъ были университеты столяровъ, сапожниковъ, плотниковъ, граверовъ и проч. Школы же, съ самаго начала владычества варваровъ въ Италіи, существовали при монастыряхъ, при епископскихъ дворахъ, но не имѣли никакихъ почти общеній между собою, не составляли корпораціи. Такъ было, пока епископы управляли странюю, нося имя завоевателей, и потомъ, когда аристократическія общины стали въ главѣ правленія. Произволъ администраторовъ былъ въ полной силѣ, а потому не было необходимости ни въ какихъ законахъ.

Но съ началомъ XIII вѣка въ городахъ средней Италіи появились совершенно новыя классы народонаселенія, приобрѣтавшій все болѣе и болѣе силы и наконецъ одолѣвшій и варваровъ и аристократическую общину; классъ этотъ составляли купцы, обогащенные торговыми сношеніями съ Венеціею и Греціею, а впослѣдствіи съ Франціею и съ Востокомъ. Едва община эта—*del popolo magno*—овладѣла управленіемъ страны, отрывочныя постановленія варварскихъ императоровъ, которымъ въ видѣ связи или основной мысли служилъ произволъ администраторовъ,—потеряли всякое значеніе и живо стали чувствоваться недостатокъ раціональнаго законодательства. Остатки римскаго права, сохраненные духовенствомъ, были слишкомъ искажены ими и не представляли къ тому же ничего цѣлаго, могущаго послужить основаніемъ для новой юриспруденціи. Тогда городская община рѣшилась на собственныя средства завести школы для спеціального изученія римскаго права, уже не въ видѣ ряда отрывочныхъ постановленій. Для этого нужно было преобразовать существовавшія уже элементарныя школы, установить правильную послѣдовательность въ предметахъ въ нихъ преподаваемыхъ, и слѣдовательно подчинить

ихъ одну другой, соединить ихъ въ одно цѣлое ученое тѣло. Это соединеніе всѣхъ школъ, съ спеціальною цѣлью возрожденія римскаго законодательства, названа было: *Universita della Scote*, или *Universita degli Studj*.

Первый, появившійся такимъ образомъ университетъ—былъ въ Болоннѣ; затѣмъ образовался подобный въ Сьенѣ, нѣвшеи въ то время больше возможности, чѣмъ Флоренція, заняться своимъ внутреннимъ устройствомъ, и стоявшей во главѣ тосканскихъ республикъ.

Уже много позже, когда вся Тоскана была въ рукахъ великихъ герцоговъ Лотарингскаго дома, сьенскій университетъ началъ много терпѣть отъ пизанскаго, обладавшаго гораздо большими средствами и посему поставленнаго въ несравненно выгоднѣйшее положеніе. Изъ Сьены мало-по-малу стали переходить въ Пизу лучшіе профессора и большое число студентовъ; затѣмъ были перенесены туда же цѣлыя факультеты: философскій и юридическій, потомъ и математическій, такъ что въ Сьенѣ остался въ полномъ составѣ только медицинскій и богословскій; остальные же существовали (да и теперь существуютъ) въ видѣ сукурсаціи пизанскаго, такъ что въ нихъ читается только низшій лицейскій курсъ, и на полученіе докторскаго диплома сьенскіе студенты должны прослушать въ Пизѣ три года университетскій курсъ и тамъ же держать экзаменъ. Вслѣдствіе этого сьенскій университетъ сталъ пустѣть мало-по-малу, и теперь въ немъ едва восемьдесятъ человѣкъ студентовъ по всѣмъ факультетамъ и разрядамъ.

Тосканскіе великіе герцоги оставляли безъ вниманія этотъ университетъ и доходы его значительно поуменьшились, такъ что въ настоящее время, несмотря на значительно уменьшившіеся расходы, доходовъ, получаемыхъ сьенскимъ университетомъ съ подаренныхъ ему въ разные времена сьенскими патриотами имѣній, не хватало уже на его содержаніе. Министръ де-Санктисъ, подавшій прокъ совершеннаго преобразованія итальянскихъ университетовъ, предложилъ сьенскому или быть раскассированнымъ, или содержаться безъ вспомоствованія со стороны правительства. Городская община рѣшила этотъ вопросъ, принявъ на себя пополненіе ежегоднаго дефицита.

Благодаря этому великодушію сьенскаго муниципаліа, умственная жизнь города не совсѣмъ еще умерла, хотя и находится въ очень жалкомъ состояніи. Въ теченіе очень короткаго промежутка времени въ Сьенѣ закрылось нѣсколько типографій, и остальные врядъ ли бы удержались, если бы не то, что послѣдній политическій переворотъ вызвалъ здѣсь несмѣтное количество брошюръ, которыя хотя мало

заходить читателей, но заслуживаютъ самой искренней благодарности со стороны содержателей типографіи.

Періодическое изданіе, кромѣ еженедѣльнаго листка для народа, о которомъ я уже говорилъ, завѣсь только одно, Богъ вѣсть почему называемое «La Venezia», скромно перепечатавшее вчерашнія новости изъ флорентійскихъ газетъ и существующее почти исключительно доходами съ объявленій, печатаемыхъ на ея четвертой страницѣ. Нечего и говорить, что газета эта и тѣни не имѣетъ какого бы то ни было направленія, хотя и подкуриваетъ порою услужливый филиппъ кабинету, въ надеждѣ попасть на его содержаніе. И давай ей усѣха всѣ святые покровители города Сьены и журналистики вообще!

Среди мелкой работничьей жизни города, сьенскимъ студентамъ очень трудно было бы отстоять себя, какъ корпорацію, и они поддались вполне вліянію окружающей ихъ среды, вмѣсто того, чтобы оказывать на нее свое вліяніе. Профессора нашли себѣ довольно обширное поле дѣятельности въ ремесленныхъ братствахъ и въ комитетахъ, которыхъ они составляютъ какъ бы зерно. Студенты же, не принадлежащіе ни къ одной изъ этихъ ассоціацій, должны были устроить почти подобное братство между собою, что они и сдѣлали въ началѣ настоящаго года. Подобныя же ассоціаціи студентовъ учреждаются и въ другихъ итальянскихъ городахъ, и отъ ихъ развитія можно ждать очень многого; но пока все это еще существуетъ въ видѣ предпріятія.

Въ Италіи подобныя ассоціаціи не новость; они существовали тамъ много лѣтъ тому назадъ, подъ названіемъ академій. Вамъ, конечно, извѣстно, что подъ этимъ словомъ въ Италіи разумѣются всякаго рода собранія, если не ученыхъ, то по крайней мѣрѣ благовоспитанныхъ людей. Въ Сьенѣ было нѣсколько такихъ академій; всѣ онѣ прошли, и двѣ самыя замѣчательныя изъ нихъ: de'Ravivati и de'Rossi, оставили слѣды своего присутствія. Трудами послѣднихъ былъ учрежденъ здѣсь публичный кабинетъ для чтенія — единственное заведеніе въ этомъ родѣ цѣлой Сьены. Въ немъ находится очень порядочный выборъ итальянскихъ и французскихъ газетъ и нѣсколько отдѣльныхъ сочиненій и брошюръ по преимуществу сьенскихъ авторовъ.

Этимъ же академикомъ Rozzi Сьена обязана существованіемъ въ ней народнаго театра, гдѣ Стентерелло, комическій представитель тосканцевъ, потѣшаетъ публику своими импровизированными островами.

Вамъ, конечно, извѣстно, что каждая изъ итальянскихъ провин-

цѣи имѣетъ свою народную маску, въ которой когда-то выразилось въ карикатурѣ характеристическая особенность ея народнаго селенія. Такъ, на примѣръ, Ломбардіа имѣетъ ардекина, грубаго и плутоватаго буламасскаго мужика, Венеція—Панталона и Факкананша, Болгундовъ и трусовъ, скупыхъ на все, только не на слова, и постоянно мѣняющихся не въ свои дѣла; Неаполь—Пульчинелла—типъ слѣпцомъ хорошо извѣстный повсюду, акклиматизировавшійся во Франціи подъ исковерканнымъ прозвищемъ Полицинелла, въ Россіи—подъ именемъ Петрушки. Теперь всѣ эти разнохарактерныя типы слились въ сущности въ одинъ, хотя и сохраняютъ свои различныя названія. Каждая труппа актеровъ имѣетъ непременно одного или двухъ актеровъ на эти роли; они и внѣ сцены постоянно сохраняютъ названіе роли, которую играютъ каждый вечеръ. Безъ нихъ не обходится ни одна пьеса, какого бы содержанія она ни была; въ переводныя непременно вносится лишняя роль для нихъ; въ извѣстной французской драмѣ «Серафима Лафайль», гдѣ героиня встаетъ изъ могилы, Стентерелло играетъ роль могильщика, а иногда вора, пришедшаго обкрадывать трупы. Въ мольтеровскихъ комедіяхъ, очень часто даваемыхъ на итальянской сценѣ, первая комическая роль Мамарсель или Станарель, тоже передѣлывается на Стентерелло или на Ардекина, смотря по городу. Передѣлки эти обыкновенно мало стоятъ трудовъ переводчикамъ, такъ какъ они только означаютъ главные положенія, въ которыхъ находится комическій герой по отношенію къ остальнымъ персонажамъ; вся же роль исключительно остается на отвѣтственности актера, который въ большей части случаевъ импровизируетъ ее. Большая же часть оригинальныхъ итальянскихъ комедій вертятся на главной комической роли и успѣхомъ своимъ бывають обязаны главному комику, а вовсе не автору. Между этими актерами попадаются первоклассныя дарованія: Лаблашъ началъ свою артистическую карьеру на сценѣ дешеваго неаполитанскаго театра С. Карлино, откуда его вывелъ импресарио королевскаго театра С. Карло.

Участь этихъ несчастныхъ комиковъ самая жалкая; жалованье получаютъ они очень незначительное и должны каждый вечеръ потѣшать публику, которая къ нимъ въ особенности строга. Во времена велико-герцогскаго правленія, эти Стентерелло проводили по крайней мѣрѣ половину своего времени въ тюрьмѣ; имъ достаточно было простой двусмысленности или какого-нибудь неосторожнаго намёка, чтобы попасть наконецъ на казенные хлѣббы. Съ этой стороны положеніе ихъ очень много улучшилось; правда, и теперешніе комедіи представляютъ очень ловкую цѣль ихъ остроумъ.

Въ нихъ игрѣ очень важную роль играетъ жестикуляція, и у некоторыхъ она переходитъ въ простое и бессмысленное прииманье;

очень немногие умѣютъ удерживаться въ надлежащихъ предѣлахъ и создать дѣйствительно комическій и чисто итальянскій характеръ.

Народный театръ въ Италіи посѣщается только чернью и самыми низшими классами буржуазіи. Люди «порядочные» считаютъ посѣщеніе его для себя неприличнымъ и предпочитаютъ очень плохую обыкновенно оперу. Въ Сьенѣ для музыки есть другой театръ, называемый «Большой», вѣроятно сравнительно съ театромъ маріонетокъ, такъ какъ зала его одна изъ меньшихъ залъ въ Италіи, гдѣ, какъ извѣстно, мало большихъ театровъ.

Опера въ Сьенѣ идетъ только во время рождественскихъ святокъ и карнавала, но и въ этихъ случаяхъ она не отличается хорошимъ и полнымъ составомъ. Флорентинскіе театры лѣтомъ иногда ослѣпительно выдаются появленіемъ европейскіхъ знаменитостей; все же остальное время года театры всей Тосканы угощаютъ свою публику новыми музыкальными произведеніями непривычныхъ гениевъ, гостеприимно принимаютъ несчастныхъ артистовъ и артистокъ, которымъ не досталось въ другихъ городахъ Италіи. За то они отличаются бесспорно дешевою платою за входъ. Ложи не имѣютъ определенной цѣны и продажею ихъ рѣдко завѣдуютъ театральныя кассы. Аристократическія семейства имѣютъ свои абонированныя ложи въ лучшихъ театрахъ;—ложи незаняты такимъ образомъ или остаются пусты все время театрального сезона, или продаются лавочни гостиницъ иностранцамъ. Итальянцы же обыкновенно входятъ въ партеръ, и то не покупая кресла, а ограничиваются платою за входъ.

Въ Сьенѣ опера посѣщается мало; это объясняется жалкимъ составомъ труппы. Я говорилъ уже, что Сьена славится мужскими голосами, но въ этомъ городѣ очень мало средствъ къ развитію музыкальнаго дарованія, а потому юноши, подающіе надежды, съ раннихъ поръ отправляются въ филармоническія заведенія во Флоренцію или въ Неаполь, и потомъ уже не возвращаются въ родной городъ, придерживаясь вѣроятно изреченія: «не славенъ пророкъ въ отечествѣ своемъ». — Лучшая изъ итальянскихъ примадоннъ сопрано, маркиза Пикколомини, родомъ изъ Сьены; но она только одинъ разъ въ жизни пѣла на сценѣ здѣшняго Большаго театра, и то по поводу очень торжественнаго случая—пріѣзда короля Италіи во вновь приобъединенный къ его владѣніямъ городъ. Пикколомини пѣла нѣсколько народныхъ гимновъ, и, говорятъ, совершенно очаровала воина итальянской независимости. Впрочемъ, въ настоящее время пѣвица эта не принадлежитъ уже къ театральному міру, такъ какъ она оставила сцену, выйдя за мужъ за какого-то очень аристократическаго и очень католическаго барона.

Какъ ни бѣдны театры эти, — это единственною публичною увеселительнымъ заведеніемъ въ Сьенѣ, гдѣ нѣтъ ни одного воксала, ни даже публичнаго сада, гдѣ бы собирався народъ и играла музыка. Большой загородный лугъ, обсаженный тощими деревьями, единственное здѣсь общественное гулянье, но его попреимуществу посѣщаютъ мамы съ дѣтьми, да уличные мальчишки, играющіе въ орланку на протоптанной травѣ. Достигнувъ совершеннолѣтія, сьенскіе жители теряютъ всякую любовь къ загороднымъ увеселеніямъ и проводятъ въ кофейныхъ все свое свободное время, гдѣ, заплативъ 15 сантимовъ за стаканъ пуншу, они сидятъ по цѣлымъ часамъ, наслаждаясь пріятною бесѣдою и чтеніемъ попреимуществу министеральныхъ журналовъ.

Въ Сьенѣ кофейныя однакоже вовсе не играютъ такой роли, какъ въ жизни другихъ итальянскихъ городовъ. Правда, что онѣ съ утра до ночи полны народомъ, и что очень многіе проводятъ въ нихъ все свое время. Множество молодыхъ людей, болѣе или менѣе негольшки одѣтыхъ и съ очень строими профилями, посвящаютъ всю свою жизнь тому, чтобы изъ-за стеклянныхъ дверей или изъ подъ навѣсовъ Caffè Greco лоршировать проходящую мимо публику. Чѣмъ живутъ они, чѣмъ заплатили за свои кофейнаго цѣвта сюртуки и за красивыя галстуки? Это такая загадка, что никакой Эдигъ не разрѣшитъ ее въ настоящее время. Гордо и презрительно смотрятъ они на все и на всѣхъ, только въ географіи обладаютъ самыми поверхностными знаніями. Эта «молодая Италія» — продуктъ чисто неаполитанскій, хотя очень распространенный по всему полуострову. Во всѣхъ другихъ итальянскихъ городахъ они занимаютъ по крайней мѣрѣ дѣлшнелъ долговъ, бѣгаемъ по баламъ и по театрамъ и тамъ они составляютъ существенную часть городского народонаселенія. Но что дѣлаютъ они въ Сьенѣ, гдѣ условія кредита понимаются совершенно по своему, гдѣ только во время карнавала бываютъ два-три маскарада, и то биткомъ набитые ремесленниками *endimanchés* и ихъ женами — публика, съ которою очень не охотно мѣшались эти доблестные потомки Брутово, Кассіево и пр. Очень не трудно представить себѣ ту степень уваженія, которою пользуются они со стороны мелкихъ труженниковъ, составляющихъ главную часть сьенскаго народонаселенія; эта возможность ничего не дѣлать уважаются бѣдными труженниками прѣвше всякихъ добродѣтелей и доблестей. Въ самомъ дѣлѣ, изъ-за чего бѣется какой нибудь несчастный факингъ, или чиновникъ префектуры, какъ не изъ-за того, чтобы достать себѣ средства жить безъ особенно тяжелыхъ лишеній. И чего только не переноситъ онъ для достиженія этой цѣли. А тутъ передъ его глазами человекъ, бѣдникъ такой же, какъ и онъ, живетъ себѣ насвистывая и прищѣвывая и ни въ чемъ не терпитъ недостатка. Будь эти господа наслѣдники

богатѣнъ семействѣ, издерживай они то, что съ большимъ трудомъ накопили ихъ дѣлательные отцы и праотцы — тогда другое дѣло: каждый кучеръ, возущій ихъ въ своей дребезжащей колясочкѣ, каждый мальчишка, плетущій изъ тонкой кожи ботинки, завидовали-бы имъ и льстили-бы пожалуй въ глаза, но въ душѣ они презирали бы ихъ, нравственно ставили бы себя несравненно выше этихъ беззаботныхъ щеголей; весь бы городъ зналъ цифру каждого счета, назначеннаго ими портному. Но юноши, о которыхъ говорю я, кромѣ болѣе или менѣе звучныхъ именъ, не получили никакого наслѣдства; съ дѣтства они не учились ничему и всякаго рода знанія считаютъ совершенно излишнимъ бременемъ для своихъ аристократическихъ головъ. Они такіе же пролетаріи, такіе же промышленники, какъ и вся эта суетящаяся вокругъ ихъ чернь.

Только чѣмъ промышляютъ они въ Сьенѣ, сидя цѣлый день въ кофейныхъ и въ бильярдныхъ? Игра въ итальянскихъ городахъ очень плохой источникъ дохода, а въ особенности въ Тосканѣ: здѣсь слишкомъ дорого достается каждая копѣйка, и мало находится охотниковъ рисковать, мѣнять птицу въ рукахъ на журавля въ небѣ. Бильярдъ здѣсь только по вечерамъ собираютъ вокругъ себя довольно многочисленную публику, но это все молодые ремесленники, играющіе изъ чести, или рѣдко на чашку кофе или стаканъ пуншу. Игрные дома запрещены, т. е. правительство сохраняетъ для себя монополію азартныхъ игоръ. Въ карты играютъ иногда въ залахъ казино или въ академіи Россіи, но играютъ почтенные старцы, не рискующіе болѣе какъ полу-франкомъ въ вечеръ. Законы противъ шулеровъ строги, да и не нужны вовсе, такъ какъ единственный способъ вытащить деньги изъ кармана у сенеца—это остановить его ночью съ ножомъ на большой дорогѣ, на что находится очень много охотниковъ, но надѣюсь, что щегольскіе «засѣдатели» кофейныхъ не принадлежать къ этимъ почтеннымъ корпораціямъ. Чѣмъ же живутъ эти господа? Не знаете ли вы, — но я ей-богу не берусь рѣшить этотъ трудный вопросъ. Да не знаю, стоитъ ли онъ труда быть рѣшеннымъ. Это то гнилое поколѣніе, которое чернымъ пятномъ лежитъ на всѣхъ европейскихъ обществахъ. Я не думаю, чтобы для поддержанія своего, никому ненужнаго существованія, они рѣшались на преступленіе; но самое существованіе ихъ въ Италіи въ настоящее время само по себѣ уже преступленіе, хотя—основываясь на Данте, — можно предположить, что они съ давнихъ поръ водятся въ этой благословенной странѣ.

Въ аду своемъ Данте очень удачно помѣстилъ ихъ души: онѣ не стоятъ даже наказанія и сплываютъ по берегамъ Коцита такъ же, какъ при жизни, вмѣстѣ со своими земными оболочками, бродили по набереж-

идымъ Арно во Флоренціи, по площадкѣ близъ Caffè Rosso въ Сьенѣ. Не упомянуть о существованіи ихъ я не могъ; но надѣюсь, что впередъ говорить мнѣ о нихъ не придется. Можетъ быть и они имеютъ свой смыслъ и значеніе среди разнообразныхъ словъ итальянскаго общества, можетъ быть и ихъ существованіе не совсѣмъ бесполезно и пусто, — но я не настолько тонкій наблюдатель и не настолько глубокий философъ, чтобы понять эти сокровенныя тайны міроздавія.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

СОВРЕМЕННАЯ ФИЗИОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ.

(Физиологии бытственной жизни, соч. Льюиса. Перев. съ англійскаго Ворзенкова и Рачилскаго. Т. I. П. Москва. 1861—62).

Физиология, наука жизни, разрабатывается и изучается въ настоящее время съ живѣйшимъ интересомъ и съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ; потому что задача ея очень важна и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно привлекательна. Органическая жизнь, проявляющаяся въ животныхъ организмахъ и въ самомъ совершеннѣйшемъ изъ нихъ — человѣкѣ, составляетъ самую высшую, послѣднюю и заключительную ступень развитія той единой сущности, которая лежитъ въ основаніи всякаго бытія. Проникая въ тайны жизни, мы льстимъ себя надеждой проникнуть въ тайны самага бытія. Не говоря уже объ ученыхъ, занимающихся изученіемъ природы, даже не ученая публика сильно интересуется физиологическими знаніями; это побуждаетъ физиологовъ излагать таинства своей науки такъ, чтобы они были доступны для всѣхъ. — Оригинальныхъ сочиненій по части физиологии у насъ почти вовсе нѣтъ; за то есть довольно переводовъ иностранныхъ физиологій, какъ спеціальныхъ, такъ и популярныхъ. Первое мѣсто между послѣдними безспорно принадлежитъ физиологии Льюиса; она написана просто, удобопонятно и въ высшей степени увлекательно. Манера изложенія Льюиса неподра-

жаема; онъ такъ искусно предлагаетъ физиологическіе вопросы и такъ рельефно умѣетъ представлять ихъ, что человекъ, вовсе незнакомый съ физиологіей, съ-разу увидитъ всю ихъ важность и пойметъ ихъ сущность; онъ касается иногда самыхъ спеціальныхъ физиологическихъ частныхъ, но развиваетъ ихъ такъ, что читатель безъ труда и даже съ удовольствіемъ можетъ слѣдить за ними. Но главное достоинство Льюиса — это его основательность, чрезвычайная осторожность и строгость въ выводахъ и заключеніяхъ; онъ не ограничивается, подобно многимъ другимъ физиологамъ, только своими собственными наблюденіями и опытами, но сводитъ въ одно всё известное ему опыты, мнѣнія и положенія разныхъ физиологовъ, повѣряетъ ихъ сначала общими логическими соображеніями, потомъ собственными наблюденіями и наконецъ уже дѣлаетъ свои выводы, такъ что читателю представляется возможность самому повѣрить своего руководителя. Все это придаетъ мнѣніямъ Льюиса особенную прочность и силу; ужь если онъ высказалъ какое-нибудь положеніе, значитъ оно имѣетъ на своей сторонѣ достаточныя доказательства. — Но не этими достоинствами обратилъ у насъ на себя вниманіе Льюисъ; его «Физиологія» получила у насъ особенную извѣстность потому, что на нее указывали противники «Современника» въ спорахъ съ нимъ изъ-за философіи г. Юркевича. Эти противники захотѣли приурочить философію послѣдняго къ физиологіи, черпади Льюиса, въ ученіи г. Юркевичу; и утверждали, что между ними существуетъ если не тождество, то по крайней мѣрѣ большое согласіе въ ученіи и во взглядахъ на ранне философіе вопросы. Такое согласіе Льюиса съ г. Юркевичемъ, провозглашенное противниками «Современника», оказывается дѣйствительнымъ съ перваго взгляда. Льюисъ, одинъ изъ представителей современной физиологіи, — не ограниченный, односторонній спеціалистъ въ родѣ Шлейдена, но человекъ всесторонне развитый, способный рассуждать логически и отвлеченно; и вдругъ говоритъ, что онъ сходится въ убѣжденіяхъ съ послѣдователемъ школы, которая враждебна физиологіи и боится всѣхъ вообще естественныхъ наукъ, какъ огня. Согласитесь, что это чрезвычайно странно; возможно что ибудь одно: или Льюисъ настоящій физиологъ, и въ такомъ случаѣ онъ не долженъ сходиться въ основныхъ взглядахъ съ г. Юркевичемъ; или дѣйствительно онъ сходится съ нимъ, но въ такомъ случаѣ его уже нельзя назвать истиннымъ физиологомъ. Многие, покѣривъ на слово противникамъ «Современника», усумнились въ достоинствахъ Льюиса, какъ физиолога, или вообразили, что онъ по убѣжденіямъ похожъ на Либиха, вездѣ, даже въ химическихъ сочетаніяхъ, въ прищипленіи и дыханіи усматривавшаго дѣлособразность и такъ называемыя конечныя причины. Поэтому мы считаемъ своимъ обязан-

нестало смущать Льюиса отъ нареканій, бросаемыхъ тѣмъ на его эмпириогнозисскую репутацію; и смѣло говорилъ, что противники «Современника» наклонялись на потешнаго ученаго, утверждая, что они не хотятъ служить подпоркою философіи г. Юревича; тогда какъ на самомъ-то дѣлѣ направленіе его воззрѣній идетъ въ сторону, совершенно противоположную этой философіи, — что мы и постараемся доказать. Г. Юревичъ лучше своихъ защитниковъ понималъ свои отношенія къ эмпириогнозіи; онъ никогда не обращался къ ней за подтвержденіемъ своего ученія и вообще смотритъ на нее свысока и даже съ презрѣніемъ, какъ и слѣдуетъ истинному философу.

По какимъ побужденіямъ противники «Современника» оклеветали Льюиса, объ этомъ мы будемъ говорить послѣ, а теперь скажемъ о тѣхъ мифическихъ основаніяхъ, которыя они употребили въ свою пользу, о нѣкихъ выразеніяхъ Льюиса, которыя дали имъ возможность предсказать его партизанскій философіи г. Юревича. — У каждаго писателя можно найти фразы и отдѣльные мѣста, которыя могутъ быть истолкованы въ пользу какаго угодно ученія, въ пользу самыхъ разнородныхъ и противоположныхъ воззрѣній; особенно это удобно дѣлать съ англійскими писателями, вслѣдствіе одной характеристической особенности, свойственной имъ. Англичане вообще народъ церемонный и деликатный до цѣлестильности; они свято уважаютъ то, что «принято», благоговѣютъ предъ мифами, ованченными старинкою, съ трудомъ отказываются отъ укоренившихся преданій и обычаевъ, хотъ бы въ дѣлѣ все было основано на предвзудѣ. Англійскіе мыслители и ученые невольно подчиняются этой особенноти англичанъ и всегда соображаются съ нею; они рѣдко рѣшаются нападать на укоренившіяся мифы и предвзуды, особенно еще, если въ нихъ нѣтъ непосредственнаго практическаго интереса; а если и нападаютъ на нихъ, то чрезвычайно осторожно, съ равными оговорками и двусмысленными ограниченіями, иногда даже просто употребляютъ фразы, выражающія софизмъ не то, что они хотятъ сказать. Эта особенность англійскихъ писателей должна быть очень понятна русскимъ писателямъ, удивляющимъ ее совершенно по другимъ причинамъ. Положимъ, всѣ англичане каждаго признаютъ за истину какой нибудь предвзудокъ, всѣ привыкли, напримеръ, въ важнѣйшихъ случаяхъ говорить приблизительно—5; ученый, возстающій противъ этого предвзуда, не станетъ прямо опровергать его, не скажетъ 4, а дастъ своему опроверженію, приблизительно, такую форму: «я не отвергаю 5, не стою за негодное и глупое 4, а утверждаю только, что нужно говорить 2+2». Люди, поверхностно разсуждающіе, не разберутъ сущности мифическаго ученаго, не поймутъ атого 2+2, а обратятъ свое вниманіе на то, что онъ не отвергаетъ 5, и называющаго негодностью 4; на этомъ и основыв-

всего, свои заключенія объ убѣжденіяхъ ученаго. Такимъ особенностямъ англійскихъ писателей вы замѣтите и у Милля, и у Дарвина, который прасерьезно разбираетъ возраженіе противъ его «теоріи видовъ»; съ stolzиемъ въ томъ, будто бы она противорѣчитъ общепринятой морали, утверждаетъ, что напротивъ, она согласна съ нею и въ доказательство ссылается на письмо къ нему одного духовнаго лица. Общій характеръ возрѣній Боуля также очень ясно обнаруживается во всемъ его сочиненіи; однако посмотрите, съ какими пафосомъ онъ воззываетъ противъ обвиненія его въ неморальности, т. е. въ несогласіи съ общепринятою моралью, хотя обвиненіе, въ существѣ своемъ, совершенно справедливо. Подобно этому, и у Льюиса встрѣчается иногда двусмысленныя фразы, которыя могутъ дать поводъ думать, будто бы онъ сходится хоть бы, напримѣръ, съ г. Юркевичемъ. — Изъ этого вытекаетъ правило, что объ убѣжденіяхъ ученаго, особенно еще англійскаго, нужно судить не по отдѣльнымъ фразамъ, или отрывкамъ, но по самой сущности, по всему строю его возрѣній. Какъ бы онъ самъ ни характеризовалъ свое ученіе, какими бы именемъ ни называлъ его, намъ до этого нѣтъ дѣла, мы должны смертить на сущность его ученія и сами должны опредѣлять, каково оно и къ какой сторонѣ принадлежитъ. Иной самъ себя называетъ хорошимъ человѣкомъ, а посмотрите, на дѣлѣ-то у него и нѣтъ ничего хорошаго; за то бывають и обратные случаи. Поэтому, зная основный характеръ возрѣній Льюиса, мы нисколько не смущаемся тѣми выраженіями его, въ которыхъ онъ, повидимому, сходится съ г. Юркевичемъ. Также точно мы не придаемъ никакой важности и слѣдующимъ словамъ Льюиса, приведеннымъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ»: «что касается до сущности Гегеля, говоритъ Льюисъ, то предоставляемъ нашимъ читателямъ судить, заслушиваетъ ли она какого-либо вниманія, кромѣ развѣ только того, чтобы служить примѣромъ заблужденія мысли... Она все оставляетъ во мракѣ, и не заслушиваетъ вниманія серьезныхъ людей. Она не только бесполезна, но и вредна. Легкость, съ которою люди могутъ бросать всѣ вопросы въ систематическое обращеніе метафизики, была долгое время истиннымъ бичомъ германской мысли.» «Русскій Вѣстникъ» воображилъ, что это нѣчто на правдѣ: прочитавъ «Современника» и его философскія возрѣнія, и служивъ подтвержденіемъ философіи г. Юркевича. Конечно, «Русскій Вѣстникъ», если захочетъ, можетъ судить о Льюисѣ по этому отрывку; но читатели видятъ, что онъ вовсе не касается ни возрѣній «Современника», ни философіи г. Юркевича, и скорѣе говоритъ въ пользу «Современника». Да и нельзя судить о Льюисѣ по этому отрывку, а нужно сначала узнать его философскія возрѣнія.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній; мы обратимся къ раз-

смѣрѣніе: взглядовъ. Льюиса на высшія отправленія человеческого организма и всѣхъ вообще живыхъ организмовъ, и къ опредѣленію степени ихъ согласія или несогласія со взглядами г. Юркевича на тѣ же предѣлы. Мы не имѣемъ намѣренія спорить съ г. Юркевичемъ и опровергать его. Мы высказали свое мнѣніе объ немъ въ нашей статьѣ «О старыхъ и новыхъ философахъ»; тамъ мы прямо упоминали объ немъ вмѣстѣ съ «Русскимъ Вѣстникомъ», не называя ихъ, впрочемъ, по именамъ, и отнесли ихъ обоихъ къ старому типу; опровергать г. Юркевича, значило бы повторять старое. Мы главнымъ образомъ будемъ заниматься Льюисомъ, а г. Юркевича будемъ касаться только для того, чтобы увидѣть, согласны ли его философскія воззрѣнія съ мыслями Льюиса, или нѣтъ. Правъ ли г. Юркевичъ, вѣрна ли, или нѣтъ его философія, объ этомъ мы не скажемъ ни слова, мы только постараемся опредѣлить отношеніе ея къ философіи Льюиса, которую противники «Современника» взяли за критерій при опредѣленіи достоинства философіи своего кліента. Противники «Современника», желая поддержать г. Юркевича, представляли дѣло такъ, что вся разница между «Современникомъ» и г. Юркевичемъ состоитъ въ томъ будто бы, что г. Юркевичъ признаетъ психологію особой самостоятельной наукой, а «Современникъ» не признаетъ за ней такого значенія и за это будто бы называетъ его философію кабалистикой. Во все же то; разница между воззрѣніями г. Юркевича и «Современника» лежитъ гораздо глубже и вовсе не касается классификаціи наукъ и разграниченія ихъ предѣловъ; и г. Юркевичъ названъ кабалистомъ не за то, что онъ признаетъ самостоятельность психологіи, а за другую вещь, которой не поняли, или не хотѣли понять противники «Современника». Г. Лавровъ также точно стоитъ за самостоятельность психологіи, однако мы не назвали его кабалистомъ и причислили не къ старымъ, а къ новымъ философамъ, потому что онъ вѣрно рассуждаетъ объ Единѣ и опровергаетъ большую и самую существенную часть того, что признаютъ старые философы. Разница между гг. Лавровымъ и Юркевичемъ громадная; первый просто идеалистъ, а второй, кромѣ того, еще супранатуралистъ; и вѣдь это не шутка. Г. Лавровъ называетъ г. Юркевича искуснымъ диалектикомъ и удивляется, почему мы не желаемъ состязаться съ его диалектикой. Помилуйте, вѣдь вы же сами, не смотря на искусство диалектики г. Юркевича, не соблазнились супранатуралистической точкой зрѣнія, на которой онъ стоитъ; да кромѣ того, вы сами давно опровергли ее и отнеслись къ ней довольно презрительно и остроумно,—помните то мѣсто вашей статьи о «Современномъ состояніи психологіи» въ «Отечественныхъ Запискахъ», гдѣ говорится: «на душѣ случилась маленькая несправедливость: одни свое ученіе выдвѣ-

ваши за несомнѣнную истину, другіе совершенно противоположное ученіе, но тоже выдавали за несомнѣнную истину» и т. д. Ну, вотъ видите, вы заставляете насъ серьезно критиковать и разбирать то, что вы рѣшительно и окончательне поразили однимъ остроумнѣйшимъ замѣчаніемъ; вы сочли достаточнымъ для цѣли одно замѣчаніе, и мы считаемъ достаточнымъ то, что мы сказали о старыхъ философахъ.

Дѣйствительно, г. Юркевичъ признаетъ самостоятельность психологій; и въ этомъ мы съ нимъ согласны; мы не можемъ не согласиться съ нимъ даже и тогда, когда онъ утверждаетъ еще, что въ основаніи психическихъ явленій, составляющихъ предметъ психологій, лежитъ особая сущность, или субстанція, совершенно и существенно отличная отъ организма, сущность, которая есть въ одномъ только человѣкѣ и составляетъ его исключительную принадлежность и особенное высокое преимущество, дарованное ему Творцемъ. Есть въ организмѣ особый дѣятель, отличный отъ организма и обвертывающійся въ психическихъ явленіяхъ, — такой дѣятель, котораго и малѣйшихъ слѣдовъ нѣтъ въ другихъ организмахъ, кромѣ человѣческаго.

«Въ божественномъ Откровеніи (говоритъ г. Юркевичъ) указаны основанія, по которымъ легко можно образовать правильную идею о жизни и душѣ животныхъ, ноколку они отличаются отъ духовной жизни человѣка. Богъ сотворилъ животныхъ *ex rodu nas*, сотворилъ не независимо отъ природы вещественной, но повелѣлъ водѣ и землѣ произвести живыя души ихъ (Быт. I, стр. 20 и 24). Такъ какъ души животныхъ произошли, по повелѣнію Божію, изъ матеріальной природы: то и ихъ назначеніе не есть нравственное; онѣ ограничиваются преслѣдованіемъ матеріальныхъ интересовъ и достиженіемъ матеріальныхъ цѣлей. Чувственные потребности и нужды являются для животной души, какъ нѣчто безусловное, какъ истинныя непреодолимые. Въ человѣкѣ же, — утверждаетъ докторъ Гуфеландъ, — нѣтъ непреодолимыхъ истинностей. Изъ Откровенія мы видимъ, что человѣкъ созданъ не какъ экземпляръ рода или породы, но, какъ человекъ, созданъ не изъ средствъ, которымъ были уже въ матеріальной природѣ, но непосредственнымъ могуществомъ Божиимъ и по образу Бога» (ст. 27).

«Когда греческій философъ Платонъ», говоритъ г. Юркевичъ, «считалъ, что тѣло человѣка создано изъ вѣчной матеріи, которая не имѣетъ ничего общаго съ духомъ; то онъ такимъ образомъ допускалъ дуализмъ метафизическій какъ въ составѣ міра вообще, такъ и въ составѣ человѣка. Христіанское міросозерцаніе отстранило этотъ метафизическій дуализмъ: матерію признаетъ оно произведеніемъ духа; слѣдовательно она должна носить на себѣ слѣды духовнаго начала, отъ котораго произошла она. Въ явленіяхъ матеріальныхъ вы видите форму, законообразность, присутствіе цѣли и идеи. — Если говорить, что движеніе моря превращается въ опущеніе, то здѣсь всегда обходитъ чего дѣятель,

ощущающего субъекта, который обладает этою чудною прерративающею силой или который имѣетъ способность и способность раздѣлять въ себѣ ощущение по поводу движимаго пара. — Явленіе: поэтому и есть явленіе, что оно есть продуктъ сложнаго; именно, его факторы даны съ одной стороны въ предметѣ наблюдаемомъ, а съ другой въ формѣ воспріятія и предсказанія наблюдающаго духа. Поэтому крайне странно излагать качества этого духа какъ видныя явленія, которые сами, по-видимому они суть явленія, обусловлены этими качествами. — Сколько бы мы ни толковали о единствѣ человѣческаго организма, всегда мы будемъ познавать человѣческое существо двояко: внѣшними чувствами — тѣло и его органы, и внутреннимъ чувствомъ — душевныя явленія. Въ первомъ случаѣ мы будемъ имѣть физиологическое познаніе о человѣческомъ тѣлѣ, а во второмъ психологическое познаніе о человѣческомъ духѣ.»

Со всѣми этими положеніями нельзя не согласиться, они очень обязательны для ума, для насъ и для всѣхъ. Посмотримъ, что говоритъ Льюисъ.

«Живые процессы, говоритъ онъ, зависятъ отъ химическихъ; но сами они не химическіе и не могутъ быть объяснены химіей. Въ жизненныхъ явленіяхъ есть нѣчто особенное, что необходимо выходитъ за черту химическихъ изслѣдованій. — Никогда никакой анализъ нерва не прольетъ свѣта на чувствительность; никакое сочетаніе химическихъ формулъ не объяснитъ формы и свойства кльѣтки. — Химическій анализъ можетъ вести насъ до порога жизни; но: на самомъ ея порогѣ прекращается его руководство. Здѣсь прибавляется новый рядъ осложненій, здѣсь является новый рядъ законовъ, требующихъ объясненія. Химія признается, что не можетъ составить сложныхъ органическихъ веществъ, не можетъ даже сказать, какъ они составлены; въ настоящее время она можетъ только сказать изъ чего они составлены. А если это такъ, то очевидно, что всякая попытка химически объяснить питательное достоинство какого-нибудь пищевого вещества исчезновеніемъ его составныхъ началъ, должна быть отнесена къ тому, что Берцеліусъ прекрасно называетъ «физиологическою ирраціональностью». — Есть одно основное правило, нарушеніе котораго никогда не можетъ остаться безъназваннымъ и которое, не смотря на это, постоянно нарушается при нашихъ попыткахъ добиться истины. Это правило состоитъ въ слѣдующемъ: не должно никогда пытаться рѣшать вопросы одной науки помощью ряда полнѣйшихъ исключительныхъ свойствъ другихъ. — Есть рядъ полнѣйшихъ свойственныхъ только физикѣ, другой — принадлежащихъ химіи, третій — физиологическимъ, четвертый, — психологическимъ свойствамъ социальнымъ наукамъ. Хотя всѣ эти науки тѣсно связаны между собою, однакоже каждая имѣетъ свою независимую сферу и эта независимость должна быть уважаема. Такъ, химія предполагаетъ физику, а физиология химію; но одни только физическіе законы не могутъ объяснить химическихъ явленій; одни химическіе законы не могутъ

объяснить явления животнаго; такъ же точно и наоборотъ, химія не можетъ рѣшить физическихъ вопросовъ и физиологія — химическихъ. При совершеніи всякаго животнаго явленія играютъ роль физическіе и химическіе законы и знание ихъ необходимо; но вопросъ этихъ законовъ, и знаніе ихъ, стоятъ особенные законы жизни, которые не могутъ быть выведены ни изъ физики, ни изъ химіи. (Сказанное никакъ неслѣдуетъ толковать въ смыслѣ вѣры въ такъ называемую «животную силу». Этотъ вопросъ будетъ вполне обсужденъ въ послѣдней главѣ.) «Какое-бы вліяніе ни оказали будущіе усилія химіи на упрощеніе физиологическихъ задачъ (ничто и не сомнѣвается въ томъ, что они много помогутъ намъ), все таки между этими двумя науками останется коренное различіе, которое никогда не допуститъ ихъ сліянія. Различіе это состоитъ въ слѣдующемъ: химическіе законы *количественны*, потому что химическія дѣйствія *опредѣленны* соединенія; тогда какъ физиологическіе законы не могутъ никогда сдѣлаться количественными, всегда останутся только *качественными*, потому что живое вещество *неопредѣленно* въ своемъ составѣ. — Если читатель согласится съ тѣмъ, что сказано, то для него должно быть ясно, что всѣ трудолюбивыя усилія послѣднихъ лѣтъ, относящіяся къ важному вопросу о пищѣ, остались безплодны, или около того, потому что это собственно были химическія разсужденія о физиологіи» (Т. I, стр. 49, 50 и 51).

На этотъ отрывокъ противники «Современника» указывали съ торжествомъ; вотъ, молъ, что говоритъ физиологъ Льюисъ, англличанинъ, не учившійся въ семинаріи и знающій кое-что о современномъ положеніи химіи. Не знаемъ, какъ вы, читатели, а мы не находимъ тутъ никакого подтвержденія воззрѣніямъ г. Юркевича. Дѣйствительно о самостоятельности психологіи сказано; но изъ всѣхъ разсужденій о самостоятельности разныхъ наукъ у Льюиса въ результатѣ выходитъ не внутреннее чувство, не чудный дѣятель, а просто только то заключеніе, что достоинство пищи нельзя опредѣлять химически. Противники «Современника», выискивая впотъ отрывокъ, должны были нарочно пропустить это заключеніе, чтобы скрыть отъ читателя смыслъ разсужденій Льюиса. Чтобы сдѣлать имъ удовольствіе и дать имъ въ руки еще сильнѣйшее оружіе противъ насъ, мы приведемъ другіе отрывки, которые ясно говорятъ въ пользу г. Юркевича.

«Психологія — говоритъ Льюисъ — наука о душѣ; физиологія — наука о жизни. Всѣ признающіе психологію наукою, признаютъ также, что задача ея состоитъ въ разъясненіи законовъ мышленія, сущности души и ея свойствъ. Эта наука можетъ, — я (Льюисъ) слѣдую мнѣнію тѣхъ, которые думаютъ, что она *должна* — исслѣдовать средоточіе послѣдованія въ физиологическихъ законахъ; такъ же точно: какъ и наша физиологія ищетъ помощи у химіи; но результаты, добытые ею, какъ независимую сѣтью явленій, не могутъ быть подведены подъ основныя пре-

виза физиологій; но годности или негодности их нельзя заключать по тому, подходят ли они подъ физиологическіе законы, или противорѣчатъ имъ» (Т. II, стр. 2).—Еслибъ кто иибудь, говоритъ Льюисъ въ другомъ мѣстѣ, сталъ опровергать это заключеніе (что всѣ психическія дѣйствія непривольны) на томъ основаніи, что душа одушевляетъ все тѣло и что отъ нея зависятъ всѣ движенія тѣла, а не нѣкоторые только; если бы намъ сказали, что принять такое положеніе значить возвратиться въ ученію Стала, нашъ отвѣтъ состоялъ бы въ слѣдующемъ: мы должны слѣдовать логикѣ, куда она насъ поведетъ насъ. Тотъ, кто не расположенъ повѣрить, что всѣ явленія, совершающіяся въ его чувствительномъ организмѣ, имѣютъ единъ общій источникъ, одну сущность, одно общее имя—духъ,—имѣетъ полную свободу попытаться составить себѣ какое иибудь другое убѣжденіе» (Т. II, стр. 190).

Вы видите, что Льюисъ считаетъ психологію самостоятельной наукой, отличной отъ физиологій; но онъ смотритъ на отношеніе этихъ наукъ иначе, нежели г. Юркевичъ. Между физиологіей и психологіей, по мнѣнію Льюиса, должно быть такое же отношеніе, какое находится между химіей и физиологіей; безъ химіи невозможна физиологія,—не зная химіи, нельзя понять и разъяснить многихъ органическихъ процессовъ. Такая же тѣсная связь должна быть между физиологіей и психологіей, которая обязана искать средствъ изслѣдованія въ физиологическихъ законахъ и обращаться за помощію къ физиологій. Понятія Льюиса объ отношеніи между физиологіей и психологіей можно лучше разъяснить себѣ представленіемъ того отношенія, какое существуетъ на примѣрѣ между акустикой, ученіемъ о звукѣ, и между музыкой, ученіемъ о мелодіи и гармоніи. Акустика изучаетъ отдѣльные звуки и тоны, такъ сказать, элементы музыки, а сама музыка изучаетъ разнообразныя сочетанія ихъ, указываетъ и разъясняетъ порядокъ, въ которомъ должны слѣдовать и тѣ законы, по которымъ должны соединяться отдѣльные звуки, чтобъ изъ нихъ образовалась пріятная для слуха мелодія и гармонія. Такъ точно физиологія изучаетъ первичные психическіе акты, такъ сказать основныя элементы, а сочетаніе ихъ, на примѣрѣ ассоціація представленій, дѣйствіе отвлеченія и умозаключенія и другіе законы мышленія принадлежатъ уже психологій. Признавая различіе между физиологическими и психическими явленіями, Льюисъ не говоритъ, подобно г. Юркевичу, что тѣло человѣка состоитъ изъ органическихъ веществъ, подчиненныхъ какому-то высшимъ силамъ, что въ основаніи психическихъ явленій лежитъ особая сила, какой-то самостоятельный дѣятель и субъектъ, отличный отъ организма и обладающій чудною способностью творить ощущенія изъ представленій. Въ организмѣ мы наблюдаемъ много явленій, но все они, и ростъ, и пищевареніе, и дыханіе имѣютъ единъ

источникъ, одну сущность; по учению Льюиса; какимъ бы именемъ мы ни назвали эту сущность, а главное все-таки состоитъ въ томъ, что она есть источникъ *всѣхъ* явленій и физиологическихъ и психическихъ, которыя представляютъ такимъ образомъ 'существенное сходство. Онъ видитъ между ними такую же точно разницу, хоть и замѣтную, но несущественную, какая существуетъ, напримѣръ, между явлениями химическими и физиологическими. Физиологическія явленія представляютъ особую группу, отличающуюся извѣстными качествами и законами, отличными отъ химическихъ. Чѣмъ же они разнятся между собою; есть ли въ основаніи физиологическихъ жизненныхъ явленій какая нибудь особая сила, особый дѣятель, котораго нѣтъ въ химическихъ? На этотъ вопросъ, какъ мы видѣли, Льюисъ отвѣчаетъ чисто отрицательно: нѣтъ тутъ никакихъ новыхъ силъ и дѣятелей, отличныхъ отъ химическихъ дѣятелей, — просто только прибавляется новый рядъ осложненій, новый рядъ законовъ. Анализъ нерва не прольетъ свѣта на чувствительность; но такъ же точно анализъ не прольетъ свѣта и на жизнь клѣточки. Какъ въ послѣднемъ случаѣ мы не имѣемъ никакого основанія предполагать дѣйствія особыхъ новыхъ силъ и дѣятелей, такъ точно мы не имѣемъ на это никакого права и въ первомъ. Въ человѣкѣ, кромѣ явленій органическихъ, или, какъ говорится, кромѣ животной жизни, мы замѣчаемъ еще особые психическія явленія, отличныя отъ первыхъ; что же, есть ли въ послѣднихъ явленіяхъ какая нибудь особенная сила и самостоятельный дѣятель, составляющій начало другой высшей жизни, отличной отъ животной, такъ что въ человѣкѣ, стало быть, должно принять двѣ жизни, съ двумя началами совершенно и существенно различными? Читатели угадываютъ, конечно, какой отвѣтъ на эти вопросы дастъ Льюисъ. Дѣйствительно, онъ признаетъ разницу между этими двумя группами явленій, но въ основаніи ихъ видитъ одно общее начало жизни, такъ что для него они сливаются совершенно въ этомъ началѣ до невозможности точнаго разграниченія между ними, и различить ихъ такъ же трудно, какъ явленія растительной и животной жизни въ низшихъ и первыхъ ея обвѣрженіяхъ. Психическія явленія, по выраженію Льюиса, «такъ жетаниственны, какъ и физиологическія»; они имѣютъ многія особенности и очень разнятся между собою, но эта разность происходитъ не отъ новыхъ началъ и дѣятелей, а просто только отъ особенности и сложности тѣхъ же жизненныхъ условий. Для Льюиса душа есть синонимъ жизни; въ этомъ вся сущность и разгадка его воззрѣній. «Жизнь», говорятъ онъ, «есть динамическое состояніе организма; жизнь есть продуктъ организациі, а не организациі — продуктъ жизни» (стр. 348), какъ утверждаетъ г. Юркевичъ; какъ ни различны группы жизненныхъ явленій, но всѣ они составляютъ

продуктъ органидами, — вотъ въ чемъ вся суть, а тамъ называйте себѣ явленія какими угодно именами, хоть тѣми даже, которыя употребляетъ г. Юркевичъ. Если организму недостаетъ хоть одного изъ жизненныхъ условий, то жизнь его прекращается, въ немъ уничтожаются всѣ группы явленій и высшія, и низшія, такъ какъ нѣтъ бѣлые того ряда осложненій, который производитъ эти явленія.

«Мнѣ кажется», говоритъ Льюисъ, «что древніе были въ этомъ отношеніи ближе къ истинѣ. Они смотрѣли на духъ, какъ на одну изъ формъ жизни. Икъ anima, духъ, былъ только одною изъ формъ души, или жизни — anima. Греческіе писатели употребляли слово душа (ψυχή) для выраженія понятія о жизненномъ началѣ. Это употребленіе сохранилось по традиции; но физиологи и психологи удалились отъ него. Они не только отдѣляли понятіе о душѣ отъ понятія о жизни, но еще и дали душѣ особенное мѣстопробываніе — головной мозгъ.» — «Прежніе физиологи принимали существованіе двухъ очень различныхъ вещей, — мертвой матеріи, и живой сущности. Жизнь, говорили они, есть сущность, есть начало, существенно отличное отъ матеріи, живущее въ тѣлѣ, составленномъ изъ мертвой матеріи, какъ люди живутъ въ неоживленныхъ домахъ. Если это начало оставляетъ тѣло, то происходитъ смѣръ. Если оно остается въ тѣлѣ, но совершенно безъ дѣятельности, какъ во время обморока, то, значитъ, его дѣятельность приостановлена. Жизненное начало оживляетъ, направляетъ, образуетъ тѣло, задвигаетъ его отъ дѣятельнаго химическаго процесса, и оставляетъ его; предаетъ его этому разрушительному дѣйствию, которое обнаруживается разложеніемъ» (не думайте, что здѣсь идетъ дѣло о жизненной силѣ; говорится объ особомъ дѣятелѣ). «Такова, выраженная кратчай, гипотеза о жизненномъ началѣ, господствовавшая въ продолженіе многихъ столѣтій, а теперь отвергнутая всѣми, за исключеніемъ немногихъ метафизиковъ и метафизиологовъ. Она лишилась всякаго авторитета, съ тѣхъ поръ какъ открыли, что она не только *противоречитъ самымъ сдѣланнымъ наукой*, но къ тому-же есть не что иное, какъ *идея* идеи словами, и имѣя притязаніе объяснить явленія, только выражаетъ ихъ самыми словами, чѣмъ нисколько не разрѣшается вопросъ. То же замѣчаніе можно приложить, *хотя и въ меньшей мѣрѣ*, къ новейшему ученію о жизненной силѣ, или о жизненныхъ силахъ» (Т. II, стр. 4 и 344).

«Между явленіями, совершающимися въ организмахъ, существуетъ одно, называемое ощущеніемъ; что оно такое? По Льюису это одинъ изъ продуктовъ организаци, динамическое состояніе, функція или отправленіе известной части организма. Г. Чернышевскій и относитъ ощущеніе къ предметамъ физиологии; за это г. Юркевичъ назвалъ его сумасшедшимъ и говорилъ съ ироническимъ краснорѣчіемъ: «нашъ соединитель относитъ ощущеніе къ предметамъ физиологии варами съ»

системою кишѣкъ, мускуловъ, нервовъ и такъ далѣе. Слово дуализмъ, какъ кажется, напугало его». А между тѣмъ Льюисъ, послѣдователь г. Юркевича, относитъ ощущеніе къ предметамъ физиологій и въ своей книгѣ дѣйствительно разсматриваетъ не только ощущенія, но и другіе психическіе акты, болѣе сложныя; такъ что весь второй томъ его сочиненія есть не что иное, какъ физиологическая психологія. Самую задачу своего сочиненія онъ опредѣляетъ такимъ образомъ:

«Чувствованіе и мышленіе представляютъ интересъ слишкомъ глубокой; они связаны слишкомъ тѣсно со всеми жизненными явленіями, чтобы не занять виднаго мѣста въ «физиологій обыденной жизни» (Т. II., стр. 2). — На этихъ страницахъ сдѣлана была попытка показать, что душа есть психическая сторона жизни, что она точно такъ есть сумма всего чувствующаго организма, какъ жизнь есть сумма всего жизненнаго организма; что хотя и можно указать различныя органы для исполненія различныхъ отправленій, какъ духовныхъ такъ и животныхъ, но нельзя сказать, что есть исключительный органъ души, точно такъ же, какъ нельзя сказать, что есть исключительный органъ жизни» (стр. 201).

Г. Юркевичъ не можетъ понять, какъ физиологія осмысливается проинманъ въ психическую сторону жизни. «Кажется ясно, говоритъ онъ, что мысль не имѣетъ ни пространственнаго движенія, ни имѣетъ фигуры, цвѣта, звука, не имѣетъ тяжести; итакъ физиологъ не можетъ наблюдать ее ни однимъ изъ своихъ тѣлесныхъ чувствъ» (Льюисъ сказалъ бы, что тѣже качества имѣетъ и жизнь, однако физиологъ не отказывается отъ ея изученія). «Только внутренно, только въ непосредственномъ самовоззрѣніи онъ знаетъ себя. Физиологъ будетъ наблюдать самыя сложныя движенія нервовъ: но все же эти движенія, пока они существуютъ для вѣдншаго опыта, не превратятся въ ощущеніе, представленіе и мысль.»

«Однако попытаемся», говоритъ Льюисъ какъ бы въ отвѣтъ г. Юркевичу, «узнать, каковъ ходъ нервныхъ явленій. — Знанія объ этомъ предметѣ мы можемъ почерпнуть изъ трехъ главныхъ источниковъ, которые однакоже всѣ очень неполны; эти источники суть: опытъ, патологія, въ особенности-же сравнительная анатомія. Декламаторы, незнающіе сами того, о чемъ они говорятъ, не разъ караю своимъ пролическимъ краснорѣчіемъ попытки анатомовъ узнать что-нибудь касающееся умственныхъ отправленій. «Какъ!» гласили они, «мы, съ своимъ скальпелемъ, годнымъ только на изслѣдованіе труновъ, надѣемся проникнуть тайны мыслей! Когда вы разобрали часы по частямъ, надѣетесь ли вы, чтобы ихъ механизмъ обнаружилъ свое дѣйствіе? Или вы думаете, что душа менѣе таинственна, чѣмъ часы? Подобнаго рода слабая бесмыслица: «сущама шючѣтъ!» (ваша правда,

серь, она и у насъ смутила много ученыхъ головъ), «потому что имъ не были извѣстны истинныя приемы науки. Чтобы мы когда-нибудь проникли тайну души, очень невѣроятно; точно такъ-же невѣроятно, чтобы мы когда-нибудь проникли тайну жизни; но несомнѣнно то, что научный методъ позволилъ намъ открыть нѣкоторыя изъ тайнъ жизни, и опредѣлить роль, которую играетъ каждый отдѣльный органъ; и это несмотря на то, что «скальпель годенъ только на изслѣдованіе труповъ». Я бы спросилъ этихъ ораторовъ, какъ думаютъ они: лучше поймемъ мы дѣйствіе часовъ, разобравъ ихъ механизмъ по частямъ, и изучивъ каждую часть, и ея отношенія къ цѣлому; или создавъ себѣ какое-нибудь теоретическое воззрѣніе, и построивъ систему на выводкахъ изъ этого воззрѣнія?» (Т. II, стр. 73).

Чѣмъ ближе мы знакомимся съ Льюисомъ, тѣмъ сомнительнѣе представляется намъ его согласіе съ г. Юркевичемъ; и чѣмъ дальше мы идемъ за Льюисомъ, тѣмъ сильнѣе становится это сомнѣніе. Въ «Современникѣ» было скарзано: «въ разнообразіи явленій естественныя науки открываютъ связь... Вода при разныхъ обстоятельствахъ бываетъ льдомъ, жидкостью и паромъ; въ этихъ состояніяхъ одно качество принимаетъ форму трехъ качествъ, раздѣляется на три качества просто по различію количества, въ какомъ обнаруживается: количественное различіе переходитъ въ качественное различіе.» Г. Юркевичъ назвалъ это пагубной миеологіей, нелѣпостью, не имѣющею разумнаго смысла, потому что оно противорѣчитъ правилу: *ex nihilo nihil fit*. Дѣйствительно нелѣпость, подхватили противники «Современника», г. Юркевичъ говоритъ правду, вонъ и Льюисъ говоритъ то же: онъ утверждаетъ, что химическія законы количественны, а физиологическія качественны. — Удивительная послѣдовательность и строгость въ заключеніи: химическія законы количественны, а физиологическія качественны; слѣдовательно количественное различіе не можетъ никогда перейти въ качественное. И они вообразили, что оказали услугу своему клиенту; а онъ самъ между тѣмъ рѣшилъ дѣло тѣмъ, что превратилъ количество въ качество только посредствомъ фокуса. «Все дѣло въ томъ, говоритъ онъ, что вы при истолкованіи явленій забываете зрителя, забываете этотъ духъ, которой принимаетъ явленіе въ формы, ему одному свойственныя. Природа не обладаетъ волшебною силой, чтобы превращать количества въ качества. Нужно ощущающее существо, въ которомъ собственно совершается это превращеніе количественныхъ движеній въ качественныя.» Ну конечно, природа не можетъ превращать количества въ качество, и это превращеніе дѣлается въ существѣ, а не въ природѣ; это, какъ видите, уже не миеологія, а здравый смыслъ, потому что здѣсь превращеніе совершается не *ex nihilo*, а по дѣйствию существа.

А Льюисъ рассуждаетъ объ этихъ вещахъ иначе. «Химики, говоритъ онъ, разлагая органическія вещества, при всѣхъ своихъ изслѣдованіяхъ ни разу не наткнулись на что либо, что можно было бы назвать исключительно органическимъ, — то есть на что нибудь составленное изъ элементовъ, не встрѣчающихся въ тѣлахъ неорганическихъ. Никто никогда не находилъ, чтобы элементы органическихъ тѣлъ, по разьединеніи, разнились отъ элементовъ тѣлъ органическихъ: изъ этого было выведено ненабѣжное заключеніе, что такъ какъ тѣла органическія отличаются отъ неорганическихъ не своими составными элементами, но только положеніемъ и сочетаніемъ этихъ элементовъ, то явленія, исключительно свойственныя тѣламъ органическимъ, должны зависѣть отъ этихъ особенностей въ положеніи (Т. II, стр. 345)». Что за мифологія такая; одни и тѣ же качества, одни и тѣ же элементы обнаруживаютъ такія рѣзко различныя явленія, какъ неорганическія и животныя; изъ однихъ качествъ выходятъ два порядка качествъ, непохожихъ другъ на друга. Отчего же произошла такая разность при тождествѣ элементовъ? А просто отъ положенія и сочетанія; элементы соединились при другихъ условіяхъ, вступили въ новый рядъ осложненій; отъ количественной разницы въ сочетаніяхъ явилась качественная разница въ отвлеченіяхъ и дѣйствіяхъ, и явилась сама собою, безъ особой силы, по глупости природы, ея нишю. Тоже самое можно приложить и къ двумъ различнымъ группамъ явленій, обнаруживающимся въ одномъ качествѣ, въ одномъ организмѣ. Жизнь, какъ выражается Льюисъ, пропорціональна организаціи; чѣмъ сложнѣе послѣдняя, тѣмъ выше и разнообразнѣе нервная; одна живая клеточка обнаруживаетъ извѣстныя явленія; двѣ, три, десять, сто ихъ, или еще въ большемъ количествѣ — обнаруживаютъ уже другія явленія, другія качества; если изъ клеточекъ составился цѣлый организмъ со многими разнообразными органами, то онъ произведетъ еще болѣе удивительныя и сложныя явленія, ту высшую жизнь, какую мы видимъ въ человѣкѣ.

«Жизнь», говоритъ Льюисъ, «пропорціональна организаціи. Жизнь отдельной клеточки есть итогъ всей дѣятельности этой клеточки и проста настолько, насколько проста ея организація. Жизнь высоко организованнаго животнаго есть *итогъ дѣятельности всѣхъ атомовъ силъ*, и сложна постольку, постольку сложенъ организмъ. Возьмите простую клеточку, обнаруживающую полную жизненную дѣятельность, разложите ее въ пластъ, и хотя весь матеріалъ, изъ котораго она состояла, остается неизмѣненнымъ, свойства, принадлежавшія ей, какъ клеточкѣ, — ея жизнь — не можетъ болѣе обнаруживаться. — Говорятъ, что жизнь есть нецѣлѣвая, всѣмъ управляемая единица. «Тѣло есть единица; всѣ его части подчинены одна другой; всѣ

связаны высшимъ единствомъ; наше осознаніе убѣждаетъ насъ въ томъ, что жизнь едина и нераздѣльна.» Въ этомъ разсужденіи указано на важный фактъ; но онъ представленъ въ ложномъ свѣтѣ. Мы можемъ разрѣзать полипа или червя на нѣсколько частей, и каждая часть будетъ продолжать жить и расти; но мы не можемъ себѣ представить, чтобы мы въ этомъ случаѣ разрѣзали жизненное начало на нѣсколько началъ. Существуетъ жизнь цѣлаго, и жизнь частей; каждая микроскопическая кѣлочка существуетъ самостоятельно, имѣетъ свою жизнь, свое зарожденіе, свою смерть; и *именно такія жизни* составляютъ то, что мы называемъ жизнью животнаго: единство заключается въ содѣйственной силѣ; не въ силѣ управляющей. Я остановился такъ долго на этомъ вопросе потому, что хотя гипотеза о множественномъ началѣ имѣетъ мало приверженцевъ, однакоже метафизическое направленіе, выражающееся въ этой гипотезѣ, къ несчастію еще слишкомъ распространено между физиологами» (Т. II, стр. 349).

Вы съ ума сошли, мистеръ Льюисъ, должны сказать послѣ этого противники «Современника», вы стараетесь связать жизнь съ явленіями неорганическаго міра, превращаете ex nihilo количество въ качество, рассматриваете только чувствующій организмъ и забываете зрителя и дѣятеля, котораго указываетъ вамъ вашъ учитель, г. Юркевичъ, и мы, его усердные слуги.

Читатели вѣроятно уже начинаютъ убѣждаться въ томъ, что между Льюисомъ и г. Юркевичемъ лежитъ непроходимая бездна; что бы тамъ ни толковали противники «Современника»; но мы надѣемся, что у нихъ не останется ни малѣйшаго сомнѣнія на этотъ счетъ, когда они еще ближе ознакомятся со взглядами Льюиса на нервныя явленія. — Исслѣдованія его проливаютъ совершенно новый свѣтъ на всю нервную систему и на ея отправленія; онъ побѣдоносно опровергаетъ многіе господствовавшіе предразсудки относительно этого предмета; добытые имъ результаты и выясненные взгляды составляютъ богатый матеріалъ для мысли и капитальное приобрѣтеніе для физиологій, не говоря уже о томъ, что онъ окончательно разрушилъ цѣлесообразные взгляды Либиха и другихъ на питаніе и дыханіе. Прежде физиологи какъ-то мало обращали вниманія на нервную систему низшихъ животныхъ и на ея отправленія; она играла у нихъ самую жалкую роль; вниманіе ихъ было обращено почти исключительно на нервную систему высшихъ животныхъ и чловѣка, которая представлялась имъ чѣмъ-то особеннымъ, какою-то исключительною принадлежностью высшихъ животныхъ классовъ. Они не пытались провести аналогію между нервными отправленіями всѣхъ живыхъ существъ и показать то отношеніе, то сходство и различіе, какія существуютъ между этими отправленіями у разныхъ животныхъ; они не представляли въ образѣ картинъ, въ одной неразрывной цѣпи; нервныхъ процессовъ у

всѣхъ животныхъ. Однимъ словомъ, у нихъ не было того, что можно было бы назвать сравнительной: неврологіей, сравнительнымъ учениемъ о нервной системѣ, подобно тому, какъ была, на примѣръ, сравнительная анатомія, которая брала какой нибудь органъ, или цѣлую систему ихъ и слѣдила за ними постепенно, отъ самыхъ простѣйшихъ зачатковъ въ низшихъ организмахъ до полного развитія въ самомъ совершеннѣйшемъ организмѣ. Льюисъ рѣшился сдѣлать это и относительно нервной системы, — задача великая и блестящая, достойная современной физиологіи и выполненная имъ въ общихъ чертахъ блестящимъ образомъ. Онъ рассматриваетъ нервныя отправленія у всѣхъ животныхъ, представляетъ ихъ какъ одно цѣлое, которое различными образомъ проявляется у разныхъ существъ, какъ одно общее качество, которое принадлежитъ всѣмъ животнымъ, обладающимъ нервной системой, и обнаруживается въ известной мѣрѣ и степени, смотря по развитію ихъ организаціи. Онъ беретъ какое нибудь отправленіе нервной системы и слѣдитъ за нимъ по всѣмъ классамъ животныхъ, какъ оно самое простою формою начинается въ низшихъ классахъ, какъ потомъ развивается и совершенствуется въ высшихъ и какъ наконецъ достигаетъ полного развитія и сложности въ самомъ высшемъ организмѣ, человѣкѣ. Картина выходитъ величественная; вы видите, что всѣ живыя существа даже и относительно нервныхъ процессовъ, а не только что относительно ихъ организаціи, составляютъ неразрывную цѣпь, одно живое цѣлое съ постепенными ступенями развитія, съ общимъ свойствомъ, которое идетъ въ непрерывной прогрессіи отъ низшаго къ высшему. При этомъ незамѣтно исчезаетъ та рѣзкая на первый взглядъ разница въ нервныхъ отправленіяхъ у низшихъ и высшихъ организмовъ, которая съ перваго раза такъ пугаетъ насъ, и которая смущаетъ доселѣ многихъ физиологовъ, психологовъ и метафизиковъ и заставляетъ ихъ разрывать цѣпь живыхъ существъ въ самомъ ея концѣ.

Почти всѣ физиологи были согласны съ тѣмъ, что нервная система служитъ въ организмахъ высшимъ психическимъ отправленіемъ; они рассматривали различныя части ея и каждой части приписывали особое отправленіе, особый видъ психической дѣятельности, который, по ихъ понятіямъ, былъ такимъ образомъ принадлежностью этой части; но все это, повторяемъ, ограничивалось высшими организмами. Въ низшихъ организмахъ они видѣли нервную систему, но на отправленія ея почти не обращали вниманія, или опредѣляли ихъ чрезвычайно неясно и неточно, божь аналогіи съ высшими организмами, ограничивались фразами, въ родѣ «инстинкта», «требованія природы», «естественнаго побужденія» и т. д. Въ высшихъ животныхъ видѣли только настоящія нервныя отправленія, физиологи приписывали

ли известныя отправления; положимъ ощущение, или сознательность; но если они встрѣчали подобную или аналогическую часть въ нервной системѣ низшихъ животныхъ, они ни за что не рѣшались приписать ей подобныя отправления; напротивъ, еще утверждали, что эти животныя лишены ощущенія и сознательности. Это было также послѣдовательно, какъ если бы кто сказалъ, что у известнаго животнаго суть пищеварительные органы такіе, какъ человѣческіе, или котъ подобенъ ему, сталъ бы потомъ утверждать, что у этихъ животныхъ нѣтъ пищеваренія такого, какъ у человѣка, и даже вовсе нѣтъ никакого пищеваренія, даже аналогическаго съ человѣческимъ. За тѣмъ физиологи некоторымъ частямъ нервной системы приписывали слишкомъ специальное значеніе, говорили, что известныя отправления принадлежатъ единственно и исключительно только этимъ частямъ; головной мозгъ, напримѣръ, они считали единственнымъ органомъ ощущенія, сознательности, источникомъ дѣлсообразной дѣятельности животнаго. Поэтому тѣхъ животныхъ, у которыхъ нѣтъ головного мозга, они считали превращенными, невозможными, несообразными къ ощущенію и дѣлсообразной дѣятельности; они не хотѣли придавать никакого значенія тому факту, что у этихъ животныхъ если и нѣтъ головного мозга, то вообще есть мозгъ, похожій на головной, и нѣбюдній съ нимъ большую аналогію въ свойствахъ и строеніи. Далѣе, и головной мозгъ, даже человѣческій, физиологи считали не всегда способнымъ къ произведенію ощущеній; внѣшнее впечатлѣніе, говорили они, достигнувъ головного мозга, только тогда становится ощущеніемъ, когда оно сознано, когда на него обращено вниманіе, когда мы хотимъ воспринять его; принятіе впечатлѣній замисль о нихъ нашей воли, мы можемъ углубиться въ себя, заняться размышленіемъ о какомъ нибудь предметѣ и тогда впечатлѣнія не дѣйствуютъ на насъ; они только внѣшнимъ механическимъ образомъ приражаются къ нашимъ органамъ, какъ, напримѣръ, горюхъ къ стѣнѣ; тогда звуки и цвѣта, напримѣръ, дѣйствуютъ на насъ точно такъ же, какъ на какой нибудь бездушный камень или доску, т. е. просто только касаются нашихъ органовъ и нашего мозга, не производя въ нихъ никакихъ реакцій и переживъ, никакихъ ощущеній. Этой ошибкой удачно пользовались психологи, какъ самымъ сильнымъ орудіемъ противъ физиологовъ; вотъ, говорили психологи, несомнѣнное доказательство, что для образованія ощущенія, кромѣ всѣхъ нашихъ нервовъ, нуженъ еще особый агентъ, который бы захотѣлъ принять и почувствовать впечатлѣніе, и сдѣлать изъ него сознательное ощущеніе. Въ связи съ ученіемъ физиологовъ о головномъ мозгѣ находится и нѣкое понятіе объ отправленияхъ спиннаго мозга, которому они не приписывали самостоятельнаго значенія и утверждали, что онъ неспособенъ

къ ощущеніямъ, что онѣ производятъ движенія, но чисто механически, непроизвольно и бессознательно; какъ обыкновенно говорятъ — рефлективно.

Льюисъ высказываетъ совершенно противоположный взглядъ на нервную систему и ея отравленія. Мы напередъ перечислимъ здѣсь кратко основныя понятія Льюиса, составляющія сущность его ученія о нервныхъ процессахъ; просимъ читателей обратить на нихъ особенное вниманіе, такъ какъ они противорѣчатъ общепринятымъ мнѣніямъ физиологовъ и утверждать положенія, сдѣлавшіяся почти физиологическими догматами; а кромѣ того, могутъ еще служить для читателей путеводною нитью во множествѣ новыхъ взглядовъ, высказываемыхъ Льюисомъ. — Во-первыхъ, онъ утверждаетъ, что всякое животное, хоть бы даже самаго низшаго разряда, коль скоро у него есть нервная система, способно къ нервнымъ отравленіямъ, которыя представляютъ аналогію и сходство съ тѣми же отравленіями у высшихъ животныхъ; оно имѣетъ ощущеніе и нѣкотораго рода сознательность; то, что обыкновенно называется «слабымъ животикомъ», есть дѣятельность, необходимо предполагающая такую же сообразительность, какую, только въ болѣе развитомъ видѣ, мы встрѣчаемъ у высшихъ животныхъ. Далѣе, въ противоположность прежнимъ физиологамъ, онъ доказываетъ, что ощущеніе не есть специальность головного мозга, что оно можетъ совершаться и другими частями нервной системы, такъ что животныя, имѣющія хоть эти только части, способны къ сообразительности и целесообразной дѣятельности, даже если и нѣтъ у нихъ головного мозга, и что они вообще ужь не до безконечности глупы, но крайней мѣрѣ не такъ глупы, какъ пробка или камень. — Для образованія ощущенія, какъ доказываетъ Льюисъ, вовсе не требуется вниманія; впечатлѣнія дѣйствуютъ на насъ и производятъ ощущенія даже и тогда, когда бы мы этого не желали и были совершенно погружены въ себя; нервная система есть аппаратъ чрезвычайно чувствительный, впечатлѣніе не можетъ только механически прикасаться къ нему, но непременно и всегда производитъ въ него известное дѣйствіе, вызываетъ реакцію, которая и есть ощущеніе; такъ что, собственно говоря, никто нибудь несознанныкъ и нечувствованныкъ впечатлѣній нѣтъ, и не можетъ быть для нервной системы; всякое впечатлѣніе непременно есть уже ощущеніе, — и это относится ко всемъ классамъ животныхъ, имѣющихъ нервы. На этомъ основаніи и спящая моська способна къ ощущеніямъ, какъ самостоятельный органъ нервной системы; движенія, или произвольныя, не механическія, а произвольныя настолько же, насколько и движенія, зависящія отъ головного мозга; въ нихъ также обнаруживается целесообразность; есть сладостное ощущеніе; теорія рефлексовъ

не имѣть основанія и рефлективнаго дѣйствія нѣтъ. — Нѣкоторые возражали Льюису и говорили, что его ученіе о нервныхъ отправленияхъ нѣтъ не отличается отъ прежняго общепринятаго, что приписывая ощущение нервамъ и всякое впечатлѣніе называя сознательнымъ ощущеніемъ, онъ только мѣняетъ слова, не мѣняя сущности дѣла. На это возраженіе онъ отвѣчаетъ такъ:

«Очевидно, что равница состоитъ не въ однихъ только словахъ, когда одна школа утверждаетъ, что нѣкоторые животныя имѣютъ разумъ, а другія только инстинктъ, а другая школа (онъ самъ) говоритъ, что всѣ животныя обладаютъ умственными способностями, или, что у однихъ животныхъ эти способности несравненно выше по сложности и энергіи, чѣмъ у другихъ. Очевидно равница не въ однихъ только словахъ, когда естественный философъ имѣющій философское направленіе (какъ онъ), открываетъ единство лежащее въ основѣ всего разнообразія дѣйствій различныхъ животныхъ и говоритъ, что всѣми этими дѣйствіями руководятъ ощущенія, которыя всѣ имѣютъ начало въ нервной системѣ; а другіе называютъ дѣйствія нѣкоторыхъ животныхъ разумными, и тѣ же самыя дѣйствія другихъ животныхъ — механическими. Точно такого же рода различіе существуетъ между воззрѣніемъ, которое я защищаю, и воззрѣніемъ, которое я опровергаю. Естественный философъ утверждаетъ, что между двумя различными животными есть равница; что обоема весьма несходна съ устрицей и что никакъ не слѣдуетъ смѣшивать этихъ двухъ животныхъ; но какъ они ни различны, между ними есть и сходство; онъ классифицируетъ ихъ по тѣмъ различіямъ, которыя они представляютъ; но обоихъ ихъ онъ подводитъ подъ одно общее понятіе, — понятіе животнаго. Какъ бы ни были разнообразны животныя, онъ знаетъ, что подъ этимъ разнообразіемъ скрывается извѣстнаго рода единство; всѣ животныя принадлежатъ къ одному большому отдѣлу: *Animalia* и жизнь всѣхъ ихъ течетъ по однимъ и тѣмъ же биологическимъ законамъ. Именно это я и хочу ввести въ нашу физиологію нервной системъ; мнѣ хочется, чтобы было признано, что всѣ нервныя центры, какъ тамъ бы, имѣютъ общія свойства, общіе законы. Ощущенія, происходящія вълѣдствіе органическихъ процессовъ, весьма не похожи на ощущенія получаемыя черезъ посредство органовъ пяти чувствъ; а боль весьма не похожа на тѣ, и на другія. Голодъ не похожъ на жажду; жажда не похожа на усталость; ощущеніе сѣта не сходно съ ощущеніемъ звука. Но всѣ они — элементы общаго сознанія, всѣ — дѣятельныя состоянія нервныхъ центровъ.»

Приступаемъ къ болѣе подробному разсмотрѣнію ученія Льюиса о нервной системѣ и общаемъ заранѣе множество выписокъ, въ полной надеждѣ, что читатели, услаждавшіеся чтеніемъ въ различныхъ журналахъ преобладающихъ выписокъ изъ статьи г. Юркевича, не будутъ по крайней мѣрѣ скучать при чтеніи отрывковъ изъ Льюиса. —

Первая система состоитъ изъ нервовъ и нервныхъ узловъ; или центровъ. Нервы—это нити, или нервныя волокна, заключающія въ себѣ болѣе или менѣе жидкое вещество; соединяясь между собою, они образуютъ пучки различного объема, подобно тому какъ нѣсколько нитокъ составляютъ пшурокъ или веревку; волокна имѣютъ бѣловатый цвѣтъ и ихъ обыкновенно называютъ бѣлымъ веществомъ мозга. Нервные узлы, по своему строенію, отличаются отъ нервовъ; они состоятъ не изъ волоконъ, а изъ клѣточекъ и крупинокъ, переплетенныхъ волокнами; всякій узелъ есть уже нервный центръ, но по большей части нервный центръ состоитъ изъ цѣлой массы спавшихся нервныхъ узловъ; по цвѣту ихъ называютъ сѣрымъ веществомъ мозга. Главные центры соединены вмѣстѣ и помѣщаются внутри черепа и позвоночнаго столба, тогда какъ нервы расходятся по всему тѣлу и распространяются по всѣмъ точкамъ его поверхности. Льюисъ не опредѣляетъ, какая сила дѣйствуетъ въ нервахъ и центрахъ; онъ не видитъ достаточныхъ оснований признавать ее электричествомъ; если она и электричество, говоритъ онъ, то все-таки имѣетъ особенный характеръ, встрѣчающійся только въ живой нервной системѣ. Всѣ живыя нервныя волокна и нервы имѣютъ одно общее свойство, которое Льюисъ предлагаетъ назвать *нервностью*, вслѣдствіе котораго волокна принимаютъ въ себя дѣйствія внѣшнихъ причинъ, или стимуловъ, реагируютъ имъ и изъ состоянія покоя переходятъ въ состояніе дѣятельности; тогда эта дѣятельность волокна необходимо возбуждаетъ соединенный съ нимъ нервный центръ, свойство котораго есть *чувствительность* и вслѣдствіе возбужденія этой чувствительности является ощущеніе. Кажется, повидимому, что нервность, это одно только слово, ничего не выражаетъ собою, не опредѣляетъ свойства волокна, а на самомъ дѣлѣ оно указываетъ на опредѣленный фактъ. Можно рѣзать, щипать, разрывать, или гальванизировать сѣрое вещество головного и спиннаго мозга — самые чувствительные центры, — и животное не будетъ имѣть никакого ощущенія. А между тѣмъ, если рѣзать или щипать нервныя волокна и весь нервъ, соединенный съ этими центрами, то животное ощущаетъ боль. Вотъ видите, только нервъ можетъ возбуждать въ центрѣ ощущеніе; механическія вліянія, прямо дѣйствующія на центръ, не возбуждаютъ его; но тѣ же самыя вліянія могутъ дѣйствовать на нервъ и приводить его въ такое состояніе, что онъ можетъ вызвать ощущеніе въ центрѣ, — чѣмъ и характеризуется его свойство, его нервность, которое не есть такимъ образомъ пустое слово. Когда въ центрѣ произошло ощущеніе, тогда оно приводитъ въ дѣятельность и возбуждаетъ нервность другихъ соединенныхъ съ нимъ нервовъ; если эти нервы идутъ къ мышцамъ какой нибудь, они тогда заставляютъ ее сокращаться и производятъ

движеніе, а если идти къ железѣ, то она производитъ отдѣленіе свойственное ей. Итакъ всякое нервное волокно, всякій нервъ имѣетъ одно свойство—нервность, вслѣдствіе котораго волокно это, будучи раздражено, возбуждаетъ ощущеніе въ узловомъ центрѣ, сокращеніе въ мышцахъ, отдѣленіе въ железѣ. Всякій же нервный центръ имѣетъ чувствительность, дѣятельное состояніе которой, возбужденное нервомъ, и есть ощущеніе (*).—Такимъ образомъ всякій организмъ, хоть бы самый простой, если только въ немъ есть хоть одинъ нервный узелъ или центръ, хотя съ двумя волоконцами, чувствителемъ и способемъ къ ощущеніямъ, къ произвольному сокращенію и движенію. Точно такъ и въ сложнѣйшихъ организмахъ ощущеніе происходитъ не въ одной какой либо части или отдѣлѣ нервной системы, а во всѣхъ, гдѣ только есть нервныя узлы и центры; а такъ какъ эти центры есть и въ другихъ частяхъ нервной системы, кромѣ головного мозга, то стало быть не одинъ онъ способенъ къ ощущеніямъ; ощущеніе возможно и тогда, когда впечатлѣніе не достигло головного мозга, когда на впечатлѣніе не обращено вниманіе.

«Замѣчательно», говоритъ Льюисъ, «что хотя многіе физиологи расположены согласиться въ томъ, что всѣ нервныя центры одарены чувствительностію, однако же всѣ единодушно отвергаютъ слѣдствіе такой услуги, отвергаютъ, что всѣ нервныя центры, находясь въ состояніи дѣятельности, даютъ начало ощущенію и такимъ образомъ доставляютъ элементы общей сознательности (Т. II, стр. 39).—Они утверждаютъ, что ощущеніе только тогда можетъ быть вызвано какимъ нибудь впечатлѣніемъ, когда впечатлѣніе это доходить до головного мозга. Но, возражаетъ на это Льюисъ, имѣть ощущенія и сознавать ощущенія,—это одно и то же. А имѣть ощущенія и знать, что мы ихъ имѣемъ,—это двѣ вещи разныя. Знаніе невозможно безъ знанія и часто существуетъ (стр. 40).—Вниманіе не творитъ ощущенія. Все что можетъ слѣловать вниманіе, это отдѣлать одно ощущеніе отъ множества другихъ одновременныхъ съ нимъ ощущеній: мало того, можно еще спросить, само-то вниманіе не есть ли просто выдѣленіе одного ощущенія изъ множества другихъ?—Только тогда какое нибудь ощущеніе можетъ до такой степени остановиться на себѣ наше вниманіе, что мы его замѣтимъ, когда оно будетъ выдѣлено изъ множества одновременныхъ ощущеній. Приведемъ примѣръ. «Когда играетъ оркестръ, мы можемъ выдѣлать изъ него мысленно одинъ какой нибудь инструментъ или группу инструментовъ,

(*) Г. Юргевичъ говоритъ: «что извѣстнѣйшій нервъ принадлежитъ ощущенію, этого мы вовсе не знаемъ изъ физиологическаго опыта. Кто говоритъ, что нѣкоторымъ нервамъ принадлежитъ ощущеніе, тотъ утверждаетъ такую же негѣдность, какъ если бы мы сказали, что нѣкоторымъ волнамъ воздуха принадлежитъ звукъ.»

внимательно слѣдя за ними. Очевидно, что поступающая такимъ образомъ, мы въ действительности не придаемъ звукамъ этихъ инструментовъ болѣе напряженности, не сообщаемъ имъ никакой новой силы; количество ощущенія, которое они возбуждаютъ въ насъ, не увеличивается нашимъ вниманіемъ; а между тѣмъ, вслѣдствіе того, что мы выдѣлили это ощущеніе изъ гармоническаго цѣлага, мы замѣчаемъ такіе звуки, которыхъ прежде мы не улавливали и которые, для менѣе опытнаго уха, остались бы навсегда незамѣченными, утонувшими въ громъ оркестра. Обыкновенно, въ тѣхъ случаяхъ, когда мы не можемъ раздѣльно слѣдить за отдѣльными инструментами, говоримъ, что мы не слышимъ ихъ. А между тѣмъ имѣя ничего въ виду того, что мы ихъ слышимъ. Стоитъ одному изъ этихъ инструментовъ замолчать въ самомъ разгарѣ crescendo, и громъ другихъ инструментовъ не подымаетъ надъ ясно замѣтить *какую-то* разницу. — Точное изслѣдованіе показываетъ, что въ насъ навѣрное возбуждается множество ощущеній, которыхъ мы вовсе не замѣчаемъ. Такъ если къ обѣимъ нашимъ рукамъ будутъ легонько прижимать два острія, то мы почувствуемъ два раздѣльных ощущенія. Будутъ ли эти ощущенія одновременны, или будутъ онѣ слѣдовать другъ за другомъ, все равно; два впечатлѣнія, произведенныя на нервы чувствительности, возбуждаютъ въ нихъ центрахъ два ощущенія. Но если къ одной изъ нашихъ рукъ, напримѣръ, къ правой, остріе будетъ прижато такъ сильно, что причинитъ намъ боль, то мы совершенно перестанемъ замѣчать ощущеніе въ лѣвой рукѣ, мы не будемъ въ состояніи замѣтить ощущеніе производимое остріемъ, хотя оно и будетъ прижато къ этой рукѣ точно такъ же, какъ и прежде. Перестала ли быть чувствительною лѣвая рука? Нѣтъ. Уничтожилось ли ощущеніе въ продолженіе того времени, когда мы не стали замѣчать его? Нѣтъ. Впечатлѣніе продолжалось, связь чувствительнаго центра съ его нервомъ не была нарушена, слѣдовательно ощущеніе должно было продолжаться. Мы и замѣтимъ его, какъ только стихнетъ боль другой рукой. — Въ то время, какъ я пишу эти строки, лѣтній вѣтеръ шумитъ деревьями, птицы щебечутъ межъ листьями и шумъ экипажей, падающихъ по улицамъ, долетаетъ до моего уха; но такъ какъ голова моя закрыта, то эти звуки остаются незамѣченными до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ не сдѣлается докучнымъ, или пока мое вниманіе, утомившись однимъ и тѣмъ же, не обратится къ нему. Хотя я и не замѣчаю этихъ звуковъ, тѣмъ не менѣе однакоже они долетаютъ до моего уха и производятъ чувствительныя впечатлѣнія. Они имѣли само собою вліяніе на сумму общаго сознанія. Они должны быть названы ощущеніями, потому что они особыя состоянія чувствительности. — Для того, чтобы разъяснить это, мы должны сперва рассмотреть законъ чувствительности: *Ни одно ощущеніе не заканчивается само въ себя; оно должно разрешиться или въ какое нибудь вторичное ощущеніе или въ ивлучствъ къ движенію. Въ большинствѣ случаевъ и то, и другое имѣетъ мѣсто.* (стр. 44, 45, 46).

Бсы; видите ли, множество нервных центров и всё они соединены между собою и каждый изъ нихъ имѣетъ свои волокна; если ощущение произойдетъ въ одномъ центрѣ и подѣйствуетъ только на соединенныя съ нимъ волокна, прикрѣпленныя другими концами къ мышницѣ, тогда произойдетъ движеніе; но ни ощущение, ни движеніе не будутъ замѣчены нами; если же ощущение перваго центра отразится ко второму центру, высшему, тогда первое ощущение будетъ замѣчено; дѣятельность, или рефлективное ощущение втораго центра и состоитъ именно въ актѣ замѣчанія. Положимъ, въ какомъ нибудь высшемъ центрѣ совершается процессъ мышленія объ вѣстномъ предметѣ; въ это время въ другихъ центрахъ можетъ совершаться множество ощущений, не доходящихъ до высшаго центра и потому не замѣчаемыхъ; но если эти ощущенія такъ сильны, что они непременно отразятся до высшаго центра, тогда мы поневолѣ обратимъ на нихъ вниманіе.

«Такъ какъ каждый нервный узелъ», говоритъ Льюисъ, «соединенъ съ другими узлами и такъ какъ въ нервныхъ волокнахъ, соединяющихъ два узла, возбуждается ихъ нервность, если одинъ изъ этихъ узловъ возбужденъ; то ощущение, возбужденное въ первомъ нервномъ узлѣ, разрѣшается, не только въ мышечное сокращеніе, или рефлективное дѣйствіе, но еще и въ другое ощущеніе; оно оказываетъ вліяніе и на мышницу, и на центръ. Это рефлективное чувствованіе можетъ, въ свою очередь, разрѣшиться въ дѣйствіе, или еще въ другое чувствованіе. — Представимъ грубый примѣръ. Муха садится вамъ на руку, въ то время, когда вы пишете. Ощущеніе щекотанія можетъ или заставить васъ пошевелить рукою, не обращая вниманія на это ощущеніе, безъ возбужденія рефлективнаго чувствованія, или можетъ обратить на себя ваше вниманіе, не заставляя васъ пошевелить рукою, или же, наконецъ, можетъ и обратить на себя ваше вниманіе, и заставить васъ пошевелить рукою. Въ первомъ случаѣ вы, какъ обыкновенно говорится, не почувствовали мухи, ваше вниманіе было занято чѣмъ нибудь другимъ. Но если бы вы дѣйствительно ничего не почувствовали, если бы ощущеніе не было возбуждено, такъ вы бы и рукою не пошевелили. — Мельничное колесо, шумъ котораго сначала такъ докученъ, перестаетъ наконецъ возбуждать наше вниманіе. Впечатлѣнія на нервъ слуха продолжаютъ: но хотя мы ихъ и слышимъ, мы перестаемъ объ нихъ думать: рефлективныя чувствованія не возбуждаются болѣе. Обыкновенно думаютъ, что мы перестаемъ ихъ слышать, переставая сознавать, что мы ихъ слышимъ; но это очевидно неврно. Пусть это колесо разомъ остановится,—и тотчасъ же въ нашихъ ощущеніяхъ произойдетъ соответствующее измѣненіе, и это измѣненіе можетъ быть такъ сильно, что если остановка колеса произойдетъ въ то время, когда мы спимъ, то оно разбудитъ насъ. Пусть колесо станетъ вертѣться медленнѣе, мы замѣтимъ это. Заскрипитъ оно, и мы это услышимъ.

Ясно, что, если бы мы в продолжение всего этого времени не ощущали шума этого колеса, то никакое измѣненіе въ силѣ шума не произвело бы на насъ никакого дѣйствія. Если бы ощущеніе звука прекратилось, то *прекращеніе* самаго звука не разбудило бы насъ. Дѣло въ томъ, что сначала шумъ колеса *возбуждалъ* насъ, возбуждалъ рефлективные чувствованія, давалъ опредѣленное направленіе нашимъ мыслямъ. Потомъ онъ пересталъ возбуждать эти чувствованія, и ощущеніе его *слышалось* со всѣми тѣми ощущеніями, которыя образуютъ наше общее сознание.—Нѣтъ ничего вѣрнѣе того, что въ насъ возбуждается множество ощущеній, которыхъ мы совершенно не замѣчаемъ, которыхъ мы, какъ говорится, вовсе «не сознаемъ». Они или сами по себѣ очень слабы, или такъ обыкновенны, или до такой степени заслонены болѣе сильными ощущеніями, или же неспособны вызвать въ насъ рядъ рефлективныхъ чувствованій, что мы «не сознаемъ» ихъ въ то время, когда они продолжаются и неспособны припомнить ихъ, когда они окончатся» (Т. II, стр. 47, 49, 50 и 51).

Кромѣ ощущеній, происходящихъ отъ внѣшнихъ чувствъ, отъ дѣйствія на нихъ внѣшнихъ предметовъ, въ живомъ организмѣ совершается множество ощущеній другого рода, которыя Льюисъ называетъ «системными» и которыя возбуждаются состояніемъ внутреннихъ органовъ, всѣхъ различныхъ системъ отправления, находящихся внутри организма; дѣятельность желудка, отправления кишекъ, нормальное или ненормальное состояніе пищеваренія, кровообращенія, дѣятельность мышцъ производятъ цѣлую бездну ощущеній, на которую доселѣ не обращали вниманія ни физиологи, ни психологи.

«Ежедневный опытъ каждаго изъ насъ», говоритъ Льюисъ, «убѣждаетъ насъ въ томъ, что кромѣ всѣхъ частныхъ ощущеній, которыя могутъ быть раздѣльно замѣчены, есть еще общій потокъ ощущенія, который составляетъ чувство бытія, сознание самаго себя, какъ чувствующаго существа. Избытокъ энергіи, которая кипитъ въ насъ по временамъ, и тяжелая тоска, которая гнететъ насъ въ другое время и дѣлаетъ жизнь бременемъ почти невыносимымъ, все это чувствованія, которыя не могутъ быть отнесены ни къ одному частному ощущенію; но являются какъ слѣдствія обширной, хотя и темной чувствительности нашихъ внутреннихъ органовъ, изъ которой проистекаетъ такая важная часть общаго потока ощущеній. Мы можемъ иногда различать нѣкоторыя изъ этихъ ощущеній. Мы можемъ чувствовать бѣшеніе сердца, движеніе кишекъ, можемъ чувствовать, что происходитъ выдѣленіе жидкостей изъ желѣзокъ, — все что въ дѣятельности этихъ органовъ совершается *необыкновеннымъ образомъ*, привлекаетъ къ себѣ наше вниманіе.— Множество ощущеній проистекаетъ изъ мышечнаго чувства, хотя мы, ходя или сидя, вовсе не обращаемъ вниманія на то, какъ подъ вліяніемъ этой чувствительности приравняются различныя мышцы для приведенія въ извѣстное положеніе нѣкоторыхъ частей нашего

тѣла. Когда мы сидимъ у окна и смотримъ на деревья и на небо, то мы до такой степени бываемъ заняты образами и звуками внѣшняго міра, что не удѣляемъ ни малѣйшей частицы вниманія тому факту, что мы сами существуемъ; а между тѣмъ, въ продолженіе этого времени, органическіе процессы, совершающіеся внутри насъ, производятъ цѣлую массу широкихъ ощущеній; мы и замѣтимъ ихъ, если закроемъ глаза, заткнемъ уши и удалимъ отъ себя всѣ впечатлѣнія осязанія и температуры, однимъ словомъ, отвлечемся отъ всѣхъ внѣшнихъ впечатлѣній; тогда мы замѣтимъ ихъ какъ обширный и могучій потокъ ощущеній, не принадлежащій никакому специальному чувству, принадлежащій всей системѣ, какъ цѣлому. Отъ этого общаго теченія ощущеній зависятъ тѣ состоянія нашего сознанія, которыя хорошо извѣстны всякому и которыя обозначаются словами: «чувствовать себя хорошо», или «чувствовать себя дурно», *le bien être*, или *malaise* каждаго дня. Изъ двухъ человѣкъ смотрящихъ въ одно и тоже окно, на одинъ в тотъ же пейзажъ, одинъ будетъ чувствовать невыразимую тоску, будетъ желать покоя могилы; въ душѣ другаго будетъ разлита ясность и довольство. Общее сознаніе одного образуетъ мрачный фонъ, въ который, такъ сказать, погружаются ощущенія, возбуждаемыя пейзажемъ; у другаго общее сознаніе образуетъ веселый фонъ, на которомъ ощущенія играютъ, какъ играетъ волна на поверхности озера, освѣщеннаго лучами солнца. Характеръ чувствованій каждаго человѣка опредѣляется состояніемъ общей его сознательности» (Т. II, стр. 55, 56 и 57).

Такимъ образомъ въ каждомъ живомъ организмѣ въ данную минуту совершается безчисленное множество самыхъ разнородныхъ ощущеній; они своею совокупностію и производятъ то, что называется сознаніемъ, чувствомъ бытія, свойственнымъ каждому животному.

«Всякое возбужденіе нервнаго центра», говоритъ Льюисъ, «производитъ ощущеніе; общая сумма этихъ ощущеній составляетъ общее сознаніе, или чувство бытія, чувство того, что мы существуемъ. «При дневномъ свѣтѣ мы не видимъ звѣздъ, а между тѣмъ онѣ свѣтятъ. Когда небо покрыто облаками, мы не замѣчаемъ, чтобы солнечные лучи играли между листьями, а между тѣмъ эти-то лучи и дѣлаютъ то, что и листья и другіе предметы видимы для насъ. Солнце и звѣзды производятъ общее освѣщеніе; но мы рѣдко обращаемъ на него вниманіе; вниманіе наше обыкновенно бываетъ обращено на предметы, освѣщеніе которыхъ ярче или темнѣе этого общаго тона. Есть нѣчто сходное съ этимъ въ общемъ сознаніи, которое слагается изъ всѣхъ ощущеній, возбуждаемыхъ въ насъ непрерывнымъ дѣйствіемъ внутреннихъ и внѣшнихъ стимуловъ. Оно составляетъ, такъ сказать, дневной свѣтъ нашего существованія. Обыкновенно мы не замѣчаемъ его, потому что вниманіе наше привлечено тѣми частными ощущеніями пріятными или непріятными, имѣющими большую или меньшую степень напряженности, которыя пріобрѣтаютъ перевѣсъ надъ множе-

ствоиъ другихъ одновременныхъ ощущеній.—Сознаніе, въ общемъ смыслѣ, это общая сумма всѣхъ нашихъ чувствованій, стеченіе многихъ потоковъ ощущеній. Сознательность въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, — это только другое названіе чувствительности. Въ насъ существуетъ столько же формъ сознательности, сколько различныхъ родовъ ощущеній. Одни изъ этихъ потоковъ такъ слабы, что замѣтить ихъ такъ же мудрено, какъ увидѣть звѣзды въ полдень; другіе — такъ однообразны и постоянны, что не обращаютъ на себя нашего вниманія до тѣхъ поръ, пока правильность ихъ теченія не будетъ нарушена. Такъ, здоровый человѣкъ едва ли способенъ различать ощущенія, возбуждаемыя въ немъ кругообращеніемъ крови, или движеніями кишекъ; а между тѣмъ самое ничтожное измѣненіе въ этихъ ощущеніяхъ будетъ сразу почувствовано. «Изъ всего, что было сказано, мы должны заключить, что несостоятельность общепринятой гипотезы, состоящей въ томъ, что если ощущеніе не замѣчено, то его и совсѣмъ нѣтъ, а есть только *sensations*, очевидна.» (Т. II, стр. 54, 55, 57 и 58).

Изъ всѣхъ этихъ своихъ изслѣдованій и объясненій Льюисъ выводитъ очень важные результаты нервной системы, составляющіе значительный шагъ впередъ въ физиологій и формулируетъ ихъ такимъ образомъ:

«Единство нервной системы во всемъ животномъ царствѣ обыкновенно признается всѣми; но странное дѣло, единство сознательности не было выведено изъ единства нервной системы. На высшихъ ступеняхъ животнаго царства мы встрѣчаемъ животныхъ, которые не одарены способностью двигаться, которые могутъ совершать только сокращенія. Восходя выше, мы встрѣтимъ животныхъ совершающихъ уже настоящіе движенія. Но съ этимъ осложненіемъ движеній вовсе не сопряжено приобрѣтеніе какого нибудь свойства. Та же самая основная ткань съ своею сократительностью достаточна для совершенія всѣхъ новыхъ сложныхъ явленій. А между тѣмъ мы различаемъ, и совершенно справедливо, простыя сокращенія, движенія произвольныя и произвольныя, сгибанія и разгибанія и т. д. Я думаю, что точно же слѣдовало бы поступать и съ чувствительностью, или сознательностью, различныя проявленія которой можно бы было весьма удобно сгруппировать въ три отдѣла: 1) *Системная сознательность*, 2) *Сознательность органовъ*, 3) *Сознательность мысли*. Въ нѣсколькихъ словахъ мы об этомъ подробно.—Къ *системной сознательности* относится всѣ тѣ органы, которые возникаютъ въ цѣлой системѣ, главнымъ образомъ въ ствѣ органическихъ процессовъ, и составляютъ самые массивныя широкіе элементы чувства бытія. Существованіе этой сознательности мы должны признать и у самыхъ простѣйшихъ животныхъ, если мы не примемъ гипотезы Декарта, состоящей въ томъ, что всѣ мшлы—живущія машины и что всѣ ихъ дѣйствія совершаются безо сознанія. Но хотя каждое животное должно *чувствовать*, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы каждое мыслало. Всякое животное должно с

щаться; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы всякое двигалось. Мышленіе есть результатъ организаціи болѣе сложной, чѣмъ та, которая принадлежитъ каждому животному; но способность созавать свойственна каждому животному организму. Какъ ни просты тѣ формы этой способности, которыя свойственны низшимъ животнымъ, однако же между этими простыми формами, и наиболѣе сложными формами сознательности высшихъ животныхъ должно быть существенное сродство (*). Если мы не признаемъ этого, то мы не будемъ въ состояніи указать, гдѣ впервые начинается ощущеніе. Если слизень не имѣетъ ощущеній, то не имѣетъ ихъ и животное ракообразное. Если крабъ машина, то и пчела такъ же машина. Если мы пчелу признаемъ за машину, то должны будемъ согласиться, что и бобръ, и собака, и слонъ, и обезьяна не болѣе какъ машины. Правда, при переходѣ отъ обезьянъ къ человеку мы встрѣчаемъ значительный промежутокъ и большій блескъ, большую полноту сознательной жизни, которыя отличаютъ человѣка отъ всѣхъ другихъ созданныхъ тварей, и могутъ до нѣкоторой степени объяснить нежеланіе философовъ признать, что и животныя могутъ обладать хотя скромною долею тѣхъ же качествъ. Но время такой исключительности прошло: наука показала, что посреди безконечнаго разнообразія животной жизни можно подмѣтить извѣстное постоянное единство и что въ величественной драмѣ творенія самый скромный статистъ имѣетъ ту же натуру, что и самый великій артистъ, играющій самую важную роли. Если мы не хотимъ совершенно отказаться отъ науки, то мы должны согласиться, что *все* животныя сознаютъ (имѣютъ ощущенія), хотя не каждое изъ нихъ обладаетъ всѣми формами сознательности. Есть между животными такія, которыя имѣютъ системныя ощущенія, но не одарены чувствами, то есть зрѣніемъ, слухомъ, обоняніемъ. Есть другія, которыя имѣютъ системныя ощущенія и

(*) Г. Юрмелъчъ говоритъ: «Адамъ пришелъ къ сознанію, что животныя не подобны ему, что ни одно изъ нихъ не подходитъ подъ идею человека. Восторженные декламации объ умственныхъ и нравственныхъ совершенствахъ животныхъ обольщаютъ никого. Вы говорите, что животныя имѣютъ мышленіе и способны заключать: не надѣетесь ли вы, что человекъ когда нибудь передастъ имъ свои учебныя работы, поручитъ имъ дѣлать извѣстныя наблюденія и исследования? Вы говорите, что животныя способны къ нравственной дѣятельности: не надѣетесь ли вы, что люди когда нибудь будутъ вступать съ ними въ споры, заключать контракты, требовать отъ нихъ исполненія обязательствъ, платить долгъ, чести и справедливости? Несмотря на огромные успѣхи естествознанія, живое и дѣйствующее человечество остается и надѣется, останется наединѣ при убѣжденіи, къ которому пришелъ и первый человекъ, именно, что животныя не подходятъ подъ идею человека, что ихъ душевная жизнь есть возмущеніе другихъ идей, а не той (какъ сказалъ бы Гегель), себя знающей идеи истины и добра, которую выражаетъ, или можетъ выражать человекъ въ своемъ этическомъ самосознаніи и знаніи, и въ своемъ нравственномъ самоопредѣленіи. (Поручать учебныя работы не будутъ, и контрактовъ заключать также: а между тѣмъ раздѣлъ между человекомъ и животнымъ количественная, а не качественная, какъ вы доказываете: между ними должно быть существенное сродство!)»

ощущения чувствъ; но у которыхъ мало, или совсѣмъ нѣтъ того, что называется мыслию. Все зависитъ отъ сложности организаціи.—*Сознательность чувства.* Къ этому классу относятся всѣ тѣ ощущенія, которыя получаютъ черезъ посредство органовъ пяти чувствъ. Обыкновенно тѣ, которые не могутъ понять разницы между чувствительностью и частными ея формами, только эти ощущенія, да еще ощущеніе боли и признають за ощущенія.—*Сознательность мысли* есть третій и послѣдній классъ. Онъ заключаеть въ себѣ всѣ явленія мысли и душевныя движенія, которыми занимается психологія; все что можетъ здѣсь сдѣлать фیزیологъ — это указать отношеніе, въ которомъ они состоятъ къ низшимъ формамъ сознательности и спеціальныя органы нервной системы, которые служатъ для совершенія ихъ. Я избралъ терминъ, правда, не совсѣмъ ловкій, *сознательность мысли*, для того чтобы указать на основную связь этихъ явленій съ другими формами чувствительности и въ то же время показать *спеціальность* этихъ явленій. Что такое мысль — этого мы не знаемъ и можетъ быть никогда не узнаемъ. Мы не знаемъ также, что такое жизнь; но царство таинственности можетъ быть превращено въ царство «таинствъ подчиненныхъ законамъ» (Т. II, стр. 62, 63, 64 и 65).

Пусть противники «Современника» попробуютъ теперь согласить эти результаты Льюиса съ философіей г. Юркевича и съ тѣмъ агентомъ, въ забвеніи котораго онъ укоряеть всѣхъ. Если вы придаете хоть какое нибудь значеніе изслѣдованіямъ Льюиса, то должны будете признать одно изъ двухъ: или и у низшихъ животныхъ есть этотъ агентъ и всѣхъ ихъ нужно затащить въ область психологіи; или его нѣтъ даже у высшихъ, которыя поэтому должны смириться и скромно войти въ область фیزیологіи; но и то и другое будетъ одинаково не по вкусу вашему клиенту. Но Богъ съ ними, съ противниками; будемъ-те, читатели, лучше слѣдить за Льюисомъ и за его чрезвычайно интересными изслѣдованіями о высшей формѣ сознательности, связанной съ отправленіями головного мозга. — Почти всѣ фیزیологи согласно принимали до сихъ поръ, что умственные нервныя процессы, то есть процессы воли и ощущенія, не могутъ происходить безъ головного мозга и утверждали, что у животныхъ, неимѣющихъ его, нѣтъ этихъ процессовъ и они, стало быть, дѣйствуютъ безсознательно и нецѣлесообразно, то есть сами въ дѣйствіяхъ своихъ не могутъ соображаться съ цѣлю и дѣйствуютъ механически, рефлективно. Даже у высшихъ животныхъ, только тѣ дѣйствія произвольны, которыя связаны съ представленіями и мыслями, съ отправленіями головного мозга, а всѣ другія, зависящія отъ спиннаго мозга, безсознательны и произвольны. Льюисъ же утверждаетъ, напротивъ, что и животныя, неимѣющія головного мозга, способны къ процессамъ ощущенія и воли; что высшія животныя,

когда головной мозгъ ихъ вырѣзанъ, дѣйствуютъ произвольно и обнаруживаютъ замѣтную приспособительность къ цѣли; что, поэтому, трудно различить дѣйствія произвольныя отъ непроизвольныхъ, что въ существѣ они одинаковы и всѣ зависятъ отъ извѣстныхъ причинъ, а абсолютнаго произвола въ нихъ нѣтъ. — Всѣ безпозвоночныя животныя, и даже нѣкоторыя рыбы не имѣютъ мозга; однако ихъ нельзя назвать машинами безъ всякой сознательности и ощущенія; въ ихъ дѣйствіяхъ обнаруживается сообразительность, которая, значитъ, возможна и безъ головного мозга. Такія дѣйствія ихъ обыкновенно приписываются инстинкту; но «инстинктъ», какъ выражается Льюисъ, подобно тому какъ и «случай», есть одно изъ тѣхъ словъ, подъ которыми люди сами отъ себя скрываютъ свое незнаніе. «Что дѣйствія пчелы, говоритъ онъ, или рака, обнаруживающія ощущеніе, память, способность изобрѣтать новые приемы при новыхъ обстоятельствахъ, не говоря уже о гнѣвѣ, желаніи, и о какомъ-то необъясненномъ (?) способѣ взаимнаго сообщенія, — что всѣ эти дѣйствія происходятъ отъ «слѣпаго инстинкта», могло бы быть понятно, если бы мы знали, что такое инстинктъ; но намъ трудно понять, почему совершенно подобныя явленія приписываютъ разуму, когда ихъ представляетъ намъ собака или обезьяна» (стр. 77) (*). Если же въ дѣйствіяхъ низшихъ животныхъ безъ головного мозга мы замѣчаемъ сообразительность и произволь, какъ выраженіе воли, то стало быть эти качества не принадлежатъ исключительно головному мозгу, такъ какъ они могутъ существовать и безъ него. — Извѣстны знаменитые опыты Флурана, которые повидимому противорѣчатъ этимъ положеніямъ; онъ вырѣзывалъ головной мозгъ у разныхъ птицъ и, поддерживая ихъ жизнь въ теченіе нѣсколькихъ дней, наблюдалъ надъ ихъ дѣйствіями; ему показалось, будто бы эти птицы не имѣли никакихъ ощущеній, не обнаруживали воли и произвольныхъ цѣлесообразныхъ дѣйствій, а совершили дѣйствія только механическія, рефлективныя. Льюисъ рѣшительно опровергъ значеніе этихъ опытовъ и доказалъ, что животныя, лишеныя мозга, имѣютъ ощущенія, обна-

(*) Г: Юрковичъ рассуждаетъ такъ: «Нашъ сочинитель (г. Чернышевскій) говоритъ, что, вои, научивъ другія наземныя существа приравливать свою жизнь къ новой обстановкѣ. Изъ ассоціацій, которыми рождены прежними опытами животного, сложился въ его душѣ образъ определенной дѣятельности. Этому образу оно подчиняется слѣпо, хотя чувства его получаютъ другія впечатлѣнія отъ новой обстановки. Пчела и оса, по старой привычкѣ, дытаются прицѣплять свои клѣточки къ мѣстамъ, на которыхъ они не видятъ прежнихъ опорныхъ пунктовъ, только частыя неудачи разрушаютъ механически эту старую ассоціацію и такъ же механически образуютъ новую, которая отобразитъ въ себѣ новую обстановку. Весь этотъ фактъ, въ которомъ нашъ сочинитель видитъ доказательство разумности животныхъ, изобличаетъ ихъ рѣшительное безсмысліе.»

руживают произвольную самостоятельную дѣятельность и сообразительность въ выборѣ средствъ для достиженія цѣли. Вотъ чрезвычайно интересные опыты, произведенныя имъ самимъ и несомнѣнно доказавшія вѣрность его положеній.

У лягушки отрѣзывается голова, или, еще лучше, вырѣзывается у нея головной мозгъ. Когда она оправится отъ операци и начнетъ выказывать признаки чувствительности, ее кладутъ на спину и прикладываютъ уксусную кислоту къ кожѣ, покрывающей ея голень. Пусть читатель вообразитъ, что его собственное плечо обожжено въ такомъ мѣстѣ, до котораго онъ можетъ дотронуться большимъ пальцемъ руки, принадлежащей къ обожженному плечу, и онъ получитъ понятіе о слѣдствіяхъ этой операци. Какъ только кислота начинаетъ жечь, лягушка вытягиваетъ *другую* ногу, такъ что тѣло нѣсколько наклоняется къ этой ногѣ. Потомъ обожженная нога сгибается и верхняя поверхность стопы прикладывается къ обожженному мѣсту, стирая съ него кислоту, точно такъ же, какъ вашъ большой палецъ сталъ бы тереть ваше плечо. Воспрепятствуйте ей чесаться правою лапкою, и она употребитъ для этого лѣвую.—Для того, чтобы доказать это, мы отрѣзываемъ голову у другой лягушки и въ то же время отрѣзываемъ стопу той ноги, которую мы будемъ раздражать. Какъ только уксусная кислота будетъ приложена, нога тотчасъ же согнется такъ же, какъ и въ предыдущемъ опытѣ, и образовавшийся конецъ ея начнетъ двигаться изъ стороны всторону, какъ бы для того, чтобы обтереть раздражаемое мѣсто. Но кислоту нельзя стереть такимъ образомъ и животное приходитъ въ безпокойство, какъ бы стараясь отыскать какой нибудь другой способъ избавиться отъ раздражающей его кислоты. Замѣчательно, что при этомъ животное часто нападаетъ на способы весьма сходные съ тѣми, которые, при подобныхъ обстоятельствахъ, были бы употреблены разумнымъ существомъ, человекомъ. Такъ, при продолжающемся раздраженіи, лягушка оставляетъ иногда напрасныя старанія стереть кислоту остаткомъ раздражаемой ноги, вытягиваетъ эту ногу, пригибаетъ *другую* къ раздражаемому мѣсту и ею оттираетъ кислоту. Что это вовсе не бессознательныя, механическія дѣйствія, что это вовсе не широкія реакціи, опирающіяся на известную группу мышцъ, это очевидно изъ того, что лягушка не всегда употребляетъ этотъ способъ для того, чтобы избавиться отъ раздраженія. Иногда она болѣе энергическимъ образомъ сгибаетъ въ сторону раздражаемую ногу и въ то же время нагибаетъ и туловище въ ту же сторону; такимъ образомъ оказывается возможность обтереть раздражаемое мѣсто о бокъ. Трудно опровергнуть подобныя очевидныя доказательства того, что здѣсь прѣобладаетъ свободный выборъ» (Т. II, стр. 208, 209 и 210) (*).

(*) Г. Юркевичъ говоритъ: «новѣйшая психологія отличается отъ схоластической преимущественно двумя великими открытіями: это — законы психическаго механизма и законъ такъ-называемыхъ *рефлективныхъ* движеній. Нашъ сочинитель, повидимому, не знакомъ съ этими открытіями и оттого онъ приписываетъ

Такимъ образомъ обнаруженіе ощущенія, воли и такъ—называемого произвола замѣчается, съ одной стороны, у животныхъ вовсе не имѣющихъ головного мозга, и дѣйствія ихъ поэтому нельзя приписывать какому-то слѣпому инстинкту, а съ другой стороны—и у животныхъ съ головнымъ мозгомъ послѣ того, какъ онъ вырѣзанъ у нихъ. Слѣдовательно процессы ощущенія и воли не составляютъ исключительной принадлежности и отправленій головного мозга. А въ чемъ же состоятъ эти отправленія?

«Первый пунктъ», говоритъ Льюисъ, «заслуживающій тутъ нашего вниманія, тотъ, что ни одинъ нервъ не исходитъ изъ большого мозга. Большой мозгъ есть узловой центръ, съ которыми всѣ нервы связаны посредственно, но пазъ котораго не беретъ своего начала ни одинъ нервъ. Все это обширное скопленіе нервныхъ волоконъ образуетъ лишь связующій аппаратъ, посредствомъ котораго мозгъ подвергается дѣйствію всѣхъ прочихъ центровъ, и въ свою очередь дѣйствуетъ на нихъ. Мы поэтому имѣемъ полное право заключить, что ни одно изъ ощущеній, вызываемыхъ внѣшними стимулами, не можетъ быть возбуждено прямо въ большомъ мозгу, но должно дойти до него посредствомъ узла возбужденнаго нерва» (стр. 93).

Существуетъ, какъ мы уже говорили, два вида центровъ, первичные и вторичные; также точно должны быть первичныя и вторичныя ощущенія. Отъ глаза идетъ нервъ къ первому оптическому центру; свѣтъ, черезъ нервъ производитъ первичное ощущеніе въ оптическомъ центрѣ; это ощущеніе передается потомъ второму центру, находящемуся въ большомъ мозгу, и производитъ въ немъ вторичное ощущеніе; оно отлично отъ перваго и составляетъ его психическую переработку. Въ первомъ центрѣ свѣтъ ощущается, а во второмъ это ощущеніе замѣчается, — на него, какъ говорятъ, обращается вниманіе; изъ втораго центра замѣченное ощущеніе можетъ перейти въ третій и т. д.; тутъ уже можетъ явиться представленіе и всѣ его разнообразныя сочетанія. Та же самая исторія повторяется и въ другихъ первичныхъ центрахъ съ ощущеніями слуха, обонанія, осязанія и т. п. Такимъ образомъ въ мозгу совершается дальнѣйшая переработка первичныхъ ощущеній, которыя даютъ начало и матеріалъ психической дѣятельности, совершающейся во вторыхъ центрахъ. Большому головному мозгу, какъ выражается Льюисъ, принадлежатъ самыя «благородныя отправленія; въ немъ всѣ впечатлѣнія, почувствованныя путемъ чувствъ и внутренностей, соединяются, слатаются, животнымъ дѣятельность, опредѣляющую отчетливый инстинктъ, въ такихъ случаяхъ, въ какихъ и самыя развитыя люди не руководствуются силлогизмами.» Убѣдитесь же теперь, что «вашъ сочинитель» знаетъ про эти открытія, но ему было извѣстно, что эти открытія опять закрыты, что законъ рефлексивныхъ движеній потерялъ свое значеніе, и отвергается физиологами.

видоизмѣняются и какимъ-то глубоко-тайственнымъ способомъ перерабатываются въ идеи» (стр. 81). Не будь первыхъ центровъ и ихъ первичныхъ ощущеній, невозможна была бы и психическая дѣятельность. Выѣшнее впечатлѣніе не можетъ прямо дѣйствовать на второй центръ; въ этомъ центрѣ невозможна дѣятельность, если она не будетъ возбуждена ощущеніемъ перваго центра. Слѣдовательно всѣ психическіе акты и психическая жизнь образуются изъ первичныхъ ощущеній первыхъ центровъ, которые въ свою очередь не могутъ возбуждаться прямо выѣшними впечатлѣніями, а только нервною нервовъ и волоконъ, которая приходитъ въ дѣятельность уже прямо вслѣдствіе вліянія выѣшнихъ впечатлѣній. — Первичныя ощущенія зрѣнія, слуха и другихъ чувствъ отличаются отъ первичныхъ системныхъ ощущеній, производимыхъ внутренностями; это различіе ощущеній, конечно, сохраняется и во вторыхъ центрахъ при всякой психической переработкѣ ихъ. Вотъ физиологическое основаніе для классификаціи всей психической жизни на мысль и чувство, на представленіе и душевное движеніе; разъясненіе его составляетъ важную новость и заслугу Льюиса. Прежде философы, противопоставляя свою науку физиологіи, утверждали, что въ отправленияхъ и дѣйствіяхъ мозга нѣтъ факта, соотвѣтствующаго различію двухъ большихъ сторонъ психической жизни.

«Мозговые ощущенія обыкновенно распредѣляютъ подъ двѣ главныя рубрики: отличаютъ умственные процессы и душевныя движенія. До сихъ поръ оставалось тайною, какимъ образомъ органъ, столь однородный, какъ большой мозгъ, въ которомъ каждый извиликъ есть лишь повтореніе прочихъ, можетъ тѣмъ не менѣе служить отправлениямъ, столь различнымъ между собою, какъ умственнымъ и душевнымъ. — Извилины мозга повсюду подобны и непрерывны, словно складки на кускѣ бархата. Они не отдѣлены одинъ отъ другаго; они ничѣмъ не разнятся между собою; они тождественны. Какимъ же образомъ можемъ мы предполагать, что они суть органы очень различныхъ отравленій? — Принимая, что всѣ извилины одарены однимъ общимъ свойствомъ — чувствительностію, мы должны, руководясь изложенными выше началами, принимать, что особый видъ чувствительности, возбуждаемый въ каждомъ изъ нихъ, зависитъ отъ свойствъ стимула; свойства же стимула, конечно, будутъ опредѣляться производящимъ его органическимъ аппаратомъ. Стимуль, переданный посредствомъ зрительнаго центра, долженъ быть различенъ отъ стимула, переданнаго черезъ центръ слуха; и оба они должны различаться отъ стимула, переданнаго внутренностями. Стимуль, полученный черезъ центръ ощущеній, долженъ по необходимости различаться отъ полученнаго черезъ центръ позывовъ; слѣдовательно, какъ ни различно представленіе отъ душевнаго движенія, они оба суть лишь особыя формы чувствительности. — Ощущеніе, такимъ образомъ, составляетъ исходную точку обохъ ря-

довъ. Но мы уже видѣли, что ощущеніе бываетъ разныхъ родовъ, которые распадаются на двѣ ясно отличимыя группы, на ощущенія чувственные и системныя. Первыя возбуждаются черезъ органы специальныхъ чувствъ, то есть черезъ зрѣніе, слухъ, осязаніе, обонаніе, вкусъ. Вторыя берутъ свое начало во внутренностяхъ, въ мышцахъ, — словомъ, во всей системѣ организма. Первыя можно въ нѣкоторой мѣрѣ считать безличными, потому что они приводятъ насъ въ сознательное соотношеніе съ вѣдшимъ міромъ, съ не — я. Вторыя, напротивъ, по преимуществу личны, потому что они не приводятъ насъ въ сознательное общеніе съ вѣдшими предметами, но только съ тѣмъ, что происходитъ въ нашемъ тѣлѣ. Разумъ часто считали безличнымъ, но никто никогда не считалъ безличными душевныя движенія. Умственные процессы немалыми безъ вѣдшаго міра; даже когда мы размышляемъ о собственныхъ своихъ чувствахъ и умственныхъ процессахъ, мы рассматриваемъ ихъ, какъ нѣчто отдѣльное отъ насъ самихъ. Душевныя движенія гораздо тѣснѣе связаны съ личностію. Всякій человекъ, если онъ не утонченный психологъ, убѣжденъ, что алина заключается въ розѣ, сладость въ яблокѣ, грохотъ въ громѣ. Но никому, даже психологу, не приходитъ въ голову, чтобы любовь или ненависть, страхъ или благоговѣніе, желаніе или отвращеніе, управляющіе нѣмъ, заключались въ предметъ, возбуждающемъ эти чувства.—Эта вѣдшность чувственныхъ ощущеній и внутренность ощущеній системныхъ проводятъ рѣзкую границу между впечатлѣніями, возникающими изъ первыхъ, и позывами, или инстинктами, возникающими изъ вторыхъ; отсюда въ свою очередь вытекаютъ столь различныя между собою формы чувствительности, извѣстныя подъ названіемъ мыслей и душевнаго движенія.—Никогда не сомнѣвались въ томъ, что наши впечатлѣнія и представленія вытекаютъ изъ ощущеній. Старинная философская поговорка, по которой въ умѣ нѣтъ ничего, что бы не было предварительно въ чувствахъ, могла сдѣлаться двусмысленною отъ различныхъ значеній слова «чувства»; но она указываетъ на тотъ несомнѣнный фактъ, что въ основѣ всякаго умственнаго процесса лежитъ ощущеніе. Я поэтому считаю себя въ правѣ разсматривать мышленіе, какъ ту форму мозговой чувствительности, которая опредѣляется соотношеніями мозга къ узламъ специальныхъ чувствъ. Точно такъ же, душевныя движенія можно разсматривать, какъ ту форму мозговой чувствительности, которая опредѣляется соотношеніями съ узлами внутренностныхъ ощущеній. (стр. 94, 95, 96 и 97).

Очень вамъ благодарны, сэръ; кстати благодаримъ и переводчиковъ за аккуратный и добросовѣстный переводъ.—Къ отправленіямъ головного мозга причисляли прежде способность совершать произвольныя дѣйствія; тогда какъ дѣйствія производимыя спиннымъ мозгомъ называли непроизвольными, рефлективными. Мы уже видѣли, что такое распределеніе отправленій неосновательно; теперь Льюисъ объясняетъ разницу между произвольными и непроизвольными дѣйствіями и до-

казываетъ, что характеръ ихъ совершенно одинаковъ, что они совершаются по однимъ законамъ и имѣютъ одинаковый источникъ. Обыкновенно называютъ произвольными тѣ дѣйствія, которыя подлежатъ нашему контролю. Если вамъ захочется, вы можете сдѣлать движеніе рукою; можете тотчасъ и остановить ее. Тѣ же дѣйствія, которыя совершаются безъ нашей воли, называются непроизвольными; сердце бьется, вѣки мигаютъ, желудокъ варитъ непроизвольно. Для удобства это дѣленіе можетъ быть принято; но наука не можетъ удовлетвориться имъ; потому, что она въ тѣхъ и другихъ дѣйствіяхъ видитъ одинаковые элементы.

«Миганіе совершается посредствомъ мышцъ произвольнаго движенія и можетъ быть дѣйствіемъ совершенно произвольнымъ, напримеръ, когда мы подмигиваемъ комунибудь изъ своихъ слушателей, желая дать знать ему, что мы шутимъ. А между тѣмъ это же дѣйствіе, произвольнаго котораго ничего и быть не можетъ, обыкновенно совершается совершенно непроизвольно.—Пусть вашъ пріятель быстро проведетъ пальцемъ передъ вашими глазами и не смотря на то, что онъ торжественно увѣряетъ, что не прикоснется къ вашимъ глазамъ, не смотря на то, что вы вполне доверяете его слову, никакія усилія вашей воли не помогутъ вамъ удержаться отъ того, чтобы не мигнуть. Напротивъ вы рѣшаетесь быть твердыми, не моргать, — вѣко опускается, какъ только приблизится палецъ. Это миганіе обыкновенно считается дѣйствіемъ непроизвольнымъ, потому что оно совершается вопреки нашей воли; а между тѣмъ, дѣйствіе это вызвано идеєю, идеєю опасности; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только поднести палецъ къ глазу животнаго, или дитяти, у котораго не составлялась еще идея объ опасности: оно не моргнетъ. Не моргнете и вы, когда поднесете къ глазу свой собственный палецъ, потому что тогда не является идея объ опасности. Здѣсь мы имѣемъ дѣйствіе въ высшей степени *способное подвергнуться контролю* и очевидно возбуждаемое *стимуломъ идеи*, дѣйствіе, представляющее, следовательно, два основныхъ признака произвольныхъ дѣйствій, а между тѣмъ дѣйствіе это несомнѣнно непроизвольное» (стр. 166, 168).

Всѣ движенія и дѣйствія происходятъ отъ ощущеній; если движеніе производится ощущеніемъ, совершившимся въ первомъ ближайшемъ къ впечатлѣнію центрѣ, тогда оно называется непроизвольнымъ, а если произойдетъ отъ ощущенія, переданнаго во вторичный центръ, то его называютъ произвольнымъ. Когда ктонибудь уколетъ нашу руку, мы ее отдернемъ непроизвольно, невольно; ощущеніе укола, происшедшее въ первомъ центрѣ, прямо произведетъ сокращеніе мышцы и движеніе руки. Но если мы увѣрены, что насъ уколетъ слетка, не больно, то мы удержимъ или остановимъ непроизвольное дѣйствіе, т. е. движеніе руки; въ этомъ случаѣ ощущеніе передается ко второму центру, къ мысли о незначительности укола, и второй центръ оста-

навливаетъ дѣятельность перваго, а слѣдовательно и движеніе. Иногда мысль, второй центръ, производитъ движеніе и оно какъ будто произвольно, между тѣмъ другая мысль, другой какой нибудь центръ никакъ не могутъ остановить этого движенія, какъ бы намъ ни хотѣлось остановить его, и то же дѣйствіе выходитъ стало быть непроизвольно. Вы замѣчаете, что разница между произвольнымъ и непроизвольнымъ дѣйствіемъ такая же, какъ между замѣченнымъ и незамѣченнымъ ощущеніемъ, то есть въ сущности нѣтъ никакой. — Если собакѣ наступить на хвостъ человѣкъ незнакомый, она обернется, чтобы укусить его, и укуситъ; но если это будетъ ея хозяинъ, она обернется, но не укуситъ его; если даже и схватитъ зубами, то во-время остановится. Здѣсь мысль, представленіе о хозяинѣ — остановило движеніе. Но такая способность останавливать или контролировать дѣйствія ограничена, такъ что мысль, произведеніе втораго центра, иногда не можетъ остановить движенія. Вашъ пріятель имѣетъ мысль, что вы не ударите его по глазу, но эта мысль неспособна удержать его отъ мигавія глазами, когда вы передъ нимъ махнете рукой. Многие люди, въ особенности женщины, никакъ не могутъ удержаться отъ того, чтобы не отшатнуться, когда къ нимъ поднесутъ ножъ, или наведутъ на нихъ ружье, хоть онѣ и увѣрены, что оно незаряжено. Понятіе о ножѣ, ружьѣ и понятіе объ опасности до того слились у нихъ, что никакъ не могутъ быть разъединены дѣятельностію какого нибудь другаго центра и другой мысли. Изъ всѣхъ подобныхъ фактовъ Льюисъ выводитъ такое заключеніе:

«Мы, — говорить, онъ, — не признаемъ никакого дѣйствительнаго, никакого существеннаго различія между дѣйствіями произвольными и непроизвольными. Всѣ они произвольны. Сознательность составляетъ источникъ всѣхъ ихъ. — Въ разговорномъ языкѣ принято обозначать различіе между движеніемъ, которое я сдѣлаю рукою, потому что я хочу его сдѣлать съ какою нибудь опредѣленною цѣлю, и движеніемъ, которое я сдѣлаю потому, что меня укуситъ пчела; принято говорить: «я хочу написать это письмо», или «я написалъ это письмо противъ воли, я не имѣлъ ни малѣйшаго желанія сдѣлать это». Но наука болѣе требовательна, когда она стремится къ точности, и философъ, разбирая эти сложныя дѣйствія, не найдетъ ни одного элемента, который бы соответствовалъ «произволу» въ одномъ изъ этихъ дѣйствій, и который бы не встрѣчался въ другихъ; онъ найдетъ только, что всегда известная группа мышцъ приводится въ состояніе дѣятельности известными чувственными, или мысленными стимулами» (стр. 173).

Такъ же точно цѣлесообразность дѣйствій, то есть наше искусство употреблять и совершать только тѣ дѣйствія, которыя какъ разъ соотвѣтствуютъ нашей цѣли, — не есть что нибудь первоначальное, гото-

вымъ данное намъ отъ природы, но она пріобрѣтается постепенно, вслѣдствіе постояннаго упражненія: мы научаемся ей тоже посредствомъ произвольныхъ дѣйствій и движеній. — Ощущеніе боли заставляетъ животное дѣлать разныя усилія и движенія, чтобы избавиться отъ нея; эти усилія и движенія произвольныя, они не руководятся цѣлю, совершаются наобумъ, какъ попало. Среди этихъ усилій, оно случайно дѣлаетъ движеніе, за которымъ слѣдуетъ облегченіе или прекращеніе боли; животное замѣчаетъ это движеніе, у него устанавливается связь между ощущеніемъ боли и этимъ опредѣленнымъ движеніемъ; оно всегда и дѣлаетъ его, когда хочетъ избавиться отъ боли; эта связь съ ранней поры жизни устанавливается такъ прочно, что на нее смотрятъ даже какъ на инстинктъ, какъ на даръ природы, какъ будто природа сама напечатлѣла въ насъ способность къ извѣстнымъ цѣлесообразнымъ дѣйствіямъ.

«Дитя, лежа въ постели, чувствуетъ болѣзненное ощущеніе холода. Это ощущеніе производитъ обыкновенное безпокойство, движенія, можетъ быть крикъ и слезы. Между разнаго рода движеніями рукъ и ногъ, которыя какъ-то сами собой совершаются, случится нечаянно такое движеніе, которое приведетъ дитя въ соприкосновеніе съ кормилицей, лежащей въ той же постели; теплота ощутится въ то же мгновеніе, и это облегченіе болѣзненнаго ощущенія холода тотчасъ же становится стимуломъ, поддерживающимъ движеніе, совершавшееся въ то мгновеніе, когда дитя почувствовало облегченіе. Узнавши это движеніе, дитя совершаетъ его преимущественно предъ всѣми другими. Такимъ образомъ дитя научается связывать извѣстныя ощущенія съ нѣкоторыми движеніями, и впоследствии, почувствовавши холодъ, всегда прѣжимается къ кормилицѣ, даже и во снѣ. Нашимъ чувствованіямъ прирожденно свойство возбуждать дѣятельную систему нашего организма къ разнаго рода дѣйствіямъ; но не существуетъ никакой прирожденной связи между различными чувствованіями и движеніями, относящимися къ каждому опредѣленному случаю. Для того, чтобы достигнуть этой цѣли, намъ нужна помощь случайности, опыта, ошибокъ и распространяющееся нарастаніе паръ, составленныхъ изъ ощущеній и соотвѣствующихъ имъ движеній, когда намъ случится найди такія пары. Первые ступени воспитанія нашей воли представляютъ слѣдствіе поспѣшности, ошибокъ и приводящей въ отчаяніе безнадежности. Вмѣсто яснаго указанія пути, мы должны выжидать случайностей, и когда онѣ встрѣтятся, улучшать ихъ» (стр. 178).

Во всѣхъ разсмотрѣнныхъ случаяхъ дѣйствіями руководили ощущенія; кромѣ ощущеній, направлятелями дѣйствій могутъ быть мускулы, или, какъ выражается Льюисъ, идеи; характеръ послѣднихъ дѣйствій таковъ же, какъ и первыхъ. Дитя кладетъ руку на горячій блестящій самоваръ и ощущеніе боли отъ обжога заставляетъ его отдернуть ру-

ку; послѣ нѣсколькихъ подобныхъ случаевъ представленіе боли до такой степени сливается съ представленіемъ самовара, что дитя уже не станетъ класть руки на самоваръ. За какуюнибудь шалость дитя наказываютъ, и всякій разъ за повтореніемъ шалости слѣдуетъ наказаніе; отъ этого также точно устанавливается связь между мыслию о шалости и представленіемъ наказанія, и удерживаетъ дитя отъ шалости. Въ этихъ двухъ случаяхъ дѣйствіе управляется не непосредственнымъ ощущеніемъ, совершающимся въ первомъ центрѣ, не ощущеніемъ боли, а идеальнымъ представленіемъ ощущенія и боли, происходящимъ во второмъ центрѣ. Произвольныя мысли и мышленія Льюисъ понимаетъ въ такомъ же условномъ и относительномъ смыслѣ, какъ и произвольныя дѣйствія. Если какаянибудь новая мысль соответствуетъ всѣмъ другимъ нашимъ мыслямъ, мы принимаемъ ее непременно: тутъ не можетъ быть вопроса о томъ, принять ее или нѣтъ, не требуется никакого рѣшенія воли, мысль сама собою и необходимо вкладывается въ содержаніе нашей умственной жизни, такъ сказать, безъ всякаго согласія и желанія съ нашей стороны.

«Когда Уаттъ изобрѣталъ свое «параллельное движеніе» для паровыхъ машинъ, его разумъ и способность наблюдать постоянно работали, постоянно обращались во всѣ стороны, вездѣ искали случайной встрѣчи какой-нибудь комбинаціи, которая-бы удовлетворяла его требованіямъ. Принять ее, или отвергнуть, это было дѣло произвола; это было продолжающееся проявленіе той-же самой энергіи, которая, во время его младенчества, побуждала его сосать грудь матери до тѣхъ поръ, пока чувствовался голодъ и оставлять ее, когда голодъ бываетъ утоленъ, которая побуждала его брать въ ротъ кусочекъ сахара, и не брать въ ротъ, или выбрасывать изъ рта то, что горько или противно. Не нужно никакого формальнаго рѣшенія разума, принятаго послѣ разсмотрѣнія или разбора различныхъ обстоятельствъ, никакого особеннаго внимательства «я», или личности, для проявленія этой энергіи, проявленія состоящаго въ томъ, что мы принимаемъ, или отвергаемъ то, что чувствуется очевидно удовлетворяющимъ или неудовлетворяющимъ нашимъ желаніямъ или потребностямъ въ данное время. Сила воли поддерживаетъ вниманіе, или дѣятельность отыскивающую, и въ то мгновеніе, когда приходитъ въ голову что-нибудь, имѣющее нѣкоторое отношеніе къ цѣли, она бросается на него, какъ дикій звѣрь на свою добычу.—Заключеніе, къ которому мы приходимъ, говоритъ Льюисъ, состоитъ въ слѣдующемъ: въ обыкновенномъ разговорномъ языкѣ произвольными называютъ условно такіа дѣйствія, которыя или совершаются вследствие яснаго, раздѣльнаго представленія цѣли этихъ дѣйствій, или сопровождаются такимъ представленіемъ. Но психологія и физиологія, анализируя процессы, совершающіеся въ организмѣ, признаетъ, что всѣ возможныя наши дѣйствія суть отвѣты организма на стимулы, возбуждающіе его нервныя центры. Будетъ-ли дѣйствіе результатомъ

прямого, непосредственного дѣйствія стимула, или не прямого, во всякомъ случаѣ оно представляетъ отвѣтъ органа на возбужденіе, исходящее изъ нервнаго центра этого органа; идея-ли составляетъ исходную точку, или ощущение, во всякомъ случаѣ въ результатѣ получается возбужденіе извѣстнаго центра и отвѣтъ на это возбужденіе, выраженный въ извѣстномъ дѣйствіи» (стр. 183, 184, 188, 189).

Такъ вотъ канова «Физиологія обыденной жизни», такъ вотъ что говоритъ «физиологъ Льюисъ, англичанинъ, не учившійся въ русской семинаріи и знающій кое-что изъ химіи!» Послѣ этого, подумайте сами, любезные читатели, какими комплиментами мы могли бы угостить противниковъ «Современника», какъ удобно могли бы поглумиться надъ ихъ ученою проницательностью, и какимъ свистомъ могли бы проводить всѣ ихъ разглагольствованія о Льюисѣ и г. Юркевичѣ, — и чѣмъ-ли бы на это полное право. Но... неволью возбуждается какая-то жалость къ противникамъ, когда видишь ихъ совершенное бессиліе и безотвѣтность и сознаешь на своей сторонѣ все превосходство силы и всю правоту своего дѣла. Поэтому изъ всей этой исторіи мы выведемъ такое же заключеніе, какое вывели сами противники «Современника»; можетъ быть оно будетъ поспѣшно для предвѣдѣнато; но во всякомъ случаѣ для нихъ оно должно имѣть полную силу и обязательность, такъ какъ мы заимствуемъ его изъ ихъ же собственныхъ устъ. Приведемъ изъ Льюиса отрывки, рассмотрѣнные нами въ началѣ статьи, о самостоятельности химіи и физиологіи, и о томъ; что химическіе законы количественны, а физиологическіе качественные, «Отечественныя Записки» вывели изъ нихъ такое заключеніе:

«Сравните, говорили они, этотъ отрывокъ изъ Льюиса съ тѣмъ, что говоритъ г. Юркевичъ, и вы увидите, что нашему кievскому профессору извѣстны послѣдніе изслѣдованія не хуже г. Чернышевскаго. Слѣдовательно, онъ знаетъ не одни семинарскія тетрадки и учебники, какъ завѣряетъ г. Чернышевскій. Мы это говоримъ только для тѣхъ, которые думаютъ, что все сказанное съ размаху, очертя голову, непременно и справедливо; а у насъ, къ сожалѣнію, такихъ людей очень много. Пожалуй, подумали бы, что г. Юркевичъ схоластикъ, а г. Чернышевскій — прогрессистъ (О. З. 1861. № 8)!»

Намъ ничего не остается сдѣлать, какъ только повторить это заключеніе съ нѣсколькими измѣненіями, которыхъ требуетъ сущность дѣла, и сказать: сравните не отрывокъ, а все ученіе Льюиса и всю его физиологію съ тѣмъ, что говоритъ г. Юркевичъ, и вы увидите, что нашему кievскому, а нынѣ московскому, профессору извѣстны послѣдніе изслѣдованія не только хуже г. Чернышевскаго, но и

воле неизвѣстны. Следовательно, онъ знаетъ одинъ только семинарскія тетрадки и учебники, какъ заѣрять г. Чернышевскій. Мы это говоримъ только для тѣхъ, которые думаютъ, что все сказанное съ горча, но неизвестно къ «Современнику», непримѣнно и справедливо; а у насъ, въ сожалѣнію, такихъ людей очень много. Пожалуй, подумали бы, что г. Чернышевскій схоластикъ, а г. Юркевичъ — прогрессистъ, какъ показалось «Отечественнымъ Запискамъ!» — Что же это такое въ самомъ дѣлѣ? Появляется замѣчательное популярное сочиненіе, принимаются разбирать его люди, по видимому ученые и понимающіе дѣло; но одинъ изъ нихъ находитъ, что Льюисъ вообще высказываетъ не ясно свои сужденія, и во всемъ его сочиненіи понимаетъ только то, чего именно въ немъ нѣтъ, будто бы оно противорѣчитъ воззрѣніямъ «Современника»; другому же показалось, что оно подтверждаетъ именно г. Юркевича и опять значитъ воражаетъ «Современникъ». «Современникъ» сдѣлался для многихъ какимъ-то критеріемъ, мѣркою, относительно которой они устанавливаютъ и опредѣляютъ свои собственные взгляды на все. Во всѣхъ случаяхъ, прежде всякаго другаго дѣйствія, они справляются съ «Современникомъ», чтобы непримѣнно стать въ оппозицію съ нимъ. Кажется, они и читаютъ «Современникъ» собственно для того только, нельзя ли найти въ немъ какихъ либо погрѣшностей, или промаховъ, а всѣ другія книги читаютъ съ единственною цѣлію отыскать въ нихъ что нибудь такое, чѣмъ бы можно было уколотъ и задѣть «Современникъ». Но видно, пожива плохо, какъ можно судить по ихъ грубымъ натяжкамъ въ обличеніяхъ «Современника», и по тому обстоятельству, что они хватаются за соломенку, ищутъ помощи у protégé «Русскаго Вѣстника», искали даже нѣкогда у самой «Русской Рѣчи». За что же вы насъ называете сумасшедшими, нуждающимися въ помощи патологін и психіатрін? Вы сами умны, гениальны и ученые; покажите же вамъ умъ, заявите чѣмъ нибудь вамъ гениальность и ученость, скажите что нибудь отъ себя противъ воззрѣній, не направлявшихся вамъ, и выскажите ваши собственныя. Вы же сами сознаетесь, что съ г. Лавровымъ вы соглашались только относительно самостоятельности психологін; ну, а какъ же вы заискиваете о другихъ предметахъ этого рода? Вы недовольны «Современникомъ», онъ вамъ ненавистенъ; опровергайте и браните его сами, своимъ вашихъ силъ хватитъ. Что же вамъ за надобность и за охота прятаться за г. Юркевича и услуживать ему разными натяжками? Значитъ, вы мало надѣетесь на свои силы, когда выставляете впередъ другихъ и даже свою брань хотите подкрѣпить чужимъ голосомъ. — Оттого-то, читатели, съ каждымъ днемъ мы все болѣе и болѣе дорожимъ своими убѣжденіями и увѣряемся въ ихъ прочности и согласіи съ состояніемъ и направленіемъ науки. Высказываешь свои сужденія

предъ толпою раздраженныхъ противниковъ, которые, если бы за-
мѣтили въ нихъ слабую сторону, бросились бы на нее какъ голодные
волки, расписали бы ее преподробно и на весь свѣтъ разгласили бы
отвѣстныя невѣжества. Но оказывается только, что одинъ назоветъ те-
бя сумасшедшимъ, а другой выйдетъ противъ тебя г. Юркевича. Ну,
а при этомъ можно еще жить на свѣтѣ; особенно еще тогда видишь,
что каждое новое открытiе въ наукѣ, каждый шагъ ея—съ одной сто-
роны наноситъ ударъ зданiю, защищаемому единомышленниками г.
Юркевича, а съ другой—приготавливаетъ материалъ для постройки
новаго зданiя въ другомъ вкусѣ; невольно чувствуется при этомъ
внутреннее удовольствiе. — Вотъ хоть напримѣръ, ощущение дол-
го находилось въ рукахъ метафизиковъ и психологовъ; но они
ничего не сдѣлали съ нимъ и только внушили суевѣрный страхъ
къ его таинственности. «Философствующiй эмбиологъ» берегся за ощу-
щенiе; онъ тоже очень хорошо понимаетъ его таинственность и знаетъ,
что не можетъ непосредственно наблюдать его ни однимъ изъ пяти
чувствъ, какъ не можетъ наблюдать и сущности того мыслечного се-
кращенiя, которое производитъ движенiя; но за то онъ можетъ наблю-
дать тѣ дѣйствiя и явленiя, которыми обнаруживается ощущенiе. Уко-
лотъ онъ ланку лягушки и смотритъ, почувствовала ли она уколъ,
или нѣтъ; лягушка отдернетъ ланку,—а, значитъ почувствовала, ей бр-
къ, ощущенiе есть. У другаго животнаго вырѣжетъ ногъ, разсо-
третъ его стволъ, ставеть дѣлать разные эксперименты надъ живот-
нымъ, а потомъ и выведетъ изъ этого какое нибудь заключенiе отно-
сительно ощущенiя. Въ таинственность онъ, положимъ, не проникъ,
какъ не проникнетъ и метафизикъ съ психологомъ; но, какъ выра-
жается Льюисъ, царство таинственности превращается для него въ
царство таинствъ, подчиненныхъ законамъ; онъ узнаетъ много фак-
товъ насчетъ ощущенiя, узнаетъ законъ ощущенiя, сумма его знанийъ
увеличивается,—а это важное дѣло. Не хорошо поступаютъ съ таин-
ственностью только тѣ, которые боятся ея, опускаютъ передъ нею
руки, пускаются на выдумки и фантазии; а безъ этого и психологи
имѣютъ право заниматься ощущенiемъ и его болѣе сложными продук-
тами; ихъ нужно просить только о томъ, чтобы они, не смущаясь таин-
ственностью, наблюдали то, что есть на самомъ дѣлѣ, а не выдумыва-
вали произвольно разныхъ подозрительныхъ и несуществующихъ
аргументовъ.

А. АНТОНОВИЧЪ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Сочиненія *Д. В. Кирьявскаго*. Т. I, II. Москва. 1861.

Сочиненія *А. С. Хомякова*. Т. I. Москва. 1861.

Сочиненія *К. С. Аксакова*. Москва. 1861.

Нельзя не порадоваться изданію въ свѣтъ полнаго собранія сочиненій знаменитыхъ представителей славянофильства, которые оказали незабвенныя услуги русской философіи, русской исторіи и всему вообще русскому просвѣщенію и русской народности. Изданіе ихъ благотворительно и полезно особенно въ настоящее время, когда подражаніе всему иностранному дошло до высшей степени, такъ сказать, до апогея: куда ни обратишь взоръ свой, всюду видишь усиленное и лихорадочное стремленіе подражать иноземному, прилежное изученіе чужаго для насъ Запада и какое-то благотовѣніе къ заграничному. Мы не будемъ говорить о модахъ и модныхъ матеріяхъ, объ издѣліяхъ, потребныхъ для общежитія, для промышленной дѣятельности и для разныхъ техническихъ производствъ; тутъ всегда и всѣми единодушно отдается преимущество иностранному предъ русскимъ; за всякую заграничную вещь всѣ охотно платятъ дороже, чѣмъ за русскую, хотя бы послѣдняя была и лучшаго качества. Мы обратимъ вниманіе только на науки, гдѣ подражаніе иноземному доходитъ до ужасающихъ размѣровъ; переводная литература достигаетъ громадныхъ объемовъ; почти каждый день появляются все новые и новые переводы иностранныхъ книгъ, бываютъ даже двойные переводы, такъ что одна и та же книга въ одно и то же время появляется въ двухъ различ-

ныхъ переводахъ; количество переводныхъ книгъ едва ли не равняется количеству оригинальныхъ. По каждой наукѣ вы найдете теперь гораздо больше сочиненій переводныхъ, чѣмъ оригинальныхъ, русскихъ; а по иной наукѣ, такъ и вовсе нѣтъ русскихъ сочиненій, а одни только переводныя. Даже русскіе писатели изысканныхъ произведеній сами не могутъ предложить русскимъ читателямъ достаточное количество матеріаловъ для удовлетворенія ихъ потребности въ легкомъ чтеніи; такъ что чувствуется надобность издавать въ переводѣ собранія и цѣлыя бібліотеки иностранныхъ повѣстей и романовъ. Каждый журналъ, кромѣ оригинальныхъ романовъ, непремѣнно печатаетъ въ «приложеніи» переводные романы. Кажется, какъ будто безъ переводовъ и жить нельзя; мы уже не говоримъ о тѣхъ личностяхъ, которыя постоянно читаютъ въ подлинникъ иностранныя сочиненія. Согласитесь сами, что всѣ эти явленія представляютъ собою какое-то нравственное рабство съ нашей стороны, свидѣтельствуютъ объ отсутствіи въ насъ народнаго самосознанія, о недостаткѣ самоуваженія и сознанія собственныхъ силъ. Зачѣмъ намъ переводить иностранныя сочиненія, когда мы можемъ сочинять свои собственные русскія? Конечно, переводъ сдѣлать гораздо легче, чѣмъ сочинить что нибудь, а иной скажетъ еще, что не зачѣмъ и сочинять въ другой разъ того, что уже однажды сочинено другими. Но вѣдь неблагородно же и недостойно честнаго человѣка жить на счетъ чужихъ трудовъ, пользоваться чужимъ умомъ и загребать жаръ чужими руками. Да притомъ еще, все хорошо на своемъ мѣстѣ; все можетъ успѣшно и роскошно расти только на той почвѣ, на которой оно выросло. Иностранныя науки хороши для иностранцевъ; но онѣ могутъ быть неудовлетворительны для насъ, могутъ не соответствовать нашимъ потребностямъ и нашему коренному духу. У насъ должна быть своя собственная наука; мы должны не переводить и пересаживать ее на нашу почву, а сами самостоятельно и своеобразно разводить и сочинять ее; вмѣсто того, чтобы тратить время и силы на переводъ того, что можетъ быть еще и негодится для насъ, не лучше ли было бы намъ отказаться отъ подражанія Западу, сочинять и читать что нибудь свое; тогда навѣрное скорѣе бы развились наши могучія силы и принесли бы свой плодъ. Поэтому мы радостно приветствуемъ всякую попытку освободиться отъ нравственнаго рабства и униженія передъ Западомъ, съ любовью останавливаемся надъ опытами нашихъ самостоятельныхъ цѣлостныхъ воззрѣній, доверчиво и радостно смотримъ на первыя проявленія нашей чисто русской народной науки. Конечно послѣ этого, почему мы радуемся появленію въ свѣтъ полнаго собранія славянофильскихъ сочиненій; мы будемъ прилежно изучать ихъ, какъ что-то родное, какъ «дымъ отечества», который

«намъ сладокъ и пріятель»; нѣтъ нужды, что въ этихъ сочиненіяхъ много найдется какихъ нибудь ошибокъ; эти промахи не необходимы вездѣ, особенно еще при первыхъ опытахъ самостоятельности; но отъ нихъ вѣетъ жизненной силой, народной жизнью и духомъ. Въ этихъ сочиненіяхъ бьется живая струя, естественно задышающая за живое. Мы совѣтовали бы также и всѣмъ нашимъ переводчикамъ пріняться за изученіе этихъ сочиненій, и оставить въ сторону вслѣдствіе иностранныхъ сочиненій, несоотвѣтствующія нашему духу, тѣмъ болѣе, что переводъ есть дѣло почти механическое, не требующее умственного напряженія и потому не развивающее умственныхъ силъ. Притомъ мы, русскіе, отличаемся особеннымъ складомъ ума, непохожимъ на европейскій; русскій скорѣе пойметъ русскаго, чѣмъ какаго нибудь иностранца; поэтому чтеніе русскихъ произведеній съ самостоятельными русскими воззрѣніями болѣе можетъ содѣйствовать развитію русскаго ума, чѣмъ всѣ иностранныя и иноязычныя произведенія. Поэтому мы приписываемъ большее образовательное значеніе сочиненіямъ славянофиловъ, тѣмъ болѣе, что и самое содержаніе ихъ очень поучительно для насъ; мысли ихъ, за немногими исключеніями, вообще отличаются глубиною, основательностію и какою-то нравственностію и доступностію для русскаго ума и для русскаго чувства.

Мы увѣрены, что «Современникъ» не согласится съ нашимъ взглядомъ на славянофиловъ, но все-таки онъ напечатаетъ нашу статью, въ уваженіе ея цѣли: намъ хотѣлось раскрыть ему глаза, высказать прямо всю правду, доказать ему, что онъ ошибается и судитъ о славянофилахъ легкомысленно. Ему, какъ видно, не нравятся славянофилы, онъ считаетъ ихъ воззрѣнія неосновательными; но увѣренъ ли онъ въ этомъ совершенно? а можетъ быть онъ и ошибается въ своихъ сужденіяхъ о славянофильствѣ? Не вдаваясь въ полемику, мы укажемъ ему на сужденія о славянофилахъ людей почтенныхъ, понимающихъ дѣло и авторитетныхъ въ этомъ случаѣ. «Современникъ» не уважаетъ авторитеты, это мы знаемъ; но пусть онъ терпѣливо и спокойно выслушаетъ ихъ, *sine ira et studio*, и тогда, можетъ быть, все разъяснится для всѣхъ. «Отечественныя Записки» въ прошломъ году говорили, что лучше статей Кирѣевского онѣ ничего не читали на русскомъ языкѣ по части философіи, что послѣ Кирѣевского наступилъ застой въ русской философіи, что только прекрасная статья г. Юркевича могла сравняться съ ними, и она дѣйствительно напечатана «Отечественными Записками» статьи Кирѣевского. Вы, конечно, недоумѣды и статью г. Юркевича, но посмотрите, съ какимъ сочувствіемъ и теплотою говорится объ немъ въ «Сѣверной Почтѣ» въ статьѣ г. А—ва. Какъ всѣ уважали убѣжденія Хомякова, объ этомъ извѣстно

каждому, знакомому съ нашей литературой; противъ основательности этихъ убѣжденій ничего не говоритъ несчастная судьба ихъ, разсѣянная въ замѣчательной статьѣ «О судьбѣ убѣжденныхъ, по поводу смерти Хомякова». Въ ней говорится, что убѣжденія его были глубоки, основательны и въ высшей степени симпатичны, что онъ подвергъ глубокой и справедливой критикѣ разныя заблужденія латинства и, между прочимъ, неправильное происхожденіе Св. Духа и етъ Сына (filioque). И однакожь, къ сожалѣнію, его убѣжденія не возбудили всеобщаго сочувствія, на его голосъ отозвался только, какъ выражается авторъ упомянутой статьи, какой-то ивѣнецъ Цампль, а самыя убѣжденія не были замѣчены толпою. Но такова вообще «судьба убѣжденныхъ»,—и это ничего не говоритъ противъ Хомякова. Далѣе, вы не придаете большой важности историческимъ воззрѣніямъ К. Аксакова; однако посмотрите, г. Громека въ «Отечественныхъ Запискахъ» со-вѣтуетъ всѣмъ современнымъ историкамъ смотрѣть на русскую исторію такъ именно, какъ смотрѣлъ на нее Аксаковъ: «читайте, говоритъ онъ, русскую исторію такъ, какъ читали ее Аксаковы». А это, согласитесь, прекрасная рекомендація для К. Аксакова. Вспомните, наконецъ, что говоритъ о К. Аксаковѣ самъ г. Костомаровъ, ивѣнецъ котораго вы должны уважать, хоть самъ г. Костомаровъ и не сходится съ Аксаковымъ въ мнѣніяхъ, ну хоть на примѣръ о новгородскомъ вѣѣ. Вы никакъ не можете отвергать того, что г. А. Григорьевъ очень хорошо и очень близко знакомъ съ славянофилами; однако не смотрите, какъ онъ смотритъ на нихъ. «Направленіе славянофильства, говоритъ онъ во «Времени», такъ благородно, что нѣтъ нужды и оправдывать его въ какой-либо связи съ ученіями «Маяка» и иныхъ мрачныхъ изданій», и затѣмъ продолжаетъ:

«Хотя наши современные славянофилы и готовы считать Шишкова однимъ изъ своихъ отцовъ, но между его стремленіями и ихъ стремленіями цѣлая бездна. Стремленія Шишкова и его партіи, послѣдовательно означивающіяся «Маякомъ» и даже, пожалуй, «Домашней Бесѣдой»,—выводятъ насъ начало темныхъ и мрачныхъ... Стремленія же Ш. В. Карповскаго и Хомякова подають руку не «Маяку» и не «Домашней Бесѣдѣ», а тому просвѣщенному и возвыщенному направленію, которое въ послѣднее время такъ могущественно заняло себя глубокомысленной и краснорѣчивой книгой архимандрита Феодора».

Для васъ это конечно все равно, потому, что вы навѣрное не ищите ни наглагошняго понятія о книгѣ арх. Феодора; жаль, а она бы раскрыла предъ вами новыя, невѣдомыя для васъ мѣра, и несмотря на свою кажущуюся примрачность и сокровенность, разъяснила бы вамъ тайны и сущность славянофильства. — Что же вы скажете противъ этихъ свидѣтельствъ въ пользу славянофильства? ужели вы рѣшитесь

навать ихъ несомненнольшии и уничтожить ихъ въ пользу одного нашего мнѣнія? Нѣтъ, не торопитесь произносить свой приговоръ, и постарайтесь держа въ умѣ приведенные нами взгляды, еще разъ посмотрите на славянофильство съ точки зрѣнія этихъ взглядовъ. Какъ видите, они согласны между собою, хотя принадлежать людямъ разныхъ направленій, различнаго образа мыслей, — уже это одно много говорить въ ихъ пользу. Чтобы помочь вамъ и вашимъ читателямъ составить правильное и точное понятіе о славянофилахъ, мы просимъ дать мѣсто въ нашемъ легкомысленномъ журналѣ слѣдующимъ отрывкамъ изъ глубокомысленныхъ славянофильскихъ сочиненій; дѣло будетъ говорить само-за себя и изъ словъ ихъ вы узнаете ихъ.

Вотъ какъ Карповскій опредѣляетъ главную причину всѣхъ нашихъ золъ:

«Противорѣчіе основныхъ началъ двухъ спорящихъ между собою образованностей есть главнѣйшая, если не *единственная*, причина всѣхъ золъ и недостатковъ, которые могутъ быть замѣчены въ русской землѣ; Потому примиреніе обѣихъ образованностей возможно въ такомъ мнѣніи, котораго основаніе заключало бы въ себѣ самый корень древне-русской образованности, а развитіе состояло бы въ сознаніи всей образованности западной, и въ подчиненіи ея выводовъ господствующему духу православно-христіанскаго любомудрія. — Покуда вѣдшее просвѣщеніе продолжало жить на Востоцѣ, до тѣхъ поръ процвѣтала тамъ и православно-христіанская философія. Она погасла только вѣдѣтъ съ свободою Греціи и съ уничтоженіемъ ея образованности. Но слѣды ея сохраняются въ писаніяхъ святыхъ отцевъ православной церкви, какъ живыя искры. Но возобновить философію св. отцевъ въ томъ видѣ, какъ она была въ ихъ время, невозможно. А истины, вырисованыя въ умозрительныхъ писаніяхъ св. отцовъ, могутъ быть для философіи житейственныхъ зародышемъ и свѣтлымъ указательнымъ путемъ. Противопоставить эти драгоценныя истины современному составленію философіи; превикнуться по возможности ихъ смысломъ, — вотъ задача, рѣшеніе которой могло бы замѣнить все направленіе просвѣщенія въ народѣ, гдѣ убѣжденія православной вѣры находятся въ *разновѣснѣ съ закнствовавною образованностію.*» Начала такой философіи дѣйствительно и хранятся въ глубинѣ жизни простаго класса народа. «Корень образованности Россіи», говоритъ Карповскій, «живетъ еще въ ея народѣ и, что всего важнѣе, онъ живетъ въ ея святой, православной церкви. Потому на этомъ только основаніи, и не на какомъ другомъ, должно быть воздвигнуто прочное яданіе просвѣщенія Россіи... Построеніе же этого яданія можетъ совершиться тогда, когда тотъ классъ народа нашего, который не исключительно назвать *добывающимъ матеріальными средствами жизни*, и которому въ общественомъ достаткѣ преимущественно предоставлено значеніе: выработать мысленно общественное самосознаніе, — когда этотъ классъ, говоря я,

до сихъ поръ проникнутый западными понятіями, наконецъ полѣе убѣдится въ односторонности европейскаго просвѣщенія; когда онъ жадно почувствуетъ потребность новыхъ умственныхъ началъ; когда, съ разумною жаждою полной правды, онъ обратится къ чистымъ источникамъ древней православной вѣры своего народа, и чуткимъ сердцемъ будетъ прислушиваться къ яснымъ еще отголоскамъ этой святой вѣры отечества въ прежней, родимой жизни Россіи. Тогда, выравнившись изъ-подъ гнета разсудочныхъ системъ европейскаго лобомудрія, русской образованный человекъ, въ глубинѣ особеннаго, недоступнаго для западныхъ понятій, живаго, цѣльнаго умоврѣнія святыхъ отцевъ церкви, найдетъ самыя полныя отвѣты именно на тѣ вопросы ума и сердца, которые всего болѣе тревожатъ душу, обманутую послѣдними результатами западнаго самосознанія» (Кирѣев., стр. 279). «Очевидно, говоритъ Хомяковъ, то основаніе, на которомъ воздвигнется прочное зданіе русскаго просвѣщенія: это вѣра, вѣра православная, которой, слава Богу, и по особенному чувству правды (?), никто еще не называлъ религіей (ибо религія имѣетъ соединять людей, но только вѣра связуетъ людей не только другъ съ другомъ, но еще и съ ангелами и съ самымъ Творцемъ людей и ангеловъ),—вѣра, со всею ея животворною и строительною силою, идеальною свободою и терпѣливою любовью. Но она не со вчерашнего дня оварилъ русскую землю, и не даромъ жила въ ней въ продолженіе многихъ столѣтій. Много она оставила памятниковъ своего благодушнаго дѣйствія, много живыхъ слѣдовъ запечатлѣла въ просвѣщеніи отдѣльныхъ лицъ и въ общежительности народа. Почтительно (?) изучать эти памятники въ прошедшемъ, горячо любить эти слѣды (?) въ настоящемъ; особенно же помнить, что это не дѣло односторонняго разсудка (то есть изучать памятники), но дѣло цѣлой внутренней жизни, невозможное безъ постоянного стремленія къ нравственному саморазумеванію (?): таковъ долгъ всякаго русскаго, ясно понимающаго великое призваніе своей родины (замѣчаете искусство словосочетанія Хомякова?). — Предоставляя отчасти некоторымъ западнымъ людямъ, вслуганнымъ самоубійственныимъ развитіемъ рационализма, тупое и отчасти притворное изреченіе къ наукѣ. Мы должны приложить, охранять и развивать ее во всемъ томъ умственномъ просторѣ, котораго она требуетъ; но въ то же время постоянно подвергать ее своей собственной критикѣ, просвѣщенной тѣми высшими началами, которыя наши старцы заиманы православіемъ нашими предковъ. Только такимъ путемъ можемъ мы возвысить самую науку, дать ей цѣльность и полноту» (здесь образчикъ полноты и многосторонности Хомяковскихъ отвѣтовъ; въ одномъ изъ виднѣмыхъ отвѣтѣ у него тутъ цѣлыхъ шесть, притомъ различныхъ и весьма разнообразныхъ: 1) мы не превращаемъ науку; 2) мы приливаемъ ее; 3) во всемъ просторѣ; 4) но съ собственной критикой; 5) цѣль, не собственной, а высшихъ началъ; 6) цѣль не началъ, а нашихъ предковъ).— «Общеніе любви не только полезно, но вполне необходимо для постиженія истины, и постиженіе истины на ней вытекает (?) и безъ нея невозможно. Недоступная для отдѣльнаго исполненія, истина доступна

важно «совокупности мышлений, связанных любовью. Эта черта (?) резко отдѣляетъ ученіе православное отъ всѣхъ остальныхъ. — То, что сказано о высшей истинѣ, относится и къ философамъ. Повидимому — достиженіе (?) земногичь, она дѣйствительно твореніе и достиженіе всѣхъ. Такъ мы видимъ, что философское мышленіе строгими выводами возвращается къ неизбѣжнымъ истинамъ вѣры; и разумность церкви является высшею возможностью разумности человѣческой, не стѣсня ея самобытнаго развитія» (Хомяковъ, стр. 257—283). — Въ этомъ смыслѣ и г. Юрій Самаринъ сказалъ недавно, «что матеріализмъ призванъ покончить со всѣми попытками — на чемъ нибудь утверждать идею нравственности внѣ православія, разумья подъ этикъ словомъ не одну доктрину, но церковь, какъ живой организмъ» («День», № 2). — Кирѣевскій уназываетъ даже путь, по которому наша замислованная образованность можетъ дойти и возвыситься до истинной русской философамъ, до народнаго любуудрїа. «Послѣдняя нѣмецкая философія, говоритъ онъ, принадлежитъ Шеллингу Потому онъ и могъ такъ ясно сознать ограниченность этой философамъ. Убѣдившись въ ограниченности самозмышленія и необходимости божественнаго откровенія, Шеллингъ обратился къ христіанству, естественно, вслѣдствіе своего глубокаго развитія. Но стремясь къ божественному откровенію, не могъ онъ найти его чистаго выраженія. Ему оставалось одно — сочинять себѣ вѣру, — жалкая работа (дѣйствительно). Онъ руководствовался при этомъ не одними соображеніями, но, кромѣ священнаго писанія, искалъ опоры въ богосознаніи всего человѣчества, вслѣдствіе оное сохранило слѣды первобытнаго откровенія челоуѣку. Въ мифологіи древнихъ народовъ находилъ онъ слѣды хотя искаженнаго, но неутраченнаго откровенія (такъ ли, г. Леонтьевъ?). Отрицательная сторона Шеллинговаго системы, доказывающая несостоятельность рациональнаго мышленія, можетъ быть оцѣнена только въ Россіи. Поэтому я думаю, заключаетъ Кирѣевскій, что нѣмецкая философія въ томъ видѣ, какой она получила въ системѣ Шеллинга, можетъ слушать у насъ самое удобное ступеню мышленія отъ замислованныхъ системъ на любуудрїю самостоятельному, соответствующему основнымъ началамъ *древне-русской образованности*» (писано въ 1856 г.).

Къ сожалѣнію, смерть воспрепятствовала Кирѣевскому раскрыть подробно свою русскую философамъ, и онъ успѣлъ опредѣлить только главнѣйшій исходный пунктъ ея.

«Жаль, очень жаль», говорилъ онъ, «что западное безуміе стѣснило теперь и нашу мысль, именно теперь, когда, кажется, настоящая пора для Россіи сказать *свое слово* въ философамъ, показать имъ, еретикамъ, что истина науки только въ истинѣ православія. Однакожъ не теряю намѣренія написать курсъ философамъ... Въ тишинѣ своего деревенскаго уединенія, я продолжаю работать для своего будущаго философскаго сочиненія, изучая писанія св. отцовъ: ученіе о святой Троицѣ не только привлекаетъ мой умъ, что является ему какъ высшее

средоточіе всѣхъ святыхъ истинъ, но и потому еще, что; пониманіе сочиненіемъ о философіи, и дошелъ до того убѣжденія, что направленіе философіи зависитъ, въ первомъ началѣ своемъ, отъ того понятія, которое мы имѣемъ о пресвятой Троицѣ» (Кирѣев., стр. 110):

«Одинъ изъ самыхъ прямыхъ путей, говорить въ другомъ мѣстѣ Кирѣевскій, къ уничтоженію вреда отъ образованности нововременной, противорѣчащей духу просвѣщенія христіанскаго, былъ бы тотъ, чтобы развитіемъ законовъ самобытнаго мышленія подчинило весь смыслъ западной образованности господству православно-христіанскаго убѣжденія. Можетъ быть для того Провидѣніе и попустило русскому народу перейти черезъ неаѣжество къ подчиненію нововременной образованности, чтобы въ борьбѣ съ чужими стихіями православное просвѣщеніе овладѣло всѣмъ умственнымъ развитіемъ современнаго міра». Философія на Западѣ, а вслѣдствіе этого и весь Западъ находитъ въ ужаснѣйшемъ, безвыходномъ положеніи: «Западная философія теперь находится въ томъ положеніи, что ни дальнѣйшаго по своему рациональному пути она не можетъ, ни проложить себѣ новую дорогу не въ состояніи. Вѣрующему человеку на Западѣ почти не остается другого средства спасти вѣру, какъ сохранить ее слѣпоту и оберегать боязливо отъ опривосновенія съ разумомъ» — (Кирѣев. Т. I, стр. 283). «Что бы ни было впереди и въ воцѣ Провидѣнія, судъ уже совершенъ надъ образованностію Запада и совершенно безпристрастно: ибо самъ Западъ произнесъ приговоръ свой въ послѣднихъ выводахъ философскаго мышленія, увеличившаго себя въ односторонней рассудочности, и мы счастливы тѣмъ, что имѣемъ точки опоры и отправленія въ другомъ просвѣщеніи». (Хомяковъ, стр. 212). «Грустно становится и мучительно вадѣть, какъ труденъ и почти невозможна поворотъ всей этой старой германской школы къ новизнамъ новинно-религиознымъ, и въ то же время, какъ она томится въ отсутствіи (отъ же, стр. 145). «Англія еще крѣпка; не вѣрится, чтобы она могла погибнуть; а гибель неизбежна, развѣ приметъ она новое духовное начало, которое притупило бы остріе протестанскаго топора? Будетъ ли это?» (Отъ же, стр. 139). (Объ этомъ славянофилы должны были бы посоветоваться со своимъ московскимъ сообщеніемъ). «Если мы не ошибаемся, то скажемъ, что по заслугамъ дался и истинный и ложный путь вѣры, — первый Руси, второй Западу» (Н. Аксаковъ, стр. 9). — «Гдѣ же найдеть Западъ свое спасеніе, спрашиваетъ Кирѣевскій; гдѣ онъ позаимствуетъ истинныя и живыя убѣжденія?» — «Таково было воля Промысла», отвѣчаетъ Хомяковъ на этотъ вопросъ, прежде рѣшенный самимъ Кирѣевскимъ, «чтобы человѣчеству, не понявшему христіанства, пришло путемъ отрицанія къ пониманію своей собственной ошибки. Пренная ошибка уже невозможна, человѣкъ не можетъ уже познать вѣчную истину первобытнаго христіанства иначе, какъ въ полнотѣ, то есть въ тождествѣ единства и свободы, проявляемомъ въ законѣ духовной любви. Таково православіе. Представителемъ же этого понятія является Востокъ, по преимуществу же земля славянскія, и въ

глазъ ихъ наша Русь, принимавшая чистое христіанство издревне, по благословенію Божию» (стр. 152).

«Направленіе западныхъ философій», говоритъ Кирѣевскій, «было разлочно; смотря по тѣмъ исповѣданіямъ, изъ которыхъ онѣ возникали. — Римскія церкви оторвались отъ церкви Вселенской вълѣдствіе вывода разума формально-логическаго, искавшаго наружной связи понятій и изъ нея выводившаго свои заключенія о сущности. — Римская церковь должна была признать свою іерархію источникомъ всякой истины. — Въ протестантствѣ, напротивъ, вмѣсто одного внѣшняго авторитета, равно обязательнаго для всѣхъ, основаніемъ вѣры сдѣлалось личное убѣжденіе наслѣдое» (стр. 286). — «Итакъ, западная Европа развивалась не подъ вліяніемъ христіанства, но подъ вліяніемъ латинства, односторонне понятаго христіанства» (Хомяковъ, стр. 148). «Односторонность латинства вызвала противодѣйствіе, и наступилъ періодъ протестантства, тоже одностороннаго» (Онъ же, стр. 149). «Въ тѣхъ народахъ, которыхъ умственная жизнь подлежала римской церкви, самобытная философія была невозможна. Оттого, родившись въ земляхъ протестантскихъ, рациональная философія распространилась и на католическія и проникла всю образованность Европы однимъ общимъ характеромъ» (Кирѣев. Т. II, стр. 290). «Вся новая исторія принадлежитъ протестантству, даже въ земляхъ, слышущихъ за католическія» (Хомяк., стр. 149). — «Пройдя эпоху невѣрія сомнѣвающагося, потомъ эпоху невѣрія фанатическаго, протестантская философія перешла наконецъ къ невѣрію развѣдующему, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ сознанію внутренней пустоты» (Кир. Т. II, стр. 305). «Гегель шалъ и — шѣтъ болѣе философій на Западѣ. Гегельшамъ въ своемъ паденіи показавъ всю глубину духовной бедности, надъ которой уже давно, сама того не зная, стояла философствующая Германія» (Хомяк. 130). «На Востокѣ же развитіе совершалось совершенно другимъ образомъ. — «Стремленіе къ умственной цѣлостности, говоритъ Кирѣевскій, какъ необходимое условіе разумнаго высшей истины, всегда было принадлежностію христіанскаго любознудія. Со времени апостоловъ до нашихъ временъ, оно составляетъ его исключительное свойство. Но съ отпаденія западной церкви оно осталось преимущественно на Востокѣ, гдѣ и была истинная философія. Эта философія восточныхъ отцевъ церкви, писавшихъ послѣ X вѣка, глубокая, живая, доучительная, была такъ мало доступна разсудочному направленію Запада, что никогда не была оцѣнена западными мыслителями и до сихъ поръ осталась изъ почти вовсе неизвѣстною» (стр. 256). «Въ церкви православной отношеніе между разумомъ и вѣрою совершенно отличено отъ церкви римской и отъ протестантства. Это отличіе состоитъ въ томъ, что въ православной церкви Божественное откровеніе и матеріальное мышленіе не сдѣшиваются. Сущность православнаго мышленія состоитъ въ томъ, что оно ищетъ не отдѣльныхъ понятій и выражаетъ сребразно требованія вѣры, но самымъ разумъ подыметъ выше сребразно обыкновеннаго уровня, самый способъ мышленія возвыситъ до сребразнаго согласія съ вѣрою» (стр. 309). — «По паденіи

древняго міра, говоритъ Хомяковъ, новый свѣтъ блеснулъ для человѣчества, новое начало влилось въ душу человѣка. Но великое явленіе имѣло неодинаковыя послѣдствія на Востокъ и Западъ. Христіанство на Западѣ имѣло характеръ внѣшности и кругъ дѣйствія его былъ тѣсень; оно связывалось съ древнею языческою образованностію. Восточная страна продолжала личное развитіе человѣка, и въ кругѣ мыслей побѣдоносно боролась съ мысленнымъ вліяніемъ прежняго язычества. Народы германскіе были иснажены развратнымъ владычествомъ Рима; ученіе мира, любви и просвѣтленія духовнаго искажилось въ терзающій своєю надъ римскими началами. Сѣмена зла, посеяныя Римомъ, должны были принести свой плодъ *въ искаженіи разума*. Сѣмена вражды и ненависти, посеяныя завоеваніемъ, должны были принести плодъ свой *въ искаженіи духа*, и Западъ долженъ былъ сокрушиться въ могучее цѣлое, извнѣ непобѣдимое и живое, внутри же нестройное, слабое и мертвое. Зародыши, брошенные на почвѣ германо-римской, соерѣли исторією осмынадцати вѣковъ. Другія явленія были на азиатскіи-скомъ Востокѣ. Тамъ жизнь государственная замерла; но великій подвигъ науки религіозной совершался. Соборы отстаивали для человѣчества великое ученіе, котораго плоды питають его донынѣ, облагораживая его помыслы. Защитникамъ вновь защищали въ нихъ право чело-вѣческой свободы. Они побѣдили, и ихъ побѣда снасла вѣру въ живую мысль» («Изъ Записокъ о Восемір. Истор. въ Рус. Бес.» стр. 157—161). «Поэтому, говоритъ Хомяковъ въ другомъ мѣстѣ, нечестиво и безумно въ всякъ тотъ, кто бы ни былъ онъ родомъ, или каково бы ни былъ исковѣданіе, кто вспомнить безъ благодарности эту заслугу азиатскіаго міра передъ чело-вѣчествомъ; и за всѣмъ тѣмъ страсть такъ слѣпа и такъ властна надъ самыми лучшими умами; скрытая вражда западной образованности къ Востоку такъ сильна, что даже иными, люди, готовые положить душу свою за всякую науку и за всякій логиконъ науки, часто говорятъ съ пренебреженіемъ о томъ великомъ подвигѣ чело-вѣческаго мышленія, который далъ наукообразное изложеніе и опредѣленность высочайшей небесной истины» (стр. 215).

«Три элемента Запада», говоритъ Кирѣевскій: «Римская церковь, дре-не-римская образованность и возникшая изъ насильяго завоеванія госу-дарственность,—были совершенно чужды древней Россіи. Принятое уче-ніе христіанское отъ Греціи, она восточно находилась въ общеніи съ вселенскою церковью» (стр. 240). «Ученія св. отцевъ православнои цер-кви перешли въ Россію вмѣстѣ съ первыми благо-вѣстемъ христіанскаго колокола. Подъ ихъ руководствомъ сложился и воспитался *первый русскій умъ, лежащій въ основѣ русскаго быта*» (стр. 250) «Не пытаясь завоеванія, русскій народъ устроивался самобытіе. Рассматривая общественное устройство прежней Россіи, мы находимъ многія отличія отъ Запада, и во-первыхъ, образованіе общества въ маленкіе такъ-называемые міры (общины). Частная, личная самобытность, суща за западнаго развитія, была у насъ такъ же мало возбудима, какъ и само-властіе общественное. Чело-вѣкъ принадлежалъ міру (общинѣ); міръ

ему. Земельная собственность, источникъ личныхъ правъ на Западѣ, была у насъ принадлежностью общества. Лицо участвовало во-столько въ правѣ владѣнія, во-сколько входило въ составъ общества» (Кирѣевскій, Т. I, стр. 194). Вотъ источникъ, изъ котораго Хомяковъ и К. Аксаковъ заимствовали свои идеи о древнемъ бытѣ Руси. «Западная Европа», повторялъ вслѣдъ за Кирѣевскимъ и Хомяковъ: «сложилась не подъ влияніемъ христіанства, а подъ влияніемъ латинства. Къ нему примѣшалось еще человѣческое зло, то есть прежняя образованность языческая наложилась печать своей особенности на умственное развитіе Запада. Далѣе, въ западной Европѣ все возникло на римской почвѣ, затопленной нашествіемъ германскихъ дружинъ; тамъ все возникло изъ завоеванія и вѣковой борьбы. Иное дѣло Россія: въ ней не было ни борьбы, ни завоеванія, ни вѣчной войны, ни вѣчныхъ договоровъ; она не построена, а выросла» (стр. 425). — К. Аксаковъ старается внушить всѣмъ благоговѣнное вниманіе къ русской исторіи. «Русская исторія, говоритъ онъ, имѣетъ значеніе всемірной исповѣди. Она можетъ читаться, какъ житія святыхъ. Россія, продолжаетъ онъ, земля совершенно самобытная, вовсе непохожая на европейскія государства и страны. Исторія нашей родной земли такъ самобытна, что разнится съ самой первой своей минуты. Здѣсь-то, въ самомъ началѣ, раздѣляются эти пути русскій и западно-европейскій, до той минуты, когда странно и насильственно встрѣчаются они, когда Россія даетъ страшный кровъ, кидаетъ родную дорогу и примыкаетъ за западной.—Всѣ европейскія государства основаны завоеваніемъ. Вражда есть ихъ начало. Русское государство, напротивъ, было основано не завоеваніемъ, а добровольнымъ призваніемъ власти. Итакъ, въ основаніи государства западнаго: насиліе, рабство и вражда. Въ основаніи государства русскаго: добровольность, свобода и миръ. Западъ, изъ состоянія рабства переходитъ въ состояніе бунта, принимаетъ бунтъ за свободу, хвалится ею и видитъ рабство въ Россіи. Россія же постоянно хранитъ у себя призванную ею самую власть, хранитъ ее добровольно, свободно, и поэтому въ бунтовщикѣ видитъ только раба съ другой стороны. — Но пути эти стали еще различнѣе, когда важнѣйшій вопросъ для челоѣчества присоединился къ нимъ: вопросъ Вѣры. Благодать сошла на Русь. Православная вѣра была принята ею. Западъ шелъ по дорогѣ католицизма. Ясно стало для русскаго народа, что истинная свобода только тамъ, гдѣ же Духъ Господень» (стр. 8—9). «Но русскій народъ не апалъ въ гордость смиренія, въ гордость вѣрою, то есть онъ не возгордился тѣмъ, что онъ имѣетъ вѣру. Нѣтъ, это народъ христіанскій въ настоящемъ смыслѣ этого слова, постоянно чувствующій свою грѣховность» (стр. 19). «И Господь возвеличилъ смиренную Русь» (стр. 20). «Теперь обратимся къ самой исторіи русской. Народъ призываетъ власть добровольно, призываетъ ее въ лицѣ князя-монарха, какъ въ лучшемъ ея выраженіи, и становится съ нею въ пріязненные отношенія. Князевъ стадо много, они спорили между собою и часто перемѣщались. Многіе думаютъ о Новгородѣ, какъ о вѣнцѣмъ князевъ, что онъ

былъ республика: совершенно ложно! Новгородъ не могъ оставаться безъ князя. Несмотря на перемѣщеніе князей, даже на изгнаніе ихъ, мы видите, что вся Россія и всѣ города ея и Новгородъ оставались вѣрны монархическому началу, и никогда не говорили: устроимъ правительство безъ князя. Время княжескихъ междоусобій прошло. Явился великій князь и потомъ царь московскій и всея Руси, наследственный и самодержавный. Подобно тому, какъ князь созывалъ вѣче, царь созывалъ земскую думу или земскій соборъ. Народъ не требовалъ, чтобы государь спрашивалъ его мнѣнія. Государя не опасался спрашивать мнѣнія народа. Спрашивали выборныхъ отъ всѣхъ сословій; они говорили: мысль наша такова, а тамъ какъ будетъ угодно государю. Не личное самолюбіе, не гордость западной свободы была здѣсь, а обоюдное искреннее желаніе пользы. Одинъ только Іоаннъ IV вдругъ установилъ отрочину, но потомъ опять ее уничтожилъ. Далѣе начались страшныя смуты. Народъ однакоже освободился отъ враговъ. Раздался общій голосъ: мы безгосударны, и вновь была призвана правительственная власть, та же монархическая власть, которая постоянно правила Россіей. Великій народный соборъ избралъ на престолъ Михаила, и, разумѣется, безъ всякихъ гарантій, вручилъ вновь монарху судьбу свою. Во все время русской исторіи народъ русскій не измѣнилъ правительству, не измѣнилъ монархіи. Никогда не раздавался голосъ изъ народъ: не надо намъ монархіи, не надо намъ самодержавія, не надо намъ царя. Любопытно взглянуть на эти отношенія между властію и народомъ, отношенія свободныя, разумныя, нерабскія, и потому обезпеченныя отъ всякой революціи. Земля или народъ пахалъ, промыслилъ и торговалъ; государство поддерживалъ онъ деньгами, и становился подъ знамена. Государство или государь блюлъ тихую жизнь земли. Вся администрація была въ его рукахъ. Постоянное войско было его заботой. Сношенія политическія вѣдалъ онъ одинъ» (стр. 10—13).

«Мы сказали, говоритъ К. Аксаковъ, «что русская исторія единственная во всемъ мірѣ исторія народа христіанскаго не въ словѣ, но въ дѣлѣ, не въ исповѣданіи, но и въ жизни, — по крайней мѣрѣ по стремленію. Но сохранила ли Русь свои святыя начала? То ли она была, что была прежде?—Вотъ вопросъ. Какой же отвѣтъ?

«Я долженъ сказать теперь о переворотѣ въ русской исторіи, важнѣйшемъ изъ всѣхъ переворотовъ, ибо онъ коснулся самыхъ корней роднаго дерева. Я говорю о переворотѣ Петра. Изъ могучей земли, могучей болѣе всего вѣрою и внутреннею жизнью, смиреннѣе и тишиною, Петръ захотѣлъ образовать могущество и славу земную, захотѣлъ, слѣдовательно, оторвать Русь отъ родныхъ источниковъ ея жизни, захотѣлъ атолкнуть Русь на путь Запада, путь, о которомъ мы сейчасъ говорили, путь ложный (значить, братъ Иванъ заимствовалъ свою «любовь» у брата Константина) и опасный. Петръ подчинилъ Россію вліянію Запада; всѣмъ извѣстное подражаніе Западу доходило до неответствія. Отъ Запада Россія принимала все, начиная отъ началъ до ре-

культуры, отъ образа мыслей до языка и покрова платья (исторически всегда начинала съ позвѣдкахъ и дохода до первыхъ). Горькое, горькое званіе! Бѣдстварное и умзительное!»

Что же намъ дѣлать теперь и какъ пособить горю: «нужно ли, какъ выражается Кирѣевскій, для улучшенія нашей жизни теперь, возвращеніе къ старому русскому, или нужно развитіе элемента западнаго, ему противоположнаго?» На этотъ вопросъ прямо и рѣшительно онъ отвѣчаетъ слѣдующее:

«Своими бы мы ни были врагами западнаго просвѣщенія, западныхъ обычаевъ и т. п.; но можно ли безъ сумасшествія думать, что когданибудь, какоюнибудь силою истребится въ Россіи память всего того, что она получила отъ Европы въ продолженіе двухъ-сотъ лѣтъ? Можемъ ли мы не знать того, что знаемъ, забыть все, что умѣемъ? Еще менѣе можно думать, что 1,000-лѣтіе русское можетъ совершенно уничтожиться отъ вліянія новаго европейскаго. Потому, сколько бы мы ни желали возвращенія русскаго или введенія западнаго быта, — но ни того, ни другаго исключительно ожидать не можемъ, а поневолѣ должны предполагать что-то третье, долженствующее возникнуть изъ взаимной борьбы двухъ враждующихъ началъ.»

Это третье, по его мнѣнію, состояло въ томъ, «чтобы развитіемъ законовъ самобытнаго мышленія подчинить весь смыслъ западной образованности господству православно-христіанскаго убѣжденія».

Хомяковъ, по своему обыкновенію, глубже проникаетъ въ предметъ своими слововыраженіями; онъ требуетъ возвращенія къ старой Руси, но такъ это у него выходитъ, что дѣйствительно разобрать его не легко; его фразы человѣкъ пристрастный можетъ понимать какъ угодно; повидимому онъ сближается съ Кирѣевскимъ, признаетъ заслуги Петра, и называетъ избранный имъ путь реформы только «отчасти ложнымъ»; но въ то же время и старую жизнь называетъ только «нѣсколько закоснѣвшею», противорѣчитъ Кирѣевскому и даже ведетъ съ нимъ полемику. Вообще трудно формулировать отвѣтъ Хомякова на разбираемый нами вопросъ; пусть лучше отвѣчаетъ онъ самъ, своими собственными краснорѣчивыми словами.

«Возстановленіе нашихъ умственныхъ силъ зависитъ едина отъ живаго соединенія съ стародавнею и все-таки намъ современною русскою жизнью, и это соединеніе возможно только посредствомъ искренней любви и общенія. Общеніе же заключается въ живомъ развитіи не полнотѣй однихъ, но чувствъ, въ общеніи воли, въ раздѣленіи не только горя, но и остраданія чувства слишкомъ обыкновеннаго (ну, конечно), но и радости живоенной. Только такого рода общенія можетъ возратить насъ къ началамъ жизни нами утраченной, и привести насъ изъ

состояніи безнародной отвлеченности и широкій рассудочности, въ народномъ участіи въ особенностяхъ, характерѣ и «жизненіи народа» (стр. 98). «Не жалѣть о лучшихъ прошедшемъ, не скорбѣть о нѣкоторой бывшей вѣрѣ, должны мы, какъ западный человекъ; но помня съ отрадою о живой вѣрѣ нашихъ предковъ надѣяться, что она озаритъ и пронизаетъ еще полнѣе нашихъ потомковъ: помня о прекрасныхъ нлодахъ божественнаго начала нашего просвѣщенія въ старой Руси, ожидать и надѣяться, что, съ помощію Божіею, та цѣлостность, которая выражалась только въ отдѣльныхъ проявленіяхъ, безпрестанно исчезающихъ въ смутѣ и мятѣжѣ многострадальной исторіи, выразится во всей своей многосторонней полнотѣ въ будущей мирной и сознательной Руси. Русская земля предлагаетъ своимъ чадамъ, чтобы пребывать въ истинѣ, средство простое и легкое неиспорченному сердцу: полюбить ее, ея *прошлую жизнь* и ея истинную сущность, не смущаясь и не соблазняясь никакими случайными и видными наплывами» (стр. 268). — К. Аксаковъ выражается яснѣе и рѣшительнѣе: «но, благодареніе Богу, говорить онъ, не вся Россія, а только часть пошла ложнымъ путемъ. Только часть Россіи оставила путь смиренія и, слѣдовательно, вѣры, — въ дѣлахъ по крайней мѣрѣ. Но эта часть слава и богата, отъ нея зависитъ другая, неизмѣнившая вѣрѣ и землѣ родной... Но, давленіе горькое! неизмѣнившая роднымъ началамъ часть Россіи — все же русскіе люди; они имѣютъ вліяніе на дѣла русской земли, и если не соблазняютъ всей массы вѣрныхъ, то часто отрываютъ отъ нея по одному члѣну то того, то другаго. Сверхъ того, увлекшееся Западомъ общество составляетъ (невольнo) наружность русской земли, имѣетъ полный голосъ, и его соблазнительныя возгласы и дѣйствія слышны и видны всей землѣ русской, и конечно вредны. Оно именно на виду, къ соблазну народа; оно себя считаетъ дѣятельною стороною... Но, какъ сказалъ я, только часть Россіи, такъ называемая образованная часть пошла по пути Запада, оставивъ путь родной земли; слава Богу, и среди этой части, неизмѣнившей родной землѣ, возникла мысль (то есть у славяно-филовъ), что надо воротиться къ началамъ родной земли, что путь Запада ложенъ, что постыдно подражаніе ему, что русскимъ надо быть русскими, идти путемъ русскимъ, путемъ вѣры, смиренія, жизни внутренней, надо возвратитъ самый образъ жизни, во всемъ его *подробности*, на началахъ этихъ основанныхъ, и слѣдовательно надо освободиться совершенно отъ Запада, какъ отъ его началъ, такъ и отъ направленія, отъ образа жизни, отъ языка, отъ одежды, отъ привычекъ, обычаевъ его, именно отъ этого свѣта и свѣтскости, вошедшихъ къ намъ, — однимъ словомъ отъ всего, что запечатлѣнно печатно его духа, что вытекаетъ даже какъ *малѣйшій* результатъ изъ его направленія. Русскимъ надо освободиться отъ вліянія Запада, надо быть русскими, надо быть необходимо *выборѣ* съ тѣмъ вѣрующими и смиренными, не на словахъ только, но въ самой жизни (общественной), во всемъ объектѣ жизни. Это *жѣніе* высказывается силнѣе и силнѣе въ *радостяхъ*

нѣмѣнниковъ и борется съ противоположнымъ западнымъ направле-
ніемъ.

«Итакъ, что же представляетъ теперь земля русская?—Въ основаніи
видимъ мы простой народъ, также какъ и въ старину, вѣрующій глу-
боко, хранящій святые свои основы, вѣру и быть съ нею согласный;
но онъ лишень всякаго участія въ общихъ дѣлахъ; въ русской исторіи
его дѣйствіе чисто хранительное.... Гордость, презрѣніе къ русской
жизни и языкъ, несогласіе образа жизни съ вѣрою, нетерпѣніе и те-
ропливая переничивость — вотъ его добродѣтели. Но теперь именно
надъ русскими простымъ народомъ и надъ его священноймъ миромъ и
жизнью, въ обществѣ, русскими началамъ измѣняемъ, идетъ вражда,
и борется два направленія. Одно силится поддержать свою неправду—
наибѣнны всему русскому и покорности западнымъ уставамъ. Другое
искренно жаждетъ возстановленія русскихъ святыхъ началъ вѣры, рус-
скаго основнаго образа жизни, всего русскаго духа, русскаго ума и
христіанскихъ добродѣтелей, по крайней мѣрѣ въ общемъ дѣлѣ. Съ
одной стороны: всякое упорство и желаніе, поглажающее удобной
лѣнни, остаться, безъ труда, подражателями Запада, пользоваться всѣми
его политическими благами, повторить за нимъ всѣ слова и дѣйствія
его, и не знать труда самостоятельной жизни; съ другой стороны:
бдѣливъ надежда и дѣятельное стремленіе возвратиться къ святымъ на-
чаламъ русской жизни. Можно ли говорить, что такое стремленіе есть
правое, законное и спасительное? Вотъ борьба, которая идетъ надъ
простымъ народомъ.

«Таково современное положеніе Русской земли....»

Противъ частныхъ въ послѣднемъ отрывкѣ К. Аксакова вы ко-
нечно можете возражать; и дѣйствительно много изъ его требованій не-
удобноисполнимы, напр., что надо возвратитъ прежній образъ жизни
до малѣйшихъ подробностей. А что же дѣлать, когда эти подробности
неизвѣстны, если археологія еще не разъяснила многихъ изъ нихъ?
Говорятъ, секретъ приготовленія древне-русскаго меду потерянъ и
надежда на его открытіе такъ же слаба, какъ на открытіе греческаго
огня. Поэтому пока невозможно возвратиться къ подробностямъ ста-
раго быта; если археологія откроетъ ихъ и представить въ хромо-
литографированныхъ рисункахъ, работы академика Солицева, тогда
возвращеніе къ нимъ будетъ очень легко и удобно. Но все это част-
ности и противъ нихъ вы можете возражать; а противъ сущности
славянофильскаго ученія вы не можете возражать, сознайтесь, вѣдь
не можете? Ну, такъ признайте же славянофильство, смиритесь предъ
нимъ волею-неволею потому, что оно стоитъ подъ крѣпкой защитой
истины; его охраняетъ непоколебимая сила, противъ которой вы ни-
чего не въ состояніи сдѣлать, при всемъ вашемъ желаніи и легко-
мыслии.

Исторія новой философіи Куно Фишера. Переводъ Страхова. Спб. 1862.

Проникнутые любовью къ русской народности, къ русской почвѣ, мы всегда съ неудовольствіемъ и недоверіемъ смотримъ на иностранныя сочиненія, и потому никакъ не можемъ заставить себя радоваться при появленіи какого нибудь изъ нихъ въ русскомъ переводѣ. Мы русскіе — народъ совершенно особый и своеобразный; мы отличаемся особымъ складомъ ума; наша моральная натура до такой степени типична, что въ ней нѣтъ ни малѣйшаго сходства съ фizioноміями иностранными. Между нами и Западомъ нѣтъ ничего общаго, нѣтъ никакой сочувственной связи, такъ что Западъ даже не въ состояніи понять насъ; «мы для него сфинксъ и неразрѣшимая загадка.» Если это положеніе вѣрно, то должно быть вѣрно и противоположное ему положеніе, именно, что и для насъ Западъ есть сфинксъ и неразрѣшимая загадка. Послеъ этого, какое же духовное общеніе возможно между нами и Западомъ, и какъ мы можемъ заимствовать у него что нибудь? Что для Запада хорошо, то для насъ дурно, что для него широко, то для насъ узко; потому что у насъ, со всѣмъ другая натура. Выросшее на западной почвѣ, только на ней и можетъ расти хорошо; пересаженное на нашу почву, оно завянетъ и засохнетъ. — Зная таковыя наши расположенія, читатели очень легко могутъ отгадать, съ какими мыслями и чувствами мы должны были встрѣтить «Исторію философіи» К. Фишера въ русскомъ переводѣ г. Страхова. Фишеръ, какъ очевидно съ перваго раза, есть нѣмецъ съ Запада; г. Страховъ, безъ всякаго сомнѣнія, русскій, выросшій на нашей почвѣ. Какая же связь и какое отношеніе возможны между ихъ философіями? Фишеръ для г. Страхова сфинксъ; г. Страховъ для Фишера также сфинксъ; какъ же они могутъ понимать другъ-друга и на что они нужны другъ-другу? Никого изъ нихъ нельзя винить за непониманіе; оно естественно и необходимо; житель земли, конечно, не пойметъ жителя планеты Евфросинія, открытой Фергусономъ, хоть бы они и сошлись гдѣ нибудь вмѣстѣ, и винить ихъ за это никакъ нельзя. Фишеръ нищетъ для Запада, для Германіи, и конечно имѣетъ въ виду какія нибудь спеціальныя цѣли, удовлетвореніе какимъ нибудь особеннымъ потребностямъ нѣмецкой почвы, и въ своемъ сочиненіи такъ ужъ и приспосабливается къ нимъ. А г. Страховъ пересаживаетъ Фишера на русскую почву, которая имѣетъ уже другія потребности, цѣли нѣмецкая, и для которой цѣли и стремленія Фишера совершенно чужды, а потому неумѣстны и напрасны. Нѣмецкіе ученые, дапримѣръ, печатають трактаты о пользѣ устройства бань и хо-

кленія въ нихъ; для русской почвы эти трактаты бесполезны, по крайней мѣрѣ совершенно лишни. То же самое должно сказать и обо всѣхъ иностранныхъ сочиненіяхъ, если смотрѣть на нихъ, стоя на почвѣ, съ чисто нарочной точки зрѣнія. Для «Исторіи философіи» Фишера такъ же не должно быть исключенія; она не наша, написана гѣмцемъ, немецкимъ и воспитаннымъ въ Германіи, нѣтъ спеціальнаго цѣли, относящагося исключительно къ Западу. Пересаживать ее на нашу почву, стало бытъ, неудобно, да и совершенно напрасно; акклиматизовать у насъ Фишера весьма трудно, потому что «общество акклиматизаціи» еще не выработало прочныхъ началъ для успѣшнаго веденія этого дѣла. Фишеръ, какъ и всякій другой нѣмецъ и вообще иностранецъ, не можетъ быть у насъ туземнымъ растеніемъ. Это разъ; потомъ, самый предметъ сочиненія Фишера не можетъ имѣть къ намъ никакого отношенія и не можетъ заинтересовать насъ. Западная философія вѣдь чужда намъ; она, какъ увѣряютъ славянофилы, выросла на почвѣ протестантизма; а какое намъ дѣло до протестантизма, вѣдь мы не протестанты. И протестантская философія не придется по нашему вкусу и по нашему характеру; мы даже и не поймемъ ея, значить не поймемъ и ея исторіи. Толи бы дѣло, если бы нѣмецъ написалъ исторію русской философіи; вотъ тогда мы бы заинтересовались его сочиненіемъ. Многіе говорятъ, правда, что у насъ не было доселѣ народной, чисто русской философіи, что—то, что называютъ народной философіей не заслуживаетъ этого названія, то наша почва еще не доросла до философіи. Но такъ говорятъ и разсуждаютъ люди, не имѣющіе любви къ народу; ихъ оскорбительныя для народа разсужденія ясно показываютъ, что они желаютъ народу не добра, а погибели, что они вообще не уважаютъ русской народности и не имѣютъ должнаго патриотизма. Кто побитъ народъ, тотъ долженъ постоянно хвалить его, долженъ находить въ немъ одни прекрасныя качества и не находить ничего дурнаго, долженъ считать всѣ его воззрѣнія возвышенными и несомнѣнно истинными. Поэтому мы, любящіе народъ, утверждаемъ, что у него была постоянно истинная философія въ самомъ строгомъ значеніи этого слова, что эта наша народная русская философія гораздо болѣе удовлетворяетъ насъ и болѣе соответствуетъ жладу нашего ума, чѣмъ всѣ философскія системы Запада, выросшія на чужой почвѣ и возмывшіяся у народовъ; немѣющихъ ничего общаго съ нами. Они намъ не нужны, мы должны философствовать собственными силами, и дѣйствительно мы имѣемъ свои системы, гораздо лучшія, чѣмъ западныя. Поэтому знаніе послѣднихъ для насъ совершенно лишнее, и «Исторія философіи» Фишера совершенно для насъ ненужная и бесполезная книга, которой и пересаживать на нашу

почву не слѣдовало бы. Если бы Фишеръ написалъ исторію русской философіи, тогда ее нужно было бы перевести на русскій языкъ, да и то было бы напрасно; потому что едва ли бы онъ понялъ русскую философію, потому что она для него — «сеинкотъ», какъ и все русское.

Сужденіе объ «Исторіи новой философіи» Фишера нисколько не измѣнится, если смотрѣть на нее не съ точки, а съ облаковъ, то есть съ высшей научной точки зрѣнія. Фишеръ понимаетъ исторію философіи очень ограниченно, самый взглядъ его на философію узокъ и односторонень. Для него исторія философіи есть только средство для пропаганды и для подкрѣпленія той системы, которую исповѣдуетъ онъ самъ. Въ своей исторіи онъ разсматриваетъ только тѣ системы, которыя подходятъ къ его собственной, относятся къ одному извѣстному направленію; на системы съ другими направленіемъ онъ не обращаетъ вниманія, онъ не относится къ исторіи философіи и какъ будто вовсе для него не существуютъ. Даже въ изложеніи системъ, подходящихъ къ его направленію, онъ бываетъ односторонень; онъ мѣрять ихъ по мѣркѣ воззрѣній его собственной философіи, призывая въ нихъ законными и основательными только то, что согласно съ нею. Подъ философіей онъ разумѣетъ только одну свою систему, всѣ другія считаетъ философическими настолько, насколько онъ сходится съ нею; то, что несогласно съ нею, не есть философія и не достойно занимать мѣсто въ исторіи философіи. Поэтому «Исторія философіи» Фишера вовсе не представляетъ намъ общаго движенія и развитія челоувеческой мысли въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ, обнаруживавшихся въ различныхъ, даже противоположныхъ системахъ, возникшихъ въ разные періоды Европы; она есть не болѣе, ни менѣе, какъ только преподавательна, или приготовительный курсъ къ собственной философіи Фишера, имѣющая въ виду предрасположить читателя въ пользу этой философіи. Здѣсь намъ показывается не вся исторія философіи, а только часть ея, которую авторъ находитъ нужными и важными для своей частной цѣли, для того, чтобы его система была понятна и казалась основательна. Конечно, и это было бы не худо, если бы система, въ пользу которой жертвуютъ исторіей, по своему значенію и достоинству заслуживала того, если бы она дѣйствительно удовлетворяла современному настроенію мысли и общественной науки, если бы она была жизненнымъ явленіемъ, читательнымъ для современныхъ умовъ. А то вѣдь и этого нѣтъ; сама-то система уже устарѣла, описала свой вѣкъ, несостоятельность ея очевидна и она сама должна уступить мѣсто въ области исторіи философіи. И въ пользу такой-то системы направляютъ, образуютъ и пересраиваютъ исторію философіи, проту-

скажутъ болѣе крупныя дилеммы въ ней, не дадутъ мѣста тому, что не согласно съ духомъ системы; а можетъ быть въ самомъ дѣлѣ оно-то и характерно, можетъ быть въ немъ-то и заключаются намеки на болѣе удовлетворительное разрѣшеніе философскихъ вопросовъ. Но какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ подводить всю исторію философіи подъ одну современную систему—дѣло невѣрное и опасное. Для насъ гораздо важнѣе было бы, такъ сказать, фактическое изложене исторіи философіи безъ всякихъ дальнихъ мыслей, разборъ системъ болѣе замѣчательныхъ, но принадлежащихъ разнымъ направлениямъ; тутъ было бы для насъ возможно обстоятельное знаніе прошедшаго; а оно уже само собою помогло бы намъ лучше оцѣнить настоящія системы и направленія и въ этой оцѣнкѣ мы могли бы дѣйствовать совершенно самостоятельно.

Кунъ Фишеръ есть послѣдователь Гегеля; вся его исторія философіи направлена къ тому, чтобъ оправдать и доказать основныя положенія гегелизма, которыя будто бы составляютъ сущность всякой возможной философіи. Она написана по идеямъ и по методу самаго Гегеля. Гегель искусно воспользовался всѣми—собственно говоря, не всѣми, а только нѣкоторыми—существовавшими до него философскими; онъ не отрицалъ ихъ, а заключилъ въ свою систему, какъ отдѣльныя и прічужденныя части. По его воззрѣнію, всякая частная философія была истинна; но она выражала и заключала въ себѣ только одну такую нѣкую частную истину, и въ сущности была вѣрна, но только не полна. Другая философія заключала въ себѣ другую тоже частную истину, третья—третью и т. д.; наконецъ его собственная система соединила въ одно всѣ частныя истины, разсѣяныя по разнымъ философскимъ, и вывела изъ нихъ одинъ общій результатъ, одну абсолютную истину, которая такимъ образомъ завершила собою все развитіе философіи, составила послѣдній предѣлъ и заключительную ступень, даже которой уже не можетъ видѣть человѣческій разумъ. Исторія философіи, по Гегелю, есть вышняя логика; въ исторіи философскихъ системъ слѣдуютъ одна за другой въ такомъ же порядкѣ, въ какомъ одно понятіе выводится изъ другаго въ логикѣ. Система Гегеля—это логика, а исторія философіи—это постепенное раскрытіе и образованіе этой логики, окончанное въ системѣ Гегеля. Положимъ, гегелевская философія состояла изъ слѣдующихъ положеній: всѣ люди смертны; Кай человекъ; слѣд. Кай смертенъ. Эти положенія въ такомъ же порядкѣ слѣдовали и въ исторіи философіи. Первая до времени философія доказала и разъяснила первое положеніе; результатъ ея былъ тотъ, что всѣ люди смертны. Слѣдующая за ней философія занималась вторымъ положеніемъ, Каемъ, и показала, что онъ есть человекъ. За этой философіей являлась третья, обратилась къ опредѣ-

лению смертности Кая и доказала, что бытіе действительно смертельно. Наконец гегелевой системѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ соединить въ себѣ эти три положенія, нашедши одну идею, которая бы обобщила ихъ. Такъ действительно и смотрѣлъ Гегель на свою философію и на исторію философіи. Въ его логикѣ первой категоріей было «бытіе»; посмотрите, говорилъ онъ, первая по времени, Ионійская философія действительно и занималась опредѣленіемъ бытія. За «бытіемъ» у него слѣдовало: «возникновеніе или происхожденіе» (*das Werden*); такъ действительно было и въ исторіи философіи; за системами бытія возникла Гераклитова философія, въ основаніи которой лежало понятіе «возникновенія» и т. д. Каждое понятіе въ логикѣ Гегеля соотвѣтствовало какой нибудь философіи, существовавшей исторически. Логика наконецъ дошла до высшаго понятія субстанціи и до тождества ея съ субъектомъ; такъ это было и въ исторіи: Спиноза опредѣлялъ субстанцію, а Шеллингъ указывалъ на тождество ея съ субъектомъ. Гегель считалъ исторію философіи сильнѣйшимъ доказательствомъ своей системы; такъ думаютъ и его послѣдователи. Они воображаютъ, что исторія философіи непременно приводитъ къ гегелизму, что кто только узнаетъ ее, тотъ непременно сдѣлается гегелианцемъ, что идти дальше и сдѣлать больше нельзя. Такое обобщеніе возможно только при ограниченномъ пониманіи исторіи философіи и имѣетъ нѣкоторый видъ основательности только въ пристрастномъ и невольномъ ея изложеніи. Если какая нибудь система не подходитъ къ гегелизму, то ее нужно или перетолковать, или вовсе изгнать изъ исторіи; если системы слѣдуютъ не въ томъ порядкѣ, какъ отдѣльными понятіями въ гегелианской логикѣ, то ихъ можно перевернуть, и нѣсколько не сдѣлаясь хронологіей, позднѣйшую систему поставить раньше, и наоборотъ. Съ такимъ произволомъ Гегель действительно и распорядился въ исторіи философіи; онъ останавливалъ вниманіе на томъ только, что ему благоприятствовало, на одной только частичкѣ исторіи философіи и воображалъ, что это вся исторія; съ хронологіей онъ такъ же мало церемонился. Послѣдователи Гегеля невольно должны были признать эту ошибку своего учителя; поэтому они оставили въ покоѣ древнюю и среднюю философію, но тѣмъ съ большимъ жаромъ принялись извлекать свои интересы изъ новой.

Вотъ посмотрите, что дѣлаетъ Куно Фишеръ. Для него вся философія сосредоточивается въ одной системѣ Гегеля; вѣдь ея нѣтъ и не можетъ быть философіи; что не согласно съ Гегелемъ, то и не философія и не должно войти въ исторію философіи. Гегель — это геркулесовы столбы человѣческой мысли; въ состояніи ли человѣческій умъ пойти дальше ихъ — это, говоритъ онъ, еще неизвестно и будущее увидитъ, можетъ ли еще существовать что нибудь протвъ гегели-

длиннѣ. Покрытвой мѣрѣ прошедшая исторія новой философіи показываетъ, что все сводится къ Гегелю, какъ концу концовъ, что если только пойдешь по ней, то неизбежно придешь къ гегелевой системѣ, исторія непременно введетъ васъ въ эту систему; поэтому Фишеръ прямо называетъ ее введеніемъ въ философію Гегеля. Онъ какъ будто и не замѣчаетъ, что онъ идетъ не по всей исторіи философіи, не по большой дорогѣ ея, а только по одной тропинкѣ, правда, болѣе замѣтной, да все-таки исключительной и односторонней.

«Какъ Платонъ», говоритъ Фишеръ, «строить государство для того, чтобы найти справедливость, такъ и мы будемъ смотрѣть на исторію философіи, какъ на *Промеисъ*, который наилучшимъ образомъ введетъ насъ въ самую философію. Конечно, при этомъ допуститьея двоякое предположеніе: во-первыхъ, что философія совпадаетъ съ той ступенію, на которой она *натурѣ* находится; и во-вторыхъ, что исторія философіи идетъ по *закономерному развитію* отъ одной системы къ другой, что системы слѣдуютъ другъ за другомъ не случайно, а необходимо. Мы можемъ говорить о введеніи въ философію только въ томъ случаѣ, если справедливо первое предположеніе; мы можемъ довить это введеніе исторіи философіи только въ томъ случаѣ, если справедливо второе предположеніе. Оба эти положенія составляютъ философскія спорныя точки и, чѣмъ сильнѣе на нихъ нападали, тѣмъ больше требуется, чтобы бы мы ихъ защищали. Если я самую философію отождествляю съ ея *позднѣйшею системою*, то я однако же далекъ отъ того, чтобы принять догматъ, который дѣйствительно въ которое время былъ признаваемъ въ этой системѣ. Подавляющее впечатлѣніе, сдѣланное *позднѣйшею философіею* на мыслящихъ современниковъ, сила и строгость ея метода, огромность ея объема—все эти рѣдкія и единственныя достоинства привели къ тому, что въ безмѣрномъ навагирваніи стали систему эту выдавать за вполне законченное дѣло философскаго духа. Будущее рѣшить, дѣйствительно ли это мнѣніе столь же нелѣпо, сколько оно, безъ сомнѣнія, было *преждевременно*. Между тѣмъ извѣстно только, что со времени Аристотеля ни одна система еще не мыслена *такъ обширно, строго и ясно*.

«Подъ условіями дѣятельности; философія всегда является въ ограниченнѣхъ вѣнахъ, какъ развитая система, и кто хочетъ ввести себя въ философію, тотъ долженъ познакомиться съ ея *высочайшими явленіями*. Если же онъ хочетъ избѣжать ограниченій системы и опираться на одно родовое понятіе философіи, то онъ покрываетъ область дѣятельности и ссылается только на одну способность. Поэтому онъ или долженъ самъ создать новую систему, и тѣмъ доказать эту способность, или же онъ долженъ признать ее въ высочайшемъ ея проявленіи. Такъ какъ мы не хотимъ здѣсь пускаться въ неутѣрную область пустой возможности, то мы будемъ представлять себѣ философію, какъ *сущающуюся въ некоторой определенной системѣ*, и наше введеніе въ изученіе философіи не идетъ *неизвѣстно куда*, но имѣетъ въ

виду *опредѣленную систему философіи*. Истинно, что эта *выраженная система* есть *последняя или высшая система* (то есть Гегелева), такъ какъ въ ней до сихъ поръ философія *наиболѣе удовлетворяетъ сама себя*, или способность философіи *дѣйствовала наилучшимъ образомъ*. Для насъ въ известномъ смыслѣ эта настоящая система *безконечна*, потому что она еще не перестала дѣйствовать.

Итакъ мы нашли, что при изученіи философіи мы имѣемъ передъ глазами не неопредѣленный идеалъ, но совершенно опредѣленное явленіе: спрашивается только, какой путь мы выберемъ, какъ наилучшій для *задачи*?

«Цель, которую мы установили, указываетъ намъ и дорогу, которая ведетъ къ ней. Мы никому не въ состояніи объяснить настоящаго времени, если не заставимъ это время возникнуть передъ глазами того, кому объясняемъ, если не будемъ выводить его изъ прошедшаго времени. Тою же также мы станемъ выводить философію настоящаго вѣка изъ прежнихъ философіи и, такимъ образомъ, посредствомъ *исторіи философіи* достигнемъ результата, котораго ищемъ» (то есть философія Гегеля). (стр. 3, 5 6).

Какъ видите, самъ Куно Фишеръ чувствуетъ себя неловко; онъ какъ будто боится прямо высказать свою мысль и назвать поддерживаемую имъ систему ея настоящимъ именемъ; вездѣ у него «позднѣйшая система», «позднѣйшая философія», «последняя ступень ея», какъ то языкъ не ворочается произнести «система Гегеля»; и ужъ слишкомъ странно быдо бы сказать, что вся философія трудилась и работала для того, чтобы выработать Гегеля съ его воззрѣніями. А между тѣмъ Фишеръ; хоть и не прямо, говоритъ именно это. Въ самомъ началѣ новой философіи онъ видитъ явленіе и предложеніе той задачи, которая разрѣшена въ системѣ Гегеля; онъ замѣчаетъ здѣсь же и раздвоеніе направленій философскихъ, но не придаетъ ему никакого значенія; одно направленіе онъ оставляетъ въ тѣни, а на другое наираетъ.

«Принимая эмпиризмъ за особенное философское направленіе нового духа, мы необходимо должны причислить его основателя, Бэкона, къ родоначальникамъ новой философіи. Не такъ какъ въ идеализмѣ философское сознание болѣе развито, чѣмъ въ эмпиризмѣ, то эмпиризмъ Декарта еще и отчетливѣе обнаруживаетъ начало новой философіи, чѣмъ принципъ Бэкона» (стр. 5 и 9).

Итакъ, всѣ историческаго правосудія склонились на сторону идеализма и ему такимъ образомъ принадлежитъ вся новая философія, къ которой стало быть будетъ отнесено только то, что противную идеалистическимъ характеромъ. Что бы ни говорили эмпиризмъ, на него не обращать вниманія, такъ какъ онъ не принадлежитъ новой философіи. Бэкону еще трудно было основать въ долѣ вліяніе на новую фи-

любопытно; а онъ все-таки не полагаетъ въ общую исторію философіи, чтобы не нарушать собою цѣлости и гармоніи идеалистической картины; имъ занялся Фишеръ въ отдельной монографіи. А ужъ о другихъ явленіяхъ въ духѣ и направленіи Бэкона нѣтъ и помину. Выбраны и сопоставлены только тѣ философіи, которыя вошли какъ составная часть въ систему Гегеля.

«Первый періодъ новой философіи—догматическій; предметъ его занимающій есть *субстанція*; предположеніе, которое она дѣлаетъ, состоитъ въ *единствѣ мышленія и бытія* или въ абсолютной способности познанія.

«Но когда философскій духъ начинаетъ свое *самознание* и следовательно возвышается способность, онъ перестаетъ быть *догматическимъ* и дѣлается *критическимъ*. Философія перестаетъ быть *догматическою*, она становится *критическою*, предметъ ее занимающій уже не *субстанція*, а *субъектъ*; она познаетъ уже не сущность вещей, но само себя, то есть она понимаетъ истину, какъ *самознание*.

«Единство мышленія и бытія, которое первый періодъ новой философіи, или до-кантовская философія *предполагала*, а второй періодъ или критическая философія разрушила, восстанавливается въ третьемъ періодѣ. Но оно уже не предполагается, а *доказывается*. Философію, которая доказала единство мышленія и бытія, или тождество субъекта и объекта, мы называемъ *философіею тождества*. Основатель философіи тождества есть Шеллингъ; настоящее довершеніе и систематическое развитіе она получаетъ у Гегеля.

«Тождество бытія и мышленія справедливо было рассматривасяко какъ жизненный вопросъ философіи, и новая философія обнаруживаетъ свою глубокую и особенную жизненность въ томъ, что ея эпохи опредѣляются этимъ вопросомъ.

«Вотъ почему *философія тождества* есть систематическое заключеніе новой философіи и, признавая въ Гегелѣ настоящаго ея образователя и довершителя, я вѣстѣ съ тѣмъ считаю его систему заключительными терминомъ новой философіи. Что касается до философіи *послѣ Гегеля*, то я не могу убѣдиться, что она уже имѣла новый источникъ развитія. Мелочное научное сочиненіе, явившое послѣ Гегеля, скоро убѣдило меня, что настоящая философская культура состоитъ въ строгомъ и логическомъ развитіи тѣхъ началъ, которыя исторія философіи konsekventно вывела на свѣтъ. Исторія эта была послѣдовательна и нельзя отвергнуть ея послѣдній результатъ, не отвергая вѣстѣ и всей цѣли ея системъ, до перваго звена, которое составляетъ Декартъ. Одинъ изъ современныхъ взглядовъ, прямой, но односторонній, откровенно высказалъ эту необходимость и объявилъ всю философію со времени Декарта за послѣдовательное развитіе одного заблужденія. Я не разделяю этого взгляда, но согласенъ съ нимъ въ томъ, что ударъ, падающій на Гегеля, отзовется и на Декарта, что моментъ, когда действительно произошла бы революція системы, бросила бы

идеи и на всё другія явилъ до самаго адвита Декарта. Только нужно, чтобы эта не была золотымъ ударомъ, который, какъ мы видимъ очевидно, пускается хромыми гонимыми слезу сердца.

„Философія тождества кажется мнѣ оправданнымъ и доказаннымъ результатомъ, которое дальнѣйшее историческое развитіе составляетъ первую задачу философской современности.“

Какъ видите, система Гегеля поглотила въ себя всё предшествующія философіи; онѣ всё какъ будто статьи самого Гегеля, въ которыхъ раскрываются и доказываются частнѣйшія положенія его философіи. Онъ не возвышается надъ ними, не отрицаетъ, а признаетъ ихъ; какъ вспомогательныя орудія свои. Гегель какъ бы такъ говоритъ: всякая философія предполагаетъ и имѣетъ за собою доказанное тождество мышленія и бытія; смотри первый періодъ ея; она сначала занимается субстанціей, смотри второй періодъ; потомъ обратилась къ субъекту, смотри третій періодъ. Я, наконецъ, соединяю субъектъ съ инстанціей въ абсолютномъ духѣ, чѣмъ и доказываю тождество бытія и мышленія, и такимъ образомъ заканчиваю всю философію, рѣшаю ея задачу, — и философіи—конецъ. Вотъ поэтому-то система Гегеля и представилась Фишеру «заключительнымъ терминомъ новой философіи». Дѣйствительно, Гегель послѣдній терминъ, но не всей новой философіи, а только одной части ея, одного направленія, т. е. идеалистическаго.

Только системы идеалистическія попали въ исторію Фишера, такъ что она есть не исторія новой философіи, а только исторія новаго идеализма. Въ этомъ ошибка и Гегеля и Фишера; въ этомъ и все разъясненіе дѣла: одно философское направленіе принято за единственно возможную философію, и только развитіе этого направленія пошло въ исторію философіи, которая такимъ образомъ и привела и Гегеля и Фишера къ идеализму. Если бы исторія философіи представляла была всесторонне, еслибы въ ней параллельно излагались системы различныхъ направленій, существовавшихъ наряду съ идеалистическими, тогда не такъ легко было бы подвести ихъ подъ одну мѣрку и вышелъ бы другой результатъ, кромѣ соединенія субъекта съ субстанціей. — Направленіе, выразившееся въ Бэконѣ, не умерло съ нимъ и не переродилось въ идеализмъ, но продолжало существовать и развиваться самостоятельно. Фишеръ называетъ Германію всемірною школою философіи; а между тѣмъ въ Германіи также вѣдъ существовала философія самостоятельная, не подчинявшаяся идеализму; существовали эмпирическія и реалистическія школы, тоже имѣющія самостоятельное право на мнѣніе философіи. О великихъ естественнѣйшихъ

Фишеръ и не вспоминаеть; подобно многимъ историкамъ философіи, какъ будто естественныяспытатели вовсе не имѣли вліянія на развитіе и движеніе человѣческой мысли. Между тѣмъ открытія и соображенія Коперника, Галилея, Кеплера, Ньютона и другихъ произвели совершенный переворотъ во всемъ міросозерцаніи европейскіхъ народовъ, они высказали воззрѣнія, которыя перешли въ жизнь, сдѣлались достояніемъ всѣхъ, укрѣпились непоколебимо и представляли собою дѣйствительный успѣхъ знанія реальнаго, независимаго отъ философскихъ построеній, и своимъ вліяніемъ даже направляли его: эти построенія. Наконецъ и въ самой Германіи въ области философіи всегда существовало направленіе, скромно возстававшее противъ всякихъ идеалистическихъ системъ. Эти возстанія не были слишкомъ замѣтны именно потому, что они были скромны; они не имѣли блестящихъ всеобъемлющихъ построеній, которыми идеалистическія системы ослѣпляли всѣхъ. Стройно развитая, величественная, систематически хоть и произвольно построенная философія всегда могла затмить и заелонить собою эмпириковъ и реалистовъ, которые не рѣшались на смѣлые построенія, не имѣли для нихъ основанія. Но вѣдь все же они существовали, существуютъ и теперь на ряду съ идеалистами и продолжаютъ свое дѣло, подобно имъ. Фишеръ говоритъ, что теперь въ германской философіи еще не выработана никакого направленія новаго, что она все еще стоитъ на старомъ. Это опять—такая отжесточенность къ идеализму, который самъ не сознается, что ему нельзя идти дальше Гегеля; другія же направленія продолжаютъ дѣйствовать и идти впередъ, и въ голову, но приходить придумывать новыя принципы и направленія; потому что и времена еще не историчаны вполне и имъ слѣдуетъ только развиваться. — Если бы Фишеръ разобралъ всѣ эти разнородныя мучи философствующей мысли, онъ не такъ рѣшительно говорилъ бы, что исторія философіи неизбежно вводитъ въ германскую систему. Если посмотреть на дѣло съ болѣе общей и высшей точки зрѣнія, сама эта система должна служить введеніемъ во что нибудь другое.

«Собравшая все связанное объ «Исторіи философіи» Куно Фишера, весьма сказать, чтобы выборъ ея для перевода былъ удаченъ. Для нашей публики нужнее была бы фактическая исторія философіи безъ заднихъ мыслей и тенденцій, наложенная съ единственною дѣлью познакомиться читателя съ кодексомъ и различными проявленіями философствующей мысли. Дѣлать частныя приложенія и приспособленія къ исторіи философіи можно только тогда, когда она известна болѣе инстинкту чѣмъ въ общими чертахъ, когда есть возможность наглядно судить объ ея различныхъ проявленіяхъ. А иначе она приметъ односторонній видъ и изъ самостоятельной науки, какою она должна быть,

сдѣлается какнть-то пособіемъ, введеніемъ, или предисловіемъ къ ка- кой нибудь системѣ, которая сейчасъ же можетъ оказаться неудо- влетворительною, можетъ пасть и должна будетъ увлечь въ своемъ паде- ніи и исторію. Исторія философіи не должна зависѣть даже отъ го- сподствующей системы въ извѣстное время; ея задача — не есть пропа- ганда извѣстныхъ воззрѣній. Ее могутъ излагать — и какъ показы- вать опытъ, совершенно основательно и научно — люди совершенно безпристрастные, индифферентные къ господствующимъ системамъ и не принимающіе ни одной изъ нихъ. Возможна пропаганда и чрезъ исторію, но только не при данныхъ условіяхъ, когда у насъ даже нѣтъ элементарныхъ свѣдѣній по исторіи философіи.

Руководство въ сравнительной статистикѣ. Г. Ф. Кол- ба. Переведено и дополнено подъ редакцію А. Корсака. Изда- ніе Николая Тиблена. Томъ I. Спб. 1862 г.

Въ послѣдніе годы стали являться у насъ издатели, каковыхъ прежде не было: люди по своимъ знаніямъ могущіе вполне судить о де- стойности издаваемыхъ ими книгъ и при томъ совершенно добро- совѣстные въ выборѣ книгъ для изданія. Перваго изъ такихъ издате- лей имѣла литература въ г. Тибленѣ. Нѣтъ надобности говорить, на- коую пользу книжному дѣлу приносятъ издательская предприимчивость, когда находится въ соединеніи съ талантомъ качествами. Напримеръ, достаточно просмотрѣть списокъ изданій г. Тиблена, чтобы убѣдиться въ серьезности и дѣятельности книгъ; ни которыхъ оставалось еще выборъ. Онъ заключалъ или печаталъ: «Исторію цивилизаціи Гизо», «Курсъ Политической Экономіи» Моллиаря и Куроля Сенбала, «Полное собраніе сочиненій Миллера»; «Биографію Николая г. Воиши- снаго», «Гражданское Право Мейера», «Новісти Марш Валька» на на- русскомъ языкѣ, «Фчеркъ тарваня московскаго вѣсударства» г. Ко- стюарева, «Исторію новой философіи» Куло Финнера; онъ готовилъ къ печати «Исторію французской литературы» Юліана Шандю, с фран- цузскаго языка переводилъ: Милля, «Исторію цивилизаціи въ Англіи», Бокиа. За исключеніемъ одного Моллиаря, да еще Куло Финнера, тутъ нѣтъ ни одной книги, о которой не слѣдовало бы сказать, что она при- надлежитъ къ числу оцененной, изданіе которой заслуживаетъ безу- словнаго одобренія. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ безспорное клас- сическое достоинство; другія все-таки — самыя лучшія по своей час- ти изъ сочиненій, могущихъ быть издаваемыми у насъ. Въ свое время мы высказывали недостатки некоторыхъ книгъ, издаваемыхъ г. Ти- бленомъ; напримеръ указывали односторонность историческія и по- литическія убѣжденія Гизо и Миллера, — но, какъ бы ни дунали

кто о направленіи таковых писателей, всякій понимаетъ, какъ нужно и полезно существовать имъ въ русскомъ переводѣ. Вообще же, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ можетъ, г. Тибленъ выбираетъ для изданія такія книги, которыя заслуживаютъ полнаго одобренія не только по достоинству своего изложенія или по фактическому богатству своего содержанія, но и по истинности своего направленія.

Къ этому послѣднему разряду принадлежить «Статистика» Кольба, смотрящаго на вещи съ самой вѣрной точки зрѣнія. Г. Корсакъ, извѣстный своими добросовѣстными трудами по части политической экономіи и статистики, принявъ на себя редакцію перевода, значительно увеличилъ достоинство книги тѣмъ, что присоединилъ къ статьѣ Кольба о Россіи свой собственный статистическій очеркъ, гораздо болѣе обширный. Въ нѣмецкомъ оригиналѣ Кольба статья о Россіи занимаетъ только 27 страницъ; при столь значительномъ ея расширеніи въ русскомъ изданіи г. Тибленъ долженъ былъ раздѣлить на два тома книгу, составленную въ нѣмецкомъ изданіи одинъ томъ. Въ первой вышедшей теперь части русскаго изданія находится статистика пяти европейскихъ великихъ державъ. Но мало того, что статья г. Корсака обширна: она очень дѣльна, такъ что этотъ трудъ г. Корсака надобно назвать самымъ лучшимъ и полнымъ сборникомъ общихъ статистическихъ свѣдѣній о Россіи.

Свой добросовѣстный и обширный трудъ г. Корсакъ начинаетъ съмѣчаниемъ, что «статистика Россіи представляетъ самыя пятныя данныя. Одни изъ ея фактовъ не опредѣлены пока даже приблизительно тѣрно, другіе недоступны для науки. Къ числу первыхъ можно отнести даже свѣдѣнія о пространствѣ и населеніи». Недостатками была бы неготовность свѣдѣній о пространствѣ азіатскихъ пустынь, считающихся нашими владѣніями; но даже пространство Европейской Россіи опредѣляется разными источниками очень неодинаково. Въ перечисленіяхъ населенія точно также находится очень большая разница между свѣдѣніями, полученными отъ министерства финансовъ и отъ Царскаго Статистическаго комитета, который насчитываетъ въ Русской имперіи на 1,826,000 человекъ больше, чѣмъ министерство финансовъ.

Но каково бы ни было неизвѣстное намъ съ точностью пространство нашей Имперіи и число ея населенія, мы можемъ весьма основательно радоваться тому, что со второй половины прошлаго вѣка чрезвычайно расширили свои границы на западѣ. Вотъ очень любопытная таблица разстоянія нашихъ границъ отъ нѣкоторыхъ городовъ Западной Европы нынѣ и 80 лѣтъ тому назадъ

	1772 г.	миль	миль.
отъ Стокгольма	32	миль	18 миль.
Кёнигсберга	50	»	20 »
Берлина	202	»	43 »
Бреслава	174	»	11 »
Дрездена	207	»	44 »
Праги	208	»	45 »
Вѣны	228	»	64 »
Мюнхена	252	»	89 »
Франкфурта	268	»	105 »
Парижа	337	»	174 »
Лондона	330	»	171 »

Неудивительно, что при сличеніи этихъ цифръ, западныя державы чувствуютъ безпокойство и недоверіе. Въдъ еслибы дѣло должно было идти такимъ же путемъ, то черезъ 20 лѣтъ наша граница достигла бы Праги, черезъ 30—Вѣны, черезъ 35 лѣтъ Мюнхена, черезъ 40—Франкфурта, а еще черезъ 20 или 30 лѣтъ даже Парижа и самаго Лондона. Та партія рьяныхъ славянофиловъ, которая вмѣстѣ съ г. В. Ламайскимъ хлопочетъ объ отысканіи намъ вотчинныхъ правъ на Севилю и Кордову, исконныя славянскіе города, — и вообще о «присканіи новыхъ земельъ» вдобавокъ къ нынѣшнимъ нашимъ землямъ, — эта партія имѣетъ за себя и факты исторіи послѣднѣго столѣтія точно такъ же, какъ находить аргументы для себя въ вершкѣ временъ Среднихъ вѣковъ, когда, по свидѣтельству покойнаго Савельева-Ростиславича, мы, русскіе, вѣдъ именовъ вандальскъ и готовъ завоевали Италію, подъ именовъ савонъ завоевали Британію.

Но кромѣ шутокъ. Политика Россіи до недавняго времени была болѣе всего обращена на расширеніе границъ, и дѣло это, шедшее съ большимъ успѣхомъ, привлекало сими нашего морскаго русскаго населенія. Мы не могли обзавестись у себя ни образцованностью, ни даже хотя бы порядочнымъ частнымъ хозяйствомъ, потому что некогда намъ было ни о чемъ своемъ домашнемъ подумать, да и не оставалось у насъ никакихъ средствъ на домашнія дѣла: мы постоянно исполняли въ обратномъ смыслѣ знаменитое преданіе, которымъ всегда характеризовалась возможность благосостоянія: «перекуютъ мечи въ плуги и копыя къ серпы»; у насъ постоянно ковались мечи и копыя изъ желѣза, которому слѣдовало бы идти на плуги и серпы; потому-то намъ до сихъ поръ мечѣмъ пахать землю.

Это прежнее направленіе всѣхъ нашихъ общественныхъ мыслей и силъ къ расширенію границъ напрасно было бы приписывать исключительно или преимущественно прежнимъ правительствамъ въ от-

дѣльности отъ общества. Само общество вызывало и поддерживало такое направленіе правительственной дѣтельности. Нечего говорить о старыѣхъ временахъ, когда общество было заражено этимъ завоевательствомъ еще больше ринѣшняго. Вспомнимъ, какъ при началѣ восточной войны изъ ста такъ-называемыхъ образованныхъ людей довольно девять ликовали при мысли, что мы скоро овладѣемъ Константинополемъ. Зачѣмъ имъ нужень былъ Константинополь? Квартальными надзирателями что ли разсчитывали они быть въ немъ, получить исправническія должности въ Румелии, Фессалии, Албаніи? Сдѣлаться папашами адрианопольскими, филлипопольскими, салоническими, янинскими? Хоть бы этотъ разсчетъ былъ у нихъ, ликовавшихъ господъ, — оно было бы понятно, хотя и низко было бы желать новаго обремененія отечеству для полученія выгодныхъ должностей собѣ. Но нѣтъ, они ликовали совершенно безнорыство, идеалью, такъ сказать научно: ихъ просто восхищала мысль, что вотъ на ландкартахъ весь турецкій полуостровъ будетъ обвладѣнъ тою же краскою, которая идетъ отъ Торноо черезъ Полангенъ, Калиши, Броды и т. д.; что въ анадоническомъ мѣсяцесловѣ къ прежнимъ двумъ странницамъ въ спискѣ губерній прибавится третья съ несомкнутаыми именами нѣкихъ нибудь губерній Шумлянской, Иштетовской, Киризъ-Килисской, Ушкубской, Ларисской, Елбассанской и т. д. О томъ, что надобно будетъ и по окончаніи войны содержать на Балканскомъ полуостровѣ лишніе двѣсти тысячъ войска, о томъ, что на содержаніе этого войска нужно будетъ лишнехъ 50 милл., — о томъ, что заботы о сохраненіи нашей власти надъ Балканскимъ полуостровомъ еще меньше прежняго оставить намъ времени устроять свои дѣла, — о томъ, что мы обвладѣемъ отъ всего завоеванія, — объ этомъ наше общество и не думало. Подумайте, мы будемъ владѣть Константинополемъ, Босфоромъ, Дарданеллами, Балканами, чуть ли не Парнасомъ и Олимпомъ, Адриатическимъ побережьемъ, быть можетъ островомъ Теаки, древнею Итакою, отечествомъ Уллисса, — восторгъ, восторгъ! Подумайте только; тогда Вѣна будетъ съ трехъ сторонъ окружена нашими владѣніями, наша флотилія будетъ плавать по Савѣ и всегда готова войти въ Драву и Мораву, — вѣдь это восхитительно. Я васъ спрошу: что тогда будетъ дѣлать Вѣна? чуть что нибудь не по нашему, — собираются пять корпусовъ русской арміи въ Визградѣ и двигаются они впередъ по долине Дуная прямо на Вѣну; а чуть съ другой стороны собираются пять корпусовъ русской арміи около Вислицы и Стобницы и двигаются съ другой стороны тоже на Вѣну. Обѣ арміи соединяются между Вѣною и Пресбургомъ. Вѣна отрѣзана отъ восточной половины Австрійской имперіи. Подъ Люксенбургомъ происходитъ рѣшительная битва: австрійцы вывели

300 тыс. человекъ, а мы 400 тысячъ; австрийцы обойдены съ перваго сланга, отгнаны отъ Вѣны, хотятъ отступить къ Грену; по Сепринтскія десанты уже заняты нашими войсками и—остатки австрийской арміи кладутъ оружіе,—въ томъ родѣ, помните, какъ было подъ Арадога съ венграми,—а Вѣна уже за два дня передъ тѣмъ, на утро послѣ битвы, выслала ключи побѣдителямъ и т. д... Словомъ сказать, «минюль наша течетъ въ энциклопедію, музыка играетъ, штыкарътъ скачетъ», и... «и въ ту же минуту по улицамъ (позорной Вѣны) курьеры, курьеры (изъ Берлина, Гаги, Брюсселя, Париска, Мадрита, Лиссабона), курьеры... можете представить себѣ, тридцать тысячъ однихъ курьеровъ! Каково положеніе, я спрашиваю? — Иванъ Александровичъ, — то бишь Владимиръ Ивановичъ съ товарищами — ступайте управлять департаментомъ, — то бишь, всю Европою». Бѣдливый г. В. Ламанскій, милый бѣдливый нашъ собосѣдникъ, за что мы надаемъ на васъ, человека невиннаго и неважнаго, ученаго и почтеннаго? Вы съ немалѣе почтеннымъ г. И. Амсаговымъ не болѣе многихъ добрыхъ нашихъ соотечественниковъ наклонны къ завистливой злобности, — то есть, они наклонны къ ней не меньше васъ, — а вы выходяще на пошлякиню только насъ двоихъ, не смягчаете даже тѣмъ, что вы, при всей географической широтности, добродушнѣйша люди въ мірѣ, благонамѣреннѣйшіе сыны отечества... Но вѣдь и то сказать: если смягчатся надъ вами за то, что вы говорите вездѣ только по крайней необходимости, а не по злому умыслу, такъ вѣдь и ни на кого изъ сыновъ нашего отечества нельзя претендовать за то, что Россія была дѣлоси гнѣть заглаза исканіемъ «новыхъ земель». А надобно же и кому пробудь сорвать злобу, и мы срываемъ ее на васъ, добродушнѣйшій изъ смертныхъ.

« О государственныхъ доходахъ и расходахъ помѣщена въ этой книжкѣ «Современника» отдѣльная статья, въ которой мы много пользовались цифрами, представленными въ изслѣдованіи г. Корсака. А здѣсь мы приведемъ изъ его очерка статью о государственномъ долгѣ. Сказавъ, что къ 1 января 1860 г. консолидированный государственный долгъ считался въ 555,012,127 р. сер., и что увеличеніе этой цифры передъ долгомъ, бывшимъ въ 1858 г., равняется 39,024,115 р. сер., г. Корсакъ продолжаетъ:

Кромѣ консолидированнаго долга существуетъ долгъ, не внесенный въ государственную долговую книгу и соответствующій тому, что во Франціи называютъ *dette flottante*. (текущій долгъ); къ 1 января 1859 г. онъ былъ въ слѣдующемъ видѣ:

Долг ассигнаций:

Разным сериям: билеты государства, извещения 93,000,000

Долг заемному банку 828,000,000

Долг безрочный:

Кредитные билеты (ассигнации) 644,648,719

Итого 1,062,648,719

А, съ консолидированнымъ долгомъ = 515,988,012

Составится 1,578,636,731

За вычетомъ же резерва, обеспечивающаго ассигнации, и суммъ, назначенныхъ для уплаты долговъ, всего 115,028,197

Останется къ 1 января 1859 г. всего долга 1,463,608,534

«Въ 1860 г., какъ мы уже видали, консолидированный долгъ умножился въ 39,924,115 р. Что же касается до текущаго долга, то опредѣлить его довольно трудно; можно только сказать, насколько умножился къ этому времени сумма кредитныхъ билетовъ: — она возросла на 35,229,134 руб. Все приращеніе долга этихъ двухъ разрядовъ составляло следовательно 74,253, 249 руб., которые увеличить послѣдній изъго до 1,527,861,783 руб., или круглымъ числомъ до 1½, милліардовъ.»

«Происхожденіе государственнаго долга и состояніе его въ послѣднее время. Главное основаніе государственному долгу положено было ассигнаціями; военныя и другія потребности заставили прибѣгнуть къ нимъ въ царствованіе Екатерины II; съ тѣхъ поръ онѣ сдѣлались обыкновеннымъ способомъ покрывать расходы. По смерти Екатерины ассигнацій находилось въ обращеніи около 200 милл. руб., и курсъ ассигнаціоннаго рубля еще не падалъ значительно. Впослѣдствіи, съ умноженіемъ расходовъ, особенно во время войнъ французской революціи, русское правительство все чаще и чаще прибѣгало къ выпуску бумажныхъ денегъ. Отсюда — постоянный и быстрый упадокъ ихъ курса, такъ что наконецъ серебряный рубль сталъ равняться 4 руб. ассигнаціями. Мѣдная монета имѣла одинаковую цѣнность съ бумагой, слуга для ея равнѣна. Въ 1810 г. русскіе финансы находились въ чрезвычайно разстроенномъ состояніи. Бюджетъ представлялъ дефицитъ болѣе чѣмъ въ 165 милл. руб. и ассигнаціонный рубль утратилъ ¾ своей первоначальной цѣнности. Новые выпуски ассигнацій начались уже невозможныя; правительство рѣшилось прекратить ихъ. Устроена была комиссия поташенія, которая постановила продать часть государственныхъ имуществъ, и съ помощью вырученной суммы уменьшить массу ассигнацій. Съ этихъ поръ правительство было вынуждено сдѣлать серебряную монету главнымъ орудіемъ итѣны. Но наступила война 1812 г., и исполненіе реформъ приостановлено. Съ 1812 г. до исхода 1814 г. курсъ ассигнацій все болѣе и болѣе падалъ, такъ что въ 1815 г. серебряный рубль равнялся 4 р. 18 коп. асс.»

«Послѣ всеобщаго мира, внесенный въ государственную долговую книгу долгъ Россіи не превышалъ 125 милл. руб. сѣр. Правительство постановило правиломъ не дѣлать новыхъ вынужденъ ассигнацій и принялось затѣмъ уменьшать ихъ количество. Для этого оно предпочло сдѣлать заемъ и на соответствующую ему сумму смѣчь ассигнацій. Это былъ первый заграничный заемъ (подписка открыта въ Амстердамѣ). Такимъ образомъ въ 1819 году 118 милл. ассигнацій было извлечено изъ обращенія; въ то же время монетный дворъ приготовилъ на 26 милл. вѣснкой монеты.

«Въ 1820 г. открытъ новый заемъ въ 40 милл. руб. въ Англии и Голландіи, при посредствѣ Беринга и Гоце. Ассигнаціи продолжали извлекаться изъ обращенія, но курсъ ихъ поднимался медленно. Съ 418 коп. (въ 1815 г.) онъ постепенно доходилъ до 403 (1816), 383 (1817), 379 (1818) и 373 к. (въ 1819 и 1820 г.). Въ 1821 г. ассигнацій находилось въ обращеніи на 689,460,220 руб. Однако съ извлеченіемъ старыхъ, на покрытіе государственныхъ расходовъ дѣлались постоянно новые выпуски.

«Процентный долгъ также увеличился, и въ 1824 г. его было до 49,400,000 голландск. гульденами, до 25 милл. руб. монетомъ и 226,624,421 бумажными билетами. Долгъ этотъ раздѣлялся на три категории: 1) долги, предшествовавшіе 1817 году; 2) долги, сданные для уменьшенія массы бумажныхъ денегъ; 3) долги для расходовъ по разнымъ отраслямъ управленія.

«Комиссія погашенія долговъ, основанная въ 1817 г., дѣйствовала энергически: по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ процентный долгъ (въ 1822 г.) оказался на 62 милл. менше. Въ то же время уничтожено ассигнацій на 236 милл. и въ обращеніи ихъ находилось только на 506 милл. Хотя, по отчету министра финансовъ, Гурьева, положеніе кредитныхъ учрежденій было очень удовлетворительно, однако черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого отчета былъ заключенъ новый заемъ въ 35 милл. въ Лондонѣ, при посредствѣ дома Ротшильда. Въ 1823 г. въ управленіе министерствомъ финансовъ вступилъ графъ Канкринъ. Курсъ ассигнацій значительно улучшился; серебряный рубль стоилъ 3 р. 60 к. асс.; тѣмъ не менше масса ассигнацій оставалась на прежней высотѣ 506 милл. Займы, сданные до сихъ поръ для излеченія бумажныхъ денегъ, соединялись съ жертвами, не соответствующими идѣямъ; изъ обращенія извлечено было, правда, на 236 милл. ассигнацій, но значительная масса долговъ, въ 5 и $\frac{1}{2}$ и по известнымъ курсамъ. Кредиторы сверхъ того выговорили условіе, чтобы первоначальные проценты никогда не понижались. Улучшеніе курсъ ассигнацій не выкупалось этой жертвой, и, вмѣсто безпроцентнаго долга, явился другой долгъ, обращенный государствомъ процентами. Бумажный долгъ и малая раанѣнная монета оставались единственными орудіями обращенія. Совѣтъ государственныхъ кредитныхъ учрежденій, по предложенію графа Канкринъ, рѣшилъ въ 1824 г. приспособить улучшеніе ассигнацій. Суммы, которыя означались до сихъ поръ на

Этотъ предметъ, возможно обратитъ на погашеніе консолидированнаго долга. Эта операція погашенія быстро подняла русскіе фонды. Долгъ, внесенный въ государственную долговую книгу, простирался круглыми числомъ до 178 милл. руб. сер. Канкринъ употреблялъ при этомъ всѣ средства, чтобы ввести экономію и порядокъ въ финансы. Дѣйствительно, въ теченіе 1823—26 г. не было сдѣлано ни одного займа, а уменьшеніе расходовъ дало экономіи 160,300,000 тогдашнихъ рублей (49,933,750 р. с.).

«Финансы, казалось, находились въ цвѣтущемъ состояніи. Несмотря на содержаніе большихъ военныхъ силъ, правительство не прибѣгло къ новымъ налогамъ; оно заключило только заемъ съ домою Гоге въ Амстердамъ въ 42 милл. флориновъ и еще на 24 милл. къ концу 1829 г., между тѣмъ какъ Адрианопольскій трактатъ доставилъ казначейству обильный источникъ военной контрибуціей. Сумма процентнаго государственнаго долга простиралась до 221 $\frac{1}{2}$ милл., а ассигнацій въ обращеніи находилось на 186 милл. (всего 407 $\frac{1}{2}$ милл. р. с.).

«Съ 1830 по 1832 г. холера, неурожай и польская революція потребовали большихъ расходовъ, новый заемъ въ 20 милл. р. заключенъ былъ съ домою Гоге

«Наконецъ, 1 іюля 1839 г., правительство объявило, что отнынѣ основной монетой государства становится серебряная, и что курсъ серебрянаго рубля принимается постоянный въ 350 к. асс., что всѣ расчеты производятся на серебро, но платежи дѣлаются безразлично — звонкой монетой и ассигнаціями по постоянному курсу, принимая рубль золотомъ 3-мя процентами выше серебрянаго рубля.

«Вслѣдъ за этимъ при коммерческомъ банкѣ учрежденъ *депозитный банкъ*, который долженъ былъ принимать на сохраненіе отъ частныхъ лицъ суммы серебряною монетою. Серебро, принимаемое на сохраненіе, служило разнѣннымъ фондомъ билетовъ. Въмѣсто вкладовъ, банкъ выдавалъ вкладчикамъ билеты, называемые билетами депозитнаго банка. Они были въ 3, 5, 10 и 25 р. с. Впослѣдствіи банку разрѣшено было выпускать билеты въ 50 и въ 100 р. с. Билеты депозитнаго банка ходили наравнѣ съ серебряною монетою во всей имперіи и разнѣнивались по предъявленіи на звонкую монету.

«Цѣль этой мѣры была та, чтобы устранить колебаніе курса ассигнацій. Новые бумаги, какъ разнѣнные знаки, не подвергались колебаніямъ курса и ходили наравнѣ съ звонкой монетой.

«Съ тѣхъ поръ правительство занялось составленіемъ достаточнаго резерва драгоцѣнными металлами для обезпеченія бумажныхъ денегъ. Этому содѣйствовала особенно разработка уральскихъ рудниковъ, которая годъ-отъ-году усиливалась. Такъ въ 1844 г. въ Петропавловскую крѣпость доставлено было 70,750,000 р. с. резерва.

«Въ сентябрѣ 1845 г. умеръ графъ Канкринъ. Финансовое положеніе Россіи было veduro. На Западѣ между тѣмъ (въ 1847 г.) сдѣлывались неурожай, монѣтный и коммерческій кризисъ. Вслѣдствіе неурожая, Франція, Англія и Германія должны были покупать огромныя

количества хлѣба въ другихъ странахъ. На уплату этихъ покупокъ звонкая монета утѣкала съ необыкновенной быстротой, такъ что было время, когда во французскомъ банкѣ находилось только 74 милл. франковъ монетнаго резерва, между тѣмъ какъ уплаты достигали 368 милл. Возвышеніе учета не помогало.

«Въ этихъ обстоятельствахъ русское правительство предложило французскому банку продать ему рентъ государственнаго долга на 50 милл. франковъ, съ поставкой въ Петербургъ. Банкъ охотно принялъ это предложеніе. Вслѣдствіе такой мѣры, звонкая монета притекала къ Петербургу, такъ что резервъ крѣпости увеличился до 115 милл. р. сер. Кромя того французская торговля была поставлена въ необходимость дѣлать свои закупы хлѣба преимущественно въ Россіи. Французскій банкъ, какъ кредиторъ 50 милл. франковъ, дѣлалъ до этой суммы переводы на казенные банки Россіи, и большая часть его переводовъ служила средствомъ расплаты за хлѣбъ, купленный на счетъ французскихъ негоціантовъ.

«Вскорѣ послѣ покупки рентъ у французскаго банка, 21 марта 1847 г., вышелъ у насъ указъ объ обращеніи 30 милл. руб. с. въ англійскія консоли, голландскіе фонды и проч. Правительство доставило такимъ образомъ обширный сбытъ произведеніямъ почвы; оно само должно было уплачивать переводы по закупкамъ этихъ произведеній.

«Департаментъ экономіи государственнаго совѣта одобрилъ покупку рентъ, съ условіемъ, чтобы происходящія отсюда выгоды обращаемы были на погашеніе разныхъ долговъ государства. Выгоды эти состояли въ томъ, что, если металлическій запасъ нѣсколько уменьшился, то исчезнувшая часть замѣнилась солидными бумагами, которыя давали постоянный доходъ, усиливали кредитъ государства и, въ случаѣ нужды, могли быть обращены въ звонкую монету, между тѣмъ оставшіяся запасы были все еще достаточны для безостановочнаго размѣна кредитныхъ билетовъ. Вслѣдствіе этой мѣры притокъ металлическихъ денегъ въ государственное казначейство былъ такъ великъ, что (1 іюня 1847 г.) въ кладовыя Петропавловской крѣпости перенесено золотой и серебряной монеты на 12,650,054 р. с.

«Такимъ образомъ въ теченіе 30 лѣтъ (1817—47) финансы Россіи постоянно улучшались; съ 1848 г. положеніе ихъ начало измѣняться.

«Февральская революція заставила увеличить военныя силы; это стоило 15 милл. р. с., которыми расходы 1848 г. превышали расходы предыдущаго года. Издержки 1849 г. были на 30 милл. выше надоржекъ 1848 г. Причина заключалась въ венгерской войнѣ, въ занятіи Дунайскихъ княжествъ, въ сосредоточеніи войскъ въ Польшѣ. Къ этому присоединился скотскій падежъ, сдѣлавшій большія опустошенія на югѣ Россіи.

«На покрытіе расходовъ венгерской кампаніи надо было выпустить нѣсколько серій билетовъ казначейства, и ихъ выпускомъ на сумму 300 м. 18 милл. р. сер.

«Съ другой стороны на окончаніе желѣзной дороги отъ Москвы до Петербурга былъ заключенъ $4\frac{1}{2}$ процентный заемъ въ 5,500,000 ф. стер., чрезъ посредство петербургскаго дома Штиглица и лондонскаго Бернса, съ $2\frac{1}{2}$ погашенія.

«Въ началѣ 1850 г. въ обращеніи находилось кредитныхъ билетовъ на 300 милл. руб.; въ кладовыхъ крѣпости было монетою и слитками 99,763,361 р. с. Правительство разрѣшило вывозъ звонкой монеты, запрещенный въ 1848 г. Въ 1851 г. расходы опять превышали доходы; дефицитъ увеличивался. Восточный вопросъ еще болѣе затруднилъ финансовое положеніе. Уже въ 1853 г. стали дѣлаться приготовленія къ войнѣ, а вмѣстѣ съ этимъ послѣдовали новые выпуски кредитныхъ билетовъ. Въ 1853 г. въ обращеніи ихъ находилось болѣе 368 милл. р., билетовъ казначейства на 60 милл. Съ объявленіемъ войны съ Франціей и Англіей масса бумажныхъ денегъ дошла до 450 милл. руб. сер. При одномъ извѣстіи объ объявленіи войны, курсъ на Парижъ упалъ въ Петербургѣ до 308, то есть рубль, стоящій при нормальномъ курсѣ 4 франка, стоилъ только 3 фр. и 8 сант. Правительство сочло нужнымъ запретить вывозъ золота. Военные расходы были громадны. Надо было прибѣгнуть къ новымъ займамъ, и указомъ въ ноябрѣ 1855 г. разрѣшенъ заемъ въ 50 милл. руб., который заключенъ былъ за границей, при посредствѣ Штиглица и реализованъ на биржахъ Берлина, Гамбурга и Амстердама. Расходы увеличивались, долги и масса ассигнацій росли: кредитныхъ билетовъ къ 1 января 1858 г. находилось въ обращеніи на 733,297,006 р., а съ 1858 года размѣнъ ихъ на звонкую монету прекращенъ.

«Но въ то же время (указомъ 18 апрѣля 1858 г.) 60 милл. руб., различными фондами, принадлежащими государственному казначейству, назначены на погашеніе равной суммы кредитныхъ билетовъ, которые и были преданы сожженію. Кромѣ того въ теченіе 1858 г. изъ обращенія извлечено ихъ размѣномъ на звонкую монету 41,312,790 р.; вновь выпущено на 11,671,503 руб., и къ 1 января 1859 г. было въ обращеніи на 644,648,719 р. сер. кредитныхъ билетовъ.

«Въ кассѣ было резерва: 1 января 1858 г. — 119,140,921 р. монетою и слитками и 21,319,850 р. фондами; въ теченіе 1858 г. поступило 24,009,453 р. монетою, но израсходовано 43,811,631 руб. монетою и слитками и 10,846,110 фондами; такъ что къ 1 января 1859 г. оставалось въ кассѣ 99,338,743 р. монетою и слитками и 11,473,740 р. фондами, — всего 110,8 милл. Колебаніе валюты было чрезвычайно сильное: 16 января 1859 г. фунтъ стерлинговъ стоилъ въ Петербургѣ (по курсу $36\frac{1}{2}$ пенса за рубль) 6 р. 49 коп., а 1 мая (по курсу $31\frac{1}{2}$ пенса) 7 руб. 68 к.; другими словами: кто 16 января получилъ изъ Лондона 10,000 фунт. ст., стоявшихъ тогда 64,974 руб., тотъ 1 мая долженъ былъ уплатить за нихъ 76,800 р., то есть терялъ 11,826 руб. Въ одной только Австріи можно найти примѣръ такого колебанія валю-

ты. Въ 1859 г. цѣнность нашихъ ассигнацій составляла не болѣе 81%, серебрянаго рубля (*).

«Чтобы помочь затруднительному финансовому положенію, въ мартѣ 1859 г. правительство заключило съ англійскимъ домомъ Томсонъ, Бонаръ и К° договоръ о займѣ въ 12 милл. ф. ст., по которому предполагалось выпустить 3-хъ процентныя облигаціи по курсу 66%. Но такъ какъ итальянская война (единственное вліяніе которой въ этомъ случаѣ оспаривается, впрочемъ, нѣкоторыми) уронила курсъ бумагъ ниже определенной цифры, то договоръ былъ уничтоженъ, а уплаченные уже 15% займа возвращены. По заключеніи Вилла-Франкскаго мира, заемъ удался и помѣщенъ по 68, считая проценты съ 1 мая 1859 г., что понизило его до 66%. Известное французское общество—*Société générale du crédit industriel et commercial* взялось помѣстить 40 милл. фр. во Франціи, въ чемъ и успѣло. Этимъ займомъ русскій долгъ увеличился въ теченіе 1859 г. на 7 милл. ф. ст., а по внесеніи всего займа онъ долженъ умножиться на 75 милл. рублей.

«Въ то же время текущій долгъ государственнымъ кредитнымъ установленіямъ началъ превращаться въ срочный консолидированный. Приступая къ преобразованію этихъ учрежденій, правительство сначала уменьшило платимыя ими на вклады проценты съ 4 на 3%, на томъ основаніи, что, составляя непроезводительный капиталъ, процентныя вклады отягощаютъ собою кредитныя учрежденія. Между тѣмъ повышение процентовъ объявлено было тотчасъ послѣ основанія главнаго общества желѣзныхъ дорогъ, акціямъ котораго правительство гарантировало 5%. Вѣроятно, это имѣлось въ виду при вытѣсненіи капиталомъ въ банкы. Вслѣдствіе такой мѣры, изъ кредитныхъ учрежденій деньги потекли на заграничныя биржи; а такъ какъ при предстоявшемъ займѣ 12 милл. ф. ст., можно было ожидать еще большаго отлива, то ихъ старались удержать 4%-ми непрерывно-доходными билетами (*), которые и были выпущены въ апрѣлѣ 1859 г.; на нихъ же обмѣнены капиталы, внесенные на вѣчное время въ равныя кредитныя учрежденія. Но

(*) «Въ Берлинѣ $\frac{1}{100}$ мая 1859 г. 100 руб. стоили только 87 талеровъ, изъ коихъ каждый заключалъ серебра около 93 к., такъ что 100 р. асс. = 87 талеровъ = $87 \times 98 = 89, 91$ руб. сер. Такой курсъ бумажныя деньги имѣли въ 1781 и 1803 г.

(*) «Отливъ дѣйствительно былъ огромный:

Количество вложенныхъ вкладовъ.	Взятыхъ обратно.
1855 г. 223,695,926 р.	191,475,357 р.
1856 « 286,685,983 «	239,182,889 «
Итого 510,381,909 р.	430,658,246 р.
1857 г. 288,650,735 «	299,950,425 «
1858 « 302,807,044 «	355,615,293 «
Итого 891,457,779 р.	655,565,718 р.
Въ 1855—56 г. вложено болѣе, чѣмъ взято на 79,723,663 р.	
— 1857—58 г. взято болѣе, чѣмъ вложено на 64,107,939 р.»	

эти бумаги не были так выгодны, как прежнія, напр. 4% облигации и т. п., вследствие того они и не имѣли большого успѣха. Вслѣдъ за- тѣмъ, 10 сентября 1859 г., учреждены государственные 5% банковые билеты, также съ цѣлью консолидировать банковые вклады; они пред- ложены въ обмѣнъ на прежніе билеты государственныхъ банковъ и на 4% непрерывно-доходные — и погашаются съ 1861 г. въ теченіе 37 лѣтъ по тиражу. Выбѣтъ съ тѣмъ вкладчикамъ предложено на выборъ, или оставить свои вклады въ кредитныхъ учрежденіяхъ, или получить ихъ обратно; но съ 1 января 1860 г. имъ выдается вмѣсто 3%, только 2%, а начисленіе сложныхъ процентовъ прекращается; то же приим- нено и къ будущимъ вкладамъ, которые поступать къ 1 января 1860 г. Капиталы, внесенные частными лицами на вѣчное время, дозволено обращать въ 4% непрерывно-доходные билеты; въ противномъ случаѣ они остаются на 2%. Въ теченіе 1859 г. въ государственную долговую книгу было внесено такимъ образомъ изъ текущаго долга 22,863,658 р. 4-хъ процентными непрерывно-доходными билетами. Консолидирован- ный долгъ увеличился съ 515,6 милл. до 555 милл.; а масса кредитныхъ билетовъ съ 644,6 милл. до 679,877,853 руб. (Развиный фондъ умень- шился съ 110,812,483 до 96,241,618 р.) (*).

«Въ 1860 г., при учрежденіи государственнаго банка, вмѣсто преж- нихъ кредитныхъ учрежденій, опредѣлено передать ему всѣ вклады, принятые этими учрежденіями, всѣ счета по 4% непрерывно-доход- нымъ билетамъ, суммы вкладовъ обращенныхъ на 5% государственные банковые билеты, счета экспедиціи государственныхъ кредитныхъ би- летовъ и суммы, выданныя изъ кредитныхъ учрежденій государствен- ному казначейству. Это центральное учрежденіе сдѣлалось такимъ обра- зомъ главнымъ органомъ по операціямъ консолидированія текущаго долга. Изъ его отчета за 1860 г. мы можемъ опредѣлять отчасти и ве- личину самаго долга къ началу 1861 г. Изъ его отчета видно:

- «1) Что къ 1 января 1861 г. кредитныхъ билетовъ находилось въ обращеніи на 712,976,569 р., а разви- ный фондъ 92,884,431 р.; слѣдовательно безпроцент- наго долга по кредитнымъ билетамъ оставалось. . . 620,092,137 р.
- «2) Что сумма 5% билетовъ, причитавшаяся вза- мѣнъ процентныхъ вкладовъ, составляла. . . . . 276,578,500 —
- «3) Что сумма 4% непрерывно-доходныхъ билетовъ, отчасти уже занесенная въ государственную долговую

(*) «Ассигнаціи находилось въ обращеніи:

Съ 1828 по 1830 г.	170,221,828
Къ 1 января 1830 г.	301,578,170
« « 1853 «	333,442,008
« « 1854 «	326,337,021
« « 1855 «	500,181,397
« « 1856 «	686,276,844
« « 1857 «	735,297,006

книгу, отчасти еще незавершенная, простиралась до . . .	108,922,877 —
4) Что долги государственнаго казначейства по займамъ изъ предитныхъ установленій, за вычетомъ уплаченныхъ вкладными билетами, принадлежавшими казеннымъ мѣстамъ (болѣе 14 мил. руб.) и обращенныхъ на 4% непрерывно-доходные билеты, составили.	103,898,428 —
«Кромѣ того, въ теченіе 1860 г. сдѣлано было нѣсколько новыхъ займовъ, отчасти уже употребленнымъ на расходы. Указъ 14 іюня уполномочилъ министра финансовъ не только объявить подписку на оставшую сумму изъ займа 12 мил. ф. ст., заключеннаго въ 1859 г., но и увеличить этотъ остатокъ съ 5 до 8 милл., превративъ первоначальныя 3 1/2% облигаціи въ 4% ренты. Этотъ заемъ дѣйствительно состоялся въ Лондонѣ въ іюль, и подписано было 5 м. ф. ст. (Подписчики, братья Бернингъ въ Лондонѣ, Гоце и К° въ Амстердамѣ, получили разрѣшеніе остальные 3 милл. выпустить до конца года. Невѣстно, воспользовались ли они этимъ дозволеніемъ, или срокъ былъ продолженъ). Возьмемъ 5 милл. ф. ст.	81,250,000 —
«Черезъ нѣсколько дней послѣ предъидущаго, другою указъ (17 іюня) разрѣшилъ выпускъ пяти новыхъ серій билетовъ казначейства (LVI—LX), въ 3 милл. руб. каждая, — всего 15 милл., съ процентами по 4,32 на 100. Каждый билетъ въ 50 р. приносить 2 р. 16 к. въ годъ процентовъ. До исхода 1860 г. было два выпуска, которые дали (*).	10,791,700 —
«Прибавимъ сюда прежніе выпуски билетовъ казначейства, которые къ 1 января 1859 г. простирались до.	93,040,000 —
«И консолидированный долгъ, къ 1860 г. оставившій.	535,012,127 —
Итого.	1,859,545,709 р.
«Къ 1860 г. состояло въ капиталѣ выкупа 60,262,009 руб.; предполагая, что вся эта сумма уйдетъ по назначенію	60,262,009 —
«Получимъ общую сумму госуд. долга къ 1861 г.	1,799,283,700 р.

(*) «Подписка на первый выпускъ въ 4 милл. р. (30 сент.) простиралась до 36,674,700 р., такъ что надо было уменьшить до 8 1/2% суммы, подписанными лицами, требовавшими болѣе 20 билетовъ (1,000 ф.). Вторая подписка на 5 милл. руб. окончена 15 декабря и дѣйла до огромной цифры 306,760,600 р.; для удовлетворенія по возможности подписчиковъ, государственныи банкъ, съ разрѣшенія министра финансовъ, увеличилъ выпускную сумму на 1,791,700 р. Подписавшіеся на 16 билетовъ и менѣе получали полную сумму; всѣ же тѣ, которые подписались на большее количество билетовъ, получили 17.»

«Наконецъ въ походѣ 1860 г. (16 декабря) государственному банку разрѣшено выпустить на 100 милл. р. 4% металлическихъ билетовъ, въ 300 р. каждый, погашая ихъ въ теченіе 41 года. Какъ проценты, такъ и погашеніе платятся звонкой монетою; на погашеніе назначены 1%. Два выпуска этихъ билетовъ уже состоялись (въ 1861 г.), каждый въ 12 милл. р.

Въ вышеприведенномъ итогѣ. . . 1,799,283,700 р. заключается:
 Долговъ процентныхъ . . . . . 1,179,191,563 «
 « безпроцентныхъ . . . . . 620,092,137 «

«Въ 1859 г. по процентному долгу въ 580,686,622 р. на погашеніе употреблено 30,113,295 р. и на уплату процентовъ положено 28,069,082 р.; всего 58,182,377 р., не считая текущихъ долговъ. На новые долги 1860 г. однихъ процентовъ можно считать 26,750,000 р., да на прежніе билеты казначейства около 4 милл.; итого процентовъ 54, 8 милл.; изъ нихъ около 14 милл. по 5% банковымъ билетамъ обеспечены платежами дебиторовъ бывшихъ кредитныхъ учреждений.

«Считая только консолидированные долги собственно Россіи съ ассигновками, находимъ, что эти двѣ категоріи долговъ возрастали слѣдующимъ образомъ:

	1847	1853	1856	1860
Рубли	571,251,769	778,917,692	1,142,455,179	1,234,889,980.

За этимъ слѣдуетъ у г. Корсака статья о финансахъ и государственныхъ долгахъ Царства Польскаго; но до нихъ намъ нѣтъ дѣла. Говоря за тѣмъ о военныхъ силахъ нашего отечества, г. Корсакъ между прочимъ замѣчаетъ:

«Такъ называемые инспекторскіе смотры лежатъ на обязанности начальниковъ дивизій и корпусныхъ командировъ, инспектирующихъ полки въ установленное время; а между тѣмъ эти лица суть прямые начальники инспектируемыхъ ими войскъ, слѣдовательно, совмѣщаютъ въ себѣ и распорядительную власть, и контроль надъ этими войсками.

«Въ 1856 г. по сметамъ на содержаніи провіантнаго вѣдомства находилось:

Людей 1,099,305
 Лошадей 159,950

«На нихъ къ «непреклонному» отпуску назначено было 39,474,141 р. Среднимъ числомъ причиталось на одного человека 24 р. 56 к., а на одну лошадь 64 р. 51 к. На довольствіи комиссаріата въ 1856 г. было 990,817 чел., въ томъ числѣ солдатъ 959,806, а расходовъ ассигновано 28,217,788 р. или 28 р. 47 к. на человека. Вообще, продовольствіе войска въ 1858 г. требовало: заготовки муки 2,088,846, крупы 167,107½, овса 402,702 четвертей, всего на 10,366,225 р.

«Следи войскъ. Войска раздѣляются на регулярныя и нерегулярныя: первыя — на дѣйствующія и резервныя. Въ 1858 г. находилось по числу въ регулярныхъ войскахъ:

	Генераловъ, штабъ и об.- офицеровъ.	Нижнихъ чиновъ.
Дѣйствующихъ	29,289	841,521
Резервныхъ	2,655	85,570
Итогъ	31,944	927,091

«За измѣненіями, послѣдовавшими въ составѣ ихъ въ 1858 г., чис-
лительная сила *регулярныхъ* войскъ къ 1859 г. была по спискамъ:

	Генера- ловъ.	Штабъ и об.-оф.	Нижнихъ чиновъ.	Ору- дія.
Дѣйствующихъ	334	26,997	783,352	744
Резервныхъ	23	3,054	66,873	88
Итогъ	357	30,051	850,225	832
Иррегулярныхъ	30	4,665	421,435	248
Всего	387	34,716	1,271,660	1,080

«Немедленно по окончаніи крымской войны, въ войскахъ сдѣланы были многія сокращенія: изъ рядовъ регулярныхъ, иррегулярныхъ войскъ и государственнаго ополченія уволено до милліона человекъ; но и съ этимъ сокращеніемъ армія представляла еще громадную цифру, превышающую милліонъ. Поэтому сдѣланы были новыя ограниченія, и регулярная армія, до войны представлявшая круглую цифру 1,140,000, уменьшилась къ 1859 г. на 290,000 и состояла только изъ 850,000 человекъ. Между прочимъ въ 1858 г. уволено изъ регулярныхъ войскъ въ безсрочный отпускъ около 19,500 человекъ и во временный 20,000. Вообще къ 1 января 1859 г. находилось въ губерніяхъ въ безсрочномъ и временномъ отпуску нижнихъ чиновъ 508,335 человекъ; въ этомъ числѣ было отпущенныхъ сверхкомплектныхъ, предназначенныхъ на пополненіе обыкновенной убыли въ дѣйствующихъ и резервныхъ войскахъ, въ теченіе льготнаго времени отъ рекрутскихъ наборовъ — 289,101, и ожидалось къ прибытію въ губерніи еще 4,989, такъ что весь фондъ для пополненія обыкновенной убыли простирался до 264,090 человекъ. Остальные 239,245 человекъ назначены для укомплектованія дѣйствующихъ и для сформированія резервныхъ войскъ на случай *военнаго времени*. Кромѣ временныхъ отпусковъ сокращенію военнаго сословія содѣйствовали слѣдующія важныя мѣры: указомъ 25 декабря 1856 г. велѣно исключить изъ военнаго вѣдомства и обратитъ въ свободныя податныя сословія всѣхъ солдатскихъ дѣтей (военныхъ кантонистовъ), и возвращеню такимъ образомъ до 378,000 малолѣтнихъ въ ихъ семейства. Но съ цѣлью пріотренировать солдатскихъ дѣтей, оставшихся безъ пріюта, заведенія военныхъ кантонистовъ и учебныхъ стрѣлковыхъ полковъ преобразованы въ училища военнаго вѣдомства, число которыхъ предполагается сократить съ развитіемъ народныхъ школъ и съ распространеніемъ въ войскахъ грамотности. Во всѣхъ этихъ кантонистскихъ заведеніяхъ къ 1 января 1858 г. воспитывалось

было 19,617 человекъ, а къ 1 января 1859 г. оставалось уже только 12,451 человекъ.

«Въ то же время послѣдовало упраздненіе военныхъ поселеній, не имѣвшихъ никакого значенія въ составѣ военныхъ силъ, а между тѣмъ парализовавшихъ производительность и промышленность значительной части южнаго и югозападнаго края и губерній: Новгородской, Витебской и Могилевской.

«Далѣе начата замѣна казенной прислуги (нестроевыхъ командъ, комплектуемыхъ неспособными нижними чинами) вольнонаемными людьми. Эта мѣра избавитъ отъ обязательной службы до 62,000 человекъ. Сокращено число караульных нарядовъ, вслѣдствіе чего число постовъ уменьшилось до 2,000, а ежедневный расходъ людей сократился на 6,000. Кромѣ того отиѣненъ нарядъ часовыхъ въ разныхъ заведеніяхъ, присутственныхъ мѣстахъ и заставахъ, что также сократило число постовъ на 1,500. Слѣдствіемъ сокращенія арміи предвидится уменьшеніе на 25% числа призываемыхъ на службу рекрутъ; оно уменьшило уже на $\frac{1}{2}$ квартирную и подводную повинность. Но вмѣстѣ того сформированы на совершенно новыхъ основаніяхъ резервные части арміи, изъ которыхъ могутъ пополняться дѣйствующія войска. Увеличено число стрѣлковыхъ частей въ арміи учрежденіемъ стрѣлковыхъ ротъ въ каждомъ батальонѣ и присоединеніемъ къ составу каждой пѣхотной дивизіи по одному стрѣлковому батальону. Вводятся усовершенствованныя огнестрѣльные оружія (къ 1 января 1860 г. предполагалось имѣть въ войскахъ 80,534 шести-линейныхъ винтовокъ; вся пѣхота будетъ окончательно вооружена ими къ 1864 г.). Для обученія стрѣльбѣ учреждены три стрѣлкова школы съ учебными стрѣлковыми ротами; для кавалеріи — кавалерійское училище въ Елисаветградѣ.

«По хозяйственной части готовятся также нѣкоторыя преобразованія. Между прочимъ составлены проекты новыхъ таблицъ или росписаній разныхъ потребностей для войскъ. Не касаясь устарѣлыхъ формъ провіантской администраціи, замедляющей ходъ дѣлъ лишними инстанціями (вообще по военному министерству въ теченіе 1858 г. было бумагъ: входящихъ 440,122 и исходящихъ 305,922, всего 746,044), сократили покуда провіантскій штатъ на 286 человекъ чиновниковъ и 870 нижнихъ чиновъ. Содержаніе солдатъ улучшено прибавкою такъ-называемыхъ приварочныхъ денегъ (стоимость содержанія каждаго солдата обоилась въ 1858 г. въ 72 р. 40 к., а въ 1859 г. 74 р. 39 к.); для офицеровъ учреждена эмеритальная касса и усилены оклады. Утвержденное уже измѣненіе въ гражданскомъ и полицейскомъ законодательствѣ тѣхъ постановленій, въ силу которыхъ армія наша считалась какъ бы мѣстомъ ссылки, и готовящійся новый уголовный уставъ, въ которомъ значительно смягчены наказанія (вышшая мѣра тѣлеснаго наказанія за обыкновенныя преступленія — 1,500 ударовъ вмѣсто 6,000!) должны имѣть полезное вліяніе на нравственное состояніе войскъ. Въ заключеніе всего, съ 1857 года обращено вниманіе на обученіе солдатъ грамотѣ.»

Этихъ реформъ нельзя не одобрити и есть основаніе полагать, что готовятся новыя преобразованія въ томъ же духѣ, отъ которыхъ улучшится положеніе солдата, армія приобрететъ большую дѣйствительную боевую силу, число бесполезныхъ въ боевомъ отношеніи частей ея уменьшится, и поэтому рекрутская повинность облегчится, а съ тѣмъ вмѣстѣ будетъ равномернѣе распределено ея отправленіе. Если мы не ошибаемся, нынѣшній военный министръ дѣлаетъ все зависящее отъ него для осуществленія широкихъ и дѣйствительно полезныхъ реформъ по своей части. Вотъ извлеченіе изъ исторіи русскаго войска, сообщаемой г. Корсакомъ:

«Историческія замѣтки. Русское войско при Петрѣ I, въ 1712 г., состояло изъ 108,000 чел., въ годъ его смерти (1725) уже считалось 196,000 челов. Въ Семилѣтнюю войну, когда Россія въ первый разъ пришлось сражаться въ Средней Европѣ, у нея было регулярныхъ войскъ 162,750 чел., а именно: 30 полковъ кавалеріи (6 кирасирскихъ, 6 гренадерскихъ, 18 драгунскихъ)—31,950 челов., и 50 полковъ пѣхоты (4 гренадерскихъ и 46 мушкетерскихъ)—130,800. Къ этому можно бы причислить нѣсколько милиціонныхъ полковъ. Императрица Екатерина II значительно увеличила армію. Въ 1785 г. считалось уже до 360,000 челов. По подробному' разсчету 1794 г. значилось:

53 полка и 19 бригадъ кавалеріи	81,200
72 » » 32 батальона пѣхоты	203,900
5 » » 2 роты артиллеріи	27,700
<hr/>	
130 полковъ и проч. регулярныхъ войскъ	312,800
Сверхъ того иррегулярнаго войска:	
Казаки, бацкирцы и пр.	69,200
Гарнизонъ	60,000
	<hr/>
Всего	442,000

«Одинъ списокъ, относящійся къ концу 1868 года, представляетъ слѣдующія данныя:

1) <i>Гвардія:</i>	Кавалерія	8,800	12,600
	Пѣхоты	9,800	
2) <i>Полевые полки:</i>	Кавалерія	49,700	382,600
	Пѣхота	219,100	
	Артиллерія	42,900	
	Гарнизонъ	70,900	
	Всего	<hr/>	394,200

«Со включеніемъ инвалидовъ и иррегулярныхъ войскъ, вся масса вооруженныхъ силъ (на бумагѣ) простиралась до 506,700 чел.

«Въ оба похода 1806 и 1807 г. русскіе выставили въ Германію не болѣе 80—90,000 человекъ.

«Подъ Аустерлицомъ дѣйствительныя силы союзниковъ не составили

ли в 80,000; изъ нихъ 15,700 австрійцевъ. (Французы противопоставили имъ равное число):

«Что касается до великой войны 1812 г., то по поводу ея составлялись о числѣ войскъ свѣдомости, изъ которыхъ приводимъ слѣдующее краткое извлеченіе:

Регулярныхъ войскъ (въ томъ числѣ 28,000 гарниз. солдатъ и нивальцовъ).	839,400
Иррегулярныхъ войскъ	100,000
Народнаго ополченія	651,100
Всего	1,490,500

«Въ началѣ войны русская армія численностью далеко уступала французской; въ составъ ея входили:

Войска первой линіи:

Первая западная армія	104,150 чел.
Вторая западная армія	35,000 »
Резервная армія	36,000 »
Всего въ первой линіи по большей мѣрѣ	175,000

регулярнаго войска и 938 орудій, не считая козачковъ, въ которыхъ въ началѣ кампании мало представлялось надобности. Противъ этого сравнительно слабаго войска Наполеонъ выступилъ болѣе чѣмъ съ 400,000 человекъ.

Во второй линіи у Сакена было 42,500 чел.

Изъ третьей линіи дѣйствующая армія всегда могла получить въ подкрѣпленіе 46,000 пѣхоты 9,300 конницы и реиругъ. Сверхъ того въ Финляндіи стояло 30,000 подъ начальствомъ Штейнгеля и 58,000 на Дунаѣ.

«Трудности похода привели русское войско почти въ такое же разстройство, какъ и французское, и отозвались немного менышамъ ущербомъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ истреблены были цѣлыя роты, отъ нѣкоторыхъ батальоновъ осталось по 2-3 человека (по удостовѣренію Бутурлина, адъютанта императора Александра); изъ 120,000 главной арміи, надъ начальствомъ Кутузова осталось 35,000; у Витгенштейна изъ 50,000 всего 15,000; отъ 10,000, посланныхъ изъ внутреннихъ губерній на подкрѣпленіе арміи, только 1,700 достигли театра войны у Вильно (по увѣренію англійскаго комиссара, сэра Роберта Вильсона). Въ запискахъ Толя находимъ слѣдующій расчетъ:

Объ западныхъ арміи (за вычетомъ 21 тысячнаго корпуса Витгенштейна): первая 83,000, вторая 35,000 составляли	118,000
Подкрѣпленій онѣ получили	91,800
Всего	209,800
Въ половинѣ декабря въ Вильно еще было въ строю	40,200
Слѣдоват. съ конца іюня до половины декабря убыло	169,510

«Въ лазаретахъ лежало 48,335 челов. Если бы большая часть этихъ

вызавось въ 250,000 съ 100,000 лошадей. Общее число солдатъ во всемъ государствѣ, состоящихъ на попеченіи комиссаріата, простиралось въ 1855 г. до 845,000 съ 187,360 лошадьми, а въ 1856 г. до 796,975 и 183,570. Такимъ образомъ въ послѣдній годъ было уже трудно держать военныя силы на прежней высотѣ. Потеря увеличивалась. По одному вычисленію, русская армія до конца 1854 г. лишилась 111,132 человѣка, изъ коихъ 29,204 убитыми, 55,804 ранеными, 6,460 контуженными, 16,156 умершими отъ болѣзней. (Послѣдняя цифра очень низка; вѣроятно здѣсь считаются только солдаты, умершіе въ ближайшихъ къ мѣсту дѣйствія лазаретахъ); тутъ не приняты въ расчетъ потери кавказской арміи и нерегулярныхъ войскъ, козачковъ и пр. Въ одномъ Симферополѣ, главномъ госпиталѣ Севастополя, съ апрѣля 1855 до іюля 1856 г. умерло болѣе 40,000 человѣкъ; кромѣ того отсюда пошло до 800 транспортовъ почти съ 100,000 больныхъ въ другія сосѣднія мѣста. Почти то же можно сказать о Бахчисарай и Перекопѣ, бывшихъ также сборными мѣстами для больныхъ. Парижскій «*Ray*» вычислялъ потерю русской арміи въ 277,000 человѣкъ; сверхъ того, черноморскій флотъ изъ 38,400 человѣкъ потерялъ 23,000.—Приведемъ еще одинъ замѣчательный фактъ: по свѣдѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, послѣ удаленія изъ Крыма непріятеля, убрано и зарыто было въ землю, для очищенія воздуха, около 200,000 остоновъ скота, служившаго для перевозки тяжестей.»

Изъ отдѣла объ «общественныхъ, промышленныхъ и торговыхъ отношеніяхъ» мы извлечемъ слѣдующіе отрывки. Вотъ, по справедливости сказать г. Корсака, —

«Цѣнды, которыя могутъ служить указателемъ того, въ какомъ положеніи находятся государственныя крестьяне и въ чемъ они особенно нуждаются. Въ 1858 году среднимъ числомъ у государственныхъ крестьянъ приходилось:

1 питейное заведеніе на	1,409 ч. об. п.
1 административное или судебное мѣсто	2,348 » » »
1 школа	7,994 » » »
1 вспомогательная касса	15,258 » » »
1 церковь	17,722 » » »
1 сберегательная касса	35,191 » » »
1 богадѣльня	54,037 » » »
1 больница	1,010,000 » » »
1 учащійся на	130 » » »
1 должностное лицо	218 » » »
1 духовное лицо или церковно-служитель	378 » » »
1 повивальная бабка	1,830 » » »
1 наставникъ или маставница	6,987 » » »
1 фельдшеръ	30,606 » » »
1 врачъ	101,508 » » »

Далѣе г. Корсакъ говоритъ о промышленномъ и торговомъ законодательствѣ:

«Промышленная и торговая дѣятельность сдѣлана множествомъ стѣснительныхъ учреждений, которыя, въ послѣднее время, обратили на себя вниманіе правительства и составляютъ предметъ разсужденій специальныхъ комиссій. Изъ постановленій, не прямо касающихся промышленности и торговли, особенно тяжело отзываются на той и другой круговая порука при отправленіи раскрутской повинности и уплатѣ подушной и паспортная система. Круговая порука, которая несколько не предотвращаетъ недоборовъ въ податахъ и не можетъ замѣнить хорошей системы налоговъ, служитъ только къ ограниченію свободы передвиженія и свободы приложенія труда къ производству. Паспортная система соединена съ огромной тратой времени и денегъ и даетъ только безчисленные новодѣла къ беззастѣливой перепискѣ, къ внимательству чиновниковъ въ дѣла промышленника, къ штрафамъ, арестамъ и т. п. Объ откушней системѣ и вліяніи ея на промышленность было уже сказано. Здѣсь мы сдѣлаемъ нѣкоторые замѣчанія о цехахъ, гильдіяхъ, о таможенномъ тарифѣ, какъ о предметахъ, прямо относящихся къ промышленному и торговому законодательству.

«Ремесленные постановленія въ Россіи (за исключеніемъ Остзейскихъ и отчасти западныхъ губерній) не имѣли исторической основы, а были почти цѣлкомъ заимствованы у западныхъ государствъ еще въ прошломъ столѣтіи. Это учрежденіе имѣло, можетъ быть (что впрочемъ весьма сомнительно), въ свое время полезное вліяніе на наши ремесленные сословія; но съ тѣхъ поръ какъ фабрично-ремесленное производство сдѣлало у насъ нѣкоторые успѣхи, цеховыя учрежденія обратились прямо въ стѣсненія для промысловъ. На основаніи дѣйствующихъ постановленій, различіе между фабриками и ремеслами сопровождается важными различіями въ значеніи и правахъ фабричныхъ и ремесленныхъ заведеній. Содержатели фабрикъ и заводовъ должны быть занесены въ гильдіи, но лица, вновь учреждающія фабрики и заводы, должны записываться въ известный цехъ и обязаны подчиняться цеховымъ постановленіямъ. Къ этимъ двумъ главнымъ родамъ заведеній слѣдуетъ причислить такъ-называемыя *домашнія заведенія*, содержатели которыхъ (дѣщане и крестьяне) освобождаются и отъ гильдейскихъ платежей и отъ записки въ цеха. При такомъ различіи правъ и обязанностей этихъ заведеній, законодательство не опредѣляетъ точно ихъ взаимныхъ границъ; единственнымъ разграниченіемъ ремесла отъ фабрикъ оно признаетъ ручную работу. Ремесленные управы, для усиленія ремесленныхъ сборовъ, простирали свои требованія о запискѣ въ цехи не только на домашнія заведенія или малыя фабрики, содержатели которыхъ вовсе освобождены отъ взятія гильдейскихъ свидѣтельствъ, но и на фабричныя и заводскія заведенія, снабженныя льготными свидѣтельствами, и даже на приреченныя фабрики, подъ тѣмъ предлогомъ, что на нихъ работа производится ручнымъ способомъ, и что есть цехи

Одинаковаго съ ними названія. Офи произвольно различовали число цеховъ, а безъ разбора принимали къ нимъ несколько не-сходныхъ производствъ, (*) но, только ремесленныя, но и фабричныя, стараясь включить въ одну своего видѣнія, всю мелкую фабричную и заводскую промышленность. Мелкіи фабрикантъ, повариніи, однажды въ цехъ, съ трудомъ уже можетъ выбраться изъ него и достигнуть на фабричное положеніе, расширивъ производство, тѣмъ болѣе, что полученіе свидѣтельства на званіе фабриканта или заводчика сопряжено съ сложными формальностями и потерей времени. Притомъ цеховыя формальности, отвлекая рабочихъ отъ дѣла, затрудняя хозяевъ, служатъ поводомъ къ самымъ неудовольствіямъ и спорамъ. Комиссія, назначенная въ 1860 г. для изслѣдованія этого вопроса, убѣдилась въ необходимости кореннаго измѣненія промышленныхъ постановленій, признавая вмѣстѣ съ тѣмъ необходимымъ и уничтоженіе цеховъ.

«Гильдіи имѣютъ не только матеріальное, но и нравственно вредное вліяніе на торговлю и на торговцевъ. По крайней неравновѣрности налога, онѣ стѣсняють чрезмерно мелкихъ торговцевъ и чрезмерно облегчаютъ большихъ ко вреду малыхъ. Этотъ вопросъ также занимаетъ правительство. Какими стѣсненіями для торговли долженъ отзваться тарифъ, можно видѣть уже изъ того, что изъ 311 статей его, обложенныхъ привозною пошлиной, 99 дали въ 1859 г. 19,425,000 р. дохода или 87% (всего получено по европейской торговлѣ 22,358,000), а 212 статей — 2,933,000, то есть 13%. Есть десятки статей, которыя доставляютъ дохода лишь во нѣскольکو копѣекъ въ годъ. Провозъ товаровъ черезъ таможи обставленъ не менѣе стѣснительными формальностями. Таможенное законодательство также преобразовывается.

«Наконецъ нельзя не обратить вниманія на многія сословныя и личныя привилегіи, на слабость и шаткость кредитнаго законодательства, которое дѣлаетъ чрезвычайно затруднительнымъ взысканіе по разнымъ обязательствамъ и этимъ сильно подрываетъ кредитъ,—и на безчисленные поводы къ вышательству полиціи въ промышленныя и торговыя дѣла, которое уничтожаетъ возможность правильныхъ расчетовъ въ предпріятіяхъ, а многихъ лицъ совершенно удерживаетъ отъ промыш-

(*) «Въ 1850 г. въ числѣ 35 цеховъ, состоявшихъ при санктпетербургской ремесленной управѣ, между прочими поменованъ цехъ ситцепечатный, съ причисленіемъ къ нему производствъ: шпалернаго, клееночнаго и резиновыхъ вещей; въ цехъ малярный занесены табачное и сургучное производства; въ цехъ колбасный — помадное, горчичное и ваксальное производства; въ цехъ шорный — вагное и прядильное. Въ 1857 г. въ числѣ 24 цеховъ, состоявшихъ при московской ремесленной управѣ, были: цехъ ленточный, къ которому отнесены заведенія красильныя и ткацкія, кумачный — съ крашеніемъ и чищеніемъ суконъ и матерій и ткачествомъ; въ цехъ мѣдный причислено дѣланіе оптическихъ инструментовъ, производство жестяное и оловянное; къ цеху каретному причислены: выдѣлка обручей, бочекъ, четвериковъ; къ цеху кузнечному — дѣланіе физическихъ и математическихъ инструментовъ.

Примѣч. з. Корсака.

шленной дѣтельности. Эти поводы поражаютъ впрочемъ не одними только торговымъ и промышленнымъ законодательствомъ, но общими характеромъ администраціи, которая даетъ слишкомъ мало простора для частной дѣтельности. Въ этомъ случаѣ упрекъ, дѣлаемый Франціи за ея чрезмѣрную централизацію, чуть ли не въ большей степени прилагается къ намъ, особенно, если принять въ расчетъ различіе въ степени развитія и добросовѣстности исполнителей.»

Изъ этихъ выписокъ читатель можетъ видѣть, какихъ трудовъ и хлопотъ должно было стоить собраніе и обнародованіе статистическихъ данныхъ, сообщаемыхъ русской публикѣ г. Корсакомъ, и какъ важнъ «Статистика» Кольба въ русскомъ переводѣ.

Въ понедѣльникъ (12 марта) выйдетъ первый томъ «Сочиненій Н. А. Добролюбова». 2-й, 3-й и 4-й томы приготовлены къ печати, и явятся въ свѣтъ одинъ за другимъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

Цѣна за 4 тома 5 р., съ пересылкою 6 р. сер.

Третій томъ «Всеобщей Исторіи Шлоссера» выйдетъ черезъ полторы недѣли.

Газета «Вѣкъ», совершенно преобразовалась. Сама она объясняетъ эту перемену пока въ слѣдующихъ словахъ:

«Съ 5—6 № «Вѣка» переименованы шрифтъ, форматъ и бумага, — и вообще все изданіе этого журнала основано на новыхъ началахъ, о чемъ въ непродолжительномъ времени будетъ объявлено особо.

«Въ преобразованномъ вновь «Вѣкѣ» принимаютъ постоянное участіе слѣдующія лица:

«Аристовъ Н. Я., Арсеньевъ К. К., Афанасьевъ (Чужбинскій) А. С., Бибииковъ П. А., Боклевскій П. М., Головачевъ А. Ф., Горбуновъ И. Ф., Думшинъ Г. Д., Европеусъ А. И., Елисеевъ (Грышко) Г. З., Курочкинъ В. С., Курочкинъ Н. С., Лѣсковъ Н. С., Максимовъ С. В., Микѣшинъ М. О., Мулловъ П. А., Начипоренко А. И., Помяловскій Н. Г., Потѣхинъ А. А., Потѣхинъ Н. А., Тихановичъ В. Г., Серно-Соловьевичъ Н. А., Степановъ Н. А., Стопановскій М. М., Унковскій А. М., Успенскій Н. В., Шелгуновъ Н. В., Щаповъ А. П., Энгельгардъ А. Н.»

Мы имѣемъ полное убѣжденіе въ томъ, что писатели, сдѣлавшіеся постоянными сотрудниками новаго «Вѣка» одушевлены самою живою заботою о газетѣ, преобразованной при ихъ содѣйствіи.

Два первые номера новаго «Вѣка» даютъ намъ право ожидать, что онъ будетъ полезнѣйшимъ изъ нашихъ дешевыхъ изданій.

УРАВНЕНІЕ ПОЗЕМЕЛЬНАГО НАЛОГА

И РАСПРЕДѢЛЕНІЕ НАШИХЪ ПОДУШНЫХЪ И ОБРОЧНЫХЪ СБОРОВЪ ПО ЗЕМЛѢ.

I.

Между нашими финансистами въ ходу мысль о переложениі прямыхъ налоговъ на землю; съ нею вѣжется и еще нѣсколько другихъ вопросовъ, такъ напримѣръ, объ устройствѣ оброчной подати, ея выкупъ и т. д.; носятя даже смутные слухи о кадастрѣ. Россію предлагаютъ кадастрировать! Все это вызываетъ насъ на нѣкоторыя соображенія о существующихъ способахъ уравненія прямыхъ налоговъ по землѣ, и о томъ значеніи, которое можетъ имѣть у насъ самая мысль такого уравненія.

Установленіе прямыхъ налоговъ для общихъ государственныхъ расходовъ почти вездѣ составляетъ весьма позднее финансовое явленіе. Еще не такъ далеко то время, когда центральная власть съ ея фискомъ содержалась доходами отъ коронныхъ земель и косвенными сборами, основанными на правѣ регалій. За тѣмъ прямой налогъ сталъ являться мало по малу въ видѣ временной, чрезвычайной мѣры, по случаю особыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находилось то или другое государство. Чрезвычайность этой мѣры доказывалась тѣмъ, что правительство каждый разъ созывало сословія, чувствуя необходимость испрашивать согласія ихъ на то.

Такіе случаи становились съ ходомъ времени все чаще и чаще, до тѣхъ поръ, пока прямой налогъ не получилъ характера постоянной подати. Извѣстно, что установленіе этого рода налоговъ почти вездѣ совпадало по времени съ введеніемъ регулярныхъ войскъ, которое, съ другой стороны, сопровождалось быстрымъ ростомъ государственнаго долга. Эти двѣ статьи государственнаго бюджета, долги и войско,

стали поглощать наконецъ повально во всѣхъ странахъ Европы $\frac{2}{3}$ государственныхъ средствъ, и постоянное усложненіе прямыхъ налоговъ стало для финансовой практики неоспоримой аксіомой фискальнаго благосостоянія. Въ странахъ, гдѣ военное искусство не составляетъ, по какимъ бы то ни было причинамъ, главнаго основанія политическихъ надеждъ и гражданской централизаціи, напр. въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, — прямые налоги въ пользу государственнаго фиска составляютъ лишь чрезвычайное средство, которое не входитъ въ текущій бюджетъ, Обыкновенные государственные расходы покрываются почти исключительно внѣшнимъ таможеннымъ сборомъ и доходомъ отъ продажи казенныхъ земель.

Но въ Европѣ невозможна американская система бюджета, и прямые налоги особенно разнообразны въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ наиболѣе запутаны финансовыя дѣла. Такъ въ Австріи эта статья доведена до утонченнѣйшихъ усложненій, между которыми выпускъ бумажныхъ денегъ съ постояннымъ банкротствомъ составляетъ очень оригинальный видъ налога на доходъ. Развиваются прямые налоги и во Франціи, Пруссіи; даже въ Англіи, независимо отъ ряда подоходныхъ таксъ, покрывающихъ издержки на мѣстное благоустройство и управленіе, независимо отъ старой *land tax*, общій подоходный налогъ превратился изъ чрезвычайнаго средства—въ обыкновенное и постоянное. Прямой налогъ необходимъ въ Европѣ—это аксіома, въ которую твердо вѣрять всѣ правительственные камеры-листы.

Самымъ главнымъ источникомъ прямого налога служить поземельная собственность, и для уравнительной раскладки поземельнаго налога финансовая практика представляетъ два способа: одинъ, необыкновенно долгій и сложный, основанъ на правильномъ *кадастрѣ*; другой состоитъ въ сокращенныхъ приемахъ оцѣнокъ реального дохода, основанныхъ преимущественно на показаніяхъ самихъ лицъ, доходъ которыхъ подлежитъ налогу.

Матеріаломъ для поучительныхъ заключеній относительно системы кадастра послужить для насъ примѣръ Франціи и Западной Пруссіи. Сокращенный способъ принять въ Англіи и Сѣверной Америкѣ.

II.

Кадастръ, какъ и все въ исторіи, имѣлъ свои ступени усовершенствованія, или, выражаясь по-нѣмецки, свои послѣдовательные моменты заблужденій. Но они смѣнялись очень медленно. То, что могло быть понято въ кадастрѣ съ-разу, даже безъ практическихъ испытаній,

приводилось въ ясность только вслѣдствіе неоднократныхъ тяжелыхъ опытовъ, значительныхъ тратъ денегъ и времени. Такъ что вообще въ исторіи нелѣпостей мы затруднимся указать примѣръ выдумки, которая бы держалась упорнѣе, не смотря на явную несостоятельность ея.

Задача кадастра состоитъ въ опредѣленіи поземельнаго дохода, чтобы можно было уравнивать сообразно ему поземельный налогъ. Доходъ этотъ долженъ былъ опредѣляться по кадастру посредствомъ научныхъ выкладокъ. Между тѣмъ нельзя было не сознавать съ самаго начала, что опредѣлить хотя съ приблизительною точностью поземельный доходъ научнымъ порядкомъ трудно даже на одномъ участкѣ. Тѣмъ труднѣе казалось бы могъ такой доходъ быть опредѣленъ въ цѣлой странѣ. Не говоря уже вообще о недостаткахъ научныхъ вычисленій дохода, должно было броситься въ глаза то, что громадная масса многосложныхъ оцѣнокъ, требуемыхъ кадастромъ, не можетъ быть произведена разомъ во всѣхъ мѣстахъ, такъ что оцѣнки будутъ кончены въ различныхъ мѣстахъ разновременно, и потому въ результатѣ получится въ одномъ случаѣ оцѣнка настоящаго дохода, въ другомъ оцѣнка прошлаго, и трудно было не увидѣть, что подать не можетъ быть уравнена по доходамъ, оцѣненнымъ на разстояніи 10, 20, 30, 40 и болѣе лѣтъ. Второе: какими бы точными правилами ни были опредѣлены основанія оцѣнокъ, оцѣ не могутъ быть вездѣ произведены однимъ и тѣмъ же лицомъ, а потому въ результатѣ должны получиться оцѣнки разнородныя. Въ третьихъ, еще менѣе можно было предполагать, чтобы сдѣланные разъ оцѣнки, если бы даже допустить ихъ первоначальную правильность, могли долго служить основаніемъ уравниенія. Эти неудобства такъ ярки, что, кажется, нельзя было не предусмотрѣть ихъ съ самаго начала.

Какъ же случилось, что кадастръ примѣнялся такъ упорно,—это другой вопросъ, объясняемый особыми условіями, при которыхъ возникла и дѣйствовала система кадастра.

Система эта возникла вслѣдствіе настоятельныхъ историческихъ затрудненій; подъ вліяніемъ слишкомъ громкихъ жалобъ на неуравнительность подати, она была взята второпяхъ, какъ первое попавшееся подъ руку административное средство, которому сначала никакъ не думали придать такой сложности и такого громаднаго размѣра; но вступивъ разъ на этотъ путь, шли все далѣе и глубже въ непроходимую чащу затрудненій, думая достигнуть гдѣ нибудь цѣли. Цѣль же эта всегда была довольно ограниченная. Тутъ вовсе не имѣлось въ виду точнаго подоходнаго уравниенія подати; искали только какого нибудь уравниенія, которое на сколько нибудь облегчило бы затруднительность существующаго порядка. Сначала, какъ мы сказали,

взялись за оцѣнки не такія, къ какимъ пришли впоследствии, а гораздо болѣе скорыя и смѣлыя, полагая, что дѣло кончено будетъ быстро и не потребуетъ много труда. Оцѣнивали въ данной мѣстности на скорую руку нѣсколько пунктовъ и къ нимъ приравнивали другіе, обращались къ статистикѣ и при помощи ея опредѣляли доходъ цѣлыхъ округовъ по аналогіи. Только когда не удалось такіе приемы, пришли къ подробному или участковому кадастру, на который истрачено было столько труда, времени и денегъ и въ которомъ завязли безысходно.

Но на этомъ пути отъ самыхъ простыхъ до самыхъ сложныхъ опытовъ кадастра, въ основаніи его долго удержалась сгѣшная цѣль, съ которою начаты были первыя попытки кадастраціи: кадастръ долженъ былъ приблизительно опредѣлить правильное отношеніе доходовъ отдѣльныхъ владѣній между собою, не касаясь дѣйствительной вѣрности самихъ нормъ дохода, и сущность самаго приема кадастровыхъ операцій основывалась всегда на опредѣленіи относительнаго дохода по сравненію однихъ участковъ съ другими. На основаніи такихъ сравненій выводилась въ результатѣ лѣстница владѣній, по которой раскладывалась предвзятая сумма общаго податнаго оклада.

Только впоследствии, уже забывъ фактивность кадастровыхъ оцѣнокъ, въ мѣстахъ, гдѣ кадастръ былъ принятъ по чужому примѣру, пробовали замѣнить распределеніе предвзятой суммы оклада извѣстнымъ процентомъ съ дохода.

Къ какимъ привело это результатамъ и какія должны были быть вообще послѣдствія кадастра по самой сущности системы *сравнений*, — читатель, конечно, легко могъ бы опредѣлить самъ безъ нашей дальнѣйшей помощи. Но есть вещи въ наукѣ, на которыхъ приходится останавливаться не по самой сущности дѣла, а вследствие случайныхъ обстоятельствъ, гораздо болѣе чѣмъ бы слѣдовало.

Сущность кадастра еще имѣетъ защитниковъ между нашими финансистами, потому мы невольно должны подтвердить сказанное о немъ фактами. Факты эти принадлежатъ преимущественно западной Европѣ.

И у насъ прямыхъ налоговъ было обѣщано при самоназначеніи революціи въ 1790 г. было приступлено къ установленію равномерной подати взаменъ старыхъ привилегій. Но о мѣстный подробный кадастръ былъ введенъ только въ 1821 году, была окадастрирована только половина, и весь кадастръ конченъ не былъ. И такъ, въ концѣ прошлаго вѣка, не было никакихъ основаній, которыя могъ бы представлять собою поводъ къ введенію поземельной подати. Поэтому первоначально слѣдующій способъ раскладки.

Въ основаніе была взята общая сумма чистаго поземельнаго дохода страны, считавшаяся тогда въ 1200 милліоновъ франковъ; изъ этой суммы положено было отдѣлить $\frac{1}{5}$ часть въ доходъ центральнаго фиска и кромѣ того часть, равняющуюся 25% съ этой $\frac{1}{5}$ на мѣстныя потребности, что должно было доставить въ итогѣ 240 милліоновъ франковъ въ пользу государственной казны и 60 милліоновъ франковъ на мѣстныя нужды.

Эту сумму требовалось распредѣлить по доходамъ. Прежде всего нужно было распредѣлить общій итогъ поземельнаго сбора по департаментамъ; но для этого не было положительной мѣрки. Лучше ничего не могли придумать, какъ вернуться за этими данными къ старому, только-что разбитому порядку и опредѣлить департаментскія доли, примѣняясь къ старой системѣ податей. Такимъ образомъ департаменты узнали каждый свою цифру, но главная трудность оставалась все-таки впереди. Чтобы уравнивать поземельную подать внутри департаментовъ, нужно было распредѣлить департаментскія суммы по отдѣльнымъ округамъ, общинамъ и владѣніямъ. Но для этого опять не было никакихъ данныхъ, и дѣло устроили безъ точныхъ основаній. Въ первые годы революціи жалобы на неравномѣрность распредѣленія умѣрялись возможностью уплачивать подать ассигнаціями. Но съ возобновленіемъ уплаты податей звонкой монетой, жалобы стали слишкомъ сильны. Пробовали предоставлять владѣльцамъ право доказывать несоразмѣрность своихъ долей въ сравненіи съ сосѣдями, но это право было сопряжено съ такими расходами и формальностями, что пользоваться имъ на дѣлѣ было невозможно. Пытались помочь дѣлу сокращеннымъ кадастромъ. Оцѣнивали въ нѣсколькихъ общинахъ доходъ съ жилищъ, по ихъ наемной цѣбѣ, и общій приблизительный доходъ цѣлыхъ владѣній не входя въ отдѣльную оцѣнку полей, луговъ и лѣсовъ, — и къ этой оцѣнкѣ приравнивали остальные части департамента; но и это оказалось безуспѣшно.

Тогда-то остановились на мысли о неизбежности участковаго кадастра. Но и здѣсь, для скорости, подробный кадастръ былъ признанъ необходимымъ только въ отношеніи къ распредѣленію подати внутри департаментовъ, а прежняя раскладка контингентовъ по департаментамъ была признана достаточно соответствовавшею требовавшимъ уравненія. Зная, на какихъ основаніяхъ были расчисланы прежде эти контингенты, — нечего удивляться, что правительство реставраціи, вслѣдствіе жалобъ департаментовъ на неправильность раскладки, немедленно приступило къ пересмотру департаментскаго распредѣленія. Въ 1817 г. были назначены особыя комиссіи для такого пересмотра. Данными для нихъ должны были служить арендные договоры, купчія крѣпости и свѣдѣнія, отчасти выработанныя уже начатыми кадаст-

ромъ. Но дѣятельность этихъ комиссій кончилась тѣмъ, что въ 1821 г. было признано достаточнымъ — распредѣлить по сокращенному кадастру доли, слѣдующія не только на департаменты, но также и внутри департаментовъ на отдѣльные округа, кантоны и общины, такъ что подробный кадастръ долженъ былъ служить основаніемъ лишь для распредѣленія разсчитанныхъ уже такимъ образомъ окладовъ на отдѣльныя владѣнія. Эта система уравнинія осталась неизмѣнною до сихъ поръ.

А между тѣмъ подробный кадастръ производился своимъ чередомъ и къ сороковымъ годамъ достигъ, къ общему восторгу, благополучнаго окончанія. Но результаты его съ самаго начала уже оказывались весьма странными.

Еще въ 1817 г., когда не была окончена еще и $\frac{1}{3}$ часть кадастра, оказалось, при сравненіи стараго распредѣленія съ результатами кадастра, что между тѣмъ, какъ податныя доли опредѣлялись для всей Франціи среднимъ числомъ въ 16% чистаго дохода, департаментскіе оклады колебались между 9 и 27% дохода. Примѣняя ту же неточность къ распредѣленію по округамъ, общинамъ и т. д., можно понять, къ какому уравнинію должна была приводить старая система. Оказывалось, что существовали рядомъ владѣнія, изъ которыхъ одно несло подать, равнявшуюся болѣе чѣмъ половинѣ своего дохода, а другое лишь $\frac{1}{60}$ часть. Но вотъ былъ конченъ подробный кадастръ. Казалось, всего естественнѣе было исправить по его результатамъ эти несообразности распредѣленія въ окладахъ по департаментамъ и округамъ; но попытки этой не было сдѣлано. Дѣло въ томъ, что лучшіе представители финансоваго дѣла мало довѣряли результатамъ подобнаго кадастра и слѣдовательно мало вѣрили въ возможность произвести болѣе успѣшное уравниніе по его даннымъ. Оно было и довольно трудно, потому что участковый кадастръ, едва примѣненный къ распредѣленію окладовъ по отдѣльнымъ владѣніямъ, вызывалъ жалобы на неуравнительность. Громадный трудъ, стоившій столькихъ лѣтъ и столькихъ милліоновъ, пропалъ совершенно безъ всякаго успѣха и сами ученые произнесли рѣшительный судъ надъ нимъ. Вотъ слова, которыми почтилъ кадастръ одинъ изъ самыхъ умѣренныхъ финансистовъ Франціи. «Мы думаемъ, что правительство должно поискнуть извилистый и безвыходный путь, по которому шло 32 года, должно выйти изъ этого лабиринта, на который растратило 130 милліоновъ. Мы должны сказать, что почти всѣ финансовыя чиновники считаютъ кадастръ дѣломъ пустымъ и напраснымъ».

Французскимъ правительствомъ былъ начатъ подробный кадастръ къ Западной Пруссіи, во время владычества Франціи надъ прусскими провинціями и впоследствии времени приведемъ къ окончанію

новымъ правительствомъ. Здѣсь примѣненіе его къ поземельной подати было произведено уже на другомъ и, повидимому, болѣе рациональномъ основаніи. Общая сумма поземельной подати не была опредѣлена напередъ и потомъ распредѣлена на основаніи оцѣнокъ, какъ во Франціи, а наоборотъ, подать эта была опредѣлена въ видѣ однообразнаго процента съ доходовъ, опредѣленныхъ кадастромъ. Можно было, кажется, ожидать и болѣе успѣшныхъ результатовъ всей операціи, чѣмъ во Франціи. На дѣлѣ вышло не такъ. Оказалось, что величина долей, пришедшихся на двѣ провинціи, Рейнскую и Вестфальскую, по новому расчету осталась почти та же самая, какая существовала и до сихъ поръ; вся разниа состояла въ томъ, что доля Вестфалии была убавлена на 2⁰/₀ и почти на столько же увеличена доля Рейнской провинціи. Немногимъ значительнѣе оказалась разниа и въ окладахъ, упавшихъ по новому расчету на отдѣльные округа; разниа эта вообще не достигала 10⁰/₀ противъ прежнихъ окладовъ и только въ одномъ округѣ равнялась 18⁰/₀. Напротивъ того, различіе оказалось гораздо разительнѣе въ окладахъ, пришедшихся на отдѣльныя владѣнія; здѣсь оно достигало часто 40 и 50⁰/₀.

Различія эти, конечно, еще не доказывали правильности самаго кадастра; они приводили только къ тому убѣжденію что каковы бы ни были въ сущности, справедливы или нѣтъ, результаты кадастра, операція эта могла имѣть вліяніе лишь на окладъ отдѣльныхъ владѣній; этотъ фактъ невольно приводилъ къ изслѣдованію самаго порядка кадастровой операціи и здѣсь находилъ свое прямое разъясненіе.

Вникая въ самый порядокъ подробной кадастраціи, можно было разрѣшить вопросъ довольно просто. Существенная и вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно ложная черта кадастраціи, какъ мы сказали уже, состояла въ томъ, что ею опредѣлялся не положительный поземельный доходъ, а сравнительная доходность земель по тѣмъ общимъ даннымъ, которыя были подъ рукою; сообразно такой сравнительной доходности производилась классификація земель и высчитывалась относительная цифра дохода по каждому владѣнію. Вся операція видимо держалась на сравненіи однихъ угодій съ другими, потому результаты ея могли быть ощутительны лишь тамъ, гдѣ было возможно самое сравненіе, то есть на пространствахъ всегда незначительныхъ. Возможнѣе всего было это сравненіе между владѣніями отдѣльныхъ общинъ; оно здѣсь и оказало свое дѣйствіе. Гораздо труднѣе уже было сравненіе цѣлыхъ округовъ и, наконецъ, положительно невозможно относительно цѣлыхъ провинцій, — невозможно потому, что и при сліченіи двухъ соседнихъ угодій, кадастраторъ болѣею частію не имѣлъ возможности принять въ расчетъ всѣхъ условій въ пользу и во вредъ того

и другого изъ владѣній, такъ что и тутъ отношеніе доходности установилось порядкомъ недостаточнымъ, между тѣмъ какъ дѣйствительный доходъ земель опредѣляется условіями весьма измѣнчивыми, разнообразными и случайными. Но какъ ни шатко здѣсь такое сличеніе земли, оно по крайней мѣрѣ возможно на самомъ мѣстѣ. Сличеніе же большихъ пространствъ, округовъ или цѣлыхъ провинцій, возможно лишь на бумагѣ, и чѣмъ дальше будемъ проводить этотъ порядокъ сличенія, тѣмъ оно будетъ отвлеченнѣе, тѣмъ чаще будетъ встрѣчаться съ данными, совершенно несоразмѣрными, и кончится тѣмъ, что пропадетъ всякая возможность сличенія.

Невозможно сличеніе отдаленныхъ мѣстностей и потому, что кадастръ долженъ былъ производиться одновременно въ различныхъ мѣстахъ различными партіями кадастраторовъ, изъ которыхъ каждая знаетъ только свой участокъ.

Этому старались помочь — учреждая нѣсколько инстанцій повѣрочныхъ комиссій, соотвѣтственно инстанціямъ административнаго дѣленія. Комиссіи эти занимались сравненіемъ и повѣркой выводовъ первоначальныхъ кадастраторовъ. Кончивъ свое дѣло, низшія комиссіи передавали дѣло въ высшую, для дальнѣйшаго сличенія. Такимъ порядкомъ думали помочь недостатку единства кадастровой онераціи въ при-рейнскихъ провинціяхъ. Результатъ дѣятельности комиссій былъ тотъ, какого и слѣдовало ожидать: дѣятельность всякой высшей комиссіи все ближе и ближе приходила въ соприкосновеніе съ общими итогами окладовъ, наконецъ центральная комиссія имѣла уже прямо дѣло съ общей суммой поземельной подати. Не имѣя возможности производить дѣйствительныхъ повѣрокъ и измѣненій, за недостаткомъ положительныхъ данныхъ, комиссіи естественно сходили къ округленію итоговъ, сообразному съ старыми окладами. Такъ въ результатѣ дѣло и пришло само собой къ тому, что для провинцій оклады остались почти тѣ же. Но ровно ничего все-таки нельзя было не измѣнить, нашлось и основаніе къ измѣненію: вестфальскіе владѣльцы жаловались на отяготительность ихъ окладовъ, въ сравненіи съ Рейнскою провинціею; поэтому уменьшили общую сумму налога въ Вестфалии на 20%. — Такимъ образомъ прусская система пришла къ тѣмъ же результатамъ, какъ и французская: думая опредѣлить подать въ видѣ известнаго уравнительнаго процента съ дохода, она только распредѣлила старыя оклады по отдѣльнымъ владѣніямъ. Въ томъ и заключается главный комизмъ кадастра, что онъ движется по двумъ путямъ, одинаково ложнымъ: соединяетъ оцѣнки произведенныя разными лицами въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время и потому лишенная единства, и съ тѣмъ вмѣстѣ руководится предвзятою цифрою общаго итога поземельной подати.

Подать, разсчитанная по кадастру въ Западной Пруссіи, вышла въ сущности той же французской податю распрѣдѣленія,—это подтвердилось немедленно, по окончаніи кадастра, собственнымъ сознаніемъ правительства. Сословія жаловались, что цѣны на хлѣбъ, взятые въ основаніе кадастра по среднему расчету 1760—1819 г., были слишкомъ высоки; на это отвѣчали, что кадастровыя оцѣночныя цифры не цифры дѣйствительныя, а лишь относительныя, выражающія собой лишь взаимное отношеніе доходности отдѣльныхъ угодій. А по такому отношенію можно, конечно, распрѣдѣлить только предвзятую цифру оклада. Давая такой отвѣтъ, правительство забывало, что главною цѣлью предпринятой имъ кадастраціи было не распрѣдѣленіе, а установленіе поземельной подати въ видѣ процента съ опредѣленныхъ доходовъ.

Изъ такого поучительнаго факта слѣдовало, что установленіе равномѣрной подати, разсчитанной въ видѣ извѣстнаго процента съ дохода, на основаніи кадастра невозможно, потому что кадастромъ опредѣляется не дѣйствительный доходъ, а лишь взаимное отношеніе доходности, и не зная настоящихъ цифръ дохода, нѣтъ возможности опредѣлить, какая подать можетъ быть обременительна и какая нѣтъ.

Вся система кадастра сводится къ одному *распрѣдѣленію* данной подати.

Но и съ этой стороны результаты кадастра въ Пруссіи были столь же неудовлетворительны, какъ и во Франціи.

Прежде всего оказалось, что самая пропорціональность кадастровыхъ цифръ была настолько же невозможна, насколько невозможна была и положительная вѣрность этихъ цифръ, по очень простой причинѣ. Не говоря уже о томъ, что кадастръ производился въ разныхъ мѣстахъ разными лицами, слѣдовательно подъ вліяніемъ различныхъ началъ и взглядовъ; не говоря о трудности провести до конца пріемъ сравненія по обширности и отдаленности мѣстностей, было совершенно упущено изъ виду, что онъ производился въ разныхъ мѣстахъ въ разное время, когда измѣнялись уже и цѣны, и хозяйственныя условія, такъ что въ сущности постоянно приходилось сравнивать прошедшее съ настоящимъ и устанавливать отношенія по даннымъ, принадлежащимъ различнымъ срокамъ. Опредѣляемое такимъ образомъ отношеніе во всякомъ случаѣ должно было быть ложно.

Такъ несостоятеленъ оказался со всѣхъ сторонъ кадастръ, даже на такомъ незначительномъ пространствѣ, какъ Западная Пруссія, занимающая не болѣе 845 квадр. миль, то есть не болѣе нашей Минской губерніи. Ясно, что въ примѣненіи къ большимъ пространствамъ неудобства кадастра должны оказаться еще болѣе рельефными. Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе. Какъ бы ни была вѣрно произведена кадас-

тровая оцѣнка въ данную минуту, остается спросить, какъ долго можно будетъ рассчитывать на ея точность. Доходъ съ земель мѣняется, какъ извѣстно, почти такъ же быстро, какъ и доходъ отъ промысловъ, и самое короткое время вносить совершенную путаницу въ самый правильный кадастръ.

Остается одно средство — это періодическая повѣрка кадастра; но она столько же трудна, какъ и первоначальный кадастръ. Мы замѣтили, что результаты кадастра должны быть тѣмъ печальнѣе, чѣмъ больше страна, къ которой онъ примѣняется. Оно такъ и вышло. Самое большое государство изъ всѣхъ пытавшихся кадастроваться, — Австрія, — не могло въ теченіе 60 лѣтъ не только кончить кадастра, но даже остановиться наконецъ на какомъ нибудь изъ придуманныхъ приѣмовъ кадастраціи.

Кадастръ пробовали примѣнять и у насъ.

При учрежденіи министерства государственныхъ имуществъ въ 1837 году, высочайше повелѣно было подати, собираемая съ государственныхъ крестьянъ, привести въ соразмѣрность съ выгодами, какія получаются ими отъ земли и промысловъ; въ 1842 году былъ оконченъ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ и представленъ на высочайшее утвержденіе проектъ о кадастрѣ подъ названіемъ положенія объ устройствѣ *оброчной подати*. Какія были послѣдствія этого положенія, которое, какъ видно изъ самаго названія его, имѣло цѣлю уравнять одну лишь оброчную подать, а потому не вполне соответствовало вышеприведенному высочайшему повелѣнію, намъ неизвѣстно. Все кадастровое дѣло наше было начато министерствомъ государственныхъ имуществъ, и документы его до сихъ поръ таятъ въ бумагахъ этого министерства. Официально извѣстно только (изъ Свода Законовъ и Обзора дѣйствій департамента сельскаго хозяйства за десять лѣтъ, изъ отчетовъ министра государственныхъ имуществъ и изъ статистическихъ свѣдѣній, изданныхъ министерствомъ государственныхъ имуществъ), что у насъ примѣнены объ системѣ кадастра, для устройства податей государственныхъ крестьянъ. Въ западныхъ губерніяхъ произведена люстрація, при чемъ исчисленъ валовой доходъ отъ земли каждаго казеннаго селенія, и $\frac{1}{3}$ этого дохода обращена въ доходъ казны въ видѣ оброка. Независимо отъ этой системы, въ великороссійскихъ губерніяхъ производилось уравненіе существовавшихъ уже сборовъ. Для этого особо въ каждой губерніи оцѣнялись земли и промыслы государственныхъ крестьянъ, выводился чистый отъ нихъ доходъ въ каждомъ селеніи и по этимъ доходамъ распредѣлялась между селеніями губерніи сумма оброчной подати, взымавшаяся до того по душевой раскладкѣ.

Кадастръ министерства государственныхъ имуществъ начатъ былъ,

какъ извѣстно, лишь въ видѣ опыта. Окончательное же утвержденіе проекта положенія объ уравненіи податей въ общемъ законодательномъ порядкѣ было отложено до того времени, пока опытъ оправдаетъ пользу и удобопримѣнимость начатыхъ улучшеній. Весьма вѣроятно; что опытъ не оправдывалъ ни пользы, ни удобопримѣнимости начатого. По крайней мѣрѣ достоверно извѣстно, что означенное положеніе до сихъ поръ не удостоилось окончательной конфирмаціи. Но великороссійскимъ губерціямъ министерство государственныхъ имуществъ опубликовало нѣкоторые статистическія данныя, собранныя при кадастрѣ, но окончательные результаты раскладки неизвѣстны. Несмотря на то, по однимъ примѣрамъ другихъ государствъ, гдѣ было все-таки гораздо болѣе способовъ къ собранію нужныхъ для оцѣнокъ свѣдѣній, и также по нѣкоторымъ другимъ даннымъ и слухамъ, мы можемъ опредѣлить послѣдствія, которыя имѣла бы у насъ проба кадастра. Въ теченіе двадцати и болѣе лѣтъ было бы окадастровано примѣрно двадцать губерній, и при разсмотрѣніи результатовъ кадастра оказалось бы, что податные проценты съ дохода по разнымъ губерціямъ вышли крайне несоразмѣрны и невыгодно отразились на благосостояніи и богатствѣ отдѣльныхъ губерній. Такъ на примѣръ, можетъ быть, что податные проценты съ доходовъ въ Курской губерціи вышли бы гораздо выше, чѣмъ въ Смоленской, Смоленская губерція оказалась бы богаче Курской, земли ея лучше и доходнѣе. Отсюда, для уравненія ея въ окладахъ съ Курскою слѣдовало: повысить податной процентъ въ первой и сбавить въ Курской, словомъ, увеличить подати смоленскихъ крестьянъ на счетъ курскихъ. Это обстоятельство поставило бы, конечно, правительство въ сомнѣніе насчетъ правильности окончанныхъ оцѣнокъ. Дѣла явно нельзя было бы вести впередъ безъ совершеннѣйшей повѣрки оконченной кадастраціи двадцати губерній. Вслѣдствіе этого былъ бы сформированъ повѣрочный отрядъ, который произвелъ бы свои работы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Въ результатѣ повѣрокъ вышло бы то же, что вышло и въ Пруссіи изъ податныхъ повѣрокъ и соглашеній между собою, то есть уравновѣшена была бы разница въ податныхъ процентахъ, полученная при первоначальной оцѣнкѣ между Курскою и Смоленскою губерціями. Но уравненіе это было бы столь нечувствительно, что оно могло быть совершено и безъ всякихъ вторичныхъ повѣрокъ, на основаніи одного лишь общаго соображенія объ относительномъ благосостояніи губерній. Такъ въ Пруссіи окладъ Вестфалии былъ пониженъ на 20% и на столько же повышенъ окладъ Рейнской провинціи. У насъ наибольшая сбавка пришлась, положимъ, на 10%, въ какойнибудь одной губерціи, и въ общей сложности разница въ процентахъ по губерціямъ, колебавшаяся по первымъ оцѣнкамъ, положимъ, между 10 и

30%, по соглашеніи оцѣнокъ оказалась колеблющеюся между 15 и 20%.

Въ суммѣ, стало быть, у насъ, какъ и въ Пруссіи, погѣрка имѣла бы видъ искусственнаго подведенія расчетовъ подъ предвзятія условія, — и только.

Эта система распределенія предвзятыхъ окладовъ по оцѣнкамъ была собственно испытана лишь надъ великороссійскими губерніями. Другая система, — система обращенія въ подать извѣстнаго процента съ оцѣночнаго дохода безъ данныхъ окладовъ, — была примѣнена въ западныхъ губерніяхъ подъ именемъ люстраціи. Здѣсь, въ отношеніи правильности, результаты оцѣнокъ вышли бы, конечно, одѣ и тѣ же: оцѣнки эти оказались бы крайне неравномѣрны. Но общій результатъ операціи долженъ былъ выйти еще хуже; ибо, или при самой оцѣнкѣ главнымъ желаніемъ было бы то, чтобы назначаемый процентъ дохода, обращааемый въ подать, непременно составилъ общію податную сумму, или этотъ процентъ могъ быть назначенъ впослѣдствіи въ такомъ размѣрѣ, который для опредѣленнаго заранее размѣра подати потребовалъ бы отъ поземельнаго дохода размѣра *невозможнаго*, позволилъ ему заставить поземельный доходъ выдержать условный размѣръ подати или, наконецъ, если бы даже оцѣнки и производились и были приняты въ основаніе налога безъ всякаго соображенія съ предвзятымъ общимъ итогомъ подати, онѣ, сами собою, вслѣдствіе личнаго взгляда оцѣнщиковъ могли бы выдти крайне неравномѣрны, то есть ниже — въ богатыхъ мѣстностяхъ, и несоразмѣрно выше — въ бѣдныхъ. Такъ, напримѣръ, въ Витебской губерніи — пришлось бы платить съ десятины гораздо болѣе, чѣмъ въ Виленской, которая значительно богаче первой; подать распредѣлилась бы не по доходу, а въ обратной пропорціи къ зажиточности.

Такъ эта система оказалась бы еще произвольнѣе первой, давала возможность повышать и понижать оцѣнки подъ влияніемъ личныхъ соображеній оцѣнщиковъ.

Можетъ быть результаты, добытые кадастрами министерствомъ государственныхъ имуществъ, были успѣшнѣе тѣхъ, которые мы только-что изложили; но пока это остается недоказаннымъ, мы имѣемъ полное право сомнѣваться въ этомъ.

Такія-то послѣдствія долженъ былъ бы имѣть у насъ кадастръ въ случаѣ примѣненія его къ общему податному вопросу. Потянулись бы десятки лѣтъ безплодной работы; къ издержкамъ казны прибавилась бы новая громадная статья расхода, которая пала бы новой тяжестью на личный трудъ крестьянъ, — и все это для того, чтобы повторить у насъ исторію, которой такъ долго морочили почти всю Европу.

III.

Въ Англіи поземельная подать въ пользу центрального фиска обратилась такъ же, какъ и въ другихъ мѣстахъ, въ постоянный налогъ; но особія условія, на которыхъ организована въ этой странѣ администрація, и особое устройство самой финансовой системы дали тамъ вопросу о поземельной подати возможность разрѣшиться иначе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ.

Въ Англіи, хотя не столь ясно, какъ въ Сѣверной Америкѣ, поняли, что дѣйствительная связь, организующая население государства въ одно цѣлое, держится не на механическомъ единствѣ, что государственное единство зависитъ не отъ возможности покрыть изъ конца въ конецъ страну одной сѣтью властей и учреждений, составляющихъ непосредственное продолженіе центрального административнаго узла, — что напротивъ государственная связь основывается на положительныхъ интересахъ, соединяющихъ отдѣльныя лица, и на единствѣ ихъ чувствъ.

Въ числѣ этихъ условій первое мѣсто занимаетъ довольство жителей того или другаго округа своимъ мѣстнымъ управленіемъ, а это зависитъ отъ ихъ права вліять на ходъ своей мѣстной администраціи, предназначать свои деньги на предметы собственнаго благоустройства и распоряжаться ими по собственному усмотрѣнію.

Всѣ эти преимущества въ Англіи устроены въ пользу однихъ поземельныхъ собственниковъ, чего мы, конечно, не защищаемъ: но здѣсь рѣчь идетъ не о тѣхъ частныхъ формахъ, въ которыхъ устроилось здѣсь начало такъ-называемой административной децентрализаціи, а только о самомъ «началѣ».

Въ силу этого начала значительная доля поземельнаго сбора въ видѣ подоходной подати вѣдалась издавна и вѣмается до сихъ поръ въ Англіи внутри отдѣльныхъ графствъ и общинъ самимъ мѣстнымъ населеніемъ, въ томъ размѣрѣ, въ которомъ признавалась и признается нужнымъ, и употребляется на содержаніе мѣстнаго управленія, церкви, мостовъ, дорогъ, на содержаніе бѣдныхъ, и т. п. Сборы эти не входятъ въ государственный бюджетъ, устанавливаются, взимаются и расходуются безъ всякаго участія и контроля центральной власти.

Почти такимъ же порядкомъ собирается мѣстная подоходная подать внутри отдѣльныхъ общинъ каждаго штата Сѣверной Америки, вовсе не входя въ бюджетъ штата; разница только та, что мѣстные расходы въ Сѣверной Америкѣ распределяются на предметы болѣе широкихъ общественныхъ нуждъ, гораздо раціональнѣе и основательнѣе, чѣмъ въ Англіи; главная доля мѣстныхъ расходовъ предна-

значается тамъ на народное образованіе, на постройку дорогъ и прочіе предметы общественнаго благоустройства, то есть такіе предметы, которые прежде всего служатъ тѣсному сближенію людей и должны составлять главное основаніе истиннаго единства. Управление въ собственномъ смыслѣ слова поглощаетъ весьма незначительный процентъ мѣстныхъ сборовъ. Въ Англіи это несовѣмъ такъ, хотя и въ ней главные расходы не идутъ собственно на управленіе; какъ бы то ни было, въ Англіи на ряду съ общей поземельной податью издавна существовала мѣстная подоходная подать, которою и покрывается значительная часть расходовъ на управленіе. Этотъ мѣстный сборъ въ Англіи и княжествѣ Валійскомъ составляетъ около 12 милл. ф. ст., изъ которыхъ поземельная собственность оплачиваетъ около 9 милл. ф. ст. или 57 милл. р. сер. съ пространства 2742 квадр. милл. и съ 18 милл. жител., то есть около 20,000 рублей съ милн и 3 рублей съ души. Между тѣмъ въ Западной Пруссіи всего поземельнаго сбора приходится не болѣе 5,500 р. на квадратную милю и 1 р. 40 коп. на душу.

Когда же общая государственная казна почувствовала надобность въ прямомъ налогѣ на собственность, то установили, въ видѣ чрезвычайной мѣры, подоходную подать. Это имѣло нѣкоторыя удобства: сюда входила въ сущности и поземельная подать, но къ ней присоединялась подать съ другихъ доходовъ. Это казалось и прибылнѣе и справедливѣе, и кромѣ того для распредѣленія ея не нужно было прибѣгать къ новымъ сложнымъ оцѣночнымъ операціямъ; для основанія распредѣленія могла служить существующая таксація доходовъ для мѣстныхъ сборовъ. Такъ была установлена подоходная подать (income-tax) по случаю войны съ Наполеономъ.

Прекращенная въ 1816 году съ водвореніемъ мира, она была возобновлена въ 1842 г. и съ тѣхъ поръ постоянно увеличивалась до 1857 года; въ этомъ году она давала болѣе 15 милл. ф. стер. — Въ слѣдующемъ году она была понижена на половину.

Она по ходу вещей, должна войти въ разрядъ постоянныхъ налоговъ, хотя въ настоящее время и составляетъ еще какъ бы только чрезвычайный дополнительный ресурсъ фиска.

Не касаясь болѣе обстоятельствъ income-tax, скажемъ нѣсколько словъ о системѣ, сущность которой заключается въ мѣстныхъ сборахъ.

Прежде всего съ этой системой децентрализаціи, какъ доказываются вышеприведенными цифрами, связана возможность повышать податной процентъ до извѣстной степени, не возбуждая такихъ жалобъ со стороны платящихъ, какъ при центральной подати. Есть большая разница въ томъ, платится ли взносъ на непосредственныя и

дѣйствительныя нужды платящаго или на расходы; ему неизвѣстныя и совершенно чуждыя. Важнѣйшее въ центральный налогъ состоитъ именно въ томъ, что онъ идетъ не на дѣйствительныя потребности платящаго. Мы не хотимъ сказать, чтобы англійская система мѣстныхъ налоговъ уравнивала податную повинность каждаго, соразмѣрно тѣмъ выгодамъ, которыми онъ пользуется. Нѣтъ, система эта только болѣе приближаетъ общественныя расходы къ мѣстнымъ нуждамъ. Рациональностью расходовъ она болѣе способствуетъ благоустройству. Притомъ она не требуетъ ни той траты времени, ни тѣхъ денегъ, какъ система кадастра. Если французскій кадастръ длился 40 лѣтъ; то легко представить, сколько потребовалъ бы времени кадастръ въ Россіи, между тѣмъ какъ англійская система переоцѣнокъ повторяется ежегодно. Наконецъ, не выходя изъ предѣловъ чисто формальнаго уравненія сбора, она значительно упрощаетъ операцію уравненія, врядъ ли можетъ доводить распредѣленіе до такихъ крайнихъ несообразностей, какія обыкновенны при системѣ кадастра. Такъ Типперарійское графство не можетъ оказаться доходнѣе Девонширскаго, или, что почти тоже, наша Смоленская губернія — богаче Курской, — что случается иногда при кадастрѣ.

Другое преимущество англійской системы заключается въ томъ, что при ней подать распредѣляется по оцѣнкамъ, возобновляющимся ежегодно при каждомъ новомъ сборѣ и самыя оцѣнки дѣлаются не по расчетамъ фиктивного дохода, который должна давать каждая десятина, а состоятъ въ опредѣленіи реального дохода съ каждаго отдѣльнаго владѣнія, основанномъ на показаніяхъ самихъ владѣльцевъ, недворнѣданныхъ соотвѣствующими актами, арендными договорами, купчими и проч. — Въ Америкѣ, гдѣ вся система управленія отличается необыкновенной простотой, самый механизмъ распредѣленія подати очень простъ: каждая община, занимающая пространство 10—60 квадрат. миль, съ населеніемъ отъ 3 до 12,000 жителей, для своего управленія избираетъ известное число лицъ (selectmen), которые и заведуютъ текущими дѣлами общины. Затѣмъ, по крайней мѣрѣ разъ въ годъ, собираются общинныя собранія, въ которыхъ каждый членъ общины является съ одинаковымъ правомъ голоса, независимо отъ развѣра его имущества. На этихъ собраніяхъ выборные представители общины отдають отчетъ о результатахъ управленія за истекшій годъ и происходитъ вотированіе новаго общиннаго бюджета. Распредѣленіе налоговъ производится особенными лицами, избираемыми въ каждой общинѣ на одинъ годъ; они носятъ названіе assessors. Вся сумма сборовъ, причитающаяся съ общины, какъ на ея нужды, такъ и въ пользу штата, распредѣляется этими лицами между членами общины на слѣдующихъ основаніяхъ: незначительная

часть общего оклада, следующего въ пользу штата, распределяется поголовно на каждого взрослого мужчину (poll-tax); а собственно общинный налогъ распределяется пропорціонально имуществу членовъ. Съ этой цѣлью каждый членъ общины представляетъ распределителю подробный инвентарь всего своего имущества, какъ движимаго, такъ и недвижимаго, включая сюда и денежные капиталы, отданныя въ оборотъ, акціи и вообще бумажныя цѣнности. На основаніи этихъ показаній, таксаторы производятъ оцѣнку, имѣя право возвышать ее, когда есть положительныя основанія, напримѣръ, формальныя акты, обнаруживающіе дѣйствительный доходъ того или другаго владѣльца.

Для предупрежденія утайки бумажныхъ цѣнностей и капиталовъ, банки и компаніи на акціяхъ обязаны вести реестры всѣмъ своимъ членамъ и сообщать имена ихъ съ надлежащими свѣдѣніями въ общины. Такъ оцѣнивается доходъ со всякаго рода имущества и затѣмъ налогъ распределяется на каждого члена сообразно числу долеровъ, въ какое оцѣненъ его доходъ.

Въ Англіи эта операція различается отъ американской только частностями.

Для мѣстныхъ сборовъ существуетъ въ Англіи нѣсколько отдѣльныхъ таксъ, сообразно предметамъ, на которые взимаются эти сборы: они называются county-rate, borough-rate, poor-rate, highway-rate и church-rate. Определеніемъ этихъ предметовъ и ограничивается вліяніе законодательства на мѣстные сборы, а самый размѣръ сборовъ совершенно зависитъ отъ усмотрѣнія мировыхъ судей.

Они на годовомъ или четвертномъ съѣздѣ назначаютъ собрать сумму, какаю имъ кажется нужною. Когда нарасколуется $\frac{3}{4}$ прошлаго сбора, они назначаютъ новый. Мировые судьи не подлежатъ при опредѣленіи величины сбора никакому контролю мѣстныхъ жителей и никакой отвѣтственности передъ ними. Добросовѣстность ихъ тутъ обезпечивается исключительно тѣмъ, что они главные землевладѣльцы графствъ, и потому несутъ значительную долю мѣстныхъ расходовъ, и что еще важнѣе — гласнымъ веденіемъ дѣла. Въ ряду такихъ таксъ главную долю сборовъ составляетъ такса на бѣдныхъ, и естественно, что подъ ея вліяніемъ выработался порядокъ таксаціи, который сталъ основаніемъ и для прочихъ сборовъ.

Надсмотрщики надъ бѣдными составляютъ по каждому приходу вѣдомость всѣмъ лицамъ, подлежащимъ окладу, съ обозначеніемъ валоваго и чистаго дохода каждаго лица. По вопросу, какіе предметы подлежатъ окладу, практика дала характеристическую фразу: *Visible profitable property in the parish* («видимая и дающая выгоду собственность»); подъ этимъ подразумѣвается не только недвижимая собствен-

ность, что и всё вещи, как то: орудія ремесла и производства, служащія доказательствомъ получаемаго дохода. Самая оцѣнка дохода производится на основаніи реальныхъ его признаковъ: арендныхъ договоровъ, купчихъ и т. д., и измѣняется съ каждой переѣмой въ этихъ основаніяхъ оцѣнки.

На неправильную оцѣнку подается жалоба мировымъ судьямъ на четвертныхъ сѣздахъ; а въ послѣднее время учреждены для этого спеціальныя сѣзды.

Эта оцѣнка, дѣлаемая для мѣстныхъ сборовъ, значительно облегчаетъ оцѣнку доходовъ и для общаго подоходнаго сбора, которая также производится каждый годъ вновь, и въ сущности оказывается лишь повѣркой оцѣнокъ, сдѣланныхъ для мѣстныхъ сборовъ. Предварительныя свѣдѣнія и всѣ матеріалы для нея (арендные условія, свѣдѣнія объ оцѣнкахъ на мѣстные сборы и т. д.) собираются тѣми же надсмотрщиками надъ бѣдными и доставляются особымъ чиновникомъ, учрежденнымъ въ округахъ и устанавливающимъ оцѣнку. Она сообщается каждому владѣльцу съ правомъ апелляціи въ особую коллегію изъ значительнѣйшихъ мѣстныхъ владѣльцевъ.

IV.

Таковы двѣ системы распределенія, выработанныя финансовой практикой. Если сравнивать ихъ между собою, то конечно, не можетъ быть никакого сомнѣнія, которой изъ нихъ должно быть отдано преимущество. Но сущность англійскаго способа заключается не столько въ сокращенномъ порядкѣ оцѣнокъ, сколько въ децентрализациі, самаго управленія, безъ которой такой способъ оцѣнки и невозможна. Потому онъ и принятъ меньшимъ числомъ государствъ, чѣмъ система кадастра; именно только Англіею, Америкой и въ послѣднее время Пруссіей. Система кадастра, будучи напротивъ уродливѣйшимъ порожденіемъ стремленія согласить во что бы то ни стало административную централизацію и наибольшее сосредоточеніе податныхъ суммъ въ рукахъ правительства съ податнымъ уравненіемъ, кромѣ западной Пруссіи и Франціи, введена въ нѣсколькихъ восточныхъ владѣніяхъ (Саксонія, Баварія, Бельгія и Ломбардія).

Вотъ въ общихъ чертахъ все, что представляетъ финансовая практика по вопросу, который мы разсматриваемъ. Не разрѣшая, конечно, вопроса вполне, представленные данныя позволяютъ однако сказать нѣсколько довольно опредѣлительныхъ положеній. Намъ хотѣлось бы по крайней мѣрѣ, чтобы читатель вынесъ изъ сказаннаго слѣдующія немногія убѣжденія:

1) Трудность оцѣнокъ дохода и уравненія платежей увеличивается съ увеличеніемъ пространства, подлежащаго оцѣнкамъ; поэтому оцѣнка дохода можетъ выйти сносно только при децентрализациі сборовъ и оцѣнокъ, и слѣдовательно, только при децентрализациі самаго административнаго устройства.

2) При централизациі прямыхъ налоговъ уничтожается непосредственная связь между потребностями платящихъ и тѣми статьями, на которыя расходуются сборы.

3) При центральномъ налогѣ невозможенъ никакой разумный расчетъ процента, который можетъ уплачивать та или другая мѣстность на свои мѣстные потребности, и оттого часто выходитъ, что одна мѣстность оплачиваетъ чисто мѣстные нужды другой.

Возникаетъ вопросъ: получивъ возможность децентрализациі прямаго налога на доходы, можно ли надѣяться на удовлетворительное уравненіе его?

Не трудно понять, что уравненіе, которое достигается такимъ образомъ, все-таки весьма условно и формально: назначенный сборъ взимается во всякомъ случаѣ въ видѣ известнаго процента съ единицы дохода, и при неравности доходовъ у разныхъ лицъ, тягость налога лежитъ на членахъ общины въ обратной пропорціи съ отношеніемъ ихъ дохода къ ихъ необходимымъ потребностямъ.

Такъ доходъ въ 1,000 руб., уплачивая 10%, сохраняетъ 900 р., это достаточно на безбѣдную жизнь его владѣльцу; между тѣмъ какъ отъ дохода въ 100 р., и безъ того недостаточнаго на необходимѣйшія нужды семейства, за уплатою 10%, остается сумма, съ которою семейство не можетъ прожить безъ ощутительныхъ стѣсненій.

Вопросъ объ уравненіи налога сталкивается, такимъ образомъ, съ вопросомъ объ уравненіи доходовъ и здѣсь достигаетъ геркулесовыхъ столбовъ европейской практики....

Обращаясь послѣ всего сказаннаго собственно къ нашему подытому вопросу, мы не затрудняясь можемъ опредѣлить теперь нѣкоторыя существенныя условія, соблюденіе которыхъ должно способствовать рѣшенію его къ лучшему.

При доказанномъ нами преимуществѣ мѣстнаго налога передъ центральнымъ, кажется, не можетъ быть рѣчи о сохраненіи прямаго налога въ формѣ централизованной. Децентрализованный налогъ представляется рѣшительной необходимостію у насъ, при нашемъ государственномъ пространствѣ, увеличивающемъ для насъ всѣ затрудненія централизованнаго налога сравнительно съ другими государствами, настолько же, насколько территория Россіи превосходитъ обширностію всѣ прочія.

За тѣмъ, предстоитъ опредѣлить: 1) предметы, съ которыхъ во-

жетъ быть взятъ прямой налогъ, и 2) самый порядокъ уравненія. Что касается предмета, съ котораго долженъ быть взятъ этотъ налогъ, онъ долженъ быть обращенъ преимущественно на поземельную ренту, которая вообще самый лучший источникъ для прямыхъ налоговъ. Остается, значитъ, рѣшить, какъ опредѣлить эту ренту?

Съ перваго взгляда и этотъ вопросъ, повидимому, могъ быть рѣшенъ довольно просто, и данныя для его рѣшенія какъ будто были подготовлены текущимъ порядкомъ дѣлъ. Такъ поземельная рента въ помѣщичьихъ имѣніяхъ для той доли земель, которая отведена въ надѣлъ, естественно должна была бы повидимому опредѣляться суммой установленнаго оброка; это упростило бы расчетъ ренты и съ остальныхъ земель. На этомъ основаніи могла бы довольно просто составиться въ каждой мѣстности классификація, по которой опредѣлялась бы каждымъ округомъ сумма налога, и она распределялась бы на владѣльцевъ сообразно доходу ихъ.

Если бѣ дѣло было такъ просто, то вопросъ рѣшался бы самъ собою; но въ этомъ оброкѣ, который долженъ представлять собою ренту, мы касаемся важнѣйшаго затрудненія.

Если рассчитать сумму подати въ сложности, опредѣляя податной процентъ ренты даже ниже того размѣра, въ какомъ приходится, среднимъ числомъ, нынѣшній подушный окладъ къ доходамъ съ помѣщичьихъ имѣній, то есть полагая налогъ въ $\frac{1}{8}$ ренты, то одна подать съ земель надѣла срочно-обязанныхъ крестьянъ дастъ сумму, покрывающую весь нынѣшній подушный окладъ. Такъ, даже если предположить среднюю норму оброка въ 8 р. с., то есть ниже Положенія, то оброка придется въ сложности съ 11,000,000 крестьянъ 88 милл. Раздѣленная на 8, сумма эта дастъ тѣже 11 милл., которые равняются приблизительно нынѣшнему подушному окладу бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ; кромѣ того останется еще вся часть налога, которая придется съ земель, оставшихся въ распоряженіи помѣщиковъ.

Этотъ фактъ несомнѣнно доказываетъ, что принятая норма ренты даже въ 8 р., — неимоვნно громадна. Вся оброчная подать государственныхъ крестьянъ, вмѣстѣ съ доходомъ отъ оброчныхъ статей и дѣсовъ, не достигаетъ въ сложности и 30 милл., а общій доходъ съ помѣщичьихъ имѣній не превышалъ 110 до 130 милл. Поэтому-то процентъ ренты, отнесенной на земли надѣла, 88 милл., положительное не можетъ быть выдержанъ этимъ надѣломъ. Взята здѣсь будетъ уже не рента, а нѣчто постороннее, и подать будетъ уже лежать не на землѣ, а на личномъ трудѣ крестьянъ. Вотъ почему эта норма не можетъ быть взята ни въ основаніе расчета подати, ни въ основаніе для опредѣленія ренты.

Рента должна быть повтому опредѣлена иная для всѣхъ безъ ис-

ключенія земель по дѣйствительнымъ даннымъ. Поземельный доходъ крестьянъ долженъ быть опредѣленъ внутри каждого общества и потому вычислена какъ рента съ надѣла, такъ и самый налогъ. Спрашивается, какимъ порядкомъ можетъ быть вычислена дѣйствительная рента?

Еслибъ наука въ этомъ отношеніи представляла какое нибудь прочное и удобопримѣнимое средство, то опять дѣло могло бы быть рѣшено просто. Но положительные выводы знаменитой теоріи ренты не идутъ далѣе слѣдующихъ ихъ положеній: рента равняется разницѣ между доходомъ самыхъ дурныхъ изъ обработанныхъ земель и доходомъ отъ прочихъ земель или рента, — равняется разности между доходомъ съ капитала, употребленнаго на обработку самыхъ дурныхъ земель и доходомъ съ капитала, употребленнаго на обработку прочихъ земель. Стало быть, для опредѣленія ренты по этому правилу нужно прежде всего вычислить тотъ же доходъ или ту же стоимость обработки; — то-есть въ сущности теорія не помогаетъ здѣсь дѣлу ровно ничѣмъ.

Можно было бы, пожалуй, предположить и такъ, что бывшій крѣпостной надѣлъ отдавался землевладѣльцами крестьянами за рабочія руки, которыми обрабатывалась экономическая запашка, и потому заключить, что рента съ надѣла равняется стоимости рукъ, потребныхъ для обработки тѣхъ экономическихъ земель, которыя были дѣйствительно обрабатываемы. Но крѣпостной трудъ былъ принудительный, и слѣдовательно обработка экономическихъ земель была форсированной. Дѣйствительная рента съ надѣла никакимъ образомъ не можетъ равняться той, которая была бы высчитана по такому расчету. Остаются формальныя оцѣнки. Оцѣнки эти могутъ быть сдѣланы приблизительно вѣрно лишь въ предѣлахъ тѣсныхъ мѣстностей, принятыхъ за самостоятельныя экономическія единицы. Успѣхъ ихъ требуетъ по возможностидробнаго финансоваго дѣленія. Конечно, къ этому дѣленію не подойдутъ ни наши губерніи, ни уѣзды, ни даже мировыя участки. Но это еще не препятствіе.

Какія бы возраженія ни были сдѣланы противъ новаго, болѣе дробнаго дѣленія, основанныя на разности интересовъ отдѣльныхъ сословій и относительной ограниченности одного быта и болѣе широкимъ планѣ другаго, мы готовы твердо настаивать на неосновательности всѣхъ возраженій, на одинаковомъ неудобствѣ нынѣшняго дѣленія для всѣхъ обывателей, какъ по его крупности, такъ и по его іерархической сложности, и признать возможнымъ единственнаго и болѣе мелкое дѣленіе, — возможнымъ гораздо ранѣе, чѣмъ прекратится нынѣшнее распредѣленіе продукта и совершится уравненіе дохода. Предполагивъ поэтому возможность такого дѣленія, ко-

торое допустимо бы правильность оцѣнокъ и опредѣленіе дѣйствительныхъ рентъ,—сравнивается: къ чему бы привели эти оцѣнки?

Во-первыхъ, онѣ бы показали, что не только вышѣшняя подушная подать, если бы она даже, какъ это было до 19 февраля прошлаго года, была перенесена на земли экономическія, но и подушная подать всударственныхъ крестьянъ, поземельный оброкъ которыхъ сравнительно гораздо меньше (онъ колеблется, какъ извѣстно, между 1 руб. 50 коп. и 3 руб. вер.),—словомъ, вся сумма прямого налога, какая бы надѣла ея норма, упадетъ не на ренту, а на личный трудъ крестьянъ.

По строгой точности оцѣнокъ, дѣйствительная рента противъ нынѣшняго формальнаго ея расчета сократится на 50, 70 и болѣе процентовъ. Но въ этомъ видѣ самая рента уже будетъ столь мала, что податной процентъ, который можетъ быть съ нее взыванъ, дастъ можетъ быть слишкомъ ничтожную подать, или если процентъ этотъ будетъ увеличенъ черезъ мѣру, то подать будетъ въ свою очередь переброшена на рабочія руки, и въ концѣ концовъ или подыметъ черезъ силу цѣну сельскаго продукта, или уменьшитъ земледѣліе. Экономисты, можетъ быть, не поймутъ этого, какими образомъ цѣлая значительная доля обработанной земли не представляетъ въ сущности никакой ренты. По теоріи, вѣдь въ самомъ дѣлѣ рента представляетъ разницу дохода съ самой дурной изъ обработанныхъ земель, отъ дохода прочихъ обработанныхъ земель. Но дѣло въ томъ, что эта рента положена той массой косвенныхъ налоговъ, которой обременена жизнь. Если хотите знать, гдѣ она и чему приблизительно равняется, мы готовы указать и это: она равняется 123 слишкомъ милліонамъ нѣтейнаго сбора и 9½ милл. акциза на соль.

Вотъ почему крестьянину нечѣмъ выкупать свой надѣлъ; вотъ почему сельская промышленность и жизнь остается закрѣпощенною. Пусть наши экономисты найдутъ средство вернуть эти 123 милл. рентъ въ руки крестьянъ, и тогда мы будемъ говорить съ ними объ уравненіи у насъ поземельной подати.

Такимъ образомъ, вопросъ поставленный нами съ самаго начала однимъ образомъ, теперь переставливается иначе. Мы искали нормальныхъ условій уравненія и распредѣленія прямого налога; наука и опытъ представили намъ для этого свои неоспоримыя основанія. Мы пытались примѣнить эти основанія, и здѣсь столкнулись съ фактами, противъ которыхъ, конечно, не можетъ помочь никакая теорія, какъ бы она ни была неоспорима. Въ виду этихъ-то фактовъ, пока они будутъ продолжаться, намъ, конечно, не остается ничего болѣе, какъ бросить всякую мысль объ уравненіи или какомъ либо устройствѣ у насъ прямыхъ налоговъ и заняться самыми фактами. Эти факты, скрытые для большинства, въ общихъ догадкахъ смутно

лишь чувствуемые другими, далеко не въ полной ихъ неотразимости, возбуждаютъ общественные толки къ требованію приношеній отъ той или другой части общества, вызываютъ упреки и неудовольствія, падающія на то же общество. Если бы дѣло зависѣло исключительно отъ общества, отъ его частныхъ жертвъ на общее дѣло, опять вопросъ могъ быть рѣшенъ кое-какъ. Но дѣло въ томъ, что обществомъ принесены уже всѣ жертвы, которыя могли быть съ него взысканы при текущемъ устройствѣ экономическихъ отношеній, и потому всякое дальнѣйшее требованіе къ кому бы ни было направлено по формѣ, будетъ уплачено трудовыми руками.

Общество ждетъ выкупа, какъ живой силы, которая воскреситъ лучшія отношенія; но кто заплатитъ этотъ выкупъ!—Его можетъ заплатить только рента, а эта рента уже взята. Дѣло переходитъ въ частный расчетъ между казной и землевладѣльцами. Если этотъ расчетъ не будетъ сдѣланъ изъ экономическихъ остатковъ, если рента не будетъ возвращена въ общество въ той долѣ, которая при текущемъ порядкѣ можетъ доволствоваться землевладѣльцами, то выкупъ заплатится конечно только тяжелой нищетой, которая падетъ на массу. Какой же можетъ быть толкъ о переводѣ или непереводѣ ирландскаго налога на землю, когда фискъ и безъ того въ долгу передъ обществомъ. Ясно, что какъ ни переводы, до уравненія расходовъ фиска съ тѣми требованіями, которыя допускаетъ нынѣшнее экономическое устройство, заплатить налогъ все-таки бѣднѣйшій изъ потребителей. Исходъ видится одинъ—это бережливость.

Послѣ такого рѣшенія вопроса о поземельной подати, конечно рѣшается самъ собой и вопросъ объ устройствѣ оброчной подати государственныхъ крестьянъ. Оброкъ въ смыслѣ ренты взимается здѣсь и безъ того цѣлкомъ, путемъ косвенныхъ сборовъ, и потому распределять по землѣ здѣсь болѣе также нечего. Ежели же смотрѣть на этотъ оброкъ какъ на чистую *подать*, то за поглощеніемъ всей ренты другими налогами, эта подать столь же мало можетъ быть вынесена на дѣломъ, какъ и оброчные или выкупные платежи, и можетъ быть лишь на личный трудъ.

Рѣшеніе для обоихъ вопросовъ, такимъ образомъ, одно: все, что можетъ заплатить земля, уплачивается ею въ фискъ косвенными налогами;—болѣе взыскивать нечего.

Ю. ЖУКОВСКИЙ.

О РОСПИСИ

ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ РАСХОДОВЪ И ДОХОДОВЪ.

Роспись доходовъ—то же самое, что перечень пожертвованій, требуемыхъ съ населенія страны для поддержанія государственнаго организма. Читатель знаетъ, что у насъ кромѣ денежныхъ пожертвованій или собственно такъ-называемыхъ податей и налоговъ существуютъ въ очень значительныхъ размѣрахъ такъ-называемыя натуральныя повинности. Изъ нихъ самыя большія: военная служба, постоянная повинность, подводная повинность, дорожная повинность. Мы говоримъ здѣсь только о повинностяхъ, распространяющихся на всю страну, не упоминая о повинностяхъ, лежащихъ только на крестьянахъ той или другой особенной мѣстности, потому что эти мѣстныя повинности имѣютъ болѣе характеръ крѣпостнаго права, чѣмъ налога, и правительство уже приступило къ ихъ отмене, на примѣръ, къ освобожденію крестьянъ, приписанныхъ къ казеннымъ заводамъ, отъ обязательной заводской работы, и т. д. — Возвращаясь къ натуральнымъ повинностямъ, соответствующимъ не крѣпостному праву, а налогу, взимаемому натурою, мы должны сказать, что этотъ невыгодный способъ удовлетворенія государственныхъ надобностей до сихъ поръ сохраняетъ у насъ огромные размѣры. Въ какую денежную сумму надобно оцѣнить пожертванія, требуемыя натуральными повинностями, этого никто не можетъ опредѣлить съ точностію. Но мы останемся гораздо ниже дѣйствительныхъ величинъ, если остановимся на слѣдующей приблизительной оцѣнкѣ.

Военная повинность. Работникъ пріобрѣтаетъ въ годъ среднимъ числомъ конечно гораздо болѣе 50 р. сер.; но положимъ только 50 р. сер. Въ 1859 г. считалось въ русскихъ войскахъ 1,271,600 человекъ нижнихъ чиновъ. Считая по 50 р. въ годъ на человека дохода, отъ пріобрѣтенія котораго отвлекаетъ его служба, мы должны сказать, что

съ этой стороны военная повинность обходится странѣ болѣе чѣмъ въ 63,500,000 р. сер. Если съ 1859 г. численность войскъ уменьшена, то надобно помнить, что оцѣнка заработка въ 50 р. принята у насъ слишкомъ низкая; поэтому оцѣнка стоимости всей повинности, не смотря на уменьшеніе арміи, все-таки не будетъ въ дѣйствительности ниже цифры, принятой у насъ.

Эта цифра 63,500,000 не имѣетъ никакой претензіи на точность, имѣя только одно основательное право считаться погрѣшающею противъ дѣйствительной величины не тѣмъ, чтобъ была выше, а развѣ тѣмъ, что ниже ея. Еще труднѣе оцѣнить приблизительную величину пожертвованія, возлагаемаго на страну постоянной повинностью. Положивъ, что третья часть войска имѣетъ свое собственное помѣщеніе, а двѣ трети получаютъ его чрезъ повинность отъ населенія, и оцѣнивъ квартиру солдата въ 10 р. сер., офицера и генерала въ 50 р., мы получили бы слѣдующія цифры:

Изъ 1,271,660 нижнихъ чиновъ двѣ трети составляютъ около 850,000; по 10 р. на человѣка, будетъ 8,500,000. — Изъ 35,103 офицеровъ и генераловъ двѣ трети составляютъ около 24,000; по 50 р. — 1,200,000 р. Итого 9,700,000 р.

Читателю извѣстно, что по приблизительнымъ смѣтамъ постоянная повинность оцѣнивается вдвое выше цифры, принимаемой нами; полагаютъ, что величина пожертвованія, ею возлагаемаго на страну, простирается до 20 милліоновъ р. Это можетъ служить доказательствомъ тому, до какой чрезмѣрности низки принимаемыя нами оцѣнки повинности.

Подводная повинность по общему впечатлѣнію, производимому ею на населеніе страны, составляетъ жертвованіе не меньшее, чѣмъ постоянная повинность; и такъ оцѣнимъ ее такъ же въ сумму, около 10 милл. рублей.

Дорожную повинность вмѣстѣ съ разными мелкими повинностями оцѣнимъ также въ эту сумму.

Такимъ образомъ положимъ, что всѣ повинности вмѣстѣ съ военною составляютъ около 90 милл. р. сер.

Эта цифра должна быть гораздо ниже дѣйствительной, какъ мы видѣли изъ примѣра, относящагося къ постоянной повинности. Есть еще другой фактъ, убѣждающій въ томъ же самомъ. Въ 1850 г. та часть натуральныхъ повинностей, которая замѣнена денежными сборами, оцѣнивалась въ 21,202,234 р. 59 к. Тутъ вовсе не считалась военская повинность, такъ что сумма эта составлялась только изъ частей остальныхъ повинностей (постоянной, подводной, дорожной и другихъ болѣе мелкихъ); а всѣ эти повинности вѣдены въ насъ только въ суммю около 27 милл. р. Не каждому извѣстно, что только

меньшая половина ихъ обращена въ денежныя сборы; и если эта меньшая половина составляла болѣе 21 милл. рублей, то вся сумма должна составлять не 27 милл., какъ принято въ нашемъ итогѣ, а болѣе 40 милл. рублей.

Все это мы говоримъ къ тому, что цифра государственныхъ доходовъ, вошедшая въ обнародованную табель, представляетъ собою не всю сумму пожертвованій, дѣлаемыхъ страню на общественныя надобности.

Притомъ, изъ самаго заглавія обнародованной Росписи видно, что она не заключаетъ въ себѣ и полного перечисленія всѣхъ денежныхъ доходовъ и расходовъ по всѣмъ частямъ общаго правительственнаго устройства. Почти каждое вѣдомство имѣетъ у насъ свои особенныя источники доходовъ, которые не поступали до сихъ поръ въ государственное казначейство, а оставались въ распоряженіи самихъ отдѣльныхъ вѣдомствъ. Эти доходы и производимые изъ нихъ расходы вѣроятно не вошли въ обнародованную Роспись, какъ видно, по слѣдующему нами замѣчанію, изъ самаго ея заглавія: «табель доходовъ и расходовъ государственнаго казначейства». Въ подтвержденіе этого объясненія приведемъ два примѣра. Духовное вѣдомство получаетъ довольно значительный доходъ отъ продажи восковыхъ свѣчъ въ церквахъ. Этотъ доходъ не составляетъ мѣстнаго дохода самыхъ церквей или епархій, а предстается имъ въ центральное управленіе духовнаго вѣдомства и остается въ его непосредственномъ распоряженіи, не поступая въ государственное казначейство. Потому и не вошелъ онъ въ обнародованную роспись доходовъ. Точно также не вошли въ обнародованную роспись расходовъ покрываемыя преимущественно этимъ такъ-называемымъ свѣчнымъ сборомъ издержки по содержанію учебныхъ заведеній православнаго исповѣданія въ великороссійскихъ, малороссійскихъ и сибирскихъ губерніяхъ. По этой статьѣ внесены въ роспись расходовъ только 29,269 р. «на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній въ западныхъ губерніяхъ», — то есть, только та часть расходовъ, на которую отпускается сумма изъ государственнаго казначейства. Точно также изъ податей, взимаемыхъ съ удѣльныхъ крестьянъ, внесена въ роспись прихода только «полушная подать» по 1 рублю съ каждаго лица. При подробномъ разсмотрѣніи надобно было бы перечислить очень много подобныхъ отраслей прихода и расхода не мѣстнаго, а общаго государственнаго, не вошедшихъ въ Роспись собственно потому, что не входили они доселѣ въ счетъ государственнаго казначейства.

Такимъ образомъ мы видимъ теперь, что кромѣ цифръ, вошедшихъ въ обнародованную Роспись, существуютъ три главные разряда не

вошедшихъ въ нее сборовъ, повинностей и другаго рода доходовъ, взимаемыхъ съ страны на общественныя потребности.

1. Натуральныя повинности для общихъ государственныхъ надобностей.

2. Частныя источники доходовъ отдѣльныхъ вѣдомствъ общаго государственнаго управленія.

3. Мѣстные налоги, сборы и повинности на надобности мѣстнаго управленія и устройства.

Если бы мы захотѣли составить себѣ приблизительное понятіе о суммѣ всѣхъ этихъ трехъ разрядовъ государственнаго и мѣстнаго дохода, не внесенныхъ въ обнародованную Роспись, мы могли бы найти только слѣдующую, конечно вовсе не точную опору для сравненія.

Въ 1858 г. сумма всѣхъ доходовъ, полученныхъ съ государственныхъ имуществъ, простиралась до 45,412,886 руб.; изъ нихъ въ государственное казначество поступило 32,656,063 руб. Такимъ образомъ остались невошедшими въ Роспись доходовъ государственнаго казначейства 12,756,823 руб. Это значитъ, что по вѣдомству государственныхъ имуществъ, на каждый рубль дохода, внесеннаго въ Роспись государственнаго казначейства, приходилось еще 39 к. дохода, не внесеннаго въ нее. Сдѣлавъ, конечно вовсе неточное, заключеніе, что и по другимъ вѣдомствамъ пропорція этихъ двухъ частей дохода была такова же, мы получили бы слѣдующій выводъ:

Итогъ дохода, доставленнаго налогами и другими сборами, обозначенъ въ Росписи государственнаго казначейства цифрою 295,861,839 руб. На эту цифру 39% составляютъ 115,386,117 рублей.

Эта добавочная цифра 115,386,117 р. представляла бы собою ту часть невошедшихъ въ государственную роспись суммъ общихъ государственныхъ и мѣстныхъ сборовъ и повинностей, которая взимается деньгами. А тѣ натуральныя повинности, которыя не переведены на денежный счетъ, все-таки остались бы невошедшими въ нее. Изъ этихъ повинностей одна воинская должна быть оцѣнена не меньше какъ въ 60 милл. руб. Вотъ уже составляетъ сумма болѣе чѣмъ 175 милл. руб. Она должна быть дополнена частями другихъ натуральныхъ повинностей, не переведенными въ денежные сборы.

Мы очень хорошо понимаемъ, какъ неточно основаніе, принятое нами для выводовъ о величинѣ платежей и повинностей, не вошедшихъ въ обнародованную Роспись. Но мы можемъ утверждать три слѣдующія замѣтки какъ факты достовѣрные.

Во-первыхъ, точнаго исчисленія этой суммы, которая дополняетъ собою обнародованную Роспись, никто не въ состояніи нынѣ представить. Общее финансовое управленіе государства не имѣетъ точныхъ свѣдѣній о величинѣ этой суммы. Отдѣльныя вѣдомства имѣютъ те-

ныя свѣдѣнія такъ же только о нѣкоторыхъ частяхъ своего отдѣльнаго дохода, не поступающаго въ государственное казначейство, а не обо всѣхъ частяхъ его. Наконецъ важная половина этого дохода, состоящая въ повинностяхъ, отправляемыхъ натурою, вовсе и не можетъ быть оцѣнена съ точностію.

Во-вторыхъ, отлагая всякую претензію на точность, можно однакоже составить себѣ приблизительное понятіе о величинѣ этой дополнительной суммы, руководясь впечатлѣніемъ, какое производитъ она въ населеніи страны. Общее впечатлѣніе то, что натуральныя повинности и денежные сборы, не вошедшіе въ Роспись государственнаго казначейства, служатъ для населенія страны причиною расхода или пожертвованія, не слишкомъ многимъ меньшаго, чѣмъ подати и налоги, вошедшіе въ Роспись государственнаго казначейства. А эти подати и налоги составляютъ около 300 милл. рублей; потому сборы и повинности, не вошедшія въ Роспись, должны быть считаемы приблизительно въ 200 милл. руб., или нѣсколько больше, и такимъ образомъ надобно полагать, что весь бюджетъ налоговъ и повинностей, взимаемыхъ теперь какъ на общіе государственные, такъ и на мѣстные общественные расходы, составляетъ сумму около 500 милл. рублей.

Третье. Изъ огромной суммы повинностей и сборовъ, не вошедшихъ въ Роспись государственнаго казначейства, только меньшая половина имѣетъ или такую форму взиманія, или такую форму употребленія, которая давала бы хотя нѣкоторую соразмѣрность достигаемаго результата съ дѣлаемымъ пожертвованіемъ. Что же касается до наибольшей половины этихъ сборовъ и повинностей, они составляютъ пожертвованіе, несообразное достигаемому результату. Мы говоримъ тутъ не о злоупотребленіяхъ, не о томъ, напримѣръ, что нѣкоторые чиновники пользуются иногда подводною повинностію для развѣздовъ по частнымъ надобностямъ, или дѣсною повинностію для насажденія личнымъ садамъ или обработки частныхъ полей; — эти вещи должно назвать пустяками, которые можетъ выставить на первый планъ только такая жалкая литература, какъ наша. Мы хотимъ говорить не о злоупотребленіяхъ, а о правильномъ взиманіи или отправленіи этихъ сборовъ и повинностей, не вошедшихъ въ Роспись государственнаго казначейства, и о правильномъ ихъ употребленіи.

Напримѣръ, если бы постройка или наемъ помѣщеній для войска производились хотя съ тою невысокою степенью расчетливости и добросовѣстности, какая обыкновенна у насъ въ подобныхъ дѣлахъ, если бы, напримѣръ, нанимались помѣщенія, дѣйствительно стоющія 12 тыс. руб., когда достаточно было бы помѣщеній на 10 тысячъ рублей, и за эти помѣщенія, дѣйствительно стоющія 12 тыс., платилось 15 тысячъ, — все-таки помѣщенія войскъ въ построенныхъ, купленныхъ или нанятыхъ для того зданійхъ, стало бы обременять страну

втрое меньше того, чѣмъ нынѣ обременяетъ настояшая повинность. Известно, что она въ нѣкоторыхъ городахъ и селахъ даже отвращаетъ население отъ постройки домовъ. Не говоря уже о томъ, какое разстройство хозяйства и семейнаго быта производится тѣмъ, что въ одной комнатѣ съ семействомъ хозяевъ помѣщается, безъ ихъ желанія и выбора, посторонній человекъ.

То же надобно сказать о подводной повинности. Каковы бы ни были злоупотребленія по вытребованію прогеновъ и путевыхъ суммъ въ излишнемъ количествѣ, противъ дѣйствительныхъ издержекъ на разѣзды и передвиженія, дѣйствительно нужныя, все же покрывать эти требованія общимъ налогомъ было бы для страны въ пять разъ легче разстройства, происходящаго отъ подводной повинности.

Полная безуспѣшность дорожной повинности очевидна для всѣхъ.

Извѣстно также, что отдѣльныя вѣдомства принуждены бывають дѣйствовать гораздо экономнѣе, когда должны требовать на извѣстный расходъ деньги изъ государственнаго казначейства, чѣмъ тогда, когда могутъ употребить на этотъ расходъ свои собственные средства, не передаваемые въ государственное казначейство. Каждому изъ насъ знакомо, какъ легко расходуются такъ-называемыя «экономическія суммы».

Словомъ сказать, тѣ изъ обращаемыхъ на общія государственныя надобности суммъ и повинностей, которыя не внесены въ обнародованную Роспись, во многихъ случаяхъ не приносятъ государству и той пользы, какую получаетъ оно отъ расходовъ, внесенныхъ въ эту Роспись, такъ что неполнота ея невыгодна для страны.

Устраненіе этой неполноты, протекавшей изъ формальной особености счетоводства, доселѣ существовавшаго, составляетъ, если мы не ошибаемся, предметъ заботы самого правительства при томъ преобразованіи порядка отчетности, о которомъ говорится и въ еженеделно предисловіи, предшествующемъ обнародованной Росписи. Вотъ подлинныя слова предисловія:

«По извѣстному уже публикѣ преобразованію порядка отчетности по государственному контролю, между прочими предположеніями, находится и неизмѣненіе образа составленія суммъ министерствъ и главныхъ управленій, съ болѣе подробными и ясными изложеніемъ всѣхъ статей расходовъ, каковой порядокъ и будетъ введенъ съ будущаго 1863 года.»

Предполагаемое введеніе болѣе подробности также будетъ очень полезнымъ улучшеніемъ. Въ Росписи, обнародованной нынѣ, нѣкоторыя статьи образованы изъ соединенія нѣсколькихъ различныхъ частей. Напримѣръ, соединены въ одну сумму доходы отъ подушной подати «съ мѣщанъ, цеховыхъ и другихъ городскихъ жителей, вносящихъ подать по разнымъ окладамъ отъ 22 к. до 2 р. 50 к.»; даже

встрѣчается, также соединенными въ одну сумму разные элементы подушной подати отъ 15 и до 2 р. 67 к. съ окладныхъ разнородныхъ классовъ сельскаго населенія: «государственныхъ крестьянъ, сабираникъ губерній, поселенъ приписанныхъ къ фабрикамъ и заводамъ, волыцкихъ людей, евреевъ-земледѣльцевъ, малороссійскихъ козаковъ, крѣпостныхъ, емеотскихъ и крымскихъ татаръ». Такія прикѣпчанные чеклодятся еще нѣсколько въ росписи прихода. — Статьи въ росписи расходовъ имѣютъ наружный составъ менѣе сложный. Но и въ нихъ встрѣчаются соединенія разнородныхъ частей. Напримеръ, «внѣшнимъ и гражданскимъ чинамъ» показаны одною суммою. Другія статьи, хотя и не соединяютъ расходовъ по разнымъ вѣдомствамъ, много выигрываютъ точностью, когда будутъ раздѣлены по различію предметовъ расхода; напримеръ: въ расходахъ «по военному вѣдомству» важно было бы различить суммы комиссаріатскаго расхода, провіантскаго расхода, жалованья и т. д. Къ тому или другому изъ этихъ двухъ разрядовъ принадлежать почти всѣ главныя статьи росписи расхода.

Обращаясь отъ формы росписи къ сущности дѣла, мы видимъ, что общаѣ сумма прихода по государственному казначейству показана въ 310,619,739 р.; въ томъ числѣ 14,757,899 р. 72 к. должны быть вѣдны изъ «чрезвычайныхъ суммъ по послѣднему 4 $\frac{1}{2}$ % займу», и затѣмъ собственно доходовъ остается 295,861,839 р. 27 к. (долг кофеекъ мы пропускаемъ). Въ этой суммѣ важнѣйшія части таковы:

1) Съ податныхъ сословій: подушной подати 28,258,861 р. 90 к.; оброчной подати 25,256,733 р. 26 к.; разныхъ сборовъ 1,740,333 р. 52 к.; всего 55,255,928 р. 68 к.

2) Изъ «доходовъ экономическихъ» къ тому же разряду относятся слѣдующія статьи: съ арендныхъ имѣній 2,655,702 р. 40 к.; отъ добычи на казенныхъ горныхъ заводахъ металловъ (потому что этотъ доходъ получается посредствомъ обязательнаго труда, замѣняющаго оброкъ) 2,108,844 р. 30 к.; въ сложности обѣ статьи составляютъ 4,764,546 р. 70 к.

Соединяя обѣ суммы, мы видимъ, что прямыя подати съ податныхъ сословій доставляютъ государственному казначейству 60,020,475 р. 38 к.

Это впрочемъ не вся сумма, доставляемая податными, лежащими на податныхъ сословіяхъ. Къ ней надобно было бы отнести нѣкоторыя доли изъ другихъ статей, поставленныхъ подъ рубрику «доходовъ экономическихъ»; напримеръ: изъ статьи «съ бывшихъ професитскихъ, фундушныхъ имѣній и капиталовъ оныхъ»; но по невозможности отълѣпить въ этой статьѣ часть, получаемую съ капиталовъ, отъ части, получаемой прямо съ имѣній, мы не можемъ ввести въ счетъ эту статью; по той же причинѣ не считаемъ и нѣкоторыхъ другихъ.

которые по-настоящему должны были бы увелить собою сумму доходов, доставляемых прямыми налогами на податных сословіи.

Изъ числа пошлннъ, винный акцизъ доставляетъ слѣдующія суммы: отъ штейнскихъ, откупныхъ, акцизныхъ, чарочныхъ и пр. пошлннъ по губерніямъ великороссійскимъ, Ставропольской, сибирскимъ западнымъ, малороссійскимъ, новороссійскимъ и Бессарабской области, тремъ остзейскимъ и г. Нарвѣ — 123,022,580 р. 75 к.; отъ снѣдательствъ на шинки въ привилегированныхъ губерніяхъ — 1,272,000; итого 124,294,580 р. 73 к.

Отъ распродажи по государству соли 9,500,000 р.; съ паспортомъ 1,043,000 р.

Изъ «доходовъ, поступающихъ изъ разныхъ источниковъ на опредѣленные предметы» тотъ же характеръ имѣютъ: за вино, откупное откупщикамъ сверхъ опредѣленной порціи по заготовительной цѣнѣ 7,377,107 р.; пошлннъ съ иностранной соли, привозимой въ Царство Польское, и акциза на соль цехоцинскаго завода 1,135,000 р.; — итого 8,512,107 р.

Слагая эти суммы, мы видимъ, что доходы, собираемые исключительно съ податныхъ сословій (какъ подушная и оброчная подати) или почти исключительно съ нихъ (какъ паспортная пошлнна, винный акцизъ, соляной акцизъ), доставляютъ государственному казначейству 204,270,163 р. 11 к.

Сумма эта, какъ мы говорили, еще не полна; къ ней надобно было бы прибавить нѣкоторыя части изъ нѣкоторыхъ другихъ статей; но и останавливался на томъ, что уже сосчитано нами, и принимая для облегченія сравненій круглыя цифры, мы видимъ, что изъ 286,000,000 р. всего дохода, съ податныхъ сословій собирается 204 мил.; то есть около $\frac{7}{10}$ частей всего государственнаго дохода.

Это въ значительной степени объясняетъ намъ нужду, замѣчаемую въ массѣ нашего населенія, а вполнѣ объясняетъ малую сумму доходовъ, получаемыхъ государствомъ. Главная масса платежей на покрытие государственныхъ издержекъ требуется съ людей, еще не успѣвшихъ сдѣлаться зажиточными, и великость уплатъ, требуемыхъ съ нихъ, не допускаетъ ихъ дѣлаться зажиточными. А съ людей бѣдныхъ нельзя получить много, какъ бы требовательны ни были сборы съ нихъ. Потому въ итогъ получается сумма незначительная. Исправить это неудовлетворительное для самой казны положеніе дѣлъ можно не иначе, какъ измѣнивъ самое распредѣленіе количества требованій съ разныхъ классовъ. Если бѣдные будутъ платить меньше, они скорѣе могутъ стать зажиточными; если съ зажиточныхъ и богатыхъ будетъ требоваться больше, то и доходъ казны будетъ обильнѣе. Достичь удовлетворительнаго для самой казны бюджета доходовъ можно только перенесеніемъ главной тяжести налоговъ съ сословій, де-

скаѣ платившихъ слишкомъ много, на ослобил, платившія слишкомъ мало. Измѣненія же только въ способѣ взиманія налоговъ нисколько не приведутъ къ этой цѣли; достигъ ее можно только отгѣною однихъ налоговъ, уменьшеніемъ размѣра другихъ, возвышеніемъ третьихъ и установленіемъ новыхъ, падających на предметы и классы, доселѣ не дававшие казны ничего или почти ничего. Общая сумма государственнаго прихода увеличится только тогда, когда будетъ сдѣлано, чтобы вовсе исчезли изъ бюджета или потеряли важность въ немъ налоги, бывшіе до сихъ поръ главными, и заняли главнѣйшія мѣста въ немъ налоги новые или не бывшіе важными:

Скажемъ нѣсколько словъ о переменныхъ, произведенныхъ или производимыхъ въ двухъ главныхъ нашихъ налогахъ — подушномъ и винномъ.

Официальнымъ образомъ подушная подать состоитъ изъ двухъ частей: собственнаго такъ-называемаго подушнаго оклада и помещельнаго оброка. То, что правительство находитъ существенную разницу между этими двумя частями, подтверждаютъ, между прочимъ, слѣдующіе два факта: оброкъ взимается только съ крестьянъ, поселенныхъ на государственной землѣ; бывшіе крѣпостные крестьяне, поселенные не на государственной землѣ, платятъ только подушный окладъ, а того оклада, который называется казеннымъ оброкомъ, они не платятъ. Но само население не знаетъ разницы между этими двумя частями подати: государственные крестьяне всю платимую ими въ казну сумму называютъ подушнымъ окладомъ. Разницу въ величинѣ своихъ платежей въ казну и платежей, требуемыхъ казною съ крѣпостныхъ крестьянъ, они приписываютъ только тому обстоятельству, что, не будучи обязаны повинностями помѣщику, они въ состояніи заплатить казнѣ больше, чѣмъ можетъ она получить съ помѣщичьихъ крестьянъ, съ которыхъ требуетъ она меньше только потому, что не могутъ они платить столько, какъ государственные крестьяне.

Дѣйствительно, государственныя потребности должны привести къ установленію такого порядка, при которомъ не будетъ никакой разницы въ отношеніяхъ земли къ налогамъ, какъ бы ни называлась земля. Напримѣръ, до сихъ поръ дворянская земля не платила или ничего, или почти ничего въ государственную казну. Но теперь само дворянство начинаетъ находить, что эта привилегія должна быть отгѣнена.

По винному акцизу взиманіе налога посредствомъ откуповъ замѣняется прямымъ взиманіемъ налога черезъ государственныхъ чиновниковъ. Но при этомъ хотѣли сохранить казнѣ всю ту сумму дохода, какую получала она отъ этого налога при откупѣ. Единственнымъ средствомъ къ достиженію этого результата было найдено установить акцизъ такой высоты, что онъ много превышаетъ цѣну, въ ка-

кую обходится производителю самый продукт. А при такой величинѣ акциза оффиціальнѣй надзоръ едва ли въ состояніи будетъ предотвратить очень сильное развитіе контрабанды, выгода отъ котораго будетъ чрезвычайно велика. Вся прибыль, получаемая контрабандистами по тайному провозу товаровъ изъ-за границы, совершенно ничтожна предъ громадными суммами, какія можно будетъ получать черезъ тайную продажу водки. Поэтому мы опасаемся, что ризсчетъ, которымъ руководились при установленіи акциза, окажется не вѣренъ. Казна будетъ введена въ чувствительный недочетъ контрабандою, и обнаружится надобность сдѣлать одно изъ двухъ: или понизить акцизъ, или возвратиться къ системѣ откуповъ. Нечего и говорить о томъ, что первый исходъ гораздо лучше для государства. Но едва ли можно ожидать, что казна получитъ 125 милліоновъ рублей съ вина отъ такой величины акциза, которая не вызывала бы слишкомъ сильной контрабанды при казенномъ управленіи, и не принуждала бы снова прибѣгнуть къ откупамъ. Потому мы думаемъ, что надобно теперь же заняться установленіемъ налоговъ для замѣны уменьшенія въ доходахъ отъ виннаго акциза.

Самый легкій и самый справедливый источникъ для покрытія этого недочета представляетъ подоходный налогъ; на основаніяхъ, подобныхъ тѣмъ, какія онъ имѣетъ въ Англіи. При совершенной неразработанности вопроса о величинѣ доходовъ частныхъ лицъ въ Россіи, трудно сказать о цифрахъ, какія можетъ онъ дать, что-нибудь опредѣлительнаго вывода, основаннаго только на видимомъ впечатлѣніи и на оцѣнкѣ слишкомъ валовой. Представимъ же хотя эти приблизительныя соображенія, не имѣющія никакой претензіи на точность.

По общему принципу всякаго подоходнаго налога, отъ него должны быть свободны доходы, не достигающіе извѣстной величины, едва достаточной для сноснаго содержанія семейства. Въ Англіи этотъ минимумъ принятъ въ 100 ф., около 600 рублей. У насъ деньги дороже, чѣмъ въ Англіи, потому надобно принять за минимумъ меньшую сумму—положимъ рублей 300.

Въ Англіи количество доходовъ, подлежащихъ налогу, далеко превышаетъ 1,500 милл. рублей серебромъ.

Если предположить, что русское населеніе, даже въ 4 раза бѣднѣе англійскаго,—пропорція конечно уже слишкомъ низкая,—то все-таки Россія, имѣя слишкомъ вдвое больше населенія чѣмъ Англія, представляла бы основаніемъ для налога сумму доходовъ только вдвое меньшую, чѣмъ Англія. Можно полагать поэтому, что количество доходовъ, подлежащихъ налогу, оказалось бы у насъ отъ 800 до 1000 милл. рублей. Налогъ въ 5 к. съ рубля далъ бы отъ 40 до 50 милл.

Столь же затруднительно по неразработанности данныхъ сказать,

какую часть ренты понадобилось бы брать налогомъ для заѣмы суммъ, доставляемыхъ нынѣ разными видами подушной подати подъ разными именами. Но судя опять только по приблизительному впечатлѣнію, надобно думать, что средняя величина ренты съ земель, занятыхъ папшнями и лугами, составляетъ не менѣе 1 руб. 50 коп. съ десятины. Такихъ земель считаютъ болѣе 100 милл. десятинъ (мы говоримъ исключительно о Европейской Россіи). Прибавивъ сюда ренту, даваемую лѣсами и другими угодьями, мы увидимъ, что общую сумму ренты не слѣдуетъ предполагать меньше 200 милл. руб. серебромъ; по всей вѣроятности она гораздо больше. Но если и не больше, то все-таки налогъ, берущій только отъ $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{4}$ части ренты, давалъ бы около 50 милл. рублей.

Установленіе этихъ двухъ налоговъ, спеціальнаго налога съ ренты и общаго подоходнаго налога, — которые вмѣстѣ давали бы около 100 милл. руб. сѣр., открыло бы возможность отменить подушную и такъ называемую оброчную подать и понизить винный акцизъ до величины, которая не была бы обременительна и не порождала бы корчемства. А такая реформа открыла бы путь къ быстрому улучшенію матеріальнаго быта массы, то есть и къ увеличенію доходности налоговъ, лежащихъ на промышленной и коммерческой дѣятельности.

... Таковъ по нашему мнѣнію самый вѣрный или, лучше сказать, единственный вѣрный путь къ увеличенію государственнаго дохода: установленіе налога съ ренты и подоходнаго налога, съ отмененіемъ подушной подати во всѣхъ ея видахъ и названіяхъ, съ пониженіемъ виннаго акциза и, по замѣчанію, сдѣланному нами выше, съ отмененіемъ повинностей денежными сборами.

Мы никакъ не скрываемъ отъ себя, что проведеніе подобной реформы въ системѣ налоговъ, при всей своей простотѣ, требовало бы очень большой твердости и послѣдовательности. До какой степени осуществимо это условіе, которое одно только и нужно было бы для успеха дѣла, могутъ судить лица, знающія положеніе дѣлъ.

Въ росписи расходовъ мы займемся только двумя статьями, самыми большими и представляющими наиболѣе возможности къ огромнымъ сбереженіямъ.

«Платежи по внутреннимъ и внѣшнимъ долгамъ» составляютъ 54,296,187 р. 91 к. Почти всѣ они дѣлаются по 5⁰/₀-мъ займамъ. Если бы фонды наши поднялись до такой степени, чтобы можно было замѣнить 5⁰/₀-я облигаціи 4⁰/₀-ми, ежегодные расходы по платежу процентовъ уменьшились бы слишкомъ на 10 милл. р. с. Нельзя сказать, что цѣль эта недостижима, и притомъ въ довольно короткое время, — гдѣтъ въ пять фонды могли бы подняться до высокаго курса, нужнаго для подобнаго оборота. Ни гдѣтъ возвышается только экономностью и прогрессомъ.

снностью общаго управленія государствомъ. Возможность сбереженій по процентамъ государственныхъ долговъ зависитъ отъ сбереженій и реформъ по другимъ частямъ бюджета.

Изъ этихъ самая важная — военные расходы.

Расходы по военной части показаны въ слѣдующихъ статьяхъ: по военному министерству — 106,575,892 р. 39 к.; по главному управленію военно-учебныхъ заведеній 3,535,959 р. 7 к.; по эмеритальной кассѣ военнаго вѣдомства 1,527,730 р. 19 к. Итого — 111,639,581 р. 65 к.

По морскому министерству — 20,589,830 р. 74 к.; сюда же должна быть отнесена большая часть превышающей 2 милл. р. сер. статьи «помильная плата» пароходнымъ обществамъ; на долю Русскаго Общества пароходства и торговли приходится тутъ гораздо болѣе милліона. Итого около 22,000,000 р.

Къ расходамъ по содержанію военныхъ силъ принадлежитъ и значительная часть превышающей 13 милл. статьи «пенсїи военнымъ и гражданскимъ чинамъ»; но не зная, сколько тутъ приходится на долю военныхъ чиновъ, не будемъ вовсе считать этой статьи; уже и безъ нея изъ двухъ прежнихъ суммъ составляется игобъ — слишкомъ въ 133 милл. руб. — Весь итогъ расходовъ на военныя силы еще значительнѣе, какъ показываетъ уже одна статья о пенсїяхъ; кромѣ нея къ тому же итогу должно было бы причислить значительныя доли нѣкоторыхъ другихъ статей, напримѣръ арендныхъ выдачъ (1,461,509 р. 6 к.) и строготельныхъ расходовъ (9,128,213 р. 84 к.); изъ этихъ статей къ расходамъ по военному вѣдомству принадлежатъ: аренды военнымъ чинамъ, расходы по крѣпостямъ, казармамъ и т. п. Соображая все это, надобно полагать, что общія сумма всѣхъ расходовъ государственнаго казначейства по содержанію военныхъ силъ простирается до 145 милл., или больше.

За вычетомъ суммы около 55 милліоновъ, идущей на уплату процентовъ по долгамъ, остается изъ бюджета расходовъ около 255 милл. расхода, производимаго по текущимъ дѣламъ; 145 милл. расхода по содержанію военныхъ силъ составляютъ около трехъ пятыхъ частей этой цифры.

Вотъ предметъ, самый удобный для заботъ объ облегченіи бюджета и общающей самымъ крупнымъ сбереженіямъ.

Если бы расходы по военнымъ силамъ могли быть сокращены на одну третью часть, это дало бы около 50 милл. руб. сбереженія. При одномъ этомъ сбереженіи не было бы уже никакихъ слѣдовъ дефицита, и оставалось бы много денегъ въ казнѣ на всякія дѣйствительно полезныя дѣла.

И. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

РАЗРѢШЕНІЕ ВОПРОСА О ТОМЪ: ЕСТЬ ЛИ ОСНОВАНІЕ САМОМУ БЕЗВѢСТНОМУ ПИСАТЕЛЮ МѢНЯТЬ ЛИТЕРАТУРНОЕ ПОПРИЩЕ НА АКЦИОННОЕ? — О ДВОРЯНСТВѢ. МОЖНО ЛИ ВЪ ИСТОРИИ И ВЪ НАЧАЛАХЪ РАЗУМА НАЙТИ ОСНОВАНІА ДЛЯ СУЩЕСТВОВАНІА ДВОРЯНСТВА, КАКЪ ОТДѢЛЬНАГО ВЪ ГОСУДАРСТВѢ СОСЛОВІА?—ВЗГЛЯДЫ ГГ. БЕЗОВАРОВА, ГРАФА ОРЛОВА-ДАВЫДОВА, ВАХТЕРЯОВА, ЧИЧЕРИНА НА ДВОРЯНСТВО.—НѢКОТОРЫЕ УЧЕННЫЕ АФОРИЗМЫ Г ЧИЧЕРИНА О ДВОРЯНСТВѢ И ДРУГІЕ СОСЛОВІАХЪ ВЪ ГОСУДАРСТВѢ. — О МИРОВЫХЪ УЧРЕЖДЕНІАХЪ. — СЪѢЗДѢ МИРОВЫХЪ ПОСРЕДНИКОВЪ ВЪ ТВЕРИ. — ВЗГЛЯДЪ Н. Ф. КАРЛОВА НА ВОПРОСЫ, ВОЗВУЖДЕННЫЯ НА ЭТОМЪ СЪѢЗДѢ. — И БАЛАГАННОЕ ФИЛОСОФСТВОВАНИЕ ЕГО НАДЪ ВЕСЬЕГОНСКИМЪ ПОМѢЩИКОМЪ, ВЪЗЪЯВІВШИМЪ ЖЕЛАНІЕ ЗАЧИСЛИТЬСЯ ВО ВРЕМЕННО-ОБЯЗАННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ КЪ ДРУГОМУ ПОМѢЩИКУ. — МОГУТЪ ЛИ КРЕСТЬЯНЕ УЧАСТВОВАТЬ ВЪ ВЫБОРАХЪ МИРОВЫХЪ ПОСРЕДНИКОВЪ?—Г. П. БЛАНКЪ, ДОКАЗЫВАЮЩІЙ БЕЗСМЫСЛЕННОСТЬ КРЕСТЬЯНЪ. — ДѢЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ КРЕСТЬЯНЕ БЕЗСМЫСЛЕННЫ И НЕСПОСОБНЫ КЪ САМОУПРАВЛЕНІЮ И КЪ УЧАСТІЮ ВЪ ВЫБОРѢ МИРОВЫХЪ ПОСРЕДНИКОВЪ?

Читатель, конечно, помнитъ, въ какомъ плачевномъ положеніи находились всѣ хроникеры, внутренніе обозрѣватели и прочіе собиратели новостей, назадъ тому какихъ небудь два или даже полтора мѣсяца. Было такое время, что писать рѣшительно было не о чемъ. Воскресшія школы, бібліотеки, заводившія чиновниками разныхъ присутственныхъ мѣстъ для *уцеломлированія* чиновничьяго быта, общество вспоможенія бѣднымъ, общество взаимнаго вспоможенія оставались почти единственными предметами, надъ которыми всѣ мы хроникеры, внутренніе обозрѣватели и т. д. должны были истощать богатство и разнообразіе нашихъ талантовъ и дарова-

нѣй. И Богъ знаетъ до чего бы дошло дѣло, еслибы такое бесплодное для насъ время продолжалось еще нѣсколько долѣе. Быть можетъ, въ Россіи не осталось бы тогда ни одного повѣствователя о текущихъ событіяхъ.... И отдаленный потомокъ напрасно сталъ бы доискивать смысла въ нихъ, не имѣя подъ рукою такихъ честныхъ и правдивыхъ комментаторовъ, какими являемся мы въ нашихъ хроникахъ, обзорнѣяхъ и т. д.

Но, благодареніе Богу, тяжелое для насъ время миновалось.... Теперь нашему брату, хроникеру, обзорвателю, что называется, житье стало. Жизнь кругомъ насъ бьетъ ключемъ изъ безчисленныхъ своихъ хранилищъ, изъ которыхъ многія доселѣ никому не были извѣстны. Литература въ неменьшемъ движеніи и льетъ какъ изъ ведра неустанно. Умственные хлѣбы россіянъ, доселѣ мало дождомья, разверзлись во всю широту свою и во многихъ стали возбуждать даже опасенія. Боятся, чтобы литература своимъ слишкомъ усерднымъ содѣйствіемъ жизни, — о чемъ она теперь почти исключительно и хлопочетъ, — не подавила и не разрушила очень слабого еще и очень нѣжнаго ростка новой жизни. Что будетъ, — Богъ вѣсть, — а пока дѣло идетъ очень жаркое. Предметовъ вызывающихъ на размышленіе каждадневно является безчисленное множество.... Я даже не знаю: за какой взяться? — Говорить ли мнѣ о судьбахъ русскаго дворянства, или о мировыхъ учрежденіяхъ, или о сельскихъ общинахъ, или о народномъ образованіи и проч. и проч.? Все это животрепещущіе, капитальные и настоятельные *вопросы дня*. А между тѣмъ я долженъ поговорить еще о себѣ самомъ и о плодахъ, какіе принесла моя литературная дѣятельность, какъ внутренняго обзорвателя, моему любезному отечеству.

Лично я, достолюбезный читатель мой, нахожусь въ самомъ незавидномъ положеніи. Помните ли, какъ я въ прошедшемъ году по поводу появленія враговъ въ литературѣ противъ меня мечталъ, что враги мои будутъ все болѣе и болѣе умножаться, вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ расти моя литературная извѣстность.... Съ новымъ годомъ мечты мои разсѣялись, какъ прахъ. Изъ трехъ появившихся въ прошедшемъ году враговъ моихъ, теперь не осталось ни одного. «Служившій въ Финляндіи», сдѣлавъ въ «Ииваладѣ» нѣсколько замѣтокъ на мое путешествіе въ Финляндію, не даетъ затѣть о себѣ никакого отзыва. Живъ ли онъ, лучший и благороднѣйшій изъ враговъ моихъ? «Праздношатающійся» ищетъ изъ «Отечественныхъ Записокъ», совершенно неизвѣстно куда: по крайней мѣрѣ ни въ одномъ повременномъ изданіи не встрѣчается болѣе писателя съ именемъ «Праздношатающагося». Неужели и ты ищешь навсегда, нашъ *Бояня, словію новою времени, и старатаю журналатъ*— О г. Сухаревъ

тоже ни слуху, ни духу. Надо было ожидать, что и онъ также боже ничего писать обо мнѣ не будетъ. Ибо «Русская Рѣчь» кончила свое существованіе по причинамъ пока не объясненнымъ. Но я имѣю основаніе думать, что такая несчастная участь постигла ее именно оттого, что она помѣстила на своихъ страницахъ статью г. Сухарева противъ меня. Вы помните, что г. Сухаревъ вооружился на меня за русскихъ мужичковъ.... За то, что я къ нимъ теплоту чувства имѣю.... «Русская Рѣчь» любила русскихъ мужичковъ очень умѣренно.... Она была слишкомъ благовоинна для того, чтобы выносить изъ знаихъ, оттого страницы свои наполняла извѣстіями и свѣдѣніями о состояніи западной Европы. И естественно, должна была погибнуть неизбежно. Нынѣ несомнѣнными данными, собранными г. Небольсиннымъ, достоверно доказано, что даже николаевская желѣзная дорога, соединяющая два самыхъ аристократическихъ города въ Россіи, какъ Москва и Петербургъ, держится между тѣмъ почти исключительно мужичками. Безъ мужичковъ, стало, нигдѣ жить нельзя.... Безъ мужичковъ, то есть, безъ ясныхъ и несомнѣнныхъ оппозитій къ нимъ, не удержится теперь ни одинъ журналъ. Такое уже настало повѣтріе. Поэтому мы весьма опасаемся за прочное существованіе «Нашего Времени», хотя по знаменитому имени редактора Н. Ф. Павлова, одного изъ прекраснѣйшихъ и правдивѣйшихъ писателей нашего времени, «Наше Время» и должно бы процвѣтать. Однимъ словомъ, *абсолютно* я дѣйствовалъ превосходно, защищая мужичковъ, ибо удовлетворялъ тѣмъ стремленіямъ моего сердца и вмѣстѣ съ тѣмъ пользуюсь «Современника». Но *относительно* мои дѣйствія оказались очень непривлекательными. Съ паденіемъ «Русской Рѣчи», въ лицѣ ея сотрудника г. Сухарева я потерялъ послѣдняго моего врага, — и теперь впаду опять въ ту же безвѣстность, въ которой былъ до появленія г. Сухарева. Имѣя въ виду такую непривлекательную будущность, я долго раздумывалъ о томъ: продолжать ли мнѣ сочинительствовать или бросить это занятіе, и поискать должности по акцизной части, гдѣ оклады очень хороши и куда на службу пошли даже многіе генералы? — Безвѣстность литературная для пишущаго — самая тяжелая безвѣстность. Я знаю многихъ изъ пишущихъ, которые будучи богаты, знатны, пользуются всѣми удобствами жизни, благоприятствующими здоровью, гибнуть въ цѣлѣ лѣтъ отъ литературнаго ничтожества, которые рады бы были отдать

Свои всѣ земли родовыя

И жизни лучшіе часы,

чтобы только что нибудь значить въ литературѣ, и остаются между тѣмъ все-таки почтенными ничто. Ужасное положеніе! — А го-

ворить: слава—звукъ пустой! Въ томъ-то и дѣло, что не пустой. Хорошо еще тѣмъ, которые, не достигнувъ желаемой славы, могутъ утѣшаться, что они принесли истинную пользу себѣ или другимъ, какъ напримѣръ В. А. Кокоревъ или А. И. Крѣвъ. Я же, да и не одинъ я, а большая часть литературныхъ дѣятелей на это не могутъ рассчитывать. Ибо о пользѣ себѣ,—я разумѣю пользу, значительную одушительную, — на литературномъ поприщѣ и думать нечего. Генералія едва стааетъ на безбѣдное пропитаніе... Что касается до пользы другимъ, то относительно себя я нахожусь въ большомъ сомнѣніи: приношу ли я кому нибудь какую нибудь пользу? Съ нѣкотораго времени я сталъ, напримѣръ, примѣчать, что въ мірѣ все дѣлается какъ будто, говоря словами Альфреда Августовича Фонъ-Юнга, наоборотомъ по отношенію къ выраженному мною мнѣнію. Если я, напримѣръ, написалъ сегодня, что въ Петербургѣ дурныя мостовыя, то на другой день дѣлаются онѣ еще хуже. Если я сказалъ сегодня, что газъ освѣщаетъ улицы петербургскія ничѣмъ не лучше провинціальнаго фонарей съ коноплянымъ масломъ, то на другой день на улицахъ становится еще темнѣе. Если я замѣтилъ сегодня, что петербургскіе будочники смотрятъ непривѣтливо на обывателей, то на другой день они начинаютъ смотрѣть на нихъ просто свирѣпо. Случайно ли это дѣлается такъ, что все старается идти какъ будто въ упоръ мнѣ, или уже такова общая планка всѣхъ российскихъ писателей, индюшкихъ претензію на значеніе общественныхъ вождей, — а только то несомнѣнно, что моимъ замѣткамъ положительно не везетъ въ жизни. Вотъ недавно я порадовался, что г. Розенгеймъ пересталъ писать стихи. А онъ послѣ этого чуть ли не вдвое усилилъ свою поэтическую дѣятельность. Сочинилъ въ стихахъ нѣмало дялю Акима, — да и мелочи стихотвореніями притомъ не оставляетъ. Недавно такъ же замѣтилъ я, что г. Водовозовъ не перестанетъ никогда мучить бѣднаго Гейне. Ничего не бывало. Послѣ того, какъ рукою сняло... Г. Водовозовъ пересталъ переводить Гейне. Однимъ словомъ, если бы было нужно, я могъ бы насчитать тысячу примѣровъ безтолзости моихъ равнаго рода замѣтокъ на дѣлѣ. Все это ввергло меня, какъ я уже объяснилъ выше, въ нѣкоторое раздумье о томъ: продолжать ли мнѣ писать, или, бросивъ все, махнуть потомъ по акцизной?

Переходъ изъ писателей въ акцизную представляю мнѣ только какъ-то немножко рѣзокъ и крутовецъ. Хорошо бы, если бы изъ писателей можно было перейти сначала въ юстицію, потому что юстиція и наука—эти какъ будто имѣютъ что-то родственное между собою. Предполагается, по крайней мѣрѣ, что отправляющій юстицію нѣчто и отъ наукъ вкусилъ... И нравственное достоинство человека охраняется... Ни у кого, по крайней мѣрѣ, рукъ не надуетъ и никого не бьютъ....

Равнымъ образомъ и не поднимаетъ ничего изъ чужой собственности, хотя бы она была и литературная, т. е. не, сияжетъ, напримѣръ, что вотъ известное сочиненіе его собрата негодится публикѣ для чтенія, и не возьметъ и не представитъ потому этого сочиненія своему начальнику въ видѣ своего собственнаго труда, по рѣшенію какого нибудь государственнаго вопроса. Однимъ словомъ, юстиція дѣло благородное. А потомъ, думалъ я, изъ юстиціи можно уже будетъ махнуть по полиціи, потому: юстиція стоитъ на распутии науки и жизни. Заметьтея изъ первой то только, что можетъ удобно ассимилироваться въ послѣдней, она тѣмъ самымъ образуетъ то могучее зерно, изъ котораго развивается и раздвѣтается величественное древо полиціи, подъ которымъ каждый російскій гражданинъ покоится, какъ подъ виноградомъ своимъ и подъ смоковницею своею, какъ было во дни Соломона. О родствѣ и внутреннемъ единствѣ полиціи и акцизной и говорить нечего. Тутъ переходъ самый естественный и незамѣтный. Нискожденіе въ такой постепенности рисовалось мнѣ очень возможнымъ и примѣчнымъ. Но переходъ изъ писателя прямо въ акцизъ не укладывался въ мою голову, хотя я и старался успокоивать себя тѣмъ, что и служеніе акцизное также есть служеніе любезному отечеству, что не мѣсто красить человѣка, а человѣкъ мѣсто, что лучше быть хорошимъ акцизнымъ надирателемъ, чѣмъ плохимъ писателемъ и т. п.

Во время такихъ моихъ душевныхъ страданій, пришелъ ко мнѣ разъ одинъ мой пріятель—писатель обличительный. Я высказалъ ему мою мѣжду литературной славы, томленіе моею безызвѣстностью, мое желаніе поступить въ акцизъ, мою боязнь вдругъ сдѣлать такой *saute mortale*.

— Гмъ! отвѣчалъ мнѣ мой пріятель, немного подумавъ.— Вы страдаете совершенно напрасно; вы сами себя создаете страданія. Во первыхъ, вы понимаете славу очень поверяносно, какъ могутъ понимать ее только дикіе, или подобные имъ. Для васъ слава — говоръ теллы, безмысленная лестъ глупцовъ, лицемеріе людей умныхъ. Истинная слава состоитъ въ величій подвига, которое измѣряется въ общественныя дѣла внутреннею гармоніей между тѣмъ идеаломъ, который составило себѣ общество объ известномъ подвигѣ; и внѣшнимъ его исполненіемъ. Согласитесь сами, что какъ бы ни было ограничено общество, но въ совокупности оно всегда гораздо выше каждаго частнаго своего члена по своему пониманію, и гораздо могучѣе каждаго изъ нихъ по средствамъ и силамъ. Естественно, что и идеалы, которые оно составляетъ о великости подвиговъ, бывають самымъ грандіознымъ и громаднымъ, чтобъ ихъ могъ исполнить какой нибудь частный членъ общества, какъ бы ни были велики его таланты. На самомъ дѣлѣ никогда и не бываетъ, чтобы подвиги общественные

совершались однимъ лицомъ. Ихъ совершаетъ, обыкновенно, или цѣлое общество, или совокупность болѣе или менѣе значительнаго числа лучшихъ лицъ изъ него, а славою между тѣмъ, т. е. всѣмъ внѣшнимъ блескомъ, который мы привыкли разумѣть подъ славою, по невѣжеству человечества, доселѣ еще весьма глубокому, и по склонности его къ идололатріи, увѣнчиваются люди, часто менѣе всѣхъ другихъ причастные къ подвигу. Однимъ словомъ, слава истинно великихъ общественныхъ подвиговъ можетъ принадлежать только всей, или болѣе или менѣе значительной совокупности общественныхъ силъ. А при такомъ взглядѣ на дѣло, значеніе частной силы въ общемъ дѣлѣ возрастаетъ не столько отъ широты пониманія ея дѣла, ни даже отъ ея матеріальнаго или внутреннаго, сравнительно съ другими силами, вѣса, сколько отъ ея вѣрности и преданности основнымъ началамъ общаго дѣла. Въ войскѣ можетъ быть много солдатъ, которые плохо стрѣляютъ, которые слишкомъ слабы, чтобы хорошо драться на штыкахъ. Но войско все-таки будетъ непобѣдимо, если каждый солдатъ въ немъ готовъ умереть за идею, за которую онъ сражается. Во всякой общественной силѣ вся крѣпость состоитъ во внутренней ея организаціи, во внутреннемъ соединеніи между собою частныхъ силъ, ее составляющихъ, для общаго дѣла. Если гдѣ важно это тѣсное соединеніе частныхъ силъ между собою, то именно въ силѣ общественной, которая дѣйствуетъ средствами чисто нравственными. Изъ этого видно, что каждая частная сила въ литературѣ имѣетъ свое несомнѣнное значеніе въ дѣлѣ общемъ, и это значеніе ея обуславливается не столько внутреннимъ ея содержаніемъ, сколько неизмѣннымъ, непрерывнымъ дѣйствіемъ для общей цѣли. Вкусы общества, на которое дѣйствуетъ литература, такъ разнообразны и такъ условны, что нѣтъ никакой возможности опредѣлить, какими произведеніями воспитывается большинство общества—произведеніями ли болѣе даровитыхъ писателей или произведеніями менѣе даровитыхъ. Самый незначительный писатель имѣетъ иногда гораздо болѣе вліянія на массы, и следовательно болѣе дѣлаетъ дѣла, чѣмъ самый талантливый. Поэтому никто изъ пишущихъ не долженъ тѣшиться своею безвѣстностію и не долженъ думать, что онъ бесполезенъ въ общемъ дѣлѣ, если только онъ дѣйствуетъ честно. Напротивъ, онъ необходимая частица въ той совокупной силѣ, которая называется литературою, и можетъ быть частица болѣе животворная и значительная, чѣмъ это представляется съ точки зрѣнія принятыхъ и достигнувшихъ наствъ въ настоящее время критеріумовъ для оценки литературныхъ трудовъ въ ихъ дѣйствіи на общество. Такимъ образомъ и вы, — продолжалъ пріятель, обращаясь ко мнѣ, — не должны сомнѣваться въ пользѣ вашего пера; какое бы вы ни принимали вниманіе въ дѣйствіи

тельной жизни къ вашимъ замѣткамъ, не смущайтесь этимъ. Помните, что зерно, бросаемое вами въ общественное сознаніе, какъ и всякое зерно, должно пройти полный процессъ соотвѣтственнаго ему развитія прежде, нежели оно принесетъ плодъ. Да и чтобы плоды появились въ большинствѣ общества и сдѣлались примѣтны для всѣхъ, — надобно сѣять ихъ какъ можно болѣе, и не лѣниться вырывать плевелы, которые подавятъ посѣянное. Мы хотя и работаемъ усердно, а все еще слишкомъ мало насъ работающихъ и работа пока идетъ не настолько дружно, чтобы можно было требовать для всѣхъ примѣтныхъ всходовъ посѣяннаго, не говоря уже о плодахъ. Но вѣрьте мнѣ, что работа идетъ все-таки не напрасно, — и мы какъ ни незначительны теперь, все-таки не ничто, напротивъ, великій пазъ насъ есть *нѣчто*....

Я выслушалъ всю эту рапею моего пріятеля внимательно, вникъ въ глубину ея смысла — и понялъ, что онъ былъ правъ. Несмотря на мою безвѣстность, я чувствую теперь что я не *ничто*, а *нѣчто* — и продолжаю писать.

Самый важный вопросъ, занимающій теперь публику, — судьбы русскаго дворянства въ будущемъ. Вопросъ этотъ возникъ самъ собою изъ новыхъ жизненныхъ отношеній, въ которыя поставлено дворянство положеніемъ 19 февраля. Съ освобожденіемъ крестьянъ, бывшихъ въ крѣпостной зависимости дворянства, исчезло главное и коренное преимущество дворянства передъ другими. Другія преимущества нашего дворянства очень незначительны, чтобы могли образовать изъ него особое сословіе. Къ тому же наше дворянство не имѣетъ ни династическихъ преданій, ни даже исторической основы, чтобы замыкаться въ особую касту отъ земства, съ которымъ оно всегда было связано до искусственнаго отдѣленія отъ послѣдняго указомъ 21 апрѣля 1785 года. Имѣя все это въ виду, «День» недавно высказалъ свое мнѣніе о слятіи дворянства съ другими сословіями предъ наступающими въ то время дворянскими выборами и предложилъ дворянамъ заняться обсужденіемъ этого вопроса.

Мнѣніе «Дня» было искрой, брошенной въ пороховъ. Всѣ, у которыхъ сословные интересы дворянства лежатъ близко къ сердцу, всѣ, которые теоретически убѣждены, что государство безъ отдѣльнаго дворянскаго сословія не можетъ существовать, — не только написали огромныя статьи противу «Дня», но даже изъ омасенія, чтобы дворянство и въ самомъ дѣлѣ какъ нибудь, въ слѣдствіе зловѣщаго предсказанія «Дня», не распустилось въ одинъ прекрасный день въ земствѣ, написали провѣты для организованія дворянства по новому способу, являющемуся гарантирующему его отъ исчезновенія съ лица земли. Мы не принадлежимъ ни къ защитникамъ, ни къ противникамъ дворянства. Если оно будетъ существовать, — да будетъ воля Божія!

Если же не будетъ существовать, — тоже да будетъ воля Божія! Сама жизнь должна, по нашему мнѣнію, рѣшить для дворянства гамлетовское: *быть или не быть*. Великія преждарешенія, искусственныя уклоня уронить его или удержать отъ паденія — на дѣлѣ не будутъ значить ничего. Насильственно поддержанное, оно еще сильнѣе рухнется, если суждено ему пасть, — насильственно разрушенное, оно оживетъ и развѣтетъ еще съ большею силою.

Выскажемъ однакожъ и мы нѣсколько мыслей по поводу возникшихъ споровъ о дворянствѣ.

Дворянства въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаютъ это слово въ Европѣ, въ Россіи не существовало никогда, ни даже съ 1785 года, когда наше дворянство получило грамоту, прочно организовавшую его, какъ особое въ государствѣ сословіе. Чтобы сторонники дворянства не подумали, что мы выдумываемъ это сами, мы приводимъ извлеченіе изъ статьи г. Д. Журавскаго, написанной о дворянствѣ еще въ 1839 году, слѣдовательно въ то время, когда не возникало вопроса о томъ: быть или не быть русскому дворянству, и когда предметъ могъ быть рассмотрѣнъ вполне безпристрастно.

«Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ г. Журавскій, — что у всѣхъ древнихъ народовъ существовали классы, пользовавшіеся по закону или по силѣ старинныхъ обыкновений разными преимуществами передъ другими сословіями народа; но ошибочно думаютъ тѣ, которые смѣшиваютъ новѣйшее европейское дворянство и наши понятія о благородномъ званіи съ тѣмъ, что существовало подобнаго въ древнемъ мірѣ. Тамъ не было дворянства, какъ нѣтъ его до сихъ поръ у турецкихъ народовъ, у персіанъ, у сѣверныхъ амерканцевъ. Между аристократіей и дворянствомъ большая разница. Отъ обычая оказывать уваженіе потомкамъ заслуженныхъ предковъ до положительныхъ правъ — разстояніе далекое. Европейское дворянство есть непосредственное произведеніе феодальной системы, и преимущества его основываются на главной идеѣ *слѣдственныхъ правъ*, полученныхъ предками и передаваемыхъ безконечно потомкамъ. Дворянство это — *династическое*; каждый родъ — настоящая династія, низложенная, если угодно, съ своего маленькаго престола, но всетаки охраняющая права свои въ памяти и въ архивахъ, надѣтельную корону на печаткѣ, ложкахъ, вилкахъ, каретахъ, диванахъ и названіе своего древняго владѣнія въ фамильномъ имени. Извѣстно, что во всей Западной Европѣ, исключая Россіи, дворяне называются по областямъ, помѣстьямъ или землямъ, которыми они владѣли или владѣютъ. Европейское дворянство всегда цоментъ гѣ врсмена, когда оно изображало верховную власть въ своихъ земляхъ, волостяхъ или помѣстьяхъ, и каждый дворянинъ почитается нынѣшня свои врсности, какія бы они ни были, только вознагражденіемъ за испрошен-

намъ права своихъ предковъ, уступленные королю посредствомъ сдѣлки, которая обезпечила ему за это извѣстныя льготы и предоставила пользоваться титулами и символами пренятаго владѣтельнаго сама. Таковое дворянство во Франціи, въ Германіи, въ Англіи и бывшей Нормандской Италіи, вездѣ, гдѣ господствовала феодальная система, — и это тамъ достоверно, что тамъ челоуѣкъ безъ титула не настоящій noble. Въ другихъ земляхъ, гдѣ феодализмъ не былъ принятъ законодари, дворянство конечно не можетъ ссылаться на династическія права предковъ, которые не послали королю и не передавали ихъ наследникамъ; но подражаніе и мода распространили въ нихъ тѣ же символы и тѣ же идеи...

«Въ Россіи дворянство не имѣетъ феодальнаго происхожденія и принадлежитъ къ разряду дворянствъ мимо феодальныхъ, принявшихъ титулы и символы феодальныя только изъ подражанія.... Въ Россіи никогда не было феодальной системы. Въ ней, какъ и въ Скандинавіи, господствовала система аллодіальная или удѣльная. Во время удѣльной системы, и позже, до Петра I-го, собственно не было дворянства въ томъ смыслѣ, какъ мы теперь понимаемъ дѣло. Хотя существовалъ тогда высшій и благороднѣйшій классъ подданныхъ, онъ не составлялъ однакожъ отдѣльнаго сословія.... То, что мы теперь называемъ дворянствомъ, въ самомъ общемъ значеніи этого слова, было прежде только званіе почетныя, должностныя и просто категорическія, существовавшія при великихъ царяхъ и князьяхъ, какъ-то: бояре, окольничіе, отроки, собственныя дворяне и боярскія дѣти.»

Главнѣйшимъ недостаткомъ высшаго благороднаго класса въ древней Россіи до Петра было—всеобщее уклоненіе его отъ службы, которая между тѣмъ были его повинностію; бывали даже такіе прикѣры, что тогдашніе дворяне, ливнувшись на сборныя мѣста по извѣщенію высельщиковъ, получали жалованье, и вмѣсто того, чтобъ отправиться въ армию, «удалялись въ свои вѣмьства, подвергаясь за это наказанію кнутомъ».

Петръ хотѣлъ образовать дѣятельное *служебное* сословіе, поэтому отличилъ его многими преимуществами, но не съ тѣмъ, чтобы замкнуть его для низшихъ классовъ, а напротивъ, чтобы сдѣлать входъ въ него открытымъ для всѣхъ людей даровитыхъ и дѣятельныхъ. Съ этою цѣлію онъ поставилъ между прочимъ:

1) Признавать потомственными дворянами въ военной службѣ всѣхъ оберъ-офицеровъ, въ гражданской — всѣхъ дослужившихъ 8 класса, какова бы тѣ и другіе происхожденія ни были. 2) Дворянамъ, отличающимся личными достоинствами, отдавать преимущество передъ прочими дворянами, несмотря на обширность поимѣстную послѣднихъ и знатность ихъ происхожденія; 3) разрешить

символявъ дворянъ вступать въ бѣлое духовенство, высшее сословіе, и заниматься разными искусствами, не выходя того въ бѣлостіе ни имъ, ни ихъ семействамъ; 4) младшимъ символямъ личнымъ дворянъ позволять покупать помѣстья по-прислуженіи или въ военной службѣ семи лѣтъ, въ гражданской десяти, а въ купечествѣ пятнадцати лѣтъ; кто нигдѣ не служилъ, тотъ не имѣлъ этого права; 5) всѣ дѣти дворянъ должны были обучаться въ школахъ или дома отъ семи до двадцати лѣтъ; въ этомъ возрастѣ вступали въ военную или гражданскую службу, а по прислуженіи двадцати пяти лѣтъ получали отставку.

Петръ хотѣлъ создать въ государствѣ образованный классъ людей, способный къ службѣ, составивъ его изъ лицъ всякаго происхожденія—даровитыхъ и дѣятельныхъ, — а никакъ не замкнутое сословіе. Мысль Петра была не понята и извѣнена въ 1785 году.... Дворянство русское было организовано, какъ отдѣльное сословіе въ государствѣ дворянскою грамотою. Но и съ этого времени дворянство не приобретало никакого политическаго значенія своимъ сословнымъ положеніемъ. Первое, какъ и въ прежнія времена, приобреталось службою.

Таковы данныя, представляемая исторіею русскаго дворянства, для рѣшенія вопроса о будущихъ судьбахъ его.

Въ исторіи дворянства въ другихъ государствахъ и въ началахъ разума едва ли также можно найти какія нибудь прочныя основанія, которыя бы говорили въ пользу дворянства, какъ отдѣльнаго замкнутаго сословія въ государствѣ.

«Исторія», говоритъ одинъ нѣмецъ, «и политическое значеніе дворянства наследственнаго, то-есть какъ сословія, которое только по своему рожденію, а не по собственнымъ заслугамъ, пользуется преимущественнымъ почетомъ, а часто болѣе или менѣе значительными правами въ сравненіи съ другими сословіями въ государствѣ, — есть одинъ изъ важнѣйшихъ и спорныхъ пунктовъ въ сочиненіяхъ о гражданскихъ обществахъ и, несмотря на безчисленное множество сочиненій, доселѣ еще достаточно не уясненъ исторически. Дворянство въ разныхъ государствахъ является такъ разнообразнымъ въ своихъ формахъ и отношеніяхъ къ другимъ классамъ общества, самыя основанія его существованія въ разныхъ мѣстахъ такъ различны, что произнести какой-нибудь общій приговоръ о дворянствѣ вообще рѣзительно невозможно. Можно съ достовѣрностію отвергать развѣ только крайнія мнѣнія, высказываемыя нѣкоторыми о дворянствѣ, наприимѣръ, что дворянство, какъ отдѣльное и наследственное сословіе необходимо для каждаго народа или по крайней мѣрѣ для каждой монархіи, или что оно никогда не было полезно для государствъ, а напротивъ всегда во всѣхъ отношеніяхъ было вредно. Въ исторіи народовъ, насколько она извѣстна намъ доселѣ, у всѣхъ почти народовъ принимается за

кой періодъ, въ которомъ истинныя блага челоѣчества, какъ-то: правосудіе, чистота нравовъ, стремленія ко всему прекрасному и доброму, — были поддерживаемы и воспріимы избранными классами въ государствѣ; но въстѣ примѣчается и другой періодъ, въ который эти же самыя блага — составляющія основу и разумную цѣль существованія всякаго государства — были тѣми же самыми избранными классами, если не воспріимы окончательно, то совершенно необретаемы. Въ особенности исторія монархій, начиная отъ древнѣйшихъ временъ до новѣйшихъ, свидѣтельствуетъ ясно, что правительства, при утвержденіи правосудія, порядка, мира въ государствахъ, всего чаще встрѣчали препятствія со стороны дворянства, которое впрочемъ какъ съ трудомъ покорялось гражданскому порядку, такъ точно также умѣло и искусно льстить власти, если само получало участие въ управленіи. И напротивъ, при отсутствіи послѣдняго условія, благороднѣйшіе монархи и величайшіе государственные мужи часто напрасно истощали всѣ силы въ борьбѣ съ непокорнымъ дворянствомъ, сильнѣмъ своимъ земельвладѣльческимъ правомъ и многочисленными клиентами, — и монархіи приходили въ совершенной упадокъ. Знаменитое изреченіе Монтескье: «point de monarque; point de noblesse; point de noblesse, point de monarque» — есть одно изъ величайшихъ заблужденій великаго государственнаго мужа. Какъ называлъ наследственное дворянство отличіемъ, которое предпослужаетъ заслугѣ и за который заслуга не только не слѣдуетъ всегда, но и болышею частью не слѣдуетъ. Зарный разумъ не позволяетъ признавать въ челоѣкѣ никакихъ высшихъ, да и вообще никакихъ другихъ достоинствъ, «кроме нравственныхъ достоинствъ, свойственныхъ челоѣческой природѣ, добродѣтели и нравственной красоты; правосудіе требуетъ, чтобы государство раздавало всѣ блага всѣмъ гражданамъ равнообрно, чтобы оно доставляло всѣмъ законную безопасность въ пользованіи ихъ правами и не позволяло небольшому числу лицъ держать въ зависмости отъ себя всѣхъ другихъ.»

Другой примѣръ, рассмотрѣвъ состояніе и права дворянства въ равныхъ государствахъ, дѣлаетъ такой выводъ: «кто обратитъ вниманіе на всѣ эти явленія, тотъ можетъ понять, чего хотѣтъ урожденное, сословное дворянство въ наше время, и къ чему направлены его стремленія. Впрочемъ для этого нѣтъ и нужды въ частныхъ фактахъ, нѣтъ даже нужды заглядывать въ прошедшее, чтобы знать, чѣмъ было урожденное дворянство съ своими наследственными правами и прирожденными преимуществами до и послѣ реформаціи, какъ оно, выдѣлившись противоестественно изъ класса гражданъ, поддерживало неприимую борьбу Гвельфовъ и Гибеллиновъ, какъ оно окрасило воды Темзы королевскою кровію, какъ оно устроило санищовыя камеры Ве-

нощя и вѣстѣ съ прислушниками Рима инквизиціонныя трибуналы въ христіанскомъ мірѣ, какъ оно колебало троны и забѣтилось объ удержаніи крѣпостнаго права и при этомъ никогда не забывало корни своего речеоловнаго древа возводить чуть ли не до неба. Нѣтъ нужды во всякъ такихъ фактахъ, чтобы понять цѣль, къ которой стремится дворянство, во всякомъ впрочемъ случаѣ безусловно. Обращая вниманіе на сочиненія, написанныя въ недавнее время за и противъ дворянства, нельзя не видѣть, что въ некоторые изъ нашихъ современниковъ хотѣтъ возвратить давно прошедшее время со всѣми тѣми, что послѣ долгихъ скорбей и болѣзней давно уже скончалось и сошло въ гробъ. Мертвые вылазуютъ изъ гробовъ къ жизни и живой духъ коленаго живнн настоящаго заключаетоя въ склепы каменныхъ корпорацій. Возвращаясь къ развалившимся и стлывшимъ руинамъ Среднихъ вѣковъ, дѣлаютъ бессмысленную попытку не только остановить ходъ исторіи, но даже рѣку времени повернуть назадъ къ ея истоку.»

Все, впрочемъ, что говорено здѣсь, не относится, какъ видѣть и самъ читатель, къ нашему дворянству. Наше дворянство мало походило на другія дворянства. Изъ исторіи Карамзина и Устрялова мы знаемъ, что оно всегда отличалось любовью къ престолу и отечеству, что оно не можетъ быть заподозрено ни въ какихъ возмущеніяхъ и заговорахъ, что оно всегда старалось содѣйствовать власти къ водворенію порядка и мира въ государствѣ, что оно, наконецъ, — это знаемъ и мы, — съ полною готовностію отказало отъ правъ владѣнія крѣпостными и вѣроятно съ давнихъ временъ вышло отъ этихъ правъ... Однимъ словомъ, наше дворянство совсѣмъ не такое, какъ дворянство другихъ странъ, — и все это не потому, что наше дворянство никогда и не было дворянствомъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Оно не имѣетъ въ корнѣ своихъ речеоловной основы; оно никогда не составляло особаго сословія, даже послѣ грамоты 1785 г. оно не организовалось въ совершенно отдѣльное, замкнутое сословіе. Оно было только высшимъ благороднымъ классомъ въ народѣ, который наполнялся лицами всѣхъ сословій, успѣшными талантами, службою, образованіемъ выйти изъ массы. Когда наука, и аргіюи и исторически, доказала нѣтъ вполнѣ очевидно, что выдѣленіе особыхъ замкнутыхъ сословій или корпорацій въ государствѣ — есть зло для государства, что рано или поздно государство само съ ними должно будетъ вести борьбу, — наше дворянство, оглачавшееся всегда привязанностію къ престолу и отечеству, какъ видно изъ вышеупомянутыхъ нами исторій, должно бы было радоваться тому, что оно не успѣло совершенно замкнуться отъ народа, подобно дворянскимъ сословіямъ другихъ государствъ, что оно имѣетъ полную

возможность слиться съ нимъ, что теперь, по уничтоженіи крѣпостнаго права,—этой ненавистной для народа привилегіи дворянства,—ему наконецъ настала самая удобная минута слиться съ народомъ.

Между тѣмъ на дѣлѣ мы видимъ, что многіе дворяне эту мысль о соединеніи съ народомъ, съ земствомъ, встрѣтили весьма неприязненно. Не смотря на то, что мысль эта не болѣе пока, какъ только мысль, что само правительство заявило, что оно не только не находитъ въ настоящее время поводовъ желать уничтоженія дворянства, а напротивъ думаетъ, что теперь именно, по уничтоженіи крѣпостнаго права, и настаетъ для дворянства время потрудиться всѣми своими силами для пользы отечества, — нѣкоторые изъ дворянъ со всею энергіею вооружились противъ сказанной мысли и начали придумывать средства, какъ бы поставить дворянство таинъ образомъ, чтобы оно было внѣ опасности слиться съ земствомъ. Г. Безобразовъ на дворянскихъ московскихъ выборахъ сдѣлалъ предложеніе *объ измѣненіи Положеній 19 февраля согласно съ дворянскою грамотою*. Очевидцы свидѣтельствуютъ, что г. Безобразовъ защищалъ это предложеніе свое съ энергіею, достойною великихъ ораторовъ. Онъ не пренебрегалъ никакими средствами, чтобы было принято его мнѣніе. Тутъ было и неправильное толкованіе закона, и ораторское движеніе въ рѣчи, и протесты противъ всѣхъ и каждаго. Даже когда предложеніе г. Безобразова было отвергнуто, какъ неполучившее законнаго числа голосовъ, г. Безобразовъ объявилъ, что редація вопроса его составлена не такъ, какъ должно, потому, дескать, встрѣтила протестъ со стороны прокурера, а между тѣмъ редакцію составлялъ самъ же г. Безобразовъ (Русск. Инв. № 37). Другой Безобразовъ, а впрочемъ можетъ быть и тотъ же, — достоверно не знаемъ, — на одномъ изъ чрезвычайныхъ собраній петербургскаго дворянства, происходившихъ до 27 прошедшаго января включительно, изложилъ свое мнѣніе *о правахъ дворянства на земли, основаннаго на дворянской грамотѣ, данной императрицею Екатериною II-ю*, и представилъ различныя неудобства въ надѣлѣ крестьянъ землею, предложилъ проектъ адреса *о разсмотрѣніи этихъ неудобствъ и затрудненій особымъ собраніемъ*, составленнымъ изъ депутатовъ отъ дворянъ всѣхъ губерній. Рѣчь г. Безобразова и чтеніе адреса длились весьма долго. Г. Безобразовъ петербургскій, — если впрочемъ только это другой г. Безобразовъ, а не тотъ же самый, что ораторствовалъ въ Москвѣ, — читалъ и говорилъ громко, ясно, съ надлежащими остановками на мѣстахъ болѣе эффектныхъ. Несмотря на то, предложеніе его было отвергнуто большинствомъ 148 голосовъ противъ 67-ми.

На московскихъ же выборахъ, при разсмотрѣніи заключеній особой комиссіи на вопросы, предложенные министромъ внутреннихъ дѣлъ,

графъ Орловъ-Давыдовъ сдѣлалъ возраженіе противъ предложенія комиссіи о составленіи смѣшанной изъ дворянъ вмѣстѣ съ другими сословіями комиссіи, представляя въ основаніе то, что голосъ образованнаго меньшинства дворянства можетъ быть въ подобной комиссіи подавленъ необразованнымъ большинствомъ.

Извѣстно, что нынѣ во всемъ дворянскимъ собраніямъ, происходившимъ по случаю выборовъ болѣе чѣмъ въ 30 губерніяхъ, по высочайшему повелѣнію предложены были на обсужденіе слѣдующіе вопросы, непосредственно касающіеся интереса мѣстныхъ землевладельцевъ:

- 1) О соображеніяхъ дворянства и предположеніяхъ онаго по пересмотру дѣйствующаго нынѣ устава о службѣ по выборамъ;
- 2) О губернскихъ земскихъ повинностяхъ, устройствѣ управленія ими и подлежащихъ къ производству изъ этого источника расходахъ;
- 3) Объ устройствѣ поземельнаго кредита посредствомъ учрежденія соотвѣтствующихъ современнымъ потребностямъ банковыхъ учреждений;
- 4) Объ устройствѣ медицинской части съ цѣлію увеличенія числа врачей и лечебницъ, и сообразно съ мѣстными условіями распределенія медицинскихъ способовъ;
- 5) О правилахъ содержанія по найму для помѣщичьихъ хозяйствъ работниковъ, не приписанныхъ къ ближайшимъ сельскимъ обществамъ.

Московское дворянство образовало особую редакціонную комиссію для разсмотрѣнія этихъ вопросовъ. 23 января комиссіи представила въ собраніе добытые ею результаты, и тогда же они были подвергнуты обсужденію дворянства.

«Дѣло началось съ того (ищите корреспондентъ «Инвалида» № 37), что нѣкоторые изъ членовъ редакціонной комиссіи прочли составленные ими отвѣты на пять министерскихъ вопросовъ. Всѣ отвѣты, предлагая вкратцѣ рѣшеніе на заданные вопросы, заключались почти одними и тѣми же словами, въ которыхъ высказывалось, съ одной стороны, указаніе на самую недостаточность рѣшенія вопросовъ, вслѣдствіе короткаго срока и отсутствія данныхъ, а съ другой, какъ необходимое послѣдствіе вышесказаннаго, заявлялась необходимость созванія особой губернской комиссіи, для всесторонняго обсужденія вопросовъ, притомъ комиссіи, которая бы состояла не изъ однихъ дворянъ, а также изъ лицъ, уполномоченныхъ отъ другихъ сослодій. Та же мысль была уже высказана въ мѣншіи дворянъ Подольскаго уѣзда, — мѣншіи, принятомъ огромнымъ большинствомъ (306 противъ 38) какъ всеобщаѣйшее прошеніе. Въ отвѣтахъ редакціонной комиссіи намъ показалось особенно интереснымъ, и скажемъ зрѣлымъ, всту-

племіе: что-то въ родѣ трактата о выборномъ началѣ вообще и въ приложеніи его къ рѣшенію вопросовъ нынѣшней внутренней политики Россіи. Мы слышали, что прекрасная редакція этого вступленія принадлежитъ кн. Щербатову—предводителю дворянства Верейскаго уѣзда. Послѣ прочтенія отвѣтовъ начались возраженія на нихъ. Графъ Орловъ-Давыдовъ выступилъ первый на арену. Тѣмъ возраженій состояла въ томъ, что каждое сословіе, даже болѣе, каждое лицо должно имѣть право заявлять о своихъ нуждахъ и предлагать средства къ ихъ удовлетворенію, но что *смѣшанная коммиссія, т. е. состоящая изъ представителей всѣхъ сословій вмѣстѣ, рѣшительно невозможна*. По мнѣнію графа Орлова-Давыдова, дворянство — сословіе по преимуществу образованное и притомъ подготовленное къ государственной дѣятельности, неминуемо встрѣтитъ оппозицію и поглотится огромнымъ большинствомъ другихъ, невѣжественныхъ сословій. Мнѣніе графа Орлова-Давыдова, хотя и несостоятельное въ сущности, но написанное и произнесенное бойко, переполненное многими льстивыми дворянству выраженіями, наконецъ съ указаніями на чужіе края, должно было произвести и дѣйствительно произвело выгодное для оратора впечатлѣніе на слушателей. Оно бы, быть можетъ, и принято было большинствомъ голосовъ, если бы князь Щербатовъ не защитилъ мнѣніе редакціонной коммиссіи блестящею импровизированною (а это у насъ новость) рѣчью. — Насколько намъ не измѣняетъ память, въ рѣчи князя Щербатова была высказана слѣдующая мысль: «не важно еще, если человекъ самъ себя считаетъ и умнымъ, и образованнымъ, и дѣятельнымъ, когда другіе не признаютъ за нимъ этихъ достоинствъ. Точно то же можно отнести и къ цѣлому сословию. Дворянство дѣйствительно считаетъ себя и всегда считало сословіемъ передовымъ, но такъ какъ оно всегда дѣйствовало отдѣльно отъ другихъ сословій, то естественно, что другія сословія не имѣли случая и не могли признать сознательно первенства за дворянствомъ. Принимая въ среду свою представителей другихъ сословій, дворянство будетъ имѣть возможность въ виду ихъ, для нихъ осязательно доказать свои способности, такъ что его достоинства могутъ быть признаны и другими, и если въ самомъ дѣлѣ оно изъ сословій самое образованное, то не въ силахъ его ни затереть, ни поглотить другія сословія. Вопросъ объ огромномъ большинствѣ представителей другихъ сословій уже предусматрѣнъ въ отвѣтѣ редакціонной коммиссіи». Такимъ образомъ вопросъ объ уставѣ о выборахъ рѣшенъ въ смыслѣ, согласномъ съ мнѣніемъ редакціонной коммиссіи.

На дворянскихъ выборахъ въ Тулѣ по одному изъ пяти вопросовъ, предложенныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, именно объ измѣненіи устава службы по выборамъ, избранною коммиссіею пред-

ставлены были два проекта: одинъ, получившій въ общемъ собраніи 292 одобрительныхъ голоса, не составляющихъ, впрочемъ, большинства двухъ третей, имѣлъ въ основаніи своемъ прежнюю замкнутость дворянскихъ выборовъ, не допускающую другаго сословія; другой, получившій 212 избирательныхъ голосовъ, находилъ возможнымъ допустить въ дворянскіе выборы купцовъ-землевладѣльцевъ лично, а сословіе крестьянъ чрезъ уполномоченныхъ, указывая этимъ на возможность учредить выборы, общіе для всѣхъ сословій, и тѣмъ избавиться отъ одного изъ главныхъ неудобствъ существующей системы. Изъ этихъ проектовъ предполагалось представить правительству только одинъ, получившій большее число балловъ, но уѣздный предводитель дворянства, Ефремовскаго уѣзда, Бахтеяровъ, доказывалъ общему собранію, что соображенія дворянства о выборахъ требуются не для одной Тульской губерніи, а для всего государства, и что одобренный большинствомъ проектъ можетъ не получить одобренія въ другихъ мѣстахъ; онъ говорилъ, что не только мнѣніе 212 лицъ по столь важному вопросу не должно быть скрытымъ, но и одинокая здравая мысль должна бы быть представлена для соображенія правительству. На этомъ основаніи г. Бахтеяровъ постановилъ, чтобы оба проекта съ указаніями полученныхъ ими одобрительныхъ голосовъ, были отосланы по принадлежности, и когда онъ увидѣлъ, что словесныя настоянія его остаются безъ успѣха, то подалъ письменный протестъ, за подписаніемъ многихъ дворянъ, требуя дать протесту законный ходъ.

Мы заимствовали это извѣстіе изъ письма ефремовскаго жителя С., напечатаннаго въ № 39 «Московскихъ Вѣдомостей». Что всего болѣе удивляетъ насъ въ этомъ извѣстіи, такъ это то, что незначительное большинство тульскихъ дворянъ, вотировавшихъ за несмѣшеніе дворянъ съ другими сословіями въ одной комиссіи, не согласилось, несмотря на всѣ основательныя представленія г. Бахтеярова, представить по принадлежности вмѣстѣ съ своимъ мнѣніемъ мнѣніе меньшинства по тому же предмету. Такъ ли оно должно бы было дѣйствовать, если бы имъ вошло искреннее желаніе пользы государству и народу, а не сословные предрасудки?

Тѣмъ свѣтлѣе выдѣляются личности — Бахтеярова и солидарнаго съ нимъ дворянства, благородно протестовавшихъ противъ тенденціи *сословности*. Наше трудное время еще счастливо тѣмъ, что среди дворянства находится не мало такихъ личностей, чуждыхъ сословныхъ предрасудковъ, съ яснымъ взглядомъ на вещи, которыя помогаютъ благополучному исходу переходнаго времени, закладывая вмѣстѣ съ тѣмъ животворныя начала для новой жизни въ будущемъ.

Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи сообщить читателю изъ письма другаго ефремовскаго же жителя рѣчь г. Бахтеярова, сказан-

ную имъ во время даннаго ему обѣда уѣзднымъ дворянствомъ, чиновниками и гражданами Ефремова, по случаю выбора г. Бахтеярова уѣзднымъ предводителемъ дворянства на другое трехлѣтіе. Вотъ эта рѣчь:

«Господа! Благодарю васъ за честь, которую вы мнѣ оказали и которую я цѣню выше всякихъ наградъ; благодарю тѣмъ болѣе, что хлѣбъ-соль предложена мнѣ обще всѣми сословіями нашего города: это именно въ духѣ моихъ убѣжденій. Да, господа, я убѣжденъ, что только при тѣсномъ союзѣ всѣхъ сословій, основанномъ на взаимномъ уваженіи, мы достигнемъ прочной самостоятельности, а иначе положеніе наше будетъ всегда въ зависимости отъ случайностей. Я съ своей стороны постоянно считалъ и считаю долгомъ протягивать съ уваженіемъ руку каждому, кого признаю за хорошаго человѣка, безъ различія званій. Позвольте надѣяться, что и вы, господа, будете болѣе и болѣе между собою сближаться, откинувъ съ одной стороны отжившее свой вѣкъ чванство, а съ другой — робость и недоувѣріе къ себѣ, что вы усвоите убѣжденіе, что всякое званіе, всякое положеніе въ свѣтѣ, при честномъ имени лица, которому оно принадлежитъ, всегда почтено, и что для прочности и пользы полнаго сближенія необходимо стремиться къ тому, чтобы всѣ наши интересы дѣлались общими, а не оставлять ихъ въ теперешнихъ, какъ будто заколдованныхъ кругахъ, отдѣльными для каждаго сословія. Сліянiе интересовъ ни у кого не можетъ убавить чести, но можетъ придать всѣмъ намъ новыхъ силъ; слова же — честь и сила, въ отношеніи къ обществу, почти синонимы. Жаль, что здѣсь нѣтъ представителей нашихъ меньшихъ братій — крестьянъ; я бы имъ сказалъ, что мы любимъ ихъ, несмотря на недоувѣріе ихъ къ намъ и на множество мелкихъ непріятностей, которыя они въ настоящее время безпрестанно дѣлаютъ бывшимъ своимъ владѣльцамъ; я бы имъ сказалъ, что мы всѣ эти дразги, вытекающія изъ обстоятельствъ, считаемъ мимолетными; я бы ихъ увѣрилъ, что лучшее передовое дворянство не только готово протянуть имъ руку для сближенія, но что оно не остановится ни передъ какими затрудненіями, чтобы пособить имъ сдѣлаться достойными обладателями дарованныхъ имъ правъ. Еще разъ благодарю васъ, господа, за сдѣланную мнѣ честь и провозглашаю тостъ: въ залогъ братской связи всѣхъ сословій при должномъ уваженіи къ каждому изъ нихъ!... Ура!»

Тотъ, кому приведенная нами рѣчь можетъ показаться все еще не чуждою сословнаго духа, долженъ помнить, что ее говоритъ не теоретикъ, строящій идеалъ новаго, желаемаго общества, а практикъ, разсматривающій общество подъ формою тѣхъ жизненныхъ отношеній, какія есть въ данное время. Во всякомъ случаѣ здѣсь есть стремленіе выйти изъ существующихъ перегородокъ, насколько

можно, а не построить ихъ повыше и покрѣпче, чтобы замкнуться другъ отъ друга навсегда нерушимо....

Въ то время, когда въ нашихъ провинціальныхъ обществахъ, которыя почитаютъ всѣ находящимися въ застоѣ, вѣсть такимъ свѣжимъ духомъ, мы, къ удивленію нашему, въ присяжныхъ жрецахъ науки, профессорахъ университета, въ нѣкоторыхъ органахъ литературы встрѣчаемъ манию *сословности*, достойную поистинѣ среднихъ временъ. Профессоръ государственнаго, кажется, права въ московскомъ университетѣ, г. Чичеринъ, составилъ цѣлую теорію, какъ бы замкнуть дворянство покрѣпче отъ всѣхъ другихъ сословій. Сущность этой теоріи состоитъ въ томъ, чтобы дворянство оставалось съ имѣющимися у него донынѣ правами и привилегіями, не пускало болѣе никого въ свою среду, кромѣ государственныхъ мужей и землевладѣльцевъ, имѣющихъ не менѣе 500 десятинъ земли и получившихъ университетское образованіе. Можно бы, конечно, замкнуться и отъ этихъ и ихъ не пускать въ свою среду, что было бы конечно лучше. Но сдѣлать это неудобно, потому что иначе дворянству будетъ плохо. Дворянство, само собою разумѣется, должно играть политическую роль въ странѣ. А «если дворянство хочетъ сохранить свое первенствующее политическое положеніе, то для него дѣло первостепенной важности имѣть въ своей средѣ тѣ лица, которыя обладаютъ наибольшимъ политическимъ вѣсомъ и въ рукахъ которыхъ сосредоточивается правительственная сила». Далѣе дворянство должно имѣть матеріальную силу. А «матеріальное основаніе дворянства, то, что даетъ ему матеріальный вѣсъ и значеніе въ странѣ—есть земельная собственность. Поэтому для дворянства въ высшей степени важно, чтобы рядомъ съ нимъ не образовался другой, подобный интересъ, который не только будетъ съ нимъ соперничать, но и по всей вѣроятности станетъ ему прямо враждебнымъ; а такой интересъ непременно образуется при совершенномъ исключеніи мѣстныхъ землевладѣльцевъ изъ среды дворянъ.... Поэтому дворянство должно быть открыто для землевладѣльцевъ, какъ открыто оно для государственныхъ чиновниковъ». Ясно ли, читатель, почему дворянство должно быть не окончательно закрытымъ для всѣхъ? — Потому только, что если не будетъ открыто оно настолько, насколько хочетъ открыть его г. Чичеринъ, то и замкнутымъ ему оставаться будетъ невозможно. Впрочемъ г. Чичеринъ говоритъ, что для землевладѣльцевъ, имѣющихъ не менѣе 500 десятинъ и получившихъ университетское образованіе, можно входить въ дворянство все-таки немножко примкнуть. Именно: сначала признавать ихъ дворянами только личными, а черезъ два или три поколѣнія, если они сохраняютъ требуемыя условія, можно будетъ уже принять и въ потомственные.

Мы не будемъ входить въ разборъ сочиненной г. Чичеринимъ теоріи дворянства, но нѣкоторыми изреченіями изъ этого сочиненія почтеннаго нашего профессора, замѣчательными по своей древности, не можемъ не украсить нашихъ страницъ.

«Наше Время». № 4.

«Какъ единственное, можно сказать, образованное сословіе въ имперіи, дворянство (русское) *естественно становится поодаль отъ дружнаго и занимаетъ особенное возвышенное положеніе въ обществѣ и государствѣ*».

«Дворянство единственное сословіе въ Россіи, которое имѣетъ *какое нибудь сознание своихъ правъ*».

«Воображать, что крестьяне могутъ быть мыслящею и дѣятельною частью государства, что мы можемъ отъ нихъ заимствовать гражданскія начала и политическія мысли — это литературная фантазія, о которой не можетъ быть рѣчи, когда дѣло идетъ о государственныхъ вопросахъ. Здравый смыслъ не позволяетъ объ этомъ распространяться».

«Наше Время». № 5.

«Всякій, кому знакомъ провинціальный бытъ, какъ онъ сохранялся еще 10 или 15 лѣтъ тому назадъ, кто испыталъ на себѣ вліяніе этой среды, знаетъ, что это была жизнь, которая не давала ни уточненнаго образованія, ни живыхъ интересовъ, ни даже значительнаго благосостоянія, но жизнь здоровая (!), могучая (!!), — жизнь, которая вволю приходилась по русскому (!!!) складу и русскимъ (!!!!!) привычкамъ. И Россія во весь этотъ періодъ росла и расширялась, опираясь на эту организацію (!!!!!!!)». Помилуй Господи, какія иногда приходится слышать вещи отъ профессоровъ, да еще и государственнаго права!

«Нравственная сила дворянства состоитъ (между прочимъ) въ *наследственномъ, политическомъ положеніи, въ привычкѣ къ власти, приобрѣтенной вѣковыми владѣтельствомъ надъ крѣпостными, въ сословной чести*, которая сохраняетъ въ себѣ чувство политическаго долга съ сознаніемъ своего достоинства» (разумеется, дворянскаго?).

«Дворянство не можетъ висѣть на воздухѣ... Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права рушилась значительная часть прежней матеріальной опоры (дворянства). Чтобы *сохранить дворянство, ему нужно дать новыя поддержки*».

«Наше Время». № 8.

«Военная служба держится на чести, а военная честь ближе всего подходитъ къ понятію о чести дворянской. Между ними есть историческое и нравственное сродство, которое дворянству даетъ нѣкоторое право на привилегированное положеніе въ военной службѣ. Некая

сказать то же о службѣ гражданской. Здѣсь главное начало не корпоративная честь, а способность и образование».

«Едва ли можно допустить вступленіе дворянъ въ податныя сословія иначе, какъ съ выходомъ изъ общества дворянскаго. Если дворянство должно имѣть нравственное и политическое положеніе въ государствѣ, то дворянинъ не можетъ вступить въ совершенно иное состояніе, не отказавшись отъ своихъ правъ. Начало же добровольнаго перехода можетъ быть только выгодно для дворянства, которое не будетъ имѣть въ своей средѣ членовъ, не желающихъ поддерживать свое званіе».

«Дворянство непосредственно завѣдуетъ многими изъ мѣстныхъ дѣлъ и участвуетъ почти во всѣхъ. Несмотря на то, слышатся жалобы на недостатокъ мѣстнаго самоуправленія и лекарствомъ отъ этого зла выставляется еще большее распространеніе выборнаго начала». Удивительно въ самомъ дѣлѣ!

«Никто не жалуется у насъ на излишнюю строгость взысканій; напротивъ, слышится общій ропотъ на то, что отъ взысканій слишкомъ легко избавиться».

«Выборъ исправниковъ могъ быть возложенъ на одно только дворянство, которое по своему положенію менѣе подлежитъ взысканіямъ и полицейскимъ распоряженіямъ, нежели низшіе классы. Участіе крестьянъ въ выборѣ исправника — просто немислимо».

«Наше Время». № 12.

«Наше дворянство, по своему наследственному и землевладельческому типу, долго не можетъ принять характеръ средняго сословія. Но допустимъ даже и это; допустимъ, что немислимо, — что оба сословія сольются и будутъ въ состояніи дѣйствовать за одно. При уничтоженіи сословныхъ перегородокъ, при паденіи наследственности, — преобладающею силою сдѣлается личный элементъ труда и образованія. Спрашиваемъ у всякаго человѣка, разумно смотрящаго на состояніе нашего общества: возможно ли у насъ скольконибудь положиться на эту силу и основать на ней какойнибудь политическій порядокъ? Наконецъ, что останется на верху? Изъ кого и изъ чего составятся независимыя политическія положенія, могущія имѣть вѣсь въ государствѣ? Съ паденіемъ сословія не приблизимся ли мы ближе къ Азіи, вмѣсто того, чтобы приблизиться къ Европѣ?» — О ужасы!

«Наследственность положенія есть политическая сила; юридическая опредѣленность сословія есть также сила...»

«Хаосъ — вотъ въ настоящее время божественное, возможное послѣдствіе пресловутаго земства!»

«Уничтожить дворянство, не замѣняя его другою, существующею силою, просто распушить его въ земствѣ — немислимо для всякаго

человѣка, который имѣетъ наибольшее понятіе о политическихъ дѣлахъ».

Отъ вопроса о дворянствѣ перейдемъ къ мировымъ учрежденіямъ.

Мировыя учрежденія, несмотря на недавнее свое происхожденіе, на видѣнныя обстоятельства, не очень благопріятствующія ихъ правильному развитію, наконецъ на составъ ихъ, не ведаѣ удовлетворительный, — успѣли обратить на себя общее вниманіе своими дѣйствіями. Результаты дѣятельности ихъ въ общемъ въ настоящее время, конечно, мало значительны еще, но несомнѣнно, что отъ мировыхъ учрежденій можно надѣяться многого, при правильномъ и благопріятномъ ихъ развитіи. Мировыя учрежденія — первыя изъ нашихъ учреждений, посредствомъ которыхъ лучшіе люди изъ нашего дворянства становятся въ близкое отношеніе къ народу, и главное, не въ качествѣ форменнаго начальства, а въ качествѣ руководителей народа и защитниковъ его интересовъ. По идеѣ, если предположить, что дворянство имѣетъ сочувствіе этой идеѣ и стремится служить ей искренно, служеніе это весьма благородное и дѣлаетъ честь русскому дворянству. Но оно имѣетъ съ тѣмъ и весьма полезно не только для самихъ дворянъ, но и вообще для государства. Лучшіе изъ нашего дворянства, поставленные въ первый разъ лицомъ къ лицу съ народомъ не въ качествѣ тяжелыхъ владыкъ, требующихъ единственно оброка, но въ качествѣ добрыхъ друзей, со всею заботливостію внимающихъ въ его нуждахъ, войдутъ имѣетъ настоящее состояніе народа, его настоятельныя потребности, его не нормальныя въ настоящее время отношенія къ другимъ сословіямъ и вообще обществу, его простой и здоровый смыслъ, вообще приобретутъ вѣрный и ясный взглядъ на народъ. Отсюда выродится множество вопросовъ, доселѣ никѣмъ не предчувствованныхъ, рѣшеніе которыхъ должно положить новыя здравыя начала для правильнаго устройства нашего общества. Съ этой точки зрѣнія съѣзды мировыхъ посредниковъ, на которыхъ они обмѣниваются своими наблюденіями, и, разрѣшая свои частныя недоумѣнія, выясняютъ имѣетъ съ тѣмъ общіе вопросы о состояніи народа и его современныхъ нуждахъ, въ высшей степени благотворны.

Мы съ удовольствіемъ прочли извѣстіе о съѣздѣ мировыхъ посредниковъ и предсѣдателей мировыхъ съѣздовъ, бывшемъ въ Твери въ декабрѣ прошедшаго года. Засѣданіе съѣзда открылось 12 декабря и до начала его былъ избранъ мировыми посредниками въ предсѣдатели губернскаго съѣзда новоторжскій предводитель дворянства А. А. Бакуницъ. Въ началѣ засѣданія заявлены были какъ дѣла, такъ характеръ и значеніе этого собранія. Цѣлью разсужденій было постановлено: изъ опыта приобретеннаго посредниками при непосредственныхъ сношеніяхъ съ народомъ, извлечь пречныя выводы для будущаго и у-

свить значеніе этихъ должностныхъ лицъ въ понятіяхъ обонихъ сословіи. Затѣмъ отъ каждаго уѣзднаго мирового съѣзда поступили на обсужденіе вопросы, раздѣленные тутъ же на три категоріи: вопросы общіе, мѣстные и сельскаго управленія.

Очень жаль, что разсужденія мирового съѣзда не напечатаны въ полномъ ихъ составѣ. Всѣ эти разсужденія, какъ основанныя на наблюденіяхъ, взятыхъ прямо изъ жизни, не только по содержанию своему имѣютъ для всѣхъ живогрешущихъ интересъ, но важны и въ томъ отношеніи, что они направляютъ общественную мысль на разработку вопросовъ настоятельныхъ, необходимыхъ для насъ, отвлекая ее отъ празднои игры словами и уклоненій въ безплодныя, чуждыя жизни теоріи. Сообщаемъ здѣсь о разсужденіяхъ тверскаго мирового съѣзда то, что было напечатано о нихъ въ извлеченіи въ Тверскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ.

«Въ третьемъ засѣданіи, 13-го декабря, мировой посредникъ Новоторжскаго уѣзда, г-нъ Кудрявцевъ, предложилъ вопросъ: не найдеть ли собраніе нужнымъ, не ожидая истеченія трехлѣтняго срока, ходатайствовать о *немедленномъ призваніи крестьянъ къ участию въ выборѣ мировыхъ посредниковъ*. Предложеніе свое основываетъ онъ на слѣдующихъ соображеніяхъ: 1) въ настоящее время крестьяне уже достаточно ознакомились съ новымъ своимъ положеніемъ и значеніемъ мировыхъ должностей, чтобы сдѣлать безынтересный выборъ; 2) участіе крестьянъ въ выборѣ мировыхъ посредниковъ увеличитъ благотворное вліяніе послѣднихъ на усѣбный и мирный ходъ общаго дѣла; 3) выборное начало, общее обонихъ сословіямъ, наиболее послужитъ къ ихъ сближенію.

«Это предложеніе, заслуживающее искренняго сочувствія, вызвало нѣсколько возраженій. Прежде другихъ предводитель Зубцовскаго уѣзда замѣтилъ, что крестьяне *еще не сзрѣли къ принятію дѣятельнаго участія въ выборѣ мировыхъ посредниковъ*. Противъ него возражали многие, *отвергая мысль о незрѣлости крестьянъ, какъ совершенно несправедливую и опровергаемую фактами*. Предводитель Калезинскаго уѣзда выразилъ опасеніе, что въ случаѣ предоставленія крестьянамъ выбора посредниковъ, *дворянству ничего не останется*. Но когда ему замѣтили, что предложеніе г. Кудрявцева не исключаетъ дворянства изъ участія въ выборѣ, то онъ сказалъ, что *дворянство, какъ особое сословіе, должно имѣть особыхъ посредниковъ*. Мировой посредникъ того же уѣзда, г. Полтораціи, отвѣчалъ ему, что самое названіе посредника указываетъ, что онъ не долженъ принадлежать исключительно одному сословію, а служить къ взаимному сближенію обонихъ. Членъ Губернскаго Присутствія, г. Ангинавъ, признавая справедливость самого начала, обратилъ вниманіе собранія на то, бу-

дѣл ли полезна, въ практическомъ отношеніи, заимѣна настоящихъ мировыхъ посредниковъ, ознакомившихся съ средою и цѣлю своей дѣятельности, новыми лицами по выбору крестьянъ?

«Затѣмъ вопросъ былъ рѣшенъ письменною подачею голосовъ, большинствомъ 33 — противъ 27, въ томъ смыслѣ, что собраніе *назидитъ полезнымъ немедленное допущеніе крестьянъ къ участию въ выборѣ мировыхъ посредниковъ.*

«Тотъ же мировой посредникъ Новоторжскаго уѣзда, г. Кудрявцевъ, предложилъ собранію другой вопросъ, о допущеніи выбора крестьянами въ должности сельскаго управления и суда *лицъ оцѣль сословій, владеющихъ землею.*

«Вслѣдъ за тѣмъ, мировой посредникъ Весьегонскаго уѣзда, г. Пыжовъ, предложилъ на обсужденіе собранія поступившую къ нему отъ одного изъ помѣщиковъ просьбу—о *зачисленіи его въ временно-обязанные крестьяне* къ другому помѣщику, которому онъ обязывался отбывать всѣ повинности, наравнѣ съ прочими крестьянами, съ условіемъ распространенія на него и правъ временно-обязанныхъ крестьянъ, а именно права участвовать на сельскихъ и волостныхъ сходахъ, права выбора въ сельскія и волостныя должности п проч. Собраніе, выслушавъ все это, признало, что означенная просьба подлежитъ не его, а Губернскаго Присутствія разсмотрѣнію, но что *общій вопросъ, къ которому относится приведенный частный случай, заслуживаетъ внимательнаго его разсмотрѣнія.* Высказаны были различныя мнѣнія въ пользу и противъ допущенія всѣхъ землевладельцевъ къ занятію должностей сельскаго управления и суда; нѣкоторые признавали такое допущеніе полезнымъ въ отношеніи административныхъ должностей, но въ то же время находили его вреднымъ, или по крайней мѣрѣ преждевременнымъ, въ отношеніи судебныхъ; но когда вопросъ былъ подвергнутъ рѣшенію, посредствомъ письменной подачи голосовъ, то собраніе, большинствомъ 45 голосовъ противъ 2-хъ безусловно отрицательныхъ и 3-хъ отрицательныхъ въ отношеніи къ занятію судебныхъ должностей, признало полезнымъ допущеніе лицъ всѣхъ сословій, владеющихъ землею, въ должности сельскаго управления и суда.

«Затѣмъ обсуждали вопросъ о сокращеніи на первый разъ срока службы должностныхъ лицъ сельскаго управления, такъ какъ первые выборы, не смотря на стараніе мировыхъ посредниковъ — уяснить крестьянамъ важное ихъ значеніе, не могли быть вполне удовлетворительными. Вопросъ этотъ рѣшенъ отрицательно большинствомъ 22 голосовъ противъ 12.

«Вопросъ объ обязательномъ для сельскихъ обществъ назначеніи жалованья старостамъ, которые, служа жиру даромъ, въ ущербъ сво-

ему благосостоянію, не оказываютъ должнаго усердія въ отношеніи исполненія своихъ обязанностей, былъ рѣшенъ также отрицательно, большинствомъ 26 голосовъ противъ 10.

«Послѣ того были рассмотрѣны и подвергнуты письменной подачѣ голосовъ нѣсколько частныхъ вопросовъ; остальные же, касающіеся разныхъ статей Положенія, требующіе болѣе подробнаго и внимательнаго обсужденія, а слѣдовательно и дальнѣйшаго пребыванія собранія въ Твери, были отложены до слѣдующаго собранія; ибо мировью посредники сдѣлали возвратиться къ своимъ мѣстамъ и занятіямъ.

«На другой день, собравшись въ послѣдній разъ, члены собранія подписали заключительное постановленіе собранія, коимъ опредѣлено:

1) Всѣ бывшіе въ рассмотрѣніи вопросы, въ подлинныхъ листахъ, представить въ Губернское по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіе и просить его przeprowadить ихъ на рассмотрѣніе главнаго комитета;

2) Мнѣніе о необходимости выкупа przeprowadить къ уѣзднымъ предводителямъ, для сообщенія дворянству;

3) Членамъ мировыхъ учреждений вновь собраться въ Твери 1-го марта 1862 года.

«Этимъ окончился первый съѣздъ членовъ мировыхъ учреждений Тверской губерніи.» («М. В.» №. 16).

Читатель видитъ, какъ новы и интересны, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени жизненны вопросы, возбужденные мировымъ съѣздомъ. Въ каждомъ изъ нихъ слышится вопль жизни, выбитой изъ старой колес и ищущей новаго свободнаго для себя пути.... Подобные вопросы должны были бы вызывать органы литературы къ серьезному рассмотрѣнію и обсужденію дѣла. Наша литература или совершенно молчитъ объ нихъ, или сообщаетъ кое-какія краткія свѣдѣнія, что, дескать, на тверскомъ мировомъ съѣздѣ рассуждали о томъ-то. Находятся въ числѣ литераторовъ даже такіе философы, которые глумятся не только надъ вопросами, но даже и надъ подобными пустыми, по ихъ мнѣнію, занятіями мировыхъ съѣздовъ. Николай Филипповичъ Павловъ надвинуться не можетъ, какъ мировымъ посредникамъ, вмѣсто аккуратнаго, закономъ указаннаго, исполненія своихъ обязанностей, пришла фантазія заниматься умственными упражненіями, и на своемъ балаганномъ языкѣ передаетъ это такимъ образомъ:

«Съѣзды эти (мировые) учреждены затѣмъ, чтобы посредники могли уяснить себѣ свой образъ дѣйствія и обмѣливаются мнѣніями касательно ихъ многотрудныхъ занятій. Предметъ объявленъ. Но у насъ какой кругъ ни очерти — хоть въ объемѣ Енисейской губерніи, — съ

намъ будетъ не по плечу, покажется наль. На этомъ съѣздѣ пресерьезно доказывалось, что надо сейчасъ, сію минуту допустить крестьянъ къ выборамъ посредниковъ, а также не пройти безъ разсмотрѣнія, — созрѣли ли крестьяне или нѣтъ. Вопросъ занимательный и мы, конечно, не осмѣлились порицать такого рода умственныхъ упражненій, но ихъ ли требуетъ и ждетъ теперь Россія? Передъ посредниками замолкъ, который надо вводить въ жизнь, примѣнить къ практикѣ. Ну что, право, имъ за необходимость мучить себя разрѣшеніемъ такихъ мудреныхъ формулъ, когда и безъ того достаточно головоломной работы? Можетъ быть крестьяне созрѣли, а можетъ быть и нѣтъ. Надѣвтеъ крестьяннинъ синій кафтанъ, двитса артельщикомъ на петербургской биржѣ, ну, какъ будто бы и созрѣлъ. Увидишь его въ курной избѣ, выхѣсть съ теллтами, — покажется, что надо ему еще зрѣть. Тутъ спору не оберешься. Разумное, дѣятельное и скорое примѣненіе новаго закона, право, гораздо полезнѣе будетъ и дворянамъ, и крестьянамъ, и всей Россіи, чѣмъ эти напрасныя толки. Имъ придется своей чередъ, а покуда должно, кажется, желать одного, какъ небесной благодати, чтобы Богъ избавилъ насъ отъ пустословія».

Можно ли болѣе поверхностно, болѣе, такъ сказать, *мажимо* смотрѣть на дѣло посредниковъ, и можно ли болѣе шутовски относиться къ вопросу, важность котораго не можетъ не созавать въ настоящее время ни одинъ русскій человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ далеко поставленъ отъ жизни?

Еще интереснѣе тѣмъ же *балатаннымъ* языкомъ философствуетъ Николай Филипповичъ надъ весьегоонскимъ помѣщикомъ, подавшимъ просьбу *о зачисленіи его во временно-областные крестьяне къ другому помещику*. Сколько намъ помнится, примѣръ подобнаго желанія помещиковъ перейти въ податное общество не первый. Явленіе это въ высшей степени замѣчательное и заслуживаетъ самаго внимательнаго изслѣдованія. Должны же быть побужденія очень важныя въ самой жизни, которыя заставляютъ рываться людей на столь странную, по общему понятію, мѣру. Во всякомъ случаѣ прежде, чѣмъ изречь судъ о такихъ лицахъ, надо бы было точно узнать у нихъ самихъ, что понуждаетъ желать ихъ такого тѣснаго соединенія съ крестьянскимъ обществомъ. Мировымъ посредникамъ, бывшимъ на съѣздѣ, понимающимъ настоящее положеніе крестьянъ и помѣщиковъ лучше насъ, не показала просьба весьегоонскаго помѣщика ни странную, ни смѣшную. Они, напротивъ, взглянули на нее очень серьезно съ той стороны, что помѣщикъ съ зачисленіемъ въ крестьяне просилъ себѣ права участвовать на сельскихъ и волостныхъ сходахъ, права выбора въ сельскія и волостныя должности и проч., и возбудили общій вопросъ о пользѣ допущенія всѣхъ землевладѣльцевъ къ занятію должностей сельскаго управленія

и суда, и когда вопросъ былъ подвергнуть баллотировкѣ, то былъ принятъ большинствомъ 45 противъ 5 за *demoucratie*. Хотя бы по одному этому Николай Филипповичъ догадался, что вѣсьеговской помѣщикъ вовсе не такъ смѣшонъ, какъ представилось это ему, Николаю Филипповичу. Но ничего этого Николай Филипповичъ знать не хочетъ: ему до смерти смѣшно, какъ это дворянину можетъ придти фантазія записаться во временно-обязанные крестьяне, и онъ балагуритъ насчетъ вѣсьеговскаго помѣщика такимъ образомъ:

«Извѣстно, что одному изъ диктаторовъ древняго Рима, а именно Силлѣ, въ одно прекрасное утро, опротивѣла власть, наводившая ужасъ на тогдашнее человѣчество; онъ разогналъ дикторовъ, сорвалъ съ головы диктаторскій вѣнецъ, отрезалъ отъ своего страннаго званія и сталъ въ ряды простыхъ римскихъ гражданъ. Графъ Мирабо, въ концѣ прошлаго столѣтія, называлъ себя куццомъ, а тогда графу пуститься въ коммерцію, пойти въ торгаши, значило унизить себя, запятнать, потревожить въ могилахъ всѣ до одной кости своихъ предковъ.

«Вотъ и какой-то помѣщикъ Тверской губерніи, Вѣсьеговскаго уѣзда, въ наши дни, въ томъ же, повидимому, настроеніи духа, какъ Силла и Мирабо, слагаетъ съ себя бремя своего титула, своихъ правъ, привилегій, предрассудковъ, и, какъ читатели увидятъ ниже, просится изъ дворянъ во временно-обязанные крестьяне, обѣщая отбывать исправно всѣ повинности въ отношеніи своего прежняго брата-помѣщика, подъ сѣнь котораго онъ намѣренъ пристроиться. Намъ кажется, что на земномъ шарѣ положеніе крестьянина вообще и временно-обязаннаго въ частности не до того очаровательно, чтобы оно могло соблазнить глаза англійскаго джентльмена, нѣмецкаго барона или русскаго дворянина. Слѣдовательно, причину явленія должно искать не въ прелестяхъ пастушескаго быта, а въ цинцинатовскихъ наклонностяхъ самаго вѣсьеговскаго помѣщика, въ его домашнихъ обстоятельствахъ, въ его возрѣніяхъ на людей и на общество. Можетъ быть, ему захотѣлось въ мужики, — такъ, безотчетно: кочу, да и полюю.

«Тутъ и первый мудрецъ міра станетъ въ тупикъ. Возражать нечего. Почему не захотѣтъ и въ мужики, когда людямъ какихъ желаній не приходило въ голову? А можетъ быть, вѣсьеговскій помѣщикъ принадлежитъ къ тому разряду дворянъ, которые, по своей нищетѣ, не отличаются у насъ отъ сельскаго населенія, раздѣляютъ не только его труды, но и недостатки. Можетъ быть, онъ недавно еще былъ владѣльцемъ одной души и съ этой душой жилъ за-панибрата, потому для него переходъ отъ дворянства къ крестьянству не представляеть на дѣлѣ ни малѣйшей разницы состояній: переходъ совершился бы въ

бумажномъ, идеальномъ мѣрѣ. Тамъ была бы ломка, а въ сущности, на практикѣ; все осталось бы по прежнему. Словомъ, онъ, можетъ быть, не привыкъ ни къ какому такъ-называемому дворянскимъ за- нятіямъ и даже не знаетъ ихъ. Въ такомъ случаѣ, мы не осмѣлимся произнести ему не единого слова въ упрекъ, а спросимъ только: за чѣмъ же просьба? Онъ могъ бы заняться работами земледѣльца, не дѣлая напрасной попыткѣ. Неужели никто не пришелъ на помощь бѣдному человеку и не объяснилъ ему, что, по общему закону, переходъ, просимый имъ, не допускается? Но можетъ быть, это была протестъ во имя отжившаго навала, одна изъ послѣднихъ попытокъ до- горающей свѣтланы, лорымъ желчи, накопившейся въ печени: — вотъ, мы хорошо все устроили; у васъ мужику лучше, чѣмъ дворя- ницу; а что это правда, — такъ вотъ я прошу въ мужики. — Пре- красно, какъ поэтическое движеніе; но полно, такъ ли? Намъ все, пра- во, кажется, что дворянину лучше жить на свѣтѣ, чѣмъ мужику. Жаль, что вѣсеголевскій помѣщикъ не поберегъ своего душевнаго жара для болѣе важныхъ, болѣе прозаическихъ дѣйствій, если судьба наградила его такой смѣлостью, что ему ничего не стоить идти наперекоръ самой наглядной истинѣ. Но, можетъ быть, до вѣсего- левскаго уѣзда дошли слухи, что люди равны между собою; помѣ- щикъ нашъ поборилъ слухамъ, да и бухъ просьбу къ мировому по- среднику. Что дворянину? что ваши титулы, предрассудки? чѣмъ мужикъ хуже меня? Его занятіе почетнее; онъ общій надгъ корми- лецъ, и проч., и проч. — всѣ эти фразы, которые сдѣлались давно у насъ истинно просвѣдочными достоинствами риторическаго хлама. Это уже важнѣе, это служба идеѣ, желаніе провести ее въ кровь и соль общества. За это нельзя, конечно, не похвалить вѣсеголевскаго помѣщика; душа у него, должно быть, добрая; въ возвышенности чувствъ отказывать ему невозможно; но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не за- мѣтить, что такое направленіе есть признакъ ума, терпящагося въ чужихъ отвлеченностяхъ, есть едва-ли не свойство человека, кото- рый ни на какое общественное дѣло неспособенъ».

Можетъ быть и желаніе, заявленное вѣсеголевскимъ помѣщикомъ было увлеченіе, а можетъ быть оно вышло бы и дѣйствительно хоро- шую мѣру, если бы испытать ее на дѣлѣ; такою по крайней мѣрѣ признало эту мѣру большинство 45-ти посредниковъ противъ 5-ти на твердомъ мировомъ сѣздѣ. Но если желаніе вѣсеголевскаго помѣ- щика было и увлеченіе, для дѣла безплодное, то это такое благород- ное увлеченіе, надъ которымъ литературѣ глумиться и грѣшно, и стыдно.

.. Недавно мы прочитали въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» двѣ статей- ки, написанныя по поводу вопроса объ участіи крестьянъ въ выборѣ

мировыхъ посредниковъ... одну очень небольшую, въ родѣ земства, г. Шидловскаго; другую, болѣе систематизированную, П. К. О. Что жъ въ этихъ статейкахъ? — Да ничего; въ одной нѣсколько фактовъ неправильно понятыхъ; въ другой нѣсколько предвзятыхъ мнѣній о невѣжествѣ крестьянъ, — да и ничего больше.

Г. Шидловскій пишетъ: «нигиши дѣло съ временно-оближенными крестьянами губерній Тамбовской, Харьковской и Калужской, по нигиши дѣло ближайшихъ родныхъ моихъ и моихъ собственнымъ, я положительно могу сказать, что крестьяне далеки еще отъ той зрѣлости, какая необходима для участія въ выборѣ мировыхъ посредниковъ. Они не понимаютъ настоящаго своего положенія, питаютъ какія-то несомнѣвательныя надежды относительно будущаго, и даже выборы въ должности волостныхъ и сельскихъ управленій произведены или болѣею частью неудачно, потому что они выбирали людей слабыхъ, безхарактерныхъ, отъ которыхъ справедливо ожидали послабленія въ отбываніи повинностей относительно помещиковъ. Можетъ быть Тверская губернія составляетъ исключительную, но и въ такомъ случаѣ нововведенія, удобныя для нея, не могутъ имѣть общаго примѣненія. Мнѣніе мое относительно неразвитости крестьянъ подтверждается фактами» (М. В. № 39). Далѣе дѣйствительно слѣдуютъ факты, — но изъ этихъ фактовъ ничего не видно, кромѣ того, что крестьяне весьма мало имѣютъ довѣрія къ г. Шидловскому.

П. Н. О. въ 38 № М. В. отвергаетъ всякую въ настоящее время въ крестьянахъ способность быть избирателями посредниковъ.

«Что, спрашиваетъ онъ, требуется, чтобы быть хорошимъ избирателемъ въ данномъ случаѣ?

«На говоря уже объ извѣстной, необходимой для великаго успеха выбора, степени общественнаго развитія, здѣсь необходимы, во-первыхъ, полное и ясное сознаніе не только своихъ правъ, но и правъ и обязанностей избираемаго лица; во-вторыхъ, присутствіе въ избирающихъ определенной идеи того, чего ищутъ они въ избираемомъ лицѣ, чѣмъ оно должно быть; и въ-третьихъ, всестороннее знакомство съ такимъ лицомъ, полное къ нему довѣріе. Иначе, какъ всѣмъ извѣстно, выборы не принесутъ желанныхъ результатовъ, обратятся въ мертвую форму, или, что еще хуже, запутаютъ дѣло и непремѣнно повредятъ ему.

«Обращаясь къ первому изъ этихъ условій, именно къ полному и ясному сознанію не только своихъ правъ, но и правъ и обязанностей избираемаго лица, мы видимъ, теперь по крайней мѣрѣ, весьма мало утѣшительнаго въ этомъ отношеніи; съ обѣихъ сторонъ существуютъ чуть ли не совершенно противное. Крестьяне почти повсемѣстно и во всѣхъ случаяхъ не обнаруживаютъ такого сознанія; нѣтъ прева

представляются или въ какой-то мечтательной, воображаемой формѣ, въ дико-преувеличенныхъ размѣрахъ; а въ высшемъ, землевладельческономъ сословіи мы находимъ хотя сознательное, но за то и сознательно-привратное пониманіе правъ и обязанностей, за весьма рѣдкими исключеніями, а такое сознательное пониманіе нисколько не помогаетъ дѣлу. Что касается до пониманія правъ и обязанностей, принадлежнхъ Положеніемъ мировому посреднику, то, въ глазахъ большинства нашего землевладельческаго сословія, мирового посредникъ является совершенно чужимъ лицомъ, и идеализированіе его нисколько не соотвѣствуетъ его истинному призванію, на сколько оно условлено Положеніями и естественною потребностью. Отъ крестьянъ пока странно было бы и требовать вполне юридическаго пониманія, хотя, по какому-то нравственному чутью и прирожденному смыслу, они идутъ къ посреднику, какъ къ своему адвокату, и болышею частью (!!) доверяютъ ему свою участь, какъ лицу, *избранному* (!!!) и уполномоченному къ тому высшею властью.

— Съ такимъ же успѣхомъ стали бы мы искать теперь въ избираемыхъ справедливейшей идеи, которой должно отвѣчать ими избранное лицо. Крестьяне не успѣли еще высказаться въ этомъ смыслѣ. Да въ настоящее время и трудно представить себѣ тотъ идеалъ, который крестьяне делаютъ въ думѣ своей, тѣ качества, какихъ требуютъ они отъ мирового посредника. Ихъ мнѣнія объ этомъ предметѣ, за сѣдѣемъ намъ пришлось изъяснить, крайне сбивчивы, невѣрны; но болышей же чести, они видимо относятся равнодушно къ этому вопросу. Несмотря на то, можно нѣсколько предугадать, какъ бы высказались они въ этомъ отношеніи, если бы представилась къ тому возможность при отсутствіи некачественнаго развитія, необходимаго для образованія лавѣстнаго мнѣнія въ данномъ случаѣ, при весьма ограниченныхъ потребностяхъ нашего крестьянскаго сословія, оно, вѣроятно, склонилось бы въ пользу лица, способнаго дѣлать имъ возможно болѣе послаблѣній, смотрѣть сквозь пальцы на ихъ грѣшныя, вообще мирвалить ихъ (!!).

— Перейдемъ теперь къ послѣднему изъ условій удачнаго выбора; къ всеворонному знакомству съ лицомъ, назначаемому для такой серьезной дѣятельности, и полному къ нему доврѣю. Прежде всего адвѣкъ нуженъ знать, будетъ ли избраніе ограничено извѣстной только средой или нѣтъ. Трудно предположить, въ настоящее не крайнее нѣрѣ время, чтобы было возможно выбирать мирового посредника изъ среды крестьянъ; и чтобы въ такомъ выборѣ участвовали одними новы общіе спорышкы; но воиъ нѣроятностямъ, тутъ предполагалась бы извѣстною только среда вышнго, землевладельческаго класса, другой

же предоставлялось бы лишь право избирательства. Следовательно, для рѣшенія вопроса объ этомъ условіи удачнаго избранія, необходимо рассмотретьъ, насколько крестьянину могъ быть полезенъ сосѣдскій помѣщикъ, кому изъ нихъ онъ симпатизировалъ, кому болѣе довѣрялся и кого дарилъ своею любовью. Доизвѣстна этого пока не легко: еще недавно прекращавшія отношенія мало благоприятствовали возможности какихъ либо заявленій, а тѣмъ болѣе заявленій такого деликатнаго свойства. Эти недавнія отношенія оставили за собою слѣды, которые далеко еще не успѣли изгладиться и въ настоящее время; господская усадьба одиноко и гордо стояла вдалекѣ отъ крестьянскихъ избышекъ; безъ шанки проходилъ мимо воротъ ея крестьянинъ и, входя въ барскіе вѣконъ, оставалъ за порогомъ и искренности своей рѣчи; величаво-почтительная, она не могла отличатся откровенностью, и помѣщикъ, даже при всемъ желаніи, съ трудомъ угадывалъ его нужды. Патриархальныя заключенія были такъ рѣдки, что не могутъ быть приняты здѣсь въ соображеніе; болѣею же частью прежнія отношенія были именно такого рода, что вовсе не способствовали тѣсному сближенію и пониманію другъ-друга. Сверхъ того, большинство владѣльцевъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ вовсе не жило въ своихъ помѣстьяхъ, находясь на службѣ въ городахъ, или престо предпочитая столичный образъ жизни. Теперешнія условія также мало благоприятствуютъ пока такому знакомству, которое будетъ возможно тогда только, когда отношенія между обоими сословіями сдѣлаются вполне свободными, когда «баринъ» обратится въ сосѣда. До сихъ поръ крестьянину трудно было узнать, что за человѣкъ такой-то помѣщикъ; онъ интересовался лишь его душевными свойствами; «строгий баринъ» и «добрый баринъ» — вотъ все, чѣмъ отличалъ онъ на вопросы и дальше чего не старался идти; такъ же трудно узнать ему теперь, насколько такой-то помѣщикъ удовлетворитъ своему назначенію, какъ мировой посредникъ; не ясно сознавая самое назначеніе, узнать это невозможно, а безъ этого условія — выборъ рѣшительно немислимъ. Равнымъ образомъ, при извращенномъ пониманіи призванія мирового посредника, предполагаемыми избирателями другой стороны, не только взаимное знакомство, но даже самое основательное пониманіе избираемаго лица нисколько не помогутъ дѣлу.»

Читатель видитъ, что П. Н. О. причиною, почему крестьяне не могутъ въ настоящее время участвовать въ выборахъ посредничества, поставляетъ круглое ихъ невѣжество во всѣхъ отношеніяхъ, граничащее нѣкоторымъ образомъ съ бессмысліемъ. Эта жизнь въ настоящее время самая модная у многихъ. О какихъ бы правахъ для крестьянъ ни заговорили, они падаютъ хоромъ: «да крестьяне не могутъ пользо-

ваться этими правами. Они невѣжественны, безсмысленны, — однимъ словомъ, вполне неспособны». Особенно это говорится, когда рѣчь идетъ о самоуправленіи крестьянъ. Потому, прежде нежели будемъ отвѣчать П. Н. О., скажемъ нѣсколько словъ о томъ какъ относительно неспособности крестьянъ къ самоуправленію.

Есть не мало людей образованныхъ, которые, не шутя, сомнѣваются, чтобы крестьяне, при настоящемъ своемъ невѣжествѣ, при отсутствіи въ нихъ пониманія соціальной жизни, могли быть способны къ самоуправленію въ настоящее время. Мнѣніе это имѣетъ безчисленное множество градацій и оттѣнковъ. Но даже и умѣреннѣйшіе изъ сторонниковъ этого мнѣнія очень не лестно отзываются о способностяхъ крестьянъ къ самоуправленію. Анекдотовъ о тупоуміи, малосмысленности крестьянъ печатается теперь безчисленное множество. Въ 4 № «Дня» нѣкто Н. Б., въ опроверженіе либераловъ и прогрессивство въ слишкомъ идеализирующихъ русскаго мужичка, рассказываетъ слѣдующій фактъ несомнѣннаго тупоумія русскихъ мужиковъ. Въ одномъ помѣстьѣ составлена была уставная грамота. Крестьяне изъявили свое согласіе на записанныя въ ней положенія. Когда дѣло дошло до подписи, и посредникъ спросилъ крестьянъ: согласны ли они на предложенную имъ помѣщикомъ грамоту? — крестьяне отвѣчали: «да». — «Такъ подумайте же ваше согласіе». — «Да зачѣмъ же, батюшка, подписывать?» отвѣчали крестьяне. — «Ужъ коли точно такъ намъ по закону приходится, такъ подписывай, не подписывай — все одно будетъ. Вотъ о дурачьемъ мы и не подписывались, а съ насъ каждый годъ собираютъ». Отвѣтъ, какъ видите, конечно, и самъ читатель, ужасно глупый! Но такіе анекдоты о глупости крестьянъ рассказываютъ люди, не отрицающіе въ крестьянахъ и кой-какихъ способностей и добрыхъ свойствъ. Радикалы изъ сторонниковъ вышеозначеннаго нами мнѣнія идутъ гораздо далѣе. Они приравниваютъ крестьянъ въ настоящемъ ихъ состояніи ни болѣе, ни менѣе, какъ къ скотамъ.

Мы думаемъ, что украсимъ страницы нашего обозрѣнія, выпишавъ мнѣніе по этому предмету г. Петра Бланка, напечатанное въ томъ же 4 № «Дня».

«Въ одной волости, пишетъ г. Петръ Бланкъ изъ Липецка, недавно былъ выборъ старшины. Посредникъ, предварительно развѣдавъ о крестьянинѣ, достойномъ занять это важное мѣсто, собралъ крестьянскихъ старостъ и выборныхъ изъ 6 помѣщичьихъ имѣній и предложилъ имъ высказать свое желаніе. Случайно, а можетъ быть и сознательно со стороны крестьянъ передовые голоса произнесли именно то самое имя, о которомъ были получены посредникомъ одобренія отъ мѣстныхъ помѣщиковъ. Довольный такимъ столкновеніемъ же-

лапей, посредникъ торопливо увлекся этимъ внутреннимъ удовольствіемъ и не только одобрилъ преждевременно выборъ названнаго крестьянина Василія Трофимова, но даже прочиталъ ему приличный донегиррикъ передъ собраніемъ избирателей. Какое же дѣйствіе имѣли эти похвалы? Онѣ не утвердили убѣжденія крестьянъ, а какъ будто возбуждали въ нихъ подозрѣніе, ибо тотчасъ послѣ этой хвалебной рѣчи посредника крестьяне громко заговорили между собою въ явномъ намѣреніи назвать иныя лица. Тогда посредникъ, остановивъ шумъ, сказалъ: «друзья мои! перестаньте спорить, а сдѣлайте такъ: кто хочетъ Василія Трофимова въ старшины, отходи направо; кто не хочетъ — отходи налево. Этимъ мы рѣшимъ дѣло; вы же не стѣсняйтесь, а идите каждый туда, куда желаетъ, по своему убѣжденію». Крестьяне зашевелились — и вотъ вышелъ одинъ изъ толпы и отошелъ направо; тогда вереницею потянулись къ нему всѣ крестьяне до единаго, — и слѣдовательно Василій Трофимовъ былъ избранъ *единогласно*» (курсивъ автора).

Разсказавъ этотъ фактъ, г. Петръ Бланкъ начинаетъ философствовать надъ нимъ такимъ образомъ:

«Фактъ замѣчательный; но есть ли это *разумное единодушіе*? (курсивъ автора) Къ сожалѣнію, нѣтъ; что доказывается даже тѣмъ, что при одобреніи посредникомъ первоначально названнаго, крестьяне колебались въ своемъ выборѣ. Если бы посредникъ оставилъ ихъ на-долго разсуждать другъ съ другомъ, то каждый навѣрное предумалъ бы отъ себя иное лицо, утвердился бы въ упорствѣ и выборы кончились бы ничѣмъ. Съ этимъ согласится всякій, кто только давно живетъ въ деревнѣ и хотя сколько нибудь пребываетъ въ общеніи съ крестьянами; съ этимъ согласится сами крестьяне. Это же хорошо сознавалъ и посредникъ. Отчего же выбравшіе всѣ перешли на одну сторону? Они это сдѣлали *почти инстинктивно*. Такъ это дѣйствіе было не что иное, какъ *непривычка мышленія*; это есть *полумистинктивное*, а слѣдовательно малоразумное увлеченіе однихъ за другими; это есть *явленіе стадообразное* (*). Можно ли въ этомъ об-

(*) Нѣтъ сомнѣнія, что спустя лѣтъ сто или двѣсти послѣ нашего времени, наши потомки не будутъ понимать смысла многихъ *крѣпостныхъ* словъ, которыми было унижаемо и оскорбляемо человеческое достоинство въ челоѣкахъ подобныхъ намъ и часто лучшихъ насъ, во имѣвшихъ несчастіе родиться въ *крѣпостномъ* состояніи. Тѣмъ болѣе для нашихъ потомковъ трудно будетъ уразумѣть смыслъ вновь составленнаго г. Петромъ Бланкомъ новаго слова, которое не употреблялось о крестьянахъ даже тогда, когда они были въ *крѣпостномъ* состояніи. Покорѣннѣе просимъ гг. академиковъ, занимающихся составленіемъ русскаго словаря, немедленно внести это слово въ словарь для пользы потомства, для засвидѣтельствованія гуманности нашего времени и для вѣщней славы г. Петра Бланка.

смыслятъ крестьянъ? Никогда, потому что ихъ необразованіе естественно должно поддерживать въ нихъ животный инстинктъ, а они также безсознательно въ этомъ случаѣ пришли одни за другими, какъ овцы сѣкаются черезъ канаву, оттого, что туда перескочила одна; какъ лошади понесутся въ сторону оттого, что туда поскакала передовая; какъ коровы, помурнывъ головы, медленно слѣдуютъ за выдавшеюся изъ стада». (Примѣчаете ли, читатель, обиліе образовъ, прибранныхъ г. Бланкомъ для усиленія того: сколько въ крестьянахъ есть самостоятельной мысли даже въ такомъ простомъ дѣлѣ, какъ выборы?) «Сравненіе это кимало не можетъ быть обидно для крестьянъ (еще бы!), ибо все люди суть животныя и имѣютъ съ неразумными нѣчто общее въ характерѣ; а поэтому естественно, что чѣмъ меньше толпа людей просвѣщенна, тѣмъ болѣе подходитъ она къ инстинктивному стремленію животныихъ; чѣмъ же болѣе она развита, тѣмъ болѣе ею руководствуется размышленіе, — этотъ отличительный даръ Божій человечеству. Въ младенчество люди всегда бываютъ ближе къ неразумнымъ тварямъ; развиваясь за тѣмъ, но не свободно, они переходятъ въ состояніе эгоистическаго увлеченія, и наконецъ только свободное и обширное развитіе можетъ привести людей къ разумному единодушію. Туда фактъ, по видимому, будетъ тотъ же самый, какъ и при стадообразіи, но нравственная сторона его будетъ дружал».

Выяснивъ такимъ образомъ положительную неспособность крестьянъ къ управленію своими дѣлами, г. Петръ Бланкъ полагаетъ, что благополучіе или неблагополучіе крестьянъ будетъ зависѣть отъ добросовѣстности или недобросовѣстности посредниковъ и что чѣмъ болѣе добросовѣстный посредникъ будетъ вмѣшиваться въ дѣла крестьянскаго управленія, направлять ихъ, тѣмъ они будутъ успѣшнѣе. Рассказывая объ одномъ изъ такихъ благодѣтельныхъ для крестьянъ посредниковъ, г. Петръ Бланкъ мимоходомъ разъясняетъ и способъ, какъ посреднику успѣшнѣе вести крестьянскія дѣла, по крайнѣй мѣрѣ, въ дѣлѣ о выборахъ крестьянъ на мірскую службу. Для этого, дескать, посреднику слѣдуетъ отъ помѣщиковъ, какъ людей образованныхъ, вызнавать: которые изъ крестьянъ лучше, и на тѣхъ, которые будутъ указаны, направлять выборы общества.

«Мы въ рассказывали, — такъ пишетъ г. Петръ Бланкъ, — что одинъ посредникъ, весьма добросовѣстный, при выборѣ сельскихъ старостъ постоянно руководилъ крестьянскія общества. Имѣя въ виду, что староста столько же (если еще не болѣе) служитъ помѣщику, сколько и обществу, и рассчитывая на большее образованіе помѣщиковъ и на ихъ знаніе людей, съ какими они съ давнихъ поръ имѣютъ дѣла, — онъ во избѣжаніе увлеченія крестьянъ своерасчетливымъ, а слѣд-

вательно злонамѣреннымъ выходцемъ (какими по большей части бывають всѣ передовые водители) предварительно всѣхъ имѣнія ихъ селеній и затѣмъ направлялъ выборъ на каго либо изъ такихъ. Удача была у него въ этомъ случаѣ всегда почти оправданная; но въ имѣніи одной помѣщицы онъ былъ поставленъ въ затруднительное положеніе. Помѣщица, пожилая женщина и давно управлявшая своими крестьянами, назвала только *одного* хорошаго крестьянина изъ 90 ревизскихъ душъ ея бывшей деревни. Указать обществу одного и на немъ именно согласовать выборъ — конечно дѣло не легкое; но посредникъ попробовалъ. Выйдя къ крестьянамъ вмѣстѣ съ помѣщицею, онъ просилъ *ее* указать ему глазами на ея избранника, что она и сдѣлала; тогда обратясь къ крестьянамъ онъ предложилъ имъ выбрать по ихъ желанію. Крестьяне долго переговаривались и посредникъ не мѣшалъ имъ; но не доводя до возвышенія голоса какимъ-нибудь передовымъ, онъ сказалъ: «эхъ, братцы, какъ вы долго толкуете; ну, посмотрите, чѣмъ Константинъ Павловъ не староста? Говоритъ больше всѣхъ васъ, кажись онъ и умный и строгій мужикъ — выбирайте-ка его!» «Ну, чтожь?—его! такъ его!»—отвѣчали крестьяне. Выборный сталъ, какъ водится, отговариваться, но посредникъ сказалъ ему: «нельзя, братецъ; когда общество хочетъ, надо слушаться!» И потомъ обратясь къ міру, спросилъ: «всѣ согласны выбрать Константина Павлова?»—«Всѣ, всѣ», въ одинъ голосъ заговорили крестьяне. — «Ну, такъ и быть ему.» Тѣмъ выборы и кончились.

По поводу этихъ выборовъ г. Петръ Бланкъ справедливо замѣчаетъ, что нельзя же надѣяться, чтобъ всѣ посредники были такъ добросовѣтны, какъ сейчасъ описанный, что у иныхъ посредниковъ могутъ имѣться какія либо затаенные расчеты. Потому, говоритъ г. Петръ Бланкъ, — «подобные безсознательные мірскіе выборы все-таки остаются дѣломъ случайности. Что же нужно, спрашиваетъ онъ, для будущей (замѣтьте *для будущей*) самостоятельности крестьянъ? Нужна *сознательность*, а она является только *отъ образованія*. Поэтому образованіе дѣлается необходимымъ условіемъ, для благоразумія, въ общественныхъ дѣлахъ крестьянъ. Но достаточно ли только одного этого условія?—Мало того: *не можетъ ли оно, въ своихъ односторонностяхъ, иногда принести больше вреда, чѣмъ пользы?* Есть нѣкоторые, и весьма умные люди, которые говорятъ даже до сихъ поръ, что грамотность вредна крестьянамъ; не можетъ быть, чтобы они вовсе были неправы въ такомъ твердомъ своемъ убѣжденіи» (*мало ли какія убѣжденія бывають тверды въ извѣстнаго рода личностяхъ? Вырочливо*). *Петръ Бланкъ непоколебимо твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ о стадо-*

образы людей недоорляскаго происхождения?) «И дѣйствительно: плутъ агонистъ, будучи необразованъ, менѣе вреденъ обществу, чѣмъ таковой же, надвтавшійся нѣкоторыхъ познаній болѣе, чѣмъ другіе. Противъ этого, конечно, никто спорить не будетъ! Что же нужно еще при обученіи крестьянъ? Нужно *направленіе нравственное*, нужно *разу-мленіе имъ общественныхъ началъ*, ибо человекъ только уважая другаго, становится самъ достойнымъ уваженія, и только общественная дружественность можетъ подавить въ личности пороки, вредные другимъ людямъ; а для этого нужно крестьянъ обучать вмѣстѣ съ грамотою:

- 1) Мудрому выслушиванію другихъ,
- 2) Честной откровенности въ своемъ обществѣ и
- 3) Пониманію силы и блага отъ общественной связи.»

Таковы доводы, приводимые г. Петромъ Бланкомъ и солидарными съ нимъ мыслителями въ доказательство того, что у крестьянъ нѣтъ смысла, что они неспособны къ самоуправленію и т. п. Какъ ни страшны эти доводы, а говорить о нихъ надобно... потому что анекдоты, подобные приводимымъ Петромъ Бланкомъ, рассказываются, какъ несомнѣнное доказательство того, что въ русскихъ мужичкахъ нѣтъ смысла. Съ чего же начать намъ рѣчь? Мы думаемъ, что не нужно доказывать, что природа, снабжающая всѣхъ людей человѣческимъ смысломъ, снабдила имъ и крестьянъ. Положимъ, что у крестьянъ этотъ смыслъ не развивается такъ широко, какъ онъ развивается у другихъ людей наукою,—но въ существѣ своемъ, въ своемъ устройствѣ внутреннемъ, онъ остается точно такимъ же, какъ и у другихъ людей. Крестьянинъ не согласится, чтобы дважды два было пять, точно такъ же, какъ не согласится на это и человекъ образованный. Следовательно въ предметахъ, доступныхъ разумѣнію крестьянъ, входящихъ, напримѣръ, въ кругъ ихъ дѣятельности ежедневной, онъ можетъ вести дѣло такъ же правильно и хорошо, какъ и смыслъ людей образованныхъ, даже еще и лучше; потому что ничто такъ не способствуетъ къ развитію вѣрнаго взгляда на дѣло, какъ практика жизни. Сама наука здѣсь только вспомогательный дѣятель, но не главный. И въ самомъ дѣлѣ мы видимъ, что крестьяне крестьянскія дѣла свои отправляютъ очень хорошо, хотя никто изъ насъ ихъ тому не учитъ. Они умѣютъ и пахать, и борошить, и сѣять, и жать, знаютъ хорошо время для всего этого, знаютъ причины, способствующія къ плодородію и неплодородію земли, знаютъ также, какъ помочь плодородію въ ихъ мѣстности, такъ что каждый умный агрономъ не приступитъ къ земледѣлію въ известной мѣстности, не собравъ точныхъ свѣдѣній объ этой мѣстности у крестьянъ. Ясное дѣло, что у крестьянъ смыслъ есть и дѣйствуетъ въ

дѣлахъ имъ знакомыхъ. Сельская община существуетъ у крестьянъ съ незапамятныхъ временъ со всѣми атрибутами своего современнаго устройства—сходами, выборами и т. д. Следовательно она представляетъ и дѣло чисто крестьянскаго смысла. Какимъ же образомъ могло случиться, что крестьяне въ настоящее время оказываются такъ малосмысленными, что даже нужно учить ихъ: кого выбирать въ волостные или сельскіе старшины, какъ думаетъ Петръ Бланкъ?

Въ томъ-то и дѣло, что не крестьяне потеряли свой смыслъ, а мы не умѣемъ, какъ взяться за дѣло, чтобы дать свободу дѣйствовать этому смыслу. Назадъ тому немного лѣтъ, въ управленіи крестьянъ думало за нихъ начальство. Подчиненный, будь онъ семи пядей во лбу, разсуждать не осмѣливался, а дѣлалъ, что приказывало начальство. Конечно нынѣ времена либеральныя, нынѣ всѣ имъ кричатъ: «вы, дескать, свободны, самоуправленіе вамъ дано, распорядитесь собою, какъ знаете.» А такъ ли это на дѣлѣ? Возьмемъ, на примѣръ, хоть того мудраго, по мнѣнію г. Бланка, посредника, который любитъ направлять крестьянскіе выборы на извѣстныхъ ему лица и хлопочетъ объ этомъ до того, что бѣгаетъ ко всѣмъ помѣщикамъ съ распросами, какіе крестьяне въ ихъ имѣніяхъ хорошіе. Г. Бланкъ такую общественную дѣятельность посредника находитъ въ высшей степени полезною. Другіе же смотрятъ на подобныя дѣйствія, какъ на чистый произволъ и незнаніе своихъ обязанностей, — не говоря уже о томъ вредѣ, который наносится черезъ это развитію свободнаго самоуправления крестьянскихъ общинъ. Вотъ что мы недавно прочли о рекомендуемомъ г. Петромъ Бланкомъ посредникѣ, въ 7—8 № «Вѣка»:

«Не ясно ли, что посредникъ, рекомендуемый г. Петромъ Бланкомъ и съ такимъ усердіемъ занимающийся направлениемъ крестьянскихъ выборовъ, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія ни о своихъ обязанностяхъ, ни о настоящихъ отношеніяхъ помѣщиковъ и крестьянъ, ни объ устройствѣ, которое должна принять сельская община по идеѣ Положенія 19 февраля? Еслибъ посредникъ вникъ въ смыслъ положенія 19 февраля, то увидѣлъ бы, что не только выборы во всѣ сельскія должности, но даже окончательное утвержденіе этихъ выборовъ, кромѣ утвержденія въ должности волостнаго старшины, съ тою цѣлю и предоставлены исключительно сельскимъ сходамъ, чтобы въ эти выборы не имѣлъ повода никто вмѣшиваться, чтобы они производились вполне по свободному соглашенію крестьянъ, что по этому самому посредникъ не только не долженъ направлять выборовъ, но даже не долженъ присутствовать при нихъ въ качествѣ простаго зрителя, чтобы не стѣснить свободныхъ дѣйствій крестьянъ. Только тогда и

будутъ крестьяне избирать на сельскія должности лицъ достойныхъ изъ среды себя, когда они поймутъ и вполне удостовѣрятся, что излюбленные міромъ лица не будутъ служить орудіемъ въ рукахъ чуждой власти.... При малѣйшемъ подозрѣніи о вліяніи чуждыхъ, крестьянскіе выборы превратятся въ потѣху, какою были они доселѣ во многихъ мѣстахъ, завѣдываемыхъ палатами государственныхъ имуществъ; гдѣ на общественныя должности выбирались не лучшіе люди; а напротивъ, что называется, грязь, подонки общества, люди никуда негодные. Но и независимо отъ всего этого намъ кажется; что нельзя произвести болѣе неудачныхъ выборовъ, какъ выборы на сельскія должности лицъ, рекомендуемыхъ помѣщиками. Можно сказать събѣло, что, при настоящемъ отношеніи помѣщиковъ къ крестьянамъ, $\frac{5}{6}$ изъ выбранныхъ такимъ образомъ лицъ, будутъ люди никуда негодные, которыхъ самъ міръ свободнымъ избраніемъ ниоткуда бы не избралъ бы на общественныя должности.... Крестьяне до того недовѣрчивы къ рекомендаціямъ о своемъ братѣ — крестьянинѣ, получаемымъ отъ баръ, что у нихъ при слухѣ подобной рекомендаціи рождается подозрѣніе о достоинствахъ даже тѣхъ лицъ, которыхъ они признавали доселѣ людьми хорошими въ своей средѣ».

«Далѣе «Вѣкъ» сообщаетъ переданный уже выше рассказъ г. Петра Бланка о выборѣ указанного посредникомъ крестьянина Василія Трофимова, и замѣчаетъ по этому случаю слѣдующее:

«Г. Петръ Бланкъ думаетъ, что крестьяне перешли на правую сторону потому, что туда пошелъ первый крестьянинъ, что она слѣдила это безъ всякаго размышленія, безсознательно, по подобію стада животныхъ, устремляющагося по тому направленію, по которому поидетъ какое нибудь одно изъ животныхъ въ стадѣ. Но въ такомъ случаѣ, то есть если бы крестьяне дѣйствовали дѣйствительно безсознательно, стадообразно, какъ выражается г. Петръ Бланкъ, — они не возмущались бы и похвалами посредника Василія Трофимова, не усомнились бы по поводу этихъ похвалъ въ достоинствахъ Василія Трофимова и не родилось бы въ нихъ мысли выбрать вмѣсто Василія Трофимова другаго на должность старшины. Въ томъ-то и дѣло, что не бессмысленно, не стадообразно перешли крестьяне на правую сторону, а потому, что увидѣли, что посредникъ настоятельно хочетъ избранія Василія Трофимова... И они сдѣлали это въ угоду ему изъ опасенія, разумѣется, напастей для себя на будущее время, если бы они на этотъ разъ оказали непослушаніе волѣ посредника. Однимъ словомъ, въ процесѣ сказанныхъ выборовъ видна не бессмысленность крестьянъ; какъ думаетъ г. Петръ Бланкъ, а ихъ запуганность»;

забитость, а со стороны посредника полное непонимание своего долга и произволъ.»

Такой взгляд на дѣло, по нашему мнѣнію, совершенно кѣрнѣй. Если хотите, чтобы крестьяне дѣйствовали по своему смыслу, то предоставляйте имъ дѣйствовать совершенно свободно, не мѣшайте въ нихъ дѣло тамъ, гдѣ имъ законъ далъ право дѣйствовать по ихъ собственному разумѣнію. Какое вамъ дѣло: кого они изберутъ себѣ въ старшину? хотѣть ли они платить старшинѣ жалованье или не хотѣть? Хотѣть ли они остаться при барщинѣ или идти на оброкъ? и т. п.

Тамъ, гдѣ посредники поняли хорошо свое назначеніе, не вышнваются въ дѣла крестьянъ, предоставленныя закономъ разсмотрѣнію самыхъ сельскихъ общинъ, безъ всякаго сторонняго участія, дѣло самоуправленія крестьянскихъ общинъ идетъ превосходно. Вотъ что пишется въ 10 № «Дня» мировой кинешемскій посредникъ, г. Васильевъ, о крестьянскихъ выборахъ, бывшихъ въ завѣдываемомъ имъ участіи.

«Во всѣхъ волостяхъ выборы дѣлались въ порядкѣ. Въ трехъ волостяхъ выборы были единогласныи и въ одной изъ нихъ избранъ человекъ не грамотный, но честный, трезвый, умный и всѣмъ уважаемый. Въ двухъ волостяхъ было соперничество; сходъ раздѣлился на двѣ части и выборы состоялся по большинству голосовъ. Въ одной изъ этихъ волостей старшиною избранъ крестьянинъ 26 лѣтъ. Именно при этомъ выборѣ, такъ какъ крестьяне слишкомъ долго толковали, не сходились въ своихъ мнѣніяхъ, я было вышелъ къ нимъ, желая поскорѣе кончить дѣло; но они меня упросили уйти, говоря, что имъ безъ него вольнѣе. И я ушелъ, сознавая справедливость этой просьбы.

«Старшинами выбраны все люди хорошіе, безъ всякаго посторонняго указанія, безъ всякаго намека на нихъ отъ кого бы то ни было. Роль моя при выборахъ была чисто пассивная, — такая, какъ роль прокурора при выборахъ дворянскихъ. По мнѣнію моему, всякое иное участіе мирового посредника въ крестьянскихъ выборахъ незаконно, и могло происходить — или отъ недостатка довѣрія къ самостоятельности въ сужденіи крестьянъ, руководимыхъ, по понятію посредника, людьми недоброоувѣстными, или отъ излишняго поклоненія передъ собственною мудростію, или наконецъ просто, какъ барская заплата, отъ неуваженія ко всему, истекающему изъ чужой воли и убѣжденія, — начала чисто деспотическаго.

«Одинъ только помѣщикъ указывалъ мнѣ на крестьянина, способнаго занять мѣсто волостнаго старшины. Конечно, я счелъ съ своей стороны излишнимъ дѣлать какое нибудь указаніе сходу; но именно ре-

комендованный мнѣ былъ избранъ единогласно. Утѣшительное доказательство, что истинное достоинство человѣка оцѣняется, безъ всякихъ предварительныхъ стачекъ и соглашеній, людьми стоящими на разныхъ ступеняхъ образованія и развитія. И дѣйствительно, старшина Блотовской волости Федоръ Ивановичъ — человѣкъ заслуживающій полного уваженія: умный, скромный, державшій себя съ должнымъ достоинствомъ передъ крестьянами, безъ униженія предъ высшими.

«Вообще крестьянскіе выборы, не стѣсненные никакимъ внешнимъ вліяніемъ, дѣлались разумно и съ толкомъ. Разумѣется, я говорю о своемъ участкѣ, — какъ это дѣлалось въ другихъ мѣстахъ, не знаю.»

Понятно ли теперь г. Бланку и другимъ обвиняющимъ крестьянъ въ безсмысленности: какъ должны и мировые посредники и другія лица, имѣющія отношеніе къ крестьянамъ, дѣйствовать, чтобы въ крестьянахъ показался смыслъ и способность къ самоуправленію?

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ въ отвѣтъ П. Н. О., который находитъ невозможнымъ въ настоящее время допустить крестьянъ къ выбору посредниковъ. Онъ говоритъ, что крестьяне не имѣютъ никакого опредѣленнаго представленія, даже никакой идеи о лицѣ посредника, — а между тѣмъ, самъ же пишетъ, что они смотрятъ на посредника, какъ на своего адвоката, защитника. Развѣ это не представленіе? И какое еще лучше можно имѣть представленіе о посредникѣ при выборахъ? — П. Н. О. опасается, что крестьяне будутъ выбирать въ посредники такихъ лицъ, отъ которыхъ будутъ ожидать снисхожденія себѣ, которые будутъ имъ мирволить. Имѣть подобное представленіе о цѣломъ обществѣ, значитъ, по нашему мнѣнію, не имѣть никакой вѣры въ нравственныя начала человѣческой природы, въ чувство справедливости, болѣе или менѣе присущее всѣмъ людямъ. Даже въ сословіяхъ, искусственно организованныхъ, поддерживающихся единственно сословными предразсудками и сословнымъ духомъ, такая всеобщая деморализація немислима. Что касается до крестьянъ, то извѣстно о крестьянахъ казенныхъ, что вездѣ, гдѣ выборы производились свободно ими самими, безъ вліянія ихъ опекуновъ, тамъ они всегда выбирали себѣ въ головы людей самыхъ честныхъ и строгихъ, и подчинялись имъ безпрекословно, не смотря иногда на деспотизмъ своихъ избранныхъ и на неумѣренное употребленіе послѣдними розги. Еще П. Н. О. утверждаетъ, что крестьяне, не имѣя дружескихъ или тѣсныхъ сношеній съ помѣщиками, не могутъ знать ихъ хорошо, чтобы дѣлать изъ нихъ выборъ. Конечно не могутъ знать, какъ глубоки и широки ихъ свѣдѣнія въ наукахъ, но ихъ отношеніе къ крестья-

намъ непремѣнно знаютъ, т. е. знаютъ, хорошо или дурно живутъ ихъ крестьяне, обременены ли они работой или нѣтъ, справедливы ли къ своимъ крестьянамъ помѣщики или нѣтъ, жестоки ли въ обращеніи или нѣтъ, и проч. Всѣ подобныя свѣдѣнія о каждомъ помѣщикѣ извѣстны не только на сотни верстъ кругомъ, но иногда на тысячи. А въѣдъ эти свѣдѣнія и нужно только имѣть въ виду при выборахъ. Однимъ словомъ, доводъ П. Н. О. вовсе не представляются намъ настолько резонными, чтобы на основаніи ихъ можно было отказать крестьянамъ въ участіи при выборѣ мировыхъ посредниковъ.

ВЪ ИЗЪЯВЛЕНІЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

ПИСЬМО КЪ Г. З—НУ.

Прочитавъ статью вашу въ январской книжкѣ «Библиотеки для Читанія», хотѣлъ я, милостивый государь, просить у васъ свиданія, чтобы въ частномъ разговорѣ раскрыть вамъ глаза на неловкость, сдѣланную вами въ этой статьѣ. Но скоро я передумалъ: вы отличились публично; стало быть публично надобно и показать вамъ, какъ вы отличились.

Вы имѣете на дѣятельность Добролюбова взглядъ, различный отъ нашего; это еще не заставило бы меня входить съ вами въ пренія: ваше мнѣніе не такъ важно, чтобы кому нибудь стоило обращать на него вниманіе. Но есть въ вашей статьѣ нѣсколько строкъ, претендующихъ опредѣлить мое отношеніе къ Добролюбову, съ похвальными эпитетами мнѣ. Вы хотите засвидѣтельствовать для исторіи литературы фактъ, который былъ бы очень почетенъ для меня; если я оставлю ваши слова безъ отвѣта, то должно показаться, что я безъ возраженій принимаю ихъ за правду. Такую роль я не могу взять на себя.

На страницахъ 38 и 39 вашей статьи вы говорите, что въ литературномъ кругу, къ которому принадлежалъ Добролюбовъ, былъ человекъ, болѣе его замѣчательный по дарованіямъ; этого человека вы почитаете учителемъ Добролюбова; вы приписываете этому человеку энергію убѣжденій, гораздо большую той, какую находите въ Добролюбовѣ. На 34 стр. вы о томъ же человекѣ говорите: «мы совершенно искренно уважаемъ нѣкоторыхъ изъ друзей покойнаго —бова, въ особенностяхъ одного, о лицемѣрномъ испризнаванніи заслугъ котораго;

мы, кажется, первые сказали, что оно переступило мѣру». Очевидно, что вы тутъ упоминаете статью обо мнѣ, помѣщенную въ одной изъ осеннихъ книжекъ вашего журнала за прошлый годъ. Очевидно, что подъ челоуѣкомъ, который былъ учителемъ Добролюбова, превосходилъ его талантомъ и энергіею, вы разумѣете меня. Это принуждаетъ меня разъяснить вамъ мои отношенія къ развитію образа мыслей Добролюбова, сказать, какъ представляется мнѣ самому отношеніе моихъ силъ къ силамъ его и какая разница дѣйствительно существуетъ, по степени энергіи, между мною и имъ.

Учителемъ Добролюбова я не могъ быть, во-первыхъ, уже и потому, что не былъ его учителемъ никто изъ людей, писавшихъ по-русски. Довольно много пользы принесли ему статьи Бѣлинскаго и другихъ людей того литературнаго круга. Но не подъ ихъ главнымъ вліяніемъ сложился его образъ мыслей. Поступивъ въ Педагогическій институтъ лѣтомъ 1853 г., онъ скоро привыкъ читать книги по-французски, а съ нѣмецкими книгами началъ знакомиться еще до поступленія въ институтъ. Если же даровитый челоуѣкъ въ рѣшительные для своего развитія годы читаетъ книги нашихъ общихъ западныхъ великихъ учителей, то книги и статьи, писанныя по-русски, могутъ ему нравиться, могутъ восхищать его (какъ и Добролюбовъ восхищался тогда нѣкоторыми вещами, писанными по-русски), но ни въ какомъ случаѣ не могутъ уже онѣ служить для него важнѣйшимъ источникомъ тѣхъ знаній и понятій, которыя очеркають онъ изъ жизни. Что же касается вліянія моихъ статей на Добролюбова, этого вліянія не могло быть даже и въ той не очень значительной степени, какую могли имѣть статьи Бѣлинскаго. Я не имѣлъ тогда важнаго вліянія въ литературѣ. Въ доказательство сослѣюсь на «Современникъ» 1855 и 1856 г. Пересмотрѣвъ эти годы журнала, вы увидите незначительность и неопредѣленность тогдашней моей роли. Когда же это ускѣла я до появленія Добролюбова въ литературѣ приобрѣсти такой замѣтный голосъ въ ней, чтобы могли тогда быть у меня ученики? Въ Добролюбовѣ началъ помѣщать статьи въ «Современникъ» съ половины того же 1856 г.

Для челоуѣка сообразительнаго было бы довольно фактовъ, отпечатанныхъ курсивными и заглавными приѣтами въ оглавленіяхъ тогдашнато «Современника». Но для васъ, милостивый государь, быть можетъ мало имѣть факты, къ которымъ самому надобно прилагать нѣкоторое соображеніе; быть можетъ вамъ необходимы готовыя, пережеванные заключенія. Вы могли бы слышать ихъ отъ каждаго, имѣющаго близкія ссѣдѣнія объ отношеніяхъ Добролюбова ко мнѣ. Число этихъ людей не такъ мало, чтобы не приводилось встрѣчаться съ ними каждаму, находящемуся въ порядочномъ литературномъ кру-

гу. Я долженъ заключить, милостивый государь, что или вы совершенно чужды ему, или не умѣете понимать разговоры, въ которыхъ участвуете. Но въ томъ и другомъ случаѣ все-таки остается неизвѣдительною наша опрометчивость. Вы имѣли въ печати прямое мое свидѣтельство о фактѣ, который совершенно опровергаетъ вашу фантазію, будто я былъ учителемъ Добролюбова. Г. Пятковский искорѣ по смерти Добролюбова напечаталъ въ «Книжномъ Вѣстникѣ» его некрологъ, въ которомъ прямо говорилъ, что біографическія данныя о Добролюбовѣ получилъ отъ меня. Тутъ рассказываетъ онъ между прочимъ, что, когда Добролюбовъ познакомился со мною, его образъ мыслей уже былъ вполне установившійся; стало быть съ этой стороны я не могъ имѣть на него вліянія. Всякому другому на нашемъ мѣстѣ, милостивый государь, было бы понятно, что въ этомъ случаѣ г. Пятковский основывается на моемъ собственномъ признаніи.

Вамъ не случилось знать или не удалось понять ничего этого; иначе не могла бы вамъ придти въ голову фантазія, будто я былъ учителемъ Добролюбова. Но вы оказываетесь незнающимъ и неумѣющимъ ловить уже не какихънибудь частныхъ фактовъ, а и ровно ничего, когда фантазируете объ отношеніяхъ моихъ дѣрваній къ дѣрваніямъ Добролюбова. Положимъ, вы не заглядывали въ «Современникъ» 1855—1856 годовъ; положимъ, вы не читали того, что писалось о Добролюбовѣ по его смерти; положимъ, вамъ не случилось встрѣчаться ни съ кѣмъ изъ людей порядочнаго литературнаго круга, — ни изъ «Отечественныхъ Записокъ» или «Русскаго Слова», ни изъ «Времени» или «Современника»; но все-таки вѣдь читали же вы какіянибудь статьи Добролюбова и какіянибудь мои статьи; вы сами говорите, что читали многія изъ нихъ. Какъ же могли вы не замѣтить, что слишкомъ смѣшно ставить написанное мною выше написаннаго нѣтъ?

Съ той поры, какъ Добролюбовъ могъ безпрепятственно отдаться литературной дѣятельности до самаго отъѣзда его за границу, я не писалъ о тѣхъ предметахъ, о которыхъ писалъ онъ. Я уже не разбиралъ ни одной беллетристической книги и ни одной книги по предметамъ, имѣющимъ близкую связь съ русскою жизнью. Отчего это могло происходить? Неужели ни разу въ эти три съ половиною года не приходила мнѣ охота написать чтонибудь по этой отрасли дѣла, во которой прежде писалъ я постоянно и иногда не безъ внутренняго влеченія къ такой работѣ? Нѣтъ, я просто понималъ, что для меня было бы невыгодно, если бы мои статьи могли быть сравниваемы съ статьями Добролюбова для сравнительной оцѣнки насъ обоихъ. Поэтому я старался и вовсе не писать для отдѣла критики и бібліографіи; а когда Добролюбовъ говорилъ мнѣ, что онъ не успѣетъ

назвались этиже отрывки въ какой нибудь книжкѣ журнала и что нужна для нихъ моя статья, я бракъ предметы, не входившіе въ кругъ его обыкновенныхъ работъ, — писалъ, напримеръ, объ Англии и Франціи по поводу книги г. Чичерина, или о Тюрго по поводу диссертациі г. Муравьева. Даже въ первую половину прошлаго года, — когда онъ, оставаясь за границею, уже не имѣлъ подъ руками новыхъ русскихъ книгъ и потому необходимо стало мнѣ писать для отдаленнѣйши, — я все-таки не писалъ ничего о беллетристическихъ книгахъ и о сочиненіяхъ по тѣмъ отраслямъ литературы, которыми прежде занимался онъ. Я хотѣлъ избѣгать невыгоднаго для меня сравненія, надѣясь, что онъ возвратится къ намъ поправившись здоровьемъ, и возобновитъ свою дѣятельность.

Всѣмъ извѣстно, что черезъ годъ или меньше по началѣ своего самостоятельнаго сотрудничества, къ лѣту 1858 года, или даже нѣсколько раньше, Добролюбовъ имѣлъ ужъ преобладающее вліяніе въ журналѣ. Почему это могло быть, когда тутъ былъ и я? Я не могу объяснять этого ничѣмъ другимъ, кромѣ его превосходства. Слава-богу, настолько-то все же есть у меня ума и добросовѣстности, чтобы понимать подобные факты.

Но, если вамъ мало моего собственнаго сужденія объ этомъ предметѣ, вы могли бы, милостивый государь, узнать то же самое отъ кого вамъ угодно изъ людей не совсѣмъ глухихъ и не совсѣмъ шибко не знающихъ о «Современникѣ». Они рассказали бы вамъ слѣдующіе факты: когда Добролюбовъ только-что началъ писать въ «Современникѣ», его статьи принимались мнѣ, — но съ прибавками, не деланными для моего самолюбія. «Изъ многихъ статей въ нынѣшней книжкѣ самая удачная вошь такая-то», говорилъ мнѣ какой нибудь знакомый и ласкалъ статью не мою, а Добролюбова. Но очень недолго было время, когда статьи Добролюбова сифинивались съ моими. А въ концѣ 1858 и вначалѣ 1859 годовъ уже не было ни одного человека въ порядочныхъ литературныхъ кружкахъ, который не выражался бы въ томъ смѣклѣ, что Добролюбовъ — самый сильный талантъ въ «Современникѣ». Нангъ кругъ зналъ это и гораздо раньше. Изъ этого вы можете видѣть, милостивый государь, какъ не вѣрны ваши слова, будто бы мы считали его «меньшимъ изъ своихъ братьевъ, второстепеннымъ человекомъ своего кружка» (стр. 30) и будто бы «друзья покойнаго — бова ни при его жизни, ни послѣ его смерти, никогда не могли думать о —бовѣ, чтобы онъ былъ первымъ человекомъ между ними, или даже вторымъ, или даже третьимъ» (стр. 31). Мы не были, милостивый государь, такъ тупы и глухы, чтобы не считать его первымъ человекомъ въ своемъ кругу. Но вы можете не сомнѣвать моему снудѣтельству. Сообку же вамъ да

изъ многихъ случаевъ, бывшихъ со мной. Первый изъ нихъ относится къ концу 1858 г. Я сидѣлъ у г. Кавелина, въ домѣ котораго Добролюбовъ сталъ близкимъ человѣкомъ сначала того года. «Странное дѣло», сказалъ мнѣ между прочимъ г. Кавелинъ, — «я не могу чувствовать къ Добролюбову того мирнаго расположенія, какъ, напримѣръ, къ вамъ. Отчего это? образъ мыслей у насъ, помянутому, одинаковъ; а какъ человѣкъ онъ — превосходнѣйшій человѣкъ; мое мнѣнiе о его сердцѣ и характерѣ доказываетъ тѣмъ, что я допустилъ его совершенно овладѣть мыслями моего сына, чего не сдѣлалъ бы, еслибъ могъ считать что ибудь дурнымъ въ Добролюбовѣ. Но отчего же я чувствую, что онъ совершенно чуждъ мнѣ, между тѣмъ, какъ напримѣръ вы не вовсе чужды?»—Я сказалъ тогда: «это оттого, что въ Добролюбовѣ нѣтъ тѣхъ слабостей и слабостей въ мысляхъ и характерѣ, которыя даютъ вамъ нѣкоторые точки опоры, чтобы притягивать мой образъ мыслей и поступковъ въ нѣкоторое согласіе съ вашими требованіями. Взглядъ его тверже и яснѣе, чѣмъ у меня, потому не остается для васъ возможности понимать его къ вамъ съмыслъ, какъ можете вы въ значительной степени дѣлать съ своимъ взглядомъ». — «Да», сказалъ г. Кавелинъ съ искренностью чувства, которое вычелъ къ нему, какъ къ человѣку, сколько бы ни желалъ иной разъ посердиться на него, — «да», сказалъ онъ, вотъ вы принадлежите къ поколѣнію, которое должно идти дальше нашего, а поколѣніе Добролюбова должно находиться въ такомъ же отношеніи къ нашему; между нами и вами есть связь; между вами и нами тоже есть связь; а между нами и ими видно уже нѣтъ связи. Чегожъ дѣлать? Это грустно для насъ; но такъ нужно для прогресса». — Сходный съ этимъ разговоръ имѣлъ я черезъ нѣсколько времени, въ началѣ 1860 г., съ г. Тургеневымъ. Это было на первомъ литературномъ чтеніи въ пользу «Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ». Члены комитета этого общества и лица, участвовавшіе въ чтеніи, собрались въ галлерейхъ, окружающихъ залу Пасожа, гдѣ происходило чтеніе. Въ одной изъ нихъ случилось какъ-то остаться тремъ или четверымъ изъ насъ, въ томъ числѣ г. Тургеневу и мнѣ. Онъ былъ тогда недоволенъ одною изъ статей Добролюбова и въ заключеніе спора со мною о ней сказалъ: «васъ я могу еще переносить, но Добролюбова не могу». — «Это оттого, сказалъ я, что Добролюбовъ умнѣе и взглядъ на вещи у него яснѣе и тверже». — «Да, отвѣчалъ онъ съ добродушной иудачностью, которая очень примыкательна въ вамъ, — «да, вы — простая змѣя, а Добролюбовъ — очковая змѣя». Вотъ вамъ, милостивый государь, два случая, показывающіе, какъ понимались отношенія мои къ Добролюбову. Вы можете видѣть изъ нихъ, что онъ давно уже считался самымъ полнымъ представителемъ

того направленія, которое далеко не съ такою опредѣленностью и силою выражалось во мнѣ.

Для совершенной точности опредѣленія долженъ я прибавить еще третье слово: и далеко не съ такою непреклонностью. Для объясненія этой прибавки слѣдуетъ коснуться личныхъ характеровъ Добролюбова и моего, несколько нужно для показанія вамъ, какъ смѣшна ваша догадка, будто Добролюбовъ уступалъ мнѣ энергическую натуру. У меня характеръ уклончивый до фальшивости; это свойство, сходное съ мягкостью въ личномъ обращеніи, можетъ очаровывать моихъ знакомыхъ; дѣйствительно ли очаровываетъ или возбуждаетъ въ нихъ нѣкоторую долю презрѣнія, я не знаю. Но какъ бы то ни было, вы огласитесь, что при такомъ изгибляющемъ, податливомъ характерѣ никакъ не могу я сравниваться энергіею чувства съ людьми прямого и, сказать безъ церемоній, честнаго характера. Въ Добролюбовѣ такого, какъ во мнѣ, недостатка рѣшительно не было.

Вотъ, милостивый государь, кощени мои объясненія для васъ, и остается начинать заключительную часть письма съ обычнымъ ея содержаніемъ, — изъясненіемъ чувствъ пишущаго къ получающему письмо.

Вы принудили меня въ опроверженіе вашихъ вздорныхъ соображеній выставлять самому такіа черты моей литературной дѣятельности и моего личнаго характера, которыми не слишкомъ доволенъ я самъ. Человѣкъ, принужденный выставлять свои слабости и недостатки, досадуетъ на то, кто принудилъ его къ этому.

Вы наговорили мнѣ комплиментовъ, очень пошло отзываясь о статьяхъ Добролюбова, которые лучше моихъ. Какое чувство должно было родиться во мнѣ отъ этого? «Вотъ господишь, который не въ состояніи цѣнить дѣйствительно хорошаго; а мои статьи онъ высоко цѣнить. Что же это значитъ? Есть молодцы, которымъ не нравится Гоголь; эти молодцы хвалятъ новѣсти гр. Сологуба и комедіи г. Львова: неужели отъ подобнаго свойства моихъ статей произошли похвалы имъ со стороны г. З—на?» — Это неизбежное впечатлѣніе отъ вашей статьи было для меня очень оскорбительно.

А вѣдь по всему видно, что вы вовсе не хотѣли оскорбить меня. — напротивъ, вы ждали, что я буду очень доволенъ. Вы не могли сообразить, въ какое положеніе меня ставите. Я проникаюсь состраданіемъ къ вашей умственной слабости.

Но состраданіе мое, смѣшанное съ досадою и чувствомъ обиды, соединяется, — извините это рѣзкое слово, — соединяется съ отвращеніемъ. Ругаясь надъ мертвымъ, льстить живому! Да впрочемъ, понимали ли вы, что именно это вы дѣлаете?

И. ЧЕРТЫНОВСКИЙ.

ПОЛИТИКА.

ДѢЛО О ПЕНСИИ МОНТОБАНУ. — ПРЕНІЯ ФРАНЦУЗСКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО КОРПУСА ОБЪ АДРЕСѢ. — МИНИСТЕРСТВО РАТТАЦЦИ — РАСПУЩЕНІЕ ПРУССКОЙ ПАЛАТЫ ДЕПУТАТОВЪ. — ВЪЯТІЕ ФОРТА ДОННЕСОНА.

Зловѣщія птицы начинаютъ каркать похоронную пѣсню надъ существующимъ порядкомъ западной Европы. Каркали они давно — такая ужь ихъ натура; но карканье карканью рознь. Ворона кричитъ безпрестанно; но когда она кричитъ такъ-себѣ, по одному влеченію природы, унылое ея карканье глухо, и въ немъ слышится только ея безсильная злоба. Тотчасъ можно отличить отъ этихъ заунывныхъ звуковъ тотъ веселый, звонкій крикъ, съ которымъ поднимается она летѣть на добычу, прослышавъ запахъ трупа. Такъ и зловѣщія птицы западной Европы долго кричали заунывнымъ глухимъ тономъ, выразившимъ только ихъ собственную досаду на спокойный порядокъ ихъ странъ и на ихъ безсиліе поклевать его. Теперь не то. Самоувѣренное предчувствіе приближающагося разгрома для нихъ даетъ какую-то адскую веселость крику ихъ.

Мы не скажемъ, что ошибаются зловѣщія птицы. Обояніе у нихъ тонкое; очень можетъ быть, что и въ самомъ дѣлѣ скоро начнется пиръ для нихъ, но мы скажемъ, что ошибаются онѣ, если думаютъ, что прочень или хотя дологъ будетъ готовящійся имъ праздникъ. Въ народахъ Европы, какъ и во всякихъ другихъ народахъ, есть недовольство существующимъ порядкомъ, и отъ времени до времени стекаются обстоятельства, доводящія недовольство до взрыва. Но вѣдь взрывъ произведетъ только стеченіемъ обстоятельствъ, только неопредѣленнымъ пе-

довольствомъ, и разрушивъ прежнее, толпа не знаетъ, какъ ей быть съ постройкой новаго: своего плана нѣтъ у пей, а жить безъ крова и пріюта нельзя: надобно строить, поскорѣе строить. И начинается торопливое возсозданіе: обломки стараго подъ руками, — это и прекрасно по ея мнѣнію: обтесывать новый матеріалъ некогда, да онъ можетъ быть и не запасенъ: со старымъ матеріаломъ работа пойдетъ скорѣе; а планъ? — что жь, когда нѣтъ новаго плана, развѣ нельзя воспользоваться воспоминаніями о прежнемъ зданіи? Развѣ все въ немъ было уже безусловно дурно? Если оно было неудобно, такъ не отъ того ли только, что обветшало? Можетъ быть самый планъ его и былъ хорошъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мелкихъ подробностей.

Вотъ и возстановляется торопливо почти все по старому плану изъ обломковъ прежняго. — «Въ чемъ же прогрессъ?» — воскликнуть лица, называющія васъ утопистомъ за то, что вы не отказываетесь отъ предвидѣнія счастливой жизни для человѣчества въ будущемъ, и тутъ же, не переводя духа, называющія васъ скептикомъ или нигилистомъ за то, что вы не вѣрите въ безмятежное осуществленіе ихъ маленькихъ иллюзій на завтрашній же день, — «Гдѣ же въ такомъ случаѣ прогрессъ и къ чему же стремиться, если послѣзавтра возстановляется то, что падеть завтра? Если такъ, зачѣмъ же работать? лучше сложимъ руки. Ваши слова ведутъ къ отчаянію, а отчаяніе повергаетъ въ апатію.» — Нѣтъ, унывать не за чѣмъ, и прогрессъ вовсе не отвергается разрушеніемъ иллюзій. Будутъ строить изъ стараго матеріала; но вѣдь часть его разсыпалась въ ворошокъ и увнесена въ-тромъ; стало быть стараго матеріала не достаетъ, поневолѣ прибавится новый. Да и старый планъ нельзя же запомнить совершенно точно, — кое-что забылось; значитъ, кое-что надобно устроить и не по старымъ воспоминаніямъ, а по нынѣшнимъ соображеніямъ. Вотъ, значитъ, все-таки и оказывается прогрессъ.

Всѣ эти размышленія о прогрессѣ и нигилистахъ вызваны у насъ карканьемъ злобѣщихъ птицъ, чующихъ поживу себя въ западной Европѣ, а карканье ихъ оживлено ходомъ дѣлъ во Франціи. Вѣдь что тамъ ни говорите, а Франція все-таки остается, по прекрасному выраженію консерваторовъ, вулканомъ, взрывы котораго потрясаютъ Европу. Она какъ будто и пріутихла; отъ этого даже потеряла репутацію въ глазахъ лицъ, вышеупомянутыхъ нами. Но тонкіе люди, дипломаты и хорошіе консерваторы, никогда не обманывались видимымъ ея усмирненіемъ. Вѣдь уже три раза, со временъ нашихъ прадедовъ, прикидывался этотъ Везувій угасшимъ и остепенившимся: тихо было внутри Франціи при Наполеонѣ I, много дѣтъ прикидывалась она усмирнѣншей при Бурбонахъ, потомъ опять много дѣтъ при Луи-Филиппѣ, и каждый разъ, если можно цинически выразиться, надувала нечтен-

нѣйшую Европу. Вотъ и теперь, чуткое ухо злонамѣренныхъ людей слышитъ въ подземныхъ слояхъ Франціи глухой гулъ, — предвѣстникъ приближающагося изверженія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ начали носиться неопредѣленные слухи о какомъ-то звѣрскомъ тайномъ обществѣ, называющемся «Маріанною». Съ той поры все идутъ слухи, будто оно растетъ и растетъ. Усильвали иногда какъ будто поймать какую нибудь отрасль его, — пойманныхъ наказывали; но къ пригорю видѣли, что они вовсе не главные люди; а гдѣ и въ комъ найти главныхъ людей этой вредной закваски, никто не зналъ. Вотъ и теперь, въ «свѣтъ» 1862 г., арестовали въ Парижѣ нѣсколько членовъ, — въ числѣ ихъ Гренпо, бывшаго единственнымъ изъ 1,200 членовъ конститутивнаго собранія 1848 года, подавшимъ голосъ за предложеніе Прудона объ уменьшеніи цифръ платежа во всѣхъ существующихъ контрактахъ. Посмотрѣли, посмотрѣли на этого Гренпо, повертѣли, повертѣли его на разныя стороны, — не оказывается въ немъ никакихъ слѣдовъ злоумышленія; и отпустили его опять заниматься своимъ коммерческимъ дѣломъ, а руководителей «Маріанны» все-таки не нашли, не добились и того, чтобы хотя узнать, точно ли отъ «Маріанны» надобно ждать опасностей, или съ другихъ сторонъ, а «Маріанна» только фантомъ.

Этого не разберутъ люди, специально занявшіеся разузнаваніемъ о «Маріаннѣ»; а со стороны очень видно, что собственно она — неважный фантомъ, п дѣло не въ ней, а въ отношеніяхъ, всѣмъ извѣстныхъ, въ актахъ, печатаемыхъ самимъ французскимъ правительствомъ.

Зачѣмъ, напримѣръ, обнародованъ французскимъ правительствомъ докладъ Фульда, о которомъ говорили мы мѣсяца два тому назадъ? Развѣ не понимало французское правительство, что этимъ актомъ отнимаетъ оно у себя возможность отрицать разстроенное положеніе финансовъ? Конечно понимало; но продолжать заперительство не было уже ни пользы, ни возможности. Возможности не было потому, что изсякли всѣ средства прикрыть дефицитъ обыкновенными секретными оборотами; приходилось возвышать налоги и заключать новый заемъ; значитъ, явился бы фактъ, понятный всѣмъ и безъ признанія въ немъ. Пользы не было продолжать заперительство потому, что уже никто давно ему не вѣрилъ. Значитъ, лучше было уже признаться прямо и формально. Такъ; но изъ этого возникаетъ новый аргументъ для противниковъ: «вы дескать сами признались, что довели финансы до разстройства; значитъ, ваша система не годится».

И вотъ цѣль такихъ-то, можно сказать, пустяковъ, посмотрите, какой поднимается гвалтъ. Законодательный корпусъ обезкураженъ: «нѣтъ», думаетъ онъ: «тутъ надобно дѣйствовать иначе. Явимся мы

сами защитниками истинных, принциповъ. Начнемъ дѣлать оппозицію; приобретемъ этимъ популярность...»

Вообразите себѣ толпу лицъ, вздумавшихъ, что имъ нужно либерализироваться, дѣлать оппозицію, выступать приверженцами демократическихъ принциповъ, но не имѣющихъ понятія обо всемъ этомъ, или берализмъ свой ставящихъ въ привязкахъ къ какимъ нибудь чело-вѣкамъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ у нихъ мысль, что вѣдь они «вольнодуми-чаютъ», а вольнодумство вообще вредно, для нихъ же неприлично.

Предметъ для оппозиціи выбрали они самый мелкій, какъ извѣст-но читателю: награду генералу Монтобану. Генералъ этотъ не отли-чается особыми дарованіями, но онъ приобрѣлъ себѣ порядочное со-стояніе въ китайской экспедиціи, которою начальствовалъ. Это фактъ; есть сплетня, говорящая о другой его способности: онъ сосваталъ дѣ-вушку очень красивой наружности, доставившую очень доходное мѣ-сто, — должность сенскаго префекта, то есть должность нарижскаго оберъ-полиціймейстера и губернатора, своему отцу. Монтобанъ раз-считалъ, что дѣвица Гаусманъ будетъ и для мужа не менѣе полезна, чѣмъ для отца. Впрочемъ это — нарижская сплетня, не имѣющая, разумѣется, никакого отношенія къ слѣдующей исторіи. Говорятъ, будто генералъ Монтобанъ, нашедши въ Китаѣ два милліона фран-ковъ, получаетъ съ нихъ тысячь сто или больше франковъ дохода. Жалованье его, по разнымъ должностямъ, простирается также до ста тысячь франковъ; но за жалованье можно ручаться только при ны-нѣшней системѣ: случись перемѣна въ правительствѣ, Монтобану да-дутъ отставку и жалованье пропадетъ; а капиталъ въ два милліона франковъ — имущество благоприобрѣтенное; родового имущества ге-нералъ Монтобанъ не имѣетъ.

По такому соображенію былъ представленъ въ законодательный кор-пусъ проектъ закона о назначеніи графу Паликао (Монтобану) съ потом-ствомъ наследственной и вѣчной пенсіи въ 50 тысячь франковъ. Вотъ на этотъ проектъ и обрушился либерализмъ законодательнаго корпуса. «Какъ потомственная пенсія?» — заговорили члены законодательнаго корпуса: — «но вѣдь это будетъ майоратъ, а майораты запрещены во Франціи. Вѣдь это будетъ возвращеніе къ до революціонному порядку, нарушеніе законовъ, испроверженіе демократическихъ принциповъ», и т. д., и т. д. Монтобанъ, услышавъ про оппозицію его пенсіи, на-писалъ къ императору, что онъ отказывается отъ предполагаемой на-грады, и т. д. Немедленно явилось въ газетахъ отвѣтное письмо императора, говорившее, что императоръ не возьметъ назадъ проектъ закона о пенсіи; что законодательный корпусъ не умѣетъ цѣнить за-слугъ, оказанныхъ Франціи, но Франція разсудитъ между импера-торомъ и законодательнымъ корпусомъ и проч. — Что же законодатель-

ный корпусъ? Законодательный корпусъ упорствовалъ; коммиссія, разсматривавшая проэктъ о пенсіи, представила докладъ въ томъ смыслѣ, что несмотря на письмо императора къ Монтбану, пенсію надобно отвергнуть. Но императоръ не допустилъ своихъ вѣрныхъ приверженцевъ довести скандалъ до конца. За нѣсколько дней до срока, назначеннаго для преній о докладѣ коммиссіи, президентъ законодательнаго корпуса, графъ Морни, публично вынулъ изъ кармана въ началѣ засѣданія и прочелъ письмо императора къ нему, графу Морни, говорившее, что императоръ не хочетъ огорчать законодательный корпусъ, не желаетъ ставить его членовъ въ необходимость тяжелаго для нихъ выбора между угожденіемъ ему, императору, и вѣрностью ихъ демократическимъ убѣжденіямъ, и потому беретъ назадъ проэктъ закона о пенсіи графу Паликао.

Мы не приверженцы того мрачнаго взгляда, который старается все объяснить хитрымъ расчетомъ, каждую развязку считаетъ предусматривавшеюся заранѣе. Дѣло происходило гораздо проще. Императоръ французовъ много разъ прибѣгалъ къ средству, употребленному имъ теперь для уничтоженія попытокъ оппозиціи въ законодательномъ корпусѣ: когда какой нибудь проэктъ возбуждалъ оппозицію депутатовъ, депутатамъ говорилось, что такова личная воля императора, и что Франція осудитъ ихъ за то. Въ теченіе десяти лѣтъ это было сдѣлано сто разъ (хотя и безъ такой огласки, какъ теперь), и всегда удавалось. Теперь не удалось. Вотъ и все. Но отчего же не удалось? Обстоятельства не тѣ. Что не тѣ они, могъ видѣть императоръ французовъ ужъ изъ представлявшей ему надобности дать дѣлу огласку, какой не нужно было прежде. Бывало, достаточны были конфиденціальныя внушенія депутатамъ черезъ графа Морни. Внушенія были сдѣланы, и не подѣйствовали. Оставалось прибѣгнуть къ мѣрѣ болѣе сильной, — къ печатному письму. Но какъ же было не рассчитать, что если огласка даетъ больше важности обороту, то она же и отнимаетъ у него всякій шансъ успѣха? Вѣдь тутъ повиновеніе депутатовъ было бы понято всею публикою какъ слѣдствіе страха. Публичность отрѣзывала и путь отступленія, и они превратились въ леонидовыхъ спартацевъ: «умремъ, дескать, но не отступимъ», т. е. въ переводѣ: «подвергнемся случайностямъ новыхъ выборовъ, возможности потерять мѣста и жалованье, но не можемъ же мы формально выставить себя передъ всею Франціею людьми, не имѣющими никакой самостоятельности». Помните «Утро дѣловаго человѣка», какъ тамъ у Гоголя разсуждаетъ Иванъ Петровичъ съ Александромъ Ивановичемъ:

«Алекс. Иван. Такъ вамъ чины, можно сказать, потомъ и кровью достались.

«Ив. Петр. (вздыхнувъ). Именно, потомъ и кровью. Чтожь будете

дѣлать, вѣдь у меня такой характеръ. Чѣмъ бы я теперь не былъ, если бы самъ доискивался? У меня бы мѣста на груди не осталось для орденовъ. Но что прикажете! не могу! Стороною я буду намекать часто, и экивоки подпускать, но сказать прямо, попросить чего непосредственно для себя.... Нѣтъ, это не мое дѣло! Другіе выигрываютъ безпрестанно.... А у меня ужъ такой характеръ: до всего могу увнвиться, но до подлости никогда!»

Но это все посторонній анекдотъ изъ нашихъ нравовъ, а настоящее дѣло шло во Франціи такимъ манеромъ. Правительство было очисъ удивлено, что депутаты упорствуютъ, хотя само укрѣсило ихъ въ упорствѣ слишкомъ крутою мѣрою внушенія, не рассчитанною по обстоятельствамъ. Оно рѣшилось распусить законодательный корпусъ и предписать новые выборы. Но префекты и другіе полицейскіе начальники, обязанные разузнавать о настроеніи умовъ, донесли изъ всѣхъ концовъ Франціи одно и то же: при нынѣшнемъ, дескать, затруднительномъ положеніи обстоятельствъ и неблагонамѣренномъ настроеніи общественнаго мнѣнія, выборы были бы неблагопріятны правительству. И такъ оказалось, что не слѣдуетъ распускать нынѣшняго законодательнаго корпуса и пришлось правительству уступить.

Хотите ли видѣть другое доказательство? Оно дано преніями объ адресѣ. Размышленія о нихъ мы представимъ послѣ. Сначала попросимъ васъ прочесть голый и сухой отчетъ объ этихъ преніяхъ, составленный самимъ графомъ Морни и напечатанный въ «Монитѣрѣ».

Едва ли нужно напоминать, что въ концѣ 1860 г. уже почувствовалась во Франціи надобность сдѣлать что нибудь въ пользу расширенія правъ законодательной власти и что это было сдѣлано декретомъ 24 ноября того года. Онъ между прочимъ возвратилъ депутатамъ право, которымъ они пользовались при прежнемъ конституціонномъ порядкѣ: представлять правительству свои замѣчанія относительно общей политики и требованія о томъ, въ какомъ смыслѣ надобно измѣнить или общій духъ ея, или ту или другую отрасль. Средствомъ къ этому былъ при конституціонномъ порядкѣ адресъ, служившій отвѣтомъ на тронную рѣчь. Итакъ, законодательному корпусу съ прошлой зимы дано право представлять императору адреса.

Далѣе, читатель знаетъ, что въ нынѣшнемъ законодательномъ корпусѣ находятся пять членовъ, не раздѣляющихъ приверженности всего остальнаго собранія къ нынѣшней системѣ. Когда проектъ адреса былъ написанъ избранною для того комиссіею, эти пять членовъ предложили сдѣлать въ немъ измѣненія, — конечно не въ надеждѣ, что ихъ мнѣніе будетъ принято законодательнымъ корпусомъ, а только для того, чтобы формально заявить свой взглядъ и развить его въ преніяхъ, которыя будутъ прочтены всею Франціею. — Изъ измѣненій,

предложенныхъ пятью оппозиціонными членами, самое важное относится къ первому параграфу проекта, предлагающему одобреніе общій политики правительства законодательнымъ корпусомъ. Геснеръ приводитъ самыя пренія въ точномъ переводѣ изъ оффиціального отчета о нихъ.

«Измѣненіе въ первой статьѣ проекта адреса законодательнаго корпуса, предложенное пятью оппозиціонными членами, и пренія о немъ.

«Измѣненіе, предложенное гг. Жюлемъ Фавромъ, Энономъ, Дариньомъ, Пикаромъ и Эмилемъ Олливе:

«Общественное довѣріе можетъ возродиться только искреннимъ возвращеніемъ къ системѣ свободы;

«Журналистика должна перестать быть монополією;

«Выборы, дѣлаемые избирателями, а не префектами, съ правомъ собраній и съ равными шансами публичности и охраненія избирательной свободы каждаго;

«Муниципальная власть, назначаемая общиною, а не правительствомъ.

«Личная свобода, ограждаемая совокупностью мѣръ, первую изъ которой должно быть отиженіе закона всеобщей безопасности.

«Таковы главныя условія политики, опирающейся на принципы 1789 г.

«Такова реформа, повелительно требуемая нравственными интересами страны, ея достоинствомъ, развитіемъ ея дѣятельности и ея богатства, и не могущая быть отсрочиваема безъ того, чтобы Франція не стала въ положеніе, униженное передъ другими націями.»

«Засѣданіе 7 марта.

«Рѣчь Пикара.

«Знаменитый министръ финансовъ сказалъ вѣжкогда: «пусть будетъ у васъ хороша политика, и финансы будутъ у меня хороши». Когда разразились въ «Монитерѣ» признанія, заключавшіяся въ докладѣ г. Фульда, что финансовое положеніе очень дурно, первую мысль общества былъ вопросъ: не связано ли оно съ политическимъ положеніемъ? Основательные наблюдатели понимали, что открытое теперь зло, финансовое разстройство, значительные дефициты, — все это ничтожно сравнительно съ нравственнымъ зломъ, которому уже давно подвергаетъ страну наша бѣдственная политическая обстановка (въ валать ропотъ).

«Съ этимъ чувствомъ я требую права разъяснить отношенія, породившія эту систему. Мы перечисляемъ ихъ въ измѣненіи прочитанномъ вамъ. Они связаны съ отношеніемъ, которое господствуетъ надъ всѣми остальвыми. Я говорю о положеніи журналистики.

«Она служитъ всяческимъ интересамъ, даже личнымъ интересамъ.

«Напримѣръ, вы принимаете извѣстный законъ, — положимъ, о займѣ 4½% облигацій государственнаго долга 3%-ми. Правительство, ссылая журналистику, пользуется этимъ закономъ для личныхъ вы-

годъ. Министры пишутъ проектамъ, проекты говорятъ съими официальными лицами: удерживайте отъ продажи $4\frac{1}{2}\%$ облигаций, чтобы не было возможности сдѣлать съ ними ничего, кромѣ какъ обивать ихъ на 3% . У меня въ рукахъ находятся такіе циркуляры.

«Когда г. Миресъ выпускалъ облигации римскаго займа и акціи римскихъ желѣзныхъ дорогъ, одна газета хотѣла разсмотрѣть достоинство этихъ бумагъ. Ее официально попросили молчать. Спрашиваю: можетъ ли что нибудь быть ненормальнѣе такихъ фактовъ для правительства и для законовъ о журналиствѣ? Когда истина произошла нибудь выгодѣ, она подавляется (многіе члены восклицаютъ: нѣтъ, нѣтъ, вы преувеличиваете). Повторяю: положеніе дѣлъ очень бѣдственно и унижительно. Я не могъ безъ глубокой печали слышать сказанныя въ сенатѣ слова, противъ которыхъ нечего было возражать: «въ Австріи больше свободы печатному слову, чѣмъ во Франціи» (въ палатѣ шумъ). Вотъ каково, повторяю вамъ, положеніе журналистики. Въ одной изъ провинціальныхъ газетъ я прочелъ слова: «самоуверенность имѣетъ право получать жалованье и еженедѣльно по одной похвальной статьѣ въ газетѣ»

«Засѣданіе 8 марта.

«Рѣчь Пикара.

«Вчера я хотѣлъ прямо поставитъ важные вопросы, возбуждаемые нашимъ измѣненіемъ. Я старался показать, какъ журналистика лишена свободы механизмомъ нынѣшняго законодательства, и какъ эта система сдѣлала журналистику настоящимъ монологомъ правительства самого съ собою.

«Президентъ. Приглашаю г. Пикара выразиться приличнѣе.

«Пикаръ. Я полагаю, г. президентъ, что выражаюсь прилично.

«Президентъ. Я не позволю вамъ въ этой палатѣ нападать на основныя законы страны, говорить, что какой нибудь существующій законъ унизителенъ для страны. Вы можете подвергать критику политику и распоряженія правительства, но не можете говорить о существующемъ законѣ, что онъ унизителенъ для Франціи. Здѣсь дѣло идетъ объ уваженіи къ существующему порядку, и я могу напомнить вамъ о приличіи.

«Пикаръ. Я не раздѣляю вашего мнѣнія.

«Президентъ. Продолжайте вашу рѣчь.

«Пикаръ. Возвращаюсь къ вопросу, мною рассмотрѣнному: онъ состоитъ въ томъ, какому суду должны подлежать дѣла журналистики. Я говорю: суду присяжныхъ. Почему жѣ судъ присяжныхъ натураленъ въ дѣлахъ печатнаго слова? Во-первыхъ потому, что проступки по нимъ не могутъ быть опредѣлены точнымъ образомъ и разсуждать о нихъ не могутъ другіе судьи, обязанные только прилагать точныя законы къ точно опредѣленнымъ случаямъ.

«Другая причина та, что правительственные судьи сами желаютъ, чтобы ихъ избавили отъ странной обязанности судить дѣла журналистики; они боятся смущены, когда судятъ такое дѣло; они сами со-

знаютъ, что не компетенция въ этихъ дѣлахъ, въ которыхъ компетенция судъ присяжныхъ». (Послѣ этого Пикаръ говоритъ о свободѣ выборовъ и о независимости общиннаго управленія, затѣмъ переходитъ къ вопросу о личной свободѣ).

«Пикаръ. Что такое личная свобода? Обеспеченность лица въ томъ, что оно будетъ судиться по законамъ своей страны. Существуютъ ли эти гарантіи? Правительство можетъ арестовать и осудить на заключеніе отъ одного мѣсяца до одного года всякое лицо, ведущее интриги, враждебныя правительству, и имѣющее преступныя сношенія внутри страны или за границею. По этому праву оно можетъ у каждаго гражданина потребовать отвѣта на вопросъ: «не имѣете ли вы преступныхъ сношеній съ кѣмъ нибудь?» Возможно ли подосрѣжаемому доказать противное? (Ропотъ) «Господа, я не понимаю этого ропота на мои слова противъ закона. Доказать противное тутъ невозможно, потому что обвиненіе неопредѣленно. Президентъ законодательнаго корпуса черезъ г. вице-президента Шнейдера сказалъ, что коммиссія, составившая проектъ адреса, нашла наше измѣненіе противорѣчащимъ общей политикѣ правительства».

«Шнейдеръ. Я говорилъ только о политикѣ большинства палаты».

«Пикаръ. Политика этого большинства — политика правительства, и я очень жалю о томъ и о другомъ» (Ропотъ). «Я вамъ объясню, почему жалю. Франція не хотѣла бы подвергаться новой революціи» (многочисленные голоса: правда, правда, не хотимъ). «Не хотимъ, а дѣлаете все, что нужно, чтобы привести революцію» (продолжительный шумъ). «Правительство само опровергаетъ себя» (Новый шумъ).

«Президентъ. Чѣмъ же?»

«Пикаръ. Тѣмъ, что начало дѣлать въ послѣднее время».

«Президентъ. Объясните это».

«Пикаръ. Объясню, если вы дадите мнѣ объяснить».

«Президентъ. Объясните; иначе было бы слишкомъ легко отказываться отъ объясненій».

«Пикаръ. Я отказываюсь отъ объясненій; потому что не имѣлъ бы въ видѣ свободы (Шумъ)».

«Президентъ. Однакоже, г. Пикаръ....»

«Пикаръ. Я такъ хорошо понимаю, что былъ бы тутъ связанъ, что хочу и начинать рѣчи объ этомъ».

«Президентъ. Это — преніе, невозможное въ нашей палатѣ».

«Пикаръ. Вы говорите правду».

«Президентъ. Ваша партія имѣла власть и возбудила противъ себя неудовольствіе, отнявшее у нея власть».

«Эмиль Оливьеръ. Вы также теряли власть: первая имперія пала».

«Баронъ (министръ). Развѣ первая имперія была ликвидирована націею?»

«Пикаръ. Я вамъ скажу....»

«Президентъ. Это — преніе невозможное. Въ интересѣ общества я не могу допустить его продолженія. Замѣчу только, что когда вы ска-

вам, что правительство само опровергаетъ себя, вы были несправедливы; я могъ бы прибавить, что вы поступаете съ правительствомъ невольничушно, — если можно такъ выразиться. Вы невольничушны къ нему, потому что чѣмъ больше оно обезоруживаетъ себя, тѣмъ больше вы на него нападаете, видите того, чтобы съ умѣренностью пользоваться свободою, которую оно даетъ странѣ.

«Шикаръ. Я не принимаю упрека, сдѣланнаго моею партіи, меня и привилегіи. Я чту безкорыстіе и величіе людей, имѣющихъ власть въ околу, с которой уменивалъ г. президентъ. Но возвратился къ настоящему. Вы утверждаете, что вы — наша свободная, а г. Бурнье, сенаторъ и бывший посланникъ, говоритъ сенату, что въ Австріи больше свободы, чѣмъ во Франціи. Съ печалью слышу я, господа, что Франція не только не свободна, но что ее называютъ недостойною свободой.

«(Баронъ, президентъ государственнаго совѣта и министръ безъ портфеля, отвѣчаетъ на рѣчь Пинара. Послѣ Барона встаетъ Жюль Фавръ).

«Рѣчь Жюля Фавра.

«Обстоятельства, въ которыхъ ведутся пренія палаты, очень важны. Я скоро займусь рассмотрѣніемъ границъ власти палаты, а теперь скажу только, противъ которой нѣмало не можетъ спорить: слова, произнесенныя здѣсь, слышитъ и судитъ вся Франція. Скоро она будетъ призвана посредствомъ выборовъ дать свое одобреніе или выразить притязаніе политикѣ, которую постоянно поддерживала эта палата. Нечему невозможно будетъ рассмотретьъ вопросы, возбуждаемые внутреннимъ положеніемъ Франціи.

«Сейчасъ г. президентъ государственнаго совѣта говорилъ вамъ, что наши исправленія должны считаться программой, выставленною противъ официальной редакціи адреса (Сильный шумъ).

«Президентъ. Что называете вы официальной редакціей адреса?

«Эмиль Оливье. Г. президентъ, не мѣшайте же говорить! (Шумъ).

«Президентъ (къ Эмилю Оливье). Вы не имѣете права давать мнѣ приказанія. Я не допускаю вашего вмѣшательства. Я спрашиваю у г. Жюля Фавра; что онъ разумѣетъ подъ словами: официальная редакція адреса?

«Жюль Фавръ. Разумѣю официальную редакцію коммисіи (Шумъ).

«Президентъ. Вѣроятно вы находите это объясненіе очень простымъ? Но я знаю, и вы сами знаете, что такое хотѣли вы сказать словами: официальная редакція адреса.

«Жюль Фавръ. Если я буду прерываемъ каждую минуту, я прекращаю рѣчь. Вы, г. президентъ, — конечно невольно, — отнимаете у меня свободу мыслей (Шумъ). Я отказываюсь отъ слова (Садится).

«Президентъ. Я никогда не отнималъ у васъ слова, никогда не стѣснялъ свободы пренія. Вы придаете дѣлу оборотъ не испрошенный.

«Жюль Фавръ. Я не дозволю вамъ, г. президентъ, приписывать мнѣ неиспрощенность.

«Президентъ. Обращаюсь къ суду палаты. Проницательность ея возила смыслъ употребленныхъ вами словъ. Я имѣлъ право основать нась, потому что вы употребили выраженіе, намекавшее, что адресъ составленъ не столько комиссіею палаты, сколько правительствомъ (многочисленные голоса: вы правы, вы правы). Потому не прибѣгайте къ отговоркамъ.

«Жюль Фавръ. Я и не прибѣгалъ къ нимъ.

«Президентъ. Позвольте мнѣ сказать вамъ: выраженіе «официальная редакция адреса» употреблено ораторомъ не столь искуснымъ, какъ вы, употреблено непреднамеренно. Серьезнѣйшимъ образомъ прошу васъ, г. Фавръ, преодолѣть вашу рѣчь.

«Жюль Фавръ. Наше положеніе въ этой палатѣ, господа, непоколебимо затрудненій. Повѣрьте, что не въ удовольствіе себѣ мы остаемся въ немъ, и что только чувство обязанности удерживаетъ насъ въ немъ. Возвращаюсь къ замѣчаніямъ, которыя были начаты мною.

«Въ послѣднія десять лѣтъ произошли важные факты. Особенно важны два. Первый изъ нихъ — декретъ 24 ноября 1860 г. (возвратившій законодательному корпусу право, чтобы его пренія печатались). Какъ назвать этотъ декретъ? Удержусь отъ опредѣленій.

«24 ноября 1861 г. произошелъ другой фактъ, также имѣющій свое значеніе. Говорю о письмѣ, которымъ императоръ призывалъ г. Фульда въ министры финансовъ, и о докладѣ, напечатанномъ г. Фульдомъ. Всѣмъ извѣстно, какіе дефициты были засвидѣтельствованы этимъ докладомъ».

Съ холодной исторической точки зрѣнія, отъ которой мы никогда ни на шагъ не отступали, самая важная часть переведенныхъ нами страницъ отчета заключается не въ содержаніи рѣчей Пикара и Жюль Фавра; замѣчательнъ способъ обращенія графа Морни, представителя правительства и палаты, съ оппозиціонными депутатами. Не понравится ему какое-нибудь колкое выраженіе, онъ останавливаетъ оратора; прежде такъ и кончалось дѣло: ораторъ чувствовалъ себя принужденнымъ смириться и поправлять свою фразу; теперь не то: поднимается длинный споръ, и оппозиціонные депутаты наступаютъ, тѣснятъ президента, онъ и вся палата чувствуютъ себя неловко, и побѣда остается за оппозиціоннымъ ораторомъ: онъ торжественно повторяетъ колкую фразу и продолжаетъ въ томъ же тонѣ; а между тѣмъ въ палатѣ только пятеро оппозиціонныхъ депутатовъ; голоса ихъ не имѣютъ никакого вѣса при вотированіи; въ самой палатѣ оппозиція ихъ формальнымъ образомъ совершенно ничтожна. Такъ ее и третировали еще года полтора тому назадъ. А вотъ теперь не то: когда Жюль Фавръ сказалъ: «не перерывайте меня или я замолчу», президентъ сталъ успокоивать его; Жюль Фавръ повторилъ: «я прекращаю рѣчь» и сѣлъ, — президентъ сталъ просить, «серьезно просить» его продолжать говорить, и Жюль Фавръ, возобновляя рѣчь,

становился въ такое положеніе, что я десять часовъ здѣсь въ палатѣ только изъ снисходительности.

“ Справка о расположеніи умовъ, наведенная правительствомъ по поводу упрямства палаты въ дѣлѣ о пенсіи Монтобана, обнаружила, каковъ будетъ ходъ фактовъ, если не будетъ онъ ускоренъ чрезвычайными случайностями. Нынѣшній законодательный корпусъ застѣдетъ послѣдній годъ. На слѣдующую зиму должны будутъ собраться новые депутаты, выборы которыхъ должны происходить въ концѣ нынѣшняго и въ началѣ слѣдующаго года. Прессанты объявили, что выборы будутъ неблагоприятны нынѣшней системѣ. И такъ на слѣдующую зиму произойдетъ формальное столкновеніе нынѣшней системы съ общественнымъ мнѣніемъ въ ея представителяхъ, депутатахъ, если не произойдетъ оно инымъ путемъ. Это не мы говоримъ,—это выходитъ изъ свѣдѣній, собранныхъ самимъ правительствомъ и до того убѣдительныхъ, что оно само измѣнило по нимъ свои отношенія къ законодательному корпусу въ спорѣ о пенсіи генералу Монтобану.

Споръ этотъ по своему предмету совершенно ничтоженъ, неважны сами по себѣ и рѣчи оппозиционныхъ депутатовъ въ преслѣхъ объ адресѣ, но характеристичны эти случаи для опредѣленія мѣста, въ которомъ плутъ дѣла.

Такой опредѣленности нѣтъ въ перемѣнѣ рукъ, управляющихъ Италію. Трудно даже разобрать, выгоду или невыгоду для національнаго дѣла надобно видѣть въ этой перемѣнѣ. По общему цвѣту своихъ убѣжденій Раттацци долженъ бы быть министромъ, болѣе полезнымъ для Италіи, чѣмъ его предшественникъ. Рикасоли былъ человекъ, совершенно спутанный крайнимъ консерватизмомъ, и при немъ итальянское правительство не могло ни вступить въ прямую связь съ энергическими элементами итальянской націи, ни пользоваться ими какъ бы то ни было. Раттацци имѣетъ взглядъ, нѣсколько болѣе широкій и понимаетъ важность живыхъ силъ. Онъ былъ не въ дурныхъ отношеніяхъ съ Гарибальди, всегда считалъ нужнымъ поддерживать связи съ популярными людьми. Говорятъ, онъ уже видѣлся съ Гарибальди по своему вступленію въ министерство и вступилъ въ переговоры съ передовою партією. Это все такъ. Но слишкомъ сомнительный отгѣнокъ на его способность къ твердому дѣйствованію набрасывается главнымъ изъ тѣхъ отношеній, отъ которыхъ налѣ Рикасоли. Французское правительство было недовольно суровымъ высокомеріемъ прежняго министра. Рикасоли не былъ охотникъ идти впередъ, по отношенію самостоятельности въ приобретennomъ положеніи былъ неуступчивъ. Парижскія полуофіціальныя газеты съ конца прошлаго года, когда Раттацци ѣздилъ въ Парижъ, твердили, что онъ будетъ

министромъ, болѣе полезнымъ для Италіи и болѣе приятнымъ для императора французовъ, чѣмъ Рикасоли, за котораго онъ очень сожалѣлся. Известно также, что и прямое причинное удаленіа Рикасоли было неумѣнно его задать съ тойлерійскимъ вліяніемъ; всѣ другія причины были только предлогами, неимѣющими существеннаго значенія. Изъ этого естественно возникаетъ предположеніе, что французское правительство надѣялось найдти въ Раттацци человѣка, болѣе послушнаго и рассчитывало, что легче можетъ обойти его, чѣмъ Рикасоли. И дѣйствительно, Раттацци называють неимѣющимъ ни твердаго характера, ни даже той не чрезвычайной даровитости, какая есть у Рикасоли. Очень можетъ быть, что онъ уже связанъ обѣщаніями, данными въ Парижѣ. Впрочемъ при нынѣшнемъ состояніи австрійскихъ дѣлъ, ходъ событій въ Италіи зависитъ не столько отъ оцоты правительства итальянскаго, сколько отъ готовности передовой партіи къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ австрійцевъ. Готова ли она къ нимъ, то есть уладился ли планъ общаго дѣйствованія итальянцевъ, венгровъ и проч.,—это мы посмотримъ; но, кажется, нѣчто окончательнаго еще не рѣшено. А впрочемъ, какъ знать. Вѣдь эти вещи держатся въ секретѣ, гораздо менѣе пресрачною, чѣмъ дипломатическія тайны.

Многіе упрекають насъ въ отрицательномъ направленіи зато, что мы опровергаемъ нѣкоторые мнѣнія, почти всѣми повтореныя безъ критики. Но справедливо ли называть отрицателемъ того, кто опирается на факты и признаетъ въ полной силѣ ихъ значеніе? Вотъ, напримѣръ, въ прошлый разъ говорили мы, что несомнѣтельно нѣмецкіе и вообще западно-европейскіе либералы, считающіе Пруссію конституціоннымъ государствомъ. Пожалуй, это могло показаться отрицаніемъ. Но вотъ теперь, не болѣе какъ черезъ мѣсяць, явились факты, заставившіе прусскихъ, а за ними всѣхъ нѣмецкихъ, а за ними всѣхъ западно-европейскихъ либераловъ признаться, что ихъ мнѣніе о Пруссіи, какъ о государствѣ конституціонномъ, было несомнѣтельно. А вѣдь мы это самое и говорили.

Теперь посмотримъ пока, какъ произошло разрушеніе ошибки либераловъ. Объ этомъ нуть расскажетъ намъ «Times».

«Прусская палата депутатовъ распущена королемъ. Это привело большое волненіе не въ одной Пруссіи, но по всей Германіи. Поводъ къ разрыву кажется маловажнѣй. Въ Пруссіи, какъ и во Франціи, министры, особенно военный министръ, перенесли суммы вотированныя палатою съ одного предмета на другой. Бюджетъ вотировался не одно цѣлое и министры считали себя въ правѣ дѣлать эти переносы суммъ изъ одной статьи въ другую. Пока не расходовалось въ общемъ итогѣ болѣе вотированной цифры, пруссаки не претендовали на то,

что достичь, вотированным для покупки штудеровъ, обрелись на покупку лошадей; или вмѣсто пуля получилась корова. Такъ было прежде. Но въ послѣднее время палата стала недовольна этимъ. Одинъ изъ депутатовъ предложилъ, чтобы каждая сумма расходовалась только на тотъ предметъ, на который вотирована. Министры объявили, что выдуть въ отставку, если предложеніе будетъ принято, но оно было принято 175 голосами противъ 130. Послѣ того начались сѣдѣнія между королемъ, наследнымъ принцемъ и министрами. Результатомъ было распущеніе палаты и теперь скоро должны быть новые выборы, на которыхъ будетъ господствовать вопросъ о конституціонныхъ правахъ палаты депутатовъ.

«Трудно сказать, что король поступилъ расчетливо. Говорить, что наследный принцъ доказывалъ необходимость уступить палатѣ, объясняя, что Пруссія теперь конституціонная монархія и потому представителей націи надобно принимать за действительную власть. Уступая желанію депутатовъ, король приобретала бы популярность, т. е. упречная бы за собою существенную власть. Она избрала другой путь. Результатъ не можетъ быть сомнителенъ. Предложенія наследнаго принца и министровъ наизяще осуществляются. Принцъ и министры говорили, «что новые выборы только возвратятъ въ палату оппозиціонныхъ депутатовъ въ увеличенномъ числѣ и съ прибавкою людей болѣе рѣшимаго образа мыслей. Король любовною уступкою обратилъ бы неудовольствіе палаты въ энтузіазмъ. Министры хотѣли палаты въ отставку, уступая депутатамъ, и депутаты были бы тогда готовы дѣлать очень многое для государя, министры котораго уступили имъ. Но король прусскій не принялъ ихъ отставки. Онъ не заботится о расколоженіи депутатовъ. Предводителей партій въ палатѣ онъ считаетъ своими врагами, людьми, которыхъ онъ никогда не долженъ давать торжества. А между тѣмъ какой путь величія открылся бы ему, еслибы онъ держалъ себя иначе. Безъ особеннаго искусства, онъ могъ бы сдѣлаться господиномъ всей Германіи. Потребность единства такъ велика въ ней, что король прусскій взошелъ бы на императорскій престолъ, еслибы только объявилъ, что на самомъ дѣлѣ хочетъ быть конституціоннымъ государемъ.»

Дѣло ясно даже для англичанъ, смотрящихъ на него издали. Министры хотѣли уступить палатѣ; но король не захотѣлъ. Но Times совершенно напрасно дѣлаетъ изъ этого факта заключеніе, будто король поступилъ нерасчетливо. Нѣтъ, король совершенно правъ и защищаетъ свои интересы гораздо вѣрнѣе своего опрошеннаго англійскаго совѣтника. Но эту несправедливость Times'a къ прусскому королю мы замѣчаемъ мимоходомъ, а замъ дѣло собственно только до прусскихъ либераловъ, справедливость которыхъ мы отри-

цели. Не говорили уже о молодильных либералах, партия которых въ прусской палате выставлялась просто либеральной, — они двосудничаютъ въ каждомъ слогѣ. Несмотря, что говорятъ истые либералы прусской палаты, которые, въ отличіе отъ полулибераловъ, назывались просто либералами, назвали свою партию «прогрессивною». По распусценіи палаты эта партия обнародовала слѣдующій документъ, который украсила пылкимъ именемъ «воззванія»: вотъ уже и началась въ самомъ заглавіи: не годится титуловать громкимъ именемъ документъ очень плохой. Но это опять мимоходомъ: важно не въ заглавіи, а въ содержаніи. Вотъ оно:

«Воззваніе центрального избирательнаго комитета нѣмецкой прогрессивной партіи.

«Либеральныя партіи нашего отечества были почти единодушно согласны относительно цѣлей политическаго стремленія, выставленныхъ нашею программою при прежнихъ выборахъ. Онѣ и теперь не отступаютъ отъ нихъ. Мы призвали тогда всѣхъ либеральныхъ людей къ соединенію противъ реакціонной партіи и прошлогодніе выборы рѣшили дѣло противъ нея. Непримиримо противорѣча живящій силамъ нашего времени, она никогда не будетъ управлять Пруссіею съ согласія прусскаго народа. Она — ничто, если она не опирается на всестороннюю поддержку со стороны правительства. Но надежды на энергическій прогрессъ, возникавшія изъ прошлогоднихъ выборовъ, не осуществились. Люди, которыхъ его величество, король, видѣть правленіе, не могли стать въ согласіе съ палатою депутатовъ, которая готова была поддерживать всякій либеральный шагъ министерства. Общія реформы, требуемыя духомъ времени, остаются неисполненными.

«При прошлогоднихъ выборахъ мы могли еще надѣяться, что министерство, соображаясь съ развивающимся сознаніемъ народа, приметъ болѣе рѣшительную политику. Теперь мы не можемъ надѣяться этого. Тѣмъ необходимымъ представителямъ націи охранять ея права.

«Правительство находитъ, что все должно рѣшаться только его волею, безъ всякаго вниманія къ представителямъ народа. Мы не хотѣли допустить этого. Министры распустили палату и апеллировали къ народу, чтобы онъ выразилъ свое мнѣніе новыми выборами. Мы надѣемся, что оно выразится очень опредѣленно.»

Въ Сѣверной Америкѣ дѣла идутъ по видимому къ развязкѣ. Читатель знаетъ объ успѣхахъ, полученныхъ Соломонъ, и намъ довольно будетъ въ нѣсколькихъ словахъ напомнить связь событий, чтобы ясемъ былъ подробный разсказъ о важнѣйшихъ изъ этихъ дѣлъ, приведенный нами въ *New York Times*'а на слѣдующихъ страницахъ.

Читатель помнитъ, каковъ былъ планъ сѣвернаго правительства,

рассказанный нами въ прошломъ разѣ. Линія театра войны по сухопутной границѣ между Союзомъ и отдѣлившимся штатами тянется на 2,000 верстъ. Близко къ восточному концу этой линіи стоятъ главныя силы обѣихъ сторонъ подъ Вашингтономъ. Сѣверное правительство рѣшило начать наступленіе съ западной части пограничной линіи. Въ ней значительныя силы обѣихъ сторонъ находились Кентукки и Теннесси. Наступленіе началось. Авангардъ сѣверной арміи подъ командою Гранта, имѣвшаго до 30 тысячъ человекъ, двинулся, омытивъ штатъ Кентукки, дальше на югосападъ по направленію къ Нашвиллю, главному городу штата Теннесси, около котораго сосредоточивалась западная армія инсургентовъ. Авангардъ ея, имѣвшій до 25 тысячъ человекъ, занималъ очень крѣпкую позицію въ огромномъ укрѣпленномъ лагерѣ, который называлъ былъ фортомъ Доннелсономъ. Вотъ описаніе этой позиціи:

«Первое, чѣмъ поражены вы, вошедши въ фортъ Доннелсонъ, — чрезвычайная сила его. Фортъ Генри считается почти что Гибралтаромъ, но онъ слабъ въ сравненіи съ фортомъ Доннелсономъ. Рѣка Кемберлендъ течетъ почти прямо на сѣверъ. Вдругъ она дѣлаетъ изгибъ въ нѣсколько сотъ ярдовъ и потомъ опять течетъ въ прежнемъ направленіи. Въ этомъ изгибѣ на лѣвомъ берегу рѣки поставлены у самой воды двѣ батареи, имѣющія 12 очень тяжелыхъ орудій. Онѣ господствуютъ надъ рѣкою и прикрываютъ брустверомъ громадной толстоты. За этими батареями берегъ поднимается довольно крутымъ холмомъ до высоты около 100 футовъ надъ водою. Вершина этого холма — фортъ Доннелсонъ, окна котораго обнимаютъ пространство около 100 акровъ (35 десятинъ). Мѣстность передъ фортомъ холмистая, покрытая лѣсомъ. На нѣсколько сотъ ярдовъ кругомъ форта онъ вырубленъ, чтобы свободно было дѣйствовать артиллеріи. Вокругъ всего форта, на милю разстоянія отъ него, идетъ грядущая для стрѣлковъ, отъ рѣки до рѣки. На западъ отъ форта сдѣлана страшная засѣка, затрудняющая почти до невозможности подслушь съ этой стороны».

Авангардъ сѣверной арміи шелъ къ этому пункту по теченію рѣки. Вотъ рассказъ американской газеты New York Times'a объ этомъ походѣ и о взятіи форта Доннелсона:

«Генералъ Грантъ рѣшился сдѣлать атаку по двумъ направленіямъ, — съ земли — отъ форта Генри, а водою — съ рѣки Кемберленда; атакующимъ съ немъ канонерскимъ лодкамъ должна была содѣйствовать колонна, двигавшаяся по берегу. По окончаніи приготовленій, водяная экспедиція (случившійся по Миссиссиппи на рѣкѣ Огайо и потомъ поднявшійся по Огайо) достигла устьи Кемберленда ночью, 12 февраля. Счетъ была неожиданно замкательная: ночь была темла, вѣвъ августовскій ве-

черъ на нашрихъ сѣверѣ, на небѣ не было ни облачка, позвѣтъ иѣснѣ сила отремала на безчисленныхъ птыкахъ. Попримемъ клубъ дыма ядалиси на парашетахъ лѣзуть фортѣ, егосицахъ, на высонахъ надъ городомъ, и раскаты застрѣловъ веревалиси окомъ по холмамъ и возвращалиси попутѣмъ отъ отдаленныхъ кентукійскихъ горъ. Оркестры лодокъ въ отвѣтъ очаровывали ухо краснорѣчивѣйшей музыкой, которая виѣстѣ съ видомъ нарядныхъ дамъ, десятками прогуливавшихся по налубѣ, давала снѣтъ характеръ какъ будто какого-то огромнаго бала; до того доходило ехадство, что никто не удивлиси бы, еслибы вся толпа вдругъ понеслась вѣтрѣмъ въ даль съ или плавными движениями кадрили. Уже послѣ полночи экспедиція снова нустилась въ путь и пошла медленно вверхъ по рѣкѣ. На слѣдующее утро, 13 февраля, она дошла до Эдмундла, маленькаго города на восточномъ берегу рѣки. Если замолчать до демонстрацимъ людей, соединившихся на берегъ смотрѣть на насъ,—идѣтъ подъ солнцемъ города, болѣе предавнаго Союзу, чѣмъ Эдмундль. Женщины махали платками всѣхъ цвѣтовъ, фартуками, шляпками; мужчины — шляпами, и кричали: «ура Союзу» и «ура Линколу» — до совершеннаго онѣмѣнiя отъ хрипоты. Даже аддундлскiя собаки были вѣрны Союзу: даяли и яляли хвостами въ патриотической радости при национальномъ нашествiи. Но только въ одномъ человекѣ были признаки искренности. Старикъ съ бѣлоснѣжною головою стоялъ на берегу, опираясь на палку и съ наружною апатiею слѣдя за тѣмъ, какъ плѣзть лодки, которыхъ не могъ онъ хорошенько разсмотрѣть своими меркнущими глазами. Случилось такъ, что на одной изъ лодокъ, въ то самое время, какъ она поравнялась съ нимъ, заигради народную пѣсню Новой Англии — Yankee Doodle. Звукъ ея какъ будто пробудилъ давно спавшiя воспоминанiя старика, — онъ сорвалъ съ себя шапку и съ быстрымъ движениемъ, отъ котораго рассыпались по воздуху его сѣдые волосы, три раза прокричалъ: «ура Союзу!» — Союзу, въ которомъ родились, которыхъ были охраняемы и онъ, и его дѣти, и звуки. Экспедиція высадилась ниже форта и тутъ соединилась съ 20-тысячною колонною, которую велъ генеральъ Грантъ изъ форта Генри. Онъ расположилъ свои силы полукругомъ около форта Доннедсона; оба флагаги его ушрались въ рѣку. Занятiе позиции было слѣдано не безъ большихъ затрудненiй. Пикеты и застрѣльщики непрiтели казались безчисленны и каждую ложбину, каждый холмъ приходилось отнимать у нихъ съ боя. Но большаго урона мы не потерпѣли, и къ ночи совершенно вѣснили инсургентовъ въ ихъ укрѣпленныя линiи, а сами приохотились дачать болѣе серьѣзную схватку на другой день. Въ 10 часовъ утра, отрядъ союзныхъ войскъ, состоявшiй изъ 5-ти полковъ цѣхоты и 4-хъ батальоновъ артиллерiи (то естъ около 5-ти тысячъ человекъ), двинулся къ скалистымъ холмамъ, которые занималъ непрiтель. За 1,000 ярдовъ (за версту) отъ хребта нашъ отрядъ былъ встрѣченъ непрiтелемъ въ большихъ силахъ и произошелъ упорный бой, главнымъ образомъ между стрѣлками и артиллерiей съ обѣихъ сторонъ. Неприатель постепенно отступалъ и черезъ часъ скрылся въ своихъ

укрѣпленійхъ; наши войска оладѣли градомъ холмовъ, привыкшому отъ оврагу, за которыми находилась вѣвшая линія непріятельскихъ укрѣпленій. Между ними и холмами не больше 300 ярдовъ (150 саж.); они покрыты лѣсомъ, и нѣсколько возвышаются надъ укрѣпленіями; поэтому были они прекрасною позиціею для нашихъ стрѣлковъ, не зашедшихъ воспользоваться ею. Они стрѣляли по инсургентамъ, выходявшимъ изъ-за парашета. Въ 11 часовъ мы сдѣлали второе движеніе. Три полка (около 2,500 человекъ), подъ командою полковника Моррисона, пошли скорымъ шагомъ въ оврагъ, чтобы штурмовать вѣдшія укрѣпленія. Достигнувъ дна ложбины, Моррисонъ былъ обитъ съ лошади пулей. Видя, что командиръ убитъ и нито не замечаетъ его мѣста, солдаты поколебались и отступили на холмы въ стройномъ порядкѣ, но съ большою потерю. Послѣ того ходилъ штурмовать еще одинъ полкъ, но встрѣченный втрое большею силою, долженъ былъ отступить послѣ отчаяннаго боя, продолжавшагося часъ. Пока велись эти атаки, подошла одѣтая желѣзомъ канонерская лодка, «Кароидель» и вступила въ бой съ непріятельскими баттарями: она пустила въ нихъ 102 выстрѣла и долго не страдала отъ страшнаго непріятельскаго огня, пока наконецъ 128 фунтовое ядро, ударивъ въ одинъ изъ люковъ, и ранивъ 8 человекъ, зашло въ мѣшакъ съ камнями и углемъ, прикрывавшихъ котамъ. Это заставило лодку отойти. Ночью войска сильно страдали отъ холода. День, 14 числа, погода была прекрасная, и мы могли разсмотрѣть непріятельскую позицію. Мѣстность около форта идетъ въ гору, покрыта густымъ лѣсомъ, и перерѣзана частыми оврагами, скалистыя стѣны которыхъ почти отнимаютъ возможность перехода. Самый фортъ стоитъ на высокомъ утесѣ, отлого спускающемся съ другой стороны къ рѣкѣ; онъ вышиною вѣроятно не меньше 100 футовъ. Вершина его искусственно выровнена на протяженіи миль, и на этомъ выровненномъ мѣстѣ стоитъ фортъ, укрѣпленія котораго занимаютъ все это мѣсто. Передъ скалою тянется неглубокий ровъ, а за нимъ града холмовъ, покрытыхъ лѣсомъ; града перерѣзана ложбинами ручьевъ. Въ этотъ день подошла къ фортамъ вся наша эскадра, состоявшая изъ четырехъ одѣтыхъ желѣзомъ и трехъ простыхъ канонерскихъ лодокъ; желѣзные вышли впередъ, простые остановились далеко позади ихъ. Одѣтая желѣзомъ лодка начала бомбардировать фортъ съ разстоянія миль (около 1½, версты). Сначала грохотъ выстрѣловъ не прерывался ни на минуту, — такъ они были часты, и шелъ непрерывный стукъ отъ падающихъ снарядовъ. Черезъ полчаса отъ форта началъ слабѣть и черезъ нѣсколько времени остались стрѣляющими въ немъ только три пушки, — остальные, какъ видно, были сбиты нашими выстрѣлами. Наши лодки, постепенно подвигаясь ближе къ форту, были отъ него только уже на 400 ярдовъ (175 саж.) и готовились стрѣлять картечью, когда непріятельское ядро разбило рулевой снарядъ на одной изъ лодокъ. Лодкою нельзя стало править и она должна была удалиться; за нею отступили на прежнюю позицію и другія лодки, сильно поврежденные. Ночью поврежденія были исправлены.

15-го числа, передъ развѣтомъ, непріятель сдѣлалъ вылазку въ числѣ 3,000 человекъ, съ 12-ю батареями артиллеріи; онъ горячо бросился на 2 наши полка, стоявшіе на крайнемъ правомъ флангѣ. Этотъ отрядъ твердо держался, потомъ сталъ отступать; на выручку ему пришли два другіе полка и задержали непріятеля. Скоро подошли еще свѣжія войска съ обѣихъ сторонъ и бой принялъ страшныя размѣры. Одна изъ нашихъ батарей стала на возвышеніи, и цѣлыхъ четыре часа ни на одиъ мигъ не замолкали ея тяжелыя пушки, 24-хъ фунтоваго калибра. Все это время она подвергалась сильному огню непріятельской артиллеріи, занявшей холмы, возвышавшіеся надъ ея позиціей. Нѣсколько и другихъ нашихъ батарей были въ дѣлѣ. То наши, то непріятельскія войска, то наступали, то отступали. Битва была продолжительна и отчаянна. То поднималась она по холмамъ, то спускалась въ овраги,—и все это было въ дѣсу. Люди становились за деревьями, обломками скалъ, и все сраженіе пѣхотныхъ войскъ имѣло характеръ схватки застрѣльщиковъ. Одинъ изъ нашихъ полковъ, стоявшій на крайнемъ правомъ флангѣ, былъ атакованъ роемъ непріятеля съ такою живостью, что разстроился и бѣжалъ въ беспорядкѣ; съ другой стороны мы были атакованы такими превосходнымъ числомъ, что наша линія разошлась и сраженіе казалось близко къ совершенному проигрышу для насъ. Въ это равновѣсное мѣсто обратила свою картечь наша батарея, занимавшая холмъ, и выпустила всѣ, до послѣдняго, свои заряды, удерживая непріятеля. Напрасно командиръ ея ждалъ подкрѣпленія. Въ тотъ самый мигъ, когда она истощила всѣ свои заряды, около 10 часовъ утра, сильный отрядъ непріятеля приблизился къ ней подъ закрытіемъ холмовъ и лѣса, и открылъ по ней штудерный огонь съ разстоянія 200 ярдовъ (менѣе 100 саж.). Всѣ пушки были подбиты, кровъ одной; въ нее запрягли 6 лошадей, но орудіе было такъ тяжело, а грязь—такъ глубока, что протаскать пушку съ полмили, увидѣли невозможность увести ее, и должны были бросить. Всѣ орудія батареи достались непріятелю. Но черезъ нѣсколько времени страшная атака нашихъ войскъ оттѣснила его съ этого мѣста, разрывъ нашей линіи былъ опять наполненъ войсками и потерянные пушки были возвращены. Бой длился до самаго полудня и кончился тѣмъ, что непріятель былъ оттѣсненъ обратно въ его окопы. Поле битвы было мли двѣ въ длину (болѣе 3 версты), и каждый клочокъ земли былъ тутъ ареною ожесточенной схватки. Инсурренты сражались съ самою непоколебимою храбростью и, повидимому, хотѣли во что бы то ни стало пробиться черезъ правое наше крыло. Они шли на наши позиціи, какъ наводненіе, и нужна была храбрость равная съ ними нашимъ солдатамъ, чтобы устоять противъ ихъ-бурнаго прилива, и наконецъ, оттѣснить его въ прежнія границы. Наши войска сражались геройски. Не прерываясь ни на минуту сыпался на насъ градъ ядеръ, бомбъ и картечи, а тысячи непріятельскихъ стрѣлковъ пускали пули изъ-за cadaго дерева, куста и камня. Грохотъ битвы походилъ на ревъ бури, несущейся черезъ валимый ею лѣсъ. Побѣда досталась намъ дорого. Нѣкоторые полки были совершенно истреблены. Пронор-

ція убитыхъ офицеровъ ужасна. Раненыхъ у насъ очень много, но равны болѣею частью легкія. Едва покончилось дѣло на правомъ флангѣ, какъ началъ атаку нашъ лѣвый флангъ, подъ командою генерала Снита. Передъ нимъ былъ вѣдшій рядъ непріятельскихъ укрѣпленій, мы рѣшились штурмовать его. Въ третьемъ часу дня двинулась густая цѣпь застрѣльщиковъ, черезъ часъ одинъ изъ нашихъ полковъ бросился въ атаку на непріятельскій брустверъ, штурмовалъ его въ штыки съ разбѣгу, и съ потрясающимъ крикомъ утвердился на немъ. Онъ былъ поддержанъ другими полками. Инсурденты были сбиты съ первой линіи своихъ укрѣпленій и загнаны за вторую. Скоро были поставлены замолчать ихъ батареи. Тѣмъ кончился кровопролитѣйшій день этой осады. Въ нынѣшнюю войну не было еще битвы, болѣе упорной, и никогда еще не было у нашихъ войскъ такой увѣренности въ успѣхъ. Никто не сомнѣвался въ немъ подъ самымъ жестокииъ отъемъ.

«На слѣдующее утро, 16 числа, инсурденты прислали сказать, что они сдаются. Генералъ Бекнеръ, командаръ ихъ, просилъ перемирія до полудня, говоря, что къ тому времени могутъ уладиться условія сдачи форта. Генералъ Грандъ требовалъ безусловной сдачи; инсурденты согласились.»

Число взятыхъ тутъ въ плѣнъ инсурдентовъ простиралось, какъ знаетъ читатель, до 15,000 человекъ. Но еще сильнѣе нравственный уронъ, испытанный инсурдентами. Потерявъ свой авангардъ, западная ихъ армія, стоявшая у Нашвилля, безъ боя отступила на югъ, и сѣверныя войска заняли столицу штата Теннесси.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДЕВЯНОСТО ПЕРВАГО ТОМА.

СЛОВЕСНОСТЬ, НАУКИ и ХУДОЖЕСТВА.

	Стр.
Козьма Захарычъ Мининъ, Сухорукъ. Драматическая хроника, въ пяти дѣйствіяхъ. Въ стихахъ. <i>А. Н. Осиповскаго</i>	7 ✓
Реформація и слѣдующіе за ней публицисты. <i>Ю. Г. Жуковскаго</i>	117 ✓
Пустая жизнь. Разсказъ <i>Г. Я. Утмина</i>	153 ✓
Выдержки изъ воююмннайи осылымо-каиторжнаго. <i>О. Н. Лессо</i>	203 ✓
Изъ дневника неизвѣстнаго. Разсказъ <i>Н. В. Успенскаго</i>	241 ✓
Утопленникъ. Сцена изъ народнаго быта. <i>И. О. Горбунова</i>	249 ✓
«Ужь осень! Кажется, давно ли». Стихотъ: <i>Я. П. Целомскаго</i>	257 ✓
Матеріалы для біографіи <i>Н. А. Добролюбова</i> . (Записка <i>М. А. Кестрова</i> о его дѣтствѣ. — Записка <i>М. Е. Лебедева</i> о его семилетнихъ годахъ. — Записка <i>А. А. Радонежскаго</i> объ институтскихъ годахъ <i>Н. А. Добролюбова</i> . — Отрывки изъ институтскаго дневника <i>Н. А. Добролюбова</i>).	259 ✓
Вариации. Стихотъ. <i>А. Н. Плещеева</i>	320 ✓
Посмертвенныя стихотворенія <i>Н. А. Добролюбова</i> . (Жалоба ребенка. — «Когда, средн зимы холодной». — Солгъ. — Въ деревнѣ. — Соловей. — Сила слова. — «Пана ты ванъ гравка неоскала». — «Не диво — доброе влеченье». — Дорожная пѣсня. — Бѣднику. — Очирозаніе. — На смерть особы. — Посту. — Тихій: ашегъ. — «Еще недавно я женствою сатирой». — «Напрасно ты отъ вѣтренныи милой». — Намати отца. — Дорбгой. — Напрасно! — Рефлекс-	320 ✓

сія.—Нѣтъ, мнѣ не миль в онъ, нантъ сѣверъ величавый». — «Необозримой, ровной степью». — «Еще работы въ жизни много». — «Пуская умру — печали мало». — Пѣсанъ Гейне. 1—20).... Съ примѣчаніями <i>Н. Н.</i> . . . . . 323 ✓
Три стихотворенія. <i>А. С. Пушкина.</i> 349
Некрологъ Ивана Ивановича Панаева. 1
Дворянскіе выборы. Сцена. <i>Ф. А. Зинькова.</i> . . . . . 351 ✓
Народное образованіе во Франціи. <i>А. Н. Шипкина.</i> 573
Къ читателю. Повѣсть. <i>Н. Щедрина.</i> . . . . . 601 ✓
Выдержки изъ воспоминаній ссыльно-каторжнаго. <i>Ф. Н. Львова.</i> . . . . . 643 ✓
Солдаты да солдатка. Разсказъ. <i>А. Суворина.</i> . . . . . 663 ✓
Прогрессъ. Изъ Барбье. Стихотв. <i>Д. Мичаева.</i> 681
Дешева покушка. Стихотв. <i>Н. А. Некрасова.</i> 683

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Январь.

Проектъ правилъ для найма сельскихъ рабочихъ. 1
Русская литература. — Московское словенство. (Сочиненія И. Кирѣвскаго. Т. I. — Сочиненія А. Хомякова Т. I. — Сочиненія К. Аксакова). 15
Новыя книги: Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ. 1861. июль — сентябрь. Книга третья (33). — Отголоски словесной поэзіи (38). — Этюды. Популярныя чтенія Шлейдена. Переводъ Кадневскаго. 45
Итальянская опера въ Петербургѣ. Сезонъ 1861—1862 года. <i>М. А.</i> 51 ✓
Петербургская жизнь. Записки <i>Нового Нога.</i> 83
Внутреннее обозрѣніе. (Преобразованія, проектированныя по разнымъ частямъ государственнаго управленія. — Передача государственныхъ крестьянъ изъ вѣдѣнія министерства государственныхъ имуществъ въ общія вѣдѣнія управленія, съ предоставленіемъ крестьянскимъ обществамъ некоторыхъ новыхъ правъ самоуправленія. — Выгоды начала <i>самуправленія</i> въ управленіи селскихъ населеній и вредъ централизаціи. — Петербургъ не улучшается. — Петербургское беденечье. — Петербургскія и московскія завѣдѣнія общества). 99
Политика. (Роль Пальмерстона въ дѣлѣ о выдачѣ арестованныхъ эмиссаровъ Южннхъ Штатавъ. — Необходимое паденіе клещатобумажныхъ планшай въ Южннхъ Штатахъ. — Желаніе Пальмерстона принести новый предлогъ для войны съ Сѣверными Штатами: — Отношенія умеренной партіи и аболіціонистовъ въ Сѣверныхъ Штатахъ. — Положеніе военныхъ дѣлъ въ Сѣверной Америкѣ. — Мексиканская экспедиція. — Австрій-

еіе «шарсы. — Неосновательность либераловъ, подпавшихъ австрійское правительство за дешифръ. — Итальянскія дѣла). 137	
Свѣдѣнія о числѣ молочницъ на «Современникѣ» 1841 года, по губерніямъ и городамъ.	167

СВИСТОКЪ.

Собраніе литературныхъ, журнальныхъ и другихъ замѣтокъ.

8.

I. Свистокъ, восхваляемый своими рыцарями.	1
II. 862—1862, или тысячелѣтіе Россіи. (1. Впередъ идти или назадъ? — 2) Что значить идти впередъ, и что значить идти назадъ? — 3) Съ палкой и розгой идти впередъ, или безъ палки и розги? — 4) Какъ идти впередъ — съ букваремъ или безъ букваря? — 5) Всѣмъ ли идти впередъ, или только интѣнщимъ штабъ и оберъ-офицерскіе чины? — 6) Если и впередъ идти, то брать ли съ собою гласность или не брать? — 7) Если и идти впередъ всѣмъ русскимъ, т. е. не только штабъ и оберъ-офицерамъ, но и простому народу, то брать ли съ собою всѣ безчисленныя національности, входящія въ составъ русскаго народа? — По поводу толковъ о тысячелѣтіи).	13
III. Requiem (Рано погибшимъ надеждамъ). Стихотъ «Начинающаго».	43
IV. Опыты открытій и изобрѣтеній.	44
V. Г. магистръ Н. Де-Безобразовъ-псевдонимъ! Библиографическое открытіе!! <i>Евѳона</i>	50
VI. Выдержки изъ путевыхъ эскизовъ. — 1. Въ прусскомъ вагонѣ. — 2. Въ Дрезденѣ. — 3. Въ Прагѣ. Стихотъ. <i>Копрада Лемкишавера</i>	56
VII. Былина. Произведеніе новѣйшей народной музыки, записанное близъ Москвы <i>Тертіемъ Побиружимымъ</i>	59

ФЕВРАЛЬ.

Изъ Италіи.	199
Русская литература. — Современная фзіологія и философія. (Фзіологія обыденной жизни, соч. Льюиса. Перев. съ англійскаго Борзенкова и Рачинскаго). <i>М. А. Антоновича</i>	227
Новыя книги: Сочиненія Н. В. Карѣвскаго. Т. I, II. — Сочиненія А. С. Хомякова. Т. I. — Сочиненія К. С. Аксакова (267). — Исторія новой флософіи Куно Фишера. Переводъ Страхова (282). — Руководство къ сравнительной статистикѣ. Г. Ф.	

- Кольби. Переведено и допущено под редакціею А. Корсака.
Изданіе Николая Гиббена. 292
- Уравниеніе поземельнаго налога и распредѣленіе нашихъ подуш-
ныхъ и оброчныхъ сборовъ по землѣ. *Ю. Г. Жуковскій*. . . 315
- О росписи государственныхъ расходовъ и доходовъ. *Н. Г. Черны-
шевскій*. 337
- Внутреннее обобраніе. (Разрѣшеніе вопроса о томъ: есть ли осно-
ваніе самому безвѣстному писателю мѣнять литературное по-
прище на *акціонное*? — О дворянствѣ. — Можно ли въ исто-
ріи и въ началахъ разума найти основанія для существова-
нія дворянства, какъ отдѣльнаго въ государствѣ сословія? —
Взгляды гг. Безобразова, графа Орлова-Давыдова, Бахтеяро-
ва, Чачерина на дворянство. — Нѣкоторые ученыя афориз-
мы г. Чичерина о дворянствѣ и другихъ сословіяхъ въ госу-
дарствѣ. — О мировыхъ учрежденіяхъ. — Съѣздъ мировыхъ
посредниковъ въ Твери. — Взглядъ Н. Ф. Павлова на вопро-
сы, возбужденные на этомъ съѣздѣ, — и балаганное фило-
софствованіе его надъ вельековскимъ помѣщикомъ, изъявля-
ющимъ желаніе зачидаться во времени обзаводяе крестьяне
къ другому помѣщику. — Могутъ ли крестьяне участвовать
въ выборахъ мировыхъ посредниковъ? — П. Г. Бланкъ, дока-
зывающій бессмысленность крестьянъ. — Дѣйствительно ли
крестьяне бессмысленны и неспособны къ самоуправленію и
къ участию въ выборѣ мировыхъ посредниковъ?) 349
- Въ изъясненіе признательности. Письмо къ г. З—ву. *Н. Г. Черны-
шевскаго*. 389
- Политика. (Дѣло о немсін Монтбану. — Пренія французскаго за-
конодательнаго корпуса объ адресѣ. — Министерство Раттац-
ци. — Распущеніе прусской палаты депутатовъ. — Взятіе фор-
та Доннельсона). 395

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по опечатаніи представляемо было въ Царскій Кънигаръ
узаконенное число экземпляровъ. Декабря 21 дня 1861 года.

Цесарь Ѳ. Александръ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

АЛЕКСѢЯ ИВАНОВА ДАВЫДОВА,

КОМПРОМИССІОНЕРА МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ,

Въ С.-Петербургѣ на Невскомъ Проспектѣ, противъ Арсенала
Николаевскаго дворца, въ домъ Лихачева,

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

- ХРИСТИАНСКІЕ МУЧЕНИКИ**, пострадавшіе на Востокѣ со времени завоеванія Константинополя турками. Съ новогреч. языка. Пер. свщ. П. Соловьевъ. Спб. 1862. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 50 коп.
- ОБЪ ИСТОЧНИКАХЪ ХРИСТИАНСКАГО ВѢРОПОЗНАНІЯ ПО УЧЕНІЮ ПРАВОСЛАВНО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ**, сравнительно съ ученіемъ лютеранъ о семь предметъ. Священника С. Бенескриптова. Спб. 1861. Ц. 50 коп., съ перес. 75 коп.
- О ЗАПАДНЫХЪ ВѢРОИСПОВѢДАНІЯХЪ И СЕКТАХЪ ПРОТЕСТАНТСКИХЪ**. Священника С. Бенескриптова, Спб. 1861. Ц. 50 коп., съ перес. 75 коп.
- ПЕРВОЕ ПРИЧАЩЕНІЕ**, стихотвореніе Тегнера. Перев. съ шведск. В. Головинъ. Спб. 1862. Ц. 35 коп., съ перес. 60 коп.
- ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ**, I. Шерра. Перев. съ нѣмецк. В. 1-й М. 1862. Ц. 60 коп., съ перес. 85 коп.
- ГЕТМАНСТВО ВЫГОВСКАГО** Н. Костомарова. Спб. 1862. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.
- ОПИСАНІЕ МОРЯ И СОВЕРШАЮЩИХСЯ НА НЕМЪ ЯВЛЕНІЙ**. Соч. Ромберга. Перев. съ нѣмецк. П. Вышеславцева. Съ полнотипажами. Спб. 1861. Ц. 1 р. 50 коп., съ перес. 1 р. 75 коп.
- ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ** Д—ра Вернике. Часть первая. Древняя исторія.
- ДРАГОЦѢННЫЕ КАМНИ ВЪ ПРОМЫШЛЕННОМЪ И МИНЕРАЛОГИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ**. I. Ушакова. Съ полнотипажами. Спб. 1862. Ц. 90 коп., съ перес. 1 р. 10 коп.
- ПРЕДМЕТНЫЕ УРОКИ ПО МЫСЛИ ПИТАЛОЦЦИ**, руководство для занятій въ школѣ и дома съ дѣтьми отъ 7 до 10 лѣтъ, изданное П. Перевлѣскимъ. Курсъ приготовительный къ изученію естественныхъ наукъ и роднаго языка. Спб. 1862. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 коп.
- РУКОВОДСТВО КЪ СРАВНИТЕЛЬНОЙ СТАТИСТИКѢ**, Г. В. Кольба. Перев. подъ редакцію А. Корсака. 2 тома. Спб. 1862. Ц. 3 р. 50 коп., съ перес. 4 р. 25 коп. (на 2-й томъ билетъ).
- СОЧИНЕНІЯ** В. Г. Бѣлинскаго, т. 12-й, (последній) съ портретомъ автора. М. 1862. Ц. 1., съ перес. 1 р. 50 коп.
- ПРІЕМЫ**, знанія и безпристрастіе въ критическомъ дѣлѣ редактора

«Домашній Бюджетъ» И. И. Кочеткова. Спб., 1862. Ц. 50 коп., съ перес. 75 коп.

РАБОТНИЦА. Соч. М. Ф. Симона. Спб.: 1861. Ц. 1 р. 50 коп., съ перес. 1 р. 75 коп.

ДОКТОРЪ АНТОНИО. Романъ Руэшиа. (Ангера Лоренца Бжонни). Спб. 1861. Ц. 75 коп., съ перес. 1 р.

ИТАЛІАНСКАЯ ОПЕРА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ. Сезонъ 1861—1862. Ц. 50 коп., съ перес. 75 коп.

СБОРНИКЪ переведенныхъ повѣстей и разсказовъ для юношества. Состав. М. К. М. 1862. Ц. 80 коп., съ перес. 1 р.

ОБНОВЛЕНІЕ КРОВИ И СОКОВЪ или радикальное излеченіе дѣвической блѣдности, малокровія и вообще худосочія, какъ источниковъ другихъ болѣзней, имѣющихъ пагубное вліяніе на весь родъ человѣческій. Соч. Рихтера. М. 1862. Ц. 75 коп., съ перес. 1 р.

ШЕКСПИРЪ, ГERVINUSA. Перев. К. Тимофеевъ. В. 1-й. Спб. 1862. Ц. 50 коп., съ перес. 75 коп.

МЫСЛИ И ЗАМѢЧАНІЯ о томъ, какъ должно писать промовѣди и какъ произносить ихъ, особенно въ наше время. Спб. 1862. Ц. 20 коп., съ перес. 50 коп.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться на имя Алексѣя Иванова Давыдова, въ Спб.

Печатать позволено. С.-Петербургъ. 3 марта 1862 года.

Исправлявшій должность цензора О. Казнень.

ВЪ НАРАЗНЬ РУССКИХЪ И ДНОСТРАННЫХЪ КНИГЪ

КОМИССИОНЕРА ЦЕНЗУРСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТОВЪ:

СВ. ВЛАДИМИРА, ДЕРПТСКАГО И ХАРЬКОВСКАГО, АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ
КОМИССИИ И АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

Д. Е. КОЖАНЧИКОВА,

въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Публичной
Библиотеки, въ домъ Демидова,

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

- ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ Н. В. ГОГОЛЯ.** Новое изданіе въ 4 томахъ (на 3 и 4 томы выдается билетъ). М. 1862 г. Ц. 6 р., съ пер. 7 р. 50 к.
- СОЧИНЕНІЯ В. БѢЛИНСКАГО.** Томъ XII-й, а послѣдній съ портретомъ автора. М. 1862 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к. Первые XI томовъ. Ц. по 1 р. за томъ; съ пер. по 1 р. 50 к.
- ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ А. С. ХОМЯКОВА.** Томъ I-й М. 1861 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.
- ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ К. С. АСКАКОВА.** Томъ I-й (Сочиненія историческія). М. 1861 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.
- ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ И. В. КИРЬЕВСКАГО.** Два тома. М. 1861 г. Ц. за оба тома 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.
- СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ В. И. ДАЛЯ.** Новое изданіе, въ 8 томахъ. Спб. 1861 г. Ц. 10 р., съ пер. 12 р. 50 к.
- ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ Д. В. ВЕНЕВИТИНОВА,** съ портретомъ автора, статью о его жизни и сочиненіяхъ. Изд. подъ редакцію А. Пятковского. Спб. 1862 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 75 к.
- ОБЛОМОВЪ.** Романъ, соч. И. Гончарова, 2-е изд. вновь пересмотрѣнное авторомъ, 4 части въ 2 томахъ, Спб. 1862 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.
- ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ.** Романъ въ 2 частяхъ, соч. И. Гончарова, изд. 3-е Спб. 1862 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.
- ГЕТМАНСТВО ВЫГОВСКАГО,** Соч. Н. Костомарова. Спб. 1862 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.
- БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ.** Соч. Н. Костомарова, изд. Д. Е. Кожанчикова. 2 тома. Спб. 1859 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.
- ОЧЕРКИ ТОРГОВЛИ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА** въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Соч. Н. Костомарова. Спб. 1862 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.
- ОЧЕРКИ ДОМАШНЕЙ ЖИЗНИ И ПРАВОВЪ** великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Н. Костомарова. Спб. 1860 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

- НОВЫЕ НОВОСТИ И РАЗСАЗЫ** Марии Вольфъ, изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1861 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
- УКРАИНСКІЕ НАРОДНЫЕ РАЗСАЗЫ** Маріа Вольфа, перев. И. Тургенева, изд. Д. Е. Кожанчикова Спб; 1860 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.
- ИСТОРИЯ НОВОЙ ФИЛОСОФИИ**, Куво Фишера. Томъ I-й. Классическій вѣкъ догматической философіи, перев. Н. Страхова. Спб. 1862 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.
- РУКОВОДСТВО КЪ СРАВНИТЕЛЬНОЙ СТАТИСТИКѢ** Г. Ф. Коллба, переведено и дополнено подъ редакцію А. Корсака 2 тома (на 2-й томъ выдается билетъ). Спб. 1862 г. Ц. за оба тома 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. 50 к.
- КУРСЪ ХИМИЧЕСКОЙ ТЕХНОЛОГИИ** П. Ильенкова. 2-е изд. Два большихъ тома со множествомъ политипажей (на 2-й томъ выдается билетъ) Спб. 1861 г. Ц. 8 р., съ пер. 10 р.
- ТРОПИЧЕСКІЙ МІРЪ** въ очеркахъ животной и растительной жизни Соч. Гартвига, перев. съ нѣмецк. С. Усова съ 6-ю хромотографированными картинами М. 1862 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.
- ФИЗИОЛОГИЯ ОБЫДЕННОЙ ЖИЗНИ**. Соч. Льюкса, 2 тома съ политипажами, перев. съ англійск. Я Борзенкова и С. Рачинскаго. М. 1861 г. Ц. 3 р., съ пер. 4 р.
- НА БЕРЕГУ МОРЯ**. Зоологическіе этюды въ Илѳракомбѣ, Тенби на Сицилійскихъ островахъ и на Джерзи, съ рисунками. М. 1861 г. Ц. 2 руб; съ пер 2 р. 50 к.
- ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ДОЛИНѢ РѢКИ УСДРЪ** Р. Маака. Два тома въ 4. д. л., великолѣпное издание съ хромотографированными рисунками, картами и рисунками растений. Спб. 1861 г. Ц. 8 р., съ пер. 10 р.
- ГОДЪ НА СЕВѢРѢ**, С. Максимова, изд. Д. Е. Кожанчикова. Два большихъ тома. Спб. 1859 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.
- ПУТЕВЫЕ ЗАМѢТКИ** изъ Новгородской и Псковской губерній Павла Якушкина; изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1860 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.
- ЧТЕНІЯ ВЪ ОБЩЕСТВѢ** исторіи и древностей российскихъ при Московскомъ университетѣ за 1861 годъ, выдаются всѣ 4 тома. Ц. 6 р. съ пер. 3 р. 50 коп. Здѣсь же можно получить это издание за 1858, 1859 и 1860 годы по 6 руб. за 4 большихъ тома или за каждый годъ, а съ пере. по 7 р. 50 к., а также принимается подписка на это издание въ 1862 году. Ц. за 4 тома отъ 30 до 40 печатныхъ листовъ въ каждомъ, по 6 руб. за годъ, съ пер. по 7 р. 50 к.
- МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ** Воронежской и сосѣднихъ губерній. Изд. Де-Пуле В. 1861 г. Ц. 1 р., 50 к. съ пер. 2 р.

Печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 27 февраля 1862 года.

Исправляющій должность цензора Ф. Яковлевъ.

**МАГАЗИНЪ ЧАСОВЪ,
ЗОЛОТЫХЪ И БРИЛЛАНТОВЫХЪ ВЕЩЕЙ.**

И. ШЕРГАЗЕ.

*Въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Армянской
церкви № 42, напротивъ Гостиннаго двора.*

**СЕРЕБРЯНЫЕ ЧАСЫ, ОТКРЫТЫЕ и ГЛУХІЕ, на 8 камняхъ,
отъ 12 до 18 руб. сер.**

**СЕРЕБРЯНЫЕ ЧАСЫ, ОТКРЫТЫЕ и ГЛУХІЕ, на 13 камняхъ
отъ 14 до 50 руб. сер.**

ЗА ПОЗОЛОЧЕНІЕ прилагается; за открытые 2 руб. сер., за
глухіе 3 руб. сер.

**ДАМСКІЕ ЗОЛОТЫЕ ЧАСЫ, ОТКРЫТЫЕ и ГЛУХІЕ, также
съ эмалью и брилліантами, отъ 35 до 150 руб. сер. и до-
роже.**

**ЗОЛОТЫЕ на 8 камняхъ, открытые и глухіе, отъ 35 до 60 руб.
сер.**

**ЗОЛОТЫЕ на 13 камняхъ, открытые и глухіе, отъ 45 до 300
руб. сер.**

**ХРОНОМЕТРЫ, часы съ секундными стрѣлками (Secondes Insi-
pendants), съ репетиціею, съ заводами безъ ключа (Remon-
toir au pendant) и пр. отъ 150 до 600 руб. сер.**

ЗОЛОТЫЕ БРАСЛЕТЫ 56 пробы, съ драгоценными камнями и безъ оныхъ, отъ 15 до 800 руб. сер.

БРОШКИ СЪ СЕРЬГАМИ 56 пробы, съ драгоценными камнями и безъ оныхъ, отъ 15 до 500 руб. сер.

БРОШКИ 56 пробы, съ драгоценными камнями и безъ оныхъ, отъ 8 до 500 руб. сер.

СЕРЬГИ 56 пробы. съ драгоценными камнями и безъ оныхъ; отъ 3 до 600 руб. сер.

ЗАПОНКИ мужскія, отъ 3 до 50 руб. сер.

Тоже дамскія, отъ 7 до 60 руб. сер.

БУЛАВКИ, отъ 2 до 200 руб. и дороже.

ЦѢПОЧКИ разныя, отъ 12 до 125 руб. сер.

Тоже дамскія длинныя, отъ 20 до 200 руб. сер.

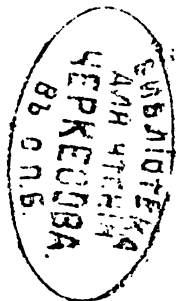
КОЛЬЦА разныя, отъ 3 до 500 руб. сер.

МЕДАЛЬОНЫ, КРЕСТИКИ съ цѣпочками и безъ оныхъ,

ВСѢ ЗНАКИ ОТЛИЧІЯ, ЗОЛОТЫЕ КЛЮЧИКИ, БРЕЛОКИ и проч.

Всѣ заказы, также починки часовъ и золотыхъ вещей будутъ исполнены съ ручательствомъ, и въ точности.

Господъ иногородныхъ прошу адресоваться въ контору Ивана Федоровича Шпергазе, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви № 18, гдѣ и производится оптовая торговля часами.

Печатать дозволяется. С.-Петербургъ. 15 января 1862 года.

Исправляющій должность цензора Ф. Елезовъ.

22

